НИЛ СТИВЕНСОН

СИСТЕМА МИРА

FANZON

Система мира
Нил Таун Стивенсон

Аннотация
Нил Стивенсон. Система мира
Предшествующие события
Книга 6. Золото Соломона
Книга 7. Движение
Книга 8. Система мира
Эпилоги
Благодарности

Аннотация

Премия «Локус» и премия «Прометей».

В 1714 году, когда Даниель Уотерхауз без особого триумфа возвращается на берега Англии, мир выглядит опасным – особенно в Лондоне, центре финансов, инноваций и заговоров. Стареющий пуританин и натурфилософ, в прошлом доверенное лицо высокопоставленных лиц и современник самых блестящих умов эпохи, отважился преодолеть океан, чтобы помочь решить конфликт между двумя враждующими гениями. И пусть на первой взгляд многое изменилось, лицемерие и жестокость, от которых Даниель когда-то бежал в североамериканские колонии, по-прежнему являются разменной монетой Британской короны.

Не успевает Даниель ступить на родную землю, как оказывается в самом центре конфликта, бушевавшего десятилетиями. Это тайная война между директором Монетного двора, алхимиком и гением Исааком Ньютоном, и его заклятым врагом, коварным фальшивомонетчиком Джеком Шафто. Кон-

фликт внезапно переходит на новый уровень, когда Джек-Монетчик замышляет дерзкое нападение на сам Тауэр, стремясь ни много ни мало к полному разрушению новорожденной денежной системы Британии.

Неизвестно, что заставило Короля Бродяг встать на путь предательства. Возможно, любовь и отчаянная необходимость защитить даму своего сердца – прекрасную Элизу. Тем временем Даниель Уотерхауз ищет мошенника, который пытается уничтожить натурфилософов с помощью адских устройств. Политики пытаются занять самые удобные места в ожидании смерти больной королевы Анны. «Священный Грааль» алхимии, ключ к вечной жизни, продолжает ускользать от Исаака Ньютона, но он почти вывел его формулу. У Уотерхаза же медленно обретает форму величайшая технологическая инновация эпохи.

«Наполненная сумасшедшими приключениями, политическими интригами, социальными потрясениями, открытиями, что могут изменить цивилизацию, каббалистическим мистицизмом и даже небольшой толикой романтики, эта масштабная сага стоит на вес

золота (Соломона)». – Пол Аллен

«Цикл исследует философские проблемы современности через остроумные, напряженные и забавные повороты сюжета». – New York Times

«Масштабная, захватывающая история». – Seattle Times

«Действие цикла происходит в один из самых захватывающих периодов истории, с 1600 по 1750 годы, и он блестяще передает интеллектуальное волнение и культурную революцию той эпохи. Благодаря реальным персонажам, таким как Исаак Ньютон и Вильгельм Лейбниц, в романе так ловко сочетаются факты и вымысел, что практически невозможно отделить одно от другого». – Booklist

«Скрупулезная подача информации и научная стилистика идеально сочетается с захватывающим сюжетом и богатой обстановкой мира Барочного цикла». – Bookmarks Magazine

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Нил Стивенсон
Система мира

Neal Stephenson
THE SYSTEM OF THE WORLD

Copyright © 2004 by Neal Stephenson

Перевод с английского *Е. Доброхотовой-Майковой*

Дизайн *Е. Куликовой*
Карты на форзацах *7Narwen*

FANZON

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2025

Милдред

…Кого же мы
Пошлём разведать новозданный мир?
Кто с этим справится? Какой смельчак
Стопой скитальческой измерит бездну
Неизмеримую, отыщет путь
В пространстве, без начала и конца

В тьме осязаемой? Кого из нас
Над пропастью вселенской удержать
Возмогут неустанные крыла
И взмах за взмахом, продолжая лёт,
В счастливый край гонца перенесут?

Мильтон, «Потерянный рай» [1]

[1] Примечания: 1
Здесь и далее перев. Арк. Штейнберга.

Предшествующие события

Предшествующие события:

В октябре 1713 г. шестидесятисемилетнего Даниеля Уотерхауза, основателя и единственного члена несостоятельного Колледжа технологических искусств Колонии Массачусетского залива, неожиданно посещает алхимик Енох Роот, который появляется на пороге его бостонского дома с письмом от принцессы Каролины Бранденбург-Ансбахской (тридцати лет), предписывающим ему немедленно ехать в Англию.

С принцессой Каролиной, тогда — нищей сиротой, Даниеля познакомил двадцатью годами раньше его друг и коллега Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. Остаток детства и юность она провела в Берлине, во дворце Шарлоттенбург, при дворе короля и королевы Прусских, в окружении художников и натурфилософов, в том числе Лейбница. Сейчас она замужем за курпринцем Ганноверским Георгом-Августом. Её супруг покрыл себя славой в недавно закончившейся Войне за испанское наследство и даже снискал прозвище Юный Бранденбургский Храбрец. Общее мнение

гласит, что они прекрасная пара: принц хорош собой и отважен, Каролина — обворожительна и умна.

Бабка Георга-Августа София Ганноверская в свои восемьдесят три года по-прежнему неутомима душой и телом. Виги (сторонники одной из двух английских политических партий) добились принятия закона, по которому София объявлена наследницей болезненной сорокавосьмилетней Анны. Если она вступит на английский престол, то Каролина станет принцессой Уэльской и будущей королевой Англии. Заклятые враги вигов, тори, на словах согласны, что наследовать должен Дом Ганноверов, однако среди них немало тайных якобитов, которые мечтают посадить на трон Якова Стюарта, католика, проведшего почти всю жизнь во Франции, марионетку могущественного Короля-Солнце Людовика XIV.

Англия и её союзники, то есть почти все протестантские государства Европы, только что закончили четвертьвековую войну с Францией. Вторая её половина, называемая Войной за испанское наследство, отмечена многочисленными победами союзников, одержанными под началом двух блистательных полководцев — герцога Мальборо и принца Евгения Савойского. Тем не

менее войну выиграла Франция, в значительной мере за счёт успешных политических манёвров. Внук Людовика XIV получил Испанскую империю, главный мировой источник золота и серебра. Если якобиты посадят на английский трон Якова Стюарта, победа Франции будет полной.

В ожидании скорой смерти королевы Анны виги — придворные и политики — укрепляют связи между Англией и Ганновером. Побочным следствием этого процесса стало обострение давнего спора между сэром Исааком Ньютоном — выдающимся английским учёным, председателем Королевского общества, директором Монетного двора в лондонском Тауэре — и Лейбницем, тайным советником и старым другом Софии, наставником принцессы Каролины. Формально они спорят о том, кто первый придумал дифференциальное исчисление, но корни их разногласий куда глубже. И Ньютон, и Лейбниц верят в Бога, обоих тревожит, что многие их собратья по науке видят противоречие между механистическим мировоззрением и догматами христианской веры. Оба разработали теории, примиряющие науку с религией. Построения Ньютона зиждутся на древней протонауке алхимии, построения Лейбница — на концепции пространства, времени

и вещества, которую он назвал «монадологией». Системы эти кардинально различны и практически непримиримы.

Принцесса Каролина хочет предотвратить конфликт между двумя величайшими учёными мира, чреватый политическими и религиозными последствиями. Она попросила Даниеля, старого друга и Ньютона, и Лейбница, вернуться в Англию, оставив в Бостоне молодую жену и маленького сына, и выступить посредником в споре. Даниель, знающий мстительный нрав Ньютона, видит обречённость затеи, однако соглашается, главным образом потому, что беден, а принцесса предложила застраховать его жизнь на крупную сумму.

Даниель отплывает из Бостона на тяжеловооружённом торговом корабле «Минерва». В заливе Кейп-Код их атакует капитан Тич по прозвищу Чёрная Борода. Он каким-то образом проведал, что доктор Уотерхауз находится на борту «Минервы», и требует от капитана, Отто ван Крюйка, выдать ему пассажира. Ван Крюйк, который ненавидит пиратов куда больше, чем средний капитан торгового судна, выбирает бой и после длящегося целый день сражения уходит от преследователей в открытое море.

«Минерва» благополучно пересекает Атлантический океан, но у юго-восточного побережья Англии штормовой ветер едва не выбрасывает её на острова Силли. В конце декабря она заходит в Плимут для починки. Доктор Уотерхауз покидает корабль, чтобы отправиться в Лондон сушей. В Плимуте он встречает Уилла Комстока, с семьёй которого связан давним знакомством.

Дед Уилла — Джон Комсток, дворянин-тори, в середине прошлого столетия сражался против Кромвеля, а после Реставрации вернулся в Англию и участвовал в создании Королевского общества. Позднее он впал в немилость и вынужден был удалиться от двора, в том числе из-за интриг своего дальнего (и куда более молодого) родственника и заклятого врага Роджера Комстока. Даниель преподавал натурфилософию одному из сыновей Джона. Впоследствии тот перебрался в Коннектикут. Уилл родился и вырос в американском имении отца, затем вернулся в Англию и поселился в Корнуолле. Он — умеренный тори и с недавних пор граф Лоствителский. Королева Анна вынуждена была раздать множество подобных титулов, дабы обеспечить тори — партии, к которой она сейчас благоволит, — большинство в палате лордов.

Даниель провёл святки с семьёй Уилла в поместье под Лоствителом, и молодой граф убедил его по пути в Лондон сделать небольшой крюк.

Книга 6
Золото Соломона

Дартмур

15 января 1714

Даниель на оловянных рудниках
Нет ничего глупее изобретательства.

Джеймс Уатт

— НА ЭТИХ РАВНИНАХ от нестерпимого холода гибли люди вдвое вас моложе и вдвое упитанней, — сообщил граф Лоствителский, лорд-смотритель оловянных рудников, егермей-

стер Дартмурский, одному из своих спутников.

Ветер ненадолго стих, как будто Борей выпустил из груди весь воздух и теперь делал большой вдох где-то над Исландией, так что молодой граф мог, не повышая голоса, продолжить:

— Мы с мистером Ньюкоменом очень рады вашему обществу, но…

Ветер налетел с размаху, словно трое путешественников — свечи, которые он вознамерился задуть. Каждый крепко упёрся в землю подветренной ногой, силясь удержать равновесие. Лоствител крикнул: «Мы не сочтём невежливым, если вы захотите вернуться в мой экипаж!» Он кивнул на чёрную карету, от которой они не успели ещё далеко отойти. Карета покачивалась на французских рессорах и ухищрениями создателей выглядела почти невесомой — казалось, ветер давно бы погнал её кувырком по вересковой пустоши, если бы не упряжка разномастных лошадок, чьи косматые гривы стлались по ветру параллельно земле.

— Мне странно слышать от вас про «нестерпимый холод», — отвечал старик. — В Бостоне, как вы знаете, сказали бы «лёгкий морозец». Я одет для Бостона. — Он распахнул пелерину, показывая, что она подбита енотовым мехом. — После

бесконечных поворотов в Лидском ущелье нам всем не вредно проветриться, особенно, если не ошибаюсь, мистеру Ньюкомену.

Томас Ньюкомен, рассудив, что других пояснений не требуется, вскинул бледное, как луна, лицо; последовавший затем кивок означал у этого дартмутского кузнеца нечто вроде официального поклона. Сообщив таким образом, что покинет на время своих спутников, он повернулся к ним широкой спиной и быстро зашагал в подветренную сторону. Вскоре он сделался неотличим от многочисленных стоячих камней, что можно трактовать как характеристику телосложения мистера Ньюкомена, хмурости дня или слабости Даниелева зрения.

— Друиды любили вкапывать большие камни стоймя, — заметил граф. — Ума не приложу зачем.

— Ваш вопрос содержит в себе ответ.

— Как так?

— Чтобы через две тысячи лет после их смерти люди пришли к стоячим камням в Богом забытом месте и поняли, что тут кто-то жил. Герцог Мальборо, возводящий свой знаменитый Бленхеймский дворец, ничем не отличается от друидов.

Граф Лоствителский счёл за лучшее промолчать. Он развернулся и пошёл по жёсткой пожухлой траве к странным, покрытым лишайником камням. Даниель двинулся следом и вскоре понял, что это единственный уцелевший угол разрушенного здания. Земля под ногами пружинила. Она была насыпана тонким слоем на ветхие стропила и крошащиеся бруски торфа. По крайней мере, камни защищали от ветра.

— Как лорд-смотритель оловянных рудников, приветствую вас, Даниель Уотерхауз, от имени владетеля этих мест!

Даниель вздохнул:

— Если бы я последние двадцать лет обретался в Лондоне и пил чай с чиновниками геральдической палаты, я бы понял, кто этот ваш владетель. А так…

— В тысяча триста тридцать восьмом году Дартмур вошёл в состав герцогства Корнуолл и таким образом сделался владением принца Уэльского. Титул был учреждён королём Эдуардом Первым в…

— То есть вы столь окольным путём приветствовали меня от имени принца Уэльского, — перебил Даниель, не дожидаясь, когда граф углубится в ещё более тёмные дебри феодальной иерархии.

— И принцессы. Каковой, в случае воцарения Ганноверов, станет…

— Принцесса Каролина Ансбахская. Да. Её имя возникает в разговорах снова и снова. Так это она велела вам отыскать меня на улицах Плимута?

Граф сделал обиженное лицо:

— Я сын вашего старого друга. Мы встретились случайно. Моё изумление было неподдельным. Моя жена и дети обрадовались вам совершенно искренне. Если сомневаетесь, приезжайте к нам на следующее Рождество.

— Тогда зачем вы прилагаете столько усилий, чтобы ввернуть в разговор принцессу?

— Потому лишь, что хочу говорить без обиняков. Существует болезнь ума, поражающая тех, кто долго живёт в Лондоне, — она заставляет рациональных в прочих отношениях людей приписывать тайный и нелепый смысл событиям вполне случайным.

— Я наблюдал эту болезнь в самой тяжёлой форме, — сказал Даниель, имея в виду одного старого знакомого.

— И я не хочу, чтобы, прожив шесть месяцев в Лондоне и узнав, кому принадлежат здешние земли, вы подумали: «А! Граф Лоствителский действовал по указке принцессы Каролины — бог

весть, в чём ещё он меня обманул!»

— Прекрасно. Сообщая мне об этом сейчас, вы проявляете мудрость, удивительную в человеке столь юных лет.

— Некоторые сочли бы её малодушием, проистекающим из несчастий, постигших моих отца и деда.

— Только не я, — коротко отвечал Даниель.

Он вздрогнул, почувствовав рядом какое-то движение и вообразив, будто на него падает стоячий камень, но это всего лишь вернулся заметно порозовевший Томас Ньюкомен.

— Дай Бог, чтобы мне не пришлось путешествовать по морю. С меня хватило и сегодняшней поездки в карете! — объявил тот.

— Воистину, не приведи Господь! — сказал Даниель. — Весь прошлый месяц бушевал такой шторм, что укачивало даже матросов, и они по несколько дней кряду не могли есть. Сперва я молился, чтобы нас не выбросило на скалы, потом — чтобы выбросило.

Оба собеседника рассмеялись, и Даниель остановился перевести дух. Ньюкомен держал в руках глиняную трубку и кисет, а теперь и граф достал свои. Он хлопнул в ладоши, привлекая внимание кучера, и знаками показал, чтобы тот

принёс огня.

Даниель отмахнулся от протянутого ему кисета.

— Когда-нибудь эта индейская трава убьёт больше белых людей, чем белые убили индейцев.

— Только не сегодня, — заметил Ньюкомен.

Если пятидесятилетний кузнец не церемонился в присутствии графа, то лишь потому, что они с указанным графом целый год работали вместе, кое-что строили.

— Надеюсь, остальная часть плавания была легче, доктор Уотерхауз.

— Когда непогода улеглась, мы увидели скалы и, проходя мимо них, помолились за упокой души сэра Клудсли Шауэлла и двух тысяч солдат, погибших тут на обратном пути из Испании. А узрев на берегу людей, мы, поочерёдно вглядываясь в подзорную трубу, поняли, что они прочёсывают отливную полосу граблями.

Граф понимающе кивнул, и Даниель повернулся к Ньюкомену, смотревшему с любопытством; впрочем, к слову сказать, он всегда так смотрел, если не мучился тошнотой.

— Видите ли, — продолжил Даниель, — у островов Силли разбилось немало кораблей, нагруженных пиастрами, и после бури морская

пучина нередко изрыгает на сушу серебро.

Некстати прозвучавший глагол заставил кузнеца поёжиться. Граф поспешил шутливо заметить:

— Лишь таким путём серебро достигнет английской земли, покуда Монетный двор переплачивает за золото!

— Жаль, я не знал этого, когда сошёл на берег в Плимуте! — воскликнул Даниель. — У меня в кошельке были только пиастры. Носильщики, кучера, трактирщики бросались на серебро, как голодные псы — на мясо. Боюсь, я переплачивал за всё вдвое-втрое!

— То, что удручило вас в плимутских гостиницах, может обогатить здесь, несколькими милями севернее, — сказал граф.

— На меня ваши края не производят впечатление благодатных, — возразил Даниель. — Жившие здесь бедолаги даже крышу не могли сделать выше уровня пола!

— Никто здесь не жил, — отвечал граф. — Это то, что старожилы называют «жидовскими домами». Тут была рудная залежь.

Ньюкомен добавил:

— Вот у того ручья я видел остатки молота, которым дробили руду.

Раскурив трубку, он свободной рукой достал из кармана чёрный камень размером с булочку и вложил Даниелю в ладонь. Камень был тяжёлый и на ощупь казался холоднее воздуха.

— Взвесьте его на руке, доктор Уотерхауз. Это оловянный камень. Его доставляли на место, где мы стоим, и плавили на торфяном огне. Олово текло в вырубленную из гранита форму и, затвердев, становилось бруском чистого металла.

Граф тоже раскурил трубку, что придало ему добродушно-педантичный вид, несмотря на то что он 1) не перешагнул порог двадцатичетырёхлетия и 2) был одет по моде трёхсотлетней давности и к тому же обвешан различными диковинными геральдическими эмблемами, среди которых присутствовали, например, миниатюрная жестяная пила для резки торфа и бутоньерка из веток местного дуба.

— Вот здесь в рассказ вступаю я, вернее мои предки. Оловянные слитки везли примерно такой же ужасной дорогой, как та, которой мы сюда приехали, в оловопромышленные города. — Он сделал паузу, чтобы перебрать брякающие амулеты у себя на груди, и, наконец, нашёл старый молоточек с острым бойком. Грозно взмахнув им в воздухе (а, в отличие от большинства графов,

Лоствител выглядел так, будто ему и впрямь случалось работать молотком), он продолжил: — Пробирщик отбивал от каждого бруска уголок, дабы проверить его чистоту. Староанглийское название уголка — *«coign»,* отсюда, например, *«quoin»*…

Даниель кивнул:

— Так называется клин, который подкладывают под казённую часть пушки.

— Отсюда странное английское слово *«coin»,* не связанное с французским, немецким или латинским языками. Наши европейские друзья говорят «монета», но мы, англичане…

— Достаточно.

— Вас раздражают мои слова, доктор Уотерхауз?

— Лишь в той мере, Уилл, в какой вы мне симпатичны и были симпатичны ещё ребёнком. Мне всегда казалось, что у вас ясная голова. Но сейчас, боюсь, вы вступаете на путь алхимиков и дилетантов. Вы собирались объявить, что у англичан деньги иные. По-вашему, разница заключена в чистоте металла и символически присутствует в самом слове, означающем монету. Однако, поверьте, французы и немцы знают, что такое деньги. Утверждать иное — значит ставить

снобизм выше здравого смысла.

— Если так повернуть, то и впрямь звучит глуповато, — произнёс граф без обиды и продолжил задумчиво: — Быть может, я для того и взял в поездку, с одной стороны, кузнеца, с другой — шестидесятисемилетнего учёного, чтобы придать предложению некоторый вес.

Жестом изящным почти до незаметности он дал понять, что пришло время трогаться. Все трое уселись в карету, лишь граф ненадолго задержался на подножке — обменяться учтивостями с компанией верховых джентльменов, которые выехали из ущелья и остановились, узнав герб на дверце экипажа.

С четверть часа ехали в молчании, граф смотрел в открытое окно. Плавную линию горизонта нарушали только резкие очертания причудливых утёсов, называемых здесь «Торы». Одни походили на корабли, другие — на алхимические печи, третьи — на крепостные стены или челюсти мёртвых чудищ.

— Вы совершенно правильно меня оборвали, доктор Уотерхауз. Я говорил цветисто, — промолвил молодой граф. — Однако в этом дартмурском пейзаже нет ничего цветистого. Или вы возразите?

— Отнюдь нет.

— Так пусть пейзаж скажет то, что не удалось мне.

— И что он говорит?

Вместо ответа Уилл вытащил из нагрудного кармана исписанный листок и, повернув его к окну, прочёл: «Древние могильники, языческие курганы, поля кельтских сражений, алтари друидов, римские сторожевые башни и канавы, прорытые корнуоллцами в поисках олова с запада на восток, вспять движению Великого Потопа, — всё безмолвно смеётся над Лондоном. Земля Корнуолла говорит, что до вигов и тори, до круглоголовых и кавалеров, католиков и протестантов, да что там! — до норманнов, англов и саксов, задолго до того, как Юлий Цезарь высадился на этом острове, существовал глубокий подземный ток, хтоническое биение металла в первозданных жилах, взраставших в земле, подобно корням, ещё до Адама. Мы лишь блохи, насыщающие наш жалкий аппетит из самых тонких и поверхностных капилляров».

Он поднял голову.

— Кто это написал? — спросил Даниель.

— Я, — отвечал Уилл Комсток.

Крокерн-Тор

тот же день, позже

СТОЛЬКО КАМНЕЙ ПРОСТУПАЛО сквозь ветхое рубище почвы, наброшенное на скальную наготу здешних мест, что путешественникам пришлось вылезти из экипажа, от которого теперь неудобств больше было, чем проку. Дальше они могли либо идти, либо ехать на якобы приручённых низкорослых дартмурских лошадках. Ньюкомен пошёл пешком, Даниель предпочёл ехать, но готов был изменить решение, если нрав лошади окажется под стать её грозному виду. Камни перемежались кустиками травы, мягкими, как перина, и лошадь так тщательно выбирала, куда ставить копыта, что, казалось, позабыла о старике у себя на спине. Дорога вела к северу параллельно бегущей слева и внизу речке и угадывалась через два раза на третий, но, по счастью, была отмечена навозом недавно прошедших тут лошадей.

По обе стороны от неё в разных направлениях тянулись каменные стены, такие старые, что во многих местах камни выпали, оставив зияющие пустоты, а верхняя поверхность кладки, когда-то

ровная, просела и обвалилась. Даниель мог бы вообразить, что край давно обезлюдел, если бы не овечьи катышки, хрустевшие под башмаками Ньюкомена. Некоторые холмы поросли ельником, густым и мягким на вид, словно шубки полярных зверей. Ветер шумел в ветвях, как быстрая ледяная вода по острым камням. Однако б***о***льшую часть земли покрывал бурый по зимнему времени вереск. Здесь ветер безмолвствовал, если не считать резких хлопков, которые он производил, шарахаясь в Даниелевых ушах, как пьяный вор-взломщик.

В череде Торов, тянущихся на север до горизонта, Крокерн был самым неказистым и самым близким к дороге, за что его, вероятно, и выбрали. Он походил не столько на Тор, сколько на пень и щепки, оставшиеся после того, как настоящий утёс срубили и увезли. Путешественники поднялись на возвышенность и увидели останец над собой. Люди и лошади, сгрудившиеся с его подветренной стороны, позволяли оценить размеры и расстояние — выше и дальше, чем думалось вначале, как бывает со всеми труднодоступными местами. В прошедшие часы у Даниеля было чувство, что они еле ползут, однако, когда он обернулся, все бесчисленные извивы и повороты

дороги, по пути незаметные, предстали ему сжатыми, как сцепленные пальцы рук.

Торы представляли собой выходы скальной породы из разряда тех, что, по мнению Лейбница, образуются в ложах рек. Рыхлые слои выветрились, толстые каменные пластины громоздились одна на другую, словно стопки книг в библиотеке, вытащенные книгочеем в поисках нужной. Рухнувшие плиты лежали дальше по склону, наполовину уйдя в землю под дикими углами, — трёхтомные трактаты, отброшенные читателем в негодовании. Ветер с подъёмом только крепчал; бурые пташки махали крыльями изо всех сил, но не могли преодолеть незримое течение воздуха и медленно плыли навстречу Даниелю хвостиками вперёд.

На зов графа к подножию Крокерн-Тора съехались примерно две с половиной сотни джентльменов, однако здесь они производили впечатление десятитысячной толпы. Немногие удосужились спешиться. От кого бы ни вели род эти господа, все они были истинные современные джентльмены и, подобно Даниелю, существа здешнему краю инородные. Как дома чувствовал себя один кузнец Томас Ньюкомен, который, засунув ручищи в карманы и заслонясь плечами

от ветра, сразу стал похож на обломок старого Тора. Теперь Даниель вдруг понял, кто это: гном или карлик из какой-нибудь саксонской саги о кольце.

Будь Даниель склонен к алхимическим рассуждениям, он бы сказал, что подвластный ветрам каменный Тор состоит из Земли и Воздуха, однако ему это место казалось скорее влажным. Ветер забирал у тела тепло, как снеготаяние. Воздух (в сравнении с городскими миазмами) был сама чистота, а земля выглядела свежеумытой, как будто Даниель стоит на дне новоанглийской речки, только что вскрывшейся из-подо льда. Итак, Влага; однако присутствие Томаса Ньюкомена означало стихию Огня, потому что гном никогда не отходит от своего горна.

— Не поймите меня превратно, я был бы рад способствовать товариществу совладельцев машины для подъёма воды посредством огня, — сказал Даниель на двенадцатый день святок, после того как Ньюкомен раскочегарил топку и сделанная его руками машина, шипя и хлюпая, словно дракон, принялась откачивать воду из мельничного пруда Лоствителя в бочку на крыше графского дома. — Однако у меня нет денег.

— Взгляните на клапан, при помощи которого

мистер Ньюкомен запускает машину, — сказал граф, указывая на кованый маховик в средней части отходящей от котла трубы. — Производит ли он пар?

— Разумеется, нет. Пар образуется в котле.

— Английская коммерция — котёл, создающий весь надобный нам пар, сиречь капитал. Недостаёт клапана, который направит пар в машину, где он сможет совершить нечто полезное.

НАГРОМОЖДЕНИЕ ОТКОЛОТЫХ ПЛИТ создавало естественные скамьи, возвышения, кафедры и балконы, так что оловопромышленники разместились ничуть не хуже, чем в обычном зале собраний. Их совет сошёлся, как сходился уже полтысячелетия, согласно указу короля Эдуарда I. Самый старый по возрасту участник Оловянного парламента выступил вперёд и предложил незамедлительно проследовать в ближайшую таверну, «Голову сарацина», где (как понял Даниель) предполагалось выпить и закусить. Говорящий явно не ждал возражений, как не ждёт их священник на бракосочетании, вопрошая, известны ли кому-нибудь препятствия к соединению молодых. Однако граф Лоствительский, ко всеобщему изумлению, возразил.

Он встал на замшелую каменную скамью, на

которой прежде сидел, и произнёс следующее:

— Его величество король Эдуард повелел, чтоб совет собирался здесь, как все полагают, произвольно ткнув монаршим пальцем в карту и указав точку, равноудалённую от четырёх оловопромышленных городов, в неведении, что выбирает один из самых диких и бесприютных уголков Британии. Отсюда возник обычай продолжать собрания в Тавистоке, ибо никто не верил, что король желал своим вассалам принимать решения в месте столь неудобном. Однако я думаю о короле Эдуарде Первом куда лучше. Полагаю, он не доверял парламентам и хотел, чтобы его оловянщики добывали металл, а не проводили время в разглагольствованиях и строили заговоры. Посему он выбрал это место сознательно, дабы наши решения принимались быстро. Я утверждаю, что мы должны извлечь пользу из мудрости короля и остаться здесь. Ибо добыча олова и меди в упадке, шахты затоплены, и у нас нет иных дел, кроме тех, что мы сами себе измыслим. Я измыслил одно дело и немедленно к нему перейду.

Мой дед был Джон Комсток, граф Эпсомский, отпрыск той ветви нашего древнего рода, которую в просторечии зовут Серебряными Комстоками.

Как вы знаете, он умер в забвении, а мой отец, Чарльз, вынужден был после свержения Якова бежать в Америку. Я не обольщаюсь касательно моих предков.

Однако даже те из присутствующих, кто считает нас якобитами (что неверно) и называет закоренелыми тори (что правда), а равно утверждает, будто королева Анна сделала меня графом с единственной целью — противопоставить палату лордов герцогу Мальборо (что, возможно, истинно), — даже те из вас, кто не желает знать обо мне и моём роде ничего, кроме оскорбительной клеветы, наверняка слышали о Королевском обществе. И если вы, как пристало благоразумным джентльменам, высокого мнения о нём и его трудах, то мне позволено будет упомянуть о давней связи между Обществом и моим дедом Джоном Комстоком, который при всём консерватизме своих взглядов был передовым учёным, создателем порохового производства в Англии и первым председателем Королевского общества. В Чумной год он поддержал многих натурфилософов, предоставив им убежище в Эпсомском поместье. Множество открытий совершили в доме моего деда Джон Уилкинс, покойный Роберт Гук и человек, стоящий сейчас по правую руку от

меня: доктор Даниель Уотерхауз, член совета Тринити-колледжа в Кембридже, член Королевского общества, ректор Института технологических искусств Колонии Массачусетского залива. Доктор Уотерхауз недавно пересёк Атлантический океан и сейчас направляется в Лондон для встречи с сэром Исааком Ньютоном…

При упоминании Даниеля по рядам продрогших, раздосадованных джентльменов пробежала лёгкая рябь любопытства. Имя Исаака произвело фурор. Даниель подозревал, что это связано не столько с дифференциальным исчислением, придуманным Исааком, сколько с тем, что тот возглавляет Монетный двор. Догадку подтвердили следующие же слова Уильяма Комстока, графа Лоствительского:

— Много лет на рынках нашей страны не видели серебряных монет. Сразу после чеканки они попадают в плавильные печи золотых дел мастеров и в виде слитков отправляются на Восток. Денежная единица Англии теперь — золотая гинея, но для расчётов между простыми людьми она слишком велика. Нужны монеты помельче. Из чего их будут чеканить? Из меди? Из олова?

— Из меди! — выкрикнули несколько голосов, но их сразу заглушили сотни: — Из олова!

— Не важно, не важно, нас это не касается, ибо наши рудники не дают металла! — провозгласил граф. — Так что не о чем тут и говорить. Отправимся в «Голову сарацина», дабы не умереть от голода и холода. Но поскольку все наши шахты затоплены, медь или олово для английских монет будут ввозить из-за границы. Нам это не принесёт никакой прибыли. Заседания нашего древнего парламента останутся курьёзным обычаем; почему бы не сойтись ненадолго на стылой вересковой пустоши и не разъехаться затем по своим делам?

Если только… если только, джентльмены, мы не откачаем из шахт воду. Знаю, вы возразите: «Мы испробовали ручные водоподъёмники, машины на конной тяге, ветряки и мельничные колёса — всё без толку!» Я хоть и не горнопромышленник, господа, но мне это известно. А ещё лучше известно это человеку, стоящему по левую руку от меня, мистеру Томасу Ньюкомену из Дартмура, который из скромности называет себя кузнецом. Те из вас, кто покупал у него горный инструмент, хорошо его знают. Однако я видел, как он создаёт механические чудеса, в сравнении с которыми кайло — всё равно что скрип ржавого колеса в сравнении с концертами герра Генделя,

и я назову его высоким именем инженера.

Те из вас, кто видел машину мистера Севери, могут быть невысокого мнения об устройствах для подъёма воды посредством огня; однако изобретение мистера Ньюкомена, хоть и подпадает под тот же *патент*, работает на совершенно ином принципе, как явствует из самого факта, что оно *работает*… Доктор Уотерхауз дёргает меня за рукав, я более не могу его сдерживать.

Для Даниеля это оказалось полной неожиданностью, однако он и впрямь нашёл что сказать:

— В Чумной год я преподавал натурфилософию отцу этого джентльмена, Чарльзу Комстоку. Мы по много часов изучали сжатие и разрежение газов в машинах, созданных мистером Бойлем и усовершенствованных мистером Гуком. Уроки не прошли для юного Чарльза втуне; через двадцать лет он передал их своему сыну Уиллу на ферме в Коннектикуте, где я имел удовольствие их обоих навещать. Я видел, как уроки эти излагаются столь превосходно, что ни один член Королевского общества не смог бы ничего убавить или добавить. Уилл прилежно усвоил наставления отца. Судьба вернула его в Англию, Провидение сочетало браком с прелестной уроженкой Девона, королева даровала ему графский титул. Однако

не иначе как Фортуна свела его с инженером, мистером Ньюкоменом. Ибо машина, которую мистер Ньюкомен построил в Лоствителе, есть древо, возросшее из семени, что упало на почву Эпсома в самый чёрный для Англии, Чумной год. Ветви его сейчас гнутся под бременем зелёных плодов; если вы хотите вкусить от них, вам следует лишь некоторое время поливать это древо, и вскоре яблоки посыплются вам в руки.

Из услышанного джентльмены заключили, что сейчас их попросят раскошелиться, или, как с недавних пор модно стало говорить, «сделать инвестиции». Почти все успели замёрзнуть, а многие и натёрли сёдлами зады, поэтому ропот прозвучал не так громко, как мог бы при иных обстоятельствах. Однако Уилл Комсток уже вновь завладел общим вниманием.

— Теперь вы видите, почему я не поддержал идею перебраться в «Голову сарацина». Мы собираемся, чтобы устанавливать цены и решать другие вопросы, связанные с оловом. Поскольку оловодобытчики в некоторых отношениях не подчинены общему закону и общему налогообложению Англии, парламент этот издревле противостоял попыткам управлять нами извне. Без капитала машина мистера Ньюкомена оста-

нется не более чем занятным приспособлением, наполняющим мою бочку. Шахты так и будут стоять затопленными. Ни меди, ни олова из них не добудут, и Оловянный парламент утратит всякое влияние. Однако если вы, джентльмены, проявите заинтересованность — то есть, говоря без обиняков, если некоторые из вас захотят приобрести паи в товариществе совладельцев машины для поднятия воды посредством огня, тогда описанное мною прискорбное положение дел изменится, вы купите себе революцию, а у Оловянного парламента будет столько дел, что ему волей-неволей придётся перенести свои заседания в весёлую таверну неподалёку, где, к слову сказать, ваш покорный слуга сегодня оплачивает каждому первые две порции выпивки.

«Голова сарацина»

вечер того же дня
Даниель и Тредер едут в Лондон

— ТЕПЕРЬ В ГЛАЗАХ НЕКОТОРЫХ ВИГОВ вы — тори, — предостерёг Уилл, — и мишень для отравленных стрел межпартийной розни.

— Так уже было, когда в Чумной год я вышел из отцовского дома на Холборн, чтобы отправиться

в Эпсом, — устало проговорил Даниель. — Или когда, отчасти по настоянию вашего отца, стал придворным короля Якова. Такое случалось всякий раз, как я имел дело с Комстоками.

— С Серебряными Комстоками, — поправил Уилл. — Или с Оловянным, как прозвали меня в парламенте.

— Впрочем, здесь есть свои удобства, — заметил Даниель. — Мистер Тредер весьма любезно предложил отвезти меня в Лондон. Он отбывает завтра.

Граф поморщился:

— И вы с благодарностью согласились?

— Я не видел причин отказываться.

— Так знайте, что среди тори тоже есть фракции.

— И межпартийная рознь?

— Да. Хотя внутри партии — как и внутри семьи — она нередко принимает более причудливые и часто более жестокие формы. Как вам известно, доктор Уотерхауз, я третий сын у отца. Меня много били старшие, и я совершенно утратил вкус к дрязгам. Я не хотел становиться лордом от партии тори, поскольку предвидел нечто подобное.

Он обвёл взглядом таверну, отыскивая мистера Тредера. Тот стоял в углу с несколькими джентль-

менами и ничего не говорил, только слушал и что-то записывал гусиным пером в книжечку.

Уилл продолжил:

— Однако я сказал «да» королеве, потому что она моя королева. С тех пор мне немало досталось и от вигов, и от якобитов-тори, но двести миль по дурной дороге отсюда до Лондона отчасти смягчают удары. Сейчас вы пользуетесь тем же преимуществом, но как только вы сядете в карету и тронетесь по направлению к столице…

— Понимаю, — отвечал Даниель. — Однако мне удары не страшны. Ибо меня сопровождает — чтобы не сказать «преследует» — длинная череда ангелов и чудес, благодаря которым я достиг столь преклонного возраста. Думаю, потому меня и выбрали для этого поручения: я либо заговорён, либо зажился на земле. В любом случае судьба моя решится в Лондоне.

Южная Англия

конец января 1714

ВЕРНЫЙ СВОЕМУ СЛОВУ, мистер Тредер — вернее, караван его телег, экипажей, сменных лошадей и верховых сопровождающих — забрал Даниеля из «Головы сарацина» утром 16 января

1714 года за несколько часов до того, как самый оптимистичный петух начал прочищать горло. Мистер Тредер с учтивым поклоном предложил, а Даниель с искренней неохотой принял честь ехать с хозяином в его личном экипаже.

Поскольку Даниелева особа удостоилась такого внимания, его багаж (три матросских сундука, из которых два были продырявлены пулями) заслужил привилегию ехать в подводе, следующей сразу за каретой. Для этого пришлось снять уже уложенные туда вещи и расставить всё заново, на что потребовалось несколько минут.

Даниель наблюдал за погрузкой, не садясь в карету, и не оттого, что тревожился (багаж видел и не такое), а потому, что дорожил последней возможностью размять ноги, которые от долгого сидения плохо разгибались. Он прошёл по конюшенному двору, высматривая в лунном свете кучки навоза, чтобы не наступить. Слуги сняли с телеги три одинаковых ящика. Отполированное дерево превращало серебристый свет в узор бликов. Все три были мастерски сделаны и снабжены замками, петлями и ручками в форме листьев аканта и прочей флоры, любимой римскими архитекторами. За ними на телеге рядами стояли денежные сундучки, иные размером не больше

табачного ларца.

Примерно такие же ящики заказывали состоятельные члены Королевского общества для хранения и перевозки особенных достижений науки. Когда Гук сделал Бойлю воздухосжимательную машину, тот велел изготовить роскошный деревянный футляр, дабы подчеркнуть её значимость.

В своей мастерской под куполом Бедлама Гук с помощью Комстокова пороха привёл в движение поршень такой машины и показал, что она может, выражаясь языком Гука, служить искусственной мышцей. Всё дело в том, что калека Гук хотел летать и понимал, что ни его, ни чьим-либо ещё мышцам не хватит на это сил. Гук знал, что некоторые газы, например рудничный, сгорают с большой быстротой; если бы он научился их получать и заставил бы двигать поршень, машина бы работала успешнее, чем на порохе. Однако Гука отвлекали другие заботы, а у Даниеля были свои дела, которые и развели его с Гуком, поэтому он не ведал, сумел ли тот усовершенствовать искусственную мышцу. Теперь это наконец сделал Ньюкомен, однако его махина была велика и уродлива, что отражало разницу между Ньюкоменом — кузнецом рудокопов и

Гуком — часовщиком королей.

Даниелю стало не по себе: если вид трёх добротных ящиков наводит его на столь долгие размышления, как ему вообще удаётся вставать по утрам? Раньше он боялся старческого слабоумия, теперь понял: возраст просто парализует его той значимостью, какую приобретает каждая мелочь. А теперь ещё история с машиной по подъёму воды посредством огня! Впрочем, возможно, он слишком строг к себе. В таком возрасте ничего нельзя оставлять на потом. Надо заниматься многим сразу. Очевидно, те, кто всё успевает, умеют направить свои дела параллельными курсами, чтобы одно помогало другому. Они слывут чудодеями. Других затеи тянут в разные стороны, не приводя ни к чему путному; эти люди прослывают безумцами или, увидев тщетность своих усилий, бросают всё, а то и спиваются. Даниель ещё не знал, к какой категории принадлежит, но ему предстояло вскорости это выяснить. Посему он постарался забыть про Гука (что было нелегко, потому что в одном кармане у него лежал удалённый из мочевого пузыря камень, а в другом — часы Гуковой работы) и сел в карету.

Мистер Тредер пожелал ему доброго утра, затем, выглянув в окошко, обратил к своей свите

краткую речь, общий смысл которой сводился к тому, что неплохо было бы всем тронуться в сторону Лондона. Указания были встречены с несколько преувеличенным энтузиазмом, как будто идея ехать в Лондон — блистательный экспромт мистера Тредера.

Движение началось и продолжилось таким образом, что вечером 16-го они были чуть ближе к Лондону, чем утром того же дня, а к вечеру 17-го ещё несколько сократили это расстояние. 18-е свело на нет достигнутое накануне. Наверстали ли хоть сколько-нибудь 19-го, сказать трудно. В некоторые дни (например, когда они взяли севернее, чтобы посетить окрестности Бристоля) их можно было обвинить в том, что они не приблизились к цели ни на шаг.

Отец Даниеля, Дрейк Уотерхауз, как-то переместил самого себя, двух лошадей, несколько мешков овса, Женевскую Библию и мешок с одиннадцатью сотнями фунтов стерлингов из Йорка в Лондон (то есть примерно на то расстояние, какое Даниель намеревался преодолеть в обществе мистера Тредера) за один день. Поездка эта и другие подобные вошли у пуританских торговцев в пословицу как образец делового рвения. Если сравнить Дрейка с ретивым зайцем, то

мистера Тредера уместно назвать медлительной черепахой. В первый день он не менее пяти раз останавливался, чтобы обстоятельно побеседовать с встреченными джентльменами, которые как один оказывались из числа участников недавнего заседания под Крокерн-Тором.

Даниель уже начал подозревать, что мистер Тредер не в себе, когда во время очередного разговора его слух различил звяканье монет.

Даниель одолжил в дорогу изрядно книг из скромной по размеру, но разнообразной библиотеки Лоствителя и за чтением не особо вникал в действия мистера Тредера, однако слышал и видел много такого, что человеку с его формой антиугасания умственных способностей всячески мешало сосредоточиться.

Как о смерти прихожанина извещает церковный колокол, так конец разговоров мистера Тредера неизменно сопровождало бряцание монет — не дробное треньканье фартингов и осьмушек испанского пиастра, но полновесный звон английских гиней, которые мистер Тредер встряхивал в кулаке. Очевидно, такова была нервическая привычка мистера Тредера — во всяком случае, других объяснений не находилось. Один раз Даниель застал своего спутника за тем, как

тот, зажмурившись, одной рукой жонглирует двумя монетами; открыв глаза и поймав на себе взгляд Даниеля, мистер Тредер убрал одну в правый, а другую в левый карман камзола.

К тому времени, как миновали Солсберийскую равнину на пути к окрестностям Саутгемптона и, таким образом, оставили странные друидические сооружения позади, Даниель понял, чего ждать от путешествия с мистером Тредером. Они ехали все больше по хорошим дорогам через процветающую страну — ничего примечательного, если не считать, что Даниель впервые видел такие хорошие дороги и такое процветание. Нынешняя Англия отличалась от Англии Дрейка, как центральная часть Франции — от Московии. В города не заглядывали. Изредка заворачивали в предместье, но лишь для того, чтобы посетить усадьбу, прежде одиноко стоявшую среди буколической зелени (или выстроенную недавно в подражание такого рода усадьбам). В целом мистер Тредер предпочитал ехать лесами и полями, средь которых нюхом выискивал старинные родовые поместья, где всякий раз оказывался желанным, хоть и неожиданным гостем. Он не доставлял товаров, не оказывал явных услуг. Его специальностью были разговоры. Им посвя-

щалось несколько часов в день. После каждой беседы он возвращался, приятно позвякивая, в карету и доставал Книгу — не амбарную (что было бы безвкусицей), а обычную, с чистыми листами для записей, и гусиным пером делал в ней какие-то таинственные заметки. Он смотрел в свой путевой дневник через крохотные очочки, похожий на проповедника, составляющего Писание на ходу, — благовестник некоего евангелия, не ставшего менее языческим при всей своей рафинированности.

Впрочем, надо сказать, это впечатление несколько ослабело, когда они (наконец-то!) приблизились к Лондону. Теперь мистер Тредер наряжался с каждым разом всё великолепнее и не пренебрегал париками. Указанный предмет туалета, служивший большинству людей не более чем украшением, преображал мистера Тредера совершенно. Даниель относил это на счёт полнейшего отсутствия черт лица. Дотошный исследователь мог отыскать на мясистом овале, венчающем шею мистера Тредера, некое подобие носа и, пользуясь этим ориентиром, определить прочие части, составляющие лицо. Однако без этих усилий физиономия мистера Тредера казалась *tabula rasa,* как срезанный мясницким

ножом шмат говядины. Поначалу Даниель думал, что его спутнику лет шестьдесят, затем начал подозревать, что мистер Тредер куда старше, просто возраст, словно обезьяна, карабкающаяся по зеркалу, не нашёл зацепок на этом лице.

Саутгемптон — большой морской порт, а поскольку мистер Тредер был как-то связан с деньгами, Даниель думал, что они повернут туда, как несколькими днями раньше полагал, что они заедут в Бристоль. Однако вместо Бристоля они прочертили параболу в объезд Бата, а вместо Саутгемптона зацепили краешек Винчестера. Складывалось впечатление, что мистер Тредер предпочитает города, основанные римлянами, а на современные порты смотрит как на становища пиктских охотников-собирателей. Так и не приблизившись к солёной воде, они взяли курс не совсем на Оксфорд, а на мелкие города между Оксфордом и Винчестером, о которых Даниель ни разу в жизни не слышал.

Впрочем, его никто силком туда не тащил. Мистер Тредер неоднократно извинялся за извилистость своего маршрута и предлагал посадить Даниеля в наёмный экипаж, чем лишь добавлял тому решимости претерпеть всё до конца. 1) Отчасти из соображений хорошего тона — вы-

прыгнуть из роскошной кареты и умчаться в пролётке значило открыто признать, что он спешит, а в кругу мистера Тредера такое не уважали. 2) Он боялся, что не сможет разогнуть колени, если вынужден будет сидеть долго, что в быстрой карете произошло бы по определению. Мистер Тредер перемещался тем неспешным способом, какой выбрал бы сам Даниель, будь у него такая возможность. 3) Он и впрямь никуда не торопился. Со слов Еноха Роота можно было заключить, что письмо Каролины — не более чем песчинка в вихре бурной деятельности, которую развил Ганноверский двор в мае — июне сего года по заключении Утрехтского мира, поставившего точку в Войне за испанское наследство и заставившего европейских правителей гадать, чем они будут заниматься до конца восемнадцатого века. Каролина станет принцессой Уэльской, а порученное Даниелю дело приобретёт срочность не раньше, чем испустят дух Анна и София. Быть может, когда Каролина писала письмо, у неё имелись основания ожидать смерти первой и тревожиться за жизнь второй. Соответственно, она начала расставлять фигуры на шахматной доске и послала за Даниелем. Однако и Анна, и София были, насколько ему известно, ещё живы,

так что он не стал пока даже пешкой. Не было никакого резона мчать в столицу сломя голову, коли он уже в Англии и, если что, сумеет быстро доехать до Лондона. Лучше посмотреть на эту самую Англию, чтобы разобраться в положении дел и, когда придёт время, показать себя более толковой пешкой. За окном кареты лежали края, странные, как Япония, и не только по причине своего беспримерного процветания. Даниель видел места, куда пуритан и учёных не приглашают. Поскольку он никогда такие не посещал, то склонен был забывать об их существовании и недооценивать важность тамошних обитателей. Подобная ошибка, если её не исправить, делала его очень жалкой и бесполезной пешкой, а бесполезную пешку обычно жертвуют в самом начале игры.

День или два погода стояла на удивление солнечная, и Даниель пользовался всяким случаем вылезти из кареты. Устав ходить, он просил вытащить свой енотовый плащ — занимавший целый сундук — и расстелить его на мокрой траве. Трава была всегда, потому что они неизменно останавливались среди лугов, и всегда короткая, потому что на лугах неизменно паслись овцы. На квадрате американского енотового меха Даниель

сидел и читал, или ел яблоко, или укладывался подремать на солнце. Эти маленькие пикники позволяли ему наблюдать деловые привычки мистера Тредера. Время от времени в окне усадьбы за ухоженной лужайкой или меж сверкающих струй фонтана Даниель видел, как мистер Тредер вручает джентльмену либо принимает у джентльмена листок бумаги. С виду — самый обычный, не гравированный, как билет Английского банка, и не обвешанный печатями, как юридический документ. Однако из рук в руки его передавали со всей важностью.

Если в доме были дети, они ходили за мистером Тредером по пятам и, едва он останавливался, с надеждой заглядывали ему в глаза. Поначалу гость делал вид, будто ничего не замечает, потом вдруг вытаскивал монетку у какого-нибудь ребёнка из уха. «Ты её, часом, не терял? Бери — она твоя!» — говорил он, протягивая монетку. Но прежде, чем ребёнок успевал её схватить, она исчезала, чтобы через мгновение обнаружиться у собаки во рту или под камнем и так далее и тому подобное. Мистер Тредер доводил маленьких зрителей до истерического восторга, прежде чем вручить каждому по серебряному пенни. Даниель ругал себя за то, что как зачарованный смотрит

на примитивнейший ярмарочный трюк, однако ничего поделать с собой не мог. Он недоумевал, как богатые родители этих детей доверяют свои деньги (что очевидно имело место) *фигляру?!*

Как-то, когда Даниель дремал на лужайке, вокруг него сгрудились овцы, и звук их жевания стал лейтмотивом сна. Даниель открыл глаза и увидел в нескольких дюймах от себя жёлтые овечьи зубы, щиплющие траву. Зубы эти, и зимняя шерсть, превратившая овцу в грязный неповоротливый тюк, поразили его воображение. Неужели только жуя траву и запивая её водой, животное может создавать материю, вещество, такое как зубы и шерсть?

Сколько в Англии овец? И не просто в январе 1714-го, а за все тысячелетия? Как остров не погрузился в море под грузом овечьих костей и зубов? Возможно, это потому, что шерсть экспортируют — главным образом в Голландию, — *которая как раз и погружается!* Q. E. D.

Двадцать седьмого января въехали в лес, изумивший Даниеля своей огромностью. Они были где-то неподалёку от Оксфорда — нечего и говорить, что самый город мистер Тредер обогнул стороной. Даниель видел каменные геральдические знаки, так или иначе связанные

с английским правящим домом, но старые и завитые плющом. Очевидно, это было то, что в дни его молодости звалось Королевским Вудстокским парком. Десять лет назад королева Анна пожаловала вудстокские земли герцогу Мальборо в награду за спасение мира в битве при Бленхейме. Королева хотела возвести здесь роскошный дворец для Мальборо и его потомков. Происходи дело во Франции и будь Анна Людовиком XIV, дворец бы уже стоял. Однако дело было в Англии, и парламент крепко держал её величество за горло; виги и тори сцепились в драке за право душить свою государыню. В итоге Мальборо, классического тори и сына кавалера, каким-то образом представили вигом. Анна, на склоне лет избравшая своими любимцами тори, отстранила герцога от командования и вообще настолько испортила ему жизнь, что он вместе с Сарой уехал в Северную Европу (где благодарные протестанты чтили его почти наравне с пивом) и осел там в ожидании дня, когда ни одно зеркальце в Кенсингтонском дворце не запотеет от дыхания королевы.

Соединив эти сведения с некоторыми познаниями в строительстве и английском климате, Даниель рассчитывал увидеть безжизненную

груду камней и спивающихся от безделья тощих работников. По большей части так оно и было. Однако мистер Тредер с его гениальным умением двигаться по задворкам, избегая центра, выискивал неприметные дороги через луга и лес, распахивал ворота и даже по-хозяйски снимал жердины изгородей. Нюх неизменно выводил его к домикам, в которых ручные джентльмены герцога вели документацию или считали деньги. Между деревьями (где они ещё стояли) и штабелями брёвен (где они были повалены) Даниель различал фундамент дворца и наполовину возведённые стены.

Дорога через Вудсток наконец разбила лёд (очень толстый) между Даниелем и мистером Тредером. Очевидно, что Даниель был для своего спутника такой же загадкой, как тот — для Даниеля. Мистер Тредер не присутствовал на собрании под Крокерн-Тором (он поджидал членов Оловянного парламента в «Голове сарацина»), потому не слышал рассказ Уилла Комстока о Чумном годе и знал только, что Даниель состоит в Королевском обществе. Он мог заключить, что тот пробился туда исключительно благодаря мозгам, поскольку не обладал другими пригласительными билетами: деньгами или знатностью.

В начале путешествия, в Девоне, пока расстояния между господскими усадьбами были велики, мистер Тредер то и дело предпринимал осторожные заходы с целью прощупать Даниелеву оборону. Он почему-то вообразил, что Даниель связан с Уиллом Комстоком через жену последнего. В этом был определённый резон. Уилл женился на дочери плимутского купца, разбогатевшего на ввозе португальских вин. Прадед её был бочаром. Уилл, напротив, родовит, но беден. Такие союзы между деньгами и знатностью давно никого не удивляли. Даниель не джентльмен, следовательно, он знакомый со стороны бочаров. Поэтому мистер Тредер время от времени ронял ехидные замечания об Уилле Комстоке, рассчитывая, что Даниель отбросит книгу и разразится гневной тирадой о безумии использования пара в шахтах. Однако сколько ни закидывал он удочку, рыбка не хотела глотать наживку. В следующие дни Даниель читал свои книги, мистер Тредер писал в своей. Оба были в тех летах, когда люди не торопятся заводить новых друзей и раскрывать душу. Завязывать дружбы, как и прокладывать новые торговые пути — безумные авантюры, более свойственные молодости.

Тем не менее мистер Тредер иногда бросал

затравку для разговора, и Даниель, чтобы не отставать, тоже. При этом ни один не хотел уронить себя, выказав любопытство. Даниель не спрашивал, чем мистер Тредер зарабатывает на жизнь, поскольку видел, что хозяевам сельских поместий это ясно без объяснения, а следовательно, не знать такое может либо идиот, либо неотёсанный виг. Мистер Тредер, со своей стороны, мучился вопросом, как Даниель связан с графом Лоствителским. У него в голове не укладывалось, что престарелый натурфилософ в енотовом плаще ни с того ни с сего материализовался посреди Дартмура и бросил несколько слов, от которых все джентльмены на двадцать миль вокруг кинулись сбывать старые активы и приобретать паи в коммерческом доме умалишённых, товариществе совладельцев машины для подъёма воды посредством огня.

Даниель разработал две альтернативные гипотезы. 1) Мистер Тредер принимает ставки на пари; 2) Мистер Тредер — переодетый иезуит. Он посещает тайных католиков (тори-якобитов), дабы исповедать их и собрать десятину. В полированных ящиках, согласно второй гипотезе, хранились облатки, чаши для причастия и прочая папистская утварь.

Все эти домыслы рухнули в несколько минут, когда Даниель увидел строящийся Бленхеймский дворец, осознал, в чьём они поместье, и, забывшись от изумления, выпалил:

— Он здесь?

— Кто именно, доктор Уотерхауз? — деликатно переспросил мистер Тредер.

— Черчилль.

— Который? — осведомился мистер Тредер, поскольку новые Черчилли рождались на свет с достаточной регулярностью.

— Герцог Мальборо. — Даниель наконец опомнился. — Нет. Простите. Глупый вопрос. Он в Антверпене.

— Во Франкфурте.

— Он недавно перебрался в Антверпен.

Разговор случился перед тем, как мистер Тредер вошёл в один из флигелей, чтобы заняться… чем уж он занимался. Даниель, оставшись один, размышлял о нелепости своего порыва. Разумеется, хозяин поместья не здесь. Хозяева таких поместий в них не живут, во всяком случае, зимой. Сейчас они все в Лондоне. Главные обитатели сельских угодий — овцы, а главный вид деятельности — превращение травы в шерсть, ибо шерсть, проданная за границей, даёт прибыль,

которая позволяет землевладельцам платить за лондонский дом, покупать вино и играть в карты.

В целом всё ясно. Однако с возрастом Даниель научился вниманию к деталям. Он подозревал, что мистер Тредер — одна из таких деталей.

Для купца Англия — ожерелье портов вокруг огромной нищей пустыни. Когда горит полено, свет и жар сосредоточены во внешнем ало-вишнёвом слое. Внутри холод, сырость, мрак и смерть. Море для английской коммерции — всё равно что воздух для горения. Сердцевина, куда нет доступа морю, важна лишь в том низком смысле, что не даёт целому рассыпаться на куски.

Однако у Англии *есть* сердцевина. Даниель начисто об этом забыл и вспомнил лишь недавно, когда, проснувшись, увидел прямо перед собою овечьи зубы. В отличие, скажем, от Новой Испании, богатство которой сконцентрировано в нескольких компактных рудных залежах, богатство английской сельской местности в высшей степени диффузно. Не бывает залежей шерсти. Каждая полоска травы приносит бесконечно малый доход. Чтобы лорд мог ставить на бегах по сотне гиней, должен происходить сложнейший и невероятно скучный процесс сбора денег

— происходить по всей Англии, постоянно, без передышки. У Даниеля глаза защипало при мысли о том, сколько нужно мелких сделок и платежей, чтоб выручить один фунт стерлингов чистого дохода для лондонского хлыща.

Однако так или иначе это имеет место. Получатели фунтов стерлингов живут зимой в Лондоне и как-то между собой взаимодействуют. То есть деньги переходят от одного к другому. Некоторая часть этих денег затем отправляется назад на поддержание усадеб и тому подобные надобности.

Самый глупый способ осуществить вышесказанное — сложить все пенни в миллионы телег, отвезти в Лондон, кормить и поить лошадей, пока джентльмены будут взаимодействовать, а затем везти деньги назад в тех же телегах. Может быть, в некоторых странах так и делают. Однако Англия упрямо отказывается чеканить монеты большого достоинства — то есть золотые гинеи — в количествах, в которых они бы и впрямь на что-то годились. Кроме того, гинея — слишком крупная монета для расчётов на фермах. Золото по большей части прибирают к рукам и используют для заморской торговли лондонские купцы. Настоящая английская монета — та, которой расплачивается простой люд, — серебряный пен-

ни. Однако низкий номинал, который и делает пенни удобным для расчётов на ярмарках и в деревнях, негоден для городской знати. Ежегодные систола и диастола денег из столицы и в столицу требовали бы целых караванов нагруженных монетами телег.

Однако никто не видит их на английских дорогах. Сама идея отдавала бы чем-то средневеково-робингудовским. А поскольку с глаз долой, из сердца вон, Даниель никогда не задумывался, что ***о*** подразумевает исчезновение денежных караванов с больших дорог современной Англии.

Предположим, вы завоевали доверие многих лондонских господ. Тогда вы можете стать посредником, улаживать расчёты словом и рукопожатием, чтобы не таскать мешки серебра из одного роскошного особняка в другой.

Предположим дальше, что у вас обширные знакомства — целая сеть доверенных лиц — во всех поместьях и во всех ярмарочных городах. Тогда можно вообще отказаться от перевозки серебряных кружочков из Лондона и в Лондон, заменив её двусторонним током *информации*.

Крылоногий Меркурий, вестник богов, сейчас должен быть не у дел, поскольку вся Европа вроде бы приняла христианство. Если его изловить

и взять на жалованье, чтобы он порхал между сельской местностью и столицей, доставляя информацию, кто кому сколько должен, завести целый штат усердных вычислителей, а то и (почему бы не позволить себе фантастическое допущение!) исполинскую арифметическую машину для подбивания итогов, почти все расчёты можно было бы производить росчерком пера, а движение серебра свести к минимуму, необходимому для поддержания баланса между городом и деревней.

Впрочем, зачем серебро? Перевести его в золото, и число денежных подвод уменьшится в тринадцать раз.

А если у вас есть некий резервуар денег, то и эти перемещения можно практически исключить; достаточно интегрировать кривые взаимных расчётов по времени…

— Вы были правы! — воскликнул мистер Тредер, усаживаясь обратно в карету. — Его светлость и впрямь перебрался в Антверпен.

— Когда у её величества случилось последнее обострение болезни, — рассеянно проговорил Даниель, — Георг-Людвиг в Ганновере наконец уяснил, что им с матушкой не сегодня завтра предстоит взять на себя попечение о Соединённом

Королевстве, для чего потребуется Государственный совет и главнокомандующий.

— И разумеется, его выбор пал на Мальборо, — произнёс мистер Тредер чуточку скандализованно, как будто есть некая явная безнравственность в том, чтобы поставить во главе армии самого прославленного британского полководца.

— Посему герцог отправился в Антверпен, дабы возобновить связь с нашими полками в Нидерландах и быть готовым…

— …к захвату власти, — вставил мистер Тредер.

— Некоторые сказали бы: к службе Отечеству, как только новый монарх вернёт его из изгнания.

— Не будем забывать, *добровольного* изгнания.

— Герцог не дурак и не трус; если он решил покинуть страну, то не иначе как по веской причине.

— О да, его собирались отдать под суд за дуэль!

— По моим сведениям, за *вызов* на дуэль, брошенный Своллоу Пулетту после того, как мистер Пулетт в лицо герцогу, в парламенте, заявил, будто герцог отправлял офицеров на верную смерть, дабы нажиться на перепродаже патентов!

— Возмутительно! — заметил мистер Тредер,

не уточняя, что имеет в виду. — Однако всё это в прошлом. Измышления герцога о немилости, в которой он якобы пребывает, сколь бы убедительными ни представлялись они *некоторым*, теперь полностью опровергнуты. Потому что у меня есть новость касательно герцога Мальборо, которую, держу пари, не слышали даже вы, доктор Уотерхауз!

— Я умираю от любопытства, мистер Тредер.

— Граф Оксфордский, — (мистер Тредер имел в виду Роберта Гарлея, лорда-казначея, главного из министров королевы и предводителя камарильи тори, сбросившей альянс вигов четыре года назад), — выделил герцогу Мальборо десять тысяч фунтов на возобновление строительства дворца!

Даниель взял с сиденья лондонскую газету и зашуршал страницами.

— Очень странный поступок, учитывая, что «Экземинер», ручная газета Гарлея, обливает Мальборо грязью.

Он деликатно намекал, что Гарлей швырнул Мальборо деньги в качестве отвлекающего маневра, покуда сам вместе со своим приспешником Болингброком готовит какую-нибудь пакость. Мистер Тредер тем не менее принял эти слова за чистую монету.

— Мистер Джонатан Свифт из «Экземинера» — бультерьер, — сказал он, удостаивая газету взглядом, в котором читалось что-то вроде теплоты. — Уж коли он вцепился зубами в ногу милорда Мальборо, графу Оксфордскому потребуется несколько лет, чтобы разжать его хватку. Да невелика важность! Дела Гарлея говорят громче слов Свифта. А вот виги, числящие Мальборо в своём лагере, пусть-ка объяснят теперь эти десять тысяч фунтов!

Даниель заметил было, что десять тысяч фунтов — вполне сходная цена за то, чтобы залучить Мальборо на свою сторону (тем более что тори платят не из своего кармана), но вовремя прикусил язык. Они всё равно ни в чём не сойдутся. Да и не было смысла длить спор, поскольку пиетет, с которым мистер Тредер говорил о десяти тысячах фунтов, помог Даниелю наконец-то решить уравнение.

— Мне кажется, мы с вами встречались, — задумчиво проговорил Даниель.

— В таком случае это было очень давно, сэр. Я никогда не забываю…

— Я уже понял, мистер Тредер, вы готовы считать некоторые вопросы делом прошлым (что практично), но ничего не забываете (что ра-

зумно). В данном случае вы ничего не забыли; формально мы друг другу не представлены. Летом тысяча шестьсот шестьдесят пятого года я покинул Лондон, чтобы искать убежища в Эпсоме. Движение по дорогам почти прекратилось из страха перед чумой; от Эпсома до поместья Джона Комстока мне пришлось идти пешком. Прогулка была долгой, однако вполне приятственной. Меня обогнала карета, направлявшаяся в усадьбу. Герб на её дверце был мне не знаком. За время жизни в поместье я видел её ещё несколько раз. Ибо, хотя вся остальная Англия застыла — окоченела, — человек, разъезжавший в этой карете, не мог остановиться. Его приезды и отъезды убеждали, что конец света не наступил, а стук копыт по подъездной аллее стал для меня биением жилки на шее больного, говорящим лекарю, что пациент жив.

«Что за безумец разъезжает в разгар чумы, — спросил Даниель, — и зачем Джон Комсток пускает его в дом? Этот шаромыжник всех нас перезаразит».

«Джону Комстоку так же невозможно обойтись без встреч с этим человеком, как и воздержаться от воздуха, — отвечал Уилкинс. — Это денежный поверенный».

У мистера Тредера слёзы навернулись на глаза, хотя сложно сказать, от душещипательного изложения или от того, что он наконец понял, как Даниель связан с Серебряными Комстоками. Видя это, Даниель положил рассказу быстрый и милосердный конец.

— Если память мне не изменяет, тот же герб нарисован на дверце экипажа, в котором мы сейчас едем.

— Доктор Уотерхауз, я не могу долее молчать, покуда вы клевещете на свою память, ибо, воистину, она феноменальна, и я не удивляюсь, что Королевское общество приняло вас в столь юные лета! Ваш отчёт точен до последней мелочи; мой покойный батюшка, да будет ему земля пухом, имел честь, в точности как вы говорите, служить графу Эпсомскому, а мы с братьями, будучи о ту пору в учениках, и впрямь не раз сопровождали его в Эпсом.

МИСТЕР ТРЕДЕР ОБЕЩАЛ, что они будут в Лондоне на следующий день, однако весть о десяти тысячах фунтов сбила все планы. Он оказался в положении паука, которому в сеть залетела очень большая муха. То есть новость была хорошая, но требовала лихорадочных метаний. В итоге они застряли под Оксфордом на два дня.

Опять-таки Даниель мог укатить в Лондон, однако не отступил от решения ехать с мистером Тредером до конца. Поэтому он оставил мистера Тредера латать свою местную паутину, рвущуюся от чрезмерной нагрузки, и махнул в Оксфорд — возобновить дружбу или (как уж получится) вражду с университетскими учёными.

Тридцатого января, в субботу, выехали поздно. Даниель с утра долго искал наёмный экипаж, чтобы вернуться из Оксфорда в Вудсток, а потом колесил по лесу, разыскивая караван мистера Тредера. Разглядев вереницу повозок у домика на опушке, Даниель понял, что приехал слишком рано (у лошадей ещё были надеты на морды мешки с овсом), поэтому велел кучеру выгрузить сундуки, чтобы люди мистера Тредера поставили их на телегу, а сам вылезать не стал. Он попросил высадить его чуть дальше, намереваясь размять ноги перед долгой поездкой.

В лесу было неплохо. Весна порывалась прийти рано, и, хотя деревья стояли голые, остролист и плющ добавляли немного зелени. Зато развезло — иные лужи преодолел бы не каждый альбатрос. Дорога огибала пригорок, за которым располагался дом, так что Даниель при первой возможности свернул на охотничью тропу и двинулся вверх.

Выбравшись на вершину холма, он с некоторым разочарованием обнаружил здание там, где и ожидал. Уже несколько десятилетий ему не случалось испытать то щекочущее волнение, которое чувствуешь, заплутав в незнакомом месте. Даниель начал спускаться. Вот так получилось, что он подошёл к дому сзади и кое-что увидел через окно.

Полированные ящики внесли в дом и открыли. В них оказались весы с чашками из золота, чтобы постоянная чистка не нарушала их точности. Стол застелили вышитым зелёным сукном. Один из помощников мистера Тредера по счёту брал монеты из сундука и передавал товарищам, которые взвешивали их по одной и раскладывали в три столбика, причём у каждого центральный столбик рос быстрее соседних. Когда стопка монет становилась до опасного высокой, её уносили, пересчитывали и складывали в несгораемый ящик. По крайней мере, такое впечатление составил Даниель, глядя старческими глазами сквозь древнее пузырчатое стекло.

Тут он вспомнил предупреждение Уилла в «Голове сарацина» и со всей отчётливостью понял: никто не поверит, что он заглянул в окно без всякого умысла. Стало так стыдно, как если бы

он и в самом деле подсматривал — верх самобичевания, которому пуритан учат сызмальства, как цыганских детей натаскивают глотать огонь. Даниель крадучись двинулся через лес к дороге, словно браконьер, наткнувшийся на стоянку егерей, и вернулся к повозкам, когда на них уже грузили ящики с деньгами.

Дальнейший путь лежал через оживлённые речные порты на берегу Темзы. Во многих сегодня был ярмарочный день, что сильно замедляло движение. К вечеру добрались только до Виндзора. Мистеру Тредеру было на руку задержаться в этих краях, кишащих графьями и прочей знатью. Даниель выразил намерение дойти пешком до близлежащего города Слау, где было много гостиниц, в том числе одна-две относительно новых, где он надеялся сыскать приличный ночлег. Мистер Тредер счёл такой план безумным и отпустил Даниеля не раньше, чем тот в присутствии нескольких свидетелей снял с него всякую ответственность. Однако не успел Даниель как следует отойти прочь, как его узнал и окликнул местный дворянин, член Королевского общества. Он настоял, чтобы Даниель остановился на ночь в его имении под Итоном. Мистер Тредер, видевший всю сцену, нашёл крайне странным, чтобы

не сказать подозрительным, что Даниеля вот так отличают в толпе только из-за особенностей его умственного склада.

На следующий день, в воскресенье 31 января 1714 года, Даниель не позавтракал, потому что еду не готовили. Хозяин дома дал слугам выходной. Вместо завтрака отправились в роскошную церковь между Виндзором и Лондоном. Именно такую церковь непременно поджёг бы Дрейк во время Гражданской войны. Хуже того, чем дольше Даниель смотрел, тем больше укреплялся в мысли, что Дрейк её таки поджёг, причём у него, Даниеля, на глазах. Впрочем, пустое; как сказал бы мистер Тредер, дело прошлое. Церковь венчал новый изящный свод. Зад Даниеля, как и зады наиболее знатных прихожан, подпирали великолепнейшие резные скамьи, предоставляемые за годовую плату, размер которой страшно было даже вообразить.

По всему это была такая Развысокая церковь, где священник должен служить в пышном облачении. Может, так оно и было, но только не сегодня. Настоятель вышел в дерюге, склонив голову и стиснув побелевшие пальцы у подбородка, под скорбную музыку органа, играемую на язычковых регистрах и вторящую голодному

урчанию в желудках у прихожан.

Вся сцена была исполнена донорманнской мрачности. Даниель почти ждал, что сейчас сквозь витражное окно вломятся викинги и начнут насиловать дам. Он был совершенно убеждён, что у королевы Анны новое обострение болезни или что французы высадили в устье Темзы сотню ирландских полков. Лишь когда первая часть службы закончилась и священник смог излить свою душу в проповеди, стало ясно, что весь этот траур, и вретище, и заламывание рук — из-за события, которое Даниель наблюдал, удобно сидя на отцовских плечах, шесть с половиной десятилетий тому назад.

— ДЛЯ МЕНЯ ЭТИ ЛЮДИ всё равно что индусы! — воскликнул Даниель, запрыгивая в карету несколькими часами позже — едва отзвучала заключительная молитва.

Отсутствие завтрака привело его в сильнейшее нерасположение духа, и он не сомневался, что изрыгает пламя и мечет искры из глаз. Парик мистера Тредера должен был обратиться в нимб трескучего пламени, а дужки очков расплавленным металлом закапать с ушей. Однако тот лишь изумлённо заморгал. Затем седые брови, даже не опалённые, поползли вверх, что случалось вся-

кий раз, как мистер Тредер испытывал желание улыбнуться.

Он испытывал такое желание, потому что сейчас, на исходе двухнедельного путешествия, голод и проповедь в Высокой церкви достигли того, что не удавалось самому мистеру Тредеру: явили истинное лицо Даниеля Уотерхауза.

— Я не видел индусов, доктор Уотерхауз, только добрых английских прихожан, выходящих не из языческой пагоды, а из церкви — англиканской церкви, на случай если у вас возникли какие-нибудь сомнения.

— Вы знаете, что они делали?

— Да, сэр. Я тоже был в церкви, хотя, должен признаться, на менее дорогой скамье…

— Обличали злодейское убийство венценосного мученика, растерзанного мятежной толпой!

— Это подтверждает, что мы присутствовали на одной службе.

— Я там был, — заметил Даниель (имея в виду злодейское убийство), — и мне показалось, что всё происходило вполне законным чередом.

К тому времени он немного успокоился и уже не чувствовал, что извергает огонь. Последняя фраза была произнесена самым обычным тоном, однако на мистера Тредера она подействовала

сильнее, чем если бы Даниель вопил и топал ногами. Разговор оборвался так же резко, как начался. В следующие два часа не прозвучало почти ни слова. Карета и замыкающие арьергард телеги въехали на Оксфорд-роуд и повернули к Сити мимо лугов и прудов. Мистер Тредер, сидевший лицом по ходу движения, смотрел в окно. Выражение тревоги на его лице сменилось задумчивостью, затем скорбью. Даниель отлично знал эту последовательность: так предписано обращаться с нераскаянным грешником. Скорбь должна была вскоре перейти в решимость, после чего следовало ждать последней попытки обратить его на путь истинный.

Даниель сидел лицом против хода движения и смотрел, как дорога исчезает под колёсами багажной телеги, в которой, он знал, едут денежные ящики мистера Тредера. Это подсказало столь необходимый повод сменить тему.

— Мистер Тредер, как мне вас вознаградить?

— М-м, доктор Уотерхауз?.. Э?

— Вы не только везли меня в своей карете, но и определяли на ночлег, а также развлекали и просвещали в течение двух недель. Я у вас в долгу.

— Нет, нет, отнюдь. Я крайне щепетилен в делах. Если бы я желал вознаграждения, то пре-

дупредил бы вас задолго до отъезда из Тавистока и не преминул бы получить всё сполна. А так я не могу взять с вас ни пенни.

— Я имел в виду более чем пенни…

— Доктор Уотерхауз, вы проделали долгий путь — невообразимо долгий, на мой взгляд, — и вы далеко от дома. Грех взять хотя бы фартинг из вашего кошелька.

— Мне нет надобности открывать кошель, мистер Тредер. Я не пустился бы в такое путешествие без должного финансового обеспечения. Мой банкир в Сити без колебаний вручит вам любую справедливую сумму под гарантии лица, взявшего на себя расходы по моей поездке.

Тут мистер Тредер, по крайней мере, заинтересовался; он оторвал взгляд от окна и посмотрел на Даниеля.

— Я не возьму ничьих денег — ни ваших, сэр, ни вашего банкира, ни вашего гаранта. Я даже не стану допытываться, кто ваш гарант, ибо постепенно убеждаюсь, что дело ваше темно и таинственно. Однако, если вы согласитесь любезно удовлетворить моё профессиональное любопытство, мы будем в расчёте.

— Спрашивайте.

— Кто ваш банкир?

— Живя в Бостоне, я не имею нужды в лондонском банкире. По счастью, у меня есть родственник, к которому я могу обратиться по денежной надобности: мой племянник, мистер Уильям Хам.

— Мистер Уильям Хам! Братья Хамы! Ювелиры, которые прогорели!

— Вы путаете его с отцом. Уильям был тогда ещё ребёнком.

Даниель начал было рассказывать, как Уильям сделал карьеру в Английском банке, но осёкся, видя остекленевшие глаза мистера Тредера.

— Ювелиры! — повторял мистер Тредер. — Золотых дел мастера!

Сейчас он тоном голоса и выражением напоминал мистера Гука, определяющего паразита под микроскопом.

— Теперь вы видите, доктор Уотерхауз, что разговор всё равно бесполезен. Деньги мистера Хама мне без нужды.

Лишь сейчас Даниель понял, что вопрос о банкире был ловко расставленной западнёй. Сказать мистеру Тредеру, денежному поверенному: «Мой банкир — золотых дел мастер» все равно что заявить архиепископу: «Я посещаю молитвенный дом в сарае» — в обоих случаях разоблачаешь

свою принадлежность к стану врага. Ловушка захлопнулась; умышленно или нет, но это произошло, когда они проезжали мимо эшафота на Тайберн-Кросс, где были выставлены руки и ноги четвертованных преступников, обвешанные бахромой кишок.

Мистер Тредер голосом судьбовершительницы-норны провозгласил:

— Монетчики!

— За это теперь четвертуют?!

— Сэр Исаак намерен их искоренить. Он убедил судебные власти, что подделка денег не мелкое преступление, а государственная измена! Государственная измена, доктор Уотерхауз! И каждый пойманный сэром Исааком монетчик кончает жизнь на Тайберн-Кросс, добычей ворон и мух!

Затем, как будто это был самый естественный переход, мистер Тредер, который сильно подался вперёд и вывернул шею, чтобы дольше созерцать гниющие останки последних жертв сэра Исаака, с довольным видом откинулся на спинку сиденья и остановил взгляд на Даниелевой переносице.

— Так вы присутствовали при обезглавливании Карла Первого?

— Да, о том я и говорю, мистер Тредер. И я был удивлён, чтобы не сказать сильнее, узнав, что вы-

сокоцерковники за шестьдесят пять лет так и не оправились от потрясения. Вам известно, мистер Тредер, сколько англичан погибло в Гражданскую войну? В соответствии с нашим обычаем я даже не упоминаю ирландцев.

— Я представления…

— Вот именно! И поднимать столько криков из-за одного человека, на мой взгляд, такое же идолопоклонство, как почитание индусами коров!

— Он жил в тех краях, — заметил мистер Тредер, подразумевая Виндзор.

— Этот факт не был упомянут в проповеди — ни в первый, ни во второй, ни даже в третий её час! А то, что произносилось, на мой взгляд, чистейшее политиканство!

— О да. На ваш. В то время как на мой взгляд, доктор Уотерхауз, это была вполне достойная проповедь. А вот если бы мы заглянули туда, — мистер Тредер указал на сарай к северу от дороги, из дверей которого доносился четырёхголосный распев (то есть на молитвенный дом нонконформистов), — мы бы услышали много такого, что вы расценили бы как проповедь, а я — как политиканство!

— Я расценил бы это как здравый смысл, — воз-

разил Даниель, — и, надеюсь, вы со временем пришли бы к тому же взгляду, что было бы совершенно невозможно для меня *там*…

Они как раз проехали новую улицу, которая в Даниелевы дни не существовала или была коровьей тропой; тем не менее, глядя на север, он увидел Оксфордскую церковь на прежнем месте и смог указать на англиканский шпиль, нужный ему для иллюстрации.

— …где царит бессмысленный ритуал!

— Естественно, что тайны веры не поддаются вульгарному истолкованию.

— Коли вы так думаете, сэр, то вы немногим лучше католика!

— А вы, сэр, немногим лучше атеиста, если, конечно, как многие члены Королевского общества, по пути к атеизму не остановились испить из ключа арианской ереси!

У Даниеля захватило дух.

— Так все знают… или, правильнее сказать, воображают, будто Королевское общество — рассадник арианства?

— Лишь те, кто способен различить очевидное, сэр.

— Те, кто способен различать очевидное, могли бы заключить из той проповеди, что страной пра-

вят якобиты — причём начиная с самого верха!

— Вы куда проницательнее меня, доктор Уотерхауз, если знаете мысли королевы на сей счёт. Пусть Претендент католик, пусть он во Франции, но он её брат! Бесчеловечно ждать, что одинокая женщина на склоне лет не обратится к подобным соображениям…

— Куда бесчеловечнее будет то, что случится с её братом, если он вздумает приехать сюда и объявить себя королём! Вспомните пример, о котором столько разглагольствовали сегодня в церкви.

— Ваша прямота очаровательна, доктор Уотерхауз. В моём кругу убийство короля не упоминают с такой лёгкостью.

— Рад, что вы очарованы, мистер Тредер. Я всего лишь голоден.

— А по мне, так вы алчете.

— Крови?

— Королевской.

— Кровь Претендента — не королевская, потому что он не король и никогда им не будет. Я видел, как кровь его отца текла из разбитого носа в ширнесском кабаке, как кровь его дяди била из яремной вены в Уайтхолле, как кровь его деда заливала эшафот перед Дворцом для приёмов

ровно шестьдесят пять лет назад. Ни в одном случае она не показалась мне отличной от крови казнённых преступников, которую члены Королевского общества собирали в склянки. Если, пролив кровь Претендента, можно остановить новую Гражданскую войну, то пусть прольётся!

— Вам следует быть осмотрительнее в речах, сэр. Если Претендент взойдёт на трон, сказанное вами станет государственной изменой. Вас приволокут на место, которое мы только что проехали, повесят не до полного удушения, выпотрошат и четвертуют!

— Я просто не могу вообразить, что этого человека допустят до трона Англии!

— Теперь мы зовём её Соединённым Королевством. Будь вы только что из Новой Англии, этого рассадника диссидентов, или проживи вы слишком долго в Лондоне, где верховодят виги и парламент, я бы понял ваши чувства. Однако в нынешней поездке я показал вам Англию, как она есть, а не как представляют её виги. Неужто человек вашего ума не разглядел богатства нашей страны — мирского богатства коммерции и духовного богатства церкви? Ибо если бы вы его разглядели, то непременно стали бы тори, возможно, даже якобитом.

— Духовную сторону вполне уравновешивают, если не перевешивают те, кто собирается в молитвенных домах, где не надо арендовать скамью. Посему исключим церковные счёты из рассмотрения. Что до денег, сознаюсь, богатство сельской Англии действительно превзошло мои ожидания. Однако оно ничто в сравнении с богатством Сити.

* Стерлинг Уотерхауз (1630–1703) — старший единокровный брат Даниеля, застройщик, в последние годы жизни — граф Уиллсденский. (*Здесь и далее звёздочками отмечены примечания автора, цифрами примечания переводчика.*)

И снова, как по заказу, иллюстрация была сразу за окнами кареты. Слева уходила на север Гринлейн, ныряя в ложбины и взбираясь на пригорки среди парков, садов и ферм. Справа тянулся застроенный участок, возникший двадцать лет назад в воображении Стерлинга*, — Сохо-сквер. Указав сначала налево, затем направо, Даниель продолжил:

— Ибо деревня черпает богатство из конечного ресурса: овец, едящих траву. Сити богатеет на заморской торговле, которая постоянно растёт. Её ресурсы, можно сказать, неисчерпаемы.

— Ах, доктор Уотерхауз, я рад, что Провидение

дало мне случай просветить вас на сей счёт, пока вы не оконфузились прилюдно, высказывая взгляд, утративший справедливость за время вашего отсутствия. Смотрите, мы на Тотнем-корт-роуд, здесь начинается самая оживлённая часть города. — Мистер Тредер постучал в потолок кареты и крикнул через окно кучеру: — На Хай-стрит меняют мостовую, бери левей по Грейт-Рассел-стрит на Хай-Холборн!

— Напротив, мистер Тредер. Мне известно, что тори создали свой банк в противовес Английскому банку вигов. Однако капитал Английского банка — акции Ост-Индской компании. Обеспечение Земельного банка тори — попросту земля. Торговля с Ост-Индией ширится год от года. Земля не увеличится, если только, в подражание голландцам, не создавать её самим.

— Вот тут-то я и должен вас поправить, доктор Уотерхауз. Земельный банк — нелепый пережиток по той самой причине, которую вы назвали. Однако это никоим образом не означает, что Английский банк владеет монополией. Напротив. При всём уважении к ретивым, хоть и заблудшим членам Альянса, здоровье их Банка столь же шатко, сколь и здоровье королевы. Война, которой мы недавно положили конец,

была навязана королеве парламентом, где тогда заправляли виги, опьянённые мечтой о чужих землях. Они получали деньги, увеличивая налоги на жителей сельской Англии (я знаю, что говорю, эти люди — мои друзья!), и финансировали армию герцога Мальборо посредством займов, обслуживаемых в Сити, к большой выгоде банкиров-вигов и золотых дел мастеров. О, это было очень доходное дело, доктор Уотерхауз, и, по словам милорда Равенскара, очень прибыльное для Английского банка, так что, если вы ему поверили, отчасти извиняет ваши взгляды. Вот, кстати, его дом, — заметил мистер Тредер, глядя на роскошное барочное строение к северу от Грейт-Рассел-стрит. — Невыразимо вульгарный, квинтэссенция нуворишества…

— Я архитектор, — кротко заметил Даниель.

– *Первоначального* здания, — сказал мистер Тредер после самой недолгой заминки, — изящного, как игрушка. Жаль, что его так испортили после вашего отъезда. Вы знакомы и с Золотыми, и с Серебряными Комстоками! Потрясающе! Милорд Равенскар теперь не может позволить себе лучшее и, как вы видите, восполняет пышностью и объёмом недостаток вкуса и качества. Его сожительнице, кажется, нравится.

— Хм.

— Вы знаете, кто сожительница милорда Равенскара?

— Представления не имею. В пору нашего знакомства он менял потаскух раз в неделю. Кто теперешняя?

— Племянница сэра Исаака Ньютона.

Даниелю стало так горько, что он сказал первое пришедшее в голову:

— Здесь мы когда-то жили.

Он кивнул в сторону Уотерхауз-сквер и сдвинулся вперёд, чтобы увидеть дом, выстроенный его братом Релеем на месте того, в котором взорвали Дрейка. Таким образом, его колени почти упёрлись в колени мистера Тредера. Тот, судя по всему, знал историю гибели Дрейка, поэтому хранил сочувственное молчание, пока карета не проехала площадь. Глядя снизу вверх на силуэты городских крыш, Даниель был потрясён зрелищем огромного купола — нового собора Святого Павла. Тут карета свернула на Холборн, и купол пропал из виду.

— Вы что-то говорили о банках? — спросил Даниель в безнадёжной попытке вычистить из головы образ Роджера Комстока, тычущего свой поганый хер в племянницу Исаака.

— В последние годы всё обернулось очень плохо, очень плохо для вигов! — отвечал мистер Тредер, радуясь случаю поговорить о несчастьях Альянса. — Банкротство вынудило Англию просить мира, не добившись главной цели войны. Немудрено, что Мальборо с позором бежал из страны!

— И всё же мне не верится, что торговля с Ост-Индией может надолго заглохнуть.

Мистер Тредер подался вперёд, готовый ответить, но тут кучер обратился к нему с вопросом.

— Мистер Уотерхауз, если вы любезно назовёте место, куда вас следует доставить, я почту за честь выполнить ваше пожелание. Мы приближаемся к Холборнскому мосту, ворота и стена Сити уже видны, и вам надо решать сейчас, если только вы не хотите ехать со мною на Чендж-аллею.

— Очень великодушно с вашей стороны, мистер Тредер. Я остановлюсь в Королевском обществе.

— Хорошо, сударь! — крикнул кучер, отлично слышавший все разговоры в карете, когда это требовалось. Он перенёс внимание на лошадей и тут же обратился к ним на совсем другом языке.

— Жаль, что Королевское общество переехало из Грешем-колледжа, — заметил мистер Тредер.

— Деликатность ваших выражений, сэр, не

перестаёт меня изумлять, — вздохнул Даниель. Королевское общество пытались выкинуть из старого здания с тех самых пор, как в тысяча семьсот третьем году скончался Роберт Гук, долгие годы отстаивавший право аренды с обычным своим остервенелым упорством. Без Гука можно было только оттягивать неизбежное, и четыре года назад Общество перебралось в окрестности Флит-стрит. — Те из нас, кто имел глупость вложиться в строительство нового здания, употребляют слова покрепче, чем просто «жаль».

— Кстати, раз уж вы заговорили о вложениях. Я как раз хотел сказать, что если бы мы везли вас в Грешем-колледж, то проехали бы мимо здания на Треднидл и Бишопсгейт, которое можно по справедливости назвать новым чудом света.

— Неужто это ваша контора?

Мистер Тредер вежливо хохотнул. Тут карета замедлила ход и накренилась назад, так что Даниель навис над своим спутником. Они ехали в гору. Взгляд мистера Тредера метнулся от левого окна к правому и остановился на кладбище Святого Андрея; серые надгробья таяли в ранних сумерках до нелепости короткого зимнего дня. Даниель, который даже при ярком солнечном свете с трудом узнал бы изменившийся Лондон,

только сейчас понял, что они по-прежнему едут на восток по Хай-Холборн и миновали уже два поворота к Флит-стрит — Чансери и Феттер-лейн. За церковью Святого Андрея можно было свернуть на Шу-лейн, но карета проехала и её. Они приближались к тому месту, где Холборн перемахивает Флитскую канаву, словно сельский джентльмен — навозную кучку.

Мистер Тредер постучал в потолок.

— Королевское общество больше не в Грешем-колледже! — крикнул он. — Оно переехало в окрестности Флит-стрит…

— В Крейн-корт, — сказал Даниель. — Возле Феттер-лейн, если меня не обманули.

Кучер что-то пробормотал вполголоса, как будто совестился произнести это вслух.

— Доктор Уотерхауз, будете ли вы оскорблены, испуганы или иным образом смущены, если мы поедем по Флит?

— Отнюдь, если только вы не предлагаете отправиться в лодке.

Мистер Тредер зажал себе рот, как будто его замутило от одной этой мысли, а свободной рукой выстучал по потолку условный сигнал. Кучер тут же свернул на правую сторону улицы.

— Берег нашей Клоаки М***а***ксимы заметно укре-

пили с тех пор, как вы последний раз… э…

— Вносил свой вклад?

— Можно сказать и так. А поскольку вечер ранний, ночное движение, которого хочется избежать, ещё не началось.

Даниель не видел, куда они едут, но мог определить по запаху и чувствовал, как карета сворачивает от моста на юг. Он подался вперёд и поглядел в окно на Флитскую канаву: уходящую к Темзе чёрную и, по виду, бездонную щель в невыразимо заляпанной мостовой. В серых сумерках казалось, что дома брезгливо пятятся от этого самого злосчастного притока Темзы. Вопреки оптимистичному прогнозу мистера Тредера, у края уже стояла запряжённая волами повозка, состоящая из огромной бочки на колёсах. Из отверстия сзади хлестала бурая комковатая жижа; судя по звукам, доносившимся снизу, лилась она тоже не в чистую проточную воду. Оглядев канаву на четверть мили до Флитского моста, Даниель приметил ещё двух золотарей, занятых тем же делом. Помимо обычного сброда — воришек, бродяг, нищих и бессовестных проповедников, готовых на месте обвенчать кого угодно, — движения почти не было, только из улочки на противоположном берегу вынырнул одинокий портшез, собираясь

повернуть на север к Холборну. Как раз когда Даниель его приметил, портшез остановился. Лица носильщиков обратились к каравану мистера Тредера, подобно луне сменив фазы с ущербной на полную. Тут карета, в которой сидел Даниель, повернула. Теперь вместо канавы он видел торговые лотки с едой, возле Холборна ещё относительно приличные — дальше они становились всё хуже и хуже. Он выглянул в другое окно, чтобы посмотреть на канаву. На противоположном берегу высилась сплошная стена с редкими зарешёченными окнами — фасад Флитской тюрьмы. Теперь обзор загородили ноздри вола, впряжённого в повозку золотаря. В окно пахнуло таким амбре, что Даниеля временно разбил паралич.

— Сегодня вклады не делаются, золото истощилось, поскольку едва ли не все постятся в память о венценосном мученике, — с кислой миной проговорил он, чувствуя, что мистеру Тредеру хочется продолжить разговор о финансовых учреждениях.

— Если бы я только что прибыл в Лондон и думал, как мне распорядиться средствами, я бы объехал Английский банк за… объехал бы его стороной! Ради вашего блага! И двинулся дальше!

— К Королевской бирже, вы хотите сказать? На

противоположной стороне?..

— Нет, нет, нет.

— Так вы о Чендж-аллее, где толпятся маклеры?

— Это у Корнхилл. В строго картографическом смысле — холоднее. В другом смысле — уже теплее.

— Вы пытаетесь заинтересовать меня какими-то бумагами, которые продают на Чендж-аллее. Однако выпускает эти бумаги восьмое чудо света на Треднидл. Ваша загадка мне не по зубам, мистер Тредер, поскольку я не был в этом оживлённом деловом районе уже двадцать лет.

Даниель склонился набок, упёрся в подлокотник и положил подбородок на ладонь — не потому, что устал и ослабел от голода (хотя было и это), но чтобы смотреть в заднее окошко кареты мимо головы мистера Тредера. Ибо их нагонял странно знакомый призрак. Сельский житель принял бы его за плывущий по воздуху гроб. Учитывая, сколько мертвецов сбросили во Флитскую канаву за время существования Лондона, здесь было самое место для привидений. Однако Даниель знал, что это портшез, вероятно, тот самый, что недавно показался из-за угла. Глядя в проулок (тот, из которого вынырнули носилки, или

похожий), Даниель видел вертикальное подобие Флитской канавы — чёрную щель, вместилище неведомой мерзости. Что делал портшез в таком месте? Наверное, доставлял джентльмена на свидание запредельно извращённого свойства. Во всяком случае, портшез, двигаясь по другому берегу канавы, нагонял их. Он был так близко, что Даниель, выпрямившись, видел его в боковое окно кареты. Окна портшеза — если они вообще имелись — были затянуты чёрной материей, как исповедальня в папистской церкви. Даниель даже не знал, есть ли кто-нибудь внутри, хотя по тому, как тяжело качался кузов на шестах и как напрягались двое дюжих носильщиков, кто-то там всё же был.

Однако через несколько минут носильщики, по-видимому, услышали какой-то приказ пассажира, потому что сбавили шаг и дали карете мистера Тредера вырваться вперёд.

Сам мистер Тредер тем временем производил в воздухе некие сложные движения руками, глядя в далёкую точку у Даниеля над головой.

— Доезжайте до развилки, где от Треднидл отходит Пиг-стрит. Свернёте ли вы направо, с Бишопсгейт, или налево по Пиг-стрит к Грешем-колледжу, вы через несколько мгновений

окажетесь перед зданием Компании Южных морей, которая, хотя ей всего три года, уже заняла всё пространство между этими улицами.

— И что, по-вашему, я должен там сделать?

— Купить пай! Распорядиться своими средствами!

— Это ещё один земельный банк тори?

— Отнюдь нет! Не вы один осознаете выгоды вложений в грядущий рост заморской торговли!

— Так Компания Южных морей имеет интересы… где? В Южной Америке?

— Изначально да. Хотя уже несколько месяцев, как главное её богатство сосредоточено в Африке.

— Африка! Как странно! Мне приходит на память Африканская компания герцога Йоркского, существовавшая в Лондоне до Пожара.

— Считайте это Королевской Африканской компанией, восставшей из пепла. Что для Английского банка Ост-Индская компания, то для Компании Южных морей — асиенто.

— Даже я знаю, что слово «асиенто» как-то связано с заключённым миром, но мне было настолько не до того…

— Мы не смогли выиграть войну, не смогли свергнуть внука Людовика Четырнадцатого с

испанского трона, однако мы вырвали у него кое-какие концессии. Одна из них — исключительное право на доставку рабов из Африки в Новый Свет. Мистер Гарлей, наш лорд казначейства, сделал асиенто капиталом Компании Южных морей.

— Великолепно.

— С развитием американской коммерции будет расти и потребность в рабах, так что нельзя представить более разумного вложения средств и более прочного фундамента для банка или состояния…

— Или для политической партии, — заметил Даниель.

Мистер Тредер поднял брови. Они миновали ещё одну повозку золотаря, так что вынуждены были некоторое время не дышать и даже зажмуриться. Мистер Тредер первым пришёл в себя и сказал:

— С другой стороны, сэр, пар представляется куда более *зыбким* основанием, если вы простите мне такой каламбур.

— Как прискорбно поздно в нашем путешествии и в нашем разговоре вы решили открыть мне *это!*

— Что *это,* доктор Уотерхауз?

— Что вы находите предприятие графа Ло-

ствителского безумным и почитаете для ваших клиентов более выгодным вкладывать деньги в асиенто.

— Я вложу их деньги, куда они мне укажут. Однако я не могу не заметить, что практически бесконечное побережье Африки кишит чернокожими невольниками, которых более воинственные сородичи пригоняют из глубин материка и продают за бесценок. Если мне требуется откачать воду из шахты, доктор Уотерхауз, я не стану заказывать мистеру Ньюкомену чудовищную машину. Теперь, когда у нас есть асиенто, достаточно послать корабль на юг, и через несколько недель у меня будет столько рабов, сколько надо, чтобы осушить шахту, вращая ворот, или, если мне так больше по душе, высасывая соломинками и выплёвывая в море.

— Англичане не привыкли видеть в своих шахтах и на полях чёрных арапов, стонущих под бичами надсмотрщиков, — заметил Даниель.

— А к *паровым машинам* они привыкли? — торжествующе вопросил мистер Тредер.

Даниель, полуживой от голода и усталости, со вздохом откинулся на спинку сиденья, чувствуя, что не в человеческих силах вынести этот разговор до конца. Карета как раз подъехала

к Флитскому мосту и повернула на запад. Даниелю, смотревшему в заднее окно, открылась поразительная картина: менее чем в полумиле восточнее из земли вставало колоссальное яйцо. Оно царило над низкими лондонскими домами, как восточный султан над миллионами рабов. Ничего сопоставимого Даниель в жизни не видел; и зрелище это вернуло ему силы.

— Ничто в английском пейзаже не остаётся неизменным. Как вы, вероятно, привыкли к вон тому куполу, — Даниель кивнул на собор Святого Павла, вынуждая мистера Тредера обернуться, — так и мы можем привыкнуть к толпам чёрных невольников, к паровым машинам или к тому и другому вместе. Я полагаю английский характер более постоянным и льщусь мыслью, что *изобретательность* свойственна ему более *жестокости*. Паровые машины, рождённые первой, впишутся в английский ландшафт куда лучше невольников, порабощённых второй. Соответственно, будь у меня деньги, я поставил бы на паровые машины.

— Однако невольники работают, а паровые машины — нет!

— Невольники могут прекратить работу, а паровые машины, как только мистер Ньюкомен их

запустит, — нет, ибо, в отличие от невольников, не обладают свободной волей.

— Но как рядовому вкладчику проникнуться вашей уверенностью?

— Пусть взглянет на это здание, — Даниель вновь кивнул на собор Святого Павла, — и отметит, что оно не падает. Рассмотрите вблизи его арки, мистер Тредер, — все они имеют форму параболы. Сэр Кристофер Рен сделал их такими по совету Гука, ибо Гук показал, каким им следует быть.

— Я не поспеваю за вашей мыслью. Собор великолепен. Я не вижу никакой связи с паровыми машинами.

— И купола, и машины подчинены законам физики, которые, в свою очередь, можно рассчитать математически. Законы эти нам известны, — объявил Даниель, — и зиждутся на основаниях не менее прочных, чем ваше ремесло.

Они остановились перед узким проулком, ведущим к Крейн-корту. Кучер направил лошадей туда, крикнув, чтобы багажная телега ехала следом; остальному каравану, включавшему на этом этапе ещё две кареты и вторую подводу с вещами, надлежало поворачивать в сторону Ладгейт.

Втиснуть лошадей, упряжь и карету в арку было

всё равно что втолкнуть в бутылку игрушечный кораблик с полным парусным вооружением. В какой-то момент они окончательно застопорились, и Даниель, глядевший в боковое окно, очутился нос к носу с пешеходом — тощим, рябым малым лет тридцати, которому маневры каравана не давали пройти по Флит-стрит. Малый этот, в облезлом парике из конского волоса, с дымным фонарём в одной руке и палкой в другой, смотрел через окошко с таким искренним любопытством, что мистер Тредер возмущённо закричал:

— Проходи, почтенный, нас проверять нечего!

Карета въехала в узкий каменный мешок Крейн-корта.

— Это кто-то из новых соседей Королевского общества? — спросил Даниель.

— Дозорный? Полагаю, нет!

— Каждый обыватель должен в свой черед обходить улицу дозором, — педантично заметил Даниель, — и посему я заключаю…

— Акт был принят двадцать лет назад, — отвечал мистер Тредер, явно сочувствуя наивности своего спутника. — Домовладельцы взяли обычай в складчину нанимать вместо себя какого-нибудь бездельника. Раз вы встретили его сегодня вечером, то встретите и завтра, если только он не

будет сидеть в кабаке.

Они продолжали осторожно ползти вперёд. За аркой двор расширялся так, что здесь могли бы, хоть и впритирку, разминуться два экипажа.

— Я предпочёл бы оставить вас в доме какого-нибудь уважаемого члена Общества, — заметил мистер Тредер. — Вы ведь, надеюсь, с ними не в ссоре? — пошутил он, желая закончить путешествие на весёлой ноте.

«Скоро буду», — подумал Даниель, а вслух сказал:

— У меня в кармане несколько приглашений, и я намерен расходовать их методично.

— Как скряга — монеты! — воскликнул мистер Тредер, всё ещё пытаясь разогреть Даниеля до того градуса веселья, который, на его взгляд, приличествовал расставанию. Возможно, это означало, что он хотел бы видеться и в дальнейшем.

— Или как солдат — пули, — отвечал Даниель.

— Присовокупите ещё одно!

— Что-что?

— Ещё одно приглашение! Вы должны погостить несколько дней у меня, доктор Уотерхауз; в противном случае я сочту себя оскорблённым!

Прежде чем Даниель придумал вежливую отго-

ворку, карета остановилась. В тот же миг дверцу потянул на себя какой-то человек, которого Даниель счёл привратником, только почему-то одетым в лучший воскресный наряд. Был он не из привратников-верзил, а высокий, обычного сложения, лет сорока пяти, чисто выбритый и отчасти напоминал джентльмена.

— Это я, — сказал Даниель, видя, что привратник не знает, кто из двух пассажиров — почётный гость.

— Милости просим в Крейн-корт, доктор Уотерхауз, — объявил привратник искренне, но без теплоты. Он говорил с французским акцентом. — Анри Арланк, к вашим услугам.

— Гугенот, — пробормотал мистер Тредер, покуда Анри Арланк помогал Даниелю выбраться на мостовую.

Даниель взглянул на здание, образующее заднюю стену двора, — оно выглядело в точности как на гравюрах, то есть очень просто и незатейливо. Он обернулся на Флит-стрит. Обзор загораживала телега, которая долго не могла въехать в арку и отстала от кареты футов на пятьдесят.

— Мерси, — поблагодарил мистер Тредер Арланка, помогавшего ему вылезти из экипажа.

Даниель шагнул в сторону, чтобы заглянуть в

просвет между телегой и домами, выходящими на Флит-стрит. В темноте он видел много хуже, чем лет тридцать назад, но всё же вроде бы различил в арке, до которой было футов сто, слабый отблеск фонаря. Теперь дозорный пытал кого-то другого — человека в портшезе.

Внезапно телега выросла в размерах, как будто бычий пузырь раздували на весь двор. Даниель едва отметил это впечатление, поскольку она превратилась в источник света. Затем словно бы светящийся жёлтый кулак вынырнул из завесы чёрного дыма и рассыпался облаком пепла, не дойдя до Даниеля. Впрочем, тот ощутил на лице жар, и что-то выброшенное облаком ударило его на излёте. По всему двору весело зазвенели эльфийские колокольчики: золотые монеты искали на мостовой местечки поудобнее и кручёными параболами падали на черепицу. Очевидно, некоторые взлетели на значительную высоту, потому что продолжали падать с большой силой и отскакивать ещё несколько секунд после того, как Даниель тоже отыскал себе удобное местечко — задом на мостовой. Стена дыма надвинулась, так что он не видел своих ног, но явственно ощущал запах — сернистый, несомненный продукт сгорания пороха. Была и какая-то химическая

примесь, которую Даниель, несомненно, узнал бы в лаборатории; однако сейчас его отвлекали другие мысли.

Кто-то кого-то звал; выкликали и его имя.

— Я цел! — крикнул Даниель.

Слова прозвучали, как сквозь вату. Он с проворством двадцатилетнего вскочил на ноги и двинулся через двор в направлении Флит-стрит. Ближе к земле воздух был чище, поэтому Даниель шёл, согнувшись почти вдвое и отмечая пройдённый путь по рассыпанным монетам и прочему мусору. В дыму кружилось что-то вроде снега: енотовый мех.

— Дозорный! — крикнул Даниель. — Ты меня слышишь?

— Да, сударь! Я послал за караулом!

— Караул опоздал! Беги за портшезом и скажи, куда он направился!

Молчание.

Из дыма, всего в нескольких ярдах, раздался голос мистера Тредера.

— Дозорный! Узнай, куда направился портшез, и получишь гинею!

— Будет сделано! — отозвался дозорный.

— Либо эквивалент гинеи товарами или услугами по моему усмотрению, при условии, что

сведения будут полезны, своевременны, недостижимы иными средствами, доставлены мне и мне одному; учти также, что это предложение не может расцениваться как соглашение о найме и не влечёт наступления уголовной или гражданской ответственности. Вы слышали, доктор Уотерхауз?

— Да, мистер Тредер.

— Засвидетельствовано января тридцать первого дня лета Господня тысяча семьсот четырнадцатого, — скороговоркой закончил мистер Тредер.

Переведя дух, он начал отвечать на вопросы помощников, которые прибежали с Флит-стрит и теперь метались в дыму, почти такие же опасные, как перепуганные лошади. Отыскав Даниеля и мистера Тредера (то есть наткнувшись вслепую и едва не сбив их с ног), все четверо принялись раз за разом спрашивать, не пострадали ли те, чем ещё больше разозлили Даниеля, подозревавшего, что единственная цель расспросов — привлечь к себе внимание. Он велел им пойти лучше и поискать кучера телеги, которого последний раз видел летящим по воздуху.

Дым начал редеть; впечатление было такое, что он не столько поднимается, сколько всасы-

вается двором.

Мистер Тредер подошёл к Даниелю.

— Вас что-нибудь задело?

— Не очень сильно.

Ему впервые пришла в голову мысль отряхнуть одежду. В складках застряли щепки и енотовый мех. Палец зацепил край монетки, который от пережитых приключений стал как пила. Она выскользнула и легонько звякнула о мостовую. Даниель нагнулся поглядеть. Это была вовсе не монета, а шестерёнка. Даниель поднял её. Вокруг помощники мистера Тредера, словно сборщики колосьев, подбирали монеты с мостовой. Кучер багажной телеги лежал ничком и стонал, как пьяный. Его пытались поднять Арланк и какая-то женщина, возможно, жена Арланка. Кто-то догадался перегородить второй подводой вход в Крейн-корт, чтобы караул — когда и если он наконец подоспеет — не присоединился к сбору монет.

— Рискуя показаться педантом, говорящим очевидное, — сказал мистер Тредер, — предположу, что мою багажную телегу взорвали.

Даниель несколько раз подбросил шестерёнку на ладони и убрал в карман.

— Без сомнения, ваша гипотеза выдерживает

проверку тем, что мы называем бритвой Оккама.

Мистер Тредер был на удивление весел. К слову, и Даниель, весь день пребывавший в отвратительном расположении духа, ощущал сейчас странную лёгкость в голове. Он обратился к Анри Арланку, который подошёл, весь чёрный и вытирая с рук кровь:

— Мистер Арланк, если вы не ранены, не затруднит ли вас взять метлу и замести мои вещи в дом?

Тут уж мистер Тредер рассмеялся по-настоящему.

— Доктор Уотерхауз! Если позволите мне откровенность, я тревожился, что ваш енотовый мех станет посмешищем лондонских модников. А так упомянутому одеянию не дали даже въехать в ворота Сити.

— Это сделал кто-то очень молодой, — предположил Даниель.

— Почему вы так думаете, сэр?

— Я ни разу не видел вас счастливее, мистер Тредер! Только очень мало живший человек мог вообразить, что взрыв произведёт впечатление на джентльмена ваших лет и опыта.

Мистер Тредер перестал похохатывать и на несколько мгновений умолк. Со временем он

снова повеселел, но не прежде, чем на его лице последовательно сменились растерянность, изумление и даже гнев.

— Я собирался сказать то же самое *вам!*

Его не так потряс взрыв, как предположение, что мишенью мог быть он сам. Новая волна удивления и сдерживаемой досады прокатилась по его лицу. Даниель смотрел, как зачарованный: у мистера Тредера всё-таки обнаружились черты лица, причём весьма выразительные.

Под конец он мог только рассмеяться.

— Я собирался выразить своё возмущение, доктор Уотерхауз, тем, что вы вообразили, будто взрыв имеет касательство ко *мне*. Однако я не могу бросить в вас камень, ибо повинен в том же грехе.

— Вы решили, что это из-за меня?! Но никто не знал, что я приезжаю! — сказал Даниель, правда, не вполне твёрдым голосом, потому что вдруг вспомнил пиратов в заливе Кейп-код и то, как Эдвард Тич, буквально исходя дымом на юте «Мести королевы Анны», требовал его по имени.

— Никто, за исключением всей команды корабля, высадившего вас в Плимуте, а он уже наверняка в Лондоне.

— Однако никто не знал, *как* я приеду в Лон-

дон!

— Кроме совета директоров и большинства пайщиков товарищества совладельцев машины по подъёму воды посредством огня. Не упоминая уже вашего гаранта. — Мистер Тредер внезапно просветлел лицом и добавил: — Возможно, вас хотели не напугать, а убить!

— Или вас, — возразил Даниель.

— Любите ли вы пари, доктор Уотерхауз?

— Меня учили, что они — мерзость. Однако моё возвращение в Лондон доказывает, что я человек падший.

— Десять гиней.

— Что убить хотели меня?

— Именно так. Ну что, доктор Уотерхауз?

— Поскольку жизнь моя и так на кону, глупо мелочиться из-за десяти гиней. Идёт.

Крейн-корт

начало февраля 1714
Даниель в Крейн-корте

Но что за причина, что такой прекрасный человек провёл дни свои во тьме?

Джон Беньян, «Путь паломника» [2]

ПЕРВЫЕ ДВЕ НЕДЕЛИ, проведённые Даниелем в Королевском обществе, не могли сравниться по яркости с грандиозным зрелищем, возвестившим его прибытие. Возбуждение, связанное с пережитым страхом, заставило его помолодеть на полстолетия. Проснувшись на следующее утро в гостевой мансарде, он обнаружил, что возбуждение рассеялось, как дым от взрыва, а страх остался, словно чёрные отметины на мостовой. Болела каждая косточка, каждый сустав, будто все удары и потрясения с того самого дня, как Енох Роот переступил порог его института, не проявлялись сразу, а записывались в долговую книгу, и теперь предъявлены скопом, с грабительскими процентами.

Хуже всего была меланхолия, лишавшая желания есть, вставать с постели, даже читать. Даниель двигался лишь в те редкие промежутки, когда меланхолия сгущалась в дикий, животный страх, от которого сердце начинало стучать и кровь отливала от головы. Как-то перед рассветом он поймал себя на том, что смотрит в окно на телегу, доставившую уголь в соседний дом, и,

---

[2] Примечания: 2
Здесь и далее перев. Т. Поповой.

стиснув занавеску, гадает, не скрываются ли под личиной угольщика и его мальчишек переодетые убийцы.

Ясное осознание, что он наполовину обезумел, ничуть не уменьшало физическую власть страха, который двигал тело с неодолимой силой, как волны, швыряющие пловца. За две недели Даниель нисколько не отдохнул, хотя всё время лежал в постели, и видел в пережитом одну-единственную положительную сторону: он стал лучше понимать душевное состояние сэра Исаака Ньютона. Сомнительное приобретение. Словно апоплексический удар отнял у него способность думать о будущем. Даниель не сомневался, что его история закончена и долгое путешествие через Атлантический океан оказалось искрой, так и не воспламенившей порох в дуле, осечкой — принцесса Каролина закусит губку, покачает головой и спишет свои затраты как неудачное вложение в плохую затею. Сейчас он чувствовал себя немногим лучше, чем в Бедламе, привязанный к креслу, когда Гук удалял ему камень. Боль была не такая сильная, но душевное состояние то же самое: он, как подопытная собака, стал пленником настоящего, а не действующим лицом осмысленной истории.

Ему стало лучше в Валентинов день. Чудодейственное средство, поборовшее болезнь, было столь же необычно, как и она сама. Изготовили его не аптекари, ибо Даниель употребил все оставшиеся силы на то, чтобы не подпускать к себе врачей с их ланцетами. Оно производилось в той части города, которой в юности Даниеля просто не существовало: на Граб-стрит, сразу за Бедламом.

Другими словами, Даниеля исцелили газеты. Миссис Арланк (жена Анри, английская нонконформистка, экономка в Крейн-корте) заботливо снабжала его едой, питьём и газетами. Посетителям она говорила, что доктор Уотерхауз смертельно болен, врачам — что ему гораздо лучше, и таким образом не впускала никого. По просьбе Даниеля она носила ему почту.

Во многих городах газет не печатали вообще; не носи их миссис Арланк, Даниель не почувствовал бы потери. Однако в Лондоне их было восемнадцать. Казалось, скопление в одном городе чрезмерного количества печатных станков, кровавая атмосфера партийной розни и неограниченный запас кофе, соединясь в некоем алхимическом смысле, породили чудовищную неисцелимую рану, сочащуюся чернильным

гноем. Даниель, в чьём детстве печатные станки прятали под сеном, чтобы цензор не приказал расплющить их в лепёшку, сперва не мог в такое поверить; однако газеты исправно приходили каждый день. Миссис Арланк приносила их, как будто любому человеку естественно за утренней овсянкой узнавать обо всех лондонских скандалах, дуэлях, бесчинствах и катастрофах.

Поначалу Даниель едва мог это читать. Казалось, каждый день по полчаса на него выплёскивают Флитскую канаву. Однако, привыкнув к газетам, он начал находить своего рода утешение в самой их гнусности. И впрямь, как надо любить себя, чтобы прятаться под одеялом от невидимых врагов в городе, который может с тем же правом зваться столицей злобы, с какой Париж слывёт законодателем мод? Так перетрусить только из-за того, что его пытались взорвать в Лондоне, всё равно что матросу в разгар сражения дуться на товарища, отдавившего ему ногу.

Итак, поскольку это улучшало его самочувствие, Даниель каждое утро с нетерпением ждал новой порции чернильных нечистот. Искупаешься в желчи, умоешься ядом, окунёшься с головой в клевету — и чувствуешь себя новым человеком.

Четырнадцатое февраля пришлось на воскре-

сенье, то есть чета Арланков ещё до рассвета отправилась в гугенотский молельный дом где-то за Рэтклифом. Даниель, проснувшись, обнаружил за дверью поднос с одинокой миской овсянки. Газет не было! Он отважился спуститься из мансарды в поисках старых. Нигде ничего читабельного, за исключением треклятых натурфилософских книг! Однако внизу, в кухоньке, сыскалась кипа старых газет, сложенных на растопку. Даниель торжествующе уволок их к себе и, ковыряя застывшую овсянку, прочёл несколько относительно свежих номеров.

В выпусках за прошлую неделю газетчики достигли единодушия касательно некоего факта. Это случалось примерно так же часто, как полное солнечное затмение, и с той же вероятностью могло вызвать панику на улицах. Борзописцы сошлись, что сегодня королева Анна откроет заседание парламента.

Даниелю королева представлялась карикатурным олицетворением старческой немощи. Весть, что эта полузабальзамированная фикция встанет с постели и совершит нечто значительное, заставила его устыдиться. Когда во второй половине дня вернулись Арланки и миссис поднялась в мансарду за подносом и миской, Даниель объ-

явил, что завтра прочтёт почту и, может быть, даже встанет и оденется.

Миссис Арланк, особа сообразительная, несмотря на внешность и манеры наседки, улыбнулась, правда, одними губами — как у большинства лондонцев, зубы у неё были чёрные от употребления сахара, и показывать их считалось невежливым.

— Вы хорошо подгадали время, — сказала она на следующий день, протискиваясь спиной в узкую дверь и прижимая к животу корзину с книгами и бумагами. — Сэр Исаак в третий раз о вас спрашивал.

— Он был здесь сегодня утром?

— Он и сейчас здесь. — Миссис Арланк замолчала. По всему дому пробежал как бы лёгкий вздох — закрылась входная дверь. — Если это не он вышел…

Даниель, сидевший на краешке кровати, встал и подошёл к окну. Он не видел отсюда парадную дверь, но вскоре приметил отходящего от дома дюжего молодца, зажавшего в каждой руке по толстой палке. Вслед за ним показался чёрный портшез, а затем и второй носильщик. Перейдя на рысь, молодцы принялись вилять между громогласными разносчиками, точильщиками ножей и тому подобной публикой, выражавшей при-

творное изумление тем, что жители Крейн-корта не выбегают из домов с намерением что-нибудь купить или поточить.

Даниель провожал взглядом Исааков портшез до самой Флит-стрит — грохочущей стремнины утреннего транспорта. Носильщики замедлили шаг, собираясь с духом, и отважно ринулись в просвет между экипажами. За сто ярдов, через стекло Даниель слышал, как кучера поминают их родительниц. Однако портшез тем и хорош, что может обогнать кареты, лавируя в промежутках; вскоре носилки исчезли в потоке стремящихся к Вестминстеру людей и лошадей.

— Сэр Исаак едет на открытие парламента, — предположил Даниель.

— Да, сэр. Как и сэр Кристофер Рен, который тоже о вас осведомлялся, — сказала миссис Арланк, не упустившая редкий случай снять с кровати бельё. — И это ещё не всё, сэр. Вам письмо от герцогини. Посыльный доставил его меньше получаса назад. Оно в корзине сверху.

Ганновер, 21 января 1714 г.
Доктор Уотерхауз!

Так как Вы должны, с Божьей помощью, скоро прибыть в Лондон, барон фон Лейбниц жаждет с Вами переписываться. Я наладила пересылку

писем между Лондоном и Ганновером и с риском показаться навязчивой предложила доктору (как дружески его называю, хотя теперь он барон) воспользоваться услугами моих курьеров. Моя печать на этом пакете свидетельствует, что письмо попало из рук доктора в Ваши, никем не тронутое и не прочитанное.

Если Вы извините меня за короткую личную приписку, то знайте, что я приобрела Лестер-хауз, который, как Вам, возможно, известно, принадлежал Елизавете Стюарт до того, как она стала известна под именем Зимней королевы; когда я туда вернусь, что может произойти вскорости, надеюсь, вы уделите немного своего времени, чтобы меня навестить.

Ваша преданная и покорная слуга
Элиза де ля Зёр,
герцогиня Аркашон-Йглмская

В письмо были вложены листы, исписанные почерком Лейбница.

Даниель!

Предположение, что Господь внемлет молитвам лютеран, оспаривается многими, в том числе из тех, кто исповедует лютеранство. И впрямь, видя недавнее поражение Швеции в войне с

Россией, недолго прийти к выводу, что наивернейший способ призвать какое-либо событие — всем лютеранам встать на колени и молить Бога, чтобы оно не произошло. Невзирая на вышесказанное, я каждодневно молился о благополучии Вашего путешествия с тех самых пор, как узнал, что Вы покинули Бостон, и пишу эти строки в надежде, что Вы счастливо добрались до Лондона.

Было бы неприлично в самом начале письма просить Вас о помощи, посему развлеку (по крайней мере, льщу себя надеждой, что сумею развлечь) Вас рассказом о своей последней встрече с моим нанимателем, Петром Романовым, или Петром Великим, как его теперь называют, и небезосновательно. (Я пишу «нанимателем», поскольку он должен — я не говорю «платит» — мне жалованье как советнику по некоторым вопросам; государыней же моей по-прежнему остаётся София.)

Как Вам, вероятно, известно, последние несколько лет царь занят преимущественно тем, что воюет со шведами и турками. В остальное время он строит свой город, Санкт-Петербург, который обещает стать великолепным, хоть и возводится на болоте. Сие подразумевает, что

обычно царю недосуг выслушивать болтовню учёных.

Однако иногда он всё же её выслушивает. Выкинув шведов из Польши, Пётр завёл обыкновение путешествовать через эту страну в Богемию и по нескольку недель каждый год проводить на Карлсбадских водах. Делает он это зимой, когда земля скудна, а море сковано льдом, посему война прекращается до весны. Карлсбад расположен среди лесов в горной долине, недалеко от Ганновера, и туда я езжу отработать (не говорю «получить») жалованье советника при царе всея Руси.

Но если Вы вообразили мирную зимнюю идиллию, то лишь потому, что я не живописал картину во всей её полноте. 1) Весь смысл лечения водами состоит в том, чтобы вызвать сильнейшее несварение желудка на несколько дней или недель. 2) Пётр привозит с собой целую свиту дюжих степняков, не готовых терпеть карлсбадскую скуку. Слова «покой», «тишина», «отдохновение», сколь бы часто ни употребляла их измученная четвертьвековой войной европейская знать, судя по всему, не поддаются переводу ни на один язык, на котором говорят спутники Петра. Они останавливаются в особняке, который предоставляет

им владелец, польский герцог. Подозреваю, что он делает это из чувств более низменных, чем гостеприимство, ибо каждый год русские находят дом в отличном состоянии, а оставляют в руинах. Я бы даже не добрался до него, если бы не приехал в собственном экипаже; местные извозчики не соглашаются приближаться к нему ни за какие деньги из страха угодить под пули либо — что ещё опаснее — быть втянутыми в кутёж.

Мне выбора не предложили. Едва я вышел из кареты, меня приметил карлик, который, увидев, как я на лютеранский манер благодарю Бога за счастливое окончание пути и молю Его о скором отбытии, завопил: «Швед! Швед!» Крик был мгновенно подхвачен. Я сказал кучеру уезжать, каковому совету он и последовал со всей возможной поспешностью. Тем временем два казака схватили меня и усадили в другую повозку, вернее, в обычную тачку садовника. Я не сразу понял, что это такое, потому что она была украшена серебряными канделябрами, шёлковыми занавесками и вышитыми коврами. Чтобы освободить для меня место, из тачки выбросили бюст прусского короля, уже изрядно выщербленный пулями, — упав на заледенелые камни мостовой, он раскололся пополам. После этого

живой Лейбниц занял место мраморного короля. В отличие от своего предшественника, я не раскололся пополам, хотя и был усажен так грубо, что лишь чудом не сломал копчик. На мой парик водрузили сломанную дамскую тиару вместо короны и без дальнейших церемоний вкатили меня в большую бальную залу особняка, где было дымно, как на поле сражения. К тому времени меня окружала фаланга карликов, казаков, татар и различных страхолюдных европейцев, которые до моего прибытия толклись во дворе. Я не видел ни одного русского, пока ворвавшийся из раскрытых дверей ветер не рассеял дым в дальнем конце помещения и глазам моим не предстала импровизированная крепость из поставленных набок столов, связанных шнурами от сонеток и занавесей. Она была снабжена люнетами и равелинами из стульев и секретеров; обороняли её исключительно русские.

Я заключил, что свита Петра разделилась на два войска: московитов и разноплеменников, которые сражаются между собой; вернее будет сказать, разыгрывают сражение, ибо общие очертания редутов и построение разноплеменных войск наводило на мысль о Полтавской битве. Противником Петра в той великой баталии был

Карл XII Шведский, чью роль до последних мгновений исполнял мраморный бюст; однако он оказался столь никудышным полководцем, что его войско оттеснили на мороз. Немудрено, что за меня, настоящего живого лютеранина, ухватились с таким пылом. Впрочем, тех, кто ждал от меня большей доблести, нежели от статуи, постигло разочарование, ибо, будучи вкачен на тачке во главе разноплеменного войска, я во всех отношениях повёл себя, как шестидесятисемилетний натурфилософ. Ежели я и обмочился со страха, это не имело значения, поскольку моравская потаскуха, подбежавшая ко мне с исполинской кружкой, наступила на подол и выплеснула пиво мне на колени.

Пропустив по кружечке, разноплеменное войско пошло на штурм редута. Мы успели преодолеть половину зала, когда некий русский во весь опор вылетел из-за перевёрнутого шкафа и взмахом сабли перерубил трос, державший люстру. Подняв глаза, я увидел, что на меня падают полтонны хрусталя и гросс зажжённых свечей. Казаки, катившие мою тачку, рванулись вперёд, и мы проскочили под люстрой так быстро, что я ощутил тепло свечей за миг до того, как меня осыпало бы стеклянным градом. Итак, мы про-

скочили; однако наше войско было остановлено этим зрелищем, а затем не смогло продолжать путь из-за битого стекла. Продвижение наше *замедлилось*, а сердце моё *остановилось* при виде ружейных дул, направляемых на нас из-за редута. Вспыхнул порох на полках, и дула выбросили в нас белое пламя. Однако ничего больше из них не вылетело, если не считать пыжей. Мне тлеющая бутылочная пробка угодила в руку — там и сейчас синяк. Количество дыма не поддаётся описанию. По большей части он образовывал аморфные клубы, однако я видел одно или два кольца размером с мужскую шляпу, которые преодолевали большие расстояния, сохраняя форму и *vis viva* [3]. Кольца эти отличны от морских волн, состоящих в разное время из разной воды, ибо совершают движение в чистом воздухе, неся свою собственную субстанцию, которая не разбавляется им и не растворяется в окружающей атмосфере. Однако нет ничего особенного в дыме как таковом — он тот же, что висит над полями сражений бесформенными клубами. Мне представляется, что своеобразие дымового кольца заключено не в веществе, его составляющем, ибо

[3] Примечания: 3
Кинетическая энергия, букв. живая сила (*лат.*).

оно обычно, но во взаимосвязях, возникающих между его частицами. Именно этот характер связей, удерживаемый в пространстве и сохраняемый во времени, и наделяет дымовое кольцо неповторимостью. Возможно, то же наблюдение справедливо в отношении других сущностей, включая людей. Ведь вещество, из которого мы состоим, есть обычная субстанция этого мира, сиречь грубая материя, посему материалисты могут сказать, что мы не отличаемся от камней; однако наша субстанция пронизана неким организующим принципом, наделяющим нас неповторимостью, и я могу послать письмо Даниелю Уотерхаузу на лондонский адрес в полной уверенности, что как дымное кольцо проплывает над полем сражения, так и он преодолел большое расстояние и просуществовал долгое время, оставшись тем же человеком. Вопрос, как всегда, в том, *добавляется* ли организующий принцип к материи, одухотворяя её, как брошенные в пиво дрожжи, или заключён во взаимосвязи частей. Как натурфилософ я считаю себя обязанным поддерживать второй взгляд, ибо, если натурфилософия объясняет мир, она должна объяснять его в терминах вещей, этот мир составляющих, без отсылок к потустороннему. Такой взгляд я из-

ложил в своей книге «Монадология», каковую и прилагаю в надежде, что Вы любезно согласитесь её посмотреть, и, правильно или ложно, я толковал кольца, плывущие надо мной в Карлсбаде, как римляне толковали бы воронов, сов и прочая перед битвой.

Русские не стреляли в нас пулями, а если стреляли, то ни одна в меня не попала. Мгновение я льстился мыслию, будто нам ничто более не грозит. Однако тут из-за дымовой завесы, в которую меня втолкнули, раздался свист обнажаемых клинков и зычные крики, с которыми русские прыгали через поломанную мебель. Они перешли в контрнаступление! Они возникали, подобно призракам, как если бы самый дым сгущался в плотные формы, и, размахивая саблями, обрушивались на врага. К тому времени я убедил себя, что оказался в центре мятежа и приму смерть в тачке. Тут из дыма на меня двинулось нечто огромное; не единичный вихрь, а целое метеорологическое явление, подобное американским смерчам и казавшееся ещё выше из моей позиции, ибо я пригнулся так низко, как только мог.

Сквозь коловращение воздуха сверкала не только сталь, но и осыпанная брильянтами парча; и вот завеса разошлась, как волны перед

золочёной носовой фигурой военного корабля. Надо мной стоял Пётр Великий.

Узнав меня, он рассмеялся, и мне осталось лишь принять это унижение.

— Давайте выйдем, — произнёс он по-голландски.

— Я боюсь, что меня убьют! — воскликнул я со всей искренностью.

Царь снова рассмеялся, убрал шпагу в ножны и шагнул вперёд, так что ноги его оказались по разные стороны тачки, почти как если бы он хотел на меня помочиться. Потом он нагнулся, упёр плечо мне в живот и поднял меня, словно мешок кофейных зёрен из корабельного трюма. Через мгновение я свисал вниз головою с его плеча и видел, как скользят над мраморным полом его шпоры. Пётр огромными шагами двигался к выходу. Я ожидал увидеть лужи крови и отрубленные руки, однако не заметил ничего хуже блевоты. Вокруг по-прежнему бушевало сражение, но, когда удары достигали цели, слышался лишь шлепок — русские били саблями плашмя.

Пётр вынес меня в регулярный сад, с большими затратами вырубленный средь дремучего леса, и, наклонившись, усадил, как мне сперва показалось, на очень высокую скамью. Однако она

повернулась подо мною. Оглядевшись, немного придя в себя и поморгав от яркого света на снегу, я понял, что сижу на колесе опрокинутой на бок телеги. Судя по следам, её тащили, пока не упёрли в зелёную изгородь, выстриженную в форме боевого корабля, который теперь, будучи протаранен телегой, сильно кренился на правый борт. Изгородь защищала от ветра, а колесо располагалось на той высоте, где у обычного человека находится плечо; таким образом, сидя на нём, я смотрел царю почти прямо в глаза.

Мне ещё не доводилось попадать к нему на приём так быстро. В прежние годы меня со всей поспешностью вызывали в Карлсбад, после чего я дни или недели вымаливал через придворных аудиенцию. Я обрадовался было, что увидел царя так скоро, но тут же сообразил, что причина такой спешки либо в его недовольстве мною, либо в желании что-то от меня получить. Обе догадки оказались верны.

Разговор был кратким, некоторые сказали бы — грубым. Не то что Пётр дик и неотёсан. Да, он подвержен вспышкам страстей, но скорее как римский император, чем как пещерный медведь. Просто он любит созидать, желательно своими руками, и воспринимает слова как досадную

помеху. Ему приятнее делать что-нибудь, пусть даже по сути глупое и бессмысленное, чем говорить о прекрасном и возвышенном. Он хочет, чтобы слуги были руками, исполняющими его волю мгновенно и без утомительных разъяснений, — настолько, что, если его не поняли с первых слов, впадает в ярость и, оттолкнув собеседника, сам делает то, о чем говорил. Поскольку нет ни одного языка, которым мы оба владели бы свободно, ему следовало позвать переводчика, однако он предпочёл обойтись несколькими фразами на смеси немецкого, русского и голландского.

— В Санкт-Петербурге отведено место под строительство Академии наук, как вы советовали, — начал он.

— Всемилостивейший государь! Я имел честь основать подобную академию в Берлине и отчасти уже убедил императора создать такую же в Вене; моя радость от услышанной вести умеряется страхом, что однажды российская академия затмит немецкие, а возможно, и посрамит Королевское общество!

Вы можете вообразить нетерпение, с которым царь слушал мои слова. Я не добрался и до середины фразы, как он принялся расхаживать

взад-вперёд, словно замёрзший часовой. Я взглянул на другой конец сада и приметил несколько портретов в золочёных рамах, которые вынесли из дома, прислонили к ограде и стреляли по ним, как по мишеням. Лица на них зияли рваными дырами, а не столь меткие выстрелы испещрили фон неведомыми науке созвездиями. Я решил скорее перейти к сути:

— Что я могу для этого сделать?

Он резко обернулся:

— Для чего?

— Вы хотите, чтобы российская академия превзошла берлинскую, венскую и лондонскую?

— Да.

— Чем я могу помочь вашему величеству? Прикажете завербовать для вас учёных?

— Россия велика. Я могу делать учёных, как делаю солдат. Однако солдат без ружья — просто нахлебник. Думаю, то же и учёный без инструментов.

Я пожал плечами:

— Математикам инструменты не нужны. Всем другим учёным что-нибудь потребно для работы.

— Добудьте эти вещи, — распорядился он.

— Да, всемилостивейший государь.

— Мы сделаем то, о чём вы говорили, — объ-

явил он. — Думающую библиотеку.

— Машину, которая управляет знаниями при помощи набора логических правил?

— Да. Для моей Академии это будет хорошая вещь. Ни у кого другого такой нет.

— По обоим пунктам я совершенно согласен с вашим императорским величеством.

— Что вам для неё нужно?

— Как Санкт-Петербург нельзя строить без архитектурных планов, а корабль без чертежей…

— Да, да, вам нужны таблицы знаний, написанные двоичными числами, и правила символической логики. Я оплачиваю эту работу много лет!

— Со щедростью, достойной кесаря, государь. И я разработал логическое исчисление, пригодное для такой машины.

— Что с таблицами знаний? Вы говорили, их составляет человек в Бостоне?

К этому времени царь подошёл ко мне вплотную. У него дёргалось уже не только лицо, но и рука. Чтобы унять тик, он ухватился за обод колеса, на котором сидел я, и принялся вращать его то вправо, то влево.

Возможно, Даниель, Вы сможете отчасти извинить мои последующие слова, если я скажу, что царь по-прежнему ломает своих людей на

колесе и подвергает ещё более страшным истязаниям тех, кто навлёк на себя его неудовольствие; и я, в своём тогдашнем положении, то есть сидя на большом колесе, не мог отогнать от себя подобные мысли. Не придумав ничего лучше, я выпалил:

— О, доктор Уотерхауз в это самое время пересекает Атлантический океан и должен, с Божьей помощью, скоро быть в Лондоне!

— Что?! Он передаст работу, которую я оплатил, Королевскому обществу? Я знал, что надо задушить Ньютона, пока была такая возможность!

(Несколько лет назад Пётр, будучи в Лондоне, посетил сэра Исаака в Монетном дворе.)

— Отнюдь нет, всемилостивейший государь, ибо Королевское общество не жалует вашего покорного слугу и не приняло бы ничего, связанного с моим именем, даже если бы доктор Уотерхауз опустился до такой низости, о чём и помыслить невозможно!

— Я строю флот, — объявил Пётр.

Это, надо сказать, ничуть меня не удивило, ибо он *всегда* строит флот.

— Я распорядился соорудить три военных корабля в Лондоне. Они отправятся в Балтийское море весной, как только позволит погода, и при-

мкнут к моему флоту в войне против шведов, ибо я ещё не до конца очистил Финляндию от этой скверны. Я желаю, чтобы, когда мои корабли выйдут из Лондона, на борту их были инструменты для моей Академии наук и труды доктора Уотерхауза.

— Всё будет исполнено, ваше императорское величество, — отвечал я, ибо сказать что-нибудь иное представлялось неблагоразумным.

После этого он поспешил убрать меня с глаз долой. Вашего покорного со свистом доставили на тройке в центр Карлсбада и воссоединили с кучером. Отсюда мы отправились в Ганновер, лишь ненадолго завернув в Лейпциг, где мои дела пребывают в величайшем расстройстве. Издание «Монадологии» потребовало от меня не более чем обычных стычек с печатниками. Теперь, когда война окончена, принц Евгений, доблестный соратник герцога Мальборо, проявил интерес к философии, уж не знаю, искренний или показной. Так или иначе, он попросил меня изложить мои мысли в форме, понятной для людей вроде него, то есть грамотных и умных, но не изучавших глубоко философию. (Не он первый. Занятно было бы полюбопытствовать у кого-нибудь из этих господ, почему они считают такое возмож-

ным в случае философии, хотя им и в голову не приходит просить сэра Исаака написать версию «Математических начал», из которых была бы выброшена вся математика.) Я постарался, как мог, угодить желанию принца Евгения. Трактат получил название «Начала природы и благодати», и его издание теперь тоже продвигается, сопровождаемое совершенно новыми препонами и контроверзами. Однако б***о***льшую часть времени в Лейпциге я потратил не на издание *нового* труда, а на скучное пережёвывание сделанного сорок лет назад. Поскольку Вы сейчас в лоне Королевского общества, Даниель, то прекрасно знаете, о чём я говорю: о споре с сэром Исааком касательно того, кто первым изобрёл дифференциальное исчисление. Письма реяли туда-сюда, как коршуны над двором живодёрни, с тех самых пор, как шесть лет назад спор стал ожесточённым; однако за два последних года он сделался яростным. Сэр Исаак начал собирать в Королевском обществе «комитеты» и, прости Господи, «трибуналы», дабы вынести «беспристрастный» вердикт. Короче, к тому времени, как Вы будете читать это письмо, всё, что я имею сейчас сказать касательно спора о приоритете, устареет, и Вы сможете получить куда более свежие новости,

просто выйдя в коридор и остановив первого встречного.

Сейчас, Даниель, Вы наверняка уже испугались, что я прошу у Вас помощи в войне с сэром Исааком. Должен повиниться: я и впрямь пал бы так низко, если бы Пётр не обременил меня более насущной заботой. А так по пути из Лейпцига в Ганновер я думал о сэре Исааке лишь в одном практическом смысле: меня тревожила невозможность написать Вам на адрес Королевского общества без того, чтобы кто-нибудь, возможно даже сам Ньютон, узнав мой почерк, вскрыл бы письмо.

Однако, приехав, я обнаружил, что Провидение обо мне позаботилось. В Ганновер инкогнито прибыла моя (и Ваша, полагаю) старинная приятельница Элиза, герцогиня Аркашон-Йглмская.

В последние год-два, после того как война застопорилась, словно незаведённые часы, некоторые представители английской знати потянулись в Ганновер. Эти английские придворные (разумеется, сплошь виги), вероятно, заслужили презрение лондонского света тем, что повернулись спиной к царствующей королеве и отправились искать милостей у Софии и её сына. Возможно, в отношении некоторых упрёки справедливы.

Однако люди эти оказывают неоценимые услуги не только Ганноверу, но и Англии, устанавливая связи, уча будущих правителей начаткам английского языка и понуждая их всерьёз думать о разумных приготовлениях. Если смена династии пройдёт гладко, то лишь благодаря им. А уж они, несомненно, извлекут из этого все возможные выгоды.

Я умолчу, чем занимается Элиза в Ганновере. Довольно будет сказать, что её *incognito* — не просто дань эксцентричной моде. При дворе она не появляется, и почти никто не знает, что герцогиня здесь. Она часто переписывается с неким высокопоставленным англичанином, который последнее время жил во Франкфурте, а сейчас перебрался в Антверпен. И если она получает письма от двора Претендента в Сен-Жермене, то не потому, что состоит в сговоре с якобитами, а потому, что хочет знать всё об интригах, которые плетут там, дабы посадить на английский трон короля-католика. Так или иначе, её сеть курьеров не имеет равных и вполне способна доставить письмо из моих рук в ваши без того, чтобы оно попало в цепкие пальцы сэра Исаака.

Итак, к насущному: три корабля для Петра строятся на верфи Орни в месте под названием

Ротерхит, напротив Лаймхауза, рядом с пристанью таверны «Собака и пастух», неподалёку от Лавендер-стрит. Надеюсь, что Вам перечисленные названия что-нибудь говорят!

Если Вы готовы на маленькое приключение, и если это не отвлечёт Вас от неведомого дела, порученного Вам принцессой Каролиной, я бы униженно просил Вас: 1) узнать у мистера Орни, когда корабли отбывают в Санкт-Петербург; 2) нагрузить их, елико возможно, термометрами, весами, линзами, жабьими глазами, желчными пузырями единорогов, философскими камнями и тому подобным; 3) Бога ради, найдите, чем отчитаться перед царём за последние пятнадцать лет. Лучше всего будет, если Вы успеете выписать из Бостона Ваши таблицы. Если нет, *любое* ощутимое свидетельство, что Вы *чем-то* занимались в Институте технологических искусств Колонии Массачусетского залива, спасёт вашего смиренного и покорного слугу от колесования перед Российской Академией наук в острастку учёным, которые получают деньги и не выдают результатов.

Ваш и прочая
Лейбниц

Даниель оделся. Почти все его вещи погибли

при взрыве, однако за последние две недели миссис Арланк нашла портного, и тот сшил ему новое платье. У Даниеля не хватило сил вмешиваться, и в результате он был сейчас куда ближе к щегольству, чем когда-либо в своей жизни.

За последние пятьдесят лет в одежде не произошло ничего похожего на революцию, которую вскоре после Чумы и Пожара произвёл Карл II, законодательно упразднивший дублеты и прочие пережитки Средневековья. Предметы туалета, сложенные на столе рядом с Даниелевой кроватью, носили примерно те же названия и закрывали примерно те же части тела, что и вошедшие в моду в ту пору: чулки до колен, панталоны, полотняная рубашка, длиннополый нижний камзол без рукавов с множеством пуговиц и верхний с рукавами, на котором пуговиц было ещё больше. Раздобыли Даниелю и парик. Огромных, а-ля Людовик XIV, никто больше не носил; новые были *у*же и компактнее. Откуда-то возникла дикая мода посыпать их белой пудрой. Тот, что оставила на болванке миссис Арланк, выглядел донельзя скромно; в нём Даниель смотрелся просто обладателем снежно-белой шевелюры с косицей. Он надел парик хотя бы для того, чтобы не мёрзла лысина. В комнате Даниель

спасался от холода только тем, что круглые сутки не снимал ночного колпака.

Одевание заняло много времени — пальцы плохо гнулись от старости и холода, а пуговицам не было конца. Застёгивая их, он проглядел содержимое корзины, которую миссис Арланк считала хранилищем писем, а сам Даниель склонен был рассматривать как мусорную. Там оказалось пять отдельных посланий от мистера Тредера, два от Роджера Комстока, одно от графа Лоствителского и многочисленные визитные карточки и записки членов Королевского общества, которых не пустила к нему бдительная миссис Арланк. Написали, в основном из чувства долга, лондонские родственники, о существовании части которых Даниель даже не подозревал (дети покойных Стерлинга и Релея, а также Уильяма Хама). Здесь же лежали обещанная «Монадология» Лейбница и второе издание «Математических начал» Исаака — в переплёте, ещё пахнущем кожевенной мастерской. Завёз книгу, разумеется, не сам Исаак, от которого в корзине не было ничего, а кто-то из его молодых помощников, заботливо положивших сверху последний выпуск *«Journal*

literaire» [4], документ Королевского общества от прошлого года под названием *«Commercium epistolicum»* [5] и стопку брошюр на разных языках, перевязав всё чёрной ленточкой. Даниель узнал следы многочисленных атак и контратак в споре о приоритете. Очевидно, предполагалось, что он это всё прочтёт, а значит, его собирались вызвать свидетелем в трибунал.

На этом заканчивались письма от людей ему знакомых. Даниель засунул руку глубже в корзину — там что-то звякнуло. Было несколько писем от лондонцев, которые вот уже месяц как состояли вместе с ним в совете директоров товарищества совладельцев машины по подъёму воды посредством огня. Ещё два от людей, чьи фамилии Даниель видел впервые, подписанные чётким почерком, свидетельствующим о ясности ума. Только эти два он удосужился вскрыть и прочитать, потому что содержание остальных и так знал заранее. Оба оказались от людей, придумавших способ определять долготу и просивших Даниеля представить их Королевскому обществу. Даниель выбросил и первое, и второе.

---

[4] Примечания: 4
Литературный альманах (*фр.*).

[5] Примечания: 5
Переписка (*лат.*).

Ни от жены, ни от маленького Годфри ничего не пришло, чему, учитывая время года и штормовые ветра, дивиться не приходилось. Шаря на самом дне корзины, Даниель наткнулся на что-то зазубренное и отдёрнул руку — не хватало только в его лета умереть от столбняка. Пальцы оказались не в крови, а в саже. Вытряхнув из корзины письма и развернув её к окну, Даниель увидел на дне несколько покорёженных кусков металла и дерева, в том числе миниатюрный бочонок, не больше галлонного. В таком могли бы хранить спирт. Один торец уцелел, хоть и был сильно помят. Клёпки, сбитые железным обручем, тянулись, как линии долгот, от полюса к экватору, однако в другом полушарии заканчивались довольно быстро: некоторые выгнулись наружу, другие были отломлены совсем, третьи — измочалены в щепки. Половина бочонка, вместе со своим ободом, отсутствовала начисто; впрочем, ей могли принадлежать обломки на дне корзины. Было там и всё остальное: шестерни, пружины, рычажки из кованой меди.

Вместо того чтобы вывернуть корзину на хорошо освещённый стол и собрать механизм, Даниель вновь прикрыл обломки непрочитанной почтой. Две недели он был парализован

бессмысленным страхом, теперь его телесные соки наконец пришли в равновесие. Даниель Уотерхауз, одетый и в парике, был совсем не тот человек, что две недели прятался в постели. Однако страх мог вернуться, если слишком долго размышлять о чёрных фрагментах в корзине. Они столько дожидались его внимания — пусть подождут ещё.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗАНИМАЛО два здания и разделявший их дворик. Один из домов составлял северное окончание Крейн-корта. Над его тремя этажами размещалась мансарда, в которой жил Даниель. Оба её слуховых окна выходили во двор. Из них открывался бы вид на Флит-стрит и даже на Темзу, если бы обзор не закрывал низкий парапет, добавленный к фасаду, чтобы тот выглядел на несколько футов выше. Таким образом, с постели Даниель видел лишь обшитый свинцом жёлоб между скатом крыши и основанием парапета; в дождь здесь купались птицы, а крысы и мыши бегали в любую погоду. В оставшемся прямоугольнике неба солнце показывалось на несколько послеполуденных часов (если, конечно, его не скрывали облака). Встав и подойдя к окну, Даниель видел за краем парапета — царством птичьего помёта, копоти и мха

— весь Крейн-корт и мог обозреть окрестные крыши. Чтобы найти собор Святого Павла, надо было распахнуть раму, высунуть голову и повернуть её влево. Тогда купол казался пугающе близким, однако недостижимым за широкой расселиной Флитской канавы, рассекающей город пополам.

Повернувшись на сто восемьдесят градусов, Даниель упирался взглядом в церковь значительно более старую и расположенную куда ближе: Роллс-Чепел, которая то ли оседала, то ли врастала в землю обширного кладбища сразу за Феттер-лейн. Это средневековое сооружение, куда казначейство уже много веков сгружало свои архивы, на Даниелевом веку почернело от угольного дыма. На расстоянии полёта стрелы от Роллс-Чепел покрывалось копотью ещё одно творение Рена — церковь Святого Дунстана на западе.

Гораздо легче для старика с плохо гнущейся шеей было просто смотреть на юг через Крейн-корт в надежде различить хоть отблеск воды между домами, стоящими почти сплошняком. Зрелище это всякий раз заставляло Даниеля почувствовать себя так, будто он из-за какой-то навигационной ошибки попал в город, чужой, словно Манила или Исфахан. Лондон, в котором он рос, состо-

ял из поместий, парков и усадеб, возведённых на протяжении веков строителями, одинаково представляющими себе идеальный английский пейзаж: открытая зелёная местность с домом посередине. Или, на худой конец, дом и стена вокруг не столь большого участка земли. Так или иначе, в Лондоне Даниелевой юности были небо и вода, парки и огороды — не по королевскому декрету, а просто по всеобщему невысказанному согласию. В частности, отрезок берега, который Даниель видел сейчас из мансарды, занимали поместья, особняки, дворцы, храмы и церкви, сооружённые теми влиятельными рыцарями и церковниками, которые добрались сюда первыми и успешнее других защищали свои наделы. На памяти Даниеля все они, за исключением Темпла (сразу напротив Крейн-корта) и Сомерсет-хауза (сильно правее, в ту сторону, где стоял до Пожара Уайтхолл), исчезли. Одни уничтожил Пожар, другие пали жертвой не менее разрушительной силы — застройщиков. Так что, если не считать большой луг Темпла, каждый дюйм занимали теперь улица или дом.

Повернувшись спиной к окну и открыв дверь своей комнаты, Даниель попадал прямиком в старый Лондон — не Лондон среднего лондонца, но

натурфилософический Лондон Джона Уилкинса и Роберта Гука, датируемый примерно 1660 годом. Ибо практически всё чердачное помещение было до потолка забито тем, что Даниель собирательно охарактеризовал как «научный хлам». Всё это перевезли из колыбели Королевского общества — Грешем-колледжа.

Грешем-колледж был воплощением того, чему не осталось места в современном Лондоне, — не домом, а скорее комплексом зданий, окружающих двор, куда, если бы его выровнять и застроить, можно было бы заселить сотни горожан. Тюдоровская фахверковая архитектура позволяла безнаказанно лепить дом прямо по ходу возведения. Чем бы ни представлялся он мысленному взору сэра Томаса Грешема во времена Глорианы, когда тот вернулся из Амстердама, овеянный славой спасителя национальной денежной единицы и разбогатевший на спекуляциях оной, к тому времени, как Даниель туда попал, колледж выглядел созданием ос, а не человека.

Так или иначе, он был огромен: в десять раз больше, чем оба здания в Крейн-корте, вместе взятые. Не все помещения принадлежали Королевскому обществу, но всё же немалая их часть.

И ещё у Королевского общества были Гук и Рен,

восстанавливавшие Лондон из пепла. Если где-нибудь в городе пустовали мансарда или чулан, подвал или пристройка, Рену это становилось известно, а Гуку хватало смелости чего-нибудь туда напихать.

Всё сказанное сводилось к следующему: примерно до рубежа веков Королевское общество могло копить научные материалы, нисколько себя не ограничивая. Не было надобности отсеивать, выбрасывать, даже разбирать. В первое десятилетие восемнадцатого века они лишились Грешем-колледжа и лишились Гука. Площади для хранения уменьшились в десять раз, если не больше. Прекрасный случай разобрать всё и выбросить лишнее, займись этим кто-нибудь, кто был в Обществе с самого начала, хорошо знал коллекцию и мог бы выполнить работу с должной обстоятельностью. Другими словами, Ньютон, Рен или Уотерхауз. Однако сэр Исаак был занят Монетным двором, войной с Флемстидом и выстраиванием противо-Лейбницевой обороны во втором издании «Математических начал». Сэр Кристофер Рен завершал собор Святого Павла и строил лондонский особняк герцога Мальборо рядом с Сент-Джеймсским дворцом: две очень значительные работы. Даниель в Массачусетсе

пытался создать логическую машину.

Кто разбирал коллекцию? Кто-нибудь из учеников Ньютона. И наверняка в спешке. Узнай об этом Даниель четыре года назад, когда начались сборы, он бы места себе не находил от тревоги, теперь же мог лишь созерцать результат в том же состоянии духа, в каком смотрел на останки отчего дома после Пожара.

Значительная часть научного хлама по-прежнему лежала в ящиках, бочонках и тюках, в которых его сюда доставили. Всё это существенно затрудняло осмотр. Даниель приметил довольно высоко ящик с чуть съехавшей крышкой. Сверху стоял только стеклянный колпак, под которым укрылась иссохшая сова. Даниель переставил сову, вытащил ящик и снял крышку. Ему предстала коллекция жуков архиепископа Йоркского, тщательно упакованная в солому.

Всё было понятно. Как он и боялся: птицы и жуки от пола до потолка. Сохранённые не за свою ценность, а за имена дарителей — так молодая пара не выкидывает уродливый свадебный подарок от богатой тётки.

Сзади кто-то засопел, изо всех сил пытаясь не чихнуть. Выпрямившись осторожно, чтобы не повредить позвоночник, Даниель взглянул на

лестницу и встретился глазами с Анри Арланком. Тот выглядел встревоженным и подчёркнуто скорбным, как викарий на похоронах, который не знал покойного, но видит, что родственники понесли тяжёлую утрату и могут быть сильно не в духе.

— Я постарался сохранить всё, привезённое сюда, в том состоянии, в каком оно было доставлено, доктор Уотерхауз.

— Ни один стряпчий не выразился бы осторожнее, — пробормотал Даниель.

— Простите, сэр?

Даниель спустился на лестницу, придерживаясь за стену, чтобы не закружилась голова.

— Вы полностью оправданы, — сказал он. — Сова не запылилась.

— Спасибо, доктор Уотерхауз.

Даниель сел на верхнюю ступеньку. Теперь, глядя между колен, он отчётливо видел лицо Анри Арланка. На чердаке царил полумрак, но стены нижнего этажа были выкрашены белым. Сквозь раскрытые двери наверх проникал свет из окон, освещая Анри безжалостно, словно экспонат на предметном столике микроскопа. Вид у него был определённо встревоженный.

— Давно вы здесь служите, Анри?

— С тех пор, как вы сюда въехали, сэр.

Даниель немного опешил, потом сообразил, что «вы» в данном случае означает «Королевское общество».

— Я хочу сказать, в этом доме я с самого начала, сэр.

— Когда *мы* переезжали сюда, наверное, было много… мусора? В Грешем-колледже, я хочу сказать.

На лице Анри отразилось явное облегчение.

— О да, сэр, больше, чем можно вообразить.

— Целые телеги?

— Да, сэр, его вывозили десятками телег, — подтвердил Анри с гордостью человека, выполнившего трудную работу.

— И куда его вывозили?

— Н-не знаю, доктор Уотерхауз. Приходили старьёвщики, выбирали, что получше, и продавали медникам.

— Я понял, Анри. Более того, я согласен, что ни вас, ни кого другого нельзя спрашивать, куда делся мусор после того, как телеги скрылись из виду. Однако у меня есть один вопрос, и я попрошу вас сколь возможно напрячь память.

— Постараюсь, доктор Уотерхауз.

— Когда освобождали Грешем-колледж, выбра-

сывали *мусор,* а *ценности* доставляли сюда, не вывозили ли мусор и ценности *из других мест?*

— Из других мест, доктор Уотерхауз?

— Гук. Мистер Роберт Гук. Он мог припрятать что-нибудь в Бедламе, или в пристройках к особняку лорда Равенскара, или в Коллегии врачей.

— Почему там, сэр?

— Он их строил. Или в соборе Святого Павла, или в Монументе Пожару — к ним он тоже приложил руку. Он мог спрятать там что-нибудь, как белка прячет орехи, и, как беличьи запасы частенько находят другие…

— Я не помню, чтобы вещи привозили из Бедлама или из других мест, кроме Грешем-колледжа, — твёрдо отвечал Анри.

Лицо его горело. Он простодушно угодил в западню, которую Даниель расставил, произнеся слово «мусор», но понял это задним числом и не испугался, а разозлился. Даниель тут же почувствовал, что злить Анри не стоит, поэтому объяснил более мягким тоном:

— Дело в том, что Королевское общество значительно опередило все академии мира, и то, что для нас мусор, почиталось бы ценностью в более отсталой стране; в качестве дружеского жеста по отношению к этим государствам мы могли бы

отправить туда то, в чем не нуждаемся сами.

— Я понял вас, сэр. — Лицо Анри начало приобретать свой обычный оттенок.

— Лучше старым Гуковым часам попасть к учёному в Московии, чем к шадуэллскому меднику, который понаделает из них дешёвых колечек.

— О да, сэр.

— Европейский коллега попросил меня отыскать такие вещи. Десятки телег мы уже не соберём. Однако что-то могло сохраниться в зданиях, от которых у мистера Гука были ключи.

— Сэр Кристофер Рен дружил с мистером Гуком…

— Верно, — сказал Даниель, — хотя странно, что вам это известно, ведь мистер Гук умер за семь лет до вашего здесь появления.

И вновь к щекам Анри прихлынул румянец.

— Это известно каждому. Сэр Кристофер частенько бывает здесь — вот только сегодня утром заезжал — и всегда отзывается о мистере Гуке с некоторой теплотой.

По лицу Анри понятно было, что он не врёт. Господь и Его ангелы, возможно, говорят о Гуке с чистой и неподдельной любовью, однако «некоторая теплота» — большее, на что способен Рен или какой-либо иной смертный.

— Тогда я обращу свои вопросы к сэру Кристоферу.

— Он не раз говорил, что будет счастлив возобновить знакомство, как только…

Анри украдкой взглянул на дверь мансарды, сразу над лестницей.

— Как только я приду в чувство. Считайте, что я выздоровел. И если у вас возникнет порыв что-нибудь выбросить, поставьте меня в известность, чтобы я мог забрать вещи, которые сойдут в Московии за чудеса техники.

Даниель вышел прогуляться — поступок весьма опрометчивый.

Анри Арланк дал понять, что, когда у доктора Уотерхауза появятся силы выйти из дома, на день или на час, он, Анри, по первому слову найдёт карету или портшез. И это было бы в высшей степени разумно. Лондонские улицы стали куда опаснее, а Даниель — куда беспомощней, чем двадцать лет назад. Однако в такое утро, когда по городу во множестве фланировали зажиточные обыватели, убийц и разбойников следовало опасаться меньше, чем карманников, а им у пожилого натурфилософа нечем было особо поживиться.

Даниелю пришла в голову чудн***а***я мысль: вдруг

те, кто подложил в телегу адскую машину, хотели взорвать не его и не мистера Тредера, а вовсе Анри Арланка?

За годы секретарства в Королевском обществе Даниель проникся нелюбовью к чудн**ы**м мыслям. Имелось множество оснований, чтобы отбросить идею с порога. Главное: он не мог придумать, зачем кому-то взрывать привратника Королевского общества. Более того, туман, окутавший сознание Даниеля после взрыва, породил в нём склонность к гипотезам самого зловещего толка, и эта, по всему, была одна из них.

Однако натурфилософ в нём вынужден был признать, что такое хотя бы теоретически возможно. И пока гипотезу не удалось полностью исключить, Даниель предпочитал сохранять некоторую независимость от Арланка, во всяком случае, не обращаться к нему за помощью всякий раз, как надо будет покинуть Крейн-корт. И вовсе не обязательно гугеноту во всех подробностях знать, где Даниель бывает.

Колени по-прежнему плохо гнулись после долгого лежания в постели, но к тому времени, как Даниель достиг конца Крейн-корта и отдался на милость Флит-стрит, походка его сделалась почти бодрой. Он повернул вправо, в сторону Ча-

ринг-Кросс, предусмотрительно шагая навстречу движению и слегка касаясь рукой фасадов домов и лавок на случай, если придётся юркнуть в подворотню. Вскоре церковь Святого Дунстана на западе осталась позади. Предстояло миновать Внутренний и Средний Темпл на противоположной стороне улицы, за недавно выстроенными домами. Здесь во множестве располагались кофейни и пабы — мишень игривых, но невразумительных намёков и злой, но не вполне внятной сатиры со стороны газет.

Скоро Даниель прошёл через Темпл-бар. Дорога — теперь называемая Стрэнд — расходилась на широкую (влево) и узкую (вправо), образуя островок с парой церквушек посередине. Даниель выбрал правую — отрезки улиц, кое-как склёпанных вместе, — и тут же решил, что заблудился. Дома разделяли просветы, слишком узкие, чтобы заслужить звание проулков; дорожка поворачивала под дикими углами и не шла прямо даже там, где это было возможно. Пожар остановился неподалёку отсюда, возможно, благодаря широким открытым пространствам Роллс-Чепел и Темпла. Гук в должности городского землемера не имел власти вытащить эту часть Лондона из Средневековья. Древние права прохода бы-

ли столь же святы, во всяком случае, столь же неколебимы, как уложения англосаксонского законодательства. Где-то в этих краях пряталось старинное, а потому низкое здание, в котором мистер Кристофер Кэт открыл нечто под названием клуб «Кит-Кэт».

«Я поговорил о Вас с мистером Кэтом, — написал Роджер в записке, подсунутой Даниелю под дверь. — Когда начнёте выходить, загляните в наш клуб». Там же имелся схематический план, который Даниель теперь тщетно пытался разобрать. Однако он сумел найти дорогу, просто следуя за каретами высокопоставленных вигов.

Здание явно возвели в то время, когда у англичан было туго с едой и строительными материалами. Даниель при своём среднем росте еле-еле мог выпрямиться без риска ушибить голову. Соответственно и картины, которыми мистер Кэт украсил стены, были заметно больше в ширину, чем в высоту. Это исключало портреты, кроме групповых с многочисленными мелкими фигурами. Самый большой, повешенный на самом видном месте, представлял выдающихся членов клуба. На первом плане, посередине, был запечатлён Роджер, чей великолепный парик живописец изобразил жирным подковообразным мазком.

— ДАВАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАЕМ с долготой!

Это был всё тот же Роджер в сильно одряхлевшем теле. Только зубы его выглядели молодо, и немудрено — их изготовили всего несколько месяцев назад. Роджер сдал во всём, за исключением ума и зубов. Изъяны возраста он восполнял пышностью туалета.

Даниель несколько мгновений дул на чашку, пытаясь остудить шоколад, но так, чтобы не появилась морщинистая пенка. За шумными разговорами вигов он не слышал собственного голоса.

— Всего два часа назад, если я правильно понял, королева открыла сессию парламента, — напомнил Даниель, — и начисто забыла упомянуть совершенный пустяк, а именно, кто займёт престол после её смерти. А вам вздумалось болтать о долготе.

Маркиз Равенскар закатил глаза:

— Это решено сто лет назад. Её сменят София или Каролина.

— Вы хотите сказать, София или Георг-Людвиг.

— Не глупите. Европой правят дамы. Войну за испанское наследство вели женщины. В Версале — мадам де Ментенон. В Мадриде — её лучшая подруга, принцесса дез Урсен, статс-дама

испанского Бурбонского двора. Она там всем заправляет. С другой стороны — королева Анна и София.

— Мне казалось, они терпеть друг дружку не могут.

— И какое это имеет значение?

— Я разбит наголову.

— Если вы желаете педантичной точности, да, Георг-Людвиг — следующий в очереди за Софией. Вы знаете, что он сделал со своей женой?

— Что-то ужасное, я слышал.

— Пожизненно заточил её в крепость за супружескую измену.

— Так значит, он всё же главнее.

— Исключение подтверждает правило. Приняв такие меры, он расписался перед целым светом в своей беспомощности. Она наставила ему рога, а их никуда не спрятать.

— Однако в замке заперта она, а не он.

— Он заперт в замке своего ума, стены которого, по слухам, столь толсты и твердокаменны, что внутри очень мало места. Первой дамой Англии будет принцесса Уэльская, воспитанная Софией и безвременно скончавшейся королевой Пруссии, ученица *вашего друга*. — Последние слова Роджер произнёс с многозначительным нажимом.

— Возвращаясь к теме разговора, сейчас важнее добиться, чтобы Ганноверы заняли трон. Долгота подождёт.

Роджер взмахнул рукой, будто в который раз пытаясь поймать докучного овода.

— Чёрт возьми, Даниель, вы и впрямь считаете, что мы настолько беспечны и этим не занимаемся?

— Приношу извинения.

— Мы не впустим Претендента! Вы присутствовали при его якобы рождении — вы видели, как его пронесли в грелке! Разумеется, человек вашей проницательности не мог поддаться на обман!

— По моим впечатлениям, головка ребёнка показалась из королевиного влагалища.

— И вы зовёте себя учёным!

— Роджер, если вы отбросите нелепое допущение, будто странами должны править короли, рождённые от других королей, то вам будет не важно, появился Претендент в Сент-Джеймсском дворце из грелки или из влагалища — в обоих случаях он может катиться к чёрту!

— Вы предлагаете мне стать республиканцем?

— Я полагаю, что вы уже республиканец.

— Хм… отсюда один шаг до пуританства.

— У пуританства есть свои преимущества… мы

не настолько под каблуком у женщин.

— Это потому, что вы самых интересных вешаете!

— Я слышал, что вы близки с дамой из уважаемого семейства.

— Как и вы. Разница в том, что я со своей сплю.

— Говорят, она исключительно умна.

— Моя или ваша?

— Обе, Роджер, но я говорю о вашей.

И тут маркиз Равенскар сделал очень странную вещь — поднял бокал и принялся вертеть, чтобы свет из окна упал нужным образом. На стекле кто-то нацарапал алмазом строчки, которые Роджер и прочитал с жуткими подвываниями, которые были не то дурным пением, не то дурной декламацией:

К ногам прекрасной Бартон Купидон Оружие почтительно кладёт, Свой забывает на Олимпе трон, Близ восхитительной теперь живёт. Столь схожа с ней богиня красоты, Но ярче даже той не просиять — Се, увидав любезные черты, *Сын принял нимфу за Венеру-мать.*

К тому времени, как он добрался до середины, несколько завсегдатаев за соседними столами подхватили мотив (если это можно назвать мотивом) и принялись подпевать. Закончив, все

вознаградили себя употреблением спиртного.

— Роджер! Я и помыслить не мог, что какая-нибудь женщина подвигнет вас писать стихи, пусть даже чудовищные.

— Их чудовищность — доказательство моей искренности, — скромно ответил Роджер. — Будь стихи великолепны, кто-нибудь заподозрил бы, что я написал их из желания похвалиться умом.

— Что ж, вы и впрямь свободны от таких обвинений.

Роджер помолчал несколько мгновений, потом приосанился и оправил парик, как будто собрался произнести речь в парламенте.

— Сейчас, когда внимание всех честных людей приковано к перипетиям престолонаследия, думаю, настал час принять дорогостоящий и заумный законопроект!

— Касательно долготы?

— Можно учредить премию для того, кто придумает способ её измерять. Большую премию. Я поделился своей мыслью с сэром Исааком, сэром Кристофером и Галлеем. Все поддержали. Премия будет очень большой.

— Если они вас поддержали, Роджер, то зачем вам я?

— Пришло время Институту технологических

искусств Колонии Массачусетского залива — который я так щедро поддерживал — сделать что-нибудь полезное!

— Например?

— Даниель, эту премию должен получить я!

Лондон

конец февраля 1714
Поездка в Ротерхит

ДАНИЕЛЬ ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ завис в мансарде, присматривая за тем, как Анри Арланк упаковывает научный хлам в ящики и бочонки. Этажом ниже сэр Исаак Ньютон вышел из комнаты и двинулся по коридору, продолжая разговор с двумя молодыми спутниками. Даниель выглянул на лестницу и едва успел приметить Исаакову ногу, прежде чем та исчезла из виду. Один из говорящих был шотландец, очень темпераментный; он горячо соглашался сделать то, о чём, видимо, просил его перед этим Исаак.

— Я подготовлю *замечания* по поводу *замечаний* барона, сэр!

(Своё последнее выступление в «Литературном альманахе» Лейбниц озаглавил «Замечания».)

— Уж я его отделаю!

— Я предоставлю вам мои соображения касательно его «Опытов». Он явно неправильно использует производные второго порядка, — сказал Исаак, ступая по лестнице впереди остальных.

— Точно, сэр! — прогремел шотландец. — Прежде чем выискивать соринку в вашем глазу, пусть вынет бревно из своего!

Это был Джон Кейль, дешифровщик королевы Анны.

Все трое с грохотом спустились по лестнице и вышли на улицу — во всяком случае, так показалось Даниелю, для которого звуки шагов и разговоров слились в один продолжительный громовой раскат.

Он выждал, когда их кареты отъедут от Крейнкорта, и отправился в клуб «Кит-Кэт».

ОДНИМ ИЗ ЗАВСЕГДАТАЕВ клуба был Джон Ванбруг, архитектор, специализирующийся на загородных домах. В частности, он возводил Бленхеймский дворец для герцога Мальборо. Сейчас ему привалило работы, потому что Гарлей отстегнул герцогу десять тысяч фунтов. На данном этапе работа состояла не в том, чтобы чертить планы и присматривать за рабочими; пока архитектор все больше распределял деньги и пытался нанять людей. Он выбрал «Кит-Кэт»

своей штаб-квартирой, и Даниель, придя в клуб выпить шоколада и почитать газеты, невольно слышал про половину его дел. Иногда Даниель, подняв глаза, ловил на себе взгляд Ванбруга. Возможно, архитектор знал, что он переписывался с Мальборо. А может, причина была иная.

Так или иначе, когда Даниель вошёл, Ванбруг был в клубе, и через несколько мгновений у него появился куда более серьёзный повод для любопытства. Ибо не успел Даниель сесть, как перед зданием остановился роскошный экипаж, и сэр Кристофер Рен, высунувшись в окошко, спросил доктора Уотерхауза. Даниель тут же вышел и присоединился к сэру Кристоферу. Великолепие кареты и красота четвёрки подобранных в масть лошадей сами по себе могли бы остановить движение на Стрэнде, что сильно облегчило кучеру задачу развернуть её и направить в ту сторону, откуда Даниель пришёл, то есть на восток.

— Я, как вы просили, послал возчика в Крейнкорт, забрать, что вы там приготовили. Он встретит нас у церкви Святого Стефана Уолбрукского и дальше в вашем распоряжении на весь день.

— Я ваш должник.

— Ничуть. Можно спросить, что там такое?

— Хлам с чердака. Дар нашим собратьям в

Санкт-Петербурге.

— В таком случае *я* ваш должник. Учитывая род моих занятий, представляете, какой скандал бы приключился, рухни Крейн-корт под тяжестью жуков?

— Будем считать, что мы квиты.

— Неужто вы перебрали *всё?*

— На самом деле я искал то, что осталось от Гука.

— О! *Там* вы ничего не найдёте. Сэр Исаак.

— Гук и Ньютон — два самых трудных человека, с которыми мне когда-либо доводилось иметь дело.

— Флемстид принадлежит к тому же пантеону.

— Гук считал, что Ньютон украл его идеи.

— Да. Он мне говорил.

— Ньютон находил подобные обвинения оскорбительными. Наследие Гука будет свидетельствовать в пользу Гука — значит, на свалку этот хлам! Однако Гук, не менее упрямый, чем Ньютон, наверняка всё предусмотрел и спрятал самое ценное там, куда Ньютону не добраться.

Рен нёс свои восемьдесят и один год, как арка — вес многотонной каменной кладки. С юных лет он обнаружил редкие способности к математике и механике. Ему более других досталось

той ртути, что якобы била из земли во времена Кромвеля. Его собратья по первым годам Королевского общества давно одряхлели телом и душой, но только не Рен, который преобразился из юноши-эльфа в ангела, лишь ненадолго побыв плотским существом. Он носил высокий серебристый парик и светлое платье с воздушным кружевом на вороте и манжетах; лицо его сохранилось на удивление хорошо. Возраст проглядывал преимущественно в ямочках на щеках, которые превратились в глубокие складки, и в истончившейся коже век — розовой и одрябшей. Однако даже это придавало ему умиротворённый и чуть насмешливо-удивлённый вид. Теперь Даниель понимал, что мудрость была в числе даров, которыми Господь наделил юного Рена, и именно мудрость понудила его заняться архитектурой, областью, в которой дела говорят сами за себя и в которой необходимо годами поддерживать хорошие отношения с большим количеством людей. Другие не сразу увидели мудрость Рена; тогда, пятьдесят лет назад, многие (в том числе сам Даниель) поговаривали, что чудо-юноша губит свои дарования, подавшись в строительство. Однако время доказало правоту Рена. Даниель, который в эти полстолетия тоже

принимал решения — мудрые и не очень, — не чувствовал сейчас ни зависти, ни сожалений, только восхищённое любопытство, когда карета выехала с Ладгейт-стрит и Рен, раздвинув занавески, взглянул на собор Святого Павла, словно пастух, обозревающий своё стадо.

Что испытывает человек, создавший *такое?* Даниель мог только гадать, вспоминая, что создал сам. Однако его работа ещё не завершена. Он не так стар. Когда сын Рена положил последний камень в лантерну купола Святого Павла, сэр Кристофер был на десять лет старше, чем Даниель сейчас.

Миновали собор, въехали на Уотлинг-стрит и почти сразу остановились — впереди был затор. Теперь Рен смотрел на Даниеля заинтригованно.

— Я не собираюсь брать ваше дело на себя, — сказал он, — однако мне легче будет вам помочь, если вы соблаговолите сказать, что именно из Гукова наследия вам надобно. Его рисунки для украшения стен? Навигационные инструменты, чтобы добраться до Бостона? Астрономические наблюдения? Чертежи летательных машин? Гербарии? Часовые механизмы? Оптические приспособления? Химические рецепты? Картографические новшества?

— Простите, сэр Кристофер, заботы мои множатся и усложняются день ото дня. Я вынужден исполнять несколько поручений сразу, и потому ответ мой будет не вполне прост. Для первого дела — отправить что-нибудь в дар будущим русским учёным — сгодится почти всё. Для моих целей нужно то, что имеет отношение к машинам.

— Я слышал, вы вошли в совет директоров товарищества…

— Нет, это другое. Машина мистера Ньюкомена — огромный чугунный агрегат, и там моя помощь не требуется. Я думаю о маленьких, точных, умных машинах.

— Вы хотели сказать, маленьких точных машинах, изготовленных с умом.

— Я сказал то, что хотел, сэр Кристофер.

— Значит, снова логическая машина? Мне казалось, Лейбниц забросил эту идею лет… э… сорок тому назад.

— Лейбниц лишь отложил её сорок лет назад, чтобы… — Тут Даниель на несколько мгновений утратил дар речи от ужаса, что чуть было не допустил чудовищную оплошность. Он собирался сказать: «Чтобы создать дифференциальное исчисление».

Лицо сэра Кристофера, наблюдавшего, как его

собеседник чудом избежал катастрофы, выглядело посмертной маской человека, умершего во время приятных сновидений.

Наконец Рен, просияв, сказал:

— Помню, как бушевал Ольденбург. Он так и не простил Лейбницу, что тот не довёл дело до конца.

Короткая пауза. Даниель думал нечто непростительное: возможно, Ольденбург был прав. Лейбницу стоило заниматься треклятой машиной и не вступать на священную землю, которую Ньютон обнаружил и застолбил. Он вздохнул.

Сэр Кристофер взирал на него с безграничным терпением, величественный, как коринфская колонна.

— Я служу двум господам и одной госпоже, — начал Даниель. — Сейчас я не знаю, чего хочет от меня госпожа, так что не будем о ней, а поговорим о моих господах. Оба люди влиятельные. Один — восточный деспот, но с новыми идеями. Другой — властитель более современного, парламентского толка. Я могу удовлетворить обоих, если построю логическую машину. Я знаю, как её построить. Я думал о ней и делал опытные образцы в течение двадцати лет. Скоро у меня будет место, где её строить. Есть даже деньги.

Нужны инструменты и люди, которые могут с их помощью творить чудеса.

— Гук изобрёл машины для нарезки маленьких шестерён и тому подобного.

— И он знал всех часовщиков. В его бумагах должны быть их имена.

Рен улыбнулся:

— О, после того как милорд Равенскар проведёт Акт о Долготе, вам несложно будет заручиться помощью часовщиков.

— Если они не станут рассматривать меня в качестве конкурента.

— А вы и впрямь намерены с ними конкурировать?

— Я считаю, что для измерения долготы надо не усовершенствовать часы, а проделать некие астрономические наблюдения…

— Метод лунных расстояний.

— Да.

— Но этот метод требует огромных вычислений.

— Так снабдим каждый корабль арифметической машиной.

Сэр Кристофер Рен порозовел — не от злости, а потому что заинтересовался. Некоторое время он думал, а Даниель ждал. Наконец Рен заметил:

— Лучшими механиками на моей памяти были не часовщики — хотя им тоже в искусности не откажешь, — а те, что строят орг*а*ны.

— Духовые орг*а*ны?

— Да. Для церквей.

У Даниеля губы непроизвольно раздвинулись в улыбке.

— Сэр Кристофер, думаю, вы подрядили больше органных мастеров, чем кто-либо ещё в истории.

Рен поднял руку.

— Орг*а*нных мастеров нанимает церковный совет. Хотя в остальном вы правы — я вижу их постоянно.

— В Лондоне их наверняка великое множество!

— Так было лет десять-двадцать назад. Теперь лондонские церкви восстановлены, и часть мастеров перебралась на континент, где многие *орг**а**ны* уничтожены войной. Однако немало осталось здесь. Я поспрашиваю, Даниель.

Они подъехали к церкви Святого Стефана на Уолбруке. Во времена римского владычества Уолбрук был рекой; считалось, что теперь это клоака под одноименной улицей, хотя никто не выказывал желания спуститься под землю и проверить. Даниель усмотрел в выборе места добрый

знак, потому что нежно любил церковь Святого Стефана. 1) Рен возвёл её в самом начале своей карьеры — если вспомнить, примерно в те годы, когда Лейбниц трудился над дифференциальным исчислением. Белая и чистая, как яйцо, она была вся — арки и купола; какие бы возвышенные мысли ни внушал её облик прихожанам, Даниель видел в нём тайный гимн Рена математике. 2) Томас Хам, его дядя-ювелир, жил и работал так близко отсюда, что в доме слышно было церковное пение. Вдова Томаса Мейфлауэр, на склоне лет перешедшая в англиканство, посещала здешние службы вместе с сыном Уильямом. 3) Когда Карл II пожаловал Хаму титул (после того как забрал и не смог возвратить деньги его клиентов), то сделал его виконтом Уолбрукским. Так что для Даниеля это была почти семейная часовня.

Рен строил церкви так быстро, что не успевал снабдить их колокольнями. Изнутри они выглядели великолепно; однако колокольни представлялись ему столь необходимой частью лондонского пейзажа, что теперь, наполовину уйдя от дел, он достраивал их одну за другой. Даниель видел почти завершённую у церкви Святого Иакова на Чесночном рынке и ещё одну у церкви Святого Михаила на Патерностер-лейн.

Очевидно, Рен воздвигал колокольни кучно и, покончив с одним районом, перемещался в следующий. Очень здравая мысль. Звонницу у Святого Стефана Уолбрукского только начали возводить — людей и материалы перебросили с двух соседних участков.

Строительство велось на огромном пустыре между церковью и местом, где сходились Полтри, Треднидл, Корнхилл и Ломбард-стрит. Раньше здесь торговали ценными бумагами. Такое большое пространство в Лондоне неизбежно становилось рассадником преступности и предпринимательства; Даниель, не успев выйти из кареты, заметил признаки и того, и другого. Ближе к церкви мастеровые Рена сложили и охраняли материалы, с которыми в ближайшие год-два предстояло работать каменщикам и плотникам; здесь же возводились времянки и палатки. Собаки мастеровых бродили вокруг, серьёзные, как врачи, и мочились на всё, что не двигалось достаточно быстро. В этом столпотворении Даниель приметил телегу, нагруженную свёртками, которые он своими руками упаковал на чердаке Королевского общества.

Многие снимали шляпу — не перед Даниелем, конечно, а перед его спутником. Рен явно соби-

рался откланяться.

— У меня лежат планы многих зданий, выстроенных Гуком.

— Это как раз то, что мне нужно.

— Я их вам отправлю. А также фамилии людей, строивших эти здания и могущих знать особенности их конструкции.

— Вы чрезвычайно добры.

— Это наименьшее, что я могу сделать в память о человеке, научившем меня проектировать арки. И ещё я выдвину вас на пост куратора экспериментов Королевского общества.

— Простите, сэр?

— Вы всё поймете по недолгом размышлении. Всего вам доброго, доктор Уотерхауз.

— Вы истинный рыцарь, сэр Кристофер.

ДАНИЕЛЬ ДУМАЛ, что восточнее Бишопсгейта улицы будут посвободнее, но здесь тоже повсюду шло строительство, к тому же рядом располагалась гавань, так что движение оказалось не менее оживлённым. Ни Даниеля, ни возчика не устраивала перспектива до конца дня браниться с ломовиками. Можно было переехать на другой берег, но в Саутуарке их ждала бы такая же давка, только на более узких и хуже замощённых улицах. Даниель решил поступить иначе. Он

велел везти себя и свёртки по Фиш-стрит-Хилл к Лондонскому мосту, а дальше на восток по Темз-стрит, как если бы они направлялись к Тауэру. Справа уходили к пристаням древние улочки, и в каждой Даниелю на миг представали сценки из жизни торговцев или мастеровых; что в этих живых картинах отсутствовало, так это сама Темза, хоть и расположенная всего на расстоянии полёта стрелы — в конце улиц взгляд различал лишь мачты и такелаж.

Миновали Биллинсгейтский рынок, раскинувшийся по трём сторонам большого прямоугольного дока, где швартовались небольшие суда из лондонской гавани. Док был врезан в берег и доходил почти до Темз-стрит, которая здесь расширялась в площадь, как будто желая обменяться с рынком рукопожатиями. Под колёсами хрустели и подпрыгивали чёрные камешки. Лошади замедлили ход. Они пробирались через толпу детей в запачканной одежде, которые выковыривали чёрные камешки из булыжной мостовой.

И мальчишки, подбирающие уголь, и сами угольщики (судя по выговору, сплошь йоркширцы), и чиновники, взвешивающие их товар, что доставлялся на лодках из гавани, — всё было для Даниеля в новинку. Он привык считать

Биллинсгейт рыбным рынком. Впрочем, за рыботорговок можно было не тревожиться: они по-прежнему занимали б*о*льшую часть дока и защищали свою территорию метко брошенными рыбьими потрохами и не менее меткими описаниями внешности и родословной покушавшихся на неё угольщиков.

За рынком ехать стало легче, хотя ненамного, потому что чуть впереди, справа, располагалась таможня. Деловая жизнь здесь кипела почти как на Чендж-аллее. Гул голосов сливался в неумолчный рёв прибоя; особенно сильные волны докатывали до повозки, обдавая Даниеля пеной отдельных слов.

— Сюда, — сказал он, и возчик свернул вправо через улочку со множеством не слишком презентабельных, но явно бойко торгующих контор к Темзе.

Здесь были оборудованы несколько маленьких доков; Даниель и возчик без труда отыскали тот, в котором курили трубки и обменивались глубокомысленными замечаниями лодочники. Не сходя с места и просто раздавая монеты нужным людям в нужное время, Даниель нанял лодочника отвезти его на другой берег и отпустил возчика.

С Темз-стрит река представлялась не столько

путём сообщения, сколько преградой: частоколом оструганного дерева, призванным остановить захватчика или беглеца. Однако лодочник в несколько гребков миновал заслон вдоль доков, и они вышли в судоходное русло. Движение здесь тоже было оживлённое, и всё же по сравнению с улицами водное пространство казалось на диво широким и вместительным. У Даниеля полегчало на сердце — без всяких, впрочем, оснований. Лондон быстро превратился в наброшенный на холм для просушки неразглаженный вонючий брезент. Выделялись только Монумент, Лондонский мост, Тауэр и собор Святого Павла. Мост, как всегда, являл собой полную несуразность: целый город над водой, притом ветхий, покосившийся, пожароопасный город тюдоровских времён. Недалеко от северного его конца высился Монумент, который Даниель впервые сумел рассмотреть как следует. Эту огромную одинокую колонну воздвиг Гук, хотя все приписывали её Рену. В недавних перемещениях по Лондону Даниель не раз вздрагивал, заметив будто смотрящую на него вершину колонны, — так много лет назад ему чудилось, что живой Гук разглядывает его в микроскоп.

Отлив подгонял лодку, и Даниель опомниться

не успел, как они поравнялись с Тауэром. Усилием воли он оторвал взгляд от Ворот изменников, а мысли — от воспоминаний и вернулся к насущным заботам. Хотя внутреннюю часть Тауэра скрывали стены и бастионы, можно было видеть дым, поднимающийся из окрестностей Монетного двора, а в общем городском гуле ухо вроде бы различало медленное тяжёлое биение молотов, чеканящих гинеи. У солдат на стенах были красные мундиры с чёрной отделкой; следовательно, Собственный её величества Блекторрентский гвардейский полк, исходно размещавшийся в Тауэре, вернули сюда — в который раз, Даниель сосчитать не мог. Местопребывание Блекторрентского полка, как флюгер, точно указывало, куда дует политический ветер. Когда шла война, Блекторрентские гвардейцы были на фронте. В мирное время, если монарх благоволил к Мальборо, они охраняли Уайтхолл. Если Мальборо подозревали в том, что он намерен заделаться новым Кромвелем, его любимый полк ссылали в Тауэр и нагружали заботами о Монетном дворе и Арсенале.

Чем ниже по течению, тем беднее становились дома и великолепнее — корабли. Впрочем, поначалу дома выглядели не такими уж бедными.

Вдоль обоих берегов были проложены дороги, но их Даниель не видел за складами, по большей части выстроенными из обожжённого кирпича. Стены складов уходили прямо в воду, чтобы лодки можно было загружать и разгружать без помощи кранов, которые торчали над рекой, словно реснички микроскопических анималькулей. Склады изредка перемежались доками, от которых расходились лучи притоптанной земли. На левой, Уоппингской стороне эти улицы вели в город, который вырос здесь за время Даниелева отсутствия. Справа, на саутуаркском берегу, сразу за выстроившимися вдоль реки лабазами начиналась открытая местность; Даниель различал её лишь в те редкие моменты, когда лодка оказывалась в створе отходящих к югу дорог. Вдоль них примерно на четверть мили тянулись новые строения, придавая им вид вонзённых в город мечей. А дальше расстилались не сельские английские угодья (хотя пастбищ и молочных ферм тоже хватало), но псевдоиндустриальный пейзаж: здесь растягивали на сушильных станках ткань и дубили кожу — оба ремесла требовали больших площадей.

За Уоппингом начинался длинный прямолинейный отрезок реки, а дальше — излучина

между Лаймхаузом и Ротерхитом. Даниель изумился, но не слишком, увидев, что новый город на левой стороне захватил почти весь берег. Шадуэлл и Лаймхауз стали частью Лондона. От этой мысли по коже пробежал холодок. Городки в нижнем течении Темзы всегда считались рассадником воришек, речных пиратов, бешеных собак, крыс, разбойников и бродяг, а отделяющая их сельская местность, несмотря на обилие там кирпичных заводов и кабаков, — санитарным кордоном. Даниель подумал, что Лондон, возможно, больше проиграл, чем выиграл, заменив этот кордон сквозными улицами.

Саутуаркская сторона была застроена меньше, так что порой Даниель и пасущиеся коровы могли созерцать друг друга через несколько ярдов воды, грязи и дёрна. Однако как шлюпы и шхуны по мере приближения к гавани уступали место большим трёхмачтовым кораблям, так мелкие пристани и доки городских купцов сменялись участками огромными, словно поля сражений, и почти такими же шумными — верфями. Некий завсегдатай клуба «Кит-Кэт» убеждал Даниеля, что по берегам лондонской гавани расположилось более двух десятков верфей и столько же сухих доков. Даниель из вежливости сделал вид,

будто верит, но по-настоящему поверил только сейчас. Казалось, вдоль всей гавани сидят чудища, которые, поглощая деревья тысячами, извергают корабли десятками. Они выплёвывали столько опилок и стружек, что хватило бы упаковать собор Святого Павла, сумей кто-нибудь построить такой большой ящик — задача для здешних верфей, наверное, вполне подъёмная. Многое из того, что Даниель примечал раньше, теперь сложилось в единую картину. Плоты в Бостоне, плывущие по реке Чарльз день за днём, и то, что уголь, угольный дым и копоть теперь в Лондоне повсюду, — всё говорило о спросе на древесину. Леса Старой и Новой Англии равно превращались в корабли — только дурак стал бы жечь дерево.

Лодочник не знал, какая из верфей принадлежит мистеру Орни — так их было много, — но тут Даниель смог ему подсказать. Только на одной разом строились три одинаковых трёхмачтовика. Рабочие, которые сидели на шпангоутах и перекусывали (видимо, пришло время перерыва), были ирландцы и англичане, в шерстяных шапках или с непокрытой головой, несмотря на холодный ветер. Однако, когда лодка подошла ближе, Даниель разглядел двоих в огромных

меховых шапках, присматривающих за работой.

Лодка проскользнула под нависающей кормой каждого из трёх кораблей. Средний был почти закончен, оставалось лишь покрыть его пышной резьбой, краской и позолотой. У двух других ещё обшивали досками корпус.

За кораблями взглядам открылся пирс. В его конце сидел на перевёрнутом бочонке человек в простой чёрной одежде. Он жевал пирог и читал Библию. Завидев лодку, человек аккуратно отложил и то и другое, встал и протянул руку, чтобы поймать брошенный лодочником конец. В мгновение ока он сотворил великолепный узел, пришвартовав лодку к чугунной тумбе на пирсе. И сам узел, и безупречная сноровка должны были явственно показать всем и каждому, что перед ними избранник Божий. Чёрное платье — грубое, шерстяное, без всяких изысков — было в опилках и пакле. По мозолистым рукам и умению вязать узлы Даниель заключил, что это такелажный мастер.

На берегу колеи и мостки образовывали миниатюрный Лондон из улиц и площадей, только место домов занимали штабеля брёвен, бухты каната, тюки пакли и бочки со смолой. Вдоль склада под открытым небом, очерчивая восточ-

ную границу верфи мистера Орни, тянулась общественная дорога, которая переходила в лестницу на Лавендер-лейн, ближайшую к реке улицу в этой части Ротерхите.

— Храни вас Бог, брат, — обратился Даниель к такелажному мастеру.

— И тебя… сэр, — отвечал тот, оглядывая его с ног до головы.

— Я доктор Уотерхауз из Королевского общества, — сознался Даниель, — звание для грешника высокое и громкое, и не много почестей стяжало оно мне средь тех, кого прельстили удовольствия и лживые посулы Ярмарки Суеты. — Он глянул через плечо на Лондон. — Так можете меня именовать, коли желаете, для меня же наибольшая честь — называться братом Даниелем.

— Хорошо, брат Даниель, а ты, коли так, зови меня братом Норманом.

— Брат Норман, я вижу, что ты показуешь пример усердия тем, кого влечёт обманный блеск Праздности. Это я понимаю…

— О, брат Даниель, среди нас много добросовестных тружеников, иначе как бы мы справлялись с работой?

— Воистину, брат Норман, однако ты лишь усилил моё недоумение: никогда не видел я верфи

столь большой и в то же время столь малолюдной. Где все остальные?

— Что ж, брат Даниель, должен с прискорбием тебе сообщить, что они в аду. Во всяком случае, в таком месте, которое в нашей юдоли скорбей ближе всего к аду.

Первой мыслью Даниеля было «тюрьма» и «поле боя», но это представлялось малоправдоподобным. Он уже почти остановился на «борделе», когда с другой стороны Лавендер-лейн донеслись громкие возгласы.

— Театр? Нет! Медвежья травля, — догадался он.

Брат Норман молитвенно прикрыл глаза и кивнул.

Заслышав крики, мастеровые, которые перекусывали неподалёку, встали и кучкой двинулись к лестнице. За ними на почтительном отдалении следовали двое русских, примеченные Даниелем раньше. Теперь, не считая брата Нормана, на всей верфи осталось пять или шесть работников.

— Я поражён! — вскричал Даниель. — Неужто в обычае мистера Орни останавливать работу средь бела дня, чтобы его мастеровые могли поглазеть на кровавое и постыдное зрелище? Удивляюсь, как здесь вообще что-нибудь дела-

ется!

— Я — мистер Орни, — любезно отвечал брат Норман.

Сорок лет назад Даниель от стыда бросился бы в реку. Однако события последних месяцев научили его, что даже от такого унижения не умирают, как бы иногда ни хотелось. Надо было стиснуть зубы и продолжать. Он больше опасался за лодочника, который привёз его сюда и внимательно слушал весь разговор; у славного малого был такой вид, будто он сейчас рухнет с пирса.

— Прошу меня извинить, брат Норман, — сказал Даниель.

— Не стоит, брат Даниель; ибо как нам приблизиться к Богу, если не внимая справедливым обличениям добрых собратьев?

— Истинная правда, брат Норман.

— Не ведал бы ты, о сын Дрейка, что смеха достоин в парике и платье блудничьем, когда бы я с любовию не раскрыл тебе глаза.

Новый взрыв голосов с Лавендер-лейн напомнил Даниелю, что, как всегда, нераскаянные грешники получают от жизни больше радостей.

— Я ознакомил работников со своим взглядом на подобного рода забавы, — продолжал брат Норман. — Несколько наших собратьев сейчас

там, раздают памфлеты. Лишь Господь может их спасти.

— Я думал, вы такелажный мастер, — сказал Даниель, как болван.

— Дабы служить примером на верфи, надо быть искусным во всех корабельных ремёслах.

— Понятно.

— Медвежий садок — вон там. Два пенса с человека. Прошу.

— О нет, брат Норман, я пришёл не за этим.

— Зачем же ты пришёл, брат Даниель? Затем лишь, чтобы поучить меня, как мне лучше управляться с делами? Желаешь ли проверить мои конторские книги? До вечера времени ещё много.

— Благодарю за любезное предложение, но…

— Боюсь, у меня под ногтями грязь, и тебя это коробит. Если ты согласишься прийти завтра…

— Ничуть, брат Норман. У моего отца, контрабандиста, подряжавшего на работу пиратов и бродяг, часто бывала грязь под ногтями после того, как мы всю ночь грузили неуказанный товар.

— Отлично. В таком случае, чем я могу быть полезен тебе, брат Даниель?

— Надо погрузить эти свёртки на тот из трёх кораблей, который, с Божьей помощью, первым

отплывёт в Санкт-Петербург.

— Это не склад. Я не могу принять ответственность за то, что случится с грузом, пока он на моей верфи.

— Не страшно. Вора, его похитившего, будет ждать глубокое разочарование.

— Нужно разрешение господина Кикина.

— Это который?

— Маленького роста. Подходи к господину Кикину спереди, держа руки на виду, не то высокий тебя убьёт.

— Спасибо за совет, брат Норман.

— Пожалуйста. Господин Кикин уверен, что Лондон кишит раскольниками.

— Кто это такие?

— Судя по мерам предосторожности, которые принимает господин Кикин, раскольники — своего рода русские гугеноты, огромные, бородатые и умеющие далеко бросать гарпуны.

— Сомневаюсь, что я подхожу под это описание.

— Бдительность лишней не бывает. Ты можешь оказаться раскольником, вырядившимся в престарелого щёголя.

— Брат Норман, сколь отрадно мне быть вне удушливой атмосферы чопорной лондонской

учтивости.

— На здоровье, брат Даниель.

— Скажи, слыхал ли ты о торговом корабле под названием «Минерва»?

— О легендарной «Минерве»? Или о настоящей?

— Я не слышал никаких легенд. Уверяю, интерес мой чисто практический.

— Я видел «Минерву» в сухом доке, сразу за поворотом реки, две недели назад, и могу сказать, что это не та, о которой гласит молва.

— Не понимаю, брат Норман. Мне недостаёт знаний касательно «Минервы», чтобы разгадать твою загадку.

— Прости, брат Даниель, я думал, ты так же сведущ в морских легендах, как и в руководстве верфями. Французские моряки смущают легковерных, утверждая, будто некогда существовал одноименный корабль, обшитый до ватерлинии золотом.

— Золотом?!

— Которое можно было увидеть только при сильном крене, например когда свежий ветер дует с траверза.

— Какая нелепость!

— Не совсем так, брат Даниель. Ибо враг ско-

рости — ракушки, которыми обрастает корпус. Мысль обшить его металлом великолепна. Вот почему я, как и половина лондонских корабелов, сходил посмотреть на «Минерву», пока она была в сухом доке.

— И не увидел золота.

— Я увидел медь, брат Даниель, которая, в бытность свою новой, наверняка ярко блестела. При определённом освещении французы — католики, падкие до соблазнов мишурной роскоши, — могли счесть её золотом.

— Ты думаешь, так и возникла легенда?

— Я уверен. Однако «Минерва» существует на самом деле — я видел её на якоре день или два назад меньше чем в полумиле отсюда. Вот, кажется, она, перед Лаймкилнским доком.

Брат Норман указал на отрезок реки, где покачивались на якорях не меньше сотни судов, из них треть — большие океанские трёхмачтовики. Даниель даже смотреть не стал.

— Она с острыми обводами и сильным завалом бортов — школа покойного Яна Вроома, прекрасно вооружённая, приманка и гроза пиратов, — продолжал брат Норман.

— Я провёл на «Минерве» два месяца и всё равно не отличу её с такого расстояния от других

трёхмачтовиков, — сказал Даниель. — Брат Норман, когда корабли отплывут в Санкт-Петербург?

— В июле, если Бог даст и если пушки доставят вовремя.

— Любезный, — обратился Даниель к лодочнику. — Я пойду переговорить с господином Кикиным, а вас тем временем попрошу доставить записку капитану ван Крюйку на «Минерву».

Даниель вытащил карандаш и, примостив клочок бумаги на перевёрнутой бочке, написал:

Капитан ван Крюйк!

Если в Ваши намерения входит совершить обратный рейс в Бостон, то я поручил бы Вам забрать оттуда и доставить мне в Лондон, желательно не позднее июля, некоторые вещи. Мой адрес: Королевское общество, Крейн-корт, Флит-стрит, Лондон.

Даниель Уотерхауз

Медвежий садок мистера Уайта

получасом позже

Даниель посещает медвежью травлю

ПРИМЕРНО ТРИ ЧЕТВЕРТИ КРУГА было отведено под стоячие места, остальную четверть занимали скамьи. Протиснувшись мимо нон-

конформистов, которые пытались не пропустить входящих или хотя бы сунуть им в руки памфлет, Даниель заплатил целый шиллинг за место на трибуне и мешок с соломой под костлявый старческий зад. Он сел на край скамьи в надежде, что успеет отскочить, если она рухнет, — строил её явно не Рен. Отсюда Даниель мог смотреть прямо через арену в лица двум русским, которые пробились вперёд, — подвиг нешуточный, учитывая, что расталкивать пришлось саутуаркских корабельных рабочих. Правда, высокий русский был настоящий великан — господин Кикин, стоящий впереди, едва доходил ему до ключицы. Зрителям, оказавшимся сзади, приходилось по очереди сидеть друг у друга на плечах.

За трибуной остановилась запряжённая четвёркой карета, которую оберегали от ротерхитской толпы кучер и лакеи в пудреных париках. Даниель удивился, что обладатель роскошного экипажа поехал смотреть медвежью травлю в такую даль. До театров и медвежьих садков Саутуарка можно было добраться без труда — какие-нибудь десять минут на лодке, — сюда же приходилось долго ехать мимо зловонных дубильных мастерских.

С другой стороны, будь эти люди брезгливы,

они бы вообще избегали таких мест. Герб на дверце кареты был Даниелю незнаком, что наводило на мысль о его недавнем происхождении, а глядя в спину хозяину экипажа и двум его спутницам, ничего больше заключить не удавалось.

Кроме этих троих, на трибуне сидели ещё несколько хорошо одетых господ, видимо, прибывших по воде, каждый поодиночке. Даниель вынужден был признать, что не особо выделяется на их фоне.

Зрелище строго следовало классическим канонам, то есть пяти минутам собственно потехи предшествовал часовой балаган. Сначала громко и цветисто объявляли, чт***о*** публике предстоит увидеть (в промежутках, чтобы она не заскучала, провели несколько петушиных боёв), затем вывели на цепях несколько больших псов и прогнали их рысью по арене, чтобы зрители могли сделать ставки. Те, кому бедность или благоразумие не позволяли рисковать деньгами, забавлялись тем, что, протиснувшись вперёд, пытались ещё сильнее разозлить собак, бросая в них камнями, тыча палками и выкрикивая их клички. Звали псов Король Луи, Король Филипп, Маршал Виллар и Король Яков Третий.

Один из зрителей явился с опозданием и сел

на край скамьи тремя рядами ниже Даниеля. Это был нонконформист в чёрном платье и широкополой шляпе. Он принёс корзину, которую поставил на скамью перед собой, между ногами.

Джентльмен, приехавший в карете, встал и, положив изуродованную шрамом руку на эфес шпаги, уставился на пришлеца. Даниель чувствовал, что когда-то видел этого господина, но решительно не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах. Так или иначе, тот всем своим видом выражал желание вышвырнуть нонконформиста, который здесь выглядел так же уместно, как в Ватикане. Выполнить намерение ему помешали спутницы, сидящие по бокам. Выразительно переглянувшись, дамы разом — как будто одна была зеркальным отражением другой, — взяли его под локотки. Джентльмену это явно пришлось не по нраву — он высвободил руки так резко, что едва не заехал спутницам по лицу.

Зарождающийся скандал прервало объявление, что прибыл «герцог Мальборо». Все, кроме джентльмена, Даниеля и нонконформиста, разразились криками. Десятка два стоячих зрителей согнали с дороги, чтобы вкатить ярко раскрашенный фургон, вернее, будку на колёсах — её

втащили на арену с нарочитой медлительностью, чтобы подогреть страсти и увеличить ставки.

Джентльмен собрался сесть. Он расправил камзол на заду и обернулся. На лице его проступило некоторое удивление. Даниель проследил его взгляд и заметил, что карета, запряжённая четвёркой, исчезла. Вероятно, кучер решил отъехать в более тихое место, чтобы предстоящая забава и крики не напугали лошадей.

Даниель снова взглянул на джентльмена: тот похлопал себя по животу и, нащупав толстую золотую цепочку, вытащил из кармашка часы. На цепочке болталось что-что бурое и сморщенное — кроличьи лапки? Какие-то другие талисманы на счастье? Джентльмен открыл крышку часов, посмотрел время и, наконец, сел.

Они не пропустили ничего интересного. За это время служители успели только вытащить из-под дверцы будки цепь и закрепить её на вбитом в землю столбе. Всё совершалось с нарочитой торжественностью и потому медленно. Теперь наконец дверцу открыли, явив взглядам Герцога Мальборо. И тут господина Кикина со спутником постигло жестокое разочарование. Возможно, для европейского чёрного медведя Герцог был достаточно велик, но наверняка казался недомерком

по сравнению с бурыми сибирскими медведями, наводящими страх на жителей Московии. Хуже того, когда отважный укротитель раскрыл Герцогу пасть, стало видно, что клыки его спилены до безобидных пеньков.

— Самые страшные враги Герцога: Гарлей и Болингброк! — объявил распорядитель.

Эффектная пауза. Затем дверцу огромной конуры подняли лебёдкой, как решётку крепостной башни. Ничего не произошло. В конуре взорвали шутиху. Подействовало: на арену выбежали Гарлей и Болингброк, два одинаковых пуделя в белых париках. Полуослепшие и оглушённые, они бросились в разные стороны: Гарлей к краю арены, Болингброк — в центр. Медведь одним ударом сбил его с ног, перевернул на спину и провёл второй лапой по его животу.

Большой кусок собачьей требухи силуэтом взмыл в белое небо, вращаясь, так что капли крови разлетались в стороны по спирали. Он как будто завис в воздухе, и Даниель уже думал, что кровавый ошмёток упадёт на него, но тот звонко шмякнул о лиф кобальтово-синего платья одной из спутниц джентльмена и по животу сполз к ней на колени. Даниель определил, что это лёгкое. Даме хватило ума вскочить *сначала* и завизжать

потом.

Всё — от взрыва петарды до аплодисментов, которыми публика отметила роль дамы, — заняло не больше пяти секунд.

Одной даме пришлось отвести другую в сторонку, чтобы та успокоилась. Поскольку экипаж отъехал, всё происходило на трибуне, на глазах у зрителей, составляя забавное дополнение к долгожданной потехе: больших псов наконец-то спустили с цепи. Сперва Короля Луи и Короля Филиппа. Они шли прямиком на медведя, пока тот не заметил их и не встал на задние лапы. Тут они передумали и решили проверить, не лучше ли просто хорошенько его облаять. Тогда спустили Маршала Виллара и Короля Якова Третьего. Вскоре между медведем и псами завязалось некое подобие драки.

Зрители на стоячих местах достигли той же степени остервенения, что и псы, поэтому несколько секунд никто не замечал, что драка прекратилась, а медведь и его противники, не обращая внимания друг на друга, уткнулись мордами в землю.

Собаки виляли хвостом.

Зрители умолкли почти разом.

Что-то красное летело на арену с трибуны и

шмякалось на землю, словно мокрое тряпьё.

Все это заметили и проследили траекторию до нонконформиста. Теперь он стоял, пристроив корзину на скамью рядом с собой. Из корзины сочилась кровь. Пуританин вытаскивал из неё куски сырого мяса и бросал на арену.

— Вы, люди, подобно сим зверям несмысленным, дерётесь для забавы и трудитесь для обогащения таких, как этот паскудник — мистер Чарльз Уайт, — единственно лишь потому, что алчете! Алчете помощи, врачевания, духа! Однако процветание земное и небесное легкодостижимо! Оно падает с небес, как манна! Вам надо только его принять! Утолите же свой голод!

До сего момента аттракцион с бросанием мяса был по-своему занимателен; особенно зрителям понравилось, когда джентльмена в лицо назвали паскудником. Однако с каждым мгновением слова пуританина больше смахивали на проповедь, которую публика выслушивать не собиралась. Поднялся общий ропот, как в парламенте. Даниеля впервые посетило сомнение, сумеет ли он сегодня выбраться из Ротерхита с руками, ногами и головой.

Мистер Чарльз Уайт, вероятно, задав себе тот же вопрос, прыгнул через несколько скамей,

угрожающе поглядывая на служителей. Из этого и из слов нонконформиста Даниель заключил, что Уайт владеет садком либо, по крайней мере, вложил в него средства.

— Отличное предложение! Думаю, я угощусь вот этим! — Последнее слово было приглушено ухом нонконформиста.

Откусывание уха происходило примерно так же, как двадцать лет назад в кофейне на глазах у Даниеля. Руку, которая держала голову нонконформиста, поворачивая её туда-сюда, по-прежнему уродовал шрам от кинжала Роджера Комстока. Даниель не имел ни малейшего желания снова это наблюдать. Однако публика была в восторге. Другими словами, Чарльз Уайт направил чувства толпы в нужное ему русло, представив ей за потраченные деньги какое-никакое увеселение.

Ухо он в этот раз откусил куда быстрее — сказывалась приобретённая с годами сноровка — и поднял над головой. Толпа зааплодировала; тогда мистер Уайт стал поворачивать ухо, давая ему «послушать» ту сторону, с которой хлопали громче. Поняв шутку, зрители вошли во вкус и принялись шуметь наперегонки. Уайт тем временем кружевным платком утёр с губ кровь.

— Это ухо довольно твёрдое и с душком, — объявил он, когда толпе прискучило хлопать. — Боюсь, оно продубилось от слишком частого выслушивания проповедей. Для моей часовой цепочки оно не годится, только на корм собакам.

Уайт перепрыгнул через барьер на арену — немало изумив всех своей физической силой — и скормил ухо уцелевшему пуделю Гарлею.

Вид собаки, поглощающей кусок человека, видимо, принёс публике то удовлетворение, за которым она сюда пришла. Никто не выразил особого восторга, но и возмущения не последовало. Начались разговоры и перешучивания. Несколько зрителей двинулись к выходу, чтобы успеть до того, как начнётся давка. Остальные переминались на месте, время от времени поглядывая на пуделя в съехавшем парике, который, скаля клыки, жевал ухо задними зубами.

Даниель вспомнил про одноухого нонконформиста, которого последний раз видел, когда тот спускался с трибуны, издавая ужасные звуки: наполовину стоны боли, наполовину пение гимна. Корзина его перевернулась во время борьбы с Чарльзом Уайтом. Несколько кусков требухи выпали на скамью и теперь лежали в лужицах тёмной крови, от которых ещё поднимался пар.

Даниель узнал огромную щитовидную железу, явно извлечённую из лошади или такого же большого животного, убитого не далее как пятнадцать минут назад.

Нонконформист, шатаясь, вышел на открытое пространство за трибунами, где его уже встречали больше десятка собратьев. Все они натянуто улыбались. Карета мистера Уайта так и не вернулась; место её занимала повозка куда более грубая и куда более подходящая для здешних трущоб: фургон живодёра, весь в коросте засохшей крови и блестящих потёках свежей. С трибуны Даниель мог видеть то, что оставалось скрытым от мистера Уайта, стоящего на арене: в фургоне лежала разрубленная лошадь. Не старая кляча, а лоснящееся, ухоженное животное.

Это была одна из упряжных мистера Уайта.

Кучер и лакеи мистера Уайта стояли тесной кучкой в четверти мили по дороге, у неподвижной кареты, в которую теперь были впряжены только три лошади.

Даниель ещё раз взглянул на нонконформистов и заметил у каждого за поясом по меньшей мере один пистолет.

Самое время было уходить. Даниель сошёл вниз, стараясь, чтобы это не выглядело паниче-

ским бегством, и не позволил себе оглянуться или замедлить шаг, пока не очутился по другую сторону арены от того, что происходило или должно было начаться позади скамей.

— Господин Кикин, — сказал он, подходя спереди (руки на виду) и отвешивая церемонный поклон. — Я к вам с поручением от барона фон Лейбница, советника его императорского величества царя Петра.

Вступление было несколько торопливое, но Чарльз Уайт на другой стороне арены наконец-то осознал, как поступили с ним диссиденты, и постепенно вскипал яростью, которую сдерживало лишь численное превосходство вооружённых противников, готовых без колебаний отдать жизнь за правое дело. В таких условиях был лишь один способ привлечь внимание господина Кикина — упомянуть Петра Великого.

Приём сработал. Кикин не выразил и малейшего сомнения в том, что Даниель говорит правду. Из этого следовал вывод, что Лейбниц не преувеличивал, описывая Петра; тот всё делал по-своему, и его слуги, такие как Кикин, быстро лишились бы головы, если бы не поспевали за неожиданными поворотами царской воли. Итак, Даниелю удалось увлечь господина Кикина и его

спутника в сторонку, подальше от безобразного зрелища на трибуне. Мистер Уайт осыпал диссидентов угрозами и проклятиями, те заглушали его пением гимнов, а самые глупые зрители кидали в них камни.

ОТ ЗНАЮЩИХ ЛЮДЕЙ Даниель слышал, что у русских широкие скулы. У Льва Степановича Кикина (как тот представился, когда они оставили позади медвежий садок с начавшейся там дракой и перебрались на верфь мистера Орни) скулы, безусловно, имелись. Однако пухлое, грубовато слепленное лицо было настолько лишено национальных черт, что никто, живущий, скажем, севернее Парижа, не признал бы по нему выходца из далёкой страны, решительно во всём отличной от остального христианского мира. Даниель чувствовал бы себя спокойнее, окажись у Кикина зелёная кожа и три глаза, напоминающие каждому, что перед ним человек с иной системой взглядов. В отсутствии этого Даниель постарался сосредоточиться на диковинной шапке и великане-телохранителе, который ни на миг не переставал высматривать на горизонте раскольников.

Со своей стороны, Кикин, который был как-никак дипломат, слушал с видом насмешливо-

снисходительным, что довольно скоро начало Даниеля раздражать. Не важно — он прибыл сюда не для того, чтобы завести дружбу с Кикиным (или с Орни, если на то пошло), а чтобы перегрузить научный хлам на склад для дальнейшей отправки в Санкт-Петербург.

Меньше чем через час с делом было покончено, и Даниель возвращался в лодке на другой берег. Он попросил доставить его на пристань Тауэра.

Лодочник грёб изо всех сил — не для того, чтобы угодить Даниелю, а чтобы скорее оказаться подальше от Ротерхита. Они наискосок пересекли лондонскую гавань, преодолев примерно милю против течения до Уоппинга. Ещё через милю поравнялись с «Рыжей коровой», где Даниель и Боб Шафто задержали Джеффриса, затем с церковью Святой Екатерины и, наконец, с длинной Тауэрской набережной. В ней располагалась арка — Ворота изменников, через которые Даниель однажды сумел проникнуть уговорами, но не видел резона повторять попытку сейчас. Он велел лодочнику грести дальше.

Сразу за углом Тауэра река как будто резко поворачивала вправо; на самом деле там располагался Тауэрский док, пережиток системы рвов. Над стоячей водой высился невероятный ком-

плекс ворот, шлюзов, дамб и подъёмных мостов, более или менее относящийся к Львиной башне и служащий входом в Тауэр. Здесь Даниель расплатился с лодочником и сошёл на пристань.

Внешняя часть комплекса была открыта для всех желающих. Даниель без помех миновал ворота, и лишь в начале Минт-стрит его впервые спросили, чего ему здесь надо. Он ответил, что идёт к сэру Исааку Ньютону. К нему немедленно приставили сопровождающего: ирландца-рядового из Собственного её величества Блекторрентского гвардейского полка. Вместе они прошли по Минт-стрит, узкой, шумной и длинной. В начале её стояли дома — здесь жили работники Монетного двора, а дальше друг напротив друга располагались привратницкая и парадный вход Монетного двора с лестницей на второй этаж.

Гвардеец отвёл Даниеля в канцелярию. С первого взгляда было видно, что это одно из тех тоскливых мест, где посетители подолгу дожидаются, когда их примут.

Даниель не огорчился — передышка была сейчас даже кстати. На тот маловероятный случай, что он впрямь друг сэра Исаака, сторож из привратницкой принёс ему чашку чаю. Даниель сидел, прихлёбывал чай и, ощущая мерный пульс

падающих молотов, смотрел на въезжающие телеги с углём и выезжающие — с навозом. Наконец пришёл человек и сказал, что сэра Исаака нет, но ему можно оставить записку, что Даниель и сделал.

На обратном пути, в воротах, он встретил рядового, провожавшего его в здание канцелярии.

— Вам приходилось воевать? — спросил Даниель, ибо солдат не выглядел совсем уж зелёным новобранцем.

— Я маршировал с капралом Джоном в одиннадцатом, сэр, — последовал ответ. Капралом Джоном называли герцога Мальборо его солдаты.

— А, прорыв линии у Арле и Обиньи! — воскликнул Даниель. — Тридцать миль за день, если я не ошибаюсь?

— Тридцать шесть миль за шестнадцать часов, сэр.

— Славное дело!

Даниель не стал спрашивать про кампанию двенадцатого года, окончившуюся плачевно после того, как первого января королева отправила Мальборо в отставку.

— Был у меня знакомый в вашем полку, сержант — он оказал мне услугу, и я сумел отплатить

ему тем же. С тех пор минуло двадцать пять лет войны. Вряд ли он по-прежнему здесь…

— Только один человек прошёл с полком все эти двадцать пять лет, — отвечал рядовой.

— Страшновато звучит. Как его имя?

— Сержант Боб, сэр.

— Боб Шафто?

Рядовой позволил себе улыбнуться:

— Он самый, сэр.

— Где он сейчас?

— В наряде по Монетному двору.

— Так он там? — Даниель указал на Минт-стрит.

— Нет, сэр, вы найдёте его на Лондонском мосту, сэр. Наряд довольно необычный, сэр.

ДАНИЕЛЬ НЕ ЗАМЕТИЛ СОЛДАТ, занятых каким-нибудь делом, обычным или необычным, пока не прошёл почти весь мост. По крайней мере эта часть Лондона на его памяти практически не изменилась. Разумеется, одежда на людях и в лавках по сторонам дороги была иная. Однако солнце клонилось к закату, и между домами царил полумрак, в котором старческие глаза почти ничего не различали. На этих отрезках пути Даниель легко мог вообразить себя десятилетним мальчиком на побегушках в республике Оливера

Кромвеля. Грёзы прерывались, стоило ему выйти на открытое место. Разрывы между зданиями были оставлены для предотвращения пожаров и тянулись примерно на бросок камня. Солнце било справа, и, отворачиваясь, Даниель видел Темзу с двумя тысячами кораблей, разрушавшими иллюзию, будто он вернулся в простые старые времена. Даниель пробегал открытые места, как крыса — круг света от фонаря, и спешил укрыться в прохладных узких каньонах между старыми зданиями.

Последний и самый короткий из противопожарных разрывов был уже почти в Саутуарке, на семи восьмых пути. Дальний его конец венчало каменное сооружение, древнее с виду, хотя и насчитывающее всего триста лет. Самое высокое на мосту, оно служило одновременно сторожевой башней и преградой на пути нежеланных гостей. Его возвели в те времена, когда военные действия были незатейливей, и если дозорный на башне видел подступающих с юга французов или сарацин, он опускал решётку и бил тревогу. Называлось это Большие каменные ворота.

Последний из фахверковых домов стоял над одной опорой моста, Большие каменные ворота — над следующей к югу, а противопожарный

разрыв между ними совпадал с самым широким из двадцати пролётов Лондонского моста. Назывался он Роклок. Пассажирам, рискнувшим преодолеть в лодке стремнину под мостом, иногда предлагали сделать крюк и пройти Роклоком как наиболее безопасным; впрочем, у ветеранов это считалось малодушием.

Открытый участок моста загадочным образом притягивал мечтателей и безумцев. Один из таких (трудно сказать, безумец или мечтатель) стоял спиной к проезжей части, лицом к Темзе. Человек этот, одетый в розоватый камзол, не любовался видами западного Лондона. Свесив седую, коротко остриженную голову через парапет, он смотрел на водорез под мостом и, взмахивая тростью чёрного дерева, приговаривал: «Полегче, полегче, помни, зачем ты это делаешь — если он треснет и молоко будет вытекать, то вся работа насмарку». Слова звучали бредом умалишённого, однако произносились с усталым спокойствием человека, который командует другими не первый год.

Сбоку от мостовой стоял, задрав голову, солдат в красном мундире. Даниель посторонился, чтобы не мешать прохожим, и проследил взгляд солдата. Тот смотрел на крышу Больших камен-

ных ворот, где трудились двое молодцов в старых грязных рубахах.

Большие каменные ворота, наряду с Ладгейтом, Темпл-баром, Олдгейтом и ещё несколькими, входили в число старейших. В соответствии с древней чтимой традицией, общей для почти всех культурных народов, на таких воротах выставляли останки казнённых преступников, чтобы даже неграмотный видел, что вступает на территорию, где блюдётся закон. Для этих целей над Большими каменными воротами были закреплены длинные железные пики, расходящиеся, как лучи тёмного нимба от чела падшего ангела. На концах их всегда красовались десять-двадцать голов в разной стадии разложения. Когда с Тауэрского холма или с многочисленных лондонских виселиц привозили новые головы, место для них освобождали, сбрасывая старые в реку. Здесь, как во всех прочих сферах английской жизни, царила строгая иерархия. Головы знатных изменников, казнённых в Тауэре, оставались на пиках долго по истечении срока годности. Карманников или курокрадов, напротив, сбрасывали в Темзу так быстро, что вороны не успевали толком их обклевать. Такая операция, видимо, происходила сейчас, потому что с башни доносился властный

голос, обращённый к молодцам в рваных рубахах: «Не вздумайте трогать этого: барон Гарланд Гарландский, казнокрадство, тысяча семьсот седьмой, казнь через повешение… да, вот эту можете осмотреть».

— Спасибо, сэр. — Один из молодцов ухватился за пику, аккуратно выдернул её из гнезда и развернул голову казнённого лицом к своему напарнику, который принялся ощупывать её, как френолог.

— Должна сгодиться. Вроде крепкая.

— Тащи, — распорядился стоящий внизу солдат в красном мундире.

Малый спустился по винтовой лестнице со скоростью, свидетельствующей о недюжинной силе и удали, и передал голову солдату. Тот кивнул и, сунув её под мышку, подбежал к человеку в розовом, который, взяв голову двумя руками, с криком: «Лови!» подбросил её в воздух. Даниель не видел траекторию, но мог определить её по выражениям лиц солдата и розового: напряжённое ожидание, когда голова устремилась по параболе вниз, досада, когда внизу её чуть не упустили, и шумное облегчение, когда в конце концов всё обошлось благополучно. Солдат развернулся молодцевато, как на параде, и зашагал к Большим

каменным воротам с видом человека, увернувшегося от пушечного ядра.

Даниель встал на его место. Перегнувшись через парапет, он мог видеть плоскую поверхность водореза вокруг опоры: островок щебня футах в двух над водой. Двое солдат в красных мундирах руководили двумя несчастными, вокруг которых уже образовалась россыпь полуразложившихся раскуроченных голов. Эти двое работали на холоде, голые по пояс, вероятно, потому что их спины покрывали кровоточащие раны от плетей. При этом оба были молодые и крепкие — Даниель предположил, что это солдаты, наказанные за какую-нибудь провинность. Работа солдат состояла в том, чтобы ловить брошенные сверху черепа и ножовкой спиливать им верхнюю часть.

Пока Даниель смотрел, один из них закончил пилить, и половинка черепа упала на камни. Солдат поднял её, осмотрел и подкинул вверх.

Человек в розовом поймал черепушку в полёте и внимательно осмотрел. На учёный взгляд Даниеля, образчик был превосходен: сутуры не разошлись, кость плотная и прочная.

— Если вы говорите со мной, Даниель Уотерхауз, то я вас не слышу, — сказал розовый. — Как многие тугоухие, я научился не кричать и не

повторять по многу раз одно и то же. А вот вам придётся делать и то, и другое.

Теперь Даниель сообразил, что на Бобе Шафто — армейский мундир, некогда красный, а ныне сильно вылинявший от стирки. По этому и по тому, как аккуратно всё было заштопано, он заключил, что Боб женат.

— Абигайль здорова, спасибо, — объявил Боб, — простите, что отвечаю, не услышав вопроса, — тугоухим приходится читать не только по губам, но и по глазам. А если вы не собирались про неё спрашивать, так сами виноваты.

Даниель кивнул.

— Какого дьявола вы это делаете? — прокричал он, указывая на череп.

Боб вздохнул:

— На Монетном дворе плавят довольно много серебра с захваченных испанских галеонов. При этом образуются испарения, о которых вы наверняка знаете больше моего, и те, кто ими дышит, болеют. Есть лишь одно средство. Сэр Исаак узнал про него от немецких мастеров, которых нанимал во время Великой Перечеканки: пить молоко из человеческого черепа. Несколько работников слегли, поэтому сэр Исаак затребовал черепа и коров. А вы что здесь делаете, вашблагородь?

— В Лондоне? Я…

— Нет, здесь. — Боб указал на мостовую у Даниеля под ногами. — На меня захотели полюбоваться?

— Я был в Тауэре по другому делу, и мне пришло в голову нанести вам визит.

Боб, судя по всему, не мог решить, можно ли Даниелю верить. Он перевёл взгляд за реку и посмотрел на Уайтхолл, рассеянно отдирая от черепа отставшую на срезе кожу. Покойник был рыжеволос, коротко стрижен, с веснушчатой лысиной.

— Не пойду, — сказал Боб.

— Куда?

— В секретную армию маркиза Равенскара, — отвечал Боб. — Я служу королеве, долгих ей лет царствования, и если Претендент высадится на этом острове, буду ждать указаний от Джона Черчилля. А вот армия вигов Боба Шафто не получит, спасибо за предложение.

ГУК, ДАРОМ ЧТО ГОРБАТЫЙ И КОСОБОКИЙ, всюду старался ходить пешком, хотя как городской землемер и успешный архитектор мог бы держать выезд. Даниель только сейчас понял почему. У человека, который хочет что-нибудь успеть в Лондоне, просто нет времени тащиться

в экипаже по запруженным улицам. Портшез — не более чем компромиссное решение. Препятствий к пешей ходьбе всего два: грязь на улицах и нежелание ронять собственное достоинство. После увиденного сегодня Даниель не мог всерьёз ругать состояние лондонских улиц; достоинство он и без того растерял, а зрелище отрубленных голов навело его на всегдашние мысли о суете сует. Длинные горькие пассажи из Екклесиаста звучали в голове по пути через мост и до Истчипа, где Даниель повернул влево. Небо на западе было малиново-лиловым, купол Святого Павла на фоне заката отливал синевой. По улицам прохаживались караульные, и Даниель подумал, что не такое уж сущее самоубийство гулять вечером одному. Он дошёл до собора к началу вечерни и решил зайти, чтобы дать роздых ногам.

Внутри стоял недостроенный орган, и Даниель больше размышлял о нём, чем вникал в смысл богослужения. Рен неодобрительно назвал орган «пучком дудок», и Даниель прекрасно понимал недовольство архитектора. Он сам когда-то проектировал здание и следил за строительством, а потом с тоской наблюдал, как хозяин забивает дом финтифлюшками и мебелью. «Пучок дудок» был не единственной причиной трений между

Реном и королевой Анной по поводу декора. Оглядываясь по сторонам, Даниель понимал, что не всё здесь выглядит так, как задумал Рен. И всё же оставалось признать, что собор украшен не так уж безвкусно, по крайней мере, если сравнивать с другими барочными постройками. А может, Даниель просто успел привыкнуть к этому стилю.

Ему подумалось, что затейливое убранство барочных храмов — замена сложных вещей, созданных Богом и окружавших людей, когда те жили близко к природе (или того, что видел Гук в капле воды). Входя в церковь, они видят сложные вещи, созданные человеком в подражание Богу, однако идеализированные и застывшие, примерно как математические законы натурфилософии применительно к мироустройству, которое она пытается объяснить.

К тому времени, как закончилась служба, на улицах стемнело. Идти пешком Даниель побоялся и до Крейн-корта доехал в наёмном экипаже.

Прибыла записка от капитана ван Крюйка, однако написана (и, вероятно, составлена) она была Даппой.

Доктор Уотерхауз,

Мы рассудили, что везти Ваш груз, пусть менее почётно, зато не столь опасно, как Вас лично, и

посему соглашаемся. Мы намерены покинуть лондонскую гавань во второй половине апреля и вернуться в июле. Если этот срок Вас устраивает, просьба любезно сообщить приблизительный вес и объём груза, который Вы хотели бы отправить обратным рейсом.

До отплытия Даппа сойдёт на берег, чтобы навестить своего издателя на Лестер-сквер, неподалёку от Вашего теперешнего жилья. С Вашего позволения он мог бы встретиться с Вами в тот же день для заключения контракта; ибо перо его столь же разносторонне, сколь и его язык.

ван Крюйк

Верфь Орни, Ротерхит

12 марта 1714

Последствия второй адской машины; основание клуба

ДАНИЕЛЬ ПОЛАГАЛ, что вопрос Орни, Кикина и научного хлама решён раз и навсегда. Однако две недели спустя, утром, миссис Арланк вручила ему письмо, написанное в спешке четверть часа назад (на нём стояло не только число, но и время).

Милостивый государь!

Адское зарево на востоке сегодня, в раннем

часу утра, известило всех лондонцев, которым случилось взглянуть в ту сторону, о бедствии в Ротерхите. Вы и сейчас можете наблюдать поднимающийся оттуда столб, состоящий более из пара, нежели из дыма, ибо пожар потушен, — после того, впрочем, как он уничтожил один из кораблей Его Императорского Величества. Меня, естественно, спешно вызвали на место. Моё письмо (за торопливость которого я приношу извинения) доставит Вам наёмный экипаж. Прошу известить кучера, присоединитесь ли Вы ко мне в Ротерхите (в каковом случае он доставит Вас за мой счёт) или нет (в каковом случае соблаговолите любезно его отпустить).

Кикин

Даниель не знал, с какой стати он должен отзываться на завуалированный призыв господина Кикина. На верфи мистера Орни случился пожар — весьма прискорбно. Однако Даниель тут человек практически сторонний. Кикин очень неглуп и прекрасно это понимает. Тем не менее он пошёл на некоторые затраты и пустил в ход свой самый дипломатический английский, чтобы пригласить Даниеля в Ротерхит.

В конце концов Даниель решил ехать не потому, что видел в этом какой-то смысл, а потому,

что не видел причин не ехать. Даже такое развлечение казалось предпочтительнее сидения в Крейн-корте. По дороге он совершенно убедил себя, что поступает в корне неверно, однако тогда уже поздно было что-либо менять. До места добрались примерно к полудню. Даниель вышел из кареты на Лавендер-стрит и с её олимпийской высоты обозрел всю верфь.

Стояла безветренная тишь, белый дым стлался по земле, превращая штабеля досок в прямоугольные острова. Их пожар не затронул. Даниель отыскал взглядом поддон, на который сложил натурфилософский груз из Крейн-корта. Если не считать подпалин от упавших угольев на брезенте, здесь тоже ничто не пострадало.

Успокоившись, Даниель перевёл взгляд на стапели, где строились три царских корабля.

Пожар начался в среднем из трёх корпусов. Насколько понял Даниель, его даже не пытались спасти. Два других были накрыты мокрой парусиной. Холст теперь явно не годился на паруса, однако видно было, что он почти не горел. По следам на берегу и другим признакам можно было заключить, что рабочие передавали вёдра по цепочке, чтобы смачивать парусину и, возможно, заливать средний корпус. Надо думать, кто-то

поднял тревогу, мистер Орни и рабочие прибежали на верфь. Однако центральный корабль они спасти не успели. Видимо, огонь вспыхнул в трюме, и его заметили не сразу. Обшивка обоих бортов прогорела насквозь; не оставалось сомнений, что киль тоже повреждён. Страховщики мистера Орни должны будут констатировать полную гибель объекта.

Воздух над сгоревшим корпусом по-прежнему колыхался от жара. Сквозь него можно было рассмотреть странно искажённые фигуры людей в лодках, которые глазели на сгоревший остов, как другие смотрят медвежью травлю.

Даниель отыскал лестницу и спустился на верфь. Между штабелями пахло, как на обычном пожарище, однако к запаху гари примешивался едкий химический дух, которому здесь неоткуда было взяться. Последний раз Даниель обонял его не так давно в Крейн-корте, сразу после взрыва адской машины, и неоднократно до того, но впервые — сорок лет назад на собрании Королевского общества. Почётный гость: Енох Роот. Тема: новый элемент под названием фосфор. Светоносный. Вещество с двумя примечательными свойствами: оно светится в темноте и склонно к самовозгоранию. У Даниеля сжалось сердце:

может быть, это он виноват в несчастье, среди вещей из Крейн-корта случайно оказался образец фосфора, который и стал причиной пожара. Кикин вызвал его, чтобы предъявить иск. Допущение было совершенно фантастическое, из разряда нелепых страхов, мучивших Даниеля в последнее время. Он подошёл к поддону и убедился, что ничего такого не произошло.

Кикин и Орни отыскались на одном из уцелевших кораблей. Оба спасённых корпуса были до сих пор укрыты мокрой парусиной, вероятно, на случай если огонь разгорится снова. Кикин и Орни расхаживали по продольным мосткам, настеленным для того, чтобы работники могли добраться до верхней части шпангоутов, а теперь служивших командным и наблюдательным пунктом для хозяина и заказчика.

Оба с интересом смотрели, как Даниель карабкается по приставной лестнице, затем, поскольку он не упал и не умер по пути, а вылез наверх, поздоровались. Орни улыбался, как на похоронах, Кикин — какие бы чувства ни испытал он сегодня утром — был собран и точен. «Вы приехали», — повторил он несколько раз, как будто видел в событии нечто знаменательное. Наконец Орни вытер измазанное лицо мокрой парусиной.

Тут же подбежал мальчик с ведром пива и подал хозяину полный черпак.

— Да благословит тебя Бог, сынок, — сказал Орни и в несколько впечатляющих глотков перелил пиво в себя.

— Пожар начался рано утром? — предположил Даниель.

— В два часа ночи, брат Даниель.

— Значит, горело долго, прежде чем кто-нибудь заметил.

— О нет, брат Даниель, тут вы попали пальцем в небо. Я держу ночного сторожа, потому что в этих краях полным-полно жохов.

— Сторожам случается заснуть.

— Благодарю, брат Даниель, за столь ценные сведения; вы как всегда зорко видите расхлябанность и непорядок. Так знайте: у моего сторожа две собаки. В начале третьего обе подняли лай. Сторож учуял едкую вонь, увидел дым и поднял тревогу. Я был здесь через четверть часа. Пламя распространялось с невероятной скоростью.

— Вы подозреваете поджог? — спросил Даниель.

Мысль эта только что пришла ему в голову, и, не успев её высказать, он устыдился собственной глупости. Орни и Кикин вежливо постарались

скрыть недоумение. Уж Кикин-то подозревал бы поджог, даже если бы всё свидетельствовало об обратном; как-никак, корабли были военные, а Россия вела войну.

Что теперь Кикин будет думать о Данииле?

— Видели вы либо сторож кого-нибудь чужого?

— Исключая вас, брат Даниель? Только грабителей, которые подошли позапрошлым вечером на лодке. Собаки залаяли, и грабители поспешили скрыться. Однако они тут ни при чём — корабль загорелся не вчера, а сегодня.

— Не могли ли эти люди подбросить небольшой предмет в такое место — скажем, в льяло, — где он бы пролежал незамеченным двадцать четыре часа?

Орни и Кикин смотрели на него во все глаза.

— Корабль очень… был очень велик, брат Даниель, и в нём много укромных уголков.

— Если в трюме сгоревшего корабля найдут часовой механизм, сделайте милость, поставьте меня в известность.

— Вы сказали «часовой механизм», брат Даниель?

— Он может быть искорёжен до неузнаваемости в результате сгорания фосфора.

— Фосфора?!

— Ваши люди каждое утро должны осматривать трюмы и другие помещения уцелевших кораблей.

— Так и сделаем, брат Даниель!

— У вас есть страховщики в Сити?

— Контора по страхованию от огня «Общее дело» на Сноу-Хилл!

— Располагайте мною, брат Норман, если контора по страхованию от огня «Общее дело» заподозрит в поджоге вас.

— У тебя есть скрытые достоинства, брат Даниель. Прошу забыть моё упорное нежелание их видеть.

— Прошу простить, что я прятал свечу свою под сосудом, брат Норман.

— И впрямь, в вас много чего сокрыто, доктор Уотерхауз, — сказал Кикин. — Буду премного обязан, если вы проясните ваши слова.

— Едкий запах, на который жаловался ваш сторож и который по-прежнему здесь ощущается, происходит от горящего фосфора. Последний раз я обонял его тридцать первого января в Крейнкорте. — И Даниель коротко пересказал события того вечера.

— Весьма занимательно, — сказал Кикин. — Однако корабль не взорвался. На нём вспыхнул

пожар.

— Те, кто способен создать адскую машину, приводимую в действие часовым механизмом, могут настроить её по-разному, — отвечал Даниель. — Я предполагаю, что в ней используется фосфор, который должен вспыхнуть в определённое время. В одном случае огонь воспламенил бочонок с порохом. Во втором случае он мог просто поджечь большее количество фосфора или иного горючего вещества, например ворвани.

— Коли так, обе машины изготовлены одними людьми! — воскликнул мистер Орни.

— Этим должны заняться ваши констебли! — провозгласил Кикин.

— Поскольку злоумышленники скрылись, констебли тут не помогут, — указал Даниель. — Обращаться следует к судье.

— И что он сделает? — фыркнул Кикин.

— Ничего, — признал Даниель, — пока к нему не приведут обвиняемого.

— И кто его должен привести?

— Обвинитель.

— Так идём к обвинителю!

— В Англии не идут к обвинителю, как к констеблю или сапожнику. Обвинителем становится истец. Мы как потерпевшие от адской машины

должны возбудить преследование против злоумышленников.

Кикин по-прежнему недоумевал.

— Вы хотите сказать, что каждый из нас должен возбудить своё преследование, или…

— Это возможно, — отвечал Даниель, — но полагаю, будет больше проку… — Последнее слово было выбрано нарочно, чтобы усладить слух мистера Орни, который и впрямь сразу встрепенулся, — если вы, и вы, и я, и представители «Общего дела», коли пожелают, и мистер Тредер, и мистер Арланк объединим усилия.

— Что ещё за Тредер и Арланк? — спросил Кикин. (Даниель, рассказывая о происшествии в Крейн-корте, не упомянул имён.)

— Можно сказать, — объявил Даниель, — что это ещё два члена нашего клуба.

Склеп в Клеркенуэлле

начало апреля 1714

Заседание клуба в Клеркенуэлле

— РЕКА ФЛИТ — аллегория человеческого падения! — провозгласил мистер Орни вместо приветствия, спускаясь по лестнице в склеп.

Если бы он сейчас с возмущением повернулся

и взбежал обратно по ступеням, никто бы его не осудил.

Мистер Тредер, прибывший четвертью часа ранее, был скандализован ничуть не меньше.

— Это святое место, сэр, — сказал ему Даниель, — а не какой-нибудь языческий могильник. Покойные — уважаемые члены сообщества мёртвых.

С этими словами он запустил руку в сплетение белёсых корней и, сдвинув их, явил взорам древнюю бронзовую табличку в блестящих капельках сконденсированной влаги. Грубые каракули явно были выбиты по образцу средневековым ремесленником, не знавшим, что они означают.

Чтобы преобразовать их в латинские слова и предложения, требовалась кропотливая работа учёных грамотеев. Однако это был Клеркенуэлл, куда представители грамотного церковного сословия ходили за водой по меньшей мере пять сотен лет. Расшифрованная надпись гласила, что под табличкой покоятся бренные останки некоего Теобальда, тамплиера, который отправился в Иерусалим с головой, а вернулся без головы. Рядом такая же табличка сообщала то же самое о другом покойнике.

В отличие от мистера Тредера мистер Орни

ничуть не смутился тем, что Даниель расставил свечи и фонари где только мог, то есть в основном на крышках полудюжины саркофагов, занимающих почти всё пространство пола. В тусклом свете угадывался свод — не уходящий в сумеречную высь, а такой, что епископ как раз мог пройти ровно посередине, не замарав митру о склизкий потолок. Однако камни, пригнанные на совесть, пережили века, и помещение устояло — пузырь воздуха в земле, безучастный к тому, что происходит на поверхности.

Мистер Орни помедлил у основания лестницы, давая глазам привыкнуть к темноте (что было очень разумно), затем двинулся к Даниелю и мистеру Тредеру, с изяществом моряка обходя почти невидимые лужи. Он не выказывал ни любопытства, ни трепета, что в другом человеке было бы свидетельством глупости. Поскольку Даниель знал, что мистер Орни не дурак, оставалось предположить, что это поза: для квакера крестоносцы были так же отсталы, а следовательно, не важны, как пикты — создатели языческих могильников в полых холмах.

— Почему, брат Норман? Потому что Флит, как жизнь, краткотечна и дурно пахнет? — вежливо поинтересовался Даниель.

— Зловоние *в конце* примечательно лишь потому, что Флит так чиста *в начале,* где рождается от многочисленных ключей, ручьёв и целебных источников. Так и дитя, едва из материнского лона, под воздействием мирских соблазнов…

— Мы поняли, — сказал мистер Тредер.

— И всё же промежуток между началом и концом столь невелик, что крепкий мужчина, — продолжал мистер Орни, явно подразумевая себя, — проходит его за полчаса.

Он сделал вид, будто смотрит на часы в доказательство своих слов. Однако в полутьме циферблат было не разглядеть.

— Держите свои часы подальше, не то доктор Уотерхауз разберёт их прежде, чем вы успеете воскликнуть: «Стойте, они дорогие!» — предупредил мистер Тредер с видом человека, говорящего по собственному опыту.

— Нет надобности, — отвечал Даниель. — Я узна***ю*** работу мистера Кирби, вероятно, той поры, когда он был подмастерьем у мистера Томпиона, девять лет назад.

Воцарилась полная, можно даже сказать гробовая, тишина.

— Так и есть, брат Даниель, — выдавил наконец мистер Орни.

— После загадочного взрыва, — пояснил мистер Тредер, — доктор Уотерхауз заперся в мансарде, тёмной, как этот склеп, и много недель не отвечал на мои письма. Я полагал, что ему не хватит духа возбудить преследование. И вот — о диво! — он возвращается в мир людей, зная о часах и часовщиках больше, чем кто-либо из ныне живущих.

— Вы грубо льстите мне, сэр, — запротестовал Даниель. — Однако, чтобы наш клуб достиг своей цели, нам надо выяснить всё, что можно, о конкретных адских машинах. Нет сомнений, что в них использован часовой механизм. Тридцать лет назад я был знаком с Гюйгенсом и Гуком, величайшими часовщиками эпохи. Теперь же технология ушла вперёд, и, вернувшись в Лондон, я обнаружил, что не вхожу более в узкий круг посвящённых. В стремлении наверстать упущенное я порой, забывшись, вскрывал часы, дабы осмотреть механизм и прочесть имя мастера, о чём язвительно напомнил сейчас мистер Тредер. Итог: мы собрались в Клеркенуэлле!

— Какова дьявола мы собрались здесь? — произнёс голос с сильным акцентом.

— Храни вас Бог, господин Кикин! — отозвался мистер Орни не слишком содержательно.

— Если бы вы пришли вовремя, — проворчал

мистер Тредер, — то услышали бы объяснение доктора Уотерхауза.

— Мой экипаж увяз в болоте, — пожаловался господин Кикин.

— Болото — ценное открытие, — объявил мистер Орни, который сразу веселел, когда Тредер начинал хмуриться. — Обнесите его оградой, назовите целебной купальней, берите по шиллингу за вход и скоро сможете купить фаэтон.

Русский неосторожно спускался по лестнице в собственную тень. Оранжевая трапеция проецировалась на пол сверху, подрагивая, как падающий с дерева лист. Очевидно, телохранитель господина Кикина, которому рост не позволял войти в склеп, водил фонарём, безуспешно пытаясь посветить хозяину под ноги.

— Здешняя сырость нас убьёт! — провозгласил господин Кикин с убеждённостью человека, которого убивают каждый день перед завтраком.

— Раз свечи не гаснут, то и нам здешний воздух не опасен, — сказал Даниель, которому до смерти надоело, что полуобразованные люди валят все свои недомогания на сырость. — Да, из земли сочится влага. Однако мистер Орни только что напомнил об исключительной чистоте здешних вод. Как вы думаете, почему тамплиеры устроили

тут храм? Потому что госпитальеры и монахини ордена святой Марии пили из местных источников и не умерли. Чуть дальше по дороге богатая публика платит деньги, чтобы погрузиться в эту самую влагу.

— Так почему было не собраться там?

— Всецело поддерживаю! — воскликнул мистер Тредер.

— Потому что… — начал Даниель, но тут сверху долетел обрывок разговора. Трапеция света стала шире и двинулась вбок. Её рассекла новая тень. По лестнице спускался пятый и последний член клуба. Даниель дал ему время подойти ближе и продолжил громко: — …потому что мы не желаем привлекать к себе внимание! Если наша Немезида прибегла к услугам часовщика или другого изготовителя точных приборов, то мастерская негодяя наверняка не дальше, чем на выстрел от этого храма.

— Одни назовут его храмом, другие — горой мусора посреди свиного закута, — заметил господин Кикин, обращаясь к Тредеру, который ответным взглядом выразил своё полное согласие.

— Гора — слишком величественное слово, сэр. Мы в Англии называем это кочкой.

— Те, кто так скажет, решительно ничего

не смыслят в недвижимости! — парировал Даниель. — Ибо из трёх главных достоинств — местоположение, местоположение и местоположение — эти развалины обладают всеми тремя! Лондон, вышедший из берегов, подступил к их основанию!

— Вы землевладелец, доктор Уотерхауз? — сразу оживился мистер Тредер.

— Я действую в интересах весьма состоятельного лица, которое намерено создать здесь крупнейший центр технологических искусств.

— И как же состоятельное лицо проведало о существовании этих развалин?

— Я ему рассказал, сэр, — отвечал Даниель. — И, упреждая ваш следующий вопрос, я узнал о них от знакомого, очень, очень старого человека, которому сообщил о них тамплиер.

— Видать, ваш знакомый и впрямь очень стар, потому что тамплиеров истребили четыреста лет назад, — с лёгким раздражением проговорил мистер Тредер.

— Предполагается строительство? — осведомился мистер Орни, почуяв брата-предпринимателя.

— Оно уже началось, — сообщил Даниель. — Здесь будут торговые ряды, лавки и мастерские,

где разместятся часовщики, а также изготовители инструментов — только не музыкальных, а *философических*.

Он рассчитывал, что все повернутся к нему, ожидая продолжения.

— Планисфер, гелиостатов, теодолитов, буссолей и тому подобного!

Вновь никакого интереса.

— Если задача нахождения долготы будет решена, то её решат в этом здании! — заключил Даниель.

Всё сказанное хорошо слышал Анри Арланк, пришедший последним. Он стоял тихо, особняком от других.

— Отлично! — провозгласил мистер Тредер. — Второе заседание клуба по разысканию лица или лиц, повинных в изготовлении и установке адских машин, взорванных в Крейн-корте, на корабельной верфи мистера Орни и прочая, объявляю открытым.

СЛОВО «КЛУБ» БЫЛО ПОНЯТНО и Даниелю, и всем остальным членам Королевского общества, помнящим, как они в голодные студенческие времена скидывались на еду или, чаще, на выпивку. На университетском жаргоне это называлось «составить клуб». В конце шестидесятых нередко

можно было услышать, как мистер Пепис предлагает Джону Уилкинсу «составить обеденный клуб», что подразумевало ту же складчину, только с б***о***льшими деньгами и лучшим результатом.

За годы, которые Даниель провёл в Америке, спонтанные пирушки мистера Пеписа растянулись во времени, став регулярными, но сжались в пространстве, получив неизменный адрес. Даниель затруднялся в такое верить, пока Роджер не заманил его в «Кит-Кэт». Войдя туда, Даниель с порога воскликнул: «Так бы и объяснили!» — ибо сразу понял, что это усовершенствованный вариант кофеен, в которых все проводили время двадцать лет назад. Главное отличие состояло в том, что сюда пускали не каждого, что почти исключало откусывание ушей и дуэли.

Их новый клуб не походил на «Кит-Кэт». Цель была иная, члены (за исключением Даниеля) весьма разнились с приятелями Роджера, а место для встреч выбрали ещё более тёмное и с ещё более низким потолком.

Однако есть нечто, роднящее все клубы без изъятия.

— Первый пункт повестки дня: уплата взносов, — объявил мистер Тредер, вытаскивая из жилетного кармана заранее припасённую монету

и бросая её на каменную крышку двадцатитонного саркофага.

Все вытаращили глаза: это был фунт стерлингов, то есть *серебряная* монета, и к тому же новёхонькая. Заплатить ею взнос было всё равно что с невозмутимым видом прогарцевать по Гайд-парку на единороге.

* То есть частных денег, или «токенов», которые до появления в Британии официальных медных денег служили основным средством расчёта в лавках и кабаках.

Даниель положил пиастр. Мистер Кикин — голландскую серебряную монету. Мистер Орни присовокупил золотую гинею. Анри Арланк вывернул кошель и высыпал полпинты медяков*. Почти все их заранее дал ему Даниель, о чём прочие члены клуба, вероятно, догадывались.

Даниель настоял, чтобы гугенота-привратника включили в клуб, поскольку теоретически тот мог быть намеченной жертвой взрыва. Мистер Тредер в пику ему предложил установить высокие взносы. Мистер Орни поддержал Тредера из соображений практических: ловить преступников — дело дорогостоящее. Кикин был готов на любые траты, лишь бы доказать царю, что не жалеет сил и средств на поимку злодеев, спаливших

его корабль. В итоге Даниелю пришлось платить много и за себя, и за Арланка.

Мистер Тредер открыл деревянную шкатулку, обитую красным бархатом, вынул весы и положил на одну чашку голландскую монету, а на другую — бронзовую гирьку, которая, если верить выгравированной на ней устрашающей надписи, являла собой платоновский идеал того, сколько должен весить фунт стерлингов по сэру Томасу Грешему. Мистер Орни счёл это сигналом, чтобы приступить к чтению протокола предыдущего заседания, которое состоялось в особняке Кикина на Блек-бой-аллее две недели назад.

— С разрешения членов клуба я выпущу пустые разглагольствования и кратко суммирую педантические…

— Правильно! — крикнул Даниель, пока мистер Тредер не успел возразить.

Напрасное опасение: мистер Тредер, высунув язык, взвешивал испанскую монету, и его глаза только что не вылезли по-рачьи на стебельках.

— Итак, остались лишь два пункта, достойных упоминания: беседа с дозорным и рассуждения доктора Уотерхауза о механизме адской машины. Итак, по порядку: мы опросили мистера Пайнвуда, дозорного, ставшего свидетелем взрыва

в Крейн-корте. Упомянутый мистер Пайнвуд был нанят либо как-то иначе убеждён устным высказыванием мистера Тредера, заключавшим в себе чрезвычайно двусмысленный и до сих пор остающийся предметом горячих споров посул…

— В протоколе действительно так записано?! — Мистер Тредер в притворном изумлении поднял взгляд от весов.

— Полагая, что будет вознаграждён, мистер Пайнвуд устремился за портшезом, преследовавшим мистера Тредера и доктора Уотерхауза непосредственно перед взрывом, — продолжал мистер Орни, довольный, что сумел задеть мистера Тредера за живое. — Мистер Пайнвуд сообщил нам, что бежал за портшезом до Флитского моста. Там носильщики остановились, поставили портшез, схватили мистера Пайнвуда…

— Можно не продолжать, мы все слышали, — буркнул мистер Тредер.

— И бросили его во Флитскую канаву.

Каждый из присутствующих нервно сглотнул.

— Были собраны средства для лечения чирьев мистера Пайнвуда и вознесены молитвы по поводу других его симптомов, в том числе ранее медициной не описанных. Некоторые внесли больше и молились горячее, нежели другие.

Куда портшез отправился дальше, можно только гадать. Доктор Уотерхауз немедленно предположил, что портшез свернул в проулок, из которого появился на его глазах чуть ранее. «Я убеждён, — сказал доктор Уотерхауз, — что злоумышленники узнали о нашем приезде загодя и намеревались следовать за экипажем мистера Тредера через Ньюгейт в Сити; то, что мы свернули от Флитской канавы в Крейн-корт, стало для них неожиданностью». Члены клуба заспорили, связан ли вообще портшез с адской машиной; я заметил, что глупо следовать в такой близости от повозки, которая вот-вот взорвётся, и что в портшезе ехала предприимчивая куртизанка. Мистер Тредер обиделся на предположение, что потаскуха (как он выразился) усмотрела в нём потенциального клиента; лица остальных членов клуба выразили насмешливое удивление таким ханжеством…

— Предлагаю выбрать нового секретаря для чтения протоколов, — перебил мистер Тредер. — Мсье Арланк, что бы я ни говорил о нём прежде, немногословен, исполнителен, грамотен. Если он возьмёт на себя эту обязанность, я готов платить за него взносы.

Последние слова прозвучали невнятно, по-

скольку, говоря их, мистер Тредер коренными зубами закусил английскую гинею.

— Мистер Тредер, — изрёк мистер Орни, — если вы проголодались, то по дороге к Яме Чёрной Мэри, а также в Хокли, есть трактиры, куда мы можем переместиться. Моей гинеей вы не насытитесь.

— Она не ваша, а клуба, — ответил мистер Тредер, разглядывая отметины от зубов, — и не гинея, пока я этого не скажу.

— Вы её уже взвесили, зачем ещё и надкусывать? — Мистер Орни, несмотря на свою досаду, был явно заинтригован.

— Гинея настоящая, — объявил мистер Тредер. — Продолжайте свой вздорный рассказ.

— Короче, моя гипотеза, что портшез ни при чём, невольно спровоцировала маловразумительный экскурс в область часовых механизмов; по крайней мере, таким он предстаёт в моих записях.

— Здесь ваши записи, в виде исключения, точны, — заметил мистер Тредер.

— Протестую! — воскликнул Даниель. — Речь была вот о чём. Мистер Орни сказал, что подложить адскую машину в повозку, а затем следовать за ней, зная, что взрыв произойдёт с минуты на

минуту, — безумие. На это я возразил, что нам неведомо, насколько злоумышленник разбирается в часовых механизмах. Умелый часовщик настроил бы машину правильно, более того, знал бы, насколько часы будут спешить или отставать в тряской повозке холодным днём.

— Значит, в портшезе был не часовщик! — заключил господин Кикин.

Мистер Тредер хихикнул, полагая, что русский сострил, однако Даниель видел, что Кикин на его стороне и говорит серьёзно.

— Да, сэр. Адскую машину, я полагаю, установили люди, плохо знакомые с её устройством. Они планировали, что она сработает много позже, спустя часы или даже дни, и взрыв в Крейн-корте стал для человека в портшезе почти такой же неожиданностью, как для нас с мистером Тредером.

— Всем понятно, что взрыв произошёл несвоевременно, — сказал мистер Тредер, — так что ваша гипотеза имеет хотя бы налёт правдоподобности.

— Но проку от неё никакого, — отрезал мистер Орни, — поскольку мистер Пайнвуд оказался с головой в дерьме, и мы ничего больше о портшезе не знаем.

— Не согласен! Это указывает направление поисков. У вас на верфи адская машина взорвалась согласно планам злоумышленников — среди ночи. В повозке мистера Тредера — преждевременно. Я полагаю, что часы ушли вперёд от тряски холодным днём, но сохранили точность в неподвижном корабельном трюме. Отсюда можно вывести, какого рода механизм использовался, и таким образом вычислить изготовителя.

— Поэтому мы в Клеркенуэлле, — кивнул господин Кикин.

— И каков результат ваших изысканий? — спросил мистер Орни.

— Спросите у фермера в апреле, какой урожай принесли семена, посеянные неделю назад. Я надеялся, что отыщу в Крейн-корте заметки и опытные образцы мистера Роберта Гука. Он одним из первых взялся за определение долготы при помощи часов и лучше других знал, как влияет на них тряска и смена температуры. Увы, наследие мистера Гука выброшено на свалку. Я обратился в Королевскую коллегию врачей и к милорду Равенскару.

— Почему к ним, скажите на милость? — удивился мистер Тредер.

— Гук строил Коллегию врачей на Уорик-лейн

и расширял особняк милорда Равенскара. Он мог разместить там что-то из своих вещей. Мои запросы остались без ответа. Я удвою усилия.

— Поскольку мы, как вижу, перешли к следующему пункту, — сказал мистер Тредер, — прошу вас, мистер Орни, поведать нам о ваших изысканиях в области упаривания мочи.

— Доктор Уотерхауз уверил нас, что для получения фосфора, использованного в адских машинах, требовалось упаривать мочу в огромных количествах, — напомнил мистер Орни.

— Описание было более чем красноречиво, — заметил мистер Тредер.

— Делать это в Лондоне затруднительно…

— Почему? Лондон бы не провонял мочой сильнее, нежели сейчас, — съязвил господин Кикин.

— Внимание привлекла бы не вонь, а необычность такого занятия. Итак, мочу, скорее всего, упаривали в деревне. Следовательно, кто-то возил мочу оттуда, где её много, то есть из города, например из Лондона, туда, где её можно упаривать незаметно.

— Надо расспросить золотарей!

— Превосходная мысль, господин Кикин, и мне она пришла много раньше, — отвечал мистер Орни. — Однако я живу далеко от нижнего течения

Флит, куда золотари слетаются каждый вечер, как мухи, дабы опорожнить свои бочки. Поскольку мсье Арланк обитает в двух шагах от упомянутой канавы, я перепоручил дело ему. Мсье Арланк?

— У меня не было времени… — начал Анри Арланк, но его тут же заглушил возмущённый ропот других членов клуба. Гугенот мужественно демонстрировал галльское самообладание, пока этот парламентский базар не смолк. — Однако мировой судья Саутуарка преуспел в том, что не удалось мне. Вуаля!

Арланк небрежным движением выложил на крышку гроба памфлет. Обложка была напечатана таким крупным шрифтом, что Даниель, не доставая очков, разобрал в свете свечи: «ПРОТОКОЛЫ СЛУШАНИЙ И РЕШЕНИЙ ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ СУДА ПО *ГРАФСТВУ СУРРЕЙ*».

Дальше шли буквы помельче, но господин Кикин наклонился и прочитал вслух:

— «ПОЛНЫЙ и ПРАВДИВЫЙ отчёт о самых удивительных,
зверских и чудовищных ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, по справедливости НАКАЗАННЫХ мировым судом с пятницы 1 января по субботу 27 февраля лета Господня 1713/14».

Господин Кикин весело подмигнул Арланку.

Памфлеты продавались на каждом углу, следовательно, некоторые — и даже многие! — их покупали. Однако ни один грамотный человек не признался бы, что читает подобного рода литературу. Приличные люди делали вид, что её просто нет. Арланку не след было такое приносить, а Кикину — веселиться. *Ох уж эти иностранцы!..*

— Простите, мсье Арланк, я не имел… э… удовольствия ознакомиться с данным опусом, — сказал мистер Тредер. — Что там написано?

— Здесь излагается дело мистера Марша, который, проезжая декабрьской ночью по Ламберт-роуд, был остановлен тремя молодыми джентльменами, вышедшими из непотребного дома на Сент-Джордж-филдс. Молодые люди были так возмущены вонью, исходящей от повозки мистера Марша, что, выхватив шпаги, вонзили их в лошадь мистера Марша, и та околела на месте. Мистер Марш принялся звать караул. На его крики из ближайшей таверны выскочили посетители; они и схватили негодяев.

— Какие отважные пьянчуги!

— Тамошние дороги кишат разбойниками, — пояснил мистер Тредер. — Люди, вероятно, решили, что лучше схватить злодея всей компанией, чем быть ограбленными по пути домой.

— Воображаю их изумление, когда они поняли, что схватили не разбойников, а джентльменов! — рассмеялся господин Кикин.

— Джентльменов *и* разбойников, — ответил Анри Арланк.

— Что?!

— Многие разбойники — джентльмены, — с видом знатока объявил мистер Тредер. — Человеку из общества неприлично зарабатывать на жизнь ремеслом; промотав состояние в игорных и публичных домах, он вынужден идти в грабители. Всё остальное ниже его достоинства.

— Откуда такая осведомлённость? Наверное, вы регулярно читаете эти памфлеты, сэр! — воскликнул мистер Орни, только что не потирая руки от удовольствия.

— Я провожу в дороге немалую часть года, сэр, и знаю о разбойниках больше, чем вы о последних достижениях в области конопаченья.

— И что было дальше, мсье Арланк? — спросил Даниель.

— У задержанных нашли ценности, похищенные несколькими часами ранее из кареты, направлявшейся в Дувр. Пассажиры кареты возбудили судебное преследование. Все трое грабителей оказались грамотные и были отпу-

щены как клирики, не подлежащие светскому суду. Мистер Марш фигурировал в деле лишь как свидетель.

— Итак, мы знаем только, что мистер Марш ехал по Ламбет-роуд с чем-то столь дурно пахнущим, что три разбойника, не убоявшись виселицы, выместили досаду на его кляче! — воскликнул мистер Орни.

— Я знаю чуть больше, сэр, — отвечал Арланк. — Я навёл справки на набережной Флит после наступления темноты. Мистер Марш и впрямь был лондонским золотарём. Его собратья по ремеслу нашли очень странным, что он среди ночи пересёк реку со своим грузом.

— Вы сказали, *был* золотарём, — вмешался Даниель. — Что с ним теперь? Умер?

— Оставшись без лошади, он вынужден был отойти от дел и переселился к сестре в Плимут.

— Возможно, нам следует отрядить кого-нибудь в Плимут, — полушутливо заметил Даниель.

— Исключено! Состояние наших финансов весьма плачевно! — объявил мистер Тредер.

Клац! — щёлкнули челюсти, и все взгляды обратились к Даниелю. Он знал мистера Тредера дольше остальных, а следовательно, по этикету имел право первым откусить тому голову.

— Мы удвоили наш бюджет, сэр. Как понимать ваши слова?

— Не совсем удвоили, сэр, потому что вашему пиастру не хватает нескольких пенни до фунта стерлингов.

— А моя гинея, как всем известно, на несколько пенни дороже, — сказал мистер Орни, — так что можете восполнить недостачу брата Даниеля за мой счёт, а сдачу оставить себе.

— Ваша щедрость — пример для нас, погрязших в грехе англикан, — с кривой улыбкой проговорил мистер Тредер. — Однако она не меняет состояние общих финансов клуба. Да, сегодня у нас на счету вдвое больше, чем было вчера, но нельзя забывать и про обязательства.

— Я и не знал, что они у нас есть, — заметил господин Кикин, которого весь разговор по-прежнему забавлял неимоверно, — если только вы не отнесли наши деньги на Чендж-аллею и не вложили их в какие-нибудь несусветные бумаги.

— Я смотрю в будущее, господин Кикин. Каждый получает то, за что заплатил! Таков непреложный закон рыбных рынков, борделей и парламента. И особенно неукоснительно он действует в мире поимщиков.

Мистер Тредер явно наслаждался наступившим

молчанием. Наконец мистер Орни, которому невыносимо было видеть чужое довольство, а особенно — довольство мистера Тредера, сказал:

— Если вы, сэр, хотите на наши деньги нанять поимщика, вам следовало бы сперва внести такое предложение, дабы мы его обсудили.

— Прежде чем обсуждать поимщиков, может быть, кто-нибудь объяснит мне, кто это такие? — потребовал господин Кикин.

— Ловля преступников — занятие часто трудное, а порой и смертельно опасное, — отвечал мистер Тредер. — Потому люди нанимают поимщиков.

— Вы хотите сказать… чтобы выследить кого-то и буквально схватить?

— Да, — терпеливо подтвердил мистер Тредер. — А как бы иначе, по-вашему, осуществлялось правосудие?

— Полиция… констебли… муниципальное ополчение… кто-нибудь! — задохнулся господин Кикин. — Немыслимо, чтобы в приличной стране люди бегали и хватали друг друга!

— Благодарю, сударь, за совет, как управлять приличной страной! — взвился мистер Тредер. — Уж, конечно, куда Англии до Московии!

— Господа, господа… — начал Даниель, но у

Кикина любопытство взяло верх над возмущением, и он, не споря больше, спросил: — И как это происходит?

— Как правило, объявляют награду и предоставляют дело естественным механизмам рынка, — ответил мистер Тредер.

— И как велика должна быть награда?

— Вы зрите прямо в корень, сэр, — сказал мистер Тредер. — Со времён Вильгельма и Марии награда за обычного грабителя или взломщика составляет десять фунтов.

— По обычаю или…

— По королевскому установлению, сэр!

Лицо господина Кикина омрачилось.

— Хм, нам предстоит тягаться с правительством её величества и…

— Дальше хуже. Сорок фунтов за разбойника, от двадцати до двадцати пяти за конокрада, за убийцу ещё больше. У клуба, напомню, десять фунтов плюс-минус несколько осьмушек и фартингов.

— И всякий, в ком есть хоть капля разумения, видит, что рассчитывать в таком случае на поимщика — только попусту тратить время, — объявил мистер Орни.

Прежде чем мистер Тредер успел сказать, что думает о некоторых разумниках, господин Кикин

воскликнул:

— Что же вы до сих пор молчали? На безумные прожекты я бы поскупился. Но если речь о том, чтобы объявить награду… схватить государева врага… то завтра же все лондонские поимщики будут работать на нас!

Мистер Тредер залоснился от удовольствия.

— Только нужно ли это? — возразил Даниель. — Поимщики слывут самой отпетой публикой — хуже воров.

— Что с того? Мы же не в няньки его будем нанимать. Чем отпетей, тем лучше!

Даниель видел в приведённых рассуждениях изъян-другой, однако по лицам мистера Орни и мсье Арланка понял, что остался в меньшинстве. Им явно нравилось, как господин Кикин намерен распорядиться царскими деньгами.

— И всё же, — сказал Даниель, — я предложил бы обойти часовые мастерские Клеркенуэлла.

— Преступника, доктор Уотерхауз, надо искать среди преступников, а не среди часовщиков, и пусть лучше этим займётся поимщик, нанятый на деньги русского царя, — отрезал мистер Тредер, и впервые со времени создания клуба все участники (за исключением Даниеля) выказали полное единодушие. — Собрание объявляю

закрытым.

КАК ПО ПОЛОВИКУ, когда его встряхивают, проходит волна, гоня перед собой песок, блох, яблочные косточки, табачный пепел, лобковые волосы, сковырянные болячки и тому подобное, так наступление Лондона на беззащитный пригород гнало перед собой тех, кого выбили с места перемены или кто с самого начала не успел как следует зацепиться. Фермер, живущий среди зелёных лугов к северу от Лондона, мог видеть, как здания год за годом подступают всё ближе, и не понять, что его выпас стал частью столицы, пока пьянчуги, воришки и шлюхи обоего пола не начнут собираться под окнами.

В детстве Даниель открывал окно на верхнем этаже в доме Дрейка на Холборне и видел за бугрaми и буераками Клеркенуэллский луг — кусок общественной земли между церквями Святого Иакова и Святого Иоанна. Обе в старину принадлежали монашеским орденам и были окружены братскими корпусами, а также прочими жилыми и хозяйственными постройками. Как все римско-католические церкви страны, при Генрихе VIII они были превращены в англиканские и, возможно, слегка разграблены. При Кромвеле, когда на смену англиканству пришла более нетерпимая

вера, их разграбили уже основательнее. То, что осталось, теперь поглотил Лондон.

Однако это было всё же лучше, чем остаться на краю, потому что в городе поддерживался какой-никакой порядок. Какие бы преступления ни происходили в окрестностях Клеркенуэллского луга, пока там шло строительство, теперь они сместились к северу, уступив место гнусностям более упорядоченного рода.

В полумиле к северу от Клеркенуэллского луга находилось место, где Флит на коротком отрезке течёт параллельно Хэмпстедской дороге. В низине между рекой и дорогой вечно стояла вода, а вот на противоположном берегу, более высоком, можно было сажать растения и возводить дома без страха, что их засосёт болото. Здесь выросла деревушка под названием Яма Чёрной Мэри.

Всякого, кто желал попасть от городских зданий Клеркенуэлла через поля к Яме Чёрной Мэри, ждало несколько препятствий: прямо на его пути стояла древняя церковь Святого Иакова, затем — недавно возведённая тюрьма, а за нею — устроенный квакерами работный дом. Люди, которым случается посещать Яму Чёрной Мэри, инстинктивно обходят подобные заведения стороной, поэтому они сразу сворачивали на

запад и через проулок выходили с Клеркенуэлл-ского луга на Тернмилл-стрит. Налево, то есть в сторону Лондона, она вела к скотным рынкам Смитфилда мимо боен и мастерских, где делали сальные свечи, и мало располагала к прогулкам; справа раздваивалась на Рэг-стрит и Хокли-в-яме — развлекательное продолжение скотных рынков. Если на бойнях Смитфилда животных резали ради выгоды, то в Хокли их стравливали для потехи.

Рэг-стрит была не многим приятнее, зато, по крайней мере, она вела из города. Шагов через сто здания по правую руку сменялись чайными садами. По левую руку они шли чуть дольше, но были поприличнее: несколько булочных, затем — купальня, в которой знать принимала целебные ванны. Ещё через несколько сотен шагов за последним домом открывался вид на Яму Чёрной Мэри. Другими словами, только здесь лондонец, одуревший от давки и угольного дыма, вырывался наконец на простор. Такое стремление возникало у многих, поэтому часть территории от Ислингтон-роуд на востоке до Тотнем-корт-роуд на западе превратилась в своего рода неухоженный парк с Ямой Чёрной Мэри посередине. Здесь гуляющие предавались беззаконным любовным

утехам, преступники охотились за гуляющими, а поимщики выслеживали преступников и натравливали одних на других ради наградных денег.

Купальни и чайные сады были ещё одним поводом отправиться в эти места или, по крайней мере, удобным предлогом для тех, кого влекли не чай и не целебные воды. И — в довершение сумятицы — многие шли сюда с самыми что ни на есть невинными целями. Любителей позавтракать на траве тут было не меньше, чем головорезов. В один из первых визитов на Рэг-стрит Даниель услышал, что за ним кто-то крадётся; обернувшись в уверенности, что это грабитель с увесистой дубинкой, он увидел члена Королевского общества с сачком для бабочек.

Ровно там, где заканчивался Лондон, по дороге в Яму Чёрной Мэри лежало то, что один из членов клуба очень точно назвал свиным закутом с горой мусора посередине. Мальчиком из окна отцовского дома Даниель наверняка сотни раз скользил по нему взглядом и не видел ничего примечательного. Однако недавно он получил стопку писем из Массачусетса. Одно было от Еноха Роота, проведавшего, что Даниель намерен устроить филиал Института технологических искусств где-нибудь в пригороде Лондона.

Долгое время я мечтал, что найду владельца разрушенного храма в Клеркенуэлле и что-нибудь там выстрою.

Даниель, читая, только закатил глаза. Если Енох Роот — застройщик, то он, Даниель, — турецкая наложница. Вечно Енох сует нос в чужие дела: узнал, что тамплиерская крипта под разрушенным зданием вот-вот окажется в черте Лондона, и не хочет, чтобы её засыпали или превратили в погреб питейного заведения. Теперь он намерен позаботиться о ней чужими руками. Даниеля раздражало, что им управляют из-за океана. С другой стороны, у Еноха и впрямь талант манипулировать людьми ко взаимной выгоде. Даниелю нужен был участок под застройку. Клеркенуэлл — грязный, воняющий живодёрней и оглашаемый звуками медвежьей травли, опасный в глазах знати, — подходил как нельзя лучше. Несколько шагов — и ты в городе или за городом, смотря что нужно; и никто из соседей не станет жаловаться на странные занятия или обращать внимание на полуночных гостей.

Участок представлял собой неправильный пятиугольник примерно в сто шагов шириной. Просевшие развалины стояли не точно посередине, а дальше от дороги к Яме Чёрной Мэри и

ближе к вершине, обращённой в сторону Клеркенуэлла. Одной стороной участок примыкал к саду, окружающему одну из купален, отчего выглядел больше, нежели на самом деле. Это был один из множества клочков земли, оторванных во времена Тюдоров от немереных церковных владений. Раскопать, как дальше он переходил из рук в руки, оказалось дельцем как раз для безработного учёного, хорошо знающего латынь, — Даниелю пришлось даже пару раз съездить в Оксфорд. Выяснилось, что семья, владеющая участком, бежала при Кромвеле во Францию и после череды женитьб, замужеств, рождения внебрачных отпрысков, подозрительных смертей и конфессионального ренегатства полностью офранцузилась. Никто из этих людей не собирался возвращаться в Англию и представления не имел, насколько подорожала земля в лондонских предместьях. Всё это Даниель изложил Роджеру в клубе «Кит-Кэт». Роджер написал в Париж и месяца через полтора выдал Даниелю карт-бланш на строительство с единственным условием, чтобы участок потом можно было выгодно перепродать. Даниель нанял средней руки архитектора и поручил тому спроектировать дома с лавками на первом этаже, которые стояли

бы по трём сторонам двора, в котором располагалась крипта.

Выйдя из разрушенного храма (остальные члены клуба ушли раньше), Даниель практически ослеп, таким пронзительно-белым показалось ему затянутое облаками небо. Прикрыв ладонью глаза, он посмотрел на сияющую траву. Рядом блеснуло что-то маленькое, круглое, похожее на оброненный феей кошелёчек. Даниель тронул его башмаком и понял, что это кондом из обрезка завязанной бараньей кишки.

Глаза уже настолько привыкли к свету, что он мог почти без мучений смотреть на ближайшую лужу, где ещё недавно валялись свиньи. Теперь она почти пересохла, а свиней хозяин переселил куда-то подальше за город. Даниель убрал ладонь и оглядел линии землемерных вешек по контурам будущих домов. Как только начнут расти стены, они закроют двор от дороги, и увидеть, что тут творится, смогут лишь посетители купальни и (при наличии очень острого зрения или подзорной трубы) арестанты новой тюрьмы в Клеркенуэллском тупике. Впрочем (если такое можно счесть утешением), это будут арестанты высшего разряда, способные заплатить тюремщикам за камеры в верхнем этаже.

ДАНИЕЛЬ, ПРИВЫКШИЙ К НЕТОРОПЛИВОСТИ Тринити-колледжа и Королевского общества, полагал, что клуб будет заседать долго. Однако Тредера, Орни и Кикина, при всём несходстве характеров, роднила одна черта: решимость и умение настоять на своём. Часы говорили, что на встречу с сэром Исааком Ньютоном он придёт сильно загодя. Другой бы обрадовался: кому охота прослыть невежей, заставившим ждать самого сэра Исаака, — но Даниель, хотевший этой встречи примерно как новой операции на мочевом пузыре, чувствовал только раздражение. Чтобы развеяться, он решил заглянуть к маркизу Равенскару.

Любой путь отсюда к дому Роджера был либо неприятным, либо опасным, либо опасным и неприятным одновременно. Даниель выбрал неприятный, то есть решил пройти через Хокли-в-яме, начинавшийся сразу за домами. Неприятным было субботнее скопление кокни, пришедших посмотреть бои между животными и подраться между собой, но оно же обеспечивало некоторую степень безопасности. Карманники, конечно, орудовали повсюду, а вот грабителям, чей метод требовал оглушить жертву дубинкой, работать тут было не с руки.

В начале Саффрон-Хилл-роуд два человека, голые по пояс, топтались друг перед другом, выставив кулаки. У одного на лице уже краснел след от удара, другой, судя по измазанной куртке, успел разок упасть. Оба были здоровенные малые, вероятно, смитфилдские рубщики мяса; не менее сотни людей окружили их и уже делали ставки. Пешеходам оставалось втискиваться в узкий промежуток между локтями зрителей и фасадами зданий: кабаков и каких-то обшарпанных заведений, явно стремящихся привлекать к себе как можно меньше внимания.

Под стеной одного дома лежал, растянувшись во весь рост, человек, то ли спящий, то ли мёртвый; он создавал дополнительные завихрения в обтекающей его толпе — пророчество о том, что станет с Даниелем, если тот не удержится на ногах.

Не заботясь о сохранении достоинства, Даниель взял как можно правее, почти прижавшись к бурой кирпичной стене, переложил трость в правую руку, чтобы её не выбили, продел запястье в петлю (на случай, если всё-таки выбьют) и предоставил людскому потоку нести себя вперёд.

Он преодолел б***о***льшую часть пути и уже различал впереди проблески света, когда толпа

заволновалась. Подняв голову, Даниель увидел огромную лошадь в чёрной, отделанной серебром сбруе. Лошадь везла небольшой, странного вида экипаж — вытянутый и изогнутый, словно гепард в прыжке. Даниель сообразил, что это модная новинка под названием «фаэтон», ещё до того, как осознал опасность своего положения. Кучер пытался протиснуться сквозь толпу. Вернее, он просто гнал рысью, ожидая, что толпа расступится сама.

Никто не верил своим глазам. Такого не может быть! Однако экипаж, двадцати футов в длину и восьми футов в высоту, влекомый тонной подкованного железом конского мяса, не замедлил ход. Оглобли торчали, как боевые копья. Каждая могла пробить голову, как тыкву, и, даже увернувшись, вы рисковали угодить ногой под колесо с последующим выбором между ампутацией и гангреной. Сто человек приняли единственно разумное решение. Сумма ста разумных решений зовётся паникой. Даниель внёс в неё следующий вклад: увидев футах в восьми перед собой дверную нишу, решил, что, пока все пялятся на фаэтон, успеет проскочить к ней вдоль окна лавки, и, поднырнув под плечо рослого соседа, ринулся к убежищу.

В следующий миг небо слева от него заслонила лавина стремительно несущихся тел.

Даниель отчётливо видел свою смерть: сейчас его размажут по стене лавки. Окно не поддавалось: оно состояло из маленьких квадратных стёклышек в толстом деревянном переплёте. Понятно было, что в конце концов раму высадят, но рёбра Даниеля сломаются много раньше. Он попытался сделать ещё шаг, крайне неудачно — вместо земли под ногой оказалось что-то мягкое. Наступив на бесчувственного человека, которого видел раньше, Даниель потерял равновесие, зато выиграл несколько дюймов высоты, отчего включилось инстинктивное стремление карабкаться ещё выше. Если оконный переплёт достаточно прочен, чтобы сломать ему рёбра, пусть уж заодно подержит его вес. Вскинув руки, словно охваченный религиозным экстазом баптист, Даниель вцепился в горизонтальную перекладину и что есть силы оттолкнулся ногами от мёртвого или спящего человека. В тот же миг толпа подхватила его, как волна — былинку, и бросила об стену. Ноги потеряли опору. Силу тяжести нейтрализовала стремительная череда толчков коленями, плечами и головами. Если бы они были направлены вниз, всё бы кончилось плачевно, но они были

направлены вверх. Даниель впечатался в окно, наполовину высадив щекой одно из стёклышек, которое теперь угрожающе потрескивало в непосредственной близости от его глаза.

Больше не было нужды поддерживать свой вес, поэтому он разжал левую руку и, втиснув пальцы между скулой и окном, ухватился за переплёт под наполовину выдавленным стеклом, чтобы, когда толпа схлынет, не упасть затылком и не разбить голову о мостовую.

Из лавки тянуло холодом и табачным дымом. Секунд пять Даниель вынужденно смотрел в окно. Архитектору, проектировавшему дом, вероятно, виделась здесь нарядная витрина с дамскими туалетами. Возможно, этому ещё суждено осуществиться, если Хокли-в-яме когда-нибудь станет фешенебельным районом. Однако сейчас окно было до середины забито доской, расположенной примерно на локоть от стекла и предназначенной то ли для защиты от воров, то ли для задника витрины. Доску затянули зелёной тканью — так давно, что она выцвела до белизны везде, где её не закрывал вывешенный товар. Самого товара не было, но на выбеленной солнцем ткани остались тени чего-то круглого на тонких бечёвках. Даниель сперва подумал, что

это маятники, однако никто не покупает маятников, кроме натурфилософов и магнетизёров. Следовательно, это были часы на цепочках.

Фаэтон прогрохотал мимо, напор толпы ослаб, открыв перед Даниелем целую бездну новых опасностей. Люди, которых притиснули к тем, которых в свою очередь притиснули к нему, решили разом оттолкнуться и выпрямиться. Вновь и вновь Даниеля вжимали в окно, да так, что рама начала трещать. Медная пуговица его камзола продавила стекло, осыпав тени часов мелкими стеклянными треугольничками. В следующий миг исчезло внешнее давление, и Даниель провалился вниз, удержавшись, как и планировал, на одной руке. Ещё одно стёклышко треснуло, задетое его боком.

Стекло, которое он больше не придавливал щекой, спружинило назад и прищемило ему пальцы. Даниель остался на цыпочках, растянутый, как узник на крестовине для битья. Однако правая рука была свободна, и трость по-прежнему болталась на петле; в результате череды комических движений Даниелю удалось перехватить её посередине и выбить набалдашником защёлкнувшее пальцы стекло. Человек, лежавший под стеной, перекатился на спину, судорожно сел и выпустил

из ноздрей кровавое облачко. Даниель заспешил прочь; как раз когда он проходил мимо двери, та открылась. Через три шага он услышал: «Эй», но счёл, что может не обращать внимания на окрик. У него просто не было сил вступать в разговор с субъектом, который обитает в таком месте.

Даниель шагал быстро. Вонь, сочащаяся из канав и щелей в мостовой, подсказывала, что он идёт над замурованной под улицей Флит. Он свернул на Мельничный холм, где давно не было не то что мельницы, но и холма, и прошёл ещё шагов сто, не позволяя себе оглядываться. Здесь заканчивался Хокли и начиналось самое большое открытое место в этой части города, где сходились Ледер-лейн, Ликёрпонд-стрит и ещё несколько улиц. Тут, наконец, Даниель обернулся.

— Ваши часы, сэр, если не ошибаюсь, — сказал субъект.

Из Даниеля резко вышел весь воздух. Целых десять минут он чувствовал себя молодцом, теперь, опустив взгляд, увидел жалкое зрелище. На то, чтобы составить опись ущерба, причинённого его туалету, потребовалось бы чересчур много времени, но одно было несомненно: часы пропали. Даниель сделал шаг к незнакомцу, потом второй, поменьше, однако преследователь явно

решил, что не станет больше сбивать ноги. Он стоял и ждал, и чем дольше он ждал, тем мрачнее выглядел. Это был ражий детина — ему бы с утра до ночи дрова колоть. Таких густых бакенбард Даниель не видел лет десять; создавалось впечатление, что примерно за неделю субъект может отрастить на лице смоляно-чёрный бобровый мех. Последний раз он брился дня два назад и не имел стимулов делать это чаще, поскольку его щёки и подбородок были изуродованы оспой. Щербина лезла на щербину; в целом голова походила на чугунный котёл, выкованный на слабом огне молотком с круглым бойком. Линия волос напомнила Даниелю молодого Роберта Гука, но если Гук пугал своей тщедушностью, то этот малый был сбит, как ломовая телега. Однако часы он держал на изумление деликатным способом: круглый корпус покоился на полуакре розовой ладони, цепочка обвивала корявые пальцы второй ручищи. Он не протягивал часы, а демонстрировал.

Даниель сделал ещё шаг. У него было странное чувство, что, если потянуться к часам, субъект отпрыгнет назад; рефлекс, выработанный детской игрой в «ну-ка, отними», не исчез с возрастом.

И всё же что-то не складывалось. Даниель

взглянул в серые глаза незнакомца и приметил морщинки в углах. Человек был явно старше, чем на первый взгляд, скорее, лет сорока с небольшим. Картина начала вырисовываться.

— Вы правильно угадали, — дружелюбно сказал субъект. — Я опустившийся часовой мастер.

— Вы торгуете краденными часами…

— Разве не все мы так, сэр? Часами, днями, минутами?

— Я имел в виду приборы для измерения времени. Вы извратили мою мысль.

— Людям моей профессии это свойственно, доктор Уотерхауз.

— Вы знаете моё имя? А как ваше?

— Моя фамилия Хокстон. Отец крестил меня Питером. Здесь меня называют Сатурн.

— Римский бог времени.

— И скверного нрава, доктор.

— Я рассмотрел вашу лавку куда внимательнее, чем мне хотелось бы, мистер Хокстон.

— Да. Я сидел у окна и в свою очередь рассматривал вас.

— Вы сами только что назвали себя опустившимся человеком. Ваше прозвание — синоним скверного нрава. И тем не менее вы пытаетесь меня уверить, будто вернёте мне часы без вся-

ких… дополнительных условий… и ждёте, что я подойду к вам на расстояние вытянутой руки… — В продолжение своей речи Даниель не сводил глаз с часов, стараясь в то же время не показать, как сильно хочет заполучить их обратно.

— Значит, вы из тех, кто во всём ищет логику? Тогда мы товарищи по несчастью.

— Вы говорите так, потому что вы часовщик?

— Механик с младых ногтей, часовщик — сколько себя помню, — сказал Сатурн. — Ответ на ваш вопрос таков. Вот Гуковы часы с пружинным балансиром. Когда Мастер их сделал, это был лучший прибор для измерения времени, созданный человеческими руками. Теперь два десятка часовщиков в Клеркенуэлле делают часы поточнее. Эра технологии, а?

Даниель прикусил губу, чтоб не рассмеяться, уж больно неожиданно прозвучало новёхонькое словцо «технология» из уст такого детины.

— Значит, это ваша история, Сатурн? Вы не смогли угнаться за временем и потому опустились на самое дно?

— Мне надоело догонять, доктор. Вот моя история, если вам интересно. Я устал от суетного знания и решил искать знание вечное.

— И утверждаете, что нашли?

— Нет.

— И на том спасибо, а то я боялся, что дело идёт к проповеди.

Даниель рискнул приблизиться ещё на два шага. Тут его остановила одна мысль.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Оно выгравировано на задней стороне часов.

— Неправда.

— Очень умно, — отвечал Сатурн; Даниель не понял, над кем из них он иронизирует. Сатурн продолжал: — Один мой знакомец, ширмач по стукалкам, которого нахлопнули на Флит-стрит и угостили в казённом доме ремённой кашей, пришёл ко мне просить непыльную работёнку, пока шкурьё заживёт. Приняв разумные меры предосторожности, то есть убедившись, что он не намерен меня попалить, я сказал ему, что дела мои в упадке, ибо я не могу вести их без суетного знания. Однако я сыт им по горло и хочу только сидеть в лавке и читать книги, дабы обрести знание вечное, что служит мне во благо неосязаемо, но отнюдь не помогает добывать и продавать краденые часы, каковая продажа и есть *raison*

d'être [6] моей лавки. Иди в «Румбо», сказал я, к Старушке Несс, к Пряхам, в питейные заведения Хокли-в-яме, в «Козу» на Лонг-лейн, в «Собаку» на Флит-стрит, в «Арапа» на Ньютенхауз-лейн, пей (но умеренно), угощай (но не слишком щедро) всех, кого там встретишь, добудь знание суетное и возвращайся ко мне с тем, что нанюхаешь. Через неделю приходит он и сообщает, что некий сыч ходит и ищет пропавшее хахорье. «Что он потерял?» — спрашиваю. «Ничего, — говорит, — а ищет пропавшее хахорье сыча, который сыграл в ящик десять годков назад». «Поди и узнай погоняло жмура, — говорю, — и живчика тоже». Ответ был: Роберт Гук и Даниель Уотерхауз соответственно. Он даже как-то показал мне вас, когда вы шли в свой свиной закут мимо моей лавки. Отсюда-то я вас и знаю.

Питер Хокстон выставил вперёд обе руки. Левой он держал за цепочку Гуковы часы, покачивая их, словно маятник, правую протягивал для знакомства. Даниель часы схватил жадно, руку пожал неохотно.

— У меня к вам вопрос, доктор, — сказал Сатурн, стискивая его ладонь.

---

[6] Примечания: 6
Смысл существования (*фр.*).

— Да?

— Я наводил справки и знаю, что вы натурфилософ. Хотел пригласить вас на огонёк.

— Должен ли я понимать, сэр, что вы поручили кому-то украсть мои часы?! — Даниель хотел попятиться, но рука Сатурна стиснула его ладонь, как удав, заглатывающий мышь.

— Должен ли я понимать, доктор, что вы умышленно прилипли к окну моей лавки?! — воскликнул Сатурн, в точности передразнивая интонацию Даниеля.

У того от возмущения отнялся язык. Сатурн невозмутимо продолжил:

— Философия есть стремление к мудрости, к вечным истинам. Однако вы отправились за океан, дабы основать Институт технологических искусств. А теперь чем-то похожим вы занимаетесь в Лондоне. Зачем, доктор? Вы могли бы жить так, как я мечтаю: сидеть сиднем и читать про вечные истины. И всё же я не могу прочесть главу из Платона без того, чтобы увидеть вас на моём окне, словно исполинский потёк птичьего дерьма. Зачем вы отвращаетесь от вечных истин ради суетного знания?

К собственному изумлению, Даниель знал ответ и выпалил его раньше, чем успел обдумать:

— Зачем пастор говорит в проповеди о вещах обыденных? Почему не зачитывает отрывки из великих богословов?

— Примеры из жизни иллюстрируют мысли, к которым он подводит, — сказал Сатурн. — А если б эти мысли не имели отношения к вещам обыденным, то никому бы не были нужны.

— В таком случае Ньютон и Лейбниц — великие богословы, а я — скромный приходский пастор. Технология для меня — служение, способ подобраться к высокому через низкое. Ответил ли я на ваш вопрос и не отпустите ли вы теперь мою руку?

— Да, — отвечал Сатурн. — Располагайте своими часами, своей рукой и своим новым прихожанином.

— Я не нуждаюсь в прихожанах. — Даниель повернулся и зашагал по Ликёрпонд-стрит.

— Тогда вам следует отказаться от проповедей и того пастырского служения, о котором вы говорили, — сказал Питер Хокстон, нагоняя его и пристраиваясь рядом. — Вы ведь учились в Кембридже?

— Да.

— Разве Кембридж создавался не для того, чтобы готовить клириков, которые станут про-

свещать английскую чернь?

— Вы прекрасно знаете ответ! Но я не буду проповедовать ни вам, ни кому другому; если я и был клириком, то теперь отвержен и недостоин проповедовать даже псам. Я давно сбился с пути и далеко забрёл. Для меня единственный способ приблизиться к Богу — то странное служение, о котором я говорил; пророки его — Спиноза и Гук. Тропку свою никому не присоветую, ибо я так же далёк от торной дороги, как аскет на столпе посреди пустыни.

— Я забрёл куда дальше, чем вы, док. Я бродил по той же пустыне, не имея даже столпа, чтоб на него взлезть. Вы, стоящий на каменной тумбе, для меня — Фаросский маяк.

— Не тратьте понапрасну время…

— Вот опять это слово! Время. Дозвольте мне поговорить о времени, док, и я скажу вот что: если вы намерены и дальше ходить через Хокли-в-яме и гулять по городу в одиночку, то время ваше сочтено. Вы не слишком осмотрительны. Этот факт приметили некие субъекты, которые охотятся за неосмотрительными сычами. Каждый закоульщик в верхнем течении Флит навостряет уши, когда вы бредёте в свой свиной закут и пропадаете в дыре. В самом скором времени вы

будете голым изувеченным трупом, плывущим по Флитской канаве в Брайдуэлл, если не обзаведётесь друзьями крепкого сложения.

— Вы назначили себя моим телохранителем, Сатурн?

— Я назначил себя вашим прихожанином, док. А поскольку у вас нет церкви, мы будем совершать служение на ходу, как перипатетики; Хокли-в-яме станет нашей агорой. Я вдвое моложе вас и вдвое крупнее; бездельники, не ведающие истинной природы наших отношений, могут по невежеству счесть меня вашим телохранителем и, основываясь на этой ложной посылке, не зарежут вас и не забьют до смерти.

Они дошли до Грейз-Инн-лейн. По обе стороны дороги лежали кишащие законниками сады Грейз-Инн, а дальше начинались плотно застроенные Ред-Лайон-сквер, Уотерхауз-сквер, Блумсбери. Дом Роджера стоял на дальнем краю Блумсбери, там, где кончался Лондон и начинался загород. Даниель не хотел показывать Сатурну, куда идёт. Он остановился.

— Я куда безумнее, чем вы думаете.

— Это невозможно!

— Вам известно, что есть такой пират Эдвард Тич?

— Чёрная Борода? Разумеется!

— Так вот, не очень давно я слышал, как Чёрная Борода, стоя на юте «Мести королевы Анны», выкликал моё имя.

Впервые за все это время Питер Хокстон опешил.

— Как видите, я безумец. Со мной лучше не связываться. — Даниель снова повернулся к Сатурну спиной и стал высматривать просвет между экипажами, катящими по Грейз-Инн-лейн.

— Касательно мистера Тича я наведу справки в подполье, — сказал Питер Хокстон.

Когда Даниель следующий раз посмотрел через плечо, Сатурна уже нигде не было видно.

Блумсбери

Получасом позже
Даниель посещает дом Роджера

— РИМСКИЙ ХРАМ на окраине города. Скромный и незатейливый, — такие требования изложил ему Роджер двадцать пять лет назад.

— Полагаю, это исключает храм Юпитера или Аполлона, — отвечал Даниель.

Роджер посмотрел в окно кофейни, притворяясь глухим, как всегда, когда подозревал, что

Даниель над ним смеётся.

Даниель отхлебнул кофе и задумался.

— Из скромных и незатейливых можно вспомнить… ну, например, Весту, чьи храмы, как и ваш дом, располагались за чертой старого города.

— Отлично. Замечательный бог, Веста, — рассеянно обронил Роджер.

— Вообще-то богиня.

— Ладно, кто она, чёрт возьми?!

— Богиня домашнего очага, целомудреннейшая из всех…

— Тьфу, пропасть!

— Которой служили девственные весталки…

— Вот от них я бы не отказался, если, конечно, они не были чересчур щепетильны касательно своей девственности…

— Нисколько. Саму Весту едва не совратил Приап, *итифаллический* бог…

Роджер поёжился:

— Умираю от желания узнать, что это такое. Может, стоит сделать мой особняк храмом Приапа.

— Любой дом, в который вы входите, становится храмом Приапа. Нет нужды тратиться на архитектора.

— Кто сказал, что я собираюсь вам платить?

— Я сказал, Роджер.

— Хорошо, хорошо.

— Я не хочу строить вам храм Приапа. Сомневаюсь, что в таком случае королева Англии когда-либо вас посетит.

— Так придумайте мне другого непритязательного бога! — потребовал Роджер, щёлкая пальцами. — Ну же! Я не для того вам плачу, чтобы вы тут кофеи распивали!

— Всегда остаётся Вулкан.

— Хромоват!

— Да, он страдал подагрой, как многие джентльмены, — терпеливо отвечал Даниель, — тем не менее все великие богини были его, даже Венера.

— Ха! Вот шельмец!

— Он повелевал металлами; увечный и презираемый, он заключил богов и титанов в оковы собственного изобретения…

— Металлами… включая?..

— Золото и серебро.

— Превосходно!

— И разумеется, он был богом огня и повелителем вулканов.

— Вулканы! Древние символы мужской силы! Извергающие высоко в небо струи огненной лавы! — задумчиво проговорил Роджер; что-то

в его тоне заставило Даниеля вместе со стулом отодвинуться на несколько дюймов. — Да! Вот оно! Постройте мне храм Вулкана, со вкусом и недорогой, сразу за Блумсбери. И сделайте там вулкан!

Это «сделайте там вулкан» было первым и последним указанием Роджера касательно внутреннего убранства. Всё связанное с устройством вулкана Даниель перепоручил серебряных дел мастеру — не ростовщику, а ремесленнику, который по старинке жил обработкой металла. Таким образом, самому Даниелю осталось спроектировать храм, что не составило большого труда. Греки две тысячи лет назад придумали, как возводить здания такого типа, а римляне изобрели приёмчики, позволяющие ляпать их на скорую руку, — приёмчики, вошедшие в плоть и кровь каждого лондонского архитектора.

Не слишком веря, что дело и впрямь дойдёт до строительства, Даниель расстелил большой лист бумаги и принялся громоздить одно архитектурное излишество на другое: изрядное количество пилястров, архитравов, урн, архивольтов и флеронов спустя получилось то, от чего Юлий Цезарь, вероятно, схватился бы за увенчанную лаврами голову и приказал распять

зодчего на кресте. Однако после короткого сеанса запудривания мозгов, проведённого Даниелем в кофейне («Обратите внимание на чувственные завершения колонн… Древние символы плодородия сливаются с целомудренными округлостями свода… Я взял на себя смелость изобразить амазонку с двумя грудями, вопреки историческим свидетельствам…»), Роджер уверился, что именно так должен выглядеть античный храм. А когда он и впрямь воплотил Даниелев замысел в жизнь — рассказывая направо и налево, что это точная копия подлинного храма на горе Везувий, — девять из десяти лондонцев приняли его слова за чистую монету. Даниель утешался тем, что из-за наглой лжи про Везувий никто не узнает, что он (или вообще кто-либо из ныне живущих) спроектировал это страшилище. Лишь боги ведают всё. Если он будет держаться подальше от тех частей света, где есть вулканы, то, возможно, сумеет избежать кары.

Порою в периоды душевного упадка Даниель ночами лежал без сна, воображая, что из сделанного им за целую жизнь дом окажется самым долговечным и его увидит больше всего людей. Но за единственным исключением — операции по удалению камня — все ночные кошмары

Даниеля при свете дня представали не такими и страшными. Идя на запад по Грейт-Рассел-стрит к перекрёстку с Тотнем-корт-роуд мимо Блумсбери-сквер, он не столько увидел, сколько почувствовал сбоку нечто бело-огромное и усилием воли не разрешил себе покоситься в ту сторону. Однако в какой-то момент это стало нелепым; он расправил плечи, повернулся с солдатской чёткостью и взглянул своему позору в глаза.

О чудо! Всё было совсем не так ужасно! Двадцать лет назад на свином пустыре наискосок от дровяного склада дом каждой деталью вопиял о своей несуразности. Теперь городской ландшафт несколько скрадывал впечатление, да и Гук, расширяя ансамбль, заметно сгладил его уродство. Теперь это был не одиноко торчащий храм, а пряжка в поясе коринфской сводчатой колоннады. Флигеля добавили ему пропорций, так что уже не казалось, будто здание сейчас завалится набок. Покуда Даниель был в Бостоне, фронтоны украсили скульптурными фризами; сплетение тог и трезубцев отвлекало внимание от конструктивного безобразия (по крайней мере, так представлялось Даниелю). Здесь Гук вновь оказал ему услугу, распространив горизон-

тальные элементы отделки на флигеля и придав фантазиям архитектора не вполне заслуженную значимость. Другими словами, Даниель мог смотреть на своё творение минут пять-десять и не умереть от стыда; в Лондоне имелись здания много хуже.

Он в тридцатый раз после Грейз-Инн-роуд удостоверился, что Сатурн за ним не идёт, пересёк Грейт-Рассел-стрит и поднялся по ступеням, чувствуя себя пририсованной для масштаба фигуркой. Прошёл между канеллированными колоннами, миновал портик и занёс трость, чтобы постучать в массивную двустворчатую дверь (позолота с инкрустацией медью и серебром, развитие металлургической темы), когда та стремительно растворилась. По странной причуде зрения ему показалось, будто дверь стоит на месте, а сам он отъехал назад. Даниель шагнул вперёд, дабы исправить дело, и, пройдя между створками, едва не угодил в ложбинку меж женских грудей. Потребовалось усилие, чтобы остановиться, поднять голову и посмотреть даме в глаза. Они сверкнули напускной строгостью, однако ямочки на щеках говорили: «Я не в претензии, пяльтесь, сколько душе угодно».

– *Доктор* Уотерхауз! Как вы могли столько меня

томить? Вам нет оправданий!

Это было явное приглашение ответить чем-нибудь остроумным, но слова просвистели мимо Даниеля, как картечь.

— Э… неужто?..

Ах, но дама привыкла иметь дело с натурфилософами, не умеющими связать двух слов в светской беседе.

— Мне надо было слушать дядю Исаака, когда он говорил о невероятной силе вашего характера.

— Я… простите? — Ему подумалось, не ударить ли себя тростью по башке. Может быть, это восстановит мозговое кровообращение.

— Человек более слабый встал бы здесь, где вы сейчас стоите, в первый же день по приезде в Лондон и говорил бы каждому проходящему: «Смотрите! Видите этот дом? Я его выстроил. Он мой!» А вы! — Она, дурачась, упёрла руки в боки, как будто и впрямь ему выговаривает — это было забавно, но ни в коей степени не наиграно. — Вы, доктор Уотерхауз, с вашей пуританской твёрдостью — в точности как у дяди Исаака, — преодолевали искушение более двух месяцев! Для меня загадка, как вы и дядя Исаак можете столько оттягивать удовольствие, когда я бы

просто *изнывала* от нетерпения! — Почувствовав, что получилось уж слишком рискованно, она добавила: — Спасибо, что так любезно отвечали на мои письма.

— Не стоит благодарности; напротив, это вы меня весьма обязали, — машинально проговорил Даниель и только через мгновение вспомнил, о чём речь.

Катерина Бартон приехала в Лондон на рубеже веков. Ей было тогда около двадцати. Её отец — муж Исааковой сестры — скончался несколькими годами ранее. Исаак взвалил на себя попечение о сиротках. Вскоре после приезда мисс Бартон заболела оспой и вернулась в деревню, чтобы выздороветь или умереть. Тогда-то Даниель и получил от неё письмо, очарование которого нисколько не портил ум, читавшийся в каждой строчке.

Это напомнило Даниелю о необходимости что-нибудь сказать.

— Я счастлив, что переписка доставила мне случай познакомиться с вашим умом до того, как меня ослепили… э… остальные ваши достоинства.

Она пыталась выяснить, почему её дядя таков, как он есть, — не из корыстного интереса, а из

искреннего желания стать опорой чудн***о***му старику, заменившему ей отца. Даниель написал восемь черновиков ответа, зная, что Исаак рано или поздно найдёт и прочитает его письмо с тем же пристрастием, с каким изучает печатные высказывания Лейбница.

Все знают, что Исаак гениален, и обходятся с ним соответственно, однако тут заключена ошибка, ибо он столь же набожен, сколь гениален, и набожность для него важнее. Я говорю не о внешней набожности, но о внутреннем огне, свече, поставленной под сосуд, стремлении приблизиться к Богу через осуществление богоданных способностей.

— Ваш совет очень мне помог, после того как я — благодарение Богу — выздоровела и вернулась в Лондон. И в той мере, в какой мне удалось быть полезной дяде Исааку, он тоже ваш должник.

— Я не буду с замиранием сердца ждать выражений благодарности от *него,* — сказал Даниель в надежде, что это сойдёт за иронию.

Его собеседнице хватило такта рассмеяться. Судя по всему, она привыкла, что мужчины в её присутствии становятся чересчур откровенны, и не имела ничего против.

— П***о***лноте! Вы понимаете его лучше, чем кто-

либо на свете, и он это очень хорошо знает.

Последняя фраза, хоть и сопровождалась игрой ямочек на щеках, прозвучала не столько комплиментом, сколько предостережением. Более того, Даниель чувствовал, что собеседница предостерегает его вполне осознанно.

Он решил больше не ждать официального знакомства — всё равно бы не дождался. Мисс Катерина Бартон перескочила этот барьер играючи и звала его за собой. «Наверное, вам интересно будет осмотреть дом», — сказала она, картинно выгибая брови. Вторая часть фразы: «Когда вы наконец перестанете пялиться на меня» — подразумевалась. На самом деле мисс Бартон была скорее миловидна, чем ослепительна, хотя многие её черты тешили взор, и одевалась она прекрасно. Не в том смысле, чтобы показать, сколько денег она может потратить и как следит за модой, а в том, что её туалет являл миру исчерпывающий и правдивый отчёт о красоте её тела. Когда она повернулась, чтобы идти в дом, юбка в движении обвила бёдра, полностью явив их очертания. Или так Даниелю почудилось, что, в сущности, равнозначно. С самого приезда в Лондон он гадал, что в племяннице Исаака заставляет могущественных людей декламировать

скверные стишки и почему, стоит в разговоре возникнуть её имени, глаза у всех стекленеют. Ему следовало догадаться. Лицо может обманывать, очаровывать, кокетничать. Однако эта женщина вызывала у всех встречных мужчин тяжёлый паралич, а только тело обладает такой властью. Отсюда преизбыток классических аллюзий в стихах о Катерине Бартон; жрецы её культа искали чего-то дохристианского в попытке передать чувства, которые испытывали, созерцая греческие статуи обнажённых богинь.

А статуй тут было предостаточно. Овальную прихожую обрамляли мраморные ниши, которые Даниель последний раз видел пустыми. За двадцать лет Роджер успел снарядить грабительские экспедиции в греческие развалины или заказать новые работы. Проходя вслед за мисс Катериной Бартон в следующее помещение, Даниель обернулся, чтобы ещё раз оглядеть прихожую. Два лакея — оба молодые, — распахнувшие дверь по жесту хозяйки, теперь таращились на её зад. Оба резко отвернулись и покраснели. Даниель подмигнул им и прошёл в дверь.

— Я сотни раз показывала дом гостям, — говорила мисс Бартон, — и могу болтать о нём сколько угодно, но вам-то, доктор, его представлять не

надо. Вы знаете, что мы идём через центральный холл, все важные помещения слева… — (она имела в виду обеденный зал и библиотеку) — …служебные справа… — (лакейская, кухня, чёрная лестница, клозет) — …гостиная впереди. Что вам угодно? Удалиться в ту сторону? — Взгляд вправо — хозяйка спрашивала, не надо ли ему опорожнить мочевой пузырь или кишечник. — Или желаете чего-нибудь там? — Взгляд влево, подразумевающий, что он, возможно, захочет перекусить. Она сцепила руки перед грудью и указывала вправо и влево движениями глаз, вынуждая Даниеля пристально в них вглядываться. — Этикет требует пригласить вас в гостиную, где мы будем долго препираться, кому куда сесть. Однако после войны французские манеры не в чести — особенно у нас, вигов. И я не могу себя заставить быть церемонной с вами — моим почти что вторым дядюшкой!

— Я бы только выставил себя болваном — после того, как прожил двадцать лет в лесу! — отвечал Даниель. — Только скажите, если мы войдём в гостиную, увижу ли я…

— Вулкан перенесли, — проговорила она скорбно, как будто боялась, что Даниель впадёт в ярость.

— Из дома?

— Нет, боже упаси! Это по-прежнему главная достопримечательность! Просто некоторые комнаты в той части дома, которую проектировали вы, стали, на взгляд Роджера, несколько маловаты.

— Поэтому мистера Гука и пригласили достроить флигеля.

— Вам известна история дома, доктор Уотерхауз, так что не буду вас утомлять, просто скажу, что, в частности, добавили бальную залу, достаточно большую, чтобы наконец представить вулкан в подобающей ему обстановке.

Она толкнула двустворчатую дверь в дальнем конце холла. Оттуда хлынул солнечный свет. Даниель вошёл и замер от изумления.

Когда дом строился, окна гостиной выходили на луг, которому предстояло вскорости превратиться в регулярный сад. Вид этот был Даниелю по сердцу, поскольку почти такой же открывался из дома Дрейка. Теперь сад сменился двором с фонтаном посередине, а прямо напротив высился барочный дворец. Комната, которую Даниель задумывал как место отдохновения, откуда можно любоваться зеленью и цветами, превратилась в галерею для созерцания *настоящего* особняка.

— Ванбруг, — пояснила мисс Бартон. Тот самый архитектор, что строит сейчас Бленхеймский дворец для герцога Мальборо.

— Гук…

— Мистер Гук добавил флигеля, которые, как вы видите, охватывают двор и соединяют ваш храм с Ванбруговым… э…

«Домом разврата» — вертелось у Даниеля на языке, но не ему, начавшему это всё, было бросать в Ванбруга камнями. Он с трудом подобрал уместные слова:

— Незаслуженная честь для меня, что Ванбруг закончил так великолепно начатое мною столь скромно.

Стулья в гостиной стояли полукругом, обращённым к окну. Мисс Бартон, пройдя между ними, распахнула стеклянные двери, которые по исходному плану должны были открываться на центральный променад сада. Теперь вместо посыпанной гравием дорожки здесь начинались мраморные плиты, ведущие к восьмиугольному водоёму с бронзовым фонтаном посередине. Это была классическая многофигурная композиция: жилистый Вулкан на мощных, хоть и кривых ногах, пытался обнять шлемоносную Минерву, а та отталкивала его рукой. Вокруг

валялись мечи, кинжалы, кирасы и несколько недокованных молний. Узловатыми пальцами Вулкан срывал с Минервы нагрудный доспех, обнажая тело, которое явно лепили с Катерины Бартон. Даниель узнал сюжет: Минерва пришла в кузницу Вулкана за оружием, тот, воспылав любострастием, попытался ею овладеть, однако Минерва сумела себя отстоять, и он излил семя на её ногу. Минерва вытерлась тряпкой и отбросила её, оплодотворив, таким образом, Матерь-Землю, которая позже родила Эрихтония, одного из первых афинских царей, введшего в обращение серебряные монеты.

Композиция изобиловала намёками и символами: свободной рукой Минерва уже тянулась за тряпкой, а Вулкан был пугающе близок к соприкосновению с её лилейным бедром. По углам водоёма располагались статуи поменьше: ближе к дому, выстроенному Даниелем, плодоносная богиня (много рогов изобилия) кормила виноградом младенца. Напротив, ближе к дворцу Ванбруга, царь в короне восседал на груде монет. Даниелю мучительно хотелось вывернуть голову и разглядеть, как скульптор решил некоторые частности. Особенно его интересовало, откуда бьёт вода, и одновременно самая мысль об этом

была почему-то нестерпима. Катерина Бартон упорно не замечала фонтан — не говорила о нём, не смотрела в его сторону, неприступная, как Минерва. Даниелю, едва поспевавшему за ней, оставалось довольствоваться ролью Вулкана, хоть и без надежды даже на такое удовлетворение.

За всеми этими впечатлениями он не успел разглядеть дом снаружи, как оказался внутри. Возможно, так было и лучше: ему смутно запомнилось множество статуй, скачущих по крышам и балюстрадам.

— Это называется рококо, — объяснила Катерина Бартон, вводя Даниеля в помещение, которое, вероятно, и было тем самым залом. — Все от него без ума.

Даниелю вспомнился отцовский дом: голые стены, добротная неподъёмная мебель — один-два предмета на комнату.

— Здесь я чувствую себя стариком, — брякнул он некстати.

Катерина Бартон одарила его чарующей улыбкой:

— Некоторые говорят, что этот стиль проистекает от избытка декораторов при недостатке домов.

«И отсутствия вкуса», хотелось добавить Даниелю.

— Поскольку вы хозяйка дома, мадемуазель, я не стану развивать мысль, высказываемую некоторыми.

Наградой ему стала игра ямочек. Сам того не желая, он нечаянно затронул её отношения с Роджером.

В такие мгновения Даниелю становилось не по себе. По большей части она нисколько не походила на Исаака — даже на того хрупкого, почти женоподобного юношу, с которым Даниель учился в Тринити-колледже полвека назад. Не знай Даниель заранее, он в жизни бы не догадался об их родстве. Однако в те секунды, когда она забывала спрятать свой ум, семейное сходство проступало, и Даниель видел Исааково лицо, как если бы шёл с автором «Математических начал» через тёмную комнату, и того на миг озарила блеснувшая за окном молния.

— Я бы хотела показать вам кое-что достойное вашего внимания, доктор. Сюда, пожалуйста.

Вулкан стоял в дальнем конце зала. В отличие от природных, грубых и ничем не украшенных, он являл собой идеальный конус с углом при вершине осевого сечения ровно девяносто градусов.

Жерло или сосок венчали развалины античного храма с дорическими колоннами красного мрамора и полуобвалившимся золотым куполом. Гору из чёрного мрамора с красными прожилками украшали вездесущие золотые сатиры, нимфы, кентавры и прочий мифологический зверинец. Вулкан имел в высоту не более четырёх футов, но казался выше благодаря постаменту в половину человеческого роста, поддерживаемому кариатидами в образе Тифона и прочих земнородных чудищ.

— Если вы подойдёте ко мне, доктор, я покажу вам удивительный винт.

— Простите?

Мисс Бартон открыла неприметный люк с задней стороны постамента и теперь манила Даниеля рукой. Тот обошёл вулкан, осторожно присел на корточки и заглянул внутрь. Теперь он увидел цилиндр, идущий под наклоном от установленного на полу чана к жерлу.

— Роджер очень хотел, чтобы вулкан извергал потоки расплавленного серебра. Это было бы так эффектно! Однако мистер Макдугалл побоялся, что могут загореться гости.

— Что тоже было бы по-своему эффектно, — пробормотал Даниель.

— Мистер Макдугалл уговорил Роджера остановиться на фосфорном масле. Его изготавливают в другом месте, привозят сюда в бочке и выливают в ёмкость. Архимедов винт поднимает его вверх, так что оно изливается из кратера и бежит по склонам, обращая в бегство кентавров и прочих созданий.

— В бегство?!

— О да, ибо фосфор изображает потоки жидкого огня.

— Это я понимаю. Но как они бегут?

— Они заводные.

— И все сделаны Макдугаллом?

— О да.

— Я помню, что приглашал ювелира по фамилии Милхауз, но не припоминаю механика по фамилии Макдугалл…

— Мистер Милхауз подрядил мистера Макдугалла сделать хитроумные части механизма. Когда мистер Милхауз умер от оспы…

— Мистер Макдугалл сменил его, — догадался Даниель, — и не мог остановиться, придумывая одни хитроумные части за другими.

— Пока Роджер не сказал ему: «Хватит», боюсь, несколько категорично. — Катерина Бартон поморщилась, так что Даниелю захотелось по-

гладить её по голове.

— Он ещё жив?

— Да. Работает в театрах, делает призраков, взрывы и ураганы.

— Ну разумеется.

— При одном из поставленных им морских сражений сгорел занавес.

— Охотно верю. И как часто вулкан извергается?

— Раз или два в год, во время больших приёмов.

— И в таком случае мистера Макдугалла возвращают из ссылки?

— Да. У Роджера с ним договорённость.

— Откуда берётся фосфор?

— Его привозят, — сказала Катерина Бартон так, словно эти слова заключали в себе ответ.

— И как мне отыскать мистера Макдугалла?

— В Королевском театре в Ковент-Гардене собираются ставить новую пьесу под названием «Сожжение Персеполя».

— Благодарю вас, мисс Бартон, я всё понял.

Дом Исаака Ньютона на Сент-Мартинс-стрит в Лондоне

тот же день, позже
Даниель посещает Исаака

— У МЕНЯ ДЛЯ ВАС ЕСТЬ ЗАГАДКА, связанная с гинеями, — такими словами Даниель нарушил двадцатилетнее молчание между собой и сэром Исааком Ньютоном.

Разговор этот Даниель продумывал с того самого дня, как Енох Роот возник на пороге его дома: в каких выражениях передать значимость происходящего, сколько времени уделить воспоминаниям о годах в Кембридже, касаться ли их последней встречи, памятуя, что она закончилась наихудшим возможным образом (исключая смертоубийство). Словно драматург, комкающий черновик за черновиком, он вновь и вновь набрасывал в голове сценарий встречи, и всякий раз действие устремлялось к кровавой развязке, наподобие последнего акта «Гамлета». В конце концов Даниель рассудил, что, по словам Сатурна, ему остались дни или часы, а значит, жалко тратить их на формальности.

Когда дверь открылась и он через комнату

взглянул Исааку в лицо, то не увидел следов ярости или (что было бы куда опаснее) страха, только обречённость. Исаак сидел с видом герцога, которому неожиданно свалился на голову умственно неполноценный братец. Тут-то экспромтом и возникла фраза про гинеи. Слуга, открывавший дверь, глянул на Даниеля, как на труп висельника в жаркий день, и затворил тяжёлые створки.

Исаак и Даниель остались с глазу на глаз в кабинете. По крайней мере, Даниель решил, что это кабинет. Он не мог представить, чтобы у Исаака имелись гостиная или спальня, — любая его комната была по определению рабочей. После дома Роджера тёмная обшивка стен казалась почти деревенской. Дверь тоже была дубовой; когда она закрылась, то словно исчезла, породив впечатление, будто Исаак и Даниель — два высушенных экспоната в деревянном ящике. Окна кабинета выходили на Лестер-филдс, резные ставни были открыты, но полузадёрнутые алые занавеси впускали лишь скудный свет. Исаак в длинном алом шлафроке поверх тонкой полотняной рубашки сидел за большим столом, какой мог бы принадлежать Дрейку. Лицо его изменилось мало, хотя и отяжелело, белые волосы по-прежнему доходили до плеч, однако спереди появилась высокая

залысина, словно мозг распирал череп изнутри. Привычная бледность за то время, пока Даниель пересёк комнату и протянул руку, сменилась сердитым румянцем, как будто Исаак позаимствовал краски у шлафрока.

— Ничто меня так не раздражает, как пустые головоломки, призванные испытать мой ум, — сказал он. — Бернулли — клеврет Лейбница — прислал мне…

— Задачу о брахистохроне, помню, — вставил Даниель. — Вы решили её за несколько часов. Мне потребовалось значительно больше времени.

— Но вы её решили! — прогремел Исаак. — Поскольку это задача на анализ бесконечно малых, имевшая целью проверить, насколько я в нём смыслю! Невероятная дерзость! Я был первым, кто мог бы её решить, а вы — вторым, потому что узнали о методе флюксий непосредственно от меня! И пешки барона смеют, через тридцать лет после того, как я…

— Вообще-то моя задача совершенно иного рода, — произнёс Даниель. — Искренне сожалею, что невольно вас огорошил.

Исаак сморгнул. На лице его проступило невероятное облегчение. Возможно, он боялся, что Даниель оспорит слова: «Узнали о методе флюк-

сий непосредственно от меня». Картина разом прояснилась. Исаак видел в Даниеле свидетеля, который подтвердит его приоритет, и любые досадные свойства гостя отступали перед этим соображением.

Даниель вздохнул свободнее, чувствуя, как расслабляются мышцы шеи и затылка. Всё будет хорошо. Он выйдет отсюда живым, даже если сболтнёт что-нибудь неподходящее. Для Исаака он не пешка, а ладья, придерживаемая на краю доски до конца игры, чтобы последним неумолимым ходом поставить сопернику мат. От ладьи Исаак готов стерпеть многое.

На миг промелькнула мысль: уж не Исаак ли — не иначе как в соответствии с принципом дальнодействия — повлиял на принцессу Каролину в Ганновере и подстроил его возвращение в Лондон?

— Так в чём ваша загадка, Даниель?

— Сегодня я встречался с человеком, который знает о деньгах много больше моего. Он пытался оценить гинею.

— Или монету, выдаваемую за гинею, — поправил Исаак.

— Согласен. Я сказал «гинея», потому что в конце концов она оказалась гинеей.

— Он должен был её взвесить.

— Так он и сделал. И вес монеты не вызвал у него нареканий. Казалось бы, вопрос решён. Однако дальше он сделал очень странную, на мой взгляд, вещь: положил монету в рот и надкусил.

Исаак не ответил, но, кажется, вновь слегка порозовел: по всей видимости, история его заинтересовала. Он сцепил руки на столе, подобравшись, как кошка.

— Даже я, — продолжил Даниель, — знаю, что монетчики частенько изготавливают фальшивки из золотой фольги, заполняя середину сплавом, который и легче, и мягче золота. Соответственно, чтобы проверить монету, её надо либо взвесить, либо попробовать на зуб. Годятся оба способа. Если монета прошла проверку взвешиванием, то её подлинность доказана! Нет ничего тяжелее золота. Подделка выявляется по недостатку веса. И всё же этот человек — исключительно сведущий во всём, что касается денег, — счёл нужным надкусить монету. Есть ли тут какой-то резон? Или мой знакомец просто глуп?

– *Он* не глуп, — сказал Исаак, устремляя на Даниеля ледяные кометы глаз.

— Вы подразумеваете, что глуп я?

— Связавшись с таким человеком? Глупы или

наивны, — отвечал Исаак. — Поскольку вы двадцать лет прожили в глуши, я готов допустить второе.

— Так развейте мою наивность, скажите, что это за человек.

— Весовщик.

— Безусловно, поскольку он взвешивает, но вы вкладываете в это слово некий смысл, который мне, пришельцу из глуши, совершенно непонятен.

— Несмотря на все мои старания улучшить работу Монетного двора и сделать все гинеи полностью одинаковыми, разница в весе сохраняется. Некоторые гинеи чуть тяжелее остальных. Эту погрешность можно уменьшить, но нельзя устранить совсем. Я уменьшил её настолько, что для честного человека разницы нет. То есть большинство лондонцев — включая искушённых коммерсантов — без колебаний обменяют одну гинею на другую, иногда даже не утрудившись её взвешиванием.

— Я прекрасно помню времена, когда всё было иначе, — заметил Даниель.

— Вы говорите о нашем визите на Стаурбриджскую ярмарку перед началом Чумы, — тут же ответил Исаак.

— Да, — подтвердил Даниель после мгновенного замешательства.

Они как-то пошли на ярмарку покупать призмы, и по дороге Исаак отпустил несколько замечаний касательно флюксий — начало анализа бесконечно малых. Во время долгого плавания через Атлантический океан Даниель выудил из глубин памяти тот разговор, припомнив некоторые частности, вроде формы водорослей в реке Кем, изгибаемых её течением. Теперь стало понятно, что Исаак в последнее время напряжённо думал о том же самом.

Продолжать болтовню о монетах, когда истинная тема беседы уже практически всплыла на поверхность, было слегка нелепо. Однако англичанин всегда предпочтёт лёгкую нелепость мучительной прямоте. Итак, дальше о нумизматике.

— Затем она — денежная система — пришла в ещё больший упадок, — продолжал Исаак.

— Позвольте напомнить, что я уехал лишь в середине тысяча шестьсот девяностых, когда в стране практически не осталось денег, и наша экономика превратилась в конфетти расписок.

— Теперь Англия купается в золоте. Наша денежная единица тверда, как адамант. Успехам

нашей коммерции завидует весь мир, и даже Амстердам уступил нам первенство. Тщеславием с моей стороны было бы приписывать это только своим заслугам. Однако простая честность требует сказать, что такое не стало бы возможным, не знай каждый англичанин, что одну гинею можно смело обменять на другую. Что все гинеи одинаковы.

Внезапно всё, что Даниель знал о мистере Тредере, выстроилось в новую, неожиданную, но чрезвычайно связную картину: как будто груда щебня у него на глазах сложилась в мраморную статую.

— Позвольте догадку. Весовщик, — (Даниель едва не сказал: «мистер Тредер»), — это человек, который делает вид, будто, как всякий честный англичанин, верит в одинаковость гиней, однако тайно взвешивает каждую попавшую ему в руки монету на очень точных весах. Лёгкие и средние он возвращает в оборот. Тяжёлые — откладывает. Накопив, предположим, сотню таких, он получает достаточно металла, чтобы отчеканить сто и одну гинею. Он создал новую гинею из ничего.

Исаак сказал «да» медленным движением век.

— Конечно, то, что вы описали, лишь самая простая из их уловок. Те, кто её освоил, быстро

переходят к более преступным махинациям.

Однако Даниеля, всё ещё переваривавшего новость, заклинило на самом простом.

— Такое возможно, — предположил он, — только если через руки этого человека, по роду его деятельности, проходит большое количество монет.

— Разумеется! Вот почему практика взвешивания столь распространена среди денежных поверенных. Я чеканю гинеи и отправляю их в оборот; эти люди распускают ткань, с таким трудом мною сотканную, — возвращают самые тяжёлые монеты в Лондон, где те неизменно оказываются в сундуках у самых гнусных изменников королевства!

Даниель вспомнил, как они проезжали мимо казнённых на Тайберне.

— То есть весовщики связаны с монетчиками.

— Как *пряхи* с *ткачами*, Даниель.

Мгновение Даниель молчал, припоминая всё, что знал о мистере Тредере.

— Вот почему я был потрясён — до глубины души, если желаете знать, — увидев, что вы путешествуете в обществе такого человека! — проговорил Исаак, и впрямь слегка дрожа от преизбытка чувств.

Даниель так привык к загадочному всеведению Исаака, что почти не удивился.

— На сей счёт, — сказал он, — у меня есть объяснения, которые, знай вы их, показались бы вам неимоверно скучными.

— Я озаботился навести справки и соглашусь, что в вашем *временном* знакомстве с упомянутым господином нет ничего недолжного, — отвечал Исаак. — Будь я склонен к мнительности, как Флемстид, я бы истолковал ваше *продолжающееся* с ним общение наихудшим возможным образом! Однако я вижу, что вы, не ведая истинной сущности этого человека, подпали под его обаяние, потому и предостерегаю вас сейчас в надежде, что вы сделаете самые серьёзные выводы.

Даниель чуть не расхохотался. Он не знал, какое утверждение смешнее: что Исаак не мнителен или что мистер Тредер наделён обаянием. Лучше сменить тему!

— Вы так и не ответили на мой вопрос, зачем он *надкусил* монету, если уже её *взвесил*.

— Есть способ обмануть проверку взвешиванием, — сказал Исаак.

— Невозможно! Нет ничего тяжелее золота!

— Я открыл, что есть золото тяжелее двадцатичетырёхкаратного.

Даниель на мгновение задумался.

— Абсурд.

— Ваш мозг как логический орган отвергает подобную мысль, — сказал Исаак, — поскольку чистое золото, по определению, соответствует двадцати четырём каратам. Чистое золото не может стать чище, а следовательно, не может быть тяжелее. Разумеется, мне это известно. Однако, говорю вам, я собственными руками взвешивал золото более тяжёлое, чем достоверно чистое.

В устах любого другого человека на земле — включая натурфилософов — фраза означала бы: «я напортачил со взвешиванием и получил неверный результат». В устах сэра Исаака Ньютона это была истина евклидовой непреложности.

— Мне вспомнилось открытие фосфора, — проговорил Даниель после некоторого раздумья. — Нового природного элемента с невиданными прежде свойствами. Может быть, есть и другие. Может быть, существует вещество, во многом сходное с золотом, однако обладающее б***о***льшим удельным весом, и золото, о котором вы говорите, имело примесь этого вещества.

— Отдаю должное вашей изобретательности, — с лёгкой иронией проговорил Исаак, — но есть более простое объяснение. Да, золото, о котором

я говорю, содержит примесь: флюидную субстанцию, заполняющую промежутки между его атомами и придающую металлу больший удельный вес. Я полагаю, что субстанция эта — не что иное, как…

— Философская ртуть! — Слова сорвались с языка под влиянием искреннего чувства, отразились от тёмных дубовых стен и, вернувшись через уши, заставили Даниеля вздрогнуть от собственного идиотизма. — Вы считаете, что это философская ртуть, — поправился он.

— Тонкая материя, — проговорил Исаак без тени волнения, но с суровой торжественностью Радаманта. — Цель алхимиков с тех самых пор, как тысячи лет назад царь Соломон увёз знание на Восток.

— Вы искали следы философской ртути, сколько я вас знаю, — напомнил Даниель, — и ещё каких-то двадцать лет назад все ваши поиски были безуспешны. Что изменилось?

— По вашему совету я принял руководство Монетным двором. Я начал Великую Перечеканку, которая извлекла на свет Божий огромное количество золота.

— И установили такое соотношение золота к серебру, при котором цена первого оказалась

сильно завышена, — подхватил Даниель, — чем, как все знают, практически изгнали из Англии серебро и привлекли в неё золото из всех уголков мира, куда протянула свои щупальца коммерция.

Исаак не снизошёл до ответа.

— До того, как двадцать лет назад вы… — тут Даниель чуть не сказал: «впали в помрачение рассудка», но вовремя поправился: — …сменили род занятий, вы работали с небольшими образцами золота, приобретёнными в Англии. Назначение на пост директора Монетного двора вкупе с вашей политикой в этой должности сделало Тауэр узким горлышком, через которое течёт всё золото мира. Вы можете сколько душе угодно запускать руку в этот поток, исследовать золото из самых разных стран. Я угадал?

Исаак кивнул, и в облике его проступила какая-то плутоватость, словно у шкодливого старика.

— Все алхимики со времён Гермеса Трисмегиста считали, что золото Соломона утрачено навсегда, и пытались заново открыть утерянное искусство путём кропотливых опытов и эзотерических изысканий. На этой стезе я потерпел неудачу перед тем, что вы стыдливо назвали «сменой рода занятий». Однако, выздоравливая,

я посетил Монетный двор, побеседовал с моими предшественниками и понял, что старые убеждения эзотерического братства больше не верны. Даже если Соломон отправился на самые далёкие острова Востока, что ж, коммерция проникла и туда, и в области ещё более отдалённые. Испанцы и португальцы в поисках золота и серебра не обошли вниманием ни один самый затерянный уголок мира. Соломон, где бы он ни обосновался, должен был оставить следы в виде Соломонова золота, то есть золота, полученного алхимически и содержащего философскую ртуть. За тысячелетия, прошедшие с исчезновения его царства, золото несомненно много раз переходило от одного невежды к другому. Его возили по морю, перековывали на погребальные маски, прятали в потайных сокровищницах, находили, похищали, использовали в украшениях, перечеканивали на монету разных государств. И всё это время оно сохраняло следы философской ртути — печать своего рождения. И я понял, как его найти. Не выискивать в древних трактатах крупицы алхимических знаний, не снаряжать экспедиции на край света. Достаточно усесться, словно пауку, в центре мировой коммерческой паутины и сделать так, чтобы золото текло ко мне, как всякая

материальная точка в Солнечной системе естественно падает на Солнце. Если проверять весь металл, поступающий на Монетный двор для перечеканки на гинеи, то со временем я, возможно, отыщу следы Соломонова золота.

— И теперь вы говорите, что сумели его найти, — сказал Даниель, не желая пока вступать в спор. — Когда это случилось?

— За первые несколько лет я не обнаружил ничего. Ни намёка. Я отчаялся когда-нибудь его отыскать, — признался Исаак. — Потом во время передышки в войне, году в тысяча семьсот первом, я нашёл золото, более тяжёлое, чем двадцатичетырёхкаратное. Не могу описать словами свои тогдашние чувства! Это был всего лишь кусочек золотой фольги, изъятый в мастерской монетчика при обыске, совершённом по моему приказу курьерами королевы. Самого монетчика убили при задержании — вообразите мою досаду! Ещё через несколько лет мне попалась поддельная гинея, более тяжёлая, чем положено. Со временем я выследил изготовившего её монетчика. На допросе он показал, что по большей части приобретал золото из обычных источников, но не так давно купил через посредника некоторое количество металла в кованых листах

толщиною примерно в восьмую часть дюйма. Шесть месяцев спустя я говорил с другим монетчиком, и тот вспомнил, что видел крупный кусок такого золота. Он сказал, что металл был с одной стороны расчерчен царапинами, с другой — испачкан смолой.

— Смолой!

— Да. Однако сам я не видел ни одного образца и нахожу лишь свидетельства в монетах — поддельных гинеях такого качества, что сам иногда принимаю их за подлинные!

— Получается, что хозяин золота где-то хранит его в виде золотых листов, испачканных смолой, и время от времени продаёт монетчику…

— Не просто монетчику, а Монетчику с большой буквы. Джеку-Монетчику. Моей Немезиде и человеку, на которого я охочусь последние двадцать лет.

— Занятный, должно быть, малый этот Джек, — проговорил Даниель, — и я надеюсь, что вы расскажете о нём больше. А пока, правильно ли я понял, что он держит золотые листы в запасе и время от времени чеканит из них монеты?

— Будь у него запас, он перечеканил бы всё до последней унции так быстро, как только могут работать его подручные. Нет, я полагаю, что

Джек знаком с хозяином золота, который по мере надобности в деньгах передаёт ему отдельные листы.

— Есть ли у вас догадки касательно того, кто хозяин?

— Ответ подсказывают царапины и смола. Это золото с корабля.

— Корабли и впрямь смолят, но в остальном я бессилен проследить ход вашей мысли.

— Вам недостаёт следующего звена: у матросов и офицеров французского военного флота есть легенда…

— Ах, вообще-то я её слышал! — воскликнул Даниель. — Просто не увидел связь. Вы о легендарном корабле, корпус которого обшит золотом.

— Да.

— И, как я понимаю, не считаете это легендой.

— Я изучил вопрос, — торжественно проговорил Исаак, — и теперь могу проследить историю Соломонова золота от страниц Библии, через века, до корпуса этого корабля и образцов, которые анализировал в лаборатории лондонского Тауэра.

— Расскажите же мне её!

— Рассказывать, собственно, не о чем. Острова царя Соломона расположены в Тихом океане.

Здесь золото и лежало, не потревоженное человеческой рукой, примерно до той поры, когда затикали Гюйгенсовы часы, а мы с вами вступили в пору отрочества. Испанский флот, унесённый тайфуном далеко от торгового пути из Акапулько в Манилу, бросил якоря у Соломоновых островов. Моряки запаслись водой, провизией, а также песком, чтобы обложить печи на камбузах для защиты от пожара. По пути в Новую Испанию жар печей выплавил из песка золото либо что-то на него похожее; при разгрузке в Акапулько обнаружили небольшие слитки удивительной чистоты. Вице-король Новой Испании, тогда как раз начинавший своё двадцатипятилетнее правление, немедленно отрядил на Соломоновы острова корабли, чтобы добыть ещё такого золота. Все эти годы оно лежало в его сокровищнице в Мехико. Перед возвращением на родину вице-король велел погрузить Соломоново золото на свой личный бриг, который отплыл вместе с испанским флотом и благополучно добрался до Кадиса. Однако затем маленький бриг был по недомыслию отправлен без сопровождения в Бонанцу, к вилле, где вице-король намеревался безбедно жить до конца дней. До того, как золото успели разгрузить, на бриг напали пираты,

переодетые турками, под предводительством гнусного злодея, известного как Джек Куцый Хер, Король бродяг или, у французов, *L'Emmerdeur*. Золото было похищено; долгим путём разбойники добрались вместе с ним до Индии, где почти всё оно попало в руки языческой царицы пиратов, чёрной, как сажа, и не имеющей понятия об истинной ценности своей добычи. На тамошних берегах Джек и его сообщники выстроили пиратский корабль. У неких голландских корабелов они позаимствовали мысль — отнюдь не ложную, ибо даже стоящие часы дважды в день показывают правильное время, — что, если корпус до ватерлинии обшить гладкими металлическими листами, он не будет обрастать ракушками и разрушаться древоточцами.

— Мысль вполне разумная, — заметил Даниель.

— Разумная, но самым чудн**ы**м образом воплощённая! Ибо в своём расточительном тщеславии Джек велел обшить корабль золотом!

— Итак, рассказ французских моряков не фантастичен, — подытожил Даниель.

— Я бы сказал иначе: правдив при всей своей фантастичности! — отвечал Исаак.

— Знаете ли вы, где сейчас этот корабль? —

спросил Даниель, пытаясь не выдать нервозности; он-то знал.

— Считается, что его назвали «Минервой». Неизвестно, правдивы ли эти сведения, и, даже если правдивы, проку от них мало: сотни кораблей носят такое имя. Однако я подозреваю, что он по-прежнему бороздит моря и время от времени заходит в Лондон, где между Джеком-Монетчиком и владельцами корабля происходит некий обмен. Золотые листы извлекают из трюма — поскольку, без всяких сомнений, их сняли и заменили медными много лет назад, наверное, где-нибудь в Карибской бухте — и передают Джеку, а тот чеканит из них превосходнейшие гинеи, которыми отравляет денежную систему её величества. Вот и весь рассказ о золоте Соломона, Даниель. Я надеялся, что вы найдёте его занятным. Почему у вас такой рассеянный вид?

— Меня удивило, что цель всей вашей жизни в руках у человека, которого вы назвали своей Немезидой.

— Моей Немезидой в том, что касается Монетного двора. В прочих областях у меня иные недруги, — напомнил Исаак.

— Это несущественно. Почему золото царя Соломона хранится не в Севилье, не в Ватикане,

не в Запретном Городе Пекина? Почему оно во власти Джека-Монетчика — того самого, которого вы более всего хотели бы видеть на Тайбернском эшафоте?

— Потому что оно тяжелее обычного и тем ценно для фальшивомонетчика.

— Оно куда ценней для алхимика. Как по-вашему, известно ли это Джеку, и знает ли он, что вы, Исаак, алхимик?

— Он обычный *проходимец.*

— Скорее, весьма необычный, судя по тому, что вы рассказали.

— Уверяю вас, что он ничего не смыслит в алхимии.

— Я тоже. *Тем не менее я понимаю, что вы хотите получить это золото*!

— Какая разница? Ему известно, что я стремлюсь найти его и покарать, — довольно и того.

— Исаак, у вас есть обыкновение недооценивать ум всех тех, кто *не вы.* Возможно, Джек рассчитывает с помощью Соломонова золота заманить вас.

— Если *мышь* хочет заманить *льва* — что с того?

— Смотря куда она хочет его заманить. Что, если в ловчую яму с острыми кольями на дне?

— Не думаю, что ваша аналогия применима, хоть и благодарен вам за заботу. Давайте мы покончим со скучными разговорами о Джеке, покончив с Джеком!

— Вы сказали «мы»?

— Да! Поскольку здесь всего два человека, разумеется, я имею в виду вас и меня. Как мы делили комнату и трудились вместе на заре жизни, так будем действовать и сейчас, на её закате.

— Чем я могу помочь в задержании Джека-Монетчика?

— Вы прибыли из Америки с таинственной целью, проехали через Англию в обществе известного весовщика и, по слухам, предаётесь неким оккультным занятиям в Клеркенуэллском склепе.

— Отнюдь нет, разве что считать застройку областью чёрной магии.

— Если теперь вы представитесь лондонскому преступному миру в качестве весовщика, владеющего золотом из Америки…

— Я не имею желания представляться лондонскому преступному миру ни в каком качестве!

— Но если бы представились, вы могли бы установить связь с осведомителями Джека и воровским подпольем…

— Второй раз за сегодня я слышу слово «подполье» в таком смысле. Мне всегда казалось, что это род погреба.

— Оно и больше, и куда опаснее, — заметил Исаак.

— Я не намерен иметь с ним ничего общего.

— Если вы сегодня слышали это слово, то, надо понимать, уже сошлись с его представителями, — проговорил Исаак насмешливо, — что ничуть меня не удивляет, учитывая ваши последние знакомства.

Даниель молчал. Он не мог сказать Исааку, что беседует с людьми, упоминающими воровское подполье, — такими, как Питер Хокстон, — единственно из желания разыскать пропавшее наследие Гука.

Исаак решил, что ему просто нечем крыть. Будь у Даниеля время, он бы как-нибудь вышел из положения. Однако в дверь постучали. Чуть раньше хлопнула входная дверь: видимо, принесли записку, и слуга пришёл её передать, оборвав разговор в самый неудачный для Даниеля момент. А может, слуга караулил под дверью, чтобы постучать по некоему тайному сигналу Исаака: «Ловушка сработала, скорее прерви нас, иначе он вывернется!»

— Войдите! — сказал Исаак.

Вошёл слуга, тот самый, что провожал Даниеля в кабинет. В руках у него был лист дорогой бумаги с несколькими строками, написанными небрежной рукой знатной особы. Пока Исаак их расшифровывал и обменивался со слугой тихими невразумительными замечаниями, Даниель смог наконец мысленно подытожить разговор начиная со своих слов про гинею.

Чего он ждал? В лучшем случае холодности. Худший вариант рисовался так: Исаак, познав, что он разыскивает наследие Гука и выполняет поручения Лейбница, вырвет ему сердце из груди, словно ацтекский жрец. Долгую дружескую беседу — если бы некий оракул предрёк её заранее — Даниель бы расценил как триумф. Что ж, возможно, это и впрямь триумф — только не его, а Ньютона. Вне зависимости от того, знает ли сэр Исаак о верности доктора Уотерхауза Гуку и Лейбницу, он решил держать бывшего приятеля под рукой и по мере надобности употреблять в дело.

— Мы так и не коснулись притязаний барона фон Лейбница на создание анализа бесконечно малых, — проговорил Исаак свойским тоном, плохо вязавшимся с его образом, — а мне уже пора уходить.

— Я безмерно признателен, что вы уделили мне столько своего времени, — ответил Даниель, стараясь, чтобы фраза не прозвучала иронически.

— Это мне следует вас благодарить, и, уверяю, предстоящая встреча не будет и вполовину столь приятной! Будь Монетный двор исключительно храмом натурфилософии, заведовать им было бы чистое наслаждение. Увы, мне приходится тратить много часов на дела *политического* свойства, — последние слова Исаак произнёс, поднимаясь из-за стола.

— Так сегодня виги или тори? — Даниель тоже встал. Всё сказанное дальше не имело никакого значения: с тем же успехом они могли обмениваться светскими любезностями на ирокезском.

— Немцы, — отвечал Исаак, пропуская гостя вперёд; видимо, Катерина Бартон или кто-то ещё научили его манерам.

— Немцы и так скоро будут тут заправлять, зачем они докучают вам сейчас?

За дверью кабинета они помедлили, чтобы Исаак сменил шлафрок на поданный слугою камзол.

— Они докучают не мне, а другим людям, более высокопоставленным, со всеми вытекающими последствиями. Я бы предложил вас куда-нибудь подвезти, но вы со мной не поместитесь. Прика-

зать, чтобы вам вызвали экипаж?

— Благодарю, я прогуляюсь пешком, — ответил Даниель.

Они вышли в переднюю, где оказалось очень тесно. Между двумя дюжими молодцами, от которых разило улицей, стоял чёрный вертикальный ящик; за открытой дверцей виднелось алое кожаное сиденье. Исаак залез внутрь и уселся, расправив полы камзола. Слуга застыл рядом, ожидая знака, чтобы захлопнуть дверцу.

— Вы сообщите о своём ответе на мои предложения, — предрёк Исаак. — И не забудьте, что нам надо как-нибудь побеседовать об анализе бесконечно малых.

— Не было дня, чтобы я о нём не думал, — отвечал Даниель.

Дверца захлопнулась. Из ящика чётко донёсся голос Исаака: «Боже, храни королеву», напомнив Даниелю, что их разделяет лишь чёрная материя, через которую Ньютон всё видит и слышит, оставаясь незримым для внешнего мира.

— Боже, храни королеву, — отозвался Даниель и вслед за портшезом вышел на Сент-Мартинс-стрит.

Исаака быстро понесли на юг, в сторону Сент-Джеймсского дворца, Вестминстера и всего

государственно значимого. Даниелю неловко было идти рядом с портшезом, поэтому он двинулся в противоположную сторону.

Пройдя через ворота в начале улицы, он оказался на широком открытом пространстве, называемом Лестер-филдс. С трёх сторон квадрат окаймляли новые дома, какие начали строить после Пожара, но в северной части, то есть прямо перед Даниелем на расстоянии полёта стрелы, высился уцелевший тюдоровский ансамбль: краснокирпичные и фахверковые здания, вместе называемые Лестер-хауз. Прежде, когда в Лондоне было не так много мест, достойных особ королевской крови, здесь проживали различные Тюдоры и Стюарты. Елизавета Стюарт занимала этот дворец до того, как отправиться в Европу, стать Зимней королевой и дать жизнь множеству детей, в том числе Софии. Нынешние монархи не питали к дому сентиментальных чувств, а новое строительство изменило представления о роскоши и великолепии; на фоне современных зданий Лестер-хауз представлялся обычной деревенской усадьбой.

Выйдя на Лестер-сквер, Даниель взглянул в ту сторону, пытаясь сориентироваться, словно моряк, высматривающий на небосводе старые

знакомые звёзды. Перед дворцом стояло множество лошадей и телег. У Даниеля ёкнуло сердце: ему подумалось, что Лестер-хауз собрались сносить. Он зашагал по траве, распугивая овец и кур, и вскорости понял, что телеги не такие, на которых вывозят битый кирпич, а куда более приличные, для дорожной клади. Здесь же был и экипаж, запряжённый четвёркой вороных. Из него как раз вылезла дама и пошла в сторону Лестер-хауза, а слуги, выстроившись в два ряда, её приветствовали. Даниель видел только, что дама миниатюрная и хорошо сложена. Голову скрывал огромный шёлковый шарф поверх шляпы или парика. При своём слабом зрении Даниель не мог с такого расстояния различить губы, глаза, носы слуг, однако по тому, как слуги поворачивались к идущей даме, чувствовал, что все улыбаются, и понимал: хозяйку в доме любят.

Там, где два ряда слуг сходились перед парадным входом особняка, стоял человек, явно не принадлежащий к челяди; он был одет как джентльмен. Однако в его облике сквозило нечто необычное; Даниель не мог понять что, пока человек не склонился в низком поклоне, чтобы приложиться даме к руке. Он был совершенно чёрный. Дама взяла чернокожего под руку, и тот

повёл её в Лестер-хауз, а слуги бросились разгружать багаж или занялись какими-то другим делами.

Поскольку смотреть больше было не на что, Даниель повернулся и побрёл к краю сквера. И, как оказалось, не он один. Бродяги, мелочные торговцы, гуляющие джентльмены и мальчишки-чистильщики расходились по окрестным улицам, а в новых домах по периметру Лестер-сквер на окнах задёргивали занавеси.

Лестер-хауз

Десять секунд спустя
Элиза и Даппа в Лестер-хаузе

ОНА ВЗЛЕТЕЛА по крутой деревянной лестнице чуть ли не бегом, не переставая говорить, так что ему, чтобы расслышать, пришлось поспевать следом, и лишь на мгновение замедлила шаг перед рассохшейся деревянной дверью. Прежде чем Даппа успел выговорить: «Позвольте мне», она толкнула створку плечом и скрылась в гулком пространстве по другую сторону, оставив дверь содрогаться на петлях.

Последние несколько ступеней Даппа преодолевал с опаской. Его ноги отвыкли от опоры,

которая не кренится поминутно с боку на бок и с носа на корму. Избежав стольких смертей, обидно было бы сломать шею на старой лестнице в английском особняке.

Теперь они были в равнобедренном треугольнике, образованном скатами крыши и шатким дощатым полом. В доме обычных размеров, но тех же пропорций места на таком чердаке хватило бы разве что голубям, здесь же можно было отплясывать контрданс.

Даппа пожалел, что с ним нет моряков — вот бы они посмеялись! У людей, которые долго живут на суше, развиваются нелепейшие привычки. Они забывают, что всё в Божьем мире движется, и думают, будто можно притащить вещь, например шкаф, в некое помещение, например в эту комнату, накрыть холстиной и оставить, не принайтовив, а через двадцать лет обнаружить на прежнем месте.

Дальше некоторые совершенно распоясываются. Такие комнаты — памятники, которые они воздвигли себе. Накрытая холстом мебель, упакованные картины, стопки книг наползали друг на друга, как ледяные торосы в бухте. Пауки потрудились: целая команда усердных маленьких такелажников день и ночь скрепляла и обвязыва-

ла это непотребство. Элиза разрушала их работу, уверенно лавируя к дальнему концу комнаты. За платьем тянулся прозрачный паутинный шлейф, кильватер отмечали пыльные завихрения. Она так напряженно просчитывала путь, что даже забыла говорить.

Через каждые несколько ярдов были прорублены небольшие мансардные окна, и в льющемся из них свете Даппа отлично видел, сколькими способами может замарать камзол, если последует за хозяйкой. Забыв, что дом точно не накренится под ногами, он рассеянно ухватился за поперечную балку между стропилами. Небольшая лавина светло-серого помёта летучих мышей скатилась по рукаву и обрела единение с дорогим чёрным сукном.

— Хорошо, что моя голова и раньше была седа. — Даппа сам изумился, как громко прозвучал в полной тишине его голос.

— Простите?

— Не обращайте внимания, я просто ворчу себе под нос.

— Ничего страшного, — отозвалась Элиза. — Только не забывайте, что в присутствии посторонних — особенно родовитых особ…

— Вы — моя знатная патронесса, — подхватил

Даппа, — а я писака, измазанный в чернилах с головы до ног и потому чёрный везде, за исключением ступней, которые я стаптываю, собирая невольничьи рассказы.

— И ладони руки, которой сжимаете перо. Я узнаю фразы из вашей апологии к новой книге, — ответила она, удостаивая его лёгкой улыбки.

— Так вы её прочли!

— Ну разумеется! Как же иначе?

— Я боялся, что вас утомили невольничьи рассказы с их пугающим однообразием. «Меня захватили воины из соседней деревни… продали племени, живущему за рекой… пригнали к большой воде, заклеймили, погрузили на корабль, вытащили с него полумёртвым, и теперь я рублю сахарный тростник».

— Все человеческие истории в какой-то мере одинаковы, если сжать их до такой степени. И всё же люди влюбляются.

— Что?!

— Влюбляются, Даппа. В конкретного мужчину или конкретную женщину и ни в кого иного. Либо женщина любит своего ребёнка, как бы ни походил он на других детей.

— Вы говорите, что возникает связь между людскими душами, несмотря на одинаковость…

— Нет никакой одинаковости. Если бы вы смотрели на мир с высоты, как альбатрос, люди внизу казались бы вам одинаковыми. Мы не альбатросы, мы видим мир с уровня земли, своими собственными глазами, каждый в своей собственной системе координат, которая меняется в зависимости от нашего положения. Пресловутая одинаковость — химера, призрак, который мучает вас, когда вы ночами ворочаетесь в гамаке.

— По правде сказать, у меня своя каюта, и теперь я ворочаюсь в койке.

Элиза не ответила. Некоторое время назад она достигла дальней стены и теперь, говоря, смотрела на Лестер-филдс через круглое окошко в фасаде. На корабле это означало бы, что она следит за погодой. Но что можно высматривать здесь?

— Нужно, чтобы читатель в одном из ваших повествований нашёл родственную душу, — рассеянно продолжала Элиза, — и тогда он поймёт, как отвратительно рабство.

— Что, если печатать их по отдельности, в виде памфлетов?

— Листки дешевле, их можно расклеивать на стенах и тому подобное.

— Ах, как вы меня опережаете.

— Распространение — моя забота, ваша — сбор.

— Почему вы смотрите в окно? Боитесь любопытства соглядатаев?

— Когда герцогиня сходит с корабля в лондонской гавани и едет через город в сопровождении целого поезда карет, она, естественно, возбуждает любопытство, — спокойно ответила Элиза. — Я составляю реестр тех, кто на меня заглядывается.

— Увидели кого-нибудь знакомого?

— Вот старый пуританин, которого я вроде бы знаю… несколько гадких тори… и чересчур много соседей, теребящих занавески. — Она отвернулась от окна и совершенно другим тоном спросила: — Что-нибудь стоящее из Бостона?

— Там всё больше ангольцы, а я несколько подзабыл их язык. Гавкеры в Массачусетсе действуют в последнее время более решительно — раздают памфлеты на улицах…

Как раз когда Даппа думал, будто сообщает ценные сведения, Элиза нетерпеливо отвернулась к окну. Ну разумеется, ей прекрасно известно, что делают гавкеры в Массачусетсе.

— Соответственно и рабовладельцы там бдительнее, чем, например, в Бразилии. Увидев, что их невольники разговаривают с подозрительно

хорошо одетым арапом…

— Вы не собрали в Бостоне ничего полезного, — оборвала она.

— Я слишком пространен, ваша милость?

— Я слишком много сокращаю? — Элиза отвернулась от окна и снова смотрела на собеседника.

— Это помещение — опрокинутый трюм, — понял вдруг Даппа. — Если перевернуть «Минерву» так, чтобы мачты указывали к центру Земли, то её киль смотрел бы в небо, как коньковый брус у нас над головой, а доски корпуса образовали бы крышу.

— И там по-прежнему бы много всего хранилось, как и в мансарде.

— Это так называется?

— В них живут голодные литераторы.

— Вы предлагаете мне жильё или грозите уморить меня голодом?

— Смотря что вы привезёте из следующего рейса.

Она подошла и с улыбкой взяла его под руку.

— Куда теперь?

— Снова в Бостон.

Отсюда им была видна лестница. Слуги, столпившиеся внизу, могли слышать их разговор.

— А ваша милость? — громко спросил Даппа.

— Вы спрашиваете, куда собираюсь я?

— Да, миледи. Вы ведь только что из Ганновера?

— Из Антверпена, — прошептала она. — Теперь я здесь… как бы вы сказали, в долгом плавании.

Они спустились по лестнице, что было бы куда проще, если бы домашние и слуги герцогини не ринулись предлагать помощь. Чуткое к языкам ухо Даппы уловило немецкую речь: две молодые дамы говорили между собой. Они были одеты как простые дворянки, но держались, на взгляд Даппы, как титулованные особы.

ДАППА ВПЕРВЫЕ ВСТРЕТИЛСЯ с Элизой лет двадцать назад. У него были все основания её ненавидеть. Они с Джеком, ван Крюйком и Врежем Исфахняном отплыли из Веракруса на корабле, нагруженном золотом, направляясь в Лондон или Амстердам, а к Йглму свернули только из-за Джековой страсти к этой женщине. Письмо, которым их туда заманили, оказалось подложным — его изготовил иезуит отец Эдуард де Жекс. «Минерва» попала в ловушку, расставленную французами. Джека постигло своего рода возмездие. Даппу, ван Крюйка и команду отпустили вместе с кораблём, но лишь после того, как французы забрали из трюма «Минервы»

всё золото. У них остались лишь золотые листы, которыми при постройке обшили корпус ниже ватерлинии. И ещё сама «Минерва» — их дом и хлеб. Другими словами, они были обречены провести остаток дней в опасных трудах и скитаниях. Ван Крюйка это устраивало в полной мере. Даппу — куда меньше.

«Минерва» принадлежала — в порядке значимости — малабарской королеве Коттаккал, курфюрстине Софии Ганноверской, ван Крюйку, Даппе, Джеку Шафто и нескольким их старым товарищам, которых последний раз видели на острове Квина-Кутта недалеко от Борнео. По большей степени совладельцы были далеко и понятия не имели, как связаться с командой, то есть представляли собою идеальных партнёров. Даже София правила курфюршеством, не имеющим выходов к морю. Но в один прекрасный день ван Крюйк получил письмо, написанное её рукой и скреплённое её печатью, извещавшее, что она назначила Элизу, герцогиню Аркашонскую и Йглмскую, своим доверенным лицом, перед которым они должны будут отчитываться всякий раз, как бросят якорь в лондонской гавани. Ей же надлежало отдавать причитающуюся Софии часть прибыли.

Даппа отправился на первую встречу с самыми мрачными предчувствиями. И он, и все остальные столько слышали от Джека об Элизиной красоте и настолько разуверились в здравости Джековых суждений, что он готовился увидеть беззубую рябую каргу.

Ничего подобного. Во-первых, ей оказалось лет тридцать шесть. Все её зубы были на месте, а лицо лишь немного пострадало от оспы. Так что выглядела она во всяком случае не отталкивающе. Голубые глаза и белокурые волосы, конечно, показались Даппе чудн**ы**ми, однако привык же он к рыжине ван Крюйка, а значит, мог приспособиться к чему угодно. Маленькие рот и нос считались бы красивыми в Китае, и Даппа со временем узнал, что многим европейцам они тоже нравятся. Если бы не веснушки, он, возможно, убедил бы себя, что герцогиню можно назвать привлекательной. Однако она была тощая, с узкой талией — полная антитеза пышнотелой красавице. Даппа любил пышнотелых, и, судя по настенной росписи и скульптурам, которые он видел в Лондоне и Амстердаме, многие европейцы разделяли его предпочтения.

Первая их встреча была посвящена бухгалтерии, так что, если в начале дня Даппа и чувство-

вал к этой женщине какое-нибудь влечение, оно полностью улетучилось к тому времени, когда двенадцатью часами позже он, пошатываясь, вышел на улицу. Элиза оказалась въедлива до чрезвычайности и всенепременно желала знать, на что пошёл каждый фартинг с начала строительства «Минервы». Учитывая, что *о* им за это время пришлось пережить, многие вопросы были попросту неприличны. Иные на месте Даппы залепили бы ей пощёчину или хотя бы с возмущением выбежали за дверь. Однако Элиза представляла одну из самых могущественных особ христианского мира, которая могла уничтожить «Минерву» множеством способов — затруднение было бы только в выборе оружия. Даппа сдерживался отчасти поэтому, отчасти потому, что в душе понимал: бухгалтерию «Минервы» надо вести тщательнее. Они потеряли обоих своих счетоводов: Мойше де ла Крус отправился осваивать земли к северу от Рио-Гранде, Вреж Исфахнян пожертвовал собой, чтобы отомстить людям, расставившим им ловушку. С тех пор записи велись как попало. Даппа давно знал, что рано или поздно придёт расплата. Дело могло вылиться в кое-что похуже сидения за столом с этой чудн*о*й герцогиней.

В следующие годы они несколько раз встречались, чтобы подбить итоги. Элиза узнала о странной привычке Даппы записывать невольничьи рассказы («Почему вы тратите столько наших денег на бумагу и чернила? Вы что их, за борт бросаете?») и стала его издательницей («Пусть ваша причуда хотя бы окупается»). Шло время. Даппа гадал, как оно скажется на Элизе. Неспособный видеть в ней женщину (женщиной для Даппы была королева Коттаккал, шесть футов роста, триста фунтов веса), он, посмотрев в Лондоне «Сон в летнюю ночь», остановился на выводе, что Элиза — фея. Как выглядит старая или хотя бы стареющая королева фей?

СЕЙЧАС ОНИ ПИЛИ ЧАЙ на верхнем этаже Лестер-хауза в маленькой комнате, не столь официальной, как парадная гостиная. Элиза бесстрашно села напротив окна — более того, напротив западного окна, из которого струился алый закатный свет. Даппа разглядывал её.

— И что вы видите? — спросила она, в свою очередь разглядывая Даппу.

— Я уже не могу смотреть на вас иначе как на друга и покровительницу, Элиза, — отвечал он. — Черты возраста, опыта и характера, которые вообразил бы на вашем лице посторонний,

для меня незримы.

— Так что вы видите на самом деле?

— Я не столько смотрел на худых белых женщин, чтобы считаться судьёй. Однако я вижу, что хорошая кость — дело стоящее, и у вас она есть. Творец ладно скроил вас и славно сшил.

Ответ странным образом её позабавил.

— Вы когда-нибудь видели представителя семьи д'Аркашон или честный его портрет?

— Только вас, миледи.

— Я имела в виду наследственного д'Аркашона. Довольно сказать, что они худо скроены и дурно сшиты, о чём знают и сами. И своим нынешним положением в мире я обязана не уму, отваге или доброте, а хорошей кости и способности воспроизводить её в потомстве. Что вы скажете теперь, Даппа?

— Если она дала вам опору на том отвесном обрыве, какой представляет собой наш мир, и если благодаря этой опоре вы можете сполна использовать свой ум, отвагу и доброту, то что ж — за хорошую кость!

Она улыбкой признала своё поражение. В уголках губ и глаз собрались морщинки, которые вовсе её не портили: они выглядели честно заработанными и справедливо добытыми. Элиза

подняла чашку и чокнулась с Даппой.

— Вот теперь ваши слова и впрямь похожи на авторскую апологию к книге, — сказала она и отпила чай.

— Так мы вернулись к беседе об издании, сударыня?

— Да.

— А я-то ещё надеялся спросить вас о ганноверских графинях, которые, как я понимаю, приехали с вами из Антверпена.

— С чего вы взяли, что они всего лишь графини?

Даппа взглянул пристально, но по огоньку в Элизиных глазах понял, что его дразнят.

— Просто догадка, — сказал он.

— Ну так гадайте дальше. Я не добавлю ничего сверх того, что вы сами поняли.

— А почему Антверпен? Чтобы встретиться с герцогом Мальборо?

— Чем меньше я вам скажу, тем меньше выспросят у вас люди из разряда тех, что пялятся на мой дом в подзорные трубы.

— Что ж… коли так… давайте лучше говорить о моей книге! — поспешно отвечал Даппа.

Элиза довольно улыбнулась, словно говоря, что это куда более приятная тема, и на миг замол-

чала. Даппа понял, что сейчас она произнесёт приготовленную заранее речь.

— Не забывайте, что я не стала бы противницей рабства, если бы не побыла рабыней! Большинству англичан оно представляется вполне разумным установлением. Рабовладельцы утверждают, будто никаких особых жестокостей нет и невольникам живётся хорошо. Большинство европейцев охотно верят в эту ложь, какой бы нелепой ни казалась она нам с вами. Люди верят, что рабство не так уж дурно, поскольку не испытали его на себе. Африка и Америка далеко; англичане любят пить чай с сахаром и не желают знать, откуда он взялся.

— Я заметил, что вы не положили себе сахара, — заметил Даппа, поднимая чашку.

— А по тому, что кроме хорошей кости у меня есть ещё и зубы, вы можете заключить, что я вообще не употребляю сахара. Наше единственное оружие против нежелания знать — истории. Истории, которые собираете и записываете вы один. В ящике под лестницей у меня хранится стопка писем примерно такого содержания: «Я не видел в системе рабства ничего дурного, однако ваша книга раскрыла мне глаза. Хотя почти все рассказы в ней слезливы и однообразны, один

растрогал меня до глубины души; я перечитываю его вновь и вновь и понимаю всю гнусность, всю бесчеловечность рабства…»

— Какой? Какой из рассказов так тронул читателей? — завороженно спросил Даппа.

— То-то и оно, Даппа: они пишут о разных рассказах, каждый о своём. Такое впечатление, что, если представить публике достаточно много историй, почти любой найдёт ту единственную, которая говорит *его* сердцу. Однако нельзя предсказать, какая это будет.

— Значит, то, что мы делаем, подобно стрельбе картечью, — произнёс Даппа. — Некоторые пули поразят цель, но неизвестно какие — так что выпустим их побольше.

— Картечь имеет свои достоинства, — кивнула Элиза, — но ведь корабль ею не потопишь?

— Да, миледи.

— Так вот, мы выпустили достаточно картечи. Большего мы ей не добьёмся. Теперь, Даппа, нам нужно ядро.

— Один невольничий рассказ, который тронет всех?

— Да. Вот почему меня не огорчает, что вы не собрали в Бостоне ещё картечи. Разумеется, обработайте то, что у вас уже есть, и пришлите мне.

Я напечатаю. Но потом — никакого рассеянного огня. Примените свои критические способности, Даппа. Найдите тот невольничий рассказ, который будет больше, чем просто душещипательным. Тот, что станет нашим пушечным ядром. Пора топить невольничьи корабли.

Клуб «Кит-Кэт»

Вечер того же дня
Даниель и Даппа в клубе «Кит-Кэт»

— Я СОВЕРШЕННО УВЕРЕН, что за нами наблюдают, — сказал Даниель.

Даппа рассмеялся.

— Вот почему вы так старались сесть лицом к окну? Думаю, за всю историю клуба никому ещё не приходило желание смотреть на этот проулок.

— Можете обойти стол и сесть рядом со мной.

— Я знаю, что увижу: множество вигов пялятся на дрессированного негра. Почему бы вам не обойти стол и не сесть рядом со мной, чтобы вместе полюбоваться голой дамой на этой удивительно большой в длину и маленькой в высоту картине?

— Она не голая, — резко отвечал Даниель.

— Напротив, доктор Уотерхауз, я различаю в ней неопровержимые признаки наготы.

— Однако назвать её голой — неприлично. Она одалиска, и это её профессиональный наряд.

— Может быть, все взгляды, которые, по вашему мнению, устремлены на нас, в действительности прикованы к ней. Картина новая, от неё ещё пахнет лаком. Пожалуй, нам лучше было сесть под тем пыльным морским пейзажем. — Даппа указал на другое длинное и узкое полотно, изображавшее голландцев за сбором съедобных моллюсков на очень холодном и неуютном берегу.

— Мне случилось видеть вашу встречу с герцогиней Аркашон-Йглмской, — признался Даниель.

— «Де ля Зёр» — менее официально, — перебил Даппа.

Даниель на мгновение опешил, потом скроил кислую мину и покачал головой.

— Мне непонятно ваше веселье. Напрасно я заказал вам асквибо.

— Я слишком долго на суше — видимо, меня слегка укачало.

— Когда вы отплываете в Бостон?

— Значит, переходим к делу? Мы намеревались

отплыть во второй половине апреля. Теперь думаем в начале мая. Что вам нужно оттуда забрать?

— Работу двадцати лет. Надеюсь, вы обойдётесь с ней бережно.

— Что это? Рукописи?

— Да. И машинерия.

— Странное слово. Что оно означает?

— Простите. Это театральный жаргон. Когда ангел спускается на землю, душа воспаряет на небеса, извергается вулкан или что-нибудь ещё невероятное происходит на подмостках, люди за сценой называют машинерией различные пружины, рычаги, тросы и прочее оборудование, посредством которого создаётся иллюзия.

— Я не знал, что у вас в Бостоне был театр.

— Вы ошибаетесь, сэр, бостонцы бы такого не допустили — меня бы выслали в Провиденс.

— Так как же у вас в Бостоне оказалась машинерия?

— Я употребил слово иронически. Я построил там машину — вернее, за рекой, в домишке между Чарльстауном и Гарвардом. Машина не имеет ничего общего с театральной машинерией. Её-то я и прошу забрать.

— Тогда мне нужно знать, по порядку: опасная ли она? Громоздкая? Хрупкая?

— Отвечаю по порядку: да, нет, да.

— В каком смысле опасная?

— Понятия не имею. Однако она станет опасной, только если повернуть заводной рычаг и дать ей пищу для размышлений.

— В таком случае я буду держать заводной рычаг у себя кауте и по мере надобности бить им пиратов по голове. И я запрещу команде вести с вашей машинерией разговоры, кроме самых безыскусных: «Доброе утро, машинерия, как здоровье? Не ноет ли в сырую погоду коленный вал?»

— Я бы посоветовал упаковать детали в бочки, переложив соломой. Ещё вы найдёте тысячи прямоугольных карточек, на которых написаны слова и числа. Их тоже надо упаковать в водонепроницаемые бочонки. К тому времени, как вы доберётесь до Чарльстауна, Енох Роот, возможно, это уже сделает.

При упоминании Еноха Даппа отвёл глаза, как будто его собеседник брякнул что-то неосторожное, и поднёс к губам стаканчик. Этой паузы маркизу Равенскару хватило, чтобы ворваться в их разговор. Он возник так внезапно, так ловко, как если бы некая машинерия втолкнула его в клуб «Кит-Кэт» через люк.

— От одной одалиски к другой, мистер Даппа! Гм! Я ведь не ошибся? Вы — наш литератор?

— Я не знал, что я ваш литератор, милорд, — вежливо отвечал Даппа.

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что не читал ваших книг.

— Отнюдь нет, милорд. Наивысший успех — когда тебя узнают в общественных местах как автора книг, которых никто не читал.

— Если бы мой добрый друг доктор Уотерхауз соблаговолил нас отрекомендовать, мне бы не пришлось пускаться в догадки; однако он получил пуританское воспитание и не признаёт учтивости.

— Теперь уж не до церемоний, — сказал Даниель. — Когда новоприбывший начинает разговор с загадочного возгласа про одалисок, что диктуют правила учтивости остальным?

— И нисколечки не загадочного! Ни на понюх! — возмутился милорд Равенскар. — Сейчас, в… — (глядя на часы), — девять часов, весь Лондон уже знает, что в… — (снова глядя на циферблат), — четыре часа мистер Даппа приветствовал герцогиню Аркашонскую и Йглмскую!

— Я вам говорил! — сказал Даниель Даппе и коснулся пальцами глаз, а затем указал через

комнату на предполагаемых соглядатаев и любопытствующих.

— Что вы ему говорили?! — вопросил Роджер.

— Что за нами наблюдают.

— Наблюдают не за *вами*, — объявил Роджер с преувеличенной весёлостью, от которой за милю разило фальшью. — Кому вы интересны? Наблюдают за Даппой, совершающим обход одалисок.

— Вот снова… соблаговолите объяснить, что вы имеете в виду?

Объяснил Даппа:

— Подразумевается своего рода легенда, которую *благовоспитанные лондонцы* передают шёпотом, а *подвыпившие лорды* — во весь голос, будто герцогиня некогда была одалиской.

— Фигурально?..

— Буквально наложницей турецкого султана в Константинополе.

— Бред! Роджер, что вы себе позволяете?

Маркиз, слегка уязвлённый словами Даппы, поднял брови и пожал плечами.

Даппа продолжил:

— Англия, страна рудокопов и стригалей, всегда будет крупнейшим импортёром фантастических бредней. Шёлк, апельсины, благовония и диковинные рассказы — всё это заморский товар.

— Вы глубоко заблуждаетесь, — отвечал Даниель.

— Я согласен с мистером Даппой! — натужно выдавил Роджер. — История о его свидании с герцогиней распространяется по Граб-стрит как холера и будет в газетах с первым криком петуха!

И тут же исчез, как будто провалился в люк.

— Вот видите! Будь вы осмотрительнее…

— Газетчики с Граб-стрит остались бы в неведении. Ничего бы не написали, ничего бы не напечатали ни обо мне, ни о герцогине. Никто бы не узнал о нас и не купил мою новую книгу.

— А-а.

— На вашем лице, доктор, брезжит понимание.

— Это новая диковинная форма коммерции, о которой я до сегодняшнего дня ничего не слышал.

— Немудрено — она существует лишь в Лондоне, — вежливо заметил Даппа.

— Однако в этом городе процветают и более диковинные, — многозначительно произнёс Даниель.

Даппа сделал преувеличенно наивное лицо:

— У вас есть фантастический рассказ в пару к тому, что распространяет маркиз Равенскар?

— В высшей степени фантастический. И заметьте, отечественного производства. Даппа, помните, как у мыса Кейп-Код нас атаковала пиратская флотилия мистера Эдварда Тича и вы отправили меня работать в самую нижнюю часть трюма?

— Это была средняя часть. Мы не отправляем престарелых учёных в самый низ трюма.

— Хорошо, хорошо.

— Я отлично помню, что вы любезно расколотили несколько старых тарелок, чтобы подготовить заряды для мушкетонов, — сказал Даппа.

— А я отлично помню, что местоположение ящика с тарелками было весьма точно отмечено на плане, прибитом рядом с трапом. Там же было указано, что хранится в разных частях трюма, включая самую нижнюю.

— Вы снова путаете! Самая нижняя часть трюма заполнена тем, что эвфемистично называют трюмной водой. В ней ничего не может храниться, только портиться. Если вы сомневаетесь, мы можем погрузить туда вашу машинерию, а вы по нашем возвращении её осмотрите. Знали бы вы, какое неописуемое зловоние…

Даниель поднял ладони:

— Нет надобности, любезнейший. Однако, если

меня не подводит память, на схеме укладки груза была и самая нижняя часть трюма, и то, что хранится в неописуемом зловонии.

— Вы про балласт?

— Наверное, да.

— Размещение балласта отмечено на схеме, поскольку от него зависит остойчивость и дифферент корабля, — сказал Даппа. — Время от времени нам приходится перекладывать несколько тонн балласта, чтобы скомпенсировать неравномерность загрузки, и потому мы, разумеется, должны знать, где что лежит.

— Если я правильно помню схему, сразу на обшивке, как половицы, уложены чугунные чушки.

— Да. А также треснувшие пушки и негодные ядра.

— Сверху вы насыпали несколько тонн округлых камней.

— Галька с малабарского побережья. Некоторые насыпают песок, но мы предпочли гальку, поскольку она не засоряет помпы.

— На гальку вы ставите бочки с пулями, солью, водой и прочий тяжёлый груз.

— Это распространённая — нет, универсальная практика на всех кораблях, которые не опроки-

дывает первой же волной.

— Однако мне помнится, что на схеме был указан ещё один слой. Под бочками, под галькой, даже под металлическим балластом. Тончайший слой, почти плёнка — на схеме он выглядел как луковая кожура, прижатая к осмолённым доскам днища, и проходил под названием «листы обшивки от обрастания ракушками».

— Что с того?

— Зачем защищать корпус от ракушек *изнутри?*

— Это запасные. Вы должны были заметить, что у нас всё в двойном количестве, доктор Уотерхауз. «Минерва» снаружи обшита металлом — чем и славится среди моряков. Когда мы последний раз обращались к меднику, то заказали вдвое больше листов, чем нужно, чтобы сговориться на более выгодную цену и получить запас.

— Вы не путаете их с теми запасными медными листами, что сложены в ящике у степса фок-мачты? Помнится, я как-то на нём сидел.

— Одна часть хранится там. Другая — под металлическим балластом, как вы описали.

— Странное место для хранения чего бы то ни было. Чтобы до них добраться, надо разгрузить корабль, выкачать неописуемо зловонную трюм-

ную воду, перекидать лопатами тонны гальки и лебёдкой поднять одну за другой многочисленные чугунные чушки.

Даппа не ответил, только принялся нервно барабанить пальцами по столу.

— Наводит на мысль скорее о спрятанном сокровище, нежели о балласте.

— Вы сможете проверить свою гипотезу, доктор, когда мы следующий раз будем в сухом доке. Не забудьте принести лопату.

— Так вы отвечаете дотошным таможенникам?

— С ними мы обычно вежливее — как и они с нами.

— Но, если отбросить вежливость, ситуация не изменится. Когда некое облечённое властью лицо потребует освободить трюм, это придётся сделать. «Минерва» будет прыгать на воде, как пробка, но не перевернётся благодаря балласту. Однако, чтобы осмотреть запасную обшивку, надо поднять весь балласт, что возможно только в сухом доке — где «Минерва» была всего неделю назад. Ни один таможенный инспектор такого не требует, верно?

— Очень странный разговор, — заметил Даппа.

— По десятибалльной шкале странности раз-

говоров, где десять — самый странный разговор, какой я когда-либо слышал, а семь — самый странный разговор, какой мне обычно случается вести за день, этот потянет не больше чем на пятёрку, — отвечал Даниель. — Однако, чтобы уменьшить для вас его странность, буду говорить прямо. Я знаю, из чего эти листы. Я знаю, что, заходя в Лондон, вы иногда достаёте часть металла, и он со временем становится монетами. Меня не интересует, как это происходит и зачем. Однако я хочу предупредить, что вы подвергаете себя опасности всякий раз, как тратите своё сокровище. Вы думаете, что в тигле монетчика оно смешивается с металлом из других источников и уходит в мир, лишённое всяких признаков, указующих на связь с вами. Однако по меньшей мере одного человека не обмануло это смешение, и сейчас он очень близок к тому, чтобы разгадать вашу тайну. Вы можете найти его в лондонском Тауэре.

В начале этой речи Даппа встревожился, теперь выражение его стало рассеянным, как будто он просчитывает в уме, как быстро «Минерва» сможет поднять якорь и выйти из лондонской гавани.

— Зачем вы мне это рассказали? По доброте душевной?

— Вы были добры ко мне, Даппа, когда не выдали меня Чёрной Бороде.

— Мы поступили так из упрямства, а не по доброте.

— Тогда считайте моё предупреждение актом христианского милосердия.

— Благослови вас Бог, доктор! — сказал Даппа, однако лицо его оставалось настороженным.

— До тех пор, пока мы не придём к пониманию касательно дальнейшей судьбы золота, — добавил Даниель.

— Слово «судьба» внушает мне опасения. Что вы подразумеваете?

— Вам надо избавиться от золота, пока о нём не проведал упомянутый джентльмен. Однако перечеканить его на монеты — всё равно что пройти на «Минерве» под пушками Тауэра, неся эти листы на реях.

— Что от него проку, если оно не в монетах?

— Золото годится и для других целей, — сказал Даниель, — о которых я вам когда-нибудь расскажу. Но не сейчас. Сюда идёт Титул, и нам надо свести странность разговора к одному-двум баллам по той шкале, о которой я говорил.

— Титул? Кто это такой?

— Для человека, только что внушавшего мне,

как важна печать, вы не слишком внимательно читаете газеты.

— Я знаю, что она существует, как она действует и почему это важно, однако…

— Я читаю газеты каждый день. Позвольте объяснить вкратце: есть газета под названием «Окуляр», которую учредили виги, когда были у власти. В неё пишут несколько умных людей; Титул к ним не относится.

— Вы хотите сказать, он не пишет для «Окуляра»?

— Нет, я хочу сказать, что он не умён.

— Почему же его пригласили писать в газету?

— Потому что он в палате лордов и всегда на стороне вигов.

— Так он — титулованная особа?

— Титулованная особа со страстью к бумагомарательству. А поскольку «титул» ещё и заглавие, то есть имеет какое-то отношение к литературной деятельности, он взял себе такой псевдоним.

— Это самое длинное предисловие к знакомству, какое я когда-либо слышал, — заметил Даппа. — Когда же он наконец подойдёт?

— Боюсь, что он… вернее, они ждут, чтобы вы их заметили, — сказал Даниель. — Держитесь.

Даппа сузил глаза и раздул ноздри. Затем он

повернулся на стуле и, буквально следуя совету Даниеля «держаться», упёрся локтем в стол.

Лицом к ним на расстоянии примерно десяти футов стоял, плотно уперев ноги в грязные половицы, маркиз Равенскар; другой господин, ещё более роскошно одетый, висел рядом, уцепившись обеими руками за низкую потолочную балку; его щегольские башмаки раскачивались всего в нескольких дюймах от пола.

Поймав взгляд Даппы, господин разжал руки и с гортанным: «Хух!» спружинил на ноги. Он опустился почти в полуприсед, так что панталоны в паху угрожающе затрещали, и, пригнувшись, свесил руки с подогнутыми пальцами к самому полу. Ещё раз убедившись, что завладел вниманием Даппы, он заковылял к маркизу Равенскару, который стоял неподвижно, словно звезда на небосводе, скривив лицо в вымученной улыбке.

Титул покусал губы, вытянул их вперёд, насколько мог, и, поминутно оглядываясь на Даппу, с негромкими возгласами: «Хух! Хух!» двинулся в обход Равенскара. Сделав полный круг, он прошаркал ближе, так что почти упёрся физиономией маркизу в плечо, и принялся тянуть носом воздух, поводя головою из стороны в сторону. Видимо, он приметил что-то в Роджеровом парике,

потому что поднял правую руку от пола, запустил её в густые фальшивые локоны, вытащил что-то маленькое, осмотрел, хорошенько обнюхал, сунул себе в рот и громко зачавкал. Потом, на случай если Даппа отвлёкся и не всё разглядел, Титул повторил представление ещё раз пять, пока Роджер, потеряв терпение, не бросил: «Да хватит уж!» — сопроводив свои слова раздражённым взмахом руки.

Титул отскочил подальше, упёрся костяшками пальцев в пол и принялся жалобно верещать (насколько для члена палаты лордов возможно изобразить такой звук), затем подпрыгнул и снова уцепился за балку. Пыль посыпалась на белый парик, превратив его в серый. Лорд чихнул — весьма неудачно, поскольку в носу у него была понюшка. Красновато-бурая сопля вылетела из ноздри и повисла на подбородке.

В клубе «Кит-Кэт» воцарилась монастырская тишина. Присутствовали человек тридцать, если не сорок, при обычных обстоятельствах склонные видеть смешное почти во всём. Редкая минута в клубе проходила без того, чтобы разговоры утонули в гомерическом хохоте из-за ближнего или дальнего стола. Однако кривлянья Титула настолько не лезли ни в какие ворота, что никто

даже не прыснул. Даниель, воображавший, что многолюдство и гомон создают для них с Даппой хоть некое подобие приватности, окончательно почувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение.

Лорд Равенскар вразвалку двинулся к Даппе. Титул спрыгнул с балки и принялся утираться вышитым кружевным платком. После того как Роджер сделал несколько шагов, Титул, втянув голову в плечи, двинулся следом.

— Доктор Уотерхауз, мистер Даппа, — важно проговорил Роджер. — Я чрезвычайно счастлив снова вас лицезреть.

— Взаимно, — коротко отвечал Даниель, поскольку Даппа временно утратил дар речи.

Остальные члены клуба неуверенно возвращались к прерванным разговорам.

— Надеюсь, вы не сочтёте неучтивостью, если я не стану искать у вас в голове, как милорд Регби сейчас искал в моих волосах.

— Это даже не мои волосы, Роджер.

— Позвольте представить вам, Даппа, и заново представить вам, Даниель, милорда Уолтера Релея Уотерхауза Уима, виконта Регби, ректора Сканка, члена парламента и Королевского общества.

— Здравствуйте, дядя Даниель! — воскликнул Титул, внезапно выпрямляясь. — Как остроумно было нарядить его в костюм! Это вы придумали?

Даппа покосился на Даниеля.

— Я забыл упомянуть, что он мой двоюродный внучатый племянник или что-то в таком роде, — пояснил Даниель, прикрывая рот рукой.

— С кем вы говорите, дядя? — полюбопытствовал Титул, глядя сквозь Даппу, затем, пожав плечами, задал свой следующий вопрос: — Как вы думаете, моё представление подействовало? Я столько всего прочёл, пока к нему готовился.

— Не знаю, Уолли. — Даниель взглянул на Даппу, который так и застыл со скошенными глазами. — Даппа, поняли ли вы из увиденного, что милорд Регби — обезьяна из стаи маркиза Равенскара и полностью признаёт его доминирующую роль?

— С кем вы говорите? — повторил Титул и продолжил озабоченно: — Я всё ещё волнуюсь. Может быть, мне надо было шкуру одеть?

– *Надеть!* — поправил Даппа.

Титул несколько мгновений молчал, раскрыв рот. Роджер и Даниель безмолвно умирали со смеху. Затем Титул поднял руку, наставил палец на Даппу, словно пистолетное дуло, и повернулся

к Даниелю. Рот он так и не закрыл.

— Чего вы не знаете, дорогой племянник, — сказал Даниель, — так это что Даппу в очень юном возрасте взяли себе пираты вместо обезьянки. Будучи представителями самых разных народов, они для забавы научили его бегло говорить на двадцати пяти языках.

— На двадцати пяти! — воскликнул Титул.

— Да. Включая лучший английский, чем у вас, как вы только что слышали.

— Но… на самом деле он ни одного из них не понимает, — проговорил Титул.

— Разумеется. Как попугай, который выкрикивает человеческие слова, чтобы заслужить печенье, — подтвердил Даниель и тут же выкрикнул не вполне человеческое слово, поскольку Даппа под столом пнул его ногой в щиколотку.

— Поразительно! Вам надо показывать его публике!

— А что я, по-вашему, сейчас делаю?

– *Какая вчера была погода?* — спросил Титул у Даппы по-французски.

– *Утро выдалось сырым и пасмурным,* — отвечал Даппа. — *К полудню немного прояснилось, но, увы, к вечеру небо снова затянули тучи. Только укладываясь спать, я заметил в просветах*

между облаков первые звёздочки. Не угостите ли печеньем?

— Ну надо же! Пират-француз, научивший его этому трюку, наверняка был человек образованный! — восхитился Титул. Лицо у него стало такое, будто он задумался. Даниель за свои почти семьдесят лет научился не ждать много от людей, делающих такое лицо, поскольку мышление — процесс, который должен происходить непрерывно. — Казалось бы, нет смысла вести разговор с человеком, не понимающим собственных слов. Однако он описал вчерашнюю погоду лучше, чем это удалось бы мне! Наверное, я даже использую его слова в завтрашней статье! — Снова задумчивый вид. — Если он способен описать другие свои впечатления — например, тет-а-тет с герцогиней — так же чётко, моё интервью заметно упростится! Я-то думал, что мы будем говорить на языке жестов и фырканья! — И Титул похлопал по записной книжке в заднем кармане панталон.

— Полагаю, когда кто-либо говорит абстрактно — то есть в большинстве случаев, — он на самом деле осуществляет взаимодействие с неким образом, существующим у него в голове, — сказал Даппа. — Например, вчерашней погоды сейчас с нами нет. Я не ощущаю кожей вчерашний

дождь, не вижу глазами вчерашних звёзд. Когда я описываю их вам (на французском или на каком-либо другом языке), я на самом деле вступаю во внутренний диалог с образом, хранящимся у меня в мозгу. Образ этот я могу затребовать, как герцог может приказать, чтобы ему принесли из мансарды ту или иную картину, и, созерцая мысленным взором, описать в любых подробностях.

— Прекрасно, что ты можешь вытащить и описать всё, что хранится в твоей мансарде, — сказал Титул. — Поэтому я могу спросить, как выглядела сегодня герцогиня Йглмская, и доверять твоему ответу. Однако, поскольку ты не понимал разговора, который вёл с ней, как не понимаешь сейчас нашего, любые твои суждения о том, что произошло в Лестер-хаузе, будут далеки от истины. — Он говорил сбивчиво, не зная, как общаться с человеком, не разумеющим собственных слов.

Воспользовавшись короткой паузой, Даниель спросил:

— Как может он судить о том, чего не понимает?

Титул снова растерялся. Повисло неловкое молчание.

— Я сошлюсь на труды Спинозы, — сказал Даппа, — написавшего в своей «Этике» (хотя для

меня, конечно, это всё — пустой набор звуков): «Порядок и связь идей таковы же, как порядок и связь вещей». Это означает, что если две вещи — назовём их А и Б — неким образом соотносятся, как, например, парик милорда Регби и голова милорда Регби, и в мозгу у меня существует идея парика милорда Регби, назовём её альфа, и головы милорда Регби, назовём её бета, то соотношение между альфой и бетой такое же, как между А и Б. И благодаря этому свойству разума я могу выстроить в мозгу вселенную идей, которые будут соотноситься между собой так же, как вещи, им соответствующие; и вот я создаю целый микрокосм, ни бельмеса в нём не понимая. Некоторые идеи — впечатления, доставляемые органами чувств, как вчерашняя погода. Другие могут быть абстрактными понятиями религии, математики, философии или чего угодно — мне это, разумеется, невдомёк, поскольку для меня они — бессвязный набор галлюцинаций. Однако все они — идеи, а следовательно, обладают единой природой, все смешаны и переплавлены в одном тигле, и я могу рассуждать о теореме Пифагора или об Утрехтском мире не хуже, чем о вчерашней погоде. Для меня они ничто — как и вы, милорд Регби.

— Ясно, — неуверенно проговорил Титул, у которого глаза начали стекленеть примерно тогда, когда Даппа прибег к греческому алфавиту. — Скажи, Даппа, были на твоём корабле пираты-немцы?

— Носители верхненемецкого или *Hochdeutch?* Увы, среди пиратов они редки, ибо немцы боятся воды и любят порядок. На корабле преобладали голландцы, однако у них был пленник, которого держали скованным в самой нижней части трюма, баварский дипломат. Он-то и научил меня этому языку.

— Превосходно! — Титул достал записную книжку и принялся листать изрисованные странички. — Вот, Даппа, ты, наверное, не знаешь, что мы, англичане, живём на чём-то вроде песчаной отмели. Ты видел такие на своих африканских реках, только наша гораздо больше и на ней нет крокодилов… — Он продемонстрировал набросок.

— Мы называем это островом, — подсказал маркиз Равенскар.

— Есть большая-большая холодная солёная река. — Титул развёл руки. — Гораздо шире, чем от моей записной книжки до карандаша, и она отделяет нас от места, называемого Европой, где

живут плохие-плохие обезьяны. В своей системе умственных идей ты можешь воображать их множеством обезьяньих стай, которые вечно швыряют друг в друга камни.

— Иногда мы пересекаем солёную реку на таких штуках, вроде выдолбленных брёвен, только гораздо больше, — вставил маркиз Равенскар, входя во вкус. — И тоже швыряем несколько камней, чтобы не разучиться.

Он подмигнул Даппе, который только яростно зыркнул в ответ.

— За большой-большой рекой живёт очень рослая и сильная горилла, белоспинный вожак, которого мы боимся.

Даппа вздохнул, чувствуя, что испытание не кончится никогда.

— Кажется, я видел его изображение на французских монетах. Его зовут Людовик.

— Да! У него больше всех бананов, больше обезьян в стаде, и он очень долго бросал в нас камни.

— Наверное, это было весьма неприятно, — проговорил Даппа без особого сочувствия.

— О да, — ответил Титул. — Но у нас есть свой вожак, огромный белоспинный самец, который очень метко бросает камни, и он несколько лун

назад загнал Людовика на дерево! И теперь наша стая, здесь, на песчаной отмели, никак не решит, почитать нам нашего белоспинного самца как бога или бояться как чёрта. Так вот, у нас есть большая поляна в джунглях, не очень далеко отсюда. Мы ходим туда, чтобы выразить почтение некой белоспинной самке, довольно хилой. Там мы бьём себя в грудь и швыряем друг в друга какашки!

— Фу! А я только хотел сказать, что не прочь посмотреть на вашу поляну.

— Да, зрелище неприглядное, — вставил Роджер, которому сравнение явно пришлось не по вкусу. — Но мы считаем, что лучше бросаться какашками, чем камнями.

— Вы швыряете какашки, милорд Регби? — спросил Даппа.

— Это мой хлеб! — Титул помахал записной книжкой. — А вот орудие, которым я соскребаю их с земли.

— Позвольте узнать, чем так замечательна ваша белоспинная самка, что ради её внимания вы готовы угодить под шквал экскрементов?

— У неё наша Главная палка, — объявил Титул, считая, что пояснений не требуется. — Итак, к делу. За милости старой белоспинной самки

борются два стада. Вожак одного сейчас перед тобой. — Он указал на Роджера, который учтиво поклонился. — Увы, нас отогнали к краю поляны самым долгим и неослабным градом какашек за всю историю джунглей, и сильного-сильного белоспинного вожака, о котором я говорил раньше, едва не похоронили под ними. Ему пришлось бежать за холодную солёную реку в место под названием Антверпен, где он может хоть иногда спокойно посидеть и скушать банан, не рискуя получить в физиономию горсть дерьма. И мы, стадо Роджера, ужасно хотим знать, вернётся ли из-за реки наш белоспинный вожак, и если да, то когда, и не захочется ли ему в таком случае запустить в нас камнем-другим, и не точит ли он зубы на нашу Главную палку.

— А что Людовик? По-прежнему на дереве?

— Людовик наполовину спустился! А с такого расстояния он старческими глазами не видит, чем швыряются обезьяны: камнями или просто какашками. Так или иначе, если он решит, что мы отвлеклись, он, наглая обезьяна, быстренько слезет на землю, а мы этого не хотим.

— Позвольте спросить: зачем вы рассказываете это всё мне, милорд?

— Пленительная особь, у которой ты был сего-

дня, — отвечал Титул, — обворожительнейшая белокурая шимпанзиха, только что приплыла к нам из-за холодной солёной реки, а до того много лун прожила в джунглях, лежащих в той стороне, где каждое утро восходит солнце. Тысячи немецкоговорящих обезьяньих стад сражаются там за отдельные деревья и даже за отдельные ветки. Она приплыла на огромном выдолбленном бревне в обществе нескольких немецкоговорящих особей примерно из тех краёв, где кушает бананы наш белоспинный вожак. К какому стаду она принадлежит? В стране, где она перед тем жила, заправляет ещё одна белоспинная вожачиха, хозяйка нескольких больших деревьев, которая давно зарится на нашу Главную палку. Принадлежит ли твоя знакомая к её стаду? Или она с тем, кто сидит в Антверпене? Или с обоими? Или ни с кем из них?

Теперь глаза начали стекленеть у Даппы. Обмозговав услышанное, он высказал догадку:

— Вы хотите выяснить, не надо ли вам швырнуть несколько какашек в Элизу?

— В точку! — обрадовался Титул. — Этот твой Заноза и впрямь головастый малый!

Перед тем как заговорить, Роджер Комсток принимал такую особенную позу, что все вокруг

замолкали и благоговейно к нему поворачивались. Так произошло и сейчас. Выдержав паузу, маркиз поднял руку с прижатым большим пальцем и снова подмигнул Даппе.

— Четыре доминантные особи. — Вверх пошла другая рука, с двумя выставленными пальцами. — Две палки. Одну мёртвой хваткой держит Людовик. Вторая, по общему мнению, плохо лежит. Итак, рассмотрим четырёх вожаков. — Теперь он держал перед собой обе руки, выставив на каждой по два пальца. — Две самки, два самца, все очень старые, хотя, надо сказать, тот, что в Антверпене, в свои шестьдесят четыре многим даст фору. У немецкой обезьяны есть сынок, неотёсанный гориллище, который, если я что-нибудь в этом смыслю, скоро заграбастает нашу Главную палку. Вожачиха, сейчас заправляющая на нашей песчаной отмели, терпеть не может его мамашу; она начинает визжать и размахивать Главной палкой, как только почует немецкий дух. Соответственно, немецкий самец здесь *persona non grata*. Однако у него тоже есть сын, и нам бы очень хотелось, чтобы он качался на английских деревьях и рвал английские бананы. И…

— Тогда не швыряйте какашки в Элизу, — сказал Даппа.

— Спасибо.

— Может, швырнуть хоть несколько, чтоб не подумали, будто мы в сговоре? — предложил Титул, явно разочарованный таким исходом.

— Думаю, вам стоит поискать у неё в волосах, — отвечал Даппа.

— Спасибо, Даппа, — твёрдо повторил Роджер и, взяв Титула за локоть, повёл его прочь.

— Предвосхищая ваш вопрос, — сказал Даниель, — это был десятибалльный.

ПОЧТИ ВСЮ ПОЕЗДКУ до Крейн-корта Даппа был мрачен и молчал.

— Надеюсь, я не обидел вас, когда так обошёлся с Титулом? — сказал наконец Даниель. — Я не видел никакой другой линии поведения.

— Для вас он просто отдельно взятый идиот, — отвечал Даппа. — Для меня — типичный образчик той категории людей, до которой я должен достучаться своей книгой. И если я выгляжу отрешённым, то не потому, что злюсь на вас, — хотя и не без того. Я спрашиваю себя: есть ли смысл обращаться к таким людям? Или я попусту трачу время?

— Мой племянник просто верит в то, что говорят его знакомые, — заметил Даниель. — Если бы все в клубе «Кит-Кэт» объявили вас королём

Англии, он бы встал на колени и облобызал вам руку.

— Может, и так, но ни мне, ни моему издателю от этого не легче.

— Кстати о вашей издательнице. Ведь вы с герцогиней беседовали только о книготорговле?

— Конечно.

— Она не говорила вам о том, что так заботит вигов?

— Разумеется, не говорила. Не собираетесь ли и вы учинить мне допрос?

— Сознаюсь, меня и впрямь разбирает некоторое любопытство касательно герцогини и её лондонских дел, — сказал Даниель. — Мы с ней общались много лет назад. Недавно она написала, что хотела бы возобновить знакомство. Не думаю, что обязан этим моей внешности или обаянию.

Даппа не ответил. Некоторое время они ехали в молчании. Даниель чувствовал, что его слова ещё больше встревожили собеседника.

— Очень ли большие затруднения возникнут для вас, если вы последуете моему совету и не станете разгружать запасные листы обшивки?

— Нам потребуется заём — с оплатой золотом по возвращении.

— Я что-нибудь устрою, — отвечал Даниель.

В тусклом свете, проникающем в карету с улицы, он видел, как взгляд Даппы метнулся к окну. Несложно было прочитать его мысль: до чего мы докатились, если вынуждены обращаться за деньгами к престарелому учёному!

ДАНИЕЛЬ РЕШИЛ НАПОСЛЕДОК размять ноги, поэтому велел кучеру остановиться у въезда в Крейн-корт, а не втискиваться в арку и не везти его до самой двери. Он распрощался с Даппой и на плохо гнущихся ногах заковылял к сводчатому проходу. Кучер подождал немного, глядя ему вслед. Однако в Крейн-корте вряд ли могли засесть грабители — из такого каменного мешка не убежишь, если жертва успеет поднять крик. Кучер тронул поводья, и экипаж загрохотал прочь, увозя Даппу к пристани Белых братьев, где тому предстояло нанять лодочника, чтобы добраться до «Минервы».

Даниель остался один в привычном пространстве Крейн-корта, и тут его настигла ужасная мысль.

Позади был воистину долгий день: поездка в Клеркенуэлл, собрание в склепе храмовников, затем — Хокли-в-яме и знакомство с Питером Хокстоном (он же Сатурн), короткое отдохновение в обществе Катерины Бартон и давно висевшая

над ним дамокловым мечом встреча с её дядюшкой, а напоследок — клуб «Кит-Кэт». Слишком много нитей, слишком много информации для неповоротливых старческих мозгов. По дороге от Флит-стрит до здания Королевского общества можно было обдумывать любое из событий прошедшего дня, но мыслями Даниеля полностью завладел Исааков портшез.

За мгновения до взрыва на том самом месте, где Даниель только что вышел из наёмного экипажа — перед аркой, ведущей из Крейн-корта на Флит-стрит, — остановился чёрный портшез.

Сегодня путь Даниелю почти загородила повозка золотаря, которого позвали вычерпать нужник в одном из домов. Даниель хотел обойти её как можно дальше, чтобы его случайно не забрызгало нечистотами, но в последний миг обернулся и посмотрел на арку. Наполненные ворванью уличные фонари на Флит-стрит струили золотистый свет, как и тогда.

В тот воскресный вечер таинственный портшез замер точно в середине проёма, словно чёрная дверь в арке света. Он следовал за ними до въезда в Крейн-корт, здесь помедлил, дожидаясь взрыва (во всяком случае, так это выглядело), после чего скрылся в направлении, оставшемся неизвест-

ным из-за прискорбного эпизода с дозорным.

Сегодня Исаак высказался в том смысле, что был потрясён, увидев Даниеля путешествующим в обществе мистера Тредера. Трактовать его слова можно было по-разному, в том числе и буквально: Исаак видел их обоих в карете мистера Тредера.

Коли так, это могло случиться только у Флитской канавы за минуты до взрыва. Допустим, в портшезе был Исаак. Допустим, встреча произошла по чистому совпадению. Допустим, Исаак возвращался к себе домой после какого-то дела — и впрямь очень странного и подозрительного — на правом берегу Флитской канавы. Тогда зачем он остановился у въезда в Крейн-корт?

Даниель вновь поглядел на арку, пытаясь вернуть ускользающее воспоминание.

Однако увидел он не запечатленный в памяти портшез, а тень; она отделилась от арки и метнулась через открытое пространство. Кто-то прятался там и теперь выскользнул на Флит-стрит. Через мгновение по мостовой зацокали подковы. Значит, кто-то, спешившись, тихо подвёл коня к арке, чтобы оттуда следить за Даниелем. Вероятно, он потерял Даниеля в тени от повозки золотаря и решил, что на сегодня достаточно.

Даниель упустил нить рассуждений касательно портшеза. Он повернулся и быстро зашагал прочь, торопясь оставить позади аммиачное облако, окружавшее бочку золотаря. Его ничуть не удивил звук шагов за спиной.

— Вы тот сыч, которого Сатурн зовёт доком? — спросил подросток. — Не давайте стрекача, я не борзый.

Даниель подумал было сбавить шаг, но решил, что мальчишка вполне может идти с ним в одном темпе.

— Ты из подполья? — устало спросил он.

— Нет, док, но всё равно рою землю.

— Отлично.

— Тогда это вам. — Мальчишка сунул Даниелю свёрнутый в полоску листок бумаги, очень белый по сравнению с его грязной рукой, отбежал назад и запрыгнул на бочку золотаря, на которой приехал.

— Часики у вас хороши, приглядывайте за ними в оба! — крикнул он напоследок.

Анри Арланк, отворивший дверь на стук, принял у Даниеля шляпу и трость.

— Для меня большая честь — стать секретарём вашего клуба, сэр, — проговорил он. — Я как раз переписываю набело сегодняшний протокол.

— У вас отлично получится, — заверил Даниель. — Если бы ещё наш клуб собирался в уютном месте с едой и выпивкой.

— Для этого у меня есть Королевское общество, доктор.

— Но вы не его секретарь.

— А что, я бы справился. Если дело секретаря — записывать, кто пришёл, кто ушёл, что делали и что говорили, то это всё здесь. — Арланк, странно разговорчивый сегодня вечером, указал на свою голову. — Что вы на меня так смотрите, доктор?

— Мне пришла мысль.

— Велите принести перо и бумагу?

— Нет, спасибо, я сохраню её здесь. — Даниель, повторяя жест Арланка, поднёс палец к голове. — Не случалось ли сэру Исааку приезжать сюда воскресным вечером в портшезе?

— Да сколько раз! Здесь у него всегда много срочных дел. В будни он занят на Монетном дворе, а когда заглядывает сюда, все лезут с разговорами. Вот он придумал приезжать поздно вечером в воскресенье, когда тут только я и мадам, а мы-то понимаем, что его нельзя беспокоить. Он обычно работает допоздна, иногда до самого утра понедельника.

— И никто к нему сюда не заглядывает?

— Нет, конечно. Никто не знает, что он здесь.

— Кроме вас, мадам Арланк и его слуг.

— Я хотел сказать: никто из тех, кто осмелится ему докучать.

— Разумеется.

— А почему вы спросили, доктор? — Вопрос из уст привратника дерзкий и неожиданный.

— Я вроде бы видел следы его пребывания здесь воскресными вечерами и хотел знать, не померещилось ли мне.

— Нет, вам не померещилось, доктор. Помочь вам подняться по лестнице?

Док!

Если Вы читаете это послание, значит, мальчишка Вас нашёл. На всякий случай советую проверить карманы и прочая.

Сообщаю, что мой представитель в следующий четверг встретится на официальном чаепитии со знакомым знакомого мистера Тича и наведёт справки.

Я посетил Вашу дыру в земле и спугнул двух молодчиков, которые забрались туда не ради обычной цели, сиречь мужеложства. Полагаю, они приняли меня за призрак рыцаря-тамплиера, из чего могу сделать вывод, что они люди образованные.

Сатурн

Сатурн!

Благодарю за усердие, ничего другого я от часовщика не ждал.

Допустим, что я наскрёб небольшое количество жёлтого металла; нашлись бы среди Ваших знакомых люди из числа тех, кого может заинтересовать такая покупка? Особо Вам неприятные. Я спрашиваю из чисто научного интереса по просьбе видного натурфилософа.

Д-р Уотерхауз

Исаак!

Я не вижу лучшего способа отблагодарить Вас за сегодняшнее гостеприимство, чем почтительно довести до Вашего сведения, что, возможно, некто пытается Вас взорвать. Кто бы это ни был, он очень хорошо знает Ваши привычки. Подумайте над возможностью их разнообразить.

Ваш преданный и покорный слуга

Даниель

P. S. Касательно другой темы нашего разговора я навожу справки.

Крейн-корт, Лондон

22 апреля 1714

Даниель и Сатурн в шалмане

…тогда как здесь и бренди, и вино, и прочие наши напитки – эль, пиво тёмное и светлое, пунш и прочая – пьются чрез меру и до такой степени, что становятся ядом и для нашего здоровья, и для нашей морали, губительным для тела, для нравственных устоев и даже для разумения; мы каждодневно видим, как люди, крепкие телесно, пьянством загоняют себя в гроб, и, что ещё хуже, люди, крепкие разумом, доводят себя до отупения и потери рассудка.

Даниель Дефо, «План английской торговли»

ТОЧНО ПОСЕРЕДИНЕ КРЕЙН-КОРТА текла сточная канава: робкая попытка извлечь из силы тяжести хоть какой-нибудь прок. Уклон был так мал, что на выходе к Флит-стрит Даниель нагнал огрызок от яблока, которое съел четверть часа назад, дожидаясь Сатурна у дверей Королевского общества.

Питер Хокстон едва не заполнил собой арку. Руки он засунул в карманы, локти расставил, став похож на планету Сатурн, как видят её астр***о***номы, и курил глиняную трубку с отбитым чубуком

не длиннее дюйма. Когда Даниель подошёл ближе, Сатурн вынул её изо рта и вытряс в канаву; потом застыл, склонив голову, как будто ему ни с того ни с сего взбрело на ум помолиться.

— Смотрите! — были его первые слова Даниелю. — Смотрите, что течёт в вашей сточной канаве!

Даниель встал рядом с ним и посмотрел вниз. Там, где крейн-кортская канава проходила между ногами Сатурна, земля когда-то просела, образовав ямку. На самом дне сетка трещин между камнями была прорисована блестящими линиями жидкого серебра.

— Ртуть, — сказал Даниель. — Из лаборатории Королевского общества, наверное.

— Укажите на него! — попросил Сатурн, по-прежнему разглядывая рисунок трещин.

— Прошу прощения?

— Укажите на Королевское общество и сделайте вид, будто отпустили какое-то замечание по его поводу.

Даниель неуверенно повернулся и указал в центр Крейн-корта, хотя никакого замечания так и не отпустил. Сатурн несколько мгновений смотрел, затем быстрым шагом вышел на Флит-стрит.

Даниель еле догнал его в толпе. Церковные колокола несколько минут назад пробили шесть. На Флит-стрит было очень людно.

— Я думал, вы возьмёте экипаж, — сказал Даниель в надежде, что разговор заставит Хокстона сбавить шаг. — Я написал, что возмещу все расходы…

— Нет надобности, — бросил Сатурн через плечо. — Это в двух сотнях шагов отсюда.

Он шёл на восток по Флит, высматривая просветы между всадниками, каретами и телегами справа, а то и ныряя в них, видимо, с конечной целью оказаться на южной стороне.

— Вы сказали, что это рядом, — заметил Даниель. — Трудно поверить, что заведение такого рода может располагаться так близко от… от…

— От заведения вроде Королевского общества? Ничего странного, док. Улицы Лондона подобны книжным полкам, на которых авантюрный роман соседствует с Библией.

— А зачем вы просили, чтобы я указал на Королевское общество?

— Чтобы я мог на него посмотреть.

— Вот уж не думал, что на это надобно дозволение.

— Вы вращаетесь среди натурфилософов, кото-

рые привыкли на всё смотреть без спроса. Здесь есть некая дерзость, которую вы не осознаете. В иной среде дозволение необходимо. И хорошо, что мы завели этот разговор по пути к закоулку Висящего меча. Ибо там, куда мы идём, определённо ни на что без спроса глазеть нельзя.

— Тогда я буду смотреть только вам в рот, мистер Хокстон.

Они дошли уже почти до Уотер-лейн. Сатурн свернул в неё, как если бы направлялся к доку Белых братьев на Темзе. Широкая и прямая Уотер-лейн разделяла два района запутанных кривых улочек. Справа — окрестности Темпла. Типичный обитатель — стряпчий. Слева — приход святой Бригитты, Сент-Брайдс. Типичный обитатель — женщина, которую задержали за проституцию, воровство или бродяжничество и отправили трепать пеньку. В минуты особой ненависти к человечеству Даниель говорил себе, что устроить свальный грех прямо посреди Уотер-лейн жителям правой и левой стороны мешает лишь непрерывный поток золотарей, тянущихся к набережной, запах которой ощущался уже здесь.

После Пожара Уотер-лейн застроили домами, дававшими случайному пешеходу полное и правдивое представление о том, что ***о*** за ними. Всякий

раз, идя этим путём к реке, Даниель держался правой стороны, той, что ближе к Темплу. Слегка осмелев в окружении хорошо одетых клерков и честного вида здоровяков-торговцев, он позволял себе осуждающе взглянуть на другую сторону улицы.

Здесь между неким ломбардом и неким трактиром дырой от гнилого зуба чернел прогал. Даниелю всегда думалось, что Роберт Гук, который в приличных районах выполнял обязанности городского землемера безупречно, тут обсчитался, увлекшись какой-нибудь брайдуэллской красоткой. Разглядывая людей, выходивших из прогала или нырявших в него, Даниель иногда пытался вообразить, что будет, если туда войти, — так семилетний мальчик гадает, что будет, если провалишься в дыру нужника.

Сатурн, выйдя на Уотер-лейн, сразу взял влево, и Даниель, никогда не видевший улицу под этим углом, потерял ориентацию. Гуляющие, нюхающие табак стряпчие по другую сторону выглядели глуповатыми.

Через несколько шагов Сатурн свернул в узкий тёмный проулок, и Даниель, больше всего боясь отстать, поспешил за ним. Только углубившись туда шагов на десять, он посмел обернуться на

далёкие яркие фасады по другую сторону Уотер-лейн и понял, что они вступили в тот самый прогал.

Движения его правильнее всего будет назвать суетливыми. Он старался идти рядом с Сатурном и, подражая своему провожатому, ни на что не смотреть прямо. Если лабиринт улочек был и впрямь так ужасен, как всегда чудилось Даниелю, то ужасы эти ускользнули от его взгляда, а при той скорости, с какой шагал Сатурн, любой преследователь должен был остаться позади. Даниелю виделась длинная череда душителей и убийц, которые бегут за ними, отдуваясь и согнувшись от колотья в боку.

— Полагаю, это какие-то сети? — спросил Питер Хокстон.

— В смысле козни… ловушка… западня… — ахнул Даниель. — Я в таком же неведении, как и вы.

— Говорили ли вы кому-нибудь, когда и куда мы идём?

— Я сообщил место и время встречи, — отвечал Даниель.

— Тогда это сети. — Сатурн шагнул вбок и, не постучав, протиснулся в дверь.

Даниель, на какой-то лихорадочный миг остав-

шись один в закоулке Висящего меча, припустил за ним и не останавливался, пока не оказался рядом с Питером Хокстоном перед камином заведения.

Питер Хокстон совком подбросил угля туда, где некоторое время назад, судя по некоторым признакам, теплился огонь. В комнате и без того было душно, так что на место у очага никто не претендовал.

— А здесь совсем не так ужасно, — осмелился выговорить Даниель.

Сатурн отыскал мехи, взял их за ручки и осмотрел придирчивым взглядом механика. Потом надавил: струя воздуха отбросила длинные чёрные пряди с его лица. Он нацелился на кучку угля и начал двигать ручки вверх-вниз, словно мехи — летательный аппарат, посредством которого Питер Хокстон хочет оторваться от земли.

Памятуя его наставления, Даниель педантично избегал на что-либо смотреть. Однако душный, а теперь и дымный воздух заведения был обильно сдобрен женскими голосами. Даниель невольно обернулся на взрыв женского смеха из дальнего угла комнаты. Он успел заметить много старой разномастной мебели, не расставленной по определённой системе, а размётанной туда-сюда

движением входящих и выходящих. Десятка два посетителей (мужчин и женщин примерно поровну) сидели парами или небольшими компаниями. Большое окно в дальнем конце выходило на какое-то открытое пространство, вероятно, на Солсбери-сквер в центре Сент-Брайдса. Точно сказать было нельзя, поскольку его скрывали занавески, довольно хорошего кружева, но чересчур большие и побуревшие от табачного дыма до цвета корабельной пеньки. Даниель с замиранием сердца осознал, что они, скорее всего, украдены средь бела дня с чьего-то открытого окна. На этом светло-буром фоне вырисовывались три женщины: две худые и молоденькие, третья — постарше и попышнее. Она курила трубку.

Даниель заставил себя вновь перевести взгляд на Сатурна. Однако он успел краем глаза заметить, что публика в трактире — самая разная. Джентльмен за одним из столов ничуть не выделялся бы среди гуляющих на Сент-Джеймс-сквер, кое-кто больше походил на завсегдатаев Хокли-в-яме.

Своими усилиями Сатурн сумел выжать из кучи угля и золы свет, но не жар. Впрочем, жар и не требовался. Судя по всему, Сатурн просто искал, чем занять руки.

— Сколько дам! — заметил Даниель.

— Мы зовём их *бабёнками*, — бросил Сатурн. — Надеюсь, вы не таращились на них, как какой-нибудь клятый натурфилософ на коллекцию букашек.

— Мы зовём их *насекомыми*, — парировал Даниель.

Сатурн чинно кивнул.

— Даже не *таращась*, — продолжал Даниель, — я вижу, что здесь хоть и не совсем чисто, но и не гадко.

— В некотором смысле преступники любят порядок даже больше, чем судьи, — отвечал Сатурн.

Тут в комнату вбежал запыхавшийся мальчишка и принялся оглядывать сидящих. Он сразу приметил Сатурна и весело двинулся к нему, готовясь вытащить что-то из кармана, однако Питер Хокстон, видимо, подал какой-то знак взглядом или жестом, потому что мальчишка круто повернул в другую сторону.

— Малый, укравший ваши часы и убежавший с ними, действовал не из желания вас огорчить. Им двигало разумное ожидание прибыли. Когда вы видите, как стригут овец, вы можете догадаться, что где-то неподалёку есть пряльня; когда вам об-

чищают карманы, вы знаете, что на расстоянии короткой пробежки есть такой вот шалман.

— Однако обстановка здесь почти как в кофейне.

— Да. Те, кто склонен порицать такого рода заведения, усмотрели бы предосудительность в самом этом сходстве.

— Впрочем, должен признать, что пахнет здесь не столько кофе, сколько дешёвой можжевеловой настойкой.

— Мы в таких местах называем её джином. Джин-то меня и губит, — лаконично пояснил Сатурн, глядя через плечо на мальчишку, который теперь вёл переговоры с толстым субъектом за угловым столом. Хокстон продолжил внимательно оглядывать помещение.

— Вы нарушаете собственные правила! На что вы смотрите?

— Припоминаю, где тут выходы. Если это и впрямь окажутся сети, я уйду, не откланявшись.

— Нашего покупателя, случаем, не видите? — спросил Даниель.

— Кроме моего коллеги-часовщика в углу и сыча рядом с нами, который пытается выгнать дурную болезнь джином и ртутью, все пришли с компанией, — отвечал Сатурн, — а покупателю я

сказал, что он должен быть один.

— Сычом вы называете старика?

— Да.

Даниель отважился взглянуть на упомянутого сыча. Тот лежал в углу рядом с камином, не дальше, чем на длину шпаги от Даниеля с Сатурном, — помещение было маленькое, столы стояли тесно, и дистанция между компаниями сохранялась лишь благодаря своего рода этикету. Старик казался свёртком одеял и ветхой одежды, из которого с одной стороны торчали бледные руки и лицо. На приступку камина перед собой он примостил глиняную бутыль голландской можжевеловой водки и крошечную фляжку ртути — первый знак, что он сифилитик, поскольку ртуть считалась единственным средством от этой болезни. Догадку подтверждали уродливые изъязвленные вздутия, называемые гуммами, вокруг его рта и глаз.

— Любой разговор, который вы тут услышите, будет пересыпан такими словами, как «сыч», «сети» и прочей музыкой, ибо здесь, как у адвокатов или врачей, чем мудрёнее человек говорит, тем больше его уважают. Ничто так не уронит нас в глазах местной публики, как удобопонятная речь. И всё же, возможно, нам придётся ждать

долго. А я боюсь, что начну пить джин и окажусь рядом с тем сычом. Так что давайте поговорим неудобопонятно о нашей религии.

— Простите?

— Вспомните, док, что вы — мой духовный пастырь, а я — ваш прихожанин. Ваше дело — помочь мне приблизиться к вечной истине через таинство технологии. Вот на такое… — он быстро обвёл глазами комнату, ни на чём не задерживая взгляд, — я не подряжался. Мы должны быть в Клеркенуэлле, мастерить приборы.

— И будем, — заверил Даниель, — как только каменщики, плотники и штукатуры закончат работы вокруг.

— Ждать недолго. Я никогда не видел, чтобы дома возводили в такой спешке, — сказал Сатурн. — Что вы там намерены устроить?

— Читайте газеты, — отвечал Даниель.

— Как прикажете вас понимать?

— Вы сами предложили говорить шифром.

— Я читаю газеты! — обиделся Сатурн.

— Следите ли вы за тем, что происходит в парламенте?

* Георг-Август Ганноверский, будущий король Георг II.

— Много визга и воя по поводу того, чествовать

ли сына нашего будущего короля* в палате лордов или запретить ему въезд в страну.

Даниель хохотнул:

— Уж, наверное, вы — виг, коли так уверено называете Георга-Людвига нашим будущим королём!

— А кто я, по-вашему? — спросил Сатурн, внезапно понижая голос и беспокойно оглядываясь.

— Тори и якобит до мозга костей!

Какое-то время в наступившей тишине слышался лишь смех Даниеля над собственной шуткой. Затем голос:

— Я не потерплю здесь таких разговоров!

Говорил низенький коренастый валлиец с бульдожьей челюстью. Судя по объёмистому чёрному плащу, он только что вошёл с улицы и сейчас направлялся в кухню. Правой рукой он нёс за горлышки несколько пустых бутылок из-под джина, левой сжимал полную. Даниель решил, что малый шутит, поэтому хохотнул ещё разок, однако валлиец наградил его таким взглядом, что Даниель поперхнулся смехом.

Почти все посетители смотрели сейчас на них.

— Тебе как всегда, Сатурн? — спросил валлиец, по-прежнему пристально глядя на Даниеля.

— Лучше скажи ей, Энгус, чтобы сварила нам

кофе. Я что-то последнее время плохо переношу джин, а мой друг и так выпил на бутылку больше, чем следовало.

Энгус повернулся и вышел из комнаты.

— Простите! — воскликнул Даниель. Минуту назад он чувствовал себя на удивление уютно, теперь его охватила такая же паника, как в проулке, даже сильнее.

Старик на полу затрясся в ознобе и попытался улечься поудобнее, однако руки и ноги плохо его слушались.

— Я полагал… — начал Даниель.

— Что слова, которые вы употребили, так же чужды этому месту, как анализ бесконечно малых.

— Какое дело хозяину — ведь это был он? — до моей шутки?

— Если пройдёт слух, что к Энгусу заглядывают такие люди…

— Какие?

* Он же Яков Стюарт, «Претендент», сын покойного бывшего короля Якова II, потенциальный Яков III.

— Такие, которые поклялись, что нашим следующим королём будет не Ганновер, — просипел Сатурн так тихо, что Даниелю пришлось читать

по губам, — а подменыш*, то никто сюда ходить не будет. Тогда эти люди — которым вечно не хватает места, чтобы собираться и плести заговоры, — повалят сюда толпами.

— И что?! — яростно прошептал Даниель. — Здесь и так полно *преступников!*

— А то, что Энгусу это нравится, он непревзойдённый мастер среди поимщиков, — отвечал Сатурн, быстро теряя терпение. — Он умеет ладить и с дозором, и с констеблями, и магистратами. А вот если сюда повадятся сторонники подменыша, то здесь будет притон не только воров, но и государственных изменников. Тогда Энгусу придётся иметь дело с курьерами королевы.

— Поверить не могу, что курьеры королевы сунутся в такое место! — Даже Даниелю хватило ума скорее изобразить название полка движением губ, чем произнести вслух.

— Сунутся, будьте покойны, если тут начнут плести заговоры. И Энгуса повесят не до полного удушения, выпотрошат и четвертуют рядом с какими-нибудь паршивыми виконтами-якобитами. Неправильная смерть для простого поимщика.

— Вы уже его так называли.

— Как?

— Поимщиком.

— Естественно.

— Мне казалось, что поимщик — тот, кто ловит воров и получает награду от королевы. Не… — Тут Даниель осёкся, потому что лицо у Питера Хокстона перекосилось, а голова судорожно задёргалась.

— Вижу я, ты пускаешь мой уголь в трубу! — объявил Энгус, который, избавившись от плаща и бутылок, снова направлялся к Сатурну и Даниелю. За ним на почтительном расстоянии следовала брайдуэллского вида девица с двумя кружками кофе в руках.

— Напротив, помогаю тебе поддерживать огонь, — спокойно отвечал Сатурн, — без всякой, заметь, платы.

— А нечего его было вообще разводить! — возразил Энгус. — Сперва вон тот забулдыга хныкал, чтобы ему позволили согреться, теперь ты снова! Вот ты и плати!

— Заплачу, — сказал Сатурн.

Кофе подали, деньги — несколько медяков, которые Энгус тщательно осмотрел, — перешли из рук в руки.

* Один из английских титулов всё того же Георга-Августа Ганноверского.

— Теперь объясните, зачем мне следить за событиями в парламенте? — спросил Сатурн после того, как оба пригубили кофе. — Какую связь я должен усмотреть между положением герцога Кембриджского* и вашей клеркенуэллской дырой?

— Решительно никакой. Кроме того, что самая громкая и очевидная деятельность парламента может служить ширмой для более тонких махинаций, достойных вашего внимания.

— Это хуже, чем не сказать ничего, — проворчал Сатурн.

Вошёл одинокий гость и сразу начал озираться. Даниель мгновенно понял, что это их покупатель, но не вскочил и не замахал рукой, а, наоборот, вжался в стул, чтобы выгадать время и разглядеть пришельца.

Против света, на фоне занавесок, его вполне можно было принять за джентльмена, ибо он был при шпаге и в парике под шляпой с модно загнутыми полями. Однако, стоя, новый посетитель сутулился, идя — семенил, а приметив что-нибудь — вздрагивал. А когда он подошёл к камину и опустился на стул, с нехарактерным радушием придвинутый Питером Хокстоном, Даниель заметил, что от парика разит конским

волосом, шляпа чересчур мала, а шпага опаснее для своего хозяина, чем для гипотетического врага, — цепляясь за столы и стулья, она всякий раз отскакивала, норовя подставить ему подножку. Дважды он чуть не споткнулся, напомнив Даниелю клоуна на Варфоломеевской ярмарке, вот так же изображавшего потешного джентльмена. Однако самое стремление выглядеть солидно придавало новому гостю некое подобие достоинства и, возможно, котировалось в заведениях подобного рода.

— Мистер Бейнс, доктор Болторот, — произнёс Сатурн. — Доктор, поздоровайтесь с тем, кого мы зовём мистером Бейнсом.

— Доктор Болторот, для меня в равной мере приятно и лестно с вами познакомиться, — сказал новоприбывший.

— Здравствуйте, мистер Бейнс, — отвечал Даниель.

— Вы не из тех Болторотов, что владеют Болторотским з***а***мком?

Даниель понятия не имел, как на это отвечать.

— Док из очень старой семьи гербоносных йоменов Болторотского края, — с лёгким раздражением объявил Сатурн.

— Ах, возможно, наши предки были знако-

мы! — воскликнул мистер Бейнс, похлопывая по эфесу шпаги. — Ибо я почти уверен, что Болторотское аббатство граничит с приходом, откуда…

— Имя вымышленное, — рявкнул Сатурн.

— Ну конечно, это очевидно, я же не ребёнок! Я просто хотел немножко его взбодрить.

— Не вышло. Давайте перейдём к рыжью, а взбодримся на воздухе, как покончим.

Сказанные настоящему джентльмену, эти слова спровоцировали бы дуэль. Даниель не на шутку опешил, однако мистер Бейнс мгновенно оправился и продолжил уже совершенно другим тоном:

— Отлично.

— Вы понимаете, что речь о крупной ставке?

— Упоминался большой вес, но это ничего не говорит мне об истинном содержании рыжья, пока не взята проба.

— И какого же размера пробу вы намерены взять? — с иронией осведомился Сатурн.

— Достаточную, чтобы оправдать мои хлопоты.

— Какое бы количество вы ни проверили — допуская, что вы и впрямь станете это делать, — вы убедитесь, что док не финтит. Содержание такое, какое только можно получить в тигле. И что

тогда?

— Сделка, — осторожно отвечал Бейнс.

— Когда я последний раз вёл с вами дела, мистер Бейнс, вы были не в состоянии приобрести такую партию рыжья, какой располагает доктор Болторот. Судя по парику, ваше благосостояние с тех пор не изменилось.

— Питер Хокстон! Я знаю вашу историю лучше, чем вы — мою! Кто вы такой, чтобы меня порочить?!

Даниель почти не следил за разговором, так ошеломила его мимика мистера Бейнса. Однако примерно к этому времени он подобрал объяснение наблюдаемому феномену: у мистера Бейнса были деревянные вставные зубы, вырезанные под куда больший рот. Они постоянно норовили выскочить, и когда это происходило, у мистера Бейнса становился странно-лошадиный вид. Ему приходилось одновременно произносить слова и удерживать во рту искусственные зубы. Говорил он медленно, рублеными фразами, поскольку в конце каждой должен был поймать цепкими губами ускользающую челюсть и вернуть беглянку на место.

Усилие, затраченное на то, чтобы бросить упрёк Сатурну (не говоря уже о сопутствующем риске),

само по себе придало сказанному вес. Питер Хокстон резко выпрямился на стуле и запустил пальцы в чёрную шевелюру.

Разделавшись с возражениями, мистер Бейнс продолжал:

— Допустим, у кого-то и впрямь есть ресурсы… — (очень сложное для… произнесения… слово, требующее хватательных усилий губ и языка), — для сделки в масштабах, предлагаемых доктором Болторотом, — пришёл бы он сюда встречаться с *незнакомцем?* Думаю, нет! Он бы передал дело подручному, который в свою очередь обратился бы к доверенному посреднику.

Сатурн ухмыльнулся, отчего его небритое лицо стало ещё мрачнее, и покачал головой.

— Все мы знаем, что в стране есть только один монетчик, способный действовать в таких масштабах. Не вздрагивайте, я не собираюсь называть его вслух. Вы хотите нас уверить, будто представляете кого-то из его окружения?

— Большого однорукого иностранца, — отвечал мистер Бейнс.

Непростительная ошибка. До сих пор мистер Бейнс держался относительно прилично, однако сболтнуть такое было моветоном, и он это знал.

— Как видите, я не боюсь сообщать подобные

сведения, поскольку уверен, что он будет действовать только через меня.

Док и Сатурн важно кивнули, но мистер Бейнс понимал, что сел в лужу, хоть и не желал этого признавать.

Старик-сифилитик, который долгое время казался мёртвым, с самого появления мистера Бейнса ворочался в своём углу. Даниель объяснял это тем, что они передвинули стулья, загородив несчастному камин, откуда шло хоть какое-то тепло. Теперь, судя по звукам, старик пытался сесть. Даниелю не было нужды смотреть через плечо — увидев перекошенное лицо Сатурна, он понял, что надо встать и посторониться.

Как большинство членов Королевского общества, Даниель знал, что сифилис и проказа — разные болезни, передаваемые разными путями. Почти все остальные считали их за одну болезнь и шарахались от сифилитиков, как от прокажённых. Это объясняло поведение Сатурна. Однако и Даниель, даром что член К. О., повёл себя, как последний невежественный обыватель: отпрыгнул от старика, который пробирался к камину, таща за собой ворох грязных одеял. Он двигался судорожно, будто его жалили осы, приволакивая одну ногу; левая рука висела как плеть.

Достигнув цели, старик съёжился, полностью заслонив свет горящих углей, подался вперёд и начал растирать парализованную руку здоровой. Седые лохмы упали бы в огонь, если бы он, или кто-то другой, не обвязал их подобием тюрбана.

— Вопросы, которые задаст мне иностранный джентльмен, несложно предугадать, — заметил мистер Бейнс.

— Конечно, — отвечал Сатурн. — Рыжьё из Америки.

— Поскольку доктор Болторот недавно прибыл из Бостона, никто и не предполагал, что оно из *Гвинеи,* — ядовито проговорил мистер Бейнс. — Иностранный джентльмен захочет знать, объявились ли на берегах реки Чарльз богатые золотые жилы? Поскольку, ежели так…

— Если иностранный джентльмен и впрямь представляет того монетчика, о котором мы с вами думаем, то он человек занятой, не склонный выслушивать длинные повести о пиратских приключениях в Испанской Америке, — объявил Сатурн. — Разве не довольно ему знать, что это и впрямь рыжьё? Ибо тем оно и хорошо, что смешается в тигле с другим рыжьём, а где его добыли — не суть важно.

— Иностранный джентльмен считает, что

важно, более того, он весьма чуток к любым неувязкам в изложении. В его мире, где коммерция, по необходимости, неофициальна и малоупорядоченна, единственный способ завоевать доверие контрагента — это рассказать связную повесть.

— Здесь мистер Бейнс прав, — заметил Сатурн Даниелю. — Люди такого сорта — самые взыскательные литературные критики.

— Не будет убедительной истории — не будет доверия, а значит, и сделки. Я здесь, чтобы апробировать не ваше рыжьё, а ваш рассказ; если я не принесу сегодня захватывающую пиратскую повесть, то разговор окончен.

Со стороны камина раздался странный звук, как будто на уголья бросили пригоршню пыли. Даниель обернулся и увидел, что старик яростно трёт глаза и рот. Может быть, от дыма у него защипало в носу и зачесались болячки. Огонь разгорелся, но сильно чадил; по счастью, дым, очень густой и какой-то красноватый, быстро уходил в трубу.

Даниель перенёс внимание с непонятного старика на более насущное: мистера Бейнса (который по-прежнему что-то вещал про иностранного джентльмена) и пустой стул.

Даниель мотнул головой и посмотрел снова: стул и впрямь был пуст.

Мистер Бейнс только сейчас понял, что Сатурн исчез. Они с Даниелем принялись оглядывать комнату, полагая, что их собеседник встал размять ноги или отнести пустую кружку.

За окном смеркалось, но даже в полутьме было видно, что Питера Хокстона здесь нет.

Что-то заслонило сумеречный свет с улицы. Женщины, сидевшие перед кружевной занавеской, вскочили. Одна левой рукой подхватила юбки, а правой принялась расчищать себе дорогу к ближайшему выходу. Судя по лицу, она хотела бы завизжать, но была занята более неотложным делом, поэтому с губ её сорвалось лишь какое-то бессвязное уханье.

На мгновение стало совсем темно, затем Даниель печёнкой почувствовал, как что-то тяжёлое ударило по окну. Сломанные доски зашагали по комнате, кувыркаясь и подпрыгивая в потоке битого стекла.

Он вскочил. На него бежали люди, много людей, потому что полкомнаты заняло что-то тёмное, вдвинувшееся в пролом на месте окна. Даниель метнулся было в угол, зная, что в давке первым окажется под ногами, но тут рядом что-то за-

шипело и комнату выбелило адским светом. Из мрака вырвались лица, хор белых овалов, ртов, разверстых не в пении, а в крике. Потом разом взметнулись руки и локти, заслоняя глаза. Каждый теперь норовил пробиться к стене, налетая на мебель и друг на друга; сбившись по краям комнаты, все остановились.

Теперь середина помещения была пуста, если не считать опрокинутых стульев, и Даниель наконец увидел, что въехало в окно.

То был фургон вроде тех, в каких перевозят золотые и серебряные слитки, только превращённый в таран и выкрашенный в непроницаемый чёрный цвет. Лишь одна часть вырисовывалась чётко: серебристая эмблема на лбу стенобитного Овна, вырезанный из стали силуэт бегущей борзой.

С обеих сторон фургона распахнулись дверцы, в пол со стуком ударили добротные сапоги. Даниель видел мало, но слышал бряцание шпор и звон вынимаемых из ножен стальных клинков: свидетельство, что шалман Энгуса удостоен визита знатных особ.

Даниель полуобернулся к источнику света, прикрывая глаза ладонью, и взглянул на мистера Бейнса. Тот потерял вставные зубы, отчего сра-

зу стал очень старым и беззащитным. Из всех удивительных впечатлений, обрушившихся на мистера Бейнса в последние десять секунд, вниманием его полностью завладело одно: эмблема с бегущей борзой. И не только на фургоне: у людей, которые высыпали из него и теперь обнажёнными шпагами загоняли посетителей Энгуса в углы, были такие же на груди.

Пустой фургон оттащили в сторону. Трактир внезапно стал придатком Солсбери-сквер. Высокий человек в чёрном плаще ехал к ним на чёрном жеребце, держа в руке обнажённую саблю.

Он выехал на середину комнаты, натянул поводья и привстал в стременах, явив взглядам серебристую борзую на груди мундира.

— Государственная измена! — объявил он голосом таким зычным, что его должны были услышать на другом конце площади. — На колени, все!

И люди, и животные, когда они напуганы — буквально до помрачения рассудка, — либо цепенеют, либо бросаются наутёк. До сей минуты мистер Бейнс пребывал в оцепенении. Теперь инстинкт приказывал ему бежать. Он подскочил и кинулся прочь от своры серебристых борзых.

При этом он повернулся лицом к камину, и свет, словно пылающее вулканическое облако, бросил его сперва на колени, потом на четвереньки.

То ли у Даниеля привыкли глаза, то ли свечение постепенно слабело. Теперь он видел, что старик-сифилитик исчез. Одеяла упали, как сброшенная змеиная кожа.

Того, кто стоял на месте старика, девяносто девять из ста обитателей христианского мира приняли бы за ангела с развевающимися белыми волосами и огненным мечом. Даже Даниель чуть не поддался такой мысли, однако в следующее мгновение рассудил, что это сэр Исаак Ньютон со скипетром горящего фосфора.

ЗА ЧАС, ПРОШЕДШИЙ с появления курьеров королевы в питейном заведении Энгуса, органам чувств Даниеля предстало множество ярких и необычных сцен. Однако, когда ему наконец представился случай посидеть и подумать (а именно в гальюне небольшого трёхмачтового судна, стоящего на якоре недалеко от Блекфрайарз, где он выпустил в Темзу превосходную какашку), всё удалось свести к следующим основным фактам.

Исаак бросил в камин пригоршню какого-то химического порошка; поваливший из трубы густой дым стал для курьеров королевы сигналом

к атаке.

Питер Хокстон и Энгус сбежали через потайной лаз, ведущий из кухни в подвал соседнего дома, оттуда через чёрную дверь во двор курятника, дальше через стену в бордель, из борделя в трактир и оттуда вновь запасным ходом в проулок. (Всё это курьеры королевы узнали, повторив их путь и опросив свидетелей.)

Восточным концом проулок упирался в кладбище за Брайдуэллом. Здесь между могилами безвестных шлюх Энгус и Питер Хокстон разошлись, и каждый скрылся своим путём.

Болячки у глаз и рта Исаака были фальшивые, слепленные из загустевшего сока бразильской гевеи.

Капитан курьеров — тот самый, что въехал в шалман верхом на коне, — оказался мистером Чарльзом Уайтом, любителем травить медведей и откусывать уши.

Посетителей шалмана курьеры, хорошенько пугнув, отпустили восвояси, а сами, захватив Даниеля, Исаака и мистера Бейнса, пронеслись по тупику так же резво, как до того Энгус и Сатурн. Перед ними сразу за кладбищем высился Брайдуэлл — бывший королевский дворец, давным-давно отданный беднякам, наполовину

сгоревший во время Пожара, наполовину отстроенный заново. Даниель никогда толком его не разглядывал, да и зачем? Однако именно так, наверное, Брайдуэлл выглядел лучше всего: в синих сумерках, отмежёванный сырым погостом от жительниц прихода святой Бригитты. Пока отряд нёсся по тупику, Даниелю мнилось, что сейчас они лобовой атакой возьмут Брайдуэллский дворец: промчатся галопом по кочковатому гласису некрополя, вышибут двери и сгонят в кучу шлюх. Однако в последний миг они свернули на Дорсет-стрит и поскакали прямо к открытому дровяному складу на берегу Темзы.

К пристани были пришвартованы две портовые шаланды, скрытые штабелями брёвен от возможных наблюдателей за высокими окнами Брайдуэлла. В обеих сидели гребцы, готовые отдать швартовы и отойти от пристани.

В сумерках они доставили курьеров (общим числом шесть), Даниеля, сэра Исаака и пленника на шлюп «Аталанта». Судно было с голыми флагштоками, инкогнито, но на одном из свёрнутых флагов Даниель увидел герб Чарльза Уайта. Когда королеве доложат, что он предоставил для служебного дела личную яхту, она, безусловно, оценит такое рвение.

Всю недолгую дорогу до шлюпа Чарльз Уайт сидел напротив мистера Бейнса, колени в колени, рассеянно перебирал коллекцию вяленых ушей на часовой цепочке и вслух прикидывал, как быстро «Аталанта» доберётся до Тауэра, где есть полный ассортимент первоклассных пыточных орудий. Он даже обсудил с курьерами, не проще ли для скорости протащить мистера Бейнса под килем, и если да, то ст***о***ит ли сделать это там (в ста ярдах ниже по течению), где в Темзу впадает Флитская канава; другими словами, лучше или хуже мистер Бейнс заговорит, когда наглотается нечистот; или, может быть, протащить его под килем сейчас, а богатый инструментарий Тауэра применить позже. Потому как государственные изменники, зная, что их в любом случае повесят не до полного удушения, оскопят, выпотрошат и четвертуют, часто не видят стимула разговаривать.

Тут один из лейтенантов Уайта — молодой человек, вероятно, выбранный на эту роль за белокурые волосы и нежное девичье лицо, — выдвинул контрдовод: а что, если мистера Бейнса не будут расчленять на Тайберне, поскольку ещё не доказано, что он государственный изменник? Лейтенанта тут же ошикали. Однако через ми-

нуту он вновь поднял ту же тему и, наконец, получил разрешение объясниться.

Хитроумный адвокат, сказал он, сможет возразить, что мистер Бейнс на самом деле — верный подданный королевы.

Погодите, погодите, вовсе не абсурд! Вот доктор Уотерхауз — честный подданный, с целью раздобыть нужные сведения притворявшийся, будто хочет выйти на связь с монетчиками. Не сможет ли адвокат мистера Бейнса заявить о нём то же самое?

Это смехотворно, возразил Чарльз Уайт к отчаянию мистера Бейнса, которому уже чудился проблеск надежды.

Ибо (продолжал Уайт) мистер Бейнс не представил никаких сведений и, скорее всего, просто ими не располагает. Так что его точно выпотрошат и четвертуют, вопрос лишь в том, сколько сил потребуется затратить на этого субъекта в застенках Тауэра.

Даниель имел несчастье во время всей приведённой беседы сидеть на носу шаланды лицом к корме. Он отчётливо видел широкую спину Чарльза Уайта и лысого, беззубого мистера Бейнса, который постоянно тянул шею вверх или вбок, силясь отыскать хоть одно сочувственное лицо.

Даниель, может быть, и понимал, что всё это фарс, призванный сыграть на страхах мистера Бейнса и сломить его без всяких пыточных тисков. Однако мистер Бейнс — единственный зритель спектакля — верил каждому слову. Сценическое действие проняло его до глубины души. Не было сомнений, что он сломлен, волновало другое: осталась ли в нём хоть толика разума?

Сумел бы Даниель в его ситуации так легко разгадать уловку? Вряд ли.

Хотя, возможно, он в той же ситуации, и спектакль адресован ему не меньше, чем мистеру Бейнсу.

Кал, вышедший из него в гальюне «Аталанты», был шедевром: ровно две образцовой формы колбаски, которые погрузились под воду без всплеска, словно свинцовый лот — свидетельство, что кишечник будет исправно работать даже тогда, когда в остальном возраст возьмёт своё. Хотелось посидеть несколько минут голым задом на прекрасно отполированном деревянном круге, растягивая миг торжества, как учил его делать после мочеиспускания покойный Самюэль Пепис, однако звуки из-под палубы напомнили, что есть ещё и долг: не только перед королевой, но и перед мистером Бейнсом.

Произошло то самое, чего опасался Даниель. Курьеры королевы отлично умели хватать изменников, но в сценическом деле были сущими дилетантами и совсем не чувствовали публику. Они затянули спектакль и превратили мистера Бейнса в хнычущего идиота, от которого теперь никто не смог бы добиться толка.

Даниель натянул штаны и двинулся к корме. У трапа, ведущего вниз, он едва не налетел на человека, который поднимался из каюты подышать воздухом. Не столкнулись они лишь потому, что у человека были белые волосы, и Даниель успел приметить их сияние в лунном свете.

Он отступил на шаг, пропуская Исаака на палубу.

— Мистер Хокстон полностью себя разоблачил, — заметил Исаак.

— Чем? Тем, что сбежал?

— Разумеется.

— Если бы он остался, чтоб его протащили под килем, вздёрнули на дыбу, выпотрошили и четвертовали, мы бы знали, что он — честный малый, да?

Лицо Исаака выразило лёгкое недовольство.

— Ничего такого с ним бы не случилось, если бы он выказал готовность служить королеве.

— Единственное, что может Питер Хокстон делать для королевы — и для вас, — доставлять мне сведения из воровского подполья. Если бы он не сбежал, то провозгласил бы себя предателем воровского мира и утратил всякую для нас ценность. Скрывшись вместе с Энгусом, он значительно упрочил свою репутацию.

— Не имеет значения. Ваша роль сыграна. И сыграна неплохо. Благодарю.

— Зачем вы послали дымовой сигнал, не дожидаясь, что***о*** выболтает Бейнс?

— Он и так сказал больше, чем следовало, — ответил Исаак, — и, поняв свою ошибку, перевёл разговор на вашу историю. Я знал, что истории у вас нет, во всяком случае такой, в какую поверит однорукий иностранец или хотя бы мистер Бейнс. И принял решение: наступаем!

— Что вам нужно от мистера Бейнса, дабы продолжить наступление?

ПО НАСТОЯНИЮ ДАНИЕЛЯ Чарльз Уайт и его молодчики на несколько минут оставили мистера Бейнса в каюте, правда, сковав его по рукам и ногам, чтобы он не избежал правосудия, покончив с собой.

Даниель выждал под дверью каюты, когда мистер Бейнс перестанет рыдать и всхлипывать,

медленно сосчитал до ста (поскольку ему самому надо было успокоиться), отодвинул засов и вошёл, неся зажжённую свечу.

Мистер Бейнс сидел на скамье, уронив голову на стол; руки его были скованы за спиной. В первый миг Даниель подумал, что он скончался от удара, потом заметил, что плечи арестанта медленно вздымаются и опускаются, как мехи ирландской волынки.

Даниель почти позавидовал спящему. Он сел за стол и несколько минут сонно клевал носом в неярком свете свечи. Однако стук сапог и звяканье шпор над головой напоминали, что они не в какой-нибудь тихой бухте, а всего в нескольких ярдах от Блекфрайарз, бывшего монастыря Чёрных братьев в Лондоне.

— Проснитесь.

— Э?.. — Мистер Бейнс дёрнул скованными руками, но тут же об этом пожалел.

Он выпрямился, и спина его захрустела, как старая мачта под порывом шквального ветра. Рот был сухой дырой, разверстой, как рана. В глаза Даниелю мистер Бейнс старался не смотреть.

— Вы согласны поговорить со мной?

Мистер Бейнс промолчал. Даниель поднялся из-за стола. Мистер Бейнс искоса наблюдал за

ним. Даниель сунул руку в карман. Бейнс съёжился, готовый к страданиям. Даниель вытащил кулак, разжал и протянул на открытой ладони деревянные зубы мистера Бейнса.

У того расширились глаза. Он метнулся вперёд, как кобра, разинув рот. Даниель скормил ему зубы, и Бейнс всосал их дёснами и губами. Даниель отступил на шаг, вытирая руки о штаны. Мистер Бейнс сел прямее, преображённый.

— Вы добрый джентльмен, сэр, добрый джентльмен, я сразу это понял, как вас увидел.

— На самом деле я не джентльмен, хоть и могу быть добрым. Мистер Чарльз Уайт — вот кто джентльмен. Он уже объяснил, как намерен с вами поступить. Таких слов на ветер не бросают — я удивлён, что у вас по-прежнему оба уха. Спасите свои уши и себя — расскажите мне, где и когда должны встретиться с одноруким иностранцем.

— Конечно, вы понимаете, что меня убьют.

— Не убьют, если вы исполните свой долг перед королевой.

— Тогда меня убьёт Джек-Монетчик.

— А если не Джек, то старость, — отвечал Даниель, — а может быть, тиф или апоплексия. Если бы я знал способ избежать смерти, я бы поделился им с вами и со всем миром.

— Говорят, сэр Исаак знает.

— Нести алхимическую дребедень — не лучший способ подольститься ко мне. Скажите, где найти однорукого иностранца.

— Вы правильно напомнили, что все мы смертны. Я боюсь не за себя.

— А за кого же?

— За дочь.

— Где она?

— В Брайдуэлле.

— Вы боитесь, что месть падёт на неё?

— Да. Подполье про неё знает.

— Уж, наверное, мистер Чарльз Уайт в силах вытащить одну девушку из Старой Несс, — задумчиво проговорил Даниель и осёкся, поймав себя на том, что говорит как преступник.

— Да, прямиком оттуда в свою спальню, дабы затем, пресытившись, достойно похоронить её во Флитской канаве!

Вообразив эти ужасы, мистер Бейнс пришёл в такое состояние, как будто наблюдал их воочию. Его била дрожь, деревянные зубы стучали, из одной ноздри текло.

— А в мою порядочность вы, значит, верите?

— Я уже сказал, сэр, вы человек добрый.

— Если я дам слово, что пойду к Пряхам и поза-

бочусь о вашей дочери…

— Умоляю, не так громко! Если мистер Уайт узнает о её существовании…

— Я опасаюсь его не меньше вашего, мистер Бейнс.

— Тогда… вы даёте слово, доктор Болторот?

— Да.

— Её зовут Ханна Спейтс, она треплет пеньку у мистера Уилсона, ибо она девушка сильная.

— Договорились.

— Зовите курьеров королевы.

ЗА ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ АКТ милосердия Даниель был вознаграждён бесплатным катанием по залитой луной Темзе. Прогулка получилась на удивление идилличной. Больше всего радовало отсутствие Чарльза Уайта и его присных. Коротко переговорив с мистером Бейнсом, курьеры высыпали на палубу, как стая ворон, погрузились обратно в шлюпки и отбыли к пристани Чёрных братьев.

Даже проход под Лондонским мостом, приключение в лодке почти смертельное — из тех событий, которые джентльмен, пережив, описывает на бумаге в уверенности, что других заинтересует его рассказ, — не принёс с собой ничего волнующего. Дали выстрел из фальконе-

та, чтобы разбудить смотрителя, и подняли флаг с серебристой борзой. Смотритель остановил движение по мосту, развёл пролёт, и шкипер позволил течению вынести «Аталанту» в лондонскую гавань.

Через полчаса они уже в свете факелов перебирались на мокрые ступени Тауэрской пристани. Как только голова Даниеля оказалась на уровне набережной, весь Тауэр предстал перед ним огромною книгой, написанной на чёрных листах дымом и пламенем.

Почти сразу над пристанью начиналась беспорядочная россыпь мелких строений, обнесённая частоколом. Часовой отпер калитку. Даниель вместе со всеми вошёл в здание, смущаясь чувством, что вторгся в чьё-то жильё. И впрямь, здесь жили (по меньшей мере) привратник, маркитант, трактирщик и различные члены их семей. Однако уже через несколько шагов под ногами запружинили доски: деревянный настил над коротким отрезком стоячей воды. Надо думать, подъёмный мост и Тауэрский ров соответственно.

Настил вывел их к отверстию во внешней стене Тауэра. Справа из той же стены клином выдавался бастион, но в нём не было ни единой двери, только амбразуры, из которых защитники Тауэра

могли оказать губительные знаки внимания тем, кто пытается пройти по мосту. Сейчас мост был опущен, решётка поднята, из бойниц не сыпалось ничего смертоносного. Таким образом, прибывшие, растянувшись в цепочку, медленно вошли через что-то вроде потерны в основание башни Байворд.

Слева в неё вели ворота побольше — основной вход в Тауэр с суши; теперь они стояли на запоре. Потерну за вошедшими запер пожилой господин в ночном колпаке и домашних туфлях. Даниель, много знавший о Тауэре, сообразил, что это должен быть главный хранитель врат. Итак, крепость заперли на ночь.

При закрытых воротах нижний этаж Байвордской башни походил на гробницу. Исаак и Даниель поспешили выйти оттуда на угол Минт-стрит и Уотер-лейн. Здесь они постояли немного, глядя, как мистера Бейнса тащат в какой-то каземат.

Человек, который вошёл бы в Тауэр вслед за ними, ожидая увидеть просторный двор, обманулся бы в своих ожиданиях. Байворд был краеугольным камнем внешней части оборонительных сооружений. Дальше за узкой полоской земли вставала внутренняя стена, куда более высокая

и древняя.

Однако даже специалиста по средневековой фортификации сбило бы с толку то, что предстало сейчас Исааку и Даниелю. Менее всего это напоминало крепость. Легче было поверить, что они стоят на углу двух улиц допожарного Лондона. Где-то за фахверковыми фасадами домов и таверн прятались каменные стены, до изобретения пороха практически неприступные. Однако, чтобы увидеть средневековые бастионы, амбразуры и прочая, пришлось бы соскоблить всё, построенное на них и перед ними, — задача, сравнимая с разграблением небольшого английского городка.

Башня Байворд, соединяющая двое главных ворот Тауэра с самой тесно застроенной его частью, сама по себе казалась настоящим гордиевым узлом. И это только первый её этаж — выше торчали две круглые башни, соединённые мостом-галереей, излюбленное место заточения знатных узников. Сейчас Байворд был по одну сторону от Исаака и Даниеля; по другую высилась громада Колокольной башни, юго-западного бастиона внутренней стены. О её существовании Даниель знал по старым гравюрам, видел же он более поздние постройки: две таверны справа от основания башни и прилепленные где только

можно дома.

Всякий оказавшийся в таком плотно застроенном месте тут же принялся бы озираться в поисках выхода. Первой ему, как и всякому вошедшему через башню Байворд, предстала бы Уотер-лейн: мощёная полоса между внешней и внутренней стеной. Её частично перегораживали Колокольная башня и поздние злокачественные разрастания, однако она была по крайней мере широкой, а поскольку днём бывала открыта для публики, то и не особо загромождённой.

Можно было поступить иначе: свернуть налево и углубиться в то, что на первый взгляд напоминало стихийное поселение перед замком крестоносцев, наскоро выстроенное голытьбой, которую не пустили внутрь к рыцарям и оруженосцам. Осью этих трущоб служила одна узкая улица. Слева от неё тянулся ряд старых казематов, как на языке военных называются укреплённые галереи. Смысл их состоял в том, что противника, прорвавшегося за внешнюю стену, расстреливали в спину якобы запертые позади защитники. В новых крепостях казематы помещали внутри земляных валов, защищающих от артиллерии, в старых — с внутренней стороны куртин. Казематы с левой стороны Минт-стрит были как раз

такие: они доходили почти до верха внешней стены, полностью её закрывая; глядя на них, легко было забыть, что всё это выстроено *intra muros* [7]. С изобретением пороха они утратили оборонительное значение и теперь служили мастерскими и казармами Монетного двора.

Справа, так тесно, как только можно, но никогда не поднимаясь выше определённого уровня — словно мидии на камне, — тянулись дома, пристроенные к внутреннему поясу крепостных стен.

От башни Байворд это выглядело так, будто руины сгоревшего города сгребли в каменный жёлоб и оставили дожидаться ливня, который потушит пламя, прибьёт дым и унесёт мусор прочь. Только мерный стук, гулко отдававшийся по всей длине улицы, и подсказывал, что здесь происходит нечто осмысленное. Это, впрочем, не добавляло желания вступить на Минт-стрит, даже если знать (как знал Даниель), что стучат молоты, чеканящие монеты.

Напрашивалось забавное сравнение с Флитской канавой.

Поскольку Флит состояла из стихий Земли и

---

[7] Примечания: 7
Внутри стен (*лат.*).

Воды, а Минт-стрит — из Воздуха и Огня, Даниелю не пришло бы в голову их сопоставить, если бы он не смотрел недавно на одну, а теперь — на другую.

Подумав ещё, он рассудил, что роднит их самая малость: обе ведут к реке, обе замусорены и смрадны.

Даниель знал Исаака пятьдесят лет и нимало не сомневался, что тот свернёт от чистой просторной Уотер-лейн в металлическое бурление Минт-стрит. Так Исаак и поступил к удовольствию Даниеля, никогда не бывавшего на улице Монетного двора дальше канцелярии при входе, на левой стороне Уотер-лейн. Разумеется, Исаак миновал её и пошёл дальше.

Лондонский Тауэр в плане имеет форму квадрата, хотя, если говорить совсем строго, излом северной стены превращает его в пятиугольник. Полоса между внешним и внутренним поясом укреплений тянется по всему периметру. Южная её часть, параллельная реке, зовётся Уотер-лейн; всё остальное — Минт-стрит, которая, таким образом, охватывает Тауэр с трёх сторон (точнее, с четырёх, если считать северный перегиб).

Как ни странно это может показаться в отношении города с одной улицей, здесь ничего

не стоило заблудиться. Обзор заслоняли десять разных бастионов внутренней стены. Даниель, разумеется, знал, что находится в подковообразном континууме, но поскольку он сразу потерял счёт башням, проку от этого знания было мало. Честно идя вперёд или назад, он рано или поздно вышел бы к тому или иному краю подковы, в тот или другой конец Уотер-лейн. Однако длина Минт-стрит составляла четверть мили, что для лондонца было равнозначно дистанции от Осло до Рима. Столько же отделяло Флитскую канаву от здания Королевского общества или парламент от живодёрен Саутуарка. Пройдя вслед за Исааком мимо двух бастионов и повернув раз-другой, Даниель попал в город, диковинный, словно Алжир или Нагасаки.

Через двести футов проход частично перегораживал изящный полукруг башни Бошема. Прямо напротив к внутренней стене прижимались длинные казематы, где в огромных печах плавили золото и серебро. Дальше к северу начинались казематы чеканщиков. Здесь они с Исааком обогнули первый угол, сужение между башней Деверо и фортом на выступе внутренней стены, называемом горкой Легга. И башня, и форт были надёжно укреплены и снабжены гарни-

зоном (в них квартировался Блекторрентский гвардейский полк) для защиты от вечной угрозы — Лондона, подступавшего тут к Тауэру совсем близко.

Исаак замедлил шаг и посмотрел на Даниеля, как будто собирался что-то сказать.

Даниель с любопытством оглядел открывшийся впереди отрезок Минт-стрит. Его огорчило, что всё так тихо, почти покойно. Он надеялся, что улица Монетного двора будет чем дальше, тем жутче, подобно Дантову Аду, а в самом последнем тайном кругу сыщется огнедышащий горн, в котором Исаак творит из свинца золото. Однако теперь стало ясно, что пекло уже пройдено: всё большое, шумное и жаркое располагалось ближе к входу (что, если подумать, вполне объяснимо в рассуждении подвоза материалов), а северная часть вполне могла сойти за обычный жилой квартал. Инфернального здесь было не больше, чем в Блумсбери-сквер. Это лишь доказывало, что англичане могут жить где угодно. Отправь англичанина в ад, он разобьёт клумбу с петуньями и устроит лужайку для игры в шары на горящей сере.

Исаак что-то говорил. Точные слова не суть важны, общий же смысл сводился к тому, что

дальнейшее присутствие Даниеля помешает Исааку в его тайных ночных занятиях, и не соизволит ли он валить на все четыре стороны. Даниель ответил какой-то любезностью. Исаак поспешил прочь, оставив Даниеля в одиночестве бродить по четверти мили Минт-стрит.

Он окинул её взглядом, просто чтобы перебороть ощущение покинутости. Северный отрезок начинался с двух домов, вероятно, служащих резиденциями главным чиновникам Монетного двора. Дальше слева тянулись казармы для рабочих, справа — какие-то машины, возможно, те самые, что наносят надписи по ободу монет, чтобы предотвратить подпиливание.

Даниель забрёл туда, где было много солдат, и думал уже, что заплутал, но сразу за поворотом вновь начались дома для рабочих слева и мастерские справа. Судя по всему, превращение военных казематов в монетный завод ещё не завершилось.

Следующий крутой поворот был зажат между бастионом, где хранят сокровища короны, и ещё одной оборонительной насыпью у внутренней стены. Дальше начинался восточный отрезок Минт-стрит, ведущий прямо на юг до Уотер-лейн. За уютными домиками вновь потянулись дым-

ные, жаркие и зловонные мастерские. Судя по всему, это был Ирландский монетный двор, который тянулся до самого конца улицы.

Даниель должен был устать, однако неумолчный шум Монетного двора бодрил кровь, так что он прошёл всю улицу несколько раз, прежде чем почувствовал тяжесть долгого дня.

Он третий раз огибал северо-западный угол у горки Легга, когда во Внутреннем дворе колокол пробил полночь. Даниель счёл это знаком и юркнул во дворик у внешней стены. Какой-то чиновник Монетного двора придал своему каземату и дворику под окнами такой уютный и обжитой вид, какой только возможен на последнем оборонительном рубеже. Во всяком случае, тут была скамья. Даниель сел на неё и внезапно уснул.

Если верить его часам, было два, когда всех на Минт-стрит разбудило своего рода римское триумфальное шествие со стороны башни Байворд. Во всяком случае, звуки были такие же громкие и победные. Однако, когда Даниель наконец встал со скамьи, задеревенелый, как труп, и выглянул из дворика посмотреть, то увидел, скорее, похоронный кортеж.

Чарльз Уайт ехал на крыше чёрного фургона, который сопровождали всадники в плащах

— курьеры королевы и пехотинцы: два взвода Собственных её величества Блекторрентских гвардейцев, составляющих гарнизон Тауэра и обязанных (как заключил Даниель) являться к Чарльзу Уайту по первому зову. Чёрный фургон был теперь заперт *снаружи*.

Странный то получился парад, однако куда более подходящий этому подковообразному городу, чем любой праздничный марш в солнечный день, с музыкой и цветами. Даниель, не утерпев, пошёл рядом с фургоном.

— Итак! По всему сдаётся, что наш гость сказал правду! — воскликнул он и тут же почувствовал взгляд Уайта на лице, как солнечный ожог.

— Ясно только, что наша курочка прокудахтала и снесла яйцо, неизвестно пока, какое на вкус. Мы ждём ещё яиц, и, если они не окажутся лакомыми, Джек Кетч разберёт курочку по косточкам!

Шутка была встречена с одобрением.

— Как велите подать вам свеженькое яичко, сэр? — спросил один из пехотинцев.

— Надо его прежде расколоть, — отвечал Уайт, — а там решим, зажарить его с салом, сварить вкрутую… или съесть живьём!

Новый взрыв смеха. Даниель пожалел, что не остался во дворике. Впрочем, они были уже на

перегибе улицы, впереди показались новые здания и бастионы, а Чарльз Уайт утратил интерес к разговору.

— Мы его взяли! — прокричал Уайт, обращаясь, по всей видимости, к луне.

Впрочем, проследив его взгляд, Даниель различил в узкой арке справа тёмный силуэт Исаака на фоне горящих факелов — или то был отблеск плавильной печи?

Фургон приближался к самой фешенебельной части Монетного двора — здесь по левую сторону улицы располагались дома директора и смотрителя. Исаак стоял на правой стороне в арке прохода, ведущего во внутреннюю часть Тауэра.

— Он сражался, как Геркулес! — продолжал Уайт. — Даром что однорукий! И по той же причине мы не смогли надеть на него ручные кандалы!

Все рассмеялись.

— Однако отсюда не сбежишь! — Уайт хлопнул по крыше фургона.

Процессия остановилась под амбразурами Кирпичной башни. Теперь Даниель видел, зачем она выстроена: здесь сходились перед вылазкой самые отважные, самые пьяные или самые глупые рыцари лондонского Тауэра. Приготовившись,

они сбегали по каменной лестнице, круто поворачивали влево, преодолевали второй пролёт и через арку, в которой стоял сейчас Исаак, выскакивали на врага, пробившегося за внешнюю стену и не скошенного огнём из казематов. Что происходило дальше, покрыто мраком.

Всё это теперь представляло чисто исторический интерес, за одним исключением: под лестницей расположился большой каменный склад, а рядом с ним — конюшня, принадлежащая Монетному двору. Строения закрывали нижнюю половину Кирпичной башни и, насколько Даниелю удалось разглядеть, соединялись с нею сквозным проходом; впрочем, чего только не вообразишь, щурясь в два часа ночи на старые закопчённые здания.

Так или иначе, лошади, запряжённые в чёрный фургон, явно считали, что вернулись домой и труды их на сегодня окончены. Фургон вкатили в тёмное здание. Курьеры последовали за ним. Стражники разбрелись по казармам.

Даниель остался один на улице. По крайней мере, так он думал, пока не разглядел на другой стороне Минт-стрит прыгающий алый огонёк. Кто-то наблюдал за ним из тени под стеной, покуривая трубочку.

— Вы участвовали в аресте, сержант Шафто?

Он не ошибся в догадке: огонёк отделился от стены, и луна осветила сержанта Боба.

— Должен признать, что я уклонился, вашблагородь.

— Такие поручения вам не по душе?

— Надо дать молодым случай отличиться. Они не так часты теперь, когда война поутихла.

— В другой части города, — сказал Даниель, — говорят не «поутихла», а «закончилась».

— В какой такой части? — переспросил Боб, разыгрывая старческую непонятливость. — В Вестминстере? — произнёс он с безукоризненным выговором, но тут же вновь перешёл на жоховский кокни: — Вы ведь не о клубе «Кит-Кэт»?

— Нет, но в клубе говорят так же.

— Учёным, может, говорят так. Солдатам — иначе. Язык вигов раздвоен, как у змея-искусителя.

Какая-то нехорошая возня происходила в конюшне у основания Кирпичной башни, где, покуда доктор Уотерхауз и сержант Шафто разговаривали, успели зажечь факелы. Грохнули снимаемые замки, и тут же раздались крики, каких Даниель не слышал с медвежьей травли в Ротерхите. Здесь, на удалении, они звучали не слишком громко, но самая их пронзительность

заставила Боба и Даниеля умолкнуть. Внезапно голоса стали выше и громче. Даниель втянул голову в плечи: ему подумалось, что узник вырвался. Застучали сапоги, раздался возглас-другой, и наступила короткая тишина, которую сменили вопли на языке из чудных гласных и непривычных слогов.

— Я слышал брань на многих языках, но этот для меня внове, — заметил Боб. — Откуда арестант?

— Из Московии, — заключил Даниель, послушав ещё немного. — И он не ругается, а молится.

— Если так московиты говорят с Богом, не хотел бы я услышать, как они чертыхаются.

После этого все движения в конюшне сопровождались звоном железа.

— На него надели ошейник, — с видом знатока объяснил Боб. Звуки стали тише, потом смолкли. — Теперь он в Тауэре. Да смилуется над ним Бог.

Боб вздохнул и посмотрел вдоль улицы в направлении полной луны, висевшей низко над Лондоном.

— Пойду-ка я отдохну, — сказал он. — И вам советую, если вы собираетесь туда.

— Куда?

— Туда, куда направит нас русский.

Даниель не сразу сообразил, что это подразумевает.

— Вы имеете в виду, его будут пытать… он сломается… и сообщит, где…

— Теперь, когда он у Чарльза Уайта в Тауэре, это вопрос времени. Идёмте, я найду вам место подальше от шума.

— От какого шума? — удивился Даниель, поскольку Минт-стрит в последние несколько минут была на удивление тиха.

Однако, пока он шёл вслед за Бобом Шафто, из амбразуры Кирпичной башни начали доноситься крики.

Река Темза

на следующее утро (23 апреля 1714)
На борту «Аталанты» I. Исаак

— В КОНЦЕ КОНЦОВ МОСКОВИТ добровольно сообщил нужные сведения, — сказал Исаак.

Они с Даниелем стояли на юте «Аталанты». С того времени, как русского привезли в Тауэр, прошло двенадцать часов.

В первый из них Даниель тщетно пытался уснуть в офицерском помещении Собственного

её величества Блекторрентского гвардейского полка. Затем весь Тауэр подняли по тревоге. Во всяком случае, так показалось донельзя раздражённому старику, который мучительно хотел спать. На самом деле подняли только Первую роту. Для остальных обитателей Тауэра это была приятнейшая разновидность ночной тревоги — такая, что позволяет перевернуться на другой бок и вновь уйти в сон.

После недолгой суматохи, которую он почти не запомнил, потому что засып*а*л на ногах, Даниеля выпроводили из Тауэра тем же путём, каким сюда провели, и погрузили на «Аталанту». Отыскав каюту, он рухнул на первый же предмет, видом напоминавший койку. Некоторое время спустя его разбудило солнце; выглянув в окно, Даниель увидел, что они всё ещё в четверти мили от Тауэрской пристани. Обычное дело: их сперва торопили, теперь заставляют ждать. На пути к неведомой цели произошла какая-то заминка. Он натянул одеяло на лицо и снова уснул.

Когда он проснулся окончательно, разбитый, грязный и с дурной головой, и вышел на палубу помочиться за борт, то с удивлением увидел вокруг открытую местность. Судя по тому, что ширина реки здесь составляла не меньше ми-

ли, они приближались к концу отрезка между Эритом и Гринхитом, то есть одолели почти половину расстояния от Лондона до моря.

Чтобы добраться до борта, ему пришлось с извинениями протискиваться через целую толпу драгун. На «Аталанту» погрузили всю Первую роту — более ста человек. Даже если половину затолкали в кубрик, на верхней палубе осталось столько, что солдаты не могли даже сесть. Матросы, чем пробивать себе дорогу, бегали, как пауки, по снастям над головой. По счастью, как на всех приличных кораблях, ют был отведён офицерам; этот высокий статус распространялся и на членов Королевского общества. Вскарабкавшись по трапу на ют, Даниель обрёл и свободу движений, и местечко у борта, чтобы подышать свежим воздухом, помочиться и сплюнуть липкую гадость, скопившуюся во рту за время сна. Юнга, возможно, встревоженный количеством жидкости, которую отправил за борт и без того иссохший старик, принёс ему черпак воды.

В довершение счастья вскоре подошёл Исаак.

— Добровольно… — повторил Даниель, старясь не выказать брезгливости.

— Ему предложили выбор: терпеть заточение и допросы в Тауэре до конца дней или сказать, что

знает, и вернуться в Россию. Он выбрал Россию.

— Коли так рассуждать, то каждый, говорящий под пыткой, делает это добровольно, — заметил Даниель. В обычных обстоятельствах он поостерегся бы колоть Исаака, но сейчас был совершенно разбит, а главное, лишь вчера оказал тому значительную услугу.

Исаак ответил:

— Я видел, как московит вернулся в камеру своими ногами. То, что с ним сделали, не страшнее — хотя, возможно, мучительнее — порки, которой вон тех солдат подвергают за малейшую провинность. Мистер Уайт умеет разговорить узников, не причиняя им непоправимых увечий.

— Так он вернётся в Московию с обоими ушами?

— С ушами, глазами, бородой и прочими частями тела, с которыми вошёл в Тауэр.

Даниель всё ещё не повернулся, чтобы взглянуть Исааку в лицо. Вместо этого он смотрел за корму, на два плоскодонных речных судёнышка, следующих в кильватере шлюпа. По большей части они были нагружены лошадьми и всем, что к лошадям прилагается: сёдлами, сбруей и конюхами. Немудрено, что отплытие так задержалось.

Покуда Даниель разговаривал с Исааком, шлюп

обогнул болотистый выступ южного берега, заметно оторвавшись от барж. Взглядам открылось место, где милями двумя ниже по течению на правом берегу зелёные и белые меловые холмы сменялись поселением. Даниель знал, что это Грейвзенд. Матросы на вантах — крайне малочисленные по сравнению с солдатами — стали бегать быстрее, короткие, непонятные команды шкипера раздавались чаще. Значит, их высадят здесь. Да и как иначе, за Грейвзендом до самого моря один сплошной ил: нет смысла везти лошадей так далеко, чтобы утопить.

— Что, по-вашему, делает в Лондоне русский и как он оказался связан с Джеком-Монетчиком? — спросил Даниель.

— Джека щедро поддерживает некий иностранный правитель, скорее всего, король Франции, — отвечал Исаак. — Нельзя забывать, что английской коммерции завидует весь мир. Монархи, неспособные поднять свои страны до наших высот, думают, будто низведут нас до себя, сгубив нашу денежную систему. Если такие надежды лелеет король Франции, почему бы и русскому царю их не вынашивать?

— Вы считаете, что московит — царский агент?

— Это представляется самым правдоподобным.

— Вы сказали, у него борода?

— Очень густая и длинная.

— Как долго, по-вашему, он её отращивал?

— Если её намочить и растянуть, она бы дошла ему до пупа.

— Тогда он скорее раскольник, — сказал Даниель.

— Кто такие раскольники?

— Представления не имею. Но они ненавидят царя, в частности за то, что он приказал им сбрить их густые длинные бороды.

Исаак ненадолго замолчал, переваривая услышанное. Даниель воспользовался его молчанием, чтобы добавить:

— Не так давно корабль, строящийся для царя в Ротерхите, сожгли при помощи адской машины, подброшенной ночью в трюм. Часовой механизм разбил склянку белого фосфора, который воспламенился при соприкосновении с воздухом. По крайней мере к такому выводу я пришёл, понюхав дым и порывшись в том, что осталось после пожара.

Исаак был так заворожён, что даже не спросил, какое отношение имеет Даниель к царскому кораблю.

— Тот же механизм, что взорвали в Крейн-корте!

— Вы поинтересовались этим событием?

— Я не оставил без внимания ваше предупреждение.

— Однорукий московит не иностранный агент, — объявил Даниель, — а фанатик, покинувший Россию по той же причине, по какой мой прадед, Джон Уотерхауз, бежал в Женеву при Марии Кровавой. Оказавшись без средств в Лондоне, он каким-то образом примкнул к Джеку. Я уверен, что у него нет ни малейшего желания возвращаться в Россию.

— Вашу гипотезу опровергают свидетельства ваших собственных уст. — Теперь Исаак говорил тем высокопарным слогом, к какому прибегал в научных беседах. — Вы убедили меня, что шайка, подстроившая взрыв в Крейн-корте, сожгла царский корабль. Однако простые воры не участвуют в международных делах!

— Может быть, их наняли шведы, чтобы уничтожить строящийся корабль — это легче, чем топить его, спущенный на воду и вооружённый. А может, фанатик-московит устроил пожар по собственному почину — как пуритане стремились всячески навредить королю.

Исаак ненадолго задумался.

— Пустое занятие — предаваться спекуляциям о Джековой шайке.

— Почему?

— Через несколько часов он будет у нас в руках — тогда мы его и спросим.

— А! — сказал Даниель. — Я не знал, каков наш сегодняшний план: схватить Джека-Монетчика или высадиться во Франции.

Исаак издал звук, похожий на короткий смешок.

— Мы возьмём в осаду замок.

— Вы шутите!

— Оплот якобитов, — чуть насмешливо пояснил Исаак.

— То есть в каком-то смысле действительно вторгнемся во Францию, — пробормотал Даниель.

— Можно считать этот замок осколком Франции на берегу Темзы, — подхватил Исаак, демонстрируя вкус к шутке, который, мягко говоря, не шёл к его образу. Однако (судя по смешку и сарказму) за два десятилетия в Лондоне он освоил несколько приёмов светской беседы.

Например, болтать о генеалогии знатных особ.

— Вы наверняка помните Англси.

— Как я мог их забыть? — отвечал Даниель.

И впрямь, при одном звуке этого имени он проснулся окончательно, как если бы услышал, что на горизонте замечен флот Чёрной Бороды.

Впервые с начала разговора Даниель посмотрел Исааку прямо в лицо.

В юности он знал Англси как опасных придворных криптокатоликов. Патриарх, Томас Мор Англси, герцог Ганфлитский, смертельно враждовал с Джоном Комстоком, графом Эпсомским, первым из знатных покровителей Королевского общества. Комсток был «К», Англси — первой «А» в «КАБАЛе», пятёрке вельмож, составлявших правительство Карла II.

В те дни Даниель по наивности не подозревал, как прочны связи Англси с королевской семьёй. Позже он узнал, что оба сына Томаса Мора Англси, Луи (граф Апнорский) и Филип (граф Ширнесский), на самом деле — незаконные дети Карла II, прижитые им с французской графиней во время Междуцарствия во Франции. Томаса Мора Англси каким-то образом убедили на ней жениться и воспитать мальчиков. Воспитателем он оказался никудышным — возможно, потому, что был занят бесконечными интригами против Джона Комстока.

Младший из двух бастардов, Луи, великолепно фехтовал и в бытность студентом Тринити-колледжа оттачивал своё умение на пуританах. Он учился там одновременно с Даниелем, Исааком и другими занятными образчиками человеческого рода, включая Роджера Комстока и покойного герцога Монмутского. Позже Луи заинтересовался алхимией. Даниель и сейчас считал, что именно он вовлёк Исаака в эзотерическое братство. Впрочем, винить его было поздно: граф Апнорский пал четверть века назад в битве при Огриме, отбиваясь рапирой от натиска сотни пуритан, датчан, немцев и прочих, пока его не уложили выстрелом в спину.

К тому времени его якобы отец, герцог Ганфлитский, давно отошёл в мир иной. Под конец жизни герцога преследовали неудачи. Разделавшись наконец с Серебряными Комстоками — вынудив Джона уехать в поместье, а остальных ещё дальше, в Коннектикут — и заняв их дом на Сент-Джеймс-сквер, он вскорости разорился по причине собственных неудачных финансовых афер, карточных долгов, наделанных сыновьями (тем более обидных, что они были даже не его сыновья), а главное, из-за Папистского заговора — своего рода эпидемии политико-религиозного

бешенства, прокатившейся по Лондону в 1678 году. Ему пришлось уехать со всем семейством во Францию, а лондонский дворец продать Роджеру Комстоку, который тут же снёс всё до основания и затеял на этом месте новое строительство. Во Франции герцог и умер — когда, Даниель не знал, но, видимо, порядочное время назад. Остался только Филип, граф Ширнесский, старший из двух бастардов.

Граф Ширнесский. Титулы Ганфлит, Апнор, Ширнесс относились к землям в устье Темзы, пожалованным Англси Карлом II за какие-то заслуги во времена Реставрации. Даниель с трудом припомнил некоторые подробности. Томас Мор Англси участвовал в незначительной стычке у Ширнесской отмели, потопил десятка два несгибаемых пуритан (или что-то в таком же роде), провёл свой корабль к Норскому бую и собрал там роялистский флот.

Норская отмель расположена на слиянии Темзы и Медуэя перед самым выходом в море. Буй в нескольких милях от форта Ширнесс служит предупреждением входящим судам. Здесь шкипер должен решить: поворачивать ему влево, чтобы, если будет на то милость Божья и приливов, подняться по Медуэю под пушками форта

Ширнесс и замка Апнор к Рочестеру и Чатему или направо по Темзе к Лондону. Англси не первым и не последним из захватчиков избрал Норский буй точкой рандеву. Через несколько лет то же проделали голландцы. Сторожевым кораблям на этом отрезке реки даже вменялось в обязанность при первых признаках опасности уничтожить буй, дабы противник не мог его отыскать.

Во времена Реставрации голландская война была ещё впереди, а названия «Ширнесс» и «Апнор» звучали гордо. Однако для всякого англичанина, который к её началу уже родился и ещё не впал в детство (в том числе, безусловно, для Исаака и Даниеля), слова «Ширнесс» и «Норский буй» стали синонимами постыдного поражения, неспособности Англии защититься от вторжения с моря.

Упоминание Исааком герцога Ширнесского было типографской краской, вся предыдущая история — бумагой, на которой она оттиснута.

Двигаясь в том же направлении, они через несколько часов увидели бы Норский буй.

— Вы шутите! — выпалил Даниель.

— Если бы я наблюдал не звёзды, а людей, и философствовал не о тяготении, а о мыслях, я бы написал трактат о том, что видел на вашем лице в последние тридцать секунд, — сказал Исаак.

— Не знаю, не слишком ли большая дерзость с моей стороны вообразить, будто Уотерхаузы — такие же участники истории, как Англси или Комстоки. Стоило мне подумать, что всё наконец в прошлом…

— Как вы оказались на корабле, следующем в Ширнесс, — закончил Исаак.

— Просветите меня, что сталось с Англси, — попросил Даниель.

— Теперь это французский род с французскими титулами, унаследованными от матери Филипа и Луи. Они живут в Версале и иногда ездят в Сен-Жермен на поклон к Претенденту. Только Филип успел оставить потомство: он родил двух сыновей, прежде чем в тысяча семисотом году жена его отравила. Сыновьям теперь за двадцать; оба ни разу не ступали на нашу землю и не знают ни слова по-английски. Однако старший по-прежнему владеет несколькими клочками земли в окрестностях Ширнесса, на обоих берегах Медуэя.

— И он, разумеется, якобит.

— Расположение его поместий идеально для контрабанды — и для высадки французских агентов. В частности, ему принадлежит замок на острове Грейн, куда можно попасть прямиком из

Франции, минуя таможни её величества.

— Это всё сообщил русский? Я не стал бы ему доверять.

— Про Англси во Франции знают все. Про Шайвский утёс рассказал московит.

— Минуту назад вы утверждали, что Джек-Монетчик — агент французского короля и получает щедрую финансовую поддержку. Теперь вы хотите сказать, что Шайвский утёс…

— Предоставлен Джеку, — закончил Исаак. — Там его ставка, центр его преступной империи, сокровищница и потайной ход во Францию.

«И оправдание тому, что Джек так долго не даётся вам в руки», — подумал Даниель. Однако он знал, что, если сказать это вслух, Исаак вышвырнет его за борт.

— Вы думаете, он там?

Исаак долго смотрел ему в лицо, не мигая. В конце концов Даниелю стало не по себе.

— Если Соломоново золото доставляют на корабле, как полагаете вы, — начал он, чувствуя, что Исаак ждёт каких-то слов, — то его и впрямь разумнее всего разгружать и хранить в уединённой сторожевой башне, вдали от таможен и фортов её величества.

— Надеюсь, вы будете об этом молчать. Надо

быть крайне осторожными, пока золото не окажется в Тауэре.

— И что тогда?

— Простите?

— Положим, вы найдёте Соломоново золото, доставите в свою лабораторию, извлечёте философскую ртуть — тогда всё и случится, верно?

— Что «всё»?

— Конец света. Апокалипсис. Вы разрешите загадку, обнаружите присутствие Божие на земле, обретёте вечную жизнь… в таком случае весь наш разговор пустой, не так ли?

— Трудно сказать, — проговорил Исаак тем голосом, каким успокаивают безумцев. — Мои расчёты, сделанные по Книге Откровения, показывают, что конец света наступит лишь в тысяча восемьсот семьдесят шестом году.

— Неужто?! — зачарованно переспросил Даниель. — Так не скоро? Через сто шестьдесят два года! Быть может, чудесные свойства Соломонова золота сильно преувеличены.

— Соломон им владел, — заметил Исаак, — и мир не кончился. Сам Господь Иисус Христос — Слово, ставшее плотью, — ступал по земле на протяжении тридцати трёх лет, и даже сейчас, семнадцать веков спустя, она по-прежнему

прозябает в мерзости и язычестве. Я никогда не думал, что Соломоново золото станет для мира панацеей.

— Тогда на кой чёрт вы его ищете?

— Хотя бы для того, — отвечал Исаак, — чтобы достойно встретить немца, когда он сюда заявится.

С этими словами он повернулся к Даниелю спиной и ушёл в каюту.

Дом коменданта, лондонский Тауэр

день

Макиен и Троули в Тауэре

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮЭЛЛ ТРОУЛИ, комендант Тауэра, изрёк:

— Нижайше прошу прощения, милорд, но я просто *не понимаю*.

Его гость и узник, Руфус Макиен, лорд Жи, уставил единственный глаз на багровую физиономию Троули. Лорду Жи было всего тридцать, однако выглядел он устрашающе из-за огромного роста, щетины и множества боевых шрамов. Очень чётко и раздельно он повторил свои последние слова, которые, если перевести их на общепонятный язык, звучали бы так: «Славно сработан

этот ваш стол! Нонешнему столяру таких тесин уже не добыть — он шлёт работников в деревню выкапывать из мусора щепки и пускает в ход обрезки, которые выбросил бы его дед».

Юэлл Троули вынужден был оборвать речь гостя и сделать новый заход.

— Милорд, мы оба с вами люди военные и многому научились в походах. И пусть превратности судьбы сделали вас узником, а меня — начальником Тауэра; за годы службы я узнал, и вы, вероятно, тоже, что бывает время, когда надо отбросить любезности и говорить начистоту, как мужчина с мужчиной. В этом нет ни позора, ни унижения. Могу ли я так говорить с вами?

Лорд Жи пожал плечами и кивнул.

Жи — река под Аррасом. В те дни, когда он ещё звался просто Руфусом Макиеном, будущий лорд как-то под влиянием порыва переплыл на другой её берег и зарубил французского джентльмена (а может, двух) пятифутовым клеймором, или, как сказали бы англичане, двуручным шотландским палашом. Француз оказался графом и полковником, плохо ориентирующимся на местности. Удар клеймора определил исход битвы. Макиен стал пэром Англии и лордом Жи.

— Я знал, что могу положиться на вас, милорд,

как на своего брата-служивого, — продолжал генерал-лейтенант Юэлл Троули. — Прекрасно. Есть некоторые всем известные вещи, о которых в приличном обществе не говорят. Если мы закроем на них глаза — сделаем вид, будто их нет, — вместо приятной встречи нас ждёт сплошное мучение. Вы понимаете, о чём я, милорд?

Лорд Жи произнёс три короткие фразы. Судя по тону, первая выражала сильные чувства, третья — неприкрытый сарказм. О содержании второй Троули мог только гадать.

— Классический образец! — вскричал Троули. — К тому я и вёл, милорд: вы не говорите по-английски.

Наступила неловкая пауза. Руфус Макиен набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, но Троули его опередил:

— О, вы превосходно понимаете английский язык. Но говорите вы не на нём. Можно вежливо сказать, что у лорда Жи горский акцент, шотландский говорок и тому подобное. Однако вежливые слова бессильны изменить правду: вы не говорите по-английски. Хотя при желании можете. Умоляю вас, милорд Жи, говорите по-английски, и я буду счастлив принять вас за своим столом.

— О столе-то я и говорил, — произнёс лорд Жи

на языке, значительно больше напоминавшем английский, чем всё сказанное им ранее, — пока вы не придрались к моему акценту.

— Это не *акцент*, милорд. К чему я и *клоню*.

— Шестнадцать месяцев я в Тауэре, — продолжал лорд Жи очень медленно, вставляя шотландские словечки не чаще, чем через два на третье, — и впервые здесь. Я всего лишь хотел похвалить мебель.

Шотландец двумя руками ухватил столешницу и на полдюйма оторвал стол от пола, пробуя его вес.

— Таким впору от пушечных ядер загораживаться.

— Весьма польщён, — отвечал Троули, — и нижайше умоляю простить за то, что пригласил к себе только сейчас. Как вам известно, по древнему обычаю комендант Тауэра угощает у себя знатных лиц, находящихся в этих стенах. Как собрат по оружию я с нетерпением ждал нашей совместной трапезы. Никто лучше вашего, милорд, не знает, что первый год заточения вас пришлось держать в кандалах, прикованным к полу в башне Бошана. Об этом я искренне скорблю. Однако с тех пор мы не слышали обещаний всех здесь убить и перекалечить, а может быть,

слышали, но не поняли. Вас перевели в дом стражника, как остальных гостей. Полагаю, вы с мистером Даунсом прекрасно ладите?

И Руфус Макиен, и Юэлл Троули разом посмотрели на дородного бородатого стражника, который препроводил арестанта в комендантский дом. Стражник излучал довольство — собственно, излучал его с той самой минуты, как четверть часа назад распахнул дверь своего домишки и повёл гостя через луг в сопровождении боевого клина вооружённых солдат.

— Так ладим, — серьёзно отвечал лорд Жи, — словно нас чёрт верёвочкой связал.

Коменданту Тауэра и стражнику одинаково не понравилось сравнение. Вновь наступила неловкая тишина. Лорд Жи заполнил её, мурлыча себе под нос что-то удручающе бессмысленное — какой-то древний гэльский распев.

Дом коменданта на юго-западном углу внутреннего двора был тюдоровский и отличался от других допожарных лондонских построек преимущественно тем, что не сгорел. Даунс, Троули и Макиен стояли в видавшей виды гостиной. Лакей и горничная Троули заглядывали из коридора, ожидая указаний. Ещё одна девица — служанка лорда Жи, пришедшая с ним и с Даунсом, — оста-

лась в прихожей с накрытой платком корзиной. Несколько вооружённых гвардейцев дежурили перед входом. Впереди на лугу было тихо, только с Тауэрского холма доносились крики сержантов и барабанный бой — там шла муштра. Порою до слуха долетал перестук молотков — плотники сколачивали помост, на котором через семь дней голове Руфуса Макиена предстояло отделиться от тела.

— Прекрасно, — слабым голосом проговорил Троули. — Так и докладывал мне мистер Даунс. Я счастлив, что могу предложить вам своё гостеприимство перед… э… нашим расставанием.

— Минуту назад вы упомянули о древнем обычае. — Лорд Жи выразительно посмотрел на Даунса.

Тот, в свою очередь, поглядел на девушку в прихожей, и та стремительно вошла. Юэлл Троули поднял бровь и заморгал: девица была рослая, жилистая, а её копны рыжих волос хватило бы на три обычных головы. Она, почти не замедляя шага, сделала реверанс и метнула в Троули улыбку.

— На Раннохской пустоши хилые не живут, — объяснил Макиен.

— Так вы, значит, выписали… э… с родины… женщину из своего клана, чтобы о вас заботи-

лась?

— Чтобы я о ней заботился, сэр. Сиротка она у нас. Трагедь, если хотите знать.

Макиен прочистил горло. Рыжая девица вытащила из корзины бутыль, вручила её Даунсу и попятилась к двери. Жи сказал ей что-то ласковое и двумя руками нежно принял у Даунса бутыль.

— Я приготовил спич! — объявил он почти на таком же английском, на каком изъяснялся Троули. Все от изумления замолчали. — Сэр, вы обходитесь с нами, осуждёнными изменниками, по-доброму. В Тауэре не держат на хлебе и воде — по крайней мере тех, кто не буянит. Здесь отличный кошт, и многие лэрды, осуждённые на казнь, едят в Тауэре сытнее, чем ели свободными людьми в Лондоне. Мне объяснили, что по древнему обычаю узники делят со стражами и высшим начальством Тауэра те блага, которыми вы щедро нас осыпаете. Я уже угостил обоих ваших помощников, но только не вас, поскольку лишь сегодня удостоился чести свести знакомство.

Он поднял бутыль.

— Вы говорили о моём неподобающем поведении в первый год. Каюсь, я был упрям и несговорчив. Доставил вам хлопоты. Вёл себя не

так, как пристало горскому джентльмену. Однако горскому джентльмену туго обходиться без того, что мы называем водою жизни, или асквибо. Когда мне стали его давать, я сразу подобрел и сделался учтивее. Но сегодня у меня осталось больше *воды,* чем *жизни,* ибо в моём светском календаре значится свидание с неким Джеком Кетчем на Тауэрском холме через семь дней. Я хочу вручить эту бутыль вам, генерал-лейтенант Троули. Мне привёз её товарищ только вчера. Как видите, она ещё не откупорена.

Троули поклонился, хотя бутыль не взял, потому что Руфус Макиен ещё не вручил её официально. Он удовольствовался тем, что прочёл этикетку:

— Гленко, двадцать два года выдержки! Ба, да этой *воде* столько же, сколько девице, которая её принесла!

Даунс подхихикнул начальственной шутке. Лорд Жи отнёсся к сказанному серьёзно.

— Вы очень проницательны, сэр. Им и впрямь поровну годков.

— Милорд, некоторые лондонские джентльмены разбираются в асквибо, как французы — в бургундском. Сознаюсь, я не отличу «Глен то» от «Глен сё», но способен понять, что напиток

двадцатидвухлетней выдержки должен быть исключительно хорош.

— О, это редкость. Его осталось мало, очень мало. Сам Бог велел вам стать ценителем асквибо, сэр. Тауэру предстоит принять ещё много якобитов, среди которых будет немало горцев. Вы станете настоящим знатоком и коллекционером.

— Так положим начало моему обучению и коллекции! Дэвид! — крикнул Троули лакею, поджидавшему в коридоре, затем вновь обратился к Макиену: — Что вы расскажете об этой бутылке? Чем она примечательна?

— О, сэр, вам следует обратить внимание не только на возраст, но и на место изготовления. Шотландия велика и разнообразна, земля её изрезана, как моё лицо. Ни одна долина не похожа на другую. В каждой свой климат, своя почва, своя вода. Мы зовём воду вином Адама. Я знавал горцев, которые, заплутав в тумане, узнавали место по глотку воды из ручья или из озера.

— Или по рюмашке асквибо из ближайшей винокурни! — вставил генерал-лейтенант Троули, изрядно повеселив Даунса.

Руфус Макиен выслушал шутку хладнокровно, однако под спокойным взглядом его единственного глаза, очень голубого и ясного, смешки

англичан оборвались сами собой.

— Так и есть! Асквибо — дочь холодной чистой воды, что плещет в горных ручьях.

— Милорд, вы по своей чрезвычайной скромности не отдаёте должного людям, живущим в этих долинах. Ведь наверняка есть секреты мастерства — мало просто смешать несколько природных ингредиентов.

Руфус Макиен выгнул брови и поднял указательный палец.

— Ваша правда, сэр, и спасибо, что дали мне случай пропеть хвалы.

Даунс и Троули рассмеялись. Дэвид поставил на стол серебряный поднос с крохотными — на восьмую часть унции — рюмочками для асквибо.

— Прошу садиться, милорд.

— Спасибо, я постою, как пристало учителю перед учениками.

Оба англичанина несколько смутились, но шотландец жестами показал, что они должны сесть, и даже придвинул Даунсу стул. Он объяснил:

— В небольшом дельце при Мальплаке, о котором вы, может быть, слыхали, меня маленько двинули прикладом, я упал с лошади и сломал копчик. — Он упёрся руками в почки и выгнулся вперёд. Было слышно, как хрустит его позво-

ночник.

— Верно, его милость никогда не сидит, а сводит меня с ума своими хождениями, — вставил Даунс.

В конце концов Троули и Даунс уступили настояниям Макиена: сели и приготовились слушать.

— Как земля Шотландии состоит из гор и лощин, так и мой народ делится на множество кланов, а кланы — на семьи. Секреты изготовления асквибо хранят наши старики. И как кланы и семьи различны между собой, так различны винокурни, тайны мастерства, а значит, и сам напиток.

— Так поведайте нам о клане и семье, обитающих там, откуда эта бутыль! — попросил Троули. — Почему-то слово «Гленко» кажется мне знакомым. Впрочем, за годы войны у меня в голове скопилось столько чудн**ы**х названий, что и не разобрать.

— Удивительно, что вы спросили, сэр, ведь это мой клан и моя семья!

Даунс и Троули от души рассмеялись такому трюку — явно просчитанному заранее. Теперь они во все глаза смотрели на лорда Жи, видя его в совершенно другом свете, как славного малого и доброго собутыльника.

Шотландец легчайшим намёком на поклон отметил, что ценит их восхищение, и продолжил:

— Вот почему я вручаю вам этот дар, генерал-лейтенант Троули. Для горца живая вода из родной лощины — всё равно что кровь собственных жил. Я дарю её вам, чтоб она жила и после того, как топор опустится на мою шею.

Он наконец протянул бутыль Троули. Тот, как всякий англичанин, чтил церемониальный жест, потому молодцевато вскочил и с поклоном принял бутылку. Когда комендант опустился на стул, сел наконец и Макиен.

— Однако, милорд, ваша скромность вновь мешает вашим обязанностям наставника. Мы должны узнать что-нибудь о людях Гленко, прежде чем пить… э…

— Воду их жизни, сэр.

— О да.

— Мало что можно рассказать о Макиенах из клана Макдональдов, — молвил лорд Жи. — Мы немногочисленны, особенно в последнее время. Гленко лежит к северу от Аргайла, неподалёку от Форт-Вильяма. Это холодная и бесприютная долина на склоне Грампианских гор, у залива Лох-Линне, что омывает брега острова Малл. К нам редко кто забредает, и то больше по ошибке,

заплутав на пути в Крианларих. И все равно мы стараемся принять путников, как дорогих гостей. Увы, гостеприимство — опасная вещь. Никогда не знаешь, как за него отплатят.

— Много ли виски производят в Гленко?

— Насколько мне известно — ни унции, вот уже много лет. Если в вашей коллекции будет Гленко, то лишь очень старое.

— Как так?

— Винокурня бездействует. Никто не гонит там воду жизни.

— Коли так, сдаётся, что Макиенам Макдональдам выпали трудные времена, — серьёзно проговорил Троули.

— Воистину. Когда все мы, сидящие здесь, были ещё детьми, вышел указ короля Вильгельма, что вожди горских кланов должны подписать присягу, отречься от верности Стюарту, которого вы называете Претендентом. Алистер Макиен Макдональд, мой вождь, подписал, что от него требовали. Однако, добираясь из нашей отдалённой долины в лютые зимние холода, он опоздал к некоему сроку. Вскоре после этого Гленко завалило снегом по самые крыши. И тут к нам забрела рота солдат из Форт-Вильяма, заплутавших в снежную бурю, полумёртвых от голода и холода,

синих, чисто покойники на кладбище. Нас не пришлось упрашивать. Мы жалостливы и мягкосердечны, всегда готовы приветить путника. Мы поселили их у себя, и не в хлевах со скотиной, а в собственных, пусть и скромных домах. Ибо для нас то были не чужаки, а братья-шотландцы, пусть из другого клана. Мы устроили пир. Вот куда ушло всё наше асквибо! В глотки этих ракалий! Но нам было не жалко.

И тут случилось чудо: снаружи донеслись звуки волынки.

Дом коменданта располагался в углу Внутреннего двора, так что фасад у него был фахверковый, а заднюю стену составляла куртина Тауэра. Из окон в верхней её части комендант мог смотреть на Уотер-лейн, внешний пояс укреплений, пристань и реку. И пристань, и Уотер-лейн в дневные часы были открыты для всех. Видимо, экономка Троули, проветривая спальни, распахнула окна верхнего этажа. По совпадению бродячий волынщик на улице как раз заиграл горский мотив в надежде получить монетку от прохожих или солдат. Тот же самый мотив напевал себе под нос лорд Жи несколькими минутами раньше.

Сильные чувства проступили на лице Макиена, покуда он рассказывал о заблудившихся солда-

тах и пире, который закатили пришельцам его родичи в сугробах Гленко. При звуках волынки в глазу шотландца блеснули слезы, и он принялся тереть повязку, скрывавшую другой.

— Мне надо промочить горло. Вам трудно её откупорить, сэр?

— Признаюсь, милорд, столько слоёв воска, свинца и проволоки хранят содержимое этой бутыли надёжно, как стены Тауэра.

— Тут я с вами поспорю: куда надёжнее! — воскликнул лорд Жи. — Дайте-ка её мне, я знаю трюк.

Троули протянул ему бутыль.

Последние несколько минут Даунс сидел с кислой миной.

— Не могу смолчать, милорд. Ваш рассказ затронул печальную струну в моей памяти. Я не помню подробностей, но уверен, это не конец.

— Тогда я быстро доскажу до конца. Две недели солдаты жили в Гленко, как самые близкие люди, уничтожали наш скудный зимний запас, жгли наш торф, отплясывали рилу с нашими девушками, а потом, встав в пять утра, предали Макиенов Макдональдов огню и мечу. Наша деревня превратилась в бойню. Немногие успели скрыться в горах, стеная и плача, унося в сердцах

ужас и боль. Там мы поддерживали себя снегом и жаждой мести, пока злодеи не ушли прочь. Лишь тогда мы спустились на пепелище — вырыть братские могилы в промёрзлой земле Гленко.

Стражник Даунс и генерал-лейтенант Троули, потрясённые до глубины души, застыли, как в столбняке. Одно резкое слово или движение Руфуса Макиена — и они бы с воплями выбежали на улицу.

Но нет — он лишь на мгновение закрыл единственный глаз, затем открыл его и выдавил кривую улыбку.

Для англичан тут была заключена мораль: несмотря на пережитую в детстве трагедию, Руфус Макиен вырос джентльменом и нашёл опору в умении себя держать, к которому это звание обязывает.

— Ну что, — сказал он, — по глоточку?

— Милорд, — хрипло проговорил Троули, — отказаться было бы неучтиво.

— Тогда давайте я открою её, чёрт возьми, — сказал Руфус Макиен из клана Макдональдов. Он рукавом вытер глаз и туда же, в рукав, высморкался, пока из носа не потекло. — Мистер Даунс, как я уже говорил, тут есть один фокус. Может полететь стекло. Я прошу вас отвернуться

— чтобы мне не пришлось в завещании отписать вам свою повязку!

Мистер Даунс позволил себе сдержанно улыбнуться шутке и отвёл взгляд.

Лорд Жи схватил бутылку за горлышко и с размаху разбил её Даунсу о затылок.

Теперь в руке у него было одно горлышко, однако оттуда торчал мокрый стальной кинжал девяти дюймов в длину. Прежде чем генерал-лейтенант Троули сумел оторваться от стула, шотландец уже запрыгнул на стол.

Было слышно, как в прихожей рыжая девица запирает дверь на щеколды.

Руфус Макиен из клана Макдональдов сидел на корточках посреди стола; Троули видел, отчётливо и близко, чт***о*** у того под килтом. Зрелище, по всему, совершенно парализовало коменданта, облегчив гостю следующий шаг. «*Вот это* ты понимаешь?» — спросил Макиен, всаживая кинжал Троули в глаз, так что остриё, пройдя через мозг, упёрлось в заднюю стенку черепа.

Шлюп «Аталанта», Грейвзенд

день

На борту «Аталанты» II. Барнс

ОНИ СТОЯЛИ У ПРИСТАНИ в Грейвзенде, неподалёку от того места, где останавливается паром из Лондона, так что довольно заметная толпа любопытных глазела на них, выкрикивая вопросы. Может, Исаак счёл свои слова про «немца» точкой в разговоре, а может, просто не захотел, чтобы на него таращились.

Даниель чувствовал на себе ещё один любопытный взгляд. Некий джентльмен маячил на краю его зрения уже по меньшей мере четверть часа. Судя по платью, это был офицер Собственного её величества Блекторрентского гвардейского полка.

— Полковник Барнс, — сказал джентльмен в ответ на холодный недружественный взгляд Даниеля.

— Я доктор Даниель Уотерхауз, и, должен заметить, иные *преступники,* желая отрекомендоваться, обращались ко мне учтивее.

— Знаю. Именно так один из них отрекомендовался мне несколько часов назад на Тауэрской пристани.

— Полковник Барнс, как я понимаю, у вас дела на берегу. Не смею задерживать.

Барнс взглянул на палубу шлюпа: оттуда на пристань в двух местах перекинули сходни.

Драгуны двумя струйками перетекали по ним, подгоняемые бранью сержантов на палубе и увещаниями лейтенантов на пристани; сойдя на берег, они выстраивались повзводно.

— Напротив, доктор Уотерхауз, мне следует оставаться на корабле. Здесь от меня больше проку. — Он громко постучал по палубе.

Даниель, опустив взгляд, увидел, что одна нога у полковника — из чёрного дерева со стальным наконечником.

— Так вы блекторрентец до мозга костей, — заметил Даниель.

Полки отличались не только мундирами, но и сортом дерева для офицерских тростей и тому подобного. У Блекторрентского полка дерево было чёрное.

— Да, я в полку с Революции.

— Наверняка вам необходимо следить за разгрузкой…

— Доктор Уотерхауз, вы не знаете, что такое делегирование полномочий, — отвечал Барнс. — Объясняю: я говорю подчинённым свести на причал все взводы, кроме двух, и они это делают.

— Кто делегировал вам полномочие докучать мне на юте?

— Вышеупомянутый учтивый преступник.

— Полковник командует полком, не так ли?

— Совершенно верно.

— Вы хотите сказать, что полковником в свою очередь командует преступник?

Барнс и бровью не повёл.

— Таков порядок почти всех армий. Верно, при милорде Мальборо было немного иначе, но с тех пор, как его отстранили от командования, остались только преступники снизу доверху.

Даниель рассмеялся бы от души, если б разум не подсказывал ему держаться с Барнсом осторожнее. Шутка полковника была остроумна, но неосмотрительна.

Почти все гвардейцы сошли с корабля, остались лишь два взвода человек по четырнадцать. Один взвод собрался в носовой части палубы, другой — ближе к корме, прямо под ютом, на котором расположились Барнс с Даниелем. В середине свободного пространства стоял сержант Боб. Он смотрел на пристань, так что Даниель видел его в профиль; сейчас сержант чуть повернулся к ним и коротко взглянул на Барнса.

Тот дал приказ отчаливать.

По команде шкипера убрали сходни и отдали концы.

— Вы с сержантом Бобом воевали двадцать

пять лет, — сказал Даниель.

— Вы правы, труд нашей жизни пошёл насмарку! — с притворной обидой воскликнул Барнс. — Я предпочёл бы сказать, что мы насаждали мир и преуспели.

— Говорите, как угодно. Так или иначе, вы четверть века жили бок о бок и слышали каждую его шутку, каждый примечательный случай из его жизни, тысячу раз.

— У нас, военных, это дело обычное, — признал Барнс.

— Лет десять или двадцать назад в палатке на Рейне или в ирландской лачуге сержант Боб рассказал вам о нашем знакомстве, и теперь вы убеждены, что знаете обо мне всё. Вы полагаете, что можно подойти ко мне дружески, сболтнуть что-нибудь этакое, и мы с вами повязаны, как мальчишки, которые надрезали пальцы, смешали кровь и зовут себя побратимами. Прошу вас, не обижайтесь, что я держу дистанцию. У стариков есть свои причины для замкнутости, никак не связанные с высокомерием.

— Вам следовало бы возобновить знакомство с Мальборо, — сказал Барнс, делая вид, что услышанное произвело на него сильное впечатление. — Вы бы славно поладили.

— Вы неудачно выбрали наречие.

Барнс на время замолчал. К Грейвзендской пристани подошли баржи с лошадьми, началась выгрузка. Блекторрентцы были драгунами, то есть сражались пешими, используя оружие и тактику пехоты, а перемещались на лошадях. Другими словами, это была ударная часть. Очевидно, высадившиеся взводы получили приказ скакать по дороге на восток вдоль реки параллельно шлюпу.

— Сейчас все до смерти перепуганы, — заметил Барнс, подходя ближе и протягивая Даниелю половину небольшого хлебца, на которую тот набросился почти как волк. — Послушать вигов, так якобиты уже на горизонте, подгоняемые католическим ветром. А сэр Исаак боится немца! Не могут якобиты и Ганноверы разом занимать одно и то же пространство. Однако страхи вигов и сэра Исаака равно реальны.

Упомянув о невозможности двум предметам находиться в одном объёме, Барнс обнаружил род словесного тика, восходящего к Декарту. Другими словами, он выпускник Кембриджа или Оксфорда и должен сейчас быть приходским священником, а то и настоятелем. Как его сюда занесло?

— Когда сэр Исаак с таким трепетом говорит о

немце, он имеет в виду не Георга-Людвига.

В глазах Барнса мелькнуло недоумение, затем — восхищённый интерес.

— Лейбниц?..

— Да. — На сей раз Даниель не смог подавить улыбку.

— Так сэр Исаак не якобит?

— Ни в коей мере. В пришествии Ганноверов его страшит лишь то, что Лейбниц — доверенное лицо Софии и принцессы Каролины. — Даниель не знал, стоит ли говорить Барнсу так много. С другой стороны, лучше Барнсу знать правду, чем подозревать Исаака в тайной приверженности подменышу.

— Вы пропустили поколение, — заметил Барнс с озорством — во всяком случае, с той долей озорства, которая возможна в одноногом драгунском полковнике.

— Если Георг-Людвиг питает интерес к философии — или вообще к чему бы то ни было, — то ему хорошо удаётся это скрывать, — отвечал Даниель.

— Должен ли я заключить, что нынешняя экспедиция берёт исток *в философском споре?* — Барнс огляделся, словно увидел шлюп в новом свете.

«Аталанта» уже вышла в фарватер и, не сдержи-

ваемая более медлительными баржами, подняла больше парусов, чем на первом отрезке пути. На правом берегу меловые холмы отступали от реки, расширяя полосу болот у своего подножия. Слева лежал Тилбери — последний порт на том берегу; дальше до самого моря тянулись илистые отмели. Даже с прибавленными парусами до цели был не один час; Исаак не появлялся. Даниель рассудил, что не беда, если он побеседует с любителем философии.

Он поднял глаза, выискивая подходящее небесное тело, однако погода хмурилась. Впрочем, под рукой был другой пример: волны, расходящиеся от корпуса, и отмели за Тилбери.

— Я не вижу солнца. А вы, полковник Барнс?

— Мы в Англии. Слухи о нём до меня доходили. Во Франции я как-то его видел. Сегодня — нет.

— А луну?

— Сейчас она полная и зашла за Вестминстер, когда мы грузились на Тауэрской пристани.

— Луна с другой стороны планеты, солнце за облаками. И всё же вода, которая нас несёт, подчиняется им обоим, не правда ли?

— Согласно надёжным источникам, отлив на сегодня не отменён. — Барнс взглянул на часы. — В Ширнессе он ожидается в семь утра.

— Сизигийный отлив?

— Исключительно низкий. Посмотрите сами, какое течение.

— Почему в отлив вода устремляется к морю?

— Под влиянием Солнца и Луны.

— Однако мы с вами их не видим. Вода не обладает зрением и волей, чтобы за ними следовать. Каким образом Солнце и Луна, столь далёкие, приказывают воде?

— Тяготение. — Полковник Барнс понизил голос, словно священник, произносящий имя Господне, и огляделся — не слышит ли их сэр Исаак Ньютон.

— Теперь все так говорят. В моём детстве не говорили. Мы бездумно повторяли за Аристотелем, что в природе воды тянуться за Луной. Теперь, благодаря нашему спутнику, мы говорим «тяготение». Нам кажется, что мы стали умнее. Так ли это? Поняли вы приливы и отливы, полковник Барнс, оттого, что сказали «тяготение»?

— Я и не утверждал, что понимаю.

— Весьма мудро.

— Довольно, что понимает *он*, — продолжал Барнс, глядя вниз, как будто мог видеть сквозь палубу.

— Понимает ли?

— Так вы все утверждаете.

— Мы — то есть Королевское общество?

Барнс кивнул. Он смотрел на Даниеля с некоторой тревогой. Даниель молчал, мучая его неопределённостью, так что Барнс наконец не выдержал:

— Сэр Исаак работает над третьим томом, в котором разрешит все вопросы, связанные с Луной. Объединит всё.

— Сэр Исаак выводит *уравнения,* которые согласовывались бы с *наблюдениями* Флемстида.

— Таким образом вопрос будет решён окончательно, и если теория предсказывает орбиту Луны, то она применима и к плесканиям морской воды.

— Но разве *описать* значит *объяснить?*

— По мне так это неплохой первый шаг.

— Да. И его сделал сэр Исаак. Вопрос, кто сделает второй.

— Он или Лейбниц?

— Да.

— Лейбниц ведь не занимался тяготением?

— Вам кажется, что сэру Исааку, сделавшему первый шаг, легче сделать второй?

— Да.

— Мысль естественная, — признал Дани-

ель. — Впрочем, иногда тот, кто вышел раньше, забредает в тупик и остаётся позади.

— Как может быть тупиком теория, которая безукоризненно всё описывает?

— Вы сами слышали недавно, как сэр Исаак выказал опасения насчёт Лейбница.

— Потому что Лейбниц близок к Софии! Не потому, что он более великий учёный!

— Простите, мистер Барнс, но я Исаака знаю со студенческой скамьи. Поверьте мне, он не оцеживает комаров. Если он так тщательно готовится к битве, значит, ему предстоит схватка с титаном.

— Чем Лейбниц опасен сэру Исааку?

— Хотя бы тем, что не ослеплён восхищением и, в отличие от англичан, готов задавать трудные вопросы.

— Какие именно?

— Например, тот, что задал сейчас я: как вода узнаёт, где Луна? Как она чувствует Луну сквозь Землю?

— Тяготение проходит сквозь Землю, как свет — сквозь стекло.

— И какое же оно, это тяготение, если может проходить сквозь плотное вещество?

— Понятия не имею.

— Сэр Исаак тоже.

Барнс на мгновение замер.

— А Лейбниц?

— У Лейбница совершенно иной подход, настолько иной, что многим кажется диким. Преимущество его философии в том, что она не требует говорить глупости о тяготении, струящемся сквозь Землю, как свет сквозь стекло.

— Тогда у неё должен быть не менее серьёзный изъян, иначе величайшим учёным мира был бы не сэр Исаак, а он.

— Быть может, он и есть величайший, но никто об этом не знает, — сказал Даниель. — Впрочем, вы правы. Изъян Лейбницевой философии в том, что пока никто не может выразить её математически. И потому он бессилен предсказывать затмения и приливы, как сэр Исаак.

— Тогда что хорошего в философии Лейбница?

— Возможно, она правильная, — отвечал Даниель.

Холодная гавань

тот же день
Дарт-цирюльник

ТАУЭР МОГ БЫ СТОЯТЬ вечно, почти не требуя ухода, если бы не род человеческий. Опасность

этой конкретной заразы заключена не столько в разрушительной, сколько в неукротимой созидательной деятельности. Люди постоянно тащат всё новые строительные материалы через многочисленные ворота и возводят себе жильё. С веками эти жалкие сооружения рассыпались бы в прах, оставив Тауэр таким, каким замыслили его Бог и норманны, если б не ещё одна дурная особенность людей: найдя убежище, они его заселяют, а заселив, тут же принимаются чинить и достраивать. С точки зрения смотрителей, Тауэр страдал не от нашествия термитов, а от засилья ос-гончаров.

Всякий раз, как констебль Тауэра приглашал землемера и сравнивал новый план с тем, что оставил ему предшественник, он обнаруживал новые осиные гнёзда, нараставшие, как пыльные комки под кроватью. Если бы он попытался вышвырнуть тамошних обитателей и сровнять незаконные постройки с землёй, ему бы представили документы, согласно которым самовольные жильцы вовсе не самовольные, а честно снимают свои углы у других жильцов, которые в свою очередь вносят арендную плату или служат некоему учреждению либо ведомству, чьё существование освящено временем или королевским указом.

Уничтожить эти постройки могла бы лишь хорошо согласованная политика поджогов, а так их рост сдерживала только нехватка места. Короче, вопрос сводился к тому, какую скученность люди способны вынести. Ответ: не такую, как осы, но всё же весьма значительную. Более того, существует тип людей, которым скученность нравится, и во все времена их естественно притягивал Лондон.

Дарт-цирюльник жил в мансарде над складом в Холодной гавани. Б*о*льшую часть года там и впрямь было холодно. Дарт и его сожители — Пит-маркитант и Том-чистильщик — обрели здесь своего рода метафорическую житейскую гавань. Однако в остальном название только сбивало с толку: место располагалось далеко от воды и гаванью служить не могло. Так звался клочок земли и несколько складов посреди Тауэрского луга, возле юго-западного угла Белой башни — донжона, выстроенного Вильгельмом Завоевателем.

Под самой крышей в глинобитной стене фронтона была проделана отдушина такого размера, что из неё мог вылететь голубь или выглянуть человек. Через эту отдушину, с высоты, так сказать, голубиного полёта, Дарт и смотрел сейчас на плац — самое большое открытое пространство в Тау-

эре. Образцово ухоженный участок английской земли — любо-дорого поглядеть. Однако рядом с Холодной гаванью его уродовали рубцы изъеденного дождями камня: остатки стен, снесённых эпохи назад давно умершими констеблями. Ибо если что и могло подвигнуть констебля на борьбу с египетской язвой лачуг, клетушек и закутов, то лишь мысль о собственной смертности, подкреплённая осознанием, что в Тауэре не осталось места вырыть ему могилу. Так или иначе, разрушенные фундаменты свидетельствовали, что некогда Холодная гавань была больше. С земли руины представлялись запутанным лабиринтом, где ничего не стоит сломать ногу. С высоты, откуда смотрел Дарт, их можно было прочесть как древние письмена, начертанные на зелёном сукне серой и жёлтой краской.

Если бы минувшие столетия волновали Дарта так же, как предстоящие часы, он мог бы расшифровать каменный палимпсест и прочесть историю этого места: застава против неукротимых англов — внутренний вал в системе концентрических укреплений — сторожевой пост на въезде в королевский замок — трущобы — ноголомный лабиринт. Часть, в которой обитал Дарт, сохранили только потому, что её легко

было приспособить под склад.

Будь Дарт склонен к глубоким интроспекциям, он бы задумался о странности своего положения: неграмотный цирюльник, маркитант и чистильщик башмаков живут в двадцати шагах от главной твердыни Вильгельма Завоевателя.

Однако ни тени подобных мыслей не мелькнуло у Дарта, когда он смотрел через отдушину, откашливая кровь в заскорузлую бурую тряпицу. Дарт жил настоящим мгновением.

Плац тянулся на сотню шагов с востока (от казарм у основания Белой башни) на запад (к улочке у западной стены, где лепились домишки стражников). Сто пятьдесят шагов отделяли его северную границу (церковь) от южной (дом коменданта). Холодная гавань — приют Дарта-цирюльника, Пита-маркитанта и Тома-чистильщика — находилась примерно на середине восточного края. Таким образом, Дарт хорошо видел почти всю северную часть плаца, а всё, что справа, заслоняла от него Белая башня — приземистый каменный куб в самой середине Тауэра. Её величественные очертания портили с западной и южной сторон одинаковые низкие казармы, поставленные вплотную, так что их острые крыши сливались в одну зубчатую ли-

нию. Здесь и в таких же казармах по соседству размещались две роты гвардейцев. Десяток рот распихали по периферии Внутреннего двора, на Минт-стрит и где там ещё сыскалось для них место. Всего гвардейцев было около тысячи.

Тысяча человек не может прожить без еды — вот почему маркитантам охотно разрешали селиться в щелях Тауэра и пристани. Пит был одним из них; он снимал мансарду и сдавал в ней место под гамак Дарту, а теперь и Тому.

Собственным её величества Блекторрентским гвардейцам часто приходилось выполнять обязанности церемониального рода, например встречать иностранных послов на Тауэрской пристани, так что их сильнее обычного заботило поддержание амуниции. Соответственно, Тому и другим чистильщикам работы всегда хватало. А любому человеческому сообществу нужны цирюльники, чтобы перевязывать раны, удалять лишние волосы, телесные соки и гангренозные конечности. Поэтому Дарту позволили намотать кровавую марлю на пику и поставить её перед некой дверью в Холодной гавани как понятный всем знак своего ремесла.

Сейчас он никого не брил и не перевязывал, а снова и снова нервно правил бритву, поглядывая

на Тома, совершавшего обход казарм. Почти весь гарнизон находился на Тауэрском холме; у каждой двери Том останавливался, чтобы начистить оставленные солдатами башмаки. Выглядел Том лет на двенадцать, однако голос и вкусы имел вполне взрослые, и Дарт подозревал, что он просто таким уродился.

Том работал уже часа два и вошёл в размеренный ритм. Он садился на корточки, чистил пару башмаков, затем вставал, расправляя спину, скучающим взглядом обводил плац и поднимал глаза к небу, словно хотел узнать, не портится ли погода. Затем он принимался за новую пару башмаков.

Скучнее его работы могло быть лишь наблюдение за ней. Хотя Дарту велели не спускать с Тома глаз, веки его то и дело закрывались. Солнце светило сквозь белую дымку, окутавшую чердак дремотным теплом. Время от времени прохладный ветерок напоминал Дарту, что надо открыть глаза. Как положено цирюльнику, он был выбрит хуже всех в Тауэре. Щетина будила его всякий раз, как он, засыпая, упирался подбородком в закаканный голубями подоконник. Чтобы скоротать время, Дарт мог лишь точить и без того острые бритвы, но тогда они стали бы совсем

прозрачными.

У Тома на плече лежала жёлтая тряпка.

Минуту назад её там не было. Дарт, охваченный страхом и стыдом, тут же принялся оправдываться: я не сводил с него глаз больше, чем на миг.

Он посмотрел снова. Том взялся за следующую пару башмаков. Жёлтая тряпка молнией горела на фоне старых чёрных.

Дарт закрыл глаза, сосчитал до пяти, открыл их снова и посмотрел в третий раз, чтобы убедиться окончательно. Тряпка была на месте.

Дарт-цирюльник впервые за два часа отошёл от окна, собрал инструмент в сумку и двинулся к лестнице.

Мансарду загромождали мешки с мукой и бочки с солониной, с потолка свисали окорока, потрошёные кролики и гамаки, в которых спали Дарт, Том и Пит. Однако Дарт уверенно лавировал между препятствиями. Так же уверенно он спустился по опасной для жизни лестнице и через вонючий ход не шире его плеч выбрался на чуть более просторную L-образную улочку, ведущую к воротам Кровавой башни. Миновав поворот, он вышел на траву перед юго-западным углом Белой башни, а оттуда, свернув влево, попал на плац.

Его предупредили, что озираться нельзя, и он

всё-таки не утерпел и взглянул на Тома, прилежно чистившего башмаки. Том сидел лицом к Дарту, нагнувшись, но глаза закатил так, что Дарт видел только их белки.

Соответственно, заметить Дарта Том не мог — он смотрел куда-то вверх. Дарт попытался проследить его взгляд, поскольку последние два часа Том явно что-то высматривал в небе. Над западной стеной различался только Монумент, примерно в полумиле от Тауэра, и купол Святого Павла. Дарт повернул голову вправо и посмотрел на север. Здесь за складами и казармами внутреннего двора в небо поднимались клочки дыма. Горело где-то неподалёку, но не на Монетном дворе, а дальше. Дарт заключил, что дым идёт с Тауэрского холма и, скорее всего, не пороховой — он не слышал выстрелов. Наверное, в Тауэр-хамлетс жгут мусор. А может, горит что-нибудь посерьёзнее.

Дарт миновал уже половину плаца, когда дверь дома номер шесть внезапно распахнулась. Вместо одного часового перед домом стояли целых три. Значит, шотландца выводят на прогулку. Вышел стражник. Это был Даунс. Сегодня утром он вызвал Дарта побрить его, а сейчас ещё и надел свой лучший наряд. За Даунсом шёл лорд

Жи, огромного роста и в килте. За лордом Жи — его служанка, гренадёрского вида рыжеволосая девица с корзиной в руке. Даунс зашагал к комендантскому дому под парапетом Колокольной башни. Три гвардейца образовали треугольник вокруг него и узника, рыжая служанка замыкала шествие. Дарт остановился их пропустить и приподнял шляпу. Шотландец не удостоил его вниманием; Даунс подмигнул. Дарт забыл обо всей компании, как только она прошла. Трудно представить событие более заурядное, чем визит знатного узника к коменданту Тауэра.

Одинокий часовой — блекторрентец — стоял перед дверью дома номер четыре, типично тюдоровского, как и дом номер шесть. Перенеси его на зелёный эссекский луг, убери часового и замени странных обитателей на мелкого торговца с женой, никто не увидел бы в нём ничего примечательного. Когда стало понятно, что Дарт направляется к дому номер четыре, часовой обернулся и постучал в дверь. Через мгновение из окошка высунулась голова стражника.

— Посетитель к милорду?

— Цирюльник, — отвечал часовой.

— Ему назначено?

Клуни всегда задавал этот вопрос, тем не менее

Дарт с трудом подавил желание броситься наутёк — или, хуже, во всём сознаться. Однако он чувствовал взгляд чистильщика, направленный ему в спину, как пистолетное дуло.

— Сэр… — Дарту пришлось отхаркнуть и проглотить кровавую мокроту, прежде чем он собрался с духом и продолжил: — Я обещал милорду прийти на этой неделе.

Клуни исчез в доме. Через открытое окно можно было слышать, как он говорит с узником. Потом скрипнули половицы и загремели замки. Стражник Клуни открыл дверь и кивнул часовому.

— Его сиятельство вас примет! — провозгласил он трубным голосом, напомнившим Дарту, какая непомерная честь для простолюдина — скрести бритвой графскую макушку.

Дарт втянул голову в плечи и торопливо вошёл в дом, не забыв приподнять шляпу перед часовым и кивнуть Клуни.

Гостиная домика выходила на плац тем самым окном, через которое Клуни сейчас разговаривал с часовым. Она была самой светлой. В ней Дарт и расстелил на полу простыню, а сверху поставил стул.

Граф Холлесли доживал остаток дней в Тауэре, потому что во время Войны за испанское наслед-

ство получил от правительства некие деньги, которые потратил не на закупку селитры в Голландии, а на новую крышу для своей загородной усадьбы. Сейчас ему было почти шестьдесят, и, насколько знал Дарт, вся его жизнь состояла из бритья головы. Другие узники прогуливались, кончали с собой, затевали немыслимые побеги; граф Холлесли безвылазно сидел в доме номер четыре. Посетители, если не считать Дарта, бывали у него редко, да и то всё больше попы — граф на старости лет перешёл в католичество.

Когда Клуни под руку ввёл его сиятельство в комнату, Дарт сказал: «Милорд» — больше ему говорить не полагалось.

Стражнику Клуни досталась лёгкая, невыносимо скучная работа следить за графом двадцать четыре часа в сутки. Он уселся в угол и стал смотреть, как Дарт усаживает и обвязывает узника простынёй.

— Сэр, — театральным шёпотом обратился Дарт к стражнику. — Я позволю себе закрыть окно. Сегодня ветерок, и я бы не хотел, чтобы волосы разлетелись по вашему чистому дому.

Клуни сделал вид, будто обдумывает услышанное, затем прикрыл глаза. Дарт подошёл к окну и увидел, что Том-чистильщик внимательно на

него смотрит. Прежде чем закрыть раму, Дарт вытащил из кармана платок, громко харкнул и сплюнул на землю.

Само собой разумеется, граф Холлесли носил парик. Тем не менее он нуждался в услугах цирюльника. Граф предпочитал бриться наголо — так не заводятся вши.

К тому времени, как Дарт разложил помазки и бритвы, Том прошёл уже половину плаца. Он по-прежнему смотрел в сторону цирюльника, что было к лучшему — иначе тот не решился бы даже в мыслях, не то что на самом деле. Граф и даже стражник были так велики, так страшны для букашки вроде Дарта. Однако за Томом стояла сила ещё более могущественная. Можно скрыться от мирового судьи, но от таких, как Том, не скроешься и на Барбадосе. Если Дарт не сделает, что велено, то на всю жизнь останется кроликом в лабиринте нор, преследуемым армией хорьков. Только это и дало ему храбрость (если здесь уместно слово «храбрость») объявить:

— Стражник Клуни, я держу бритву у горла милорда Холлесли.

— А… что? — отозвался Клуни из полудрёмы.

— Бритву у его горла.

Граф читал «Экземинер». Его сиятельство был

туг на ухо.

— Так вы ему не только голову будете брить, но и лицо?

Такого план не предусматривал. Все думали, Клуни поймёт, что такое бритва у горла.

— Я не собираюсь ничего ему брить. Я угрожаю перерезать его сиятельству глотку.

Граф напрягся и затряс газетой.

— Виги погубят эту страну! — провозгласил он.

— Чего ради вам совершать столь безумный поступок? — удивился Клуни.

— Альянс! — негодовал граф. — Почему не назвать себя честно кликой заговорщиков?! Они хотят свести её величество в могилу! Это чистое убийство!

— Чего ради — спросите Тома. Он за дверью. А я ничего не знаю, — отвечал Дарт.

— Всё, всё здесь! — Граф так резко подался вперёд, что сам перерезал бы себе глотку, если бы Дарт не отдёрнул бритву. — «Герцог Кембриджский»! Чем ему свой немецкий титул нехорош? Можно подумать, он англичанин до мозга костей!

В дверь постучали.

— Чистильщик, — объявил часовой.

— Впустите его, — сказал Дарт, — и не вздy-

майте подать знак часовому: Том будет за вами следить. Он всё объяснит.

— Немудрено, что её величество разгневалась! Это преднамеренный афронт. Происки Равенскара. Годы и болезни не сгубили нашу королеву, так он хочет уморить её оскорблениями!

Клуни вышел из комнаты. Дарт трясущейся рукой сжимал бритву, ожидая, что сейчас вбежит часовой и выстрелом разнесёт ему голову. Однако дверь открылась и закрылась тихо. Теперь Дарт различал в прихожей голос Тома-чистильщика.

— Ганноверское вороньё! — гремел лорд Холлесли. — София не хочет ждать, когда корона перейдёт ей естественным чередом — нет, она шлёт своего внука, как коршуна, клевать увядшие щёки нашей государыни!

Дарт силился разобрать, о чём говорят чистильщик и стражник, но за гневными возгласами графа и шуршанием газеты уловил лишь отдельные слова: «Московит… Уэйкфилдская башня… позвонки… якобиты…»

Внезапно Том просунул голову в комнату и оглядел Дарта без всякого выражения, как судебный следователь — труп.

— Оставайся здесь, пока всё не случится, — приказал он.

— Что всё? — спросил Дарт, но Том уже выходил в дверь, а стражник Клуни — за ним.

Дарт стоял, уперев занемевшую руку с бритвой в ключицу графа, и смотрел, как они шагают к Уэйкфилдской башне, куда, по слухам, бросили вчера однорукого московита.

Делать было нечего, и Дарт принялся намыливать графу голову. В северной части Тауэрского холма зазвонили колокола. Где-то горит. В любое другое время Дарт побежал бы смотреть — он любил пожары. Однако долг удерживал его здесь.

Шлюп «Аталанта», Темза ниже Грейвзенда

конец дня
На борту «Аталанты» III. Боб Шафто

СПОДОБИВШИСЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ, за которое ему в Оксфорде или Кембридже пришлось бы немало заплатить, полковник Барнс не мог отказать Даниелю в желании взглянуть на карту. Они спустились с юта и разложили её на бочке, чтобы сержант Боб тоже мог посмотреть. Это была не роскошная карта, вручную нарисованная на золочёном пергаменте, а самая простая, оттиснутая с доски на бумаге тринадцать на семнадцать дюймов.

Картограф явно стремился показать, что эта часть мира не заслуживает изображения на картах, поскольку здесь нет ничего, кроме ила, очертания которого меняются с каждым днём. Даже названия были какие-то односложные. Казалось, Англия, затерев до негодности слова, выбрасывает их в канаву, как сломанную курительную трубку, а Темза несёт их вместе с сором, фекалиями и дохлыми кошками в своё устье.

Сразу впереди река поворачивала влево. Судя по карте, через милю-две лежал ещё один поворот, а дальше — море. Этот отрезок реки назывался Хоуп — «надежда». Удачное предзнаменование для сэра Исаака Ньютона.

«Надежда» огибала молотообразный выступ Кента. Не чёткая граница между рекой и болотом, а скорее приливно-отливная полоса в милю шириной: в отлив река становилась вдвое *у*же. Со стороны моря молоток оканчивался полукруглым бойком — островом Грейн. К северу от него текла Темза, к югу — Медуэй; как два грузчика, столкнувшись на улице, бросают ношу, чтобы на кулачках выяснить, кто должен уступить дорогу, так и две реки, сойдясь вместе, сбрасывали весь сор, который несли в море. Так образовался мыс на восточном берегу острова Грейн. Про-

должаясь в море, он миля за милей истончался, превращаясь в узкую косу. На её продолжении и находился Норский буй. Устье разевалось, как гадючья пасть, и Норская коса торчала оттуда раздвоенным языком. На корабле там было не пройти — слишком мелко, на лошади не проехать — слишком глубоко.

Однако задолго до буя, у самого острова Грейн, было место, куда можно попасть и по воде, и верхом — в зависимости от времени суток. Крохотный островок — на карте не больше мошки. Даниелю не требовалось наклоняться и разбирать мелкие буковки, он и так знал, что это Шайвский утёс.

Подняв взгляд от карты к невразумительной береговой линии, он видел несколько мест, где кости земли проступали сквозь мясо, наращенное рекой. Шайвский утёс, примерно в миле по высокой воде от острова Грейн, был одним из них. У него имелись даже свои заводи и отмели, повторяющие в миниатюре ту систему, к которой принадлежал он сам.

Какой-то умник давным-давно догадался сложить здесь курган, чтобы высматривать викингов или зажигать сигнальный костёр, а следующие поколения умников возвели на этом

фундаменте сторожевую башню.

Даниель повернулся к полковнику Барнсу и увидел, что тот ушёл — его вызвали на шканцы. Зато сержант Боб стоял рядом и смотрел на Даниеля почти враждебно.

— Вы меня за что-то осуждаете, сержант?

— Когда вы последний раз ночевали в Тауэре, — (Боб имел в виду некие события накануне Славной революции), — вы рассказали мне следующее: якобы вы своими глазами видели, как некий младенец вышел из влагалища английской королевы в Уайтхоллском дворце. Вы и ещё целая толпа важных особ.

— Да?

— Ребёночек вырос, живёт в Сен-Жермене и воображает себя нашим будущим королём. Верно?

— Об этом постоянно твердят.

— Однако виги называют его подменышем, говорят, что это неведомо чей ублюдок, принесённый в Уайтхолл в грелке, и ни у какой королевы во влагалище не бывал, по крайней мере, пока не вырос настолько, чтобы залезать женщинам в такие места.

— Я слышал такое неоднократно.

— И где вы после этого?

— Где и был. Сто лет назад мой отец бегал по

Лондону, провозглашая, что все короли и королевы — ублюдки и лучшие из них недостойны править копной сена. Меня воспитали в таких убеждениях.

— Вам это не важно.

— Родословная — не важна. Иное дело — политика и поведение.

— Потому вы и с вигами, — сказал Боб уже более спокойным тоном, — что политика Софии вам больше по душе.

— Вы же не думали, что я — якобит?!

— Я должен был спросить. — Боб Шафто наконец оторвал взгляд от Даниеля и огляделся.

Шлюп двигался на север вдоль Хоуп, но они уже могли заглянуть за последний изгиб реки и увидеть поразительное зрелище: сплошную воду до самого горизонта.

— Болингброк — вот кто якобит, — заметил Боб. С тем же успехом он мог бы сказать, что Флитская канава приванивает.

— Вы часто его видите? — спросил Даниель.

— Я часто вижу *его*. — Боб повернулся к бизань-мачте и взглядом указал на штандарт с гербом Чарльза Уайта. — А вы наверняка знаете, что он — плеть в руке Болингброка.

— Не знал, но охотно верю.

— Болингброк — любимец королевы с тех самых пор, как он выжил из страны Мальборо, — продолжал Боб.

— Об этом слышали даже в Бостоне.

— А виги — ваш друг в частности — собирают свою армию.

— Когда мы с месяц назад встретились на Лондонском мосту, вы бросили какой-то странный намёк, — сказал Даниель.

Он впервые с пробуждения ощутил страх: не тот бодрящий, который испытываешь, проносясь в лодке под Лондонским мостом, а липкий, давящий, из-за которого первые недели в Лондоне не смел вылезти из постели. Чувство было настолько знакомое, что странным образом успокаивало.

— Виги многим шепчут на ухо. — Боб посмотрел туда, где чуть раньше стоял полковник Барнс. — «Вы с нами или против нас? Готовы ли вы включиться в перекличку? Узнают ли Ганноверы, придя к власти, что вы были им верны?»

— Ясно. Трудно устоять перед таким убеждением.

— Не так трудно, когда есть Мальборо, вон там. — Кивок в сторону восточного горизонта. — Но есть и другое давление, ещё более сильное, со стороны Болингброка.

— Что сделал милорд Болингброк?

— Пока ничего. Хотя к чему-то готовится.

— К чему?

— Он составляет список всех капитанов, полковников и генералов. И по словам Уайта, который проговаривается, якобы спьяну, Болингброк скоро предложит им выбор: продать офицерские патенты или подписать документ, по которому они обязуются служить королеве безусловно.

— Продать якобитам, надо думать.

— Надо думать, — с ехидцей повторил Боб.

— И когда королева на смертном одре решит, что корона должна перейти её брату (я не стану кривить душой, называя его подменышем), армия поддержит этот декрет и впустит Претендента в Англию.

— Сдаётся, что к этому идёт. И таким, как полковник Барнс, сейчас нелегко. Маркизу Равенскару можно вежливо отказать. Однако слова Болингброка — как Норский буй: надо выбирать, и потом уже не свернёшь.

— Да, — отвечал Даниель. Он не стал говорить очевидное: что Барнс, верный Мальборо, не пойдёт за Болингброком. Однако Боб прав: ему придётся выбирать. Нельзя сказать «нет» Болингброку, не сказав «да» Равенскару.

Некоторое время Даниель стоял и злился на Болингброка: какая глупость толкать людей вроде Барнса в объятия противоположного лагеря! Он паникует — других объяснений нет. А паника, как известно, заразительна: судя по вопросам, которые Барнс и Шафто задают Даниелю, она уже начала распространяться.

Да, но почему они обратились к нему? Барнс, шутка ли, командует драгунским полком и, если хоть десятая часть его и Шафто намёков хоть на чем-то основана, поддерживает связь с Мальборо.

Как там Барнс сказал несколько минут назад? «Все перепуганы до смерти». Внешне это относилось к Исааку и его страхам касательно Лейбница. Однако, возможно, Барнс имел в виду себя.

Или действительно *всех*. Роджер Комсток, маркиз Равенскар, так демонстративно весел, что не кажется напуганным. Однако, по словам Боба, он вербует армию, а это не похоже на поведение человека, спокойно спящего по ночам.

Кто не напуган? Даниелю пришёл на ум только Кристофер Рен.

Если герцогиня Аркашон-Йглмская и напугана, она этого не показывает.

Может быть, не напуган Мальборо. Трудно ска-

зать, пока он в Антверпене.

Вот и все, кого он сумел вспомнить.

И тут Даниель пережил одно из тех странных мгновений, когда он словно отделился от тела и увидел себя с высоты чаячьего полёта. И задумался: для чего ему, на исходе дней, составлять скучные перечни, кто напуган, а кто нет? Неужто члену Королевского общества нечем больше занять время?

Ответ был вокруг, он нёс их, спасая от смерти в речных волнах: Надежда. Согласно мифу, последнее, что вышло из ящика Пандоры. Почувствовав на горле липкие пальцы страха, Даниель почти физически возжаждал надежды. И может быть, надежда не менее прилипчива, чем страх. Он хочет заразиться надеждой и пытается вспомнить людей, вроде Рена и Мальборо, от которых её можно перенять.

По крайней мере, в качестве гипотезы сойдёт. И описывает не только его поступки, но и чужие. Почему принцесса Каролина вызвала Даниеля из Бостона? Почему мистер Тредер хотел объединиться с ним в клуб? Почему Роджер рассчитывает на него в задаче о нахождении долготы, а Лейбниц — в создании думающей машины? Почему такие, как Сатурн, таскаются за ним

по Хокли-в-яме, прося духовных наставлений? Почему Исаак хочет заручиться его помощью? Почему мистер Бейнс просил, чтобы Даниель позаботился о его дочери в Брайдуэлле? Почему полковник Барнс и сержант Шафто осаждают его вопросами?

Потому что все они напуганы, все, как Даниель, жаждут надежды, а потому ищут человека, который её им даст. Мысленно перебирая, кто напуган, а кто нет, они по какому-то чудовищному недоразумению заносят Даниеля в колонку «не напуган».

Поняв это, Даниель рассмеялся. Боб мог бы оторопеть. Но поскольку Боб привык считать, что Даниель не напуган, он расценил его смех как очередной признак редкостного присутствия духа.

Как тут быть? Даниель подумал, не нанять ли гравёра, чтобы напечатать листки, в которых он, Даниель Уотерхауз, провозгласит миру, что едва ли не поминутно обмирает со страха. В других обстоятельствах это был бы самый разумный выход — позорный, разумеется, зато честный. И самый быстрый способ избавиться от страждущих, которые мечтают припасть к его якобы неиссякаемому источнику надежды.

Но это если относиться к мифу о ящике Пандоры по-детски, то есть считать надежду ангелом. Может быть, Пандора на самом деле чёртик из табакерки, а надежда — заводная фигурка, *deux ex machina*.

Бог из машины. Даниель много занимался театральной машинерией, холодным взглядом наблюдал её действие на зрителей. Он даже пережил долгую фазу презрения к театру и к людям, которые платят деньги за то, что их дурят.

Однако вернувшись в Лондон (где есть театры) из Бостона (где их нет), Даниель убедился, что был неправ в своей строгости. Лондон лучше Бостона. Англия — более развитая страна, в том числе из-за театров. Нет ничего плохого в том, что людей дурят актёры или машинерия.

Даже если надежда — механическая игрушка, выскакивающая из ящика Пандоры при помощи рычагов и пружин, — в ней нет ничего дурного. Если куча людей почему-то вообразила, будто Даниель не напуган, и теперь черпает из этого надежду для себя и для других, то можно лишь радоваться. Даниель должен оставаться на сцене, должен играть свою роль, пусть сто раз искусственную. Поскольку таким образом он побеждает заразу паники, заставляющую таких, как

Болингброк, затевать беспредельно глупые игры. Искусственная, механическая надежда может порождать надежду подлинную — вот где истинная алхимия, превращение свинца в золото.

— Чарльз Уайт очень похож на милорда Джеффриса, вы согласны?

— Во многих отношениях, да, вашблагородь.

— Помните ночь, когда мы ловили Джеффриса, как бешеного пса, нашли и передали правосудию?

— Ещё бы! Двадцать лет эта история кормит и поит меня в кабаках.

Что ж, теперь многое становится на места. В пересказах история могла обрасти подробностями и выставить Даниеля б***о***льшим героем, чем в жизни.

— Когда мы с вами в тот вечер выходили из Тауэра, мы встретили Джона Черчилля — я называю его так, потому что тогда он ещё не звался Мальборо.

— Помню. Вы с ним отошли на середину дамбы, чтобы поговорить вдали от чужих ушей.

— Да. И тема разговора должна, как и тогда, оставаться тайной. Но вы помните, чем всё закончилось?

— Вы пожали друг другу руки, очень торже-

ственно, как если бы заключили сделку.

— Ваше умение видеть суть порою меня пугает. Итак, зная Мальборо и зная меня, готовы ли вы предположить, что я или он нарушим сделку, заключённую вот так, пред вратами Тауэра, накануне Славной революции, когда и его, и моя жизнь висела на волоске?

— Разумеется, нет, сэр. У меня и в мыслях…

— Знаю, не продолжайте. Позвольте лишь сказать вам, сержант, что сделка по-прежнему в силе, что наша нынешняя экспедиция — её часть, что всё хорошо, а революция становится славнее день ото дня.

— Вот это я и хотел услышать, — с лёгким поклоном сказал Боб.

Даниель еле сдержался, чтоб не ответить: «Знаю».

Монумент, Лондон

конец дня
Шафто на Монументе

НА СЕРЕДИНЕ ПОДЪЁМА они остановились перевести дух. Два молодых паломника сели на каменную приступку под крохотным оконцем; строители не пожалели труда, чтобы заключить

капелюшку блёклого неба в массивную сводчатую кладку.

Один из паломников первым делом припал к окну. Несколько мгновений его лёгкие работали, как кузнечные мехи.

— Жалко, что день сегодня какой-то смурной, — заметил он, немного отдышавшись.

— Придётся нам самим его озарить, — отвечал второй.

Он втиснул плечо в щель света между каменной кладкой и рёбрами своего спутника, подвинул его и тоже урвал порцию воздуха. Воздух был лондонский, то есть свежим зваться не мог, но после спёртых миазмов в стофутовом колодце казался почти живительным.

Паломник постарше, несколькими витками лестницы ниже, споткнулся. Ему не хватило дыхания на крепкое словцо; пришлось ограничиться чередою гневных вдохов и выдохов.

— Свет… не… за… сти… те! — выговорил он наконец по слогу на ступеньку.

Младшие — которые были не так и молоды, обоим хорошо за тридцать, — двинулись вверх. Тут они поняли, что сейчас придётся пропустить трёх спускающихся молодых джентльменов. Все трое предусмотрительно отцепили ножны от

перевязей и теперь шли, неся шпаги перед собой, будто святые с распятиями в руках.

Младшие паломники были во всём чёрном, если не считать белых воротничков. Строгое платье дополняли чёрные же плащи ниже колен. Наряд выдавал в них нонконформистов — квакеров или даже гавкеров. Навстречу им спускались люди прямо противоположного толка — щёголи с Пикадилли, пропахшие джином и табаком.

— Мы побывали на небесах, — сладким голосом пропел один. — Там такая скучища, что теперь мы спешим в ад. Не соблаговолите ли уступить дорогу?

Его спутники рассмеялись.

Они не видели, как лица паломников, скрытые полутьмой, отразили отнюдь не набожное веселье.

— Пропусти этих господ, брат! — крикнул первый диссентер тому, что поднимался следом. — Небеса потерпят, а их заждались в аду!

Он приник к холодной стене, а вот его брату, чью спину уродовал огромный горб, пришлось сойти на несколько ступеней вниз и втиснуться в оконную нишу.

— Вы свет мне застите, черти! — напомнил старший, теперь уже различимый как бестелес-

ный белый воротничок в полутьме лестничного колодца.

— Мы пропускаем нераскаянных грешников, отец, — объявил горбун. — Держи себя, как пристало доброму христианину.

— Почему вы не взяли их в плен? Нам нужны заложники!

Необычная фраза прозвучала в тот самый миг, когда первый из щёголей протискивался мимо паломника, вжавшегося в стену. Они были так близко, что щёголь слышал бурчание в животе у диссентера, а диссентер — запах устриц изо рта щёголя. Мгновение оба взвешивали ситуацию: у одного — шпага в руке и стофутовая пропасть за спиной, другой прижат к стене, зато держит тяжёлый посох.

Восходящий на небо отвёл взгляд — не без труда, поскольку не привык уступать, — и крикнул вниз:

— Отец, я поговорил с ними и выяснил, что все они — англичане, а не французские головорезы, как мы думали вначале!

Он подмигнул щёголю. Тот, сообразив, что к чему, отвечал: «А!» — затем: «Вот и хорошо, а то место для стычки неудачное» — и двинулся в обход горбуна. Через несколько мгновений трое

сходящих в ад уже приветствовали старого паломника тем глумливо-вежливым тоном, каким обычно адресуются к сумасшедшим.

— Пора меняться, — сказал горбун.

Он выдвинулся из ниши, впустив на лестницу немного серого света, и сбросил накидку, под которой оказался привязанный к спине длинный шлемовидный предмет. На то, чтобы снять конструкцию с одного брата и закрепить её за плечами у другого, ушли несколько минут лихорадочной работы. К концу их оба были взвинчены не меньше, чем отец. Тот догнал сыновей и привалился к окну, тяжело дыша. Свет упал на лицо, способное поведать больше сверхъестественных и безобразных историй, чем целый склад Библий.

— Смурной день, — насмешливо повторил он. — Что за чушь! Солнце не делает погоды — её делаем мы. Сегодня мне охота сгубить денежную систему этой страны, значит, погода для нас славная.

— На этой поганой лестнице народ так и шлындает вверх-вниз. Неужто ты не можешь придержать язык? — спросил один из братьев — тот, которого опутывала теперь паутина верёвок, держащих шлемовидный предмет.

— Покуда *это* на виду, смешно разводить тайны, Джимми, — ответил отец.

Оценив его правоту, другой брат — который стоял теперь с прямой спиной, держа в руке посох, — набросил на Джимми плащ, превратив его в горбуна.

— Неужто нет иного способа попасть в Тауэр, отец? — спросил он.

— Ты о чём?

— Людные таверны под самой стеной. Забросить оттуда крюк…

— Служанки узников каждый день ходят за покупками. Можно было бы поменяться с кем-нибудь из них платьем, — подхватил Джимми.

— Спрятаться в телеге с сеном…

— Или с корнуоллским оловом…

— Прикинуться цирюльником, который бреет какого-нибудь знатного узника…

— Я сам раз пробрался туда с похоронной процессией, просто чтобы посмотреть…

— Можно дать взятку сторожу, чтобы тебя не выгнали, когда будут запирать на ночь.

Старший паломник сказал:

— Если бы ты, Дэнни, не провёл последний месяц на Шайвском утёсе, готовясь к встрече гостей, а ты, Джимми, не чеканил всё это время

монеты, вы бы знали, что сделали остальные. Но мне для моих целей проникать туда тайком не след, верно? И нечего таращиться на отца, пошевеливайтесь, пока вся затея не кончилась пшиком! А если вылезете наверх раньше меня и увидите там приличных лондонцев, не зевайте, берите их в заложники! Вас не надо учить, как это делается!

Через несколько мгновений они вышли на свет и очутились на квадратной площадке с четырьмя евреями, двумя филиппинцами и одним негром.

— Похоже на зачин бесконечного анекдота из тех, что рассказывают в трактирах безмозглые идиоты, — пробормотал старший паломник, но никто его не услышал.

Джимми и Дэнни стояли, потрясённые зрелищем: с одной стороны, примерно на расстоянии мили, новый купол Святого Павла. Напротив, вдвое ближе, Тауэр. Сразу под ними — так близко, что ухо различало скрежет голландских водяных машин, приводимых в движение начавшимся отливом, — Лондонский мост.

— Томба! Кой чёрт здесь делают эти сыны Израилевы? — обратился старик к негру.

Томба сидел по-турецки на юго-восточном краю площадки. На коленях у него покоился шкив

размером с бычью голову. Негр вынул изо рта свайку — острый кусок китового уса — и сказал:

— Пришли посмотреть на город. Они нам не помешают.

— Я спрашивал в более общем смысле: почему я вижу их везде, куда попадаю, — произнёс старый паломник. Впрочем, теперь он снял воротничок и плащ, оставшись в приличных панталонах, долгополом камзоле и сногсшибательном жилете из золотой парчи с серебряными пуговицами. Говорил он нарочито громко, чтобы слышали евреи: — В Амстердаме, Алжире, Каире, Маниле, теперь здесь.

Томба пожал плечами:

— Они пришли туда раньше нас, так что нечего удивляться.

Он делал сплесень — сращивал два троса. Площадка, на которой они находились, была насажена на ствол Монумента — огромной ребристой колонны, одиноко стоящей на Фиш-стрит-Хилл якобы на том месте, где в 1666 году начался Пожар. Во всяком случае, так гласила латинская табличка на цоколе, согласно которой поджог совершили паписты по наущению Ватикана. Таким образом, середину смотровой площадки занимал полый цилиндр — завер-

шение лестницы и подставка для различных барочных украшений, приделанных сверху, чтобы добавить Монументу высоты. Филиппинцы, составившие обувь аккуратным рядком, чтобы работать босыми, по-матросски, обнесли центральный цилиндр несколькими кругами троса. Та же верёвка проходила через блок у Томбы на коленях. Человек сухопутный вообразил бы, что блок уже закреплён на верхушке Монумента, но филиппинцы были такелажные мастера и продолжали сплеснить, найтовить, стропить и клетневать. Они и без того работали споро, а при появлении человека в парчовом жилете заторопились ещё сильнее, так что евреи даже отступили на край площадки, боясь, как бы их не закололи свайкой, не пришибли драйком и не вплели их пейсы в турецкую оплётку.

Отец Джимми и Дэнни подошёл к восточному краю площадки, вытащил из кармана подзорную трубу, раздвинул её и осмотрел четверть мили Лондона от подножия Монумента до Тауэрского холма. Пятьдесят лет назад здесь были только тлеющие уголья и лужи расплавленного кровельного свинца. Соответственно, всё теперешнее было возведено при Стюартах из кирпича, за исключением нескольких Реновых церквей,

преимущественно каменных. Одна из них — Святого Георгия — стояла так близко, что старший паломник мог бы спрыгнуть и расшибиться о её крышу. Однако церковь Святого Георгия интересовала его лишь как ориентир. Подняв трубу, он увидел прямо перед собой церковь Святой Марии на холме в пяти с чем-то сотнях футов от цоколя Монумента. На её куполе сидел малый с подзорной трубой; он оторвал трубу от глаза и помахал рукой. Жест выглядел приветствием, не предупреждением, так что сектант в парчовом жилете, удостоверившись, что на крыше этой церкви, рядом с медной бадейкой, лицом к улице (Сент-Мэри-Хилл) стоит арбалетчик, перевёл взгляд на несколько градусов правее. Там за зданиями на Сент-Мэри-Хилл высилась церковь Дунстана на востоке, и на её крыше тоже находились посторонние. Две церкви разделяла всего сотня ярдов, а ещё сотней ярдов восточнее стояло другое массивное здание, на крышу которого сходным образом проникли арбалетчики и прочие незваные гости. Это был Тринити-хауз, гильдия или клуб лондонских лоцманов. Надо думать, сейчас на нижних этажах пьяные отставные кормщики, прихлёбывая херес, гадали, кой чёрт кто-то топочет у них на крыше.

Левее, футах в пятистах ближе, он видел церковь Всех Душ с прилегающим к ней кладбищем. Церковь выглядела донельзя мирно, если не считать одинокого часового на колокольне. К кладбищу по Тауэр-стрит двигалась похоронная процессия.

Дальше начинался Тауэрский холм, открытый гласис между Лондоном и рвом Тауэра: место публичных казней, плац для муштры и лужайка для пикников, если можно назвать лужайкой бурую утоптанную землю. Сейчас на ней различались алые полоски. Тауэрский гарнизон проводил здесь свои долгие скучные учения. Это объясняло, отчего земля бурая — трава не могла пробиться сквозь утоптанную почву. Учения проходили в эту самую минуту, отсюда и красные полоски — Собственный её величества Блекторрентский полк носил красные мундиры. Солдаты были выстроены поротно, что позволяло сосчитать их даже без подзорной трубы: ровные ряды казались красными метками на глиняном черепке.

— Я насчитал двенадцать! Всего рот четырнадцать, первая на реке, двенадцать на холме, одна, как всегда, охраняет Тауэр. Сколько из этой роты на пристани, сосчитаете? Ладно, не отвлекайтесь, собирайте механизм… Где, чёрт возьми, мой во-

лынщик? А, вижу, идёт по Уотер-лейн. Надо же… я, кажется, слышу дикие завывания волынки. Не повезло коменданту! А где мой пожар?

Подзорная труба двинулась влево, через весь Тауэр. Мелькнули северная стена и ров, затем — часть Тауэрского холма к северу от укреплений. Здесь город вытягивался языком, разрезая холм почти пополам. Крайние здания на Постерн-роу отстояли от рва не больше чем на бросок камня. Кварталы эти юридически подчинялись не Лондону, а Тауэру; здесь было своё ополчение, свои мировые судьи и даже своя пожарная команда. Про пожарную команду ему подумалось неспроста. Один из домов в Тауэр-хамлетс горел — судя по длинному шлейфу дыма, уже давно, но только сейчас огонь вспыхнул в полную силу, так что из окон вырвались оранжевые клубы. Немедленно вызвали пожарных, которые сутками просиживали в тавернах, якобы на посту, а теперь спешили из закоулков, из Винокуренного двора и Сэвидж-Гарденс на Вудрафф-лейн. Однако их превосходили численно и даже частично опережали зеваки, желавшие просто поглазеть на горящий дом, — вездесущая толпа.

— Мои люди! — умильно воскликнул человек в парчовом жилете.

Он опустил подзорную трубу, несколько раз моргнул и впервые за несколько минут перевёл взгляд на то, что творилось у него под носом. На площадку с лестницы выбрался почти ослепший от пота великан-индеец, таща бадейку с шёлковым шнуром. Один из филиппинцев влез на самую верхушку Монумента, двадцатью футами выше, и привязал себя к основанию фонаря. Он поймал бухту троса, брошенную ему снизу товарищем. Томба сплесневал, орудуя свайкой, как писарь — пером, и время от времени поглядывал вверх. Евреи на юго-восточном краю площадки образовали кагал и темпераментно гадали, что происходит. Бездействовали только Джимми и Дэнни: они по-прежнему в полном ошеломлении таращились на Тауэр.

— Проснитесь, черти полосатые, — крикнул старик в золотом жилете, — пока я не подошёл и не выбил вам пыль из черепушек!

Он не успел добавить ещё нежностей, потому что внимание его привлекло нечто на Темзе.

Ниже моста, у водореза четвёртой опоры была пришвартована развалюха-баржа. Чуть ближе к гавани снимался с якоря шлюп (в чём не было ничего примечательного) и одновременно выдвигал орудия, что выглядело уже страннее;

более того, матросы на корме готовились поднять синий флаг с золотыми королевскими лилиями.

Однако старик в парчовом жилете смотрел не столько на шлюп, сколько на запряжённый восьмёркой воз, въехавший на мост со стороны Саутуарка: в таком могли бы доставлять плиты из каменоломни. Груз был накрыт старым холстом; спереди и сзади шагали лихие молодцы — если они оставались верны духу своей профессии, то попутно обчищали витрины лавок, карманы и кошельки, словно саранча, движущаяся через поле спелой пшеницы. Когда весёлая процессия достигла противопожарного разрыва на середине моста, какой-то малый спрыгнул с воза, подбежал к парапету и, нагнувшись вниз, несколько раз взмахнул жёлтой тряпицей. Взгляд его был устремлён на четвёртый водорез. Там блеснула сабля, разрубая швартов. Баржа начала медленно дрейфовать с отливом.

— Детки мои. Голубчики, — сказал человек в парчовом жилете, затем вновь повернулся к сыновьям: — Каждый мошенник в радиусе мили делает мне одолжение, кроме вас, обалдуев. Знаете, сколько времени я копил те одолжения, что трачу сейчас? Благодарность труднее добыть, чем деньги. Считайте, что я швыряю гинеи в

море. Зачем, спросите? Ради вас исключительно, хочу раздобыть вам маменьку. — Голос его стал сиплым; лицо обмякло и на нём не осталось следов гнева. — Вылупились на Тауэр, будто не видали минаретов Шахджаханабада! Напомнили мне меня самого, когда мы с Бобом мальцами впервые сунулись в город. Вам, может, и есть на что подивиться, вы ведь занимались другими делами и, надо сказать, поработали на славу. А у меня это место в печёнках сидит. Да, ваш отец основательно изучил Тауэр, хоть никогда там не был. Собаку на нём съел, как мог бы выразиться наш друг лорд Жи. Шутка ли, для человека, так мало склонного к ученью! Много часов поил я ирландскую шваль из здешнего гарнизона, знающую все ходы и выходы. Засылал художников рисовать ту или иную башню. Стоял здесь на ледяном ветру с подзорной трубой. Обхаживал служанок, поил и шантажировал стражников. Теперь я знаю Тауэр, как старый викарий — свой приход. Я знаю, каких узников держат под замком, а каких — выпускают на прогулки. Знаю, сколько получает констебль Тауэра на содержание состоятельного члена палаты общин и на члена палаты общин без средств. Знаю, какие пушки на пристани исправны, а какие не стре-

ляют из-за плесени в лафетах. Сколько в Тауэре собак, сколько при хозяевах и сколько бездомных, и сколько из бездомных — бешеные. Какой узник у какого стражника живёт и в каком доме. Когда главный смотритель врат уезжает лечиться на воды, кто вместо него запирает Тауэр на ночь? Я знаю. А известно ли вам, что аптекарь должен получить патент от констебля, а цирюльник — должность неофициальная? Мне известно, потому что цирюльник тоже работает на нас. Всё это и бесчисленное множество другого я выяснил. И пришёл к выводу, что Тауэр — заурядный английский городишко с ветхой тюрьмой и церковью, а примечателен лишь тем, что здесь делают деньги, а самые заметные обитатели — сплошь лорды, осуждённые за государственную измену. Говорю вам сейчас, чтобы вы не впали в столбняк потом, увидев это воочию. И ещё, чтобы вы перестали пялить глаза, сочли, наконец, солдат на пристани и собрали ракету, чёрт подери!

Джимми и Дэнни начали выходить из прострации при упоминании бешеных псов — даже люди, живущие в постоянной опасности, склонны внимать определённого рода предупреждениям. Слово «ракета» встряхнуло их, как верёвка палача. Джимми сбросил плащ на каменную

площадку. Несколько мгновений казалось, что Дэнни совершает братоубийство, хотя он всего лишь перерезал верёвки.

— Дьявол! Надо было мне меньше болтать, больше смотреть, — сказал их отец, обозревая в подзорную трубу крыши домов. — Покуда я трепал языком, ребята протянули тросы.

Паучья нить соединяла теперь церковь Марии на холме с церковью Дунстана на полях, а ту — с Гильдией лоцманов. Старик удачно навёл трубу на Тауэр-стрит, как раз когда над ней пролетала арбалетная стрела. Она вонзилась в медную крышу церкви Всех Душ. В следующий миг босой темнокожий человек подобрался к ней и начал странную пантомиму. Он тянул шёлковую бечёвку, такую тонкую, что в подзорную трубу её было не различить. Она шла от крыши Гильдии лоцманов и постепенно утолщалась; если бы старик в парчовом жилете набрался терпения, то вскоре смог бы её увидеть.

Он повернул трубу к прилегающему кладбищу, где похороны приняли зловещий оборот: крышку гроба откинули, под ней оказался шлемоподобный предмет с торчащей из основания длинной палкой. В ногах гроба стоял бочонок с шёлковым шнуром.

Ещё чуть-чуть левее: Тауэрский холм. Алые шеренги исчезли! Солдаты ушли. Старик обвёл трубой холм и нашёл их там, где рассчитывал: они маршировали в сторону дыма и огня. А как же иначе: горело неподалёку от полковых конюшен. Протокол лондонских пожаров был так же чёток и неизменен, как протокол коронаций: сперва прибывает пожарная команда, потом толпа и, наконец, солдаты, чтобы её разгонять. Всё по традиции.

Он опустил трубу и взглянул на сыновей — выполняют ли те свою часть плана. И впрямь, они уже закрепили посох в основании механизма и прислонили его к парапету, направив в сторону церкви Святой Марии на холме. От основания палки тянулись несколько ярдов стальной цепи, привязанной к свободному концу троса, проходящего над бадейкой, которую принёс индеец. Всё как задумано. Старик взглянул вниз и увидел, что воз подъехал к основанию Монумента. Повернулся к реке, проверяя, что там, но обзор ему загородил худой человек в длинной одежде, который вышел с лестницы, даже не запыхавшись.

— Тысяча чертей, ребята, к нам большое начальство!

В ответ — презрительное фырканье Джимми

и Дэнни.

Человек в длинной одежде откинул капюшон, явив взглядам чёрные с проседью волосы и немодную, но безусловно красивую эспаньолку.

— Добрый день, Джек.

— Скажите лучше: «Бонжур, Жак», отец Эд, чтобы заложники увидели вашу французистость. И заодно перекреститесь несколько раз, чтобы подчеркнуть свою католичность.

Отец Эдуард де Жекс с удовольствием перешёл на французский и повысил голос:

— До конца дела у меня будет ещё не один повод перекреститься. Мон Дьё, это все заложники, каких вы сумели взять? Они же евреи.

— Знаю. Как свидетели они тем более ценны, что не питают пристрастия ни к одной из сторон.

Нос отца Эдуарда де Жекса являл собой великолепную несущую конструкцию для ноздрей, которыми можно было втягивать пробки. Сейчас он пустил их в ход, засопев на евреев, потом сбросил плащ, так что те увидели иезуитскую рясу с распятием на груди, чётками и прочими католическими регалиями. Евреи, пребывавшие до сих пор в блаженной уверенности, что возня с тросами — часть работ по рутинному поддержанию

Монумента, теперь не могли решить, изумляться им или трепетать. «Мы пришли полюбоваться видами, — словно говорили они, — и не ждали испанскую инквизицию».

— Где монеты? — спросил де Жекс.

— Когда вы поднимались, вас едва не сбил с ног индеец, спешащий вниз?

— *Oui.*

— Когда вы следующий раз его увидите, он будет с монетами. А теперь, если позволите, я хотел бы взглянуть на реку.

Джек обошёл де Жекса и поднял подзорную трубу, но тут же вновь опустил её за ненадобностью. Баржа дрейфовала с отливом и преодолела примерно треть расстояния до Тауэрской пристани. На палубе шли уже знакомые манипуляции с верёвками и ракетами. Что до шлюпа, он двигался к Тауэрской пристани, неся французский флаг на виду у всего Лондона. Если бы Джек удосужился глянуть в подзорную трубу, он увидел бы тросы, кошки, мушкетоны и прочий абордажный инвентарь.

Оставался вопрос: видят ли это из Тауэра? Что, если Джек закатил банкет, на который никто не явится?

За его спиной де Жекс, как всякое надзирающее

лицо, задавал дурацкие вопросы.

— Джимми, что ты думаешь?

— Думаю, слишком много зависит от того, как всё повернётся в Тауэре, — буркнул Джимми.

Де Жекс обрадовался случаю поддержать маловеров пастырским словом:

— Да, с виду Тауэр неприступен. Однако тебе как человеку неграмотному недостаёт исторической перспективы. Знаешь ли ты, Джимми, кто был первым узником Тауэра?

Джимми подумал, не столкнуть ли де Жекса с площадки, но рассудил, что ответить, пожалуй, проще.

— Нет, — буркнул он.

— Его святейшество Ранульф Фламбард, епископ Даремский. А знаешь ли ты, Джимми, кто первый бежал из Тауэра?

— Понятия не имею.

— Ранульф Фламбард. То было в лето Господне тысяча сто первое. С тех пор мало что изменилось. Из Тауэра не бегут не потому, что он так надёжно охраняется, а потому, что узники, английские джентльмены, считают неприличным его покидать. Если бы Тауэр охраняли французы, наша затея была бы обречена на провал.

— Смотрите, всё-таки они не спят, — вставил

Джек. — Вон, алые мундиры на пристани. Тревогу подняли.

— Отлично, — промурлыкал де Жекс. — Значит, русский и шотландец могут осуществить то, о чём англичане не смели и помыслить.

Шлюп «Аталанта», у берегов острова Грейн

конец дня
На борту «Аталанты» IV. Остров Грейн

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, как они в следующий раз увидели Барнса, «Надежда» осталась далеко позади. Отлив продолжался: вода убегала с такой скоростью, что грозила схлынуть совсем, оставив шлюп на обнажившемся дне Темзы. Река сужалась на глазах, оголяя серо-бурые отмели. В нескольких милях по левому борту был виден Саутенд, увязший в илистой плоскотине. Однако главенствовал в этой картине океан, занимавший теперь примерно четверть обзора.

Справа в Кентских болотах петляла широкая река, почти безуспешно силясь пробиться к стремительно отступающей Темзе.

— Это Янлет, — объявил полковник Барнс. — Всё, что за ним, — уже остров Грейн.

— Как может река отделять остров? — спросил

Даниель.

— Такие вопросы — наказание нам за то, что мы взяли с собой натурфилософов, — вздохнул Барнс.

— Сэр Исаак тоже спросил?

— Да, и я отвечу вам так же. — Барнс, развернув карту, провёл пальцем по S-образному изгибу Янлета до верховий, где с ним соединялся отросток другой реки, текущей в противоположную сторону и впадающей в Медуэй на другом берегу острова.

— Здесь тяготение словно смеётся над нами — кто объяснит направление этих рек? — задумчиво пробормотал Даниель.

— Может, Лейбниц? — тихо отвечал Барнс.

— Значит, и впрямь остров. Тогда возникает следующий вопрос: как ваши люди на него переправятся? Насколько я понимаю, такова их задача.

Барнс грязным ногтем провёл по дороге, идущей от Грейвзендской пристани на восток к основанию меловых холмов. Там, где Темза делала петлю, огибая головку молотка, дорога сворачивала на юг, чтобы напрямик пересечь его узкую рукоять по более высокому и сухому месту.

— Вот здесь они должны были нас обогнать, — сказал Барнс. — А вот мост — единственный — через Янлет на остров Грейн.

— Как человек военный вы с особым нажимом отмечаете, что мост один.

— Как человек военный я на сегодня им завладел, — сообщил Барнс. — Мои люди перешли его и поставили пикет со стороны острова. — Он взглянул на часы, убеждаясь, что не поторопился с этим утверждением. — Теперь Джек и его люди не смогут уйти сушей. А если они попытаются уйти морем — там будем мы.

Из карты ничего больше узнать было нельзя, и Даниель поднял голову. Он увидел прямоугольную башню на чём-то вроде сложенного из камней кургана примерно в миле впереди.

В прилив Шайвский утёс, одиноко встающий из вод над морскими вратами Англии, вероятно, производил впечатление если не чарующее, то угрюмо-величественное. Однако сейчас он просто торчал посреди обнажившейся илистой равнины размером с Лондон.

— Если Джек достоин своей славы, у него наверняка есть корабль — возможно, побольше и получше нашего, — сказал Даниель не столько из искренних опасений, сколько из желания

подначить Барнса.

— А вы посмотрите, что там вдали! — воскликнул Барнс.

Даниель посмотрел за островок и увидел, что в миле-двух дальше вновь начинается вода. Ему потребовались секунды две, чтобы догадаться: это устье Медуэя. На дальнем берегу стояла система укреплений с рыбачьей деревушкой у подножия — Ширнесс.

— Если Джек попытается бежать во Францию, нам довольно будет дать сигнал Ширнесскому форту. Остальное — забота Адмиралтейства, — рассеянно проговорил Барнс, наводя бронзовую подзорную трубу на Шайвский утёс. — Впрочем, до этого не дойдёт. Видите, там есть фарватер для доставки припасов и воды, и Джек его углубил, чтобы можно было подходить на всё б***о***льших и б***о***льших кораблях. Но в сизигийный отлив там не пройдёшь даже на шлюпке. Джек остался на мели.

Примерно тогда же, когда Шайвский утёс показался из-за острова Грейн, ветер задул с правой скулы. Последние несколько минут матросы разворачивали паруса. Это маскировало действия сигнальщиков, которые (насколько мог судить Даниель) флажками передавали какие-то указа-

ния драгунам. Короче, наступило затишье — вряд ли надолго. Следующая возможность поговорить с Барнсом могла представиться нескоро.

— Насчёт Роджера не беспокойтесь, — сказал Даниель.

— Простите, сэр?

— Насчёт маркиза Равенскара. Не беспокойтесь. Я отправлю ему записку.

— Какую именно?

— Ну не знаю. «Дорогой Роджер, страшно рад был услышать, что вы собираете армию. Какое совпадение! Я тоже и уже пригласил полковника Барнса главнокомандующим. Надеюсь, мы будем союзниками. Ваш собрат по оружию, Даниель».

Барнс рассмеялся было, но настолько не верил своим ушам, что сдержал смех и покраснел до ушей.

— Буду премного обязан, — сказал он.

— Пустяки.

— Если мои люди пострадают из-за политических…

— Исключено. Болингброк будет доживать свои дни во Франции. Придут Ганноверы, и тогда я распишу принцессе Каролине вас и ваших людей в самых лестных выражениях.

Барнс поклонился, потом сказал:

— Или, наоборот, в зависимости от того, что будет в следующий час.

— Всё будет превосходно, полковник Барнс. Последний вопрос, пока мы не вступили в бой…

— Да, доктор?

— Ваш начальник просил мне что-нибудь передать?

— Простите?

— Преступный тип, который подошёл к вам сегодня на Тауэрской пристани?

— Ах, да, — улыбнулся Барнс. — Рослый, темноволосый и угрюмый — отличный бы вышел драгун. Сказал что-то, что я не совсем понял. Видимо, так и задумывалось. Просил передать вам, что это сети.

На десять секунд Даниель окаменел.

— Вам нехорошо, доктор?

— Ветер с моря холодноват.

— Я принесу одеяло.

— Нет, стойте… Так… он и сказал? «Это сети»?

— Слово в слово. Можно полюбопытствовать, что это значит?

— Что нам надо возвращаться в Лондон.

Барнс рассмеялся.

— С какой стати, доктор?

— Потому что это ловушка. Разве вы не видите?

Они откуда-то… Джек откуда-то знает.

— Что знает, доктор?

— Всё. Он заманил нас сюда.

Барнс на мгновение задумался.

— Вы хотите сказать, что русского заслали?

— Вот именно! Иначе с чего бы он рассказал так много и так быстро?

— Потому что Чарльз Уайт зажал ему яйца в тиски?

— Нет, нет, нет. Уверяю вас, полковник Барнс…

— Чересчур сложно, — был вердикт Барнса. — Скорее, преступный тип на жалованье у Джека и рассчитывал таким образом нас остановить.

Барнса было не переубедить. Даниель совершил ошибку, сначала внушив ему надежду, а затем попытавшись возбудить страх. Если отсутствие надежды толкает людей на отчаянные поступки, то её преизбыток заставляет их делать глупости противоположного толка. Хитрая штука надежда, и управляться с нею следовало бы кому-нибудь поопытнее Даниеля.

С берега их приветствовали ружейным выстрелом. Шкипер велел убавить паруса, и шлюп сразу замедлился. От острова Грейн отвалил ял. Новость мгновенно достигла шканцев. Через несколько секунд на юте появились Чарльз Уайт

и сэр Исаак Ньютон.

Ял доставил лейтенанта Собственного её величества Блекторрентского гвардейского полка. Гребли рыбак — хозяин реквизированного ялика — и его сын. Оба выглядели не столько удручёнными таким поворотом событий, сколько ошарашенными.

Лейтенант привёз груз слов, который с немалой гордостью предъявил на юте. Слова эти были приняты как ценные сведения всеми, кроме Даниеля, который видел за ними лишь очередной трюк Джека-Монетчика.

Суть сводилась к тому, что достигнут блистательный успех. Драгуны во весь опор пронеслись через мост на полчаса раньше намеченного времени и оставили там взвод. Остальные заняли позиции на берегу, обращённом к Шайвскому утёсу. Дозорных разместили на колокольне церкви Святого Иакова. Она стояла на единственном бугорке острова Грейн, который по такому случаю мог считаться холмом. Там же устроили штаб. Б*о*льшая часть драгун ждала у церкви, готовая либо остановить побег из башни, либо скакать туда верхами и штурмом брать Джеков оплот. Всё это видели обитатели башни, которые сожгли какие-то документы (по крайней мере,

так можно было истолковать идущий оттуда дым) и попытались скрыться по воде.

Со стороны островка, обращённой к морю (там, где фарватер был углублён), стояло судёнышко футов шестидесяти в длину, выстроенное по образцу голландского рыболовецкого гукера. Даниель, сын контрабандиста, знал, что это идеальное судно для доставки незаконных грузов через Северное море. Дрейк предпочитал более плоскодонные, поскольку обычно разгружался в мелких прибрежных речушках, но раз у Джека был собственный фарватер, то ему годились и суда с большей осадкой, как этот гукер. Обитатели башни что-то поспешно туда перегрузили, подняли паруса и попытались выйти по фарватеру в открытое море. Однако гукер немедленно сел на мель — на расстоянии полёта стрелы от башни. Тогда они выбросили за борт часть груза, судно снялось с мели, и тут же ветер, дующий с траверза, снёс его к краю фарватера, где оно село на мель снова, уже намертво. Таким образом, фарватер освободился: беглецы спустили вельбот, немногим больше баркаса, зато с мачтой и парусом. Вельбот на вёслах вывели в открытое море и подняли парус. Всё это наблюдали с церкви Святого Иакова. Впрочем, наблюдать осталось

недолго: через час наступала темнота.

Окончив рассказ, лейтенант замолчал в ожидании приказа. Мистеру Чарльзу Уайту, который, очевидно, командовал экспедицией, достало вежливости взглянуть на Барнса — мол, распорядитесь сами.

Барнс надолго задумался, к изумлению, а затем и досаде Чарльза Уайта и сэра Исаака Ньютона. Наконец он пожал плечами и отдал приказ. Лейтенанту было предписано возвращаться на берег и вести солдат на Шайвский утёс, «Аталанте» — поднять паруса и преследовать вельбот, по пути спустив шлюпку, чтобы арестовать тех, кто остался на гукере, и спасти судёнышко до того, как его унесёт приливом.

Тут же засуетились все, кроме Чарльза Уайта, который с ироничным вздохом облегчения закатил глаза: о чём полковник Барнс столько размышлял? Бесценные секунды потрачены на обдумывание очевидного.

Отдав приказ, Барнс немедленно повернулся спиной к Уайту и подошёл к Даниелю.

— Вы были правы, — сказал он. — Это… как там выражается ваш приятель? Сети.

— Что заставило вас переменить взгляд, полковник Барнс?

— То, что мне не пришлось принимать решение. Приказ мог бы отдать идиот. — Он покосился на Уайта. — И чуть было не отдал.

— Вы намерены оставаться на шлюпе или отправитесь в баркасе?

— На деревянной ноге по грязи недалеко уйдёшь, — сказал Барнс.

— Даниель, ваше присутствие на Шайвском утёсе было бы мне полезно, — объявил сэр Исаак Ньютон, вступая в их разговор из-за спины Барнса.

Он натягивал плащ. Рядом стоял на палубе сундучок, и по взглядам, которыми Исаак награждал каждого, кто к нему приближался, Даниель заключил, что в сундучке какие-нибудь натурфилософские или алхимические орудия.

Барнс на мгновение задумался.

— С другой стороны, — сказал он, — я могу прыгать на одной ноге.

Дом коменданта, лондонский Тауэр

конец дня
Беспорядки на Уотер-лейн

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, как он добрался до спальни покойного коменданта, пять крюков, заброшен-

ных на верёвках, уже цеплялись за подоконники открытых окон. Ещё один крюк влетел через стекло, и осколок едва не лишил Макиена последнего глаза. Он повернулся, попятился к окну, высунул руку на ветерок и махнул несколько раз, пока не услышал снизу ликующие крики.

Полтора года назад Макиена взяли под стражу за убийство. Убитый был англичанин: виг, который посмеялся над Макиеном в кофейне, делая вид, будто не понимает его слов. Истицей выступила вдова, противница куда более грозная. Путём различных интриг она сумела превратить удар кинжалом в акт государственной измены. Напирая на то, что её покойный супруг был членом парламента, она убедила мирового судью, что шотландский якобит-тори убил видного государственного деятеля по наущению врагов Англии. Так Макиен попал в Тауэр, а не в Ньюгейт. С тех пор он ни разу не ступил за Внутреннюю стену, зато теперь одним махом осуществил половину побега, высунувшись по пояс в окно.

Там был совершенно другой мир. Первым делом Макиен посмотрел на реку — страницу, которую одноглазому не так-то легко было прочесть, столько судов теснилось в лондонской гавани. В детстве любой корабль казался Макиену чудом.

Теперь, повоевав, он видел в каждом сгусток устремления, застывшее действие.

Скоро он различил треугольные паруса шлюпа и синий французский военно-морской флаг, а ниже, на палубе, солдат в синих мундирах. Для самых непонятливых шлюп теперь ещё и дал беспорядочный залп из всех своих фальконетов. Выстрелы, как знал Макиен, преследовали две цели. Во-первых, убедить гвардейцев на пристани, что противник — не мираж. Во-вторых, сообщить остальным участникам спектакля, что Макиен достиг цели и выглянул в некое окно.

В Тауэре и на пристани должны были сейчас находиться семьдесят два рядовых, четыре капрала, четыре сержанта, два барабанщика и один лейтенант, то есть целая рота — минимальный гарнизон, необходимый, по мнению высших лиц, для охраны крепости.

Четверть этого количества — один взвод — обычно находилась на пристани, с наиболее уязвимой стороны Тауэра, куда любой мог попасть на лодке. Остальные три четверти были распределены по различным постам и караульным будкам у ворот, дамб и подъёмных мостов, у домов стражников, перед Башней сокровищ и в тому подобных местах.

Стражников было около сорока. Они представляли собой рудимент преторианской гвардии, созданной Генрихом VII после победы на Босвортском поле, и формально считались солдатами — «копейщиками королевы». Однако Макиена они заботили куда меньше гвардейцев, поскольку находились каждый в своем доме, с узниками, к тому же были плохо вооружены и вообще не организованны как военная часть.

Обычно здесь же ошивались Чарльз Уайт и королевские курьеры — довольно опасные ребята, — однако сегодня они все отправились на увеселительную прогулку по реке.

В теории существовало ещё и ополчение Тауэр-хамлетс, но ему на сборы потребовались бы дни, а на то, чтобы привести в порядок затворы кремнёвых ружей — ещё больше. К тому же ополченцы жили в основном по другую сторону рва.

Был ещё старший канонир с четвёркой подчинённых; к такому часу он всегда до бесчувствия напивался. Один или два канонира сейчас при исполнении — то есть в подземелье (пересчитывают ядра), а не на бастионе с горящими пальниками в руках. Чтобы зарядить пушки и мортиры на пристани и произвести выстрел, требовалось куда больше людей. Обязанность

эта лежала на гвардейцах. Когда давали салют в день рождения королевы или при встрече посла, к пушкам ставили чуть ли не весь полк.

Таким образом, оставалось выяснить, где оставшиеся пятьдесят с небольшим гвардейцев, и вывести их из строя.

Что Руфус Макиен хотел услышать, он услышал теперь: барабанную дробь с пристани, означавшую «Тревога! Тревога!». Впрочем, важно было другое: слышат ли её гвардейцы на Минт-стрит и во Внутреннем дворе за звоном колоколов, сзывающих на пожар?

Проверить это легче всего было из комендантского дома. Макиен вышел в коридор. Почти сразу впереди была лестница. Энгусина (рыжеволосая девица) поднималась по ступеням, одной рукой придерживая подол, а другой сжимая пистолет. Её веснушчатое лицо раскраснелось, как будто с ней кто-нибудь заигрывал.

— Часовые испужались! — объявила она. — Припустили, чисто куропатки при звуке выстрела.

— Выстрел, да, а вот слышат ли они барабан?

Макиен нырнул в мезонинчик и в один прыжок оказался у окна, выходящего на плац. То, что он увидел, его порадовало.

— Всё красно, — объявил он. — Началось.

Как знал Макиен, наблюдавший бесконечные учения через окно тюрьмы, по тревоге дежурная рота должна выстроиться на плацу. Примерно это он сейчас видел, хоть и из другого окна. Один взвод был почти в полном составе, из разрозненных солдат поспешно собирались ещё два отделения.

То, что Руфус Макиен только что заколол коменданта в его собственной гостиной, ничего не изменило и не могло изменить, даже если б стало известно. Солдаты действовали по регламенту, как и требовалось на данном этапе плана. Комендант (Троули), полковник (Барнс) или первый сержант (Шафто) могли бы отдать разумный приказ и погубить затею, но все трое в силу различных обстоятельств такой возможности не имели. Кроме них высшими полномочиями обладали констебль Тауэра (начальник покойного Юэлла Троули) и ещё два должностных лица (его заместители). Констебль лечился на водах — выводил из организма три дюжины несвежих устриц, съеденных вчера за обедом. Обоих заместителей Троули под тем или иным предлогом выманили в Лондон. Поэтому охрана Тауэра металась, как обезглавленная курица, чьё

тело силится выполнить указания головы, уже брошенной псам.

Старший сержант стоял посреди плаца, благодушно костеря каждого подбегавшего солдата. Они появлялись с разных сторон и выстраивались, как рыба в косяк, алые на зелёном. У Руфуса Макиена встала перед глазами война: славная рубка при Бленхейме, прорыв французских линий в Брабанте, переправа через болото в Рамийе, разгром французской кавалерии при Уденарде. Тысячи историй о подвигах, похороненные в головах ветеранов. Часть его существа рвалась выйти на зелёный плац, возглавить войско — превосходное войско! — и повести на пристань. Однако мешал статус государственного изменника и заклятого врага Англии. Прогнать наваждение оказалось совсем легко — довольно было повернуться к рыжеволосой девице и вспомнить, как он отнял её от холодной материнской груди, завернул в кровавое одеяло и унёс, заходящуюся от крика, в ущелье над Гленко.

Сержант обратил багровую физиономию к югу. Макиен на миг подумал, что его увидели. Однако сержант смотрел не на дом коменданта, а в сторону Холодной гавани — нет, скорее, в сторону Кровавой башни, ближайшего входа с Уотер-

лейн. Макиен не видел, на что глядит сержант; судя по молчанию и стойке, тот выслушивал приказ — надо думать, от офицера, командующего ротой. Отлично. Лейтенант, услышав пушечные выстрелы и тревогу, кинулся смотреть, что происходит на пристани. Увидев невероятное, немыслимое зрелище, которое тем не менее бесполезно было отрицать, — французских моряков, палящих из фальконетов, — он вбежал на плац самым коротким путём, через арку Кровавой башни, и скомандовал всему наличному войску: «За мной!»

Сержант на плацу исполнил приказ единственным известным ему способом: методично. С медлительностью, которая бесила Руфуса Макиена не меньше, чем растерянного лейтенанта в арке Кровавой башни, он вытащил и поднял шпагу, прокричал катехизис команд, по которому взвод и три отделения вытянулись во фрунт, взяли ружья на плечо и повернулись кругом, затем, наконец, опустил шпагу — шагом марш. И лишь когда они набрали скорость, скомандовал: «Бегом!»

Макиен вернулся в спальню на южной стороне. Энгусина уже втянула в дом крюки и закрепила верёвки за массивное комендантское ложе.

Её основательная филейная часть торчала из оконной рамы, как яйцо из табакерки: Энгусина, перегнувшись вниз, втягивала что-то на верёвке. Руфус Макиен выглянул в соседнее окно. Колонна солдат как раз показалась из основания Кровавой башни. Короткий бросок влево, через улицу — и они уже у башни Святого Томаса, через которую шёл прямой ход на пристань.

Что-то зазвенело. Опустив взгляд, Макиен увидел бьющийся о стену клеймор. Энгусина тащила его на верёвке. Клинок защищали только ремни, на которых его закидывают за плечо. Ножен для клейморов не делают — их не носят, ими рубятся. Этот конкретный клеймор пережил и худшие испытания; Макиена ничуть не огорчило, что он бьётся о стену, высекая искры.

Людей под стеной была ровно дюжина, с виду — обычные забулдыги. Точнее, обычные *послевоенные* забулдыги, ибо лондонская толпа заметно помолодела и погрубела с тех пор, как распустили армию. Часть ветеранов подалась в солдаты удачи или морские разбойники, а эти двенадцать счастливчиков прочно обосновались в питейных заведениях у основания Колокольной башни и прилегающей куртины — прямо под окнами, из которых выглядывали сейчас Руфус и Энгусина.

— Подарочек на радость тебе, дядюшка! — крикнула Энгусина, втаскивая клеймор в спальню.

Затем о подоконник звякнуло железо: меч был привязан к лестнице из верёвок и металлических перекладин. Энгусина повернула его так, чтобы Макиен окровавленным кинжалом рассёк шпагат. Покончив с этим, шотландец бросил клеймор на кровать — здесь, в комнате с низким потолком, им нельзя было размахнуться даже на пробу — и помог закрепить лестницу за тюдоровский платяной шкаф размером с ящик, в каком на корабле держат пушечные ядра. Дальше начиналась самая рискованная часть плана.

Окна располагались на виду у всей пристани. То, что делалось до сих пор, — забрасывание крюков и втягивание лестницы — прошло незамеченным за переполохом. Солдаты, чьё внимание приковал вооружённый шлюп, могли обернуться и увидеть, — а могли не увидеть. Но то, что предстояло сейчас, никто пропустить не мог.

Макиен втянул на верёвке связку ружей и принялся заряжать одно порохом и пулями, которые Энгусина втащила раньше. Небольшое огневое прикрытие не повредит. Однако по-настоящему выручит только кавалерия.

— Ах, что за храбрецы! — ворковала Энгуси-

на. — Где же набрали столько бравых французских солдатиков?

— Погорелый театр, — отвечал Макиен. — Эти французские солдаты — не бравые, не французские, не солдаты и не храбрецы. Они актёры и думают, что их наняли представить спектакль для развлечения голландского посла.

— Не может быть!

— Так и есть.

— Матерь Божья! Ну и огорошат же их сейчас! — воскликнула Энгусина.

— Пли! — донеслось с пристани. Крик немедленно утонул в резких хлопках: десятка два солдат выстрелили одновременно. Наступила тишина, которую нарушали лишь отчаянные вопли актёров.

— Сейчас они повернут, — сказал Руфус Макиен. — Дьявол! Где моя конница?

Он уже зарядил ружьё и теперь шагал к окну. Больше всего ему хотелось посмотреть вправо, на башню Байворд и дамбу, однако осмотрительность требовала прежде взглянуть на пристань. Солдаты по-прежнему стояли к нему спиной, сержант, наблюдавший, как они перезаряжают, — боком. А вот барабанщик — тысяча чертей, барабанщик смотрел прямо на Макиена. Тот

крепче стиснул приклад, но стрелять не стал; барабанщика он с такого расстояния, разумеется, уложил бы, но и внимание к себе привлёк тоже наверняка.

Хорошо уже, что никто в него не целится. Макиен глянул направо. Ярдах в полутора под соседним окном карабкался по лестнице один из завсегдатаев кабака на Уотер-лейн с мушкетоном за спиной; второй лез сразу за ним. Дальше вид загораживала Колокольная башня, которая, как и пристало бастиону, выдавалась вперёд, чтобы при штурме стен защитники могли обстреливать врага из бойниц. Макиен приметил движение за окошком не более чем в двадцати футах от себя. Однако то были длинные двадцать футов, в том смысле, что Колокольная башня представляла собой отдельное строение, не соединённое переходами с комендантским домом. Руфус Макиен это знал. Узкое окошко принадлежало тюремной камере, отведённой для знатного узника; кто там сейчас, Макиен не помнил. Но при важном узнике должен состоять стражник, а какой стражник не выглянет в окно, услышав перестрелку на пристани? Руки его ходили вверх-вниз, что и приметил намётанный солдатский глаз Макиена. Иной человек в иных обстоятельствах счёл бы,

что стражник взбивает масло, онанирует или встряхивает игорные кости. Для Макиена это могло быть только одним — движением шомпола, забивающего пулю в дуло.

Из ружья через маленькое окно вбок целиться несподручно.

— Эй! — сказал Макиен нижнему из двоих на лестнице. — Кинь-ка мне пистолет и держись крепче.

Просьба была неординарная, однако Макиен умел говорить с таким выражением, что ему подчинялись беспрекословно. Через мгновение он уже поймал за рукоять летящий пистолет — в то самый миг, когда стражник распахивал раму. Макиен взвёл затвор, когда стражник выставлял свой пистолет в окно, и спустил курок мгновением раньше стражника. Прицелиться он, понятно, не успел: пуля задела оконную раму и унеслась, жужжа, как пьяная оса. Однако цель была достигнута: у стражника дрогнула рука, и пуля ударила в стену, не долетев до лестницы. Пока он перезаряжал, малый, бросивший пистолет, успел преодолеть последние ярды и юркнуть в комнату. В тот же миг что-то белое прочертило траекторию от Уотер-лейн до окна в Колокольной башне.

— Чёрт! — крикнул стражник.

Руфус Макиен поглядел вниз и увидел в дверях таверны лучника, который спокойно прилаживал на тетиву вторую стрелу. Он посмотрел на Макиена, словно ждал одобрения, но услышал только: «Дамбу видишь? Если моя конница, чёрт возьми, не…» и треск крошащегося камня — пуля с пристани попала в стену рядом с головой Макиена. Тот рухнул на пол и на миг закрыл голову рукавом; судя по ощущениям, её с одной стороны исполосовали осколки камня.

Зато ответ на свой вопрос он получил: во внезапно наступившей тишине можно было различить грохот подков и железных ободьев по мощёной дамбе. Разумеется, то могли быть любые всадники и фургон. Однако волынщик под окнами, молчавший последние несколько минут, вложил всё сдерживаемое дыхание в басовую трубку и заиграл боевую песнь Макдональдов. Макиен не слышал её с кануна резни в Гленко, когда под эти звуки отплясывали завтрашние убийцы. Музыка входила не сквозь уши, а сквозь кожу, которая сразу пошла пупырышками, словно в жилах у него не кровь, а масло, вспыхнувшее огнём, и зубчатое пламя бежит от сердца по телу, пробивается через тёмные и неведомые закоулки мозгов. Так он понял, что скачут не просто

всадники, а его родичи, братья, скачут, чтоб утолить жажду мести, бурлившую в них двадцать с лишним лет.

Энгусина и те двое, что взобрались по лестнице, дали по выстрелу. Когда шум в ушах рассеялся, Макиен услышал стук подков по дереву: его конница, следуя на звуки волынки, преодолевала подъёмный мост перед башней Байворд. Всадники неслись во весь опор, а значит, не видели причин натянуть поводья; следовательно, кабацкая публика выполнила свою роль — не дала опустить решётку.

Послышался как бы перестук молотков, комната наполнилась пылью. С пристани дали залп по окнам. Воспользовавшись тем, что стрелки сейчас перезаряжают, Макиен поднял голову над подоконником. Ещё двое шустро взбирались по лестнице. Взвод солдат, выстроенный теперь в шеренгу спиной к реке, перезаряжал; один рядовой, подстреленный, лежал на боку. Больше людей в красных мундирах на пристани не было; поскольку вражеский шлюп повернул прочь, надобность в них отпала. Лейтенант, вероятно, скомандовал возвращаться через башню Святого Томаса. Сейчас солдаты должны выбегать на Уотер-лейн…

Стук копыт на улице. Макиен глянул отвесно вниз и увидел десяток всадников в килтах, рысью выезжающих из ворот, и, что ещё слаще, услышал, как за ними опускается решётка Байвордской башни, отрезая Тауэр от Лондона.

— Сзади чисто, — крикнул он им. — Впереди англичане — перебейте мерзавцев!

Не удосужившись взглянуть, как будет выполняться его приказ, он шагнул к кровати, схватил клеймор и, неся его перед собой, вышел из комнаты к лестнице.

В юности он тысячи раз воображал своё мщение. Всякий раз оно представлялось делом простым и ясным: он клеймором выпускает Кемпбеллам и англичанам кишки. По счастью, между мальчишескими грёзами и сегодняшним их воплощением пролегли десять лет войны, научившие Макиена, что действовать надо постепенно.

Поэтому он не выбежал на плац в поисках англичан, которых надо рубить, а помедлил в дверях и, закидывая клеймор на спину, огляделся.

Плац был пуст, только один солдат бежал от казарм к воротам Кровавой башни.

Уже не бежит. Его уложили выстрелом — скорее всего, из Холодной гавани. По плану человек

десять должны были проникнуть во Внутренний двор и занять позиции, с которых простреливался бы плац и узкие проходы. Стражники, глядящие из окон своих домов, наверняка видели, как упал солдат, и поняли, что наружу соваться нельзя. Однако это не значило, что Руфус Макиен может выйти на плац. Любой стражник или случайный гвардеец точно так же подстрелил бы его из окна или из-за парапета. Плац оставался пока ничейной территорией.

— Мне надо знать, опущена ли решётка Кровавой башни, — проговорил он, по-прежнему думая вслух.

Сзади кто-то кашлянул. Макиен оглянулся и увидел полдюжины молодцов, раскрасневшихся и запыхавшихся (они только что вскарабкались по верёвочной лестнице и бегом спустились по каменной), тем не менее отменно крепких и готовых хоть сейчас в бой. Каждый держал заряженное ружьё.

— Простите, милорд, у нас для этого есть сигнал.

— А ты кто?

— Артиллерии сержант в отставке. Дик Мильтон, милорд.

— Тогда к окну, Мильтон, и скажи, как там с

твоим сигналом.

— Вот, — отвечал Мильтон, взглянув через плац. — Видите, из церкви Святого Петра видна Кровавая башня, а от нас видна церковь. Там девушка. Пришла вчера на похороны, осталась на ночь помолиться и на день — чтобы приглядывать за Кровавой башней. Видите жёлтую тряпицу в среднем окне? Значит, решётка опущена.

— Выходит, чистильщик освободил русского, — сказал Макиен, — а русский справился со своим делом. Вот человечище!

— Простите, милорд?

— Услышал бы — не поверил, что однорукий способен уложить столько врагов. Впрочем, с правого фланга его поддержала внезапность, с левого — паника, а они и сами по себе будут посильней Геркулеса. Ну что, ребята, готовы вспомнить своё ремесло?

Артиллеристы дружно грянули: «Да!»

— Тогда сосчитайте до пяти и за мной. — Макиен распахнул входную дверь и вышел на плац так спокойно, словно был комендантом Тауэра и направлялся в церковь.

— Раз! — произнёс голос у него за спиной.

В окне одного из домиков показался дымок.

— Два!

Пуля просвистела, как тяжёлый шмель, взъерошила Макиену бакенбарду и разбила окно, через которое он только что смотрел.

— Три! — выкрикнули молодцы, за исключением одного, вопившего от боли.

Дымки показались сразу в десятке неожиданных мест: стреляли из голубятен, из-за бочек в Холодной гавани, даже из казарм.

— Четыре!

Ещё одна пуля сделала выбоину на фасаде комендантского дома, много выше человеческого роста.

— Гиль, — припечатал Руфус Макиен, но голос его утонул в эхе очередных выстрелов; спрятанные сообщники палили по стражникам, целившим в Макиена.

— Пять!

Трое выбежали из двери и, упав на колено, навели ружья на окна, за которыми засели стражники. В заклубившемся дыму было не видно, как появилась вторая тройка.

Руфус Макиен бежал на восток вдоль фасадов зданий, выходящих на плац. На полпути к Кровавой башне он хладнокровно повернулся спиной к плацу и посмотрел в окна: не торчит

ли оттуда ружейное дуло, но увидел только лицо служанки в окне верхнего этажа. Здесь всё безопасно; тем не менее он взял ружьё на изготовку, поскольку гвардейцы или стражники могли затаиться где-нибудь ещё. Вторая тройка залегла ярдах в двух позади него, чтобы стрелять через плац. Тем временем Энгусина и остальные молодцы прикрывали их огнём из верхних окон комендантского дома. Первая тройка, бросив разряженные и ещё дымящиеся ружья, пробежала к Кровавой башне, миновав Макиена и вторую тройку артиллеристов, как раз когда те выпалили в неопределённом направлении.

В окне дома слева от Макиена мелькнул алый мундир. Шотландец развернул дуло в ту сторону, но гвардеец увидел его и упал на пол раньше, чем Макиен успел нажать на спуск.

Вторая тройка, точно так же бросив ружья, вскочила и вслед за товарищами припустила к Кровавой башне. Макиен двинулся за ними, но не бегом, а шагом, отчасти потому, что ждал ещё подкрепление из комендантского дома. Артиллеристы не подвели: двое, а затем ещё двое перебежали к нему под выстрелами. Однако у Макиена была и другая цель: следить за домом, в котором укрылся гвардеец (или гвардейцы).

Из фахверковых домов, протянувшихся по южному краю плаца, комендантский был самым западным. Руфуса Макиена больше всего тревожил противоположный, восточный край, ближе к Кровавой башне. Он выдавался на луг в такой мере, что, на взгляд военного, представлял собой бастион. Между его восточной стеной и Кровавой башней располагался открытый пятачок футов пятнадцать шириной, то есть достаточно узкий, чтобы вести прицельный огонь. Гвардейцы, засевшие в этом доме, могли сорвать весь план касательно Кровавой башни.

За окном — ниже — снова мелькнул красный мундир. Гвардеец сбегал по лестнице!

Дверная ручка двигалась! Макиен смотрел, зачарованно, не больше чем с десяти футов. Дверь приоткрылась на полдюйма. Всё понятно: солдат видел двух пробежавших к Кровавой башне молодцов, но не видел Макиена. Тот внезапно представил события следующей минуты так ясно, как если бы они уже были в прошлом. Он положил ружьё и шагнул к двери, двумя руками нащупывая за спиной рукоять. Клеймор взмыл над головою в тот самый миг, когда дверь распахнулась и в неё выглянуло сжимаемое белыми руками ружьё.

Макиен опустил рукоять так быстро, как только мог, однако куда быстрее двигалось остриё. Четырёхфутовый клинок со свистом, как бич, рассёк воздух. Произошло нечто нехорошее, и ружьё упало на землю. Лезвие, перерубив гвардейцу руку, вонзилось в край двери, отщепило аккуратный клинышек и застряло, наткнувшись на гвоздь. Гвардеец исчез внутри — Макиен даже не видел его лица. Тут же рукоять меча едва не вырвалась из рук, поскольку дверь потянули на себя. Лезвие ударилось о косяк и выскочило из древесины так резко, что клеймор, содрогнувшись от острия до рукояти, спружинил вверх. Макиен поймал его за крестовину и услышал, как задвигаются щеколды — из чего заключил, что за дверью есть ещё гвардеец.

Макиен прижался к стене дома. Несколько мгновений ушло на то, чтобы убрать клеймор за спину и оценить расстояние до ружья. Стражники стреляли по нему через плац — однако пуля при такой дистанции учитывает пожелания, а не выполняет приказ. Пули били по окнам у Макиена над головой, вероятно, доставляя больше хлопот гвардейцам, чем ему.

Макиен подбежал, схватил ружьё и бросился за угол дома, на открытое пространство перед

Белой башней. Теперь, чтобы стрелять по нему, гвардейцы должны были перебежать к другим окнам и, возможно, даже в другие комнаты.

Тактика сработала, как нередко срабатывает самая простая и дешёвая тактика. В окне первого этажа появился гвардеец и тут же замер, поняв, что подставился врагу. Это дало Макиену время навести ружьё ему в грудь. Но тут распахнулось окно верхнего этажа, и там тоже мелькнул алый мундир.

Очень быстрый расчёт: солдат в окне первого этажа — верная цель, осталось только спустить курок. Солдат наверху всё равно выстрелит, что бы Макиен ни делал, а вскидывать ружьё и стрелять в него значит почти наверняка промахнуться. Он нажал на спуск.

Что произошло дальше, можно только гадать, потому что видел он только пороховой дым. Через мгновение наверху грянул выстрел, и земля под ногами вздрогнула. Макиен решил, что это удар пули в его тело передался через ноги земле; постояв ещё миг, он почувствует первые жаркие клочья боли, а кровь, разливаясь по лёгким, вызовет непреодолимое желание прочистить горло.

Однако ничего этого не произошло. Дым рассеивался. Макиен поднял глаз к окну из чисто

профессионального интереса: ему хотелось взглянуть в лицо солдату, промазавшему с такого расстояния, насладиться позором англичанина, когда тот поймёт, что попал в землю.

Увидел же он чудище, подобное кошмарам Мальплаке, которые теснились в его мозгу, как головы медведей и кабанов в мансарде охотника, мёртвые днём, но оживающие каждую ночь, чтоб терзать своего убийцу. Чудище вывалилось из окна и упало на голову. Даже здесь оно не приняло приличествующую смерти позу: тело было насажено на короткую пику, которая выпирала из грудной клетки, словно приживлённая человеку чужая кость.

Макиен поглядел в окно, но никого там не заметил: очевидно, пика влетела снаружи. Кроме него во дворе никого не было, а сам он никаких пик вроде бы не кидал. Значит, сверху. Он повернулся к Кровавой башне и скользнул взглядом по отвесной сорокафутовой стене к парапету.

Здесь, в просвете между двумя зубцами, силуэтом на фоне неба, стоял огромный человек с развевающейся бородой. Люди поменьше суетились среди пушек, стоящих на крыше башни: разворачивали их к реке, вталкивали под казённые части орудий толстые подъёмные клинья,

чтобы стрелять не по кораблям, а по солдатам на пристани.

Одной рукой бородач держал такую же короткую пику, а вторую поднял в приветствии. Это была не рука, а зазубренный крюк в клочьях чего-то мокрого, наверное, одежды или волос. Им бородач указывал в сторону от реки, от артиллеристов, на сердце лондонского Тауэра, Белую башню, встающую над крепостью, над рекой и над Сити.

Он трижды ткнул в её сторону крюком.

Герой Жи не нуждался в уговорах. Бросив разряженное ружьё, он выхватил из-за спины клеймор и под свист пуль устремился к воротам Холодной гавани.

КАК ВСЯКИЙ УВАЖАЮЩИЙ СЕБЯ осуждённый на казнь изменник, Макиен немало времени провёл, придумывая эффектный побег из Тауэра. Он знал все выходы из крепости. Сегодня ему предстояло думать о них как о входах.

Во Внутренний двор вели пять ворот. Одни — в юго-восточном углу, возле Кирпичной башни, где Монетный двор, сейчас были не в счёт. Оставались четыре входа с Уотер-лейн. Два из них приходились на Кровавую и Уэйкфилдскую башни, которые стояли так близко, что составляли

практически одно бесформенное здание. Человек, идущий на восток по Уотер-лейн, увидел бы сперва ворота Кровавой башни, и только обогнув Уэйкфилдскую башню — соседние. Однако два входа, расположенные на столь небольшом расстоянии, отличались решительно во всём. Первый представлял собой широкую, красивую готическую арку, ведущую прямо на плац через двор, где стоял Макиен. Благодаря русскому её теперь перекрывала массивная чугунная решётка. За ней неподвижно лежали несколько гвардейцев. Они двинулись с пристани, намереваясь пройти через арку, но тут впереди опустилась древняя решётка, и в тот же миг на них налетели верховые шотландцы с обнажёнными саблями. Когда конница атакует пехоту, исход предрешён, если только пехотинцы не вооружены пиками. В экипировку тауэрской гвардии пики не входили.

Второй вход являл собой узкую потерну в полукруглом первом этаже Уэйкфилдской башни. Отсюда можно было попасть в L-образную галерею, идущую через Холодную гавань почти к самой Белой башне. Через неё коннице не проехать. Если всё идёт по плану, Том-чистильщик засел за окном на переломе L с большим количеством заряженных ружей и пистолетов. Никто

из защитников Тауэра этим ходом не пройдёт. Однако кое-кто из атакующих должен был им пробежать.

Макиен припустил на север по краю плаца: склады Холодной гавани были от него слева. Чёртовы стражники всё ещё палили из окон, но не по нему. Когда Макиен обогнул последний склад и, оказавшись в безопасности, смог наконец оглядеться, то стала ясна и причина. Как только несколько человек, пробившись на Кровавую башню и прилегающую куртину, навели пушки её величества на пристань, тамошней охране осталось только побросать ружья в реку и сдаться. Никто больше не стрелял в людей, лезущих по верёвочной лестнице в комендантский дом. Поэтому всё новые и новые артиллеристы бежали оттуда к Кровавой башне, чтобы взобраться на укрепления и встать к пушкам. По ним-то и стреляли стражники, которым, впрочем, не давали высовываться стрелки, разместившиеся по южному краю плаца.

Макиен услышал позади скрип петель и повернулся спиною к плацу, который всё равно был уже прочитанной главой.

Последние несколько минут он посвятил тому, чтобы обогнуть северный край Холодной гава-

ни и попасть из Внутреннего двора (плаца для гвардейцев и деревенского луга для стражников) в ещё более внутренний двор. Пространство в десять или пятнадцать шагов, отделяющее Холодную гавань от угла Белой башни, было обнесено стеной. Однако в стене имелись ворота; их предупредительно распахнул перед Макиеном молодой человек в килте.

— *Наконец-то мне есть с кем поговорить,* — сказал Макиен. — *Приветствую тебя в Тауэре, малыш.*

– *А я тебя, дядя,* — отвечал юнец, пропуская его вперёд.

Двор был не в пример меньше плаца. С севера его ограничивала Белая башня, с юга — Уэйкфилдская (сама по себе целый замок), а также канцелярия и склады оружейных палат. Где-то среди них пряталась ещё одна потерна (третий проход с Уотер-лейн), связанная с домом констебля и сейчас не представляющая интереса. Куда важнее были четвёртые ворота, большие, способные впустить конницу. Через улочку от них располагались ворота, парные к тем, в которых Макиен сейчас стоял… да где же они? Единственный глаз не позволял оценить расстояния и сориентироваться в незнакомом месте. Однако

волынщик был уже в улочке и звал конницу за собой. Отзвуки музыки в каменном мешке позволили Макиену разобраться в геометрии двора. Он нашёл ворота. Они были открыты. В них въезжали всадники. Некоторые поникли в сёдлах, зажимая раны, полученные на Уотер-лейн или раньше, когда горцы во весь опор неслись к Львиным воротам, чтобы смести часовых. Однако больше было тех, кто сидел прямо и гордо, а один — благослови его Бог! — держал в руке развёрнутое знамя Макиенов Макдональдов.

— И это хвалёная Белая башня? — спросил юнец, открывший ему ворота. — Тьфу! Она даже не белая.

— У англичан нет гордости. Почитай их историю и увидишь, что они всего лишь пьяницы и шаромыжники. Ну подумай: во что бы стали английской королеве несколько галлонов краски?

— Помилуй Бог, я бы сам её покрасил, лишь бы не видеть. Куда ни пойдёшь в этом треклятом городе, всюду она торчит, как бельмо в глазу.

— Могу предложить более простое решение, — отвечал Макиен. — Я знаю одно место, неподалёку, откуда её не видно.

— Где же это, дядя?

— В самой башне! — Макиен жестом подозвал

знаменосца.

— А как в неё попасть?

— Через дверь. Она высоко над землёй, чтобы легче было оборонять, но англичане по лености пристроили отличную деревянную лестницу, так что лезть нам не придётся.

— Я её не вижу.

— Её закрывают казармы. За мной! — И он шагнул в подворотню между двумя казармами.

— Позволь мне идти впереди, дядя! — крикнул юнец; такие же возгласы раздались со стороны других воинов, которые торопливо спешивались и бежали к ним, обвешанные саблями, клеймморами, мушкетонами и гранатами.

Однако Руфус Макиен прошёл подворотню и начал подниматься по грубой деревянной лестнице к простой арке в южной стене башни.

— Вы не поняли! — крикнул он через плечо. — Вы ждёте отчаянной схватки за Белую башню, как в авантюрном романе. Однако схватка позади, и она выиграна.

В арке возник стражник. Он вытащил из ножен старенькую рапиру и, подняв её над головой, с криком ринулся по ступеням. Руфус Макиен даже не потрудился вынуть из-за спины клеймор: стражника прошили несколько десятков пуль.

Он содрогался при каждом попадании, теряя цельность на глазах, потом рухнул и покатился по лестнице, оставляя на ступенях части себя.

— Тоже начитался авантюрных романов… — заметил Руфус Макиен. — Смотрите под ноги, ребята, здесь скользко.

Он перепрыгнул последние две ступени и шагнул через порог Белой башни со словами: «За Гленко!»

Сити

конец дня
Даппа в Сити

ОН ВЫГЛЯДЕЛ СОЛИДНО и располагающе. Его научили по команде выводить в нужном месте свою фамилию (если «Джонс» и вправду была его фамилия). В остальном он не умел ни читать, ни писать. Отсюда следовало, что матросу Джонсу с «Минервы» никогда не стать офицером или торговцем.

Джонс не терзался из-за своей ущербности — если вообще её сознавал. Его подобрали на Ямайке. На тот момент он мог рассказать о себе следующее: его, честного сельского паренька из Северного Девона, похитили (то есть насильно

завербовали) моряки с бристольского невольничьего корабля. После рейса в Гвинею за рабами он дезертировал на Ямайке. Все были уверены, что он при первой возможности сбежит снова и постарается добраться до родной эксмурской деревушки. С тех пор прошло много лет. «Минерва» частенько заходила в Плимут, Дартмут и другие подходящие порты; Джонс ни разу не выказал желания с нею расстаться. Поначалу ему случалось проявлять буйный нрав, что наводило на мысль об истинных причинах его бегства, однако с годами он остепенился, став надёжным, хоть и туповатым матросом.

Итак, в минус Джонсу можно было поставить безграмотность, преступное прошлое — вероятно — и отсутствие жизненных устремлений. Зато он обладал достоинством, которое отсутствовало у офицера, идущего рядом с ним по Ломбард-стрит, — был белокожим англичанином. Время от времени от Джонса требовалось усилить это достоинство — надеть панталоны, чулки, жилет, длинный, флотского покроя камзол и очень простой парик из конского волоса — всё то, что корабельный офицер складывает в сундук перед дальним рейсом и вынимает по другую сторону океана, чтобы выглядеть мало-мальски пристой-

но в глазах поставщиков провианта, денежных поверенных и страховщиков.

Если бы они сейчас взяли извозчика и проехали две мили к западу до новых улиц в окрестностях Пикадилли и Сент-Джеймс, их роли в глазах случайного прохожего поменялись бы. Люди, внимательные к одежде, не упустили бы, что платье Даппы лучше пригнано, новее и тщательней выбрано. Кружева на его манжетах никогда не соприкасались с пивной пеной, гусиным жиром и чернилами, башмаки были начищены до блеска. Утончённые вест-эндские франты приметили бы, что Даппа старше, зорче смотрит вокруг и на перёкрестках сворачивает, куда хочет, а Джонс за ним следует. Джонс озирался, скорее с бесцельным любопытством. Житель Вест-Энда, глядя на них, заключил бы, что Даппа — мавр-дипломат из Алжира или Рабата, а Джонс — его местный сопровождающий.

Однако здесь был не Вест-Энд. В Сити, на бросок камня от Чендж-аллеи, никто не обращал внимания на одежду, если она не кричала, нагло и вульгарно, о богатстве своего хозяина. По этим меркам Джонс и Даппа были равно невидимы. Даппу, идущего впереди через толпу дельцов, принимали за слугу, привезённого в качестве

диковинки из дальнего плавания, пробивающего господину дорогу в джунглях и зорко высматривающего опасность. Глуповато-отсутствующий вид Джонса мог сойти за рассеянность финансиста, который настолько погружён в раздумья о курсе акций, что ему недосуг заботиться об одежде или самому отыскивать дорогу в городе. Некоторая осоловелость могла свидетельствовать, что ум его настроен в резонанс с рынком и улавливает малейшие колебания биржевых струн.

По крайней мере, так уверял себя Даппа, перебарывая собственное беспокойство, когда Джонс останавливался поболтать с продавщицей апельсинов или тянулся взять печатный листок у грязного горластого распространителя. Когда они подошли к дверям кофейни Уорта на Бирчин-лейн, прямо напротив Гераклитова хаоса Чендж-аллеи, Даппа переместился в арьергард. Джонс вошёл первым. Через мгновение Даппа уже подвигал ему стул и бежал за служанкой, чтобы заказать кофе мистеру Джонсу.

— Мы рано пришли, — сказал Даппа, возвращаясь с кофе, — а мистер Сойер, как всегда, опаздывает. Так что располагайся поудобнее, раз уж я не могу. Дальше до самого Массачусетса отдыхать не придётся.

И он, стоя за стулом у Джонса, принял позу слуги, готового бежать, куда требуется, по первому слову хозяина.

Все вокруг либо беседовали, либо читали. Кофейню Уорта облюбовали мелкие дельцы, предоставляющие промежуточные ссуды и другие ещё менее понятные финансовые инструменты морской торговли. Среди одиночек за столиками были моряки, изучавшие таблицы приливов или астрономический календарь. Другие больше походили на денежных поверенных или ювелиров-ростовщиков — эти отдавали предпочтение лондонским газетам. Джонс, в отличие от них, читать не умел, однако на углу Грейсчёрч и Ломбард-стрит взял листовку у неприятного типа, который пах и выглядел так, будто намазал рожу прогорклым салом. Вручая Джонсу листовку, тип нехорошо поглядел на Даппу. Джонс свернул её в трубочку и нёс с собой — ни дать ни взять делец, идущий предъявить к оплате вексель. Сейчас, тщась слиться с посетителями кофейни, он развернул листовку на столе и нагнулся над ней, подражая позам сидящих вокруг.

Он держал её вверх ногами!.. Даппа шагнул вперёд, чтобы незаметно пнуть Джонса коленом в зад. Однако тот оказался сообразительней,

чем полагал Даппа: не зная букв, сам догадался перевернуть листок. Ибо текст был иллюстрирован: наверху располагалось чёрное пятно размером примерно с кулак, отвратительного качества оттиск, изображавший дикаря с копной африканских косичек. Горло негра сжимал белый кружевной галстук, плечи облагородил добротный английский крой. Под портретом дюймовыми буквами стояло:

ДАППА
и ниже

РАБ, собственность М-РА ЧАРЛЬЗА УАЙТА, ЭСКВАЙРА, пропал либо украден. НАГРАДА В ДЕСЯТЬ ГИНЕЙ тому, кто приведёт его в дом м-ра Уайта на Сент-Джеймс-сквер.

Дальше шёл мелкий шрифт, который Даппа не разбирал без очков. Однако он не мог вынуть очки из нагрудного кармана, потому что ни одна мышца его не слушалась.

Шлюп «Аталанта» у Шайвского утёса

закат
На борту «Аталанты» V. Шайвский утёс

ОН ПОЖАЛЕЛ, ЧТО РЯДОМ НЕТ ГУКА. Любого натурфилософа заворожило бы то, что открылось

взглядам в столь сильный отлив. Солнце садилось; за дымным куполом Лондона оно горело цветом подковы, которую кузнец плющит на наковальне. Предзакатные лучи косо падали на обнажившуюся илистую гладь, представляя её не такой и гладкой. Поверхность была ребристой, как будто озеро наморщил ветер и тут же сковал мороз. Однако Даниеля особенно поразила Фоулнесская отмель в нескольких милях севернее, на другой стороне устья. Этот илистый край, размером побольше иных немецких княжеств, почти всё время оставался под водой. Там не было ни камней, ни растительности, но вода из ложбинок застывшей ряби не уходила сплошной плёнкой и не впитывалась в землю, а устремлялась туда, где ниже. Одна лужица размером с ладонь переливалась в соседнюю; объединив силы, они принимались искать место, может быть, на волосок ниже, и каждая капля воды на мили вокруг преследовала ту же цель. Интегральный (следуя терминологии Лейбница) итог состоял в том, что на Фоулнесской отмели возникла целая система рек и притоков. Иные реки казались ровесницами Темзы, на их берегах впору было возводить города; однако через несколько часов им предстояло исчезнуть. Не смягчённые ива-

ми и тростником, не обросшие человеческими постройками, они были чистой геометрией, но неправильной, живой геометрией, противной Евклиду и, как подозревал Даниель, седовласому рыцарю Британии рядом с ним. А вот Гук увидел бы здесь красоту и сумел бы её изобразить, как изображал мушек и блох.

— Интересно, те же реки возникают всякий раз или новые рождаются в другом месте с каждым отливом? — задумчиво пробормотал Даниель.

— Некоторые существуют годами, возможно, раз от раза немного меняя русло, — ответил Исаак.

— Вопрос был риторический, — пробормотал Даниель.

— Потом однажды, возможно, после сильного шторма или в особенно высокий прилив они исчезают навсегда. В подводном царстве многое так же сокрыто от разума, как и от очей.

Исаак перешёл к другому борту, чтобы посмотреть на Шайвский утёс. Даниель счёл своим долгом последовать за ним.

Слева серость уходила в бесконечную даль, впереди — мили на две, до острова Грейн. Б*о*льшая часть острова едва возвышалась над горизонтом, но был один холм, пятьдесят-сто футов над

уровнем моря, заросший травой, с несколькими кривыми деревьями, тянущими назад руки ветвей. На холме стояла древняя каменная церковка, развёрнутая длинной стороной к морю, как будто каменщики начали возводить защиту от ветра, чтобы их не сдуло, а затем приделали сверху скат крыши. С запада к ней примыкала квадратная колокольня с плоским зубчатым верхом, которую блекторрентцы временно реквизировали в качестве сторожевой вышки.

Между «Аталантой» и подножием холма серое пространство делилось белой прибойной полосой на нижнюю и верхнюю части. В нижней к серому примешивались синь и аквамарин, в верхней, бугорчатой, — охра, зелень и терракота. Птицы скользили совсем низко, по две, по три, словно держались вместе для безопасности. Иногда они приземлялись на лапки-палочки и что-то выклёвывали из ила; некоторые делали это у самого основания Шайвской башни, вставшей на полпути между «Аталантой» и подножием холма.

Фарватер указывал в сторону моря, так что «Аталанте» надо было миновать островок и повернуть назад. Матросы готовились к маневру и спуску баркаса. Работали споро — вельбот мог

вот-вот скрыться во тьме. Откуда-то притащили флаг с серой борзой и прицепили его на корме баркаса для устрашения неизвестно кого. Двух драгун поставили бросать лот, одного с правой стороны носа, другого — с левой.

Барнс спорил со шкипером, кому из них нужно больше солдат. Шкипер просил не забывать, что это личная яхта мистера Чарльза Уайта, а не военный корабль, поэтому своих солдат у него на борту нет, а поскольку в вельботе спасаются ближайшие сообщники Джека, может быть, даже сам Джек, то есть в любом случае опаснейшие преступники королевства, б***о***льшая часть драгун должна остаться на корабле.

— Вы догоняете одну шлюпку, — говорил Барнс, — а мы будем штурмовать крепость. Неизвестно, что там окажется…

Бесполезно. Чарльз Уайт, который оставался на шлюпе, чтобы лично схватить Джека-Монетчика, принял сторону капитана. Он напомнил, что к Барнсу через несколько минут присоединится почти целая рота драгун, скачущая по острову Грейн. В баркас, кроме полковника Барнса и сержанта Шафто, погрузятся восемь солдат. Если их окажется мало, всегда можно отступить и ждать подкрепления.

— Похоже на фарс под названием: «Как погубить всё дело», — услышал Даниель тихое ворчание Барнса.

— Если б Джек понимал истинную природу Соломонова золота, он бы не чеканил из него фальшивые деньги, — сказал Даниелю Исаак, явно чувствуя потребность обосновать свою тактику. — Для него это всего лишь золото. Чуть более ценное, чем обычное, но всё равно просто металл. Он наверняка погрузил его на гукер, а когда гукер сел на мель — бросил, считая не последним.

— Думаете, они выбросили золото за борт?

— Банда перепуганных преступников может швырнуть за борт что угодно. Возможно, мы найдём золото на берегах фарватера. А может, оно по-прежнему на гукере. Вперёд! Цель близка!

Он короткими быстрыми шагами засеменил к трапу на опердек. Ящик с инструментами, переброшенный через плечо на ремне, бил его по бедру, угрожая равновесию. Даниель, нагнав Исаака, положил руку на ящик, чтобы не качался; таким манером два старых натурфилософа спустились по трапу и подошли туда, где висел на шлюпбалках баркас. Вскоре они, Барнс, Шафто, восемь драгун и матрос погрузились туда, хотя

Даниель чуть не упал в воду и потерял парик. Потравили канаты, и шлюпка ухнула в тень за кормой. Без парика Даниелю сразу стало холодно, и он крикнул, чтобы ему кинули одеяло. Скоро с борта бросили серый шерстяной свёрток и вязаную шапочку вахтенного, которую Даниель с благодарностью натянул на голую лысину. Когда большое судно двинулось прочь, он увидел свой парик в водовороте; длинная белая косица вращалась, как стрелка обезумевшего компаса.

Шлюп, который до сей минуты плыл вроде бы медленно, удалялся с поразительной быстротой — а может, так всегда кажется тем, кого высадили на необитаемом острове. Через минуту до «Аталанты» было не докричаться; теперь, если бы они хотели дать сигнал, пришлось бы стрелять в воздух.

Солдаты на острове Грейн не проявляли такой прыти. Поначалу Даниель думал, что «Аталанта» и драгуны прибудут к цели одновременно. Но вот теперь они в баркасе на расстоянии выстрела от башни, а рота ещё не сдвинулась с места. Возможно, солдаты у подножия холма, под колокольней, однако их скрывают тень и густая трава. То, что они существуют, оставалось приятным допущением, вроде веры в благого Бога.

На всех в шлюпке, за исключением разве что Исаака, накатило чувство, что они совершают чудовищную ошибку.

Тут до них донеслось конское фырканье, затем — мерные щелчки. Остров окаймляла полоса выброшенных на отмель ракушек, и кто-то на них наступал.

— Давайте грести, — сказал Барнс. — Бьюсь об заклад, Джек оставил в башне запас кларета.

Слова эти были обращены к Бобу Шафто. Тот что-то крикнул драгунам на вёслах. Они были не гребцы, но за дело взялись с огоньком и тут же столкнулись вёслами.

— Вы не на палках дерётесь! — заорал Боб. — Я вам что, Робин Гуд, так вас и разэдак! Хватит уже стукаться, гребите!

И далее в том же духе. Шлюпка начала разворачиваться; по странному обману зрения казалось, будто пена на гребнях волн — выше их. Даниелю в лодке и то сделалось не по себе; драгунам в камышах, наверное, было ещё страшнее.

Наконец прозвучал горн, грянуло «ура!», и край острова запестрел алым: первая рота Собственного её величества Блекторрентского гвардейского полка рассеянной цепью вылетела из камышей и на рысях устремилась по обнажившейся отмели.

Даниель взглянул на башню. В плане она представляла собой квадрат со стороной ярдов десять. Примерно двадцать ярдов отделяло щербатый парапет от бурых глыб, уложенных на вылизанную морем чёрную каменную подушку. «Шайв» на староанглийском означает коленную чашечку, и Даниель, препарировавший в своё время немало трупов, нашёл сравнение удачным. Основание башни облепили ракушки и зеленоватая слизь, так что трудно было понять, где кончается природный цоколь и начинается рукотворный. Глыбы, вероятно, добыли в карьере выше по реке и доставили баржей в сильный прилив. Их скреплял белый раствор. Единственная дверь выходила на илистую заводь в конце фарватера, по которому они сейчас ползли; порог располагался на два локтя выше верхней кромки ракушек и водорослей. Судя по расположению окон (если узкие отверстия в стене заслуживали такого названия), внутри имелся деревянный настил, образующий второй этаж, и крыша, с которой дозорные и канониры могли смотреть через полуразрушенный парапет.

— Останется ли тут место для стольких лошадей, когда начнётся прилив? — спросил Даниель.

— Сперва вы тревожились, что они не приска-

чут, теперь — что прискачут, — сказал Барнс. — Тем не менее вопрос заслуживает ответа. Мы — драгуны, лошади для нас всего лишь средство передвижения. Как только солдаты спешатся, лошадей уведут. Через полчаса их там не будет.

— Простите, полковник. Как сказал недавно один умный человек, мы все напуганы.

Барнс галантно кивнул. Однако он чувствовал на виске сверлящий взгляд Ньютона, поэтому тут же велел сержанту:

— Вперёд, и посмотрим, обстреляют ли нас с башни.

— Не знал, что назначение сэра Исаака — вызывать на себя огонь, — проворчал Даниель и тут же прикусил язык, потому что даже Исаак улыбнулся шутке. Досадуя на всех, включая себя, Даниель схватил одеяло — девять фунтов грязной йглмской шерсти — и набросил на плечи. Оно кололо через одежду, как репьи, зато обещало тепло.

Через каждые десять ярдов баркас принимался скрести килем о песчаное дно. Сержант Боб крыл последними словами уже не только солдат, но и Бога, к явному недовольству сэра Исаака Ньютона. Четверо драгун, сняв гранаты и пороховницы, спрыгнули в воду, доходившую им здесь до пояса, и принялись толкать полегчавший баркас,

как увязший во фландрских болотах пушечный лафет.

— Молодцы, — сказал полковник Барнс, — надо торопиться, пока вода низкая.

Он смотрел всё больше на парапет, явно опасаясь стрелков. Исаак не отрывал глаз от гукера, который теперь свободно покачивался на воде — начался прилив! Сержант следил за солдатами.

Только Даниель заметил, что атака первой роты захлебнулась, не успев начаться. В нескольких ярдах от полосы ракушек несколько лошадей рухнули. Остальные встали; затем цепь драгун разделилась на две, пытаясь объехать какое-то препятствие. Пистолетный выстрел грянул похоронным звоном по сломавшей ногу лошади. Все в баркасе повернулись в ту сторону. Тут же до слуха донёсся глухой стук топора о древесину.

— Люди Джека вбили в ил сваи, — догадался Боб, — и натянули между ними цепи, чтобы остановить лошадей. Очевидно, они сделали это в самых высоких и сухих местах — значит, с флангов не проехать. Кто-то из наших рубит сваю.

— В ней гвозди, и топор уже испорчен, — рассеянно проговорил Исаак, не сводя глаз с гукера.

— У сэра Исаака очень хороший слух, — пояснил Даниель обескураженному Бобу.

— Тогда советую ему заткнуть уши. — Боб взял ружьё.

Через мгновение баркас содрогнулся от отдачи: Боб выстрелил в воздух, после чего протянул ружьё драгуну, который тут же принялся его перезаряжать.

— Уж если тратите порох и пули, тратьте их на парапет, — сказал полковник.

В следующие мгновения с баркаса дали несколько выстрелов по верхушке башни; в вечернем воздухе повисло густое дымное облако. С Шайвского утёса не отвечали. Однако цель Боба была достигнута: драгуны спешились и, отправив лошадей назад, продолжили наступление. Ещё несколько минут назад их мундиры гордо алели; теперь Даниель видел движение тёмных пятнышек на сером песке. Дело было не в том, что их облепила грязь (хотя без этого, наверное, не обошлось); просто сумерки скрадывали цвета. Рядом с башней выглянула вечерняя звезда.

Далеко на западе громыхнуло с такой силой, что даже Исаак оторвал взгляд от гукера.

— Что это? — раздался в наступившей тишине его голос.

— Много пороха взорвалось разом, — ответил полковник Барнс. — На поле боя это означало бы

роковую случайность. Здесь, полагаю, взорвался мост через Янлет-крик.

— Зачем вы приказали заминировать мост, полковник?

— Я не приказывал.

Исаак остолбенел.

— Так *кто* приказал?!

— Вы просите меня пуститься в догадки, сэр Исаак, — холодно отвечал Барнс.

— Но мост охраняют ваши люди!

— Или охраняли, сэр.

— Как можно было его заминировать, если там стояли солдаты?

— Снова догадки: его заминировали раньше, — сказал Барнс.

— Кто же тогда поджёг запал?

— Представления не имею.

— Человек для этого не нужен, — вставил Даниель.

— Так как же подожгли порох? — спросил Барнс.

— Так же, как там. — Даниель, высвободив руку из-под одеяла, указал на Шайвскую башню.

Мгновение назад он увидел краем глаза искорку и ошибочно принял её за вечернюю звезду. Однако теперь она стала ярче любого небесного

тела, за исключением Солнца, ярче любой кометы. И горела она не в небе, а в узком окошке башни.

Все смотрели туда, хотя пламя стало таким ярким, что слепило глаза. Только Исаак и Даниель знали, что это такое.

— В башне горит фосфор, — проговорил Исаак, скорее, заворожённо, чем встревоженно.

— Значит, кто-то там есть, — сказал Боб, хватая ружьё.

— Нет, — отвечал Даниель. — Фосфор зажгла адская машина.

Дверь открылась внутрь под напором тяги, из проёма хлынул оранжево-жёлтый свет. На полу грудой лежали наколотые дрова, сейчас они занялись. Через отверстия, прорубленные в крыше и перекрытии этажа, полетели искры.

— Превосходный расчёт, — заметил сэр Исаак Ньютон спокойно, без тени гнева. — Прилив заставляет драгун бежать к башне. Наполненная отменным топливом, она скоро обратится в печь, и все вокруг изжарятся, как молочные поросята. Воистину они между молотом и наковальней.

Барнс встал. Упираясь деревяшкой в банку, он сложил ладони рупором и заорал: «Назад! Отступайте! Вы там не поместитесь!» Лодку качнуло, и

Барнс плюхнулся на зад.

— Не хочу слышать, как тонет моя Первая рота, — простонал он.

— Полковник, велите грести к острову Грейн — так вы сможете предупредить всех и спасти многих.

— Оставьте меня там, — потребовал Исаак, указывая на гукер, который прилив уже снял с мели.

— Я не могу бросить сэра Исаака Ньютона на ветхом рыбачьем судёнышке! — крикнул Барнс.

— Тогда оставайтесь с ним, полковник, — предложил Боб, — и возьмите с собой несколько солдат. А я предупрежу наших и вытащу тех, кто увяз.

Грохот и треск со стороны башни — рухнуло перекрытие. Миллионы оранжевых искр взмыли в чёрное небо.

— Я тоже останусь с сэром Исааком. — Даниель слышал свой голос со стороны, будто лежит в гробу и над ним произносят похвальную речь. — Мы уведём гукер от огня и будем править по звёздам. Мы с сэром Исааком немного знаем астрономию.

Монумент

закат
Ракеты

— ПОДЖИГАЙ, — НЕГРОМКО СКАЗАЛ ДЖЕК, стоя на одном колене и утвердив подзорную трубу на парапете.

Ожидаемых адских звуков и клубов дыма не последовало. Джек оторвался от окуляра и внезапно почувствовал под собой двухсотфутовую высоту. Только головокружения ему не хватало! Он хлопнул по парапету, крепко зажмурился и объявил: «Шотландец в Белой башне! Я сказал: “Поджигай!”» Потом открыл глаза, выпрямился и отступил за каменную сердцевину Монумента, поскольку ракета могла с равной вероятностью взорваться и полететь. До него донеслись голоса Джимми и Дэнни, треск вспыхнувшего запала и топот бегущих ног. Парни забежали за колонну. Тут же раздался глас василиска: наполовину шипение, наполовину визг, стремительно затихающий вдали.

Джек бегом вернулся на прежнее место и увидел луч чёрного дыма, протянувшийся над городом от парапета. Вблизи Монумента клубы

были зловеще подсвечены, словно штормовой фронт на закате, дальше бледнели и растворялись. Единственными свидетельствами этого гнусного преступления против всех законов безопасной ракетной техники были дыра в крыше дома на ближней стороне Минсинг-лейн и паутинка, соединившая упомянутый дом с большим блоком, закреплённым на лантерне Монумента у Джека над головой. Оттуда она тянулась к блестящей медной бадейке в трёх шагах от Джека, между ног у великана индейца. Индеец схватил шнур, чтобы он своим весом не вытянул из бадьи весь оставшийся.

Джек взглянул через парапет; нить уходила вниз и на восток, теряясь в тени Монумента. А вот на крыше церкви Святой Марии на холме шла какая-то мальчишеская потеха с прискоками и забрасыванием вверх камней на верёвке. Те, кто, в отличие от Джека, не знал, что несколькими ярдами выше протянулся шёлковый шнур, могли бы подумать, что видят пляску людей, обезумевших от сифилиса или колдовского наваждения, своего рода Бедлам под открытым небом.

Со стороны одной из башен Тауэра донёсся визг второй ракеты. Скорость её была такова, что, когда звук достиг Монумента, заставив Джека

повернуться в ту сторону, сама ракета уже скрылась из глаз. Он увидел лишь чёрную радугу, перекинувшуюся через Тауэрский холм и ров, от кладбища за церковью Всех Душ до Белой башни.

— Не горшок с золотом, но вроде того, — заметил Джек.

Сейчас он удачно смотрел в нужную сторону, так что различил стрелу белого пламени, которая взмыла с Темзы, оставляя за собой рваный дымовой шлейф. Она достигла апогея примерно над Тауэрской пристанью, погасла и, перелетев по инерции через Внешнюю стену, рухнула на Тауэр-лейн.

— Чёрт, недолёт! — воскликнул Джек, когда до его ушей донёсся звук запуска.

— На барже есть запасные, — сказал Дэнни.

Джек поглядел в сторону церкви Святой Марии на холме. Пляска одержимых прекратилась, а её недавние участники улепётывали, движимые понятным желанием поскорее скрыться с места преступления. Остались только двое. Один, сидя, что-то делал руками, другой стоял на стрёме. Он мог не тревожиться: ракета, просвистевшая у них над головой, подожгла чердак дома на Минсинг-лейн — туда-то, а не на крышу церкви, было

направлено внимание представителей власти (по большей части самозваных) и (куда более многочисленной и деятельной) толпы.

Тот, что сидел, внезапно вскочил и задрал голову, как будто выпустил голубя и теперь следил за его полётом. Индеец, стоявший рядом с Джеком, принялся быстро-быстро тянуть шнур.

— Полундра! — крикнул Джимми, хватая бадейку и бросая её через парапет.

Дэнни чертыхнулся.

— Теперь в Фонарную башню!

От реки снова донёсся свистящий визг, и Джек увидел ещё один дымовой хвост.

Бадейка, ударясь о мостовую, издала странный звук: нечто среднее между *шмяк* и *дзынь*. Томба смотрел в подзорную трубу и ухмылялся.

— Люди в килтах на Белой башне, — объявил он.

— И что они делают? — спросил Джек. Его внимание было приковано к крыше церкви Святого Дунстана на востоке — там сейчас повторялось то, что мгновениями раньше происходило на крыше церкви Святой Марии на холме.

— Похоже, пьют асквибо и пляшут, — отвечал Томба.

— Когда-нибудь ты дошутишься до того, что я

задушу тебя своими собственными руками, — спокойно заметил Джек.

— Одни тянут верёвку с кладбища, другие поднимают флаг, — сказал Томба.

– *Флаг?!* Я ничего насчёт флага не приказывал, — возмутился Джек.

— Крест святого Андрея и…

— Дьявол! Кто-нибудь из этих горцев соблаговолил заняться блоком?

— Блок крепят на… секундочку… о Господи! — воскликнул Томба и со смехом отодвинулся от подзорной трубы.

— Что там?

— Ракета. Чуть не сбила одного из них, — объяснил Томба.

С реки вновь раздался глас василиска.

— Так последняя попала в цель?

— Скользнула по крыше Белой башни, как камешек по воде, — подтвердил Дэнни, смотревший невооружённым глазом. — Прошла у одного шотландца между ног и врезалась в северный парапет.

— Надеюсь, шотландец догадался наступить на верёвку.

— Вроде они её тянут… перекинули через блок…

— Крыша Тринити-хауза — готово! — вставил Томба, глядя в подзорную трубу на здание между Монументом и Белой башней.

— Выбирай слабину! — крикнул Джек, перегнувшись вниз.

Здесь, наверху, его багрил ярый закатный свет. У подножия колонны уже пролегли синие сумерки. Там помощники Джека тянули шнур, быстро-быстро перебирая руками. Они работали на открытом пространстве внутри своего рода оборонительного периметра. За его пределами быстро скапливались чёрные пушинки толпы. Напор зевак сдерживали громилы с плётками и лучники, которые залезли на цоколь и заняли позиции под крыльями драконов.

— Что за слух вы пустили? — спросил Джек у Джимми.

Прямо под ними свежеотчеканенной гинеей сверкала расплющенная бадейка.

— Что Джек-Монетчик будет на закате кидать с Монумента золотые, — отвечал Джимми.

— Кладбище готово! — объявил Дэнни.

Слова его означали, что (хотя никто из них не мог этого видеть) шёлковая нить теперь шла напрямую от большого блока над их головами к такому же устройству на юго-западном углу

Белой башни. Оттуда она тянулась через Внутреннюю и Внешнюю стены, над пристанью, к стоящей на якоре барже, которая полчаса назад отвалила от моста. С реки было не видно, а вот они с Монумента видели хорошо, что на палубе баржи установлено большое — несколько ярдов в поперечнике — колесо, насаженное на вертикальный вал. Оно было не такое мощное, как шпиль для выбирания якорной цепи, и скорее напоминало уложенную на бок самопрялку. Стоящие вокруг матросы, видимо, по сигналу с Белой башни, принялись вращать колесо, наматывая на него тот самый шнур, который минуту назад при помощи ракеты перекинули через крепостную стену. Через несколько мгновений результат их трудов стал виден с Монумента: изменившийся угол наклона верёвки показывал, что она натягивается.

— Давай! — крикнул Джек вниз.

Его помощники уже собрались вокруг воза, поставленного у основания колонны. До сего момента его накрывали куски парусины — сейчас их сдёрнули, и взглядам предстала огромная цилиндрическая бочка с умело уложенными в бухты милями троса. Однако то был не обычный трос одинаковой толщины. Через блок на вер-

шине Монумента сейчас скользил шёлковый шнур, дальше он утолщался и ближе ко дну бочки был уже с руку.

— Отлично, — сказал Джек индейцу. — Значит, скоро я велю подать себе колесницу Фаэтона. И его преподобию тоже.

Его преподобие дал понять, что нашёл слова Джека забавными. Индеец подавил вздох и побрёл к лестнице, чтобы начать долгий спуск.

— Чего это вы хмыкаете? — спросил Джек, обходя колонну и обнаруживая за ней отца Эдуарда де Жекса.

Тот оттеснил четырёх туристов-иудеев в юго-восточный угол площадки. У его ног стоял чёрный окованный сундук с распахнутой крышкой, кругом валялись хитроумные замки и ключи. Сундук уже почти опустел, но на дне его ещё оставались несколько кожаных мешочков с чем-то очень тяжёлым, звякавшим, когда де Жекс один за другим перекладывал их в прочную кожаную суму. Вторая сумка, уже полная, лежала рядом с той, которую набивал иезуит.

— Ты, сам того не понимая, себя проклял, — отвечал де Жекс. — Ты должен был сказать «колесница Аполлона».

— Аполлон — прозвище Луя. Я так высоко не

мечу.

— Хорошо, тогда Гелиоса. Но не Фаэтона.

— Половина городских хлыщей разъезжает в фаэтонах, — сказал Джек, — почему я не могу пролететь в нём над Лондоном?

— Фаэтон был пащенок Гелиоса. Он взял папенькину сияющую колесницу и отправился на небо покататься. Однако, узрев высь, в которую воспарил, испугавшись героев и титанов, коих боги поместили на небосвод в качестве созвездий, Фаэтон потерял разум, кони понесли, колесница стала жечь землю, Зевс поразил его молнией, и он рухнул в реку. Называя наше приспособление колесницей Фаэтона…

— Мораль вашей сказочки мне понятна, — сообщил Джек, глядя, как де Жекс перекладывает в сумку последние звенящие мешочки. Потом другим тоном добавил: — Занятно. Я всегда воображал, что обряды язычников с их голыми девками, пирами и оргиями были поживее нестерпимо нудных христианских служб; однако драматическая история Фаэтона в изложении вашего преподобия вышла сухой и назидательной, как молитвословия баптистов.

— Я говорю тебе, Джек, о твоей гордыне, о твоём невежестве и о твоей участи. Сожалею, что не

смог сделать рассказ более весёлым.

— Кто разъезжает в лунной колеснице по ночам?

— Селена. Но её металл — серебро.

— Если эти лодыри на барже не будут крутить быстрее, то мы уподобимся *ей*.

— Время до темноты ещё есть, — объявил де Жекс.

Джек подошёл взглянуть на верёвку, тянущуюся снизу к блоку и дальше над Лондоном к упомянутой барже, и с изумлением увидел, что она стала уже в палец толщиной. С изумлением и досадой, поскольку надеялся, что она зацепится за какой-нибудь флюгер и порвётся, пока тонкая. Такая уже не лопнет. Придётся делать что задумано.

Прошло несколько секунд. Лондонская жизнь, как всегда, била ключом: толпа под Монументом, уже перевалившая за тысячу человек, требовала обещанных гиней, то расступаясь, чтобы пропустить бешеного пса, то сбиваясь плотнее, чтобы поколотить карманника. Пожарные в Тауэр-хамлетс, а теперь и на Минсинг-стрит, заливали огонь, солдаты теснили зевак. Горцы на Белой башне упивались победой, чувствуя, правда, лёгкую растерянность от того, что никто её не за-

метил. Люди на барже вращали огромное колесо, словно главную шестерню исполинских часов. Корабли в гавани бросали якоря и снимались с якорей, словно ничего рядом не происходит.

Сам Фаэтон уже падал в верхнем течении Темзы, несколькими лигами западнее города, и при определённом везении мог бы поджечь Виндзор. Его предсмертные лучи захлестнули Лондон, представив весь город зубчатым и золотым. Джек глядел на Лондон, вбирая каждую мелочь, как когда-то глядел на Каир; и впрямь это место вдруг показалось ему чужим и диковинным. Другими словами, он смотрел свежим взглядом путешественника и видел мелочи, ускользающие от прожжённого кокни. Он должен был так смотреть ради Джимми, Дэнни и всех своих будущих потомков. Ибо если де Жекс прав, то Джек и впрямь пащенок, который залетел в эмпиреи, увидел то, что таким видеть не след, и был запанибрата с героями и титанами. Наверное, ещё много поколений Шафто не смогут взирать с такой высоты и видеть так чётко. Но что же он видел?

— Отец, — позвал Джимми. — Пора, отец.

Джек посмотрел вниз. Верёвка была уже толщиною с его запястье и больше не двигалась: её привязали к основанию Монумента, превращён-

ного для такого случая в швартовую тумбу. На барже перерубили якорный канат и спустили в реку огромные мешки из плотной материи — плавучие якоря. Течение наполнило их и теперь тащило баржу вниз, натягивая верёвку по всей длине, что ощущалось и здесь: снасть, удерживающая блок, застонала, как на корабле под ударом шквального ветра. На этом туго натянутом канате висел талевый блок, то есть шкив, надетый на хорошо смазанную ось и заключённый в чугунный кожух. Под ним на двух цепях болталась доска. Джимми держал одну цепь, Дэнни — другую. Колесницу Фаэтона подали для посадки. Все — даже евреи, которые уже перебоялись и теперь чувствовали только любопытство, — выразительно поглядели на устройство, затем на Джека.

— Ладно, ладно, — сказал он и шагнул к доске. Де Жекс протянул одну из сумок, и Джек перекинул её через плечо. — До скорой встречи, падре, — небрежно бросил он, и даже де Жекс почувствовал, что надо отойти.

Джек сел на доску, висевшую вровень с парапетом, пристроил тяжёлую сумку на колени и упёрся в парапет, словно боялся, что сыновья оттолкнут его раньше времени: опасение вполне обоснованное, поскольку он намеревался дать

им отцовский совет.

— Итак, ребята, — сказал Джек, — либо это дело сработает, либо нет. Если всё пойдёт наперекосяк, не забывайте, что есть другие места, кроме Англии. Уж вы их навидались, вам я могу не объяснять. Великий Могол всегда возьмёт на службу бравых вояк. Королева Коттаккал будет рада принять вас в своём дворце и тем более в своей постели. Наши партнёры на Квина-Кутте устроят вам торжественную встречу у подножия пика Элиза. Манила тоже славное местечко. Японию не советую. И помните, что если вы отправитесь в противоположную сторону, к берегам Америки, и будете долго ехать на запад, то рано или поздно найдёте старину Мойше, если команчи ещё не понаделали из него мокасин. В общем, если я окажусь на Тайберне, сваливайте отсюда поскорее. Только окажите мне прежде одну услугу.

— Хорошо, — нехотя отозвался Джимми.

В продолжение всей речи Джек избегал смотреть на сыновей, полагая, что те стыдятся слёз, ручьями бегущих по щекам. Теперь, взглянув на Джимми, он увидел сухие глаза и нетерпеливое недоумение. Обернулся к Дэнни — тот рассеянно глядел на Белую башню.

— Вы хоть что-нибудь слышали, черти?

— Ты просил об услуге, — отвечал Дэнни.

— Прежде чем начать новую жизнь за океаном, если до этого дойдёт, найдите Элизу и скажите, что я её люблю.

С этими словами он вырвал цепь сперва у Джимми, потом у Дэнни, наклонился вперёд, оттолкнулся обеими ногами и полетел над Лондоном. Плащ его распластался по ветру, словно орлиные крыла, явив всякому, кто смотрел в это время вверх, парчовый подбой, блеснувший в лучах заходящего солнца, как экипаж Аполлона. Начался его спуск.

Кофейня Уорта на Бирчин-лейн в Лондоне

закат
Арест Даппы

ДЕСЯТЬ СЕКУНД ДАППА ПРОСТОЯЛ, не шелохнувшись, как будто неподвижность могла сделать его белым.

— Сэр! — хохотнул Джонс. — Как на вас похоже! Что здесь написано?

Благодарение Богу, что Джонс оказался таким непроходимым тупицей! Многие корабельные офицеры, поддавшись естественной склонности замирать от страха в шторм или в разгар боя,

выходили из оцепенения, видя беспомощность команды.

Тело Даппы плоховато слушалось приказов со шканцев, поэтому, шагнув вперёд, он задел и едва не опрокинул стол. Однако листок он всё же схватил, затем обвёл взглядом кофейню. На него смотрели, но с обычным любопытством: что это эфиоп так дёргается? Листка никто не видел.

— Что здесь написано? — повторил Джонс.

Даппа сунул листок в карман с чувством, что убирает туда какашку. По крайней мере там никто не мог его прочесть.

— Здесь написана неправда про меня. Гнусная, возмутительная ложь.

И тут же пожалел, что не выдержал ровный тон — от сильных чувств голос у него стал, как у придушенной курицы. Пришлось на мгновение закрыть глаза, чтобы взять себя в руки и подумать.

— Это нападение. Нападение на меня со стороны Чарльза Уайта. Тори. Почему на меня? Без всякой причины. Он нападает не на меня, а на «Минерву».

Даппа открыл глаза.

— Твой корабль подвергся нападению, Джонс.

— Мне не привыкать, сэр.

— Оружие нападающих — не ядра, а бумага. По тебе стреляет береговая артиллерия. Как ты поступишь?

— Вы хотите сказать, стреляет по нам, сэр, — поправил Джонс. — А поскольку с береговой артиллерией не поспоришь, надо выйти из-под обстрела.

— Верно. Однако договор, который мы пришли подписать, должен быть подписан — иначе мы сорвём обязательство перед поставщиком провианта. Мы должны выполнить свои обязательства, Джонс, иначе нам не будут верить впредь, понимаешь? Мистер Сойер честен, насколько бывают честны дельцы; когда он придёт, сделай вид, будто читаешь то, что он перед тобой положил, и подпиши. Затем беги на «Минерву» и скажи капитану, чтобы сейчас же начал выбирать якорь.

— Вы оставите меня одного, сэр? — испугался Джонс.

— Да. Я постараюсь вернуться на корабль до прилива. Если нет — отплывайте без меня.

Даппа взглянул в окно и увидел худшее, что могло быть: оборванец, раздававший листовки, выследил их в толпе и теперь прижимался к стеклу сальной физиономией. Взгляды их встретились. Такое же чувство Даппа испытал

в Африке, когда мальчишкой играл на берегу реки и увидел направленный на себя полосатый глаз крокодила. Казалось, тысячи предков встали вокруг невидимым хором и кричат: «Беги! Беги!» Даппа и побежал бы, если бы не сознание, что на милю вокруг нет другого чёрного, а значит, далеко он не убежит.

Тень легла на кофейню, как будто туча закрыла солнце. Однако то была не туча, а огромная чёрная карета, запряжённая четвёркой вороных. Она остановилась перед входом.

Оборванец не смотрел на карету. Физиономия его изображала дикий восторг — единственное, что могло сделать её ещё гаже. Не сводя глаз с окна, малый боком двинулся к двери.

— Повтори указания, — потребовал Даппа.

— Дождаться мистера Сойера. Посмотреть на договор, как будто его читаю. Подписать. Бечь на корабль. Уходить по высокой воде, с вами или без вас.

— А когда вернётесь из Бостона, Бог даст, разберёмся, — сказал Даппа и, обогнув стол, двинулся к выходу.

Он не успел дойти до двери, как она распахнулась. Улицу заслонял блестящий чёрный бок экипажа. Даппа отвёл руку назад, приподнял по-

лу камзола и потянулся к спрятанному на спине кинжалу. Он нащупал рукоять, но вытаскивать пока не стал. Оборванец стоял в дверях, загораживая выход, вне себя от счастья, и прыгал с ноги на ногу, как ребёнок, которому приспичило в туалет. Смотрел оборванец вбок, видимо, на человека, открывшего дверь, всем своим видом призывая того в свидетели и помощники. Наконец малый вновь повернулся и навёл на Даппу палец, как пистолет. Листовки он бросил, и они кружились у его ног, залетая в кофейню.

За спиной оборванца возник другой человек, выше его на голову, белокурый, голубоглазый и молодой. Он был гораздо лучше одет и держал в руке трость. Сейчас он высоко подбросил её вверх, перехватил за середину и, не сбавляя темпа, опустил. Медный шарик набалдашника припечатал оборванца по темени. В том произошла метаморфоза: сперва лицо, а затем и тело утратили тонус, как будто все двести шесть костей разом превратились в желе. Прежде чем оборванец упал, загородив вход, молодой человек шагнул вперёд и сдвинул его с дороги. Оборванец исчез из виду, остались только его ноги. Высокий молодой человек позволил трости скользнуть вниз, чтобы набалдашник вновь оказался в руке,

затем учтивейшим образом поклонился Даппе и свободной рукой указал на карету, предлагая его подвезти. Только тут Даппа узнал Иоганна фон Хакльгебера, ганноверца, прибывшего в Лондон вместе с герцогиней Аркашон-Йглмской.

ДАППА СИДЕЛ В ДЕРЕВЯННОМ чреве кареты. Там пахло Элизиной туалетной водой. Иоганн, не залезая внутрь, захлопнул дверцу и принялся на верхненемецком отдавать приказания кучеру и двум лакеям. Лакеи спрыгнули с запяток и начали выбирать из уличного мусора разлетевшиеся листовки. Даппа смотрел на них через окно кареты, а когда она дёрнулась вперёд, опустил шторку и зарылся лицом в ладони.

Ему хотелось плакать от ярости, но слёзы почему-то не шли. Быть может, если бы всё завершилось быстро и благополучно, он бы успокоился, а успокоившись, разрыдался. Однако они были на одной из самых запруженных лондонских улиц, и Даппа не спешил давать указания кучеру. До ближайшего поворота — перекрёстка с Корнхилл — оставалось футов сто, то есть по меньшей мере четверть часа.

Даппа сунул руку в карман и достал листок. Расправил его на коленях и поднял шторку, впуская свет. Каждое движение требовало сознательного

усилия и выдержки, потому что сильнее всего ему хотелось откинуться на сиденье и сделать вид, будто всей этой низкой, подлой, вопиющей, отвратительной гнусности не произошло.

Даппа не знал, сколько ему лет — вероятно, около шестидесяти. Его косички были черные на концах и седые у корней. Он обогнул земной шар и знал больше языков, чем средний англичанин — застольных песен. Он — первый помощник на торговом корабле и одет лучше, чем любой завсегдатай клуба «Кит-Кэт». И тут какая-то бумажонка! Листок отпечатал Чарльз Уайт, но мог — кто угодно. Эта конкретная конфигурация типографской краски на бумаге превратила свободного человека в затравленного зверя, отдала на милость гнусного раздатчика уличных листков, заставила бежать из кофейни. И загнала ему в живот пушечное ядро. Так ли чувствовал себя Даниель Уотерхауз, когда носил в мочевом пузыре камень размером с теннисный мяч? Быть может; но несколько минут работы скальпелем, и камень вынут. Ядро из живота Даппы так просто не извлечёшь. Более того, оно будет появляться снова всякий раз, как он вспомнит события прошедших минут, — и так до конца дней. Возможно, он доберётся до «Минервы» и выйдет

из-под обстрела, но даже в Японском море ядро, выпущенное Чарльзом Уайтом, будет ударять его в живот всякий раз, как он мысленно вернётся в сегодняшний день. А возвращаться он будет, как пёс на свою блевотину.

Вот для того-то и нужны дуэли. Ничем иным такое бесчестие не смыть. Даппа за свою жизнь убил несколько человек, в основном пиратов и по большей части из пистолета. В честном поединке его шансы убить Чарльза Уайта были бы довольно высоки. Однако поединки — для джентльменов; раб не может вызвать хозяина.

И вообще, глупая мысль. Надо добираться до «Минервы». Карета сворачивала на Корнхилл, вправо, то есть к гавани, а не к Лестер-хаузу, где живёт Элиза со своим выводком ганноверцев. Да, лучше бежать из города.

И всё же идея вызвать Чарльза Уайта на дуэль, всадить в него пулю, была чрезвычайно соблазнительной. Первой приятной мыслью с тех пор, как Даппа увидел своё лицо в объявлении о розыске.

Он ещё приподнял шторки и выглянул сперва в боковое, затем в заднее окно. Иоганн смотрел прямо на него с расстояния не больше двенадцати футов. Он шёл за каретой там, где толпа ещё не успела сомкнуться. Резким движением головы

Иоганн велел Даппе опустить шторки и обернулся. Теперь Даппа увидел, что их неспешным шагом преследуют два субъекта. Каждый держал в руке по листовке. Дальше на Корнхилл раздавали такие же. Даппа подумал, что крикнуть: «Лови!» субъектам мешает только нежелание делиться наградой. Так что пока их было только двое, и они, видя шпагу Иоганна, боялись подойти ближе. Однако Чарльз Уайт будет плодить новых преследователей со скоростью типографского станка.

Удивительно! Как бы он объяснил это своим африканским односельчанам? Металлическая пластина, вставленная в раму, вымазанная чёрным и прижатая к белому листу, колдовским образом превращает одного человека в загнанную жертву, а всех остальных, увидевших заклинание, в безжалостных охотников. Однако та же пластина, в той же раме, при чуть другом узоре краски не подействует. А и вправду, что, если отпечатать листовку, в которой он, Даппа, объявит Чарльза Уайта своим сбежавшим рабом и объявит награду за *его* голову?

Это было бы даже лучше, чем всадить в Уайта свинцовую пулю. Однако что проку мечтать? На спасение можно надеяться. На месть — нет.

Карета достигла пересечения с улицей, которая меняла название от перекрёстка к перекрёстку. Если бы они свернули налево, то поехали бы на север по Бишопсгейт к Компании Южных морей, Грешем-колледжу и Бедламу. Впрочем, вероятнее, они свернут вправо, на Грейсчёрч-стрит, которая дальше превращается в Фиш-стрит и ведёт мимо Монумента к Лондонскому мосту.

Карета остановилась на перекрёстке из-за необычайного скопления народа. В правое окно Даппа видел всё больше затылки, в левое — всё больше лица. То есть люди смотрели в основном на юг, на что — непонятно. Даппа снова выглянул в левое окно, пытаясь прочесть ответ на их лицах, и понял только, что все они смотрят куда-то ввысь. Однако он вновь увидел Компанию Южных морей; от ближайших ворот, на левой стороне Бишопсгейт, его отделяло футов двести. Здание было больше и новей, чем Английский банк. В каком-то смысле компания представляла собой антибанк — её обеспечением было *асиенто,* вырванный в прошлом году у Испании работорговый промысел.

Внезапно у толпы разом вырвалось восклицание. Даппа глянул вправо и увидел хвост дыма, уходящий в воздух примерно от вершины

Монумента. И тут же глянул снова, потому что лантерну на самом верху исполинской колонны уродовали самодельные тали. Какая-то глупая потеха для толпы, заключил Даппа.

Однако Компания Южных морей не шла у него из головы. Она вздымалась на левом траверзе, словно пиратский корабль, средоточие мерзости, и, пока Даппа смотрел, некоторые понятия соединились у него в голове. План — не набросок, а законченный план во всей своей полноте — сложился в мозгу и был так очевидно верен, что Даппа без колебаний начал воплощать его в жизнь. Ибо план этот чудесным образом устранил из живота свинцовое ядро.

Он плюхнулся на колени перед скамьёй и швырнул на неё листок. Вытащив из кармана карандаш и лизнув грифель, словно таким образом мог добавить ему красноречия, Даппа вывел:

Ваше сиятельство, миледи!

Иоганн отважно исполнил данное ему поручение. Прошу Вас, не браните его, когда найдёте карету пустой.

В последнем нашем разговоре мы говорили о моей карьере литератора и рассказчика невольничьих историй. Возникло сравнение моих трудов с картечью, которая досаждает врагу, но

бессильна отправить невольничьи корабли на дно морское, где им самое место. Вы убеждали меня прекратить сбор картечи и направить усилия на поиски единственного пушечного ядра.

До нынешнего дня я полагал, что ядро, сиречь история, которая раз и навсегда убедит англичан в чудовищности рабства, сыщется на невольничьем рынке где-нибудь в Сан-Пауло, Кингстоне или Каролине. Однако, к собственному изумлению, сегодня я обнаружил это ядро у себя в животе.

«Минерва» отплывёт завтра утром, но меня Вы сможете найти в какой-нибудь лондонской тюрьме. Я буду просить бумаги, чернил и Ваших молитв.

Ваш преданный и покорный слуга

Даппа

Оставив листок на скамье, он распахнул левую дверцу. За ней было свободное место: никто не хотел вставать там, где вид на юг загораживал экипаж. Иоганн, как и прочие, смотрел на Монумент. Даппа зашагал по Бишопсгейт — быстро, но не бегом. Преследователи, кажется, свернули за ним. Он не обращал внимания: отстанут эти, появятся другие.

Через несколько мгновений он уже сидел в

кофейне буквально под сенью Компании Южных морей, пил шоколад и листал «Экземинер». Как будто имеет полное право здесь находиться.

Рядом дельцы разворачивали на столах документы: лоции заливов Бенин и Биафра, схемы загрузки невольничьих кораблей, амбарные книги, разбухшие от живого товара. В воздухе порхали родные слова: Аккра, Эльмина, Иджебу и Бонни. Даппа почувствовал себя на удивление хорошо и вольготно. Перевернув газету, он снова облизал карандаш и начал писать.

Шайвский утёс

Вечер
Исаак и Даниель у Шайвского утёса

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ сэр Исаак был уже на гукере; его седые волосы кометным хвостом сияли в зареве пылающей башни. Даниель стоял рядом, придавленный весом одеяла, мятая шапка сползала ему на глаза. Четверо драгун, перегнувшись через борт, пытались втащить полковника Барнса на палубу, не сломав ему последнюю ногу.

Вскоре баркас уже быстро удалялся от них — вода поднялась настолько, что шлюпке не

было надобности держаться фарватера. Гукер, сидевший ниже, был более стеснён в манёврах. Даниель снял шапку и, подставив лысину ветру, укрепился в своих подозрениях: горящая башня с силой втягивала в себя воздух, и создавшийся ток подталкивал корпус и голые мачты гукера. Их влекло к столпу ревущего огня, словно мотылька — в горнило Вулкана.

Барнс тоже это заметил. Драгуны осматривали судно, ища якорь или какую-нибудь ему замену, но ничего не находили: фальшивомонетчики в спешке обрубили якорные канаты.

— Есть там что-нибудь тяжёлое? — крикнул Барнс драгуну, шарившему под палубой.

Исаак навострил уши: его тоже живо интересовало, есть ли в трюме что-нибудь тяжёлое.

— Только сундук, — отвечал драгун. — Большой и тяжёлый, как собака — хрен поднимешь.

— Вы заглянули внутрь? — вопросил Исаак, подбираясь всем телом, как голодный кот.

— Нет, сэр, но я знаю, что там.

— Откуда вы знаете, если не смотрели внутрь?

— По слуху, сэр. Он тикает ровно-ровно. Там внутри большие часы.

Исаак и Даниель повернулись друг к другу, словно их носы связаны верёвочкой и её резко

потянули.

Даниель, не сводя глаз с Исаака, обратился к драгуну:

— Настолько ли он тяжёл, чтобы его нельзя было подтащить к борту и сбросить в море?

— Я толкал, но не сдвинул его ни на волос, сэр.

Даниель спрашивал себя, надо ли сообщить драгуну то, что очевидно ему с Исааком: в трюме ветхого судёнышка тикает адская машина. Однако Исаак принял решение быстрее и сказал:

— Простите любопытство доктора Уотерхауза по столь пустячному поводу. Мы с ним оба — часовщики-любители. А поскольку делать нам пока нечего, думаю, мы спустимся в трюм и скоротаем время беседою о часах.

— Я с вами, — вмешался Барнс, который всё понял. — Если, конечно, позволите.

— Милости просим, полковник, — отвечал Даниель и первым двинулся к открытому люку, чёрным прямоугольником зиявшему на залитой огнём палубе.

Белая башня

Вечер

Джек и де Жекс в Тауэре

ОТЕЦ ЭДУАРД ДЕ ЖЕКС, член Общества Иисуса, стоял на одной ноге (он повредил щиколотку) и оглядывал след, оставленный им на крыше Белой башни. Интересовало отца Эдуарда главным образом, где содержимое сумки, которая в последние несколько мгновений значительно полегчала.

Под натянутым тросом, вперемешку с упавшими шотландцами и разлетевшимися в стороны кинжалами, пледами и беретами, пролёг Млечный Путь монет и кожаных мешочков. Де Жекс заковылял назад, складывая их в сумку. Устыдясь, что святой отец сгибается в три погибели, ошалелые горцы вскочили, потирая синяки, отряхнули килты и принялись собирать с крыши сверкающие монетки.

Однако де Жекс не перестал поднимать и считать гинеи, пока не упёрся в западный парапет. Здесь он увидел человека, которого сбил первым: здоровенного малого с чёрной повязкой на глазу. Малый заговорил на неплохом французском:

— Во имя древнего союза (подразумевались исключительно редкие, но уходящие корнями в глубь веков дипломатические переговоры между Францией и Шотландией) я приветствую вас в лондонском Тауэре. Прошу считать его владени-

ем Франции…

– *Pourquoi non,* если мы его и построили?

— …и распоряжаться здесь, как пожелаете!

— Отлично. Моё первое распоряжение: снять знамя Макиенов Макдональдов! — отвечал де Жекс.

То, что слова иезуита лорду Жи не по вкусу, отразилось на лице шотландца ясно, как след от клинка. Тем не менее ответил он с дерзким спокойствием, давая понять, что слышал и не такое, однако до сих пор жив.

— Прошу прощения, — сказал он. — Ребята у меня горячие, только что с вересковых пустошей. Куда им до осторожных парижан!

И Макиен с лёгким поклоном повернулся в сторону знамени. Де Жекс тоже.

К своему изумлению, знамени они не увидели, только флагшток, перерубленный на высоте человеческого пояса очень острым клинком. Знаменосец — мальчонка лет четырнадцати, состоящий исключительно из веснушек, — сидел рядом в амбразуре, зажимая разбитый нос.

Руфус Макиен отправился разбираться. Эдуард де Жекс закатил глаза (как же без этого), затем обвёл взглядом крышу Белой башни и только сейчас заметил, что Джека нет. Видимо, в сума-

тохе, вызванной приземлением де Жекса, тот сам убрал знамя, а потом спустился по лестнице. Ближайший путь вниз лежал через круглую башенку в юго-западном углу здания, рядом с тем местом, где Макиен допрашивал сейчас веснушчатого паренька. Ясно было, что туда Макиен и отправится.

Де Жекс велел горцам оставаться на местах и зашагал к башенке. Трое или четверо, якобы не поняв приказа, двинулись за ним, но Макиен, направлявшийся к той же двери, обернулся — лицо его горело — и остановил их несколькими словами на родном языке. Он вошёл в круглую башенку, лишь на два шага опередив де Жекса.

— Жаль, — сказал иезуит, оглядывая совершенно пустую комнату. — Все астрономические инструменты вывезли.

Лорд Жи уже спускался по лестнице.

— Э?

— Разве вы не знаете? Здесь работал Флемстид до того, как обсерваторию перенесли в Гринвич. Некогда через это помещение проходил нулевой английский меридиан…

Сказанное никак не относилось к делу; де Жекс всего лишь хотел убрать с лица лорда Жи выражение мрачной сосредоточенности. Однако то, что

подействовало бы на французского дворянина, чьи социальные рефлексы отточены Версалем до полного автоматизма, не сработало с лордом Жи, который заслужил дворянство, разрубив француза пополам, и сейчас выказывал явную готовность повторить свой подвиг.

Внутри круглой башенки проходила винтовая лестница. Чтобы найти Джека, надо было просто, спускаясь, заглядывать во все двери подряд. Вскорости он сыскался на среднем из трёх этажей. Помещение это, бывшее некогда тронным залом, давно превратили в хранилище документов. Джек сидел на корточках перед огромным камином и сыпал порох из пороховницы на сложенное в несколько раз шотландское знамя. По пути через тронный зал он прихватил с пыльных полок охапку свитков в качестве растопки.

— Жак… — начал де Жекс.

— Потерпите, ваше целомудрие, пока я уничтожу улику.

— Мерзавец! — вскричал лорд Жи.

Джек обернулся и увидел Макиена.

— Я сказал «уничтожу улику»? Я имел в виду, что священное знамя порвалось и испачкалось в потасовке. Единственный способ достойно проводить его в последний путь — предать очи-

стительному огню.

Он поднёс пистолет к знамени — как выяснилось, незаряженный — и нажал на спуск. Искры от кремня упали на посыпанную порохом ткань и стали больше чем искрами. Огонь побежал по знамени, как по стерне, только быстрее. Джек отпрыгнул от дыма, который из-за отсутствия тяги устремился за ним, как хвост за ракетой.

— Давайте выбираться отсюда в такое место, где есть чем дышать. — С этими словами Джек зашагал мимо де Жекса и Макиена к лестнице.

Де Жексу случалось видеть дуэли. Они были столь же регламентированы и обстоятельно продуманы, как бракосочетания. Однако он наблюдал и довольно потасовок, чтобы понимать: даже они происходят не так спонтанно, как может показаться на первый взгляд.

Гуляя по Версальскому парку, вы могли услышать внезапный шум и, обернувшись, увидеть, что некий дворянин (назовём его Арнольд) бросается с обнажённой шпагой на другого (назовём его Блез). Сторонний наблюдатель подумал бы, что Арнольд обрушился на Блеза ни с того ни с сего, как снежный ком с ветки. Однако на самом деле арнольды мира сего редко бывают столь безрассудны. Внимательный человек, наблюдав-

ший Арнольда за две-три минуты до вспышки, заметил бы, как между ним и Блезом что-то произошло: некий сознательный афронт со стороны Блеза, отказ пропустить Арнольда в дверь или острота по поводу его парика, очень модного в прошлом сезоне. Если Блез был законченный фат, то он проходил дальше, насвистывая, как ни в чём не бывало.

Однако Арнольд превращался в Живой Пример, достойный анналов Королевского общества. Целый синклит английских учёных с лупами и записными книжками мог бы, обступив Арнольда, ловить на карандаш выражения его лица, а потом отпечатать серию гравюр, снабжённых подходящими латинскими подписями. Симптомы в большинстве своём были связаны с гумором страсти. Несколько мгновений Арнольд стоял, осознавая услышанное. Лицо его багровело по мере того, как стенки сосудов раздувались от крови, которую гнало по ним сердце, стучащее, как турецкий барабан перед началом битвы. Однако он ещё не бросался на обидчика, потому что на этом этапе физически не мог двинуться. Всё происходило в голове. Оправившись от первого шока, Арнольд убеждал себя, что справился с чувствами, взял себя в руки и готов хладнокровно

обдумать дело. Следующие несколько минут он заново переживал эпизод с Блезом. Считая, что рассуждает бесстрастно и методически, Арнольд находил неопровержимые свидетельства, что Блез — мерзавец, и выносил тому смертный приговор. Засим вскорости следовало нападение. Однако тому, кто не наблюдал все предварительные стадии вместе с членами Королевского общества, атака представлялась самопроизвольной, как взрыв адской машины.

Де Жекс стоял за спиной Макиена и видел сожжение знамени из-за его плеча. Уши Макиена стали пунцовыми. Он не шелохнулся, когда Джек прошёл мимо него по лестнице. Де Жекс знал, что будет дальше. Он не мог остановить процесс, идущий у Макиена в голове: выстраивание аргументов, скорый и неотвратимый суд. Однако кое-какие действия де Жекс предпринять мог. Он поставил сумку и тихо сунул руку в прорезь сутаны.

Хотя отец Эдуард принадлежал к Обществу Иисуса, он оставался членом человеческого общества и сейчас жил в Лондоне, самом жестоком городе из всех, что повидал, обогнув земной шар. Пальцы его нащупали за поясом рукоять дамасского кинжала, купленного у баньяна в Батавии.

Де Жекс бесшумно вытащил клинок из кожаных ножен. Макиен по-прежнему стоял неподвижно. В комнате слышался лишь треск пламени, пожирающего груду древних документов, которую Джек сложил рядом со знаменем. Де Жекс нарушил тишину, сделав шаг вперёд.

Однако этот едва различимый звук вызвал к жизни другой, куда более громкий, позади де Жекса. Не успел иезуит обернуться и понять, что происходит, как его правую руку завернули за спину. Пальцы разжались, но кинжал не упал: его подхватила чья-то чужая рука. Через мгновение она появилась перед де Жексом и приставила кинжал к его горлу. Иезуита обхватил сзади человек, от которого пахло пропотелой шерстью, лошадьми и порохом. Кто-то из горцев бесшумно спустился за ними по лестнице.

— Как ты будешь духовного звания, я тебя пощажу, — прошипел горец ему в ухо. — Но если ты скажешь хоть слово, то следующую проповедь будешь читать святому Петру.

Руфус Макиен обернулся. Уши его больше не горели. Едва удостоив де Жекса взглядом, он начал спускаться по винтовой лестнице вслед за Джеком.

ВЕСЬ ПЕРВЫЙ ЭТАЖ был доверху забит бочон-

ками с порохом. Не желая отправить к праотцам остатки своего клана, Макиен вынул из-за пояса пистолет и, убедившись, что затвор не взведён, положил его на подоконник.

— О чём ты думал? — спросил Джек.

Джек-Монетчик стоял в проходе между штабелями пороховых бочек. Клинок он не обнажил, только выдвинул на несколько дюймов и стоял боком, что в обществе, где люди часто протыкают друг друга холодным оружием, считается угрожающим.

Макиен сохранял дистанцию.

— Я не рассчитывал прожить так долго, — признался он, — и не задумывался, что будет дальше.

— Тогда я подкину тебе пищу для размышлений, — сказал Джек. — Мы здесь закончили.

– *Закончили?!*

— Мы сделали всё, что требовалось, — отвечал Джек. — Остались кое-какие мелочи на Монетном дворе. К ним мы с отцом Эдуардом приступим, когда вас… не будет.

– *Не будет?!* И как вы намерены удерживать Тауэр без нас?

— В мои планы не входит его *удерживать*, — сказал Джек. — Бегите. Бегите в горы. Прямо

сейчас. Упивайтесь своей местью. Если только…

— Если что?

— Если ты не хочешь сойти в могилу героем Британии, защищая дом королевы из рода Стюартов.

— Это слишком, — сказал Макиен. — Я не могу такое стерпеть.

Он свёл руки перед собой, словно желая соединить их в молитвенном жесте, но не остановился, а продолжил движение, пока пальцы не сомкнулись на выступающей из-за плеча рукояти клеймора. Миг — и клинок перед ним. Джек так же стремительно обнажил свой — булатной стали, изогнутый, как у сабли, и на турецкий манер расширяющийся к концу. Странная получалась дуэль: средневековый меч против не пойми чего.

— Отлично, — сказал Джек. — Значит, герой Британии.

Джеков клинок был быстрее и легче. Макиен не успел бы парировать удар, поэтому первым ринулся вперёд, как бык из загона, и, обманув Джека серией ложных выпадов, со всей силы рубанул сверху. Лёгким клинком такой удар было не отбить, и Джеку пришлось отпрыгнуть назад, в проход между бочками с порохом. Здесь у Макиена не было настоящего простора для размаха,

однако, поскольку Джек удар не отбил, клеймор продолжал двигаться по инерции; Макиен послал его на второй круг и обрушил на голову Джека новый удар. Джек еле успел закрыться. Если бы он развернул саблю горизонтально, пытаясь остановить клеймор, его бы это не спасло. Однако ему достало ума или везения вывести рукоять вверх. Клеймор скользнул по наклонному клинку вбок, почти не потеряв скорость, и, ударив в пол, выбил искры из камня у основания бочки с порохом.

В Руфусе Макиене сосуществовали два человека. Одного — толкового рассудительного офицера — на время вытеснил исступлённый кельтский воитель. При виде искр, упавших на бочку с порохом, воитель исчез, как блуждающий болотный огонь. Остался офицер. Мгновение Руфус Макиен ждал, взлетят ли они вместе с Белой башней на воздух. Однако искры погасли, и ничего не случилось

— Повезло, — заметил Макиен и прочистил горло, потому что в лёгких что-то скопилось.

Он заметил, что Джек стоит близко — слишком близко, чтоб ударить его длинным клеймором. Более того, конец меча был прижат Джековым башмаком. Руфус Макиен кашлянул и почувствовал на бороде что-то горячее и мокрое. Опустив

глаза, он увидел рукоять Джековой сабли, всю в басурманских узорах, прижатую к своей груди.

— Это потому, что мне вообще везёт, милорд, — сказал Джек, хотя Макиен ощущал странную рассеянность — он слышал слова, но не воспринимал смысл. — Во всём, кроме самого главного.

— ТЕПЕРЬ НА МОНЕТНЫЙ ДВОР, — сказал Джек, отступая на шаг и вскидывая саблю.

Кровь брызнула с острия на стену, оставив на сухих камнях длинный алый потёк.

Секунды три де Жекс стоял без движения. Он скосил глаза вниз и убедился, что кинжал валяется на полу, то есть не приставлен больше к его горлу. Вес, давление и запах шотландца исчезли. Иезуит нагнулся, поднял кинжал и круто повернулся к Джеку. Нога его скользнула в горячей лужице. Шотландец лежал на боку, поджав к животу ноги, — глаза полузакрыты, лицо серое.

— Это было очень рискованно, — заметил де Жекс.

— О, простите, теперь мы будем оглядываться на риск?! — изумлённо отвечал Джек. — Да знаете ли вы, что сейчас чуть не…

— Ладно, ладно, — оборвал его де Жекс, зная, что уж если Джек пошёл иронизировать, это неостановимо, как икота.

Они спустились на первый этаж. Древняя дверь в Белую башню располагалась с другой стороны, но в основании винтовой лестницы имелась более новая. Она выходила на полоску травы между северной стеной башни и складами, примыкающими к куртине. Здесь Джек ненадолго замедлил шаг, потому что склады были одинаковые, как стога сена, и он не мог сообразить, куда поворачивать. Однако, подняв голову, он увидел над зубчатой линией крыш парапеты трёх бастионов. На удачу, пожар в Тауэр-хамлетс к северу от рва ещё не потушили; даже в наступивших сумерках бастионы чётко вырисовывались на фоне алого зарева. Джек, съевший собаку на всём, что касается Тауэра, узнал башни Лучников, Кирпичную и Сокровищ.

Кто-то окликал его сверху. Джек не мог разобрать ни слова. Он повернулся, запрокинул голову и, сложив ладони рупором, крикнул шотландцам на крыше Белой башни: «Бегите!» Затем они с де Жексом зашагали на север. Джек высматривал, где можно пройти через склады в основание Кирпичной башни — среднего из трёх бастионов. Наконец его глаза привыкли к сумеречному свету, и он нашёл, что искал: ворота в сплошной череде фахверковых фасадов, такие

большие, что в них мог проехать воз.

В воротах стояли два человека: один великан, другой — ростом с мальчишку: Евгений и Том-чистильщик.

— Я нашёл, где ход, — объявил Евгений.

— Стражник с тобой?

Евгений указал на бифитера, который стоял внутри склада. Руки у него были связаны за спиной.

— Хорошо, что ты наконец здесь, брат, — сказал Том Джеку. — Я никак не могу втолковать московиту, что нам не сюда! — Он указал большим пальцем через плечо. — Там — Кирпичная башня. А Башня сокровищ — следующая!

Том вышел на траву и указал на бастион в юго-восточном углу Внутреннего двора. Перед бастионом толклись человек десять молодцов. Выглядели они так, будто пятнадцать минут назад сошли с флагмана Чёрной Бороды, и все пристально смотрели на Джека.

— И что с того? — спросил Джек.

Неловкая пауза.

Лицо Тома приобрело бледноватый оттенок.

Де Жекс подошёл и зашептал Джеку на ухо.

— Ах да, конечно, *Башня сокровищ,* — протянул Джек. — Там хранятся эти, как их…

— Сокровища короны, сэр, — подсказал совершенно обескураженный Том.

— Я понял… да… разумеется! Сокровища короны. Отлично. — Джек надолго задумался. — Хочешь стащить сокровища короны, раз мы всё равно здесь?

— Я думал, для того всё и затевалось, сэр, — отвечал Том, сейчас и впрямь похожий на мальчишку.

— О да! Конечно! — воскликнул Джек. — Разумеется, я всю жизнь мечтал носить на голове тяжеленную золотую нахлобучку, утыканную драгоценными камнями! Алмазы, рубины — я без них жить не могу. Вперёд! Бегом!

— А вы не хотите…

— Ты отлично справлялся до сих пор, Том, да и твои ребята выглядят надёжными. Поройтесь пока в Башне сокровищ. Там и встретимся.

Евгений прочистил горло.

— Поправочка. Встретимся… э… у Чёрного Джека в Хокли завтра вечером после медвежьей травли.

Джек сопровождал свою импровизацию кивками, жестами и подталкиваниями. Все они адресовались Тому, и все имели целью направить его к прославленной сокровищнице. Наконец

Том двинулся — пятясь спиной вперёд и не сводя глаз с Джека.

— Вы уверены, что удобно пилить державу монарха в шалмане Чёрного Джека?

— Распили её где хочешь, а мне принеси в мешке, сколько сочтёшь нужным. Давай-давай, двигай!

Пока Джек говорил эти слова, Том, прошедший уже половину пути до преступных личностей, оглядывал крыши, полагая, что Джек испытывает его верность: один неправильный шаг, и стрела из арбалета пронзит ему сердце. Однако вокруг никого не было, за исключением нескольких разъярённых горцев, которые начали высыпать из дверей Белой башни. Так или иначе, его это подхлестнуло.

— Ладно! — воскликнул Том, развернулся и припустил к сокровищам короны.

Джек этого уже не видел, потому что вместе с де Жексом бежал туда, где их дожидался Евгений. Тот затворил за ними тяжёлые ворота.

— Как тебя звать? — спросил Джек стражника.

— Клуни! И вы ничего от меня…

— Послушай, Клуни, ты говоришь так, будто я какой-нибудь подлый негодяй. А я всего-то хочу, чтобы ты составил мне компанию на ближайшие

несколько минут и благополучно пережил эту ночь.

— Я не желаю составлять вам компанию ни на сколько.

— Тогда придётся напомнить, что я и впрямь подлый негодяй. Можешь идти сам, а нет — русский накинет тебе на шею верёвку, и поедешь по ступеням на своём набитом говядиной брюхе!

— Я пойду, — отвечал Клуни, глядя на Евгения. Надо думать, он уже насмотрелся на то, что может сделать московит, и боялся его больше, чем Джека.

Последовала короткая пробежка через тёмные недра Тауэра. После третьего поворота Джек совершенно потерял направление. Он догадывался, что они прошли через куртину и попали в Кирпичную башню.

Впереди открылась каменная лестница. Она вела вниз, во мрак, который не рассеивали их фонари. Кто-нибудь посуеверней Джека отпрянул бы, увидев в ней прообраз тюрьмы, смерти и спуска в иной мир. Однако в каталоге жутких мест, куда Джек совался за свою жизнь, это ничем особым не выделялось. Он начал спуск, повернул налево на лестничной площадке, потом снова налево у основания следующего пролёта. Они будто

угодили в какое-то норманнское подземелье, но, пройдя в дверь, Джек оказался, кто бы мог подумать, на улице — Минт-стрит. Прямо перед ним стоял дом, чёрная от копоти развалюха. Дверь её была распахнута, внутри горел огонёк. Дверь и улицу стерегли трое — все прекрасно знакомые Джеку — с *ne plus ultra* [8] оружием сдерживания толпы, мушкетонами. И стерегли успешно: толпа (несколько рабочих Монетного двора) посматривала издали, готовая, если потребуется, отбежать за башню Лучников.

Не потребовалось. Джек замедлил шаг, опустил тяжёлую сумку, давая роздых руке, и обернулся посмотреть, где остальные. От этого движения плащ распахнулся, явив притихшим зрителям роскошную золотую подкладку. Увидев де Жекса сразу за собой, Джек подхватил сумку и внёс её в дом смотрителя Монетного двора.

Дом был пуст. На должность смотрителя — выгодную синекуру — обычно назначали людей, ничего не смыслящих в чеканке монет и не особо желающих в неё вникать, зато со связями. Такой человек не станет жить в таком доме, пусть даже предоставленном ему государством. Он скорее

---

[8] Примечания: 8
Непревзойдённый (*лат.*).

поселится в живодёрне на окраине Дублина, чем на дымной улице среди солдатни. Поэтому дом по большей части не использовался, за исключением одной комнаты. Идя на свет, Джек спустился по лестнице к распахнутой двери.

Хранилище было в ширину не больше размаха рук и такое низкое, что Джек едва не упёрся головой в сводчатый потолок. Оно располагалось ниже уровня рва — отсюда сырость, — но выстроено было на славу. На столе у дальней стены стоял чёрный ящик с тремя запорами. Два открытых замка болтались на петлях, как свежеубитая дичь. Третий, размером с мужской кулак, ждал своей очереди. Перед ящиком на перевёрнутой корзине сидел рослый детина, чьё лицо скрывали упавшие на него чёрные пряди. Он всматривался в замок с расстояния в несколько дюймов, ковыряясь в его внутренностях стальной зубочисткой. Зрелище не удивило Джека, который ожидал, что так всё и будет, за одним-единственным исключением.

— И это он?! — воскликнул Джек.

— Это ковчег, то есть ящик для пробной монеты, — отвечал черноволосый голосом вошедшего в транс индусского мистика.

— В любой другой стране уж расстарались бы,

чтобы он выглядел впечатляюще. А тут — ящик и ящик.

— Всякая вещь, исполняющая роль ящика, неизбежно выглядит ящиком, — сказал черноволосый. — Если тебя это утешит, замки превосходные.

— Как-то не похоже, что эти два превосходны, — заметил Джек.

— Зато третий! Полагаю, первые два принадлежат лорду-казначею и смотрителю. А это — замок директора.

— Ньютона.

— Да. Какой-то европейский почитатель — не иначе как герцог или князь — сделал ему такой презент.

Джек услышал за спиной дыхание де Жекса и сказал:

— Уж кто-кто, а ты мог бы помнить про время.

— Сатурн был повелитель времени, а не его раб.

— А ты?

— Когда как. Б***о***льшую часть дня я у времени в рабстве, и лишь когда копаюсь в часах — или в замк***е*** — оно останавливается.

— Ты хочешь сказать, часы останавливаются?

— Нет. Останавливается время, или так мне

кажется. Я не чувствую его хода. Когда меня отвлекают, я замечаю, что мочевой пузырь переполнен, во рту пересохло, в животе бурчит, камин погас, а солнце село. Но передо мною на столе собранные часы… — он сделал быстрое движение рукой, и в механизме что-то хмыкнуло — …или открытый замок.

Сатурн не мог встать в полный рост, поэтому просто выпрямился, глубоко вздохнул и осторожно, чтобы не ударить о стенку ящика, снял замок.

— Ты только что говорил, будто Ньютонов замок какой-то охрененный.

Сатурн поднёс замок к свече, чтобы все могли полюбоваться его барочностью. Замок изображал портик античного храма, вполне классический, однако вместо греческих богов его украшали серафимы и херувимы, а по фризу шла надпись на древнееврейском.

— Храм Соломона, — объяснил Сатурн.

— Замочной скважины нет! — изумился Джек.

Между колоннами располагалась крохотная дверца тоже с древнееврейской надписью. Сатурн открыл её чёрным ногтем. За дверью на алтаре горело пламя — видимо, из чистого золота. В нём-то и располагалась неимоверно сложная замочная

скважина, вырезанная в форме лабиринта.

— Ты был прав, — сказал Джек. — И впрямь охренеть можно.

— Красиво и умно. Однако замок — он замок и есть.

Сатурн откинул третий запор, взялся за ручку на крышке и потянул.

Ковчег со скрипом открылся. Джек шагнул вперёд. Де Жекс торопливо встал рядом с ним.

Шайвский утёс

сумерки
На борту гукера у Шайвского утёса

НА ПАЛУБЕ В СВЕТЕ горящей башни драгуны шестами толкали гукер, мучительно, ярд за ярдом уводя его от пламени; под палубой в свете фонаря, который Барнс предусмотрительно захватил с «Аталанты», сэр Исаак Ньютон и Даниель Уотерхауз смотрели на огромный запертый сундук и слушали его тиканье.

Барнс подсунул штык под окованный железом сундук и попытался его поднять, затем объявил:

— Дело даже не в весе. Он привинчен к корпусу корабля, и головки болтов — внутри сундука.

Исаак не ответил. Он вообще молчал с тех пор,

как спустился в трюм и не увидел там ничего, кроме тикающего сундука.

В кои-то веки у Даниеля было интеллектуальное преимущество. Исаак поднялся на гукер в полной уверенности, что расставил капкан Джеку-Монетчику и скоро завладеет золотом Соломона. Мысль, что это Джек расставил ему капкан, только сейчас проникла в его сознание, и ей требовалось время, чтобы пустить корни.

Инстинкт гнал Даниеля на нос или на корму, как можно дальше от адского механизма. При большом везении он мог бы пережить взрыв. Однако сейчас стало ясно, что гукер переломится, как сухая ветка, и мгновенно утонет в холодной тёмной воде.

Поднимаясь на палубу, Даниель забрал фонарь, чтобы буквально оставить Исаака во тьме неведения. Он боялся, что при свете Исаак попытается что-нибудь сделать с механизмом. Барнс вышел вслед за Даниелем.

Шайвская башня раскалённым докрасна обелиском вставала прямо из моря.

Беглецы подрубили мачты и выбросили за борт румпель, так что гукер мог только дрейфовать по воле ветра и волн. Куда она приведёт, оставалось лишь гадать, поскольку Темза и Медуэй вступи-

ли в войну с начавшимся приливом и по всей линии фронта закручивались лихие водовороты. Но в целом судёнышко несло к середине устья, откуда объединённое течение рек должно было вытолкнуть его в море. До острова Грейн было пока не так далеко; возможно, ещё оставалось время призвать сержанта Боба, который где-то во тьме спасал солдат Первой роты от наступающего прилива. Боб видел, что башня горит, однако ему неоткуда узнать, что ко дну гукера привинчена адская машина.

Драгуны отрубили от сломанных мачт реи и теперь отталкивались ими, как шестами, от илистого дна, стоя у борта и прижимая реи к груди (они были очень тяжёлые). Когда несколько минут назад Даниель с Исааком спускались в трюм, задачей драгун было удержать гукер, чтобы его не засосало пламя. Это не составляло большого труда, поскольку вода еле-еле поддерживала судёнышко, и шесты легко находили дно. Теперь всё изменилось. Они отошли на безопасное расстояние от вишнёво-красного столпа. Стало гораздо темнее. Контраст между тем, на что падали отблески, и всем остальным был так велик, что Даниелю приходилось воссоздавать картину событий по редким пятнам и полосам

света, по лицам, возникавшим урывками, словно во сне. Однако он видел, что драгуны опасно перегнулись через борт, с трудом удерживая шесты, почти на всю длину ушедшие в воду. То ли прилив так быстро поднимал судёнышко, то ли они вытолкнули его на глубину. Так или иначе, они теряли возможность управлять гукером.

Башня — единственное, что было видно за пределами судна, — долгое время оставалась в одной и той же точке по левому борту. Сейчас она резко двинулась, уменьшаясь в размерах. Течение гнало их в море.

— Что будет, если выстрелить из ружья, когда в дуле шомпол? — спросил Даниель из темноты.

— Сержант Шафто изобьёт вас до полусмерти! — отвечал драгун.

— А что будет с шомполом?

— Наверное, вылетит, как копьё, — сказал драгун, — если не застрянет в дуле и всё это дело не взорвётся у вас в руках.

— Я хотел бы проделать дыру в запертом сундуке, — объяснил Даниель.

— У нас есть топор, — предложил драгун.

— Сундук окован железом, — ответил Даниель.

Но он уже отказался от идеи стрелять шомполом или вообще чем бы то ни было по тикающему

сундуку, понимая, что адскую машину можно с тем же успехом не повредить, а взорвать.

Как только Даниель понял, что они совершенно точно обречены, на него снизошло странное умиротворение.

Он спустился в трюм, чтобы сказать это всё Исааку, которого они бросили в темноте. Даниель ожидал упрёков, но, посветив фонарём, увидел, что Исаак лежит, прижав ухо к сундуку, словно врач королевы Анны, проверяющий, бьётся ли ещё её сердце.

— Это Томпионов механизм с балансиром, — объявил Исаак, — очень массивный. Как будто часы сделаны для великана. Но сделаны очень хорошо. Ничто не скрежещет, шестерёнки крутятся легко.

— Попытаемся его взломать?

— Встраивать смертельные ловушки в замки научились задолго до первых адских машин, — заметил Исаак.

— Понимаю, — сказал Даниель. — Однако альтернатива — ничего не делать и ждать, когда нас разнесёт в клочья…

Он не договорил, потому что Исаак зажмурился и, приоткрыв рот, сильнее припал ухом к железной оковке сундука.

— Что-то происходит, — провозгласил Исаак. — Есть закреплённый стержень. Вращается кулачок…

Он открыл глаза и отпрянул, словно только сейчас осознал грозящую опасность. Даниель поддержал его за руку, помогая встать, и тут же поймал в объятия, потому что гукер сильно накренился на морской волне.

— Ну, — спросил Даниель, — готовы ли вы узнать, что будет потом?

— Я уже сказал, там какой-то механизм.

— Я имел в виду, после смерти, — сказал Даниель.

— К этому я готов давно, — отвечал Исаак.

Даниель вспомнил Троицын день 1662 года, когда Исаак покаялся во всех прежде совершённых грехах и приготовил место для записи новых. Появилось ли что-нибудь на той странице? Или она по-прежнему чиста?

— А вы, Даниель? — спросил Исаак.

— Я приготовился двадцать пять лет назад, когда умирал от камня, и с тех пор часто раздумывал, когда же Смерть удосужится за мной зайти.

— Тогда нам обоим нечего страшиться, — сказал Исаак.

На чисто интеллектуальном уровне Даниель

был с ним согласен, но всё равно подпрыгнул, когда в сундуке что-то механически лязгнуло и крышка откинулась на двух мощных пружинах. Что произошло дальше, Даниель не видел, поскольку (как позже со стыдом осознал) спрятался за Исаака. Теперь он шагнул вперёд. Фонарь был больше не нужен: сундук излучал собственный свет. Снопы разноцветных искр сыпались из трубок, торчащих, как стальные пики на Старых каменных воротах Лондонского моста. На какое-то время Даниель ослеп, когда же глаза привыкли, увидел резную раскрашенную фигурку, подпрыгивающую на пружине. Фигурка была в дурацком колпаке с колокольчиками, деревянная физиономия кривилась в глупой ухмылке. То был чёртик из табакерки, или, как его ещё называют, Джек из коробка. Подсвеченный снизу бенгальскими огнями, он выглядел мерзко и жутковато.

Исаак подошёл к сундуку. Игрушка покачивалась над грудой золотых монет — они хлынули через край, когда сундук открылся, и продолжали скатываться на палубу. Одна замерла в нескольких дюймах от Исааковой ноги. Тот нагнулся её поднять. Даниель, вечный лаборант, поднёс фонарь. Исаак смотрел на неё четверть

минуты. У Даниеля затекла рука, но он не смел шелохнуться.

Наконец Исаак вспомнил, что пора бы уже и задышать. Он тихо причмокнул губами, восстанавливая речевые способности.

— Мы должны немедля возвращаться в Тауэр.

— Я всецело за, — отвечал Даниель. — Боюсь только, что течение Темзы и Медуэя — против.

Книга 7
Движение

Подкупа, шантажа и беспорядков было не больше обыкновенного.

Сэр Чарльз Петри – о парламентских выборах того времени

Ганновер

18 июня (новый стиль), 7 июня (старый стиль)
Каролина и София в Герренхаузене

Не жалейте меня. Я наконец-то узнаю ответы на вопросы, которые не смог разрешить мне даже Лейбниц, пойму пространство и бесконечность, бытие и ничто.

София-Шарлотта, королева Пруссии, на смертном одре в возрасте тридцати шести лет

«ЖИЛА-БЫЛА НИЩАЯ СИРОТКА по имени Вильгельмина-Каролина или, для краткости, просто Каролина. Её отец, человек редкостного ума, хоть и оригинал, умер от оспы, оставив жену на попечение сына от первого брака. Однако сын не унаследовал ни отцовского ума, ни его любви к прекрасной матери Каролины. Считая её злой мачехой, а девочку — будущей соперницей, он выгнал обеих из дома. Мать взяла маленькую Каролину на руки, ушла далеко-далеко в лес и поселилась там в ветхой лачуге. Несколько лет мать и дочь жили подаянием более удачливых родственников, а когда тем надоело кормить нахлебниц, матери пришлось выйти за первого, кто к ней посватался — грубого неуча, которого в детстве ударили по голове. Он не любил Каролинину матушку, а уж до Каролины ему и вовсе не было

дела; он отправил их в глушь и открыто жил со своей злой и невежественной любовницей.

Потом и отчим, и его любовница умерли от оспы, а вскоре скончалась и матушка Каролины, оставив её одну-одинёшеньку без всяких средств к существованию.

Лишь одно сокровище досталось Каролине от матери, единственное, что не могли отнять у неё ни болезни, ни злые люди, — титул принцессы. Без этого наследства девочка оказалась бы в работном доме, в монастыре или где похуже, однако, поскольку она была принцесса, два мудрых человека приехали в карете и увезли её к прекрасной и умной королеве по имени София-Шарлотта, которая приютила сиротку и дала ей всё, в чём та нуждалась.

Из всех даров, что получила принцесса Каролина в последующие годы, два были самые важные. Во-первых, Любовь, ибо София-Шарлотта стала ей разом приёмной матерью и старшей сестрой. Во-вторых — Знание. Во дворце была огромная библиотека, и мудрый человек, доктор, наставник и советник королевы, дал принцессе ключ, чтобы та посещала её, когда вздумает. Всё свободное время она проводила в библиотеке за своим любимым занятием — чтением книг.

Много лет спустя, когда Каролина вырастет и у неё пойдут свои дети, она спросит доктора, как он догадался, что ей нужен ключ. И доктор ответит: “Я тоже рано потерял отца, человека, подобно вашему батюшке, весьма начитанного, а потом узнал его и почувствовал его присутствие в своей жизни, читая оставленные им книги”».

Генриетта Брейтуэйт прервала чтение и чрезвычайно изящно наморщила лобик. Её палец зигзагом двинулся к последнему абзацу, словно свиной пятачок, отыскивающий под землёй трюфель.

— Вот досюда очень хорошо, ваше высочество, но с появлением доктора история становится путаной. Вы перескакиваете с прошлого времени на будущее, начинаете говорить его голосом. Да и вообще, как в сказке оказался доктор? Дворцы, мачехи, лачуги — всё к месту. Но доктор?

– *Es ist ja ein Märchen*…

— По-английски, пожалуйста, ваше высочество.

— Это не только сказка, но и моя история, — сказала принцесса Вильгельмина-Каролина Бранденбург-Ансбахская, — а в моей истории доктор есть.

Она глянула в окно. Сегодняшний урок ан-

глийского проходил в Лейнском дворце. Сразу за мощёным двориком начиналась оживлённая ганноверская улочка. Дом Лейбница был третий или четвёртый от дворца: выкрикнув в форточку философический вопрос, Каролина почти могла надеяться на ответ.

Она помолчала, выстраивая английские слова в правильной последовательности, и закончила:

— В следующей главе речь пойдёт о людях и событиях совсем не сказочных. Покамест я дописала только до того времени, когда София-Шарлотта умерла или, как говорят, была отравлена прусским двором.

Миссис Брейтуэйт почти что вспотела от натуги, силясь не показать, как шокирована словами принцессы. Не то чтобы она питала особую любовь к пруссакам. Миссис Брейтуэйт, жена английского вига, принимала бы сторону Софии-Шарлотты практически в любом споре, если бы ей вообще хватило духа иметь своё мнение. Смутила её прямота Каролины. Впрочем, право безнаказанно говорить правду даётся принцессам при рождении вместе с титулом.

— И впрямь, девять лет, миновавшие с того прискорбного дня, были чрезвычайно насыщены событиями, — заметила миссис Брейтуэйт. —

Однако простому читателю ваш рассказ всё равно покажется сказкой, надо лишь заменить несколько слов. Доктор может стать волшебником, престарелая курфюрстина — королевой, и все в Англии только обрадуются такому превращению!

— Кроме якобитов, желающих ей смерти! — ответила Каролина.

Это было всё равно что подставить миссис Брейтуэйт ногу, когда та, подобрав юбки, на цыпочках пробирается загаженным переулком. Англичанка сбилась и порозовела, однако мысль всё-таки закончила. Как отметили все в Ганновере, включая Каролининого супруга, миссис Брейтуэйт была воплощением изящества и светскости.

— Остальные персонажи и события ваших последних девяти лет — красивый и отважный принц, долгая война со злым соседом, заморское королевство, принадлежащее вам по праву, откуда приезжают гонцы…

— Гонцы, — повторила Каролина, — но и другие лица, которым не место в сказке.

Миссис Генриетта Брейтуэйт, фрейлина Каролины, была по совместительству официальной любовницей Каролининого супруга. Вообще-то Каролину нисколько не огорчало, что её

«красивый и отважный принц» спит с женой англичанина, к слову, довольно-таки скользкого типа. Спать с кронпринцем Георгом-Августом было чаще умеренно приятно, чем откровенно больно. Тем не менее, подобно стрижке ногтей, эта гигиеническая надобность от частого повторения совершенно утратила свою прелесть. К сегодняшнему дню они произвели на свет четырёх детей, трёх принцесс и одного принца и вполне могли произвести ещё при условии, что Георг-Август не изольёт *всё* своё семя в Генриетту Брейтуэйт. Появление англичанки два года назад и её скорое возвышение до *maitress en titre* [9] Юного Ганноверского Храбреца (как именовали Каролининого мужа британские виги) избавило Каролину от одной из наименее увлекательных обязанностей принцессы и супруги, освободив ей больше времени для сна в ночные и для чтения в дневные часы. Поэтому она ничуть не злилась на Генриетту.

Однако отношения принцессы и непринцессы определяются не тем, чт***о*** принцесса на самом деле думает и чувствует, а неким ритуалом, призванным обеспечить устойчивое существо-

---

[9] Примечания: 9
Официальная фаворитка (*фр.*).

вание двора и, шире, всего человеческого рода. В этом смысле Каролина, венчанная супруга Георга-Августа, получившая от матери редчайшую способность производить новых принцев и принцесс, была Г*е*рой, а миссис Брейтуэйт — пастушкой, катавшейся по траве с Зевсом. Предполагалось, что Каролина будет время от времени указывать миссис Брейтуэйт на её место, а та — кротко сносить унижение. А как же иначе, если внукам Каролины предстоит править Британской империей, а Брейтуэйтам — губить себя джином и проигрываться в затхлых лондонских гостиных.

— Я с величайшим удовольствием прочту следующие главы сказки, когда ваше высочество их напишет, — продолжала миссис Брейтуэйт. — Здесь часто рассказывают, как через два года после бракосочетания ваше высочество заболели оспой, и его высочество Георг-Август, невзирая на уговоры врачей, сидел у постели молодой супруги и держал её за руки.

— Верно. Георг не отходил от меня до самого моего выздоровления.

— Для меня — как и для всякой женщины, не смеющей мечтать о такой высокой и чистой любви, — это сказка, которую хотелось бы читать

и перечитывать, пока страницы не рассыплются в прах, — заметила миссис Брейтуэйт.

— Я могу её записать, — отвечала принцесса Каролина, — а могу оставить при себе как сокровенную тайну и не делиться ею с недостойными.

Двумя годами раньше, на придворном рауте, принцесса Каролина услышала, как другая принцесса нехорошо отзывается о Софии. Что именно было сказано, все давно забыли. Помнили только, что Каролина двинула другую принцессу в челюсть, и ту унесли в притворном обмороке.

На самом деле жестокости, которые положено совершать принцессе, были не в характере Каролины. Однако она прекрасно помнила, что не стала малолетней шлюхой в лагере саксонских рудокопов лишь благодаря своему титулу, и не собиралась делать вид, будто древний кодекс поведения принцесс ей не указ.

На колокольне старой церкви через площадь от дома Лейбница опускались гири и разворачивались пружины. Большой кусок металла немилосердно ударял по колоколу; колокол содрогался и стенал. Это значило, что Каролине пора заканчивать ритуальную порку миссис Брейтуэйт и ехать в Герренхаузен. Короткая дуэль на реверансах — и принцесса избавилась от

общества англичанки без всякого нарушения этикета.

Через несколько минут — заглянув по дороге в несколько детских и классных комнат, чтобы поцеловать на прощание маленьких принцесс и принца — Каролина уже говорила конюхам, что те всё сделали неправильно. Герр Шварц, старший конюший, возомнил, будто в силу возраста может предсказывать погоду по боли в суставах. Сегодня локоть и поясница хором пообещали дождь, и герр Шварц приказал заложить карету четвернёй. Собственные же чувства убеждали Каролину, что погода отличная и слишком жаркая, чтобы печься в деревянном ящике. Она шутливо попеняла герру Шварцу и велела седлать любимую кобылу. Лошадь вывели, осёдланную, раньше чем принцесса закончила фразу — герр Шварц прекрасно знал вкусы и привычки госпожи. Каролина, подобрав юбки, по барочной приставной лесенке забралась в седло. Через минуту она ехала по улице, даже не удосужившись оглянуться. Она и так знала, что за ней на приличествующем расстоянии следует небольшой эскорт; в противном случае людей, ответственных за снаряжение её эскорта, прогнали бы с позором и взяли на их место других.

Да и не таков был Лейнский дворец, чтобы утончённой особе стоило на него оборачиваться. Сотня шагов, отделяющая его от дома Лейбница, знаменовала архитектурную пропасть. Поскольку доктор делил кров с библиотекой, дом Лейбница был куда больше, чем нужно холостяку. Он представлял собой типичный габсбургский свадебный торт с толстой сахарной глазурью горельефов, изображавших жуткие сцены из Библии. Рядом с ним Лейнский дворец мог не страшиться обвинений в вычурности. На континенте, усеянном более или менее неприличными копиями Версаля, Лейнский дворец берёг своё право на старомодную простоту. Он был зажат между медлительною Лейне с одной стороны и обычной ганноверской улицей — с другой, что исключало не только сад, но и мало-мальски приличный двор. Справедливости ради надо отметить, что внутри дворца прятался один неимоверно вычурный зал, называемый «Рыцарским»; его выстроил муж Софии тридцать лет назад, когда Лейбниц вернулся из Италии с вестью, что его род ничуть не ниже Софииного. Однако простой обыватель, проходящий по улице или проплывающий по реке в лодке, никогда бы не вообразил, что за этими стенами скрывает-

ся нечто столь пышное и богато изукрашенное. Лейнский дворец состоял из четырёхэтажных флигелей с множеством одинаковых прямоугольных окон, расположенных рядами и столбиками. Каждое утро, когда принцесса Каролина открывала глаза, раздвигала балдахин и смотрела на улицу — как там погода, — ей представали две плоскости окон, убывающих в бесконечной логарифмической прогрессии.

От одного их вида Лейбница бросало в дрожь. То, что на Каролину всего лишь нагоняло скуку, пробуждало в нём жгучий стыд, ибо здесь была и его вина. Доктор вырос после Тридцатилетней войны, когда во многих городах зданий не осталось вовсе — только руины и кое-как собранные из обломков лачуги. Уцелевшие фахверковые дома с их покатыми очертаниями были одинаковые и в то же время разные, как яблоки в корзине. Нынешние здания заключали в себе геометрию — те конкретные представления о геометрии, которые архитекторам вбили в школе. Сто лет назад это были бы параболы, эллипсы, поверхности вращения, эволюты, эвольвенты и параллельные кривые. Сегодня их сменили декартовы координаты, жёсткая прямоугольная сетка, к которой усердные алгебраисты привязали устремлён-

ные ввысь дуги. Заячья игрушка, попавшая к черепахам. Небеспомощное меньшинство христианского мира (думалось Лейбницу), те, кто умеет читать, может путешествовать и не голодает, имело довольно смутное представление о том, что произошло в натурфилософии; вместо того, чтобы взять на себя труд основательно в ней разобраться, эти люди уцепились за координатную сетку, как за мощи или фетиш Просвещения. Итог — строки и столбцы окон. Лейбниц не мог на них смотреть, потому что более других нёс ответственность за торжество декартовой системы. Он, начавший путь в науку с видения в розовом саду! Потому-то они с Каролиной встречались не в вафельнице Лейнского дворца, а за городской стеной у плавно изгибающейся Лейне или у Софии в саду.

Лейбница в городе не было. Почему, Каролина не знала. Слухи гласили, что флот русского царя собирается в Санкт-Петербурге, готовясь вычистить из Балтийского моря неуёмных скандинавов. Каролина и все значительные люди в Ганновере знали, что у Лейбница какие-то делишки с Петром. Может, из-за них-то он и отсутствовал, а может, просто заглянул в Вольфенбюттель разобрать книги или отправился

в Берлин улаживать какую-нибудь свару в академии.

Ганновер, как всякий город, в первую очередь представлял собой организм для отражения неприятеля. Лейне, огибающая его с юга и с востока, всегда играла главную роль в защите Ганновера от огня и разграбления. Вот почему дворец стоял на самом берегу реки. Однако военное значение Лейне менялось от столетия к столетию, по мере того как пушки становились лучше, а канониры учили математику.

Сразу за домом Лейбница Каролина свернула налево к реке; отсюда ей предстояло своего рода путешествие во времени. Оно началось от кривой ганноверской улочки, по виду вполне средневековой, и закончилось четвертью часа позже на краю городских оборонительных укреплений — скульптуры из утрамбованного грунта, по степени следования моде и тщательности поддержания не уступающей причёске версальской дамы. Лейне текла здесь так, как сочли нужным фортификаторы. Местами она была зажата в жёлоб, как фарш в колбасную шкурку, местами разливалась, затапливая участки, считавшиеся уязвимыми.

Строители и разрушители крепостей играли в

своего рода шахматы с геометрией. Свет, несущий сведения о противнике, движется по прямой, пули, несущие смерть, в первом приближении тоже. Пушечные ядра, крушащие стены, летят по низким параболам, мортирные бомбы, уничтожающие города, — по высоким. Укрепления строили из земли, которая дешева, везде есть и останавливает снаряды. Землю ссыпали в кучи и утрамбовывали в призмы — объёмы, ограниченные пересекающимися плоскостями. Каждая плоскость в теории господствовала над своими краями: линии зрения и траектории ружейных пуль проходили вдоль них, отыскивая и убивая то, что затаилось в ложбинках. Предполагалось, что ядра будут ударять в стены под прямым углом и сами выкапывать себе могилы, а не отскакивать рикошетом, круша всё на своём пути, как расходившийся трёхлетний ребёнок. Кавалерийские конюшни, пехотные казармы, пороховые погреба и переходные мостки были приткнуты там, куда ядрам труднее всего попасть. Всё человеческое целиком подчинялось геометрии. В итоге возникала пустыня различно ориентированных плоскостей.

Всё перечисленное и впрямь занимало принцессу, учившую геометрию на коленях у Готфрида

Вильгельма фон Лейбница. Но артиллерия совершенствовалась медленно, артиллеристы выучили всю математику, какую могли, и фортификационные сооружения почти не изменились за десять лет, в которые Каролина проезжала мимо них практически каждый день. Поездка через городские валы стала временем погружённости в себя. Чувства Каролины не отзывались на сигналы внешнего мира, пока она не миновала вторую из двух дамб, идущих через затопленную пустыню, призванную удерживать пушки Людовика XIV на почтительном расстоянии. Укрепления заканчивались деревянными воротами в том месте, где дощатый настил дамбы сменялся гравием.

Отсюда Каролина видела дорогу к оранжереям Софии в углу Герренхаузенского сада, в полутора милях от конца дамбы. Аллея была обсажена четырьмя рядами лип, одетых в бледно-зелёные моховые куртки. Ряды деревьев отмечали три дороги, идущие к королевскому дворцу. Средняя — для карет — просматривалась целиком: здесь ничего нельзя было утаить. По обеим её сторонам тянулись дорожки поуже, такие, по которым как раз можно идти рука об руку. Кроны деревьев смыкались над ними сплошным пологом.

Каролина видела все полторы мили, сжатые перспективой и нарушаемые там и сям цепочками придворных либо садовниками.

София разбивала сады с тем же захватническим пылом, с каким Людовик XIV возводил крепости. Если бы ничто их не сдерживало, её зелёные изгороди рано или поздно упёрлись бы в его *barriere de fer* [10] где-нибудь под Оснабрюком.

Первый раз Каролина попала в Герренхаузенские сады десять лет назад, когда София-Шарлотта привезла её из Берлина, чтобы свести с будущим женихом. Принцесса была знакома с курфюрстиной Софией уже несколько лет, но ещё ни разу не удостоилась приглашения на прогулку.

Тогда их сопровождал Лейбниц, которого с Софией-Шарлоттой связывал платонический роман. Софию вполне устраивало, что доктор таскается за ними: она частенько прибегала к нему как к ходячему вместилищу знаний.

План был восхитительно прост и, как казалось, неуязвим. Сад — прямоугольник пятьсот на тысячу ярдов — окаймляла дорожка для верховой езды, которую опоясывал канал. София, София-Шарлотта и Каролина выйдут из дворца

---

[10] Примечания: 10
Железный заслон (*фр.*).

и совершат почти полный обход сада. Лейбницу предстояло поспевать за ними. От ходьбы щёки Каролины, обычно бледные, как будто вылепленные из папье-маше, раскраснеются. Как раз перед концом прогулки дамы углубятся в лабиринт, где случайно встретят юного Георга-Августа. Они с Каролиной «отстанут» и «заблудятся», хотя, разумеется, София и София-Шарлотта будут постоянно виться, как осы, по другую сторону тонкой зелёной изгороди, быстро перебегая открытые места. Так или иначе, благодаря хладнокровию Георга и уму Каролины молодая пара отыщет дорогу и расстанется на романтической ноте.

Курфюрстина, королева, принцесса и учёный вышли из дворца точно по расписанию, и София приступила к исполнению плана с той же суровой решимостью, с какой герцог Мальборо врубился во французские ряды под Тирлемоном. По крайней мере так казалось, пока они не прошли три четверти пути и не вступили на уединённую дорожку для верховой езды, укрытую ветвями больших деревьев. Здесь-то их и поджидала засада: сын и наследник Софии, Георг-Людвиг, в сопровождении лихих охотников.

Это произошло рядом с полуразрушенной гондолой.

Покойный супруг Софии, Эрнст-Август, в память о юных распутных днях вывез из Венеции гондолу и гондольера, чтобы кататься по окаймляющей сад полоске воды, которую София называла каналом, а Георг-Людвиг — рвом. Как выяснилось, гондолы плохо переносят северогерманский климат, а гондольеры — ещё хуже.

Ко времени первой прогулки Каролины в Софиином саду Эрнста-Августа не было в живых уже семь лет. София не разделяла любви супруга к плотским радостям Венеции и не чувствовала связи с его вымышленными гвельфскими корнями; при её попустительстве гондола осталась на глинистой отмели добычей ливней и уховёрток. Случайно или по коварному умыслу Георга-Людвига мать со своей свитой и сын со своей встретились как раз возле гондолы, которая стояла криво, изредка роняя перхоть позолоты в канал, почти как если бы её установили здесь в качестве *memento mori* — напоминать принцам о тщете юношеских страстей. Коли так, Георг-Людвиг намёка не уловил.

— Здравствуйте, матушка, здравствуй, сестрёнка, — обратился он к курфюрстине Ганноверской и королеве Прусской соответственно и после короткого обмена любезностями добавил: — Разве

не грустно видеть обломки папенькиной гондолы среди всех этих цветов?

— Цветы — красота, которая живёт и умирает, — сказала София. — Когда лепестки начнут опадать, должна ли я буду распорядиться, чтобы сад выкорчевали?

Последовала неловкая пауза.

Будь это Версаль и окажись на месте Георга-Людвига кто-нибудь менее толстокожий, слова Софии квалифицировались бы как «предупредительный выстрел в плечо» — несмертельный, но выводящий противника из строя. Однако это была вотчина Георга-Людвига, а он плевать хотел на всякие тонкости — если вообще что-либо заметил. София провела сравнение между увяданием цветов и рушащейся гондолой. Георг-Людвиг не понимал таких словесных конструкций, как некоторые люди не видят зелёного цвета. Более того, к добру или к худу, он обладал инерцией телеги с боеприпасами. В тех редких случаях, когда он трогался с места, его было не остановить предупредительными выстрелами. Уж кто-кто, а София это знала. Зачем же она тратила слова? Ибо, проводя аналогию с цветами, она говорила на тайном языке, непонятном для её сына. Возможно, курфюрстина думала вслух; возможно,

слова её адресовались кому-то другому.

Много позже Каролина поняла, что они адресовались *ей*. София учила юную принцессу, как быть королевой. Или, по крайней мере, как быть матерью.

Один из спутников Георга-Людвига что-то понял и выступил вперёд. О его мотивах можно только гадать. Возможно, он хотел грудью заслонить Георга-Людвига от следующего выстрела, чтобы продемонстрировать свою верность, или повернуть разговор в другую сторону, или просто красовался перед Каролиной, формально ещё не помолвленной. Так или иначе, он отвесил церемонный поклон, обдав всех своим плюмажем.

— С дозволения вашей княжеской светлости, — проговорил он на странно исковерканном французском, — можно поручить садовникам ощипывать увядшие цветы, чтобы сад выглядел красивее.

То был Гарольд Брейтуэйт, недавно прибывший из Лондона, чтобы искать милостей при ганноверском дворе, а заодно избегнуть судебного преследования на родине. В битве при Бленхейме он совершил что-то отчаянное и остался жив, так что был теперь графом или кем-то вроде того.

— Я не так хорошо знаю английский, чтобы

понять ваш французский, — ответила София, — хотя могу заключить, что вы учите меня, как мне следить за моим садом. Извольте запомнить, что я люблю мой сад таким, каков он есть: не только цветущим, но и увядающим. Он не должен создавать иллюзию вечного лета, где ничто не стареет и не умирает. Такой сад некогда существовал, как учит нас Библия, но его погубил притаившийся на дереве змей.

При этих словах она смерила Брейтуэйта взглядом — тот сделался пунцовым и отступил на прежнее место.

Георгу-Людвигу стало немного не по себе — не от слов матери (их он всё равно не понял), а от её тона: она говорила как королева-воительница, отвергающая предложенный мир. Другой на его месте почувствовал бы опасность и сдал назад, но только не Георг-Людвиг с его инерцией.

— Цветы мне безразличны, — сказал он, — зато если убрать изо рва гондолу, здесь во время карнавала могли бы пройти галеры.

По старой семейной традиции каждую весну в Ганновере устраивали карнавал на венецианский манер.

— Галеры, — рассеянно повторила София. — Это такие военные корабли, на которых гребут жал-

кие вонючие рабы?

— Они для нашего рва слишком велики, матушка, — просветил её Георг-Людвиг. — Я имел в виду маленькие.

— Маленькие? С меньшим количеством рабов?

— Нет, нет, матушка. Людовик Четырнадцатый в Версале устраивает потешные морские бои для забавы знатных господ. Мы могли бы придать нашему карнавалу больший размах…

— Если следующий будет с ещё большим размахом, чем предыдущий, я его не переживу!

— Ну да, матушка, наши карнавалы всегда проходят с размахом, как и пристало такого рода…

— Чему?

— Оригинальной семейной традиции. Может быть, не оцененной по достоинству иностранцами… — Быстрый взгляд в сторону Брейтуэйта.

— Может быть, я не хочу, чтобы иностранцы оценивали мои достоинства!

Война за испанское наследство была в самом разгаре. Мальборо во главе протестантских легионов свободно маршировал по Европе. Виги, заправлявшие в Англии, хотели, чтобы София переехала в Лондон, не дожидаясь, когда Анна испустит последний вздох. Так что, возможно, для чрезмерной озабоченности Георга-Людвига

своим местом в мире имелись смягчающие обстоятельства. Коли так, его мать не собиралась принимать их во внимание. Тем не менее он нёсся, не разбирая дороги, как телега с боеприпасами под откос.

— Этот дворец, эти сады скоро будут британским Версалем. Наша семья, матушка, приобретёт огромное влияние. Там, где сейчас прогуливаются дамы, будут вестись важные государственные разговоры.

— Они и без того ведутся, мой маленький принц, — отвечала София. — Точнее, велись, покуда ты не перебил нас и не заговорил сам.

Принцесса Каролина улыбнулась, потому что до встречи с Георгом-Людвигом они обсуждали склонность одной из кузин толстеть, когда её супруг на войне. Однако улыбка быстро сошла с Каролининого лица. Все вдруг поняли, что София разгневана не на шутку. Перегретую тишину пронзили её слова:

— В этих жилах течёт кровь Плантагенетов. — Она отогнула перчатку с молочно-белого запястья, — и в твоих тоже. Маленьких принцев убили в Тауэре, Йорки и Ланкастеры соединились, и шесть безупречных дам принесли себя в жертву на ложе нашего предка Генриха Восьмо-

го, чтобы появились на свет мы. Католическую церковь изгнали из Англии, потому что она мешала продолжению нашего рода. Ради нас Зимняя королева скиталась, как нищенка, во время Тридцатилетней войны. Всё для того, чтобы родилась я, а потом и ты. Теперь моя дочь правит Пруссией и Бранденбургом, ты скоро получишь Британию. Как так получилось? Почему богатейшими землями христианского мира правят мои дети, а не его?

Она указала на садовника, толкавшего тачку с навозом. Тот затряс головой и закатил глаза.

— П-потому что в ваших жилах течёт божественный ихор, матушка? — отвечал принц, опасливо косясь на бледное запястье.

— Догадка смелая, но неверная. Что бы ни внушали тебе льстецы, в наших жилах нет ничего ихороподобного и уж тем более ничего божественного. Наш дом стоит не из-за диковинной примеси в крови и не из-за какого-либо иного врождённого свойства. Он стоит потому, что я каждый день гуляю и беседую в саду с твоей сестрой и с твоей будущей невесткой, как моя мать, Зимняя королева, гуляла и беседовала со мной. Он стоит, потому что даже сейчас, на пятнадцатом году войны, я ежедневно обмениваюсь письмами

с моей племянницей Лизелоттой в Версале. Можешь, если тебе угодно, тешиться обольщением, будто гонять по округе дичь — занятие, достойное королей, и поможет тебе в будущем править страной, раскинувшейся от Шахджаханабада до Бостона. Не стану тебя разубеждать. Однако я не позволю тебе покушаться на то, что хранило наш род во времена войн, моровых поветрий и революций. Вон из моего сада! И никогда больше не мешай мне работать!

Любой человек в Европе, за исключением Людовика XIV, от этих слов превратился бы в кучу дымящейся золы. Георг-Людвиг только сморгнул.

— Всего доброго, матушка, всего доброго, сестрёнка, — сказал он и рысью поскакал прочь.

Придворные, включая Брейтуэйта, с пылающими щеками следовали за ним, делая вид, будто ничего не произошло. Каролина и София-Шарлотта весело переглянулись у Софии за спиной, с трудом сдерживаясь, чтобы не прыснуть.

Лейбниц плюхнулся на скамью, как сброшенный с телеги мешок репы, и закрыл лицо руками. Парик он сдвинул назад, подставив ветру блестящую от пота лысину. Каролину ещё сильнее разобрал смех — так сильно её учитель походил на комического влюблённого.

Позже она поняла, что привело его в такой ужас. София когда-нибудь умрёт. Георг-Людвиг станет курфюрстом Ганновера, королём Англии и государем Лейбница. София-Шарлотта будет по-прежнему королевой Пруссии, Каролина, возможно, сделается принцессой Уэльской, а вот Лейбниц останется мудрёным человеком, имевшим слишком большое влияние на дам, которые всю жизнь третировали и унижали Георга-Людвига.

Тревога Лейбница многократно усилилась после скоропостижной кончины Софии-Шарлотты. Он всё больше времени проводил с русскими — вероятно, готовил себе местечко на случай будущей опалы.

Однако Каролина не собиралась этого допускать.

ГЕРРЕНХАУЗЕНСКАЯ АЛЛЕЯ проходила по живописной местности, которой позволили несколько одичать. Никто не тратил сил и средств на её поддержание, — отчасти потому, что в половодье её заливала Лейне, отчасти из-за угрозы захвата со стороны постоянно растущих Софииных садов. Таким образом, здесь сам собой возник своего рода парк. Он имел форму сложенного веера: ***у***же со стороны города, шире к Герренхаузенскому

дворцу. В начале пути Каролина чувствовала себя зажатой между большой дорогой и Лейне. Здесь было не продохнуть от людей, мух и экскрементов. Пока принцесса ехала по аллее, река и дорога отступали от неё всё дальше и дальше. К тому времени, как впереди показались архипелаги зелёных плодов в Софииной оранжерее, Каролина уже была в конусе тишины и не обоняла ничего, кроме растительной свежести.

Иностранная принцесса, явившаяся с визитом, свернула бы перед оранжереей и оказалась на улице, вдоль которой стояли летние дворцы знатных семейств. Герренхаузен тоже строился как летняя резиденция, потом разросся. Из его окон открывался вид на маленький старый сад, окружавший семейную усыпальницу. Дальше заезжую принцессу подвергли бы различным церемониям — часа на два, не меньше, прежде чем допустили бы к Софии. Каролина же юркнула в ворота и подъехала к дворцу со стороны сада. Кобыла хорошо знала, куда идти, где остановиться и у кого из конюхов припрятано в кармане зелёное яблоко. Каролина спешилась в северо-восточной части сада, так ни разу и не отвлекшись от своих мыслей на разговоры с посторонними.

Обмен светскими любезностями для принцес-

сы — занятие отнюдь не бездумное. Каролина не могла поздороваться с произвольно взятой графиней в Герренхаузене, не спланировав это так же тщательно, как Георг-Август планировал кавалерийскую атаку. Если произнести приветствие не тем тоном или уделить графине больше либо меньше внимания, чем та заслуживает, новость к заходу солнца облетит весь Ганновер. Через две недели можно ждать писем из Версаля и Лондона: Лизелотта будет спрашивать, правда ли у Каролины роман с графом Таким-то, а Элиза — оправилась ли принцесса после недавнего выкидыша. Лучше уж проскользнуть незамеченной.

Часть сада, прилегающая к дворцу, делилась на прямоугольные партеры размером с теннисный корт. Однако внимание привлекала не планировка, а статуи: вездесущие гераклы, атланты и тому подобное. Римские боги и герои вставали из скрупулёзно поддерживаемой тундры: живых изгородей высотой в ладонь, составленных карликовыми деревцами самшита, и орнаментальных цветников, над которыми постоянно гудели осы. Боязливые придворные — те, кто, по выражению Софии, принимает каждый пук за раскат грома, — выскакивали туда на минутку,

чтобы, вернувшись во дворец, хвастать приключениями средь дикой природы. На самом деле это было продолжение дворца под открытым небом. За партерами вставал умеренно величественный Герренхаузен, сбоку их охватывали его одноэтажные флигеля. На трёхэтажном фасаде дворца было всего двенадцать окон; внутри не поместился бы садовый инвентарь Людовика XIV. Однако Софию её дворец вполне устраивал. Герренхаузен, мозговой центр, мог не тягаться в размерах с Версалем — местом лишения свободы для всех значительных особ Франции.

Каролина знала, что её, скорее всего, заметили из окон, поэтому двинулась прочь от дворца по гравийной дорожке между партерами. Вскоре она подступила к высокой каменной стене, обсаженной живой изгородью, и через прямоугольный проём вышла на другую сторону. Если сад являл собой дворец, выстроенный из растений, то партеры были его парадной гостиной, а здесь начинались личные покои. По одну руку расположился театр под открытым небом, обрамлённый живыми изгородями и охраняемый мраморными купидонами, по другую — лабиринт, где состоялась их первая с Георгом-Августом романтическая прогулка. Каролина, впрочем,

двинулась дальше. Ближнюю и дальнюю части сада разделяла цепочка прудов. Каждый был окружён цветником чуть менее строгим, чем партеры. Пройдя между двумя такими прудами, Каролина обернулась посмотреть на дворец. Покуда она оставалась между партерами, её было видно из окон. Теперь, прежде чем затеряться в саду, она хотела знать наверняка, что её заметили. И впрямь, к лестнице, ведущей из дворца в сад, толпою бежали конюхи и лакеи. Они готовили сцену для ритуального представления, которым сопровождался каждый выход Софии. Каролина некоторое время смотрела на них, затем поймала себя на том, что улыбается, и зашагала прочь.

Она пересекла второй барьер, более высокий и тёмный: стену из подстриженных деревьев высотою с дом. Тут, в самой дальней части сада, легко было вообразить себя на расстоянии дня езды от ближайшего человеческого жилья. Место это любили не только она и София, но и Георг-Людвиг, который в свои пятьдесят четыре года по-прежнему разъезжал по окаймляющей сад дорожке, представляя, будто патрулирует рубежи какого-нибудь приграничного герцогства. Линии зрения и векторы движения принудительно направлялись здесь в просветы между купами

деревьев. Звуки распространялись прихотливо, если распространялись вообще. Эта часть сада на вид была раз в десять больше парадной.

Что-то зарокотало в глубине леса. В первый миг могло показаться, что налетевший ветер зашумел в кронах. Однако звук неумолимо нарастал, переходя в захлёбывающееся рычание, затем в протяжный вой. Где-то далеко за границей сада слуга вращал огромное колесо, гоня лейнскую воду по закопанным под землёй трубам. Каролина подобрала юбки и заторопилась к ближайшему пересечению диагональных дорожек, а оттуда — к большому круглому водоёму в центре более тёмной и дикой части сада. Он уже бурлил. Вертикальная струя вытолкнулась из каменного отверстия посередине и начала пробиваться вверх, словно парусная игла через сложенный в несколько слоёв холст, стремительно обрастая шлейфом водяной пыли — словно дымясь от трения о воздух. Струя росла и росла, пока как будто не отразилась от белого неба (день был пасмурный) и не рассыпалась облаком белых брызг. Теперь весь сад наполнился рёвом искусственной грозы, усиливающим иллюзию дикого и недоступного места. Клочья водяного тумана разлетались по аллеям, делая нечётким близкое

и скрывая далёкое, так быстро в этом искрящемся облаке вещи теряли очертания и сливались с темнотою между деревьями.

Земля здесь была плоская, без холмов, с которых открывался бы обзор. Колокольня с чёрной прямоугольной крышей мрачно взирала на сад, словно инквизитор в капюшоне — на языческие игрища. Если кто-нибудь оттуда смотрел, то, обойдя водоём, Каролина скрылась от наблюдателя за опрокинутым водопадом фонтана. Посредством той же несложной хитрости с её глаз исчезла мрачная колокольня, и принцесса осталась совершенно одна.

Ветер дул с юга, растягивая водяную пыль в зыбкий искристый занавес, который пробегал по водоёму и устремлялся вдоль широкой аллеи, ведущей прямиком ко дворцу. Тот виделся расплывчато, словно в запотевшем зеркале. Каролина вроде бы различала на лестнице белое платье, седую причёску и белую руку, отгоняющую поданные на выбор карету и портшез.

София всегда советовала Каролине стоять под водяной пылью, поскольку это полезно для цвета лица. Каролина ухитрилась выйти замуж и родить четырёх детей, несмотря на свою якобы нездоровую бледность. Тем не менее она стара-

лась при всяком удобном случае постоять под водяной пылью, зная, что это будет приятно Софии. Вода холодила щёки и пахла рыбой. Пласты тумана рушились сверху, словно страницы призрачной книги; над водоёмом они были такие белые и плотные, что Каролина почти могла их прочесть, а чуть дальше почти сразу таяли в воздухе.

Рядом с фонтаном, совсем близко от неё, кто-то стоял. Как его вообще пустили в сад! Однако Каролина не вскрикнула, потому что незнакомец был очень стар. Он смотрел не на неё, а на фонтан. Одетый как дворянин, но без парика на лысой голове и без шпаги, он кутался в длинный дорожный плащ — явно не из романтического щегольства, потому что платье его было забрызгано грязью, а башмаков уже много недель не касалась щётка.

Почувствовав на себе её взгляд, неизвестный вытащил из кармана тяжёлый кошель, скупыми движениями старческих пальцев растянул завязки, вытащил большую золотую монету и подбросил над фонтаном. Она на миг блеснула жёлтым, и тут же серебристая струя сбила её в воду.

— Не уделит ли мне ваше высочество на полпен-

ни внимания? — сказал старик по-английски.

— По мне, так это скорее гинея, — отвечала Каролина.

Её бесило, что в саду оказался посторонний, но воспитание требовало сохранять ровный тон. Скорее, Георг-Август свалился бы с лошади, инспектируя лейб-гвардию, чем Каролина дала бы волю своему гневу.

Старик пожал плечами, раскрыл кошель до конца и обрушил в водоём град золотых гиней.

— На эти деньги может год жить целая деревня, — заметила Каролина. — Когда вы удалитесь, я прикажу их достать и положить в церковную кружку.

— Тогда приготовьтесь к тому, что ваш лютеранский викарий пришлёт их назад с короткой запиской, — отвечал старик.

— О чём?

— Он может написать: «Ваше высочество, заберите эти блестящие кружочки обратно и раздайте нищим в Англии, где они имеют хоть какую-то ценность, потому что так утверждает монарх».

— Какой странный разговор… — начала Каролина.

— Простите. Я воспитан в неуважении к монархам. Мои единомышленники не устают

повторять, что все люди равны перед Богом. Когда принцесса навязывает мне странный и неожиданный разговор, я не успокаиваюсь, доколе не отыщу её и не отплачу тем же.

— Когда и где я поступила с вами так дурно?

— Дурно? О нет, это было скорее благодеяние. Когда? В прошлом октябре, хотя вы запустили цепочку событий намного раньше. Где? В Бостоне.

— Вы — Даниель Уотерхауз!

— Ваш смиренный и покорный слуга. О, слышал бы мой отец, как его сын говорит такое принцессе!

— Вы заслужили все возможные почести и уважение, доктор. Почему вы дожидались меня здесь, как бродяга? И почему начали со странных слов о гинеях?

— Королева Анна написала Софии очередное письмо.

— О Боже!

— Вернее, написал Болингброк и положил перед бедной женщиной, чтобы она поставила внизу своё имя. Письмо отправили сюда с делегацией англичан: несколькими тори, для пущей оскорбительности, и несколькими вигами, чтобы полюбоваться их унижением. Тори всё сплошь важные птицы: многие из тех, кто ищет милостей

Болингброка, состязались за считаные места. А вот на вакансии мальчиков для битья охотников сыскали не враз: пришлось отлавливать на пристани каких-то неудачников и палкой загонять на корабль, как чёрных невольников в Африке. Я воспользовался случаем отправиться сюда и вернуть вашему высочеству долг.

— Как, гинеями?

— Нет, не денежный долг. Я вновь о странном и неожиданном разговоре в Бостоне, следствием которого стало долгое плавание и множество приключений.

— Разговор с вами мне приятен, — ответила Каролина, — я была бы счастлива, если бы вы могли отправить меня в долгое плавание со множеством приключений. Увы, принцессам такое выпадает только в авантюрных романах.

— Плавание вам вскорости предстоит, пусть только через Ла-Манш. Едва вы вступите на английскую землю, начнутся и приключения — какие, не смею даже гадать.

— Об этом я знаю и без вас, — сказала Каролина. — Так зачем вы здесь? Чтобы повидаться с Лейбницем?

— Его, к сожалению, нет в городе.

— Ваш приезд связан с гинеями?

— Да.

— В таком случае гинеи как-то указывают на того, кто их чеканит, сэра Исаака Ньютона.

— Лейбниц писал мне, что вашему высочеству ничего не надобно разъяснять — вы до всего доходите сами. Теперь я вижу, что в нём говорила не только гордость наставника.

— В таком случае должна с прискорбием сообщить, что исчерпала свои дедуктивные способности. Я попросила вас отправиться в Лондон и очень рада, что вы это сделали. Вы отыскали сэра Исаака и возобновили знакомство, что воистину достойно восхищения.

— Лишь в той мере, в какой восхищаются ярмарочным фигляром, глотающим шпагу.

— Пфуй! Пересечь Атлантику зимой и войти в логово льва — подвиг Геркулеса. Я очень довольна тем, что вы пока сумели для меня сделать.

— Не забывайте, что ваше удовольствие либо неудовольствие мне безразличны. Я ничего не предпринимал из желания вам угодить. Я взялся за это дело потому, что наши цели до определённой степени близки, и вы обеспечили меня некоторыми средствами для их достижения.

Теперь Каролине пришлось подставить лицо брызгам, чтобы остудить жар — так клинок зака-

ляют в воде, чтобы он не разлетелся вдребезги от первого же удара.

— Я слышала, в Англии ещё есть такие, как вы, — сказала она наконец, — и рада, что мы поговорили наедине и загодя, чтобы не омрачать свои первые недели в вашей стране возгласами: «Отрубить ему голову!» по нескольку раз каждый день до завтрака.

— Сейчас вопрос в том, будете ли вы, София либо Георг-Людвиг вообще править Англией, — сказал Даниель Уотерхауз, — или толпа якобитов потребует отрубить голову вам!

Мысль была скорее интересная, чем пугающая. Принцесса Каролина совершенно позабыла свой гнев.

— Разумеется, я знаю, что в Англии много якобитов, — сказала она. — Однако закон о престолонаследии действует с тысяча семьсот первого года. Наше право на престол неоспоримо, ведь так?

— Мы отрубили голову Софииному дяде. Я собственными глазами видел его казнь. Для неё имелись веские основания. Однако казнь монарха имела непредвиденные последствия. Головы принцесс и принцев стали мячами, которые пинают по полю более сильные или более ловкие

игроки. Верите ли вы слуху, будто Софию-Шарлотту отравили?

— Об этом мы говорить не будем! — воскликнула Каролина.

Сейчас она и впрямь приказала бы отрубить ему голову, будь рядом стража, или даже отрубила бы сама, случись у неё в руках острый предмет. Видимо, гнев ясно отразился на её лице, потому что Даниель Уотерхауз поднял седые брови и заговорил голосом таким тихим и вкрадчивым, что его слова, как сахар, растворялись в плеске волн у края водоёма.

— Вы забыли, что я дружен с Лейбницем. Он передал мне любовь к этой замечательной женщине. Я разделяю его скорбь. Скорбь и гнев.

— Он считает, что её отравили?

Это была одна из немногих тем, которые Лейбниц отказывался обсуждать с Каролиной.

— Важна не столько причина её смерти, сколько последствия. Если хотя бы половина того, что о ней говорят, правда, она превратила Берлин в протестантский Парнас. Литераторы, музыканты, учёные съезжались в Шарлоттенбург со всех концов Европы. Однако она умерла. Недавно за ней последовал её супруг. Прежний король Пруссии посещал оперу, нынешний играет в оловянных

солдатиков… Вижу улыбку на лице вашего королевского высочества. Родственная слабость к кузену, любителю парадов и шагистики, полагаю. Однако тем из нас, кто чужд семейному умилению, не до смеха. Ибо война окончена, б***о***льшая часть великих споров разрешена, в области разума победила натурфилософия, и — сейчас, в эту самую минуту — в некой великой книге пишется новая система мира.

— Система мира — это ведь название следующей книги сэра Исаака Ньютона, которую мы ждём столько лет, третьего тома «Математических начал», если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Однако я говорю о другом неоконченном труде — моём и вашем. Мы потеряли Софию-Шарлотту, а с ней и Пруссию. Я не хочу потерять вас и Британию. Вот что на кону.

— Так для того я и вызвала вас из Массачусетса! — воскликнула Каролина. — Я не могу управлять домом, разделившимся в себе между сторонниками Ньютона и Лейбница. Как немецкие и британские владения объединятся под одной державой, так должны объединиться немецкая и британская философия. И вы, доктор Уотерхауз, тот человек…

Однако Каролина обращалась к облаку брызг.

Даниель Уотерхауз исчез. Она взглянула на аллею и увидела стремительно приближающуюся старуху. Та размахивала письмом.

София, как всегда, двигалась драгунским шагом. Однако сад был велик, у Каролины оставалось ещё несколько мгновений, чтобы привести в порядок свои чувства. Она отвернулась к фонтану: если на её лице написано смятение, лучше Софии его не видеть. И всё же недавний разговор стал для неё куда меньшей неожиданностью, чем для среднестатистической европейской принцессы. Странные люди с загадочными посланиями и необычными просьбами приезжали к ней из Англии уже довольно давно. По большей части она плохо их понимала, потому что никогда не бывала по ту сторону Ла-Манша. Их с Георгом-Августом приглашали туда какие-то виги — труднопроизносимое для немки слово; другие англичане, которых называли «тори», были категорически против. Впрочем, вопрос оставался чисто умозрительным, поскольку Георг-Людвиг не отпускал сына и невестку в Англию.

Высоко над головой, там, где напор фонтана уступал силе тяготения, Каролина видела сгустки воды, сохранявшие цельность даже после того, как остальная струя рассыпалась в пыль. Тёмные

на фоне более светлых брызг, они рушились быстрее и с большей силой и в падении разбивались на сгустки поменьше, оставлявшие за собой длинные кометные хвосты. Эскадроны комет неслись к воде — гонцы с неведомыми вестями свыше.

Она прошла вдоль водоёма к тому месту, куда падала б***о***льшая часть струи. Воздух полнился шипением и гулом, платье отяжелело от впитанной влаги. Каролина старалась проследить взглядом кометы. Ударяясь о пену, они издавали едва различимый звук, словно единичный возглас в толпе. Однако всё, что имели сообщить кометы, тонуло в водоёме. Когда пузырьки лопались и пена таяла, оставалась лишь наморщенная ветром гладь. Каролине подумалось, что вести по-прежнему там, и можно их прочесть, если достаточно долго смотреть на воду. Однако видела она лишь созвездие жёлтых крапинок на каменном дне.

— Нет, это точно подстроено!

— Доброе утро, бабушка.

София смотрела на монеты. В свои восемьдесят три она превосходно видела без очков, могла отличить орёл от решки и узнала профиль королевы Анны.

— Всюду эта мерзавка!

Принцесса Каролина промолчала.

— Символ, знак, — продолжала курфюрстина Ганноверская, — оставленный здесь кем-то из гадких заезжих англичан!

— Что, по-вашему, он означает?

— Всё зависит от того, что ты думаешь об английских деньгах, — отвечала София. — С тем же успехом можно спросить, стоят ли они хоть что-нибудь?

Слова Софии так странно перекликались с намёками упомянутого гадкого англичанина, что Каролина оторвала глаза от монет и заглянула курфюрстине в лицо. Смотреть ей пришлось немного сверху вниз, потому что София от старости усохла на несколько дюймов. Однако даже дряблость кожи, естественная в таком возрасте, лишь подчёркивала удивительную ясность её глаз. По стенам Герренхаузена и Лейнского дворца висели фамильные портреты Софии, её сестёр и матери. Все они глядели из-под изогнутых бровей огромными зоркими глазами, не разжимая маленьких губ, явно не те барышни, к которым на светском рауте неуверенный молодой человек направится с желанием завести разговор. Каролина не хуже других знала, что портреты царствующих особ лгут. Однако лицо

перед ней было удивительно схоже с лицами на портретах: те же большие глаза и маленький немногословный рот. А главное, то же выражение самодостаточности, словно говорящее: «Я не жду, когда ко мне подойдут, и не изнываю от желания, чтобы со мной заговорили». Отличалась только одежда. София, к щегольству обычно равнодушная, тем не менее носила фонтанж — высокую наколку из нескольких слоёв крахмального кружева, которая прибавляла ей несколько дюймов роста, прятала редеющие седые волосы, а заодно не давала им падать на её дивные глаза.

У Каролины мелькнула забавная мысль, что София и Даниель Уотерхауз — достойная пара. У него такие же большие пристальные глаза, да и нрав не мягче, чем у Софии. Вот бы их свести — пусть грозятся друг другу плахой хоть до скончания восемнадцатого века.

— Ты говорила с кем-то из англичан? Я о приехавших, не о таких, как Брейтуэйт.

— Мельком.

— Идём, я хочу быть подальше и от них, и от этой женщины.

София наклонилась к Каролине, зная, что та подставит ей локоть. Сцепившись, как половинки медальона, женщины двинулись прочь от

фонтана. София твёрдо направляла Каролину, но пока ничего не говорила.

Эта часть сада делилась на четыре сектора. Внутри каждого располагался фонтан, куда меньше центрального. От фонтанов расходились дорожки, нарезавшие сектора на ломтики. Каждый ломтик — общим числом тридцать два — представлял собой отдельный участок, и все они были разные: одни чистенькие и аккуратные, как гостиные, другие тёмные и заросшие, как Тюрингский лес. София тянула Каролину в один из таких ломтиков, скрытый за высокой стеной подстриженных деревьев. Вскоре они оказались в приятном зелёном кабинете с водоёмом посередине и каменными скамьями вокруг. София дала понять, что хочет сесть. Это было необычно, поскольку для неё прогулка по саду всегда означала именно моцион.

— Вчера один из англичан употребил занятное слово — *«currency»*. Ты его знаешь?

— Это «течение». Так говорят о Темзе, которая на большем своём протяжении спокойна, но становится бурной под Лондонским мостом.

— Вот и я так думала. Англичанин употреблял его весьма многозначительно, а я воображала, будто разговор идёт о реке или о сточной канаве,

пока не поняла, что речь о деньгах.

— О деньгах?

— Никогда я не чувствовала себя такой дурой! По счастью, при разговоре присутствовал барон фон Хакльгебер. Он знал слово — или быстрее его расшифровал. Позже я поговорила с ним наедине, и он объяснил, что англичанин имел в виду денежное обращение.

— У англичан все разговоры обращаются вокруг денег.

— Это потому, что у них нет ничего, кроме овец, — объяснила София. — Ты должна это понять, раз тебе предстоит ими править. Они вынуждены сражаться с Испанией, у которой всё золото и серебро мира, и с Францией, у которой все прочие мыслимые земные блага. Как бедная страна побеждает богатые?

— Полагаю, мне следует ответить «милостью Божьей» или чем-нибудь в таком…

— Хорошо. И как проявляет себя милость Божья? Материализуются ли груды золота на берегах Темзы чудесным образом?

— Конечно, нет.

— Превращает ли сэр Исаак корнуолльское олово в золото посредством алхимии?

— На сей счёт есть разные мнения. Лейбниц

считает, что нет.

— Я согласна с бароном фон Лейбницем. Тем не менее всё золото в Англии! Его добывают в испанских и португальских рудниках, однако оно стекается, как по волшебству, в Лондонский Тауэр.

— Стекается, — повторила Каролина. — Движется, как вода.

София кивнула:

— И англичане так к этому привыкли, что слова «движение» и «деньги» стали для них синонимами.

Каролина сказала:

— Это и есть ответ на ваш вопрос — как бедная страна побеждает богатые?

— Да. Не накапливая богатство в том смысле, в каком богата Франция…

— Виноградники, поля, крестьян и коров…

— А придавая новый смысл самому слову «богатство».

— «Движение»!

— Да. Барон фон Хакльгебер сказал, что мысль на самом деле не так уж и нова. Генуэзцам, флорентийцам, аугсбургцам, лионцам она известна уже не одно поколение. Голландцы построили на ней небольшую империю. Однако англичане, не

имея иного выбора, довели её до совершенства.

— Вы дали мне новую пищу для размышлений.

— Вот как? И что же ты теперь думаешь о наших перспективах, Каролина?

Для Софииного поколения монархов вопрос был бы возмутительным, абсурдным. Наследнику трона не пристало думать о собственных перспективах. Он вступает в свои права, как луна вступает в новую фазу, в соответствии с законами естества. Теперь всё переменилось, и София, надо отдать ей должное, сумела приспособиться к новому положению вещей, в то время как многие её сверстники перешли от неведения к негодованию, а от негодования к старческому маразму, так и не поняв, что произошло.

Каролина ответила:

— Мне нравится ловкий трюк, посредством которого англичане обставили сильные державы, изменив само понятие богатства. Благодаря этому мне не надо, как бедной Элизе, выходить замуж за какого-нибудь Бурбона и влачить дни в Версале или Эскориале. Однако меня пугает неустойчивость. Говоря словами одного моего мудрого знакомого, создаётся новая система мира. Причем создаём её не мы, а какой-то чудной

натурфилософ в дымной лондонской лаборатории. Теперь мы должны жить по законам этой новой системы, которые не вполне ясны. И я боюсь, что покуда англичане проделывают фокус с деньгами, чтобы получить временное преимущество, им самим готовят сходный кунштюк.

— Вот именно! И ты как раз подвела к сути того, что пишет мне Анна! — София несколько раз сердито хлопнула веером по ненавистному посланию.

В тот же миг стена деревьев у них за спиной вздохнула под ударом холодного ветра. Суставы герра Шварца не обманули: погода портилась. Деревья накренились, словно желая укрыть женщин своими кронами, град бурых листьев и веточек зашуршал по траве. София, менее кого бы то ни было склонная принимать каждый пук за раскат грома, словно ничего не заметила. Может быть, её полностью захватил разговор. А может, ей было здесь так покойно, что она не нашла в себе сил тревожиться.

Раз София не пожелала говорить о погоде, грубо да и бесполезно было заводить об этом речь. Каролина ограничилась тем, что пригнулась от холодного ветра, обняла руками колено и взглянула на небо. Потом спросила:

— Королева пишет о деньгах?

— Не глупи. Она слова такого не знает. А если бы и знала, не стала бы писать о столь вульгарных материях. Письмо о семейных делах. Некоторые абзацы посвящены твоему супругу.

— От этих слов у меня мороз по телу хуже, чем от холодного ветра.

— Она называет его английскими титулами: герцог Кембриджский, граф Милфорд-Хейвенский, виконт Норталлертонский, барон Тьюксбери. — София с яростным удовольствием читала непривычные имена.

— Вы меня дразните, не рассказывая, что в письме.

— Не дразню, а оберегаю.

— Всё так плохо?

— Хуже, чем в прошлых письмах.

— Мой свёкор его уже читал?

— Нет.

— Мы с мужем могли бы сейчас быть в Англии, — посетовала Каролина, — и он заседал бы в палате лордов, если бы Георгу-Людвигу хватило духу нас отпустить. Новое письмо только напугает его ещё больше и задержит наш отъезд на месяц.

София сочувственно улыбнулась:

— Георг-Людвиг не сможет прочесть письмо, если мы попадём под дождь и чернила расплывутся.

Холодная капля упала Каролине в рукав. Принцесса рассмеялась. Ещё одна капля шлёпнулась на письмо.

— И всё же, — продолжала София, — не обманывайся. Мой сын не отпускает вас в Англию не только из-за возражений Анны. У Георга-Людвига достаточно недостатков — кому знать, как не его матери, — однако малодушия среди них нет! Он держит вас в Ганновере, потому что завидует своему сыну — его умению держаться, его воинской славе — и не доверяет его женщинам.

— Вы о миссис Брейтуэйт?

София поморщилась:

— Она пустое место, как знают все, кроме тебя. Ты, Элиза, покойная София-Шарлотта и я — женщины, гуляющие в моём саду, — для Георга-Людвига всё равно что шабаш ведьм. Ему не по вкусу, что его сыну и наследнику с нами легко. Вот почему он никогда не отпустит тебя и Георга-Августа в Англию. *Это* может стать для него предлогом… — София подняла письмо, чтобы дождевые капли, чёрные от растворённой злобы, скатились на подпись королевы Анны, — но не

обольщайся, причина в ином.

От налетевшего ветра где-то с треском переломился сухой сук. Вся дождевая вода, скопившая в кронах, разом пролилась на двух женщин. София подняла голову, только сейчас поняв, что дело может не ограничиться заурядным июньским ливнем. Её крахмальный фонтанж поник.

Но теперь уже Каролина не замечала дождя.

— Когда мы садились, вы сказали, что в письме было что-то важное касательно денег?

— Не в содержании письма, а в его тоне, — отвечала София, повысив голос, чтобы перекричать ветер. — Как ты помнишь, её прежние письма, написанные после того, как виги пригласили вас в Англию, были исполнены обиды. Это дышит — вернее, дышало — торжеством.

— Что-то произошло за последние месяц-два.

— Боюсь, что так она полагает.

— Она решила оставить трон Претенденту.

София молчала.

— Она не властна сама распоряжаться троном. Нужно решение парламента. Какое событие последних недель придавало якобитам уверенности?

— По английской денежной системе нанесён удар. Движение остановилось.

— Это как раз то, о чём я говорила минуту назад.

— Может, ты и впрямь ведьма, милая, а вдобавок ясновидящая.

— Может, меня иногда навещают «гадкие англичане».

— А! — София взглянула в сторону большого фонтана.

— Что-то неладно на Монетном дворе.

— Однако им заведует сэр Исаак Ньютон! Я изучила этот вопрос, — гордо сказала София. — Когда я стану королевой Англии, мы все пойдём в Тауэр и посмотрим Монетный двор!

Она хлопнула себя по колену, показывая, что хочет встать. Дождь уже зарядил не на шутку, за ними наверняка выслали слуг. Каролина встала и повернула к Софии локоть, чтобы та оперлась.

Курфюрстина между тем продолжала:

— Сэр Исаак реформировал английскую денежную систему, которая была худшей в мире, а стала лучшей.

— К чему я и клоню. Ваши слова означают только, что у английской монеты отличная репутация. Идёмте отсюда.

Каролина тянула Софию на одну из расходящихся дорожек. Внезапно она остановилась.

Даже хорошо зная сад, сложно было сообразить, в какую сторону идти. София почувствовала её нерешительность.

— Давай переждём дождь в павильоне, — сказала она, кивая размокшим фонтанжем на диагональную дорожку, ведущую к каменной беседке на самом краю сада.

Каролине не хотелось углубляться так далеко за деревья, тёмные и шумливые под дождём.

— Может быть, лучше вернуться к большому фонтану? Наверняка нас будут искать там.

— Если нас найдут, нам придётся оборвать разговор! — вознегодовала София.

Спорить было бесполезно. Они повернулись спиной к фонтану и вступили в просвет между деревьями.

— Это всего лишь вода, — философски заметила Каролина.

Софии, впрочем, надоело мокнуть, и она тащила Каролину вперёд, заставляя прибавить шаг.

— Я тебя поняла, — сказала София. — Денежная система, основанная на золоте и серебре, имеет абсолютную ценность.

— Как абсолютные пространство и время сэра Исаака, — задумчиво проговорила принцесса. — Её можно проверить в пробирной купели.

— Однако если ценность основана на реноме, как у акций на Амстердамской бирже, или на ещё более абстрактной концепции движения…

— Как в динамике Лейбница, в которой пространство и время суть порядок вещей…

— Она становится непознаваемой, изменчивой, уязвимой. Движение денег может порождать какую-то реальную ценность…

— Разумеется! Люди постоянно извлекают из него реальные деньги!

— Но она не выдержит проверки огнём при испытании ковчега.

— Что за ковчег? — спросила Каролина.

Вместо ответа София резко дёрнула принцессу за локоть и стала на неё заваливаться. Каролине пришлось согнуть колени и обхватить Софию свободной рукой, иначе бы они рухнули вместе.

— Бабушка? Вы хотите туда? — Каролина взглянула на тёмную полосу деревьев слева от дороги. — Вы хотите к Тойфельсбауму?

Может быть, София передумала идти в беседку и решила укрыться под деревьями.

С губ Софии сорвалось что-то невнятное, а за шумом дождя трудно было бы разобрать даже отчётливую речь. Однако слова Софии не были отчётливыми; Каролина вообще сомневалась,

что это слова. Повиснув на Каролине, старуха запрыгала на одной ноге, волоча другую. Так они добрались до калитки. Тойфельсбаум, «чёртово дерево», окружала кованая ограда, как будто его надо держать в клетке.

София кивнула на калитку, потом подняла взгляд на Каролину: половина её лица молила, половина обмякла и не выражала ничего. Каролина взялась за щеколду и, только ощутив под рукой холод мокрого железа, вдруг поняла: у Софии удар. Она не впервые видела эти симптомы, просто на таком знакомом и любимом лице их труднее было узнать. Мгновение принцесса стояла неподвижно, держась за калитку, словно некие чары обратили её в хладный металл. Надо было бежать за помощью, звать врачей.

И тут София глянула на садовую дорожку. Глянула украдкой. Она, ничего в своей жизни не делавшая исподтишка!..

София не могла говорить, еле стояла на ногах, — но понимала, что происходит. Она боялась, что их увидят. Боялась, что её потащат во дворец, будут отворять кровь. Боялась притворной жалости в лицо и глумливых перешёптываний за спиной. Инстинкт гнал её забиться в самый дальний уголок сада и умереть там.

Каролина распахнула калитку, и они шагнули в темноту.

Тойфельсбаум София вывезла как диковинку из родового имения в Гарце. Это растение стелется по земле, вползая на всё, что попадается на пути; мощное, как настоящее дерево, но вьющееся, как лоза, оно беспорядочно ветвится, оплетая камни и другие стволы. Изгибы ветвей иногда походят на локти или колени, а сами ветви, жилистые и гладкокожие, кажутся переплетением множества диковинных чудищ. Гарцские лесорубы ненавидят его и уничтожают, где только встретят, но здесь София дала ему разрастаться свободно. И Тойфельсбаум отплатил ей за доброту, приняв курфюрстину и принцессу в свои мощные объятия. Каролина усадила Софию в изгибе ветвей, подальше от холодной земли, а сама села рядом и положила голову умирающей себе на колени. Дождь то ли перестал, то ли от него частично защищала листва. Время замедлило ход, покуда две женщины слушали стук капель. Каролина гладила седые волосы Софии, держа её за ту руку, которая ещё отзывалась на прикосновения. По всему саду разлились тишина и покой. И наконец Каролина почувствовала, что жизнь ушла из руки, которую она сжимала в своей ладони, и из

самой Софии.

У неё оставалось множество вопросов о том, как быть королевой. Она могла бы задать их под Тойфельсбаумом, но это было бы неуместно, а София всё равно не сумела бы ответить.

Вернее, не сумела бы ответить словами. Последний ответ, единственно важный, был приготовлен заранее: время и место. Своей смертью курфюрстина передала ей то последнее, что хотела.

— Я принцесса Уэльская, — сказала Каролина. Сказала это себе.

Вестминстерский дворец

11 июня 1714
Вестминстерский дворец

Палата единогласно одобрила внесённое комитетом предложение, что парламенту следует объявить награду лицу либо лицам, каковые предложат метод определения долготы, более надёжный и практичный, нежели используемые в настоящее время, и что размер вышеупомянутой награды должен зависеть от степени точности предложенного метода.

Протоколы палаты общин, VENERIS, 11° DIE JUNII; ANNO 13° ANNAE REGINAE [11]*, 1714*

ВЕСТМИНСТЕР-ХОЛЛ ЧЕРНЕЛ на берегу Темзы, как будто некое небрежное божество, торопливо возводя небесный свод, опрокинуло сюда лохань сумерек. Неоднократно делались попытки слегка его оживить или хотя бы спрятать за позднейшими добавлениями. Болота, на которых он стоял, засыпали и сровняли, чтобы дать место болезненным разрастаниям основного дворца. Некоторые из них возводились как аббатства, другие — как форты, третьи — как жилые дома, и все потом

[11] Примечания: 11
11 июня, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

использовались как-то иначе. Человек, вступивший в этот пёстрый лабиринт, если у него были компас и твёрдая голова, чтобы не затеряться среди множества зданий, мог проникнуть в Вестминстер-холл.

Он был пуст. О да, в южных углах за дощатыми баррикадами разместились два судебных присутствия, а по боковым стенам, как плинтусы, тянулись прилавки, чтобы господа, проходящие через гулкую пустоту, могли купить книги, перчатки, нюхательный табак и шляпы. Однако это лишь подчёркивало загадочную огромность Вестминстера: для чего возводить здание столь большое, что в нём приходится выгораживать здания поменьше? Резные ангелы на концах выступающих консольных балок смотрели на корыто серого пространства. Голые стены и потемневшие от времени стропила высоко над головой выдавали в нём непомерно увеличенный пиршественный чертог викингов. Беовульф мог бы войти сюда и потребовать рог с мёдом: он бы чувствовал себя здесь гораздо вольготнее, чем люди в париках, стремительно пробегавшие по каменному полу, словно горностаи через темнеющую поляну в страхе перед совой. Здания поменьше, которые лепились рядом с Вестмин-

стер-холлом, нарушая архитектурное единство его арочных контрфорсов, куда больше подходили для заговоров, махинаций, разврата и таинственных ритуалов — извечных занятий рода человеческого. Потому-то все и спешили забиться в боковые отнорки, оставляя центральное пространство суровым ангелам.

Если мрачная пустота в сердце Вестминстера и имела какое-то назначение, то она выполняла ту же функцию, что полое пространство, составляющее б***о***льшую часть виолончели. Струны, дека, смычок и сам музыкант — всё снаружи. Ничего не происходит в тёмной глубине, однако ничто не работало бы, не будь центральной полости, удерживающей части в правильном соотношении друг с другом, невзирая на постоянное напряжение струн, и резонирующей в лад с малейшим их колебанием.

Лишь один человек в тот день не ускорил шаг, проходя через здание, — пожилой рыцарь, который подъехал к северному входу в чёрном портшезе и велел носильщикам высадить его здесь. Он вылез возле позорного столба, у которого пороли толстяка — тот дёргался всякий раз, как спину рассекала новая кровавая полоса, но упорно отказывался кричать. Старик, прибывший

в портшезе, подальше обошёл столб, чтобы не забрызгаться кровью, и ступил в просвет между двумя кофейнями, прилепившимися к древнему фасаду дворца. Он не нуждался в парике, потому что волосы его, хоть и редкие, по-прежнему доходили до плеч, а оспа почти не оставила на нём следов. Не нуждался он и в пудре, ибо уже полстолетия был сед, как иней. Старик шагал медленно, устремляя взгляд на одних всеведущих ангелов и не замечая других. Время от времени он озирался, словно различал эхо и чувствовал резонансы, неслышные для других. Наконец он достиг южной стороны, где проход суживали два выгороженных судебных зала. Заметно посуровев лицом, старик заставил себя вступить в гудение неразличимых голосов. Возможно, пройдя через Вестминстер-холл, он как-то изменил пустоту под сводами, оставив некую слабую ноту, которая продолжала эхом отдаваться после его ухода и звучит по сей день.

Народы, племена, кланы, секты, сословия и династии на протяжении шести веков поднимали свои знамёна и видели их падение в крыльях Вестминстер-холла. Он был для власти тем же, чем Ковент-Гарден для растений. Невозможно постичь его извивы и хитросплетения, пока не

войдёшь внутрь. В то время, как и в предшествующие столетия, существовал ***о***рган, называемый парламентом, состоящий из двух своих параллельных подобий или палат, в каждой из которых шла беспрестанная война между тори и вигами, сыновьями и наследниками кавалеров и круглоголовых, англикан и пуритан и так далее и так далее. За их спинами бряцали оружием и деньгами отпрыски воинственных феодалов, именуемые теперь якобитами и ганноверианцами. Сама битва велась изо дня в день словами, бесчисленными, как зёрнышки пороха на поле сражения.

Седовласого рыцаря призвали в готическую капеллу, которую некоторое время назад захватило и теперь яростно обороняло учреждение, называющее себя палатой общин. Сейчас в палате общин верховодили тори. Призвал его комитет, состоящий преимущественно из вигов. Почему тори позволили шайке вигов создать комитет, смеющий призывать рыцарей в это священное место, словно в свой клуб? Только потому, что тема, рассматриваемая комитетом, была настолько заумна, настолько труднопостижима, другими словами, настолько скучна, что тори с радостью уступили её вигам.

— МНЕ ПРЕДСТАВИЛИ ЧЕТЫРЕ ПРОЕКТА по определению долготы, — сказал сэр Исаак Ньютон.

— Только четыре? — переспросил Роджер Комсток, маркиз Равенскар, виг, пригласивший сюда Ньютона. Он принадлежал к палате лордов, а не к палате общин, и сам был здесь гостем. — Мне казалось, в Королевское общество представляют по четыре в неделю.

Казалось бы, раз Роджер не принадлежит к данному учреждению, у него нет права приглашать сюда чужих и задавать им вопросы. Однако в комитете у него было много друзей, готовых закрыть глаза на эти и другие вольности.

— Мне известны только четыре, правильные в теории, милорд. Остальные я не рассматриваю.

— Относится ли проект господ Диттона и Уистона к счастливой четвёрке или к химерическому большинству? — спросил Равенскар.

Все в зале затявкали как собаки, за исключением Ньютона и господ Диттона (который побагровел, как гранат, и начал двигать губами) и Уистона (чьи веки затрепетали, словно колибри, от пота, струями бегущего из-под парика).

— Он так же верен теоретически, как жалок в практических обещаниях, — отвечал Ньютон.

Палата общин замолчала — не от ужаса перед жестокостью Ньютона, а от профессионального восхищения.

— Предположим, что их проект удастся осуществить — допущение, по поводу которого Королевское общество могло бы дискутировать так же долго и яростно, как эта палата по поводу недавней войны, — так вот, вне зависимости от практических сложностей, даже если некий будущий Дедал сумеет воплотить задуманное господами Диттоном и Уистоном, их метод не позволит пересекать океаны, а лишь даст самым прилежным шкиперам возможность не сесть на мель вблизи берегов.

Выражение лиц господ Диттона и Уистона изрядно позабавило всех. Они уже не тщились выказать гнев или волнение, а выглядели так, будто лежат в анатомическом театре Коллегии врачей на завершающем этапе собственного посмертного вскрытия.

В веселье не принимал участие маркиз Равенскар, которому служитель только что подал сложенный листок бумаги. Лорд развернул послание и прочёл. На миг лицо у него стало такое же, как у Диттона и Уистона, но он сразу овладел собой и, как глухой гость за обедом, делающий

вид, будто понял каламбур, изобразил улыбку, давая настроению палаты проникнуть в свою мину. Он взглянул на документы, разложенные на столе, словно забыл тему слушаний и должен освежить её в памяти. Потом заговорил:

— Просто не протаранить континент-другой — слишком мизерная задача. А что другие три предложения, верные в теории? Мне представляется, что, коли уж для осуществления проекта нужны столь титанические усилия, лучше направить их на методы, позволяющие определить долготу где угодно.

Ответ сэра Исаака, состоявший из многих-многих слов, сводился к следующему: это возможно, если определять время по очень точному морскому хронометру, которых пока никто не умеет делать, либо наблюдать за спутниками Юпитера в очень хороший морской телескоп, которых тоже пока никто не умеет делать, либо замерять положение Луны и сравнивать с вычислениями, произведёнными согласно его, сэра Исаака, лунной теории, которая пока не вполне завершена, но не сегодня завтра будет опубликована в книге. Как всякий сочинитель, выступающий в общественном месте, он не преминул упомянуть название: том III «Математических начал», оза-

главленный «Система мира», скоро в продаже у всех книготорговцев Лондона.

Маркиз Равенскар слушал вполуха, поскольку всё это время строчил записки и совал их в руки прислужникам. Однако, уловив затянувшуюся паузу, он сказал:

— Эти… э… вычисления… будут ли они сходны с теми, что используются сейчас для нахождения широты, или?..

— Бесконечно более сложные.

— Вот незадача! — рассеянно проговорил Равенскар, продолжая строчить записки, как самый неугомонный школьник за всю историю человечества. — В таком случае, полагаю, каждому кораблю понадобится лишняя палуба, забитая вычислителями, и стадо гусей, чтобы снабжать их перьями.

— Или арифметическая машина, — подхватил Ньютон, затем, не рассчитывая, что палата оценит его сарказм, пояснил: — Утопичная выдумка ганноверского дилетанта и плагиатора барона фон Лейбница, который за все эти годы так и не сумел довести её до конца.

Ньютон мог бы ещё долго клеймить барона, но тут ему в руку вложили записку, ещё мокрую от чернил Равенскара.

— Значит, для лунного метода тоже нужен прибор, которого мы пока делать не умеем, — подытожил Равенскар с лаконичностью и проворством, каких парламент не видел с тех пор, как католики последний раз пытались его взорвать.

Обтянутые дорогой тканью зады заёрзали по скамьям. Положительный пример окрылил всех присутствующих.

— Да, милорд.

— Итак, вы свидетельствуете, что наши корабли будут по-прежнему садиться на мель, а наши доблестные моряки — гибнуть, пока мы не научимся делать некоторые вещи, которых пока делать не умеем.

— Да, ми…

— И кто изобретёт эти замечательные приборы?

— Предприимчивые люди, ми…

— Что заставит предприимчивых людей тратить годы на изобретение новой технологии — если мне позволительно заимствовать словцо у доктора Уотерхауза, — которая может оказаться непригодной? — С этими словами Равенскар встал и протянул руку, показывая, что кто-нибудь может вложить в неё трость. Кто-нибудь вложил.

— Милорд, некий денежный… — начал сэр Исаак Ньютон, тоже вставая, ибо он прочитал записку.

— Денежный стимул! Награда лицу либо лицам, которые отыщут практичный и надёжный метод определения долготы? Это вы предлагаете? Да? Сэр Исаак, небеса вновь восхищены вашей гениальностью, а вся Англия в священном восторге дивится на вашу лапидарную изобретательность. — Последние слова Равенскар произнёс уже на ходу — новшество, заставившее выйти из дремотного забытья даже старейших членов палаты, многие из которых так и не обрели либо уже утратили умение идти и говорить одновременно. — Преступлением было бы тратить время величайшего учёного в мире на частности, — продолжал Равенскар, подходя к Ньютону и крепко беря его за локоть. — Я совершенно уверен, что мистер Галлей, доктор Кларк и мистер Котес смогут ответить на любые вопросы палаты, мне же надо разобраться с некоторыми неугомонными лордами. Позвольте проводить вас, сэр Исаак, нам как раз по дороге!

К этому времени они с сэром Исааком были уже за дверью, оставив позади ошарашенную палату общин, Диттона и Уистона, наполовину

убитых, но всё ещё дышащих, и трёх перечисленных учёных рангом пониже, которые прибыли на церемонию в свите Верховного жреца и внезапно оказались за главных у разожжённого жертвенника.

НЬЮТОН ЕДВА НЕ ЛИШИЛСЯ РУКИ, потому что свернул налево — к палате лордов, а Роджер Комсток, маркиз Равенскар, — направо, к Вестминстер-холлу.

— Нас вызвали лорды, — пояснил Равенскар, вправляя Ньютону плечевой сустав и рывком проверяя, встал ли он на место, — но не в палату лордов.

Миновав несколько поворотов и преодолев несколько лестниц, они оказались в промежутке между двумя судебными помещениями и вступили в центральный пустой зал с его всегдашним отсутствием викингов и досадным мельтешением современных людишек. Человек, одетый с потугами на щегольство, смотрел книги в лавке, демонстрируя всему миру свою грамотность; из башмака у него торчала соломинка — знак судейским, что он готов за деньги дать ложные показания. Ветерок колыхал ряды выцветших, закопчённых, пробитых пулями французских знамён, захваченных Мальборо при Бленхейме и

в других сражениях. Их повесили для оживления стен и сразу забыли. От северного входа доносились громкие выкрики: выпоротого толстяка оставили у столба, и теперь несколько десятков простых лондонцев бросали ему в лицо конский навоз и грязь, надеясь, что он задохнётся. Такое в Лондоне происходило часто, и многие предпочитали отворачиваться от подобных зрелищ. Роджер, вопреки обыкновению, смотрел прямо на позорный столб. Подробностей его старческие глаза не различали, однако легко было догадаться, что там происходит.

— Счастливчик! — с завистью произнёс Роджер. — Хотел бы я поменяться с ним местами на следующий час.

Ньютон вскинул голову и благоразумно замедлил шаг. Он понизил голос, как будто резные ангелы могли их подслушать.

— Куда мы идём, милорд?

— В Звёздную палату, — объявил Равенскар, крепче стискивая его локоть, словно боялся, что выдающийся учёный даст стрекача.

Этого Исаак не сделал, но вздрогнул. Он ждал, что Роджер назовёт одно из зданий казначейства, в последние годы широким фронтом продвигавшегося от Вестминстер-холла к реке. Звёздная

палата была меньше и древнее; здесь короли Англии встречались со своим Тайным советом.

— Кто нас вызвал? — спросил Ньютон.

Роджер ответил таким тоном, словно это самоочевидно:

— Угорь.

Произнеся загадочное прозвище, он как будто снова подобрался.

— У нас есть несколько секунд. Мы могли бы потянуть время, если бы шли медленно, но я хочу войти туда с *воодушевлением*. Это очень важно, поэтому слушайте внимательно, сэр Исаак, повторять будет некогда.

— Судя по всему, — продолжал Роджер, — мне позволили забавляться с долготой для того лишь, чтобы досточтимый лорд Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, успел подготовить кукольный балаган. Приглашение вручили мне в то время, когда вы свидетельствовали перед комитетом. Конечно, Болингброк охотнее наколол бы его на стрелу и выпустил мне в живот, но такая процедура, хоть и часто используется в палате лордов, в палате общин могла бы вызвать неодобрение. Вам, сэр Исаак, выдали пропуск за кулисы, из чего я заключаю, что вас попросят сыграть главную роль.

Сэр Исаак заговорил очень тихо и спокойно, как всегда, когда хотел выказать гнев:

— Это оскорбительно. Я пришёл сюда говорить о долготе. Теперь вы утверждаете, что меня заманили в ловушку.

— Умоляю, сэр Исаак, не оскорбляйтесь. Люди, когда они становятся старыми, важными и склонными брюзжать из-за каждой подстроенной им ловушки, наиболее уязвимы для такой тактики. Будьте озадачены, рассеянны, ироничны, а лучше всего — отнеситесь к этому с азартом!

Ньютон определённо не проявлял азарта. Вход в Звёздную палату вырастал перед Равенскаром, как перед Ионой — китовая пасть.

— Не важно, — продолжил он. — Оскорбляйтесь, если вам угодно, только ничего не говорите. Если вам почудится, что сейчас уместно вставить слово, помните, что эту возможность подбросил вам Болингброк, как кокетка роняет носовой платочек у ног намеченной жертвы.

— Перед вами кто-нибудь ронял платочки, Роджер? — (К ним присоединился Уолтер Релей Уотерхауз Уим, он же Титул, который, как и Роджер, был вигом и членом палаты лордов.) — Я слышал о таком методе, но…

— Нет, это была фигура речи, — признал Род-

жер.

Однако беззаботность Уима и Комстока — на самом деле своего рода йогическая практика для обретения душевного покоя — в случае Ньютона дала осечку.

— Что толку участвовать в прениях, если пренебрегать возможностью вставить слово? — спросил он.

— Это такие же прения, как на Тайберне в Висельный день. Виконт Болингброк будет вашим Джеком Кетчем. В лучшем случае рассчитывайте на последнее слово осуждённого. Наши ответы, если мы сумеем их дать, будут заключаться не в речах, а в поступках, и дадим мы их… за пределами… этой… палаты!

Роджер так рассчитал свой спич, что с последним словом переступил порог. Ньютон не посмел возразить, потому что зал был полон лордами светскими и духовными, рыцарями, придворными и секретарями. Тишина стояла, как в церкви, когда викарий запнётся посреди проповеди.

— ПОЛТОРА МЕСЯЦА НАЗАД в Тауэре произошло нечто чудовищное.

Исключительно нехорошо со стороны Роджера было окрестить ближнего Угрем, и всё же гость из другого времени и места, забредя в Звёздную

палату, сразу понял бы, кого Роджер имел в виду. Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, статс-секретарь её величества, говорил, расхаживая по пустой середине палаты. Все остальные жались к стенам, словно мелкая рыбёшка в присутствии чего-то зубастого, сильного и скользкого.

— Лондонский свет — партия и оппозиция равно — предпринял все усилия, чтобы замолчать недавние события в Тауэре и представить их спонтанным возмущением толпы, которое незамедлительно подавил Собственный её величества Блекторрентский гвардейский полк. Пожар в конюшнях на Тауэрском холме отвлёк местных жителей и создал дымовую завесу — вот и отлично. В истории это останется как бунт, если останется вообще. Однако грех — и моральный, и интеллектуальный — не разглядеть в событиях двадцать третьего апреля гроб повапленный. Происшествие необходимо расследовать и наказать виновных. Увы, милорд Оксфорд, лорд-казначей её величества, к большому моему разочарованию, не принял никаких мер.

Такой выпад в сторону соратника по партии озадачил всех. Лорды загудели. Болингброк умолк и скользнул взглядом поверх голов. Лица у жмущихся по стенке господ стали такие, словно их

хлестнули конским хвостом. Однако Болингброк смотрел не на них, а в сторону многочисленных канцелярий и приёмных казначейства.

Далее слова Болингброка полились в тщательно сохраняемую тишину. Даже те, кто стал мишенью нападок (несколько ближайших помощников Оксфорда, которых тут же вытолкнули вперёд), промолчали. Другими словами, это было не парламентское слушание. В зависимости от переменчивых прихотей королевы Анны Болингброк был то первым человеком в Англии, то вторым после Оксфорда. Сегодня он, очевидно, воображал себя первым и, вполне возможно, приехал в Звёздную палату прямо от государыни. Хотя Звёздная палата, так же как палаты лордов и общин, располагалась в придатке Вестминстер-холла, она воплощала не парламент — место прений, а монархию в более древнем смысле, с отрубанием голов неугодным. Жестокий суд Звёздной палаты отменили при Кромвеле, но помещение по-прежнему служило Тайному совету для разного рода дел. Одни проводились в соответствии с вековечным ритуалом, другие были сиюминутной импровизацией. Нынешнее заседание, судя по всему, проходило по второй категории. Так или иначе, никто не говорил,

пока Болингброк его не попросит, а Болингброк не просил.

— В Тауэре есть место, называемое Монетным двором. — Болингброк посмотрел на Ньютона.

Тот встретил его взгляд прямо — мелочь, но примечательная. Роджер Комсток, да и любой другой человек, знакомый с порядками мира сего, посоветовал бы Ньютону опустить глаза — говорят, это в равной мере успокаивает бешеных псов и членов Тайного совета. Однако Ньютон б***о***льшую часть времени пребывал в иных мирах. То, что такие, как Равенскар или Болингброк, считали наиболее значительным, он находил докучным и несущественным.

Болингброк не знал Исаака Ньютона. Ньютон был пуританин и виг, Болингброк — человек без определённых убеждений, но со спинномозговыми рефлексами тори-якобита. Он вступил в Королевское общество, потому что так делали все. С помощью Королевского общества некоторые виги, например Пепис и Равенскар, творили волшебство: порождали банки, страховые ренты, лотереи, государственный долг и другие сверхъестественные способы извлекать власть и деньги из ничего. Трудно винить таких, как Болингброк, если те вообразили, будто Королевское общество

занято деньгами и властью. То, что Ньютон бросил Кембридж ради Монетного двора, только укрепило эти догадки. Если бы Болингброк знал истинные мотивы Ньютона — если бы понимание Ньютона можно было вложить в голову Болингброка, статс-секретаря её величества пришлось бы вынести из комнаты и несколько дней кряду поить опиумной настойкой. Поскольку этого не произошло, Болингброк считал, что предел Ньютоновых мечтаний — высокооплачиваемая должность, громкий титул и как можно меньше обязанностей.

А теперь Ньютон смотрел ему прямо в глаза. Немногим в христианском мире хватало духа играть в гляделки с виконтом Болингброком, и до сегодняшнего дня он думал, что знает их всех. То была его первая заметная встреча с Ньютоном и первый намёк, что Ньютон возглавил Монетный двор по каким-то не вполне ясным причинам.

— Как поживает *её величество монета*, сэр Исаак? — спросил Болингброк, вытаскивая табакерку, что дало ему повод спрятать глаза от леденящего взгляда Ньютона.

— Денежная система её величества крепка, как никогда, милорд, — начал Ньютон и замолк, потому что Равенскар положил руку ему на копчик.

Болингброк отвернулся, словно прячась от сэра Исаака, а на самом деле демонстрируя сторонникам своё изумление и веселье. Как должен был распознать всякий хорошо воспитанный человек, статс-секретарь отпустил шутку, чтобы создать свойскую атмосферу и дать Ньютону возможность ответить сходной остротой. Ньютон понял вопрос буквально, выказав недостаток воспитания и обнаружив свою нервозность. Странно! С чего бы он сразу бросился защищаться? Болингброк взял понюшку и вновь повернулся к Ньютону — но не раньше, чем всё перечисленное стало понятно людям, стоящим у него за спиной, и отразилось на их лицах. Всем стало мучительно стыдно за сэра Исаака, кроме самого сэра Исаака, который явно хотел одного: выслушать вопросы, ответить на них и уйти.

— Разумеется, сэр Исаак. Об этом и пойдёт речь дальше. Рад вас приветствовать и сожалею лишь, что остальные члены совета не сочли нужным явиться. — Это было произнесено негромко, как реплика одного актёру другому. Затем Болингброк выпрямился, прочистил горло и начал монолог: — С Монетного двора выходят монеты её величества; на каждой из них отчеканены имя и благородный профиль государыни. Таким

образом, чеканка монет всегда была делом и казначейства, и государственного совета. Подобно тому, как Чаринг-Кросс — не Стрэнд и не Уайтхолл, а их перекрёсток, так и чеканка денег — соединение государственного совета и казначейства. Статс-секретарь, — продолжал Болингброк, имея в виду себя, — обязан вникать в её вопросы. Происходящее сегодня — начало, но отнюдь не конец публичной фазы расследования со стороны государственного совета. Я занимаюсь им негласно уже несколько недель и не хотел преждевременно оглашать результаты. Но узнав, что сэр Исаак Ньютон, директор Монетного двора, прибыл в Вестминстер по пустячному делу, порождённому воспалённой фантазией оппозиции, счёл возможным пригласить его сюда, дабы его визит не остался пустой тратой времени.

Кружа по залу, Болингброк оказался сейчас в таком месте, откуда мог смотреть прямо в лицо Ньютону через несколько ярдов превосходного персидского ковра.

— Сэр Исаак, — продолжал он. — В ходе расследования мне удалось выяснить, что в день нападения вас в Тауэре не было. Однако, когда вы вернулись и узнали, что в ваше отсутствие произошла небольшая война, в вас, несомненно,

взыграла ваша прославленная любознательность. К каким выводам вы пришли касательно *истинной* цели нападавших?

— Милорд, это была попытка — вынужден с прискорбием признать, в значительной мере успешная — шайки грабителей, видимо, предводительствуемой самим Джеком-Монетчиком, похитить сокровища короны, — сказал сэр Исаак Ньютон.

У него за спиной Равенскар гадал, не удастся ли ударом локтя вывести из строя его голосовой аппарат.

— Быть может, вы яснее представите себе картину, если я скажу, что мои дознаватели схватили часть упомянутых преступников. Они пытались бежать в Дюнкерк и были задержаны Королевским флотом, — пояснил Болингброк, снисходительно улыбаясь наивности Ньютона. — Похищенные сокровища изъяты. Задержанных допросили поодиночке. Они как один показали, что Джек-Монетчик, даже захватив Тауэр и стоя на расстоянии полёта стрелы от неохраняемых сокровищ, презрел мишурный блеск драгоценностей и направился прямиком в хранилище ковчега.

— Это абсурд, — сказал Ньютон. — В ковчеге

содержатся только образцы пенсов и гиней. Сокровища короны неизмеримо ценнее.

— Кража сокровищ была импровизацией со стороны невежественных пешек, которых не посвятили в истинную цель нападения. Это легко установить из показаний задержанных. Я сказал, что Джек-Монетчик направился к ковчегу.

— Я вас слышал, милорд, и говорю, что из хранилища ничего не похищено.

— Обратите внимание на тщательный выбор слов, — задумчиво обратился Болингброк к ухмыляющимся сторонникам. — Это ответ или математическая загадка? — Он стремительно повернулся к закрытой двери в дальней стене и приказал: — Вносите!

Служитель распахнул дверь, явив взглядам стоящих за ней джентльменов. Первый, самый высокий, шагнул в палату. Он был в сапогах, при шпорах и в очень хорошем наряде, включавшем накидку с капюшоном. На груди его висел медальон в форме борзой. Четыре человека, одетые сходным образом, следовали за ним, неся нечто вроде паланкина. Все заволновались, вообразив, будто прибыла государыня. Однако ноша была куда меньше, хоть и тяжелее королевы — нечто прямоугольное, накрытое бархатным покры-

валом.

— Все вы знаете мистера Чарльза Уайта, — сказал Болингброк, — капитана королевских курьеров, временно командующего Собственным её величества Блекторрентским гвардейским полком вместо разжалованного полковника Барнса.

Гул неуверенных приветствий поднялся и опал, сменившись тишиной, когда четверо королевских курьеров опустили свой загадочный груз на пол между Ньютоном и Болингброком. Чарльз Уайт, владелец медвежьего садка в Ротерхите, знал, как подогреть волнение публики. Он выждал секунд пять, затем молодцевато шагнул вперёд и сдёрнул покрывало, явив взорам чёрный ящик с тремя висячими замками.

— По повелению милорда ковчег с Монетного двора доставлен, — объявил Чарльз Уайт.

— О, НЕ ГЛУПИТЕ, ЭТО НЕ ИСПЫТАНИЕ ковчега! — воскликнул Болингброк некоторое время спустя, когда все несколько успокоились и закончили перешёптываться. — Как вы знаете, при испытании присутствует королевский письмоводитель, а также лорд-казначей, который не счёл нужным приехать. О нет, нет, нет! Какая нелепость! Это всего лишь текущий осмотр ковчега.

— А каков… э… регламент осмотра, милорд? Я никогда о таком не слышал, — сказал Равенскар. Он говорил вместо Ньютона, который ещё не обрёл дар речи — во всяком случае, так заключал Равенскар из того, что кожа под редеющими белыми волосами была тёмно-красная и в пупырышках.

— Разумеется, не слышали, ибо это экстраординарный случай. Прежде такого не делалось, потому что до недавнего времени ковчег всегда был под надёжной охраной. Честь охранять ковчег возложена на гарнизон Тауэра и в разное время доверялась разным полкам. В последний год обязанность эту исполнял Собственный её величества Блекторрентский гвардейский полк, отличившийся несколько раз до того, как милорд Мальборо окончательно себя запятнал. При полковнике Барнсе, ныне разжалованном, полк пришёл в упадок. Там был первый сержант, некий Роберт Шафто. Палата, безусловно, будет изумлена, узнав, что сержант Шафто — брат Джека Шафто, который, предположительно, и есть Джек-Монетчик. Тем не менее Роберта Шафто при многолетнем попустительстве Мальборо держали в полку под тем предлогом, что он давным-давно разорвал всякую связь с мистером

Джеком Шафто. Ему и таким, как он, поручили охранять Монетный двор, и ковчег в частности. Как я уже сказал, после событий двадцать третьего апреля полковника Барнса отстранили от командования, а недавно и Роберт Шафто сменил квартиру. Он по-прежнему в Тауэре, но не в казарме, а в каземате несколько иного рода. Здесь с ним беседует мистер Чарльз Уайт. Беседы пока были не особенно плодотворны, но я убеждён, положение вскоре изменится, ибо мистер Чарльз Уайт превосходно зарекомендовал себя умением доискиваться правды. С тех пор как произошли упомянутые перемены, ковчегу ничто не угрожает — смею сказать, как и сокровищам короны. Однако никому не ведомо, что могло произойти с ним в тот год, когда он находился в безответственных, если не преступных руках полковника Барнса и сержанта Шафто. Вот почему мы сегодня собрались в этой палате для беспрецедентного дела: осмотра ковчега.

— ИТАК, ПОДВОДЯ ИТОГ, я вынужден признать, что тоже отсутствовал во время нападения преступников, и этот позор мне никогда не избыть, — сказал Чарльз Уайт, заканчивая излагать ошеломлённой палате невероятную историю о бессмысленной погоне, которая была предпри-

нята под клятвенные заверения полковника Барнса и сэра Исаака Ньютона, что в результате они задержат Джека-Монетчика, а закончилась пожаром в пустой сторожевой башне и метаниями драгун по тёмным илистым отмелям. Перед закатом заметили одно или два судёнышка — их преследовали до наступления темноты. Сэра Исаака Ньютона нашли в трюме дрейфующей развалины, где он вместе с другим престарелым натурфилософом-вигом забавлялся чёртиком из табакерки.

— Ваша преданность долгу, мистер Уайт, образец для нас всех, — возразил Болингброк. В его голосе ещё звучало веселье от подробности с чёртиком. — Византийские интриги, разыгранные в тот день, чужды умственному складу честного англичанина, и немудрено, что они ввели вас в заблуждение. Скажите, когда вы вернулись в Тауэр и увидели неописуемую картину, встревожились ли вы о сокровищах короны?

— Да, милорд, и торопливо направил туда стопы.

— Неужто в наше время кто-то ещё направляет стопы? — спросил Роджер.

Неуместная шутка была встречена всеобщим молчанием.

— Обнаружив пропажу части сокровищ, я решил поначалу, что это всё объясняет.

— В каком смысле, мистер Уайт? — спросил Болингброк тоном дружественного перекрёстного допроса.

— Ну как же, милорд, я полагал, что целью преступников были сокровища короны, и все события того дня входили в их план.

— Вы употребили прошедшее время, мистер Уайт. Ваше мнение по данному вопросу изменилось?

— Лишь несколько недель спустя, после того как некоторых преступников поймали и допросили, я начал видеть изъяны этой гипотезы. — Он неправильно поставил ударение в последнем слове.

— Но *гипотеза* представлялась наиболее правдоподобной, не так ли? Никто не находил погрешностей, пока задержанные не сообщили, что Джек-Монетчик пренебрёг сокровищами короны?

— Она и впрямь казалась правдоподобной, милорд, по крайней мере так я некоторое время себя убеждал. Однако более пристальный взгляд обнаруживает её несостоятельность.

— Каким образом, мистер Уайт?

— Экспедиция в устье Темзы, о которой я рассказал, очевидно, имела целью выманить меня и Первую роту гвардейцев из Тауэра.

— Всё на это указывает.

— И подстроило её, весьма ловко, некое лицо, состоящее в сговоре с Джеком. Лицо, которому был выгоден успех Джекова предприятия.

— Разумно, — заметил Болингброк. Потом напомнил Уайту: — Мы будем ждать такого рода признаний от сержанта Шафто.

— Считайте, что они уже получены, милорд. Однако Роберт Шафто — всего лишь сержант. Да, первый сержант полка, но…

— Я согласен, мистер Уайт, полковника Барнса тоже следует допросить! У него была возможность…

— Была, милорд, но — я прокручивал это в голове тысячу раз! — в тот день полковник Барнс не отдал ни одного самостоятельного приказа. *Я* попросил его отрядить роту к Шайвской башне, поскольку, по словам сэра Исаака, нам нужна была целая рота, чтобы справиться с засевшей там армией преступников.

— Мистер Уайт! Вы же не обвиняете в пособничестве себя?!

— Даже если бы и обвинил, милорд, мне бы не

поверили, ибо теперь доказано, что Джек-Монетчик прорывался не к сокровищам, а на Монетный двор, к ковчегу. А какую выгоду мог бы я получить от компрометации ковчега?

— А разве она может быть кому-нибудь выгодна? — полюбопытствовал Болингброк.

— Не важно, — вмешался Исаак Ньютон, — *поскольку ковчег не был скомпрометирован!*

— Сэр Исаак! Мы ещё вас не выслушали. Ради тех здесь, кто впервые видит ковчег, не объясните ли вы его устройство и назначение?

— Охотно, милорд. — Ньютон стремительно выступил вперёд, и Равенскар, машинально выставивший руку, чтобы удержать его от падения в пропасть, схватил пустоту. — Он запирается на три замка — чтобы открыть крышку, надо снять все три. В самой крышке есть отверстие, чтобы небольшой предмет можно было положить в ковчег, не снимая замков. Однако механизм устроен так, что просунуть внутрь руку невозможно.

Ньютон продемонстрировал дверцу, работающую именно так, как он сказал.

— Каким образом используется ковчег? — спросил Болингброк, искусно разыгрывая воодушевлённое любопытство, какое обычно царило на заседаниях Королевского общества.

Ньютон отвечал в том же тоне:

— Из каждой партии монет часть отбирают и помещают в ковчег. Я покажу, смотрите. — Он достал кошель и высыпал на ладонь несколько пенсов и гинею (разумеется, все свежеотчеканенные). Потом взял у писаря лист писчей бумаги, разложил на нём монеты и загнул углы, так что получился аккуратный конверт. — Сейчас я делаю это при помощи бумаги, на Монетном дворе используют кожу. Синфию, как мы называем такой конверт, зашивают. Работник пишет снаружи дату взятия образца и ставит печать, используемую только для этой цели. Затем…

Сэр Исаак вставил синфию в прорезь. Механизм сработал, и она упала внутрь.

— И время от времени, как хорошо известно великому знатоку денежных вопросов, милорду Равенскару, ковчег по приказу Тайного совета вносят в Звёздную палату и открывают, — сказал Болингброк, — после чего коллегия золотых дел мастеров, избранная из достойнейших представителей Сити, пробирует его содержимое.

— О да, милорд. В прежние времена это совершали четыре раза в год. Теперь не столь часто.

— Когда было последнее испытание ковчега, сэр Исаак?

— В прошлом году.

— Вы хотите сказать, примерно в то время, когда военные действия на континенте закончились и Собственный её величества Блекторрентский гвардейский полк возвратился в Тауэр?

— Да, милорд.

— Значит, на двадцать второе апреля сего года в ковчеге содержались образцы монет, отчеканенных за то время, что Блекторрентский полк охраняет Тауэр?

— Э… да, милорд, — отвечал Ньютон, гадая, что бы это могло означать.

— Мистер Чарльз Уайт полагает, что нападение на Тауэр подстроили люди, которым скомпрометировать ковчег было выгоднее, чем похитить сокровища! Как такое возможно, сэр Исаак?

— Я не желаю предаваться домыслам, милорд, *поскольку ковчег не скомпрометирован.*

— Откуда вы знаете, сэр Исаак? Джек-Монетчик провёл рядом с ним час.

— Как вы видите, он заперт на три замка, милорд. Я не могу ручаться за два, ибо они принадлежат смотрителю Монетного двора и лорду-казначею, но третий — мой. Ключ существует в единственном экземпляре и всегда находится при мне.

— Я слышал, что можно открыть замок без ключа, при помощи… есть какое-то слово.

— Отмычки, милорд, — подсказал кто-то.

— Уж вигам ли не знать! Так вот, мог ли Джек открыть замок с помощью «отмычки»?

— Такие — не исключено. — Ньютон провёл рукой по двум первым замкам. Потом нежно взял в руку третий, словно Роджер Комсток — грудь своей любовницы. — Этот замок взломать практически невозможно. Взломать за час все три — невозможно абсолютно.

— Итак, ловкий малый, если бы у него был ваш ключ, открыл бы ковчег за час, взломав два других замка. Однако без вашего ключа такое исключено.

— Совершенно верно, милорд.

Ньютон краем глаза приметил какое-то движение и, повернувшись, увидел, что Равенскар изо всех сил машет руками и чиркает себя пальцем по горлу. Однако для Ньютона его жесты были так же непонятны, как ярмарочная пантомима.

Болингброк тоже их заметил.

— Милорд Равенскар вновь перепил кофия и у него приключились судороги, — предположил он, затем снова обратился к Ньютону: — Прошу вас, снимите свой превосходный замок, сэр

Исаак. — Он мановением руки подозвал двух джентльменов, которые стояли в углу, нервно теребя по ключу каждый. — Смотритель Монетного двора явился на наши слушания, и даже лорд-казначей удосужился прислать своего представителя с ключом. Мы увидим содержимое ковчега.

Ящик оказался на три четверти заполнен кожаными мешочками. Ньютонов бумажный конверт завалился в угол. Тот нагнулся, чтобы его достать, и, хотя сам этого не видел, все остальные заметили, что Уайт и Болингброк следят за директором Монетного двора, словно рассчитывают поймать его на каком-нибудь мошенничестве.

— Это ли вы ожидали увидеть, сэр Исаак? — осведомился Болингброк.

— На вид всё как д***о***лжно, милорд. — Исаак снова нагнулся над ковчегом, вытащил синфию, осмотрел её и бросил обратно. Он вынул вторую и на этот раз задержал её перед глазами.

— Всё ли в порядке, сэр Исаак? — спросил Болингброк тоном искренней джентльменской озабоченности.

Сэр Исаак повернул синфию к окну.

— Сэр Исаак? — повторил Болингброк.

В палате стало очень тихо. Болингброк метнул

взгляд в смотрителя Монетного двора. Тот шагнул вперёд и, встав на цыпочки, заглянул Ньютону через плечо. Ньютон не шевелился.

Глаза смотрителя расширились.

Ньютон бросил мешочек, словно тот жёг ему пальцы, и попятился к Равенскару, как ослеплённый дуэлянт, ищущий защиты друзей.

— Милорд, — проговорил смотритель, — что-то не совсем так с последним пакетом. Надпись выглядит поддельной.

Чарльз Уайт коленом поддел крышку ковчега. Она захлопнулась с громом пушечного выстрела.

— Я объявляю ковчег уликой в расследовании преступления, — провозгласил Болингброк. — Заприте его на замки и принесите мою печать. Я опечатаю его, дабы предотвратить дальнейшие фальсификации. Мистер Уайт водворит ковчег на законное место в Тауэре и будет держать под охраной двадцать четыре часа в сутки. Я сообщу обо всём лордам Тайного совета. Надо думать, что совет распорядится в ближайшее время провести испытание ковчега.

— Милорд, — сказал Титул, выступая вперёд, — из чего вы заключили, что неприкосновенность ковчега была нарушена? Смотритель Монетного двора утверждает, что один из пакетов выглядит

странновато, но это не свидетельство. Сэр Исаак ещё ничего не сказал.

— Сэр Исаак, — проговорил Болингброк. — То, что очевидно большинству из нас, непонятно этому вигу. Он требует свидетельств. Никто не даст их лучше вас. Готовы ли вы присягнуть, что все монеты в ковчеге отчеканены в Тауэре, под вашим присмотром, и положены в него вашей рукой? Напоминаю, что каждая монета в ковчеге подлежит проверке при испытании ковчега, и вы, как директор Монетного двора, ответите за непройденное испытание по всей строгости.

— По древней традиции, — сказал Роджер Комсток, прикрывая рот ладонью, — недобросовестных монетчиков карают отсечением правой руки и кастрацией.

На каком-то этапе его тревога сменилась ужасом, теперь ужас уступил место завороженности.

Ньютон хотел ответить, но голос его не слушался; изо рта вырвалось только слабое блеяние. Наконец он, скривившись от боли, проглотил вставший в горле комок и с трудом выговорил:

— Присягнуть не могу, милорд. Без должного осмотра…

— Он будет проведён вскоре, при испытании ковчега.

— Прошу прощения, милорд, — снова встрял Титул, который из какого-то стадного инстинкта упрямо лез вперёд, обрекая себя на роль козла отпущения за всю партию, — но зачем проводить испытание ковчега, если имела место фальсификация?

— Чтобы изъять оттуда сомнительные монеты — тогда мы будем уверены, что все гинеи и пенни, положенные туда позже, суть истинные образцы продукции Монетного двора, *а не фальшивки, подброшенные в ковчег с целью скрыть злоупотребления!*

— Какая поэзия! — вскричал Равенскар, хотя его слова утонули в гуле, с которым обе партии стекались под знамёна вожаков и вооружались. — Сэр Исаак не смеет засвидетельствовать, что ковчег неприкосновенен, ибо опасается фальшивок, подброшенных туда Джеком-Монетчиком, и не хочет брать на себя вину. Чтобы спасти руку и яйца, он должен признать, что ковчег был вскрыт — и таким образом навлечь на себя подозрение в недобросовестности и в нападении на Тауэр!

— Милорд, — вставил какой-то тори. — Вы предполагаете, что образцы монет за год исчезли — украдены Джеком-Монетчиком! Коли так, как мы докажем надёжность монет, находящихся в

обращении? Наши враги за рубежом объявят, что Монетный двор более года пускал в обращение порченую монету.

— Вопрос чрезвычайно серьёзен, — признал Болингброк. — Это тоже забота государственного совета, ибо благополучие государства зиждется на торговле, а та, в свою очередь, на крепости государственной денежной системы. Если заговорщики и впрямь лишили нас ковчега, мы можем собрать образцы монет, находящихся в обращении, и проверить их.

Равенскар сказал Ньютону не поднимать носовых платочков, оброненных Болингброком; Ньютон, в спокойной уверенности человека, которому нечего скрывать, пренебрёг советом. Теперь ему поздно было менять привычки.

— Милорд, я протестую! — воскликнул он. — Описанный вами метод никогда не применяется, поскольку образцы денег, находящихся в обращении, неизбежно будут содержать какую-то — неизвестную — долю фальшивок, изготовленных такими, как Джек Шафто. Неразумно и несправедливо возлагать на меня вину за эти фальшивки.

Казалось, Болингброк оценил несгибаемое упорство Ньютона.

— Сэр Исаак, в ходе расследования я ознакомился с идентурой, которую вы подписали при вступлении в должность. Она хранится в Вестминстерском аббатстве, недалеко отсюда. Если вы хотите освежить её в памяти, мы можем туда пройти. Если я не ошибаюсь, в этом документе вы торжественно клялись преследовать и карать фальшивомонетчиков. До сих пор я полагал, что вы исполняете свой долг. Теперь вы свидетельствуете об обратном. Скажите, сэр Исаак, если мы проверим находящиеся в обращении монеты и обнаружим их порчу, будет это означать, что вы пренебрегли своим долгом, состоящим в искоренении монетчиков? Или что вы чеканили порченую монету ради обогащения себя и своих друзей-вигов? Или что вы *сначала* начали разбавлять золото неблагородными металлами, а *затем* позволили монетчикам расплодиться, дабы замести следы? Сэр Исаак? Сэр Исаак? А, он потерял интерес…

На самом деле сэр Исаак потерял сознание или был к тому близок. В продолжение последней речи Болингброка он медленно оседал на пол, словно поставленная на жаровню свеча. Дышал он часто, а его конечности тряслись, как от озноба. Однако руки, приложенные ко лбу сэра

Исаака, ощутили холодную сухость кожи, а пальцы, прижатые к основанию шеи, отдёрнулись, так яростно бился его пульс. Он был охвачен не болезнью, а приступом необоримого страха.

— Отнесите его в мою карету, — распорядился Роджер Комсток, — и доставьте ко мне домой. Там мисс Бартон. Она прекрасно знает своего дядю и позаботится о нём лучше, чем, не приведи Господи, врачи.

— Видите? — обратился Болингброк к Чарльзу Уайту, взиравшему на него с восхищением, как ученик — на мастера. — И без всякого откусывания ушей. Это ещё безделка. Другие так на месте и умирали. Хотя для этого, конечно, нужна склонность к апоплексии.

Он готов был продолжать лекцию, но тут его внимание привлёк маркиз Равенскар. Покуда другие виги занимались непривычной работой — выносили сэра Исаака Ньютона из помещения, — Равенскар спокойно стоял в дальнем его конце. Сейчас он поднял руку. Кто-то вложил в неё трость. Равенскар вскинул её, и Чарльз Уайт, ожидая драки, шагнул вперёд. Тут он сообразил, что глупит, и сцепил пальцы перед медальоном с серебристой борзой, рассеянно потирая шрам, идущий через всю тыльную сторону ладони.

Болингброк только выгнул бровь.

Маркиз Равенскар продолжал поднимать трость, пока кончик её не указал на расписанный звёздами потолок. Приблизив набалдашник к лицу, он резко опустил трость. То был салют фехтовальщика: жест уважения и сигнал, что сейчас последует убийственная атака.

— Идёмте в «Кит-Кэт», — сказал он Титулу и другим вигам, ещё не нашедшим в себе сил двинуться с места. — Я уступил карету сэру Исааку, но с удовольствием пройдусь пешком. Боже, храни королеву, милорд.

— Боже, храни королеву, — отвечал Генри Сент-Джон, виконт Болингброк. — Желаю вам хорошо прогуляться, Роджер.

Сад Герренхаузенского дворца, Ганновер

23 июня (н. стиль), 12 июня (ст. стиль) 1714
Сад Герренхаузенского дворца

— Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.
— Йа тепья луплу.
— Я тебя люблю.
— Я тепя лублу.
— Всё равно не так.
— Как ты можешь *отличить*? Для меня это

«я тебя люблю» — всё равно, что молотком по жести. Как можно такими звукам сказать *«ich liebe dich»?* [12]

— Мне можешь говорить, как угодно. Однако над некоторыми гласными надо ещё поработать.

Иоганн фон Хакльгебер поднял голову с Каролининых колен, замер — его растрепавшаяся косица, перехваченная на затылке лентой, зацепилась за перламутровую пуговку — и, наконец, освободив волосы, сел прямо.

— Смотри на мои губы, на мой язык, — сказал он. — «Я тебя люблю».

На этом урок английского закончился. Не то чтобы ученица плохо смотрела на губы и язык наставника. Смотрела она как раз очень внимательно, но явно не для того, чтобы улучшить произношение гласных.

– *Noch einmal, bitte* [13], — попросила Каролина, а когда Иоганн выгнул соломенные брови и открыл рот, чтобы сказать: «Я», впилась в него и слово «тебя» почувствовала губами и языком, но ровным счётом ничего не услышала.

— Вот так куда доходчивее, — объявила она

---

[12] Примечания: 12
Я тебя люблю (*нем.*).

[13] Примечания: 13
Ещё раз, пожалуйста (*нем*).

после нескольких повторений.

Косица растрепалась окончательно, главным образом по вине Каролины, которая двумя руками держала голову Иоганна и вытягивала белокурые пряди из-под чёрной ленты, приводя их в живописный *беспорядок*.

— Говорят, твоя матушка была красивейшей женщиной в Версале.

— Я слышал, что так говорили о брате французского короля.

— Перестань! — Она легонько хлопнула его по скуле. — Я хотела сказать, что у тебя её наружность.

— А теперь?

— Теперь спрошу, в кого ты такой злоязычный.

— Прошу ваше высочество меня простить, я не знал, что вам так дорог покойный брат французского короля.

— Подумай о его вдове, Лизелотте, которая ещё жива и чуть ли не каждый день обменивалась письмами с той, кого мы сегодня хороним…

— Связь столь неочевидная, что я…

— В таком деле всякая связь очевидна. Весь мир скорбит о Софии.

— За исключением нескольких лондонских гостиных.

— Хоть на сегодня избавь меня от своего зубоскальства и дай полюбоваться твоей наружностью. Тебе надо побриться!

— Доктор наверняка объяснял тебе про равноденствия и солнцестояния.

— Как они связаны с бритьём? Смотри, будь я в перчатках, они бы порвались об эту кабанью щетину!

Каролина вдавила большой палец в его щёку и сдвинула её вверх к самой скуле. Теперь Иоганн больше не походил на сына прекраснейшей женщины Версаля и гласные произносил отнюдь не безупречно, когда сказал:

— Свидание в саду, с первым светом дня, романтично, и в нежном свете зари твоё лицо ярче любого цветка, сочнее любого плода…

— А твои золотая грива и кабанья щетина лучатся, мой ангел.

— Однако мы живём на пятидесяти градусах северной широты…

— Пятидесяти двух градусах и двадцати с лишним минутах, как ты знаешь, если доктор учил тебя, как и меня, пользоваться квадрантом.

— Скоро солнцестояние, и «первый свет дня» на такой широте соответствует примерно двум часам ночи.

— Пфуй, сейчас не может быть так рано!

— Я обратил внимание, что фрейлины ещё к тебе не прикасались…

— Хм…

— Что меня несказанно радует, — поспешил добавить Иоганн, — поскольку пудра, шнуровка и мушки лишь портят то, что было изначально безупречным.

— Сегодня придётся пудриться и шнуроваться дважды, — посетовала Каролина. — Первый раз к приёму гостей, второй раз — к похоронам.

— Твоё счастье, что у тебя такой доблестный муж, который примет на себя главный удар, — заметил Иоганн. — Стой за его спиной, обмахивайся веером и делай скорбное лицо.

— Я и впрямь скорблю.

— И с каждой минутой — всё меньше, — сказал Иоганн. Слова были довольно жестокие, но он немало общался с особами королевской крови и знал их натуру. — Теперь твои мысли постепенно обращаются к другому. Ты готовишься принять бремя власти.

— Лучше б не напоминал! Испортил мне всё настроение.

Иоганн фон Хакльгебер поднялся. Руку Каролины он перед этим взял в свою и продолжал

держать.

— Боюсь, мне сегодняшнее утро испортили ещё загодя. У меня встреча. Такая, от которой не отговоришься словами: «Очень сожалею, но в этот час я занят: наставляю рога принцу Уэльскому».

Каролина, как ни крепилась, не сумела сдержать улыбку.

— Он пока ещё формально не принц Уэльский. Мы должны поехать в Англию, чтобы нас коронировали.

— Короновали. Увидимся через несколько часов, моя госпожа, моя принцесса.

— И?..

— Моя возлюбленная.

— Удачи тебе в твоём неведомом предприятии, возлупленний.

— Ничего особенного — просто встреча со страдающим бессонницей англичанином.

Если Каролина и хотела спросить что-нибудь ещё, она опоздала: Иоганн бросил последние слова через плечо, отпирая железную калитку. Дальше принцесса слышала лишь затихающий хруст гравия. Она осталась одна под искривлёнными ветвями Тойфельсбаума.

Она не сказала Иоганну, что здесь умерла София, боясь, что грустное напоминание остудит его

пыл. Наверное, ей не следовало опасаться: ничто не может остудить пыл двадцатичетырёхлетнего юноши. Сама же она пережила смерть отца, матери, отчима, любовницы отчима, приёмной матери (Софии-Шарлотты), а теперь и Софии. Болезни и смерть близких лишь усиливали её пыл, желание забыть о страшном и ловить наслаждение, пока тело молодо и здорово.

Теперь она вновь отчётливо услышала хруст гравия. Он доносился с одной из трёх дорожек, ограничивающих железную клетку Тойфельсбаума. На миг принцесса подумала, что Иоганн передумал и вернулся, но нет — за первым шагом не последовало второго. Через довольно долгое время принцесса всё-таки уловила звук, приглушенный, как будто кто-то ступает очень осторожно, и затем: «Тсс!» — такое отчётливое, что она обернулась на голос.

Все значимые люди знали, что у Каролининого мужа есть любовница — Генриетта Брейтуэйт, и всякий, кто удосужился бы полюбопытствовать, мог выяснить, что у Каролины есть Жан-Жак (как она нежно звала Иоганна). В качестве места для любовных свиданий, интриг и крадущихся шагов Большой сад Герренхаузена почти не уступал Версалю. Не то чтобы Каролина боялась согляда-

таев. Разумеется, за ней следили. Речь шла скорее об этикете. Для тайных осведомителей говорить друг другу: «Тсс!» в нескольких ярдах от неё — всё равно что пукнуть за обедом. Каролина набрала в грудь воздуха и резко выдохнула. Пусть ведут себя прилично!

Она так и не узнала, внял ли осведомитель её предупреждению, потому что всё заглушил грохот железных ободьев и конских ног. Упряжка приближалась, лошади дышали тяжело. Очевидно, кто-то гнал всю ночь. Коли так, не он один: европейская знать устремилась в Герренхаузен; самое большое, самое неуправляемое, самое эксцентричное семейство в мире, связанное самым большим числом близкородственных браков, воспользовалось смертью Софии как поводом собраться вместе. Каролина со вчерашнего дня почти не сомкнула глаз — встречала поздних гостей.

Она встала со скамьи. Сквозь ветви на дороге угадывались два бурых пятна.

— Сцилла! Харибда! — выкрикнул хриплый голос и тут же смолк.

Нырнув под нависающие ветки, Каролина увидела двух больших псов. Оба часто дышали, роняя слюну. Её отделяла ограда, поэтому она без

опаски подошла ближе, аккуратно переступая через конечности Тойфельсбаума, которые ещё не определились, кто они: корни, ветви или гибкие плети. Упряжка — четыре подобранных в масть гнедых — везла чёрную карету, когда-то блестящую, а сейчас сплошь покрытую пылью. От колёс по чёрному полированному кузову расходились кометные хвосты грязи. Тем не менее Каролина разобрала герб на дверце: негритянские головы и королевские лилии дома Аркашонов, серая башня герцогства Йглмского. Над ними — открытое окно. В окне — лицо, удивительно похожее на то, которое она целовала несколько минут назад, только без щетины.

— Элиза!

— Останови, Мартин.

Элизино лицо заслонили ветки, но Каролина слышала улыбку в её голосе. Мартин — надо понимать, кучер — натянул вожжи. Лошади замедлили шаг и остановились.

Каролина подошла уже к самой ограде. Тойфельсбаум подстригали, чтобы садовники могли проходить по его периметру. Каролина зашагала к калитке, ведя рукой по железным прутьям, дабы не упасть, если подол вдруг зацепится за сучок.

Два лакея слезли с запяток, двигаясь так, словно

руки и ноги у них в лубках. Неизвестно, сколько они простояли, вцепившись одеревенелыми руками в поручень. Элиза, не утерпев, пока они откроют дверцу, толкнула её ногой. Она едва не заехала лакею по носу, но тот, мгновенно оправившись от неожиданности, подставил невысокую лесенку и помог герцогине Аркашон-Йглмской вылезти из кареты — хотя ещё вопрос, кто кому помогал. Мастифы Сцилла и Харибда уселись, не сводя глаз с Элизы и выметая хвостами на дорожке аккуратные, свободные от гравия сектора.

Элиза была одета в тёмное — то ли для путешествия, то ли по печальному поводу, то ли по обеим причинам сразу; голову её покрывал чёрный шёлковый шарф. Ей давно перевалило за сорок; внимательный наблюдатель (а в эту женщину многие вглядывались внимательно) мог предположить, что в золоте её волос кое-где пробивается серебро. Кожа в уголках глаз и рта честно свидетельствовала о возрасте.

Число её поклонников с годами не уменьшилось, но состав их изменился. Когда-то юной особой в Версале она обратила на себя внимание короля; тогда её домогались любвеобильные придворные щёголи. Теперь, пройдя через за-

мужество, роды, оспу и вдовство, она сделалась объектом интереса со стороны влиятельных сорока-, пятидесяти- и шестидесятилетних мужчин, которые шёпотом обсуждали её в клубах и салонах. Иногда кто-нибудь из них, расхрабрившись, совершал вылазку и дарил ей загородный дворец или что-нибудь в таком роде. Дело всегда кончалось тем, что он отступал, потерпев поражение, но не потеряв достоинства, покрытый боевыми шрамами и заметно выросший в глазах снедаемых любопытством товарищей. Быть отвергнутым дамой, которая, по слухам, спала с герцогом Монмутским, Вильгельмом Оранским и Людовиком XIV, значило отчасти приобщиться к этим легендарным фигурам.

Ничего из сказанного, разумеется, не имело значения для Каролины, потому что Элиза никогда не говорила с ней о своих воздыхателях, а когда они оказывались вдвоём, было решительно не важно для обеих. Однако на людях Элиза должна была себе об этом напоминать. Для Каролины Элизина репутация была ничто, для остальных — всё.

— Я прогуляюсь по саду с её высочеством, Мартин, — сказала Элиза. — Езжай в конюшню, позаботься о лошадях и о себе.

Дамы Элизиного ранга редко утруждали себя подобными мелочами, но Элизу всегда заботили практические частности и никогда — сословные рамки. Если Мартин и удивился, то не подал виду.

— Спасибо, госпожа, — невозмутимо произнёс он.

— Лошадьми займутся наши конюхи — можешь передать им, что я велела, — сказала Каролина. — А ты, Мартин, позаботься о себе.

— Премного благодарен, ваше высочество, — отвечал Мартин.

В голосе его сквозила усталость, но не от долгой дороги, а от знатных дам, полагающих, будто он не в состоянии приглядеть за собственными лошадьми. Он тряхнул вожжами, и упряжка тронулась с места, натягивая постромки. Лакеи, успевшие немного размять ноги, вспрыгнули на запятки; псы заскулили, не зная, оставаться им с хозяйкой или бежать за каретой. Элиза взглядом заставила их умолкнуть, а Мартин нечленораздельным возгласом позвал за собой.

— Идёмте к калитке, не будем говорить через прутья, — сказала Каролина и двинулась в ту же сторону, что и карета. Элиза зашагала по дорожке. Они шли по разные стороны ограды на расстоя-

нии вытянутой руки, но Каролина пробиралась через лес, а Элиза ступала по гравию. — Вы же не прямо из Лондона?

— Из Антверпена.

— А. И что герцог?

— Шлёт вам поклоны и соболезнования. Как вы знаете, он всегда восхищался Софией и желал бы присутствовать на похоронах. Однако он встревожен последними вестями из Лондона и не хочет уезжать туда, куда письма идут дольше.

Они подошли к калитке. Каролина взялась за щеколду, но Элиза её опередила: отодвинула засов, распахнула калитку и бросилась принцессе на шею. Как непохоже это было на церемонные встречи, которые предстояли Каролине до конца дня! Когда наконец маленькая женщина выпустила высокую из объятий, щеки её, которых не коснулись ни румяна, ни пудра, блестели от слёз.

— Лет в шестнадцать я жалела себя и злилась на мир за то, что сперва рабство, а затем смерть отняли у меня мать. Теперь, подсчитывая сумму ваших утрат, я стыжусь своей тогдашней слабости.

Каролина ответила не сразу. Отчасти потому, что её тронула и даже смутила такая прямота женщины, прославленной своей сдержанностью.

Отчасти потому, что сзади раздался шум. Мартин круто повернул на углу ограды, и теперь карета грохотала по другую сторону Тойфельсбаума.

— Иногда мне кажется, что я и есть сумма моих утрат, — сказала наконец Каролина. — И коли так, каждая утрата делает меня больше. Надеюсь, мои слова не слишком вас расстроили, — торопливо добавила она, потому что по телу герцогини прошла лёгкая судорога рыдания. — Однако так я ощущаю мир. И знаете, мне чудится, будто я наследница Зимней королевы, хоть и не связана с ней по крови. Я думаю, что мне суждено вернуться в Англию вместо неё. Вот почему я попросила вас купить Лестер-хауз, в котором она родилась.

— Я не купила его, а вложила в него средства, — ответила Элиза.

— Тогда я надеюсь, что ваши вложения окажутся не напрасными.

— У вас есть основания полагать иначе?

— Ваши новости из Антверпена и другие, доставленные мне в последнее время, заставляют усомниться, что я когда-нибудь увижу Британию, не говоря уже о том, чтобы ею править.

— Вы будете ею править, дорогая. Мальборо тревожит судьба не страны, а одного полка, близкого его сердцу и недавно ставшего жертвой

якобитов. Он беспокоится о некоторых офицерах и сержантах и пытается выяснить их судьбу.

— То, что случилось с одним полком, может случиться со всей страной, — сказала Каролина и обернулась на собачий лай в дальнем конце древесного гордиева узла.

Мартин по-голландски звал собак назад. Вероятно, они погнались за белкой, которых здесь был легион.

Вновь повернувшись к Элизе, Каролина поняла, что та оценивающе её разглядывает. Очевидно, герцогиня осталась довольна увиденным.

— Я рада, что мой сын вас нашёл, — сказала она.

— Я тоже, — призналась Каролина. — Скажите честно: вы искали в саду меня или его?

— Я знала, что вы будете вместе. Сдаётся, мы не намного с ним разминулись. — Элиза сняла с перламутровой пуговки на принцессиной талии длинный белокурый волос.

— Он вас ждал и был уверен, что вы приедете неожиданно. Он ушёл прогуляться с каким-то англичанином.

Элиза внезапно выступила вперёд, твёрдой рукой отодвинув Каролину. Лицо её было встревоженно, вторая рука метнулась за пояс. Кто-то

ломился к ним через Тойфельсбаум. Сцилла и Харибда носились вдоль ограды как очумелые, ища дыру.

Из зарослей вышел человек и остановился. Первым делом они заметили, что в руке у него кинжал, и только потом — что это один из Элизиных лакеев. Парик он потерял, продираясь через Тойфельсбаум, но его можно было узнать по ливрее. По лицу вряд ли; оно было искажено страхом и яростью; Каролина предположила, что так выглядит боевой раж.

— Ян, в чём дело? — спросила Элиза.

Ян посмотрел на дорогу, убедился, что Сцилла и Харибда отыскали калитку и теперь носятся кругами, прикрывая тыл, после чего, так ни слова и не сказав, шагнул назад в заросли.

Что-то толкнуло Каролину в плечо — это была Элиза. Принцесса попыталась отставить ногу, чтобы не рухнуть, но Элиза предусмотрительно сделала ей подсечку. Они упали, Каролина снизу. Элиза, вместо того чтобы приземлиться на неё всей тяжестью, подставила ладони и оказалась на четвереньках. В следующий миг она выпрямилась и, сидя на лежащей принцессе, обвела взглядом местность.

Второй лакей вышел с противоположной сторо-

ны и теперь присоединился к Сцилле и Харибде у калитки. У него тоже был в руке кинжал. Однако Элиза не дала принцессе встать. По дороге прогрохотал экипаж — бедняга Мартин еле-еле сдерживал готовых понести лошадей.

— Что случилось? — вопросила Элиза, когда он наконец остановил упряжку.

Кучер тоже не торопился отвечать. Он привстал на козлах и оглядел лес. В руке он держал пистолет и поворачивал его вместе со взглядом, чтобы, увидев, выстрелить в тот же миг.

— По ту сторону этого чудн***о***го дерева собаки учуяли злоумышленников, — мягким голосом сообщил он.

Даже придавленная к земле герцогиней, Каролина сохраняла натурфилософическую пытливость.

— Откуда вы взяли, что это не благонамеренная белка? — спросила она.

— По тому, как вели себя собаки, — ответил Мартин, явно раздражённый вопросом. — Они пробежали по следу от ограды, через которую эти люди, надо думать, перелезли, до соседней части сада, но тут я крикнул им искать госпожу. Когда я поворачивал сюда, то увидел, как по дороге со всех ног бегут двое.

— К нам?

— Прочь от нас, госпожа.

— Луки? Ружья?

— Ни того ни другого, госпожа.

Лишь теперь Элиза поднялась на ноги и потянула за руку Каролину, помогая встать. Лакеи продолжали рыскать вокруг с обнажёнными кинжалами.

— Необычная процедура, — заметила Каролина.

— В Константинополе — вполне заурядная.

— Где вы набрали слуг? — спросила Каролина.

— На палубе капера в Дюнкерке. У меня там был знакомый приватир, некий Жан Бар. Он был ко мне неравнодушен и пёкся о моей безопасности.

Элиза снова повернулась к Мартину:

— Ты узнаешь их, если увидишь снова?

— Госпожа, они были в чёрных балахонах, вроде монашеских, с опущенными капюшонами. Думаю, балахоны мы найдём брошенными не дальше, чем на выстрел отсюда.

— А убийцы смешаются с гостями раньше, чем мы доберёмся до дворца, — заметила Элиза.

— Вероятно, — согласилась Каролина, потом воскликнула: — Простите, вы сказали: «убийцы»?!

Герренхаузенская аллея

— ПИСЬМО ПРИНЦЕССЫ КАРОЛИНЫ ко мне было запечатано в присутствии Еноха Роота и вручено ему раньше, чем застыл воск. Мистер Роот поехал отсюда в Амстердам по западной дороге без особой спешки, но и без промедлений. Через два дня он был в Схевенингене, ещё через три — в Лондоне. На то, чтобы отыскать корабль и отплыть в Нью-Йорк, ушла неделя. Путешествие через океан не было особенно долгим. Проведя на острове Манхэттен всего ночь, он верхом отправился в Бостон и отыскал меня в день своего прибытия. Письмо оставалось при нём с той минуты, как было запечатано в Лейнском замке.

Странный англичанин кивнул на городские укрепления Ганновера, угадывающиеся в дымке на дальнем конце Герренхаузенской аллеи.

Молодой барон, приметив, что отстал, прибавил шаг.

— Скажите, а вы с Енохом — я называю его Енохом, потому что он старый друг нашей семьи…

— Мне казалось, что он числился её членом, очень давно, когда его звали иначе.

— Это другой разговор для другого дня, — ответил барон на хорошем английском. — Мой вопрос: обсуждали ли вы с Енохом ваше дело в

Бостоне при посторонних?

— Да, в таверне. Однако мы были очень осторожны. Я не сказал, от кого письмо, даже собственной жене. Сообщил только, что меня вызвало в Англию влиятельное лицо.

— А само письмо?

— Мистер Роот показал нескольким людям печать. Они могли сделать вывод, что письмо из Ганновера.

— Будьте добры, продолжайте.

— Всё очень просто. Тем же вечером я был на «Минерве». В течение месяца нас удерживали у берега противные ветра. И вдруг на нас обрушивается целый пиратский флот! Чёрт возьми, это было нечто невообразимое! За всю свою жизнь…

Иоганн фон Хакльгебер, чувствуя, что рассказчик сейчас ударится в многословие, перебил:

— Говорят, пиратов у берегов Новой Англии больше, чем у собаки блох.

— Да, там были такие, — с неожиданным энтузиазмом произнёс Даниель Уотерхауз. — Жалкие разбойники на гребных судёнышках. С ними мы расправились без труда. Я говорю о настоящем флоте под командованием бывшего британского капитана по имени Эдвард Тич.

— Чёрная Борода! — вырвалось у Иоганна рань-

ше, чем он успел прикусить язык.

— Вы о нём слышали.

— О нём пишут в авантюрных романах, которые бочками продаются на Лейпцигской книжной ярмарке. Не то чтобы я стал такие читать…

Иоганн замер в напряжённом ожидании, боясь, что Даниель Уотерхауз не способен оценить иронию и примет его за чванливого барончика. Однако старик поймал шутку на лету и отбил, как мяч:

— Выяснили ли вы в своих *исследованиях,* что Чёрная Борода связан с якобитами?

— Я знаю, что его флагман зовётся «Месть королевы Анны», и могу из этого заключить, на чьей он стороне.

— Он атаковал корабль, на котором я находился, «Минерву», и потерял одно или два судна в попытке меня захватить.

— Вы имеете в виду «захватить “Минерву”», или…

— Я сказал то, что имел в виду. Он назвал моё имя. И любой другой капитан меня бы выдал, но Отто ван Крюйк не отдаст пиратам червивого сухаря, не то что пассажира.

— Если позволите, я сыграю роль скептика. В Бостон, который, с ваших слов, представляется

лагерем поселенцев в лесной глуши, приезжает Енох и начинает размахивать конвертом с ганноверской печатью. Это не могло не возбудить любопытства. Ваш отъезд наверняка обсуждал весь город.

— Как пить дать, обсуждает до сих пор.

— В каждом порту есть люди, которые передают такого рода сведения пиратам и другим преступникам. Вы сказали, что штиль задержал вас на целый месяц.

— Я скорее употребил бы слово «шторм»…

— За такой срок весть наверняка облетела все пиратские бухты Новой Англии. Тич мог сделать вывод, что вы — важная особа, за которую заплатят большой выкуп.

— В этом я убеждал себя всю дорогу через Атлантику, чтобы успокоить свои страхи, — сказал Даниель. — Я даже приучил себя закрывать глаза на главный недостаток этой гипотезы, а именно, что за пределами Берберийского побережья пираты редко берут пленников с целью получить выкуп, особенно стариков, которые того гляди отдадут концы. Однако, едва я въехал в Лондон, меня или кого-то, находившегося рядом со мной, попытались взорвать. За последующие два месяца я получил сведения из двух разных

источников, одного высокого и одного низкого, что здесь, в Ганновере, есть шпион, связанный с лондонскими якобитами.

— Об этом я хотел бы услышать поподробнее. — Минуту назад Иоганн пытался успокоить нелепые опасения старого англичанина, теперь сам встревожился не на шутку.

— Мой старый знакомый…

— Знакомый, но не друг?

— Мы такие старые друзья, что порой не разговариваем по двадцать лет кряду. Взорвалась адская машина, начинённая порохом. Убить хотели либо меня, либо его, либо нас обоих. Он начал расследовать эту историю, используя свои возможности, которые превосходят мои практически во всех отношениях. Он узнал, что высокопоставленные якобиты…

— Болингброк?

— …высокопоставленные якобиты получают сведения из источника, близкого к курфюрстшему двору. От кого-то, кто, судя по оперативности и точности депеш, вхож и в Лейнский дворец, и в Герренхаузен.

— Вы сказали, что, кроме высокого источника, у вас был ещё и низкий?

— Я знаком с человеком, у которого обширные

связи на лондонском дне — среди воров, монетчиков и тому подобного люда, то есть той самой публики, из которой Чёрная Борода вербует свою команду.

— И вы доверяете такому субъекту?

— Безотчётно, иррационально, вопреки логике — доверяю. Я его пастырь, он — мой ученик и телохранитель, но это другой разговор для другого дня.

— Склоняю голову.

— Он навёл справки и выяснил, что приказ захватить меня поступил Эдварду Тичу *из Лондона*.

— Вот уж не знал, что пираты исполняют приказы Лондона.

— О, напротив, это древняя, освящённая веками традиция.

— Итак, исходя из полученных *данных*, вы остановились на гипотезе, что некий *здешний* шпион узнал о письме, которое её высочество отправила вам с Енохом Роотом, сообщил об этом высокопоставленным якобитам в Лондоне, а те отправили депешу Эдварду Тичу, используя в качестве Меркурия кого-то из лондонских преступников.

— Такова моя гипотеза, превосходно изложенная.

— Гипотеза хороша. У меня только один во-

прос.

— Да?

— Почему мы гуляем по Герренхаузенской аллее ни свет ни заря?

— Помилуйте, солнце взошло много часов назад!

— Мой вопрос остаётся в силе.

— Вы знаете, зачем я приехал в Ганновер?

— Явно не на похороны, потому что, когда вы сюда приехали, София была жива. Если память меня не подводит, вы были в составе делегации, доставившей Софии письмо, которое, как говорят, её и убило.

— Я такого не слышал!

— Говорят, оно было столь едким, что курфюрстина скончалась на месте.

— Виконт Болингброк славится такого рода талантом, — задумчиво проговорил Даниель, — и письмо, вероятно, написал он. Однако речь о другом. Да, меня включили в делегацию в качестве символического вига. Вероятно, вы уже видели моих спутников-тори.

— Имел неудовольствие. И всё же, почему мы идём по Герренхаузенской аллее в такую рань?

— По пути из Лондона мне подумалось, что, если у якобитов и впрямь есть в Ганновере шпион,

мои спутники-тори постараются с ним встретиться. Поэтому я с самого начала был начеку, одновременно распространяя слух и поддерживая иллюзию, будто выжил из ума и вдобавок туг на ухо. Вчера вечером, за обедом, я услышал, как два тори спрашивают незначительного ганноверского придворного: что за парк тянется к северу и к западу от Герренхаузена до берега Лейне? Твёрдая там почва или болото? Есть ли там приметные ориентиры, вроде большого дерева…

— Есть старый высокий дуб чуть впереди и справа от нас, — сказал Иоганн.

— Знаю, потому что именно так ответил ганноверец.

— И вы предполагаете, что они подыскивали место для встречи со шпионом. Но почему вы избрали столь неурочный час?

— Вся делегация будет на похоронах Софии. Сразу за тем мы отбываем в Лондон. Другого времени не будет.

— Надеюсь, вы правы.

— Я знаю, что прав.

— Откуда?

— Я велел слуге разбудить меня тогда же, когда других англичан. Он поднял меня на рассвете.

С этим словами Даниель Уотерхауз двинулся

наперерез, заставив Иоганна остановиться. Даниель шагнул с центральной дороги в просвет между липами, отделяющими её от более узкой боковой. Иоганн последовал за ним и, обернувшись в сторону Ганновера, увидел одинокого всадника.

Даниель уже нырнул в парк и отыскал вьющуюся среди кустов тропку. Несколько минут Иоганн шёл за ним, пока справа не замаячила крона огромного дуба. Издали доносились голоса, говорящие не по-немецки. На слух Иоганна они звучали, как молотком по жести.

Он едва не споткнулся о Даниеля Уотерхауза, присевшего на корточки за кустом, и, последовав его примеру, посмотрел в ту же сторону. На бросок камня от них под раскидистым дубом, словно три натурщика, позирующие для буколической сцены, расположились трое английских тори, прибывших с Даниелем из Лондона.

— Сэр, я в равной степени восхищаюсь вашей проницательностью и дивлюсь тому, что человек ваших лет и достоинства проделывает такие вещи.

Даниель повернул голову, чтобы взглянуть Иоганну в глаза; морщинистое лицо было серьёзным и спокойным. Сейчас он ничуть не походил

на впавшего в детство старика, который вчера за обедом, к смущению соотечественников, закапал вином рубашку.

— Я не напрашивался на приглашение вашей принцессы, а получив его, не хотел ехать. Однако, будучи приглашён и приехав, я намерен показать себя наилучшим образом. Так учили меня отец и люди его эпохи, которые сметали с пути истории не только королей и правительства, но целые системы мышления. Я хочу, чтобы мой сын в Бостоне знал о моих поступках, гордился ими и передал мои принципы другим поколениям на другом континенте. Противник, не знающий этого обо мне, находится в невыгодном положении и даёт мне преимущество, которым я бессовестно пользуюсь.

Стук копыт стал глуше — одинокий всадник съехал с дороги на мягкую землю парка. Он направлялся прямиком к дубу. С первого взгляда было видно, что он роскошно одет, а значит, вероятно, прибыл из Лейнского дворца. Со второго взгляда Иоганн его узнал и, пригнувшись, шепнул Даниелю на ухо:

— Это англичанин, якобы истый виг, Гарольд Брейтуэйт.

— ЗАДНИМ ЧИСЛОМ ВСЁ ОЧЕВИДНО, — посе-

товал Иоганн четверть часа спустя, когда они тихо выбрались из парка на аллею и зашагали к Герренхаузенскому дворцу.

— С великими открытиями так всегда, — пожал плечами Даниель. — Напомните мне как-нибудь рассказать мои ощущения от закона обратных квадратов.

— Они с женой приехали сюда пять лет назад, когда власть вигов пошатнулась. Оксфорд и Болингброк готовили реставрацию тори. Как я припоминаю, все бросились забирать деньги из Английского банка из-за слухов о якобитском восстании в Шотландии.

— Это Брейтуэйт и рассказал, когда прибыл сюда с пустым кошельком? Что, разорился на банковском кризисе?

— Он упоминал, что толпа штурмовала банк.

— Так и было, но к Брейтуэйту это отношения не имеет. Он из тех англичан, которых соотечественники экспортируют с большим удовольствием.

— Слухи ходили…

— Уверен, ровно такие, чтобы представить его дерзким авантюристом, которого занятно будет пригласить на обед.

— Именно.

— Его история банальна до отвращения. Он

спустил наследство в карты, потом стал разбойником — не слишком успешным, потому что в первой же вылазке схватился с человеком, которого собрался ограбить, и рубанул его саблей. Рана воспалилась, человек умер, и его родственники — состоятельные тори — назначили такую награду, что все лондонские поимщики отложили другие дела. Брейтуэйт бежал из Англии, совершив тем самым единственный разумный поступок в своей жизни.

— Он изображал себя архивигом.

— Не совсем безосновательно, ведь его гонители были тори. Однако на самом деле у него вообще нет убеждений.

— Теперь это доказано. Но как такой человек мог стать шпионом у тори?

— Положение его крайне шатко. А значит, ему были бы крайне выгодны некоторые ловкие манипуляции лондонскими делами. Он должен идти на союз с теми, кто в силах ему помочь. Сейчас у власти тори.

— Что вы думаете о письме? — спросил Иоганн настолько некстати, что Даниель даже обернулся.

Дойдя до конца дороги, они уже обоняли аромат зелёных плодов в оранжерее и слышали, как

пробуждаются конюшни и кухни; резкие звуки заглушал далёкий гул большого фонтана.

— О чём вы, майн герр? — Даниель машинально возвратился к формальному тону, поскольку они шли между конюшнями к партерам северной части сада, где разминали ноги несколько рано проснувшихся придворных.

Иоганн продолжил:

— Как оно было написано — письмо, которое вы получили от Каролины. На французском?

— Нет, на английском.

— На хорошем?

— Да, на очень грамотном. Теперь я понимаю, к чему вы клоните.

— Если оно было на грамотном английском, значит, его помогала писать наставница принцессы, то есть миссис Брейтуэйт.

— Будет весьма неловко, — заметил Даниель, — если обнаружится, что любовница принца Уэльского шпионит в пользу людей, противодействующих вступлению его семьи на престол.

— Я её знаю. Она безнравственна, но не злокозненна, если вы понимаете, о чём я. Скорее всего, она помогла составить письмо и без всякой задней мысли рассказала об этом мужу, который, как мы только что узнали, и есть настоящий шпион.

— От него трудно будет избавиться без крупного скандала.

— О, не так уж и трудно, — пробормотал Иоганн.

Они вступили в сад и заметили карету, запряжённую четвёркой, которая как раз показалась из-за водяной дымки большого фонтана. Когда её очертания стали чётче, Иоганн заметил:

— Кажется, это карета моей матушки. Однако из окна выглядывает не она, а принцесса Каролина. Странно, что они едут, хотя могли бы пройтись. Пойду, пожелаю им доброго утра.

— А я откланяюсь, — отвечал Даниель, — ибо моё появление в таком обществе выглядело бы весьма странно.

Апартаменты принцессы Каролины, Герренхаузенский дворец

то же утро, позже
Принцесса наряжается на похороны

— МИССИС БРЕЙТУЭЙТ, Я ПОПРОШУ вас всё время держать ту костяную вещицу под рукой, — сказала принцесса Каролина.

— Я помню, где она лежит, ваше высочество.

Генриетта Брейтуэйт, хлопотавшая над пари-

ком принцессы, встала с табурета и чрезвычайно грациозно прошествовала через комнату к столу с разложенными на нём принадлежностями. Их можно было бы принять за орудия повара, лекаря или палача, если бы они не покоились на столешнице розового мрамора, венчающей белый с золотом туалетный столик в новом сверхбарочном стиле «рококо». На первый взгляд он казался, скорее, скульптурной группой, чем предметом мебели. В частности, его украшали купидоны с отполированными до блеска пухлыми ягодицами, метящие из луков в невидимую цель. Другими словами, это явно был дар принцессе от кого-то очень богатого, но плохо её знающего. На столе расположились всевозможные ступки и пестики, чтобы растирать румяна и пудру, шпатели, лопаточки и кисточки, чтобы их накладывать, а также некоторые предметы менее очевидного назначения. Генриетта взяла палочку с плоским, чуть изогнутым наконечником из слоновой кости; заостренные края наконечника были испачканы чем-то розовым.

— Проверьте, чтобы она была гладкой, — сказала принцесса, — а то прошлый раз у меня осталась царапина.

— Да, ваше высочество.

Миссис Брейтуэйт, сделав реверанс, повернулась к принцессе спиной. Три другие фрейлины монтировали платье, парик и драгоценности Каролины, частью на ней самой, частью на её деревянных подобиях. Напротив её высочества сидела герцогиня Аркашон-Йглмская, уже наряженная, хотя значительно проще. Для всякой дамы рангом ниже принцессы облачиться к похоронам не составляло труда. Волосы Элизы скрывал фонтанж чёрного кружева, всё остальное было из чёрного шёлка. Платье, дорогое и хорошо сшитое, тем не менее подпадало под определение скорбного.

— Мой сын меня упрекнул, — объявила герцогиня.

Каролина ахнула и в притворном возмущении схватилась за горло, понимая, что Элиза шутит. Генриетте Брейтуэйт, знавшей герцогиню только по слухам, пришлось повернуться, чтоб увидеть её улыбку. В следующий миг Генриетта сообразила, что выказывает недолжное любопытство, и вернулась к своей работе — водить пальцем по краям инструмента из слоновой кости.

— И отчего же столь благовоспитанный молодой человек позволил себе так говорить со своей матушкой? — спросила Каролина.

Герцогиня подалась вперёд и понизила голос. Тут же обнаружилось, что каждая из присутствующих фрейлин может заниматься своим делом совершенно беззвучно. Генриетта Брейтуэйт внезапно поняла, что ей темно, и повернулась к свету; теперь одно её ухо было обращено в сторону герцогини.

— Приношу извинения! — продолжала герцогиня. — Пока сын мне не сказал, я понятия не имела, что чему-то помешала. Я была уверена, что застану вас одну.

— Вы застали меня одну, но потому лишь, что он, заслышав карету и не зная, что в ней вы, поспешил скрыться.

— Ах уж эти матери! Потревожить сына в такую минуту! Вам следовало меня прогнать!

— Ах нет, нет, какие пустяки! — воскликнула принцесса. — К тому же мы были не одни — я определённо слышала рядом крадущиеся шаги.

— Соглядатаи?!

— О нет, здесь не Версаль с его византийскими интригами и шпионами за каждым кустом. Без сомнения, просто кто-то из гостей, прибывших на похороны, позабыл о своих манерах.

— Наверное, на них и залаяли мои несносные псы!

— Ничего страшного. Вечером София упокоится в семейном склепе. Английская делегация покинет дворец и августейшие гости тоже. Тогда мы вновь встретимся на том же месте, где сегодня утром, и начнём с того, на чём остановились.

— Мне показалось, что мой сын немного не в духе, как будто его чего-то лишили.

— Хорошо, когда мужчины не сразу получают желаемое, — объявила Каролина. — Тогда они ведут себя наиболее любезным для нас образом: проявляют отвагу и галантность.

Герцогиня ненадолго задумалась, прежде чем ответить:

— В словах вашего высочества есть резон. Однако когда-нибудь, когда у нас будет больше времени, я, возможно, расскажу о человеке, который слишком сильно желал того, чего не мог получить.

— И как же он поступил?

— Повёл себя чересчур отважно, чересчур галантно и не смог вовремя остановиться.

— И всё ради вас, Элиза?

Вновь молчание. Элиза, только что свободно болтавшая при посторонних о Каролининых сердечных делах, внезапно стала куда сдержанней.

— Вначале не исключено, что из-за меня. Потом

— трудно сказать. Он добился богатства и определённой власти. Возможно, дальше им двигало желание их упрочить.

— Значит, он много лет совершал подвиги галантности и отваги ради вас, *затем* — ради богатства и влияния. Почему вы до сих пор не вышли за него замуж?

— Всё очень сложно. Когда-нибудь вы поймёте.

— Я вижу, мои слова вас сильно задели, — вы ни с того ни с сего взяли покровительственный тон. — Это было произнесено с оттенком весёлости.

— Прошу простить меня, ваше высочество.

— Мне кое-что известно о сложностях — разумеется, в сотни раз меньше вашего. И я знаю, что всегда есть способ их преодолеть. Вы его любите?

— Человека, о котором я говорила?

— Разве мы обсуждали кого-то ещё?

— Наверное, любила, когда у него не было ничего.

— Ничего, кроме вас?

— Меня, сабли и скакуна. Потом, когда он начал затевать безумные прожекты, чтобы приобрести больше, мы поссорились.

— Зачем ему было приобретать больше, если у него были вы?

— Это я и пыталась ему втолковать. Мне было обидно!

— Если хотя бы половина того, что я о вас слышала, правда, вы вполне могли обеспечить и себя, и его… А, вот оно! Мужская гордость?

— Да, и глупое желание доказать, что он не хуже меня. Сделаться таким же, как я. Он не понимал, а я не сумела объяснить, что люблю его именно за наше несходство.

— Почему вы не объясните это сейчас? Он приедет на похороны?

— О нет, нет! Вы не понимаете, ваше высочество. Я говорю не о событиях недавнего времени. Это было тридцать лет назад. С тех пор я его не видела. И уж будьте уверены, на похороны он не приедет.

— *Тридцать лет.*

— Да.

— *Тридцать лет.*

— …

— ТРИДЦАТЬ ЛЕТ! Больше, чем я живу на свете! Это тянется всё время, что я вас знаю!

— Я бы не сказала «тянется». Это эпизод моей юности, давно позабытый.

— Я вижу, как вы его позабыли!

— …

— Где он сейчас? В Англии?

— Людей может разделять целый мир, даже если они находятся в одном городе…

— Он в *Лондоне*?! И вы ничего не предприняли?!

— Ваше высочество!

— Ну вот, у меня появилось ещё одно основание стать принцессой Уэльской, а со временем и королевой — чтобы монаршей властью уладить ваши сердечные дела.

— Умоляю вас не… — начала герцогиня, теперь смущённая не на шутку, и тут же умолкла, потому что их перебила Генриетта Брейтуэйт.

— Церемония скоро начнётся, ваше высочество, — объявила та, глядя в окно, за которым толпа в чёрном сукне и шёлке устремилась к дворцовой церкви. Затем Генриетта смиренно потупила взор и показала палочку из слоновой кости. — Совершенно ровная. Сколько бы раз нам ни пришлось ей воспользоваться, на коже вашего высочества не останется и следа.

— Генриетта, — сказала принцесса, — без вас моя жизнь была бы совершенно иной.

Двусмысленное высказывание, однако миссис Брейтуэйт предпочла истолковать его лестным для себя образом и сделала реверанс, даже слегка

зардевшись.

Похороны Софии

— У МЕНЯ К ВАМ ДЕЛОВОЕ предложение, мадам, — произнёс сухопарый господин, маячивший на краю Элизиного зрения последнюю четверть часа. — Вы могли бы меня выручить.

— О нет, только не это! — сказала Элиза и повернула голову к докучливому незнакомцу, который неотступно преследовал её в толпе придворных.

Они стояли в Герренхаузенском саду между партерами в северной его части. Маленькая дворцовая церковь не могла вместить всех прибывших на похороны. Служба началась час назад. Каролина и другие члены семьи были в церкви, остальные стаей чёрных голубей облепили садовые дорожки.

Уголком глаза Элиза видела, что навязчивый господин одет в чёрное, а парик у него белый, но в этом он не отличался от остальных присутствующих мужчин. Теперь, впервые взглянув ему в лицо, она поняла, что белые волосы, хотя несомненно чужие, не выглядят неестественно: её собеседник был очень стар.

— Даже в самые радостные дни я не люблю, когда меня одолевают якобы деловыми предложениями. А уж в такой…

— Речь о нашем отсутствующем друге…

Элиза почти не сомневалась, что он говорит о Лейбнице. Доктор не прибыл на похороны. Редкие замечания придворных касательно его отсутствия, как дымок, выдавали тлеющее пламя сплетен. Кто же этот человек? Старый англичанин, знающий её, друг Лейбница.

— Доктор Уотерхауз?

Он опустил веки и поклонился.

— Сколько же…

— Если судить по наружности, сто лет для меня, полчаса для вас. Если вы предпочитаете календарь, ответ — примерно четверть века.

— Почему вы не заехали ко мне в Лестер-хауз?

— До того как получить ваше приглашение, я принял приглашение другой дамы. — Даниель взглянул на вход в церковь. — И оно не оставило мне времени ни на что иное. Надеюсь, вы простите мою неучтивость?

— Которую? Что вы не заехали ко мне? Или что одолеваете меня деловыми предложениями?

— Если они и впрямь вам неприятны, считайте, что я действую от имени самого доктора.

— Когда я впервые с ним познакомилась, он носился с прожектом ветряного двигателя для откачки воды из гарцских рудников, — с неж-

ностью проговорила Элиза. — Надеялся добыть столько серебра, чтобы построить логическую машину.

— Удивительное совпадение. Когда я с ним познакомился, по меньшей мере на десять лет раньше вас, он работал над самой машиной. Потом отвлёкся на дифференциальное исчисление.

— Я пытаюсь в мягкой форме намекнуть вам…

— Что прожекты доктора безумны? Да, я сразу вас понял.

— Как бы я ни любила доктора и его философию, и как бы ни любили их вы…

— Разумеется. — Старик дружески улыбнулся, старательно не разжимая губ, чтобы не показывать плохие зубы.

— Если он не может осуществить свои прожекты при всей финансовой помощи русского царя, то что ему проку от меня?

— Об этом-то я и хотел с вами поговорить, — начал Даниель, но тут двери церкви распахнулись.

Гроб Софии несли короли, курфюрсты и герцоги. Его поставили на лафет, запряжённый вороной лошадью. Из церкви вышли остальные члены семьи. Лафет с гробом тронулся по центральной аллее к большому фонтану, за ним — те из провожающих, кому позволяли силы и

возраст. Даниель пристроился в хвост процессии. Там его и отыскала Элиза.

Даниель сказал:

— Вы, наверное, догадались, что отсутствие Лейбница связано с его работой у русского царя. Я полагаю, что доктор сейчас в Санкт-Петербурге.

— Тогда его отсутствие вполне объяснимо, — заметила Элиза. — За такое время получить известие и проделать обратный путь, притом что русские воюют со шведами…

— Невозможно, — согласился Даниель. — И вы даже не удосужились спросить, отпустят ли его.

Пауза и несколько шагов по гравийной дорожке, прежде чем Элиза ответила, уже совершенно другим голосом:

— Почему его могут не отпустить?

— Царь не отличается терпением. Он хочет получить нечто и впрямь работающее.

— Тогда наш друг действительно в опасности.

— Не совсем. Я этим занимаюсь.

— В Лондоне?

— Да. Маркиз Равенскар изыскал средства для строительства Двора технологических искусств в Клеркенуэлле.

— Зачем? — спросила Элиза, показывая, что немного знает маркиза.

— Долгота. Он надеется, что люди, которые там трудятся, найдут способ её определять.

— Что за люди?

— По большей части искусные часовщики, органные мастера, ювелиры, механики и создатели театральной машинерии со всего христианского мира.

Процессия достигла большого фонтана. Многие гости уже, вероятно, обдумывали, как опишут его сегодня вечером в своих дневниках: стенающий от горя, омывающий небеса током горючих слёз. Процессия медленно двинулась вокруг водоёма и назад ко дворцу. Элизина кружевная наколка поникла от водяной пыли.

— Если Лейбниц оказался между Петром Великим и Роджером Комстоком, боюсь, ему не поможем ни я, ни вы.

— Всё не так мрачно. Нужен не капитал, а финансирование.

— Нечто вроде переходного займа?

— Пожалуй. Или, скажем, независимое вложение в смежный проект.

— Я слушаю, — сказала Элиза голосом человека, закусившего пулю в ожидании, когда цирюльник будет ампутировать ему ногу.

— Вы славитесь своими познаниями в товарах.

— Простите?

— Вы знаете о Брайдуэлле — месте, куда падших женщин отправляют трепать пеньку и щипать паклю?

— Да?

— Для логической машины нам потребуется много дешёвой рабочей силы, способной выполнять некие повторяющиеся операции. Мы провели негласные переговоры со смотрителями Брайдуэлла и рассчитываем, что часть этих женщин скоро удастся приставить к другому делу. Они не будут больше производить пеньку.

— И она вздорожает, — заметила Элиза. — Это не столько благоприятная финансовая возможность, сколько конфиденциальная информация, сэр. И напоминание — если я ещё в них нуждаюсь, — почему на бирже не часто встретишь натурфилософов, разве что их ставят там к позорному столбу как несостоятельных должников.

— Если конфиденциальная информация принесёт вам деньги, почему бы не вложить их…

— Стойте… не продолжайте… я уже знаю. Товарищество совладельцев машины по подъёму воды посредством огня.

— Да, мадам.

— Невероятно! После стольких лет мы со-

вершили полный круг: доктор хочет, чтобы я инвестировала в замечательное новое устройство для откачки воды из шахт!

— По правде сказать, доктор очень мало знает о машине для подъёма воды посредством огня.

Тут беседа их снова оборвалась, поскольку в шествие начали вливаться те, кто ждал у дворца. Некоторые садились в кареты или портшезы, что удлиняло процессию и придавало ей более пёстрый вид.

Обогнув флигель, они вышли из сада. Дорога в Ганновер проходила по другую сторону дворца — к ней процессия и направилась, очень медленно, поскольку многие простые ганноверцы пришли сюда проститься со своей государыней. Элиза вновь отыскала Даниеля в толпе.

— Так это не прожект по добыче серебра? Потому что мне вполне хватило предыдущего.

— Мне тоже, мадам, — отвечал Даниель.

— О добыче олова я готова подумать, ибо Корнуолл им славится.

— И свинца, и многого другого. Однако речь не о серебре, свинце, олове и других металлах, низких либо благородных.

— Уголь?

— Нет, речь вообще не о рудниках! Я говорю

скорее о силе.

— Это частая тема для разговоров и средь сильных, и средь слабых мира сего, — заметила Элиза, косясь на короля Пруссии, шедшего под руку с Каролиной.

Сейчас к ним как раз подошли две прусские дамы: они по очереди бросились Каролине на шею и приложились мокрыми щеками к её щекам. Каролина обменялась любезностями с обеими и заспешила вслед лафету, который как раз переехал через дорогу в маленький сад по эту сторону дворца. Толпа, следующая за гробом, сразу поредела. Каролина обернулась к Генриетте Брейтуэйт, вытянула шею наподобие носовой фигуры корабля и закрыла глаза. Миссис Брейтуэйт подскочила ближе и палочкой с наконечником из слоновой кости быстро провела сперва по одной принцессиной щеке, потом по другой, снимая комья смешанных со слезами белил и губной помады от поцелуев сочувствующих дам. Каролина открыла глаза, одними губами произнесла: «Данке шон» и вновь устремилась вперёд. Миссис Брейтуэйт вытерла палочку уже изрядно выпачканной тряпицей.

— Я говорю о силе в особом смысле, — сказал Даниель, когда коловращение толпы вновь столк-

нуло его с Элизой. К этому времени он прошёл половину дороги, ведущей от парадного входа в Герренхаузен к исключительно приземистому и массивному дорическому храму под сенью красивых старых дерев.

Даниель продолжал:

— Я употребляю это слово в механическом смысле, разумея под силой способность производить вещественные изменения. Обладая такой силой, можно откачивать воду из шахт, но ей можно сыскать и другие применения.

— Например, трепать пеньку?

— Или двигать части логической машины. Или что-то ещё, чего мы пока не можем вообразить. После того как такая концепция силы вошла в ваше сознание, мадам, от неё трудно отделаться. Вы повсюду замечаете возможность приложить силу; видите, сколь многие роды деятельности страдают от её недостатка, и дивитесь, как мы без неё обходимся.

— Ваши слова, доктор, следует хорошенько обдумать, а сейчас у меня нет для этого времени. Я хотела бы остаться наедине со своей скорбью по Софии.

— И я, мадам, так что благодарю вас.

— А когда мы вернёмся в Лондон, я хотела

бы посетить Двор технологических искусств и больше узнать о ваших намерениях касательно брайдуэллских женщин.

Процессия дошла до храма. Здание было без единого окна; двустворчатая дверь вела в крипту, но там складировали только усопших кузенов и мертворождённых младенцев. Сейчас её не открывали. В портике перед усыпальницей в пол были вмурованы две плиты с именами Иоганна-Фридриха — того самого, который пригласил Лейбница в Ганновер, — и Эрнста-Августа, покойного супруга Софии. Недавно рядом с ними появилась свежая могила такого же размера. Плита с именем Софии лежала наготове.

Дальше всё шло обычным в таких случаях чередом. Все горевали, одни более искренне, другие — менее, а Каролина — искреннее всех. Однако, когда каждый из членов семьи бросил на гроб по горсти земли, а почти такие же скорбные могильщики довершили их труд лопатами, Каролина отряхнула руки и отпустила шутку, встреченную шокированным и шокирующим смехом. С каждым шагом к Герренхаузену процессия веселела, и самой оживлённой была принцесса Каролина. Но только Генриетта и ещё несколько человек знали, что у неё назначено свидание.

ШЁЛ ОДИННАДЦАТЫЙ ЧАС светового дня. Англичане задержались дольше намеченного, чтобы представлять её британское величество на похоронах; за этот срок члены делегации исчерпали взятые с собой деньги и терпение хозяев, изначально не слишком-то к ним расположенных. С поспешностью, которую можно было расценить почти как грубость, гости выехали из города в надежде засветло добраться до постоялого двора в Штадтхагене.

Они оставили позади одного из своих спутников, чудаковатого старика, который, говорят, был в своё время необычайно умён, а теперь совершенно впал в детство. Долгое путешествие в Ганновер окончательно подорвало его силы, как телесные, так и умственные; о стремительном рывке к голландскому побережью не могло быть и речи. Какой-то сердобольный ганноверец предложил отправить беднягу — некоего доктора Уотерхауза — в своей карете, с врачами и сиделками, если потребуется. Англичане согласились весьма охотно, ухмыляясь и перемигиваясь. Они-то видели за этой добротой тайную подоплёку: мелкая немецкая сошка надеется выслужиться перед Лондоном.

Августейшие гости по большей части отпра-

вились на восток — в Брауншвейг, Бранденбург и Пруссию, остальные — назад в те края, где у Софии были родственники, друзья и почитатели, то есть на все стороны света.

У тех, кто остался в Герренхаузене, было на то серьёзное основание в лице Георга-Людвига, курфюрста Ганноверского и наследника английского трона, который на склоне лет освободился наконец от материнского гнёта. Поэтому, несмотря на вечернее солнце, атмосфера во дворце сделалась несколько прохладной, чтобы не сказать угрюмой.

Во всяком случае, так казалось барону Иоганну фон Хакльгеберу, когда тот расхаживал по саду с делом совершенно иного свойства. Словно чёрный шмель, он сновал от клумбы к клумбе, собирая букет, чтобы вручить его даме сердца, когда та наконец появится. Фундаментальный закон природы, согласно которому дама всегда опаздывает, действовал и здесь, поэтому букет всё рос и рос. Некоторое время назад он перестал умещаться в руках и теперь возлежал грудой цветов у подножия ближайшей статуи. Всякий раз, дополняя его, Иоганн возносил короткую молитву Венере — она как раз и занимала постамент — и поднимал взгляд к окну в западном фли-

геле Герренхаузенского дворца, где фрейлины хлопотали над Каролиной. Задёрнутые кружевные занавеси означали, что она ещё в процессе обработки. Поэтому Иоганн отступал на шаг и оглядывал кипу цветов, оценивая сочетание красок и разнообразие форм. Мысленно посовещавшись с безответной Венерой, он пускался на поиски того единственного цветка, которого букету не хватало для совершенства. Сад делился на треугольники и квадраты; за время ожидания Иоганн успел промерить шагами периметр многих из них. Подозрительного склада садовник, наблюдая за бароном издалека, решил бы, что тот занят сельскохозяйственным шпионажем.

Впрочем, с более близкого расстояния можно было бы заметить, что смотрит он не столько на цветы, сколько за периметр. По дороге, идущей сразу за каналом, изредка бесцельно проезжали всадники на дорогих скакунах, иногда по двое, по трое. Бряканье шпор разносилось во влажном благоуханном воздухе, словно феи звенели в траве маленькими колокольчиками. Когда группы встречались, звон умолкал, сменяясь гулом голосов. Люди, мало знакомые с придворной жизнью вообще и герренхаузенской в частности, нашли бы это странным и раздражающим. Иоганн фон

Хакльгебер знал, что придворным буквально некуда больше себя деть. Он в который раз восхитился мудростью Софии, которая разместила дорожку для верховой езды по границе сада, вытеснив верховых интриганов из своих любимых уголков.

Приметив подходящую розу, Иоганн проводил левой рукой по чёрному сукну на бедре, затем по ряду серебряных пряжек, крепящих чёрные ножны к перевязи. Продолжая движение вверх и за спину, рука отгибала полу чёрного шерстяного камзола, так что становилась видна чёрная шёлковая подкладка. Иоганн сгибал локоть и поворачивал кисть. Ладонь его скользила тыльной стороной по ягодице и, миновав чёрный кожаный пояс, удерживающий панталоны от падения, останавливалась над левой почкой. Пальцы смыкались на чём-то твёрдом: рукояти кинжала, обитавшего в ножнах, косо закреплённых на поясе вблизи копчика. Распрямляя локоть, Иоганн извлекал клинок — быстро, пока пола не опустилась, чтобы её не разрезать. Предосторожность была бы излишней в случае большей части современных кинжалов, годных на то, чтобы колоть, отбивать удары, чистить ногти, но никак не резать. У Иоганна было несколько таких, но все они,

очень богато украшенные, не подходили к траурному наряду. То же относилось и к его шпагам, не слишком большим и не слишком маленьким в сравнении со шпагами других знатных господ. Однако в дальнем углу шкафа он отыскал старые рапиру и кинжал — наследство двоюродного деда. Их изготовили в Италии по меньшей мере сто лет назад, когда и фехтование, и оружейное дело разительно отличались от нынешних. Рапира была очень длинная, на добрых восемь дюймов длиннее его руки, с довольно широким клинком, так что практически исчерпывала лимит веса для одноручного оружия. Лезвие, неоднократно выщербленное в бою или упражнениях, затачивали столько раз, что, если смотреть вдоль клинка, оно казалось волнистым.

Однако сказанное не относилось к змеевидному кинжалу дамасской стали, исключительно острому с обеих сторон. Форма эта появилась, когда некоторые фехтовальщики, с которыми Иоганну, живи он в ту пору, нечего было бы и тягаться, придумали хватать рукою кинжал противника. Приём этот работает, если держать крепко и если кинжал прямой, однако совершенно непригоден в случае змеевидного клинка. Так или иначе, рукояти кинжала и рапиры были

относительно простые, скорее ренессансные, чем барочные, полная противоположность рококо; ножны — скромнее некуда, чёрная кожа без всяких украшений. Иоганн нацепил их сегодня утром. К полудню он перестал задевать длинными ножнами за столы и за щиколотки гостей. Теперь он срез***а***л кинжалом цветы.

Свет шёл уже не столько от солнца, сколько от закатного неба, что требовало пересмотреть всю цветовую гамму. Иоганн, чрезвычайно осторожно убрав кинжал в ножны, вернулся к Венере и некоторое время перебирал груду цветов, затем — скорее по привычке, чем с надеждой, — обернулся к дворцу. Тут он приметил, что оранжевый свет бьёт сквозь Каролинины апартаменты из противоположного окна. Занавеси отдёрнули; она вышла. В панике, что всё добывание цветов окажется тщетным, Иоганн выбрал из груды приличную охапку и, бросив остальные в качестве жертвоприношения богине любви, зашагал к Тойфельсбауму комической походкой человека, который очень спешит, но старается не бежать. В треугольной ограде чёртова дерева была лишь одна калитка, довольно далеко отсюда, а карета уже отъехала от конюшни. Не дай Бог *ему* опоздать.

Иоганн добрался до железной ограды с неболь-

шим запасом времени и шагнул в обитель Тойфельсбаума, где сумерки сгущались на час раньше, чем везде в саду. Миновав ограду, барон повернулся и оглядел дорожку: не видел ли кто, как он вошёл туда, где принцесса намеревалась провести ближайшие два часа *в безмолвных и уединённых раздумьях.*

Убедившись, что никого нет, он запер калитку — осторожно, чтобы не звякнула, и остался стоять навытяжку, словно часовой, только с букетом вместо ружья. Вскоре из-за поворота появилась лошадка, запряжённая в лёгкую коляску. Кучер что-то крикнул. Лошадь замедлила шаг, миновала калитку и остановилась, затем попятилась, чтобы дверца кареты оказалась точно напротив входа. Кучер (быть может, проявляя излишнее недоверие к лошади) опустил тормозные колодки. Иоганн шагнул вперёд и отворил калитку. Затем потянул дверцу кареты.

За ней оказались два мастифа.

Глаза их лезли из орбит, ноздри раздувались. Над каждым, стиснув ему коленями бока и зажимая руками пасть, чтобы не залаял, стоял крепкий слуга. Иоганн шагнул вбок. Собак спустили.

Казалось, ни Сцилла, ни Харибда не коснулись лапами земли, пока не очутились в двадцати

футах от кареты. Они влетели в Тойфельсбаум, круша ветки, словно два сорвавшихся орудийных лафета. Только исчезнув в глубине дерева, они залаяли, и то больше для проформы. Их дело было не поднимать дичь, а выполнять работу.

На дороге, идущей позади огороженного участка, дробно застучали подковы. Перед взглядом Иоганна мелькнул всадник с обнажённой саблей — один из его лейпцигских кузенов. Из-за Тойфельсбаума донеслись яростный лай и крик боли. Те двое, что держали собак, — Элизины лакеи — выпрыгнули из кареты и побежали на шум. Иоганн бросил сослуживший свою службу букет и припустил за ними. Он подумал было про рапиру, но она запуталась бы в ветвях, поэтому он вытащил кинжал и переложил его в правую руку.

Это оказалось излишним. К тому времени, как Иоганн добежал до ограды, всё было кончено. Один из псов — в сумерках Иоганн не мог отличить который — атаковал сброшенный на землю балахон. На случай, если балахон — враг, пёс с ним сражался. Исходя из гипотезы, что это позвоночное, он мотал им из стороны в сторону, надеясь переломить хребет.

Один из лакеев успокаивал второго пса. У того

была рассечена морда. Рана сильно кровоточила, но серьёзной опасности не представляла.

Второй лакей стоял на коленях подле распростёртого человека. Лакей — видимо, знаток анатомии — двумя руками методично всаживал длинный кинжал в какие-то строго определённые участки на спине лежащего.

Раненый пёс, которого лакей силой заставил сесть, встал. Однако лапы его дрожали. Он завалился на бок, судорожно давясь.

Иоганн подошёл к мертвецу — которого уже можно было уверенно так называть, даже если сердце его ещё билось, — и очень осторожно поднял с земли маленький кинжал. В закатном свете, пробивавшемся сквозь ветки, можно было различить собачью кровь на лезвии, но весь клинок покрывало что-то ещё: буро-маслянистое, подёрнутое радужной плёнкой.

— Не трогай, — произнёс знакомый женский голос. — Некоторые действуют через кожу.

— Да, матушка.

— ТРУДНО ВООБРАЗИТЬ БОЛЕЕ неловкую ситуацию, — рассуждала Элиза вслух.

Они шли к дворцу, и она время от времени, приподняв юбки, переходила на бег, чтобы поспеть за сыном. Обычно Иоганн был предупредительнее,

но сегодня его мысли витали далеко. Она хотела их вернуть.

— Два мёртвых убийцы в саду курфюрстины… я хотела сказать, курфюрста.

Лишь несколько мгновений назад мать и сын наблюдали завершение неприятной сцены у канала. Теперь они шли по одной из поперечных дорожек сада, на каждом перекрёстке поглядывая вправо — не пора ли сворачивать к дворцу. Внезапно он предстал перед ними в оранжево-багровом свете заката на расстоянии примерно пятисот Иоганновых или семисот Элизиных шагов. Иоганн повернул вправо, как солдат на параде, и ринулся вперёд.

— С *гашишинами* разобраться несложно, — продолжала Элиза. — Один умер в лесу, другой в канале. Про второго скажем, что он утонул спьяну. Первый уже исчез.

— Тогда, помилуйте, в чём неловкость?

Элиза дала понять, что раздражена его непонятливостью.

— Думай, сын. Шпионы везде, но этот работает на якобитов, и он — точнее, его жена — фрейлина Каролины…

— Её можно прогнать.

— …и одновременно любовница Георга-Ав-

густа!

— Опять-таки, матушка, весь смысл любовниц в том, чтобы их часто менять.

— Каролина говорит, что её муж без ума от Генриетты. Не представляю, как его можно убедить, если только не принести во дворец тела…

— Простите, матушка, что перебиваю, но Каролина говорит также, что сама Генриетта, скорее всего, не шпионка. Так что речь о Гарольде Брейтуэйте.

Элиза простила хотя бы потому, что всё равно должна была перевести дух.

— Они женаты, — напомнила она. — Обвенчаны перед Богом и людьми.

Мать с сыном вошли в северную, примыкающую к дворцу часть сада, то есть попали из царства деревьев и теней на открытое светлое пространство. Впереди лежали четыре прямоугольных пруда. Идеальная гладь отражала яростные краски заката, создавая иллюзию, будто это подсвеченная изнутри стеклянная крыша ада.

У Иоганна был ответ, который тот предпочёл оставить при себе. Пройдя ещё шагов пятьдесят, он сказал:

— Если должным образом поговорить с мисте-

ром Брейтуэйтом, он уедет сам.

— При провинциальном дворе это никого не смутит. А потом? В Англии? Неприлично, чтобы муж официальной королевской любовницы был постоянно в отъезде.

— Хорошо, матушка, я с вами согласен! Положение и впрямь неловкое.

Последнюю фразу Иоганн произнёс шёпотом, поскольку они проходили мимо двух придворных — английских вигов. Оба, подобно Брейтуэйту, недавно перебрались в Ганновер, дабы искать милостей монарха, на которого сделали ставку в политической игре. У обоих имелись фамилии и титулы, но с тем же успехом их можно именовать просто Смит и Джонс.

— Простите, господа, не знаете ли вы, где я, то есть мы, можем найти мистера Брейтуэйта?

— Да, майн герр, мы встретили его меньше четверти часа назад. Он показывает сад французским гостям. Они шли смотреть лабиринт, — сообщил Смит.

— Изумительное место для такой изумительной натуры!

— Нет, — сказал Джонс. — Кажется, мистер Брейтуэйт и его спутники вон там, направляются в другую часть сада.

Он указал на группу людей в чёрном ближе к дворцу.

— Так быстро пройти лабиринт! — воскликнул Смит.

— Наверняка он лишь жалкое подобие французских, и спутники Брейтуэйта остались глубоко разочарованы, — сказал Иоганн.

— Держу пари, они идут к театру, — сказал Джонс. — Ах да, сегодня представления не будет. Может, они хотят его осмотреть.

— И кто же лучший чичероне, чем мистер Брейтуэйт, сам выдающийся актёр, — задумчиво произнёс Иоганн. — Матушка, сделайте милость, зайдите во дворец и сообщите нашей знакомой последние сплетни. Ей наверняка не терпится их услышать.

Лицо Элизы от неуверенности на миг стало совсем юным. Она посмотрела вслед Брейтуэйту.

— А я присоединюсь к вам через несколько минут, как только побеседую с мистером Брейтуэйтом о его отъезде.

— Мистер Брейтуэйт отбывает в путешествие? — спросил Смит.

— Да, в очень далёкое, — подтвердил Иоганн. — Матушка?

— Если эти два господина любезно составят вам

компанию, — проговорила Элиза.

Смит и Джонс переглянулись.

— Брейтуэйт — славный малый, он не обидится? — спросил Смит.

— Не вижу никаких причин для обиды, — отвечал Джонс.

— Хорошо. Жду тебя через четверть часа, — сказала Элиза непреклонным материнским тоном.

— Что вы, матушка, это столько не займёт.

Элиза ушла. Иоганн постоял, провожая её взглядом, потом рассеянно бросил:

— Идёмте! Пока светло.

— А зачем нам свет, сударь? — спросил Смит, догоняя Иоганна.

Джонс уже отстал на несколько миль.

— Как зачем? Чтобы мистер Брейтуэйт разглядел мой прощальный подарок.

САДОВЫЙ ТЕАТР ПРЕДСТАВЛЯЛ собой прямоугольный участок земли, окружённый зелёной изгородью и охраняемый пикетом белых мраморных купидонов. При свете дня они выглядели великолепно, сейчас же приобрели жутковато-синюшный вид мертворождённых младенцев. С одной стороны располагалась сцена. Несколько гостей-французов влезли на неё и забавлялись с люком. Брейтуэйт стоял под сценой в оркестровой

яме и беседовал с человеком, одетым, как и все здесь, в чёрное. Однако наряд его составляли не штаны и камзол, а длинная сутана с множеством серебряных пуговиц. Подойдя ближе, Иоганн узнал отца Эдуарда де Жекса, иезуита из знатного французского рода. Отец де Жекс фигурировал в некоторых матушкиных рассказах из версальской жизни, характеризовавших его довольно мрачным образом.

Иоганн остановился в десяти шагах от беседующих — достаточно близко, чтобы прервать их разговор. Сведя обе руки на боку, он левой взялся за соединение ножен и перевязи, а правой — за рукоять рапиры, и выдвинул её примерно на фут. Затем, понимая, что длинный клинок враз не выхватишь, он поднял всё — рапиру, ножны и перевязь — на уровень лица и снял с плеча. Одно движение, и кожаная сбруя отлетела в партер, а сам Иоганн остался с обнажённой рапирой в правой руке. Левой (освободившейся) он извлёк из-за спины кинжал и теперь стоял напротив Брейтуэйта: кинжал и рапира направлены тому в яремную впадину, костяшки пальцев обращены вниз, тыльные стороны ладоней — наружу, поскольку его учителя фехтования были венгры.

К тому времени Брейтуэйт и все французы, за

исключением одного, наполовину вытащили шпаги — сработал приобретённый рефлекс. Иезуит сунул руку в прорезь на груди сутаны.

— Отец де Жекс, — объявил Иоганн, — что бы у вас там ни было, оно не понадобится.

Де Жекс опустил руку. Иоганн взглядом удостоверился, что в ней ничего нет.

— Это не потасовка, а дуэль. Вас, падре, я попрошу остаться — сперва в качестве секунданта Брейтуэйта, затем — дабы совершить над ним последний обряд. Мой секундант — кто-нибудь из джентльменов у меня за спиной, мне всё равно который, предоставляю им разобраться самим. Если во время дуэли меня убьёт упавший на голову метеорит, они передадут матушке мои извинения.

Иоганн подозревал, что изрядно позабавился бы, наблюдая за лицами Смита и Джонса в продолжение своей речи, но, зайдя так далеко, не мог оторвать взгляд от лица Брейтуэйта, пока тот не перестанет дышать. Де Жекс бросил несколько слов, и все остальные вдвинули шпаги в ножны. Затем он сказал что-то Брейтуэйту, но тот продолжал стоять, как в столбняке, с наполовину обнажённой шпагой.

— Брейтуэйт! Как дворянин я имею право

потребовать, чтобы вы защищались тем оружием, которое постоянно таскаете при себе; соблаговолите обнажить его приличествующим джентльмену образом!

— Может быть, завтра на рассвете…

— И где вы будете к тому времени? В Праге?

— Настоящие дуэли не назначаются в такой спешке…

— По-моему, уже светает, — объявил Иоганн, сам не зная, на каком языке говорит. Он сделал шаг вперёд, вынудив Брейтуэйта обнажить шпагу. — Закат и рассвет в это время года почти сливаются в поцелуе, и я вечно их путаю.

Брейтуэйт с помощью де Жекса сумел избавиться от ножен и перевязи. Он принял такую же стойку, как Иоганн, но странно вывернул руку на английский манер. Де Жекс отступил. Брейтуэйт уже загнал себя в угол тем, что стоял спиной к сцене. Иоганн сделал шаг. Брейтуэйт поднял шпагу. Иоганн отвёл её кинжалом, приставил рапиру к солнечному сплетению Брейтуэйта, вонзил на шесть дюймов и потянул рукоять вниз. Затем он вытащил клинок, повернулся и пошёл к дворцу, где дожидались его мать и возлюбленная. «И никакой неловкости», — проговорил он.

ДАНИЕЛЬ УОТЕРХАУЗ ВЫНУЛ из нагрудного

кармана носовой платок, обернул им ладонь и взял за рукоять кинжал убийцы, который внесли в комнату (буфетную, примыкающую к апартаментам принцессы Каролины) на серебряном подносе, словно закуски. Даниель приблизил лезвие к свече, разрезав струю тёплого воздуха в нескольких дюймах от пламени, потом чуть приблизил к нему лицо, легонько потянул ноздрями, отпрянул и отвернулся. Кинжал он положил обратно на поднос, а платок скомкал и бросил в негорящий камин.

Теперь Иоганн тоже почувствовал запах — смолистый, неуловимо знакомый.

— Никотин, — сказал Даниель.

— Впервые о таком слышу.

— И тем не менее сейчас он в вас есть, если вы в последние несколько часов курили трубку.

— Так вот что он мне напомнил! Старую трубку, которую никогда не чистили!

— Это вытяжка из табачных листьев. Когда я был в ваших летах, среди некоторых членов Королевского общества распространилась мода — получать этот яд и испытывать его на мелких животных. Он растворяется в масле. Горький.

— Вы пробовали?!

— Нет, но те, кто пробовал, неизменно отмеча-

ли его горечь до того, как переставали дышать.

— Как он действует?

— Как я сказал: жертва перестаёт дышать. А перед тем недолгое время бьётся в конвульсиях.

— Так было с псом, пока я на него смотрел. Затем я устремился в погоню за вторым убийцей. Он добежал до канала и прыгнул в воду, спасаясь от нас. Глубина там по грудь, и он уже искал, где выбраться на другой берег, как вдруг остановился и ушёл под воду. Вытащили мы его уже мёртвым.

— Текла ли из его лёгких вода?

— Сейчас, когда вы спросили, я припоминаю, что нет.

— Он не утонул, — сказал Даниель. — Если вы внимательно осмотрите тело, то найдёте место, где убийца царапнул или просто задел кожу кинжалом.

Он упёрся руками в стол с двух сторон от подноса и вгляделся в оружие.

— Яд изготовлен превосходно и растворён в каком-то лёгком жиру, вроде китового. При попадании на кожу никотин проникает в капилляры, а оттуда за несколько секунд в лёгкие. Когда вы курите трубку, вы чувствуете прилив бодрости, за которым наступает блаженный покой. Это лишь отзвук никотинового отравления. Если бы

вас укололи этим кинжалом, вы расслабились бы настолько, что просто позабыли бы дышать и утонули в воздухе. Каждая ваша затяжка — прообраз смерти.

— Ужасно… мне захотелось выкурить трубочку, просто чтобы унять нервы.

— Мистер Гук экспериментировал с индийской коноплёй, которая как раз помогла бы от ваших симптомов. Увы, её трудно достать.

— Я наведу справки. Странно. Пока всё происходило, сознание моё было ясно, чувства — обострены, как никогда в жизни. Теперь я сижу здесь, и мне страшно.

— Мне тоже было бы страшно, если бы герцогиня Аркашон-Йглмская так меня выбранила.

— Вы слышали с такого расстояния?

— В Версале французский король подскочил с постели, думая, что в Германии началась война.

— Да, правда, я никогда не видел матушку в таком гневе. Она и впрямь запретила мне драться на дуэлях. И я обещал. Но…

— Вы удачно выбрали время, — заверил его Даниель. — Физическое насилие — метод, к которому я не прибегаю ни для каких целей. Риск невероятно велик, и человек с моим складом ума, видящий опасность даже там, где её нет, всегда

найдёт повод обратиться к иным средствам. Вы молоды и…

— Глуп?

— Нет, просто не так остро чувствуете опасность. Когда, Бог даст, вы доживёте до сорока, вы будете просыпаться в холодном поту, вспоминая всё так ясно, как будто это произошло только что, и восклицать: «О Боже, я никогда не поверю, что дрался на дуэли!» По крайней мере, так я надеюсь.

— Почему вы надеетесь, что я буду плохо спать по ночам?

— Потому что я сам, хоть и не прибегаю к насилию, достаточно его видел. Не все, кто действует таким образом, дурные или глупые люди, только б***о***льшая их часть. Остальные применяют его нехотя, когда другие средства исчерпаны, как вы сегодня. Ваша матушка поймёт это и успокоится. Но, как человек, вдыхающий табачный дым, вы сегодня умерли маленькой смертью. Советую не развивать в себе пагубную привычку.

— Совет хорош, и я вам за него признателен. И ещё раз спасибо, что помогли нам спасти принцессу Каролину. Уверен, она вас вознаградит.

— Я охотно обойдусь без наград и благодарностей, если мне позволят вздремнуть.

— Вы можете вздремнуть в карете, доктор Уотерхауз, — произнёс женский голос, осипший, как от долгого крика.

Иоганн и Даниель, подняв глаза, увидели в дверях Элизу. Она выглядела заметно спокойнее.

— Сударыня, — со вздохом отвечал Даниель, — из уст любой другой женщины я воспринял бы это как шутку, но из ваших, боюсь…

— Всем известно, что вас оставили в Ганновере по причине болезни, не позволившей вам пуститься в трудное путешествие…

— Спасибо, что напомнили, сударыня, а то я совсем забыл про свою немощь…

— Ожидается, что вы поедете без спешки, в сопровождении сиделки. Вот она.

Элиза вошла в комнату, за ней — молодая женщина в строгом платье. Голова её была обмотана белой тканью, скрывавшей волосы и б*о*льшую часть лица; такой убор, хоть и немодный, был не редкостью в те времена и в тех странах, где почти каждый рано или поздно заболевал оспой и некоторые возвращались к жизни совершенно обезображенными.

— Это Гертруда фон Клотце, дама из благородного брауншвейгского рода. Она перенесла тяжёлую болезнь и решила посвятить остаток

жизни уходу за страждущими.

— Воистину благородная дама. Я чрезвычайно польщён, мадемуазель, — сказал Даниель, ловко обходя тот факт, что перед ним стояла принцесса Каролина.

— Фрейлейн фон Клотце будет сопровождать вас до самого Лондона.

— А когда очаровательная Гертруда вернётся назад? — спросил Иоганн, оправившись наконец от превращения своей возлюбленной в закутанную до глаз сиделку. Он шагнул было вперёд, но был остановлен её взглядом. — Без сомнения, семья будет по ней скучать.

— Вероятно, ей не понадобится возвращаться, потому что её семейство всё равно скоро переезжает в Лондон, — сказала Элиза. — Гертруда будет жить в Лестер-хаузе, где мы позже к ней присоединимся.

— Я не знал, что я… что мы едем в Лондон! — воскликнул Иоганн.

— Едем, — отвечала Элиза, — только сперва заглянем в замок Уберзетцензеехафенштадтбергвальд.

— Вы шутите?! Что там делать? Охотиться на летучих мышей?

— Некоторое время назад вы могли слышать в

этом крыле дворца женские крики.

— Да, у меня до сих пор в ушах звенит.

— Кричала принцесса Каролина.

— Вы уверены? Ибо в то время, когда эти крики проникали в мои уши, я наблюдал движения ваших губ, матушка, на удивление синхронные…

— Избавь меня от своего остроумия. Кричала принцесса. Смерть Софии потрясла её глубже, чем кто-либо догадывался. Сегодняшняя её весёлость была позой, исчерпавшей последние силы несчастной. Не так давно с ней случился истерический припадок. Принцессе дали настойку опиума, сейчас она в своей опочивальне, и к ней никого не пускают. До восхода солнца её вынесут в портшезе к моей карете. Мы с тобой отвезём её в упомянутый замок — один из самых недоступных уголков христианского мира. Здесь её высочество проведёт несколько недель в обществе доверенных слуг, не принимая никаких посетителей.

— Особенно — с отравленными кинжалами?

— Слухи об убийцах в саду — нелепость, — отвечала Элиза. — Химеры, порождённые больным сознанием её высочества. А если бы они и существовали, им будет трудно проникнуть в упомянутый замок, который, как ты должен помнить, если изучал историю своей семьи,

выстроил на скале посреди озера некий состоятельный барон. Он так страшился за свою жизнь, что думал, будто птицы в небе — механические игрушки, изобретённые убийцами, чтобы залететь в окно и заразить его пиво сибирской язвой.

— Так это он придумал пивные кружки с крышкой? — вслух полюбопытствовал Даниель.

Однако Элиза была не в настроении шутить.

— А вас, доктор Уотерхауз, я попрошу лечь на пол и перенести криз.

— Рад служить, мадам, — галантно отвечал Даниель и принялся высматривать удобное место на полу.

— Можно мне прежде минутку побыть с «Гертрудой»? — спросил Иоганн. — Мне надо столько всего… посоветовать ей касательно Лондона и…

— Некогда, — отрезала Элиза, — а от твоих советов всё равно никакой пользы, поскольку «Гертруда» не будет ни с кем драться на шпагах…

Она набрала в грудь воздуха, намереваясь развить тему, однако старческая рука Даниеля мягко легла на её локоть. «Гертруда» и Иоганн смотрели друг на друга через всю комнату. Элиза могла бы взорвать бочку пороха — они бы не услышали.

— Значит, в Лондон, — сказал Даниель.

Между Ямой Чёрной Мэри и землёй сэра Джона Олдкасла, к северу от Лондона

рассвет, 18 июня 1714
Яма Чёрной Мэри

«Вербовка солдат без надлежащих полномочий». Окончательный проект билля, предложенного палатой лордов и озаглавленного: «Акт о предотвращении вербовки подданных Её Величества в солдаты без дозволения Её Величества», рассмотрен во втором чтении.

Решено: билль передать в комитет.

Решено: билль передать в комитет всей палаты.

Решено: завтра утром палате преобразовать себя в комитет всей палаты для рассмотрения вышеозначенного билля.

Протоколы палаты общин, JOVIS, 1° DIE JULII; ANNO 13° ANNAE REGINAE* [14], *1714

ГОВОРЯТ, ЧТО МАГОМЕТ ЗАПРЕТИЛ в мечетях

---

[14] Примечания: 14

1 июля, четверг, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

колокола не потому, что они сами по себе противны Аллаху, но потому, что их очень любят неверные и колокольный звон будет невольно напоминать о лживой религии франков. Коли так, ревностного мусульманина, неосторожно расположившегося на ночлег в полях к северу от Лондона, в ту пятницу ждало бы самое неприятное пробуждение: промозглый, серый, смрадный туман, заменяющий в этих краях атмосферу, гудел от церковных колоколов. И не от весёлой многоголосицы, а от глухих, отдающихся под ложечкой тяжёлых ударов, исполненных тревожного смысла.

На самом деле звон означал сразу несколько вещей. Во-первых, что начался день — факт, который большинство лондонцев могли установить лишь с помощью астрономических таблиц и хронометра, поскольку было по-прежнему темно. Во-вторых, что Лондон ещё здесь. Дома, вопреки очевидности, не разошлись за ночь, как эскадра в густом тумане. Удивительно, но они остались там, где застал их вчерашний вечер, и городской житель мог найти среди них дорогу по далёким голосам Сент-Мэри-ле-Боу, церкви Святого апостола Фомы, Святой Милдред и Святого Бенедикта, как моряк — по Рас Альхаге, Голове

Горгоны и Полярной звезде.

В полях звон слышался не только с юга, но также с запада и с востока просто потому, что Лондон велик, а Клеркенуэлл от него близко. Соответственно, выбравшись из шатра, заткнув уши ватой и свернув лагерь, оскорблённый путешественник направился бы к северу, подальше от адского грохота. В таком случае он застревал бы на каждом мосту и перекрёстке, потому что людской поток — всё больше пешеходы — двигался на юг.

Многие провели эту ночь в полях на голой земле. Заслышав колокола, они встали и побрели сквозь туман, словно павшее воинство воскресло на поле брани и потянулось к своим приходским церквям. Все они шли на юг, к Холборну. Ибо мрачный благовест нёс и третий смысл: сегодня в Тайберне вешали осуждённых. Это происходило восемь раз в год.

Народ, бредущий к югу через туман, был в лучшем случае простым. Честные люди сбивались в кучки, прятали кошельки глубоко в одежде и опирались на необычно большие и тяжёлые дорожные посохи — всё потому, что в толпе было немало бродяг и кого похуже. Все торопились добраться до Холборна, пока окончательно не

рассвело, чтобы занять места в первых рядах и видеть, как осуждённых везут к Тайберну. Если это не удастся, они могли сделать большой крюк по боковым улочкам и выйти в поля вокруг Тройного древа.

Иноземец — и даже рядовой добропорядочный англичанин — нашёл бы картину столь необычной, а саму атмосферу — столь мрачной и гнетущей, что легко упустил бы из виду частность-другую. Однако те, кто ходил на процессии осуждённых восемь раз в год, должны были отметить необычную группу людей на повороте дороги между поместьем сэра Джона Олдкасла (красивыми домами средь парка, который по мере разрастания Клеркенуэлла стремительно превращался в островок) и Ямой Чёрной Мэри (деревушкой в верхнем течении Флит).

На краю дороги стояла карета, запряжённая четвёркой лошадей, которые сейчас мирно жевали овёс из надетых на морды мешков. Кучер с хлыстом и два лакея с палками прохаживались возле, дабы у бродяг не возникло искушения ближе познакомиться с лошадьми. Чуть поодаль, на поле, усеянном человеческими экскрементами и прочими следами весело проведённой ночи, можно было наблюдать пожилого человека на

коне. Конь был серый, очень крупный, очевидно, армейский. Он щипал траву, свободно переходя от кустика к кустику и выбирая те, что казались ему более заманчивыми. Всадник кутался в плащ, обняв себя руками для тепла, и время от времени хватал поводья, чтобы остановить коня, когда тот решал направиться куда-нибудь слишком далеко.

Старика сопровождали ещё четверо верховых. Двое — рослые молодые ребята в добротном крестьянском платье — сидели на таких же конях, хотя управлялись с ними не в пример лучше.

Всё в двух других всадниках (за исключением одной детали, о которой чуть позже) свидетельствовало о принадлежности к высшему сословию. Они были при шпагах (которыми вообще-то не очень удобно орудовать в седле). Их скакуны рядом с серыми армейскими конягами выглядели как феи рядом с торговками рыбой. Короче, каждый из них мог бы прогарцевать по Сент-Джеймсскому парку, не вызвав удивлённого взгляда у гуляющих там франтов.

Но прежде им пришлось бы надеть парик. В париках они сошли бы там за своих; с непокрытыми головами смотрелись бы естественней в североамериканской прерии. Ибо у обоих голова

была аккуратно выбрита — вся, за исключением меридиональной полосы в три пальца шириной, идущей ото лба до затылка. Оставшиеся волосы, длиной в несколько дюймов, были смазаны неведомым парикмахерским составом, так что стояли дыбом. Человек, получивший классическое образование, углядел бы в них сходство с гребнями древних шлемов, любитель приключенческих романов — с боевыми причёсками ирокезского племени могавков.

Сквозь людской поток пробивалась телега, нагруженная пивными бочками. Двигалась она со стороны Восточного Лондона; очевидно, пивовар хотел пораньше добраться до Тайберн-Кросс. Исполнению этого превосходного плана мешали многочисленные охотники промочить горло, которые атаковали телегу со всех сторон, словно чайки — рыбачью лодку. Однако пивовар продвигался довольно быстро и без потерь благодаря авангарду крепких ребят с дубинками и арьергарду псов. Путь его пролегал мимо пятерых всадников; рядом с ними он и остановился. Несколько бродяг ринулись к телеге; их оттеснили не только ребята с дубинками и псы, но и четверо верховых молодцов, которые не сговариваясь поспешили на подмогу.

Пивовар и его помощник — судя по внешности, сын — сняли с задка телеги широкую доску и, установив её наклонно, скатили на землю большую бочку. Ворочали они её без труда, но с большой осторожностью, как если бы внутри было что-то лёгкое и хрупкое. Пока один из парней убирал доску, пивовар поставил бочку стоймя и трижды ласково похлопал рукой. Когда он вернулся к телеге, то обнаружил на козлах золотую гинею.

— Спасибо, сэр, — обратился пивовар к старику на сером коне, — но я её не возьму.

Он бросил монету обратно. Близорукий старик не сумел различить летящую в тумане гинею, однако поймал её и прижал ладонью уже на седле, куда она упала, отскочив от его груди.

— За кого другого я взял бы, — объяснил пивовар, — но этот — за счёт заведения.

— Вы делаете честь своей профессии, и без того достойной всяческих похвал, — отвечал старик. — Когда следующий раз буду в Тауэре, я угощу всех посетителей вашего питейного дома… нет, весь гарнизон.

В тумане даже большие предметы исчезают быстро; исчезла и телега. Минуту-две молодые всадники отгоняли любознательных бродяг, затем вернулись к бочке. Пока могавки нес-

ли караул, просто одетые молодцы осторожно вскрыли её топориками и уложили на бок. Один держал бочку, другой, нагнувшись, засунул в неё руки и вытащил содержимое. Это был человек — возможно, покойник. Коли так, скончался он недавно, потому что тело ещё оставалось мягким. Впрочем, через минуту человек зашевелился. Через три минуты он сидел на бочке, пил бренди, поглядывал на могавков и беседовал со своими освободителями. Он называл их по имени, они обращались к нему «сержант».

— Сержант Шафто, — сказал старик. — Не завидую Костлявой, когда та решит прийти за вами всерьёз. Она получит такую трёпку, что возьмёт двухнедельный отпуск.

— И кто об этом пожалеет? — отвечал сержант Шафто. Голос у него был сорван, на запястьях браслетами чернели воспалённые струпья.

— Вспомните про страховые пожизненные ренты! Представляете, какая паника воцарится в кофейне Ллойда!

Сержант Шафто дал понять, что не в восторге от шутки. Выдержав неловкую для собеседника паузу, он сказал:

— Вы, должно быть, Комсток.

— Я подъехал бы и пожал вам руку…

— Ничего, у меня всё равно руки не работают…

— …но не уверен, что справлюсь с конём.

Шафто подавил улыбку:

— Не поладили?

— О, в качестве подушки он меня вполне устраивает, а вот ехать на нём куда-нибудь, не дай Бог.

— Как я понимаю, свободой я обязан вам, — проговорил Шафто.

— По тому, что вы здесь и живы, я заключаю, что всё прошло, как задумано?

— По пути из тюрьмы в бочку были кое-какие приключения, в остальном дело оказалось не сложнее, чем вывести конский навоз. Полк под новым, не слишком толковым командованием.

— А что курьеры королевы?

— Толпятся у ковчега день и ночь, больше ничего.

— Вы говорите много, но почти ничего по существу. У вас бы хорошо получилось выступать в парламенте.

Шафто пожал плечами:

— Я стар. Люди, которых вы наняли, чтобы освободить меня из Тауэра, молоды и впечатлительны. Спросите их и услышите более занимательный рассказ.

— И более приукрашенный, полагаю, — сказал Комсток.

— Что теперь, сэр? — спросил Шафто, предпринимая попытку встать. Она удалась, хоть и сопровождалась чередой щелчков и похрустываний в суставах.

— Сержант Шафто, глупо было бы добывать вам свободу, чтобы тут же отнять её указаниями, что вам делать.

— Виноват. Я привык быть в подчинении.

— Тогда, возможно, вам приятно будет узнать, что ваш старый командир, полковник Барнс, сейчас гостит у меня. О нет, не в Лондоне! В моём поместье, Равенскаре, на Северо-Йоркширских пустошах у моря.

Шафто взглянул на двух драгун, вытащивших его из бочки. Те кивками подтвердили слова Комстока.

— Следует ли понимать, что полковник Барнс там не один? — спросил Шафто.

— Осмелюсь сказать, что добрая половина вашего полка пьёт сейчас вино из моих подвалов.

Один драгун вполголоса добавил что-то вроде: «три роты». Сержант Шафто был из тех, кто внешне ничему не изумляется, тем не менее он не скроил презрительную мину — ощутимая

победа Роджера Комстока.

— Я знаю про вашу Ассоциацию вигов. — Успешно встав, Шафто теперь осваивал ходьбу; во всяком случае, ему удалось сделать несколько шагов в сторону Комстока. — Говорят, что дельцы из Сити жертвуют вам немалые деньги. Что до армии, которую вы вербуете из солдат её величества, я их сам первый завербовал и обучил, так что не думайте, будто хоть один ускользнул от моего внимания.

— Я и не думаю, сержант Шафто.

— Я не застал Гражданскую войну, но мальчишкой слышал рассказы тех, кто в ней выжил. И я видел те *улучшения,* которые война принесла Ирландии, Бельгии и другим странам. Менее всего я хотел бы участвовать в таком на английской земле.

— Не участвуйте.

— Простите?

— Не участвуйте ни в чём таком, сержант Шафто. О, поезжайте в Равенскар… — С этим словами Комсток приступил к операции по слезанию с лошади, столь очевидно опасной и для неё, и для седока, что сержант шагнул ближе, чтобы вмешаться. — Берите этого коня… да… вот… о нет! Простите… благодарю… как неудачно… чувстви-

тельно вам признателен… позвольте назад мои зубы… спасибо! Оп-ля! Так вот, сержант Шафто, берите моего коня, которому *везти* вас и *не везти* меня — в равной степени *везенье*… ха!.. Эти два драгуна, с которыми вы, если не ошибаюсь, хорошо знакомы, сопроводят вас в Равенскар. Отправляйтесь туда, выпейте за здоровье полковника Барнса. Отдыхайте, восстанавливайте силы, ловите рыбу, — короче, делайте, что вам угодно. Новой гражданской войны не будет, если моё слово что-нибудь да значит. А оно значит, сержант Шафто.

— А если вы ошибаетесь?

— Тогда вы вольны уйти в отставку.

— И какой от этого прок вам?

— Очень важный вопрос, который всегда следует задавать в первую очередь. Сейчас я веду своего рода дуэль с виконтом Болингброком — тем самым, которому вы обязаны недавними мытарствами в Тауэре. На дуэли положено иметь секундантов. Сами они, как правило, ничего не делают. Можете считать армию вигов моим секундантом. У Болингброка есть курьеры королевы, а теперь и ваш полк. Остальные полки страшатся против него выступить. Очень важно, чтобы не страшился я. Армия в Равенскаре греет

мне душу.

— А к чему всё идёт? Мистер Чарльз Уайт задавал мне много странных вопросов касательно ковчега, Монетного двора и моего бывшего братца. Он что-то готовит.

— О, подготовил он всё много лет назад, а сейчас действует. Теперь кое-что готовлю я.

— Войну?

— Хуже. Парламентское расследование. Сегодня я дал Болингброку по носу, подстроив исчезновение из Тауэра его любимого свидетеля — вас. Завтра в Вестминстере я огрею его по голове кузнечным молотом. Он всерьёз на меня осерчает. Я буду меньше страшиться его гнева, если мы оба будем знать, что вы и такие как вы заняты муштрой на Северо-Йоркширских пустошах.

И Равенскар насильно вложил поводья в распухшие негнущиеся пальцы Шафто.

— Что вы намерены с ним сделать? — спросил Шафто.

— Скажем, так: я посоветовал друзьям продавать акции Компании Южных морей на срок без покрытия.

— И что это значит? Я ни слова не понял.

— Это значит, что Компании предстоят чёрные дни. Если я стану объяснять, мы простоим тут

весь день. Торопитесь! Процессия висельников недолго будет вам защитой. В седло!

Шафто подчинился. Несколько мгновений он сидел, кривясь от боли, покуда разные части его тела заявляли решительный протест. Драгуны, подбежав к лошади с двух сторон, принялись укорачивать стремена.

Из тумана с пением гимна выступили десятка полтора гавкеров — они шли к Тайберну выражать своё несогласие с тем или иным государственным установлением. Могавки двинулись к ним, чтобы развернуть их в другую сторону. Один из гавкеров толкал тачку; она была тяжело нагружена листовками и потому постоянно увязала в грязи.

— Хотел бы я видеть то, что вы сделаете с Болингброком, — произнёс сержант Шафто с той долей мечтательности, какая вообще возможна в человеке его темперамента.

— Поверьте мне, о великих событиях в парламенте лучше слышать в пересказе, чем самому в них участвовать, — отвечал Равенскар. — В одном не сомневайтесь: событие будет и впрямь великое. Как только весь мир узнает то, что знаю о Болингброке я, и в частности на что пошли деньги асиенто, разговоры об испытании ковчега

смолкнут надолго.

Роджер отошёл на шаг и хлопнул лошадь по крупу. Та затрусила вперёд. Два драгуна прыгнули в сёдла и пристроились за ней. Роджер прокричал им вслед:

— И, держу пари, мой акт о долготе пройдёт как по маслу!

Клеркенуэлл-корт

19 июня 1714
Клеркенуэлл-корт

> *Постановили:* Директорам Компании Южных морей представить палате отчёт обо всех действиях означенной компании касательно асиенто, вкупе со всеми распоряжениями, указаниями, письмами и донесениями, полученными директорами либо советами директоров в отношении оного.

Протоколы палаты общин, VENERIS, 18° DIE JUNII; ANNO 13° ANNAE REGINAE [15], 1714

---

[15] Примечания: 15
18 июня, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

В ЧЕТВЕРТИ МИЛИ ЮЖНЕЕ того места, где Роджер Комсток разговаривал с Бобом Шафто, граница Лондона угадывалась по метаморфозам, которые претерпевала застройка. Самым неоспоримым их знаком служило то, что дорога, ведущая к Яме Чёрной Мэри, приобрела статус улицы и получила название, долженствующее пробуждать в сознании будущих покупателей образы буколических рощ, пусть и никак не связанные с реальностью. Дома, возведённые и возводимые на Коппис-роу, ещё пахли конским волосом, замешанным на сыром растворе. С левой (если идти из Лондона) стороны рост домов временно приостановили деревья и клубок древних имущественных прав на участки, прилегающие к земле сэра Джона Олдкасла. Справа стояли несколько невыразительных зданий из ещё тёплого после обжига кирпича. Самое большое из них растянулось футов на сто и было поделено на десятки лавчонок разной ширины, преимущественно очень узких и по большей части пока пустующих.

Одну лавчонку арендовал часовой мастер — во всяком случае, если верить новенькой вывеске на железном кронштейне: старинным часам, снятым, надо полагать с какой-нибудь бельгий-

ской ратуши, разрушенной во время последней войны. Так или иначе, они были очень старыми ещё до обстрелов, путешествия в мокром трюме и прочих злоключений, приведших их в Клеркенуэлл. В коросте ржавчины, с покорёженными беззубыми шестернями, часы не столько указывали время, сколько символизировали его неумолимость. Сами по себе они были достаточно занятны — как римские развалины. Однако к ним добавили ещё и фигуру божества из дерева и гипса. Одной рукой божество поддерживало часы, другой тянулось поправить часовую стрелку. Всё это великолепие украшало мастерскую столь маленькую, что хозяин, встав посреди неё, мог коснуться противоположных стен кончиками пальцев.

Клеркенуэлл-корт (как звалось это здание) был расположен не то чтобы совсем неудачно — на пути к чайным садам и купальням дальше по дороге и не очень далеко от Грейз-Инн с прилегающими площадями, на которых состоятельные лондонцы выстроили себе особняки. Однако и не слишком удачно: попасть туда можно было не иначе как через ту или иную язву на теле города, рассадник порока и гнездилище греха — Хокли-в-яме и Смитфилд.

Ничто из указанного не помешало некой знатной даме приехать сюда в карете ранним субботним утром. Даму сопровождали кучер, два лакея и пёс (снаружи кареты), а также оруженосный молодой господин и компаньонка (внутри). В обществе двух последних она прошла в дверь за чудн***о***й вывеской и дёрнула колокольчик. За стеной лавчонки раздался далёкий звон. Дама дёрнула ещё раз и ещё. Наконец дверь в дальней стене отворилась. За нею посетители увидели не ожидаемый чулан, а огромный, наполненный людьми двор. Тут весь дверной проём загородил рослый чернявый детина. Он вошёл в лавку и глянул поверх голов на карету, остановившуюся у дверей. Одного взгляда ему хватило, чтобы прочесть герб. Он отступил в сторону и указал на заднюю дверь:

— Входите, — пророкотал детина. Затем, на случай если выразился недостаточно цветисто и утончённо, добавил: — Прошу.

При появлении детины Иоганн фон Хакльгебер, как единственный представитель мужского пола, заслонил собой спутниц. Его левая (кинжальная) рука явственно чесалась. Эта деталь не ускользнула от внимания хозяина, который вскинул руки, то ли показывая, что в них ничего

нет, то ли просто от досады. Затем он повернулся к гостям спиной и исчез так же, как появился.

Через минуту его место занял Даниель Уотерхауз.

— Сатурн говорит, что едва вас не напугал, — начал он, — и приносит свои извинения. Он ушёл размышлять о своём несовершенстве в качестве мажордома. Прошу вас, сюда. Здесь всё, кроме декоративной часовой лавки, имеет своё назначение.

Засим последовали приветствия более формального характера, столь машинальные, что практически пролетали мимо ушей. За одним исключением — Элиза, указывая на свою спутницу, объявила:

— Это фрейлейн Хильдегарда фон Клотце.

— Знакомая фамилия.

— Как фрейлейн фон Клотце объяснила бы вам сама, если бы лучше владела английским, она — сестра Гертруды фон Клотце.

— Сиделки, сопровождавшей меня из Ганновера. Теперь понятно, почему её глаза тоже кажутся мне поразительно знакомыми. Приветствую вас в Лондоне, — и Даниель поклонился куда ниже и церемоннее, чем обычно кланяются компаньонкам. — И буду рад приветствовать вас всех

во Дворе технологических искусств. Прошу за мной.

— В МОИ ЮНЫЕ ДНИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ, — сказала Элиза, — я как-то набралась духа проникнуть из гарема в те части дворца Топкапы, куда вход мне был воспрещён. Я взбиралась по винограду, перелезала с крыши на крышу и так далее. Наконец я попала в такое место, откуда могла заглянуть во внутренний дворик. Там я увидела людей из мистической секты дервишей, которые платьем и обрядами отличаются от всего исламского мира. Несколько минут я смотрела на них, затем, пресытившись необычным, тихонько возвратилась в гарем.

— Удачное сравнение, — сказал Даниель Уотерхауз. — Да, сейчас вы снова во дворе, полном дервишей, столь же непонятных для остальных и столь же естественно чувствующих себя друг с другом, как те, которых вы видели в Константинополе.

Они с Элизой остановились в относительно тихом уголке двора под брусом, с которого свешивался слоновый бивень — исполинский полумесяц восьми футов в длину. Различные предметы, закреплённые на верёвке, должны были отпугивать мышей и крыс, чтобы те не

спускались по ней для полуночных пиршеств. Вгрызаться в сокровище дозволялось лишь подмастерью, работавшему над ним пилкой. И то была не единственная диковина Двора технологических искусств. Он представлял собой неправильный пятиугольник примерно ста футов в поперечнике. Вдоль всех пяти стен располагались мастерские ремесленников — крошечные загончики под навесами, не похожие один на другой. С первого взгляда Элиза определила стеклодува, золотых дел мастера, часовщика и шлифовальщика линз, но были здесь и другие, каждый со своим набором приспособлений, одинаково своеобразных и одинаково ревниво оберегаемых. Быть может, старый еврей с бинокулярной лупой на глазах когда-то называл себя ювелиром, а жирный немец, обтекающий телесами крохотный табурет, мастерил музыкальные шкатулки. Теперь их усилия служили более масштабной и менее явной цели. Об остальных Элиза не взялась бы и гадать. Один — изгой даже среди дервишей — делил свой обособленный закуток со стеклянной сферой, которую тощий дёрганый подмастерье вращал на оси, производя потусторонний треск и вызывая к жизни маленькие молнии.

Средняя часть двора была отведена для работ практического свойства. Печи — столько, что враз и не сосчитать, все маленькие, кирпичные — разнообразием форм напоминали россыпь диковинных раковин на морском берегу. Два работника вращали большое деревянное колесо, приводя в движение стрелу для подъёма грузов у ворот, выходящих на просёлки, ни один из которых ещё не получил звучного имени. Живописности двору прибавляли различные вороты, блоки, прессы и подъёмные устройства неведомого назначения. Был даже каменный пригорок посередине; полтысячелетия назад он мог бы именоваться руинами, а сейчас по большей части ушёл в землю.

— Вы, как я вижу, не жалеете средств на писчие принадлежности, — сказала Элиза, ибо по всему двору, словно осенние листья, кружили исписанные клочки бумаги. — Похоже на биржу.

Она поймала листок, пляшущий в потоке воздуха, и расправила. Когда-то это было прекрасно выполненное изображение чего-то трёхмерного, но с тех пор его столько раз исправляли и комментировали, что на бумаге почти не осталось живого места. Доведя чертёж до совершенства, его выкинули.

— Мы и впрямь много тратим на бумагу и чернила, — признал Даниель. — Такие люди не могут без них мыслить.

— Наверное, я должен изумляться, но на самом деле я просто ничего не понимаю, — был вердикт Иоганна, который ни на шаг не отходил от «Хильдегарды», хотя ни разу её не коснулся.

— Беда в том, что здесь почти нет завершённой работы, — сказал Даниель, — а та, что есть, — в Брайдуэллском дворце.

Ему пришлось сделать паузу, пока Иоганн растолковывал немке концепцию Брайдуэлла. Задача оказалась неожиданно сложной.

— Позвольте, я покажу.

Даниель двинулся через двор, Иоганн, Элиза и «Хильдегарда» — за ним. Змейкой они прошли между печами, горнами и другими приспособлениями, которым труднее было подобрать название, к центральному кургану.

Он был снабжён тяжёлыми железными дверями; висячий замок размером с фолиант вполне подошёл бы арсеналу. Даниель вытащил ключ (фунт бронзы, выкованной в форме ажурного лабиринта), подул на него и вставил в замок с тщанием хирурга, вскрывающего нарыв королю. Некоторое время замок пощёлкивал, покуда

ключ успешно преодолевал всё новые механические преграды; наконец Даниель получил возможность повернуть бронзовый маховик, убирающий засовы. Дверь распахнулась. Даниель шагнул внутрь. Глядя ему через плечо, гости различили мощёную площадку на краю пропасти. В горшке с ворванью стояло несколько факелов. Даниель взял один и, отряхнув от излишка ворвани, протянул Иоганну со словами: «Сделайте милость». Сыскать во дворе открытый огонь не составило труда, и через несколько мгновений Иоганн протянул Даниелю горящий факел.

— Я скоро вернусь, — сказал Даниель. — Если через полчаса меня не будет, снаряжайте спасательную экспедицию.

С этими словами он ступил в провал. «Хильдегарда» ахнула, думая, что он упал в старый колодец. Однако через секунду по движениям Даниеля стало понятно, что тот спускается по невидимой в темноте лестнице. Вскоре он исчез из виду. Элизе и её спутникам осталось смотреть на дрожащий прямоугольник алого света и ловить различные звуки: шорохи, писк, лязганье. Потом свет вновь собрался в пылающий факел. Чуть позже появилась голова Даниеля Уотерхауза, затем поблескивающий четырёхугольник,

который он держал под мышкой, как книгу.

— Это одолжил мне обременённый излишним богатством друг, — пояснил Даниель, когда факел потушили, а дверь заперли. Он показывал гостям квадратную пластину толщиной примерно в восьмую часть дюйма, с виду золотую, но пережившую крайне грубое обращение — её царапали, плющили, мочили в солёной воде и пачкали смолой.

— Как вы, вероятно, догадались, там внизу есть ещё, — продолжал Даниель, — но мы достаём столько, сколько можем обработать за день.

В следующие минуты гости вслед за Даниелем переходили из одной части двора в другую. Сперва работник скрёб пластину в бочке с водой, смывая соль. Златокузнец взял её клещами и сунул в огонь; на мгновение она окуталась дымом и цветным пламенем. Вся грязь сгорела, остался чистый золотой лист. Златокузнец охладил его в воде и отщипнул кусочек для пробирного анализа. Даниель понёс пластину весовщику, который тщательно взвесил её и записал результат в амбарную книгу. В противоположном конце двора располагался станок, состоящий из двух больших бронзовых вальков. Работник приставил пластину к валькам, его помощник принялся вертеть

ручку сложной зубчатой передачи. Вальки поворачивались медленно, как минутные стрелки. Из них выползал уже не квадрат, а нечто овальное, как тесто из-под скалки, толщиной в ноготь. С другой стороны станка на горизонтальной раме размером с обеденный стол была натянута целая бычья шкура; раскатанная пластина блестела на ней, как зеркально-гладкое озеро. Четверо работников взяли раму за углы и понесли к навесу, под которым стоял станок для резки металла. Здесь кожу закрепили так, чтобы золото ползло прямо в пасть ножниц. Двое работников тут же принялись резать его на полосы примерно в ладонь. Закончив, они развернули полосы на девяносто градусов и пропустили их по второму разу, разрезая на квадраты. Некоторые куски, с краю, были неправильной формы, их бросали в корзину, остальные складывали в аккуратную стопку. Когда золото кончилось, резчики дважды пересчитали карты (ибо золотые квадратики сильнее всего напоминали колоду больших игральных карт), затем всё — включая корзину с обрезками — вернули Даниелю. Тот снова пошёл к весовщику, который расписал судьбу каждого грана золота. Обрезки Даниель отнёс назад в крипту.

Все четверо вернулись в лавку человека, име-

нуемого Сатурном. Золотые карточки ещё раз пересчитали и уложили в обитый бархатом сундучок, сделанный точно по их размеру. Гости инстинктивно обступили его.

— Что ж, доктор Уотерхауз, теперь мы понимаем примерно десятую часть всех странностей вашего двора, — сказала Элиза. — Когда мы поймём остальное?

— Когда приедем в Брайдуэлл! — отвечал Даниель, беря со стола сундучок.

Брайдуэлл

— МЫ КАК ДРАГОЦЕННОСТИ в пиратском сундуке, — сказала герцогиня Аркашон-Йглмская, пытаясь внушить своим спутникам более радужный взгляд на происходящее.

Даниель, Элиза, Иоганн и «Хильдегарда» делили ящик на колёсах не только с сундучком золотых пластин, но и с несколькими тюками листовок — судя по запаху и тенденции пачкать одежду, только что из типографии. Все старались держаться от них подальше, кроме Даниеля, чьё платье и без того было чёрным.

По неким неписаным, но универсальным правилам этикета люди, запертые вместе в тесном пространстве, стараются не глядеть друг другу в глаза и не разговаривать. Положение

усугублялось тем, что под именем «Хильдегарда» скрывалась принцесса Каролина Ганноверская. Отсюда попытки Элизы завести светскую беседу.

После того как они проехали некоторое расстояние по Саффрон-Хилл, Даниель исхитрился освободить руку и открыть шторку. Луч солнца — не та роскошь, на которую можно рассчитывать в Лондоне, но усилия Даниеля были вознаграждены призрачным серым светом, упавшим на верхний листок в тюке.

СВОБОДА
Danna

Гонитель мой утверждает, будто листки, вышедшие из-под моего пера, служат лишь затыканию щелей и прочим естественным надобностям в клозетах бенксайдских кабаков. Коли так, нельзя не подивиться столь близкому знакомству мистера Чарльза Уайта с бытом упомянутых клоак; впрочем, не будем ломать голову над загадкой. Ибо если истинно приведённое утверждение, ты, читатель, наслаждаешься краткими минутами досуга в ретирадном месте на южном берегу Темзы, и мне надлежит перейти к сути, покуда ты не завершил своё дело.

Ежели ты обратишь взор к щели, из которой вытащил читаемый тобою листок, то, возмож-

но, увидишь улицу — восточное продолжение Бенксайда. Она зовётся Клинк-стрит и служит границей *Клинкской слободы*. Молва гласит, что землю эту, принадлежавшую в древности неким аббатам, передали епископу Винчестерскому с тем, чтобы добрый прелат обратил её на службу Богу и беднякам. Соответственно целая череда епископов содержала здесь лупанарии, но не современные притоны разврата, пагубные как для клиентов, так и для несчастных женщин. Нет, то происходило в *золотой* век до распространения *французской* болезни, и великий покровитель борделей, обитающий неподалёку, в Сент-Джеймсском дворце, высочайшим указом запретил принуждать женщин к указанном ремеслу помимо их воли. Столь успешно короли и епископы доглядывали за названными учреждениями, что персонал, администрация и клиенты отлично ладили. Увы, ничто в нашем мире не вечно, и здесь выстроили тюрьму, в которой я и пишу эти строки. Но не тревожься о моём благополучии. Рачением моей покровительницы и нескольких читателей я живу в просторной комнате с видом на реку; под нею много помещений без окон, где сотни моих собратьев-арестантов проводят дни в тяжёлых кандалах на лёгком

пайке.

Почему, спросишь ты, Клинк, который короли и епископы стремились превратить в земной рай, сделался мрачным узилищем? Потому, отвечу я, что всё подвластно порче. Сифилис закрыл двери весёлых домов; бордели из Бенксайда *переехали* в грязные комнатушки, рассеянные по всему городу, где лордам духовным и светским трудно их отыскать, не то что уследить за царящими там порядками. Храмы Афродиты уступили место медвежьим садкам, кои я назвал бы Полями Марса, будь в них хоть что-нибудь от истинно воинского духа. Процветали здесь и Музы, покуда Кромвель не запретил театры. Некогда в Клинкской слободе резвился весёлый бог Дионис, но, увы, добрые эль и вино вытеснены новомодной отравой, джином. Горестная картина понуждает каждого мыслящего узника к раздумьям о том, что есть свобода. Ибо многие из нас живут в блаженной уверенности, будто принадлежат к сообществу людей свободных. Однако сколь же часто мы при тщательном рассмотрении обнаруживаем, что наша бесценная свобода не многим лучше моей привольной комнаты на верхнем этаже Клинкской тюрьмы! Мы можем отчасти списать своё чувство на тоску по Доброй Старой

Англии, в виду которой всякая вещь, сколько угодно *новая* и *диковинная*, предстаёт как бы через старинную подзорную трубу, обещающую более точный образ, но на деле искажающую форму и цвета. В Доброй Старой Англии не было французской болезни, и потому бордели теперь не те, что встарь. Не было в ней и кровавых медвежьих садков, по крайней мере в нынешнем их числе; *приличные* люди брезговали посещать такие места, а уж тем паче содержать. И в Доброй Старой Англии не было рабства — нелепого установления, согласно коему один человек может быть объявлен хозяином другого на основании исключительно своих слов. В современной Англии всё это есть. Вот почему я не сетую, читатель, что ты на воле, а я в тюрьме; ибо всякая свобода не более чем химера. Лучше быть в тюрьме свободным от обольщений, чем на воле в плену у лжи, распространяемой правящей партией.

— Ну и как вам? — спросила Элиза. Она наблюдала за Даниелем, пока тот читал листок.

— О, как эссей написано довольно бойко. В качестве политической тактики — довольно опрометчиво.

— Когда он пишет: «читатель то», «читатель сё», это не просто фигура речи, — сказала Элиза. — Его

и впрямь читают, хотя при нынешнем политическом климате не многие в этом сознаются.

— В том-то и загвоздка, сударыня. — Даниель закрыл окно, потому что теперь они ехали по берегу Флитской канавы, неподалёку от крейнкортской штаб-квартиры Королевского общества; от аммиачного запаха перехватывало дыхание и слезились глаза. — Публикуя такое, он ставит на то, что виги победят, а тори проиграют.

Элизу критика явно смутила, однако у принцессы, слушавшей их разговор, был наготове ответ:

— Мы все на это поставили, доктор Ватерхаус. Вклютшая вас.

ЕСЛИ БЫ ИОГАНН не сказал Каролине, что Брайдуэлл был некогда королевским дворцом, она бы вышла из кареты, окинула его взглядом, определила как полуготические-полутюдоровские развалины и отвернулась, теперь же должна была оторопело разглядывать его несколько минут, силясь мысленно воссоздать прежнее величие.

Двор, где заезжие герцоги, возможно, играли после обеда в кегли, был завален грудами истёртого каната, который потресканным пальцам арестанток предстояло расщипать на паклю. Из окна, в которое, просунув через решётку пипиську, мочился сейчас двенадцатилетний

карманник, принцесса могла любоваться на свой флот в те времена, когда здесь была река, а не сточная канава. Шумные пыльные мастерские, наверное, служили конюшнями для рыцарских скакунов.

Молодая особа более романтического склада могла бы до конца дня истязать свой мозг, тщась сотворить из этой человеческой и архитектурной свалки мало-мальски презентабельный образ. Каролина прекратила старания, как только улюлюканье из зарешёченных окон напомнило ей, что они стоят во дворе, через который обычно вводят новых арестантов.

— Не обращайте на них внимания, — посоветовал Даниель, ведя своих спутников через арку во внутренний двор. — Знатные люди часто ходят сюда поглазеть на арестантов, хотя Бедлам считается не в пример более занимательным. Все решат, что мы просто любопытствующие.

Как вскоре стало ясно, дворец состоял из двух флигелей.

— Туда мы не пойдём, — сказал Даниель, кивая влево. — Там сплошь мужчины: карманники, сводники, подмастерья, поднявшие руку на хозяев. Прошу за мной на женскую сторону.

Он говорил медленно, а двигался быстро: так-

тика, рассчитанная на то, что спутники будут спешить за ним и меньше глазеть по сторонам.

— Я вынужден буду всякий раз проходить в дверь первым, непростительным образом нарушая этикет, но, как вы уже поняли, здесь не Версаль. Смотрите под ноги.

Даниель повёл их по лестницам и коридорам через ту часть дворца, где прежде размещались слуги. Наконец он втиснулся в дверь, за которой открылось необычайно большое пространство под высоким сводчатым потолком: древний зал, где, возможно, пировали за длинными столами графы. Сейчас его по большей части занимали женщины. Из мебели присутствовали колоды и колодки. Перед каждой колодой, высотой чуть меньше, чем до пояса, выпиленной из целого ствола, стояла женщина. Все они были молодые — ни девочки, ни старухи с такой работой бы не справились. Каждая держала молоток: насаженное на ручку полено дюймов десять в поперечнике и примерно в фут длиной. На колодах лежала треста — стебли конопли на ярд выше человеческого роста, несколько дюймов в диаметре, которые месяцы назад очистили от листьев, бросили в стоячие озерца на ламбетских болотах и придавили камнями. После того как всё, кроме

волокон, сгнило, их высушили на солнце, доставили баржами в Брайдуэлл и свалили огромной кучей в одном конце зала. Младшие девушки постоянно выдёргивали из кучи стебли, тащили их по полу и укладывали, как осуждённых, на свободные плахи. Едва стебель оказывался на колоде, человек в фартуке поднимал палку, хищно глядя на спину женщины, прикрытую лишь тоненькой тканью. Если она в ту же минуту не ударяла со всей силы молотком, палка опускалась ей на спину. Каждый стебель надо было бить много раз, поворачивая, по всей длине, чтобы освободить длинные тёмные волокна от сгнившего и высушенного растительного вещества. Молотки стучали по колодам нескончаемой канонадой, сор взмывал в воздух и грязным снегом оседал на пол. Каролина и Элиза немедленно схватились за шарфы и укрыли волосы, чтобы в них не попали пеньковые очёсы. В следующий миг обеим дамам пришлось закрыть теми же шарфами рот и нос, потому что воздух представлял собой взвесь крохотных ворсинок, невидимых глазу, но сразу вызывающих першение в горле.

Помимо колод, в зале имелись колодки. Каждая состояла из двух брусьев, закреплённых на вертикальных рамах, так что высоту их можно было

менять. На обоих брусьях имелись парные вырезы разного размера, на разном удалении друг от друга, чтобы запястья и шею разной толщины можно было фиксировать в положении, наименее удобном для жертвы и наиболее отвечающем прихоти надсмотрщика. Почти все они были пусты, что говорило о хорошей организации труда, однако в нескольких стояли женщины с высоко вздёрнутыми руками. Спины их были черны от запёкшейся крови.

— Теперь вы знаете об изготовлении пеньки и выправлении нравов всё, — заметил Даниель, когда они выбрались через боковую дверь на лестницу, где можно было слышать друг друга и дышать.

Некоторое время все отряхивались и вычищали соринки из глаз.

— Меня изумляют мужчины, — продолжал Даниель, — которые, видев то, что видели мы, на следующий день отправляются в бордель. Сам я не могу вообразить картину, менее возбуждающую страсть вообще и к продажной любви в частности…

Тут Элиза строго глянула на Даниеля, а Иоганн предостерегающе хмыкнул. Каролину разговор явно заинтересовал, но она осталась в меньшин-

стве.

— Что ж, тогда в апартаменты мисс Ханны Спейтс. Смотрите под ноги.

Последнее предупреждение не имело особого смысла, так как фекалии распределялись по всему полу равномерно.

БРАЙДУЭЛЛСКИЙ ДВОРЕЦ БЫЛ ТИПИЧНО английским в том смысле, что какой бы исторический процесс ни породил нынешнюю его форму, в ней начисто отсутствовала всякая логическая система. Как ботанику, Брайдуэлл можно было запомнить, но не понять. Гости уже давно не знали, в какую сторону идут, и не удивились бы, если бы Даниель, распахнув дверь, показал им секретный туннель под Темзой, или чёрный ход в ад. Однако вместо этого они очутились на верхнем этаже какого-то флигеля или пристройки. Здесь, в просторном помещении под мощными стропилами древней шиферной крыши жили и трудились Ханна Спейтс и её товарки. Сейчас в нём было душно, зимой, наверное, холодно, зато сухо, в нос не шибало зловоние, в окна проникал свет, а по стенам не стояли, вместо украшений, окровавленные женщины. Стропила шли под небольшим наклоном, как будто тщились сбросить бремя каменной чешуи. Это придавало

помещению вид готической церкви, чьи строители перемёрли от чумы раньше, чем успели установить кафедру и скамьи.

По крайней мере, тут был орг*а*н (или так казалось на первый взгляд). Внимание входящих сразу обращал на себя ящик размером с бродяжью лачугу, но неизмеримо более изящной работы, из плотно пригнанных дубовых дощечек, законопаченный по углам паклей и смолой. Вдоль него располагались четыре больших меха и деревянный поручень. За поручень держались две женщины; каждая стояла на двух мехах, соединённых так, что, когда один под нажимом ноги шёл вниз, наполняя воздухом камеру, второй расширялся. Казалось, женщины взбираются по бесконечной лестнице. Обе были краснощёкие девахи, большегрудые, задастые и встрёпанные; обе работали с азартом, так что их румянец разгорался всё ярче. С неприкрытым любопытством разглядывая гостей, они не забывали следить за U-образной трубкой, наполненной ртутью. На одной половине трубки алой ленточкой был отмечен уровень. Как только какая-нибудь из девиц ослабляла нажим на одну педаль и переносила свой вес на вторую, ртуть в этой половине трубки резко шла вниз, затем снова прыгала вверх.

Можно было не объяснять, что цель их усилий — поднять ртуть к ленточке.

По другую сторону воздушной камеры стояло нечто похожее на мануал духового органа. Однако клавиш было всего тридцать две, без диезов и бемолей, и лишь некоторые были вжаты. За клавиатурой сидела молодая женщина с коричного цвета волосами, уложенными в свободный пучок. Её платье, как и все платья в Брайдуэлле, выглядело так, будто его вытащил слепой из церковного ящика для пожертвований, однако оно было выстирано, тщательно заштопано и более или менее пригнано по размеру. Когда Даниель со своими спутниками приблизился, органистка расправила плечи и потянула рукоять из слоновой кости. Вжатые клавиши тут же выскочили.

— Ваша светлость, — обратился Даниель к Элизе. — Позвольте представить вам мисс Ханну Спейтс. Мисс Спейтс, это дама, про которую я говорил.

Ханна Спейтс встала и, как могла, изобразила реверанс.

— Очень приятно, — сказала Элиза, мгновенно беря тот отстранённо-участливый тон, каким обычно говорят высокородные филантропы, вынужденные часто посещать больницы, си-

ротские приюты, исправительные дома и тому подобное. — Что это за инструмент? Услышим ли мы исполнение?

Ханну сбили с толку слова «инструмент» и «исполнение», но она довольно быстро без помощи Даниеля расшифровала вопрос.

— Это машина для набивки карт, ваша светлость. Она пробивает дырки, я сейчас покажу.

— Прежде мы займёмся бухгалтерией, — объявил Даниель, увлекая гостей в дальний угол комнаты, где было устроено подобие банковской конторы. За большим столом сидел писарь; джентльмен лет пятидесяти, стоявший у писаря за спиною, теперь вышел вперёд, чтобы его представили.

— Мистер Уильям Хам, — сказал Даниель. — Мой племянник, золотых дел мастер, ведущий наши дела в Сити.

Последовал обмен любезностями. Элиза обронила, что слышала о мистере Хаме от друзей, имевших удовольствием вести с ним дела, мистер Хам дал понять, что ему это крайне лестно. Он был приятно смущён вниманием, ибо принадлежал к новой породе хорошо одетых неприметных людей, сменившей поколение наглых авантюристов, осмелевших трусов и патологических

лжецов, которые в Даниелевой юности создавали банковское дело.

Даниель передал сундучок с золотыми картами Уильяму Хаму, тот отнёс их к конторке у окна и взвесил. Он называл числа писарю, писарь повторял их вслух и записывал в амбарную книгу. Затем карты, за исключением одной, спрятали в окованный сундук с замками, стоящий на полу рядом со столом. Единственную неубранную карту Хам вручил надсмотрщику в фартуке. Тот являл собой точную копию своих собратьев из мастерской, где трепали пеньку, только без палки. С торжественностью священнослужителя, совершающего таинство, он отнёс карту к орг*а*ноподобному механизму и возложил на пюпитр, расположенный выше мануала. Затем взялся за две железные ручки, прямо над клавиатурой, и потянул со всех сил. Из машины, словно язык, высунулась железная пластина, плоская и гладкая, как будто её пропустили между вальками, без каких-либо отметин. В дальней её части имелось квадратное углубление с ровными рядами дырочек на дне, что придавало ему сходство с решёткой. Надсмотрщик взял карту с пюпитра и положил в выемку, так что все дырочки оказались закрыты, а по краям почти не осталось

места. Затем упёрся ладонями в рукоятки и надавил, задвигая подставку вместе с золотой картой в недра машины. Когда они встали на место, раздался чуть слышный щелчок, как будто внутри сработали какие-то зажимы.

Надсмотрщик отошёл. Мисс Спейтс села на скамью перед клавиатурой и оправила залатанную юбку. Первым делом она подалась вперёд и заглянула в призму, установленную в верхней части консоли. Судя по всему, увиденное ей не понравилось, потому что она принялась вертеть две металлические ручки, исправляя положение подставки. Добившись желаемого результата, она кротко сложила руки на коленях и взглянула на Даниеля.

— Здесь мне дозволено сыграть небольшую роль, — сказал Даниель, вынимая из кармана плотную бумажную карточку, над которой много часов или дней трудились тонким гусиным пером.

Один край украшала цепочка цифр, в середине шли надписи неразборчивым почерком на ЛАТЫНИ, *английском* и значками универсального алфавита с редкими вкраплениями чисел. Карточку он с лёгким намёком на поклон протянул Ханне, которая повернула её и положила

на пюпитр.

— Она умеет читать?! — изумился Иоганн.

— Вообще-то да, благодаря заботливому отцу, но это редкость, и особой надобности в таком умении нет, — отвечал Даниель. — Девушкам надо лишь отличать единицу от нуля — как вы сами убедитесь, если посмотрите на карточку.

Иоганн, Элиза и Каролина столпились за спиной у мисс Спейтс, разглядывая через её плечо карточку на пюпитре. Она была повёрнута так, что из множества букв и цифр можно было прочесть лишь цепочку нулей и единиц вдоль одного края. Покуда остальные разговаривали, мисс Спейтс двигала пальцем по клавиатуре, нажимая одни клавиши и пропуская другие. При нажатии слышалось звяканье стерженьков и рычажков внутри механизма, и клавиша оставалась вдавленной. Легко было видеть, что последовательность получалась та же, что и на карточке: видя единицу, мисс Спейтс нажимала соответствующую клавишу, видя ноль — пропускала.

Покуда мисс Спейтс занималась этой тонкой и кропотливой работой, девицы, шумно отдуваясь, качали мехи, стараясь подогнать ртуть к красной ленточке.

— С вашего дозволения, сэр, — выговорила одна

из них, — мы иногда поём песню, как матросы, когда тянут канат.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответил Даниель к отчаянию надсмотрщика, который как раз открыл рот, чтобы запретить пение.

Салли Браун кто ж не знает, Девка чудо, подивись: На дворе насос качает Вверх и вниз, вверх и вниз.

Салли эдак, Салли так! Больно в деле хороша! Чуть возьмётся за рычаг — Занимается душа!

Салли в Лондоне явилась — Здесь мужчин хоть отбавляй, И сноровка пригодилась: Жми, выкачивай, давай!

Салли эдак…

Салли в Брайдуэлл залетела, Ей урок привычный дан: Жми, чтоб не стоял без дела Механический орган.

Салли эдак…

С последним тактом ртуть в трубке наконец достигла красной ленты. Ханна Спейтс потянула ручку из слоновой кости, которую в ожидании этого мига сжимала потной рукой. Машина зашипела, и не в одном месте, а сразу во многих, как будто в море падали осколки разорванной взрывом пушки.

На воздушной камере по дуге радиусом ярда

в два был установлен ряд труб, подобных органным. Каждая имела несколько дюймов в диаметре и ярд в высоту. От центра к трубам веером расходились бронзовые рычаги. Некоторые из них, но не все, разом пришли в движение.

Теперь стало ясно, что в трубах находятся поршни и воздух из камеры толкает некоторые вверх. Двигаясь, они поднимали концы бронзовых рычагов. Каждый рычаг поворачивался на смазанном шарнире, расположенном далеко от трубы и близко от центрального механизма. Когда поршень быстро шёл вверх, противоположный конец рычага опускался медленно, но с большой силой. Рычаг давил на тонкий вертикальный стержень. Стержни — общим числом тридцать два — стояли в ряд, как солдаты; каждый в первый миг сопротивлялся нажиму, затем резко шёл вниз, словно пробив какой-то барьер. При этом поршень на противоположном конце рычага взлетал вверх до рычажка, соединённого с толкателем, движущимся вдоль внешней стороны трубы. Толкатель передавал усилие заслонке в основании трубы, та открывалась, и поршень возвращался в исходное положение. Всё закончилось в несколько секунд. Мисс Спейтс потянула ручку, и вжатые клавиши выскочили.

Кодой музыкальной пьесы стало тихое позвякивание, исходившее из машины. Затем в керамическую чашу, установленную перед консолью, полилась золотая струйка. Даниель взял чашу и показал гостям. В ней поблескивали миниатюрные золотые диски, похожие на монетки волшебного народца. Некоторые ещё крутились или катались на ребре.

— Эти выбитые кружочки — мы называем их просто битами, — сказал Даниель, — имеют одинаковый вес. То есть взвесить их — всё равно что сосчитать; затем полученное число сверяется.

— Сверяется с чем? — спросил Иоганн.

— Клерк смотрит на карточку, — сказал Даниель, указывая на исписанную бумажку, которая по-прежнему лежала на пюпитре, — и проверяет сумму цифр каждого числа. Если число битов в чаше с нею не сходится, значит, карта испорчена, и её отправляют в переплавку. Однако это случается крайней редко, ибо мисс Спейтс — воплощение аккуратности.

И впрямь, мисс Спейтс уже дёрнула за бронзовый рычаг, вдвинувший подставку дальше в машину, проверила её положение через призму и начала выставлять на клавиатуре следующее число. Задастые девицы снова запели. Через

несколько минут всё повторилось: шипение, лязг, судорога множества рычагов и ручеёк золотых кружочков. После того как это произошло ещё несколько раз Ханна Спейтс встала из-за клавиатуры, девицы слезли с мехов и направились к бочонку с пивом, а надсмотрщик выдвинул из машины железную подставку. Золотая карта теперь была в круглых дырочках, словно швейцарский сыр. Все они располагались в узлах координатной сетки мсье Декарта, однако не все узлы были пробиты. Результат являл собой странное смешение упорядоченного и случайного; таким, наверное, предстаёт чётко отпечатанный, но зашифрованный текст.

— Теперь я гораздо лучше понимаю, что происходит в Клеркенуэлл-корте, — был Элизин вердикт, — хотя остаётся много загадок. Я вижу, например, зачем вам органные мастера. Зачем нужен человек, делающий молнии, мне непонятно.

— Мы купили запасные части у голландского органного мастера, отбывающего на родину, поэтому наша машина выстроена с использованием приёмов его ремесла, — объяснил Даниель. — Игрушечный мастер, часовщик или исследователь *электричества* могут прийти к

тому же другим путём.

— Но, как я понимаю, это не думающая машина?

— Логическая машина будет совершенно иной, — заверил Даниель.

— Будет?! Её ещё нет?

— Набивка карт займёт изрядно времени, даже если мы построим ещё много таких машин и приставим к работе весь Брайдуэлл. Более того, логическую машину нельзя сконструировать и опробовать, пока у нас нет достаточного количества карт. Так что до сих пор мы направляли все усилия на то, чтобы научиться делать карты. Как видите, эта задача решена. Сейчас строят ещё такие механизмы, нам же следует обратить все силы на создание логической машины. — Даниель деликатно прочистил горло. — Нам бы очень не помешало значительное вливание капитала.

— Ещё бы! — воскликнул Иоганн. — Зачем вы делаете карты из *золота?*

— Оно пластично, поэтому из него легко изготовить карты одинаковой толщины, и при этом единственное из металлов не покрывается ржавчиной или патиной. Однако капитал нужен нам для другого. Как ни странно звучит, у нас в хранилище довольно золота, чтобы перенести на

него все карты, которые я привёз с собой.

— Нельзя ли поподробнее? — спросила Элиза.

— Я привёз из Бостона несколько ящиков с картами — вполне довольно для первых испытаний машины.

— Почему вы решили взять их с собой?

— Потому, мадам, что Институт технологических искусств колонии Массачусетского залива щедро поддерживали некие значительные особы, и мне подумалось, что им захочется увидеть зримое свидетельство моих трудов. Нет, *этого* я не предвидел. — Даниель протянул руку к машине, затем, чуть опустив веки, кивнул в сторону Каролины.

— Так в Бостоне есть ещё карты?

— Я оставил в Массачусетсе почти все; сейчас их, с Божьей помощью, уже грузят на известную вам «Минерву». Она вышла из Лондона в конце апреля и должна была на прошлой неделе достичь Бостона.

— Когда «Минерва», с Божьей помощью, вернётся в Лондон, вам потребуется ещё золото для карт, — заметил Иоганн.

— По счастливой случайности, — усмехнулся Даниель, — тогда же и тоже морем нам доставят ещё золото. Говоря о необходимости капитала, я

не имею в виду золото для набивки карт.

— Вам, как человеку, продвигающему новую технологию, простительно и даже положено питать оптимизм, который в других областях, скажем, в финансовой, считался бы признаком неопытности, — сказала Элиза. — Меня просят выступить финансистом, и я себе такую роскошь позволить не могу. На мой взгляд, не следует полагаться на то, что два корабля, с картами и с золотом, прибудут в Лондон благополучно и в одно время.

— Я понял, — сказал Даниель. — Позвольте внести ясность: золото и карты едут на одном корабле.

— На «Минерве»?

— И вам, полагаю, известно, какой это превосходный корабль. Я скорее доверю золото трюму «Минервы», нежели хранилищу иного банка. Можно уверенно обещать, что в начале августа, когда она бросит якорь в лондонской гавани, у нас будет всё потребное для набивки большого количества карт. Сейчас нам нужно финансирование Клеркенуэлл-корта, чтобы построить логическую машину.

— Верно ли я понимаю, что вы уже обращались к своему благодетелю с просьбой о дополнитель-

ной поддержке и получили отказ?

— Роджер Комсток посоветовал мне обратиться к вам, мадам.

— Вот уж не думала, что у такого человека могут кончиться деньги.

— Строго говоря, речь о свободных средствах. Вы сами знаете, сколь многое сейчас лежит на весах. Опасности, вынудившие принцессу Каролину искать убежища вдали от садов Ганновера, не обошли стороной и маркиза Равенскара. Он тратит все силы на то, чтобы вооружиться для борьбы с Болингброком.

— И не безрезультатно, если верны вчерашние новости из парламента, — вставил Иоганн.

— Вчерашний день принёс Комстоку победу, но это была не более чем стычка. Сражения — впереди.

— Удивительно, что у него вообще находятся деньги и время на логическую машину, — заметил Иоганн.

— По правде сказать, у него нет для неё ни того ни другого, и он пока совершенно о нас забыл, — отвечал Даниель.

— Таким образом, вы просите о переходном займе, — сказала Элиза.

— О да, мадам.

— Нельзя отправляться в переход, не зная, какое расстояние предстоит покрыть.

— От сего дня до того, когда Ганновер станет венчанным королём Великобритании.

— Что может не произойти никогда.

— И тем не менее, как заметила одна мудрая особа, все мы на это ставим.

— Однако могут пройти годы.

— Скорее я продам себя на главной площади Неаполя в качестве жиголо, чем королева Анна доживёт до конца тысяча семьсот четырнадцатого года, — заверил Даниель.

— Какую сумму вы просите?

— Регулярное пособие в течение некоторого времени. Мистер Хам набросал кое-какие цифры.

— Боюсь, это будет скучновато, — проговорила Элиза. — Я предлагаю разделиться. Иоганн хорошо считает, он побеседует с мистером Хамом. Хильдегарда, возможно, захочет остаться с ним.

— А вы, мадам?

— Я хорошо умею вести переговоры, — сказала Элиза, — поэтому отвезу вас обратно в Клеркенуэлл-корт, а по дороге мы побеседуем. Если без обиняков, я хочу знать, что вы намерены представить в качестве залога.

Клеркенуэлл-корт

— ЛЮБОПЫТНЫЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР вы создали, — заметила Элиза.

Даниель очнулся от сонного полузабытья. Всю дорогу вдоль Флитской канавы до Холборнского моста герцогиня Аркашон-Йглмская молчала, глядя в окно. Сейчас они застряли в Филд-лейн — узком жёлобе, полном кирпича и конского навоза.

Лондон пробуждался неохотно. Народ растратил все силы на вчерашнюю казнь. Даже те, кому не удалось пробиться сквозь толпу и увидеть само повешение, были заняты: обчищали карманы либо утоляли голод и жажду тех, кто пробился. Знать тем временем упивалась жестоким зрелищем совершенно иного рода: в парламенте виги вдруг принялись допытываться, куда делись доходы от асиенто. Представители высшего света допоздна сбывали акции Компании Южных морей, а затем в кофейнях и клубах пичкали друг друга неверными сведениями.

Однако сейчас, ко второй половине дня, завсегдатаи Тайберн-Кросс и Вестминстерского дворца наконец пробудились окончательно. Все, кроме Даниеля Уотерхауза. Он уже задрёмывал, когда странное замечание Элизы заставило его вздрог-

нуть и поднять голову.

— Простите? — спросил он, выгадывая время, чтобы проснуться.

— Я пытаюсь подобрать сравнение для ваших брайдуэллских занятий, — отвечала Элиза, затем, видя, что не прояснила свою мысль, выпрямилась, как кошка, и поглядела Даниелю в лицо. Она была так прекрасна, что он поёжился.

— Считается, что всё золото одинаково, — продолжала Элиза, — и между его унцией здесь, в Шахджаханабаде и в Амстердаме нет никакой разницы.

«Вот бы кто-нибудь объяснил это Исааку», — подумал Даниель и тут же устыдился своей мысли. Исаак так и не оправился от приступа, который пережил в Вестминстере две недели назад. Он по-прежнему был в доме Роджера Комстока и не вставал с постели.

— Финансист, у которого просят ссуду, тщательно оценивает имущество заёмщика, убеждаясь, что ссуда будет надёжно обеспечена, — продолжала Элиза. — У вас есть золото. Его можно взвесить. Лучше обеспечения не придумаешь. Однако тут возникает сложность. Вы используете золото не как золото, а как хранилище информации. Пропущенная через орг*а*н, карта обретает

ценность — по крайней мере для вас, — которой не обладала прежде. Если её расплавить, ценность будет утрачена. Мне приходит в голову только одно сравнение — с монетным двором, где гладкие золотые диски, выйдя из-под чекана, приобретают дополнительную ценность. Вот почему я сказала, что ваш орг*а*н в Брайдуэлле подобен маленькому монетному двору, а ваши пробитые карты — монеты нового мира.

— Вы меня убедили, — сказал Даниель. — Надеюсь лишь, что сэр Исаак этого не услышит и не зачислит меня в соперники.

— Если слухи о здоровье сэра Исаака правдивы, — отвечала Элиза, — то вскоре Монетный двор возглавит кто-то другой. Впрочем, это к делу не относится. Предположим, вы создали логическую машину, и она заработала. В таком случае ценность — я говорю об экономической, а не эстетической, моральной или духовной ценности — вашего предприятия заключена в возможности выполнять логические и арифметические действия при помощи карт.

— Да, мадам, это всё, что мы можем предложить.

— Если кредитор изымет карты в погашение долга и расплавит, информация, записанная

на них, погибнет, логическая машина лишится возможности работать и ценность, о которой мы говорили, обратится в ноль.

— Верно.

— Отсюда следует, что золото, превращённое в пробитые карты, плохой залог — его нельзя обратить в деньги, не погубив ваше предприятие.

— Полностью согласен, что это золото не может быть обеспечением ссуды.

— Более того, если я правильно понимаю, карты и машина, как только она заработает, отправятся в Санкт-Петербургскую академию наук.

— Да, таков должен быть первый этап.

— А следующие, если вы их построите, перейдут в собственность маркиза Равенскара.

— Как предполагается, да.

— А мне достанутся лишь некие новости, которые можно использовать на рынке. В такую игру я успешно играла в молодости, когда мне нечего было терять и никто от меня не зависел. Теперь я хочу получать за свои вложения нечто ощутимое. Я инвестирую головой, а не сердцем.

— И вместе с тем вы поддерживаете Даппу, а также, я слышал, щедро жертвуете на больницы для бывших солдат и бродяг.

— На благотворительность, да. Но вам поздно

превращать свой институт в благотворительное учреждение.

Даниель вздохнул:

— Тогда позвольте рассказать вам о логической машине то, чего не знает даже Роджер Комсток.

— Я вся внимание, доктор.

— Она не будет работать.

— Логическая машина не сможет производить логические действия?

— Да нет, разумеется, сможет. Производить логические действия с помощью машины совсем не сложно. Лейбниц продолжил то, что начал Паскаль, а я в Бостоне пятнадцать лет развивал сделанное Лейбницем. Теперь я передал свои разработки толковым малым, и те за пятнадцать недель продвинулись дальше, чем я за пятнадцать лет.

— Почему же вы говорите, что она не будет работать?

— Вернувшись два дня назад из Ганновера, я стал смотреть схемы, предложенные инженерами. Результаты великолепны. Однако я обнаружил серьёзное затруднение: нам нужна движущая сила.

— Ах да, вы говорили об этом в Ганновере.

— Тогда я уже подозревал то, в чем теперь

твёрдо уверен: логической машине будет нужен источник движущей силы. Сгодится мельничное колесо на большой реке, но куда лучше была бы…

— Машина для подъёма воды посредством огня!

— Если вы инвестируете в эту машину, мадам, что будет весьма своевременно, то без труда получите контрольный пакет — нечто вполне ощутимое. Свежий ветер финансовых вложений поможет мистеру Ньюкомену сняться с мели, на которую он недавно сел, и выйти в открытое море. Тем временем здесь, в Лондоне, проект по созданию логической машины заглохнет из-за дороговизны силы. Это произойдёт скоро — меньше, чем через год. Тогда вы сможете поговорить с царём, с маркизом Равенскаром или с обоими; им придётся идти к вам, потому что другого выбора не будет.

Элиза некоторое время смотрела в окно. Они уже миновали Саффрон-Хилл, и кучер пустился в объезд по Рэг-стрит, чтобы избавить себя, пассажиров и лошадей от опасностей Хокли-в-яме, где сейчас происходили те грабежи и убийства, расплата за которые должна была состояться шесть недель спустя в следующий Висельный день.

Они въехали на продолжение Рэг-стрит, называемое Коппис-роу, совершив, таким образом, полный круг. Даниель, выглянув из окна, увидел перед Клеркенуэлл-кортом карету и в следующий миг узнал её. Сердце у него ёкнуло. События принимали чересчур уж сложный оборот. Он застучал по крыше. Кучер остановился на углу.

— Я выйду здесь, — сказал Даниель. — Тут вашей чудесной карете легче будет повернуть, — и, не дожидаясь Элизиных возражений, открыл дверцу.

Один из лакеев спрыгнул с запяток, чтобы помочь ему выйти.

— Вы представили дело в совершенно ином свете, — проговорила Элиза, чопорной улыбкой обозначив начало прощания. — Теперь я готова рассмотреть предложение. Однако я не могу ничего решить, пока не побеседую с джентльменом, который основал компанию.

— Его зовут граф Лоствителский. — Даниель повысил голос, потому что стоял на улице и говорил с Элизой через окно кареты. — Он некоторое время не посещал заседания палаты лордов. Болезнь младшего сына вынудила его уехать в поместье, а кончина бедного мальчика задержала ещё надолго. Полагаю, его возвращению помешали и

некоторые трудности с машиной мистера Ньюкомена. Однако сейчас весть о вчерашних событиях в парламенте летит в Корнуолл. Лоствителю придётся ехать в Лондон. Я попрошу его посетить вашу светлость в Лестер-хаузе.

— ТРИДЦАТЬ СЕМЬ МИНУТ назад, — сказал рослый часовщик по прозвищу Сатурн, — у наших дверей появился чудной старый тори и принялся требовать доктора Уотерхауза.

Он кивнул на карету, которую Даниель узнал издали.

— Мистер Тредер ещё здесь? — спросил Даниель.

— Я напоил его чаем, затем провёл по двору — не показывая ничего ст***о***ящего. Теперь он пьёт бренди через три двери отсюда, в лавке, которую вчера закончили штукатурить.

— Спасибо, мистер Хокстон. — Даниель взялся за ручку двери.

— Пожалуйста, — сдержанно отвечал Питер Хокстон. — Впрочем, должен сказать, если бы я заранее ведал, с кем вы водите компанию, я не стал бы искать знакомства.

Даниель вышел, улыбаясь, однако улыбка сползла с его лица при виде второй кареты. Наёмная развалюха, подпрыгивая на колёсах,

неровных от щербин и присохшего конского навоза, лихо пронеслась по Коппис-роу и остановилась рядом с экипажем мистера Тредера. Из неё выпрыгнул краснолицый седой нонконформист в чёрном платье. Следом появился коротышка в костюме обычного покроя, но сшитом из тканей, которые больше подошли бы дикарскому вождю. Последним вылез человек ещё крупнее Сатурна. Он задержался, чтобы вложить в протянутую руку извозчика несколько монет.

— Брат Норман. Господин Кикин. Какая приятная встреча, — сказал Даниель, бросаясь наперерез, пока они не вошли в лавку и окончательно не уронили его в Сатурновых глазах. — Я не знал, что на сегодня назначено заседание клуба, тем не менее приветствую вас в Клеркенуэлл-корте и буду рад приветствовать мистера Тредера, как только его разыщу.

— Мистер Тредер здесь? — изумился господин Кикин и принялся комично вертеть головой, оглядывая Коппис-роу. Телохранитель, занявший всегдашнее место за спиной хозяина, повторял его движения.

— Что ему тут надо? — вопросил мистер Орни.

Дверь пустующей лавки распахнулась, и вышел мистер Тредер, уже красный от выпитого

бренди.

— Я понятия не имею, что вам тут надо, — провозгласил он, — но, коли так вышло, объявляю открытым чрезвычайное заседание клуба по разысканию лица или лиц, повинных в изготовлении и установке адских машин, взорванных в Крейн-корте, на корабельной верфи мистера Орни и прочая.

— Первый пункт повестки дня: выбрать название покороче, — предложил мистер Орни.

— Первый пункт, как всегда, сбор взносов, если, конечно, вы ещё платёжеспособны, мистер Орни.

— Если верны новости из Вестминстера, то сомневаться следует не в моей платёжеспособности, *мистер Тредер*.

— О парламенте я и собирался говорить, вот почему в повестке дня будет *второй* пункт. Опоздавшим членам клуба придётся ждать своей очереди.

— Как можно опоздать на заседание, которое созвали после нашего приезда?!

— Джентльмены, — сказал Даниель, — боюсь, мы своими разговорами мешаем соседям в Хокли. Не соблаговолите ли войти?

ВОЗМОЖНО, ЗДЕСЬ СОБИРАЛИСЬ устроить

кофейню или трактир, но пока взглядам представало лишь пустое свежевыбеленное помещение. По углам извёстка ещё не высохла и сохраняла сероватый цвет; от неё шло ощутимое тепло и едкий, раздражающий запах. Тут клуб и устроил свой импровизированный парламент с перевёрнутыми вёдрами вместо стульев и бочкой вместо кафедры. Их принесли Сатурн и телохранитель Кикина, покуда мистер Тредер по сложившейся традиции принимал взносы, взвешивая, надкусывая, изучая под лупой и подвергая уничижительным комментариям каждую монету. Наконец, мистер Тредер вышел к бочке. Как он вскорости обнаружил, она была пустая и отзывалась на удар оглушительным грохотом, усиливавшим риторический эффект.

— Когда военный корабль подходит к городу и выпускает по нему бомбу из мортиры *(бум),* можно с уверенностью сказать две вещи: во-первых *(бум),* что противник готовил нападение много месяцев, во-вторых *(бум),* что за первым выстрелом скоро последуют другие *(бум-бум-бум).*

— Ещё бренди? — спросил мистер Орни.

Мистер Тредер сделал вид, будто не расслышал.

— Вчера, — продолжал он, — лидер оппози-

ции взорвал *(бум)* бомбу *(бум)* в палате лордов, потревожив мрачную торжественность и нарушив привычную дремоту этого досточтимого собрания!

— Я слышал, что, если бы существовал способ вложить средства в апоплексию, вчера в Вестминстерском дворце можно было б озолотиться, — вставил русский.

— Вы, сударь, иностранец, посему вашу весёлость, как и вашу особу, можно вытерпеть при всей их нежелательности. Мы, живущие здесь, смотрим на вещи *трезво.* — Мистер Тредер сурово глянул на мистера Орни, пресекая в зародыше всякую игру слов. — Возвращаясь к моему сравнению, уместно спросить: как долго маркиз Равенскар готовил обстрел? И когда *(бум)* ждать *(бум)* следующей бомбы *(бум)?*

— Она упадёт вам на голову, если не перестанете молотить по бочке, — буркнул мистер Орни.

— Я слышал, что вчера впрямь был весёлый денёк для Компании Южных морей и, без сомнения, для вашей конторы тоже, — сказал Даниель. — Я дивлюсь, что при таком спросе на ваши профессиональные услуги вы нашли время сюда приехать. Да, Роджер Комсток неприятно озадачил виконта Болингброка вопросами касательно доходов от

асиенто. Но какое отношение это имеет к нашему клубу?

— Последние две недели в мире денег творится нечто странное, — сообщил мистер Тредер.

— Спасибо, что поделились с нами своими наблюдениями, — сказал мистер Орни. — Каким боком они относятся к весьма разумному вопросу, заданному братом Даниелем?

— Люди копят гинеи, изымая их из оборота, и обменивают на французские и другие иностранные деньги. Всё это связано с неким негласным расследованием, которое, как говорят, ведёт виконт Болингброк.

— Предлагаю, — сказал Даниель, — лишить мистера Тредера слова и удалить от бочки, пока он не выразит готовность объяснить со всей прямотою, какого дьявола ему от нас надо; тем временем либо брат Норман, либо господин Кикин выйдут к бочке и объяснят, зачем здесь они.

Предложение было принято без голосования на основании единодушного шумного одобрения. Мистер Тредер повернулся ко всем спиной с мрачным недовольством, вызвавшим отдельные грубые смешки. Орни встал и заговорил; в чёрном нонконформистском платье, стоя у бочки на посыпанном соломой полу, он был ни дать ни

взять странствующий проповедник, собравший полный амбар сельских диссидентов.

— Хотя на пространстве от Ньюгейта до Тайберна вчера все только и говорили, что о Висельном дне, а в Вестминстере и Сити — о пропавших деньгах асиенто, величайшим событием для Ротерхита стало прибытие — я сильно преуменьшу, назвав его неожиданным, — русской военной галеры прямиком из Санкт-Петербурга. Судя по числу свободных мест на скамьях, она шла со скоростью, фатальной для части гребцов, а крупнокалиберные дыры в корпусе свидетельствуют по меньшей мере об одной стычке со шведами. Так или иначе, она добралась до Лондона и стоит в моём доке, ибо нуждается в починке. Не успела она пришвартоваться к пирсу, как по сходням в город устремились посланцы, одетые в мех.

— Крысы? — предположил мистер Тредер.

— Русские, — сказал Орни. — Хотя крысы, конечно, тоже. Один доставил послание мне, другой — господину Кикину.

— Без сомнения, царь испытывает недостаток в кораблях и хочет знать, когда будут закончены те, которые вы якобы строите, — сказал мистер Тредер.

— Я их строю, сэр, — отвечал мистер Орни, —

как бы ни противодействовали мне создатели адских машин.

— Примите моё восхищение, брат Норман, — вставил Даниель. — Вы первый сказали что-то, имеющее касательство к цели нашего клуба.

— И что вы ответите нетерпеливому царю? — безжалостно осведомился мистер Тредер.

— Работа движется, — сказал мистер Орни. — Хотя, должен признать, она продвигалась бы успешней, если бы мои страховщики возместили мне тот ущерб, от которого страховали.

— А-ха! — довольно воскликнул мистер Тредер.

— Почему контора по страхованию от огня не желает возмещать ущерб от пожара? — спросил Даниель.

— В полисе есть оговорка, что он не покрывает ущерб от пожара, возникшего в результате военных действий. Страховщики утверждают, что корабль подожгли шведы.

Мистер Тредер закрыл лицо руками и затрясся от сдерживаемого смеха. Он мог быть смертельным врагом мистера Орни практически во всём, но общая ненависть к страховщикам связывала их братскими узами.

— О да! В Лондоне шагу нельзя ступить, не на-

ткнувшись на толпу шведских поджигателей!

— Думаю, мы все вас поняли, брат Норман, — сказал Даниель. — Если клуб достигнет заявленной цели, вы получите страховку, закончите строительство кораблей и сможете избежать царского гнева. — Он повернулся к русскому: — Господин Кикин, вправе ли вы изложить содержание полученного вами письма?

— Его императорское величество упомянул мистера Орни, — начал Кикин. — Подробности излагать ни к чему, скажу лишь, что царь согласен со страховщиками насчёт шведских поджигателей. — Пауза, чтобы прочистить горло и поглядеть на свои ногти, пережидая новый взрыв смеха из-за ладоней мистера Тредера. — Далее его императорское величество написал, вернее, продиктовал писарю нечто исключительно странное касательно золотых пластин, которые он срочно желает получить, невзирая на то, что они в определённом смысле испорчены. Предоставить их должен некий доктор Даниель Уотерхауз, чьё имя, признаюсь, я менее всего ожидал увидеть в официальном послании от государя всея Руси.

— История долгая, — сказал Даниель, нарушив затянувшееся молчание, поскольку от слов господина Кикина онемел даже мистер Тредер.

— У царя хорошая память. И длинные руки, — напомнил Кикин.

— Ладно. Речь вот о чём. — Даниель отпер сундучок, с которым не расставался ни на минуту. Теперь здесь вместо оставленных в Брайдуэлле заготовок лежали карты, набитые Ханной Спейтс. Он показал одну из них гостям, поднеся её к окну, чтобы свет бил в отверстия. — Как вы видите, «испорчены» — ошибка перевода или пересказа. Царь хотел сказать, что в них пробиты дырочки.

— Это далеко не первое странное требование его величества на моей памяти, — заметил Кикин. Он и впрямь воспринял увиденное куда спокойнее Тредера и Орни — их изумление граничило с испугом.

Даниель продолжил:

— К тому времени, как брат Норман закончит чинить галеру… Кстати, когда это будет?

— Через неделю, — ответил Орни. — С Божьей помощью.

— За неделю я испорчу ещё некоторое количество карт, и они будут готовы к отправке в Санкт-Петербург. Если царю понравится результат, проект можно будет продолжить. Однако это не имеет никакого отношения к нашему клубу.

И он убрал карту в сундучок.

— Если мы больше не обсуждаем обязательства брата Даниеля перед Московией, — сказал мистер Орни, — может быть, мистер Тредер соблаговолит объяснить своё присутствие.

— У меня к клубу деловое предложение. — Мистер Тредер наконец-то взял себя в руки и теперь говорил в своей обычной чопорной манере, задумчиво глядя в окно, чтобы не видеть, как остальные члены клуба возводят очи гор*е* и посматривают на часы. После эффектной паузы он полуобернулся и по очереди заглянул каждому в глаза. — Доктор Уотерхауз высказал гипотезу, что в Крейн-корте хотели взорвать не нас с ним, а сэра Исаака Ньютона, который имеет обыкновение проводить там воскресные вечера. На прошлом заседании её должным образом высмеяли, и я первый каюсь в своём скептицизме. Однако за последнее время всё переменилось. В клубах и кофейнях у всех на устах одно имя: Джек-Монетчик. О ком говорят в Вестминстере, в палате лордов, в Звёздной палате? О герцоге Мальборо? Нет. О принце Евгении? Нет. О Джеке-Монетчике. В Тауэре утверждают, будто Джек-Монетчик заходит на Монетный двор, как к себе домой. Почему виконт Болингброк сомневается в надёжности гинеи? Он боится, что её дискредитировал Джек-Монет-

чик. Почему у сэра Исаака Ньютона нервный срыв? Из-за Джека-Монетчика. И я обращаюсь к соклубникам: допустим, мы на время примем невероятную гипотезу доктора Уотерхауза касательно целей первого взрыва. Кому выгодно уничтожить человека, чья обязанность — ловить и отправлять на Тайберн монетчиков? Конечно, монетчику! А у кого из них достанет ума и средств изготовить и подложить адскую машину?

Кикин и Орни молчали, не желая отвечать на риторический вопрос.

— У Джека-Монетчика, — послушно отвечал Даниель. В конце концов, это была его гипотеза.

— У Джека-Монетчика. И теперь я перехожу к своему деловому предложению. У нас есть блестящий шанс…

— Быть зарезанными в подворотне? — спросил мистер Орни.

— Нет! Послужить великим людям — таким, как статс-секретарь её британского величества виконт Болингброк, мистер Чарльз Уайт и сэр Исаак Ньютон!

— Кому-то такой шанс и впрямь покажется заманчивым, — сказал Кикин, — но я и так служу величайшему человеку в мире, а посему не имею времени на других. Впрочем, всё равно спасибо.

— Что до меня, — подхватил Орни, — я вспомнил о нашем Спасителе, который служил бедным, своими руками умывая им ноги. Следуя Его примеру, сколь возможно сие грешнику, я не вижу цели более высокой, нежели служить моим собратьям, соли земли. Виконт Болингброк в силах сам о себе позаботиться.

— Я надеялся, — вздохнул мистер Тредер, — разжечь в членах клуба энтузиазм.

Даниель ответил:

— У господина Кикина и мистера Орни, как они только что объяснили, есть свои причины добиваться скорейшего достижения цели, которую преследует наш клуб. Давайте и впредь руководствоваться собственными мотивами. Если вы видите тут шанс угодить кому-то ещё, мне до этого нет никакого дела.

— Я навёл справки касательно негодяя Джека, — сказал мистер Тредер. — По слухам, его иногда видят неподалёку от складов мистера Нокмилдауна.

Орни фыркнул.

— С тем же успехом вы могли бы сообщить, что его видели в Англии! Потайные ходы Ист-Лондонской компании тянутся через полгорода!

— Кто этот человек? Что за компания? — осве-

домился господин Кикин.

— Мистер Нокмилдаун — самый знаменитый в Лондоне скупщик краденого.

— Честь немалая, — заметил господин Кикин, — поскольку барыг здесь столько же, сколько констеблей.

— Их тысячи, — подтвердил Даниель, — но выдающихся всего несколько десятков.

Мистер Орни вставил своё слово:

— И только один располагает таким капиталом, чтобы приобретать товар крупными партиями — всё содержимое трюмов пиратского корабля или целый корабль. Мистер Нокмилдаун.

— И такой человек владеет компанией?!

— Разумеется, нет, — отвечал Орни. — Однако его организация расползлась из Ротерхита, где, с прискорбием вынужден сообщить, он начинал, и теперь охватывает значительную часть Саутуарка и Бермондси. Кто-то в шутку окрестил её Ирландской Ист-Лондонской компанией по аналогии с Британской Ост-Индской, и название прижилось.

— Итак, мистер Тредер расширил область наших поисков до южного берега Темзы, — сказал Даниель. — Тем временем наш отсутствующий сочлен, мистер Анри Арланк, по его словам,

продолжает расследование среди золотарей Флитской канавы, пока безрезультатно. Удалось ли найти поимщика?

— Я потратил на его поиски, вернее сказать, убил изрядное время, — изрёк господин Кикин. — Я объявил награду и удостоился визита нескольких представителей интересующей нас профессии. Однако, услышав, в чем состоит дело, они сразу теряли интерес.

— Что вполне объяснимо, если верна гипотеза брата Даниеля и мистера Тредера, — сказал мистер Орни. — Поимщики, как я понимаю, промышляют мелкой дичью. Никто из них не замахнётся на Джека-Монетчика.

— Тогда, возможно, надо не объявлять награду, а найти одного решительного поимщика и вести переговоры непосредственно с ним, — предложил мистер Тредер.

— Благодарю вас обоих за то, что вы поделились со мною своим мнением, — сказал господин Кикин. — Однако я его предвосхитил и ценою определённых усилий вышел на мистера Шона Партри.

— Кто это? — спросил Орни.

— Самый прославленный из ныне живущих поимщиков, — отвечал Кикин.

— Никогда о таком не слышал, — объявил мистер Тредер.

— Это потому, что вы делец и далеки от преступного мира. Уверяю вас, в воровском подполье он пользуется большой известностью. Те поимщики, что пришли ко мне после объявления награды, отзывались о нём с большим пиететом.

— Допустим, он и впрямь так велик, как о нём говорят. Сможет ли он тягаться с Джеком-Монетчиком? — спросил Даниель.

— А главное, захочет ли? — вставил мистер Тредер.

— Захочет, — объявил господин Кикин. — Он сказал, что один из членов Джековой шайки убил его младшего брата. А вот сможет ли — предстоит выяснить, прежде чем мы заплатим ему очень много денег.

— Хорошо. При условии, что нам объяснят, сколько это «очень много», я готов к дальнейшим контактам с мистером Шоном Партри, — сказал мистер Тредер.

Остальные сдержанными кивками показали, что не возражают.

— Мы ещё не слышали вас, брат Даниель, — заметил мистер Орни. — Продолжается ли ваше расследование? Как оно идёт?

— Превосходно, — отвечал Даниель, — но стратегия, которая может принести нам успех, требует терпения. И всё же наметились первые результаты: за прошлый месяц и в доме маркиза Равенскара, и в здании Королевской коллегии врачей произошли кражи со взломом. Я чрезвычайно доволен.

Трое его собеседников обменялись взглядами, но ни один не отважился спросить, что сие означает. На Даниеля теперь смотрели как на загадочного субъекта, который разгуливает по Лондону с продырявленными золотыми пластинами, зачем-то очень нужными русскому царю. Благоразумие советовало господам Кикину, Тредеру и Орни не заглядывать в тот ящик Пандоры, которым представлялась жизнь доктора Уотерхауза.

Вестминстерский дворец

25 июня 1714
Вестминстерский дворец

ПАЛАТУ УВЕДОМИЛИ, что секретарь Компании *Южных морей* явился.

Будучи вызван, он представил палате книгу, содержащую протоколы заседаний совета ди-

ректоров Компании *Южных морей* касательно *асиенто*, вкупе со всеми распоряжениями, указаниями, письмами и донесениями, полученными директорами либо советами директоров в отношении оного.

Затем он удалился.

Было зачитано заглавие книги.

Постановили: упомянутую книгу предоставить членам палаты для ознакомления.

Протоколы палаты общин, Veneris, 25° die Junii; Anno 13° Annae Reginae [16]*, 1714.*

От Даниеля Уотерхауза
Королевское общество
Крейн-корт
Лондон
Мистеру Еноху Рооту
Таверна «Терновый куст»
Бостон
25 июня 1714
Мистер Роот!

Простите, что пользуюсь варварским приспособлением, карандашом. Ибо я пишу эти строки за чашкой кофе в кофейне Уагхорна, которая, как Вам, возможно, известно, примыкает к кулуарам

[16] Примечания: 16
25 июня, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

палаты лордов.

Из сказанного Вы можете заключить, что меня со всех сторон теснят представители племени двуногих паразитов, называемые лоббистами. Возможно, Вы даже тянете себя за рыжую бороду, гадая, не подался ли в лоббисты я сам. То, что я пишу письмо, а не одолеваю хорошо одетых джентльменов притворно-заинтересованными вопросами о здоровье их детей, должно рассеять Вашу тревогу. Меня привела в Вестминстер необходимость выступить в комитете по долготе, а задержала здесь надежда (как оказалось, тщетная) дождаться, когда палата лордов завершит прения, и перекинуться словцом с одним из её членов. Так что, может быть, я всё-таки лоббист.

Я пишу Вам, потому что хочу обратиться к сыну. Может показаться, что это слишком окольный путь. И впрямь, я часто посылаю ему поздравления с днём рождения и краткие отеческие проповеди в письмах к моей дорогой супруге. Несколько месяцев спустя приходят листки, исписанные крупным корявым почерком и едва читаемые из-за клякс, — свидетельство, что Благодать передаёт мальчику мои послания. Почему же, в таком случае, я адресую письмо не ей, а мистеру Еноху Рооту в таверну «Терновый куст»?

Потому что мысли, которые я хочу внушить сыну, нелегко облечь во фразы, понятные мальчику его лет.

Все, изучавшие биографию человека, в честь которого получил имя мой сын, то есть Готфрида Вильгельма фон Лейбница, знают, что ребёнком он некоторое время не имел доступа в библиотеку своего отца. Некий лейпцигский дворянин, узнав о столь вопиющей несправедливости, вступился за мальчика и уговорил мать открыть маленькому Готфриду двери библиотеки. Менее известно, что этим загадочным дворянином был Эгон фон Хакльгебер — современник могущественного и жестокого Лотара фон Хакльгебера, сделавшего Дом Хакльгеберов таким, каков он теперь. Не вдаваясь в описание Лотарова малоизвестного «сводного брата» Эгона, скажу лишь, что он очень походил на Вас, Енох. Эгон исчез вскоре после окончания Тридцатилетней войны; считается, что его убили разбойники.

Сейчас в Бостоне живёт мальчик Годфри Вильям, которого вскоре может постигнуть та же участь, что Готфрида Вильгельма шестьдесят лет назад, а именно: его отец умрёт, а мальчик останется на попечении матери, любящей, но чрезмерно склонной прислушиваться к советам

учителей, соседей, пасторов и прочая. Я немало прожил среди пуритан вообще и бостонских пуритан в частности, поэтому знаю, что они скажут: «Запри библиотеку». Или, поскольку библиотеку я оставил весьма скудную: «Внушай мальчику, что его отец был безобидный чудак (вроде нашей соседки Матушки Гусыни), который по собственной глупости уплыл за океан, где его постиг предсказуемый, а посему вполне заслуженный конец. Конец, которого маленький Годфри сможет избежать, если будет сторониться отцовских фанаберий». Иными словами, Благодать даст мальчику всю нужную ему пищу при условии, что в ней не будет философского душка.

Я поручаю Вам, Енох, спасти мальчика. Да, я сознаю, что возложил на Вас тяжёлое бремя. Однако здесь грядут важные события. Чтобы помочь Вам в Вашей трудной роли, я буду время от времени присылать письма, подобные теперешнему, чтобы Вы за несколько минут прочли то, что я сделал за несколько недель. Если показать их Годфри, когда он подрастёт, они, возможно, развеют заблуждения касательно здравости моих намерений и ума, внушённые мальчику его собратьями-колонистами. Не исключено, что в ближайшие месяцы мне некогда будет писать —

даже как сейчас, карандашом, в спешке. Весьма велик шанс, что за это время я встречусь с отравленным кинжалом, дубинкой грабителя, шпагой придворного или верёвкой Джека Кетча. Я даже могу (как ни маловероятным это представляется) умереть своей смертью.

Меня только что на несколько минут отвлёк один знакомец, мистер Тредер. Он мечется по кофейне Уагхорна, как ласточка, у которой ветром сдуло гнездо. Б**о**льшая часть его энергии направлена на палату лордов, где сейчас обсуждают пропавшие деньги асиенто (если Вы ещё не слышали об этом скандале, загляните в любую газету, доставленную тем же кораблём, что и моё письмо). Однако он улучил несколько минут, чтобы с притворным участием осведомиться о здоровье сэра Исаака. Прошло две недели с тех пор, как сэра Исаака, прибывшего в палату общин для разговора о долготе, хитростью заманили в Звёздную палату на обсуждение вопросов, связанных с Монетным двором, и довели до нервного срыва. Ходят самые разные толки о природе и тяжести его болезни; мистер Тредер только изложил мне их все, пристально изучая моё лицо. Уж не знаю, что он там прочёл, а на словах я посоветовал ему не верить ни одной сплетне. На самом деле

Ньютон уже у себя дома на Сент-Мартин-стрит и быстро идёт на поправку. Сегодня я выступал в комитете о долготе от его имени не потому, что сэр Исаак настолько болен, а потому, что он наотрез отказывается ехать в парламент — гнездилище скорпионов, аспидов, иезуитов и прочая, и прочая. Если Ньютон вновь вступит под эти своды (а такое случится, только если его вынудят, например, если будет объявлено испытание ковчега), он уже не явится наивным и безоружным, как две недели назад. Нет, он придёт в полном облачении гренадера, то есть обвешанный гранатами, как яблоня — яблоками.

Вы будете потрясены, узнав, что здесь, в кофейне Уагхорна, спорят на деньги. Лоббисты уже долоббировали друг друга до полного изнеможения, а лорды бессовестно продолжают дискутировать за закрытыми дверями, так что лоббистам остаётся лишь предаваться порокам, чтобы хоть как-то скоротать время. Выпив весь алкоголь и выкурив весь воздух в кофейне, они теперь заключают пари. Деньги, принесённые сюда с честным намерением подкупить законодателей, идут, страшно сказать, на ставки.

Когда я начинал письмо, они спорили, добьётся ли виконт Болингброк своей главной цели,

то есть убедит ли он Тайный совет назначить испытание ковчега. Однако клочки бумаги и обрывки слухов, проникающие из палаты лордов, наводят на мысль, что дела Болингброка плохи. Под вопросом само его существование; великолепный гамбит с ковчегом пришлось отодвинуть в сторону и сосредоточить все усилия на том, чтобы отразить обвинения, связанные с асиенто. Те, кто час назад ставил на испытание ковчега, уже простились со своими деньгами и теперь в надежде вернуть потерянное бьются об заклад, что её британское величество назначит перерыв в работе парламента, дабы спасти статс-секретаря от отставки, а Компанию Южных морей — от неизбежного краха.

Двери палаты лордов отворились. Я прерываюсь и закончу, когда смогу. Деньги переходят из рук в руки. Ко мне направляется Лоствител.

Пишу на колене, сидя на набережной Темзы и свесив ноги над водой. Я примерно девяносто девятый в очереди из ста человек, ждущих лодку у Вестминстерской пристани. Остальные девяносто девять осуждают меня за мальчишество, но как старший в очереди я пользуюсь некоторыми привилегиями — например, могу сидеть.

Я так далеко от её начала, потому что задер-

жался в кофейне Уагхорна побеседовать с графом Лоствителским и мистером Тредером, который прилип к нам как пиявка и не желал отставать. Он не единожды отметил, что, втёршись в нашу компанию, возобновляет связь, возникшую в январе в Девоне. И впрямь, там я впервые обратил на себя внимание мистера Тредера, поддержав созданное Лоствителом товарищество совладельцев машины для подъёма воды посредством огня и тем причинив определённый ущерб мистеру Тредеру, поскольку (удивительное дело!) некоторые его клиенты поддались на мои уговоры и вложили деньги в упомянутый проект. То было лишь первое расстройство, внесённое мною в доселе упорядоченную жизнь мистера Тредера. Затем последовали взрывы, споры о политике, письма от русского царя и прочие забавности, сделавшие меня неотъемлемой и пугающей частью его существования.

С Серебряными Комстоками у меня давняя и крайне неоднозначная связь, однако нынешнее поколение сочло возможным назначить меня другом семьи. Посему впредь я буду именовать графа Лоствителского Уиллом Комстоком. Он подтвердил то, что уже было ясно по заключаемым пари: у Болингброка и тори сегодня дурной день.

Маркиз Равенскар исхитрился (путём интриг и махинаций столь сложных, что мой усталый ум отказывается их вспомнить, а старческая рука — воспроизвести на бумаге) буквально вызвать секретаря Компании Южных морей на ковёр. Секретарь явился в палату общин несколько часов назад и привёз книгу — собрание всех документов касательно асиенто. Для тори она — зажжённая граната, для вигов — золотое яблоко. Весь день книга кочевала из палаты в палату — обе партии изо всех сил пытаются отправить её туда, где она причинит наименьший либо наибольший вред. Государственные мужи зачитывают её вслух. Ничто в ней не объясняет, куда исчезли деньги от работорговли. Это возлагает бремя ответственности на Болингброка, в чью честность изначально не верил никто, включая его сторонников.

Заметьте, что вчера палата общин объявила награду в сто тысяч фунтов тому, кто выдаст властям Претендента, буде тот отважится ступить на английскую почву. Таким образом, Фортуна, благоволившая к Болингброку две недели назад, сейчас от него отвернулась.

Таковы новости. Признаюсь, я не очень внимательно слушал юного Уилла, так занятно было наблюдать за физиономией мистера Тредера.

Обычно она не выражает ничего, но сегодня стала ареной противоборствующих страстей, какие не изобразил бы даже ван Дейк. Мистер Тредер — тори, и ему больно видеть поражение своей партии; как денежный поверенный, он в ужасе, что грязное бельё Компании Южных морей перетрясают на людях. И всё же, когда Уилл сказал, что испытание ковчега откладывается на неопределённый срок, мистер Тредер просиял, как если бы камень свалился с его души. В последние две недели он одолевал меня неурочными визитами и торопливыми записками, пытаясь выяснить, как продвигается расследование виконта Болингброка касательно Монетного двора. Статс-секретарь её британского величества хочет, как всем известно, дискредитировать вигов, однако мистер Тредер непонятным образом встревожен его действиями. Когда Уилл поведал, что в ближайшие два месяца ковчегу ничего не грозит, лицо мистера Тредера озарилось, как вырезанная тыква, когда в неё поставят свечу. Он немедля откланялся и поспешил в Сити.

Мы с Уиллом оба это заметили. Однако Уилл воспитан лучше меня и не судачит о людях у них за спиной. Он сменил тему, вернее, ловко перевёл её в другую плоскость, бросив: «Мистер Тредер

и думать забыл бы о состоянии рынка, если бы герцогиня Йглмская добралась до его горла». Я спросил, с какой стати Элизе душить престарелого денежного поверенного. Уилл ответил, что они с Элизой недавно встречались по поводу Тов. совл. маш. для под. вод. поср. огн., и он вскользь упомянул, что машина может стать заменой рабскому труду, чем спровоцировал герцогиню на гневную речь о гнусности рабства, Компании Юж. м. и тех, кто, подобно мистеру Тредеру, вкладывает в неё средства. Я старался в разговорах с Элизой не упирать на эту сторону дела, дабы она не сочла, что я играю на её общеизвестной ненависти к работорговле. Однако со слов Уилла понятно, что тема не оставила герцогиню равнодушной. Глядя на последние злоключения Комп. Юж. м., она должна была увериться, что её вложения в Т.С.М.П.В.П.О. разумны и служат благому делу. Уилл ничего на сей счёт не сказал, хотя подмигнул, давая понять, что вложения имели место, после чего вновь сменил тему и вежливо полюбопытствовал, как продвигается логическая машина. Я сообщил, что, как печатник отправляет заказчику пробные экземпляры отпечатанной книги, так и мы готовы отправить образцы золотых карточек нашему инвестору

на Востоке, после чего, не преминул ввернуть, что нам не помешали бы финансовые вливания. Уилл, словно того и ждал, ответил, что, возможно, сумеет меня порадовать. Он вручил мне письмо от Элизы, допил кофе и учтиво откланялся.

Глядя вниз по течению, я вижу флотилию лодок, привлечённых длинной очередью нетерпеливо переминающихся господ. Посему закончу кратко. Я распечатал Элизино письмо. Из него выпала записка, в которой Элиза сдержанно отзывается об Уилле как о «хорошем тори» и сообщает, что они пришли к соглашению. Это само по себе было бы приятным известием, но ещё лучше оказался второй документ: расписка золотых дел мастера, выданная домом Хакльгеберов на имя вашего покорного. Денег хватит, чтобы поддерживать работу Клеркенуэлл-корта в течение недели, и я льщусь надеждой, что, когда они кончатся, за первым вливанием последуют другие. До исхода двух недель мы сможем установить в Брайдуэлле три органа для набивки карт; Ханна Спейтс уже учит товарок, как на них работать.

Очередь ожила, как согревшаяся на солнце змея, и скоро я смогу сесть в лодку; меня ждёт дело совершенно иного свойства.

Вновь кофейня — на этот раз в Уорик-корте, за

Олд-Бейли, рядом с Коллегией врачей. Публика — наполовину судейские, наполовину — эскулапы; не могу сказать, кто из них мне сильнее неприятен. Впрочем, нуждайся я в юридической или медицинской помощи, я запел бы по-иному.

Оказавшись в начале очереди, на которую жаловался выше, я взял лодку до пристани Блекфрайарз и оттуда до Олд-Бейли. Там как раз закончилось заседание Сессионного суда, поэтому было ещё более людно, чем в парламенте. Я отыскал взглядом человека, который на две головы возвышался над толпой, и, пробившись ближе, как всегда, обнаружил господина Кикина где-то на уровне его живота. Русский взглядом дал понять, что я опоздал. Мы обменялись приветствиями, и он зашагал во двор, где осуждённые, их друзья и недруги стояли под открытым небом, беззащитные перед дождём и законом. Таким образом, Кикин двигался в противоток толпе, вышедшей с заседания, раздвигая её своим телохранителем, как тараном. Помедли он хоть немного, я бы посоветовал выждать, пока народ рассеется, а воздух станет чище. В толпе перед Олд-Бейли легко подцепить тюремную лихорадку, которая передаётся от арестантов, отделённых лишь деревянной загородкой, зрителям, а от

тех — остальным лондонцам. Я опоздал и потому оказался перед выбором: идти за Кикиным, несмотря на риск подхватить заразу, или остаться одному среди людей, не менее опасных, чем те осуждённые, которых приставы гнали назад в тюрьму. Я выбрал первое и с трудом пробился через толчею во двор.

Там давка была поменьше, и я вздохнул свободнее. Последние недели стояла сушь, так что во дворе было не столько грязно, сколько пыльно. Жаровни, на которых нагревали клейма, ещё не остыли; мне хотелось верить, что едкий угольный дым прогоняет ядовитые миазмы, вызывающие тюремную лихорадку. Я встал рядом, читая раскалённые докрасна буквы: V — вагабонд, T — тать, и поглядывая, куда направится господин Кикин. Зрители, как я уже упомянул, по большей части разошлись, только у деревянной загородки, отделяющей преступников, ещё толпились родители, дети, друзья, мужья и жены осуждённых. Они совали в скованные, шершавые руки кошельки, хлеб, яблоки и тому подобное. Приставы, гнавшие преступников к воротам Януса, не мешали тем брать дары, зная, что содержимое тощих кошельков скоро перекочует в их собственные карманы. Материальными приношениями дело

не ограничивалось: не меньше было поцелуев, рукопожатий, слёз и обещаний любви до гроба, особенно в случае тех, кто получил билет на Тайберн. Я не стану подробнее описывать увиденное и услышанное под предлогом несущественности для моего рассказа; на самом деле словами этого не передать.

В юго-восточном углу двора, у ворот Януса, стояли люди, которые не плакали и не совали преступникам кошельков. Издали их легко было принять за зевак. Однако, подойдя (вслед за господином Кикиным) ближе, я приметил их лица: напряжённые, как у кота, который вот-вот прыгнет на зазевавшуюся пташку. Они не просто глазели, они трудились так же сосредоточенно, как покойный мистер Гук, когда тот изучал под микроскопом анималькулей. Некоторые преступники входили в ворота, не видя и не слыша ничего вокруг; их люди у входа старались разглядеть и запомнить. Другие, лучше знакомые с обычаями воровского подполья, узнав поимщиков, закрывали лица рукавом или даже входили в ворота, пятясь задом наперёд. Некоторые поимщики не чурались детского, но вполне действенного трюка — выкрикивали: «Джек! Боб! Том!» Кто-нибудь из преступников непременно

оглядывался, давая возможность запомнить его бородавки, шрамы, отсутствующие зубы и тому подобное.

Поимщиков не занимали лишь те преступники, которых осудили на казнь. Остальные имеют шанс выйти из Ньюгейта живыми и вернуться к прежнему ремеслу. Запомнив такого человека в лицо, поимщик может вновь его задержать и выдать правосудию. Не важно, совершил ли тот новое преступление: судьям нужны обвиняемые, поимщику — деньги.

Шон Партри выделялся среди поимщиков возрастом (я предположил бы, что ему за пятьдесят) и, хочется сказать, достоинством. У него густые волосы, лишь слегка поредевшие на макушке, светлые с сединой, и зелёные глаза. Зубы хорошей работы, но он их обычно не показывает. Фигура ладная — редкость среди людей, которые по роду занятий большую часть времени просиживают в кабаках. Однако иллюзия, будто мистер Партри в хорошей физической форме, рассеивается, стоит ему сделать шаг: он немного хромоват, немного колченог, суставы плохо гнутся, да к тому, судя по частым охам и гримасам, ещё и болят.

Партри не смотрел нам в глаза и вообще не подавал виду, что нас заметил, пока последний

из осуждённых не вошёл в ворота. После этого он довольно бесцеремонно принялся допрашивать нас, кто мы такие, по чьему поручению действуем и почему хотим столько всего узнать про Джека-Монетчика. Поначалу Партри держался равнодушно, почти враждебно, и лишь когда мы начали отвечать по существу, сменил гнев на милость и даже разрешил господину Кикину угостить его выпивкой в кабаке. Он неплохо осведомлён в политике и выказал интерес к моему участию в сегодняшних парламентских событиях.

Я рассказал о взрыве в Крейн-корте и перечислил тех, кто мог быть намеченной жертвой: мистер Тредер, сэр Исаак, Анри Арланк и ваш покорный. Партри сказал по нескольку слов о каждом, верно угадав, что Арланк — гугенотская фамилия. Особенно заинтересовал его Ньютон, что, впрочем, вполне объяснимо: сэр Исаак в борьбе с монетчиками нередко прибегает к услугам поимщиков; возможно, самому Партри когда-нибудь перепало от него наградных денег. Куда меньше любопытства вызвал у нашего нового знакомца рассказ Кикина о поджоге русского корабля в Ротерхите. Партри считает, что за эту работу Джеку заплатили шведы или другие

иностранные агенты, поэтому история мало что проясняет в Джековых мотивах. То, что он вообще потрудился вникнуть в услышанное и быстро сделал вывод, произвело на меня благоприятное впечатление. На Кикина, судя по всему, тоже. Мы спросили Партри, сможет ли он быть нам полезен, и услышали в ответ, что да, вероятно, хотя не слишком скоро. «У меня свои методы», — добавил он, объясняя, почему сумеет что-либо сообщить только ближе к пятнице, тридцатого июля. Кикин впал в отчаяние. Партри напомнил, что переговоры о вознаграждении, вероятно, займут не меньше времени, после чего ушёл.

Дальше в нашей беседе наступил небольшой перерыв, потому что Кикин не любит надолго задерживаться в одном месте. Мы расплатились и двумя кварталами дальше отыскали кофейню, где я сейчас и пишу это письмо. Кикин недоумевал, как Партри перешёл от расплывчатого «не слишком скоро» к конкретной дате тридцатое июля. Я спросил озадаченного русского, не припомнит ли тот, какое событие имеет быть в тот день.

Наконец Кикин вытащил тетрадку, в которой записывает намеченные встречи, и, долистав до тридцатого июля, увидел чистую страницу с

единственной записью: «Висельный день». То есть он, зная, что улицы будут запружены, не назначил на тридцатое число деловых свиданий.

— Несколько человек осудили за изготовление фальшивых денег, — объяснил я. — Тридцатого на Тайберне их повесят не до полного удушения, выпотрошат и четвертуют. Возможно, монетчики что-нибудь знают о Джеке, но боятся его, поэтому сейчас ничего не скажут. Однако ближе к тридцатому страх перед Джеком Кетчем пересилит страх перед Джеком Шафто. В эти-то дни человек вроде Шона Партри может склонить их к откровенности обещанием некоторых послаблений.

— Партри в силах выхлопотать помилование? — изумлённо воскликнул Кикин, готовый возмутиться несовершенством нашей юридической системы.

— Нет. Но если мы дадим Партри денег, он может заплатить Джеку Кетчу, и тот постарается, чтобы осуждённый умер быстро и уже не чувствовал, как его потрошат.

— Чудн***а***я страна, — заметил Кикин. Мне нечего было возразить.

Кикин в ужасе, что ответы будут так нескоро. Думаю, он мысленно прикидывает, за какой срок галера, стоящая сейчас в доке мистера Орни,

успеет сделать рейс в Санкт-Петербург и привезти оттуда русского графа с поручением отрешить Кикина от должности и доставить на родину в кандалах.

Я сказал, что у меня готовы золотые карты для отправки с галерой. Кикин заметно повеселел и объявил, что немедля отправится за ними. Он ушёл, а я жду доверенного человека, который отнесёт Элизину расписку золотых дел мастера моему банкиру Уильяму Хаму в Сити. Так я и сижу, чужак в *чудн**о**й стране,* и гадаю, как я сюда попал и к чему мне готовиться.

Ваш преданный и покорный слуга
Даниель

Вестминстерский дворец

9 июля 1714

Мистер Холфорд и мистер Лавибонд по поручению палаты лордов, обратились к присутствующим со следующими словами:

Господин спикер!

Лорды поручили нам уведомить палату, что сегодня они рассматривают вопросы, связанные с Компанией Южных морей и весьма важные для национальной торговли, посему просят доз-

волить членам палаты, входящим в комитет по вышеозначенной компании, а также Уильяму Лаундзу, эсквайру, покинуть заседание и явиться в палату лордов.

Закончив, посланные удалились.

Постановили: Палата дозволяет указанным членам покинуть заседание и направиться в палату лордов, буде те сочтут нужным.

Затем посланных призвали вновь, и господин спикер ознакомил их с вышеприведённым решением.

Jovis, 8 ° die Julii; *Anno 13° Annae Reginae* [17], *1714*

Постановили: уведомить лордов, дабы те поручили освободить от людей Расписную палату, галереи и кулуары палаты пэров на время прохождения членов данной палаты для встречи с Её Величеством согласно воле Её Величества.

Постановили: мистеру Кэмпиону доставить настоящее уведомление.

Постановили: парламентскому приставу освободить от людей указанные помещения для облегчения прохода в палату пэров.

---

[17] Примечания: 17

8 июля, четверг, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

Послание Её Величества, доставленное сэром Уильямом Оулдзом, герольдмейстером палаты пэров:

Господин спикер!

Королева повелевает досточтимой палате явиться для встречи Её Величества в палату пэров, незамедлительно.

Соответственно господин спикер, вместе со всей палатой, направился на встречу с Её Величеством в палату пэров, где Её Величество изволили дать своё монаршее одобрение ряду публичных и частных биллей.

Засим Её Величество изволили обратиться с милостивейшей речью к обеим палатам парламента.

Далее верховный канцлер Великобритании по указанию Её Величества сообщил следующее:

Её Величество повелевает и приказывает отложить заседания парламента до вторника августа 10-го дня сего года; соответственно заседания парламента отложены до вторника августа 10-го дня сего года.

Veneris, 9° die Julii; *Anno 13° Annae Reginae* [18], *1714*

---

[18] Примечания: 18

9 июля, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

ДВОЕ НА УДИВЛЕНИЕ мускулистых помощников маркиза Равенскара подхватили Даниеля в Крейн-корте и затолкали в портшез так поспешно, что он толком не понял, *пригласили* его или *похитили*. В ящике, словно сушёный экспонат — диковинный реликт кромвелевской эпохи, — его доставили в Старый двор Вестминстера и сгрузили перед кофейней Уагхорна. Человек с острым слухом, окажись он рядом, уловил бы в бормотании доктора Уотерхауза гнусные наветы и брань в адрес маркиза. Даниель отлично чувствовал себя в Крейн-корте с чайником, пирогом (который миссис Арланк недавно вынула из печи) и стопкой ужасных газет. В Вестминстере царили грязь, теснота, запальчивость — не бесшабашный раж, как в Хокли накануне Висельного дня, а мелочное раздражение, свойственное людям, которыми движут те же низкие страсти, только тщательно скрываемые. Все торопились, кроме Даниеля. Большинство спешило попасть внутрь. Незначительное, но досадное меньшинство спешило из палаты общин в палату лордов через двор, минуя галереи внутри здания, где, очевидно, образовался затор. Наблюдались отдельные вспышки вежливости. Увидев в третий раз, как заштатный лоббист театрально хватается за шпагу, Даниель

рассудил, что оставаться здесь не только противно, но и опасно. Он повернулся и зашагал прочь, предвкушая, что через четверть часа будет сидеть в клубе «Кит-Кэт», когда его приятные мечтания рассеял возглас: «Доктор Уотерхауз! Я уже боялся, что не найду вас! Идёмте со мной, мы заняли вам местечко в кофейне Уагхорна!»

Даниель узнал голос. Имя он запамятовал, но не огорчился, потому что хорошо помнил причёску. Увы, вместо ожидаемого молодого человека с индейским гребнем ему предстало море одинаковых париков. Впрочем, один из их обладателей смотрел прямо на Даниеля. Если мысленно снять парик и добавить причёску могавка, получился бы юный кутила из числа тех, что вечно бегали по поручениям Роджера. Сегодняшнее поручение: спасти слабоумного учёного и под локотки доставить его в Вестминстерский дворец.

В кофейне Уагхорна Даниель взял чашку кофе и газету, отчасти чтобы читать, отчасти чтобы отгородиться от разговора; его грызло подозрение, что могавку поручено ещё и развлекать гостя беседой. Парламентский гомон накатывал с грохотом, как прибой. Говорили о чём угодно, кроме того, что происходит на самом деле: в основном о законопроектах, которые рассматривали в

прошлые несколько недель. Чаще других упоминались билли «О мерах по преодолению раскола в церкви» (любимое детище Болингброка), «Об определении долготы» (Роджера), «О пресечении деятельности неангликанских религиозных объединений», нестареющая тема шерстяной мануфактуры, бесконечные поправки, многочисленные разводы, спорные имения, дела о несостоятельности, а также то, что стали называть «Пять С»: Сбор ополчения, Снижение процентов, Содержание шотландских епископов, Сдерживание папизма и (несколько притянуто) законы, Связанные с бродяжничеством. Всё это было либо пустое сотрясение воздуха, либо шифр, в котором каждый законопроект служил завуалированным намёком на лицо, его предложившее.

Он понял, что больше не в силах выносить дым и крики, примерно тогда же, когда его мочевой пузырь (не отличавшийся крепостью) начал жаловаться на выпитый кофе. Даниель бросил газету, увидел, что могавк куда-то исчез (возможно, его позвали в набег на верховья Гудзона), встал и пошёл искать место, где можно помочиться. Это оказалось несложно (труднее было бы найти место, где мочиться нельзя). Затем Даниель принялся прохаживаться по Расписной палате

и Длинной галерее. В итоге его чуть не вымели вон при расчистке помещений, предпринятой по указанию палаты общин. Он был уже почти на улице, когда другой могавк разыскал его и провёл обходными путями через залы комитетов в палату лордов, где поставил среди клакеров Роджера с напутствием вести себя так, будто он здесь по праву.

На Даниеля нахлынули нехорошие предчувствия. Он видел, как покатилась голова Карла I. Был с Карлом II почти до последнего вздоха, героически отбивая яростные атаки лейб-медиков. Наблюдал, перебарывая соблазн включиться, кабацкую драку, в которой Якову II расквасили нос и которая более или менее положила конец его царствованию. Благоразумно переждал за океаном смерть Вильгельма и Марии. Теперь он снова здесь, и к нему несут королеву. Что, если её угораздит испустить дух именно сейчас? Обратятся ли все взоры к нему? Разорвут его на части прямо в здании парламента или доставят в Тауэр, чтобы обезглавить там? Вспомнят ли, что он недавно въехал в город вместе с некой иноземной принцессой, явившейся инкогнито и без приглашения?

Эти и другие мрачные думы так захватили

Даниеля, что он почти не заметил внезапной тишины, наступившей с появлением вычурного портшеза. Его (как и всех вокруг) удостоила своим присутствием королева! Исторический момент! Или, по крайней мере, такой, который войдёт в анналы. И всё же Даниеля охватила досадная неспособность прочувствовать величие мига. Собственные мысли были ему куда интереснее — знак того, что он слишком много о себе мнит?

Другие (полагал Даниель) способны жить настоящим мгновением и переживать его непосредственно, как животные. Какой предстаёт им торжественная церемония тронной речи? Яркой, впечатляющей, завораживающей? Ему никогда этого не узнать. Даниель видел только больную старуху в зале, полном взбудораженных, давно не мытых мужчин.

Клуб «Кит-Кэт»

час спустя
Клуб «Кит-Кэт»

ИСААК НЬЮТОН ДОЛЖЕН БЫЛ думать, что во всех помещениях царит молчание, поскольку любое помещение стихало, стоило ему войти. Даже это!

Даниель очнулся от странной рассеянности, накатившей на него во время обращения королевы к парламенту. Сейчас он был полностью собран. Возможно, перемена объяснялась тем, что здесь он мог пить шоколад, более того, двигаться и участвовать в интересных ему разговорах. До появления Ньютона в клубе безраздельно царил Роджер: восседая за любимым столиком, он принимал поздравления (в форме дурных стихов и дорогих подарков) от благодарной Великобритании. По обычаю клуба «Кит-Кэт» все чествования были стихотворные: от ёмких эпиграмм (в лучшем случае) до бессвязных героических куплетов (в худшем). Поэтическая школа «Кит-Кэта» требовала не называть имён, заменяя их классическими аллюзиями. Роджер почти всегда был Вулканом.

Вот стихи какого-то виконта:

* Юпитер, которому Вулкан ковал молнии; возможно, также дерзкий намёк на Георга-Людвига Ганноверского, для которого, как надеялись виги, вскорости предстояло чеканить гинеи Монетному двору.

† Клуб «Кит-Кэт».

‡ Возможно, гинеи, которые чеканил Монетный двор; после победы Оксфорда и Болингброка он

был не подвластен Роджеру, но оставался под началом его товарищей по партии, таких как Ньютон.

§Роджер Комсток, маркиз Равенскар.

** Болингброк.

††Королева Анна.

‡‡ Аллюзия на миф, согласно которому разгневанный Вулкан изготовил трон-ловушку и подарил своей матери, Юноне; сев на него, та оказалась в оковах, снять которые мог только Вулкан.

Владыке * в дымной кузнице† ковал Златые молнии‡ Вулкан§ суровый, И, чтоб Титан мятежный не восстал, Замки и цепи, узы и оковы. С огнём игравший дерзко Прометей** К скале уединённой пригвождён. Юноне†† хитрость мстительных затей*Готовит западню — коварный трон*‡‡.

Этот конкретный виконт, как все понимали, не смог бы зарифмовать двух строк. Несколько молодых поэтов постоянно торчали в клубе и строчили эпиграммы за пироги и выпивку; один из них был сейчас в свите виконта.

Сэр Исаак вошёл бодрой походкой двадцатилетнего студента, шагающего вдоль реки Кем, словно и не пролежал две недели кряду после кро-

вавого избиения в Звёздной палате. Он прервал трогательную сцену поздравления и заговорил с Роджером, не подозревая, что влез впереди длинной очереди людей куда более знатных. Даниель протискивался гораздо медленнее, поскольку, в отличие от Ньютона, вежливо обращался к каждому, кого оттирал плечом. Соответственно, он не слышал начала разговора. Впрочем, несложно было угадать, что Исаака привели сюда новости, а значит, он поздравляет Роджера с выдающейся победой: это ж надо было так припереть Болингброка к стене, что тому пришлось звать на помощь мамочку! Именитые господа, один за другим, говорили Роджеру подобные вещи несколько часов кряду, и тот благодарил их наклоном головы столь машинально, что это уже превратилось в кивательный тик. Однако те же слова от сэра Исаака Ньютона он принял с совершенным вниманием, как будто все остальные поздравляют наобум, и только Ньютон высказывает своё подлинное мнение. Возможно, делу отчасти помогало то, что Ньютон говорил прозой.

На взгляд Даниеля, Роджер выглядел немного рассеянным и выслушивал стихотворную лесть вигов чуть ли не с тоской. Оно и понятно: Род-

жер — боец. Весь прошлый месяц он готовил контратаку, теперь она позади. Роджер оказался в положении дуэлянта, который сделал выстрел и стоит, безоружный, не зная, что с противником: убит тот, просто оглушён или длит миг торжества, прежде чем выстрелом размозжить ему голову. Он должен готовиться к ответному выпаду Болингброка; вместо этого сидит в клубе и выслушивает скверные вирши.

Роджер дружески взял Исаака под руку и повёл к Даниелю, но прежде, повернувшись к оставляемым поклонникам, провозгласил:

— Господа! Минуточку внимания! Я слышал, что сегодня королева всемилостивейше одобрила билль об объявлении награды за отыскание долготы! — Он сделал вид, будто изумлён таким исходом событий. — И, по слухам, сэру Исааку кое-что на сей счёт известно. Коль долготу желаешь ты обресть, Ньютона отыщи и дай ему поесть!

Импровизация была встречена жидкими аплодисментами и обильными возлияниями.

— Мистер Кэт! Пирогов с бараниной, пожалуйста!

К тому времени, как Роджер с Исааком пробились к Даниелю, они говорили уже совсем о

другом.

— Вы отлично выглядите — я очень рад. Значит ли это, что я скоро получу Катерину обратно? Мой дом в полном запустении с тех пор, как хозяйка бросила его, чтобы ухаживать за дядюшкой!

— Да, милорд, она уже выехала, чтобы возвратиться к своим обязанностям, — отвечал Ньютон устало — ему явно неприятно было говорить на щекотливую тему.

— Дом скоро засияет, если она будет радеть о нём так же, как о вас!

— Она и впрямь была очень заботлива, — признал Ньютон, — хотя, по правде сказать, настоящим лекарством для меня стали новости из Вестминстера — надежда на то, что Болингброк будет посрамлён, а испытание ковчега — отсрочено.

— Что ж, тогда вам с доктором Уотерхаузом стоит обратить ваши новообретённые силы на подготовку наступления, — сказал Роджер, — ибо заседания парламента отложены только до десятого августа. У Болингброка более чем достаточно времени, чтобы подвести контрконтрмину и взорвать нас всех на воздух!

— Нам с доктором Уотерхаузом к взрывам не привыкать. — Непонятно было, иронизирует

Ньютон или сухо констатирует факт. Тут он поглядел Даниелю прямо в глаза, так что тот даже вздрогнул. — Хорошо, что вы здесь. Я хотел с вами поговорить.

— Тогда, с вашего позволения, я откланяюсь, — сказал Роджер, — чтобы вы могли спокойно побеседовать. Прошу вас, обсуждайте важное и не отвлекайтесь от насущного — ибо нет у якобитов оружия действеннее, нежели лживые измышления, будто виги — а значит, и Ганноверы — портят британскую монету ради своей корысти!

Крайне неделикатно было бросить такие слова директору Монетного двора, но Роджер явно злил Ньютона намеренно. Он помедлил ещё минуту, убеждаясь, что сэр Исаак не рухнет на пол в конвульсиях, однако тот лишь яростно сверкнул глазами. Даниель незаметно подмигнул Роджеру; он по опыту знал, что теперь Исаак не будет ни спать, ни есть, пока не разрешит поставленную задачу. Роджер поклонился и исчез — сгрузив свои заботы на Даниеля, который уже чувствовал, как тяжело давит на его плечи новое бремя.

— НАДО ОТЫСКАТЬ ДЖЕКА-МОНЕТЧИКА, заковать в кандалы и вытянуть из него признание, что пока он не запустил в ковчег свои грязные руки, там лежали полновесные монеты, — сказал

сэр Исаак Ньютон. — Ещё лучше, если мы заставим его вернуть монеты, похищенные из ковчега. Это сокрушит все обвинения иезуитов!

— В таком случае, Исаак, я рад вас уведомить, что розыск Джека идёт уже несколько месяцев, и занимается им…

— Ваш клуб. Да, я про него знаю, — сказал Исаак. — Я попрошу членства.

— По уставу клуба решение принимается общим голосованием, — пошутил Даниель.

Однако Исаак в нынешнем своём состоянии не воспринимал шуток.

— Я не предвижу здесь никаких затруднений, — сказал он. — Собственно, я предлагаю объединить розыск монетчиков, проводимый Монетным двором, с усилиями вашего клуба найти виновных во взрыве адских машин, поскольку есть основания полагать, что речь об одних и тех же людях. Выгода очевидна.

— Тогда будем считать, что исход голосования известен и вы уже полноправный член клуба. — Даниель упёрся ладонями в стол и с усилием оторвал себя от стула.

Исаак тоже встал. К ним несли пироги на серебряном блюде; Даниель жестом направил слугу к выходу и продолжил:

— Вы удачно выбрали время. Мне как раз сообщили о ценном свидетеле, который желает со мною поговорить.

Исаак уже шёл к двери.

— Я нанял карету на весь день, — бросил он через плечо. — Что сказать кучеру?

— Скажите ему, — отвечал Даниель, — что мы едем в Бедлам.

Карета

несколько минут спустя
Поездка в Бедлам

— …И, ТАКИМ ОБРАЗОМ, мы условились с мистером Партри, но, конечно, пока ничего ему не заплатили и не должны платить до конца месяца, — закончил Даниель.

Он пересказывал недавние действия клуба, безжалостно сокращая подробности из-за аромата пирогов, ждущих на блюде у него на коленях. Блюдо — двадцатифунтовый серебряный диск — являло собой образчик барочной пышности и было покрыто милями витиеватых строк, воспевавших прелести Ньютоновой племянницы. Здесь её именовали Афродитой — шифр, для Исаака, скорее всего, непостижимый.

Фривольное блюдо и пышущие жаром пироги не смещались относительно Даниеля, а потому, в полном соответствии с принципом Галилея, теоретически оставались так же съедобны, как если бы лежали перед ним на столе, пребывающем в состоянии покоя по отношению к неподвижным звёздам. Сказанное оставалось верным, несмотря на то что карета с Даниелем, Исааком Ньютоном и пирогами катила по Лондону. Даниель предполагал, что сейчас они огибают северный выступ кладбища Святого Павла, но точно сказать не мог: он опустил шторы, поскольку дорога к Бедламу проходила аккурат через алчную пасть Граб-стрит, а ему не хотелось прочесть о сегодняшней поездке во всех завтрашних газетах.

Исаак, который лучше любого смертного должен был бы понимать относительность, не выказывал интереса к своему пирогу — как если бы тот, смещаясь относительно Земли, перестал быть пирогом. Для Даниеля же пирог в движущейся системе отсчёта в полной мере оставался пирогом; положение и скорость, будучи сами по себе занятными физическими свойствами, никак не влияли на пироговость. Значение имела лишь динамика относительных перемещений Даниеля и пирога. Если скорость и положение

Даниеля близки к скорости и положению пирога, то поедание пирога возможно и заманчиво. Если пирог далеко от Даниеля или движется с большой относительной скоростью (например, брошен ему в лицо), он утрачивает часть своей пироговости (во всяком случае, с точки зрения Даниеля). На данный момент, впрочем, это были чисто схоластические рассуждения. Пирог лежал у него на коленях и был очень даже себе пирогом, что бы ни думал по сему поводу Исаак.

Мистер Кэт одолжил им серебряные столовые приборы, и Даниель, говоря, заткнул себе за ворот салфетку — флаг безоговорочной капитуляции перед чарами пирога. Однако вместо того, чтобы сложить оружие, он вооружился — ножом и вилкой — и уже занёс их над румяной корочкой, когда его остановил вопрос Исаака:

— Клуб намерен оставаться в бездействии весь июль?

— Каждый из членов продолжает свою линию расследования, — отвечал Даниель. — Как мы с вами сейчас.

И он взрезал пирог.

— А прочие?

— Им почти нечего рассказать. Хотя на последнем заседании мистер Тредер сообщил, что

Джек-Монетчик связан с мистером Нокмилдауном и частенько наведывается в притоны так называемой Ист-Лондонской компании.

Исаак, по крайней мере, задумался, так что Даниель успел отправить в истосковавшийся рот порцию горячей баранины. Исаак по-прежнему смотрел на него, но как будто сквозь, что было и к лучшему, потому что по физиономии Даниеля разлился гастрономический экстаз.

— Вам известно моё мнение о мистере Тредере, — сказал Исаак.

Даниель кивнул.

— Он в сговоре с Джеком, тут сомневаться нечего, — продолжал Исаак.

Для Даниеля это прозвучало примерно как утверждение, что его жена тайно шпионит в пользу Чёрной Бороды. Однако во рту у него был пирог, в желудке — умиротворение, поэтому он не поднял голос. Только бровь.

— Мистер Тредер боится, что расследование, начатое Болингброком, выявит его связи с Джеком. На Тайберне четвертуют за меньшее.

Здесь Исаак как истый математик остановился, предоставляя читателю самому проделать очевидные выкладки. Даниель очень выразительно пожимал плечами, вздыхал и выгибал брови,

однако Исаак о нём словно позабыл. Ничего не оставалось, кроме как сглотнуть и выговорить:

— Зачем мистер Тредер сообщает о привычках Джека, если так боится его поимки?

— Это тонкий намёк, — отвечал Исаак.

— На что?

— На то, что мистер Тредер готов сдать своих: если у воров нет чести, то уж тем более нет её у весовщиков. Он готов способствовать поимке Джека в обмен на смягчение приговора.

— Смягчение приговора… со стороны прочих членов клуба?!

— Со стороны директора Монетного двора, — сказал Исаак. — Ему хорошо известно, что мы с вами знакомы.

— Спасибо, что ознакомили меня со своей гипотезой. Сам бы я никогда до такого не додумался — уж больно замысловато, — угрюмо выговорил Даниель и ушёл от дальнейшей дискуссии в общение с пирогом.

Словно меланхолик в углу людного салона, Бедлам повернулся широкой спиной к Сити. Северным фасадом он смотрел на Мур-филдс — самое большое зелёное пространство в городе. Те безумцы, чьи камеры выходили на север, видели из окон деревья и траву, тянущиеся на полмили

до ближайшего крупного строения: уксусного завода мистера Уитанунта на Уоршип-стрит у подножия Холлиуэллского холма. Самая большая часть Мур-филдс, прямо перед Бедламом, была ограничена с четырёх сторон широкими аллеями; такие же аллеи разрезали её георгиевским крестом. Деревья вдоль дорожек шли через равные промежутки; их высадили сорок лет назад по указанию Гука.

Аллея, образующая южную границу Мур-филдс, была с одной стороны ограничена таким рядом деревьев, с другой — исключительно мощной оградой. Небольшую железорудную залежь истощили, чтобы изготовить железные прутья в руку толщиной; целая каменоломня ушла на их каменное основание. Как только в правом окне кареты показалось это устрашающее средство сдерживания безумцев, Даниель отложил блюдо и начал утираться салфеткой, одновременно читая стишок, по давней традиции «Кит-Кэта» оттиснутый на нижней корочке:

π-рог на r^2 умножь — Получишь сковородку: Довольно, чтоб начать делёж, *Не всё засунуть в глотку!*

Гук выстроил треклятое здание невероятно длинным — семьсот футов, столько же, сколько

весь Тауэр; такую роскошь мог позволить себе только архитектор, работавший сразу после Пожара. Даниель, как ни сдерживался, то и дело поглядывал за ограду — не прохаживаются ли там безумцы, но видел лишь компании гуляющих лондонцев да одиноких проституток. Не велика потеря: по-настоящему интересных безумцев во двор всё равно не выпускали.

Наконец ограда отвернула вправо, а ряд деревьев, наоборот, влево, и карета въехала в овальный двор перед центральным куполом Бедлама. Экипажи и портшезы стояли концентрическими кругами, дожидаясь, когда их владельцы вдоволь насмотрятся на сумасшедших. Исаак и Даниель вылезли из кареты, и Даниель заплатил кучеру, чтобы тот отвёз серебро обратно в «Кит-Кэт».

Ни возраст, ни научные заслуги не избавили от необходимости стоять в общей очереди. Ворота, в которых с каждого посетителя взимали пенни за вход, размером соответствовали ограде. Над ними высился карниз: на двух плавно изогнутых скатах, как на кушетках, возлежали две каменные фигуры. Слева от Даниеля, словно упавшее с шеста чучело, поникло Тихое Умопомешательство, оно же Меланхолия; его невидящий взор был устремлён в пространство над Мур-филдс. Спра-

ва, стиснув кулаки и закатив глаза, рвалось из цепей Умопомешательство Буйное, или Мания; оно едва касалось постамента локтем, бедром и щиколотками, каменные мускулы вздулись от напряжения. Для Даниеля оба изваяния были старыми знакомцами; он видел их ещё в набросках, когда навещал Гука в мастерской под куполом Бедлама, и даже сделал по ходу кое-какие замечания, которые Гук, разумеется, пропустил мимо ушей. После того как статуи установили над входом, Даниель много раз проходил под ними, когда заглядывал к Гуку или участвовал в сумасбродных опытах Королевского общества над умалишёнными. Однако сегодня он впервые ощутил своё с ними родство. Ибо сейчас Даниель, так долго олицетворявший собой Меланхолию, стоял по левую руку от сэра Исаака Ньютона — воплощённой Мании. Не отваживаясь высказать своё наблюдение вслух, он несколько раз перевёл взгляд с каменного безумца на Исаака. Наконец тот вздохнул, закатил глаза и бросил: «Очень смешно».

Наконец дошёл их черёд подняться по лестнице и заплатить за вход, что позволяло преодолеть ещё несколько ступеней и вручить дополнительные взятки толпящимся у дверей служителям.

Это было не строго обязательно, но гарантировало быстрый доступ к самым интересным безумцам обоего пола. Даниель лишь оглядел служителей и, не найдя того, которого искал, повёл Исаака в здание.

— Простите? — спросил Исаак, услышав бормотание Даниеля. — Вы что-то сказали?

Голос у них за спиной пробасил:

— Не обращайте внимания, сэр Исаак. Доктор Уотерхауз, переступая этот порог, всегда возносит молитву, чтобы ему дозволили выйти обратно.

Исаак сделал вид, будто не слышит, полагая, что говорит кто-то из пациентов, подкарауливающих у дверей в надежде получить монетку за свои остроумные замечания. Догадка была здравая, но неверная. Даниель обернулся на голос, и Ньютон последовал его примеру.

Говорящий был не безумец, поскольку пациентов в Бедламе брили, а его тёмные волосы доходили до плеч. Исаак напрягся и попятился в тот самый миг, как Даниель шагнул к темноволосому, чтобы обменяться рукопожатиями. Ибо Исаак узнал в Сатурне человека, которого видел при крайне сомнительных обстоятельствах в брайдуэллском кабаке. Однако через несколько мгновений, узрев вокруг себя бритых, закован-

ных в цепи безумцев и меланхоликов, сэр Исаак рассудил, что общество Сатурна не так уж ему отвратительно.

Тут вперёд выступил субъект, стоящий рядом с Сатурном.

— Мистер Тимоти Стаббс, — представил тот. — Как вы можете заключить по его рыжим кудрям, он здесь не живёт. Однако по тёмно-синему платью вы можете догадаться, что он здесь работает. Выньте руку из кармана, доктор Уотерхауз; ему уже заплачено.

— Мы лечим Имярека согласно вашим предписаниям, доктор, — объявил Тимоти Стаббс после того, как из Сатурна удалось вытянуть более формальное представление. — Все лекарства, все методы, известные современной медицине, испробованы, но он по-прежнему упорствует в своих заблуждениях.

— Надо же! — воскликнул Даниель. — В таком случае, вам, наверное, приходится держать его под замком.

— Да, доктор, иначе он уже понаделал бы дыр во *всех* стенах. Его поместили наверх.

— На последний этаж, где держат самых опасных безумцев, — перевёл Сатурн.

— И где он сейчас?

— В аппарате для усмирения буйнопомешанных, сэр, — отвечал Стаббс, слегка удивлённый вопросом. — Как вы и прописали — на четыре часа в день.

— Действует ли аппарат?

— Аппарат-то действует, и очень сильно, сэр. А если вы о том, удалось ли излечить Имярека от безумия, то, увы, нет, поэтому мы снова удвоили дозу.

— Превосходно! — вскричал Даниель. — Как пройти к аппарату?

— Он в дальнем конце мужского крыла; идти, боюсь, довольно долго, — сказал Стаббс, обходя бритого мужчину, который лежал ничком, бормоча что-то на военном жаргоне и поминутно судорожно вжимаясь в пол от воображаемого разрыва гранат.

— Ничего страшного, — отвечал Даниель. — Бедлам не зря считается лучшим местом для прогулок в дождливую погоду.

— В солнечный день это мало утешает, сэр, — сказал Стаббс, огибая трёх молодых людей с индейскими причёсками, которые, стоя плечом к плечу, обсуждали выступление безумца: тот одновременно играл на скрипке и отплясывал джигу.

— Если сыграешь ещё, получишь пенни, и два — если прекратишь!

— Чего ради мы стоим и смотрим на этого несчастного, если в нескольких шагах отсюда можно взглянуть на всклокоченных безумиц?

— Когда ты увидишь настоящих всклокоченных безумиц, ты больше не будешь спрашивать.

Они миновали центральный зал и вошли в галерею, уходящую вперёд на несколько сотен ярдов. Справа тянулись окна, впускающие свет с Мур-филдс, слева — близко расположенные двери с зарешёченными оконцами на высоте человеческой головы. Представители всех лондонских сословий, за исключением высшей знати и нищих — мужчины и женщины, дворяне и простонародье, взрослые и дети, шумные банды подмастерьев и стайки хорошо одетых молодых дам, одинокие особы женского пола, одетые ещё лучше (то были куртизанки), бодрые старики и старухи, совершающие дневной моцион, лихие ватаги мальчишек, самодовольные могавки, охорашивающиеся франты и весельчаки-кокни, — прохаживались от двери к двери, заглядывая в каждое окошко. Торговцы продавали с тележек еду и пиво. Кое-где надсмотрщики в тёмно-синем сообща усмиряли отбившегося от

рук подопечного, но в целом узники разгуливали свободно — насколько свободно можно разгуливать в ручных и ножных кандалах, соединённых изрядной длины цепью. Некоторые — меланхолики — сидели, сгорбившись, на полу или бродили, волоча ноги, по коридору; они не обращали внимания на зевак, даже когда те тыкали им в рёбра тростью. Другие — буйнопомешанные — вели яростные споры с невидимыми оппонентами или вещали о том, что мучило их воспалённый мозг. Наиболее занятные экземпляры собирали вокруг себя толпу. Зрители смеялись над теми, чьи речи были непристойны или касались политики, и поддразнивали несчастных, стараясь вызвать у них новую вспышку. Один из безумцев уверял, будто Людовик XIV управляет Лондоном из тайной комнаты под куполом собора Святого Павла и ему служит целая армия иезуитов, способных посредством чар обращаться серыми голубями. Молодой человек из числа зрителей сообщил ему, что целая стая таких голубей только что влетела через разбитое окно под купол Бедлама. Безумец смертельно перепугался и убежал в камеру так быстро, как только мог. Грохот его цепей, а также смех и аплодисменты зрителей на время заглушили все разговоры в галерее.

Когда шум утих, Стаббс обратился к Даниелю.

— Нам приходится менять солому в камере Имярека по пять раз на дню, — сказал он на случай, если доктор Уотерхауз всё ещё сомневается в действенности аппарата. — Другие пациенты научились держаться от него подальше — за исключением копрофилов, которых приходится отгонять палками.

Он кивнул на дверь чуть дальше впереди. Случайно или нет, из её окошка как раз вылетело что-то бурое и упало на парик проходящего щёголя, взметнув облачко пудры.

— Надо было платить провожатому, — заметил Стаббс, направляя Исаака, Даниеля и Сатурна ближе к окну, дальше от летящих экскрементов. — Мне вот думается, что Имяреку могло бы помочь битьё. Я помню ваш запрет, доктор, но если бы вы всё-таки позволили мне пустить в ход палку…

— Нет, — сказал Даниель. — Вчера вы прислали записку, что он просит разрешения со мною поговорить…

— Да, сэр. И даже слёзно молит.

— Давайте воздержимся от применения палки до разговора, а там будет видно.

Они уже приблизились к дальнему концу га-

лереи и теперь отчётливо слышали скрежет, сопровождаемый глухими ударами. Стаббс распахнул дверь в торце коридора и впустил спутников в просторное помещение — своего рода бастион, завершающий западное крыло лечебницы. Странных предметов здесь было не меньше, чем в Клеркенуэллском дворе технологических искусств, а скопление исступлённых безумцев отчасти напоминало заседание Тайного совета её величества. Однако самым большим предметом в зале, а равно и главным источником шума, служил деревянный барабан, установленный на оси между двумя массивными опорами высотой чуть больше Даниеля. Барабан имел форму толстой монеты примерно в ярд толщиной. Его обод почти касался пола и потолка, что позволяло оценить диаметр примерно в двенадцать ярдов. Боковые поверхности — орёл и решка монеты — были изготовлены по образу простейших тележных колёс, то есть из широких досок, соединённых железными полосами. Обод тоже состоял из досок, прибитых к обоим дискам.

На одном конце оси располагался рычаг размером с весло. Небольшая лесенка вела на платформу, стоя на которой два или три человека могли посредством рычага вращать барабан.

Одна смена сейчас этим и занималась, вторая отдыхала рядом, восполняя пивом вышедшую с по***т***ом жидкость.

По мере вращения исполинского барабана изнутри доносились звуки: быстрый перестук, как от бегущих ног, переходящий в серию глухих ударов, словно кто-то катится по лестнице.

— Лечение завершено! — объявил Стаббс.

Работники с облегчением расправили усталые спины, не забывая, впрочем, о рукояти — она продолжала вращаться по инерции, так что вполне могла сломать зазевавшемуся челюсть. Когда движение барабана замедлилось, они вновь схватили рукоять и повернули его примерно на четверть оборота. Теперь стало видно, что в ближайшем торце барабана имеется узкая дверца, высотой почти от ступицы до обода. Работники установили её строго вертикально, как часовую стрелку, указывающую на шесть часов, после чего с грохотом сбежали по ступеням к бочонку с пивом.

Стаббс втиснулся в пространство между барабаном и опорой и отпер щеколду. Дверца распахнулась, со стуком ударившись о доски. Стало видно, что вся внутренняя поверхность аппарата обита лоснящимися от грязи тюфяками

из соломы или конского волоса. Пространство за дверцей было почти пусто, только с самого его низа на пол, словно тающая восковая фигурка, сползало нечто человекоподобное.

— Видите? — провозгласил Стаббс. — Аппарат действует!

Человек, выбравшийся из аппарата, явно спешил с ним расстаться, однако благоразумно не пытался встать или даже сесть. Он приподнялся, упираясь лбом и коленями, и пополз, как гусеница-землемерка, то и дело останавливаемый безуспешными позывами к рвоте. Примерно за минуту ему удалось добраться до параши, вслепую откинуть крышку и, обнимая бадью, оторвать себя от пола. Наконец, с помощью надсмотрщика в тёмно-синем платье он взгромоздился на сосуд и немедленно начал генерировать звуки гидравлического и пневматического характера.

— Пытался ли он ломать другие стены? — спросил Даниель.

— Только одну, сэр. Это часть его мании: он думает, что точно знает, где спрятано сокровище.

— Что за сокровище? — спросил Исаак.

— Ну как же, сэр! Его все безумцы ищут, — отвечал Стаббс. — Золото Соломона.

ИМЯРЕК ВСЁ ЕЩЁ БЫЛ не в состоянии разговаривать. Покуда служители вновь заковывали его в цепи, чтобы отвести в камеру, Даниель, Исаак и Питер Хокстон поднялись на этаж и пошли к центру Бедлама мимо ряда камер, таких же, как этажом ниже. Посетители здесь встречались реже — всё больше развесёлые ватаги подмастерьев или кучки особо вульгарных щёголей, а также одинокие господа, которым, судя по виду, самим не помешало бы провести несколько часов в аппарате для усмирения буйнопомешанных. Узников здесь держали под замком, и не безосновательно. Даниель старался идти как можно дальше от камер и не вслушиваться в бормотание безумцев, припавших к крохотным окошкам в дверях. Шагал он быстро; спутники со всех ног поспевали за ним. Наконец они оставили позади мужское крыло и оказались в центральной части здания над главным входом, прямо под куполом. Отсюда ещё одна лестница вывела их в сводчатое помещение: по сути своей чердак, однако тщательно отделанный, просторный и хорошо освещённый.

Из окон уксусного завода мистера Уитанунта средняя часть Бедлама должна была выглядеть так, будто на неё поставили перевёрнутую ворон-

ку квадратного сечения со скруглёнными углами. Широкая часть воронки образовывала сводчатый потолок, под которым стояли сейчас Исаак, Даниель и Сатурн. В сужении располагались окна, впускавшие свет и (если были открыты) выпускавшие наружу спёртый воздух лечебницы.

— Здесь была мастерская Гука, его любимое убежище, — сказал Даниель, — хотя тогда оно выглядело совсем иначе. — Он подошёл к перилам и заглянул в центральный колодец, через который свет от купола попадал в вестибюль. — Вот тут были уложены доски, так что получался сплошной пол.

— Я был здесь однажды, на ваших проводах, — заметил Исаак.

Его слова заинтересовали Сатурна, который, стоя у перил, делал знаки компании двумя этажами ниже. Компания из четырёх человек как раз начала подниматься по лестнице; служитель в тёмно-синем платье спускался, чтобы преградить ей путь. Сатурн, продолжая смотреть вниз, спросил Даниеля:

— Это было перед вашим отъездом в Массачусетс?

— Задолго до того. Я уехал в тысяча шестьсот девяносто пятом. Проводы, о которых говорит сэр

Исаак, состоялись в тысяча шестьсот восемьдесят девятом.

— Непонятно.

Сатурн перегнулся через перила и перенёс внимание на то, что происходило внизу. Надсмотрщик не пропускал наверх посетителей, которых Сатурн недавно поманил рукой. Все четверо были дюжие ребята и легко могли бы отодвинуть надсмотрщика с дороги; тем не менее они остановились и взглядами спрашивали Сатурна, что делать.

— Всё в порядке, сэр! — крикнул Сатурн. — Они с нами!

— А вы-то кто такие?

Даниель положил руку Сатурну на плечо и ответил сам:

— Сэр Исаак Ньютон, директор Монетного двора её величества, расследует государственную измену. Вы не пропускаете его помощников. Будьте добры отойти в сторону.

Исаак, удивлённый не меньше надсмотрщика, шагнул к перилам: не для того, чтобы произвести впечатление, а просто чтобы разобраться в происходящем. Однако явление седовласого рыцаря-чародея смело надсмотрщика с дороги, словно порыв ветра из раскрытой двери.

— Виноват, сэр! — крикнул он уже совершенно другим тоном, когда Сатурновы молодчики проходили мимо него. — Чем могу служить?

— Не пускайте сюда любопытствующих, — отвечал Даниель и, повернувшись, принялся изучать стены.

Начальство Бедлама не так ценило верхний этаж, как некогда Гук: вместо того чтобы устроить наверху роскошные кабинеты, оно натолкало сюда столов и сундуков, превратив помещение под куполом в голубятню для писарей и свалку ненужных документов.

— Когда мы были здесь на моих проводах, — сказал Даниель Исааку, — всё выглядело примерно так же. Я имею в виду, что стены, наклонённые внутрь, то есть внутренняя сторона крыши, были оштукатурены.

— Да.

— Однако я частенько навещал Гука раньше, в семидесятых. Эту часть Бедлама выстроили первой. Как вы помните, флигеля возводили ещё много лет.

— Да.

— Я пытаюсь вспомнить, как выглядело помещение до того, как появилась дранка и штукатурка. Мне кажется, что на этих местах имелись

большие полости и особенно, если память меня не подводит, здесь, между трубой и углом. Труб четыре, значит, и полости четыре.

Говоря, Даниель вёл рукой по штукатурке, иногда простукивая стену костяшками пальцев. Наконец он добрался до места, где стук получался особо гулким, и, не отнимая ладони от стены, повернулся и оглядел комнату. Взгляд его просветлел, наткнувшись на пятно свежей штукатурки в одном из углов. И тут, совершенно случайно, Даниель заметил, что их нагнал Тимоти Стаббс.

То, что Стаббс испытал, поднявшись по лестнице, вполне можно было назвать приятным недоумением; сейчас его состояние вернее всего описывалось словом «ужас».

— В моих речах вам слышится что-то знакомое, мистер Стаббс? — спросил Даниель с улыбкой.

— Истинная правда, доктор. То же самое говорил своим сообщникам Имярек, когда я их тут застал.

— Вы проявили похвальную храбрость, мистер Стаббс, выследив шайку безумцев.

Похвала немного успокоила Стаббса.

— Жаль только, что я их не всех поймал, сэр.

— Вы совершенно правильно поступили, схва-

тив вожака. Значит, они проломили стену вон там? — спросил Даниель, указывая на свежую штукатурку.

— Да, сэр.

— Полоумные, — задумчиво проговорил Даниель. — Впрочем, предположим, что в одном из этих углов и впрямь спрятано сокровище. Тогда Имярек — не безумец, а вор или даже хуже; все прописанные мною средства бесполезны, если не вредны. Коли так, место ему не в Бедламе, а в Ньюгейте, и заслуживает он не лечения, а суда. Есть лишь один способ проверить. Как я понимаю, в той стене Имярек ничего не нашёл?

— Только осиные гнёзда и помёт летучих мышей, — отвечал Стаббс несколько неуверенно.

— Естественно. Мистер Гук разместил бы тайник в углу, наиболее защищённом от преобладающих ветров — *здесь*.

Даниель указал на соседнюю стену. Сатурн взглянул на него. Даниель кивнул. Сатурн, повернувшись спиной ко всем, резво шагнул к указанному углу. На ходу он тряхнул правой рукой, так что из рукава выскочил инструмент наподобие молотка с шаровидной головкой. Сатурн сжал пальцы на рукояти, когда железный шар уже почти касался пола, и, размахнувшись

со всей силы, наотмашь ударил по стене. Шар пробил штукатурку и дранку, как пуля — дыню. Сатурн переложил орудие в левую руку, а правую по плечо засунул в дыру.

Мистер Стаббс явно не одобрял происходящее. Судя по лицу, добавить Сатурна к прочим обитателям Бедлама ему мешало лишь присутствие Сатурновых молодцов. Однако Питер Хокстон быстро положил конец сомнениям, провозгласив:

— Вердикт вынесен. Имярек не безумец, а обычный вор. — Он вытащил руку из дыры и продемонстрировал свёрнутую в трубу стопку пыльных листов. — А может быть, *необычный*.

— НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, вы поручили мистеру Стаббсу ждать безумцев, которые примутся ломать стены, — сказал Исаак. — Но как вы предугадали?

Они с Даниелем отошли к противоположной стене помещения, подальше от шума и пыли. Сатурновы молодчики разворотили несколько ярдов стены пронесёнными под одеждой ломиками, крюками и тому подобным, обнажив призму чёрного пространства, в которой можно было спрятать два или три трупа, имей Гук подобные наклонности. Однако вместо трупов он

спрятал там два деревянных сундука и несколько кожаных бюваров, а промежутки забил мятой или свёрнутой бумагой. Сейчас пыль уже осела настолько, что Исаак с Даниелем могли приблизиться к дыре. Однако прежде Исаак потребовал объяснений.

— Я знаю далеко не всё, — сказал Даниель. — За последнее время ограблению подверглись несколько зданий, выстроенных Гуком, в том числе Королевская коллегия врачей и дом милорда Равенскара.

— Катерина мне рассказывала, как это было у них, — вспомнил Исаак. — Странные попались воры — понаделали дыр в стенах и ничего не нашли, но не взяли ценные вещи, стоявшие прямо на виду.

— Простая экстраполяция подсказывала, что следующим будет Бедлам. Я заплатил мистеру Стаббсу, чтобы тот проявил особую бдительность. Имярека поймали неделю назад. Он всячески выдавал себя за сумасшедшего. Теперь, узнав, как лечат безумцев в Бедламе, он, возможно, предпочтёт сознаться в обычной краже. — Даниель поймал взгляд Стаббса, что было нелегко, поскольку служитель стоял как в столбняке. — Пожалуйста, сходите к Имяреку в камеру. Не

говорите, что случилось на самом деле. Скажите, что доктор Уотерхауз пробил дыры во всех четырёх стенах и ничего не нашёл, а значит, Имярек — сумасшедший и останется здесь до конца дней.

Питер Хокстон уже снял с вынутого из дыры сливки, то есть выбрал всё, что его заинтересовало, и сложил остальное во вторую, б***о***льшую кучу. Отсортированного ему бы хватило, чтобы упиваться несколько недель, ибо сундуки были наполнены деревянными ящичками с прецизионными инструментами из меди и даже из золота. Среди них определённо имелись часовые механизмы. Страшась пыли, Сатурн быстро проверил ящички и составил их подальше, накрыв большим чертежом. Однако теперь его заворожил сам чертёж — фантастическое изображение птичьего скелета.

— Я сперва думал, это птица, — сказал Сатурн, — пока не увидел его…

Он указал на несколько штрихов, которыми Гук небрежно и в то же время с удивительной точностью изобразил человеческую фигурку в панталонах, камзоле и парике. Человечек, подняв руку над головой, поддерживал один из суставов крыла. Будь это птица, размах её крыльев был

бы в несколько раз больше, чем у альбатроса. Однако то было крыло наоборот; там, где у птицы крепились бы мышцы, чтобы тянуть кости, здесь располагались цилиндры и поршни, чтобы их толкать.

Даниель увидел большой кожаный бювар, погрызенный с углов мышами, но в основном целый, и, развязав ленту, раскрыл его на крышке сундука. Внутри лежала стопка писчей бумаги в три пальца толщиной. Хотя листы помялись и спрессовались от времени, текст по-прежнему оставался разборчив. То были записки, сделанные рукою Гука и снабжённые превосходными рисунками, на самые разные темы:

Разоблачение «Книги духов» Джона Ди

Критика гипотезы тяготения, предложенной доктором Фоссиусом

Кислота фруктов

Плагиат в *Парижской* академии

Криптография Тритемия

Обшивка кораблей свинцом, *китайцами* практикуемая

Обоснование полезности использования телескопических визиров в астрономических инструментах

Немыслимое расстояние до неподвижных

звёзд

Парижские философы избегают экспериментальных доказательств, когда опасаются последствий

272 колебания струны в секунду производят звук соль-ре-до в ключе соль

Пифон, объяснение

О гребле на старинных галерах

Разъяснение устройства мышцы

Железо и *Sp. Salis* [19] образуют гремучую смесь

Мазь от ожогов, *рецепт*

Мысли материальны; объяснение и возможное число их в человеческой жизни

Различие обезьяны и человека

Как разлагающееся вещество производит свет

Микрометр новейшего устройства

Возможная причина либрации Луны

Кремни: об их происхождении и первоначальной текучести

Французская академия опубликовала открытия, прежде сделанные здесь

Почему вода при замерзании расширяется

Воздействие землетрясений на состав воздуха

Горы, создаваемые землетрясениями

---

[19] Примечания: 19

Спиритус салис (соляная кислота) (*лат.*).

Критика гипотезы тяготения Гоба

Летучие рыбы и о полете вообще

Центр Земли не является её центром тяжести

Наблюдения за разложением человеческих тел

Опровержение Антельмовых взглядов на природу света

Подлинный рецепт орвиетано

Почему в лунных лучах не ощущается тепла

Тяготение и свет, два величайших закона природы, суть разные проявления одной причины

Годометрический метод нахождения долготы

Опыты по применению на себе растения, кое португальцы именуют «бханг», а мавры — «ганджа»

Механический способ вычерчивания конических сечений

Зажигательные стёкла древних

Гук спрятал свой архив в стенах Бедлама, потому что не доверял Королевскому обществу, конкретно — Ньютону. Даниель стал читать заголовки вслух, чтобы попрекнуть Исаака, однако, начав литанию, не смог остановиться. Это была словно квинтэссенция того ртутного духа, который на заре Даниелевых дней породил золотую пору Королевского общества. Он как будто припал к источнику вечной молодости.

Остановила его страница, написанная не по-английски, как почти все, и не по-латыни, как некоторые, а совершенно иным алфавитом. Буквы не напоминали латинские, греческие или еврейские, они не были ни кириллическими, ни арабскими и в то же время не несли сходства ни с одной восточной системой письменности. То была исключительно простая, чёткая и ясная форма записи — для тех, кто может её прочесть. Даниель почти мог. В первое мгновение он застыл, как будто налетел с разбега на каменную стену, и только-только начал разбирать заголовок, как услышал голос Сатурна:

— Я уже видел несколько таких, док. Что это за язык?

Исаак, смотревший на лист у Даниеля в руках с расстояния в три фута, ответил:

— Истинный алфавит — язык, созданный покойным Джоном Уилкинсом по философическим принципам. Предполагалось, что он вытеснит латынь. Гук и Рен некоторое время им пользовались. Вы ещё можете его читать, Даниель?

— А вы? — спросил Даниель. Это могло оказаться важным.

— Без книги Уилкинса — нет.

— Это рецепт, — сказал Даниель, поднося

листок чуть ближе к глазам. — Рецепт восстановительного лекарства из золота.

— Тогда не трудитесь переводить, — бросил Исаак. — Мы все знаем, что покойный мистер Гук был падок до шарлатанства.

— Гук не придумал рецепт, только записал, — возразил Даниель. — Он ссылается на человека, который научил Королевское общество получать фосфор.

Для Исаака это было равнозначно имени «Енох Роот», для Сатурна и остальных не значило ничего.

— Продолжайте, Даниель, — сказал Исаак. Теперь он был весь внимание.

— Гук начинает с рассказа о событии, происшедшем где-то… — Долгая пауза, затем внезапное озарение: — Нет, здесь! Прямо здесь, где мы сейчас стоим. Дата… если я правильно сосчитал… лето Господне тысяча шестьсот восемьдесят девятое.

— Год и место ваших странно заблаговременных проводов, — заметил Сатурн.

Даниель аж поперхнулся, дивясь, как сам не заметил такой простой вещи. Однако Исаак глядел на него нетерпеливо, и Даниель продолжил:

— Описывается медицинская… нет, хирургическая манипуляция над объектом… человеком…

мужского пола… сорока трёх лет.

— Вашим сверстником, господа! — вставил Сатурн. — Возможно, вы его знали.

— Объект страдал тяжёлой мочекаменной болезнью. Гук удалил камень.

— Как, здесь?! — Сатурн в изумлении огляделся.

— Я видел, как камень удаляли на улице, — сказал Даниель.

— И Гук проделывал здесь вещи куда более странные, — заверил Сатурна Исаак.

— Чем больше мы читаем его бумаги, тем больше я в этом убеждаюсь, — пробормотал Сатурн.

— Читайте дальше, Даниель!

— Операция прошла успешно. Однако больной… больной умер, — перевёл Даниель. Он почувствовал головокружение и вынужден был сесть на пыльный сундук, чтобы не рухнуть через балюстраду в здешний «колодец душ». — Прошу прощения. Больной умер, как это часто случается, от шока. Пульс отсутствовал. Тогда упомянутый мною учёный собрат покинул укрытие, из которого наблюдал за операцией…

— Как кстати! — фыркнул Сатурн. — Мы должны поверить, что алхимики прячутся по тёмным углам Бедлама, ожидая, когда кто-ни-

будь испустит дух во время импровизированной литотомии?

— На самом деле всё гораздо проще. Алхимик присутствовал раньше, на дружеской пирушке, и остался посмотреть операцию, — пояснил Даниель. Он не читал по бумаге, а вспоминал то, что происходило с ним.

— Пирушка… быть может, те самые заблаговременные проводы, которые здесь столько раз поминали! — воскликнул Сатурн.

Исаак с Даниелем не рассмеялись.

— У Гука была отражательная печь, уже разогретая для другого эксперимента. Алхимик спешно взялся за работу, позаимствовав некоторые химикалии из Гуковой лаборатории — прекрасно оснащённой, я сам свидетель. В частности, он взял нечто, называемое здесь кость-куб-чаша…

— Гук мог иметь в виду пробирную купель.

— Блестяще, Исаак. Купель и что-то, бывшее у него при себе в деревянном ящичке. Рецепт не так легко перевести — мне тоже придётся заглянуть в книгу Уилкинса. — Даниель пропустил страницу, затем другую. — Итог: небольшое количество светящегося вещества. Будучи помещено в рот умершего, оно вызвало сердцебиение и вывело больного из шока. Через несколько мгновений

тот пришёл в себя и сообщил, что не помнит ничего из происшедшего. Алхимик удалился, забрав остатки вещества с собой. Гук записал рецепт по памяти.

— Это многое объясняет, — проговорил сэр Исаак Ньютон, очень странно глядя на Даниеля.

Тому было всё равно: он обессиленно привалился к стене, отрешённо глядя в серебряное око света посреди купола и чувствуя себя не живее каменной Меланхолии.

— О да! — подхватил Сатурн. — Теперь мы знаем, что искал Имярек!

Тут он прикусил язык и тяжело сглотнул, почувствовав странное, безмолвное напряжение между Исааком и Даниелем.

— Или вы о чём-то другом?

В БОСТОНЕ БЫЛО НЕМАЛО рабов, родившихся на Барбадосе от негров, завезённых поколение назад Королевской Африканской компанией герцога Йоркского. Никого суевернее Даниель в жизни не встречал. Создавалось впечатление, что путешествие через океан выдержали самые эфемерные элементы африканской культуры, в то время как весь багаж истории и мудрости остался за бортом. Они сходили на берег Массачусетского залива, бренча вудуистскими амулетами

и бормоча несусветные слова и фразы, как будто жили в постоянном бреду. Когда они попадали в дома мнительных пуритан, склонных повсюду видеть чертей и бесов, возникала гремучая смесь, в чём пришлось убедиться некоторым жителям Салема.

Особенно часто эти рабы поминали «ходячих мертвецов» — эндемичное карибское поверье, будто колдуны умеют оживлять трупы, превращая их в бездумные орудия.

Даниелю некоторое время не удавалось отогнать мысль о живых покойниках. Он был беспомощен, как человек, помещённый в аппарат для усмирения буйнопомешанных, — если не ходячий мертвец, то мертвец, просидевший кулём по меньшей мере четверть часа, пока Сатурн и его помощники упаковывали наследие Гука.

Затем область рассудка, в которой обитают добродетели Просвещения, взяла верх над тёмными углами, в которых затаились дикие суеверия, ожидая случая выпрыгнуть с криком: «Бу!»

Кто на самом деле Енох Роот, Даниель не знал, но вудуистским колдуном тот явно не был. Если после операции он каким-то образом вытащил Даниеля с того света, то очевидно не при помощи некромантии. Скорее всего, Даниель не умер, а

впал в кому, из которой Роот и вывел его сильнодействующим средством. Ничего особенного — примерно как дать нюхательную соль. Гук же, и впрямь падкий до шарлатанства, навоображал невесть чего.

Впрочем, забавно: всего лишь третьего дня Даниель в письме Рооту выражал сомнение, что проживёт следующие несколько недель.

Из задумчивости его вывел голос Исаака, уже не в первый раз повторивший слова «Крейн-корт». Покуда Даниель пребывал в прострации, Исаак принялся командовать. Он распорядился везти сокровища Гука в штаб-квартиру Королевского общества — то есть именно туда, куда Гук не хотел их отдавать.

— Как человек, *живущий* на чердаке Королевского общества, — сказал Даниель, — могу засвидетельствовать, что места там нет. Нисколько.

— Место всегда можно освободить, выбросив часть жуков, — заметил Исаак.

— Но в данном случае не нужно, — твёрдо проговорил Даниель.

— Куда же вы намерены их отвезти? — спросил Исаак — и как же пристален был его взгляд, устремлённый на листы в руках Даниеля!

Тот, чтобы не забыть, сложил их пополам и убрал в нагрудный карман.

— Предлагаю спрятать их в доме маркиза Равенскара, — сказал он. — Я нередко бываю у него по поводу долготы и по другим делам, а вы можете навещать свою племянницу так часто, как захотите.

— Тогда я не вижу разницы с Крейн-кортом.

— Сделайте милость, Исаак, идёмте со мной к Имяреку, я всё по пути объясню.

Даниель поднялся на ноги и обнаружил, что по-прежнему жив-живёхонек. Ходячий живчик.

— Я ПРЕЖДЕ НЕ ГОВОРИЛ, — сказал Даниель, пока они шли по галерее, — но я подозреваю, что в истории с первой адской машиной замешан Анри Арланк.

— Привратник?!

— Он самый.

— Он ведь член клуба, не так ли?

— Так. Я настоял, чтобы его приняли в клуб, под тем предлогом, что он чуть не погиб при взрыве, а значит, может считаться потерпевшим наравне с нами. Однако истинная причина в том, что я его подозревал.

— На каком основании?

— Во-первых, по приезде в Лондон я начал на-

водить справки о вещах Гука. Арланка я спросил первым. Довольно скоро мне стало известно, что весть о моих разысканиях с поразительной быстротой достигла воровского подполья. Я сразу подумал, что Арланк кому-то сболтнул. Во-вторых, допустим, что первый взрыв был покушением на вас, Исаак, — что Джек-Монетчик стремился уничтожить в вашем лице своего злейшего противника. От кого он узнал, что вы имеете обыкновение работать воскресными вечерами в Крейн-корте? Вы тщательно это скрывали, в частности, чтобы вас не осаждали просители. Кроме Арланка, знать было почти некому.

— Коли так, у вас достаточно свидетельств, чтобы привлечь Арланка к суду.

— Я предпочёл бы использовать его в качестве наживки для Джека, — отвечал Даниель. — Не следует показывать Арланку, что мы его подозреваем. Однако чистое безумие — помещать найденное сегодня в дом, где живёт Арланк!

— Хорошо. Пусть вещи отправляются в храм Вулкана, а я напишу Катерине записку, чтобы она убрала их под замок. В подвале есть надёжное место…

— Прекрасно, — сказал Даниель.

— Надеюсь, теперь вы поняли, что мистер Тре-

дер — негодяй, — продолжал Исаак. — Каковы бы ни были ваши догадки касательно Арланка, нет сомнений, что адская машина ехала в телеге мистера Тредера.

— Тогда внесите и меня в список подозреваемых, поскольку она лежала в моём сундуке, — сказал Даниель. — Впрочем, если серьёзно, Исаак, я согласен, что адскую машину нельзя было положить без пособничества — возможно, необдуманного или неумышленного, со стороны кого-то из слуг мистера Тредера.

— А среди них точно есть преступники. Джек хитёр и наверняка потрудился внедрить своих людей в окружение сообщников.

Они остановились перед дверью в камеру Имярека. Даниель сказал:

— Сообщников да, но и врагов тоже. Потому что, как ни странно звучит, именно это он сделал, внедрив Арланка в Королевское общество.

Исаак выслушал внимательно. Следующие несколько минут он с бесстрастием учёного изучал лицо Даниеля — возможно, искал на нём признаки воскрешения, — прежде чем проговорить:

— Согласен, и впрямь странно. В другой день, Даниель, я бы удивился.

Баркас «Благоразумие»

Понедельник, 12 июля 1714
«Благоразумие»

МИСТЕР ОРНИ СКАЗАЛ лишь, что «Благоразумие» — судно простое и порядочное. Остальным членам клуба хватило и такого предупреждения. На следующее утро они явились нагруженные подушками, плащами, зонтиками, сменной одеждой, едой, горячительными напитками, табаком и противорвотными средствами. Всё это пошло в ход, едва «Благоразумие» медленно двинулось вверх по вздувшейся от дождя Темзе к Лондонскому мосту, который жестоко дразнил пассажиров видениями кофеен и пабов.

Сам Орни дождя не боялся, однако, предвидя жалобы соклубников, натянул посреди палубы навес. Парусина (если только не задевать её головой) почти не пропускала воду, кроме как по швам, по краю заплат, по всем созвездиям проеденных молью дыр и в прочих местах, где образовались протечки.

В сущности, «Благоразумие» состояло из одного широкого грузового трюма, отделённого от прочей вселенной панцирем из досок с редки-

ми намёками на необходимость движителей: уключинами и кургузой мачтой. Ветра сегодня не было: дождь сеял ровно, а не бил в лицо. Поэтому Орни нанял в Ротерхите молодцов, чтобы те, стоя на коленях, взбивали Темзу взмахами вёсел. На гребцов навеса не хватило; укрытые лишь широкополыми парусиновыми шляпами, они выглядели не лучше средиземноморских галерников. Даниель, Орни, Кикин и Тредер сидели в трюме, где Орни соорудил скамью, уложив доску на пару козел. Сверху добавили подушек. Четверо членов клуба восседали в ряд, как в церкви, глядя в узкую щель между истрёпанным краем навеса и побитым планширем. Мистер Орни отметил, что так их не увидят ни с берега, ни с моста, и повторял своё утверждение, пока большинство клуба не согласилось или не предложило ему заткнуться. «Благоразумие» обычно доставляло на верфь пеньку, смолу, дёготь и прочая; всем перечисленным воняло в трюме. По всей лондонской гавани сновали похожие судёнышки.

— Согласен, — сказал мистер Тредер. — Как средство обозреть владения печально известного мистера Нокмилдауна это предпочтительнее, чем в погожий день нанять лодку и нагрузить её джентльменами в париках, с зонтиками от

солнца и подзорными трубами.

— Вон там! — воскликнул Даниель.

Он держал, развернув к свету из щели, нарисованную от руки карту и (не без риска поджечь) разглядывал её в лупу размером с десертную тарелку. Сей предмет, заключённый в роскошную белую с золотом оправу и снабжённый столь же роскошной ручкой, был подарен Королевскому обществу кем-то из представителей Тосканской ветви династии Габсбургов. Великолепие лупы только подчёркивало жалкий вид карты, составленной, как объяснил Даниель, по воспоминаниям и догадкам Имярека, Шона Партри, Питера Хокстона, отца Ханны Спейтс и тех их собутыльников, которые случились рядом во время разговора.

— Обратите внимание на вон тот кирпичный склад, — продолжал Даниель, указывая в сторону Бермондси.

— Последние два часа мы видели *только* кирпичные склады, — отозвался мистер Тредер тоном столь уничижительным, что мистер Орни не выдержал:

— Завсегдатаи Сити, кои, подобно мухам, облепившим круп честной ломовой лошади, сосут соки из английской торговли, бессильны оценить

красоту Ротерхита и Бермондси. Им больше по душе Саутуарк — Бенксайд и Клинк, выстроенные в век праздности на потребу одурманенных папизмом бездельников, череда театров, непотребных домов и медвежьих садков вдоль набережной, по которой вольготно прогуливаться щёголям, сутенёрам и мальчикам для любви. Воистину достойное зрелище — для *некоторых*. Ниже моста взгляду предстаёт то, что выстроено в наш век — век промышленности и торговли. Те, кому любезна саутуаркская Ярмарка суеты, видят здесь лишь ряд однообразных складов. Однако честный и предприимчивый труженик узрит в них новое чудо света, не лишённое своеобразной красы.

— Сегодня я видел лишь одно чудо света: человека, способного десять минут кряду бахвалиться своей праведностью и ни разу не перевести дух, — отвечал мистер Тредер.

— Джентльмены! — почти выкрикнул Даниель. — Прошу вас обратить внимание на церковь Святого Олафа у южного края моста.

— Как, мистер Нокмилдаун и её прибрал к рукам? — удивился Кикин.

— Нет, хотя и ставит своих дозорных на её колокольне, — ответил Даниель. — Я указал на неё просто как на ориентир. Сразу под ней, у

реки, можно видеть две пристани, разделённые складом. Каждая из них соединена с городом лабиринтами кривых закоулков, которые на нашей карте только намечены. Подобным же образом склад, обращённый к нам простым и гладким фасадом, ветвится, уходя в Лондон, как…

— Опухоль, проникающая в здоровый орган? — подсказал господин Кикин.

— Скрытое пламя, что незаметно перекидывается на соседние дома и различимо лишь по дымку воришек, обесчещенных женщин и брошенного жилья? — подхватил мистер Тредер.

— Оспенные пузырьки, которые поначалу выглядят мелкой сыпью, а после, соединяясь, оставляют человека без кожи? — спросил мистер Орни.

(Все эти и многие другие сравнения Даниель приводил раньше, показывая различные здания Ист-Лондонской компании.)

Гребцы с любопытством поглядывали на пассажиров.

— Я хотел сравнить его с пнём в саду, — зловеще проговорил Даниель, — который на первый взгляд легко выкорчевать, однако через несколько часов работы мотыгой вам становится ясно, что корни его протянулись во все стороны.

— Это место чем-то отличается от тех, что вы нам показывали? — спросил мистер Тредер.

— Без сомнения. Оно ближе всего к Лондонскому мосту и к Сити, поэтому здесь мистер Нокмилдаун занимается куплей-продажей вещей определённого рода: достаточно маленьких, чтобы их можно было пронести в руке, и притом достаточно ценных, чтобы игра стоила свеч. Крупнообъёмный товар, как мы видели, принимают и продают ниже по реке.

— От склада и впрямь открывается отличный вид на мост, — заметил господин Кикин. Он полупривстал и, нагнувшись, вертел головой из стороны в сторону.

— А с моста — на склад, — произнёс Даниель. — Это место зовётся Бимбар-яма, что значит «притон, в котором торгуют часами». В ближайшие дни мы узнаем о нём больше!

— Окончена ли рекогносцировка? — спросил Орни. — Мы приближаемся к мосту, и в дождливый день течение здесь опасно для нашего судна.

— По крайней мере, для наших желудков, — вставил Тредер.

— Можем ли мы подойти к Большому причалу? — спросил Даниель, указывая на пирс,

отходящий от самого крупного из двадцати водорезов Лондонского моста, почти посередине реки. — Я хотел бы показать клубу нечто небезынтересное довольно близко отсюда.

— Я проголосую за, — объявил мистер Тредер, — при одном условии: если доктор Уотерхауз оставит свои экивоки и просто, честно, без обиняков скажет, что он имеет в виду.

Орни выразил самую горячую поддержку и, заручившись кивком господина Кикина, велел гребцам поворачивать на север и идти поперёк течения, одновременно позволяя ему снести судно чуть дальше от моста. Теперь предстояло развернуть «Благоразумие» и двигаться к причалу. Манёвр был выполнен точно напротив Бимбар-ямы, на которую Даниель смотрел так, словно должен срочно загнать целый мешок тыренных часов.

— Следующий пункт повестки дня, — провозгласил мистер Тредер, — вытянуть из доктора Уотерхауза объяснения, зачем мы здесь и почему казна клуба, прилежно собираемая и бережно хранимая на протяжении стольких месяцев, внезапно оказалась истрачена.

— Наш новый сочлен, который выражает сожаление, что не смог сегодня к нам присоединиться,

пополнит её в ближайшее время, — заверил Даниель.

– *Если* это правда, то его взнос будет весьма кстати, поскольку за *другим* отсутствующим сочленом числится недоимка.

— Зато мы обязаны мсье Арланку бесценной информацией, — сказал Даниель.

— Почему же он не с нами и не обогатит нас ещё больше?

— Он не знает, насколько был полезен. Я намерен и дальше держать его в неведении.

— И сдаётся, нас тоже, — проворчал мистер Орни, за что — редкий случай — удостоился кивка со стороны мистера Тредера. Что до Кикина, тот принял позу многострадального русского, курил трубку и помалкивал.

— Имярек сознался, что он не безумец, — начал Даниель (за время поездки по реке он поведал соклубникам о своём с Исааком походе в Бедлам). — Однако он заявил, что мы никакими силами ничего из него не вытянем.

— Знакомое затруднение, — пробормотал Кикин, не вынимая изо рта трубку. — Они боятся Джека больше, чем вас. Я знаю некоторые пытки…

— Сэр! — возмутился мистер Тредер. — Здесь

Англия!

— Мы предпочитаем подкуп, — заметил Даниель. — Торг был долог, рассказывать о нём скучно. Довольно сообщить, что, согласно записи в приходской книге, Имярек умер, и на кладбище Вифлеемской больницы ему выкопана могила.

— Как вы его убили? — вежливо полюбопытствовал Кикин.

— В яму положат труп из подвалов Королевского общества, где никто пропажи не заметит. Человек, внешне похожий на Имярека, но с другим именем, едет сейчас в Бристоль. На следующей неделе он отправится морем в Каролину, где должен будет десять лет отработать по контракту на ферме. В благодарность за перечисленные меры — очень сложные и *дорогостоящие* — он без утайки поведал, зачем делал дыры в стенах Бедлама.

— Услышим ли мы от вас то, что он рассказал? Или вы тоже потребуете, чтобы вас отправили в Каролину подневольным работником? — спросил Тредер.

— Спасибо, нет надобности, — вежливо отвечал Даниель. — Имярек сообщил, что он — лишь один из множества громил, скокарей и ливерщиков (всё это различные специальности,

объединяемые общим названием «взломщик»), откликнувшихся на призыв, распространённый через Бимбар-яму и другие подобные заведения неназванным лицом, предположительно самим Джеком-Монетчиком. Лицо это дало понять, что интересуется некими зданиями и особенно тем, что спрятано в их стенах. Всякий, кто проникнет в перечисленные здания и добудет что-либо из стен, может прийти в Бимбар-яму и предложить добычу указанному лицу. Приобретаться будет не весь товар, а лишь определённого рода, после тщательного осмотра.

— Видимо, Джеку и впрямь очень нужны эти вещи, если он готов ради них показаться на виду, — заметил Орни.

— И его таким образом можно заманить в ловушку! — подхватил Тредер.

— Увы, всё не так просто, — отвечал Даниель. — Продажа будет осуществляться посредством арабского аукциона.

Господина Кикина явно позабавили недоуменные лица Тредера и Орни.

— Позвольте мне? — обратился он к Даниелю. — Ибо так русские торгуют с турками, когда мы воюем.

— Сделайте милость.

— Когда араб хочет торговать в опасной обстановке — например, с негром посреди Сахары, — он ведёт свой караван к какому-нибудь оазису, отходит довольно далеко на открытое место и складывает товар в кучу. Затем удаляется на расстояние, с которого его нельзя поразить копьём, но так, чтобы видеть своё добро. Теперь негр может без опаски подойти к товару и положить рядом то, что предлагает в обмен. Он отходит, араб приближается, осматривает принесённое негром и добавляет что-либо в свою кучу либо отбавляет из неё. Так продолжается, пока кто-нибудь из них не решит, что сделка его устраивает. Тогда он забирает предложенный товар. Второй дожидается, когда первый уйдёт, и грузит на верблюдов остальное.

— Если обойтись без верблюдов, барханов и прочих экзотических атрибутов, всё то же происходит в пустой комнате Бимбар-ямы, — сказал Даниель. — Вору и клиенту не обязательно друг друга видеть. Довольно, чтобы оба верили мистеру Нокмилдауну, а они — обоснованно или нет, не знаю — ему верят.

— У меня нехорошее чувство, что я угадал ваши намерения, — сказал мистер Тредер, — поскольку у вас теперь на руках вещи из стены Бедлама.

Но не думаете ли вы, что член Королевского общества вызовет в доме мистера Нокмилдауна недолжное любопытство и о странном визите немедля доложат Джеку?

— План предложил сам сэр Исаак Ньютон, — отвечал Даниель. — Он привёл сравнение с охотничьей стратегией, при которой козу либо другое животное, какого не жалко, привязывают на поляне в лесу, чтобы выманить хищника туда, где его легче подстрелить. Мы не знаем, что нужно Джеку, но, скорее всего, это есть среди найденного в Бедламе. Мы можем начать аукцион. Мистер Тредер считает, что если мы будем участвовать в нём сами, то ничего не выйдет. Сэр Исаак предвосхитил это возражение. Он посоветовал, чтобы мы, следуя его примеру, являлись на воровскую квартиру, переодетые преступниками.

Долгое зловещее молчание. Не дожидаясь, когда соклубники придут в себя и вышвырнут его за борт, Даниель продолжил:

— По счастью, мы уже сговорились с мистером Партри, для которого такие места — всё равно что церковь для мистера Орни. Он согласен выступить нашим представителем на аукционе.

— Это ещё хуже! — вскричал Кикин. — Партри зарабатывает на жизнь тем, что ловит воров!

— Нет, нет, нет! Вы так ничего и не поняли, — сказал мистер Тредер, явно досадуя на тугодумие Кикина. — Вся суть поимщиков в том, что они сами преступники — иначе как бы они ловили других преступников?

— Вы дадите ценности вору и поручите ему отнести их на самый большой воровской рынок христианского мира, с тем чтобы продать на аукционе другому вору?

— Он вор с превосходной репутацией, — отвечал мистер Тредер. — Я и впрямь не понимаю вас, сударь, вы же сами его наняли!

На это господин Кикин мог только закатить глаза, как всякий иностранец, столкнувшийся с англосаксонской логикой. Он вздохнул и отодвинулся к краю скамьи.

— Аукцион начнётся сегодня, — объявил Даниель, похлопывая по шкатулке у себя на коленях. — Мы встретимся с Партри в нашей квартире на Лондонском мосту.

— Это следующий вопрос. Как я вижу, вы взяли на себя смелость арендовать недвижимость от имени клуба! — воскликнул мистер Тредер.

Теперь пришёл черёд Даниеля закатить глаза.

— Мистер Партри и мистер Хокстон выселили из каморки над трактиром шлюху и двадцать

миллионов клопов. Если это называется «арендовать недвижимость», то «Благоразумие» — Испанская армада!

— На те деньги, что вы издержали, вполне можно было снарядить Испанскую армаду, — проворчал Орни. — Впрочем, доброе старое «Благоразумие» с меньшей вероятностью навлечёт на себя огонь из Тауэра.

Засидка в «Грот-салинге»

ЛЮДИ, СИДЯЩИЕ ПОД ЗОНТАМИ и навесами на Большом причале, не оценили красот и достоинств «Благоразумия», а некоторые даже вылезли под дождь и замахали руками — не надо, мол, сюда приставать. По большей части это были лодочники, которые опасались, что громоздкий баркас загородит половину причала и создаст им помехи на неопределённое время. Они успели высказать всё, что думают, словами и жестами, покуда гребцы мистера Орни преодолевали течение со скоростью неторопливого пешехода. Однако тут на причале появился человек, который превосходил лодочников и ростом, и шириной плеч; он несколько раз прошёл по краю пирса, останавливаясь поговорить с каждым из недовольных. Все беседы были коротки и заканчивались одинаково: возмущённые лодочники

поворачивали и уходили под мост. К тому времени как «Благоразумие» подошло настолько, что Орни смог бросить швартов, только этот рослый малый и остался на пристани. Он поймал трос, трижды обмотал вокруг швартовой тумбы и потянул так, что «Благоразумие», разом сократив оставшиеся футы, ударилось о причал.

— Осторожно, зазор, — предупредил Сатурн.

Пассажиры вняли его словам и, шагнув через щель между бортом и пристанью, благополучно оказались на берегу. Орни отправил «Благоразумие» в Ротерхит, и Сатурн повёл членов клуба по каменному козырьку к лестнице, то ли недостроенной, то ли бестолково ремонтируемой. Они поднялись на полусогнутых, балансируя руками, как пьяные на льду. Лестница вывела их в верхний мир моста: на обычную лондонскую улицу, только висящую в воздухе на каменных сваях. Слева улица ныряла под арку старинной церкви, перегораживающей мост, справа начинался противопожарный разрыв, именуемый Площадью. Вслед за Сатурном пассажиры «Благоразумия» повернулись спиной к ней и Лондону и двинулись на юг, как будто хотели осмотреть Бимбар-яму с улицы. Однако гораздо раньше — менее чем в сотне шагов за церковью — Сатурн

боком втиснулся в средневековый дверной проём, такой узкий, что прямо бы он туда не прошёл. Над входом красовалась деревянная платформа размером с кухонную доску, насаженная на мачту; от неё отходили миниатюрные ванты из пеньки, изрядно подгнившие от непогоды и частично растащенные птицами на строительство гнёзд. На платформе стояла фигурка матроса с чаркой грога в руке, ниже для грамотных посетителей было намалёвано название трактира: «Грот-салинг».

Следом за Сатурном члены клуба вошли в помещение, пол которого был усыпан плетями хмеля для придания воздуху свежести (мера, надо сказать, не помогла). Немногочисленные посетители (человек шесть) сидели вдоль стен, как будто в центре трактира разорвалась граната и их разметало по сторонам. Это были не матросы (потому что обутые) и не капитаны (потому что без париков). Видимо, в «Грот-салинге» собирался средний класс обитателей моста: шкипера, лодочники, извозчики и тому подобный люд. Все разговоры сразу умолкли, все взгляды устремились на вошедших. Трактирщик кивнул им из-за своего бастиона в углу. Члены клуба, не зная, что наплёл хозяину Сатурн, отвечали кивками

и невнятным мычанием. Дверь в дальнем конце помещения вела на крутую тёмную лестницу, не нуждавшуюся в перилах: чтобы не упасть, довольно было расправить плечи, упереться ими в стены и глубоко вдохнуть. Сатурн как-то сумел её преодолеть и через ещё одну узкую дверь протиснулся в комнату.

Впрочем, члены клуба, вошедшие за ним, увидели сперва не комнату, а то, на что смотрели её окна: лондонскую гавань, которая выглядела запруженной древесным сором, так много здесь было судов всех размеров и форм. На «Благоразумии» они почти полдня лавировали среди этого скопления, иными словами, были его частью и могли бы привыкнуть. Однако сверху, через частый оконный переплёт, картина представала совершенно иной: бесчисленные суда, каждое из которых по-своему загружалось, разгружалось, конопатилось, смолилось, красилось, ремонтировалось, драилось, покачивалось на воде под проливным дождём, казались выставленными на обозрение клубу, словно некий деспот, одержимый страстью к морской живописи, приказал вырубить все леса в государстве и забрать всех подданных в матросы, дабы написать с натуры эпическое полотно.

Пол в комнате был просто изнанкой трактирного потолка; в широкие щели между досками проникали полосы света и фумаролы табачного дыма.

Сильно удивила членов клуба соломенная кровля — в послепожарном Лондоне таких уже не осталось. Все некоторое время смотрели, разинув рот и словно говоря: «Да, я слыхал, что когда-то мы строили убежища из травы».

Здания на Лондонском мосту возводили методом проб и ошибок. Хозяева расширяли свои дома, надёжные в том смысле, что они до сих пор не рухнули, достраивая помещения над водой на карнизах, удерживаемых наклонными опорами. То была стадия проб. На стадии ошибок пристройки падали в Темзу: недели через две их выбрасывало волнами на побережье Фландрии, иногда вместе с мебелью и утопленниками. Те, что не падали, заселялись; со временем к ним лепили следующие. В итоге этих бесчисленных итераций мост за столетие разросся вширь, насколько позволяли Божьи законы и людская изобретательность.

Даниель, пройдя по шатким доскам в восточную часть комнаты, оказался с трёх сторон зажат окнами. Когда-то здесь был экспериментальный

балкон; после того, как он простоял несколько лет, его застеклили. Словно творог на сите, Даниель висел над Темзой, удерживаемый лишь редкими досками примерно в палец толщиной. Сквозь щели он видел, как бурлит у опоры вода. На миг накатило головокружение — вечный бич Гука. Переборов слабость, Даниель посмотрел в сторону Саутуарка и довольно быстро нашёл Бимбар-яму: до её почерневшего кирпичного фасада было не больше двухсот ярдов. Для удобства наблюдений кто-то оставил на подоконнике подзорную трубу и вынул один стеклянный ромбик переплёта.

— Любуйтесь, — произнёс новый голос. — Труба не хуже, чем у вас в Королевском обществе.

Даниель обернулся и увидел Шона Партри: тот сидел в дальнем углу комнаты, по-турецки скрестив ноги, обложенный железяками, и набивал трубку.

Даниель взял трубу, раздвинул на всю длину и примостил широким концом в нижний угол вынутого ромба, куда всё тот же заботливый человек заранее положил тряпицу. Таким образом труба фиксировалась плотно, а у Даниеля оставалась возможность немного поворачивать узкий конец. Он приложил глаз к окуляру и, наведя

на резкость, увидел увеличенные окна верхнего этажа Бимбар-ямы. Некоторые были заколочены или завешены обрывками парусины, одно стояло выбитое. За ним виднелись половицы нежилой комнаты, испещрённые белыми звёздами птичьего помёта.

— Смотреть особенно не на что, — признал Партри. — Мистер Нокмилдаун не любит соглядатаев.

— Отлично! — вынес вердикт Даниель. — Охотник, который приманивает дичь, должен устроить засидку, чтобы наблюдать за зверем, — близко, но не слишком, дабы тот не увидел его и не насторожился. Эта комната удовлетворяет всем требованиям. Насчёт трубы, мистер Партри, вы правы. Линзы шлифовал мастер.

По комьям пыли и перьям от подушек можно было определить, где у прежней обитательницы стояла кровать, средство извлечения дохода. Ложе греховных наслаждений выбросили в реку и заменили мебелью из досок и бочонков. Тредер и Кикин тут же уселись, Орни двинулся было к окну, чтобы посмотреть на «Благоразумие», однако замер на месте, почувствовав, как балкон проседает под его весом.

— Что вы сказали хозяину о нас и о наших це-

лях? — спросил мистер Тредер Сатурна.

— Что вы из Королевского общества и будете наблюдать за течением реки.

— Он ведь так не думает?

— Вы не спросили меня, что он *думает*. Вы спросили, что я *сказал*. Думает он, что вы дельцы и расследуете случай мошенничества со страховкой, для чего вам надо следить за неким кораблём в гавани.

— Отлично — пока он будет рассказывать всем такое, никто не заподозрит, чем мы на самом деле заняты.

— О нет, он не станет этого рассказывать. *Рассказывать* он будет, что вы — диссентеры, вынужденные собираться тайно из-за последних законов, принятых по настоянию Болингброка.

— Я просто хочу сказать: пусть посетители трактира считают, что мы диссентеры.

— Нет, они так не считают. *Считают* они, что вы содомиты, — отвечал Партри, чем на время заткнул Тредеру рот.

— Неудивительно, что с нас дерут такую плату, — задумчиво проговорил Кикин, — учитывая, сколько всего творится в одной каморке.

Партри сидел на куске парусины в позе портного, только работал он с орудиями поимщицкого

ремесла: наручниками, кандалами, цепями, ошейниками и замками, которые поочерёдно осматривал и смазывал. Вряд ли это улучшало репутацию клуба у завсегдатаев питейного заведения внизу.

— Что предложим сегодня на аукцион? — спросил Партри.

Даниель отошёл от окна, передал трубу мистеру Орни и взял шкатулку, которую, войдя, поставил на бочку.

— Раз уж вы знаток оптики, мистер Партри, это вас заинтересует. Здесь собрание линз, иные не больше мышиного глаза, но все отшлифованы безупречно.

Партри сощурился.

— Думаете, Джек-Монетчик затеял такую кутерьму ради коробки линз?

— Думаю, ему нужно что-то из вещей Гука. Что и зачем, я не знаю. Предлагая линзы, мы показываем, что у нас и впрямь есть на продажу вещи Гука, поскольку никто больше таких не делал. Купит Джек или нет, внимание его нам сегодня обеспечено.

— Сегодня, завтра или через неделю, — поправил Партри. — Трудно сказать, сколько они пролежат в Бимбар-яме, прежде чем Джек или

его представитель удосужится на них взглянуть.

С этими словами Партри забрал у Даниеля шкатулку, спрятал её под матросскую куртку и начал спускаться по лестнице. Сатурн пошёл следом. Сквозь щели в полу члены клуба слышали, как он просит хозяина отправить наверх четыре кружки горячего флипа.

«Охота» началась. Даниель перетащил на балкон пустой ящик и сел лицом к Бимбар-яме. Он не рассчитывал увидеть что-нибудь стоящее, но чувствовал, что так диктуют приличия. Служанка с расширенными от жадного интереса глазами внесла четыре кружки дымящегося флипа. Этот напиток из горячего пива с бренди, яйцом и пряностями обычно готовили зимой, но для нынешней погоды он подходил как нельзя лучше. Орни вытащил из кармана Библию и погрузился в чтение, не обращая внимания на ядовитые взгляды мистера Тредера. Кикин надел очки и принялся изучать внушительного вида кириллический документ. Тредер выудил из одежды карандаш и начал строчить заметки, используя бочку вместо стола. Даниель не захватил с собой ничего, чтобы скоротать время. Цепи и кандалы Партри его не привлекали. По счастью, Питер Хокстон, ярый книгочей, успел разбросать по

комнате немало печатной продукции, например английский перевод Спинозы. Даниелю хотелось чего-нибудь полегче, и он взял памфлет.

Дипломатические ПРЕДЛОЖЕНИЯ королевы Бонни Её Британскому Величеству, переведённые с африканского Даппой, послом в Клинкской слободе.

АПОЛОГИЯ

Вследствие умственного помрачения, охватившего *мистера Уайта* и внушившего ему мысль, будто он мой владелец, я некоторое время назад сменил суровую жизнь мореплавателя на отдохновение в Клинке, где нахожусь за кражу самого себя. Обвинение сие опровергнуть в высшей степени затруднительно, ибо, когда магистрат строго осведомился, обладаю ли я своей особой, я, всегда почитавший самообладание одним из своих достоинств, ответствовал *утвердительно*, на что магистрат ударил молотком и велел, заковав в кандалы, бросить меня в тюрьму как укрывателя краденого.

Такая перемена в моих *привычках* оказалась на руку некоторым обитателям этого и других государств. Мои друзья и сородичи, давно отчаявшиеся поразить столь подвижную цель метко направленным письмом, наконец осуществили

своё желание. Не проходит и дня, чтобы мне не приходили источенные червями и размокшие от морской воды *послания* с далёкой родины. Сегодняшнее доставил корабль, который прибыл в Лондон прямиком с Невольничьего берега, везя сундук, полный испанских пиастров — часть дохода, причитающегося, согласно условиям последнего мирного договора, правительству Её Величества за торговлю между Африкой (крупнейшим поставщиком негров) и Карибскими островами (жадным потребителем оных). Сундук передали мистеру Уайту, который прибыл на корабль в сопровождении нескольких господ, украшенных странными значками с изображением серебряной борзой; позже все они были замечены на Голден-сквер перед великолепным особняком виконта *Болингброка.* Увы, где-то по пути сундук прохудился, и пиастры выпали. К тому времени, как мистер Уайт вошёл в дом виконта, сундук практически опустел. Курьеров спешно отправили назад собирать потерянное, но обычные лондонцы уже подобрали все монеты до единой. Поскольку большинство простых англичан в глаза не видели *серебряной* монеты — фунт стерлингов в Англии такая же редкость, как правдивый тори, — никто не понял, что это

такое. Однако, узрев профиль *Бурбона*, патриотично настроенные англичане преисполнились гнева и зашвырнули возмутительные медальоны во Флитскую канаву, на дно которой те немедля и ушли. Итак, доходы от *асиенто* исчезли, хотя флитские золотари рассказывают, что безлунными ночами на берегу означенной клоаки часто видят человека, похожего на виконта Болингброка: он стоит, держа в руках плащ и дорогой костюм, сплошь расшитый серебряными *борзыми*, в то время как некий голый господин плещется во Флитской *канаве*, словно ныряльщик в тропической лагуне, и время от времени выныривает с блестящим новеньким пиастром в зубах. В награду человек на берегу бросает ему ухо, подобно охотнику, который мясо забирает себе, а кости швыряет собакам; те же в простоте души полагают себя облагодетельствованными.

Такова судьба последних денег *асиенто*. Зато я счастлив сообщить, что мешок с почтой, доставленный тем же кораблём, избежал столь печальной участи, ибо его снёс на берег честный человек, позаботившийся, чтобы каждое послание достигло места назначения, даже такого смиренного, как Клинкская тюрьма.

Так у меня в руках оказалось письмо Её Аф-

риканского Величества королевы Бонни. Оно адресовано Её Британскому Величеству. Однако поскольку ни королева Анна, ни её министры не владеют языком многочисленных британских подданных на Карибских островах, Её Африканское Величество направили письмо мне с тем, чтобы я перевёл его на английский. Сие я исполнил, однако все мои попытки отправить письмо Её Британскому Величеству закончились безуспешно. Сколько я посылал его, столько оно возвращалось с пометкой: «Получатель отказывается платить». Я заключаю, что пропажа денег, вызвавшая такую шумиху в Вестминстере, затронула и Сент-Джеймсский дворец. Посему, стремясь оказать Её Британскому Величеству услугу, я принял решение опубликовать послание Её Африканского Величества в надежде, что порыв ветра занесёт какой-нибудь из листков в Сент-Джеймсский дворец, избавив правительство Её Британского Величества от непосильных почтовых расходов.

Письмо начинается так:

Досточтимая сестра!

Лучи Просвещения, исходящие от Вашей особы, столь сильны, что мои подданные, прежде бледные, как сироты в ирландском работном доме,

загорели до черноты…

[Примеч. переводчика: здесь я опущу различные извинения, комплименты и прочая и перейду непосредственно к основной части письма Её Африканского Величества.]

Дошло до меня известие, что некие деньги, причитающиеся Вашему Величеству как законная прибыль от работоргового промысла, не попали в Вашу казну и никакими силами сыскать их не удаётся. Новость сия воистину примечательна, ибо сходные недостачи отмечены на двух других сторонах торгового треугольника. Как то: предполагается, что на Карибские острова доставят определённое количество моих подданных. В невольничьих фортах на побережье Гвинеи капитаны принимают их по строгому счёту и вносят в списки. Тем не менее несколькими неделями позже те же корабли прибывают на Ямайку, Барбадос и прочая наполовину пустыми; немногие выжившие невольники, выгружаемые из зловонных трюмов, находятся в столь жалком состоянии, что значительную часть бросают на берегу, ибо ни один плантатор не хочет их покупать. Подобные же упущения я могу наблюдать из своего королевского двора в Бонни. Нам внушили, что торговля принесёт Африке циви-

лизацию, христианство, просвещение и прочие блага. Вместо цивилизации мы каждодневно получаем целые корабли белых дикарей, которые свирепствуют в наших краях, словно орды викингов в женском монастыре; вместо христианства нам экспортируют языческий взгляд, оправдывающий рабовладение тем, что оно было у римлян. Вместо света просвещения нас окутывает тьма бесчинств и пороков.

В рассуждении того, что ни одна из сторон торгового треугольника не действует, как положено: цивилизация не попадает в Африку, рабы — в Америку, а деньги — в казну Вашего Величества, предлагаю списать затею как неудачную и немедленно положить ей конец.

Честь имею оставаться

Вашего Британского Величества смиренная слуга,

но (пока ещё) не покорная раба

БОННИ

Даниель с улыбкой поднял глаза и уже хотел зачитать листок вслух, но был парализован змеиным взглядом мистера Тредера.

— Завтра же я принесу сюда Библию короля Якова, — объявил тот, — чтобы доктор Уотерхауз мог последовать достойному примеру своего еди-

новерца — (быстрый взгляд в сторону мистера Орни) — и перейти от пасквилей к Писанию!

Даниель отложил листок и некоторое время смотрел в окно. Минут пять спустя он различил еле заметное движение на фасаде Бимбар-ямы. Что-то изменилось в одном из окон верхнего этажа. Даниель медленно встал, не решаясь отвести взгляд; так огромна была панорама Лондона, гавани и Саутуарка, открывавшаяся с балкона, что эту йоту потерять было легче, чем пузырик в штормовом море. На то, чтобы раздвинуть, навести и сфокусировать подзорную трубу, ушла целая вечность. Тем не менее в итоге Даниелю удалось чётко увидеть окно, почти целиком завешенное парусиной, но с человеческой рукой, по виду существующей отдельно от тела; она держала занавесь и принадлежала, как это свойственно рукам, человеку; он стоял спиной к окну и придерживал парусину, надо думать, с целью впустить в комнату свет. Затем рука исчезла, занавесь вновь закрыла всё окно. Тут многие повернулись бы, чтобы бросить какое-нибудь замечание товарищам, и потеряли бы окно, на которое смотрели. Однако Даниель из умственной дисциплины, выработанной пятьдесят лет назад, не шелохнулся, пока не запомнил

некоторые особенности искомого окна: шов на парусине в верхнем правом углу и два более светлых кирпича в подоконнике. Только после этого он повернул трубу вбок, заставив изображение двигаться со скоростью, казавшейся значительно больше из-за увеличения, и сосчитал окна до края здания (три); затем повёл её назад и убедился, что сможет вновь отыскать нужное окно. Лишь теперь он оторвал глаз от окуляра и сообщил остальным о том, что увидел.

Партри вернулся через полчаса, а Сатурн — на десять минут позже. Они заранее условились, что Партри пойдёт один, а Сатурн — на некотором отдалении, чтобы проверить, не увяжется ли за ним кто-нибудь на обратном пути. Итак, Сатурн отыскал трактир напротив Бимбар-ямы и дождался, когда выйдет Партри. Посидев ещё несколько минут, он увидел, что за Партри и впрямь идут двое мальчишек; однако на профессиональный взгляд Сатурна то были не шпионы Джека или мистера Нокмилдауна, а всего лишь предприимчивые карманники, которые, совершив одну сделку в Бимбар-яме, присмотрели Шона Партри как следующую перспективную жертву. Сатурн знал обоих по прошлым делам, о которых не стал перед клубом распространяться. Как бы случайно

подойдя к ним на мосту, он мимоходом обронил, что сейчас в «Грот-салинг» вошёл сам знаменитый поимщик Шон Партри, так-то одетый. Мальчишки, услышав его, немедля отправились на поиски менее опасной добычи.

Партри рассказал о своём визите в Бимбар-яму — быстро, потому что ничего особенного не произошло. Внизу есть своего рода «приёмная», где подают напитки; Партри высказал догадку, что пока посетители ждут там, их разглядывают через дырки в стенах. Он изложил цель своего визита; спустя какое-то время его провели к некоему «Роджеру Роджерсу», помощнику мистера Нокмилдауна. Тот объяснил, что хозяин сейчас в одной из своих факторий ниже по реке, но оставил распоряжения на случай нынешней ситуации, каковые распоряжения Роджерс и выполнил. По ходу дела Партри пришёл к выводу, что до сих пор ещё ни один взломщик не откликнулся на объявление, сделанное Джеком много недель назад. Итогом стала череда комических недоразумений. Роджерс водил Партри по Бимбар-яме, ища место для арабского аукциона и натыкаясь то на несметную сокровищницу краденых часов, то на шлюху, ублажающую разом трёх накачанных джином одиннадцатилетних

карманников. Партри принялся рассуждать вслух: комната должна быть светлой, чтобы покупатель смог рассмотреть предложенный товар. Хорошо бы окнами на реку, чтобы туда не заглядывали с улицы. Лучше на верхнем этаже, чтобы не вводить во искушение воров. Предлагая такие советы всякий раз, как Роджерс оказывался в растерянности, Партри незаметно добился того, чтобы его привели в комнату верхнего этажа, окнами на реку, и даже чтоб Роджерс отодвинул занавеску. Партри рассчитывал, что это увидят из засидки в «Грот-салинге», и не ошибся.

Итак, первая заявка на арабском аукционе была сделана. Дальше беседа стала очень скучной, что обнадёживало, поскольку именно в такого сорта скучных делах люди вроде Тредера или Уотерхауза особенно сильны. Слежку за Бимбар-ямой предстояло вести круглосуточно. Сатурн вызвался ночевать в засидке, что заметно ускорило обсуждение и дало Сатурну возможность откланяться. Составили расписание, по которому Орни, Кикин, Тредер и Уотерхауз разделили между собой дневные часы. Остались дыры; члены клуба надеялись, что их заткнёт Ньютон или даже Арланк. Партри следовало заглядывать в Бимбар-яму раз или два на дню, смотреть, не оста-

вил ли что-нибудь покупатель, затем, покружив по улицам и убедившись, что нет слежки, идти в «Грот-салинг» и отчитываться перед дежурным. Тот должен был внести запись в журнал, дабы остальные члены клуба знали, что происходит.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ВЕСЬ ХОД «охоты», сколько б она ни продолжалась, можно за несколько минут проследить по журналу. Первая запись от 12 июля просто излагала предшествующие события. Её сделал Даниель, взявший на себя первое дежурство от ухода остальных до появления на лестнице Сатурна, толкавшего впереди себя свёрнутый матрас.

13 ИЮЛЯ, УТРО

Ночь провёл приятнее, нежели ожидал. Дабы скоротать время, закрепил подзорную трубу мистера Партри так, чтобы она была постоянно направлена на искомое окно. Увы, даже отблеск свечи не вознаградил моё неусыпное бдение. Будем молить Небо, чтобы всё закончилось до зимы, ибо по ночам здесь холодно даже в теперешнее время года, чем дополнительно объясняется манера бывшей постоялицы проводить в постели круглые сутки. С наступлением темноты летучие мыши выбираются из убежищ под кровлей и

летают между половицами. Однако вас, ведущих дневной образ жизни, сказанное смущать не должно.

Питер Хокстон, эсквайр

13 ИЮЛЯ, ДЕНЬ

Ничего.

Кикин

13 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

В четыре часа пришёл Партри с места аукциона. Доложил, что рядом с линзами оставлен медный жетон наилегчайшего веса. Я отправил записку доктору Уотерхаузу. Следующий ход наш. Господа?

Тредер

13/14 ИЮЛЯ, НОЧНЫЕ РАЗДУМЬЯ

Он мог бы не предложить нам *ничего,* а предложил *что-то.* Мне затруднительно постичь истинный смысл смиренной медяшки. Однако, считая летучих мышей ночь напролёт, я пришёл к следующему умозаключению: Джеку (либо его представителю) не нужны линзы. Посему он предложил оскорбительно малую плату. Тем не менее он желает продолжить аукцион. Теперь нам следует добавить к куче что-нибудь ещё.

Питер Хокстон, эсквайр

14 ИЮЛЯ, ДЕНЬ

Согласен с гипотезой Сатурна (см. выше). Принёс чертёж летательного аппарата, найденный в стене Бедлама. Кто следующий увидит мистера Партри, попросите его отнести чертёж в Бимбаряму и забрать линзы.

Д-р Уотерхауз

14 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

Воистину дикарский способ заключать сделки. Разобрал инструкции, оставленные братом Даниелем, и зачитал их неграмотному мистеру Партри. Он отбыл с чертежом и, Бог даст, вернётся с линзами.

NB. Вечерние дежурства весьма тягостны ввиду того, что посетители «Грот-салинга» поют и курят табак. Готов обменять моё вечернее дежурство 17-го числа на утреннее в любой день, кроме завтрашнего.

Орни

15 ИЮЛЯ, УТРО

* Партри.

Вчера наш Меркурий* возвратил линзы в целости и сохранности. Около полуночи я наблюдал свет из интересующего нас окна. В подзорную трубу удалось различить увеличенную и сильно искажённую человеческую тень на холщовой

занавеси. Разумно предположить, что в помещении горел фонарь либо свеча. Сожалею, что не могу подробно описать того, кто отбрасывал тень. Через несколько минут свет погас.

В два часа постучал некто, рассчитывавший найти содомита. Вынужден был его разочаровать.

Питер Хокстон, эсквайр

15 ИЮЛЯ, ДЕНЬ

Ни пения, ни содомитов, ни Меркурия.

Кикин

15 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

Повторяю просьбу избавить меня от гнусных пороков, свободно практикуемых внизу. Готов обменять вечерние часы на утренние по выгодному курсу.

Партри доложил, что за чертёж нам предложили серебряный пенни в хорошем состоянии. Я отправил записку брату Даниелю.

Орни

16 ИЮЛЯ, УТРО

Вчера в пять минут десятого уже привычное мне одиночество было скрашено нежданным, тем не менее весьма приятным появлением доктора Уотерхауза. Он получил записку мистера Орни и видит в сегодняшних новостях подтвер-

ждение тому, что Джека либо его представителя более интересуют Гуковы писания, нежели изделия его рук. Он привёз бювар с химическими рецептами, записками и прочая, найденными в стенах Бедлама, и предложил положить их на место чертежа летательного аппарата. Результат покажет (заимствуя выражение из детской игры), теплее это или холоднее.

Хокстон, эсквайр Питер

16 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

Готов взять на себя завтрашнее вечернее дежурство мистера Орни, если взамен он отдежурит за меня 18-го и 19-го днём.

Тредер

P. S. Ничего не произошло.

P. P. S. Нашёл пение и прочая вполне невинным и даже подпевал.

17 ИЮЛЯ, НОЧЬ

Около семи часов вечера мы с мистером Орни и мистером Партри случайно оказались здесь в одно время. Мистер Партри забрал химические записки и отбыл по направлению к Бимбар-яме в 19:04, сказав, что скоро вернётся. Однако, когда колокола Св. Олафа и Св. Магнуса-мученика вновь заспорили о времени, его ещё не было.

Ведя наблюдения, я отметил, что занавеска на интересующем нас окне полностью отдёрнута, впуская остатки вечернего света, и в подзорную трубу различил рыжеволосого человека, который расхаживал по комнате. Полагаю, что это был мистер Нокмилдаун. За столом сидел человек в тёмном платье и методично перебирал содержимое бювара, из чего я заключил, что мистер Партри доставил бумаги по назначению. Движимый отчасти тревогой за нашего поимщика, отчасти надеждою лучше рассмотреть человека в чёрном (ибо через окно мало что увидишь), я в 20:10 вышел из «Грот-салинга», оставив на посту мистера Орни, и двинулся на юг по Лондонскому мосту. До парадной двери Бимбар-ямы, ведущей в приёмную, я добрался примерно к 20:13. Опасаясь любопытных глаз, я не стал входить, а некоторое время прогуливался по соседним улочкам (опыт, который я никому из членов клуба не рекомендовал бы повторять, ибо проулки вблизи факторий мистера Нокмилдауна кишат грабителями и прочая, как скотобойня — мухами), пока в 20:24 из тупика, образуемого тремя строениями Бимбар-ямы, не показался экипаж (наёмный, без каких-либо примет). Я следовал за ним до Больших каменных ворот, каковые он миновал в

20:26:30. Отсюда я смотрел, как экипаж едет через мост. Он оставил позади церковь Св. Магнуса-мученика (другими словами, исчез в Лондоне) в 20:29:55 довольно быстро, поскольку движение по мосту было свободным. Примечательно, что от Сити до штаб-квартиры мистера Нокмилдауна всего двести секунд: материал для проповеди, который я охотно уступаю всем желающим гомилетикам. По пути к Бимбар-яме я встретил на Тули-стрит мистера Партри с чертежом летательного аппарата под мышкой и, следуя нашему обыкновению, сделал вид, будто мы незнакомы. Дав крюк по соседним проулкам, я на некотором отдалении последовал за ним в «Грот-салинг».

Мистер Партри объяснил, что наш аукцион подобен колесу: сперва его заедало, теперь оно разогрелось и крутится как следует. Раньше покупатель приходил осматривать товар лишь через день-два. Однако сегодня, когда мистер Партри менял чертёж летательного аппарата на химические записки, он встретил самого мистера Нокмилдауна, и тот шепнул, что, если мистер Партри посидит и пропустит стаканчик-другой, он сможет недолгое время спустя зайти в аукционное помещение и увидеть ответ. Мистер Партри отправился ждать, но не в приёмную, а

в уютный маленький бар, предназначенный для личных гостей злочестного руководства, и в 20:23 (ибо я научил его определять время и снабдил часами, сверенными с моими), получив знак одного из служащих, вернулся в аукционную комнату. Там он увидел, что содержимое бювара просмотрено и рядом оставлен золотой луидор. Партри его не взял, давая понять, что в ближайшие день-два добавит к нашей куче что-то ещё.

Мистер Орни отправился к доктору Уотерхаузу, чтобы лично сообщить новость. Перед уходом он поделился со мною следующим щекотливым делом: мистер Орни считает, что предложение мистера Тредера обменять вечерние часы на утренние по курсу один к двум не заслуживают даже презрения, а уж тем более вежливого ответа. Он не знает, как довести это до сведения мистера Тредера. Поскольку я человек исключительно невежливый, никто лучше меня не справится с такой задачей, что настоящим и выполняю.

Питер Хокстон, эсквайр

18 ИЮЛЯ, УТРО

Попрошу членов клуба не засорять журнал дрязгами по поводу времени дежурств. Расписание всё равно нарушено вчерашними событиями. Я посоветовался с сэром Исааком. Он полагает,

что угадал желания покупателя, и я с ним согласен. Однако мы не хотим продавать оригинал документа этому человеку, кто бы он ни был, посему заняты сейчас изготовлением копии с некоторыми изменениями, так что она будет совершенно бесполезной (документ представляет собой химический рецепт, написанный на своего рода философском языке, то есть практически шифром; я достаточно знаю этот язык, а сэр Исаак — алхимию, чтобы вместе мы могли создать вполне убедительную подделку). Тем временем мистеру Хокстону поручено изготовить две неотличимых с виду шкатулки, посему ближайшие дни, а буде понадобится, и ночи он проведёт в Клеркенуэлл-корте.

Остальных членов клуба я бы попросил договориться между собой, кто какие часы возьмёт, не прибегая для этого к журналу.

Д-р Уотерхауз

18 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

Провёл здесь почти сутки в одиночестве. На царской службе приходилось терпеть и не такое.

Кикин

18 ИЮЛЯ, ПОЛНОЧЬ

(Писано без подготовки.) Наброски следует вве-

рять черновым тетрадям, где их не увидит чужой глаз. Я взял себе за твёрдое правило многократно переписывать документы, которые намерен представить вниманию других лиц либо коллег. Однако обстоятельства, приведшие к возникновению клуба, членом коего я с недавних пор имею честь состоять, столь необычны, что извиняют неотшлифованность моих торопливых строк.

Доктор Уотерхауз (который, пока я пишу, спит на полу возле) и я извлекли из долгого бдения господина Кикина неоспоримую пользу: мы изготовили документ в несколько страниц, с виду неотличимый от оригинала, составленного в 1689 году покойным мистером Гуком, сиречь написанный на такой же бумаге, сходными чернилами и сходным почерком, в тех же величавых, но туманных каденциях философского языка и теми же скупыми знаками истинного алфавита. Подобно исходному тексту мистера Гука, который документ по большей части воспроизводит, это якобы рецепт лекарственного эликсира столь сильного, что он способен воскрешать мёртвых, включённый в рассказ о странных событиях под куполом Бедлама. На самом деле рецепт бесполезен по двум нижеизложенным причинам:

Во-первых, для него, как и для исходного ре-

цепта, записанного мистером Гуком, потребна в качестве одного из ингредиентов таинственная субстанция; поскольку природа её не разъясняется, ни один другой исследователь не сможет воспроизвести полученный мистером Гуком результат (изъян, свойственный многим другим трудам упомянутого автора, а также возможная причина, по которой он замуровал рецепт в стене).

Во-вторых, некоторые инструкции по моему указанию сознательно искажены, и тот, кто в точности их исполнит, получит зловонный и безобразный осадок, называемый у алхимиков фекалиями.

Покуда мы в храме Вулкана корпели над *химическими* умопостроениями, мистер Хокстон и несколько его подручных во Дворе технологических искусств (пользуясь термином моего сонливого коллеги) смастерили две великолепные шкатулки из чёрного дерева и слоновой кости. Они сделаны совершенно неотличимыми посредством следующего метода: каждая деталь изготавливалась в двойном количестве и сами шкатулки собирались рядом на одном верстаке. Всякий документ, помещённый в такое хранилище, приобретает б***о***льшую значимость,

по крайней мере в глазах человека, падкого до внешних обольщений.

Одна из парных шкатулок сейчас в Клеркенуэлле, где мистер Хокстон трудится над дальнейшим её усовершенствованием. Вторую, вложив в неё поддельный документ, мы с доктором Уотерхаузом доставили в «Грот-салинг». Здесь мы сменили на посту стойкого господина Кикина и остались дожидаться мистера Партри.

Поскольку Партри не способен прочесть написанного на этих страницах, я позволю себе отозваться о нём свободнее, чем ежели бы подозревал, что он может в будущем ознакомиться с моими заметками. Прошу у клуба прощения за то, что предлагаю непрошеные советы. Хотя все его члены суть мужи зрелые и многоопытные, сам клуб пребывает в том возрасте, в каком, будь он младенцем, не обрёл бы ещё способности ползать и даже ворочаться в колыбели. Я вступил в его ряды последним, однако преследованием монетчиков занимаюсь уже более двух десятилетий, посему имею основание полагать, что мои суждения, тщательно взвешенные и разумно изложенные, будут небесполезны для членов клуба и заслуживают тех нескольких минут, что потребуются для их прочтения.

Я не стал бы нанимать Партри. Легко понять джентльменов, прибегающих к услугам поимщика, дабы проникнуть в гнусные притоны, где обретаются монетчики, ибо нахождение в подобных притонах равно отвратительно и опасно. И всё же Диас не открыл бы мыс Доброй Надежды, если бы не отправился в трудное плавание, из которого мог не вернуться; анналы Королевского общества хранят многочисленные свидетельства об учёных, не щадивших здоровья и даже жизни, ибо того требовало отыскание истины. Вот почему я давно взял в обычай наносить на лицо сгущённый сок бразильской гевеи, дабы придать ему вид изъязвлённого болезнью, и прочая, и прочая; преобразив таким образом свою внешность, я инкогнито посещаю тюрьмы, кабаки и другие подобные заведения с намерением видеть и слышать собственными органами чувств то, что презренный поимщик бессилен ясно воспринять и связно изложить.

Когда клуб удостоил меня своим членством, Партри был уже нанят, и я не предлагаю уволить его сейчас. Отказаться от услуг Партри на данной стадии аукциона значило бы заронить у покупателя серьёзнейшие сомнения. Однако, читая журнал, я не мог не отметить, что все сведения о

Бимбар-яме получены со слов мистера Партри, за исключением мимолётных и нечётких образов в окне. Желая убедиться, что он, подобно Гамлетову дяде, не льёт яд в ваши сонные уши, я вознамерился самолично посетить Бимбар-яму вместе с мистером Партри. Доктор Уотерхауз в тревоге за моё благополучие высказался против, однако, хорошо меня зная, прекратил свои увещевания прежде, нежели они сделались назойливыми. Мистер Партри воспротивился с горячностью, поначалу усилившей мои нехорошие догадки, однако, немного оправившись от изумления, нехотя согласился. Впрочем, увидев, как я в мгновение ока преобразил свою внешность посредством латекса и театрального клея, а также сменой одежды, осанки и поступи, он заметно успокоился и не возразил больше ни словом. Мы двинулись к Бимбар-яме с интервалом в десять минут. Я шёл первым, изображая торговца часами, который, движимый нуждой, восхотел приобрести товар по ценам, каких честный человек предложить не может. После того как я устроился в «приёмной», вошёл мистер Партри, неся шкатулку, завёрнутую в чёрную тряпицу. Внутри неё содержалась первая из страниц рецепта, составленного мною и доктором Уотерхаузом.

Было бы лишним излагать дальнейшие подробности, ибо я увидел более или менее то, что рассказал вам Партри. Мои подозрения, по крайней мере в части Бимбар-ямы и аукциона, оказались безосновательны. Шкатулка сейчас в аукционной комнате, дожидается покупателя. Партри ушёл туда, где уж он ночует. За время моего отсутствия доктор Уотерхауз заснул на часах; в армии за такое подвергают телесным наказаниям, как в клубе, не знаю. Я отстою первую ночную стражу, а его разбужу, как только пробьёт два.

Сэр Исаак Ньютон

19 ИЮЛЯ, УТРО

Сэр Исаак не преминул разбудить меня в указанное время. С тех пор я не набл. ничего. Однако я покривил бы душой, утверждая, будто мои глаза постоянно были открыты.

Д-р Уотерхауз

19 ИЮЛЯ, ПОЛДЕНЬ

Если бы брат Даниель переборол искушение закрыть глаза, он приметил бы свет в интересующем нас окне. Ибо в десять утра мистер Партри пришёл с известием, что подле шкатулки оставлена монета в пять гиней *(sic)*. Кто-то посмотрел первую часть рецепта и остался доволен увиден-

ным; я готов побиться об заклад на собственные пять гиней, что за следующую страницу нам предложат такую же сумму.

Орни

19 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

Отправил Партри в Бимбар-яму со второй страницей, однако мне не нравится оборот, который принимают наши дела. Что мешает покупателю переписать рецепт и оставить нас ни с чем?

Тредер

20 ИЮЛЯ, РАННЕЕ УТРО

Свет горел за грубой завесой на интересующем нас окне в течение более чем часа, подтверждая опасения мистера Тредера. Я могу развеять их, сообщив некоторые подробности касательно шкатулки. Как убедится всякий, кто возьмёт на себя труд внимательно её осмотреть, она с двойным дном. Нижнее отделение заперто; открыть его можно только ключом, который мы пока оставили у себя. Если покупатель доберётся до четвёртой страницы, он обнаружит пассаж, согласно которому необходимый для рецепта ингредиент спрятан в нижнем отделении шкатулки. Просто переписав четыре страницы, он не получит ничего, кроме боли в пальцах. Ему нужны шкатулка и ключ, которого он не получит,

пока не заплатит.

Также напоминаю мистеру Тредеру, что наша цель — не получить плату, а приманить покупателя.

Питер Хокстон, эсквайр

20 ИЮЛЯ, ПОЛДЕНЬ

Ничего.

Орни

20 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

Мистер Орни выиграл бы пари, если бы кто-нибудь опрометчиво согласился с ним спорить; Партри сообщил, что на первую монету положена вторая такая же. Я взял на себя смелость отправить страницу номер 3.

Кикин

21 ИЮЛЯ, РАННИЕ ЧАСЫ

Набл. дальнейшая деятельность. Подозреваю, что покупатель копирует или расшифровывает рецепт.

Питер Хокстон, эсквайр

21 ИЮЛЯ, ПОЛДЕНЬ

Согласен, что наше предприятие — ловушка, а не законная коммерческая транзакция. Однако, по мере того как стопа пятигинеевых монет устремляется к небесам, во мне растёт искуше-

ние заняться продажей философических бумаг. Партри сообщил, что нам предлагают уже пятнадцать *(sic)* гиней. Я отправил с ним четвёртую и последнюю страницу.

Тредер

21 ИЮЛЯ, ПОЛНОЧЬ

Рано вечером занавесь была полностью отдёрнута, и я вновь наблюдал нашего тёмного философа за работой. Он носит капюшон, вот почему я не мог разглядеть его лица. Возможно, оно обезображено оспой или обожжено в ходе алхимических опытов. Во тьме рядом с его плечом подрагивало серое гусиное перо, покуда он прилежно марал чернилами страницу за страницей. Затем холстина вновь опустилась, и до 23:12:30 в окне мерцал слабый свет.

Питер Хокстон, эсквайр

22 ИЮЛЯ, ПОЛДЕНЬ

Катастрофа. Партри доложил, что все пятигинеевые монеты исчезли, а на их месте лежит серебряный пенни.

Орни

22 ИЮЛЯ, ВЕЧЕР

Позволю себе не согласиться с братом Норманом. Это не катастрофа, а явный знак со стороны

покупателя, что он верно расшифровал рецепт и понял, что всё написанное бесполезно без ингредиента, который якобы находится в нижнем отделении шкатулки. Я отправил Партри в Бимбар-яму с ключом и буду оставаться в «Грот-салинге» вплоть до завершения охоты.

Д-р Уотерхауз

23 ИЮЛЯ, ПОЛДЕНЬ

Мистер Партри ушёл в Бимбар-яму на рассвете. Он уговорил мистера Нокмилдауна пустить его в кладовую непосредственно под аукционной комнатой. Половицы в здании таковы, что даже кошка не пройдёт от двери к столу, не вызвав канонады скрипов и тресков. Как только мистер Партри услышит подобные звуки, он…

— Ваша пинта, сударь.

— Весьма любезно с вашей стороны, Сатурн, — сказал Даниель, опуская перо в чернильницу и вновь бросая взгляд на далёкое окно, за которым попыхивал трубкой Партри. — Как вы догадались, что мне пришло желание выпить?

— Меня самого посетило такое желание, — сказал Сатурн.

— Тогда почему вы не принесли две кружки?

— Вы забываете, что я — образец трезвости. Я буду получать удовольствие вприглядку.

— Рад служить. — Даниель отпил глоток. — Сигнала от мистера Партри пока не было, — добавил он, заметив, что карие глаза Сатурна изучают страницу, ещё влажную от чернил. — Я всего лишь освежал записи.

— Дозвольте спросить, почему вы не пишете их истинным алфавитом, коли он так хорош? — поддразнил Сатурн.

— Он очень хорош. Гораздо более удобен для изложения знаний, чем английский или латынь. Вот почему я посвятил несколько лет его усовершенствованию и переводу в числа.

— А, — сказал Сатурн, — значит, шифр, который женщины в Брайдуэлле набивают на карты, — потомок истинного алфавита?

К тому времени он успел обменяться с Даниелем местами и занять позицию на балконе, так надоевшем им за последние одиннадцать дней.

Даниель переложил журнал на ящик и начал посыпать запись песком.

— Не столько потомок, сколько брат. Их общий отец — философский язык, способ классификации идей. Как только идея внесена в таблицы философского языка, она получает соответствие в виде числа или набора чисел.

— Что-то вроде декартовых координат, — за-

думчиво произнёс Сатурн, — которыми можно отмечать блуждания наших мыслей.

— Сходство лишь частичное, — предупредил Даниель. — Чтобы избежать неоднозначности, в философском языке — по крайней мере, в Лейбницевой его версии — используются только простые числа. В этом он принципиально отличен от числовых осей Декарта. Так или иначе, философский язык, поскольку он состоит из идей и чисел, можно записать каким угодно способом. Двоичный шифр нашей логической машины — один из них. Когда я был молод, Джон Уилкинс изобрёл другой — истинный алфавит, — который некоторое время был очень популярен в Королевском обществе. Гук и Рен широко им пользовались.

— Кто пользуется им теперь?

— Никто.

— Тогда как тёмный философ может его читать?

— Тот же вопрос мучает и меня.

— Ваш Уилкинс, верно, опубликовал словарь или ключ…

— Да. Я помогал его составлять в Чумной год. Корректура сгорела при Пожаре. Однако книга была напечатана, и её можно найти во многих библиотеках. Тем не менее, чтобы пойти в

библиотеку и заглянуть в нужную книгу, наш загадочный покупатель должен был опознать в чудн**ы**х значках на странице буквы истинного алфавита. Задумайтесь: если бы я показал вам, Питер, страницу на малабарском, догадались бы вы обратиться к малабарскому словарю?

— Нет, ибо мои глаза, многое изведавшие, никогда не видели малабарских письмен и не отличили бы их от японских или эфиопских.

— Вот именно. А наш покупатель, судя по всему, узнал истинный алфавит с первого взгляда.

— Так ли это удивительно, принимая в рассуждение, что он знал, где можно найти спрятанные вещи Гука? Можно заключить, что ему многое известно о Королевском обществе.

— Я полагал, что сведения о том, где искать вещи Гука, получены им от Анри Арланка — привратника в Королевском обществе.

— Я знаю, кто это.

— Надо же! Откуда?

— Он работал у гугенота-часовщика, с которым я вёл дела до того, как начал пить и покатился под гору. Некоторые члены Королевского общества были клиентами этого часовщика. Там они познакомились с Арланком, и так Арланк стал привратником в Крейн-корте.

— До недавнего времени, — сказал Даниель, — я думал, что Арланк передаёт сведения Джеку-Монетчику или кому-то в его организации, то есть лицу, несведущему в натурфилософии.

— В вашей гипотезе есть один изъян, док. Зачем такому субъекту изъеденные мышами вещи покойного естествоиспытателя?

— Невежественные люди воображают об учёных невесть что. Алхимики часто работают с золотом. Возможно…

— И всё же гипотеза не выдерживает пристального рассмотрения.

— Да! — нетерпеливо воскликнул Даниель. — Я её отбросил.

— Могли бы сказать чуть раньше, — проворчал Сатурн. — И какова же новая гипотеза?

— Покупатель — член Королевского общества либо внимательно изучал его ранние годы. Он много знает про Гука, про истинный алфавит и…

Даниель замолчал.

— И?

— Про яды. Недавно было совершено покушение на принцессу Каролину. Её пытались убить кинжалом, смоченным в никотине.

— Чертовски странно, — пробормотал Питер Хокстон. — Притом что в нашем падшем мире

не счесть куда более простых способов умерщвления.

— В шестидесятых — золотую пору Гука, эпоху истинного алфавита — некоторые члены общества увлеклись экспериментами с никотином.

— Тогда всё очевидно? — спросил Сатурн.

— Что очевидно?

— Злоумышленник — сэр Кристофер Рен!

Сатурн всего лишь хотел дерзко пошутить и пришёл в ужас, когда Даниель всерьёз задумался над его словами.

— Вы хотите сказать, потому что он — один из немногих доживших до сегодняшнего дня представителей того времени? — проговорил наконец Даниель. — Мысль хорошая. Но нет. Это сделал не Рен, не Галлей, не Роджер Комсток и не кто-либо ещё из тогдашних членов Королевского общества. Предположим, я решил кого-то убить. Стал бы я готовить никотин? Нет. Нет, Питер, это сделал кто-то из более молодого поколения. Он одержим болезненной страстью к Королевскому обществу тысяча шестьсот шестидесятых годов и потратил неимоверное количество времени на чтение наших анналов.

— Зачем?

— Зачем? Когда юноша влюбляется в опреде-

лённую девушку и преследует её, не страшась разгневанной родни, спрашиваете ли вы, зачем?

— Это другое дело.

— Возможно.

— Ручаюсь, другое. Покупателю что-то нужно, и, сдаётся мне, вы знаете, что. Откроете ли вы секрет?

— Я скрывал его не потому, что таюсь от вас, — вздохнул Даниель, — а потому, что самая тема мне глубоко неприятна. Покупатель ищет философский камень.

Сатурн театрально хлопнул себя по лбу.

— Можно было и не спрашивать!

— Он слышал, по крайней мере, часть истории о человеке, умершем в Бедламе при удалении камня и якобы воскрешённом эликсиром Еноха Роота.

— А, значит, так звали…

— …фигурировавшего в рассказе алхимика. Если вы верите в алхимию, то для вас история подразумевает, что эликсир был изготовлен с применением чего-то вроде философского камня. Согласно учению алхимиков, камень этот получают соединением философской ртути с философской серой. Откуда, спросите вы, их взять? Разные алхимики дают разный ответ. Однако

многие считают, что царь Соломон был алхимиком и знал, как добыть философскую ртуть. С её помощью он обращал свинец в золото.

— Тогда понятно, откуда его богатства!

— В точку. Так вот, считается, что, если заполучить кусочек Соломонова золота и поместить в пробирную купель, из него можно извлечь следы философской ртути. Думаю, наш покупатель где-то прослышал об алхимическом воскрешении в Бедламе двадцать пять лет назад и решил, что самый простой способ заполучить образчик философской ртути…

— …обшарить Лондон в поисках Гуковых вещей и записок.

— Да. Теперь судите сами. Я приехал в Лондон и начал искать наследие Гука. Арланк был первым, к кому я обратился. Он сказал об этом кому-то в организации Джека, и вскоре известие достигло нашего покупателя.

— Который и прежде склонен был полагать, что Гук где-то спрятал бесценное сокровище.

— Да. Вообразите его чувства!

— Он должен был всполошиться, что вы ищете то же самое и найдёте быстрее.

— Да. Как мы теперь знаем, итогом стала серия взломов. Я довольно смутно представлял их цель,

пока мы не нашли документы в стене Бедлама. Тогда всё стало ясно. И тогда же мы поняли, что покупатель ничего не найдёт, поскольку Гук упомянул некий ингредиент, но не объяснил, как его добыть. Потому-то документ и не годился в качестве приманки.

— И вы с сэром Исааком изготовили фальшивку.

— А также шкатулку для неё, — сказал Даниель. — Покупатель убеждён, что в нижнем отделении шкатулки хранится кусочек Соломонова золота.

— Что ж, недолго ему так думать, — заметил Сатурн, пристально глядя в окно.

— Почему?

— Потому что Шон Партри машет мне из окна под аукционной комнатой.

Даниель вздрогнул и пролил чернила. Они чёрной параболой выплеснулись на страницу журнала и закапали на пол.

Сатурн вскочил и, не сводя глаз с Бимбар-ямы, махнул рукой.

— Куда указал Партри? — спросил Даниель, отступая от чёрной лужи. Чернила уже отыскали щель между досками. Из комнаты внизу доносились крики и шум.

— В сторону моста. — Сатурн наконец оторвал взгляд от окна, чтобы посмотреть на часы.

— Значит, покупатель должен проехать мимо нас…

— Меньше чем через две минуты, — подтвердил Сатурн. — Правда, движение сегодня оживлённее, чем когда я засекал время. Я на своих двоих, скорее всего, успею его обогнать, а вы постарайтесь взять портшез или извозчика.

И Сатурн устремился вниз по ступеням впереди Даниеля, к счастью последнего, потому что несколько забрызганных чернилами посетителей «Грот-салинга» уже собрались у основания лестницы. При виде Сатурна они несколько умерили боевой пыл и расступились; Даниель успел проскочить за ним в образовавшийся просвет.

— Наша работа закончена, — бросил Сатурн через плечо. — Весь ущерб будет возмещён скоро, но не сейчас.

С этими словами он протиснулся в дверь и выбежал в людской поток на мосту.

Сатурн поглядел влево — на Саутуарк и Бимбар-яму, однако повернул вправо, рассчитывая, что экипаж покупателя его нагонит. К тому времени, как Даниель выбежал на улицу, Сатурн уже продвинулся на несколько широких шагов

в направлении Лондона. Даниель тоже поглядел влево, но без всякого результата. Он не обладал ни ростом Питера Хокстона, чтобы видеть поверх голов, ни его молодостью; после тёмного помещения старческие глаза медленнее приспосабливались к яркому свету на улице.

Ему велели взять портшез или экипаж. Ни один здравомыслящий извозчик не станет ждать пассажиров у «Грот-салинга». Даниель подумал, что карету или портшез можно нанять на Площади, чуть севернее. Поэтому он повернул вправо и начал пробиваться через толчею.

Как шкипер утлого судёнышка, затёртого ледяными торосами, Даниель не мог сам выбирать путь, но следовал общему течению, ныряя в каждый открывшийся просвет, пока тот не схлопнулся и не раздавил ему рёбра. По сравнению с Сатурном Даниель двигался очень медленно и потерял из виду чёрную кудлатую голову раньше, чем добрался до церковной арки.

Каждый судоходный пролёт моста носил своё название. Даниель, ничего не видевший кроме голов и плеч, мог прикинуть по шагам, что находится над пролётом Длинного входа, самым узким и, следовательно, самым опасным для лодок, поскольку Большой причал с северной

его стороны за столетия так раздался вширь, что почти перекрыл фарватер. В следующую минуту, подняв глаза и увидев над собой каменный свод, Даниель понял, что проходит под церковью. Он мысленно перебирал пролёты и опоры, как папист — чётки: дальше Церковный пролёт, тоже узкий, а за ним — пролёт Святой Марии, один из самых широких и потому особо любимый лодочниками. Прямо над пролётом Святой Марии — противопожарный разрыв, именуемый Площадью. Здесь-то, рассуждал Даниель, кучера и носильщики должны ждать прибывающих на лодках пассажиров.

Таков был его план. Увы, как часто случается с натурфилософами, составляющими сложные, хорошо продуманные планы, он не предусмотрел одной простой вещи. Толпа, втиснутая под свод церковной арки, внезапно сдавила его со всех сторон. Наверное, так чувствовал себя атом газа в машине Бойля, когда поршень под неумолимым гнётом шёл вниз. Сквозь арку пробивалась карета — причём успешно. Толпа, чувствуя опасность не столько от экипажа, сколько от волны паники, которую тот гнал перед собой, хлынула из-под арки, увлекая Даниеля, как течение в пролёте Длинного входа — винную пробку.

Теперь он был на открытом пространстве и опасливо озирался, боясь, как бы неожиданное завихрение толпы не швырнуло его о стену лавки, поэтому увидел, как из-под арки вылетел экипаж, ставший причиной переполоха.

Даниель не сомневался, что это экипаж покупателя. Шторы на окнах были задёрнуты, а кучер явно получил приказ гнать к другому концу моста, не заботясь о жизни, здоровье и судебной ответственности.

Они были над Церковным пролётом. До Площади оставалось каких-то десять ярдов, но карета уже пронеслась мимо Даниеля и на такой скорости должна была вот-вот миновать Сатурна. Даниель ещё мог вскочить на Площади в портшез или извозчичий экипаж, но попробуй убеди незнакомого кучера пуститься с места в карьер за таким лихачом. А за покупателем надо было следить сколь возможно долго: никто не мог угадать, когда он вставит только что приобретённый ключ в замочную скважину шкатулки и повернёт.

Толпа ещё не успела сомкнуться, и Даниель сделал то единственное, что оставалось: бросился за каретой. Она была так близко, что он мог бы вскочить на запятки, если бы ему достало про-

ворства. Поэтому он услышал (или вообразил, что услышал) приглушённый хлопок, как от ружейной осечки. Сквозь занавески блеснул свет, и из кареты донёсся возглас: *«Sacré bleu!»* [20]

Не сознавая, как быстро движется (поскольку сам первый возразил бы, что бежать не может в силу преклонного возраста), Даниель вслед за каретой очутился на Площади. Здесь улица немного расширялась. Справа Даниель увидел Сатурна; тот говорил с носильщиком портшеза, но при появлении кареты повернулся к ней.

Впрочем, многие смотрели на неё, потому что она дымилась. И громыхала: пассажир молотил в потолок, требуя остановить экипаж. Дверца справа распахнулась, и наружу выплыл клуб бурого дыма, такой большой и плотный, что в нём с трудом можно было различить человека. Тот неверным шагом двинулся к парапету, которым оградили площадь, чтобы меньше пешеходов падало в пролёт Святой Марии. Пассажир напоминал фигуру из «Метаморфоз» Овидия: облако, превращающееся в человека. Ибо дым забрался под длинный плащ с капюшоном и по-прежнему выходил наружу. Кучер подбежал к открытой

---

[20] Примечания: 20
Проклятье! (*фр.*)

дверце, пошарил внутри кнутовищем и выбросил на мостовую обугленную шкатулку; она всё ещё пыхала и выпускала из себя струйку густого жёлтого дыма. Крышка отвалилась, явив взглядам исписанные листки, прогоревшие до золы, но всё ещё читаемые. Они упали в сажени от Даниеля, и тот узнал угловатые значки истинного алфавита. Однако он глянул на них лишь мельком и тут же вновь перенёс внимание на покупателя, который уже не дымился, а расставив ноги и упершись руками в парапет, блевал в Темзу. Плащ и капюшон придавали ему сходство со средневековым монахом или чародеем. Тут другой человек, гораздо выше ростом, шагнул к покупателю и взял его за левое плечо.

Тот отреагировал молниеносно; Даниель, внезапно понявший, чт***о*** сейчас произойдёт, даже не успел крикнуть: «Берегитесь!» Человек в капюшоне развернулся к Сатурну; дым и плащ мешали видеть, но по движению плеча было понятно, что правая рука метит Сатурну в живот.

Однако Питер Хокстон, видимо, тоже угадал нечто нарочитое в позе человека, пока тот стоял у парапета, и, как Даниель, заподозрил неладное. Он загородился левым плечом. И тут же отпрыгнул. Потому что, как видели теперь все на

площади, человек в плаще сжимал правой рукой стилет. А Даниель с Сатурном видели и другое: стилет чем-то смочен.

От резкого движения капюшон упал. Лицо у покупателя было не обожжённое и не изъеденное оспой, а, напротив, благородное, с правильным чертами. В чёрных волосах и эспаньолке пробивалась седина. Всё это видела толпа, собравшаяся близко, но не слишком — дальше, чем на расстоянии вытянутой руки с кинжалом. Даниель (хоть и не в первую минуту) узнал Эдуарда де Жекса.

Де Жекс метнулся к парапету. Сатурн, забыв про опасность, схватил его за одежду. Де Жекс был пойман; по крайней мере, так Даниель думал, пока не шагнул через дымовую завесу и не увидел, что де Жекс спрыгнул в пролёт Святой Марии, а Сатурн стоит один, держа его плащ.

Королевское общество, Крейн-корт

24 июля 1714
Королевское общество

— КОГДА Я РЕБЁНКОМ путешествовал по дорогам Франции вместе с отцом, упокой Господи его душу, и братом Кальвином, мы время от времени обгоняли бродячих точильщиков, исходящих п***о-***

том под весом своих станков. Мой отец, светлая ему память, был купцом. Всё, потребное для дела, он возил в голове или в кошельке. Мы с Кальвином считали, что так и должно быть, и дивились на точильщиков, которым, дабы заработать на хлеб, надо всюду таскать тяжеленный камень! Раз отец услышал, как мы промеж себя высмеиваем одного из этих бедных тружеников. Он пристыдил нас и прочёл нам такой урок: точильщик сперва раскручивает камень, затем лишь изредка подталкивает рукой. Лёгкий камень останавливался бы слишком быстро; тяжёлый вращается по инерции. Отец уподобил его банку, который сохраняет в себе усилия человека и выдаёт их равномерно. Свойство это так существенно для точильщика, что тот готов всю жизнь, подобно Сизифу, толкать в гору и с горы тяжёлый камень.

Когда Джек Шафто вернулся в Лондон, у него были при себе деньги от французского короля на финансирование неких планов, которые Джек должен был здесь исполнить. И были обещаны ещё деньги, если король останется доволен результатами. То золото, которое Джек привёз с собой, стало первым толчком для исполинского точильного камня; следующие суммы поддерживали бы вращение. Однако Джеку хватило

ума понять, что ему нужен банк, хранилище богатства и власти, чтобы его дела шли без перебоев, даже если деньги будут поступать от случая к случаю. Он свёл знакомство с мистером Нокмилдауном — тогда просто успешным барыгой в Лаймхаузе, приобретавшим у жохов стянутое с кораблей добро, — и сделал ему следующее предложение: он, Джек Шафто, используя «французское золото и английскую смётку», превратит мистера Нокмилдауна в колосса меж скупщиками краденого, расширит его владения и масштаб операций. Мистер Нокмилдаун сделается богачом, а Ист-Лондонская компания станет для Джека точилом, сберегающим в себе плоды его усилий.

Первые несколько лет после возвращения в Лондон Джек почти ничем другим не занимался. И, как стало ясно со временем, поступил правильно. Франция терпела поражение в Войне за испанское наследство; герцог Мальборо и принц Евгений одерживали победу за победой. Будьте покойны, в те дни Людовик слал Джеку очень мало золота. Тот превратился бы в обычного бродягу и утратил свою ценность в глазах французского короля, если бы не доходы Ист-Лондонской компании. А так Джек процветал даже в худшую для

Людовика пору. К тому времени, как Мальборо разбил французов при Рамийе и все ждали, что теперь он нанесёт удар в самое сердце Франции, Джек сделал мистера Нокмилдауна величайшим скупщиком краденого в христианском мире, королём пиратов, способным принять в свои склады содержимое целого захваченного корабля и ещё до отлива загрузить его по фальшборты воровской добычей. Ист-Лондонская компания стала фундаментом, на котором Джек принялся возводить своё чёрное здание. Лишь в последние годы оно выросло настолько, чтобы привлечь внимание таких людей, как вы, но не сомневайтесь — строительство началось много раньше.

Тут Анри Арланк замолчал, чтобы обвести взглядом собравшихся за столом. Он поочерёдно заглянул в глаза каждому из членов Клуба, прежде чем остановиться на Шоне Партри, сидевшем ближе всех, после чего прикрыл веки и потупился, выказывая поимщику больше почтения, нежели кому-либо ещё, включая сэра Исаака. Возможно, это объяснялось тем простым фактом, что Партри держал ключи от наручников на руках Арланка и кандалов на его ногах. Арланк поднял руки от колен, на что потребовалось некоторое усилие, поскольку их соединяла двадцатифун-

товая цепь, и обнял ладонями кружку с горячим шоколадом, принесённую его женой.

Миссис Арланк пришла в ужас, однако ничуть не удивилась, когда на только что начавшееся заседание клуба ворвался Шон Партри и в качестве первого пункта повестки дня заковал её мужа в цепи. Пленник, напротив, выказал крайнее изумление, но, когда оно схлынуло, больше не проявлял сильных чувств и, судя по всему, воспринял крах своей жизни с истинно гугенотским фатализмом. Казалось, он даже испытывает некоторое облегчение.

— Объясните клубу, как вы стали приспешником Джека Шафто, — потребовал сэр Исаак. — Говорите медленно и чётко, чтобы каждое слово могло быть записано.

Вместо Арланка, который раньше исполнял обязанности секретаря, они пригласили писаря из Темпла, и тот, бешено строча пером, стенографировал всё сказанное.

— Хорошо. Вы наверняка наслышаны о жестоких гонениях на французских кальвинистов после отмены Нантского эдикта в тысяча шестьсот восемьдесят пятом году, так что не буду вас утомлять. Скажу лишь, что мой отец попал под драгонаду, затем на галеры, но ещё раньше успел

вывезти меня и Кальвина на другую сторону Ла-Манша — в бочках, как селёдку. Позже галера, на которой мой отец был гребцом, погибла в бою с голландцами.

— Но это наверняка случилось не раньше, чем через несколько лет после отмены эдикта, — вставил господин Кикин, большой любитель истории.

— Да, сэр, — отвечал Арланк. — Считается, что война началась в тысяча шестьсот восемьдесят восьмом, когда Людовик вторгся в Пфальц, а Вильгельм заполучил Англию.

— Мы предпочитаем говорить, что это Англия заполучила Вильгельма, — поправил Орни.

— Как вам угодно, сударь. Бой, в котором потопили галеру моего отца, произошёл во время той самой войны летом тысяча шестьсот девяностого неподалёку от Крита.

— И ваш отец пропал в море? — спросил мистер Тредер с несвойственной ему трогательной деликатностью.

— Нет, сэр. Его спасла пиратская галера под командованием Джека Шафто.

Господин Кикин закатил глаза, а мистер Орни фыркнул. Сэр Исаак, не разделяя их веселья, лишь пристальнее вгляделся в Арланка, на которого и

так смотрел, не отрываясь.

— Даты сходятся, — объявил он. — Джек перешёл на сторону басурман в конце тысяча шестьсот восьмидесятых. Его корсары напали на Бонанцу летом тысяча шестьсот девяностого и оттуда меж Геркулесовых столпов устремились в Средиземное море. Как теперь всем известно, к концу лета они были в Каире. История мсье Арланка правдоподобна.

— Спасибо, сэр, — отвечал Анри Арланк. — Джек и его корсары спасли моего отца и нескольких его товарищей с тонущей галеры. Всё это мы с Кальвином узнали из писем, которые приходили нам в Лимерик. Больше…

— Погодите. Как вы с братом попали в Лимерик? — спросил Орни.

— Я к этому подбираюсь, сэр. Когда нас привезли на английскую землю и выпустили из бочек — двух совсем молодых ребят, не достигших ещё полноты возраста, — у нас, стыдно сказать, не возникло желания пойти по стопам отца и стать торговцами. Мы жаждали мести — кровавой и по возможности славной. Мы записались в гугенотский кавалерийский полк, который формировался в Голландской республике. К тому времени, как Вильгельм и Мария переехали

в Англию, мы несколько продвинулись в чинах: Кальвин стал помощником капеллана, а я — унтер-офицером. В первые годы войны наш полк отправили в Ирландию, чтобы дать отпор Претенденту. Зимой девяностого — девяносто первого мы участвовали в осаде Лимерика. Там-то и разыскало нас известие, что наш отец, которого мы почитали умершим, спасён Королём бродяг.

— Приходило ли от него что-нибудь после этого? — спросил сэр Исаак.

— Долгое время нет, сэр, поскольку мы постоянно были в походах.

— Если ваш отец оставался с Джеком Шафто, он должен был в тысяча шестьсот девяносто первом посетить Мокко и Бандар-Конго и с муссоном попасть в Сурат на следующий год, — сказал Ньютон. — Перемещения Джека в следующие несколько лет восстановить сложно. Общеизвестно, что он участвовал в сражении, имевшем место на дороге между Суратом и Шахджаханабадом в конце тысяча шестьсот девяносто третьего, и в тысяча шестьсот девяносто пятом начал строить корабль.

— В феврале тысяча шестьсот девяносто восьмого отец отправил нам письмо из Батавии, куда этот корабль заходил за пряностями, — сказал

Арланк. — До нас оно добралось только к концу года, когда война уже закончилась.

Орни снова фыркнул.

— По крайней мере, о ту пору все так думали, — поспешил добавить Арланк. — Задним числом понятно, что это было лишь короткое затишье в войне, растянувшейся на двадцать пять лет. Но тогда полагали, что ей конец, поэтому на следующий год, когда Вильгельм и Людовик подписали договор о разделе Испании, наш полк, как и многие другие, распустили.

В Лондоне тогда трудно было сыскать работу из-за множества уволенных в отставку солдат и опасно жить по той же самой причине. Нам с Кальвином повезло больше, чем другим. С отмены Нантского эдикта прошло уже порядочно времени, и гугеноты, бежавшие в Англию, успели достигнуть прежнего благосостояния. Кальвин получил место пастора в гугенотской церкви неподалёку от Лондона, где подвизается по сию пору. Я нанимался слугой в дома торговцев-гугенотов.

Последнее письмо отец послал нам из Манилы в августе лета Господня тысяча семисотого, и в нём говорилось…

— Что корабль Джека отправляется в Америку,

и ваш отец с ним, — сказал сэр Исаак.

— Да, сэр. Поразительно, сколько вы знаете о путешествиях Джека. Отец обещал написать нам из Акапулько. Однако он скончался в плавании от цинги. Упокой, Господи, его душу.

В комнате воцарилось почтительное молчание. Даже Партри как будто был тронут. Первым заговорил сэр Исаак:

— И каким образом вы получили это горестное известие?

— Мне сказал Джек, — ответил Арланк.

Теперь Исаак замолчал надолго. Было слышно, как в кухне Королевского общества миссис Арланк тихо рыдает на плече у судомойки. Наконец Исаак поднял голову:

— Это должно было произойти по его возвращении в Лондон, то есть в ноябре-декабре тысяча семьсот второго.

— Вы снова правы, сэр.

— И вы полагаете, что Джек Шафто разыскал вас с единственной целью сообщить о кончине вашего отца?

Тут Анри Арланк смешался — впервые с начала разговора, что было довольно странно для человека, которого полчаса назад заковали в цепи, чтобы отправить в Ньюгейт. Он неуверенно

взглянул на Шона Партри, потом на сэра Исаака и наконец ответил:

— Конечно, нет, сэр. Однако вам следует понять: Джек Шафто не совершенно бессердечен. Был ли у него корыстный мотив для того, чтобы меня разыскать? Разумеется, был, и я скоро к этому перейду. Однако он искренне любил моего отца и, рассказывая о его смерти и погребении уже почти в виду Калифорнии, не мог сдержать слёз. Я уверен, что эта привязанность была взаимной, ибо, по словам Джека, мой отец перед смертью обратился к нему с предостережением, к которому Джеку стоило бы прислушаться.

— Очень трогательно, — пробормотал сэр Исаак, желая как можно скорее покончить с этой частью разговора. Однако в Даниеле взыграло любопытство, и он спросил:

— В чём оно состояло?

Поймав на себе гневный взгляд Исаака, Даниель продолжил:

— Простите, но очевидно, что наши с вами отцы, мсье Арланк, были очень похожи. Я бессилен угадать, какое предостережение человек вроде моего отца мог сделать кому-то вроде Джека, разве что напомнить, что тот обречён геенне огненной!

Орни хлопнул ладонью по столу и негромко хохотнул.

— Мой отец посоветовал Джеку опасаться некоего пассажира, которого они подобрали в Тихом океане после гибели манильского галеона. То был иезуит, агент инквизиции по имени отец Эдуард де Жекс.

Исаак, который минуту назад закатывал глаза и с трудом сдерживался, чтобы не фыркнуть, совершенно опешил. Немного придя в себя, он попросил Шона Партри вывести Арланка из комнаты (что тот исполнил довольно грубо) и проследить, чтобы гугенот не слышал дальнейшего разговора (это обеспечила миссис Арланк, с рыданиями бросившаяся к мужу на шею).

— Он не знает о вчерашних событиях на мосту, — настаивал Даниель.

— В газетах напечатать ещё не успели, — заметил господин Кикин, прилежно читавший всё, что исходило с Граб-стрит.

— Может, Партри что-нибудь сболтнул ненароком?

— Исключено, — отвечал Орни. — Мы с ним весь день и весь вечер обшаривали берега Темзы, искали следы де Жекса.

— А мы с Сатурном были здесь специально, что-

бы следить за Арланком, — добавил Даниель. — К нему никто не приходил.

— Что ж, если услышанное нами правда, то мы узнали нечто очень важное, — сказал Исаак. — При дворе многие уверены, что де Жекс, который часто бывает в Лондоне, — агент французского короля. До меня не раз доходили слухи, будто он как-то связан с Джеком-Монетчиком. Я считал, что де Жекс и Шафто действуют сообща. — Он кивнул на место, где только что сидел Арланк. — Однако слова о предостережении, которому Джек не внял, подразумевают застарелый конфликт.

— Они подразумевают ещё одно, — вставил Орни. — Если этот де Жекс и впрямь пережил гибель корабля в открытом море и продержался на воде, пока его не спасли, значит, он умеет плавать. Стало быть, мы не можем успокоиться на мысли, что он утонул в Темзе.

— Давайте продолжим допрос, — сказал Исаак.

— КОГДА ДЖЕК ПРИЕХАЛ в Лондон, война уже возобновилась, теперь под именем Войны за испанское наследство. Однако набор в войска только шёл, и Лондон по-прежнему кишел отставными матросами и солдатами, которым был обязан своей дурной репутацией. Джек сообразил, что скоро их вновь возьмут на службу, и

завербовал столько, сколько смог. Меня он разыскал отчасти с целью залучить к себе на работу.

— Чего он от вас хотел? И добился ли своего? — спросил Исаак.

— Всякий, кто просматривает газеты и хоть немного следит за происходящим в парламенте, знает, что война плодит казнокрадство, как тухлое мясо — мух. Крупные перемещения людей и припасов дали Джеку возможность сказочно обогатиться. Ибо на каждый случай воровства, о котором говорили в Лондоне, приходилась по меньшей мере сотня оставшихся незамеченными — и примерно в пятидесяти из них был замешан Джек. Действовал он просто: вербовал солдат и матросов раньше короны и обходился с ними лучше.

— Вы ответили на мой первый вопрос, а именно, чего Джек от вас хотел, но не ответили на второй, — сказал Исаак.

— Только потому, что ответ очевиден. — Арланк поднял руки, показывая цепь. — О, я не делал ничего ужасного. Я должен со стыдом признать, что закрывал глаза на недостачу в порохе или других припасах, доставляемых в мой полк. Я поступал так не столько из корысти, сколько из страха перед неким маркитантом, который в про-

тивном случае без колебаний перерезал бы мне горло или поручил кому-нибудь выстрелить мне в спину. Господь в своей милости избавил меня от этой беды: в пятом году я получил сильную рану и вынужден был уйти из армии. Я вернулся в Лондон и, вылечившись, поступил привратником к мсье Неверу, часовщику…

— Где познакомились с членами Королевского общества, заказывавшими у мсье Невера инструменты, — вставил Даниель.

— Да, сэр, так я стал работать здесь.

— И при этом работали на Джека, — напомнил Исаак.

— Да, сэр, в некотором смысле, — признал Арланк. — Хотя это трудно было назвать работой. Время от времени — раз или два в год — меня просили зайти в определённый трактир и побеседовать с неким господином.

— Если работа состояла в таких пустяках, почему вы от неё не отказались? — спросил Исаак.

— Джек обладал властью надо мной из-за того, что я делал для него прежде, — сказал Арланк. — Одно его слово могло разрушить мой брак или бросить тень на моего брата Кальвина. Вопросы казались мне безобидными, и я отвечал.

— О чём вы говорили с тем человеком в пабе? —

спросил Орни.

— Это был образованный француз. Он утверждал, что увлечён натурфилософией и хочет больше узнать про Королевское общество. Он расспрашивал, что происходит на заседаниях, интересовался членами общества: Кристофером Реном, Эдмундом Галлеем и особенно сэром Исааком Ньютоном.

— Не случалось ли вам упомянуть, что сэр Исаак имеет обыкновение приезжать сюда воскресными вечерами и работать допоздна? — спросил Даниель.

— Точно не помню, сэр, но вполне возможно. Именно такого рода сведения его особенно занимали, сэр.

Арланк замолчал, потому что все в комнате дружно выдохнули, и те, кто последние несколько минут изучал его лицо, теперь разглядывали свои ногти или смотрели в окно.

— Я поступил дурно, сэр? — спросил Анри Арланк, адресуясь к Даниелю. — Глупый вопрос! Я прекрасно знаю, что да. Но преступление ли это? Могут ли за такое привлечь к суду?

Даниель, движимый состраданием, посмотрел гугеноту в глаза и уже приготовился сказать: «Конечно, нет!» — однако Исаак его опередил:

— Вы виновны в пособничестве, и доказать это перед судом не составит труда. Мистер Партри, доставьте его в Ньюгейтскую тюрьму.

Партри без всяких церемоний навис над Арланком, сгрёб того за шкирку и рывком поднял. Потом ногой отпихнул стул, на котором сидел Арланк, и спиной вперёд потащил гугенота из комнаты. Цепь гремела по доскам пола. У выхода Партри остановился, чтобы свободной рукой открыть дверь. Арланк, воспользовавшись передышкой, сказал:

— Простите, господа, нельзя ли мне добавить словечко-другое о человеке, которого вы разыскиваете?

— Говорите. — Сэр Исаак кивнул Партри.

Тот остался стоять в дверях, глядя через плечо Арланку и по-прежнему держа его за шиворот. Даниелю подумалось, что они похожи на ярмарочного чревовещателя и марионетку.

— Я, можно так выразиться, не один год изучал Джека, как мистер Галлей наблюдает движение комет и познаёт их природу, хотя бессилен изменить их ход. И я скажу, что если вы считаете Джека рабом Людовика, мечтающим об одном — угодить французскому королю, то вы его недооцениваете. Такая гипотеза — если мне

позволено воспользоваться лексиконом Королевского общества — не отдаёт ему должного и не объясняет его действий.

— И какова же ваша гипотеза, мсье Арланк? — спросил Даниель.

— Он обогнул земной шар. Добыл кучу золота, потерял его, отвоевал обратно и вновь потерял. Он был бродягой, королём и кем угодно между этими двумя состояниями. У него больше денег, чем можно потратить за одну жизнь. Спросите себя: что движет таким человеком? Когда Джек просыпается по утрам, о чём он думает? К чему он стремится?

— Вам позволили сообщить нам ответы, а не засыпать нас вопросами, — напомнил сэр Исаак.

— Хорошо, сэр, вы услышите ответ. Джеком движет любовь. Любовь к женщине. К одной-единственной женщине, которую он когда-то любил и любит по-прежнему. — Арланк посмотрел Даниелю в глаза. — Некоторые из вас с нею знакомы. Её имя…

— Я знаю её имя, — сказал Даниель, оборвав Арланка, пока тот не опорочил какую-то ни в чём не повинную даму.

Однако опасение было излишним, потому что в тот же самый миг Партри дёрнул Арланка с такой

силой, будто хотел его придушить, и выволок в дверь.

— Спасибо, мистер Партри! — крикнул сэр Исаак вслед, пока Арланка тащили под бешеную какофонию: лязг цепей, кашель и хрип пленника и — звучавшие громче всего — рыдания миссис Арланк. По всему коридору распахивались двери: учёные в удивлении выглядывали, пытаясь понять, что происходит. Кикин встал и закрыл дверь. Звуки не стихли совсем, но превратились в обычный раздражающий шум. Несколько мгновений члены клуба приходили в себя, потом мистер Орни, который вёл сегодняшнее заседание, спросил:

— Есть ещё предложения по повестке дня?

— Есть, — сказал господин Кикин. — Лечь, чёрт побери, и хоть немного поспать.

КАК БЫ НИ ПОСТУПИЛИ остальные, Исаак спать не отправился, и Даниель тоже, потому что Исаак хотел с ним побеседовать. Они сидели в кабинете рядом с библиотекой, отведённом Исааку как председателю Королевского общества.

— В рассказе Арланка отсутствует одна важная деталь, — начал Исаак.

— Вы об этой чепухе про женщину? — спросил Даниель.

Исаак брезгливо скривился, показывая, что Даниель соображает непростительно медленно.

— Чтобы подложить адскую машину туда, где она оказалась, Джеку мало было знать, что я воскресными вечерами задерживаюсь тут допоздна. Ему надо было знать ещё, что вы приедете с мистером Тредером, причём именно вечером воскресенья.

— Я не единожды уведомлял Королевское общество о своём приезде письмами, которые Арланк мог видеть…

— О своём приезде — да. Но то, что Джек знал точное время вашего прибытия и адскую машину подложили в сундук на телеге мистера Тредера, указывает на участие мистера Тредера.

— Мы это уже обсуждали. Я готов поверить, что у Джека был шпион среди слуг мистера Тредера. Но утверждать, будто сам Тредер наёмный убийца, — чистейшая нелепость!

— Вы заметили, как тихо он сегодня себя вёл?

— Вы говорите, тихо. Я бы сказал — сонно. Мы все провели без сна полтора дня!

— Вы слышали от Арланка, как Джек забирает власть над человеком: добивается небольшой услуги, затем приходит вновь и вымогает другую, уже более крупную, пока жертва не окажется

связанной по рукам и ногам. Неужто трудно поверить, что такое произошло с закоренелым весовщиком вроде мистера Тредера?

— Я обдумаю вашу гипотезу, — сказал Даниель, — при условии, что вы обдумаете другую, столь же неприятную: у Джека-Монетчика есть в Королевском обществе сообщник помимо Анри Арланка, несравненно более высокопоставленный.

Клеркенуэлл-корт

27 июля 1714
Клеркенуэлл-корт

— Я ПРИЕХАЛ, КАК ТОЛЬКО СМОГ.

Даниель подумал, насколько это похоже на Исаака: с порога начать оправдываться в том, в чём никто его не обвинял. Поскольку в комнате (Сатурновой часовой лавке на Коппис-роу) никого больше не было, предосторожность могла показаться излишней, но Исааковыми глазами всё виделось иначе.

— Я сказал бы, что вы, получив мою записку, приехали с поразительной быстротой, — заверил Даниель. — Я не ждал вас раньше, чем ещё через час, и полагаю, что остальные члены клуба не

явятся вовсе.

На случай, если Даниель иронизирует, Исаак решил подкрепить свои контрдоводы:

— Сегодня в Сент-Джеймсском дворце разразилась какая-то буря. Вся знать на улице, словно каждый придворный и политик внезапно решил, что ему надо быть в другом месте.

— Неплохое описание того, что произошло.

— Я был в Королевском обществе, просматривал некоторые документы, связанные с Лейбницем. Когда принесли вашу записку, оказалось, что на Флит-стрит выехать почти невозможно. Сперва я испугался, что умерла королева, однако колокола не звонили.

— Я немного слышал о том, что случилось сегодня в Сент-Джеймсском дворце, — сказал Даниель, — но, поскольку вы поехали сюда, а не туда, полагаю, вас больше заботит происшедшее в Ньюгейте.

— Когда он бежал? — спросил Исаак.

— Ночью. Мистер Партри сейчас там, опрашивает тюремщиков.

— Если мистер Партри не смог удержать Арланка в тюрьме, я не вижу причин доверять ему впредь.

— Его задачей было не удержать Арланка в

тюрьме, а лишь доставить туда, что он исполнил. Там цепи, которые надел на Арланка Партри, заменили другими, более тяжёлыми, как всегда делают тюремщики.

— Они же обычно за деньги меняют тяжёлые цепи на более лёгкие.

— Вы совершенно правы. Ночь Арланк провёл в каменном мешке, а утром его заковали в другие цепи, столь лёгкие, что их можно назвать чисто символическими, и перевели…

— В з***а***мок?! — Исаак замотал головой и, отвернувшись, стал смотреть на Коппис-роу. — Кто-то — Джек или его агент — подкупил тюремщиков. Арланка поместили в уютную камеру и отвели взгляд, когда тот спускался по водосточной трубе. Я должен был это предвидеть.

— Может быть, вы не предвидели его побег потому, что это не очень важно?

— Я служу короне, Даниель, и правосудие всегда для меня важно.

— Тогда позвольте выразиться иначе. Арланка оставалось лишь покарать; ничего нового мы бы от него не услышали. Вы это понимали, потому и не стали забивать себе голову скучными мыслями о том, чтобы удержать его в тюрьме и представить перед судом. Как и я.

Через окно они видели Питера Хокстона и Шона Партри, идущих со стороны Ньюгейта. Сатурн шагал первым, прокладывая дорогу в толпе, которая двигалась навстречу.

Был вторник. В пятницу предстояло повешение на Тайберне. Это означало, что уже в четверг пробиться по улицам будет невозможно. Мясо, которое пригонят сегодня или завтра своим ходом, заметно подорожает. Соответственно, каждые несколько минут в сторону Смитфилда проходил гуртовщик, гоня перед собой овец или коров; возы с сеном, навозные телеги и гуляки, возвращающиеся из северных пригородов, должны были втискиваться в интервалы между скотом. Тем, кто, как Сатурн и Шон Партри, шёл на север, приходилось худо. Они ввалились злые, пропахшие коровьим навозом. Однако по сравнению с Ньюгейтом то было благоухание садов Шалимара.

— Все в Ньюгейте божатся, что исчезновение Арланка — неразрешимая загадка, — без предисловий объявил Партри. — Из чего вы можете заключить — как, наверное, уже заключили, — что побег устроил недоброй славы преступник Джек Шафто.

— Для этого не стоило отправляться в Ньюгейт

и опрашивать тюремщиков, — сказал Ньютон, готовый обвинить Партри в том, что тот набивает себе цену.

Однако Партри его опередил:

— Занимаясь Арланком, Джек позабыл про другого узника, которого должны выпотрошить и четвертовать в пятницу. Узника, чьи свидетельства могут быть полезнее для клуба и губительнее для Джека, чем признания Арланка.

— А, вы о монетчике, которого осудили несколько недель назад и с которым вы намеревались поговорить на этой неделе!.. Я совершенно о нём забыл, — сказал Даниель.

— Не корите себя, док, потому что Джек тоже о нём забыл, и тут для нас есть лазейка.

— Я ничего о нём не слышал, — возмутился Исаак.

— Если я назову фамилию, вы вспомните, — заверил Партри. — Его задержали в ходе одного из ваших расследований и должным образом осудили. Но он взял с меня клятву, что я не выдам его настоящего имени. Так что вы узнаете, кто он, только вечером четверга в таверне «Чёрный пёс», что в подвале Ньюгейтской тюрьмы.

— И тогда он будет готов говорить с нами о Джеке?

— Да, сэр. При условии, что вы принесёте с собой гинеи.

— Плата Джеку Кетчу за то, чтобы следующим утром монетчик умер на Тайберне быстро и без мучений. Мне не впервой обогащать мистера Кетча подобным образом в погоне за более крупной дичью, — проговорил Исаак тоном усталой обречённости.

Партри кивнул, довольный, но тут Даниель мотнул головой.

— Нет, — сказал он, — сделка в том виде, какой вы предлагаете, не пойдёт.

— Что значит «не пойдёт»?

— Располагайтесь поудобнее, мистер Партри, — предложил Даниель, направляясь к задней двери и одновременно ловя взгляд Исаака. — Здесь или в пабе по соседству, если предпочитаете. Нам с сэром Исааком надо пройтись и обсудить некоторые частности.

Партри несколько мгновений жевал губами, потом объявил:

— Я найду в себе силы ещё раз сходить в Ньюгейт и обратно. Желаю вам приятно погулять и вернуться живыми.

— О последнем позабочусь я, — сказал Сатурн, выходя вслед за Исааком и Даниелем во двор

Технологических искусств.

— ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ МНЕ здесь показать?

Вопрос Исаака был обусловлен тем, что двор, как всегда, бурлил изобретениями. Помощник мистера Ньюкомена привёз из Девона части машины, которые затем собрали посреди двора, получив исходящее дымом и паром, лязгающее и шипящее страшилище, окружённое чёрными от копоти обожателями. В дальнем углу мистер Хоксби испытывал новое, ещё более опасное устройство для получения искр, и те, кто не смотрел на машину, толпились вокруг него.

Даниель рассчитывал, что Исаак придёт в восторг, но обманулся в своих ожиданиях. Тон голоса, подчёркнуто прямая осанка, раздутые ноздри — всё будто нарочно было рассчитано на то, чтобы выказать неудовольствие. Хорошо ещё, что Исаак не задал более строгого вопроса. Ибо, оглядывая двор, Даниель приметил, что строительство логической машины продвинулось очень мало. Рачительный хозяин на его месте сурово одёрнул бы инженеров, занятых невесть чем. Однако Даниелю не хотелось их трогать. Он свёл этих людей вместе и дал им то, о чём они мечтали: свободу заниматься любимым делом. Пока самой интересной была логическая машина, все

дружно трудились над ней без всякого принуждения. Теперь инженеров увлекли новые проекты. Первое время Даниеля сердило их непостоянство. Потом он подумал, что сейчас, в июле 1714 года, в мире внезапно возникло множество проектов, интересных для таких людей, — довольно, чтобы занять их на сотни лет. Если они охладели к логической машине, Даниелю ли указывать, чтоб они забыли об искрах и паре? А если Исааку так скучна машина для подъёма воды посредством огня, Даниелю ли его переубеждать? В конце концов, это всего лишь газовая машина Бойля-Гука пятидесятилетней давности, только больше.

— Ничего, — отвечал наконец Даниель. — Просто здесь мы можем выйти на улицу, где нас не затопчет скот.

Он повёл Исаака к боковому выходу из двора. Сатурн задержался, чтобы поднять с места двух молодчиков, игравших в кости на бочке, затем подбежал и отодвинул тяжёлую щеколду. Игроки пристроились за Исааком и Даниелем. Каждый из них опирался на увесистую дорожную палку, хотя с виду ни один не страдал от ревматизма.

Охраняемые Сатурном впереди и молодчиками сзади, Исаак и Даниель двинулись на прогулку по местности, которую разве что в издёвку

можно было назвать идиллической. Они шли по лабиринту дорожек между колышками, размечавшими участки земли: на одних ещё паслись овцы или росла брюква, на других уже возводились дома. Дорожки — будущие улицы — были сейчас так узки, извилисты и неутоптанны, что, помимо двух гуляющих стариков с их арьергардом и авангардом, никто ими не прельстился.

— Отсюда мы сможем пройти на север без лишних неудобств.

— Что к северу отсюда стоит прогулки? — спросил Исаак и, не получив ответа, после недолгих колебаний двинулся рядом с Даниелем.

— То, что предложил мистер Партри, не годится, — повторил Даниель. — Сведения нужны завтра — и даже сегодня ночью, если он убедит узника заговорить.

— Это имеет какое-то отношение к тому, что произошло сегодня в Сент-Джеймсском дворце? — осведомился Исаак. — Я не помню, чтобы вы раньше были в такой спешке.

— События нас опережают, и нам следует поднажать, — сказал Даниель. — У Болингброка есть план. В чём он состоит, не знаю. План может быть блистательным или глупейшим. Как ни странно, это не важно. Главное, что у Болингброка есть

план, он действует, а все остальные вынуждены за ним наблюдать и делать ответные ходы. Он в центре внимания, что, подозреваю, для него важнее, чем какая-либо конкретная цель. У кого нет плана, так это у милорда Оксфорда, до недавнего времени — лорда-казначея Британии.

— Что значит «до недавнего времени»? Должен ли я понимать, что в стране новый лорд-казначей?

— Этого я не говорил, я сказал только, что Оксфорд в отставке. Сегодня на совете он вернул королеве белый жезл.

— По собственной воле?

— По её требованию. Трудно вообразить, что столь хилая особа способна чего-то потребовать, но так говорят.

— И жезл по-прежнему у неё?

— Согласно моим источникам, она никому его ещё не передала.

— Что у вас за источники, Даниель? Они, сдаётся, лучше моих. Во всяком случае, оперативнее.

— Это другой разговор. Суть в том, что Оксфорд, а значит, и умеренные тори, больше не у власти. Сегодня королева показала всему миру, что благоволит Болингброку и якобитам. Она запустила цепочку событий, которая должна привести к

отмене Акта о Престолонаследии и утверждении на английском престоле католика.

— В мечтах королевы, быть может, — поправил Исаак. — В яви Британия скорее согласится на новую гражданскую войну, чем на короля-паписта.

— Конечно. Теперь рассмотрите положение Болингброка. Он завоевал королеву и в тот же миг получил безраздельное главенство над тори, а стало быть, и в парламенте. Его следующим шагом будут переговоры с вигами — единственной оставшейся оппозицией.

— Зачем? — спросил Исаак. — Я бы сказал, что теперь он может диктовать условия.

— Взгляните на поместье сэра Джона Олдкасла, — отвечал Даниель.

С этого участка дороги открывался вид через луг на владение по другую её сторону: несколько величественных старых зданий на южном краю и маленький охотничий парк, тянущийся примерно на двести ярдов к северу. Даниель привлёк внимание Исаака к холму в северной части поместья. Во многих английских графствах такой пригорок остался бы безвестным и безымянным, здесь же, в болотистой пойме Флит, казался даже внушительным. Ещё бы, с него можно было видеть на сотни ярдов! Три человека как раз стояли

на вершине, обозревая местность.

— Что вы скажете о них, Исаак? Чем не дозорные на высоте средь поля боя?

— Весьма романтичное сравнение, — отвечал Исаак, — но на самом деле это друзья или родичи Олдкаслов, вышедшие прогуляться в рощицу.

— Как? Вы хотите сказать, среди палаток? — отвечал Даниель, указывая на рощу.

Почти всё скрывала густая зелень, однако зоркий и внимательный наблюдатель, например сэр Исаак, мог различить в просветах между ветвями то кусок натянутого полотна, то кол или верёвку.

— Да, я вижу небольшой лагерь, — кивнул Исаак. — Вероятно, его разбили бродяги, которые намерены в пятницу смотреть повешение.

— Вы полагаете, что хозяин поместья пустил бы к себе бродяг?

— Каково ваше объяснение, если вам не нравится моё?

— Это военный лагерь. Лагерь ополчения.

— Вигов или тори?

— Вспомните, что сэр Джон Олдкасл был одним из первых протестантов. Сегодняшние Олдкаслы не такие пламенные, но взглядов не изменили.

— Стало быть, это солдаты Ассоциации вигов, — сказал Исаак. — Я о них слышал. Впрочем,

признаю, что увидеть их на краю Лондона — совершенно иное дело.

— Давайте пройдём дальше и посмотрим, что там за Пещерой Мерлина, — предложил Даниель, указывая через поле на ещё одну россыпь домов в четверти мили к северу. Они были меньше, новее и скромнее, чем здания на земле сэра Джона Олдкасла: купальни, выстроенные недавно рядом с природной пещерой в основании холма, за которым начинался Ислингтон.

Сейчас рядом с ними гарцевали несколько всадников. С такого расстояния деталей было не разобрать, но не оставалось сомнений, что все они молоды, искусны в верховой езде и бесшабашны. Казалось, они красуются перед дамами, но даже за четверть мили видно было, что женщин там нет. Наездники красовались друг перед другом. Через минуту-две, подойдя ближе, Исаак и Даниель разглядели у них могавские гребни. Наездники, вернее их слуги, собирали хворост для костра.

— Вы видели таких раньше. Это молодые виги. — Даниель остановился. — Если мы пойдём дальше, то увидим ещё подобные отряды в рощах, деревнях и на возвышенностях, где можно развести сигнальный костёр.

Он повернулся спиной к лагерю могавков у Пещеры Мерлина и пошёл в сторону Клеркенуэлла. Исаак ещё мгновение разглядывал наездников, затем догнал Даниеля.

Тот продолжил:

— То, что мы видели, — передовые отряды. По сигналу милорда Равенскара они первые пройдут через Ньюгейт, чтобы захватить Лондон. Если бы мы выбрали другой пригород, то увидели бы там, в некоторых больших поместьях, такие же отряды ополченцев-тори, присягнувших на верность Претенденту.

Исаак молчал почти всю дорогу назад и лишь под конец спросил:

— Что произойдёт завтра?

— Званый обед, — отвечал Даниель, — на Голден-сквер.

— Простите?

— Болингброк пригласил Роджера и других вигов отобедать завтра в его особняке на Голден-сквер. Все эти великие мужи, столько лет игравшие по огромным ставкам, завтра вечером наконец выложат карты на стол. Болингброк как нельзя более умно выбрал время и место. Королева и впрямь очень слаба. Сегодня после совета она лишилась чувств от усталости и вол-

нений, которым подверг её Болингброк, быть может, с жестоким умыслом, а скорее — потому что не осознаёт творимого им зла. Так или иначе, долго она не проживёт. И потому у Болингброка есть краткое время — может, день, может, целая неделя, — когда всё для него идеально. Заседания парламента отложены, и он может пока не думать о деньгах асиенто. О, деньги эти у Болингброка, или влияние, на них купленное, но пока его не могут привлечь к ответу за казнокрадство. Тори объединились под его началом, королева ему благоволит; у неё уже нет сил на собственные решения, однако она ещё не настолько ослабела, чтобы испустить дух; мы, диссиденты и нонконформисты, раздавлены Актом о расколе; ковчег в руках Болингброка. Вот такие карты он выложит на стол завтра вечером. Что в руке у Равенскара? Несколько козырей, будьте покойны.

— Но мы неизмеримо усилим его позицию, — сказал Исаак, — и в то же время ослабим Болингброка, если арестуем Джека-Монетчика и снимем подозрения с ковчега. Теперь мне это ясно. Спасибо за прогулку, Даниель.

— ТОРГ БУДЕТ НЕПРОСТЫМ, — сказал Шон Партри, хорошенько обдумав услышанное. — Осуждённому монетчику в Ньюгейте нет дела до

ставок в политической игре. Гражданская война? Ему-то что, если его отрубленная голова будет наблюдать за боем с Тройного древа.

— У него есть близкие? — спросил Даниель.

— Перемёрли от оспы. Сейчас его занимает одно: сколько мук предстоит ему в пятницу?

— Тогда надо всего лишь подкупить Джека Кетча, — сказал Даниель. — Не понимаю, в чём сложность…

— Сложность в том, — отвечал Партри, — чтобы заплатить больше и позже Джека, чьи люди, как мы убедились, кишат в Ньюгейте. Вот почему я хотел отложить разговор до вечера четверга. Тогда у Джека будет меньше времени на контрвзятку. Сделать это во вторник вечером… — Партри помотал головой.

— Ладно, давайте забудем про сегодняшний день и попытаемся в среду, — предложил Даниель.

— Это чуть лучше.

— Но не позже середины дня — мы не можем ждать вечера.

Партри задумался и наконец пожал плечами.

— Попытка не пытка, — сказал он. — Не забудьте принести с собой фунты стерлингов и будьте готовы к тому, что за каждое слово придётся пла-

тить отдельно.

— Если всё дело в фунтах стерлингов, — промолвил Исаак, — то я знаю, где их раздобыть.

Голден-сквер

ранний вечер 28 июля 1714
Голден-сквер

— КАКОЙ ВРЕД МОГУТ причинить крепкие напитки, в наши-то лета? — спросил Роджер Комсток, маркиз Равенскар. — Мы с вами и так ходячий укор актуариям; в таблицах продолжительности жизни, составленных Королевским обществом, и графы такой нет!

— Не лучше ли вам пойти туда трезвым? — спросил Даниель.

Он стоял лицом, а Роджер — спиною к лучшему зданию на площади. Даниелю она напомнила театральную сцену: не современную оперную, где актёры находятся за просцениумом, а деревянный круг В. Шекспира, в котором утоптанная площадка (в данном случае Голден-сквер), галереи (дома вокруг) и величественный дом, господствующий надо всем (дворец Болингброка), соединены множеством переходов, желобов, лестниц, перемежаемых балконами и окнами, и

в любом из этих мест может произойти разговор, свидание или поединок между главными героями — нечто, движущее действие пьесы. Арсенал возможностей. Стоячие зрители на дешёвых местах в партере не могли отвести глаз. Все, кроме Роджера. Впрочем, Роджер и не был зрителем. Он играл главную роль — Монтекки или Капулетти, как вам больше угодно, — и площадь служила ему своего рода гримёрной. Он готовился выйти на сцену и начать представление, однако слова для него ещё не были написаны.

Неудивительно, что он пил.

— Вы поднимали кружку в «Чёрном псе». Всё по справедливости.

От одной мысли о том, чтобы поднести ко рту что-нибудь в «Чёрном псе», у Даниеля прошли судороги по всему пищеварительному тракту.

— Я там сесть-то побрезговал, не то что пить.

— Здесь вы тоже не сидите, — заметил Роджер, — но меня это не останавливает.

Один из его наименее грозного вида слуг подошёл, неся поднос с двумя янтарными напёрстками. Роджер опрокинул один в свою, отделанную слоновой костью, пасть. Даниель схватил второй, просто чтобы Роджер не выпил оба.

— Ваш отказ честно изложить, как идут пере-

говоры, для меня пытка, — пояснил Роджер и повернулся к слуге: — Ещё две порции, чтобы заглушить боль, которую причиняет мне скрытность друга.

— Погодите, — сказал Даниель, — мы пока не говорили с узником.

Роджер зашёлся в оргазме кашля.

— И это хорошая новость! — заверил его Даниель.

От такой наглой лжи Роджер перестал кашлять и выпрямился.

— Вы надо мной издеваетесь, сударь!

— Ни в коем разе! Почему наш узник так напуган, что не смеет показаться в «Чёрном псе»?

— Потому что он жалкий трус?

— Даже трусу незачем бояться Джека, если он не знает чего-то, крайне для Джека опасного.

— У меня к вам вопрос, Даниель.

— Я слушаю, Роджер.

— Вы когда-нибудь участвовали в переговорах? Ибо люди, имеющие хоть какой-нибудь опыт, обычно способны распознать, когда их водят за нос.

— Роджер…

— Как Клудсли Шауэлл, когда тот увидел в тумане скалы Силли, но уже не мог отвратить флот

с рокового курса, так и я на самом пороге Болингброкова логова вижу, что ошибся, позволив вам и другому натурфилософу вести переговоры с коварным преступником.

— Всё не так безнадёжно, Роджер.

— Тогда скажите хоть что-нибудь, что не было бы абсолютно и беспросветно чудовищно дурной новостью.

— Мы начали в середине дня и прошли все предварительные этапы переговоров, используя Шона Партри в качестве посредника. Весь блеф и вся чепуха позади. Осталась последняя стадия. Узник пока отказывается говорить. Мы взяли передышку, чтобы он посидел и подумал о муках, ожидающих его в пятницу. Тем временем я приехал к вам со следующим вопросом: что наибольшее мы можем ему обещать, ежели он сегодня представит сведения, которые позволят изловить Джека-Монетчика или хотя бы доказать, что тот подбросил в ковчег фальшивые деньги?

— Если потребуется… Даниель, посмотрите мне в глаза, — сказал Роджер. — Вы можете предложить это лишь в качестве последнего, крайнего средства, и то лишь если будете уверены, что оно обеспечит победу.

— Я понял.

— Если ваш малый поможет мне сокрушить Болингброка, я освобожу его из Ньюгейта и дам ему ферму в Каролине.

— Прекрасно, Роджер.

— Не усадьбу, а клочок земли, острую палку и курицу.

— Это больше, чем он заслужил; я и на такое не рассчитывал.

— Теперь вы трое отправляйтесь в Ньюгейт. Я не могу оттягивать вечернюю игру бесконечно.

Роджер наконец позволил себе взглянуть на дворец Болингброка. По меньшей мере три виконта смотрели на них из окон. Это кое о чём Даниелю напомнило.

— Встретимся здесь через час, — сказал он, глядя на часы.

— Через час?!

— Дальше всё должно произойти быстро. Я употреблю этот час нам на пользу. Желаю вкусно покушать, Роджер, и не пить слишком много.

— Мне вполне достаточно пить не больше противника, что легко.

— Я бы советовал вам быть трезвее, чтоб сполна насладиться победой.

— А я бы советовал вам быть пьянее, чтобы

действовать чуть менее осмотрительно.

Однако Даниель уже взбирался по складной лесенке в фаэтон, одолженный ему Роджером.

— На Лестер-филдс! — крикнул он кучеру.

Лестер-хауз

полчаса спустя

Поспешное отбытие из Лестер-хауза

— В ЭТОЙ СТРАНЕ, да будет вам известно, есть негласное правило, которое соблюдают и виги, и тори: не привлекать к политике толпу.

— Я не знала, — ответила принцесса Каролина. — Наверное, потому, что правило негласное.

За недели, проведённые в Лондоне, её английский заметно улучшился.

— Без сомнения, когда ваше королевское высочество будет повелевать мирной и счастливой Британией, правило будет соблюдаться неукоснительно, — продолжал Даниель, — как соблюдалось по меньшей мере четверть столетия.

— За исключением времени парламентских выборов, — вставила герцогиня Аркашон-Йглмская.

— Естественно, — сказал Даниель, — а также церковных поджогов и убийств. Однако я не

убеждён, что оно будет соблюдаться *сегодня*. По обе стороны раздела виги — тори я наблюдаю пугающий недостаток осмотрительности. Положение Болингброка сейчас и невероятно высоко, и крайне шатко. Он подобен человеку, который почти влез на стену, цепляясь за неё ногтями, и уже видит место, где сможет встать, — но и опасность рухнуть на камни внизу для него велика, как никогда. Он будет хвататься за что угодно, лишь бы не упасть. Что мешает ему нарушить правило касательно толпы?

Они сидели в помещении Лестер-хауза, которое эпохи назад на чертежах архитектора, возможно, звалось Гранд-салоном. К тому времени, как штукатурка высохла и въехали Стюарты, оно стало просто салоном. По современным меркам это был, скорее, чулан. Никакой ажурной лепнины в стиле рококо. Потрескивающие деревянные панели того оттенка коричневого, который темнее чёрного. Окна, выходящие на Лестер-сквер, забили ставнями — их нельзя было отличить от панелей, если не простукать. Тем не менее Элиза, судя по всему, любила эту тёмную каморку, и Даниель вынужден был признать, что тревожными вечерами такие помещения по-своему уютны.

— О толпе часто говорят, но никто её не ви-

дел, — заметила принцесса.

Иоганн фон Хакльгебер и Даниель Уотерхауз разом набрали в грудь воздуха и открыли рот, чтобы объяснить её неправоту. Впрочем, оба помедлили, уступая другому право говорить, так что следующим вновь раздался голос Каролины.

— Вы готовы поведать мне ужасы, от которых кровь застынет в моих жилах, — сказала она. — Однако я нахожу само понятие противным философии. Доктор Лейбниц много размышлял о коллективных сущностях, как, например, стадо овец, и пришёл к выводу, что их следует рассматривать в качестве совокупности монад. Все они — индивидуальные души. Толпу измыслили умы, ленящиеся воспринимать их в таком качестве.

— И всё же я видел толпу, — возразил Даниель. — Можно сказать, я ею был.

— Тем не менее вы один из умнейших людей, созданных Богом, — отвечала Каролина. — Это доказывает, что концепция толпы ошибочна.

— Я познакомился с толпой в тот день, когда за голову Даппы объявили награду, — сказал Иоганн фон Хакльгебер. — Состоящая из индивидуальных душ, она меж тем обладала коллективной волей.

— Пфуй!

— Вы сможете обсудить это с доктором в Ганновере, — вмешалась Элиза. — У нас есть более насущные дела. Иоганн, в тот день, когда арестовали Даппу, толпу распалили объявления о поимке, напечатанные Чарльзом Уайтом. Чем Болингброк может подстрекнуть толпу сейчас?

— Поймите, ваша светлость, в толпе девяносто человек из ста — обычные преступники, которым довольно малейшего повода для бесчинств, — сказал Даниель. — Они как грубый порох в ружейном дуле. Он воспламеняется от тонкого пороха на полке. Другими словами, один провокатор, движимый партийной ненавистью, может заразить остервенением десять или сто подонков. Болингброк поставит застрельщиков на улицах и площадях. Чтобы науськать их — поджечь порох на полке, — достанет любого мелкого скандала или происшествия. Например, можно объявить, что в Лондоне есть ганноверские шпионы.

— Я поняла, — сказала принцесса, — как глупо мне было сюда приезжать.

— Ничуть, потому что, приехав сюда, вы, возможно, спаслись от убийц, подосланных де Жексом, — отвечал Даниель.

– *Было бы* глупо приезжать, — подхватил Иоганн, — не приготовившись к сегодняшнему

вечеру.

Говоря, он посмотрел матери в глаза. Элиза встала.

— Мать и сын мудро всё устроили, — сообразила Каролина, — покуда глупая принцесса тешилась своим озорным приключением.

— Так было и будет, покуда есть монархи, — отвечала Элиза. — Вы сможете отплатить нам за труд, свершив то, что не в нашей власти.

— Легко сказать, — проговорила принцесса. — Сейчас что я могу…

— Вы можете спастись бегством, — сказала Элиза, — согласно давней и почтенной традиции. Елизавета, Карл Второй, Людовик Четырнадцатый, Зимняя королева — все когда-то бежали, спасая свою жизнь, и все — успешно.

— У Якова Второго вышло худо, — задумчиво произнёс Даниель. Потом, чтобы не портить людям настроение, добавил: — Но вы сделаны из другого теста.

— К тому же в отличие от него у принцессы есть друзья и план действий, — сказал Иоганн, — хотя она об этом не знает. Чтобы его запустить, мне достаточно одного слова. Таков ваш совет, доктор Уотерхауз?

На Даниеля возлагали трудный выбор. В моло-

дости сознание ответственности его бы парализовало. Однако решения стали даваться ему куда легче с тех пор, как он привык к мысли, что давно должен был умереть.

— О, вам всенепременно надо бежать, — сказал он. — Но прежде мне хотелось бы перемолвиться словом с её светлостью, если план это дозволяет.

Элиза улыбнулась.

— План требует, чтобы первым делом Иоганн и Каролина сменили платье, — сказала она, движением век разрешая им выйти из комнаты.

Иоганн повернулся и, не глядя, отвёл руку назад. Ладонь Каролины скользнула в неё, как сокол, падающий на дичь. Так они и вышли: он — устремлённый вперёд, она — плывя величаво, как приличествует её сану. В прилегающей комнате Иоганн начал по-немецки отдавать распоряжения людям, тихо ожидавшим там четверть часа с прихода Даниеля. Один заглянул в «салон», почтительно кивнул Элизе, сверкнул на Даниеля глазами и захлопнул дверь так резко, что все панели в доме отозвались потрескиванием.

— Вы со мной наедине, — заметила Элиза. — Сценарий, часто воспеваемый поэтами в клубе «Кит-Кэт».

Даниель улыбнулся.

— Если бы они воспевали нашу встречу, то уподобили бы меня Титону, который получил вечную жизнь, но не вечную молодость, и от старости, усохнув, превратился в сверчка.

— В качестве уловки ваша скромность хороша, — сказала Элиза. — Я вижу, как она должна действовать на молодых, тщеславных и плохо вас знающих. Мне, знающей вас хорошо, она неприятна. Прошу вас говорить прямо, не льстя мне и не уничижая себя; у нас мало времени.

Даниель глубоко вдохнул, как человек, которого только что окатили ледяной водой. Потом сказал:

— У меня к вам новость касательно Джека Шафто.

Теперь пришёл Элизин черёд ахнуть. Она так быстро повернулась к Даниелю спиной, что хлестнула его юбкой по ногам, затем отошла и села на скамью между двумя забитыми окнами. Даниель остался стоять к ней боком, чтобы не видеть её вспыхнувшее лицо.

— Я полагала, что вы его преследуете. Как…

— Преследую и поймаю, — отвечал Даниель, — что не помешало Джеку, при его уме, подстроить так, чтобы я услышал некие слова, предназначенные для вас.

— И что это за слова, сэр?

— Что всё, сделанное им за последнее время, сделано из любви к вам.

— Очень странный способ выказать любовь, — возмутилась Элиза. — Чеканить фальшивые деньги по указке французского короля и взрывать людей!

— На деле он никого не взорвал, — заметил Даниель. — Что до французского короля, некоторые напомнили бы, что он также сеньор Аркашонов.

— Спасибо за напоминание, — проговорила Элиза. — Это все его слова?

— Что он любит вас? Да, кажется, так.

— Что ж, если поймаете его, передайте ему мой ответ, — сказала Элиза, вставая. — Решение, которое он принял на амстердамской пристани, необратимо; чтобы в этом убедиться, довольно взглянуть на то, чем стал Джек через тридцать лет — всё можно было предсказать по его тогдашнему выбору.

— У меня есть основания полагать, что сейчас Джек хочет измениться, — произнёс Даниель, — так, как даже вы не могли предвидеть.

— Так поступил бы молодой Джек, который, должна признать, был мечтателем, — сказала Элиза. — Жалкая мразь, в какую он превратился,

на это не способна.

— Никогда ещё стальная, утыканная шипами перчатка не бывала брошена с такой резкостью. Я еду в таверну «Чёрный пёс», — Даниель отвесил учтивый поклон, — и, если судьба сведёт нас с Джеком, передам ему ваш вызов.

Ньюгейтская тюрьма

полчаса спустя
Узник называет своё имя

КАК БЫ ИОГАНН ФОН ХАКЛЬГЕБЕР ни собирался вывозить принцессу Каролину из Лондона, план явно не предполагал, что это будет сделано тихо. Столпотворение было невероятное: Даниель наполовину испугался, что конюшни Лестер-хауза уже захватила пресловутая толпа. Но тревожиться не стоило: то были верные слуги герцогини. Даниель отыскал свой фаэтон и велел кучеру ехать на другую сторону Лестер-филдс, чтобы забрать сэра Исаака Ньютона. Всё произошло крайне быстрым и до нелепого подозрительным манером. Соглядатаи, расставленные на Лестер-филдс политиками, иностранными правительствами, биржевыми воротилами и газетчиками, должны были сообщить своим

нанимателям, что усохший, как сверчок, пожилой джентльмен выскочил из лондонского дома герцогини Аркашон-Йглмской, запрыгнул в неподобающе роскошный и модный экипаж, промчался через площадь, подхватил величайшего в мире натурфилософа и умчался в направлении… Ньюгейтской тюрьмы. Что те подумали, остаётся гадать. Даниелю было уже всё равно.

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ с Партри в «базарне», то есть яме под Ньюгейтскими воротами, где свободные люди могли разговаривать с узниками через решётку. Партри использовал её вместо приёмной.

— Какие новости от Равенскара? — раздался его голос из-за прутьев.

— Прежде ответьте, когда мы увидим другую договаривающуюся сторону? — сказал Даниель. — Трудно торговаться с фантомом.

— Поскольку и вы для него — только фантом, он, скорее всего, думает так же.

— Так сведите нас наконец в одном помещении!

— Всё устроено, — заверил Партри. — Я снял «Чёрный пёс» на вечер. Там мы с ним и встретимся — в пустой таверне, без посторонних, у него скорее развяжется язык. Но и вы приготовьтесь развязать кошельки.

— Здесь тоже всё устроено, — кивнул Даниель. — При необходимости мы можем предложить узнику свободу и ферму в Каролине. При необходимости.

— Уж это слишком! — воскликнул Исаак. — Вполне достаточно обещать, что его повесят быстрее обычного.

— Возможно, — отвечал Даниель. — Но, если этого не хватит, у нас будет запас для торга.

— Отлично! — сказал Партри. — В «Чёрный пёс»! Будьте осторожнее на лестнице, там скользко от раздавленных вшей.

— Больше обычного?

— Да, — отвечал Партри. — Я говорил, что очистил «Чёрный пёс» на сегодняшний вечер; многие, просидевшие там весь день, только что прошли по лестнице. Трудно сказать, что насыпалось из их лохмотьев.

— Да, весь Лондон сегодня в движении, — заметил Даниель.

— Только не то, что лежит на этих ступенях, — настаивал Партри. — Позвольте мне идти первым и светить фонарём.

Спускаясь следом за Партри, впереди Исаака, Даниель сказал:

— Как удивительно! На взгляд эта лестница

ничем не отличается от любой другой.

— Что тут удивительного? — спросил Исаак.

— Мы всегда говорим о Ньюгейте с ужасом, — пояснил Даниель. — Но без узников это просто здание — разве что чуть зловоннее остальных.

— То же самое можно сказать о здешней таверне, — объявил Партри, распахивая дверь. Оттуда хлынул неожиданный свет и волна помоечного смрада.

— Вы хотите сказать, что на самом деле ужас внушают нам люди, заточённые в Ньюгейт, — произнёс Исаак.

— Бывал ли «Чёрный пёс» так освещён за всю свою историю? — спросил Даниель, входя в дверь.

Ибо свечей здесь было не меньше, чем вшей на лестнице — и не из ситового тростника, а настоящих, восковых. Даже обеденная зала виконта Болингброка сияла сегодня не так ярко. Таверна не изобиловала мебелью — здесь либо стояли, либо лежали на полу. Имелась, правда, стойка — бруствер между узниками и джином; на ней-то и выстроился частокол свеч. Шон Партри направился к стойке. Даниель помедлил на середине помещения, чтобы оглядеться. Его глаза ещё не совсем привыкли к свету, но он уже видел, что

больше никого здесь нет.

— Где?.. — начал он.

— Сколько, ради всего святого, вы издержали на свечи? — вопросил Исаак. — Состояние! Вы обезумели?

— Дни моих безумств давно миновали. — Партри повернулся к стойке, превратившись в тень, рассекшую сноп света. — Не тревожьтесь, я заплатил за свечи из своего кармана. Когда мы покончим с делом, я раздам их узникам, которые по бедности не могут купить даже огарков и забыли, что такое свет.

— Вы слишком в себе уверены, — сказал Исаак. Теперь они с Даниелем стояли плечом к плечу, лицом к Партри; жар свечей обдавал их, как летнее солнце. — Мы ничего вам не заплатим, пока не получим искомого. Где узник?

— Узника нет, — отвечал Партри, — и не было. Я с самого начала вам лгал. Всё, что вы услышите сегодня о местопребывании Джека Шафто, вы услышите не от несуществующего узника, а от меня.

— Зачем вы нам лгали? — спросил Исаак.

— Чтобы добиться встречи на нейтральной территории. — Партри топнул ногой по каменному полу. — Здесь я могу изложить свои сведения

без опаски.

— И что за сведения, наконец? — потребовал Исаак.

— Что я — Джек Шафто, — сказал Джек Шафто. — Он же Джек-Монетчик, он же Ртуть, а равно обладатель множества других прозвищ и титулов. И что я готов окончить свою карьеру сегодня, если только мы сойдёмся в условиях.

Голден-сквер

тогда же
Званый обед у Болингброка

ЕСЛИ ЦЕЛЬ ЗВАНОГО ВЕЧЕРА — свести интересных людей и поставить перед ними превосходные еду и вино, то приём у виконта Болингброка был событием года. Некоторые посетовали бы, что среди гостей слишком много вигов; что ж, Болингброк со вчерашнего дня олицетворял всю партию тори и не нуждался в свите. С другой стороны, если цель светского раута — увлекательная застольная беседа, то Эпоха Просвещения ещё не видела такого провала. Роберт Уолпол даже мурлыкал себе под нос, чтобы заполнить тишину. За столом сидели двенадцать человек; лишь двое из них — Болингброк и Равенскар — были обле-

чены властью вести переговоры. Однако обоим, судя по всему, нравилось есть и пить в гробовом молчании. Время от времени кто-нибудь из вигов помоложе обращался к соседям с репликой; разговор несколько мгновений тлел и дымился, как искра, упавшая в мох, пока Болингброк или Равенскар не заливали его словами: «Передайте соль». Перемены следовали одна за другой, поскольку у гостей не было других занятий, кроме как жевать и глотать. Лишь после пудинга Болингброк удосужился начать гамбит.

— Милорд, — обратился он к Роджеру. — Я уже сто лет не был на заседаниях доброго старого Королевского общества. Есть ли здесь другие его члены?

Он оглядел сидящих. У него были близкопосаженные глаза и острый длинный нос: внешность, скорее, хищного зверя, нежели человека. Однако дурнота его вызывала не насмешку, а страх. Рот маленький, поджатый — так ведь и ружейное дуло не очень велико. Болингброк однажды совершил вылазку в мир моды, явившись к королеве в чрезмерно простом и маленьком парике, за что был спрошен ею, не собирается ли он для следующего визита к государыне надеть ночной колпак. Сегодняшний его парик не вызвал бы

таких нареканий; белые локоны, ниспадавшие с плеч, доходили до середины туловища. Белый галстук, много раз обмотанный вокруг шеи, напоминал бандаж. Галстук и парик придавали голове сходство с тщательно упакованным страусовым яйцом. Сейчас она повернулось влево, затем вправо, к маркизу Равенскару, сидевшему по правую руку от хозяина.

— О нет, милорд, — отвечал Равенскар. — Только мы с вами.

— Вигов нового поколения не влечёт натурфилософия, — заметил Болингброк.

— Их не влечёт Королевское общество, — поправил Роджер. — Что они изучают помимо политики и красоток, мне неизвестно.

Осторожный смех, более всего от облегчения, что разговор наконец завязывается.

— Милорд Равенскар пытается воскресить сплетню, будто я знаю о красотках столько же, сколько сэр Исаак о гравитации.

— Воистину, подобно гравитации прекрасный пол вечно притягивает нас всех.

— Однако вы переводите разговор на другую, пусть и увлекательнейшую тему, — сказал Болингброк. — Разве Королевское общество — не самый выдающийся салон для бесед о натурфи-

лософии? Как можно уверять, будто жаждешь познаний, и не стремиться в него вступить? Или оно угасает? Мне неоткуда узнать — я уже сто лет не был на заседаниях. Такая жалость.

— Сейчас мы отодвинули стулья, отбросили салфетки и поглаживаем живот, — заметил Роджер. — Значит ли это, что ваш званый вечер угасает?

Болингброк поднял голубые глаза к потолку, изображая глубокую задумчивость, затем проговорил:

— Понимаю. Вы хотите сказать, что в первые десятилетия Королевское общество жадно поглощало знания и теперь отдыхает, чтобы их переварить.

— Примерно так.

— А разве добытое не следует оберегать?

— В ваших словах слышится двойной смысл, милорд.

— О, не усложняйте. Я говорю о сэре Исааке и лживых притязаниях бесславного *ганноверского* плагиатора, барона фон как его там…

— Все ганноверцы, каких я встречал, были безупречно честны, — флегматично обронил Роджер.

— Очевидно, вы не знакомы с супругой Геор-

га-Людвига!

— Никто не может свести с ней знакомство, покуда она заточена в замке, милорд.

— Ах, да. Скажите, это тот же замок, в котором принцесса Каролина якобы вынуждена была укрыться после того, как вообразила, что её преследуют гашишины?

— Мне такого не рассказывали, милорд, а если рассказывали, я не стал слушать.

— Мне рассказали, и я выслушал, но не поверил. Я подозреваю, что принцесса где-то ещё.

— Я представления не имею, где она, милорд. Однако, возвращаясь к Королевскому обществу…

— Да. Вернёмся к нему. И впрямь, кто упрекнёт сэра Исаака?

— Упрекнёт за что, милорд?

— За то, что он отложил натурфилософские штудии, дабы оборонять своё наследие от посягательств немца.

— Вы ставите меня в неловкое положение, милорд: мне кажется, будто мы снова в палате лордов, обсуждаем билль. Однако я отвечу на вопрос, который вы *не* задали, и скажу, что если нынешние молодые люди не вступают в Королевское общество, то объяснить это можно так: слушать тирады Ньютона против Лейбница, чи-

тать документы, уличающие Лейбница, заседать в комитетах, трибуналах и звёздных палатах, ставящих своей целью заочно осудить Лейбница, им скучно.

— Фон Лейбниц. Спасибо, что напомнили. Как бы мы разбирались со всеми этим ужасными немецкими фамилиями, если бы не виги, которые так хорошо их знают?

— Трудно освоить немецкий язык, когда со всех сторон слышишь французский, — промолвил Равенскар. Шутка была встречена тишиной, в которой мешались ужас и восхищение.

Болингброк побагровел, затем от души хохотнул.

— Милорд, — выпалил он, — взгляните на наших сотрапезников. Случалось ли вам видеть более деревянные фигуры?

— Только на шахматной доске.

— А всё потому, что мы заговорили о натурфилософии — верный способ убить любую беседу.

— Напротив, милорд, мы с вами беседуем замечательно.

— Тем не менее другие гости скучают. Для того-то и есть гостиные, курительные и прочие комнаты, где можно предаваться учёным беседам, не вгоняя в тоску остальных.

— Если это тактический ход с целью угостить меня портвейном, то надо ли идти на столь сложные ухищрения?

— Но где мы будем его пить? — спросил Болингброк.

— Не смею советовать, милорд, поскольку это ваш дом.

— Воистину. И я предлагаю: пусть те, кому безразлична натурфилософия, угостятся портвейном в моей гостиной, мы же с вами, как рьяные ценители наук, поднимемся в обсерваторию тремя этажами выше, дабы не терзать остальных гостей философскими умствованиями.

— Хозяин дома изрёк своё слово; нам д***о***лжно повиноваться, — объявил Роджер Комсток, маркиз Равенскар, отодвигая стул; так они с Болингброком и оказались под крышей особняка, перед новейшим отражательным телескопом Ньютона. Однако ещё не совсем стемнело, звёзды не показались, и статс-секретарь её величества вынужден был направить телескоп на земные цели. Лёгкость, с которой он это сделал, навела Роджера на мысль, что ему не впервой подглядывать таким образом за соседями.

— Видимость сегодня превосходная, — заметил Болингброк, — поскольку день тёплый и мало где

топили камины.

— Портвейн отличнейший, — отозвался Роджер. Виконт собственноручно принёс в обсерваторию бутылку — самый тяжёлый труд, какой слуги позволили бы ему выполнить.

— Трофей политической войны, Роджер. Мы все алчем таких трофеев, не правда ли?

— Роль политика была бы слишком тягостна, — согласился Роджер, — если бы не вознаграждалась сверх узких рамок дозволенного.

— Прекрасно сказано.

Болингброк, нагнувшись, водил телескопом вправо-влево, отыскивая некую цель. Роджеру подумалось, что виконт хочет разглядеть купол собора Святого Павла в двух милях отсюда; однако тот наклонил трубу, направляя прибор на что-то, расположенное много ближе. Самым большим объектом в этом направлении был Лестер-хауз. Огромная, стоящая углом усадьба вместе со службами и пристройками занимала почти такой же участок, как зелёный квадрат Лестер-филдс к югу от неё.

— Вскоре стемнеет, и засияет Венера — тогда мы сможем любоваться её красой. Сейчас же, покуда мы ожидаем богиню любви, нам остаётся лишь созерцать её земных служителей.

— Вот уж не думал, что вам — особенно вам — нужен для этого телескоп, — сказал Роджер, — помимо того, которым наделил вас Господь.

Усадьба выходила на Лестер-филдс парадным фасадом с небольшим двором, где гости высаживались из карет. Такой она и представала с улицы. Однако вид сверху напомнил Роджеру, что за домом есть много всего, незримого большинству лондонцев. Примерно две трети этой скрытой части со стороны Болингброкова особняка занимал регулярный сад, остальное — конюшни. Разделял их длинный узкий флигель — скорее даже галерея — основного дома.

— Жаль, сегодня они не вышли, — заметил Болингброк.

— О ком вы, Генри?

— О юных влюблённых. Он — белокурый, прекрасно одетый красавец, она — молодая дама с длинными каштановыми волосами и безупречной, я бы даже сказал, королевской, осанкой. Они встречаются в этом саду почти каждый вечер.

— Очень романтично.

— Скажите мне, Роджер. Вы, столько знающий о немцах, которые тщатся захватить нашу страну, видели ли вы принцессу Каролину?

— Имел такую честь однажды, в Ганновере.

— Говорят, что у неё дивной красоты каштановые волосы — так ли это?

— Описание вполне точное.

— А! Вот и она!

— Кто «она», милорд?

— Вот, поглядите и скажите мне.

Роджер неохотно шагнул к телескопу.

— Смотрите-смотрите! — подбодрил его Болингброк. — Можете не опасаться, половина лондонских тори глядели в этот окуляр и видели её.

— Вряд ли такие слова можно счесть рекомендацией, но я вас уважу.

Роджер нагнулся к телескопу.

В окуляре возник пузырь зелёного света; он рос по мере того, как Роджер приближал глаз к линзе и, наконец, стал целым миром. Поворот верньера — и мир этот обрёл чёткость.

Галерею, отделяющую сад (передний план) от конюшен (дальнего), разрезала посередине высокая сводчатая арка с воротами; сейчас они были открыты. Соответственно Роджер не мог видеть конюшен, только участок жёлтого гравия в проёме арки. Впрочем, даже этого было довольно, чтобы понять: сегодня там царит оживление. Копыта, обутые ноги и колёса сновали туда-сю-

да, сплющенные оптикой в плоскую картинку — живую кулису. На её фоне в арке стояла, нагнувшись, женщина, одетая по-дорожному. Она переобувалась из домашних туфель в высокие ботинки. Рядом лежал открытый саквояж, переполненный нарядами. Подбежала служанка с платьем в руках, сунула его в саквояж и принялась уминать руками.

— Я бы назвал это спешным отъездом, — сказал Болингброк в ухо Роджеру. — Похоже скорее на Меркурия, чем на Венеру.

Роджер, не обращая на него внимания, подкрутил верньер, старясь чётче разглядеть женщину, надевавшую дорожную обувь. У неё, несомненно, были длинные каштановые волосы, которые сейчас соскользнули с плеча и касались земли.

Нет, они лежали на земле. Грудой. Роджер заморгал.

— Что вы увидели?! — вопросил хозяин. — Это она?

— Погодите, я не уверен.

Локоны определённо лежали на земле. Дама спокойно закончила шнуровать ботинок, затем подняла их. У неё были белокурые с проседью волосы, уложенные плотно к голове. Она встряхнула каштановый парик, расправляя пряди,

и надела поверх белокурых волос. Служанка, сумевшая-таки закрыть саквояж, подошла, натянула парик сильнее и подколола его длинной шпилькой.

— Лопни мои глаза, — сказал Роджер. — Волосы её выдали. Если эта молодая дама не принцесса Каролина Бранденбург-Ансбахская, то я не виг.

— Дайте и мне посмотреть! Что она сейчас делает? — воскликнул Болингброк.

Роджер шагнул в сторону. Болингброк припал к телескопу, поправил резкость, снова отыскал даму и сказал:

— Я вижу только её спину. Ухажёр куда-то запропал. Думаю, она садится в карету.

— Я тоже так думаю, милорд.

«Чёрный пёс» в Ньюгейтской тюрьме

тогда же
Джек, Исаак и Даниель в «Чёрном псе»

БЫВАЕТ, ЧТО ЧЕЛОВЕК, долго бившийся над трудным уравнением, внезапно находит способ кардинально его упростить. Два выражения, которые он переписывал вновь и вновь, так что они стали ему знакомей собственной подписи, в результате наития или каких-то дополнитель-

ных данных оказываются равными и полностью исчезают из формулы, оставив для раздумий совершенно новое математическое равенство. В первый миг он ликует: гордится собой, радуется, что дело пошло. Затем приходит отрезвление. Он смотрит на оставшуюся запись и видит, что получил совершенно новую задачу.

Нечто подобное произошло с Даниелем в «Чёрном псе». Например: Джек Шафто был при сабле. Покуда он оставался Шоном Партри, она Даниеля не смущала: многие ходят вооружёнными. У Джека сабля сразу приобрела иной смысл. Он нарочно всё подстроил, чтобы убить Исаака и Даниеля, если до этого дойдёт. Или свечи: со стороны Шона Партри — просто блажь, со стороны Джека — средство видеть лица противников, самому оставаясь в тени. И это лишь очевидное и поверхностное; о более глубоких последствиях можно было бы раздумывать неделями.

— Ньютон ошарашен; Уотерхауз кивает, как будто с самого начала обо всём догадывался. Похоже, Уотерхауз умнее, чем о нём думают, — сказал Джек.

— Я чувствовал какой-то подвох, поскольку не мог уяснить недавних событий, — произнёс Даниель. — Но такого я не ждал.

— Теперь уяснили?

— Нет.

Даниель посмотрел на Исаака, который в кои-то веки соображал медленнее его. Тот как раз остановил взгляд на рукояти Джековой сабли, затем принялся озираться в поисках выхода.

— Вся работа последних месяцев: Бедлам, «Грот-салинг», аукцион — зачем? Какова цель? — выговорил Даниель.

— Спросите де Жекса, — отвечал Джек. — Я принимал в этом кукольном балагане куда меньшее участие, нежели вы думаете. По большей части был просто зрителем. Смотрел и посмеивался. Хотя и осерчал под конец, когда увидел его в реке и понял, что он спасся.

— Так вы впрямь его ненавидите?

— И всегда ненавидел, — кивнул Джек. — Хотя, полагаю, он об этом не догадывался, пока у него в карете не взорвалась ваша штучка. Тут до него, наверное, дошло, что я ему не друг.

— Поскольку вы затеяли двойную игру…

— Все годы, что я имел несчастье его знать, он обращал минуты в часы, а часы — в дни трескотнёй про алхимию. В последнее время — с тех пор, как стало известно, что вас вызвали из Бостона, — он сделался совершенно невыносим. И

я подумал: раз он столько мучил меня алхимией, будет только справедливо с её помощью его и прикончить.

При упоминании алхимии Ньютон ожил. (Что показалось Даниелю исключительно характерным: и впрямь, когда Исаак бывал общителен, кроме как в среде алхимиков и в разговорах об алхимии? Не зря они зовут себя эзотерическим братством. Только из этого круга он черпал новые знакомства, за единственным исключением Даниеля; на алхимии строилось всё его взаимодействие с другими людьми, и в этом была своя магия.)

— Если где-нибудь и когда-нибудь было уместно задать крайне неделикатный вопрос, то здесь и сейчас, — начал Исаак.

— Валяйте, Айк, — подбодрил Джек.

— Если вы так давно питали к де Жексу смертельную вражду, то почему не убили его раньше? Ибо, если я не ошибаюсь, вам такое не составило бы труда?

— Вы, прикончивший стольких на Тайберне, можете думать, что нет ничего проще, и воображать, будто я отправил на тот свет не меньше людей, чем Тамерлан, — отвечал Джек. — Однако убийство по закону — сущая безделица по срав-

нению с тем, что надо проделать в моём мире, чтобы убить духовника французской королевы.

— И в одержимости де Жекса алхимией вы увидели средство убрать его чужими руками, — сказал Даниель.

Джек вздохнул.

— У меня почти получилось. И может ещё получиться, так или иначе. Однако сейчас время неспокойное, поэтому нам надо утрясти наши дела честь по чести.

— И вам хватает дерзости помыслить, будто после всего вами совершенного дела можно просто *утрясти!* — вскипел Исаак.

— А не поинтересоваться ли вам мнением маркиза Равенскара? — спросил Джек. — Если он обещал свободу и ферму в Каролине мошеннику, который всего лишь выведет на мой след, что он предложил бы мне, если бы оказался сейчас с нами? Что дали бы *вы* за то, чтобы прежнее содержимое ковчега доставили вам сегодня домой?

Даниель на миг забыл, что заперт в Ньюгейте с опаснейшим преступником Лондона, — так явственно представился ему гнев Роджера, когда тот узнает, что Даниель с треском провалил переговоры.

Покуда он воображал свою встречу с Роджером,

Исаак, замешкавшийся было вначале, стремительно вырвался вперёд.

— Допустим, в вашем предложении что-то есть, — сказал он. — Как в таком случае оно согласуется с вашей ролью платного агента французского короля?

— Ах да, очень важно, — проговорил Джек. — Луй — дальновидный малый. Заслуживает всего, что о нём говорят. Между двумя войнами придумал, как ему выиграть следующую: обрушить английскую денежную систему. Отличный план. Нужен исполнитель. Тут подворачиваюсь я. Я знаю Лондон. Кумекаю насчёт металлов и чеканки монет. Есть организаторский опыт по Бонанце, Каиру и всему такому. Вот только светского лоску нет, да и верить мне сложно. Как восполнить мои изъяны, чтобы использовать достоинства? Де Жекс. Родовитости — хоть отбавляй. Сумеет втереться в любую гостиную — а я тут как раз не силён. Видел, и не единожды, как я чудил из-за некой Элизы — да, доктор Уотерхауз, я называю её имя вслух, — и понимает, что это крюк, которым меня легко зацепить. Гадюка-судьба подстроила так, что Элиза вышла за молодого герцога д'Аркашона, рожала ему детей и половину времени проводила среди французской знати, имеющей

привычку запросто убивать родителей, братьев и прочих родственников. Отравить её де Жексу было бы проще, чем волосок из носа вырвать. На том и сговорились: я еду в Лондон рушить хвалёный фунт стерлингов под приглядом несносного де Жекса, а Элизу оставляют в покое.

Как всё изменилось за двадцать лет! Война окончена, друзья мои, и Франция одержала верх. Хотя Англия получила кое-какие обглодки, не обольщайтесь — на испанском троне сидит Бурбон. Луй не прочь посадить на британский трон Джеми-скитальца, но ему это вовсе не так важно, как было в тысяча семьсот первом заполучить Испанскую империю! То, над чем я трудился, — подрыв денежной системы, — приняло новую форму. Раньше целью было сгубить заморскую торговлю — единственное средство финансирования войны. Теперь цель помельче: разжечь скандал, настроить дельцов из Сити против вигов. Не надо кроить возмущённую мину, Айк, вы отлично знали, чем я занимаюсь. Сейчас я в силах это осуществить или буду в силах, когда Болингброк назначит испытание ковчега. Стану ли? Предам ли я свою страну Франции? Возможно. Англия много сделала, чтобы заслужить мою ненависть. Есть ли у меня сильный мотив? Уже нет. Элиза

овдовела. Её французские дети выросли и делят своё время между Парижем и Аркашоном. Её немецкий мальчик всегда при ней. Она уже два года не ступала на французскую землю. В итоге теперь де Жексу куда труднее её убить — и будет ещё труднее, если я с ним покончу.

— Всё это к тому, что вы о чём-то намерены нас попросить? — предположил Даниель.

— Я хочу одного — достойно удалиться от мирских дрязг, — сказал Джек. — Но, раз уж вы упомянули ферму в Каролине, я не прочь отдать её своим сыновьям. Оставаясь в Лондоне, они будут только влипать в новые переделки.

— О да, — заметил Даниель. — И помыслить нельзя, чтобы в Америке кто-нибудь впутался в неприятности.

— Для своих сыновей я ищу всего лишь других неприятностей, — отвечал Джек. — Здоровых неприятностей на свежем воздухе.

Монмут-стрит

тогда же

Толпа приходит в возмущение всякий раз, как полагает, что у неё есть для этого основания.

«Беды, которых можно справедливо ожидать от правительства вигов», ПРИПИСЫВАЕТСЯ БЕРНАРДУ МАНДЕВИЛЛЮ, 1714

Иоганн и Каролина скачут через Лондон

В КОНЮШНЕ ЛЕСТЕР-ХАУЗА Иоганн и Каролина взяли двух серых коней: непримечательных, в простой сбруе. Бок о бок они выехали на Монмут-стрит. Каролина сидела по-мужски; это облегчалось тем, что на ней были штаны. Волосы её скрывал белый мужской парик, а на боку даже висела шпага. Иоганн был одет так же, но вооружён длинной старой рапирой, которую носил с тех пор, как неизвестные стали покушаться на жизнь близких ему людей. Вместе они должны были выглядеть как два молодых джентльмена на прогулке.

Каролина часто оглядывалась на Лестер-филдс. Иоганн посоветовал ей этого не делать, но лица королевской крови не любят следовать столь приземлённым рекомендациям. Она была совершенно уверена, что за ними едет человек на вороном коне. Однако Монмут-стрит всё время изгибалась влево, поэтому принцесса то и дело

теряла всадника из виду. По той же причине они видели лишь небольшой отрезок пути и постоянно натыкались на всё новые препятствия.

— Составляя план, я не знал, когда его придётся осуществлять, — сказал Иоганн, — и не принял в расчёт Висельный день.

— Он ведь только в пятницу? — спросила Каролина. Был вечер среды.

— Да, — отвечал Иоганн. — Я ждал толп к завтрашнему вечеру, никак не к сегодняшнему.

Он не договорил. Чуть впереди в Монмут-стрит, как притоки в реку, впадали ещё две улочки, образуя короткий, но очень широкий проезд, ведущий к Брод-Сент-Джайлс — не площади и не улице, а своего рода отстойнику, в который втекали Хай-Холборн (справа) и Оксфорд-стрит (слева, в направлении Тайберн-Кросс). От Иоганна и Каролины Брод-Сент-Джайлс закрывало длинное невысокое здание, воздвигнутое прямо посередь дороги, словно песчаная отмель поперёк устья реки. Оно было кирпичное снизу, дощатое наверху, под выщербленной черепичной крышей и такое невзрачное, что издали многие приняли бы его за конюшню. Однако для конюшни у него было слишком много печных труб, и все они кренились, как престарелые плакальщики на ветру.

Со стороны, обращённой к Иоганну и Каролине, вдоль всего фасада тянулся дворик, на который выходила веранда. Здесь на скамьях сиротливо жались несколько стариков с белыми волосами и серыми лицами. Это была Сент-Джайлсская богадельня, где никчёмных прихожан, оставшихся под старость без средств и без семьи, временно складировали до переселения на ближайшее кладбище. По какой-то причине её выстроили на перекрёстке, так что людям и каретам приходилось огибать богадельню.

В обычное время за невозможность увидеть Брод-Сент-Джайлс следовало возблагодарить Бога. Как часть Большого Лондона она, безусловно, имела свою историю и законное право на существование, но как магистраль, соединяющая Тайберн с центральной частью города, не выдерживала никакой критики. Позже в трущобах к северу от неё взорвут несколько бочонков пороха, Хай-Холборн и Оксфорд-стрит свяжет прямая дорога, а Брод-Сент-Джайлс превратится в заболоченную старицу; в то время, когда Иоганн с Каролиной к ней подъезжали, упомянутые благие перемены были ещё делом будущего.

Сейчас невозможность видеть, что творится впереди, грозила опасностью. Народа вокруг

было гораздо больше обычного. Толпа — по большей части кочевые трибы молодых людей, — подпруженная богадельней, закручивалась в водовороты перед её оградой. Молодые люди никуда не направлялись и никакой явной цели не преследовали, если не считать целью поиск неприятностей на свою и на чужую голову. Некоторые уже смотрели на Иоганна и Каролину и указывали пальцами.

— Почему столько народа — из-за Висельного дня?

— Слишком рано. О, если бы мы спросили кого-нибудь, зачем он здесь, он бы ответил, что пришёл смотреть повешение.

— Но поверить ему было бы глупо, — сказала Каролина. — Ты думаешь, это то, о чём предупреждал нас доктор Уотерхауз?

— Да. И виги, и тори используют повешение как предлог, чтобы вывести сочувствующих, как их ни называй…

— Ополчение?

— Может быть, чуть хуже ополчения и чуть лучше толпы. Не знаю. Так или иначе, они на улицах и готовятся жечь костры.

— Уже жгут, — заметила Каролина.

Они подъехали к тому месту, где перед самым

двором богадельни улица расширялась. Справа пылал костёр. Его только что зажгли, и пламя сразу взметнулось ввысь; в столбе дыма кружили тлеющие листья и веточки. Костёр горел посередине Брод-Сент-Джайлс, имевшей здесь ширину в добрых сто футов.

— Держу пари, что это место сбора той или иной партии. — Иоганн привстал на стременах и обвёл взглядом улицу. И впрямь, многие потянулись к костру; некоторые осознанно, другие — следуя некоему стадному инстинкту. — Нам это только на руку. Смотрите, там, справа, толпа редеет — мы легко проедем на Хай-Холборн.

Он резко поворотил коня вправо. Каролина последовала его примеру; однако она невольно обернулась на Монмут-стрит. Всадник на вороном коне был теперь так близко, что принцесса могла бы его окликнуть. Он ничуть не таился и даже, напротив, размахивал руками над головой, словно хотел привлечь чьё-то внимание. Достигнув желаемого, он указал на Иоганна и Каролину, затем чиркнул себя пальцем по горлу.

Каролина повернулась так резко, что непривычный парик съехал набок. Поправляя его рукой, принцесса взглянула через площадь — туда, куда смотрел всадник на вороном коне. На

крыше богадельни, на самом коньке, держась за трубу, стоял человек. Он повернулся — настолько быстро, насколько это можно было сделать, не упав с крыши, и поглядел через Брод-Сент-Джайлс в одну из боковых улочек.

— Чарльз! Не отставай! — крикнул Иоганн. (Каролина должна была оставаться Чарльзом, покуда она в штанах.)

Он опередил её примерно на два корпуса, и «Чарльз» не мог откликнуться, не выдав всем на расстоянии слышимости свой пол. Она пропустила вереницу мальчишек и заторопилась за Иоганном в надежде поравняться с ним и рассказать, что видела. Однако, едва расстояние между ними сократилось вдвое, Иоганн пришпорил коня и поскакал в направлении Сити.

Каролина уже видела недостатки плана. Он казался беспроигрышно простым. Элиза надевает парик, в котором её издали можно будет принять за Каролину, садится в лучшую карету, какая у неё есть, и мчит на юг вдоль Лестер-филдс на виду у всех соглядатаев. Она едет мимо дома сэра Исаака Ньютона и дальше на запад в направлении Сент-Джеймс-сквер, как если бы стремилась попасть во дворец герцога Мальборо. Именно этого тори с их подозрительным складом ума

ждали бы от принцессы Каролины; Мальборо ещё не вернулся в Англию, но вовсю отделывал особняк, давая понять, что второе пришествие не за горами. С Ганноверами его связывали давние узы, и принцесса могла бы укрыться в герцогском особняке, зная, что ни толпа, ни ополчение, ни партия не посмеют её там тронуть.

Тем временем Иоганн и Каролина должны были проехать примерно три мили в противоположном направлении до Биллинсгейтской пристани и оттуда на лодке добраться до ганноверского шлюпа. Через несколько дней они были бы в Антверпене, а ещё через несколько — в Ганновере. Так предполагал план, но Каролина только сейчас поняла, что будет, если маскарад удастся, и враги поверят, будто она не принцесса Каролина, а безвестный Чарльз — велика ли важность, если безвестного Чарльза найдут во Флитской канаве с перерезанным горлом, обобранного до нитки?

Сбоку от Иоганна образовалось свободное место. Каролина пришпорила коня и наконец догнала своего спутника. «Что там?» — спросила она, указывая туда (налево, то есть на север через Брод-Сент-Джайлс), куда смотрел человек на крыше богадельни.

В том направлении было несколько улочек. Из одной как раз появилась прыгающая цепочка грив, париков и конских хвостов: пять или шесть всадников. Лиц с такого расстояния было не разобрать, но все их озаряло пламя костра, поскольку всадники смотрели в сторону богадельни. Принцесса обернулась: человека на крыше почти полностью скрывала труба, однако видно было, что он машет рукой, указывая на Иоганна и Каролину.

— Улица, из которой выехали всадники, — Дайот-стрит — ведёт к Грейт-Рассел и…

— Дому Равенскара?

— Да.

— Коли так, думаю, мы ввели врагов в опасное заблуждение, — сказала Каролина. — Они считают, что мы — гонцы, отправленные Элизой с важными известиями к маркизу Равенскару или командирам вигского ополчения. Те всадники, боюсь…

— Были поставлены на Дайот-стрит, чтобы перехватить подобных гонцов, — закончил Иоганн. — Поскачем чуть быстрее, но не галопом, чтобы не выказать страх, и повернём направо, на Друри-лейн. Так мы двинемся прочь от дома Равенскара и развеем заблуждение, будто мы

— гонцы.

— Я кое-что слышала о Друри-лейн…

— Все решат, что мы едем к шлюшкам, — подтвердил Иоганн. — Не тревожьтесь. Друри-лейн — граница дурного района. Многие из живущих там вышли сегодня на Брод-Сент-Джайлс. Проехать по границе не так уж опасно. Соваться за неё не стоит — да мы и не будем. Поскачем по Друри-лейн до самого Стрэнда.

С этими словами он направил лошадь направо, на Друри-лейн. Конь принцессы рванулся за ним, и та вновь чуть не потеряла парик. Отсюда Друри-лейн казалась бесконечной и несуразной даже по лондонским меркам: она сужалась и расширялась, сужалась и расширялась, словно ни один землемер не провешивал тут прямой линии, и дома клонило то к улице, то от неё, как пьяных на трактирной скамье. Костров видно не было, и это вселяло надежду: возможно, Друри-лейн оставили шлюхам, сводникам и карманникам, даже когда другие улицы и площади превратились в квадраты на шахматной доске вигов и тори.

— Я видела, как в нашу сторону указывают, — сказала Каролина. — Боюсь, на нас хотят напасть.

Она невольно покосилась на итальянскую ра-

пиру Иоганна.

Тот попытался ободрить спутницу шуткой.

— В таком случае хорошо, что моя правая рука свободна. — Иоганн взмахнул кистью в доказательство своих слов. — И как раз с опасной стороны. — Он указал на тёмные дома справа. — И хорошо, что у вас тоже есть шпага.

— Короткая и лёгкая.

— Зато современная. Никто теперь не фехтует рапирою и кинжалом. Я вооружён, как старик.

— Я рада, — отвечала Каролина.

Рапира Иоганна — реликт давних времён — выглядела куда внушительнее, чем усыпанная драгоценными камнями зубочистка на боку у неё самой.

Принцесса вновь невольно обернулась. На Друри-лейн в этот час было мало верховых, и она почти сразу увидела двух всадников, только что свернувших с Брод-Сент-Джайлс. Они натянули поводья, оглядели улицу и, отыскав взглядом Иоганна и Каролину, пустили коней рысью.

Каролина, не тратя слов, тоже пришпорила коня, вынуждая Иоганна последовать её примеру.

— Как видите, на ту сторону Друри-лейн выходят бесчисленные улочки, — сказал Иоганн громко тоном пресыщенного светского льва,

показывающего город сельскому кузену, — но чуть дальше есть очень широкая улица, ведущая к Ковент-Гарденскому рынку, где много девиц, которых мы эвфемически называем цветочницами и торговками апельсинами. Оттуда уже несложно попасть на Стрэнд.

Каролине хотелось спросить: «Зачем ты мне это рассказываешь?», но она не решалась заговорить вслух из-за близости пешеходов. Тут её привлекло какое-то движение справа — не на Друри-лейн, а на боковых улочках, мимо которых они только что проехали. Копыта цокали по мостовой, властный голос кричал: «С дороги, чёрт побери!» Так мог крикнуть только человек благородного происхождения, имеющий право носить оружие. Каролина обернулась. Преследователи уже сократили разрыв вдвое; повернувшись, чтобы сообщить новость Иоганну, она увидела, что он исчез. Вместо прощания до неё донёсся стук копыт в улочке и возгласы всполошенных проституток.

Что он ей сказал? Не въезжать в проулки; искать широкую улицу справа. Так Каролина и сделала и едва не пропустила нужный поворот, потому что он оказался ближе, нежели она ожидала. Оттуда только что выехал шагом всадник

на тяжело дышащем коне. В первый миг Каролина обрадовалась, что это Иоганн, но конь был неправильной масти (гнедой), и в седле сидел другой человек. Он смотрел принцессе прямо в лицо и, будь сейчас день, легко распознал бы в ней переодетую женщину.

Всадник, надо полагать, отделился от эскадрона, въехавшего с Дайот-стрит минуту назад, и промчался галопом по боковым улочкам, чтобы перерезать им путь. Однако Иоганн, заслышав стук копыт, понял, что происходит, и свернул в проулок, чтобы в свою очередь, обойти его с фланга.

Человек на гнедом коне поднял раскрытую ладонь, видимо, приказывая остановиться тем двоим, что нагоняли Каролину. Стук копыт у неё за спиной замедлился, потом стих. Другой рукой всадник приподнял шляпу, приветствуя Каролину. Та за неимением шляпы ответила взмахом руки и кивком. Убедительно ли получилось, она так и не узнала, потому что верховой джентльмен уже смотрел в другую сторону, гадая, куда подевался её спутник.

Джентльмен глядел на своих товарищей у Каролины за спиной. Она обернулась. Оба указывали в проулок, куда ускакал Иоганн, и что-то

кричали. Каролину оставили в покое, она могла скакать, куда вздумает. Иоганнов гамбит удался.

По крайней мере, так она думала, пока у неё не стащили шпагу.

Каролина почувствовала резкий рывок и услышала свист вынимаемой из ножен шпаги. Всадник на гнедом коне повернулся на звук, что неудивительно: джентльмены, не замечающие свиста обнажаемых шпаг, редко доживали до двадцати. Каролина запоздало поглядела вниз и увидела парнишку лет шестнадцати, без двух передних зубов, который хищно ухмыльнулся в ответ. Он развернул шпагу, так что остриё теперь указывало на принцессу. Она не понимала смысл угрозы, покуда сообщник «хвостодёра» (как назывались воришки, специализирующиеся на краже шпаг) не потянул за куда более ценные ножны. Они висели на простой кожаной перевязи, идущей наискосок через плечо. Второй воришка — щуплый и проворный, возможно, младший брат первого — действовал грубее: он двумя руками схватился за ножны и потянул так, что ноги его оторвались от земли. Каролина оказалась перед выбором: упасть с лошади или ждать, когда перевязь отрежет ей голову. Многолетние уроки верховой езды приучили её любой

ценой удерживаться в седле: она что есть силы сжала его ногами и вцепилась в луку правой рукой, одновременно сильно накренясь влево. Воришка упёрся ногами в конский бок и повис почти горизонтально, держась только за перевязь. Каролина вынуждена была ещё сильнее наклониться влево и пригнуть голову, чтобы перевязь соскочила. Ремень едва не срезал ей правое ухо. Она схватилась за голову, проверяя, на месте ли ухо. Оно никуда не делось, но вот волосы вокруг были её собственные. Не парик. Парик тушкой дохлого зверя лежал посреди Друри-лейн — по крайней мере, пока его не подхватил третий воришка. «Хвостодёр» чертыхнулся и припустил за похитителем париков; его помощник, специализирующийся на краже ножен, встал, потирая ушибленный зад, и побрёл следом.

Рядом кто-то заорал: «Это принцесса! Это принцесса!» Каролина повернулась и увидела, что кричит всадник на гнедом жеребце.

К ним галопом мчался кто-то на сером коне; ноги у него были не в стременах, башмаки болтались в воздухе — явный моветон. Миг — и серый без всадника поскакал по Друри-лейн. Гнедой вздыбился, потому что ему на круп запрыгнул второй седок. Тот ухватился за первого, чтобы не

свалиться; в одной его руке что-то блеснуло серебром. Рука была у первого седока под подбородком, серебристый предмет двигался, но неспешно, перерезая одну жилу за другой. Всадник завалился на бок; кровь веером брызнула на стену соседней таверны. Тот, кто сидел сзади, пятками вышиб его ноги из стремян и сбросил тело на мостовую. Затем Иоганн фон Хакльгебер перебрался в седло. Он спрятал в ножны окровавленный кинжал, освободившейся рукой схватил узду, а правой вытащил рапиру и помчался по Друри-лейн, чудом избежав лобового столкновения с конём Каролины. Проносясь мимо, Иоганн плашмя ударил его рапирой по крупу. Конь в ответ рванул так, что Каролина чуть не полетела из седла кувырком. Не получая указаний от хозяйки, конь устремился на свободное пространство: в широкую улицу, ведущую к Ковент-Гардену.

Каролина доскакала почти до самой рыночной площади, прежде чем выровнялась в седле и поймала уздечку. Тут она сообразила, что едет на запад — совсем не туда, куда надо, а главное, что ей не следует нестись через открытое место вот так: с волосами, развевающимися за спиной, словно ганноверский флаг.

Надо было вернуться и помочь Иоганну. Впро-

чем, стычка на Друри-лейн наверняка уже закончилась, а если нет, Каролина могла только отвлечь Иоганна с риском для его жизни. Так чем же ему помочь? Следовать его указаниям, чтобы Иоганн знал, где её искать. Он упомянул, что несколько улочек ведут от Ковент-Гардена к Стрэнду, по которому она доедет на восток до собора Святого Павла. Каролина натянула поводья, остановив лошадь перед самой площадью, и свернула налево, в обнадёживающе широкую улицу, которая тем не менее вскоре закончилась пересечением с более узкой. Каролина наугад выбрала направление и почти сразу вновь оказалась перед Т-образной развилкой. Так и продолжалось, словно улочки были проложены с единственной целью: заманить путника в лабиринт. На третьем повороте она окончательно перестала понимать, в какую сторону едет. На пятом за ней увязалась небольшая толпа мальчишек. На шестом к ним примкнули два подозрительных субъекта. После седьмого улочка стала ещё уже. Более того, она закончилась тупиком.

Однако, бросив взгляд через плечо, Каролина с изумлением увидела, что преследователи отстали.

В тупике ждали несколько портшезов. Носиль-

щики курили и разговаривали; они умолкли, когда Каролина проезжала мимо. В самом конце улочки виднелась дверь с вывеской, освещённой фонарями: кот, играющий на скрипке. Из-за двери доносились говор и смех. В её проёме стоял человек, одетый как привратник. Когда Каролина подъехала ближе, он поднял голову, вынул изо рта трубку и обратился к принцессе так, как ещё никто к ней в жизни не обращался:

— Привет, милочка, ну до чего же ты хороша в мужском платье! Вижу, кто-то из наших достоточтимых членов задумал провести особенный вечер. Хлыст захватила?

Принцесса не сразу вспомнила, что означает это слово, потом неуверенно показала хлыст, болтавшийся у неё на запястье.

Привратник ухмыльнулся и кивнул.

— Бьюсь об заклад, ты к епископу *****.

— Что это за место? — спросила она.

— О, ты приехала по адресу, не беспокойся, — отвечал он, берясь за ручку двери.

— Но как оно зовётся?

— Не глупи, малышка, это клуб «Кит-Кэт»!

— А! — воскликнула Каролина. — Здесь ли доктор Уотерхауз? Я к нему!

Лестер-филдс

тогда же
Отвлекающий маневр Элизы

ЭЛИЗА ПРИНЕСЛА НЕМАЛО жертв ради этих ганноверских женщин и выполнила немало их поручений, как хороших, так и дурных, но сегодняшняя миссия — поездка в карете — была самой мучительной. Ибо карета, даже очень богато украшенная, по сути своей ящик, и вся Элизина натура противилась тому, чтобы при данных обстоятельствах запереть себя в ящике.

Она так и не смогла до конца выбросить из памяти воспоминания о том дне, когда её и нескольких других гаремных девушек (на всех были паранджи) загнали в туннель под Веной, чтобы зарубить саблями. Слышать крики женщин, чувствовать запах их крови, понимать, что происходит, но видеть лишь пятнышко света при полной невозможности что-нибудь делать руками, кроме как сжимать скользкую ткань, — то были худшие мгновения её жизни.

В окошко удавалось рассмотреть немногим больше, чем в прорезь паранджи, а высунуть наружу руку и что-нибудь схватить было бы

даже труднее. Да, экипаж катился на колёсах за упряжкой коней. Однако собак и вооружённых лакеев пришлось оставить дома — они разрушили бы иллюзию, будто в карете едет переодетая принцесса Каролина. Кучер надёжный, но ему могут приставить к виску пистолет; его могут сбросить с козел и схватить вожжи, и тогда Элиза окажется ещё беспомощней, чем в тот страшный день под Веной.

Тем не менее она довольно высоко оценивала свои шансы добраться до Мальборо-хауза. Расстояние — не больше полумили по прямой; надо только миновать узкие улочки, а дальше пойдут широкие Хеймаркет и Пэлл-Мэлл. Чем бы ни завершилась поездка, она будет недолгой; мучиться в деревянной паранджи предстоит считаные минуты.

Всё началось неплохо: карета благополучно проехала по восточной стороне Лестер-филдс и двинулась на запад вдоль южного края площади. Отсюда была прямая дорога на Хеймаркет, но кучер повернул раньше; Элиза почувствовала, как экипаж круто сворачивает влево на Сент-Мартинс-стрит. В окошке паранджи мелькнул дом сэра Исаака Ньютона; напротив блеснуло пламя там, где ему быть не следовало, — кто-то

разложил костёр на юго-западном углу Лестерфилдс, загородив выезд на Хеймаркет. И зажгли его только что: прежде чем запереться в ящике, Элиза внимательно оглядела площадь и ничего не увидела.

Не важно: с Сент-Мартинс-стрит было два выезда на запад. До первого они домчали в несколько мгновений, и кучер придержал коней, чтобы посмотреть, свободна ли дорога. Выглянула в окошко и Элиза. Менее чем в пятидесяти ярдах впереди она увидела нечто вроде кавалерийского эскадрона, несущегося во весь опор, чтобы преградить им путь. Ни знамени, ни барабанов, ни горнов у кавалеристов не было, как не было и мундиров, если не считать модный фасон своего рода установленной формой. Однако двигались они согласованно и явно повиновались одному человеку, одетому в чёрный плащ и сидящему на вороном коне.

Не успела Элиза что-либо ещё разглядеть или выговорить хоть слово, как кучер принял решение ехать по второй и последней улочке. Взметнулся и щёлкнул кнут, вызвав к жизни целый залп звуков: восемь пар подкованных копыт и четыре обитых железом обода устремились вперёд по булыжной мостовой; ящик заскрипел

и запрыгал на рессорах. Теперь до кучера было не докричаться; Элиза могла стучать в потолок сколько влезет и вопить через решётку до хрипоты, а он бы ничего не услышал.

Да и что бы она сказала? Главная цель — поддерживать иллюзию. Добраться до особняка Мальборо — хорошо, поскольку иллюзию это укрепит, но несущественно. И уж точно не стоит ничьей жизни. Колесить бесцельно какое-то время — ничуть не хуже, а может, даже и лучше.

В конце улицы, там, где она уходила вправо, её ширина позволяла круто развернуть карету на всём скаку, что кучер и сделал. Карету занесло вбок, колёса ударились о бордюр. Ящик тряхнуло — два колеса на миг оторвались от мостовой, — затем постромки натянулись и повлекли его в новом направлении, на запад. Экипаж грохнулся на все четыре колеса. Элизу отбросило вправо, потом назад. В памяти осталось неприятное воспоминание о звуке, таком резком, что он достиг её слуха сквозь весь остальной шум. Это мог быть щелчок кнута или даже пистолетный выстрел. Однако Элизе помнилось, что он долетел из левого окна и больше походил на треск. Возможно, от удара сломалась спица. Возможно, надо было сказать кучеру, чтобы он больше не поворачивал

вправо на такой скорости. А возможно, он сам всё слышал и не нуждался в советах.

Ненависть к ящику и страстное желание знать, что происходит, толкали Элизу выглянуть в окошко и посмотреть вперёд. Благоразумие требовало сидеть смирно. Лошади летели галопом. Приближалась Т-образная развилка, на которой кучеру предстояло свернуть вправо или влево. Элиза упёрлась ногами в противоположную скамью, руками — в стенки кареты, всем сердцем желая, чтобы кучер повернул влево. Теперь не было сомнений, что похожий на сердцебиение стук, который она слышала слева и чувствовала через остов кареты, идёт от сломанной спицы.

Из ящика казалось, что мчать по улицам Лондона со скоростью боевого тарана — чистое безумие. Однако это было не так, поскольку (как припомнила теперь Элиза) у кареты имелось длинное дышло, к которому крепилась сбруя и которое (подобно тарану галеры) сильно выдавалось вперёд. Каждый день на улицах Лондона кому-нибудь пропарывало дышлом живот или вышибало мозги. Допустим, целый эскадрон якобитов и впрямь перегородил улицу, чтобы не пропустить карету на Хедж-лейн — каких только глупостей не напридумываешь, сидя в

ящике! — все они бросятся врассыпную от тарана, как только поймут, что его не остановить. Что они сделают потом, когда придут в себя, вопрос другой, но об этом покамест можно не думать.

По-видимому, тактика сработала, потому что, как раз когда Элиза напряглась всем телом в ожидании толчка, карета замедлилась и начала поворачивать — влево, благодарение Богу, и даже не очень быстро — на Хедж-лейн. Собственно, это был не поворот, а плавный изгиб дороги перед Литтл-Суффолк, откуда открывался прямой путь на Хеймаркет к трёхарочному фасаду Итальянской оперы, выстроенной Ванбругом и вигами.

Во время всего маневра Элиза слышала топот копыт и крики, но слов не могла разобрать, пока упряжка не вывернула на Литтл-Суффолк и не понеслась ровным кентером, которым должна была домчать Элизу до Оперы значительно меньше, чем за минуту. Терять эти секунды представлялось неразумным. Всадники кричали всякие глупости вроде: «Стой!» или «Я приказываю остановить карету!» Элиза не хотела, чтобы кучер подчинился, как не хотела и другого: чтобы он гнал вперёд, если в него могут выстрелить. Главное — поддерживать иллюзию.

Она распахнула окошко с левой стороны и уви-

дела в отверстие паранджи несколько всадников. Все они разом умолкли; это было так приятно, что Элиза распахнула и правое окошко. Потом рискнула высунуться и поглядеть вперёд. Ей предстал ряд домов, таких же, как на любой лондонской улице поновее. Но все их затмевало здание вдвое выше и втрое шире соседних.

Как и они, здание было сложено из кирпича, но сводчатые оконные и дверные проёмы, обрамлённые фестончатой кладкой, русты над замковыми камнями и широкие фризы между этажами занимали такую часть фасада, что он казался сделанным из блоков светлого камня, узкие промежутки между которыми заложили кирпичом. Задумывалось, что здание снаружи будет впечатлять не меньше, чем происходящее внутри, ибо это была Итальянская опера, и стояла она на Хеймаркете. Элиза любила её и, как все добрые виги, участвовала в подписке, но сейчас видела в Опере только ориентир. Чтобы перегородить узкую улочку вроде Литтл-Суффолк, довольно поставить несколько человек и разжечь костёр. Иное дело Хеймаркет шириною почти сто футов — чтобы перегородить её, понадобится рота.

— Не обращай ни на кого внимания! — крикнула Элиза. — Гони вперёд, не останавливайся!

Слова — незначительный обрывок либретто; главное, что Элиза выкрикнула их *по-немецки*. В салонах Версаля, Амстердама и других мест она нередко производила фурор умело брошенной фразой, однако нынешний успех затмил все прошлые. «Это она! Принцесса!» — заорал один из всадников и, пришпорив коня, вылетел на перекрёсток с Хеймаркетом, до которого карете оставалось не более пятидесяти ярдов. Элиза так обрадовалась, что испугалась, как бы в ней не распознали самозванку; покуда всадники справа не успели хорошенько её разглядеть, она скользнула к левому окну.

Тут вся радость улетучилась. Впереди метеорами плясали факелы. Один стремительно пошёл к мостовой и превратился в тускло светящийся шар, из которого вырвалось ярко-жёлтое пламя. Кто-то сунул факел в основание тщательно сложенного костра. Лошади, увидев огонь, замедлили бег. Кучер, щёлкая кнутом, заставил их почти прижаться к правой стороне узкой Литтл-Суффолк. Надежда проскочить мимо костра, страх перед кнутом и орущими всадниками заставили лошадей рвануть. Как раз когда они вылетели на Хеймаркет, кто-то бросил в костёр пригоршню шутих. Они взорвались так близко,

что жар пощёчиной ударил Элизу по лицу. Она хотела сдвинуться вправо, но лошади испугались сильнее её и понесли со своей силой нескольких тонн мускулов. Карета накренилась влево; правые колёса оторвались от мостовой. Элиза отлетела бы к левой дверце, если бы не вцепилась в край правого окошка. Мгновение она висела, видя в отверстие паранджи только трубы, гнёзда аистов и звёзды.

Тут левое колесо не выдержало. Карета ухнула вниз и всей тяжестью завалилась на левую ось. Элиза, не удержавшись, упала на дверцу, как куль с овсом. Задвижка отлетела, дверца открылась, но не сильно, потому что была совсем близко от мостовой. Над булыжниками Хеймаркета её удерживала только выступающая ось кареты. Элиза, лёжа спиной на сломанной дверце и силясь раздышаться, сумела повернуть голову и увидеть мостовую — та неслась прочь в нескольких дюймах от её носа, увлекая за собой каштановый парик.

Наконец мостовая замедлилась и встала. Лошади, которыми, очевидно, уже никто не управлял, решили, что место, куда они попали — двор перед Итальянской оперой, — безопаснее соседних и надо переждать здесь. Элиза начала протиски-

ваться в приоткрытую дверцу; ей казалось, что в щель между боком кареты и мостовой как раз пройдёт её тело. Как вскорости обнаружилось, оптимизм был излишним; она просунула голову и руку, а всё остальное не проходило: мешала дверца, державшаяся на петлях из воловьей кожи. Левой рукой Элиза нащупала одну из них, затем отыскала за корсажем дамасский кинжал, который по застарелой дурной привычке всегда носила при себе. Через мгновение она уже левой рукой пилила петлю.

Этим она и занималась, когда перед её лицом возникли два чёрных сапога для верховой езды. Край длинного тёмного плаща колыхался вокруг них, как облако. Каштановый парик упал на мостовую.

— Вы не та, кого я преследовал, — произнёс голос по-французски.

Элиза увидела высоко-высоко над собой лицо отца Эдуарда де Жекса. По нему ручьями бежал пот.

— Однако сгодитесь и вы, мадам.

Его руки в перчатках вертели кинжал; клинок маслянисто поблескивал в свете разгорающихся костров.

несколькими минутами раньше

Джек, Исаак и Даниель заключают сделку

— У МЕНЯ ЕСТЬ ТЯЖЁЛОЕ ЗОЛОТО. Вам это известно, — сказал Джек.

— Соломоново золото? — поправил Исаак.

— Забавно, отец Эд тоже его так называл. Как ни зовите, оно у меня есть, и я знаю, где взять ещё. Предположим, Болингброк назначил испытание ковчега. В Звёздной палате поставлена пробирная печь. Коллегия лондонских ювелиров вскрывает ковчег и достаёт образцы монет…

— Которые подложили вы, — сказал Исаак.

— Вы этого не докажете. И в любом случае вы лично отвечаете за каждую монету, — напомнил Джек. — Сначала их сосчитают и взвесят. Вы удивитесь, Айк, но монеты, которые я подбросил, пройдут первое испытание. Понимаете, я делал заготовки чуть толще — не настолько, чтобы это можно было заметить, держа монету в руках, однако вес у них полный, несмотря на примесь неблагородных металлов.

— А когда их станут пробировать?.. — спросил Даниель.

— Когда их расплавят в пробирной купели и определят долю золота, она окажется слишком низкой. И вот здесь я могу помочь вам, Айк, и тому маркизу, который назначил вас заведовать Монетным двором.

— То есть можете снабдить меня тяжёлым золотом, как вы его называете.

— Да. Если подбросить кусочек в купель — трюк нехитрый, — то королёк получится тяжелее, и все цифры сойдутся.

У Исаака Ньютона, остававшегося странно безразличным к тому, что проникало сквозь его ноздри и прилипало к подошвам башмаков в Ньюгейте, на лице проступили признаки дурноты. Джек Шафто увидел их и правильно истолковал.

— Я противен вам, Айк, тем же, чем был противен отцу Эду: для меня тяжёлое золото не значит ничего больше. Когда я предлагаю его вам в нынешней сделке, я предлагаю не таинственную субстанцию для вашего священного чародейства, а лишний вес, чтобы спасти ваши яйца при испытании ковчега. Наш разговор был бы куда возвышеннее, не правда ли, если бы мы говорили *о том,* а не *об этом*. Будь речь о том, вы воображали бы себя в новейшем продолжении Библии;

Ньюгейтская тюрьма, при всей своей вони, была бы как те города прокажённых, по которым ходил Иисус, — часть величественной истории, потому не такая гадкая. Но поскольку речь про то, как Айку Ньютону сберечь муде, вы оглядываетесь вокруг и морщите нос: «Фу! Я в “Чёрном псе” Ньюгейтской тюрьмы, и здесь смердит!» В точности отец Эд, для которого весь Лондон, по сравнению с Версалем, был Ньюгейтской тюрьмой. Но я утешу вас словами, которые говорил отцу Эду, когда он вот так же зеленел.

— Я дивлюсь, что у вас вообще остались слова, — произнёс Исаак. — Впрочем, я выслушал уже столько, что могу потерпеть ещё.

— Очень просто: когда всё закончится, и вы останетесь с куском Соломонова золота в руках, можете думать о нём что хотите и делать с ним что угодно.

— Вопрос, — вмешался Даниель. — Вам было известно, что сэр Исаак стремится его заполучить и знает, что оно у вас есть. Зачем такая сложная комбинация с ковчегом? Почему было не обратиться прямо к сэру Исааку давным-давно?

— Потому что есть и другие участники. С моей стороны — де Жекс, за которым было решающее слово, пока я недели две назад не затеял его убить.

С вашей — Равенскар, который верит в алхимию не больше меня. Чтобы что-нибудь вытащить из него, нужна наживка посущественней бредней о царе Соломоне.

— Коли вы настолько презираете мои взгляды, нынешний разговор вам приятен не более чем мне. Давайте перейдём непосредственно к делу, — сказал Исаак. — Вы предлагаете средство разрешить мои затруднения в случае, ежели Болингброк назначит испытание ковчега. Однако оно бесполезно, если испытания не будет. Как всем известно, Болингброк в последнее время собирает гинеи, чтобы проверить монеты, находящиеся в обращении. Среди них будет много фальшивых. В любую минуту Болингброк может объявить: «Ковчег скомпрометирован Джеком-Монетчиком, его содержимое больше не являет собой надёжный образец продукции Монетного двора, давайте пробировать монеты, находящиеся в обращении». При такой проверке обнаружится недостача и в весе, и в чистоте металла, поскольку среди гиней будет много поддельных.

Вместо ответа Джек сунул руку в карман штанов, вытащил мешочек и бросил через комнату. Исаак поймал его и прижал к груди. Даниелю не

надо было смотреть, что это такое.

— Одна из синфий, украденных вами в апреле.

— Остальные я спрятал в надёжном месте, — сказал Джек, — и могу доставить куда и когда потребуется в доказательство, что вы клали в ковчег только добрую монету. Так что, видите, я в состоянии вас выручить в любом случае: если Болингброк назначит испытание ковчега — тяжёлым золотом, если нет — вот ими.

Джек кивнул на синфию, которую Исаак любовно разглядывал в свете свечи.

— А за это, полагаю, вы потребуете, чтобы вас не преследовали по закону, а ваши сыновья получили ферму в Каролине.

— Мои сыновья и Томба, — сказал Джек. — Это африканец, который был со мной с тех самых пор, как я встретил его на берегу неподалёку от Акапулько. Отличный малый.

— У нас была причина настаивать на разговоре именно сегодня вечером, — напомнил Даниель.

— Болингброк припёр Равенскара к стене, — сказал Джек, — и Равенскару нужно какое-то оружие.

— Да.

— Тогда покажите Болингброку это. — Джек снова кивнул на синфию. — Вы его здорово огоро-

шите. Он уже много месяцев их у меня клянчит.

Исаак и Даниель надолго замолчали. Они некоторое время переглядывались, прежде чем снова посмотреть на Джека.

— Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, статс-секретарь её величества, клянчит у *вас?*

— Назовите его хоть десятком титулов, ответ будет «да».

— Тогда едем к вашему доброму другу Болингброку, — сказал Даниель и, не особо скрываясь, посмотрел на часы.

— Мне он не друг, а заноза в заднице, — отвечал Джек, — и я не войду к нему в дом, даже если он меня пригласит. Но вы можете забрать этот пакет в доказательство моих намерений, а я поеду с вами на Голден-сквер и погуляю рядом, пока вы будете говорить с Болингброком. Когда закончите, расскажете, к чему пришли. Мне охота знать, будет следующим королём Англии немец или француз.

— В вашем плане есть изъян крайне прозаического толка, — сказал Даниель. — Мы приехали в фаэтоне.

— Ну и повеса вы, доктор Уотерхауз! Держитесь подальше от моих сыновей!

— Двое могут в него втиснуться, хоть и не без

труда.

— Тогда втискивайтесь сами. — Джек подошёл к двери, открыл её и сделал жест, означающий «после вас». — Я поеду на запятках, как лакей, сообразно моему общественному статусу, и если какой-нибудь грабитель или якобит за нами увяжется, проткну его клинком.

Фаэтон ждал во дворе рядом с тюрьмой. Можно было проехать под аркой городских ворот — готического «з*а*мка», где помещались богатые арестанты — на западную часть Ньюгейт-стрит, которая вывела бы на Холборн. Однако Даниель знал, что сейчас по всему северному пути к Голден-сквер пылают костры; туда, к этой границе, стягиваются боевые порядки вигов и тори. Поэтому он выбрал южную дорогу. Они проехали через Олд-Бейли и дальше на юг до Ладгейт-Хилл, которая, продолжаясь на запад, становилась последним мостом через Флитскую канаву, потом — Флит-стрит и, наконец, Стрэндом.

Мысль поставить Джека на запятки оказалась удачной, ибо фаэтон был снабжён решёткой, расположенной на высоте лакейского лица, чтобы слуга и хозяин могли общаться так же свободно и к такому же взаимному неудовольствию, что и дома. Даниель открыл окошко, и теперь Джек

мог болтать с пассажирами, почти как если бы сидел с ними в фаэтоне. Он был весел — куда веселее Исаака — и отпускал саркастические замечания по поводу Олд-Бейли, запахов Флитской канавы, штаб-квартиры Королевского общества, Друри-лейн, клуба «Кит-Кэт» и прочих достопримечательностей, мимо которых проезжал фаэтон. Даниель слушал по большей части благодушно, а вот Исаак, подозревавший, что Джек его дразнит, тихо кипел, как вынутый из печи тигель. На Чаринг-Кросс были костры, драки и собачьи свадьбы. Джек ненадолго умолк, потому что насторожился. Однако опытный кучер Роджера благополучно миновал перекрёсток и выехал на короткую улицу под названием Кокспер, которая разветвлялась на Хеймаркет и Пэлл-Мэлл сразу перед Итальянской оперой.

— Наверное, сегодня дают спектакль, — заметил Джек через решётку.

— Не может быть, — отвечал Даниель. — Сезон ещё не открылся. Думаю, ставят декорации и репетируют возрождённого «Алхимика» Бена Джонсона.

— Я его мальчишкой сто раз видел, — сказал Джек. — Зачем его возрождать?

— Потому что герр Гендель написал к нему

новую музыку.

— Что?! Это же не опера.

— Вкусы меняются, — объяснил Даниель. — Театр, построенный мистером Ванбругом, не похож на театры вашего детства; он крытый, неописуемо богато украшен, а всё действие происходит за аркой просцениума.

— Погодите, я в таких был, — сказал Джек. — Ни слова не разобрал. По малолетству слишком много баловался с огнестрельным оружием — совсем себе слух испортил.

— Не грешите на свой слух. *Никто* не слышит, что говорят актёры в таких театрах. А тот, что на Хеймаркете, — из худших.

— Когда Ванбруг его строил, — вмешался Исаак, внезапно оттаивая, — это называлось «Королевский театр». Когда он открылся, девять лет назад, и публика решила, что присутствует на пантомиме, пришлось срочно переименовать его в Оперу, чтобы актёры могли драть глотку, как принято в оперном искусстве.

— Больно слышать, что доброго старого «Алхимика» испортили, — вздохнул Джек. — Так бы и съездил вашему Генделю по сусалам.

— Всё не так плохо, — успокоил его Даниель. — Когда у Оперы начались финансовые

затруднения (что произошло довольно скоро), маркиз Равенскар пришёл на помощь и перестроил здание внутри: уменьшил зрительный зал, опустил потолок, и прочая.

— Стало слышно?

— Разумеется, нет. Ему пришлось всё разобрать и перестроить ещё раз; однако он покрыл расходы, организовав подписку по полгинеи.

— Так дёшево! Я бы взял один подписной лист, если бы знал.

— Я попрошу маркиза Равенскара добавить вам его в качестве маленького презента.

— Тогда заодно сообщите ему, что Оперу осадила толпа, — сказал Джек. — То, что я сперва принял за фейерверк в честь премьеры, вблизи больше походит на уличные беспорядки. Я вижу несколько конных, а с фланга на них из-за Оперы движется пехота.

— Пехота?!

— Кое-кто сказал бы просто «толпа», но, на мой взгляд, они движутся слишком слаженно и выстроены повзводно. Это ополчение. Да, я вижу перед входом ещё что-то: похоже, опрокинутый экипаж.

Тут фаэтон свернул на Хеймаркет, и в левых окнах показалось здание Оперы. Всё было, как

описал Джек, кроме пехоты. Впрочем, Даниель знал, что за Оперой расположен постоянный строительный лагерь: в бесконечных попытках добиться, чтобы публика слышала актёров, Равенскар продолжал перестраивать театр; здесь же сооружали декорации. В таком месте вполне могло встать на бивуак ополчение вигов. Если Джек и впрямь видел пехоту, то именно там.

Фаэтон тряхнуло, как если бы он проехал через бугор. Джек спрыгнул. Глянув через решётку, Даниель увидел, что он уменьшается. Джек стоял на середине Хеймаркета, прямо перед Оперой.

— Я только что узнал опрокинутый экипаж! — крикнул он. — Мне кое-что предстоит тут совершить.

— Наша сделка не доведена до конца! — завопил сэр Исаак.

— Ничего не могу поделать. Постараюсь отыскать вас на Голден-сквер позже.

— Если не отыщете, считайте её разорванной, — слабым голосом проговорил Исаак, не уверенный, что его ещё слушают. Джек Шафто растворился в толпе.

Являют вновь отстроенные стены И в зодчестве, и в жизни перемены. Театр — венец проектов и усилий, А пьески-то остались, что и были… Такой

поток щедрот — чего же ради? Невинность в страхе, и порок внакладе. Когда и где так торопились к сроку? Так много вложено, так мало проку.

Из нападок Даниеля Дефо на здание Оперы; «РЕВЮ», № 26, 3 МАЯ 1705

* В честь леди Анны Сандерленд, дочери герцога Мальборо.

1 На будущую память о событии (*лат.*).

Клуб «Кит-Кэт» сделался знаменит по всему *королевству*. И ныне члены его возвели *храм* своему *Ваалу*, новый театр на Хеймаркете. Камень в его основание заложила с большой помпой *дщерь* преславного полководца; под закладной камень либо на него поместили серебряную пластину, на одной стороне которой выгравировано «Кит-Кэт», на другой — «маленькая вигесса»*. Оное совершено *ad futuram rei memoriam* [1], дабы эпохи спустя люди знали, чьими достойными руками и ради какой благородной цели воздвигнуто сие величественное *здание*.

Якобитский журналист Чарльз Лесли, «Репетиция наблюдателя», № 41 (5/12 мая 1705)

ТА ЧАСТЬ ОПЕРЫ, которая выходила на Хеймаркет, хоть и превосходила шириною здания, стиснувшие её с обеих сторон, не могла бы вместить целый театр. Как обнаруживал всякий,

вошедший в какую-нибудь из её трёх массивных сводчатых дверей, это был только вестибюль. Сам зрительный зал, коробка сцены и пространство за ней располагались под исполинским куполом, который высился над соседними домами, словно горный кряж над альпийской деревушкой, грозя когда-нибудь похоронить их под лавиной черепицы. Сегодня купол скрывала ночь, и лишь редкие отблески костров на улице внизу выхватывали из тьмы расставленных на нём безмолвных часовых. Он возвышался над отрезком Хеймаркета протяжённостью футов двести, от улочки, в которой стояла таверна «Колокол» (где, по слухам, имелся тайный вход для кит-кэтократии), до ещё более узкого и тёмного Юникорн-корта на юге (откуда те, кому хватало смелости дойти до тупика, попадали на сцену). В целом это было не самое великолепное и не самое жалкое здание в Лондоне; многие прошли бы мимо, не удостоив его взглядом, но именно здесь сегодня тори-якобиты разложили костры. Эскадроны, патрулировавшие округу, чтобы не допустить сообщения между домом Мальборо и клубом «Кит-Кэт» или домом Мальборо и Лестер-хаузом, стянулись сюда и теперь смотрели на костры, которые они разожгли, и карету, которую

они остановили. В карете, по слухам, находилась ганноверская принцесса, инкогнито прибывшая в Лондон для тайных переговоров с вигами. Никто из всадников не заметил расставленных на тёмной высокой крыше часовых, которые последние несколько минут кому-то сигналили флажками. Часовые смотрели не на Хеймаркет, а на запад, где в парках и на незастроенных пустырях не так давно появились на удивление чётко организованные бродяжьи становища.

— Деньги и всё с ними связанное мне отвратительны, — сказал отец Эдуард де Жекс, обращаясь к своим сапогам. Он упёр их в мостовую, стиснув щиколотками голову герцогини Аркашон-Йглмской и, таким образом, вынудив её смотреть ему в лицо. — Ещё живы люди, помнящие время, когда аристократам не приходилось думать о деньгах. Да, и среди знати были богатые и бедные, как были высокие и низкие, красивые и уродливые. Однако даже крестьянину не пришло бы в голову, что нищий герцог — в меньшей степени герцог, или что богатую шлюху надо сделать герцогиней. Дворяне не радели о деньгах и не говорили о них, а если и стремились к ним, то тщательно это скрывали, как всякий другой порок. Церковнослужители не марали деньгами рук, за

исключением тех несчастных, в чьи неприятные обязанности входило вынимать десятину из церковной кружки. Обычные честные крестьяне были счастливо избавлены от денег. Для дворян, клириков и крестьян — трёх сословий, нужных в порядочной христианской стране, — деньги оставались странной диковиной, непонятной, как индусу — церковная облатка. В них видели наследие языческих римских некромантов, талисманы подземного культа Митры, которые святой Константин после обращения в истинную веру почему-то не уничтожил вместе с капищами идолопоклонников. Те, кто чеканил или приумножал деньги, были тайной кликой, заразой, пережившей столетия, — не лучше иудеев. Да многие из них и были иудеи. Они стягивались в такие города, как Венеция, Генуя, Антверпен и Севилья, и опутывали мир паутиной, сетью, по которой деньги сочились слабой прерывистой струйкой. Это было мерзко, но терпимо. Всё изменилось в последнее время, изменилось страшно. Культ денег распространился по христианскому миру быстрее, чем учение Магомета — по Аравии. Я не понимал всего ужаса происходящего, покуда вы — жалкая голландская потаскуха, марионетка недужных банкиров — не явились в Версаль и

не получили графский титул вместе со сфабрикованной родословной. И за что? За благородство? Нет, за то, что вы — верховная жрица денежного культа. Ваше умение обращаться с деньгами обворожило тех же развращённых царедворцев, что по ночам служили в заброшенных церквях чёрные мессы.

Поэтому я решил, что сожгу вас на костре, Элиза. Для меня это стало тем же, чем был для сэра Галахада святой Грааль — целью, поддерживающей в испытаниях и странствиях. О нет, я не просто хотел увидеть, как вас пожирает медленное пламя; не думайте, что я настолько потворствую своим прихотям. Ваша казнь, Элиза, стала бы кульминацией, катарсисом Великого делания очищения. Англия пала бы пред войсками христианнейшего короля и Голландская республика вслед за ней. Не только вы, но многие сгорели бы на аутодафе, которые запылали бы по всей Европе, как сейчас на Хеймаркете эти костры. То был бы конец ереси — ереси так называемых реформатов, евреев, а главное — культа денег. Микеланджело новой эпохи, работающие не для денег, а во славу Божью, запечатлели бы триумф веры на великих картинах и фресках. Там было бы много фигур, но в центре каждой картины, каждой фрески,

на самом почётном месте, красовались бы вы, Элиза, в пламени костра посреди Чаринг-Кросс. В кругосветном плавании, страдая от морской болезни, холода и усталости, я порою начинал терять веру; тогда я думал о грядущем торжестве и вновь обретал силу. Оно звало меня вперёд; и в то же время страх перед ним гнал Джека, как щёлканье бича над ухом гонит вола.

Во время этой странной речи Элиза по-прежнему старалась перепилить ремень из воловьей кожи, на котором держалась дверца. Чтобы де Жекс не заметил движений её плеча, резать приходилось осторожно, а значит, медленно. Де Жекс явно не спешил со своим аутодафе, но Элиза боялась, что сейчас он выведет какую-то мораль, а затем подожжёт карету или сделает что-нибудь ещё в таком роде. Поэтому она задала вопрос:

— Ваши слова мне удивительны; зная вашу страсть к алхимии, кто бы подумал, что вы так ненавидите деньги?

Де Жекс печально покачал головой и впервые за всё время отвёл взгляд от Элизиного лица. Отсвет костра сверкнул на маслянистой поверхности клинка; де Жекс заметил его и, рассеянно вертя кинжал, продолжил:

— Конечно, среди алхимиков есть шарлатаны,

стремящиеся к богатству; пародия на таких, как вы, столь же алчные, однако менее ловкие. Но разве вы не видите, что алхимия — ангел мщенья, который истребит вашу ересь? Ибо что будет с деньгами, когда золото станет дешевле соломы?

— Так вот ваша цель, — сказала Элиза. — Уничтожить новую систему, которая строилась у вас на глазах незримым движением денег.

— О да! Британия и Голландская республика не имеют права существовать. Господь не предназначал эти земли для людей, а если и предназначал, то не для того, чтобы они здесь процветали. Поглядите на здание Оперы! Выстроено на краю света обмороженными пастухами, а по своим размерам, по своему убранству — истинное чудище, мерзость, возможная лишь в мире, развращённом деньгами. Таков и весь Лондон! Я бы его сжёг! А вы стали бы искрой, от которой занялся бы город.

— Стала бы или стану?

Петля была почти перепилена; оставалось лишь резануть посильнее, чтобы дверца упала на мостовую. Однако Элиза всё равно не могла освободиться, пока де Жекс сжимает её голову. Она выгнула шею, задрав подбородок, и увидела в нескольких шагах от себя перевёрнутый костёр.

Если б только де Жекс отошёл за головнёй, Элиза успела бы вылезти из-под кареты.

— Великие и блистательные планы, — с горькой улыбкой промолвил де Жекс, — вроде того, что я сейчас изложил, часто порождаются не благочестием, а гордыней. Устроить сегодня аутодафе на Хеймаркете было бы приятно для моей гордости, но в нынешних обстоятельствах чересчур амбициозно. Мне следует проявить смирение и ограничиться никотином. Можете извлечь отсюда нравственный урок: вы жили пышно и расточительно, а умрёте жалкой смертью в канаве Хеймаркета.

— Как обидно, — произнёс английский голос, показавшийся Элизе странно знакомым, — что высокородный и благочестивый муж, ненавидящий деньги, вынужден халтурить и убивать абы как из-за того лишь, что они с Луём не наскребли нескольких луидоров.

При первом звуке этого голоса де Жекс отступил на полшага. Теперь Элиза смогла повернуть голову и взглянуть на говорящего: он стоял в центральной арке Оперы, как если бы вышел после спектакля. Поскольку сегодня представления не давали, логичнее было предположить, что это кто-то, хорошо знающий окрестные проулки.

Не сумев преодолеть кордон верховых якобитов и огненные баррикады, он незаметно проник в Оперу через двор таверны «Колокол», прошёл всё здание и появился с той стороны, с которой его никто не ждал — настолько не ждал, что всадники, патрулирующие огненный периметр, ещё не поняли, что к ним с тылу просочился чужой.

Элиза от изумления потеряла несколько секунд, в которые могла бы освободиться. Теперь она вновь заработала кинжалом.

Де Жекс шагнул к чужаку:

— Глупость несусветная даже для тебя! Смотри: ты окружён. Тебе осталось жить несколько минут.

— Вы озадачены, отец Эд, потому что всё время нашего знакомства я был так расчётлив и осмотрителен. Однако в юности я только и делал, что чудил, и чаще — к собственной пользе. Все мои умные действия в Лондоне имели одну цель — добиться случая сделать какую-нибудь глупость ради моей Элизы. И вот я здесь: момент настал.

— Как пожелаешь! — воскликнул де Жекс. — Мне будет приятно наказать тебя за безрассудство, Джек.

Услышав это имя, Элиза вздрогнула; рука её дёрнулась, и кинжал окончательно рассёк петлю.

Дверца с грохотом рухнула на мостовую. Де Жекс, шагнувший было к Джеку, замер и обернулся. Элизе некогда было вылезать из-под кареты. Она метнула в де Жекса кинжал. Лезвие вонзилось в ляжку чуть ниже ягодицы, но было таким лёгким, что вошло от силы на четверть дюйма. Тем не менее оно ужалило, как оса. Де Жекс вытащил его и с криком: «Шлюха поганая!» бросился к Элизе, занося для удара собственный кинжал.

Джек сбежал по ступеням Оперы и на ходу выбросил в сторону де Жекса левую руку, похожий не столько на дуэлянта, сколько на чародея, посылающего заклятие, поскольку клинка у него в руке не было, а ударить на таком расстоянии он не мог. Однако что-то в ладони у Джека всё-таки было: оно вылетело, вращаясь так быстро, что воздух наполнился гудением, как от крыльев маленькой птички. Вещица пролетела над занесённой рукой де Жекса и тут же, вопреки всем законам природы, повернула и принялась описывать вкруг его запястья сужающуюся спираль. Она двигалась всё быстрее по мере того, как убывал радиус орбиты, и, наконец, превратившись в размазанное пятно, ударила де Жекса по руке. Здесь она и осталась; ибо вещь, которую бросил Джек, была усажена сверкающими лезвиями.

Джек рывком отвёл левую руку назад, и де Жекса в тот же миг бросило к нему; их соединяла шёлковая нить, привязанная к таинственному метательному снаряду. Теперь взметнулась правая рука Джека. Она сжимала саблю. Остриё полоснуло де Жекса по руке, выбив из неё кинжал, и разрезало нить. Кинжал отлетел во тьму.

Теперь и де Жекс показал, что некогда учился фехтованию. Он отпрыгнул от Джека в тот же миг, когда Джек шагнул к Элизе. Левую, кинжальную руку Джек ему рассёк, но правая по-прежнему действовала. Де Жекс выхватил шпагу и повернулся к Джеку, сжимавшему в правой руке булатную турецкую саблю и ничего в левой. Таким образом, силы противников были бы практически равны, если бы их не окружали вооружённые люди на конях.

— Здравствуй, Элиза, — сказал Джек, — если это ты. Я вернулся в твою жизнь, к добру или к худу, и прощаю тебя за то, что ты метнула в меня гарпун. Когда-то ты предсказала, что я больше не увижу твоего лица. Покамест это так, потому что я должен смотреть на де Жекса, доколе мы не завершим нашу дуэль. Но потом…

Элиза, протискивавшаяся под каретой, не ответила.

— Я бы охотно сразился с тобой на дуэли, Джек, — говорил де Жекс, — однако военачальник на поле брани не может позволить себе такой роскоши.

Он поднял окровавленную руку, делая знак кому-то, кого Джек не видел. Рассечённая перчатка хлопала, как чёрное знамя, кровь капала на мостовую. Зацокали, приближаясь, подковы; один из верховых джентльменов де Жекса подъехал и остановился в арке света, из которой только что выбежал Джек. Путь к отступлению был отрезан. Элиза наконец-то встала на ноги. Джек, по-прежнему глядя де Жексу в лицо, шагнул между ним и Элизой, заслоняя её спиной.

— Капитан Шелби, — обратился де Жекс к всаднику, — у вас есть пистолет?

— Конечно, милорд.

— Он заряжен?

— Естественно, милорд.

— Не угодно ли вам будет подстрелить вон того малого с турецкой саблей?

— Мне это не составит труда, милорд.

— Тогда сделайте милость. Прощай, Джек; и пусть тебя напутствует мысль, что вы с Элизой скоро встретитесь в геенне.

Грянул выстрел; но не со стороны капитана

Шелби, а с крыши соседнего дома. Со стороны капитана Шелби донёсся лишь неэстетичный хлопок брызнувших на мостовую мозгов, затем глухой удар падающего тела.

— То была одна английская пуля, — произнёс голос, странно похожий на Джеков, с парапета Оперы наверху. — У нас есть ещё.

— Назовитесь! — потребовал де Жекс, поднося окровавленную руку к глазам, чтобы заслониться от яркого света из дверей Оперы.

— Вы не можете мне приказывать. Однако в моих интересах известить вас, что вы окружены Первой ротой Первого драгунского полка ополчения вигов, который прежде звался и вскоре снова будет зваться Собственным его величества Блекторрентским гвардейским полком. Мы стояли неподалёку, чтобы оборонять Мальборо-хауз, буде возникнет надобность, а сюда нас заставил выдвинуться поднятый вами шум.

— Так возвращайтесь на свой пост, капитан, — крикнул де Жекс.

— Увы, я простой сержант.

— Так ступай к Мальборо-хаузу, сержант, потому что его очень скоро придётся оборонять. То, что здесь происходит, тебя не касается; ты самовольно оставил пост.

— По правде сказать, меня это очень даже касается, сэр, — отвечал сержант, — поскольку дело вроде как семейное. Если глаза меня не обманывают, мой братец, до сего дня бывший позором семьи, намерен загладить вину, искупить грехи и всё такое благородным и древним способом: в поединке за честь прекрасной дамы. Я клялся, и не раз, что убью брата при первом случае. Может, ещё и убью. Однако я не позволю пристрелить его сейчас, когда он впервые в жизни собрался сделать что-то достойное. Вас я не трону. Но если кто-нибудь из ваших всадников попробует вмешаться, он последует за капитаном Шелби. Мы драгуны; стирать в порошок расфуфыренную кавалерию — наша работа.

Так говорил Боб Шафто. Все верховые якобиты его слышали и вняли предупреждению, только отец Эдуард де Жекс пропустил заключительную часть речи, потому что юркнул в здание Оперы.

Джек припустил за ним.

Элиза, преодолев секундную растерянность, крикнула:

— Спасибо, Боб!..

— Не до того. Вы в колебаниях: часть вашей души зовёт бежать за Джеком, другая убеждает, что вам не нужен жалкий бродяга. Я говорю вам

войти, Элиза, если сержант может приказывать герцогине. Сброд по другую сторону костров менее дисциплинирован и ответственен, чем якобиты. В любую минуту здесь может начаться настоящая война. В дом! От входа не удаляйтесь! Если запахнет дымом, встаньте на четвереньки, выбирайтесь наружу и бегите куда глаза глядят!

Дом Болингброка на Голден-сквер

тогда же
Равенскар и Болингброк

— МЫ, ПОЛИТИКИ, — изрёк Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, в одиннадцатый раз наливая себе портвейна, — подобны людям, живущим в холодном климате. Они, когда не заняты ничем другим, обыкновенно берут топор и принимаются рубить и складывать в поленницу дрова. Делают они это даже в августовскую жару, ибо их подгоняет память о том, как они мёрзли. И мне, и вам, Роджер, случалось промерзать до костей, поэтому мы, едва выдастся свободная минута, начинаем запасать *политические* дрова. У каждого из нас скопилась уже целая гора. Другие, сложив такую поленницу, давно бы остановились и перестали рубить. Однако мы с вами знаем, что дрова

сгорят, стоит их поджечь, и сгорят быстро. Сейчас вся страна, которую мы зовём Соединённым Королевством, — одна большая поленница, вернее две — виги и тори. Они так близко друг к другу, что нельзя поджечь одну, не запалив другую. Дело за искрой и трутом. Трута сегодня в Лондоне предостаточно, моими усилиями и вашими: ополчение и толпа. Они собираются у костров на Хеймаркете, на Холборне, в Смитфилде и на Чаринг-Кросс, покуда мы стоим тут и наблюдаем.

Называя места, Болингброк поочерёдно указывал на них рукой. Вопреки обыкновению он не лгал. На небе зажглись звёзды. Минуту назад их не было, и вот они есть. Однако они не вспыхнули внезапно, а проступали постепенно, как мель в отлив. Лондон превращался в созвездие костров так же постепенно; они не запылали в один миг, но всякий раз, как Роджер смотрел в окно, их становилось больше. Целые районы были темны, зато между ними пролегла дрожащая сетка огней, растянутая, как старая паутина. Роджер знал, что, как старую липкую паутину, её так просто не смахнёшь. На самом деле она существовала всегда, но невидимо, словно паучьи нити, на которые натыкаешься в темноте. Костры лишь высветили её, явив во всей протяжённости.

Он поглядел вдоль реки, за собор Святого Павла и Монумент, на древнюю цитадель с четырёхбашенным донжоном посередине: Тауэр. Там было темно и тихо — Монетный двор не работал. На Тауэрском холме, полосе открытой земли вдоль рва, пылали костры. Роджер отвёл глаза от них и отыскал чёрный силуэт Горки Легга, вдвинутой в беспокойное Сити, словно кулак. Следуя взглядом вдоль стен Тауэра против часовой стрелки, он отыскал Кровавую и Уэйкфилдскую башни в средней части южной стены, сросшиеся, как два близнеца, и смотрящие на лондонскую гавань. На крыше каждой горело по сигнальному костру. Две искорки, легко различимые на таком расстоянии. Одна могла бы быть просто огнём. Две — сигнал, поданный кем-то, кому хорошо видно происходящее в гавани.

— Мне не нравится ваше сравнение с дровами, Генри, — проговорил Роджер, — ибо вы слишком явно пытаетесь меня застращать. И я знаю, что вы скажете дальше: ваша поленница больше моей. Так вот, меня не остановить сказочками о гражданской войне. Как бы ни была она ужасна, то, что предлагаете вы, ещё хуже: вы хотите вернуть нас во времена Марии Кровавой.

— О нет, Роджер! Конечно, его высочество ка-

толик, однако…

— И ещё. Я не страшусь вашей мощи. Принцессы Каролины, что бы вы ни воображали, в Лондоне нет.

Болингброк рассмеялся.

— Полно, Роджер! Полчаса назад вы сами сказали мне, что видите её в мой телескоп!

— Генри, я солгал.

Теперь уже Роджер взял графин и долил себе портвейна. При этом он обратил взгляд в сторону Хеймаркета. Язва костров уже распространилась по всей её длине, грозя слиться с более крупным очагом заразы на Чаринг-Кросс. Особенно много их было у Итальянской оперы, что встревожило Роджера, который вложил в здание много денег и не хотел, чтобы театр спалили. Старческие глаза не различали так далеко отдельных фигур, но видели общий рисунок: кольца вокруг костров, тёмные потоки, которые прибывали и убывали, вихрились и расплёскивались: толпа, не обретшая ещё чёткой цели. В этом хаосе, как реки в море, выделялись более упорядоченные струи: дисциплинированные отряды, возможно, ополчение. От того, что всё происходит рядом с его любимой Оперой, Роджеру подурнело; ему подумалось, насколько проще сдаться, уступить

Болингброку. Тут взгляд его выхватил чёрную корпускулу, которая решительно летела по Хеймаркету мимо костров, блестя, как капелька лака. На перекрёстке с Пикадилли она свернула на Шаг-лейн, то есть к особняку Болингброка, из чего Роджер заключил, что это его фаэтон мчит через Лондон, как чёрная пантера через лесной пожар. Роджер не знал, чего ждать, но отчаянная скорость рождала надежду, что вести добрые.

— Скоро мы узнаем, лгали вы тогда или сейчас, — произнёс Болингброк, которому потребовалось несколько мгновений, чтобы вернуть себе прежнюю вальяжность. — Однако я хотел поговорить с вами о другом — о принце.

— О Георге-Людвиге Ганноверском? Отличный малый.

— Нет, Роджер. О его королевском высочестве Джеймсе Стюарте, по праву, если не по закону, нашем будущем короле. — Он поднял руку. — Королева приняла решение. Она не может отречься от брата. Она сделает его своим наследником.

— Так пусть заберёт фарфор и столовое серебро, мне ничуть не жаль. Только не Британию. Это в прошлом.

— Истинное право никогда не будет в прошлом.

— Временами, когда я говорю с тори, мне кажется, будто передо мной — средневековый реликт, — сказал Роджер. — Что за чудесная квинтэссенция в крови, по-вашему, даёт Стюарту право повелевать страной, которая *его ненавидит* и которая *исповедует другую религию?*

— Вопрос в том, будут нами повелевать деньги и толпа, которые для меня суть одно и то же, ибо они равно лишены разумного устремления, или тот, кто служит высшему благу? В этом смысл королевской власти.

— Мысль заманчивая, — помолчав, сказал Роджер. — И я вас понимаю, Генри. Мы на распутье. Одна дорога ведёт к совершенно новому способу управлять людскими делами. Это система, которую я в меру сил помогал строить; Королевское общество, Английский банк, перечеканка, Ганноверы на британском престоле — её элементы. Вторая дорога ведёт в Версаль, к тем порядкам, которые завёл у себя французский король. Я не слеп к величию Короля-Солнце. Я знаю, что во многих существенных отношениях Версаль лучше всего, что имеем мы. Однако каждый пункт, по которому мы уступаем Версалю, в чём-то восполнит строящаяся система.

— Эта система уже несостоятельна, — проро-

нил Болингброк. — Здесь становится прохладно. Идёмте, у меня есть спешное дело в кабинете.

Он настоял, чтобы Роджер первым прошёл через дверь на лестницу. Вскоре они уже были в маленьком кабинете на третьем этаже. Днём отсюда открывался вид на всю площадь. Сейчас, напротив, вся Голден-сквер видела их, потому что Болингброк оставил незадёрнутыми занавеси, а в кабинете горело много свечей. В обсерватории они были словно за сценой, где актёры болтают по-свойски, дожидаясь выхода.

Теперь выход состоялся. Спектакль смотрели все люди на Голден-сквер, включая двух опоздавших, которые только что выпрыгнули из фаэтона. Один из них препирался со слугой Болингброка; Роджер слышал голос, хотя не разбирал слов. Сцепив руки за спиной, он подошёл к окну и глянул вниз: сэр Исаак Ньютон что-то властно говорил дворецкому, тот часто кивал, разводил руками, но не двигался с места. Даниель расхаживал за спиной у Ньютона с видом разом взвинченным и скучающим.

Тем временем Болингброк направился прямиком к бюро, стоящему у соседнего окна. Там лежал пышно оформленный документ, которому недоставало лишь подписи.

— Джентльмены, как правило, не говорят о деньгах…

— Простите, Генри?

— Минуту назад я сказал, что ваша система несостоятельна. Прошу не считать меня вульгарным.

— И в мыслях не было. Однако здесь жарко. Вы позволите мне открыть окно?

— Прошу, Роджер, чувствуйте себя совершенно свободно. Наслаждайтесь прохладой, по крайней мере, покуда вы у меня в гостях; как только вы отсюда выйдете, вас начнёт припекать. Это постановление, которое издаст завтра Тайный совет: в нём назначается испытание ковчега.

Роджер, стоя к статс-секретарю боком, толкал оконную раму. Она загремела, открываясь. Даниель поднял голову, на мгновение отвёл взгляд и тут же вновь посмотрел на Роджера.

— Мне больно опускаться до такого. Однако виги окончательно показали свою несостоятельность: интеллектуальную, моральную и *финансовую*. Их банкротство и порча денег угрожают королевству. Этому пора положить конец.

Роджер почти не слушал. Во-первых, Болингброк не столько вёл разговор, сколько произносил речь, во-вторых, заранее было понятно, что он

скажет. Роджер соображал, как бы перекинуться словцом со стариной Даниелем; их разделяли каких-то десять футов по высоте и двадцать — по горизонтали. Даниель сосредоточенно выписывал на мостовой петли, ища место, где ветки деревьев не закрывали бы ему окно.

— Сейчас я ставлю свою подпись под документом, — объявил Болингброк, скрипя пером. — Вы будете моим свидетелем.

Роджер повернулся и стал смотреть, как Болингброк марает чернилами бумагу. Перо скользило и подпрыгивало, словно танцовщица на пуантах, перечёркивая *t* и ставя точки над *i*.

Что-то шмякнулось Роджеру в лицо и с глухим стуком упало на пол.

— Вы что-то сказали?

Роджер заморгал ушибленным глазом, прогоняя туман, и присел на корточки, чтобы подобрать влетевшую в окно вещицу. Подбрасывая её на ладони, он подошёл к столу, где Болингброк посыпал документ песком.

— Генри, коли уж вас так занимают монеты и монетное дело, я хотел бы вручить вам небольшой сувенир на память о сегодняшнем вечере. Можете прихватить его во Францию.

— Во Францию?

— Когда ударитесь в бега.

— О чём вы, Роджер? Не понимаю.

— О вашем будущем, Генри, и о моём.

Роджер бросил предмет — ещё хранящий тепло Даниелева кармана — на помпезное постановление. То был зашитый кожаный пакет с надписью чернилами, такой тяжёлый, каким может быть лишь золото.

— Синфия из ковчега, — объявил Роджер. — Там ещё много, очень много. Джек-Монетчик у нас в руках. Он всё отдал и всё рассказал.

Итальянская опера

тогда же
Элиза, Джек и де Жекс в Опере

СЕРЖАНТ БОБ ДАЛ ей хороший совет: укрыться в Опере и не метаться туда-сюда из-за того, что там Джек. Теперь Элиза быстро шла через вестибюль, стараясь не смотреть на своё отражение в зеркалах. Шпильки, которые держали её причёску под каштановым париком, либо выпали, либо перекосились, так что кололи кожу и тянули волосы. Элиза на бегу выдернула их и бросила на пол, потом собрала волосы и завязала в узел. Музыка звала: странные звуки в такую ночь.

Они означали порядок и красоту, два качества, которых Лондону недоставало всегда, а сегодня особенно. Элиза спешила на зов инструментов, оскальзываясь на тоненькой дорожке из капель крови, оставленной, скорее всего, де Жексом. Кое-где кровавый след был уже размазан подошвами башмаков: Джек преследовал де Жекса. Итак, если Элиза хотела посмотреть, как они рубятся, она знала, куда идти. Однако сильнее манила музыка: скрипки и виолончели, современные инструменты, способные заполнить звуками целую оперу, какой бы плохой ни была акустика. Через огромную золочёную дверь Элиза попала в полутёмное фойе, пропахшее королевским эликсиром мистера Олкрофта для причёсок и париков, а оттуда — в зрительный зал.

Он имел в длину шестьдесят футов; пятьдесят футов отделяли Элизу от оркестровой ямы, в которой седовласый джентльмен, стоя спиной к ней, поднимал и опускал жезл в такт музыке. Концентрические дуги зрительных рядов тянулись от стены до стены. Это походило на греческий амфитеатр, только под крышей и без греков. Элиза двинулась по центральному проходу к человеку с жезлом. Боб посоветовал ей не удаляться от выхода на случай, если толпа подожжёт

здание. Однако музыканты не подозревали об опасности; их следовало предупредить. Разумнее всего было бы заорать из дальнего конца зала, но театральный этикет почему-то взял верх над уличным инстинктом. Элиза не хотела шуметь. К тому времени, как она добралась до ограждения оркестровой ямы, зазвучала кода; дирижёр всё энергичнее двигал жезлом вверх-вниз и даже, стараясь призвать музыкантов к порядку, на каждом такте ударял им в пол.

— Герр Гендель, — начала Элиза, узнав дирижёра, — простите меня…

Её перебил голос со сцены, невероятно громкий. То был сэр Эпикур Маммон, разодетый по последней моде, и обращался он к своему жуликоватому приспешнику, Серли:

Прошу, входите, сэр! Итак, теперь Ступили вы на берег *Novi obris* [21]. Здесь, сэр, богатства Перу, а внутри — *(указывая на фасад роскошного особняка)* Офир, златые копи Соломона [22].

Элиза на миг съёжилась — опять сказалась театральная привычка. Когда она вновь заглянула

---

[21] Примечания: 21

Нового мира (*лат.*).

[22] Примечания: 22

Здесь и далее строчки из «Алхимика» Бена Джонсона в переводе П. Мелковой.

в оркестровую яму, то увидела, что Георг Фридрих Гендель смотрит на неё несколько оторопело. Уверившись наконец, что перед ним и впрямь герцогиня Аркашон-Йглмская, хоть и в состоянии растрёпанности, граничащим с неглиже, о котором большинство джентльменов могло только мечтать, он отвесил учтивый придворный поклон, используя дирижёрский жезл в качестве противовеса.

— Простите, я не знала, что это репетиция с актёрами! — воскликнула она.

За спиной у сэра Эпикура Маммона и Серли плотник, стоя на коленях, прибивал к сцене какую-то деталь декораций, а сбоку художник малевал на заднике небо. Маммон, глядя на Элизу, сделал страшное лицо. Она виновато прикрыла рукой рот.

— Сударыня! — вскричал Гендель, от неожиданности переходя на немецкий. — Что привело вас сюда?

— Я весь металл здесь в доме превращу, — твёрдо продолжал Маммон, — сегодня ночью в золото, а завтра чуть свет за оловом и за свинцом к лудильщикам я слуг своих направлю и нарочного в Лотбери пошлю за медью.

— Медь вы тоже перельёте? — в притворном

изумлении спросил Серли, исхитрившись одновременно подмигнуть Элизе.

Маммон мог на неё досадовать, но Серли знал толк в хорошеньких женщинах.

— Да! — отвечал сэр Эпикур Маммон. — Девоншир и Корнуэлл скупив, я превращу их в Индии! Ну как? Потрясены?

— Нисколько! — парировал Серли, впрочем, слегка скомкав реплику.

Во-первых, его отвлекала Элиза; во-вторых, всё труднее было не замечать грубый шум справа от сцены: выкрики, сопение, звон стали о сталь. Даже музыканты, которых в первый миг зачаровало явление герцогини, начали оборачиваться.

Сцена Итальянской оперы была необычайно глубокой, на радость любителям пышных декораций, на горе тем, кто хочет слышать слова. Сзади огромный холст изображал идеализированную Голден-сквер, тающую в туманной дымке; в довершение иллюзии чуть ближе к зрителям установили фанерные силуэты домов. Тут из-за кулис выскочил израненный, окровавленный человек; казалось, великан тридцати футов ростом рыщет по Голден-сквер, вынюхивая человечий дух и заливая кровью траву. Мгновение спустя лопнула самая ткань мироздания: булатный кли-

нок разрезал по дуге натянутое полотно задника. В прореху небес выпрыгнул Джек Шафто, и на Голден-сквер начался бой великанов.

Джеков клинок мог рассечь тело, как дыню, но был тяжёл и неповоротлив. Шпагой нельзя рубить, но можно проткнуть человека в пяти местах раньше, чем тот скажет: «Ой». Джек выписывал саблей восьмёрки в пространстве, отделяющем его от де Жекса, не подпуская того на расстояние смертельного выпада. Де Жекс уходил из-под ударов, хотя, судя по многочисленным порезам на руках, от некоторых еле-еле. Он не сводил глаз с Джека, ожидая неверного движения, которое откроет брешь в защите.

Эпикур Маммон и Серли уступили середину сцены дуэлянтам, а сами стояли теперь по краям просцениума — позабытые актёры на эпизодические роли. Плотник и художник разрывались между страхом перед клинками и желанием отомстить за урон, нанесённый их работе Джеком и де Жексом соответственно. Сейчас уже было видно, что у обоих противников есть не только тактика, но и стратегия. Де Жекс ждал, когда Джек выдохнется, что должно было произойти скоро. Джек теснил де Жекса к краю сцены, где тот либо даст изрубить себя в куски, либо вынужден будет

спрыгнуть в оркестровую яму. Музыканты, разгадав его намерения, пришли в движение: скрипки и деревянные духовые сбились в самом дальнем от де Жекса углу ямы и через дверь, рядом с которой стояла Элиза, струйкой просачивались в зрительный зал. Виолончелисты и контрабасисты не могли решить, спасаться самим или спасать инструменты. Гендель негодовал: «Назад! Вам заплачено за пять актов, не за два!» Однако башмаки де Жекса были уже на краю сцены, его кровь капала на литавры со звуком далёкой канонады, оркестровая яма почти опустела. Гендель схватил было удирающего виолончелиста и оказался с виолончелью в руках. Элиза вбежала в яму, когда виолончелист оттуда выбегал. В страхе, что Гендель не осознаёт опасности, она метнулась к нему, забрала виолончель и поставила её на пол, держа за гриф.

— Давайте выбираться отсюда. — Элиза попыталась взять композитора за плечо, однако схватила лишь воздух: Гендель уже бежал к литаврам. — Предоставим этих двух крайне опасных людей…

И тут в одно мгновение всё изменилось. Джек загнал де Жекса на край сцены и уже занёс саблю для смертельного удара, но в тот же самый миг

художник подскочил и выплеснул Джеку в лицо ведро белой краски.

Наступило короткое затишье. Затем де Жекс сменил позицию: он готовился спрыгнуть в секцию ударных, теперь же ему надо было сделать выпад Джеку в сердце. Он почти изготовился, когда Гендель, стоящий под ним в яме, выбросил жезл вверх, перехватил двумя руками и, размахнувшись, как косарь, саданул иезуита по щиколотке. Удар был так силён, что скользкий от крови башмак сорвался в пустоту. За ним последовал и де Жекс. Он рухнул в литавру. Правые рука и нога пробили кожу огромного медного котла. Левые дёргались над ободом, как клешни омара, который не хочет, чтобы его сварили.

Гендель от удара едва не потерял равновесие. Де Жекс окровавленной рукой сгрёб его кружевной галстук и дёрнул, пытаясь выбраться из литавры. Элиза, не успев ничего подумать, схватила виолончель за подставку для струн, одновременно опуская гриф к полу, и метнула по высокой дуге. Виолончель пронеслась через апогей и пошла вниз, как боевое копьё, тяжёлым шпилем вперёд. Шпиль вонзился иезуиту в грудь. Виолончель замерла под углом, сопроводив нездешним аккордом последний вздох де Жекса. Тот выпустил

галстук Генделя.

Композитор поднял с пола жезл и оправил парик.

— Пятая страница, со второго такта! — крикнул он, хотя музыканты не торопились возвращаться в яму.

Элиза огляделась и увидела на месте, где был Джек, расплесканную лужу краски. Белые следы вели за сцену к Юникорн-корту.

Она думала о «предсказании», как выразился Джек; на Элизин взгляд, это было скорее твёрдое обещание, данное двенадцать лет назад в малом салоне парижского особняка Аркашонов в присутствии Людовика XIV. Как на грех, точная формулировка вылетела у неё из головы. Что-то в том смысле, что Джек не увидит её лица и не услышит её голоса до своего смертного дня. Элиза очень серьёзно относилась к своим обещаниям и сейчас, вспоминая события последних минут, с удовлетворением убедилась, что не нарушила слова. Джек её не видел, потому что всё время смотрел на де Жекса (по крайней мере, пока ему не выплеснули в лицо краску). А она не сказала ни слова, которое он мог бы услышать.

А теперь он сбежал и не может ни видеть её, ни слышать.

Она обернулась к зрительному залу. Музыканты и актёры смотрели на неё из углов, будто ожидая реплики.

— Можно выходить, — объявила Элиза. — Джек Шафто покинул здание.

Голден-сквер

тогда же
Даниель и Роджер на Голден-сквер

— ЧТО ВЫ ЕМУ СКАЗАЛИ?! — переспросил Даниель.

— Вы меня слышали, — отвечал Роджер, потом, устав от взглядов и гримас Даниеля, добавил: — Да уж.

— Да уж?! Как прикажете это понимать?

— Вы иногда берёте совершенно проповеднический тон. Думаю, это неизжитое влияние Дрейка.

— Я просто благоразумен. Что, если Болингброк потребует доказательств? Я представления не имею, где Джек!

— Даниель, оглядитесь.

Даниель огляделся. Они с Роджером стояли на углу Голден-сквер рядом с табором дорогих экипажей и хороших коней: полевой ставкой

вигов. Исаак уже уехал домой в фаэтоне. Могавки проносились галопом, выкрикивая новости и потрясая шифрованными посланиями. В доме Болингброка ставни были закрыты, занавеси опущены, свечи почти не горели; никто не знал, где хозяин. По слухам, он уехал в клуб.

— Смотрите, — сказал Роджер. — Мы победили.

— *Откуда вы знаете?!*

— Просто знаю.

— Откуда?

— Увидел по его лицу.

Роджер дал понять, что разговор окончен: не словом, не жестом, а какой-то переменой во взгляде. Он подошёл к отряду могавков, стоявших рядом с конями, и объявил: «Мы победили. Распространите весть. Зажгите маяки». Затем повернулся и зашагал к кучке сановников. Могавки у него за спиной закричали: «Виват!» Вскоре крик подхватила вся площадь.

Даниель не сразу присоединился к общему ликованию, но уж когда присоединился, то от всей души. Такова политика: гнусна, иррациональна и всё же лучше войны. Роджера чествуют, потому что он победил. Что такое победа? Это когда тебя чествуют. И Даниель горланил так, как только позволяли пересохшая глотка и стар-

ческие рёбра, дивясь, что люди сбегаются со всех сторон. Не только знать из особняков, но и сброд с освещённых кострами полей на севере, все теснились вокруг Роджера и кричали: «Виват!» Не потому, что соглашались с его позицией или хотя бы знали, кто он такой, а потому что он явно был героем дня.

Биллинсгейтский док

чуть позже

Иоганн и Каролина отплывают из Биллинсгейта

— ПОРАЗИТЕЛЬНО, — воскликнул Иоганн фон Хакльгебер, обнимая принцессу Каролину за талию и отрывая от пристани, — сколько людей готовы оказать услуги своей будущей королеве!

Он брёл по щиколотку в воде на Биллинсгейтской пристани; отрезанные рыбьи головы тыкались в его башмаки и таращились на Каролинин зад, пока Иоганн нёс её к лодке. Каролина крепко обнимала Иоганна за шею, словно хотела грудью заткнуть ему рот. Он не жаловался, только сильнее сжимал через штаны её выпуклости. Все эти взаимные тисканья оправдывались тем, что ночь была тёмная, пристань — скользкая, а

принцессе негоже падать в холодное месиво из рыбьих кишок. Иоганн считал, что ведёт себя вполне пристойно. Однако люди (числом около тридцати), доставившие сюда принцессу в королевской процессии экипажей, портшезов и всадников, думали иначе. Они были пьяны как сапожники, хотя, судя по золочёным гербам на дверцах карет, сплошь принадлежали к знати. Решительно всё в происходящей сцене наводило их на непристойные мысли.

— Хороша рыбка, так бы и съел! — выкрикнул один. Прочие шутки были ещё откровеннее.

— Джентльмены! — воскликнул Иоганн, когда принцесса уже благополучно сидела в шлюпке, а её бюст больше не затыкал ему рот. — Да, мы в Биллинсгейте, но это не значит, что вам надо перещеголять рыботорговок в мерзости. Сейчас их здесь нет. Если хотите за ними приударить, возвращайтесь днём.

— И кто же эти рыботорговки? — вопросил некто, перебравший настолько, что язык болтался у него во рту, словно половая тряпка в ведре. — Сдаётся, с ними неплохо бы свести знакомство. — Он потянул носом бодрящий воздух рыбного рынка. — И мне нравятся их духи!

Теперь попрёки сыпались на Иоганна с двух

сторон.

— Ты просто несносен, милый, — говорила Каролина из шлюпки. — Вот видишь, я надула губки, как большая-большая рыба. Эти люди галантны, ничего больше! Они даже не верят, что я принцесса! Они думают, что я шлюха, приехавшая к доктору Уотерхаузу.

— Они прекрасно знают, кто вы, — заверил Иоганн. Он иронически-подобострастно поклонился членам клуба «Кит-Кэт», которые стояли на набережной в шеренгу, как на картине, едва различимые в темноте — словно групповой портрет, почти чёрный от табачного дыма.

Ответных поклонов Иоганн не видел, потому что забирался в шлюпку. Каролина помахала рукой; почему-то даже этот жест вызвал у провожающих непристойные ассоциации, породив новый залп сальностей.

— Воистину, мы можем не страшиться разоблачения, — пробормотал Иоганн. — Когда они протрезвеют, то постыдятся рассказывать о том, что было. И в любом случае им никто не поверит.

Баркас казался чересчур большим для сегодняшней миссии: доставить на корабль в лондонской гавани барона и принцессу. С каждой

стороны у него было по пять вёсел; гребли десять плечистых матросов. Таким образом, в случае погони баркас мог уйти почти от любой лодки. Иоганн с Каролиной сели на носу, подальше от гребцов.

— Я рад, что вы догадались сразу ехать сюда, — сказал Иоганн.

— Не совсем сразу, потому что прежде в клубе «Кит-Кэт» за меня выпили несколько тостов, — отвечала Каролина.

Тосты, впрочем, ещё не кончились. Как только стало известно, что Каролина отбывает по воде, кто-то из ручных кит-кэтовских пиитов взялся за дело; получилась следующая импровизация:

Афродита из прилива Вышла к эллинам блудливым, Чтил сын Рима с крепким х-ром Пенно-родную Венеру. На реке пурпурно-винной Зрят британцы Каролину.

— Очень мило, — заметил Иоганн. — Сдаётся мне, доктору Уотерхаузу предстоят кое-какие объяснения в клубе.

— И мне, — сказала Каролина, — с мужем.

Какой-то остряк затянул:

Её утроба Папизму гроб. Вот только б немец Почаще…

На него тут же зашикали возмущённые, даже

скандализованные кит-кэтовцы. Ну, знаете! У некоторых вообще нет чувства приличий! Кто-то наполовину вытащил из ножен шпагу и, дождавшись, когда его с двух сторон схватят за руки, принялся картинно вырываться, не забывая поглядывать в сторону реки: видит ли Каролина его галантность. Однако баркас уже поглотила тьма. Кит-кэтовцы выпили по одной на посошок и двинулись к экипажам; последним, что видели Иоганн и Каролина, были отсветы хрустальных стопочек на серебряных подносах, слабые, как блеск рыбьей чешуи на тёмной воде, плещущей о Биллинсгейтскую пристань.

— Надеюсь, мы исчезнем с их горизонта так же скоро, как они с нашего, — проговорил Иоганн. — Нам надо проделать несколько миль по течению до шлюпа, который стоит на якоре у Гринвича. Если быстро подняться на борт и отплыть, возможно, никто не узнает, что ваше высочество на шлюпе.

— Один сплошной фарс, — был вердикт Каролины. В темноте она не видела, как поникли плечи Иоганна, но слышала, как из него вышел весь воздух. — Прости.

— Напротив. *La belle dame sans merci* [23] — роль, которая вам очень идёт и ещё пригодится, когда вы станете королевой, а Гринвич будет вашим загородным имением.

— Я безжалостна к себе, не только к тебе, — сказала Каролина. — Глупо было мне приезжать в Англию.

— Ничего подобного. В Ганновере вам угрожал убийца.

— Убийца, который без труда последовал за мной в Лондон, — отвечала Каролина, — и, возможно, сейчас охотится на Элизу.

— Она — моя мать, так что напоминания излишни, — сказал Иоганн. — Но она знает вас с детства. Когда она не была с вами откровенна? Если бы она или я думали, что вам неразумно оставаться в Лондоне, мы бы не промолчали.

— Однако я имею право на собственное мнение. И я говорю, что слишком здесь задержалась.

— Разумеется, так представляется теперь, когда мы отбываем в спешке. Лучше бы вам было уехать неделю назад, спокойно. Мы не могли предвидеть, что дело обернётся таким образом.

— Сколько прошло с Софииных похорон? Шесть

---

[23] Примечания: 23
Прекрасная дама, лишённая милосердия (*фр.*).

недель. К тому времени, как мы доберёмся до Ганновера, будет все семь или восемь.

— Не такой уж большой срок. Убитая горем принцесса вполне может пробыть столько вдали от двора.

— От двора и от мужа.

— У мужей есть другие способы утешиться.

— Я всё думаю, — сказала Каролина, — оставил ли он Генриетту своей фавориткой после всего, что произошло? Или прогнал её и завёл новую? Или?..

— Или что?..

— Или ждёт, когда после долгой отлучки вернётся жена? Его письма в последнее время стали более интересны.

— Более интересны, чем что? Или чем кто? Молчите, не отвечайте, мы вторглись в ту область, куда ступить и ангелы боятся.

— В эту область ты вступаешь, сознательно и по своей воле, когда заводишь связь с замужней принцессой.

Иоганн молчал.

— Вот видишь. И снова я *la belle dame sans merci.* Надеюсь, она тебе нравится.

— Да, — отвечал Иоганн. — Такой уж я безнадёжно глупый странствующий рыцарь.

— Отважный и блистательный рыцарь, — сказала Каролина, — который должен держать забрало закрытым, даже когда поскуливает.

На этом их разговор временно затих. Путь по Темзе оказался долгим. Каролина пересиливала дремоту и боролась с искушением прилечь Иоганну на плечо. Иногда маневры меж судов на реке напоминали бег сквозь ночную чащу. Несколько раз вахтенные принимали их за жохов и осыпали бранью; на баркас направляли фонари и мушкетоны. После Собачьего острова кораблей стало меньше, а сами они — больше. Хотя гребцы устали, шлюпка двигалась быстрее, потому что шла теперь прямо по течению. Оставив позади шум и суету города, Иоганн и Каролина различали то, что прежде утонуло бы в других впечатлениях: костры на холмах, всадников, мчащих во весь опор по улицам вдоль обоих берегов реки. Невозможно было не вообразить, что костры и всадники несут странную информацию из города в предместья и дальше к морю. Сигнальные огни на прибрежных скалах передадут новость на континент. Однако, что это за новость, ложная она или истинная, беглецам в лодке было неведомо.

На шлюп перебрались быстро, как и надеялся

Иоганн. Подняли якоря, поставили паруса, и начался странный ночной вояж по реке, ставший для Каролины продолжением бегства в шлюпке, только в новом, увеличенном масштабе: цепочки костров распространялись всё дальше от города, и каждую минуту до слуха долетали отзвуки далёких копыт на почтовом тракте. Под конец принцесса сумела заснуть, уговорив себя, что беззвучно скользящий по тёмной реке шлюп с загадочными пассажирами на борту так же смутно тревожит всадников на дорогах и дозорных на вершинах холмов, как они — её, и, возможно, не без оснований, ведь (как ей по-прежнему приходилось себе напоминать) она намерена когда-нибудь править этой страной.

«София», устье Темзы

утро четверга, 29 июля 1714
«София», 29 июля

У ГАННОВЕРА НЕТ ВЫХОДОВ к морю. Самое большое водное пространство в нём — трёхмильной ширины лужа. Богатеи вкладывают средства в корабли, а смельчаки даже пускаются на них в плавание, но для этого надо прежде попасть в Бремерхафен. Для большинства ганноверцев

лучший способ пересечь воду — дождаться, когда она замёрзнет. «София» — шлюп, на который Иоганн и Каролина взошли под покровом тьмы, — формально принадлежал Ганноверу, что подтверждал внушительного вида документ. Однако команда по большей части состояла из фрисландцев, шкипер был антверпенский протестант по фамилии Урсель, а гребцов, доставивших вчера принцессу, наняли вместе с баркасом на датском китобойце, который чистился от ракушек в ротерхитском доке. Сейчас эти датчане просыпались в Восточном Лондоне, постанывая от ломоты в спине. Много воды, частью свежей пресной, частью застойной, протекло тем временем под килем «Софии».

Если бы Каролину спросили, она бы сказала, что они уже в открытом море на пути к Антверпену. В тумане было видно не дальше, чем на бросок камня, но «Софию» перекатывало с одной мощной волны на другую, словно ребёнка, которого передаёт над головами толпа, собравшаяся смотреть повешение. Температура упала (Каролина-натурфилософ знала, что оттого и туман), воздух пах по-другому. Впрочем, чтобы убедиться в наивности её сухопутных измышлений, довольно было взглянуть на Урселя: так выглядел

бы ганноверец, который добрался до середины озера Штейнхудер и обнаружил, что лёд у него под ногами трещит и встаёт торосами.

— Это то, почему никто не пытается сделать это, — сказал он Иоганну на смеси голландского и немецкого.

Второе «это» в контексте последних событий, вероятно, означало: «выбраться из лондонской гавани под покровом тьмы, избежав таможенного досмотра в Грейвзенде, по замерам глубины пройти Хоуп и до зари миновать Ширнесский форт, не угодив под огонь береговых батарей и не попавшись военным кораблям, чья задача — ловить контрабандистов». На сухопутный взгляд Каролины, всё перечисленное им удалось. Большой колокол пробил девять раз, и один из корабельных помощников, знающий Темзу, сказал, что звонят в Кентерберийском соборе. Каролина, изучавшая карты, пришла к выводу, что они выбрались из устья реки.

Менее понятно было, что Урсель разумеет под первым «это» — надо думать, нечто, очевидно изобличающее безумие второго «это». Каролина покосилась на Иоганна. Тот устал гораздо сильнее (Каролина хотя бы поспала, а он — нет) и больше страдал от морской болезни. Судя по лицу, он

точно так же не понимал, в чём состоит первое «это». Каролина перестала пытать его взглядом и перенесла внимание на фрисландцев. Они бросали лот и с правого борта, и с левого; глядя на них, недолго было вообразить, что к «Софии» со всех сторон подбираются вплавь пираты с ножами в зубах, и единственное оружие против нападающих — свинцовые гири на длинной верёвке. Каролина и прежде видела, как определяют глубину. Обычно замер требовал больше времени, поскольку лот не сразу касался дна, а выбирать лотлинь надо было в несколько приёмов, перехватывая руки. Сейчас матросы бросали лот по два-три раза в минуту и выкрикивали глубину, не выбирая линь. Цифры на фрисландском диалекте звучали чудн***о***, но то были маленькие цифры.

Каролина прошла вдоль ограждения юта к Иоганну.

— Все всполошились, когда прокукарекал петух.

— Я не слышал петуха, — отвечал Иоганн.

— Разумеется, не слышал! Ты блевал, перегнувшись через борт, — объяснила Каролина. — Однако петух прокукарекал, вполне отчётливо, вон там. — Она махнула рукой в направлении правого борта.

Иоганн выдавил уверенную улыбку.

— Не тревожьтесь. В тумане звуки распространяются на большие расстояния. До петуха могут быть мили. Или он на другом корабле.

Замычала корова.

— Петушиный крик может знаменовать и другое, не менее тревожное обстоятельство, — заметила Каролина. — Туман рассеивается.

Ей пришлось повысить голос и подойти ближе к Иоганну, потому что Урсель начал кричать. Как флейтист, освоивший технику кругового дыхания, способен выдувать длинные непрерывные ноты, так и Урсель обладал умением, общим для сержантов, школьных учителей, жён и других властных особ: мог орать несколько минут кряду, не переводя дух.

— На него снизошло озарение, — сказала Каролина. — Мы заблудились в тумане. Теперь он понял, где мы.

— Да, — отвечал Иоганн. — Не там, где следует.

Наблюдение было столь очевидным, что лучше бы Иоганн оставил его при себе. Крики Урселя и усилия матросов привели к тому, что «София» повернула и, килем прочертив на илистом дне свои инициалы, двинулась новым курсом. Через несколько минут лотовые уже выкрикивали глу-

бину в пять, даже шесть саженей. Звуки скотного двора стихли, запах теплокровных сменился запахом тварей, одетых в чешую. Серое небо сделалось серебристым, потом золотым, и Каролина уже ощущала губами его тепло, как чувствовала жар Иоганнова тела ночью в холодной спальне. Наконец шлюп вынырнул из тумана. Неясное пятно на левом траверзе обрело чёткость и превратилось в английский военный бриг, идущий параллельным курсом. В данную минуту он открывал пушечные порты.

— По ходу исполнения нынешнего плана у меня не раз возникал случай усомниться в его разумности, однако пока все затруднения разрешались, — сказал Иоганн. — Уповаю на Провидение, что всё не так плохо, как кажется.

Лицо его было красным и в иных обстоятельствах выглядело бы премило, однако сейчас внушало тревогу.

— Бедненький Жан-Жак. Ты здесь так же не к месту, как петух.

— Если бы мы могли домчать до Ганновера верхом, я бы это устроил, — сказал Иоганн. — Но негоже вам беспокоиться обо мне.

— Если нас остановят, я надену чёрную ленту через плечо в знак, что я здесь инкогнито, — от-

вечала Каролина. — На бриге наверняка есть офицер, человек воспитанный, который поймёт, что это значит.

— Инкогнито годилось для Софии, когда та навещала Лизелотту в золотую пору Версаля, — задумчиво проговорил Иоганн. — Рассчитывать, что виги и тори будут соблюдать такие странные условности, всё равно что требовать от бойцовых петухов, чтобы те провозгласили здоровье королевы, прежде чем ринуться в драку. Нет, думаю, если до этого дойдёт, мне придётся взять ответственность на себя.

— Как? Объявишь, что похитил меня и силой увёз в Англию?

— Что-нибудь в таком роде.

— Глупости. Я буду просто отрицать, что я — это я…

Бесполезный разговор пошёл по второму кругу; тем временем шкипер Урсель почти так же томительно спорил с английским капитаном. Тот флажками требовал, чтобы «София» легла в дрейф, Урсель делал вид, будто не видит и не понимает. Капитан брига заговорил жёстче: дал предупредительный выстрел поперёк курса «Софии». «София», которая вышла наконец на глубокую воду, прибавила парусов и сделала

попытку оторваться, идя круче к ветру, чем позволяли бригу его прямые паруса. Таким образом они оказались на несколько миль ближе к открытому морю, поскольку ветер дул с востока, то есть примерно оттуда, куда они хотели попасть. «София» шла галсами, беря то несколькими румбами южнее, то несколькими румбами севернее восточного направления. Бриг делал то же самое, но под б*о*льшим углом к ветру, что замедляло его продвижение. На первый взгляд «София» выигрывала. Однако Каролина (которая очень внимательно наблюдала за происходящим, поскольку собиралась унаследовать английский военный флот) видела, что это тот случай, когда дьявол скрывается в мелочах. Бриг двигался быстрее «Софии»; чистый выигрыш в скорости получался не такой и большой. И на бриге был лоцман, который знал нынешнее положение мелей в устье Темзы, Урсель же смотрел на карту, отпечатанную десять лет назад и превратившуюся в палимпсест добавленных от руки штриховок и противоречивых надписей на разных европейских языках. Вместо того чтобы чертить на водном просторе величественный зигзаг, «София» виляла вбок всякий раз, как Урселю мерещилась впереди отмеченная на карте мель, или

не нравился цвет воды, или выкрики лотовых рождали у него нехорошие предчувствия. Много времени терялось, и много инерции шло псу под хвост на частых сменах курса, тогда как бриг уверенно лавировал, прокладывая каждый галс в невидимых зазорах между Срединой, Верпом, Мышью, Щепкой, Испанцем и прочими навигационными опасностями, столь маленькими либо столь эфемерными, что на них пожалели тратить название. Такая азартная погоня должна была бы захватывать, но она растянулась на полдня и порой целый час проходил вообще без всяких событий. Таким бывает бдение у постели тяжелобольного: все чувства напряжены, каждый миг важен, но время тянется бесконечно, выматывая последние силы.

Наконец Урселя подкосила усталость. Или просто англичанин его переиграл. Ближе к середине дня бриг заметно сократил расстояние и теперь поворачивал, чтобы дать бортовой залп. Поставленный перед выбором — орудийный огонь или мелкая вода — шкипер выбрал мелкую воду и почти сразу посадил «Софию» на илистый гребень, который (как стало ясно задним числом) подразумевался закорючкой на карте. Это произошло между мысами Форенесс и Фоулнесс, там,

где устье достигает в ширину двадцати миль и рекой именуется чисто технически; всю восточную половину горизонта занимало море, полные сто восемьдесят градусов насмешки над бедным шкипером. Когда Каролина спросила Урселя, каковы их дальнейшие действия, тот ответил, что ничего не может сказать, поскольку его дело — водить корабли, «София» же больше не корабль, а обломки кораблекрушения, и принадлежит не Ганноверу, а тому, кто первый её подберёт. Сделав приведённое заявление, он удалился в каюту пить джин.

— Я не разбираюсь в морском праве, — сказала Каролина, — но, по-моему, это, скорее, океан, чем река. Я утверждаю, что мы в открытом море, идём по своим делам.

— Мы на мели, — упорствовал Иоганн.

— Значит, мы были в открытом море, шли по своим делам, и тут откуда ни возьмись появился гадкий бриг и загнал нас на мель. Это пиратское нападение.

Иоганн закатил глаза.

— Нападение случилось, когда мы вышли из Антверпена на увеселительную морскую прогулку, — продолжала Каролина.

— И нечаянно пересекли Северное море?!

— Ночью нас сбил с курса нежданный восточный ветер. Обычная история. Не придирайся! Вчера в Лондоне ты сказал, что я должна вершить дела, которые не в твоей власти. Переписывать историю — прерогатива монархов, не так ли?

— Такое впечатление складывается, если читать много исторических книг.

— И кто более находчивая сочинительница: королева Анна или женщина перед тобой?

— Эти лавры принадлежат вам, любовь моя.

— Отлично. В трюме есть ганноверский флаг. Пусть его поднимут на мачте. И пусть все проходящие корабли видят, что королевский флот бессовестно напал на беззащитное ганноверское судно.

И она приняла вполне царственную позу, указуя рукой на море, испещрённое белыми парусами.

— Если так угодно вашему королевскому высочеству, — сказал Иоганн.

— Угодно. Исполняйте.

Когда «София» села на мель, бриг приступил к череде маневров, растянувшихся примерно на полчаса: он повернул оверштаг, убрал часть парусов и медленно двинулся на более глубокую воду, чтобы лечь в дрейф и спустить шлюпку без

риска повторить участь «Софии». К тому времени, как с этим было покончено, над мачтой «Софии» уже реял ганноверский флаг. Капитан брига призадумался. Герб Ганноверов так походил на герб правящего дома Великобритании, что с такого расстояния их было не отличить. Бриг мог угрожать «Софии» открытыми пушечными портами и выдвинутыми орудиями, но Каролина только что приставила ко лбу его капитана заряженный пистолет.

Легко представить, что вчера ночью гонец Болингброка прискакал в Ширнесский форт и вручил капитану приказ задержать такой-то шлюп с иностранными шпионами на борту. Тогда всё казалось предельно ясным. Печать Болингброка на документе, взмыленная почтовая лошадь, заляпанный грязью, падающий от усталости гонец, срочный приказ среди ночи — предел мечтаний любого честолюбивого офицера. До сего момента он исправно выполнял свой долг. Теперь что-то нарушилось в отлаженном механизме: капитану представился случай подумать. Королевский герб, плещущий на мачте шлюпа, давал обильную пищу для размышлений и все основания не торопиться.

Шлюпку изготовили к спуску, но матросов в

неё не посадили. Затем гребцы появились, но на шканцах, очевидно, спорили, кого из офицеров отправить. Что это будет? Абордаж? Спасательная операция? Дипломатическая миссия? Кто на шлюпе: иностранные шпионы, контрабандисты или будущие хозяева и адмиралы королевского флота? В таких случаях нельзя действовать сгоряча.

А ситуация тем временем ещё усложнилась. Как только «София» подняла флаг, один из кораблей, входящих в Темзу, сменил курс и с тех пор всё приближался: многоярусная крепость белых парусов росла на глазах. Если бриг был бульдогом, то этот корабль — медведем: три мачты против двух у брига, больше парусов на каждой мачте, больше грузовых и орудийных палуб. Преимущественно орудийных, поскольку в корабле безошибочно угадывался ост-индиец. Водоизмещением он в три раза превосходил бриг. В Темзе такие размеры стали бы помехой, но здесь можно было маневрировать свободно, если, конечно, располагать точной картой и уметь ею пользоваться. Ост-индиец лавировал между мелями не хуже брига, хотя был не голландским и не английским, а, как стало видно, когда он наконец поднял свой флаг…

— Чудеса, — сказал Иоганн, двумя руками вдавливая подзорную трубу в глазницу. — Какова вероятность, что встретятся два ганноверских корабля?

— Какова вероятность, что в мире есть два ганноверских корабля? — Каролина вырвала у Иоганна трубу и с минуту одобрительно разглядывала фигуру на носу ост-индийца: гологрудую Афину, змееносной эгидой рассекающую океанский простор.

— Моя матушка как-то вложила средства в корабль, — сказал Иоганн. — Вернее, вложила София, а матушка вела счета.

— Позволь мне угадать название корабля. «Афина»? «Паллада»? «Минерва»?

— «Минерва». Впрочем, я думал, она в Бостоне.

— Может, она там и была, — сказала Каролина. — Но сейчас она здесь.

Корабельная верфь Орни в Ротерхите

31 июля 1714
Орни принимает различных посетителей

— ОЧЕНЬ ПРИЯТНАЯ МОЛОДАЯ дама, сдержанная и учтивая, даже когда её снимают с мели грубые филиппинские матросы. Однако я рад,

что она больше не на моём корабле.

Морщинами и ворчливым характером Отто ван Крюйк напоминал человека, которому давно перевалило за сто лет, энергией — скорее тридцатилетнего. Вместо правой руки у него был стальной крюк, которым он, в задумчивости или когда нервничал, трогал окружающие предметы. В тавернах, комнатах и каютах, где побывал ван Крюйк, на стенах и на столах оставались длинные отметины, словно огромная кошка точила о них когти. Сейчас он царапал крышку ящика, недавно сгруженного с «Минервы». Ящик стоял на причале верфи мистера Орни в Ротерхите. Адрес гласил:

Д-р Даниель УОТЕРХАУЗ
Двор технологических искусств
Клеркенуэлл
Лондон

Крышка была уже исчерчена глубокими бороздами: утро для ван Крюйка выдалось долгим и беспокойным, а крюк он держал острым. «Минерва» стояла в сухом доке — рве, отделённом от Темзы воротами из цельных стволов. Они, хотя потрескивали угрожающе и сильно протекали, сдерживали напор речной воды. «Минерва» поко-

илась на сваях, вбитых в илистое, испещрённое лужами дно сухого дока. Её корпус напомнил Даниелю картофелину, которая слишком долго лежала в подвале и дала ростки; легко было вообразить, что корабль выпустил длинные тонкие ножки и, перебирая ими, выполз на сушу. Он думал, что поставить такую махину в сухой док — тяжёлая работа на много дней, и надеялся застать её первые стадии. Однако, когда он в одиннадцать утра приехал на верфь, всё уже закончилось, и единственным свидетельством операции были сотни параллельных царапин на крышке ящика.

— Я знаю, что есть… — Даниель чуть не сказал «суеверие», — традиция, согласно которой женщина на корабле приносит несчастье.

Ван Крюйк обдумал услышанное. Ван Крюйк обдумывал всё, поэтому вести с ним лёгкую светскую беседу было несколько затруднительно.

— Из женщин первой хоть сколько-то времени на этом корабле провела Елизавета де Обрегон, которую мы спасли после гибели манильского галеона вместе с человеком, его поджёгшим, Эдуардом де Жексом.

— Кстати, он убит.

— Опять? Рад слышать. Тот рейс и впрямь за-

кончился для нас плачевно, однако лишь идиот обвинил бы госпожу де Обрегон в бедах, вызванных коварством де Жекса.

— Справедливо, — отвечал Даниель. — Так вы не верите, что женщина на борту приносит несчастье?

— Такую веру трудно согласовать с хорошо известными успехами королевы малабарских пиратов.

— И всё же присутствие Каролины на борту вас смущало. Впрочем, полагаю, причины были иные. Её преследовал королевский флот?

— Мы прятались в эссекских бухтах, известных контрабандистам…

— Я хорошо знаю эти бухты, — с улыбкой проговорил Даниель. — Там мой отец сделал своё состояние.

— Утром двадцать восьмого нам сообщили, что мы можем без опаски войти в Темзу: известие, что виги победили, передали из Лондона сигнальными кострами. Я был совершенно уверен в полученных сведениях, иначе ни за что не приблизился бы к Норскому бую. Когда я увидел военный бриг, преследующий «Софию», я понял, что его капитан просто не получил вестей о переменах в Лондоне. И впрямь, поднимаясь по Темзе

с принцессой Каролиной на борту, мы встретили и другие военные корабли. Они несли герб лорда Беркли — вига.

— И тем не менее вы рады были избавиться от принцессы.

— От некоторых грузов хлопот больше, чем выгоды.

Ван Крюйк повернулся к «Минерве». Из её трюма при помощи кранов и лебёдок вытаскивали ящики с галькой и пушечными ядрами.

— Насколько я понимаю, вы имеете в виду не только принцессу, — сказал Даниель.

— Предполагалось, что оно просто служит запасом на чёрный день, — отвечал ван Крюйк. — Как купец держит дома серебро, которое можно при необходимости перечеканить на монеты, так и мы держали в трюме золото. Ни один таможенный инспектор не заподозрил, что оно там. Даже наши матросы по большей части не знают. Время от времени мы превращали сколько-то в гинеи. У меня и мысли не было, что мы в такой опасности.

— Оно опасно лишь потому, что директор нашего Монетного двора питает особый интерес к такого рода золоту. Покуда оно в трюме, вам ничто не грозит. Но отчеканить хотя бы одну

гинею и пустить её в обращение — всё равно что выстрелить в воздух посреди церкви.

— Перед арестом Даппа сказал, что вы придумали, как нам обратить золото в деньги, но подробностей не сообщил. Я надеялся услышать их по пути в Бостон, однако мы вынуждены были срочно отплыть без Даппы.

— Если совсем коротко, у нас есть покупатель в Московии, готовый приобрести золото после того, как мы проведём над ним некоторые манипуляции.

— Вы что-то из него изготовите?

— Да, и тогда покупатель приобретёт у нас это нечто, а расплатится обычными деньгами. Во всяком случае, таков был план на тот день, когда Даппу задержали, а вы отплыли в Бостон.

— Вы хотите сказать, что план изменился? — Ван Крюйк прочертил на крышке ящика глубокую борозду.

— Возможно, — отвечал Даниель. — Ваш первоначальный партнёр…

— Джек?

— Джек. Он вроде бы достиг соглашения с директором Монетного двора. Если так, опасность, о которой я говорил, миновала, и золото… — Даниель кивнул в сторону «Минервы», — не придётся

отправлять в Московию.

— Мне всё равно, купит его царь или директор, лишь бы скорее сбыть с рук эту докуку, — сказал ван Крюйк. — Только решайтесь быстрее.

Он посмотрел на реку. Даниель обернулся и, проследив его взгляд, увидел, что к верфи мистера Орни ползёт многовёсельное судно.

— Вот уж не ожидал увидеть такое на Темзе. Чей там флаг? — спросил Даниель, видя, что ван Крюйк раздвигает подзорную трубу.

— Двуглавый орёл. Боевая галера русского военного флота, — ответил ван Крюйк и, помедлив мгновение, рассмеялся над такой нелепостью.

— Она прибыла за кораблями, которые построил мистер Орни, — предположил Даниель. — Великий день для мистера Орни!

— А для доктора Уотерхауза?

— Всё хорошо. Этого я и ждал.

— Хотелось бы, чтобы ваш голос звучал более искренне.

— Это не отсутствие искренности, а просто задумчивость. За последние дни многое случилось. Всё стало гораздо сложнее.

— Провалиться мне! Ну и рослый же народ эти русские!

— О чём вы?

— Вон тот малый на юте! Если те, кто рядом с ним, обычного роста, то он — самый высокий человек, какого я видел. Как он возвышается над тем бедолагой, которому задаёт трёпку!

— У вас передо мной преимущество. Вы позволите?

Ван Крюйк с неохотой протянул подзорную трубу. Даниель примостил её на штабель досок и направил так, чтобы видеть приближающуюся галеру. Она была уже на расстоянии полёта стрелы от верфи мистера Орни; вёсла двигались всё медленнее и медленнее. Даниель оглядел ют, необычно высокий, как всегда на военных кораблях, и сразу увидел человека, о котором говорил ван Крюйк. Оценить его рост было трудновато, поскольку рядом стояли несколько карликов. Однако тут были и люди вроде бы обычных размеров: один, в адмиральской шляпе французского фасона, расхаживал вдоль фальшборта. Второй — лысый седобородый старик в маленькой чёрной шапочке — стоял на месте. У третьего видна была только лысина, поскольку высокий нагнул его вперёд и кулаком свободной руки утюжил ему затылок. Судя по широкой улыбке на лице исполина и весёлым физиономиям карликов, трёпка была вполне дружеской; впрочем, если судить

по тому, как истязуемый переминался на цыпочках и взмахивал руками, сам он придерживался иного мнения. Тут высокий его отпустил, потому что галера приближалась к верфи и проходила между двумя новёхонькими фрегатами, которые, очевидно, заинтересовали великана. Истязуемый юркнул в сторону, подобрал парик, распрямился (медленно и осторожно, потому что был стар), после чего водрузил парик на голову. Только после этого Даниель смог толком увидеть его лицо.

Даниель вздохнул.

— В чём дело? — спросил ван Крюйк.

— Ситуация внезапно очень осложнилась.

— Мне казалось, вы совсем недавно назвали её сложной.

— Да, так я считал — покуда не появился его императорское величество Пётр Великий в сопровождении барона фон Лейбница.

— Это царь?

— Насколько я могу догадываться.

— Что он здесь делает?

— Не знаю. Одет он как обычный дворянин, с чёрной лентой, следовательно, приехал инкогнито.

— Может быть, шведы выгнали его из России, и он бежал в Англию.

— Вряд ли. Побеждённые монархи не являются со свитой из карликов и натурфилософов.

— Так что его сюда привело?

— Надеюсь, каприз.

— Почему надеетесь?

— Потому что в противном случае его приезд, возможно, имеет какое-то отношение ко мне.

— ЖАЛЬ, ЧТО Я НЕ МОГ приехать на похороны Софии, — сказал барон Готфрид Вильгельм фон Лейбниц.

Он был на английской земле уже около часа. Лейбниц никогда не отличался красотой, но за годы, что они с Даниелем не виделись, у него появились глубокие складки на лице и тёмные мешки под глазами, которые (когда он надел парик и спрятал следы от царского кулака), по крайней мере, придавали ему солидно-величавый вид.

Пётр осматривал военные корабли в сопровождении большей части своей свиты и слегка растерянного, но в целом довольно боевитого мистера Орни.

— Друзья поняли, что вас задержали какие-то важные обстоятельства, — сказал Даниель. — Враги укрепились в своём дурном мнении, если вообще заметили, что вас нет.

Лейбниц кивнул.

— В мае меня вызвали в Санкт-Петербург, создавать Российскую Академию наук, — объяснил он.

— Забавно, что меня никогда не приглашают по таким поводам.

— Удовольствие более чем сомнительное. Санкт-Петербург — болото в прямом и переносном смысле. Пётр всё хочет делать сам. — Лейбниц указал на один из кораблей, который ещё стоял на стапелях, готовый к спуску; царь лез по вантам, как трёхсотфунтовая муха по исполинской паутине; его свита на палубе могла только ёжиться от страха или аплодировать. — Покуда он сражается со шведами (то есть почти всё время), работа стоит. Когда он приезжает и видит, что его прожекты заглохли, он приходит в ярость и требует всё сделать немедленно. А в итоге я никак не мог вырваться.

Лейбниц смолк и обернулся. Внимание его привлёк не внезапный звук, а внезапная тишина. Пётр Романов взобрался на бизань-марс и, приняв величавую позу, смотрел в подзорную трубу, как будто командовал баталией в Балтийском море. Кстати (как успел рассказать Даниелю Лейбниц), именно этим он и занимался всего несколько

дней назад, о чём красноречиво свидетельствовали пробоины от ядер в бортах галеры и следы крови на палубе.

Однако сейчас подзорная труба была направлена не на далёкие паруса шведского флота, а на двух престарелых натурфилософов, беседующих посреди верфи мистера Орни.

— Ох-хо, — сказал Лейбниц.

— ЕГО ЦАРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО распорядился вынести пластины, — сообщил Даниелю Кикин.

Он примчался из Лондона, как только узнал, что к Ротерхиту подходит русская галера, и, к своей чести, лишь на несколько секунд потерял сознание, войдя на верфь и увидев царя всея Руси, обсуждающего с мистером Орни особенности конструкции фрегата. Теперь господин Кикин выступал в роли толмача.

— Какие пластины? — спросил Даниель.

— Те самые, которые мы отправили ему в конце июня, — отвечал Кикин.

Из трюма галеры поднималась торжественная и в то же время пёстрая процессия. Сперва появился парик, затем голова и торс молодого человека из свитских, которого временно определили в носильщики: в руках он держал по шесту из цельного слоновьего бивня, украшенному

золотым навершием. Следом выплыл и груз: не портшез, а, как стало видно, ящик. Впрочем, сказать о нём «ящик» было всё равно что назвать Версаль охотничьим шалашом, ибо он состоял по большей части из янтаря, а где не из янтаря, там из золота или слоновой кости. Даниель предположил, что лучшие искусники христианского мира трудились над ним долгие годы; не потому, что мог издали разглядеть подробности, а потому что так у Петра делалось всё. За янтарным ящиком, держа задние концы бивней, выступил человек в причудливом, вероятно, казачьем платье. Замыкал процессию седобородый старик в ермолке, который раньше стоял на юте галеры рядом с Петром. Даниель понял, что это — еврей, главным образом из-за того, что старик шёл вслед за фантастическим ящиком на шестах, более всего походившим на Ковчег Завета, заново изобретённый русскими и воссозданный из северных материалов по французской моде. Ковчег пронесли сквозь притихшую свиту и поставили на обычный дощатый ящик.

Лейбниц прочистил горло и заговорил громко, чтобы слышали все:

— Карты для логической машины, которые вы любезно прислали нам несколько недель назад,

прибыли в Санкт-Петербургскую Академию наук десятого июля (по английскому календарю). Ваш покорный слуга и другой представитель его царского величества, — при этих словах Лейбниц чуть заметно глянул на старого еврея, — тщательно осмотрели их и сообщили его величеству, что они исправны.

Кикин пытался переводить всё сказанное на русский, но Пётр, видимо, более или менее знал, что говорит Лейбниц. Он шагнул к янтарному ящику, снял крышку и отбросил в сторону. Казак поймал её и с поклоном отступил на шаг. Пётр запустил руку в обитое бархатом нутро и вытащил несколько карт. Золото блеснуло под полуденным солнцем. Мистер Орни втянул голову в плечи и посмотрел на общественную дорогу, где уже выстроился ощутимый кордон портовых рабочих, жохов, поимщиков, карманников, громил и побродяжек, облепивших верфь, как мухи — край стакана с сидром.

Даниелю сразу бросилось в глаза, что карты изменились: их явно хранили бережно, однако у каждой недоставало кусочка. Кто-то отщипнул у всех пластин по уголку размером с ноготь.

Царь перехватил взгляд Даниеля.

— Я поручил господину Когану определить

пробу пластин, — объяснил он через Кикина и кивнул на старого еврея.

— Соломон Коган к вашим услугами, — начал тот по-английски, но дальше вынужден был перейти на латынь. — Поскольку ни у одной пластины не пробиты дырки в углах, я рассудил, что углы для работы логической машины несущественны. Поэтому я отделил у каждой по уголку, чтобы определить пробу согласно повелению кесаря.

Всё сказанное было на взгляд Даниеля вполне разумным, однако он не понял, при чём здесь кесарь, пока не вспомнил, что слово «царь» — просто русская форма древнего латинского титула.

— И что вы сообщили кесарю касательно чистоты золота?

— Истину, разумеется.

— Конечно. Однако разные люди считают истиной разное, и мне хотелось бы знать ваше мнение, сударь.

— Нет. Вся суть пробирного анализа в том, что он не зависит от вкусов, пристрастий и мнений. Он даёт то, что даёт.

— Вы прибегаете к тетраграмматону, но даже касательно его смысла идут споры. Что вы обнаружили?

— То же, что и вы, полагаю.

— Что золото — это золото?

Тут вмешался Пётр, и Кикин, выслушав, перевёл:

— Царь постановил, что раз для первой партии, к его удовольствию, было использовано чистейшее золото в мире, остальные пластины должно изготовить из того же материала. Что, чёрт возьми, это может значить?

Лейбниц закатил глаза:

— Некоторые вбили себе в голову, что существует высшая форма золота.

Он явно не дружески покосился на Соломона Когана.

Тем временем Пётр продолжал говорить. Кикин переводил:

— Отныне каждая пластина, отправленная в Санкт-Петербург, будет так же пробироваться и приниматься Соломоном Коганом.

— Ради вас и вашего друга, — сказал Соломон Даниелю, указывая глазами на Лейбница, — надеюсь, что у вас есть достаточный запас такого золота.

— Вполне достаточный. — Даниель кивнул на «Минерву» и сделал паузу, чтобы Кикин перевёл. К тому времени, как Даниель готов был

заговорить вновь, все уже проследили его взгляд и заметили, что матросы вытаскивают из трюма «Минервы» что-то тяжёлое и плоское, завёрнутое в холстину.

— Это Вроом? — спросил Пётр по-голландски. — До чего хорош!

— О да! — вступил в разговор ван Крюйк, стоявший с краю толпы. — «Минерва» последнее творение великого Вроома, и, если ваше царское величество желает…

— Желаю, — объявил Пётр, и они с ван Крюйком углубились в разговор на голландском морском жаргоне.

Даниелю пришлось долго прочищать горло и поднимать бровь, прежде чем ван Крюйк заметил его знаки и с явной неохотой вновь обратил внимание царя на престарелого англичанина.

— Месяцы назад, — объявил Даниель, — мы начали дело, завершившееся третьего дня прибытием Вроомова творения, которым так восторгается его царское величество. «Минерва» доставила золото, потребное для завершения логической машины, и в эту самую минуту его сгружают на берег.

Даниель не договорил, потому что Пётр уже стремительно шагал по грязи наперерез матросу,

тащившему плоский свёрток. Кикин бежал за царём, переводя на ходу. Остальные устремились следом. Даниель оказался в хвосте вместе с Соломоном Коганом.

— Занятно, — сказал Даниель, — что вы так живо интересуетесь этим делом.

— Занятно, — отвечал Соломон, — что вы использовали в своём устройстве такое золото и думали избежать внимания Мудрых.

Старик смотрел на Даниеля почти не мигающими глазами, такими светло-серыми, что они казались почти бесцветными, несмотря на тёмные крапинки и ободок вокруг радужки. Семитские черты лица наводили на мысль, что Соломон родился с чёрными глазами, как большинство его соплеменников, но со временем они выцвели и полиняли, как платье от солнца и многочисленных стирок. Даниель чувствовал, что растворяется в их взгляде, как сахар в струе горячей воды. Он не знал, что ответить, поэтому молча трусил по грязному месиву, пока они с Соломоном не догнали остальных. Все собрались вокруг свёртка, который Пётр вырвал из рук у босоногого матроса, бросил на бочку и развернул. Свёрток имел примерно полтора фута в ширину, четыре в длину и дюйм в толщину. Внутри

оказалась металлическая пластина, исцарапанная и помятая, но безусловно золотая. Соломон пробормотал что-то на древнееврейском. Царь не без любопытства разглядывал пластину. «Он говорит, на вид не отличается от обычного золота», — перевёл Кикин.

— А как же иначе! — воскликнул Лейбниц. — Ведь нет никакой разницы…

Договорить ему не дали. Мистер Орни, в обычной жизни менее кого бы то ни было склонный к внезапным выходкам, пробился к бочке, схватил болтающиеся края холстины и принялся укутывать золото, как будто вид его не менее возмутителен, чем нагое женское тело. Пётр, наблюдавший за лихорадочными усилиями нонконформиста с обычным своим жадным любопытством, задал Кикину вопрос. Кикин объяснил, указывая на зачарованных зрителей, смотревших с дороги, с окрестных деревьев и крыш. Пётр всё понял и снова поглядел на Орни, видя его в совершенно новом свете и осознавая причину такой нервозности. Затем царь оглянулся на казаков, охранявших периметр верфи, и отдал какое-то приказание.

— Не-е-т! — завопил Кикин, но казаки уже бежали к дороге, выхватывая сабли.

— Что он сказал?

— «Убить всех», — перевёл Кикин и принялся втолковывать царю что-то сложное, во что царь явно не желал вникать.

Так или иначе, половина слов утонула в шуме. Казаки вырвались на волю, охота началась, Ротерхит наполнился криками и воплями. Пётр недвусмысленно велел Кикину заткнуться. Тот огляделся с мольбой. Даниель на миг поймал взгляд царя и заговорил, обращаясь к пряжке царского пояса:

— Закон в этой стране так снисходителен к преступникам, и общественный порядок пребывает в таком упадке, что даже если бы ваше царское величество привезли целый полк казаков и велели перебить всех на милю вокруг, такая мера не смогла бы обеспечить безопасность верфи мистера Орни после захода солнца, коли уж о золоте стало известно толпе. Его следует перевезти в надёжное место, вызвать фургоны или…

Он кивнул на русскую галеру.

— Предложение доктора принято, — сказал Кикин после того, как перевёл слова Даниеля и получил ответ. — На галере есть ещё золото — плата мистеру Орни за корабли, буде они пройдут инспекцию, а также Двору технологических

искусств за следующую стадию работ. Всё следует доставить в различные надёжные места. Царь повелевает, чтобы особое золото с «Минервы» перенесли на галеру незамедлительно. Затем мы все вместе двинемся в Лондон.

Ван Крюйк передал услышанное своей команде. Орни тем временем сказал:

— Как ни желал бы я в душе, чтобы ротерхитские канавы заструились кровью бродяг, я почтительно прошу брата Петра вернуть косматых молодцов с саблями в границы моих владений.

— Быть по сему, — перевёл Кикин ответ царя, хотя Даниелю показалось, что тот несколько уязвлён. Но тут лицо Петра свела судорога — результат какого-то нервического сбоя, и разговор иссяк.

Биллинсгейтский док

тот же день, позже
Пётр, Соломон и др. в Лондоне

ПЁТР УВИДЕЛ ПЕРЕД ВЕСАМИ Биллинсгейтского дока вереницу угольных возов и решил, что удобнее везти золото на них, чем в хлипких пролётках и портшезах, которые сновали

по набережной, как тараканы. Итак, рыбная и угольная торговля встала на час, пока галера втискивалась в Биллинсгейтский док. Для всякого, кроме заезжего русского царя, затея кончилась бы плохо. Походи он хоть немного на англичанина, рыботорговки растерзали бы его в клочья. Даниель, в котором англичанин безошибочно угадывался с первого взгляда, был ни жив ни мёртв от страха. Однако царь решительно перемахнул с галеры на пристань и через тридцать секунд уже сидел на козлах пустого угольного воза, сжимая в руках вожжи. Кучер, заметив приближающегося великана, просто швырнул их ему в лицо, а сам спрыгнул на мостовую. Позже он кинул царю кнут. Даже рыботорговки вели себя на удивление покладисто: они побросали свои лотки и выстроились вдоль пристани, чтобы любоваться представлением. Как понял Даниель, спасло Петра не то, что он царь (об этом никто не знал), а зрелищность его появления. Торговок не смущали убытки — заработанное сегодня всё равно потратится завтра, зато о событии, которое они сегодня увидели, можно будет рассказывать до конца жизни. Более того, здесь был рынок, а не дворец, не парламент, не университет и не церковь. Всякая стезя притягивает людей опре-

делённого сорта. Рынок выбирают те, кто умеет быстро соображать и легко приноравливается к новому. У кучера было десять секунд на то, чтобы выбрать правильный образ действий. Однако он принял решение и, скорее всего, не прогадал: Даниель видел, по крайней мере, один кошель, переданный кучеру кем-то из свитских.

Они проехали по улицам Лондона на возу, предназначенном для угля, а сейчас скрипящем под тяжестью золота, казаков и натурфилософов. Груз немного полегчал на Треднидл-стрит, где золото, предназначенное для оплаты кораблей, положили в Английский банк на открытый мистером Кикиным счёт. Затем Даниелю пришлось сесть на козлы рядом с Петром, чтобы показывать дорогу к Клеркенуэлл-корту.

Кикина сослали в дальний конец воза, и тот углубился в беседу на русском языке с Соломоном Коганом и каким-то придворным, очевидно, имеющим вес в вопросах финансовых. Пётр и Даниель, оставшись без переводчика, перебрасывались обрывками фраз на разных языках, пока не остановились на французском. Царь говорил на нём сносно, но беседа на чужом языке требовала несвойственного ему терпения. Чувствуя это, Даниель ограничивался короткими репликами

вроде: «На следующем перекрёстке сверните вправо», «У нас не принято давить пешеходов» и так далее. Однако через некоторое время любопытство взяло верх. Была и вторая причина: они проезжали мимо Бедлама, и Даниель боялся, что Пётр Великий выразит желание пойти посмотреть безумцев.

— Кстати, — проговорил Даниель, — этот ваш Соломон Коган — занятный тип. Где вы его отыскали?

— При взятии Азова, — отвечал Пётр. — Он зачем-то приехал туда и гостил у паши, когда мы осадили город. А что?

— Э… точно не знаю. Считайте это любопытством обывателя, которому интересно, как император создаёт своё окружение.

— Здесь секрета нет. Найти лучших людей и не отпускать их.

— А как вы узнали, что господин Коган — из лучших?

— Рекомендацией послужило количество золота, которое при нём обнаружили, — сказал Пётр.

Они выбрались из Лондона через Криплгейт, то есть проехали в квартале от Граб-стрит. Тем не менее их не заметили, что подтвердило давние сомнения Даниеля касательно газетчиков: ему

и прежде казалось, что они интересуются одним и не интересуются другим весьма произвольно. Впрочем, продвигаясь на запад, он начал понимать, как исполинского роста царь мог проехать по городу с полным возом золота и донских казаков, не обратив на себя особого внимания. Они подъезжали к Смитфилду со всеми его сопутствующими скотобойнями, мясными рынками и дебоширами. Многие костры, разведённые в среду вечером, сегодня, в субботу, ещё горели; наиболее упорные тори продолжали сшибаться с вигами весь четверг, когда Равенскар уже закреплял свою победу на высших фронтах Вестминстера и Уайтхолла. Политические волнения нечувствительно перешли в обычные беспорядки Висельного дня, так что теперь весь Смитфилд и районы к западу от него являли собой дымящееся место побоища. Пётр упомянул взятие Азова; Даниелю подумалось, что Лондон, возможно, выглядит так же. Лавочники и хозяева домов уже вешали обратно сорванные двери, выметали из дворов человеческие экскременты и тому подобное, но молодых бездельников на улицах ещё было хоть отбавляй. Даниель мысленно сортировал их по категориям: ополченцы, фанатики, бродяги, зеваки, приходившие смотреть повеше-

ние. Ни один человек делового склада, видя такое, не поверил бы, что в Англии возможна какая-нибудь экономически полезная деятельность. Тем не менее Пётр знал, что Англия процветает: как удавалось ему примирить абстрактное знание с тем, что видели его собственные глаза?

— Это место раньше лежало за чертой города, — объяснил Даниель, — и воинственные молодые люди приходили сюда биться на мечах. А поскольку в схватках они порой отрезали друг другу уши, а то и головы, молодых людей такого склада стали в просторечии называть…

— Ухорезами? Да, я слышал, — сказал Пётр. — Куда дальше?

— От развилки влево, ваше царское величество, — отвечал Даниель, — а там уже прямо до самого Клеркенуэлла.

Пётр и его спутники в Клеркенуэлле

Что касается сверхъестественного чувства, заключающегося в откровении и вдохновении, то универсальные законы не были даны этим путём, ибо в такой форме Бог говорит лишь отдельным людям, причём разным людям разное.

Гоббс. Левиафан [24]

---

[24] Примечания: 24

Здесь и далее перев. А. Гутермана.

ПРИЕХАВ В КЛЕРКЕНУЭЛЛ-КОРТ, Даниель обнаружил, что Роджер Комсток или кто-то, объявивший, будто действует от его имени, разместил во Дворе технологических искусств два эскадрона вигской кавалерии: один состоял из могавков, другой — из людей с обычными причёсками. Даниелю было всё равно: он уже утратил способность чувствовать досаду или чему-либо удивляться. Так оказалось даже лучше. Гробница тамплиеров с её окованными железом дверями выглядела вполне внушительно. Присутствие кавалеристов делало её в глазах Петра ещё более надёжным хранилищем для золота.

Даниель всю дорогу готовился к тому, что день или два будет мучительно объяснять все чудеса и диковины Двора технологических искусств — именно до такого рода курьёзов Пётр Великий был особенно падок. Однако инженеры, освобождая место для кавалерии, по большей части либо заперли оборудование, либо забрали с собой. Смотреть оказалось особо не на что. Пётр спустился в гробницу, но потолок был слишком для него низок, а сам царь явно скучал, как любой монарх на любой церемониальной инспекции; Даниелю осталось предположить, что потайные склепы древних военно-религиозных сект встречаются

в России на каждом шагу и не рассматриваются как нечто примечательное. Соломон Коган выказал больше интереса, чем его начальник. Так что покуда барон фон Лейбниц и Сатурн (на удивление быстро оправившийся после того, как вооружённый казак поднял его с постели остриём сабли) показывали царю различные механизмы, относящиеся к логической машине, Даниель и Соломон сидели возле саркофагов, наблюдая за тем, как золото с «Минервы» складывают в гробницу тамплиеров. Каждую пластину надо было взвесить и записать в амбарную книгу, а потом свести и сверить результаты; не слишком сложная задача для двух таких людей. В промежутках Соломон Коган развлекал Даниеля лёгкой светской беседой:

— Занятное место.

— Я рад, что вам интересно.

— Оно напомнило мне то, чем я некогда занимался в Иерусалиме.

— Кстати, тамплиеры полностью именовались «рыцари Храма Соломонова». Так что, если вы тот Соломон…

— Не надо играть словами. Я не о могиле давно позабытых рыцарей, а о том, что над ней.

— Двор технологических искусств?

— Если вы так его называете.

— А как бы назвали его вы?

— Храмом.

— Н-да? И какой же религии?

— Религии, которая исходит из предпосылки, что мы можем приблизиться к Богу через лучшее понимание созданного Им мира.

— Вы хотите сказать, потому что для нас это единственное указание на то, как Он мыслит.

— Для большинства из нас, да, — отвечал Соломон.

— Вот как? Есть меньшинство, для которого существуют иные способы познать Бога?

— Вообще-то есть, — сказал Соломон, — но говорить так опасно, поскольку почти все, причисляющие себя к упомянутому меньшинству, — шарлатаны.

— Что ж, очень лестно, что вы сочли возможным раскрыть эту тайну мне. Следует ли сделать вывод, что вы верите в мою способность отличить шарлатана от…

— Мудреца? Да.

— Значит ли это, что я — мудрец?

— Нет, вы — учёный. Член *Societas Eruditorum*.

— Лейбниц говорил об этом обществе, но я не знал, что к нему принадлежу.

— Оно не такое, как у них. — Соломон постучал костяшками пальцев по саркофагу храмовника. — В нём нет ни устава, ни посвящений.

— Вы к нему принадлежите?

— Нет.

— Вы мудрец?

— Да.

— То есть у вас есть способы познания, недоступные для нас, учёных. Мы должны пробавляться тем, что даёт нам наша религия.

— Вы напрасно говорите о ней так пренебрежительно. Лучше знать, как вы пришли к знанию, чем получать его извне.

— Енох Роот — мудрец?

— Да.

— Лейбниц?

— Учёный.

— Ньютон?

— Трудно сказать.

— Такое впечатление, что Ньютон просто знает. В голове у него рождается законченное знание, никому не понять, как. И черта с два кто-нибудь сделает то, что делает он.

— Да.

— Это чёрно-белое различие, мудрецы и учёные, или есть оттенки серого? Когда меня осеняет

удачная мысль, я — мудрец?

— Вы приобщаетесь к мудрости, или магии, или как вы это называете по-английски.

— Сколько сейчас магов? Вы и Енох — два. Возможно, Исаак.

— Представления не имею.

Тут Соломона отвлёк какой-то звук на лестнице. Они с Даниелем посмотрели в ту сторону, ожидая увидеть казака с золотом, но это оказался Сатурн. Он тихо шагнул к ним. Даниель не знал, сколько Сатурн пробыл в крипте и что из их разговора слышал.

— Вы закончили подсчёты? — робко спросил тот.

— Они были несложные, — отвечал Даниель. — Почему вы спрашиваете? Мы нужны?

— Господин Романов спешит.

— Вот как? Куда это он вдруг надумал?

— Мы услышали, что в Хокли собирается народ, — объяснил Питер Хокстон. — Царь спросил, что там. Я имел неосторожность ответить, что, скорее всего, будут травить собаками привязанного быка. Царь изъявил горячее желание увидеть потеху.

— И кто мы такие, чтобы его задерживать?

Хокли-в-яме, таверна

позже

Столкновения в таверне

— ДВА СВЕТОЧА НАУКИ И ЕВРЕЙ заходят в бар… — начал Сатурн.

— Простите?

— Не важно.

— Большинство назвало бы меня просто натурфилософом, а не светочем науки, — поправил его Даниель и кивком указал через стол на Лейбница. — Вот он — светоч.

— Да, — согласился Сатурн, — и *он* тоже.

И кивнул на дверь в таверну.

Даниель поднял голову и увидел, что к ним входит сэр Исаак Ньютон.

Когда закончилась бычья травля (бык проиграл), Пётр выразил желание угостить всех выпивкой и попросил Сатурна порекомендовать таверну. Туда все и прошествовали.

Даниель как-то давно заметил, что таверны делятся на две категории: одни внутри оказываются гораздо меньше, чем выглядели снаружи, другие — гораздо больше. Таверна, в которую они вошли, относилась ко второй категории, что бы-

ло хорошо по нескольким причинам. Во-первых, даже без казаков, карликов и прочего сопровождения свита Петра насчитывала двенадцать человек. Во-вторых, двое — сам Пётр и Сатурн — были огромного роста. В-третьих, за то время, пока Исаак шёл от двери к столу, Даниель успел хоть немного очухаться.

Они с Сатурном сидели рядом, лицом к окну и входной двери, Лейбниц и царь — напротив.

— С чего он вдруг сюда заявился? — спросил Даниель.

— Пока мы были в Клеркенуэлл-корте, царь за ним послал, — объяснил Сатурн. — В свой прошлый приезд, несколько лет назад, он был у сэра Исаака на Монетном дворе и остался очень доволен. Сегодня, увидев наши станки для обработки золота, он вспомнил про тот визит и захотел возобновить знакомство с занятным малым, который показывал ему Монетный двор.

Пётр встал и повернулся к двери, так что всем остальным тоже пришлось встать. Самый миг встречи между сэром Исааком Ньютоном и бароном фон Лейбницем прошёл для Даниеля незамеченно: от расстройства кровь на какое-то время перестала поступать ему в мозг. Он не упал, и глаза его оставались открытыми, но в голове

на полминуты наступило полное умственное затмение.

Когда он пришёл в себя, Сатурн легонько тянул его за рукав. Даниель огляделся и увидел, что стоит он один. Царь пересел на их сторону, чтобы освободить место для Исаака. Даниель втиснулся худым задом между двумя тёзками: Питером Хокстоном и Петром Великим, самыми крупными людьми в помещении. Лейбниц и Ньютон сидели бок о бок — б*о*льшую неловкость трудно было измыслить. Против света Даниель видел только силуэты их париков, но не различал лиц, что, вероятно, следовало считать подарком судьбы.

Пётр Великий через Кикина обратился к Ньютону:

— Я сегодня о вас думал.

— Весьма польщён, ваше царское величество. Позвольте спросить, в какой связи?

Силуэт Ньютоновой головы слегка наклонился к Лейбницу. Исаак предполагал, что встреча как-то связана с анализом бесконечно малых; вообразите же его изумление при ответе Петра:

— Золото! Я прекрасно помню день, когда вы провели меня по Монетному двору и объяснили, как золото со всех концов мира течёт в Тауэр, чтобы стать гинеями. Сегодня я принял в этом

участие: доставил *обычное* золото из России в ваш банк, а *тяжёлое* золото с «Минервы» — в казнохранилище доктора Уотерхауза неподалёку отсюда.

Долго молчал Ньютон. Даниель чувствовал (хотя и не мог видеть), как Исаак на него смотрит. Лицо горело, словно от жара Исаакова гнева, и Даниель гадал, способны ли ещё его старческие щёки зарумяниться от стыда.

Ну и наплевать! Ему глубоко безразлично Соломоново золото. Ради Лейбница, чьё имя Ньютон ежедневно смешивал с грязью, и ради того, чтобы продолжить работу над логической машиной, Даниель выступил посредником в сделке по обмену «Соломонова» золота на обычное — сделке, которая негаданно всё-таки осуществилась несколько часов назад. «Минерва» наконец избавлена от своего проклятого груза. Джек Шафто, видимо, избежит наказания за чеканку фальшивых монет. Золото в гробнице тамплиеров, формально под надзором Роджера, фактически в полном распоряжении Даниеля. Он шёл к этому много месяцев и сейчас с полным правом мог бы обмывать успех. Единственная загвоздка — Ньютоново отношение к алхимии, но Даниель с годами научился спокойнее воспринимать

странности и опасные причуды своих друзей, а то и просто закрывать на них глаза, поэтому не очень задумывался об этой стороне дела.

Все карты спутало появление господина Когана. Скорее всего, он безумец, хотя нет сомнений, что он знает про Соломоново золото и твёрдо намерен перевезти его всё, до последней унции, к себе в Санкт-Петербург. Чушь алхимия или не чушь, некоторые в неё верят; среди них попадаются люди влиятельные и даже опасные. Верить в то, что тяжёлое золото пропитано божественной квинтэссенцией, Даниелю, возможно, и не следовало, однако если бы он действовал осмотрительней, некоторых осложнений не возникло бы.

— Это весьма знаменательно, ваше царское величество, — сказал Исаак, — и проясняет многое, до сей поры остававшееся для меня загадкой.

Дверь таверны распахнулась. На пороге стоял человек огромного роста.

Всё потемнело. Даниель, в его лета и в его теперешнем волнении, решил, что причина — острое нарушение мозгового кровообращения, которое через несколько минут или часов завершится отёком мозга и смертью.

Однако, как выяснилось, дело было не в нём. Сатурн стремительно вскочил на ноги и, схва-

тив стол за край, рывком оторвал от пола. Стол — двенадцать футов в длину, сто фунтов толстых еловых досок — образовал щит между сидящими по дальнюю сторону и входной дверью. Но только на мгновение — затем, как мог бы предсказать Ньютон, тяготение возобладало, и стол рухнул ребром вниз. Сколько пальцев на ногах было сломано, оценить трудно, поскольку стол упал между двумя рядами сидящих друг против друга людей. Даниель, опустив взгляд, увидел дрожащее восьмифутовое древко, засевшее в столешнице. Оно вонзилось с такой силой, что острый стальной наконечник (ибо это было что-то вроде копья или гарпуна) пробил доску насквозь и вышел с другой стороны, образовав вигвам из щепок, сквозь который просвечивал блестящий металл. Вскочив (потому что все вскакивали), Даниель перегнулся через столешницу и был потрясён ужасным зрелищем пригвождённой к столу человеческой головы. В следующий миг он узнал парик Лейбница. Гарпун (теперь уже не оставалось сомнений, что это гарпун) пролетел между двумя умнейшими головами мира, ближе к Лейбницевой, и, зацепив край огромного старомодного парика, увлёк его за собой. Он вонзился бы прямо в грудь царю, если бы Сатурн

не догадался опрокинуть стол.

Вновь наступило неловкое молчание. Гарпунщик стоял в дверях, опустив плечи. Борода у него была почти такая же длинная, как у Соломона Когана. Одной руки недоставало; её заменял тяжёлый с виду протез.

— Это он! — вскричал господин Кикин. — Евгений-раскольник! Где мой телохранитель, когда он наконец понадобился?!

— Он вам не нужен, сударь, — отвечал Сатурн, перегибаясь через стол и берясь за гарпун, — ибо, как старожил Хокли-в-яме, я лично оскорблён тем, что в наших краях так неуважительно обошлись с гостем. — Он выдернул древко из стального наконечника, которому предстояло ещё долго оставаться в столешнице. — Теперь я считаю своим долгом насадить на эту палку голову Евгения-раскольника.

Сатурн шагнул к двери, и Евгений попятился, чтобы было где развернуться для драки, но тут на древко легла вторая ручища, ещё больше, чем у Сатурна. Царь, вырвав у Питера Хокстона палку, бросился на раскольника.

— Его царское величество ценит ваше похвальное рвение, — торопливо объяснял Кикин, — но это сугубо внутрироссийский конфликт, рас-

толковывать слишком долго, и он должен быть разрешён без постороннего вмешательства. Просим всех сесть и продолжить беседу.

Кикин выбежал на улицу вдогонку за царём, и дальнейшее скрыла толпа, мигом возникавшая в этих краях везде, где сходились быки с собаками или цари с раскольниками. Только благодаря огромному росту противников иногда удавалось различить взмах древка, мелькание цепа или брызги крови на фоне неба. За ходом сражения можно было следить лишь по зрителям, двигавшимся в странном согласии с бойцами. Как игрок в кегли выгибается всем телом, провожая глазами шар, словно может изменить его траекторию, так и зрители подавались вперёд, видя возможность нанести удар, сжимались и вскрикивали, когда он достигал цели.

Сатурн, после того как царь разоружил его и сам бросился в драку, совершенно сник. Минуту-другую он не мог прийти в себя, потом, зачарованный общим чувством толпы, расправил плечи и двинулся к выходу, говоря:

— Очень славно было принимать тут царя инкогнито, но я мог бы догадаться, что о нём станет известно и чего-нибудь такое произойдёт.

За опрокинутым столом остались только Да-

ниель, Исаак, Лейбниц и (в углу, в сторонке от остальных) Соломон Коган.

— Не услышь я об этом от самого царя, — сказал Исаак Даниелю, — я бы не поверил: после всего, что между нами произошло…

— Всё, что произошло между мной и вами, меркнет по сравнению с интригами и происками вокруг проклятого золота. Мне самому плевать, куда оно попадёт. Несколько часов назад, когда мне думалось, что оно никому, кроме вас, не нужно и неизвестно, я бы охотно отдал его вам.

— И что же так сильно изменилось за последние несколько часов? — спросил потрясённый Исаак.

— Теперь на сене не просто собака, а лев. — Даниель кивнул на входную дверь, за которой по-прежнему шла драка. — Причём лев, значительно превосходящий умом не только других львов, но и большинство людей. Он затребовал Соломоново золото себе. Мне очень жаль.

Даниель задумался, надо ли представлять Соломона, и если да, то как, однако Исаак уже встал и направился к выходу. В дверях он разминулся с входящим человеком — не самым знатным из всех, кто когда-либо переступал этот порог (такая честь принадлежала Петру или, кто знает, Соло-

мону), но, безусловно, лучше всех одетым; всякий за тысячу ярдов узнал бы в нём придворного. Даниель из-за стола замахал рукой, чтобы привлечь внимание новоприбывшего. Тот подошёл со слегка ошалелым видом.

— Это был?..

— Исаак Ньютон? Да. Даниель Уотерхауз к вашим услугам.

— Нижайше прошу прощения, что нарушил вашу беседу, — сказал придворный, — говорят, будто в Лондон прибыло инкогнито весьма значительное лицо.

— Так и есть.

— Утверждают, что из Московии.

— Верно утверждают.

— Хозяйка дома тяжело больна. Я прибыл, чтобы от её имени приветствовать упомянутое лицо и совершить требуемые формальности.

Даниель кивнул на окно, за которым происходила драка.

— Как говорят у нас в Бостоне, занимайте очередь.

— Найдите человека в собольей шапке, — сказал Лейбниц по-французски. — Это гофмейстер, вы сможете обо всём договориться с ним.

Придворный поклонился и вышел.

— Думаю, нет надобности пояснять, — начал Лейбниц, — что мой приезд сюда вызван чрезвычайными обстоятельствами, а не сознательными усилиями с моей стороны. Но раз уж я здесь, я хотел бы задержаться ненадолго и уладить дела с Ньютоном.

— Вынужден вас огорчить: вы избрали самое неудачное время, — отвечал Даниель. — История с золотом осложнила всё куда сильнее, нежели вы думаете.

Он боялся, что сейчас начнётся разговор об алхимии, но Лейбниц кивнул и сказал:

— Я знал одного человека в Лейпциге, который тоже очень живо интересовался этим золотом.

— Тяжёлое золото приобрело здесь огромное политическое значение. От него зависит, выдержит ли Ньютон испытание ковчега или нет.

Даниелю пришлось довольно долго объяснять про Джека-Монетчика, Болингброка и клуб.

В целом Лейбниц счёл услышанное хорошей новостью.

— Мне сдаётся, что все трудности разрешимы. Если сделка, которую вы заключили с Джеком-Монетчиком, состоится, Ньютон получит всё потребное для испытания ковчега; если нет, неужто так трудно изловить шайку монетчиков,

коль скоро за поимку возьмутся Ньютон, Уотерхауз и Лейбниц, тем более что два архипреступника — Эдуард де Жекс и Евгений-раскольник — убиты в потасовках?

Ибо было очевидно, что драка за окнами окончена, и, если бы царь проиграл, они бы наверняка уже об этом услышали.

— Мне трудно поверить, Готфрид, что вам, в ваши лета и с вашим положением, хочется рыскать по лондонским трущобам, преследуя шайку негодяев.

— Ладно, сознаюсь, что это только предлог.

— А какова истинная причина?

— Я бы в последний раз попытался примириться с Ньютоном и разрешить спор о приоритете достойным образом.

— Куда более здравый и благородный мотив, — сказал Даниель. — Теперь позвольте объяснить, почему ничего не выйдет и почему вам лучше просто отправиться домой.

И он, почти вопреки собственной воле, рассказал, что Ньютон хочет получить Соломоново золото не только из практической надобности выдержать испытание ковчега, но главным образом из стремления обрести философский камень и философскую ртуть.

Безуспешно. Лейбниц только укрепился в своём желании не уезжать из Лондона.

— Если верно то, что вы говорите, значит, корень проблемы в философском заблуждении Ньютона. И мне незачем объяснять, что то же заблуждение лежит в основе других наших споров.

— Напротив, Готфрид, я думаю, что спор о приоритете — из разряда «кто, что, когда и кому сказал».

— Даниель, ведь правда, что Ньютон десятилетиями скрывал свои труды по анализу бесконечно малых?

Даниель нехотя кивнул. Он прекрасно помнил, что если в разговоре с Лейбницем принимаешь хоть одну логическую посылку, то через несколько мгновений на твоей ноге захлопывается сократический медвежий капкан.

— Кто основал *«Acta Eruditorum»,* Даниель?

— Вы и ваш знакомец. Послушайте, я призна***ю***, что Ньютон склонен держать свои труды в тайне, а вы стремитесь свои публиковать.

— А кто скрывает свои труды, ограничивая их распространение узким кругом посвящённых?

— Эзотерическое братство.

— Иначе называемое?

— Алхимиками, — буркнул Даниель.

— То есть спор о приоритете не возник бы, не будь сэр Исаак Ньютон заражён алхимическим образом мыслей.

— Согласен, — вздохнул Даниель.

— Следовательно, это философский диспут. Даниель, я стар. Я не был в Лондоне с тысяча шестьсот семьдесят седьмого года. Какова вероятность, что я окажусь тут снова? А Ньютон, никогда не покидавший пределы Англии, ко мне не приедет. У меня не будет другого случая с ним встретиться. Я останусь в Лондоне инкогнито — никому нет надобности знать, что я здесь, — и отыщу способ вовлечь Ньютона в философскую дискуссию. Я покажу ему выход из лабиринта, в котором он блуждает столько лет. Это лабиринт без крыши, из него ясно видны звёзды и Луна, которые Ньютон понимает лучше кого-либо на земле; но стоит ему опустить глаза к тому, что ближе, он теряется в тёмных змеящихся закоулках.

Даниель сдался.

— Коли так, считайте себя членом нашего клуба, — сказал он. — Я проголосую за вас. Кикин и Орни не посмеют отказать в приёме учёному, чьей головы недавно касался кулак Петра Великого. Ньютон голосовал бы против, но он

некоторое время назад заключил сепаратный мир с человеком, которого ловит клуб, так что вряд ли будет посещать заседания.

Вслед за золотом

ЕВГЕНИЙ-РАСКОЛЬНИК ЛЕЖАЛ в ротерхитской пыли, как срубленное под корень дерево. Судя по всему, он дорого продал свою жизнь. Лицо его, обрамлённое сивыми волосами и бородой, было обращено к небу. Даниель предположил, что ему под шестьдесят. Будь он одних лет с царём (Пётр недавно шагнул в пятый десяток) и не однорукий, бой мог бы закончиться иначе, а так Даниелю оставалось трактовать поступок Евгения как эффектную форму самоубийства. Возможно, Евгений узнал, что золото покинуло «Минерву», и почему-то вбил себе в голову, что его срок на земле окончен.

— Странный был тип. Много лет верно служил Джеку, в последние годы действовал самостоятельно и пытался сжечь царские корабли в Ротерхите, хотя и помогал Джеку в нападении на Тауэр и захвате ковчега, — объяснил Лейбницу Даниель. — Великий был преступник, но всё равно горько видеть, что человек лежит вот так, брошенный.

Впрочем, тут он заметил приближающегося

Сатурна с несколькими молодцами и пустой телегой.

Даниель, Лейбниц и Соломон Коган нагнали Петра и его свиту в Клеркенуэлл-корте, как раз когда те собирались обратно в Ротерхит. Даниель отправил с ними записку мистеру Орни, что поджигатель кораблей убит. Лейбниц поехал с царём. Соломон пообещал прибыть на верфь позже. В ближайшие несколько дней предполагалось закончить осмотр и набрать команду; дальше кораблям предстояло идти прямиком на войну со шведами в Балтийское море.

Царь и его свита уехали. Даниель, сам не зная почему, испытывал невероятный прилив энергии — такого с ним не было уже несколько недель. Может быть, это и делает царя царём: способность подтолкнуть окружающих, заставить их работать с полным напряжением сил. А может, вид мёртвого Евгения напомнил Даниелю (если тот ещё нуждался в напоминаниях), что дни его на земле не вечны. Или ему просто хотелось поскорее избавиться от Соломонова золота. Видимо, остальные работники Двора технологических искусств почувствовали что-то похожее; почти неделю они не казали туда носа из-за противостояния вигов и тори, а также безобразий, связанных

с Висельным днём, а сегодня приходили один за другим, открывали заколоченные мастерские и сдёргивали с механизмов чехлы от пыли. Вернулся Сатурн, отвезя тело Евгения в русскую церковь (где уж там он сумел её отыскать), и к заходу солнца работа уже кипела вовсю. Они прокатали, разрезали и взвесили больше золота, чем когда-либо за один день. Потом Даниель рекрутировал полдюжины ничем не занятых, но относительно трезвых могавков в качестве вооружённого сопровождения, и пластины повезли по берегу Флит в Брайдуэлл.

Когда в четверг прибыла «Минерва», с неё первым делом сгрузили бумажные карты, на которые Даниель в Институте технологических искусств Колонии Массачусетского залива более десяти лет наносил таблицы для логической машины. Их ещё раньше отправили в Брайдуэлл, где теперь имелось целых шесть картонабивочных орг*а*нов.

— Ничего, ничего, — говорила разбуженная Ханна Спейтс, — наши девушки так и так привыкли работать по ночам.

И вот мастерская осветилась и ожила; Ханна и пять других девушек проворными пальчиками нажимали клавиши, а несколько пар рослых

потаскух сменяли друг друга на мехах, поддерживая силы пивом из бочонка, за которым Сатурн сходил в пивоварню на другую сторону Флитской канавы. Некоторые карты набили ещё до того, как прибыл живительный напиток, и много — после; впрочем, Даниель настоял, чтобы шесть набивщиц не пили. Всю партию пластин закончили к трём утра, и банкир Уильям Хам, вырванный из постели боевым отрядом могавков, взвесил карты и выбитые из них кружочки к вящему удовлетворению Соломона Когана. Еврей наблюдал за всем с пристальным любопытством, временами выказывая недовольство теми сторонами процесса, которые, на его взгляд, оставляли лазейку для воровства или мошенничества.

Теперь Даниель вручил ему мешочек из тончайшей лайковой кожи, размером не более грецкого ореха, но тяжёлый, как шарик ртути.

— Это крохотные диски, выбитые из карт орг***а***нами, — объяснил Даниель.

Сатурн кивнул; он уже видел, как крупинки золота вынимают из машин и как Уильям Хам их взвешивает.

— Обычно мы отвозим их обратно и переливаем на материал для новых карт, — продолжил Даниель. — Сегодня я сделаю исключение и от-

дам их вам в память о вашем визите в Лондон и в знак моего уважения.

Соломон зажал мешочек ладонями и отвесил благодарственный поклон.

— Теперь, — сказал Даниель, — если вы готовы ещё некоторое время обойтись без сна, вы можете увидеть, как мы обеспечиваем сохранность карт до отправки в Санкт-Петербург.

Соломон ответил согласием. Сундучок с готовыми картами погрузили на телегу и покатили по улицам Лондона, совершенно пустым, если не считать золотарей. Ехали по Ладгейт, мимо собора Святого Павла; Даниель рассказал, как в разгар Чумы проходил мимо старого собора, впоследствии уничтоженного Пожаром, и как обречённую церковь окружали валы недозахороненных тел. За кладбищем начался Чипсайд; дальше к востоку улица разделилась на три: Ломбард, Корнхилл и Треднидл, в начале которой и стояло здание Английского банка.

После короткого разговора с Уильямом Хамом ночной сторож пустил их внутрь и даже предложил Сатурну понести его ношу — сундучок с невероятно внушительными замками. Сатурн вежливо отказался. Уильям Хам отправил сторожа спать дальше. Все взяли по фонарю.

Господа Коган, Уотерхауз, Хокстон и Хам, идя в собственном озерце света, быстро оставили позади часть здания, похожую на банк (отделанные помещения с мебелью и окнами), и спустились в подвалы.

Никакими усилиями мысли нельзя было себя убедить, что это обычный цокольный этаж. Земля под банком представляла собой пену из катакомб, частью новых, частью древних, но больше древних. Почти каждое помещение соединялось по меньшей мере с одним соседним, что позволяло двигаться сквозь пену без помощи лопат и пороха, если помнить общий план — самая задача для банкира. Мистер Хам постоянно менял направление, лишь изредка (что несколько успокаивало его спутников) замирал в нерешительности и всего один раз вынужден был повернуть назад. Всякий, хоть немного смыслящий в строительстве, с первого взгляда понял бы, что на протяжении веков тут возводили не одно здание, и не один архитектор просиживал ночи без сна, тревожась, выдержит ли пена их вес. Материальным следствием этих тревог стали различные своды, арки, балки, сваи, опоры и стены бутовой кладки, выраставшие в свете фонарей и заставлявшие мистера Хама круто

поворачивать вбок, а то и в противоположную сторону. Укреплённые туннели и сводчатые коридоры, которыми вёл своих спутников Уильям, свидетельствовали, что другие архитекторы сочли древние фундаменты достаточно прочными, чтобы не упасть, если их тщательным образом не заминируют.

— Вот такие-то подземные ходы и снятся в страшным снах людям, положившим свои деньги в банк, — задумчиво произнёс Сатурн, когда они с Даниелем на несколько поворотов отстали от мистера Хама и господина Когана. Тем не менее, когда отряд вновь воссоединился, стало видно, что лицо у мистера Хама немного обиженное. Он показывал готическую арку, закрытую новой железной решёткой. Пирамидальные лучи света от фонарей, бьющие между прутьями, косо ложились на ящики, в щели которых проблескивало золото и серебро.

— Как видите, исходная сложность подвалов уступает место продуманному плану переустройства, — сказал мистер Хам. — Некоторые найденные помещения мы полностью засыпали, другие укрепили.

Дальше мистер Хам сделал большой крюк, чтобы зримыми или изустными примерами

подтвердить это и прочие утверждения. Даниель уже давно потерял счёт поворотам; выйти отсюда самостоятельно для него было так же невозможно, как на пальцах подвести баланс Английского банка. Однако он чувствовал, что в целом они спускаются. Стало сырее и прохладнее, архитектура изменилась. Дерева было меньше; подгнившие деревянные конструкции заменила свежая каменная кладка. Прошли через готический слой в романский, возможно даже римский; трудно было говорить о временных рубежах, поскольку ничто не менялось тут добрых полтысячи лет после ухода римлян. Сырость ощущалась повсюду, хотя собственно стоячей воды было мало. Очевидно, строители нашли способ отвести грунтовые воды — вероятно, в Уолбрук, местную речку, знаменитую тем, что на каком-то историческом этапе после падения Рима она исчезла с лица земли.

Наконец впереди показалась окованная дверь; Уильям Хам отпер её ключом, таким большим, что им при необходимости можно было бы отбиваться от грабителей. Для подземного казнохранилища помещение выглядело слишком просторным, для приходской церкви — тесноватым. Как в церкви, имелся центральный проход,

служивший одновременно сточной канавой. Ручеёк грунтовой воды в два пальца толщиной змеился по трещинам между каменными плитами. По обе стороны от центрального прохода возвышались платформы, тоже вымощенные камнем; на них громоздились ящики, сундуки и мешки с деньгами. Уильям Хам провёл спутников в дальний конец, где платформы заканчивались и начиналось большое открытое пространство, а ручеёк утекал через дырку в полу. По указанию банкира Сатурн поставил сундучок на край платформы, где как раз было свободное место. Соломон этого не видел, потому что осматривал помещение.

Он сдвинул мешок с деньгами, освобождая место на платформе, плюнул туда и растёр слюну большим пальцем. Под патиной въевшейся пыли в свете Даниелева фонаря проступило несколько кусочков цветного камня. Мозаика.

— Римская? — догадался Даниель.

Соломон кивнул.

— Надеюсь, я убедительно доказал, что здесь золото будет в полной сохранности, — обратился Уильям Хам к Соломону, когда тот подошёл к остальным. Однако Соломон смотрел в пол.

— Пожалуйста, дайте мне ваш ключ, — сказал

он, протягивая руку.

Уильяму Хаму просьба не понравилась, но он не видел причин в ней отказывать, поэтому вложил ключ в ладонь Соломона.

Еврей сел на корточки, ощупал пол кончиками пальцев и вставил головку ключа (похожую на богато украшенный мастерок) в дренажное отверстие. Он пошерудил в дыре, и в полу внезапно открылась полукруглая щель. Сатурн шагнул вперёд.

— Осторожно! Там колодец, — предупредил Соломон.

— Откуда вы знаете?

— Это храм Митры, выстроенный римскими воинами, — объяснил Соломон, — а в них всегда был колодец.

Сатурн запустил руку в щель и потянул. От пола отделился диск диаметром около двух футов, сколоченный из досок сравнительно недавно. Когда в дыру опустили фонарь, стало видно, что это колодец, облицованный камнем до уровня воды, которая стояла примерно в трёх саженях ниже пола.

— Ваши рабочие нашли колодец и закрыли его, — сказал Соломон, — но больше ради собственной безопасности, чем ради охраны банка.

Я готов поспорить на все хранящиеся у вас ценности, что смогу покинуть здание и через полчаса встретиться с вами на улице, не пройдя ни через одну из дверей вашего заведения.

— Я не принял бы пари, даже если был бы вправе спорить на деньги банка, — ответил Уильям Хам, — поскольку не хуже вашего чувствую, что из колодца сквозит.

— О да, там есть боковой ход! — крикнул Сатурн, который лежал на животе, свесив голову вниз. — Примерно на середине высоты! И меня подмывает взять у рабочих лестницу, чтобы узнать, куда он ведёт!

Предложение было рискованным, но никто не устоял. Лестниц вокруг было предостаточно. Одну из них спустили в колодец и упёрли в пол бокового туннеля, обнаруженного Сатурном. Тот слез первым и объявил, что каменщики храма Митры потрудились на совесть.

— Ещё бы! — отвечал Соломон. — Ведь Митра был богом договоров.

— Договоров?! — изумлённо переспросил Уильям Хам.

— Да, — сказал Соломон. — Поэтому хорошо, что вы построили свой банк над его храмом.

— Ни в одном известном мне пантеоне Митра

не фигурировал.

— Он не олимпийское божество. Греки заимствовали его у персов, а те, в свою очередь, у индусов. От греков его культ перешёл к римлянам и стал особенно популярен к сотому году от Рождества Христова, как сказали бы вы, или, как сказал бы я, через несколько лет после разрушения Соломонова храма. Особенно среди воинов, например тех, что стояли в Лондинии по берегам Уолбрука.

Говоря, Соломон спускался по лестнице.

— Неужели вы туда полезете?

— Мистер Хам, царь поручил мне проверить надёжность банка, и я её проверю, — отвечал Соломон.

Даниель спустился вслед за Соломоном. Теперь все трое сидели на корточках в сводчатом туннеле, который полого спускался к колодцу и, видимо, тоже служил для стока воды. Уильяма Хама оставили в храме Митры с наказом бежать за помощью, если исследователи не вернутся. Немного продвинувшись по туннелю, они обнаружили свободное пространство над головой и каменные ступени, ведущие вправо и вниз, к воде. Ручей футов восьми в ширину медленно тёк в темноте между рядами свай и фундаментов, на

которых, как можно было только догадываться, стояли соседние дома. В дождливую погоду исследователям, скорее всего, пришлось бы повернуть назад, но сейчас, в третий день августа, вода, если держаться края речушки, едва доходила им до щиколоток. Все трое двинулись вниз по течению, освещая фонарём фундаменты и гадая, каким домам они принадлежат.

— Во время Чумы, — сказал Даниель, — мой дядя Томас Хам, отец Уильяма, расширял подвал своей златокузнечной лавки, находившейся отсюда не дальше, чем на бросок камня. Он нашёл римскую мозаику, а также несколько языческих монет и вещиц. Одной из них моя жена в Бостоне закалывает себе волосы.

— Что изображала мозаика? — спросил Соломон.

— Некоторые фигуры напоминали Меркурия. Мистер Хам назвал помещение храмом Меркурия и счёл находку добрым знаком. Впрочем, другие изображения скорее сулили недоброе…

— В*о*роны?

— Да! Откуда вы знаете?

— Коракс, ворон, был у персов вестником богов…

— Как Меркурий у римлян.

— Совершенно верно. Митраисты верили, что душа, спускаясь из сферы недвижных звёзд, чтобы воплотиться на земле, пересекает все планетарные сферы, последовательно испытывая их влияние. Проходя через сферу Венеры, душа становится сладострастной и так далее. Последней была сфера Меркурия или Коракса. Считалось, что, когда душа готовится к смерти и возвращению в сферу недвижных звёзд, она должна проделать обратный путь, последовательно сбрасывая путы Меркурия-Коракса, Венеры и других планет вплоть до…

— Сатурна? — спросил Сатурн.

— Да.

— Мне лестно, что я ближе всех к недвижным звёздам, и мой порок — наименее из всех приземлённый.

— Соответственно, у митраистов было семь рангов, и для каждого — отдельный зал, всегда подземный. Подвал вашего дяди — покой Меркурия-Коракса, куда вводили новоначальных. Позже им предстояло пройти через врата или туннель в следующий зал, украшенный изображениями Венеры, и так далее.

— И кому же посвящено большое помещение под Банком?

— Вам приятно будет узнать, что это зал Сатурна, для посвящённых самого высокого ранга, — отвечал Соломон.

— То-то мне было там так уютно!

— Если мы и правда идём под златокузнечной лавкой Хама, — продолжал Соломон, — то проходим иерархию в обратном порядке, как души, покидающие небесную сферу, чтобы воплотиться на земле.

— Забавно, — сказал Даниель, — ибо я только что увидел имя старого друга, который порадовался бы, узнав, какое место в иерархии занимает его творение.

Они стояли перед относительно новой кладкой. Древний фундамент здесь заменили массивными каменными блоками, способными выдержать вес здания, так что получилась сплошная стена. Только в одном месте между блоками оставили небольшое квадратное отверстие для отвода воды из соседнего погреба. Перемычку над водостоком образовывала длинная плита, и на ней округлым классическим шрифтом было выбито:

КРИСТОФЕР РЕН A.D. 1672

— Это церковь Святого Стефана Уолбрукского, — сказал Даниель.

— Лучшего места, чтобы родиться в мир, не

сыскать, — задумчиво произнёс Сатурн.

Они с трудом протиснулись в водосток и оказались в церковном склепе. Сверху гудел колокол. «Мрачное рождение», — заметил Даниель. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться; затем он повёл Сатурна и Соломона по лестнице в помещение с задней стороны церкви. Они удивились, увидев за окнами дневной свет, но куда сильнее удивилась им жена викария. Глаза у женщины были красны от слёз, крики ужаса звучали приглушённо, а все её попытки выгнать из церкви перемазанных грязью пришельцев закончились ничем. Службы не было, однако на удивление много людей пришло в церковь просто посидеть и помолиться в тишине.

Даниель, Сатурн и Соломон выбрались в серый утренний полусвет. По Уолбрук-стрит в сторону Темзы брёл человек, звонил в колокольчик и кричал: «Королева умерла, да здравствует король!»

Книга 8
Система мира

Остаётся изложить, исходя из тех же начал, учение о строении системы мира. Ньютон, «Математические начала натуральной философии» [25]

Мальборо-хауз

утро среды, 4 августа 1714
Левэ Мальборо

---

[25] Примечания: 25
Перев. А. Н. Крылова.

Торговцы знают, что памфлеты вигов продаются лучше, так щедры они на скандалы и ложь.

Из письма к Роберту Гарлею, 1-му графу Оксфордскому, приведённому в книге «Мальборо. Его жизнь и время» сэра Уинстона Черчилля, том VI

ЛЕВЭ, ИЛИ ЦЕРЕМОНИЯ утреннего туалета, была придумана Людовиком XIV и, подобно другим нововведениям Короля-Солнце, возмущала добропорядочных англичан, знавших о ней лишь по страшным рассказам, как версальские придворные продают невинность своих дочерей за право подержать рубашку или подсвечник на одевании монарха. Вот всё, что Даниель слышал об этом обычае до девяти часов утра четвёртого августа, когда посыльный отыскал его в Крейн-корте и огорошил известием, что он, Даниель, вместе с полудюжиной других господ приглашён на первое лондонское левэ герцога Мальборо, которое имеет состояться через час.

«Однако моё собственное левэ ещё не закончено», — мог бы ответить Даниель, вытирая овсянку с небритого подбородка. Вместо этого он велел посланцу ждать внизу, пообещав, что

скоро спустится.

Перед домом Мальборо толклись несколько сотен англичан — слегка выдохшийся остаток упоённой толпы, с пением сопровождавшей его вчера по улицам Лондона в подобии римского триумфа, наскоро сымпровизированного неуправляемым плебсом.

Герцог и герцогиня были в Дувре вечером второго. Весь вчерашний день они ехали через Рочестер и другие города, лежащие по дороге к Лондинию, где их встречали только что не королевскими почестями. За это время многие знатные виги успели пристать к процессии, а многие простолюдины — выстроиться на Уотлинг-стрит. У Даниеля даже зашевелились сомнения: что, если слухи, давно распространяемые ториями, верны, и Мальборо действительно второе пришествие Кромвеля? Теперь он пригласил на своё первое левэ Даниеля, который ещё помнил, как ребёнком сидел у Кромвеля на коленях.

Рядом с Сент-Джеймсским дворцом, похожим на свалку архитектурных элементов, Мальборо-хауз смотрелся вполне прилично. Ограда дворца, подобно исполинскому железному ситу, впускала одних (в данном случае Даниеля) и отцеживала других. По внешнюю её сторону намело целые

человеческие сугробы; любопытствующие жадно глядели внутрь, втиснув между прутьями лица. Выбираясь с помощью слуги из экипажа и идя к парадным дверям, Даниель гадал, многие ли из зевак его знают и мысленно свяжут с безжалостным пуританским военачальником. Среди них наверняка затесалось немало шпионов тори — уж они-то наверняка Даниеля заметили и про связь с Кромвелем вспомнили. Вероятно, с тем его сюда и пригласили: чтобы сделать всей партии тори смутно-угрожающий намёк.

Ванбруг переделывал дворец с расчётом, что герцог останется здесь надолго. Многие работы были ещё в самой грубой стадии, так что слуга вёл Даниеля под лесами, между штабелями досок и кирпичей. Однако чем дальше, тем более завершёнными выглядели комнаты. За герцогскую опочивальню взялись первой, и обновления распространялись от неё к внешним частям здания. Перед резными двустворчатыми дверями работы Гринлинга Гиббонса служанка вручила Даниелю серебряный таз с горячей водой, обёрнутый полотенцем, чтобы не обжечь рук.

— Поставьте рядом с милордом, — сказала она, и двери распахнулись.

Словно жук на леднике, герцог Мальборо вос-

седал в кресле посреди белой огромности своей спальни. Рядом с ним стоял стол. Герцогскую голову покрывала густая щетина: очевидно, сегодня он решил её сбрить. Да и пора было: по слухам, противные ветра задержали их с герцогиней в Остенде на две недели. Даниель, знавший о левэ не больше любого другого англичанина, испугался, что сейчас его попросят намылить герцогу макушку и соскоблить с неё двухнедельную поросль. Однако тут он заметил лакея, правящего бритву, и с непомерным облегчением понял, что обязанности цирюльника возложены на человека опытного.

Из шести приглашённых на левэ Даниель явился последним; это он видел ясно, несмотря на то что августовское солнце, сияющее на тоннах новой лепнины, слепило глаза. Потолок был таким высоким, что можно извинить натурфилософа, вообразившего, будто фестоны и фризы вырезаны из природного льда.

Герцог сидел в шлафроке из чего-то блестящего и шуршащего, шею его перед бритьём обмотали милями белого полотна. Ничего более далёкого от пуританской строгости измыслить было невозможно. Если тори снаружи, на Пэлл-Мэлл, и впрямь полагали, что Даниель идёт передать

факел следующему Кромвелю, один взгляд на эту комнату рассеял бы их опасения. Мальборо, если он и захватит власть, будет действовать не как военный диктатор, а как Король-Солнце.

Великий человек полупривстал в кресле и поклонился Даниелю, который от неожиданности чуть не уронил таз. Прочие участники левэ — всё больше графы и выше, держащие свечи, рубашку, пудру для парика и тому подобное, — склонились ещё угодливее. Даниель по-прежнему мало что видел, но, проходя последние несколько ярдов, отчётливо слышал приглушённые смешки.

— Доктор Уотерхауз ещё не знает, что нашли сегодня в запечатанном ларце барона фон Ботмара, — предположил герцог.

— Сознаюсь в своём полнейшем неведении, — отвечал Даниель.

— Ганноверский посол, Ботмар, привёз с собой запечатанный ларец, который следовало открыть по смерти королевы Анны. Там лежали распоряжения его величества, как управлять страной до тех пор, пока его величество не явится принять корону, скипетр и державу. Сегодня распоряжения достали и прочли в присутствии Тайного совета. Король назначил двадцать пять регентов, которые будут распоряжаться до его приезда. Вы,

доктор Уотерхауз, один из двадцати пяти.

— Бред собачий!

— Истинная правда. И когда мы склоняемся перед вами, милорд, мы делаем это потому, что чтим в вашем лице регента. Вы и две дюжины ваших коллег — для нас покамест ближайшее подобие государя.

К Даниелю никогда прежде не обращались «милорд», и уж менее всего он ждал такого от герцога Мальборо. Ему потребовалось определённое самообладание, чтобы не пролить воду из таза. Впрочем, с помощью лакея таз был водружён на стол, и Даниель, завершив свои церемониальные обязанности, смог отступить назад. Лакей намочил губку и возложил её герцогу на голову, словно влажную корону. Герцог заморгал, стряхивая с ресниц струйку воды, задрал подбородок и принялся перебирать какие-то бумаги у себя на коленях: очевидно, левэ, помимо прочего, включало увлекательную возможность посмотреть, как великий человек читает почту.

— Граб-стрит, наверное, протянулась уже миль на десять, — заметил герцог, отбрасывая в сторону одну газету за другой.

— Возможно, скоро вам захочется, чтобы она стала гораздо короче.

— Вам тоже, доктор Уотерхауз. Новая высокая должность сделает вас мишенью для отравленных стрел.

Мальборо склонил голову набок, чтобы мыльная пена не текла на глаза, и теперь не видел того, что лежало у него на коленях. Он перебирал газеты, встряхивая золотой бахромой на рукавах, и время от времени отводил какую-нибудь на расстояние вытянутой руки.

— А, вот! — воскликнул он, найдя сегодняшний «Окуляр». — Держите, доктор Уотерхауз. Я только что читал отсюда вслух этим господам, покуда мы ждали опоздавшего. Вы можете прочесть сами.

— Спасибо, милорд, полагаю, чтение было гораздо занимательнее моего общества, приди я вовремя.

— Напротив, милорд, это нам надлежит вас занимать.

Герцог дёрнулся, потому что лезвие срезало часть выступающего шрама. За то время, что он надзирал за убийством нескольких сот тысяч английских, французских и других солдат в войнах против Людовика XIV, его кумпол украсили барельефы и горельефы в количестве, много превосходящем среднее. Они таились под двухнедельной щетиной, как мели в илистой

прибрежной воде, незримые навигационные опасности на пути бритвы.

— Что я должен прочесть, милорд? — Даниель потянулся за газетой.

Глаза Мальборо — большие и очень выразительные — мгновение созерцали Даниелеву ладонь. Люди, как правило, не уставлялись на Даниелевы руки, ни на правую, ни на левую. На обеих присутствовали все пальцы, палач в Олд-Бейли не выжег на них клеймо, перстней он не носил — как правило. Однако сегодня у Даниеля было на правой руке простое золотое кольцо. Он никогда раньше не надевал украшений и сейчас удивился, насколько оно привлекает внимание.

— «Размышления о силе», — отвечал Мальборо. — Вторая страница.

— Очень к случаю, если я и впрямь обрёл такую политическую силу, как вы говорите. Кто автор?

— В том-то и соль. Удивительная история. Есть один малый, он пишет под псевдонимом «Титул»…

— Это он сочинил?!

— Нет, но он откопал в Клинкской тюрьме арапа, совершенно исключительный экземпляр. Арап, разумеется, существо неразумное, однако обладает уникальным даром писать и говорить,

как если бы обладал разумом.

— Я с ним знаком, — сказал Даниель.

Его глаза наконец привыкли к свету и смогли разобрать имя «Даппа». Он поднял взгляд на Мальборо и тут же отвёл: справа от герцогского уха собралась большая капля крови и струйкой побежала вниз, по краю челюсти, и на шею под подбородок. Герцог снова дёрнулся.

— Полегче, любезный, я не для того приехал в Англию, чтобы умереть от столбняка!

Даниель оглядел других пятерых гостей. Те в ответ выдавили улыбки, каких в адрес Даниеля не обращали с тех пор, как он занимал относительно важную должность при дворе Якова II.

Голова герцога снова была гладкая, как колено. Два лакея нависли над ним с тряпками и время от времени промакивали кровь. Герцог взял зеркало, на мгновение поднёс его к лицу и скривился.

— Провалиться мне! Это бритьё или трепанация черепа?

Он торопливо отставил зеркало, как будто долгие годы сеч и перестрелок не подготовили его к такому зрелищу. Почты у него на коленях было много — больше, чем Даниель получал за десять лет, — поэтому он не сразу нашёл, что искал. Даниель с любопытством разглядывал

герцога. Когда-то Джон Черчилль был самым красивым юношей в Англии, возможно, даже во всём христианском мире. Божественная несправедливость сохранялась и теперь, в герцогские шестьдесят пять. Он был стар, одутловат, лыс, измазан в крови, но его черты не утратили благородства (свойственного далеко не всем людям благородного сословия), а глаза оставались огромными и прекрасными; их не портили складки век и кустистые брови, из-за которых на многих старых англичан так гадко смотреть.

— Вот! — воскликнул герцог и несколько раз хлопнул по письму на коленях, как будто хотел утрясти слова в правильном порядке. — От вашего собрата-регента.

— Милорд Равенскар тоже в списке Ботмара? — спросил Даниель, узнавший почерк и печать.

— О, разумеется, — отвечал Мальборо. — И первый претендент на место лорда-казначея. Кто больше Равенскара знает о банке, Монетном дворе, бирже и казначействе? — Он пробежал глазами письмо от Роджера и успокоил собравшихся: — Не буду читать всё. Приветствия, поздравления и прочая. Дальше он приглашает нас с миссис Черчилль к себе на суаре первого сентября.

Герцог оторвал взгляд от листка и взглянул на Даниеля чуть озадаченно:

— Как вы думаете, милорд, прилично ли устраивать званый вечер так скоро после кончины государыни?

— К первому сентября месяц траура истечёт, милорд, — вступился за Роджера Даниель. — Я уверен, что приём будет скромный, сдержанный…

— Он обещает извержение вулкана!

Слова герцога вызвали смешки у доселе молчавшей пятёрки.

— Скорбя по усопшей королеве, мы тем не менее должны праздновать вступление на престол нашего нового короля, милорд.

— Ну коли вы так повернули, я думаю, что приду, — сказал герцог. — Вообразите, я ни разу не видел знаменитого вулкана.

— Говорят, зрелище стоит того, чтобы не пожалеть времени, милорд.

— Не сомневаюсь. Я скоро отправлю ответ в храм Вулкана. Но если вы случайно увидите маркиза Равенскара, например на заседании регентского совета, передайте ему то же самое, хорошо?

— С превеликим удовольствием.

— Отлично! А теперь я могу подняться, или раны надо будет прижигать?

С окончанием бритья завершилось и прямое участие Даниеля в левэ. Герцог перенёс внимание на других гостей, в чьи обязанности входило подавать рубашку, парик, шпагу и прочее. Каждая из этих стадий сопровождалась болтовнёй, для Даниеля малоинтересной. Более того, он не мог уследить за разговором: герцог упоминал каких-то людей по имени либо и вовсе полунамёками. Тем не менее Даниель чувствовал, что откланяться было бы моветоном. Ему, из уважения к летам, предложили стул, и он сел. Взгляд Даниеля остановился на газете.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СИЛЕ

Danna

Клинкская слобода вместе со всей Великобританией скорбит о нашей усопшей королеве; арестанты сменили лёгкие кандалы на тяжёлые траурные, облачились в чёрные лохмотья вместо серых, и ночи напролёт мне не дают уснуть несущиеся снизу стенания и вопли — свидетельство, что здешние обитатели горюют не меньше милорда Б****…

Неделю назад этот человек восседал на вершине той груды трупов, которую мы именуем

политикой, и многими почитался за сильнейшего человека в стране. Что же сталось с Б****?

Вопрос праздный, ибо никого не волнует его участь. Тех, кто об этом спрашивает, занимает другое: куда делась сила Б****? Неделю назад её было в избытке, сегодня нет совсем. Куда она ушла? Многие хотели бы знать, ибо желающих обрести силу больше, чем желающих стяжать золото.

От герра Лейбница мы слышали, что есть свойство тел, называемое *vis viva* [26], и другое, называемое *quantite d'avancement* [27]; оба сохраняются при всех столкновениях и всех изменениях системы. Первое равно произведению массы на квадрат скорости, второе — произведению массы на скорость. В начале времён Вселенная получила некую меру того и другого, которая не прибывает и не убывает, но лишь перераспределяется между телами, как серебряные пенсы на ярмарке. Что ведёт к вопросу: подобна ли сила *vis viva* и *quantite d'avancement*, то есть сохраняется ли она в природе? Или она подобна пакету акций, которые сегодня стоят много, а завтра — ничего?

---

[26] Примечания: 26
Кинетическая энергия (*лат.*).

[27] Примечания: 27
Количество движения (*фр.*).

Ибо если сила подобна акциям, то огромное её количество, утраченное Б****, растаяло, как тени на солнце. Ведь сколько бы богатства ни терялось при биржевых обвалах, оно уже не появляется вновь. Однако если сила есть величина, в сумме своей неизменная, то потери Б**** должны где-нибудь объявиться. Где же? Некоторые говорят, что милорд Р**** подобрал их и хорошенько припрятал, дабы они не достались милорду М****, буде тот возвратится из-за моря. Мои друзья-виги уверяют, что сила, утраченная ториями, неизбежно и нечувствительно распределилась между всем народом; но, сколько я ни обшаривал нижние помещения Клинкской тюрьмы в поисках утерянной власти Б****, мне ничего не удалось сыскать, что полностью уничтожает приведённое утверждение, ибо, воистину, в этих тёмных салонах народа содержится изрядно.

Я предлагаю новую теорию силы, вдохновлённую трудами мистера Ньюкомена, графа Лоствителского и доктора Уотерхауза над машиной по подъёму воды посредством огня. Как мельница производит муку, ткацкий станок — ткань, плавильная печь — железо, так эта машина должна производить силу. Если не лгут создатели устройства — а у меня нет причин со-

мневаться в их искренности, — то можно считать доказанным, что сила не есть величина, постоянная в своей сумме, ибо таковые величины нельзя приумножить. Отсюда вытекает, что количество силы в мире постоянно растёт и будет расти тем быстрее, чем больше построят таких машин. Посему человек, копящий силу, подобен скряге, восседающему на груде монет в стране, где денег чеканят больше, нежели может переварить рынок, так что несметное богатство постепенно обращается в золу и, будучи извлечённым на свет, оказывается бесполезным. Таков милорд Б**** и его хвалёная сила. То, что верно в отношении Б****, должно быть справедливо и в отношении его прихвостней, особливо же самого низкого и раболепного, МИСТЕРА ЧАРЛЬЗА УАЙТА. Сей негодяй объявил, будто я ему принадлежу. Он мнил, будто владеть человеком значит обладать силой, однако ничего не приобрёл своими притязаниями; я же, якобы бессильный, теперь пишу в газету, которую просматриваешь ты, многоуважаемый читатель.

По мере облачения герцог разрешал освободившимся придворным удалиться, что те и делали с глубоким поклоном и почти слёзными благодарностями за приглашение; ещё до полудня

Даниель остался в спальне один на один с хозяином дома. В парадном снежно-белом парике и сдержанном, хоть и разительно модном наряде, при шпаге, тот внезапно сделался совершенно великолепен. Они вышли прогуляться в розарий рядом с опочивальней и говорили о цветах куда дольше, чем хотелось бы Даниелю. Он не меньше герцога любил розы, но не как объект для беседы.

— Я принял любезное приглашение Равенскара, — сказал наконец Мальборо. — Более того, сделал это в присутствии пятерых самых злостных лондонских сплетников. Так что Роджер, вероятно, уже в курсе. Однако в моём согласии есть условие, которое я при этих пятерых не назвал. Не упомяну я его и в той крайне учтивой записке, что отправлю вскорости в храм Вулкана. Я расскажу о нём только вам с просьбой передать Роджеру.

— Я готов, милорд, — ответил Даниель, стараясь не выдать голосом усталости от некоторого ощущения дежавю.

— Позвольте напомнить вам о договоре, который мы скрепили рукопожатием в ночь Славной Революции на дамбе Тауэра.

— Я прекрасно помню, милорд, но не будет

вреда, если мы освежим его в памяти.

— Я обещал вам свою дружбу, если вы поможете мне понять или хотя бы проследить махинации алхимиков.

— Да.

— Я смею надеяться, что в последовавшие двадцать пять лет бывал вам в меру возможности полезен, — сказал Джон Черчилль. Ибо чувствовалось, что сейчас они говорят не как герцог и регент, а как Джон и Даниель.

— Раз уж мы этого коснулись, довольно удивительно, что моё имя попало в список Ботмара.

— У меня было много времени, во время и после войны, чтобы расписать перед кронпринцем достоинства некоего англичанина, — сказал Джон, — а глубочайшее уважение, которое питает к вам принцесса Каролина, тоже делу не помешало.

— В таком случае вы оказали сыну Дрейка негаданную честь, — отвечал Даниель.

— С тех пор, как мы заключили договор, многое изменилось. Роджер со своим Альянсом преобразил страну. Он поставил во главе Монетного двора крупнейшего алхимика в мире. Алхимик по-прежнему там и по-прежнему исполнен рвения. Все отмечают его исключительную добросовест-

ность. Однако я получаю донесения касательно ковчега, Соломонова золота, философской ртути и прочих тёмных полуоккультных дел, которым не место в просвещённом восемнадцатом столетии. Теперь, когда Анну, упокой Господи её душу, сменил Георг, я беру на себя величайшую мыслимую ответственность: помочь новому королю — нет, новой династии! — понять, что происходит в королевстве. Я добьюсь, чтобы Монетным двором руководили люди здравые и компетентные, и чтобы денежная система Англии стояла неколебимо. Можно ли доверять Ньютону управление Монетным двором, Даниель? Что это для него: завод по штамповке металлических дисков или лаборатория для хилиастических изысканий? Скажите, Даниель, он и впрямь чернокнижник? И если да, то, чёрт побери, можно ли полагаться на его искусство?

Храм Вулкана

часом позже
Роджер выслушивает Даниеля

— ЧТО ВЫ ЕМУ ОТВЕТИЛИ? — спросил Роджер тоном, в котором зачарованное любопытство отчасти преобладало над ужасом.

Они с Даниелем гуляли по розарию Роджера, который был в десять раз больше, чем у Мальборо, хотя и не так выгодно расположен: здешние садовники не могли через забор одолжить лопату у служителей английского короля.

— Боюсь, на взгляд герцога я был несколько уклончив, — отвечал Даниель после недолгого раздумья. — Я заверил его, что коли Ньютон за что-либо берётся, то делает это очень, очень хорошо, и *если* он чернокнижник, то наверняка искусный.

— О, милорд! — воскликнул Роджер. — Вряд ли ваши слова успокоили герцога.

— Не знаю. Надеюсь, я убедил его, что Исаак не сумасшедший. Сносное начало.

— Но только начало. Гм-м.

— Суть разговора была не в том, чтобы обвинить или оправдать Исаака. Мальборо шлёт вам своего рода предупреждение.

— Я готов.

— Он принял ваше приглашение.

— Да, мне об этом сообщили несколько часов назад.

— Соответственно, явятся все важные лица, независимо от того, позовёте вы их или нет.

— Я уже нанял дополнительную прислугу в

расчёте на незваных гостей. В этом и состоит предупреждение? Что ко мне придёт много народа?

Роджер начал терять интерес к разговору, и взгляд его, блуждая, остановился на Даниелевом золотом кольце. Брови пошли вверх, рот приоткрылся. Даниель, не дожидаясь, когда разговор скатится на украшения, перебил:

— Нет. Мальборо очень недоволен сплетнями и недомолвками вокруг ковчега. Он объявит испытание примерно в одно время с коронацией, чтобы вынуть из ковчега все старые монеты и чтобы новые, отчеканенные при Георге, были вне подозрений. Это произойдёт месяца через два. Пока же он хочет, чтобы дела, связанные с Монетным двором, начали исправляться. Ему важно быть уверенным в Ньютоне. Если к первому сентября улучшений не будет, он не придёт на ваш званый вечер.

— Ах, как страшно!

— Унижение будет чудовищно-изощрённым. Весь Лондон поймёт, что вы в опале, и вас лордом-метельщиком не назначат, а уж лордом-казначеем и подавно. Другими словами, первое сентября станет первым днём вашей отставки.

Мгновение Роджер молчал, как громом поражённый, затем, возможно, прочитав про себя

короткую молитву, возгласил:

— Тогда будем готовить вулкан!

Он повернулся вокруг прогулочной трости и зашагал прочь от Даниеля к главному зданию. Это была эффектная бравада, но Даниель угадывал и другое: Роджер не хочет некоторое время показывать своё лицо ему или кому-либо ещё. Поэтому, даже войдя в зал, Даниель не смотрел на Роджера слишком пристально, а сделал вид, будто разглядывает вулкан.

И его творца; ибо Макдугалл снял одну из плит, образующих склон вулкана, и, отставив её в сторону, засунул голову глубоко внутрь.

— У вас задница вылезает из штанов, мистер Макдугалл, — крикнул Роджер, — что в человеке вашей профессии я всегда воспринимаю как знак напряжённого продуктивного труда.

Упомянутая задница завиляла: Макдугалл пытался вылезти из вулкана. Послышались звуки ударов головой обо что-то железное, затем ругательство, и, наконец, показалась краснощёкая голова, увенчанная пламенеющим ореолом невероятно рыжих волос. Щёки и волосы у Макдугалла были такие яркие, что рядом с ними всё остальное казалось тусклым.

— Макдугалл, — кивнул Даниель.

— Рад вас видеть, доктор Уотерхауз.

— Вы раздобыли фосфор? — полюбопытствовал Даниель.

— Всё, как я говорил вам третьего дня, сэр. Я покупаю его не напрямую, а через посредника.

— И вы уже сделали ему заказ? — спросил Роджер строго.

— Да, милорд. Вчера.

— Так идите к нему и удвойте заказанное количество!

— О, я не уверен, что поставщики изготовят так много за такой срок, милорд!

— Всё равно удвойте! Если извержение первого сентября не станет самым великолепным за всю историю моего дворца, то вина будет лежать исключительно на нашей неразвитой фосфорной промышленности, и никто не посмеет сказать, будто лорд Равенскар — скряга!

— Милорд, мы постараемся не допустить таких обвинений! Я думаю, поставщики всё-таки справятся!

— Прекрасно, мистер Макдугалл, — сказал Даниель. — Не соблаговолите ли вы пожаловать в мой клуб и лично всё изложить?

— О, доктор Уотерхауз! Почту за честь!

— Тогда собирайте инструменты и, как будете

готовы, присоединяйтесь к нам с милордом на выходе из дома.

Роджер и Даниель, покинув бальную залу, двинулись в обход журчащего фонтана, в котором Вулкан кончал на Минервино бедро.

— Где сегодня обворожительные? — спросил Даниель, не в силах оторвать взгляд от богини.

— Простите? — встрепенулся Роджер, который тоже на время ушёл в свои мысли.

— Катерина Бартон и её прелести.

— А. Они отправились за покупками — прелестям к званому обеду необходимо новое платье.

— Замечательно.

— Погодите, — сказал Роджер, — вы меня заинтриговали. Зачем вы везёте Макдугалла в свой клуб?

— Я хорошо знаю мистера Макдугалла. Очень талантливый инженер. Был крайне полезен во Дворе технологических искусств.

— Отлично, но какое отношение он имеет к вашему клубу?!

Они оставили фонтан позади и вошли в ту часть дома, которую проектировал Даниель: изначальный храм Вулкана, каким он был до переустройств, внесённых Гуком и Ванбругом.

— В адских машинах использовался фосфор, —

объяснил Даниель. — Следовательно, те, кто их делал, должны были связаться с местными поставщиками. Макдугалл по вашему поручению сейчас тоже ведёт с ними дела. Таким образом, у клуба есть новая линия расследования. Господин Кикин и мистер Орни страстно желают добиться цели.

— Мне казалось, вы заключили с Джеком Шафто соглашение, которое делает клуб ненужным.

— Вестей от Джека не было с тех пор, как неделю назад он спрыгнул с запяток вашего фаэтона на Хеймаркете и, по слухам, учинил драку в Опере…

— Очень вульгарно протыкать иезуитов виолончелями. Если объявится, я строго его отчитаю.

— В том-то и вопрос, верно: объявится ли Джек? Исаак считает, что, спрыгнув с запяток до завершения сделки, Джек лишился всего, обещанного ему в «Чёрном псе».

— Ньютон уже говорил мне о «Чёрном псе», — признался Роджер. — Он утверждает, что сделка недействительна, поскольку заключена под давлением; Джек был вооружён, вы — нет.

— А вы как думаете, Роджер?

— Думаю, что сделка в «Чёрном псе» была вполне разумной, пусть даже и чересчур щедрой

по отношению к Джеку. Поэтому меня смущает, что ваш клуб по-прежнему его преследует.

— Поскольку это может расстроить сделку, и тогда герцог не придёт на ваш званый вечер.

— Да.

Они вышли в переднюю храма и остановились у двери на ветерке, словно жрецы Вулкана, отдыхающие от серных воскурений.

— Я не могу повлиять на Кикина и Орни, — сказал Даниель, — и уж тем более на Исаака. Возможно, вам придётся отправить его в отставку.

— Что?!

— Мальборо прав, Роджер. Чернокнижнику не место на Монетном дворе. Мне больно так говорить, потому что Исаак мой старый друг и он чеканит хорошие гинеи. Однако его надо заменить человеком, который хочет просто штамповать деньги.

— Замечательно, но у меня нет власти, чтобы его прогнать.

— Вот как? Вы регент, не так ли?

— Вы тоже, Даниель. Почему *вы* его не уволите?

— Может, ещё придётся.

Из недр храма появился Макдугалл, кренясь

на правый борт, поскольку тащил в руке ящик с инструментами. Почувствовав, что два регента обсуждают вопросы государственной важности, он прошмыгнул в дверь и не останавливался, пока не запрыгнул в Даниелев наёмный экипаж на Грейт-Рассел-стрит и не захлопнул за собой дверцу.

— Насколько Черчилль ненавидит алхимиков? — спросил Роджер. — Сможет ли он вообще доверять Ньютону?

— Вот что я сказал герцогу Мальборо касательно алхимиков, — начал Даниель.

Роджер сразу встрепенулся.

— Некоторое время назад я пришёл к убеждению, что среди нас создаётся новая Система мира. Мне думалось, что она вытеснит и уничтожит старую. Но то, что я видел недавно, в подземелье под банком, привело меня к выводу, что новые системы не заменяют старые, а обволакивают их, заключая в себя. Так под микроскопом мы находим в себе анималькули: они меньше и проще, чем мы, но живут вместе с нами. Я не удивлюсь, если с появлением более сильных микроскопов в анималькулях обнаружатся ещё более простые и мелкие организмы. Посему я утверждаю, что алхимия не исчезнет, как я всегда надеялся. Ско-

рее она сохранится внутри новой Системы мира, станет привычной и даже уютной её частью, хотя, возможно, изменит своё имя, а её адепты не будут больше говорить о философском камне. Она исчезнет из виду, но будет по-прежнему течь внизу, как пропавшая речка Уолбрук течёт под Английским банком.

— Красиво, — сказал Роджер, — но проглотил ли это герцог?

— Не знаю, — отвечал Даниель. — Думаю, не будет беды, если мы попытаемся уменьшить риск и в ожидании извержения вулкана продолжим искать Джека.

Клуб «Кит-Кэт»

часом позже
Заседание клуба

— ВЕЛИКОЛЕПНОЕ КОЛЬЦО, — сказал мистер Тредер, поднимая нос, чтобы посмотреть на Даниелеву руку через полукруглые очки для чтения. — Надеюсь, вы не заделались щёголем?

— Если бы я знал, сколько шуму оно вызовет, ни за что бы не надел. Могу я получить свою руку обратно?

— Кто этот немец?

— Новый член нашего клуба.

— Позвольте вам напомнить, доктор Уотерхауз, что у нашего клуба есть правила. Приём новых членов определяется несколькими страницами приложений к уставу, с которыми вам следовало ознакомиться, прежде чем…

— Барон — придворный ганноверский философ, весьма влиятельный.

— Ладно. Он принят! Как его зовут?

— Он здесь инкогнито. Просто делайте вид, будто знаете, кто он.

В полном соответствии с Даниелевой теорией о системах, включающих в себя другие системы, «Кит-Кэт» поглотил кучку истцов по делу о взрыве адских машин, главным образом, потому что вступление Исаака придало ей загадочность и престиж. Чтобы заседания могли посещать люди вроде Сатурна и Макдугалла, собирались в приватной комнате. В списке желающих получить членство значилось уже двадцать человек, из которых ни один не имел о целях клуба и малейшего представления. Весть, что барона, прибывшего от Ганноверского двора, приняли вне очереди, да ещё в тот самый день, когда другого члена клуба провозгласили регентом, должна была вызвать ещё больший ажиотаж — как бы

истцам ни пришлось перебраться в храм Митры, дабы сохранить хоть какую-то приватность.

— Вы сильно изменились, став регентом! — заметил Лейбниц, глядя на Даниелеву руку.

— Треклятое кольцо — дар Соломона Когана, — сказал Даниель.

— Мне он не показался любителем раздавать подарки.

— В Брайдуэлле я подарил ему мешочек с частичками золота, выбитыми из карт. Полнедели спустя еврей, хозяин ювелирной лавки на Ломбард-стрит, принёс мне это кольцо с запиской от господина Когана. Тот велел расплавить кусочки и отлить из них кольцо. Вот результат.

– *Выглядит* очень щедрым поступком, — сказал Лейбниц.

— Согласен.

Но прежде чем они успели пуститься в обсуждение истинных мотивов господина Когана, наступила та тишина, которая всегда воцарялась с появлением сэра Исаака Ньютона. В мгновение ока и комната, и собрание стали иными. Исаак поочерёдно пожал руки членам клуба и гостям: господину Кикину, мистеру Орни, мистеру Тредеру, Сатурну, Макдугаллу, Лейбницу и, наконец, Даниелю. Была какая-то особая холодность в

том, как он поздоровался с Даниелем; по сравнению с этим даже его приветствие, обращённое к Лейбницу, могло показаться тёплым. Как будто Исаак неким колдовским образом проведал, что Даниель о нём сегодня говорил.

— Мне нужно перемолвиться несколькими словами с милордом регентом, — объявил Исаак.

Вскоре они уже сидели друг против друга за маленьким столом в общем помещении клуба. Пристальный взгляд Исаака, обращённый на Даниеля, сдерживал тех рьяных кит-кэтовцев, которым, возможно, хотелось подойти и поздравить нового регента.

— Со встречи в «Чёрном псе» прошла неделя, — напомнил Исаак. — Каковы ваши намерения?

— Герцог Мальборо хочет провести испытание ковчега одновременно с коронацией. — Даниель сделал паузу на случай, если Исаака хватит удар. Тот поёжился и слегка побагровел, но остался жив. — В отсутствие вестей от мистера Шафто… он ведь к вам не обращался?

— Нет.

— Ко мне тоже. Мы должны действовать, как прежде. Если он захочет возобновить переговоры, мы их продолжим. Не исключено, что с более выгодной позиции.

Исаак даже не глядел на него.

— А каково ваше мнение? — спросил Даниель.

— Я хочу того же, чего и всегда, — отвечал Исаак. — Из-за ваших с бароном фон Лейбницем махинаций его теперь труднее добыть — ибо почти всё оно заперто в Клеркенуэллском склепе и обещано царю. Однако у Джека, возможно, есть ещё. Следовательно, я должен преследовать Джека с удвоенной силой.

— Как вы поступите, если перед вами встанет выбор: заключить сделку с Джеком, устранив созданную им опасность для денежной системы и для короля, но не получить того, к чему вы стремитесь, или преследовать Джека до последнего в надежде раздобыть золото, но с риском не выдержать испытание ковчега?

— Вы спрашиваете, как регент, — сказал Исаак.

— Нравится вам это или нет, я действительно регент и должен задавать такие вопросы. И суть моего вопроса такова: почитаете ли вы власть короля и назначенных им регентов и ставите ли Монетный двор и денежную систему страны выше своих личных интересов? Или для вас философский камень на первом месте?

— Мне удивительно, что сын Дрейка вообще

смог измыслить такой вопрос, не то что задать вслух. Неужто вы ничему не научились от отца?

— Вы ошибаетесь. Я ни во что не ставлю короля. Тут я заодно с Дрейком. Но он же научил меня уважению к деньгам. Я, может быть, меньше многих люблю деньги, однако я их чту. А вы?

— Неужто, Даниель, вы правда верите, что я оставил Лукасовскую кафедру математики в Коллегии Святой и Нераздельной Троицы и пришёл на Монетный двор исключительно из интереса к нумизматике?

— Прекрасный ответ, — сказал Даниель. — Раз мы согласны, что в наших интересах поймать Джека, давайте вернёмся к остальным.

ПОКУДА ИСААК С ДАНИЕЛЕМ разговаривали, ещё одного гостя впустили с чёрного хода и провели в комнату заседаний. Это был жалкий-прежалкий человечек, такой ссутуленный, так вжимающий голову в плечи, словно члены Королевского общества подстерегли его в тёмном проулке и хирургически удалили ему ключицы. Он мял шляпу, чтобы унять дрожь в руках. От него дурно пахло, и, в отличие от многих, страдающих тем же недостатком, он это знал. Тем не менее мистер Тредер похлопывал нового гостя по плечу, будто вводил любимого племянника в

коллегию адвокатов.

— Мистер Марш, прошу любить и жаловать! — объявил мистер Тредер. — О мистере Марше на заседаниях клуба уже говорилось.

— Я не помню этого обсуждения, — признался Даниель, — а некоторые из присутствующих и не могли его слышать.

— Для адских машин нужен фосфор, — сказал Тредер, — и мы слышали от мистера Макдугалла, что он сделал большой заказ на упомянутое вещество. Соответственно, в ближайшие недели будет выпарено огромное количество мочи.

— Мы говорили об этом на заседании два дня назад, — кивнул Даниель. — Но кто такой мистер Марш?

— Последний раз, когда клуб пытался проследить путь мочи из города в деревню, мы поручили мсье Арланку, ныне уличённому в преступлениях, опросить золотарей с Флитской канавы. Он обратил наше внимание на скорбную историю золотаря, который по неведомым причинам ехал со своим грузом в Суррей и имел несчастье повстречаться в дороге с некими головорезами. Оскорблённые запахом его бочки, они закололи лошадь, лишив несчастного средств к существованию. Анри Арланк уверял, будто навёл справки

в верхнем и нижнем течении Флитской канавы и, не найдя бедолагу, пришёл к убеждению, что тот переехал к родственникам куда-то далеко.

— Теперь припоминаю, — сказал Даниель. — Мы развели руками и оставили эту линию расследования.

— Арланк солгал, — объявил Тредер. — После того как его увели в цепях, я спросил себя: можно ли верить тому, что он говорил нам касательно золотаря? Я провёл собственное расследование и без особого труда установил истину: золотарь, лишившись лошади, не уехал из города, а перешёл работать к коллеге по цеху, и его каждую ночь можно видеть на берегу Флитской канавы. Вчера я его нашёл. Позвольте представить вам мистера Марша.

Речь была встречена овациями, звук которых, судя по виду мистера Марша, был ему совершенно непривычен.

— Давно хотел я задать вам один вопрос, мистер Марш, — сказал Орни. — Чего ради вас понесло в ту ночь с грузом в Суррей?

— Мне обещали заплатить, сэр, — отвечал мистер Марш.

— Кто?

— Люди в тех краях, которые иногда платят

за ссаки.

— Кто они и где живут?

— Не знаю, сэр.

— Как вы можете не знать, если привозите им мочу, а они вам платят?

— Приезжаешь в полночь к определённому перекрёстку и завязываешь себе глаза. Как завязал, они выходят из укрытия и молча садятся рядом на козлы. Везут больше часа, то вверх, то вниз, то вправо, то влево — в общем, не пойми куда. Наконец где-то останавливаются и опорожняют бочку, а потом везут назад такими же кругалями. Когда повязку снимают, ты на прежнем месте, а на козлах лежит кошелёк с деньгами.

Некоторое время все молчали, обдумывая удивительный рассказ мистера Марша. Потом заговорил Исаак:

— Ваша лошадь убита. А что с вашей повозкой?

— Она по-прежнему в Суррее, сэр.

— Так съездим за ней и привезём её во Двор технологических искусств для починки и переделки, если, конечно, доктор Уотерхауз нам разрешит, — сказал Исаак. — У меня есть мысль.

Верфь Орни в Ротерхите

утро 13 августа 1714
«Заяц» в повозке золотаря

ДАНИЕЛЬ ПРИШЁЛ РАНЬШЕ большинства и теперь сидел на тюке брайдуэллской пакли. Место, чтобы ждать остальных членов клуба, было вполне подходящее. День выдался погожий, и, хотя к полудню обещал сделаться жарким, сейчас платье Даниеля идеально годилось и для пригревающего солнышка, и для прохладного ветерка с реки. Впереди уходили в Темзу три смазанных жиром наклонных помоста. Они сгрузили своё бремя — царские корабли — и ждали новых проектов. Перед средним стоял один из корабельных мастеров Орни. На несколько мгновений он замер в полной неподвижности, и Даниель уже гадал, не случилось ли чего худого. Но тут мастер переступил с ноги на ногу, склонил голову набок и вновь застыл; простояв так секунд пять, он ссутулился и почти упёрся подбородком в грудь. Даниель понял, что мастер думает, и не просто блуждает мыслями, а работает. Как некоторые собирают корабли в бутылках, так этот человек собирал корабль у себя в черепной коробке; если

бы Даниелю хватило выдержки просидеть тут несколько недель или месяцев, он бы увидел, как образ из головы корабела обретает материальную форму. Через год на нём будут плавать люди! Даниель восхищался таким чудом и завидовал мастеру. Не просто потому, что тот моложе, но потому, что он в тихом месте может без помех создавать что-то новое. По счастью или благодаря своим умениям, корабел сумел вписаться в историю куда более простую и приятную, чем та, в которой обречён фигурировать Даниель.

Так уютно было сидеть на пакле, наблюдая эту мизансцену, что Даниелю пришлось побороть отчётливый всплеск досады при звуке приближающейся повозки. Корабел — счастливец! — мог не обращать на неё внимания. Даниель не мог.

Повозка состояла из огромной грубой бочки, установленной поверх плоского ящика на колёсах. Полудохлой клячей управлял сгорбленный человечек. Выехав на середину верфи, он откинулся на спинку козел и уронил голову. Члены клуба начали появляться из разных уголков двора, где курили трубки, играли в кегли, болтали или разбирали свою чрезвычайно важную почту.

Когда мистер Марш — ибо это был он — опра-

вился от усталости настолько, что смог открыть глаза и оглядеться, то увидел вокруг себя почти всех будущих истцов, с которыми встречался девять дней назад в клубе «Кит-Кэт». Недоставало лишь Кикина. Однако телохранитель русского был здесь, как и Сатурн. Они присели на корточки и принялись орудовать ломами. Другой мог бы возмутиться, что повозку разбирают прямо под ним, но мистера Марша, видимо, уже ничто не заботило. От плоского дна повозки оторвали несколько досок, и Сатурн, встав, положил их на основание рядом с бочкой, пока великан телохранитель аккуратно вытаскивал из тайника контрабандный груз. В первый миг его легко было принять за свёрток с одеждой; затем он выпустил конечности, завозился и принялся высказывать недовольство. Телохранитель поставил его стоймя рядом с повозкой. Теперь стала видна голова господина Кикина без парика, шляпы, волос, с красными моргающими глазами; она изрыгала слова, от которых казаки заткнули бы уши и убежали домой к мамке. Откуда-то извлекли парик и нахлобучили Кикину на макушку. Тот выуживал из карманов множество разнообразных предметов: клочки бумаги, огрызки карандашей, компас, часы.

— Я надеюсь услышать длинный отчёт господина Кикина, — сказал мистер Тредер. — Разумеется, после того, как он успокоится и вспомнит о хороших манерах. А пока предлагаю заслушать мистера Марша.

— Ну раз я здесь и жив, понятно, что всё получилось, — отвечал мистер Марш.

— Вы встретились средь ночи с загадочным персонажем? Вас с повязкой на глазах отвезли в место, где покупают мочу? Вы опорожнили бочку, вернулись на уединённый перекрёсток, получили деньги и уехали восвояси? — спрашивал Тредер.

Марш на каждый вопрос отвечал величественным кивком.

— Отлично, — сказал Даниель Уотерхауз. — Тогда, как мы договаривались, лошадь ваша, можете возвращаться к своему ремеслу. Мы лишь просим никому не говорить о событиях этой ночи.

— Ладно, хозяин. — Мистер Марш чуть заметно возвёл очи гор*е*: таким образом он давал понять, что проболтаться хоть кому-нибудь в христианском мире для него равносильно самоубийству. Затем, несмотря на усталость, он тронул вожжи и принялся увеличивать расстояние между собой

и безумным клубом так быстро, как только могла бежать его новая упряжная.

Мистер Орни расстелил крупномасштабную карту Суррея на столе, где обычно лежали корабельные планы. Кикин, которого всё ещё немного пошатывало, начал раскладывать клочки бумаги в некой загадочной последовательности, между делом прихлёбывая пиво из чего-то вроде глиняной супницы. Ветер сдувал обрывки; принесли камни. Кикин положил на карту компас. Три натурфилософа отметили, что Орни, прилежный в любой мелочи, развернул карту так, чтобы её север совпадал с направлением магнитной стрелки.

Когда Кикин вновь обрёл способность говорить по-человечески, он без приветствий, жалоб и других предисловий объявил: «Мы двинулись отсюда». Затем он пристроил камешек на перекрёсток в Суррее чуть в стороне от Лондонского тракта и продолжил:

— Дальше мы ехали на юго-восток по хорошей дороге…

— Так вы могли видеть компас в темноте? — спросил Орни.

— Фосфорная краска, изготовленная фрайгерром фон Лейбницем и нанесённая на картушку

мистером Хокстоном, светила мне в лицо, как полная луна. Я видел, что мы едем на юго-восток по хорошей дороге — почти наверняка по этой. Я насчитал… э… — тут Кикин сверился со своими бумажками — …семьдесят восемь оборотов колеса.

(Ньютон предложил, а Сатурн изготовил небольшое устройство, которое щёлкало всякий раз, как колесо совершало полный оборот.)

— Тысяча тридцать футов, — умножил в голове Ньютон; все они помнили наизусть окружность конкретного колеса.

Орни и на этот случай кое-что предусмотрел: он вытащил полоску бумаги, размеченную штрихами с отметками: 50, 100, 200 и так далее. То была масштабная линейка не в футах, фарлонгах или милях, а в оборотах колеса золотарской повозки мистера Марша. Поворачивая её вдоль нарисованной дороги (которая шла не совсем прямо), он нашёл приблизительно на восьмой отметке следующий перекрёсток.

— Наверное, этот, — сказал Кикин, проглядывая ворох кириллических черкушек. — Да, пятьдесят щелчков на запад-юго-запад, затем поворот и дальше почти прямо на юг… ещё триста тридцать щелчков спустя мы въехали на каменный мост.

Пришлось повторить часть шагов в обратном порядке и долго скрести в затылке, поскольку не ясно было, по какой из нескольких возможных дорог ехала повозка; наконец Лейбниц нашёл мост, положение которого увязывалось с данными Кикина, и дальше стали отсчитывать от него.

Всего Кикин отметил больше двадцати поворотов, три моста, хорошие и дурные отрезки дорог, а также отдельные холмы, деревни, громкоголосых псов и болотистые участки. По мере того как на карту выкладывались всё новые камешки, обозначавшие повороты, становилось ясно, что неведомый человек на козлах кружил намеренно. Наконец он приехал в какое-то место, где, по словам Кикина, воняло нашатырём. Здесь бочку опорожнили. Назад повозка с мистером Маршем и его контрабандным пассажиром двигалась по другой, не менее сложной траектории. Дабы согласовать данные о пути туда и пути обратно, так чтобы совпали начальные и конечные точки, не вступая при этом в слишком уж грубое противоречие с указанным на карте положением мостов, холмов и прочая, потребовалось вдвое больше времени, чем на саму поездку. То и дело обсуждение переходило в длинные споры о применимости евклидовой геометрии и

природе абсолютного пространства, в которые Ньютон и Лейбниц вступали с излишним рвением; тогда Даниелю приходилось вмешиваться и накладывать запрет на метафизику. Выражались сомнения в точности наблюдений, от которых господин Кикин отбивался всё менее и менее пылко; вскоре после полудня он уснул на сложенной грузовой сетке. Возникали клики и расколы внутри клик, заключались и распадались союзы, перебежчиков клеймили позором, а те заявляли, что неотступно следуют велениям истины.

Однако вдруг всё встало на свои места. Точка, на которой теперь лежало Даниелево кольцо, столь очевидно была искомой, что все дивились, как сразу её не увидели. Кикина, которого минуту назад называли ослом, не умеющим считать до десяти, и подозревали в том, что он заснул между наблюдениями, теперь чествовали как лучшего малого в мире и сравнивали с Васко да Гамой.

Общее ликование испортил Даниель, спросивший:

— И что теперь?

— Если верить карте, — сказал Ньютон, — Джек разместил установку для выпаривания мочи в каком-то большом поместье далеко в северных холмах.

— Что естественно, — вставил Орни. — Иначе соседи жаловались бы на вонь.

— Принимая в рассуждение размер поместья, открытую местность и печально известную мощь Джековой шайки, опрометчиво заявляться туда менее чем с ротой солдат.

— Тогда клубу повезло, что в нём состоите вы, сэр Исаак, — заметил Сатурн. — Как-то раз на моих глазах ровно столько вооружённых людей прибыло по вашему зову.

Он имел в виду налёт на воровской притон в Сент-Брайде.

— Люди, которых вы тогда видели и от которых сбежали, были курьеры королевы, — сказал Ньютон, — хотя, конечно, они уже две недели зовутся курьерами короля. Ими командует мистер Чарльз Уайт, верный клеврет Болингброка. Тогда он помогал мне, желая заманить меня в ловушку. Не думаю, что он расположен помогать нам сейчас.

— Однако Болингброк утратил всякую власть, или, по крайней мере, так утверждают, — вмешался Кикин.

— Не утратил, сударь, — возразил Ньютон, — покуда его люди охраняют Монетный двор и ковчег.

— Разве этим занят не Собственный её… прости-

те, его величества Блекторрентский гвардейский полк? — спросил Орни.

— Да, но им тоже командует мистер Чарльз Уайт, — отвечал Ньютон.

— После того, как в апреле Джек скомпрометировал ковчег, — тихо объяснил Даниель Лейбницу, — Болингброк объявил, что вигам нельзя доверять охрану Монетного двора — они-де во всём и виноваты. Так он получил полномочия по этому вопросу.

— Которые и передал Уайту.

— Да. Когда Ганноверы вступят на престол и виги снова придут к власти, полномочия эти у него отнимут, но пока он командует и курьерами короля, и Блекторрентским полком; под его надзором и Монетный двор, и ковчег.

Все лица были обращены к ним. Побочный разговор между Даниелем и Лейбницем стал центром внимания. Особенно пристально смотрел на Даниеля Ньютон; он словно чего-то ждал.

— После событий двухнедельной давности, — сказал Даниель, — напряжение между вигами и тори, Ганновером и якобитами несколько ослабло, хотя и не совсем ушло. Войска ассоциации вигов стоят в предместьях, готовые занять город, если Болингброк попытается захватить власть.

Может быть, нам смогут выделить роту. Я наведу справки у людей, в чьём ведении такие вопросы.

Собрание ещё некоторое время продолжалось, но на самом деле слова Даниеля положили ему конец. Исаак под каким-то предлогом уехал почти сразу, Кикин — несколькими минутами позже. Лейбница он прихватил с собой, чтобы по дороге вместе выполнить некие неназванные царские поручения. Тредер и Орни остались, дабы продолжить обмен колкостями; хотя ни тот, ни другой в жизни бы этого не признал, между ними возникла своего рода дружба.

Даниель и Сатурн вместе взяли лодку до Лондона, о чём Сатурн вскорости пожалел. Даниель, который с утра так радовался, сидя на мешке с паклей и глядя на реку, теперь впал в унылое настроение, более свойственное сатурническому темпераменту.

— Исаак доведёт это дело до конца, — предрёк он. — Никаких компромиссов, никаких окольных путей, никаких молчаливых соглашений. Перемирие, заключённое с Джеком в «Чёрном псе», забыто. Исаак должен во что бы то ни стало уничтожить предмет своей ненависти. Ха! Интересно, что он готовит мне.

Сатурн разглядывал что-то несущественное на

берегу в надежде, что попутчик, не получая ответа на свои ламентации, в конце концов замолчит. Впрочем, последнее замечание заставило его повернуться к Даниелю.

— Почему он должен вам что-то готовить?

— Я и только я стою между ним и Соломоновым золотом. Во всяком случае, так он воображает.

— Это правда?

— Царь и некоторые его приближённые, такие как господа Коган и Кикин, могли бы выказать недовольство, если бы Ньютон конфисковал золото, — сказал Даниель. — Однако они далеко и для Ньютона не существуют. Их он не принимает в рассуждение и за всё будет ненавидеть меня.

— И чем ненависть сэра Исаака чревата в плане практическом?

Даниель вспомнил Гука и его уничтоженное наследие. Впрочем, какая разница, что будет после твоей смерти?

Сатурн продолжал:

— На собраниях клуба он с вами вежлив…

— И я до сегодняшнего дня гадал почему. Исаак больше не распоряжается курьерами королевы и Блекторрентским полком. Болингброк отнял у него всю светскую власть, какой несколько месяцев назад он обладал или думал, что обладает. А

чтобы бороться с Джеком-Монетчиком, ему нужна власть, которой я, хоть и не прямо, располагаю через Роджера.

— Но почему, почему, — воскликнул Сатурн, — вы потворствуете сэру Исааку, если считаете, что он записал вас в недруги и готов уничтожить?

— Очень разумный вопрос, — признал Даниель. — Думаю, это просто для него, сложно для меня. Хитросплетения уступок и компромиссов, в которых я погряз, для Исаака — дрянь и мусор, подобно волосяным комкам, какие мы вытаскивали из коровьих желудков. Его не удовлетворит ничто, кроме полного уничтожения Болингброка, Чарльза Уайта, Джека Шафто, Лейбница и — раз я имел глупость с ними спутаться — меня. Питер, я не могу вызвать в себе ничего, похожего на ярость Ньютона, жаркую, как пламя пробирщика. Быть может, и я, и все остальные — лишь пена на его тигле, которую надо соскоблить и выбросить вон.

Суррей

перед рассветом, 15 августа 1714
Сержант Боб идёт по Суррею

И поставлена будет им часть войска, которая

осквернит святилище могущества, и прекратит ежедневную жертву, и поставит мерзость запустения.

Дан., 11, 31

Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои.

Мф., 24, 15–18

ЕМУ БОЛЬНО БЫЛО вести солдат по английской земле. Ирландия, Бельгия, Голландия и Франция — естественные Марсовы поля: армии пасутся на них, как овцы на холмах Альбиона. Однако сейчас, ведя роту вооружённых людей через английское поле, он чувствовал, что напрасно выбрал военную стезю.

Он, разумеется, понимал всю нелепость своих мыслей: Бельгия столь же не создана для войны, как этот край. И всё же так он чувствовал и, как всегда, держал свои соображения при себе.

В Ламбет переправились конным паромом около двух часов ночи и двинулись на юг по Клапемской дороге. Настоящий маршевый шаг

разносился бы по сонной округе на много миль, а они не хотели привлекать к себе внимание, поэтому шли не в ногу, повзводно, обтекая редкие селения, как вода. Дозорным, полуночникам и прочим излишне бдительным жителям, которые выходили с вопросами, советовали не лезть в чужие дела, а потом спрашивали у них дорогу к Эпсому. Стратегия состояла в том, чтобы идти быстрее слухов, однако на случай если кто-нибудь поскачет вперёд на лошади, они старались создать ложное впечатление, будто направляются к юго-западу. Собственно, на юго-запад они и шли несколько часов кряду, затем, перекусив в придорожной лощине сухарями, резко повернули, быстрым шагом проделали четыре мили на восток по дороге и дальше двинулись через поля. Разведчики вели их вверх и вниз по холмам, которые можно было почувствовать ногами, но не увидеть. Ему казалось, что подъёмов больше, чем спусков, но усталому пехотинцу всегда так кажется. Слышал он плохо, поэтому не различал шума листвы, зато ощущал присутствие деревьев по ауре безветрия и аромата. Потом стали попадаться рощицы, которые приходилось обходить, чтобы солдаты не разбредались, не шуршали листьями и не ломали веток.

Свет сеялся с неба, как хлопья пепла от сожжённого города. В какой-то момент рассвело настолько, что пятна и намёки, проступавшие сквозь тьму последние час с небольшим, внезапно обрели смысл. Он огляделся. Ему думалось, что они идут через открытую местность, иногда огибая рощицы, но всё оказалось совсем не так. Деревья росли повсюду, где гуще, где реже, так что видно было не дальше, чем на бросок камня; только кое-где над кронами торчали верхушки холмов. Под сенью леса бледной рекою вилась прогалина, заросшая жёсткой сухой травой. Меловая почва так же не могла удержать влагу, как пальцы скелета — деньги. В голове ударил набат: он привёл роту туда, где не сыщешь ни ручья, ни озера! Через несколько часов у них кончится вода! Мучительным усилием воли он прогнал тревогу; через десять шагов та вернулась и заняла господствующую позицию. Мысли стали стёртые, как солома в ветхом тюфяке, и, наконец, рассыпались с первыми лучами солнца.

Словно мальчишки, добредшие по ручью до его впадения в реку, рота вышла в широкую низину; слева лежали пастбища, справа начиналось известковое подножие мелового холма. Здесь путь преграждала густая тонзура вязов; сперва пока-

залось, что она идёт до самого верха, со второго взгляда в просветы между деревьями удалось различить бледный пожухший луг.

Сейчас он понял бы диспозицию, даже если бы не участвовал в её составлении. На вершине холма стоит усадьба, загороженная с этой стороны полосой вязов. Обычные гости поднимались туда (надо думать) по какой-то пологой дороге с другой стороны холма. Роте предстояло атаковать усадьбу с неохраняемого (если всё окажется хорошо) тыла: преодолеть лесистый меловой склон и выбраться на открытое пространство.

Покуда он выстраивал в голове картину местности, волоски на загривке всколыхнулись. Он обернулся и потянул носом этот новый ветерок, влажный, пахнущий речной тиной. Ветер дул в ту же сторону, куда им предстояло идти.

Он заговорил впервые за несколько часов и велел немедля идти на штурм, держась кучно, чтобы каждый взвод, фигурально выражаясь, чувствовал локоть соседнего и не потерялся в тумане. «В каком тумане, сержант?» — спросил кто-то, ибо воздух был чист, как талая вода. Однако сержант Боб повернулся спиной к вопрошавшему и зашагал вверх по склону. Он давно заметил, что солдатский опыт измеряется тем,

как быстро человек угадывает начало сражения. Для Боба Шафто оно началось, когда сырой ветер зародился над Темзой, и теперь уже наполовину закончилось. Для малого, спросившего: «В каком тумане, сержант?», сражение ещё лежало в неопределённом будущем. В крайних формах подобная некомпетентность ведёт к тому, что отряд уничтожают во время сна или на привале, в мягких — к неоправданным потерям. На такой случай у Боба было только одно лекарство: действовать, чтобы тугодумы встряхнулись и последовали его примеру. К тому времени, как он подошёл к деревьям, сырость чувствовалась на коже. Пока солдаты пробирались через лес на вершину холма, её уже окутал туман. Боб не прошёл по лугу и десяти шагов, как залаяла собака. Рота двигалась образцово тихо, однако ветер дул в спину и гнал запах на милю вперёд, так что собака почуяла их издали.

Они уже оставили позади семь восьмых сражения, которое для большей части солдат ещё лежало в будущем. Не только Боб услышал собаку: голоса, называя её по имени, приказывали ей заткнуться. При некотором везении хозяева и дальше лежали бы в постели, ругая собаку, пока Боб не высадил бы дверь. Но это была бы уж очень

большая удача. Справа налетел шквал ржания и конского топота: кавалерия вигов атаковала поместье с другого склона. Даже слабый слух Боба различал её приближение; один из солдат помоложе клялся, что слышит карету. Обитатели усадьбы никак не успели бы погрузиться в экипаж, и Боб заключил, что это какие-то офицеры или джентльмены приехали наблюдать, проверять, критиковать, отменять или как-либо ещё исправлять его действия.

— Разрешаю шуметь, — объявил он громко, и звук, как паника, побежал по цепи влево и вправо. Впрочем, из-за тумана это была не столько цепь, сколько рассыпанные звенья. Барабанщики забили атаку, сержанты, поняв по барабанному бою, как далеко они разбрелись, принялись орать. Один взвод сильно отстал и, хуже того, не понимал свою ошибку; Боб мысленно вычеркнул его из диспозиции. Другие взводы двигались перпендикулярно линии наступления. Так что Боб наконец выкрикнул, чтобы все шли на собачий лай. Это помогло лучше, чем все его предыдущие усилия: рота тронулась вверх по склону. По цепи пробежало известие, что справа стена, и Боб приказал перед нею остановиться. Середина, а затем и левый фланг отыскали стену и встали,

образовав (как предполагал Боб) дугу в несколько сот ярдов, развёрнутую в общем направлении собаки. К лаю теперь добавились звуки почтового рожка, крики, звон клинков и пистолетные выстрелы. Стена была грубая, каменная, заросшая зеленью. Боб несколько мгновений колебался, пока не услышал сзади топот кавалерии и не отметил, что туман рассеивается. Тогда он приказал лезть через стену и бежать к месту стычки. От них будет больше проку как от загонщиков, чем как от охотников. А если кто-нибудь и прорвётся сквозь цепь, его задержит наступающая с тылу кавалерия.

ЛОНДОНСКИЕ УЛИЦЫ, ТАКИЕ разные и неповторимые для смиренного пешехода, из окна кареты предстают неразличимыми и безымянными, как волны на море. Покуда Уотерхауз, Ньютон и Лейбниц плыли по ним в первые полуночные часы, Даниель тешился надеждой, что спор о приоритете разрешится прямо сейчас либо христианским прощением, либо придорожной дуэлью в кромешном мраке. Однако сэр Исаак определённо решил не говорить вообще ни о чём; он притворился спящим и сердито вскидывал голову, когда Уотерхауз и Лейбниц нарушали его сон болтовнёй и светом свечей. И неудивительно:

всё шло к тому, что спор завершится триумфом Исаака, так зачем ему говорить с Лейбницем? Это Лейбниц должен как-то заинтересовать Ньютона в разговоре.

Даниель не спал и не делал вид, будто спит. Как только рассвело, он открыл шторы на окнах, за которыми оказалась прелестная суррейская аллея. Впрочем, любоваться ею пришлось недолго, не больше четверти часа. Сперва Лейбниц, потом Ньютон зашевелились, стряхивая настоящий или притворный сон.

— Так вы думаете, мы едем на последнее собрание клуба? — спросил Даниель, пытаясь вовлечь их хоть в какой-нибудь разговор.

— Если вы на самом деле спрашиваете, поймаем ли мы Джека, то мой ответ «нет», — отвечал Исаак. — Это не похоже на его логово. Скорее на загородное поместье какого-нибудь лорда.

— Вы как будто смущены, — заметил Лейбниц, — но разве не было с самого начала очевидно, что Джек в сговоре с высокопоставленными лицами?

— Разумеется, — сказал Исаак. — Тем не менее я не ожидал въехать прямо в усадьбу какого-нибудь герцога! Где мы?

— Не тревожьтесь, — успокоил его Даниель,

сидевший лицом вперёд. — Нам машет один из псевдомогавков Роджера. Он показывает кучеру, чтобы тот свернул влево.

— А что там слева?

— Дорога по*у*же — не такая роскошная аллея, как здесь. Может быть, она приведёт к какому-нибудь смиренному сараюшке.

Однако, едва свернув, они въехали в каменные ворота: явно не парадный вход, а, скорее, чёрный, ведущий в какую-то часть поместья. Покуда карета тряслась по ухабам, Даниелю подумалось, что здесь недавно прошла пехота вигов, и все солдаты разом справили малую нужду. И тут он сообразил, впервые в жизни быстрее Ньютона и Лейбница: последние несколько минут пути — дороги, повороты, запах — сходились с тем, что наблюдал Кикин на подъезде к таинственному заведению. Они у цели. Почти.

— Кучер! — крикнул Даниель. — Скажи, ты видишь впереди место, где можно повернуть вправо, а потом немного проехать в гору по старой дороге, кое-где замощённой плитами?

— Нет, хозяин, — отозвался кучер, но тут карета повернула, и он увидел именно то, что описал Даниель. Ньютон и Лейбниц, которые к этому времени уже высунулись из окон, тоже.

— Езжай туда! — хором закричали все трое, узнав место по описанию Кикина.

Кучер подчинился. Карета начала подъём на холм.

Его венчали несколько очень ветхих строений старонорманнского вида. Лаяла собака. Сзади застучали копыта: их нагонял кавалерист, раньше указавший дорогу кучеру.

— Поворачивайте! Вы едете не туда! — кричал он.

— Мы едем туда! — возразили Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз в один голос, от чего все трое расхохотались. Собака зашлась лаем.

— Кто идёт? — донёсся голос с подножия холма.

Спрашивал явно не местный житель, окликающий чужака, а другой чужак, силящийся понять, что происходит. В первый миг Даниель опешил, во второй ощутил лёгкое беспокойство. До сих пор он был убеждён, что здесь уже прошли союзники, действующие по чёткому плану, теперь слышал, как несколько подразделений и отдельных индивидуумов, находящихся на одной с ними стороне, тратят уйму усилий, просто чтобы понять: кто тут, куда направляется и так далее. Вполне возможно, что они с Ньютоном и

Лейбницем *опередили* остальное войско. И, наконец, венцом в цепочке, начало которой положил окрик «Кто идёт?», явилось осознание, что все военные операции таковы, никто, кроме Даниеля, ничуть не удивлён, исправить, как обычно, ничего нельзя, и никаких извинений не последует.

Тем временем они въехали на холм, где их сразу окружила адская вонь: запах нашатыря такой сильный, что лошади с испугу понесли. Кучеру потребовались вся его смекалка, сила характера и умение обращаться с кнутом, чтобы остановить их, развернуть и направить обратно в наветренную сторону, где воздух был почище. Лихорадочная скачка с разворотом на холме длилась секунд десять и оставила у Даниеля в мозгу обрывки тягостных образов: рвущийся с цепи пёс, выпотрошенные строения, обезображенная земля. В голове звучали слова «мерзость запустения»: он отчётливо слышал, как Дрейк читает их по Женевской Библии. Старые фахверковые постройки, вероятно, разрушились ещё раньше, чем сюда попали Джек и его присные. Как жуки в дохлого зверя, пришельцы вгрызлись в развалины, понаделали в них дыр и ходов, разобрали стены и крыши, превратили россыпь домишек в нечто новое и чудовищное. Со стороны ограды дома из-

менились мало, зато посередине выросло нечто новое и чудовищное. Огромные перегонные кубы, чёрные от копоти, переходили в медные змеевики, покрытые капельками застывшего припоя и мохнатой порослью химических кристаллов. На земле чернели выгоревшие безжизненные пятна от пролитых ядовитых жидкостей.

Даниелю наконец пришло в голову взглянуть на Исаака: как понравилось архиалхимику его искусство, увеличенное во сто крат. На лице Ньютона не было ни восторга, ни омерзения, только некая раздумчивость, как всегда, когда он выстраивал в голове нечто, для Даниеля недоступное. И тут он сказал:

— Дом Кларка.

Исаак имел в виду место, которое показывал Даниелю пятьдесят лет назад в линкольнширском городке Грантем: дом аптекаря, где жил школьником. Кларк увлекался алхимией и заполнил боковой дворик дома останками своих экспериментов. Его приборы были несравнимо меньше здешних установок, но юному Исааку наверняка казались такими же огромными, завораживающе-грозными и таинственными. За полстолетия всё алхимическое сделалось для Исаака привычным, однако сейчас он испытал то

же, что чувствовал мальчиком, когда без спросу проникал в лабораторию мистера Кларка.

Что до самого Даниеля, ему хотелось злиться на то, что Джек сделал с уютной старой фермой, негодовать, ненавидеть Джека ещё сильнее. Увы, он не мог вызвать в себе этих чувств, потому что уже видел в Девоне творение Томаса Ньюкомена — провозвестие того, что наблюдал здесь. А может, и машина для подъёма воды посредством огня, и Джеков фосфорный завод — провозвестия чего-то другого, что Даниель не может (и едва ли хочет) вообразить. Когда-то он с большим апломбом сказал мистеру Тредеру, что Англии, если она научится строить машины, не понадобятся рабы, и что машины, плод изобретательной мысли, — вещь более английская, чем стонущие от непосильного труда негры. Сейчас он понял, что следовало быть осторожней в своих желаниях. Первая установка для получения фосфора, созданная алхимиком Генрихом Брандтом, вдохновила Лейбница на стихи. Теперь по лицу Лейбница Даниель видел, что об этом месте тот ничего не напишет, разве что ему придёт фантазия сочинить новую песнь к Дантову «Аду».

Лошади наотрез отказались приближаться к зловонному сооружению; Ньютону, Лейбницу и

Уотерхаузу пришлось вылезти из кареты. Они знали, что собака привязана, потому что чуть её не переехали, и что людей там не окажется, потому что никто не мог бы спать в этом аду. Все трое быстрым шагом двинулись к установке. Сзади послышался конский топот, но никто не обернулся: это наверняка был могавк, которого отрядили за ними приглядывать.

Ветер унёс с холма последние клочья тумана, хотя в седловинах по-прежнему пухлыми серыми реками лежала мгла. Можно было видеть на десять миль вокруг, и всякий, кроме натурфилософа, повернулся бы спиной к безобразному зрелищу и обратил взор к красотам природы. Однако этих людей, которым ничего не стоило разрезать прекрасный труп, дабы осмотреть некрозную язву, интересовал только фосфорный завод.

Участок был обнесён старой живой изгородью; новые жильцы безжалостно обрубили её до половины человеческого роста. Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз прошли по дороге, могавк легко перемахнул на коне через изгородь, развернулся и рысью подъехал к ним. Уотерхауз, хорошо знавший своё место, взял на себя тягостную обязанность поговорить с всадником, чтобы великих

мужей не отвлекали от наблюдений.

— Не важно, какой приказ вам отдали, — сказал Даниель. — Это место — наша сегодняшняя цель; сюда мы и ехали.

— Съездить за остальными?

— Нет необходимости. Они скоро нас найдут.

— Я хотел сказать, сэр, на случай если нам окажут сопротивление.

— Сопротивления не будет, кроме вот этого!

Даниель указал на бегущего к ним пса.

Верёвка была длинной, так что пёс мог бегать по всей вершине холма, если не совершит классическую ошибку и не намотает её на что-нибудь, а этот пёс, судя по всему, был из умных. Считая, что отогнал карету с Ньютоном, Лейбницем и др., он бросился на противоположный край участка, чтобы облаять кого-то ещё. Теперь он бежал к ним наискосок слева. Ньютон и Лейбниц были чуть ближе, Даниель и конный могавк — чуть дальше; пёс на мгновение замедлился, принимая решение, затем благоразумно выбрал первых двоих. Ньютон и Лейбниц, такие разные, пока речь шла о глубоких философских вопросах, при виде разъярённого мастифа повели себя совершенно одинаково. Оба рванули вправо и очутились возле изгороди, через которую готовы были в

крайнем случае перелезть, — именно в крайнем, ибо возраст не способствовал таким подвигам. Вдоль изгороди они побежали вперёд в надежде выбраться из смертоносного радиуса, но верёвка всё разматывалась и разматывалась; всякий раз, как казалось, что сейчас-то она натянется, новые мили возникали, будто из шляпы фокусника.

Ньютон обо что-то споткнулся, и Лейбниц наклонился это поднять. Предмет оказался большой деревянной весёлкой, местами обгорелой и грязной, с обломанным концом, но всё равно длиною в морскую сажень. (Учёные как раз добежали до котла, в котором такими весёлками размешивали и проверяли густеющее варево.) Лейбниц замахал находкой, подавая собаке знак, который та истолковала совершенно верно и, прекратив лобовую атаку, плавно перешла к хитроумным наскокам с фланга. Тут и нагнал их Даниель; под защитой Лейбница он начал поднимать Ньютона с земли. Тем временем могавк заехал собаке в тыл и закричал, отвлекая её на себя. Конь отлично понимал план и всецело не одобрял; всадник вынужден был одновременно манипулировать психическим состоянием собаки и лошади, что требовало немалого напряжения.

Исаак лежал не потому, что споткнулся, а по-

тому, что нечто его заинтересовало. Он показал руку. На середине ладони лежал красный катышек.

— Смотрите, — объявил Исаак. — Джек научился делать *красный* фосфор. Он рассыпан повсюду.

— Наверняка он и служил запалом в адских машинах, — сказал Лейбниц.

Он по-прежнему стоял с весёлкой наперевес, защищая Даниеля с Исааком, которые сжались под изгородью. Однако необходимости в этом было всё меньше: вниманием собаки безраздельно завладел могавк. Лошадь вздыбилась, чтобы обрушить копыта на голову мастифу.

Всадник вытащил пистолет.

— Не открывайте огонь, сэр, — попросил Даниель. Ему давно опостылело смотреть, как собак убивают во имя натурфилософии. Он встал и поднял Ньютона на ноги. Что-то в слове «огонь» вызвало у него смутное беспокойство.

— Не открывайте огонь! — закричал Лейбниц, который, опустив взгляд, увидел рассыпанный по земле красный фосфор.

Однако могавк их не слышал. Верёвка обвилась вокруг задних ног лошади, та обезумела. Всадник навёл пистолет на собаку. Лейбниц стремительно повернулся спиной к тому, что сейчас произой-

дёт. Увидев, что до товарищей несколько шагов, он развернул весёлку горизонтально, поднял её на уровень груди и побежал. Деревяшка ударила Даниеля под ключицы и заставила пятиться, пока жёсткие ветки низко остриженной изгороди не упёрлись ему чуть ниже ягодиц. Он успел увидеть, как из пистолета вырвалось пламя, затем небо вокруг него повернулось — птолемеева иллюзия, разумеется, потому что на самом деле он летел кубарем через изгородь. Даниель — и Ньютон — перекувырнулись на другую сторону и остались лежать ничком. Икры ему обжигало белое пламя, вставшее над изгородью, как рассвет.

БОБ УТРАТИЛ СПОСОБНОСТЬ различать высокие звуки, зато стал очень чуток к ударам и раскатам, которые слышал не ушами, а ступнями и рёбрами. Этими органами чувств он воспринимал конский топот, хлопанье дверей, пальбу и тому подобное. Пальбы он пока слышал мало. Копыта стучали за спиной: сзади нагоняла кавалерия вигов. Боб вёл роту по лугу к колючей изгороди, обрамляющей вершину холма. Как везде в поместье, она была острижена примерно до середины человеческого роста. Боб видел в этом военные приготовления: как раз из-за такого укрытия удобно стрелять, стоя на одном колене.

Три ограды, разделявшие примерно четверть мили более или менее открытого пространства, были сейчас между его солдатами и фермой на вершине холма, откуда, судя по всему, доносился лай. Боб видел, как рядом с домами показался и снова исчез экипаж, но не понял, что это значит, а потому оставил без внимания. Солдаты инстинктивно развернули строй параллельно следующей изгороди. Когда они сбавили шаг и забросили ружья за спину, чтобы через неё лезть, Боб кое-что услышал ступнями и крикнул: «Кавалерия! Меньше эскадрона. Гораздо меньше. Держать строй. Скачут из-за тех деревьев». Последнее было просто догадкой; Боб исходил из того, что до сих пор не видит всадников. Все солдаты разом повернулись: они слышали что-то, чего не слышал он. Боб вслед за ними устремил взгляд на рощицу в седловинке впереди и увидел конские ноги, озарённые янтарным светом раннего утра, бьющим сквозь чёрные стволы.

Через мгновение три всадника вылетели из-за рощицы и понеслись прямо на Боба. Они точно рассчитали время: выждали, когда пехота замедлит шаг, чтобы форсировать изгородь.

— Кругом! Спиной к изгороди! — приказал Боб.

Из-за того что всадникам пришлось огибать

лесок, они растянулись — тот, что скакал с краю, отстал. Средний — если глаза Боба не обманывали — был чёрный. Обгорел? Ружьё взорвалось в руках? Гадать было некогда. Боб вытащил палаш на случай, если придётся парировать сабельный удар сверху. Но ни один из всадников не обнажил оружие. Первый перескочил ограду очень близко от Боба, и тот чуть не упал — не потому, что его сбили с ног, а от головокружительного восхищения красотой лошади и мощью её движений. Чёрный человек прыгнул по другую сторону от Боба. В тот же миг верхушка холма озарилась, через мгновение раздался свистящий гул, затем череда ударов. Когда это произошло, третий всадник как раз послал лошадь в прыжок; та от испуга задела изгородь, неудачно приземлилась и сломала ногу.

Всадник упал отдельно от неё и быстро вскочил, отделавшись ушибами. Однако два взвода пехотинцев уже целили в него с расстояния настолько близкого, что, скомандуй Боб «пли!», изрешечённое тело опалило бы пороховым пламенем.

— Убери эту дрянь от моего носа и пристрели лошадь, — сказал молодчик ближайшему солдату.

Два других всадника — сперва чёрный, потом

белый — развернулись посреди луга. Боб видел, что им наперехват скачут кавалеристы-виги.

— Джимми! Томба! — закричал тот, который упал с лошади. — Вперёд! Вы прорвётесь! Это несколько хлыщей на водовозных клячах, они не знают местности и не умеют драться!

Боб подозревал, что всё сказанное верно. Если бы Джимми и Томба по-прежнему мчали во весь опор, они, возможно, прорвали бы строй вигов, а с такого расстояния по скачущим людям солдаты могли и не попасть. Однако эти двое поступили иначе. Они обменялись взглядами и поехали к своему товарищу. Боб шагнул вперёд, лишь раз обернувшись — без всякой надобности — проверить, что на всех троих наведены ружья. Одно слово Боба — и грянут выстрелы. Все трое это знали, но не обращали внимания на Боба и вообще ни на кого. Белый всадник, подъехав, сказал:

— Не выёживайся, Дэнни. У нас в семье не принято драпать, бросив своих.

Теперь Боб узнал в Джимми и Дэнни своих племянников, которых не видел лет двадцать.

— Чтоб мне провалиться! — сказал он.

То было восклицание досады, но едва ли изумления. За последнее время он так навидался родственников, что утратил способность удив-

ляться. Услышав возглас, они обернулись и тоже его узнали.

— А, чёрт! — ругнулся Дэнни.

— Я знал, дядя, что рано или поздно это случится, — Джимми печально и умудрённо покачал головой, — если ты и дальше будешь путаться с *законными властями*.

— Вы его знаете? — спросил чёрный, встряхивая густой шапкой волос.

— Он наш дядя, чёрт бы его подрал, — отвечал Дэнни. — Надеюсь, ты доволен, Боб.

Сердце у Боба колотилось. Что-то очень похожее ощущали его ноги, потому что земля дрожала — конница неслась по лугу, предвкушая вожделенный случай срубить на всём скаку несколько голов. От такой ясной и близкой опасности Бобово оцепенение прошло. Он зашагал навстречу кавалеристам, подавая рукой знак остановиться. Капитану хватило ума сдержать атаку. Всадники натянули поводья и выстроились в линию, чтобы перекрыть пути для побега.

— Вы в самовольной отлучке из Собственного его, потом её, потом снова его королевского величества Блекторрентского полка двадцать лет, — сказал Боб.

— Брось говниться! — отвечал Дэнни, но Джим-

ми, спрыгнув с лошади, сказал:

— Это ты брось валять дурака, братец мой. Дядя Боб думает, что оказывает нам услугу, чтобы нас повесили, как дезертиров, а не четвертовали на Тайберн-Кросс.

На Дэнни это произвело сильное впечатление.

— Зд*о*рово, дядя. Прости, что зазря обругал. Но как Джимми и Томба не бросили меня, так мы с Джимми не бросим Томбу, чтобы его потрошили в одиночестве, верно, Джимми? Джимми? Джимми? *Шеймус Шафто,* я с тобой говорю, башка стоеросовая!

— Да, наверное, — отозвался наконец Джимми, — но тяжеленько это: два, чёрт возьми, хороших поступка за две, чёрт возьми, минуты.

— У вас было на дурные поступки двадцать лет, — сказал Боб. — Две минуты вас не убьют.

— Как насчёт двух минут на Тайберне? — подал голос Дэнни.

У Боба стало такое лицо, что Томба расхохотался.

НА ПАМЯТИ ДАНИЕЛЯ ИСААК ни разу не подал виду, что ему больно, пока сейчас они с Лейбницем не взяли его за обе руки и не поставили на ноги. Тут у Исаака сделалось изумлённое лицо, как будто он впервые в жизни испытал физи-

ческий дискомфорт. Простонав: «О-о-о! А-а!», он зажмурился, скривился, наморщил лоб и замер так надолго, что Даниель заподозрил сердечный приступ с близким летальным исходом. Однако мало-помалу боль, видимо, ушла, и сознание Исаака вернуло себе контроль над нервами, идущими к лицевым мышцам. Теперь он мог принять то выражение, какое хотел: напускного безразличия.

— Это… — Он сделал паузу, чтобы глотнуть воздуха. — Пустяки. Мышцы… около рёбер… были не готовы… к *вмешательству*… барона фон Лейбница.

— У вас не сломано ребро? — спросил Даниель.

— Я полагаю, что нет, — ответил Ньютон на одном длинном выдохе и тут же пожалел, что произнёс столько слов зараз, потому что теперь вынужден был сделать глубокий вдох. Лицо его снова перекосилось.

— Я схожу за каретой, чтобы вам не идти, — предложил Лейбниц. — Даниель, вы побудете с сэром Исааком?

Даниель остался с Ньютоном, а Лейбниц, который из-за подагры и в лучшие-то времена ходил враскачку, отправился искать карету. Видимо, когда вершина холма взорвалась, лошади умчали

без оглядки.

Собственно, «взорвалась» не совсем правильное слово, хотя событие и сопровождалось чередой мелких взрывов. Точнее сказать, вершина вспыхнула и сгорела очень быстро, как будто пожар, которому следовало растянуться на несколько часов, уложился в несколько секунд. В отличие от обычных трущоб, вокруг которых скапливаются отбросы, экскременты, зола, это место, хоть и вполне трущобное в своей бессистемности, было загажено исключительно химическими отходами, по большей части легковоспламеняющимися. Огонь, вызванный пистолетным выстрелом, бежал по засыпанной фосфором земле, пока не наткнулся на жилу: ручеёк фосфорной смеси, берущий начало у одного из котлов. По этому запалу он взбежал наверх и поджёг, а затем и взорвал одну или несколько исполинских медных реторт; взрыв, как порох на ружейной полке, воспламенил большой запас красного фосфора в бывшем амбаре. Амбар исчез с лица земли — не осталось даже обломков. Котлы превратились в оплавленные куски и лужицы меди, частью ещё не застывшие. От перемешанных костей, которые прежде были собакой, конём и всадником, поднимался дым. Всех троих испепелило

на месте: своего рода дальнодействие, при котором жар от горящего амбара распространялся в пространстве, как тяготение. Подобно свету, он двигался по прямой. По этой-то причине Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз были по-прежнему живы: перекувырнувшись через изгородь, они остались лежать в её тени, вне досягаемости палящих лучей. Сторона изгороди, обращённая к амбару, теперь являла собой стерильный каменный остов с торчащими из него угольными сталагмитами. Противоположная сторона, всего в нескольких дюймах от неё, не изменилась.

Эти и другие впечатления несколько минут полностью занимали натурфилософические умы. Затем внимание Даниеля переключилось на окружающее. До сего момента он не успел толком оглядеться: сперва туман, затем пламя мешали тщательным наблюдениям. Он понятия не имел, где они находятся, знал только, что где-то в Суррее, в возвышенной части Норт-Даунз. Внизу на много миль расстилалась холмистая местность, там и сям торчали церковные шпили. В другой стороне, чуть дальше по дороге, приткнулся сельский домик. Но прежде, чем Даниель успел всё это хорошенько увидеть, взгляд его привлекло куда большее здание вдали; оно стояло на холме, охва-

тывая флигелями систему регулярных садов.

— Ну и дворец! — воскликнул Даниель; глупая реплика, но не сказать этого было невозможно. Теперь он видел и аллею, с которой они свернули. Она вела к противоположной, надо думать, парадной стороне дома. — Чей он?

Ньютон только сейчас увидел дом, но не столько удивился, сколько задумался.

— Будь вы тори, вы бы сразу его узнали. Это поместье Болингброк несколько лет назад купил у милорда ****, — Исаак назвал знатного вига, разорившегося вчистую, когда Английский банк особенно впечатляюще лихорадило; история до сих пор была на слуху.

— Я и не слышал, что у Болингброка есть дом в этих краях, — признался Даниель.

— Это потому, что он так сюда и не въехал, — пояснил Исаак, — только постоянно его перестраивал. — Тут он замолчал, чтобы обдумать собственные слова. — Перестройка означает, что по дороге снуют телеги с материалами. Местные жители привыкли…

— Вы хотите сказать, что таким образом можно скрыть деятельность преступного предприятия, расположенного на территории поместья, — подытожил Даниель, желая избавить Исаака

от необходимости слишком много говорить, поскольку речь очевидно доставляла ему боль. — Поразительно! Мы подозревали, что Джек как-то связан с Болингброком. Но кто бы мог представить, что статс-секретарь допустит такое на своей собственной земле?

— Может быть, не столь и поразительно, — произнес Исаак. — Сам он здесь не живёт. Не так давно мы убедились, что Болингброк даже в зените славы и могущества был куда слабее и уязвимее, нежели мы думали. Вполне возможно, что он не раз прибегал к Джековой помощи. Почему Джеку было не обосноваться на земле, принадлежащей Болингброку и, вероятно, купленной на деньги французского короля?..

Ньютон пожал плечами, давая понять, что нисколько не удивлён, — и тут же об этом пожалел, поскольку движение причинило рёбрам острую боль.

— Я вижу, сюда едет ещё один экипаж. Вероятно, с господами Кикиным, Тредером и Орни. — Даниель замахал кучеру, и тот ответил взмахом руки. — Давайте сядем и подождём их.

— Я лучше постою, — отвечал Ньютон, — чтобы не пришлось снова вставать.

— Куда велим кучеру отвезти нас? — спросил

Даниель, надеясь услышать: «К ближайшему врачу».

— Вон к тому домику, — ответил Исаак. — Давайте выясним, чем там Джек занимался. Впрочем, я, кажется, знаю.

— ТАК Я И ДУМАЛ, — произнёс он двадцатью минутами позже, сидя за столом в домике.

Даниель, Лейбниц, Орни, Тредер и Кикин стояли вокруг на осколках недавно выбитого оконного стекла. Карету, в которой Даниель, Ньютон и Лейбниц приехали из Лондона, нашли и подогнали к дому; из неё принесли некий ящик с инструментами. Оттуда Исаак извлёк превосходную лупу и теперь изучал в неё улики, найденные на столе.

На втором этаже домика, в спальне, под кроватью, «могавки» обнаружили трёх людей, не говорящих по-английски: одного пожилого и двух не то сыновей, не то подмастерьев, не то сыновей-подмастерьев. Их пригнали вниз, и Лейбниц узнал в них саксонцев. Они обрадовались, что могут говорить по-немецки, но, услышав, что он барон, оробели ещё больше. Лейбниц беседовал с ними, Кикин (знавший немецкий) слушал, Ньютон изучал предметы на столе. Орни и Тредер, оставшиеся не у дел, стояли рядом. Даниеля

изумила разница их выражений: Орни кипел энергией, Тредер был странно растерян и напряжён.

— Прежде, чем я сообщу о своих находках, — начал Ньютон, — скажите, барон фон Лейбниц, удалось ли вам что-нибудь выяснить у этих людей?

— Вряд ли я кого-нибудь удивлю, поскольку все уже видели их инструменты, — сказал Лейбниц. — Они гравёры. Приехали из Дрездена.

— И старший, очевидно, мастер, — кивнул Ньютон. — Объясните ему, кто я, и передайте моё глубочайшее восхищение.

Лейбниц произнёс несколько слов по-немецки. При имени Ньютона саксонцы обмерли от страха; прозвучавшая следом похвала заставила старшего покраснеть до корней волос. Он поклонился очень низко, затем, видимо, боясь, что ведёт себя недостаточно раболепно, бухнулся на колени. Молодые люди последовали его примеру. Даниель редко видел такое пресмыкательство.

— Исаак, — заметил он, — по-моему, они думают, что вы собираетесь их убить.

— То, что они здесь сделали, со стороны англичанина было бы государственной изменой, — отвечал Исаак. — Можно ли обвинить саксонца в

измене Соединённому Королевству, пусть решают законники.

— Они сказали мне, — вставил Лейбниц, — что их заманили сюда под ложным предлогом, заперли в доме и предупредили, что они не выйдут отсюда и не получат платы, пока не выполнят некую работу, которая уже почти закончена.

— Вот она! — Ньютон поднял со стола бурую таблетку, которую перед тем долго изучал в лупу. — Это восковой слепок с чекана для монеты в одну гинею. Приглашаю всех с ним ознакомиться.

Он протянул восковой диск Даниелю. Рисунок был очень знакомый и в то же время непривычный.

— Здесь профиль Георга-Людвига Ганноверского! — воскликнул Даниель.

— Две недели назад я поручил гравировщикам на Монетном дворе изготовить чеканы для гиней короля Георга, — сказал Ньютон. — С тех пор — чему есть множество свидетелей — я ни разу не вступал в пределы Тауэра. Я не видел чекана, с которого снят этот слепок. И всё же здесь, в Суррее, в поместье виконта Болингброка, мы находим слепок и… — он показал выполненное в металле зеркальное отражение оттиска — …практически

безупречную копию чекана, при помощи которой можно делать фальшивые деньги! Улики, как и свидетельства этих саксонцев, предают врагов в наши руки. Те, кому поручено охранять Монетный двор, — люди, находящиеся под командованием Чарльза Уайта, — изготовили слепок и доставили его сюда, где мы нашли оборудование для чеканки фальшивых денег и взяли с поличным сыновей Джека Шафто. А поскольку я не входил на Монетный двор, Болингброк не сможет обвинить меня в причастности. Все замешанные в преступлении отправятся на Тайберн. Что до саксонцев, они смогут вернуться на родину после того, как помогут нам в расследовании.

Норман Орни — человек грузного сложения, но сильный и даже проворный благодаря работе на верфи — успел подхватить более щуплого мистера Тредера, пока тот не грохнулся на пол.

С помощью одного из младших саксонцев Орни отнёс Тредера наверх и уложил на кровать. Там его принялись обмахивать платками, растирать ему руки, поднимать ноги; наконец кровь вновь прихлынула к лицу старого денежного поверенного, и тот очнулся, о чём, судя по виду, сразу и пожалел.

— О, сэр Исаак, — проговорил он, ища рука-

ми, за что бы ухватиться, потом добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: — Помогите мне встать.

— Лучше полежите, — сказал Даниель.

— Наступил миг, которого я всей душой надеялся избежать, — проговорил Тредер. — Я должен на коленях молить сэра Исаака Ньютона о жизни или хотя бы о достойной смерти, а если и это невозможно, то о смерти быстрой.

— Так вы сознаётесь в сговоре с монетчиками? — ровным голосом спросил Ньютон, ничуть не захваченный общим изумлением.

— Вы давно всё вычислили, верно, сэр Исаак? Да. В сговоре с монетчиками. С монетчиком. Поймите, вначале…

— Всё казалось безобидным? — Исаак взмахнул рукой, как будто прогоняя осу. — Простите, но я узнаю начало длинной и хорошо отрепетированной речи, которую не желаю выслушивать. Чем дольше вы будете рассказывать, тем более постепенным и невинным будет выглядеть ваш путь к… *государственной измене.*

Тредер подпрыгнул, насколько такое возможно для человека, лежащего на спине.

— Однако, как бы вы ни затягивали рассказ, начало и конец будут те же самые, не так ли? —

продолжал Исаак. — В *начале* вы завели внешне безобидное обыкновение взвешивать гинеи и откладывать чуть более тяжёлые. В *конце* вы полностью предались Джеку-Монетчику. Он внедрил своих людей в ваше окружение; вы настолько у него в руках, что он смог положить адскую машину в вашу багажную телегу с тем, чтобы уничтожить директора Монетного двора в здании Королевского общества.

— О, сэр Исаак, об этом я не знал!

– *Здесь* я вам верю. У Джека не было никаких резонов вас предупреждать — скорее, напротив. Но даже если не считать историю с адской машиной, вы всё равно повинны в государственной измене.

— А если я во всём сознаюсь? Поставьте меня перед магистратом, сэр Исаак, и я запою звонче любого контртенора в Итальянской опере!

— Мне незачем вас слушать, — отвечал Исаак. — Ваше предложение запоздало. Я без вашей помощи добился всего, чего хотел.

— А что, если я выдам Джека-Монетчика? — проговорил мистер Тредер.

Хотя у Даниеля и у всех остальных перехватило дух, Ньютон лишь слегка улыбнулся, словно гроссмейстер, с самого начала знавший, что про-

тивник рано или поздно выставит ферзя.

— Тогда есть почва для переговоров, — сказал он.

— Каждый воскресный вечер милорд Болингброк посещает некий клуб, где собираются тори. Там есть приватная комната с входом для слуг, ведущим в кухню. По определённому сигналу Болингброк под тем или иным предлогом удаляется в эту комнату. Тем временем Джек входит с чёрного хода в обличье ремесленника, якобы пришедшего на кухню точить ножи. Он проникает в приватную комнату через дверь для слуг и отбрасывает маскарад. Здесь два негодяя строят свои козни и согласовывают интриги. Сегодня воскресенье; всё произойдёт, как я сказал, всего через несколько часов.

— Возможно, Джек узнает о том, что случилось сегодня утром, и не явится на встречу, — предположил Исаак.

— Кто его уведомит? Поместье оцеплено.

— Все в округе видели, как взорвалась вершина холма.

— Может быть, новость достигнет Джека, может быть — нет, — проговорил мистер Тредер. — Ему всё равно надо время от времени встречаться с Болингброком. Если ничего не выйдет, я знаю о

привычках Джека кое-что ещё и смогу посоветовать другой путь.

— Тогда едем в Лондон и расставим западню, — сказал Ньютон.

Засим самое богатое событиями (по крайней мере, на сегодняшний день) заседание клуба объявили распущенным, а его казначея заковали в цепи.

Библиотека Лестер-хауза

утро 18 августа 1714
Философская схватка в Лестер-хаузе

Ибо суверен есть душа государства, дающая ему жизнь и движение, и, когда эта душа умирает, члены управляются ею не более, чем труп человека управляется покинувшей его (хотя и бессмертной) душой.

Гоббс. Левиафан

ДОМ НЕ РЕМОНТИРОВАЛСЯ более ста лет и был неисправимо тюдоровским. Ничего не стоило представить, как Глориана вызывает сюда сэра Уолтера Рели, чтобы учинить ему разнос. Ни одной книги современного автора на виду. Очертания береговых линий на глобусе безнадёжно устарели.

Впрочем, сэру Исааку некогда было разглядывать почтенную реликвию. Его провёл в библиотеку молодой Иоганн фон Хакльгебер — лейпцигский барон. Посему сэр Исаак не очень удивился, когда с кресла навстречу ему поднялся другой северонемецкий барон — Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. Лицо Ньютона выразило недовольство тем, что его заманили на ещё одну чрезвычайную и незапланированную встречу с извечным противником, но он умел перебарывать досаду. Мельком взглянув на молодую женщину в кресле у глобуса, сэр Исаак вновь пристально посмотрел на Лейбница. «Я полагал, что наношу визит герцогине Аркашон-Йглмской…» — начал он и не договорил: его взгляд вновь невольно устремился к молодой даме. Ньютона поразила не красота (хотя дама и впрямь была довольно привлекательна), а платье и драгоценности. Особенно драгоценности — таких он не видел с последней аудиенции у королевы. На даме была диадема, и что-то подсказывало Ньютону, что блестящие камешки не стразы, а самый убор не просто показная роскошь.

Иоганн фон Хакльгебер уже выскользнул из комнаты. Лейбниц взял слово.

— Ваше королевское высочество, — обратился

он к молодой даме, — это сэр Исаак Ньютон. Сэр Исаак, честь имею представить её королевское высочество Каролину, принцессу Уэльскую, курпринцессу Ганноверскую и прочая, и прочая.

— Стойте, не двигайтесь! — сказала Каролина, вынудив учёного замереть в начале движения, обещавшего перейти в низкий официальный поклон. — Мы уже слышали, как вы пострадали на нашей службе из-за непредвиденных последствий героического поступка барона фон Лейбница. Вам сейчас не следует кланяться. Прошу, садитесь.

— Не щурьтесь так сурово на фрайгерра фон Лейбница, — произнёс другой голос из угла.

Ньютон посмотрел туда и увидел Даниеля Уотерхауза, углубившегося в пожелтелый старинный фолиант.

— Я, а не барон, рассказал её высочеству всю историю, и если у её высочества сложился неправильный взгляд на события, то вина исключительно моя. Верно, не каждый день немецкий барон набрасывается на сэра Исаака Ньютона с палкой. Некоторые могли бы истолковать его поступок превратно, однако я, переживший такое же обращение, простил и поблагодарил барона.

— Я тоже. — Ньютон крайне медленно и осто-

рожно опустился в кресло, которое указала принцесса.

Теперь Каролина сидела на некоем подобии трона посередине, а Ньютон и Лейбниц — симметрично по обе стороны от неё. Даниель оставался в тёмном углу как неприметный библиотекарь или, если угодно, философический дворецкий.

Каролина постаралась сломать лёд (толстый и очень холодный), заговорив о последних событиях в Лондоне. Верны ли слухи, которые до неё дошли?

Ход был выбран безупречно; сэр Исаак ничего так не желал, как развеять сомнения новой династии в надёжности английской денежной системы.

— Джек Шафто пойман! — объявил он. — Монетчику больше не чеканить фальшивок на этом свете!

— Если я правильно понимаю, — сказала Каролина, — новость и впрямь великая, и я удивлена, что не услышала её раньше.

— Ах, ваше королевское высочество, я не знал, что вы в Лондоне, пока не переступил порог этой комнаты, иначе известил бы ваше королевское высочество в тот же миг, как мистер Шафто был арестован.

— Я не о том. Я удивляюсь, что ещё ничего нет в газетах.

— Его задержали неподалёку отсюда в задней комнате некоего клуба, посещаемого тори, многие из которых, будьте уверены, чрезвычайно смущены. Некоторые виги извлекли бы из этого политические выгоды и, без сомнения, ещё извлекут. Я не питаю вражды к большинству членов упомянутого клуба и не хочу навлечь на них бесчестье. Истинный виновник — некий тори, какое-то время бывший первым человеком в Англии.

— Я знаю, о ком вы говорите.

— Он заслуживает разоблачения и позора, однако скандал был бы неудобен для всего королевства. Дело щекотливое… — Тут Исаак в несвойственной ему манере обратил взгляд на человека более компетентного — Даниеля Уотерхауза, лорда-регента.

Даниель вместо ответа повернулся к библиотечной двери и громко приказал:

— Внесите!

Невидимый слуга распахнул дверь. Другой слуга, дворецкий, вошёл с подносом, который почти полностью скрывала синяя бархатная подушка. На ней лежали две металлические отливки,

сцепленные наподобие половинок огромного медальона. Их поднесли принцессе; Ньютон и Лейбниц украдкой скосили глаза на поднос.

Даниель сказал:

— Честь имею вручить вашему королевскому высочеству печати, которыми бывший статс-секретарь его величества пользовался в своей официальной корреспонденции. До вчерашнего дня они, разумеется, находились у милорда Болингброка. Однако, как вашему королевскому высочеству, вероятно, известно, Болингброк решил проводить больше времени с семьёй…

— Да, во Франции, — сухо произнесла Каролина.

— Когда его последний раз видели, он мчал на юг со скоростью, какую обычно развивает лишь тело, сброшенное с большой высоты, — сообщил Даниель. — Разумеется, он, человек чести, прежде вернул печати одному из регентов его королевского величества. Мне досталась привилегия подхватить их, когда они выпали из потных дрожащих рук милорда Болингброка, и теперь передать вашему королевскому высочеству. Это ваше фамильное достояние. Вы можете забрать их с собой в Ганновер либо…

— Они будут гораздо полезней здесь, — от-

вечала Каролина. — Вы с другими регентами приглядите за ними, хорошо?

— Почту за честь и за счастье, ваше королевское высочество.

— Прекрасно. Раз Болингброк покинул страну, не будем о нём больше. Я хотела бы услышать о Джеке Шафто. Его брали с боем?

Дворецкий поставил поднос с печатями на библиотечный стол и, пятясь, с поклонами вышел из комнаты. За это время Исаак успел сформулировать ответ. До сего момента он без промедления отзывался на каждое слово и жест принцессы, однако сейчас выдержал короткую паузу. Даниель, внимательно изучавший его лицо, различил дрожь торжества — редкое для пуританина попустительство своей слабости. Исаак сидит по правую руку от принцессы Уэльской, докладывает, как схватил архипреступника Джека-Монетчика, а на закуску ему подносят печати злейшего врага… Лучше был бы только скальп Болингброка на шесте.

— С боем? О нет. Скорее он напустил на себя скучающий вид. По крайней мере, так сказали мне бравшие его приставы.

— Скучающий?

— Да, ваше королевское высочество, будто с

самого начала знал, что идёт в ловушку.

— Так он в Тауэре?

Исаак не смог сдержать покровительственной улыбки.

— Поскольку мистер Шафто — опасный государственный преступник, ваше королевское высочество правильно предположили, что он должен содержаться в Тауэре. Однако в данном случае привходящие обстоятельства диктуют иной образ действий. Несколько месяцев назад Джек-Монетчик и его шайка вооружённой рукой захватили Тауэр. Событие это сумели замолчать, но из самого факта следует, что у Джека-Монетчика в Тауэре много сообщников и что устройство крепости хорошо ему известно. Заправляет в Тауэре по-прежнему Чарльз Уайт, капитан королевских курьеров, старый приспешник Болингброка.

— Мы удивлены, что регенты не отправили его в отставку, — заметила Каролина, переводя взгляд на Даниеля.

— В Англии такого рода перемены совершаются небыстро, — пояснил Даниель, — и редко без оснований. У нас нет надёжных улик, изобличающих мистера Уайта, хотя они, возможно, ещё появятся.

— Если Джек расскажет нам всё, что знает, — уточнил Ньютон.

— Ясно, — ответила Каролина. — И это ещё одна причина держать его вне Тауэра и вне досягаемости мистера Чарльза Уайта. Так где он?

— В Ньюгейтской тюрьме, — сказал Ньютон, — а другие члены шайки — во Флитской. Мы сочли разумным не помещать их в одно здание.

— Разумеется, — проговорила Каролина слегка растерянно. — Но разве Ньюгейт — не общая тюрьма самого низкого разбора? Смогут ли там его надёжно охранять?

— Ньюгейт состоит из нескольких тюрем, — объяснил Даниель. — Самая печально известная его часть — и впрямь общий каменный мешок, но есть и другие, где содержатся знатные люди, если им это по карману.

— Мы заплатили ньюгейтским тюремщикам, чтобы Джека заковали в тяжёлые кандалы и поместили в «з*а*мок», — сказал Ньютон.

— Не может ли он заплатить им больше?

— Мог бы, вероятно. Однако соучастие в его побеге чревато обвинением в государственной измене. А тюремщики, которые служат в Ньюгейте и каждый день видят Джека Кетча, лучше других осведомлены о каре за такое преступление.

— Благодарю вас, сэр Исаак, и вас, доктор Уотерхауз, за подробные объяснения, — сказала Каролина, тоном и сменой позы давая понять, что эта часть разговора окончена. — Теперь я хотела бы услышать о вещах более существенных.

Принцесса откинулась в кресле и опустила локти на подлокотники; говоря, она рассеянно положила правую руку на глобус и начала поворачивать его туда-сюда в бархатном гнезде. То была поза монарха, возложившего одну руку на державу, хотя в другой явно недоставало скипетра.

— Как вам, сэр Исаак, вероятно, известно, я знакома с бароном фон Лейбницем много лет и от него получила почти всё, что знаю о математике, метафизике и более молодой науке натурфилософии. Что до первой, меня достигли слухи о неприятном споре в связи с созданием анализа бесконечно малых. Подробности утомительны. Пошлые умы, столкнувшись с такими сложностями, ухватились бы за простое объяснение. Одно из них, что вы украли анализ бесконечно малых у фрайгерра фон Лейбница, другое — что он украл его у вас. Я нахожу обе гипотезы неубедительными.

В продолжение Каролининой речи Даниель

наблюдал смену погоды на лице Исаака. Если тот ждал щедрых благодарностей и похвал, то жестоко обманулся. Каролина нашла новости о Болингброке и Джеке занятными, но в конечном счёте не очень существенными. Израненный, обессиленный рыцарь приволок во двор замка парочку свежеубитых драконов, а принцесса, мельком взглянув на них и задав вежливый вопрос-другой, принялась дальше полировать ногти. Исаак в первое мгновение почувствовал досаду, затем смирился. Ему было не привыкать. Всё им сделанное недооценивали или судили чересчур строго. Лёгкий румянец торжества, минуту назад так отчётливо видимый на его лице, исчез; оно вновь стало серым и деревянным, как у носовой фигуры старого, изношенного корабля.

— Ваше королевское высочество знает Лейбница ближе, чем я, — промолвил Ньютон. — Раз вы ознакомили меня со своим мнением, я его приму и ничего более не скажу по данному поводу — ни здесь, ни публично. Разумеется, не в моей власти заставить других философов принять тот либо иной взгляд.

— Тогда забудем про спор о приоритете и перейдём к метафизике и натурфилософии. Я давно подозревала, и доктор Уотерхауз меня

поддержит, что спор о приоритете — на самом деле побочное следствие куда более глубоких, интересных и важных разногласий. Барон фон Лейбниц прекрасно служил моей семье в качестве придворного философа. Надеюсь, вы желаете того же.

— Это первейшее из моих устремлений, ваше королевское высочество, — отвечал Ньютон.

Лейбниц едва заметно закатил глаза и посмотрел на Даниеля, ища поддержки, но тот сделал вид, будто ничего не заметил, и остался сидеть с каменным лицом.

— Не знаю, случалось ли в истории, чтобы королевскому дому служили одновременно два столь выдающихся философа! Это уникальный случай, и я намерена использовать его сполна. Вы оба христиане, верите в Животворящего Бога. Оба признаёте, что человек создан по образу и подобию Божию и наделён свободной волей. В математике и натурфилософии ваши интересы сходны. И тем не менее между вами лежит пропасть глубже, чем между Сциллой и Харибдой — фундаментальное расхождение взглядов, не позволяющее вам трудиться сообща. Наверное, это было бы не так страшно, будь я по-прежнему принцессой Ансбаха или какого-нибудь другого

мелкого княжества, вы, сударь, библиотекарем, а вы — викарием. Но я принцесса Уэльская. Дом, которому вы служите, по мнению многих, уступает величием лишь дому Бурбонов. Разлад в философии этого дома чреват ужасными и непредсказуемыми последствиями. Год назад я попросила доктора Уотерхауза приехать из Бостона, чтобы мы попытались уладить ваши разногласия. То, что вы, сэр Исаак, и вы, барон фон Лейбниц, сейчас в одном помещении, целиком его заслуга; однако он действовал по моему велению. Роль доктора Уотерхауза завершена, и я ему бесконечно признательна. Теперь дело за вами, господа.

— Ваше высочество, — начал Ньютон, — я благодарен, что вы так ясно изложили мои истинные воззрения на Бога, человеческий дух и свободную волю. Ибо, как я с прискорбием вынужден сообщить, барон фон Лейбниц распространяет клевету, будто я своего рода атеист. Да, я отвергаю учение о Троице, но лишь по одной причине: я убеждён, что догмат о единосущии, принятый Никейским собором, был ошибкой, отходом от того, во что христиане верили раньше и должны верить сейчас…

— Тем, кто ищет клеветников, нет надобности

смотреть столь далеко и углубляться в такие материи! — Лейбниц, вскочил так резко, что вынужден был сделать полшага к Ньютону, чтобы не упасть. — Три дня назад я спас этому человеку жизнь, и до меня уже доходят слухи, будто я покушался его убить! Это сознательная ложь, сударь, никак не приближающая нас к истинной философии!

— Я не могу вообразить лжи более низкой, чем обвинение меня в атеизме! — вскричал Ньютон. Из-за сломанных рёбер ему трудно было встать, но он обеими руками сжал трость, словно намеревался пустить её в ход.

— В атеизме? Нет. Клянусь честью, я не стал бы возводить на вас такую напраслину. Иное дело — *распространение взглядов, толкающих других к атеизму*. И в этом вы, должен с прискорбием сказать, повинны.

— Можно ли вообразить такую непоследовательность!.. — Ньютон немедленно пожалел о своей горячности. Страстная речь причинила боль его рёбрам. Раз уж он так и так их разбередил, Исаак поднялся и продолжил искажённым от муки голосом: — Барон якобы признаёт, что я не атеист, и тут же винит меня в распространении атеизма! Это типично для его скользких

речей, для его скользкой метафизики!

Их перебил, но лишь на мгновение, глухой стук. Принцесса Каролина, усталая и раздражённая, перекатила глобус через обитый бархатом обод подставки. Шар упал на ковёр между Ньютоном и Лейбницем. Каролина поставила на него ногу — весьма неподобающая для принцессы поза — и принялась рассеянно катать глобус взад-вперёд, слушая перепалку философов.

— Я и в малой мере не нахожу её скользкой, — возразил Лейбниц. — Вы можете быть самым искренним христианином в мире, сударь, однако вы публикуете учения тёмные, бессвязные, противоречивые, которые запутывают читателя и толкают его к теориям, для вас неприемлемым.

— Так-то вы заглаживаете обиду, нанесённую ложными обвинениями в атеизме — утверждая, будто труд моей жизни бессвязен и противоречив? Прошу вас воздержаться от таких извинений, сударь, не то *я* вынужден буду загладить их вызовом на дуэль!

Принцесса Каролина сильно пнула глобус. Он прокатился несколько футов по ковру и поразил ворота — огромный камин, занимавший почти всю стену. Камин был чуть ниже пола, так что глобус остался там, между подставками для дров.

— Современному монарху такой глобус не годится! — объявила принцесса. — Когда мы с принцем Уэльским сюда переедем, я закажу новый, на котором будет больше географии, меньше драконов и русалок. На него можно будет нанести линии долготы, когда Роджер Комсток найдёт, кому присудить свою награду.

Она встала. Ньютон и Лейбниц, вспомнившие наконец о манерах, смотрели, как принцесса идёт к камину. Но прежде она взяла из канделябра горящую свечу.

— Как правило, я не одобряю сожжения вещей, хранящихся в библиотеках, однако потеря будет невелика в сравнении с тем уроном, который вы двое наносите философии своими дрязгами.

Она изящно опустилась на пол перед камином, расправив вокруг себя юбки.

— Иногда я вижу что-нибудь во сне или в грёзах наяву, и некоторые из этих видений кажутся мне исполненными глубокого смысла. Их я помню и часто обдумываю. Одно из видений запало мне в голову, как западает порой мелодия. Сейчас я отдам ему дань.

И она поднесла свечу к глобусу. Он был деревянный и не мог загореться сразу, но бумага с изображениями континентов вспыхнула. Неров-

ное кольцо пламени расширялось, уничтожая работу картографа и оставляя за собой ровный почернелый шар.

— София перед смертью убеждала меня, что создаётся новая Система мира. О, в этих словах нет особой новизны. София знала и я знаю, что так зовётся третий том ваших, сэр Исаак, «Математических начал». После смерти Софии я ещё больше уверилась в её правоте и в том, что новая система родится не в Версале, а здесь. Здесь пройдёт её нулевой меридиан, от которого все будут вести отсчёт. Приятно думать, что новая Система появится на свет, и мне, возможно, выпадет скромная роль стать её восприемницей. Глобус с его ровными линиями параллелей и меридианов для меня — эмблема этой Системы, как крест — символ христианства. Однако меня смущает видение пылающего глобуса. То, что происходит перед вами, лишь бледное его подобие; в моих кошмарах оно и прекраснее, и страшнее.

— Что, по мнению вашего высочества, означает это видение? — спросил Даниель Уотерхауз.

— Что система, выстроенная на неверных основаниях, изначально обречена, — сказала Каролина. — О, все будут дивиться её чёткости и соразмерности, восхвалять гений её создате-

лей. Возможно, она простоит десятилетие, или век, или даже больше. И всё же, если она будет создана неверно, то в конечном счёте сгорит, и моё видение осуществится куда более гибельным образом.

Принцесса толкнула дымящийся глобус. Он уже обгорел полностью и превратился в чёрный невыразительный шар.

Даниель нагнулся и протянул руку, помогая принцессе встать. Каролина, повернувшись к Ньютону и Лейбницу, продолжила:

— Меня заботят не столько банкиры, купцы, часовщики или люди, которые ищут долготу, и их роль в создании новой Системы. Даже не алхимики и астрономы. Кто меня заботит, так это мои философы. Если они ошибутся, если в Системе будет изъян, она в конечном счёте сгорит. Прекратите ругань, и за работу!

— Как пожелает ваше королевское высочество, — сказал Ньютон. — Чего вы от нас хотите?

— Барон фон Лейбниц, возможно, прав, — начала Каролина. — Хотя вы и большинство других членов Королевского общества — настоящие христиане и верите в свободную волю, самые теории и методы, распространяемые Королевским обществом, заставляют многих сомневаться в

существовании Бога, божественности Христа, власти Церкви и утверждении, что у каждого из нас есть душа, обладающая свободной волей. Вот, доктор Уотерхауз недавно сообщил мне прискорбную новость, что совершенно отказался от этих взглядов.

И Ньютон, и Лейбниц воззрились на Даниеля в полном изумлении. Видя, что такие умы его осуждают, он мог только выдавить слабую улыбку и пожать плечами. Каролина продолжала:

— А поскольку на них в значительной мере основана наша цивилизация, мне видится здесь одна из причин, по которой новая Система мира может нести в себе семя собственного разрушения. И вы, сэр Исаак, и вы, барон фон Лейбниц, не видите противоречий между вашей верой и бесстрашным следованием натурфилософии. Однако вы кардинально расходитесь в том, как их примирить. Если вы двое с этим не разберётесь, то не разберётся никто; вот чем я и прошу вас заняться.

— Слова вашего высочества касательно новой Системы и угрозы её грядущего краха напомнили мне о том, чего я не понимаю в философии сэра Исаака, — сказал Лейбниц. — Сэр Исаак описывает систему, в которой небесные тела

удерживаются на орбитах и вращаются по ним бесконечно. Прекрасно. Но, по его мнению, Бог, создавший и запустивший эту систему, должен время от времени чистить её и даже исправлять, как часовщик свою работу. Словно Богу недостало предвидения или могущества сделать движением вечным.

— Вы придаёте чрезмерное значение совершенно несущественному отрывку из моей «Оптики», — возразил Исаак.

— Напротив, сударь, он крайне важен, *если неверен* и внушает людям ложные мысли!

— Коли вы так рьяно стремитесь исправить мои ошибки, герр Лейбниц, позвольте отплатить вам той же монетой. Сравнение Вселенной с часами, а Бога с часовщиком неверно. Ибо часовщику даны факты и законы природы, например что гиря опускается к центру земли, а сжатая пружина расправляется. Исходя из них, он собирает некие механизмы, более или менее хитроумно использующие законы природы. Умелые ремесленники мастерят часы, которые реже надо исправлять, а совершенный ремесленник, вероятно, изготовил бы механизм, вовсе не нуждающийся в исправлении. Однако Бог не просто соединяет данные ему предметы и силы; Он сам Творец этих предметов

и сил. Он их создал, Он их и сохраняет. Ничто в мире не происходит без Его надзора и руководства. Думайте о Нём не как о часовщике, но как о короле. Если бы существовало королевство, в котором всё постоянно происходит правильно и упорядоченно без участия короля, и без его внимания к происходящему, и без его распоряжений, то такой король был бы королём лишь по названию и не заслуживал бы уважения своих подданных.

— Как Бог Спинозы, — вставила Каролина, — если я правильно понимаю ваше сравнение.

— О да, ваше высочество. И ежели барон фон Лейбниц считает, будто мир не нуждается в постоянном руководстве и надзоре со стороны Бога, то, по моему мнению, именно его философия будет толкать людей к атеизму.

— Мой взгляд не таков, и, я думаю, вам это известно, — сказал Лейбниц. — Я верю, что Бог постоянно участвует в жизни мира, но не в том смысле, чтобы исправлять его, когда механизм портится. В противном случае пришлось бы сказать, что Бог допускает ошибки и в чём-то меняет Свои решения. Я верю в предустановленную гармонию, в то, что Бог всё провидел, обо всём заранее позаботился.

Сэр Исаак собрался что-то возразить, но тут вмешался Даниель:

— Это, по-моему, самая неинтересная тема из всех, что вы могли затронуть. Вы спорите о значении некоторых слов и применимости некоторых метафор: часовщик, король и прочая.

И Лейбниц, и Ньютон стиснули губы, удерживая возражения, готовые посыпаться как из ящика Пандоры. Чтобы не оправдываться до конца дня, Даниель повернулся к Каролине и без паузы выпалил:

— Или, формулируя иначе: согласны ли вы, ваше высочество, принять за истину, что и сэр Исаак, и барон фон Лейбниц верят в Бога, промышляющего о Вселенной? И что этот Бог, создавая Вселенную, не допускал ошибок?

— О да, доктор Уотерхауз, очевидно, что оба они в это верят. Хотела бы я сказать то же самое о вас!

— Я не участвую в диспуте, ваше королевское высочество, так что оставим в стороне мои взгляды.

— Напротив, доктор Уотерхауз, — возразила принцесса. — Во всех читанных мною философских диалогах обязательно присутствовал собеседник, настроенный скептически…

— Или просто глупый, — вставил Даниель.

— Будь он скептик, глупец или то и другое вместе, собеседники должны его убедить. — Каролина раскраснелась и оживилась совсем по-девичьи. Она взглянула на Ньютона и Лейбница, ища поддержки в своей затее, и, сочтя, что они согласны, вновь повернулась к ошарашенному Даниелю, который говорил:

— Следует ли понимать, что теперь цель этого диспута — *моё религиозное обращение?*

— Вы сами сейчас сказали, что чувствуете себя глупцом, — заметила Каролина с лёгкой досадой. — Так что слушайте и просвещайтесь.

— Я в распоряжении вашего высочества и готов к просвещению. Однако позвольте сказать, что моя глупость и мой скепсис — две стороны одной медали. Джон Локк, думающий так же, описал этот взгляд словами куда лучше, нежели удалось бы мне. Не стану отнимать у вас время, рассказывая о нём подробно, краткая же суть такова: рядом с такими людьми, как Ньютон и Лейбниц, такие, как я и Локк, особенно ясно сознаём ограниченность наших разума и чувств. И не только наших, но большинства других людей. А занимаясь натурфилософией, мы прозреваем величие и сложность Вселенной в редких крупицах зна-

ния, которые до недавнего времени были от всех сокрыты, да и сейчас ведомы лишь немногим. Несоизмеримость великих загадок Вселенной и наших жалких способностей заставляет нас очень скромно оценивать себя в плане того, что мы можем и чего не можем понять, и с недоверием относиться ко всякому, кто провозглашает догмы или думает, будто во всём разобрался. Тем не менее я признаю, что если кто и может разобраться, то именно эти двое. Поэтому я буду слушать, при условии, что они ограничатся *интересными* темами.

— И что же вы находите интересным, доктор Уотерхауз? — спросила Каролина.

— Два лабиринта.

Каролина и Лейбниц улыбнулись, Ньютон нахмурился.

— Я не понимаю, что сие должно означать.

— Доктор Лейбниц как-то давно сказал мне, что есть два интеллектуальных лабиринта, в которые рано или поздно забредает каждый мыслящий человек, — объяснила Каролина. — Один — состав континуума, то есть из чего сложено вещество, какова природа пространства и так далее. Второй — проблема свободной воли: выбираем ли мы, что делать? Иными словами, есть

ли у нас душа?

— Я согласен с бароном фон Лейбницем хотя бы в том, что вопросы интересны и многие о них размышляли, посему сравнение с лабиринтом вполне оправданно.

Даниель напомнил:

— Принцесса сказала, что диспут должен способствовать улучшению Системы мира, создаваемой её династией. Я предположу, что второй вопрос — свободной воли — гораздо важнее. Меня вполне устраивает представление, что мы — машины, сделанные из мяса, и свободной воли у нас не больше, чем у настенных часов, а дух, душа или как уж вы это называете — просто выдумки. Многие изучающие натурфилософию придут к тому же выводу, если вы двое не убедите их в обратном. Её королевское высочество полагает, что такого рода воззрения, заложенные в основание Системы мира, приведут к осуществлению её кошмара. Итак, если мне в этом диалоге отведена роль Симпличо, извольте объяснить, как существование свободной воли и духа, действующего по собственному произволению, согласуется с математическими законами нашей механической философии?

— Вопрос не нов, — отвечал Лейбниц. — Декарт

ясно видел, что механическая философия может вести к новому учению о предопределении — исходящему не из теологии, как у кальвинистов, а из простого факта, что материя подчиняется предсказуемым законам.

— Да, — кивнул Даниель. — А потом он всё спутал, поместив душу в шишковидную железу.

— На мой взгляд, он всё спутал раньше, разделив Вселенную на материю и сознание, — сказал Лейбниц.

— А на мой взгляд, он всё спутал ещё раньше, предположив, что тут есть затруднение, — возразил Ньютон. — Нет ничего дурного в том, чтобы рассматривать часть Вселенной как пассивный механизм, а часть — как активный и думающий. Однако мсье Декарт, знавший, что сделали с Галилеем паписты, так боялся инквизиции, что остановился на полпути.

— Хорошо, в любом случае мы согласны, что Декарт видел проблему и дал неверный ответ, — продолжал Даниель. — Можете ли вы предложить что-то лучшее? Сэр Исаак, насколько я понимаю, считает, что затруднения вообще нет.

— Если вы читали «Математические начала натуральной философии», то не нашли там

рассуждений о душах, сознании и тому подобном, — сказал Исаак. — Мой труд посвящён планетам, силам, тяготению и геометрии. Я не занимаюсь загадками, которые ставили в тупик мсье Декарта, и уж тем более не претендую на то, чтобы их разрешить. Чего ради нам строить гипотезы касательно таких материй?

— Потому что, если не вы, сэр Исаак, это сделают другие люди, не столь великие, и гипотезы их будут ошибочны, — ответила Каролина.

Ньютон ощетинился.

— Мои труды по тяготению и оптике принесли мне славу, которой я не искал. Я не видел от неё ничего доброго и очень много худого. А теперь от меня ждут глубоких высказываний по темам, весьма далёким от тех, что я выбрал для изучения.

— Так говорит публичный сэр Исаак Ньютон, — сказал Даниель, — автор «Математических начал» и директор Монетного двора. Однако наша частная встреча выиграла бы от участия сэра Исаака как частного лица, автора «Праксиса».

— «Праксис» не обнародован, — напомнил Исаак, — и не потому, что содержит нечто для меня личное, но потому что не окончен, и обсуждать тут пока нечего.

— Что такое «Праксис»? — спросила принцесса.

— «Праксис» станет для алхимии тем же, чем стали «Математические начала» для механической философии.

— Лаконичный ответ! Не расскажете ли вы подробнее?

— Если позволите, ваше высочество, — вмешался Даниель. — Сэр Исаак на прежнем опыте убедился, что всё, высказанное им публично, становится мишенью жестокой критики, и потому взял за правило ничего не разглашать, пока не доведёт работу до совершенства и не будет уверен в её неуязвимости. «Праксис» ещё не завершён.

— Тогда, выходит, я ничего не узнаю! — воскликнула принцесса с лёгкой досадой.

— Это я виноват, что упомянул «Праксис», — торопливо проговорил Даниель. — Однако мною двигало желание сказать, что, если *публичный* сэр Исаак и заявляет, будто не видит проблемы, которая так занимала Декарта, *частный* сэр Исаак, по моему убеждению, трудится над этой самой проблемой.

— Я весьма ясно говорю в «Математических началах», — произнёс Исаак звенящим голосом оскорблённой добродетели, — что не обсуждаю

физических причин и места нахождения сил. Что тяготение существует и действует на расстоянии, принимается как данность. Почему и как это происходит, не рассматривается. Я не был бы человеком, если бы не хотел узнать, что такое тяготение и как оно действует, а даже если бы эти вопросы нисколько меня не трогали, барон фон Лейбниц и его континентальные коллеги продолжали бы беспрестанно меня ими донимать. Поэтому да! Я хочу постигнуть суть силы. Я над этим тружусь. Невежда зовёт мою работу алхимией.

К чести Исаака, он заметил обиженный взгляд Даниеля и добавил:

— Да. Нет ошибки в том, чтобы называть её алхимией, но само слово, обременённое грузом истории, не воздаёт ей должного.

— Вы позволите задать вопрос касательно ваших изысканий в этой области, как бы она ни называлась? — спросил Лейбниц.

— При условии, что в нём не будет потайных капканов, — отвечал Ньютон.

Лейбниц исхитрился разом закатить глаза, подавить тяжёлый вздох и произнести:

— Если я правильно понимаю значение термина «сила» в вашей метафизике…

— Которое представляет собой единственное известное мне связное определение силы! — вставил Ньютон, глядя на принцессу.

Лейбниц с видимым усилием изобразил на лице ангельское терпение.

— Как я понимаю, сила у вас означает некое невидимое воздействие, осуществляемое через то, что вы считаете вакуумом пространства, с бесконечной скоростью и придающее предметам ускорение, хотя ничто их вроде бы не касается.

— Если не считать тех оговорок, которыми вы снабдили слова «пространство» и «вакуум», это вполне грамотное описание силы тяготения, — признал Ньютон.

— Итак, в вашей метафизике, которой, как мне ни жаль, сейчас придерживаются почти все, существует нечто, именуемое пространством, по большей части пустое, однако содержащее отдельные комки, называемые телами. Среди них есть огромные тяжёлые шары, которые мы зовём планетами, но также множество мелких, как эта кочерга, вон тот канделябр, ковёр и двуногие одушевлённые тела, откликающиеся на имена «Даниель Уотерхауз», «принцесса Каролина-Вильгельмина Бранденбург-Ансбахская» и прочая?

— Всё перечисленное столь очевидно, что можно лишь дивиться, когда образованный человек излагает нечто до такой степени банальное, — сказал Ньютон.

* Как знали все присутствующие, Лейбниц употреблял слово «животное» (*animal*) в древнем и довольно специфическом смысле, обозначающем нечто обладающее либо одержимое «духом» (анимой).

— Некоторые тела подчиняются детерминистским законам механической философии, — продолжил Лейбниц, — как этот глобус, который покатился, когда её высочество его толкнула. Однако тела, зовомые «Даниель Уотерхауз» и так далее, в чём-то отличны. Да, они подвластны тем же силам, что и глобус, — наш друг Даниель явно ощущает на себе земное тяготение, иначе он парил бы в воздухе! Однако тела эти действуют сложным образом, который не объясняют законы, изложенные в «Математических началах». Когда доктор Уотерхауз садится писать эссей, скажем, о латитудинарской философии, разделяемой им и покойным мистером Локком, мы можем видеть, как его перо движется по сложнейшему мыслимому пути. Где тут конические сечения «Начал»? Ни одно уравнение не в силах описать

траекторию Даниелева пера на бумаге, ибо она складывается из бесчисленных и неизмеримо малых сокращений мышц его ладони и пальцев. Если мы разрежем человеческую руку, то увидим, что мышцы эти управляются нервами, которые идут от мозга, словно реки, берущие начало в горах. Изымите мозг или перережьте его связь с рукой, и она станет так же проста, как этот глобус; мы сможем свести все её будущие движения к коническим сечениям и предсказать по законам «Математических начал». Посему очевидно, что вдобавок к силе тяготения, действующей повсюду, существуют другие силы, наблюдаемые только в животных* и порождающие куда более сложные и любопытные движения.

— Я согласен с вами в том, что на перо доктора Уотерхауза, когда он пишет, действуют иные силы, помимо тяготения, и что силы эти, насколько нам известно, не управляют движением камней и комет, — сказал Ньютон.

— Гука очень интересовали мышцы, — вставил Даниель. — Он изучал их под микроскопом и пытался сделать искусственную мышцу, чтобы полететь. Вот она бы вполне описывалась законами механической философии, ведь в конечном счёте была бы просто воздухосжимательной ма-

шиной и, как таковая, подчинялась закону Бойля. Будь у Гука больше времени и более сильные микроскопы, он отыскал бы в мышцах крохотные механизмы, подобным же образом описываемые механическими законами. Тогда все якобы загадки разрешились бы…

Даниель замолчал, потому что и Ньютон, и Лейбниц замахали руками, как будто он испортил воздух, и они отгоняют дурной запах.

— Вы совершенно не о том! — воскликнул Лейбниц. — Меня не интересует физика мышц. Подумайте, если бы Гук построил свой летательный аппарат, приводимый в движение, детерминистски, газовой машиной, чт***о*** ещё он должен был бы добавить к своему устройству, чтобы оно взлетело на купол Бедлама и утвердилось там, невзирая на порывы ветра, а затем вновь пустилось в полёт, а не рухнуло, как подбитый голубь? Я пытаюсь привлечь ваше внимание к тому, что идёт по нервам от мозга: *решениям* или, вернее, их физическим проявлениям, так сказать буквам, которыми они пишутся; тому, что передаётся мышцам, чтобы они могли наполнять смыслом безвидное и пустое.

— Я вас понял, — сказал Даниель, — и утверждаю, что всё, с самого верха — поршни и цилин-

дры, гири и пружины. Мне не требуется иных объяснений того, как я пишу, а птица — летит.

— И тут с вами согласен! — сказал Лейбниц.

Наступило обескураженное молчание.

— Неужто я так легко обратил вас в материализм? — спросил Даниель.

— Отнюдь нет, — возразил Лейбниц. — Я лишь говорю, что, хотя телесная машина подчиняется детерминистским законам, *она делает это сообразно желаниям и повелениям души* вследствие предустановленной гармонии.

— Я попрошу вас объяснить подробнее, — сказала принцесса. — Ваш тезис очень трудно понять.

— Главным образом потому, что он неверен! — вмешался сэр Исаак.

Каролине пришлось буквально встать между двумя философами.

— Тогда мы все согласны, что барону фон Лейбницу следует подробнее изложить учение о предустановленной гармонии, — сказала она. — Однако прежде я хотела бы услышать, как сэр Исаак толкует явления, о которых говорили сейчас доктора Уотерхауз и Лейбниц. Сэр Исаак, оба джентльмена утверждают, что их вполне устраивает объяснение, согласно которому всё, с самого верха, представляет собой набор механизмов. А

вас? Нужно ли вам что-нибудь ещё?

Ньютон сказал:

— Если мы допускаем, что не только мускулы, но и нервы, и самый мозг, как изволил выразиться Даниель, «поршни и цилиндры, гири и пружины», действие которых может быть изучено и описано неким будущим Гуком, нам всё равно придётся объяснить, как движет этими механизмами душа, дух или какое уж там слово мы будем употреблять — то, что обладает свободной волей, не подчинено детерминистским законам и делает нас людьми. По сути, мы вернулись к проблеме, которую обсуждали раньше и которую вы, Даниель, нашли такой скучной: проблеме взаимоотношений Бога и вселенной. Если Бог — более чем отсутствующий помещик, более чем совершенный часовой мастер, который запустил Свои часы и ушёл, то мы должны объяснить, как Он влияет на движение всякой вещи в мире. И это приводит нас к загадочному явлению, называемому силой. Рассуждая об анимальных движениях, мы в конечном счёте приходим к тому же вопросу: как душа, обитающая в теле, влияет на ход больших дряблых часов.

— Я в корне несогласен, — вмешался Лейбниц. — Душа и тело вообще не влияют друг на

друга!

— Тогда откуда моя душа знает, что пламя свечи колеблется? — спросила принцесса Каролина. — Ведь я вижу его колебания глазами, частью моего тела?

— Потому что Бог вложил в вашу душу представление об этой свече и обо всём остальном во вселенной, — сказал Лейбниц. — Но Бог в любом случае воспринимает вселенную иначе! Он воспринимает все вещи, потому что беспрестанно их творит. И я отвергаю всякие аналогии между отношениями Бога с вселенной и нас с нашими телами.

— Я вообще не понимаю гипотезу барона фон Лейбница, — признал Исаак.

— Какова же ваша гипотеза, сэр Исаак?

— Что большая часть животного тела — детерминированная машина, я согласен. Что ею управляет мозг, доказано Уиллисом и другими. Отсюда следует, что по законам, избранным Богом, душа имеет власть действовать через мозг и таким образом влиять на анимальные движения.

— Снова Декарт с его шишковидной железой! — фыркнул Лейбниц.

— Он заблуждался насчёт шишковидной же-

лезы, — сказал Ньютон, — но я готов признать некоторое формальное сходство между его образом мыслей и моим.

— То есть, — перевёл Даниель, — есть способ, которым свободный, бестелесный, немеханический дух может производить физические изменения в работе механизмов мозга.

— Я полагаю сие очевидным, как и факт, что Бог, который также является бестелесным Духом, имеет власть производить физические изменения — то есть прикладывать силу к каждой вещи во вселенной.

— Коли так, исследуя причины и места нахождения сил в своём «Праксисе», вы собираетесь объяснить и силы такого рода?

— Я считаю, что любое объяснение силы, не затрагивающее эту тему, будет незавершённым.

— Когда сэр Исаак трудился над «Началами», — проговорил Даниель, — я заехал к нему в Тринити-колледж. Он просил привезти ему материалы, показавшиеся мне совершенно не связанными: таблицы приливов, данные по некой комете, астрономические наблюдения Сатурна и Юпитера. Дорога была долгая; пока я добрался до Кембриджа, мне удалось понять, что всё перечисленное связывает общая нить: тяготе-

ние. Оно вызывает приливы, определяет орбиты комет и планет. Сейчас нам это очевидно, но тогда вовсе не было общепринятым, что, скажем, комета подчиняется той же силе, которая удерживает Землю на орбите. Триумф Исаака в том, что он постиг единство столь разнородных явлений и указал на их общую причину, действующую повсюду одинаково. Меня долго смущали алхимические исследования Исаака, но с годами я понял, что он стремится повторить свой триумф: найти общее объяснение феноменам, которые мы считаем различными и несвязанными, как то: свободная воля, Божье присутствие во вселенной, чудеса и трансмутация химических элементов. На сознательно запутанном жаргоне алхимиков эта причина, или принцип, зовите как хотите, именуется философским камнем, философской ртутью, витальным началом, латентным или тонким духом, тайным пламенем, материальной душой вещества, незримым обитателем, светозарным телом, семенем, оплодотворяющей способностью.

— Вы сваливаете в кучу множество разных понятий, — сказал Ньютон, — но это хотя бы доказывает, что вы прочли мои записки, прежде чем их сжечь.

Каролина на миг опешила; затем любопытство взяло верх, и она спросила:

— Что это за начало или дух? Вы его видели, сэр Исаак?

— Я вижу его сейчас, в чувствах и мыслях, мелькающих на вашем лице. Я вижу его *проявления* повсюду, — несколько уклончиво отвечал Ньютон. — В природе я наблюдаю два типа действий: механические и вегетативные. Под механическим я, само собой, подразумеваю то, о чём доктора Уотерхауз и Лейбниц говорили раньше, то есть часы. Слово «вегетативный» я употребляю в древнем смысле применительно ко всему одушевлённому, живому, растущему. Оно описывает воспроизводящий и творческий процессы. Часы, даже самые лучшие, встают, когда кончается завод. Механический мир подвержен распаду. В противоположность тенденции к упадку должен существовать некий творческий принцип: активное семя, тонкий дух. Невообразимо малые его количества, действующие в несравнимо б*о*льших объёмах безжизненного инертного вещества, производят сильнейшие, даже чудесные преобразования, которые я называю общим словом «вегетация». Так же как общий принцип тяготения проявляется бесчисленны-

ми способами — в приливах, орбитах планет и траекториях пуль, — так и все, кто знает, куда смотреть, увидят вегетативный принцип в самых разных местах. Возьмём пример, о котором мы беседовали раньше: летательный аппарат, сделанный из искусственных мышц, будет механическим устройством и, полагаю, рухнет, как дохлая птица. Если такой аппарат полетит — для чего он должен чувствовать каждое колебание воздуха и правильным образом отзываться, — я вынужден буду в конечном счёте приписать это действию некоего вегетативного принципа. Однако Даниель правильно считает, что тот же принцип относится и к таким вещам, как души, чудеса и некоторые особо глубинные и дивные химические превращения.

— Но считаете ли вы, что в конечном счёте действует некая физическая субстанция — то, что можно увидеть и потрогать?

— Да, считаю, и я её ищу. Более того, я думаю, что знаю, где искать.

Тут Исаак повернулся, чтобы гневно взглянуть на Даниеля, но принцесса этого не увидела, потому что смотрела на Лейбница.

— Барон фон Лейбниц, — проговорила она, — можно ли примирить ваш взгляд со взглядом

сэра Исаака?

Лейбниц вздохнул.

— Неловко сказать. Мне всё это представляется последними тыловыми боями доброго христианина, отступающего перед натиском механической философии.

— Вы кардинально заблуждаетесь! — вскричал Ньютон. — Есть механическое, и есть вегетативное. Я изучаю и то и другое.

— Вы уже уступили половину поля боя механическому.

— Это не уступка, сударь. Или вы не читали мои «Начала»? Существует механический мир, и его описывает механическая философия.

— Доктор Уотерхауз скажет, что механическая философия описывает не половину, но всё, — произнёс Лейбниц. — Я придерживаюсь противоположного взгляда, согласно которому всё вегетативно, а то, что мы считаем механическим, есть лишь внешнее проявление процессов совершенно не механических.

— Мы ждём внятного объяснения, — сказал Исаак.

— Философы механического склада разбивают всё сущее на атомы, которым приписывают свойства, на их взгляд рациональные, то есть

механические: массу, протяжённость, способность соударяться и слипаться, исходя из чего пытаются объяснить притяжение, души и чудеса. Такой подход приводит их к затруднениям. Я же разбиваю всё сущее на монады и приписываю им свойства, которые некоторые назвали бы присущими душе: способность воспринимать, осмысливать свои перцепции, решать и действовать. С помощью монад несложно объяснить всё, представляющее такое затруднение для атомистической философии, — всё, что вы записываете в разряд вегетативного, включая нашу способность мыслить, решать и действовать. Однако трудно объяснить то, что в атомистической философии до идиотизма просто и очевидно. Например, пространство и время.

— Пространство и время! Два мелких упущения, которых никто, вероятно, и не заметит, — проворчал Ньютон.

— Позвольте сказать, что ваша концепция пространства совсем не так логична, как представляется на первый взгляд, — начал Лейбниц, явно выпаливая первый залп очередного длинного аргумента.

Однако, прежде чем он успел продолжить, дверь отворилась. На пороге стоял Иоганн фон

Хакльгебер, весьма выразительно держа в руках письмо. За спиной у него, прижав к губам кулак, расхаживала Элиза.

Принцесса Каролина посмотрела Иоганну в глаза и склонила голову набок. Она не сказала «Я же просила меня не беспокоить», но слова эти угадывались так ясно, что все повернулись к Иоганну, ожидая немедленных извинений. Однако тот лишь поднял брови и не двинулся с места.

Каролина закрыла глаза и вздохнула. Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз посторонились, пропуская её к двери. Все они разом поняли, что столь значимым могло быть письмо лишь от одного человека: Каролининого тестя, ещё не венчанного короля Англии.

— Доктор Уотерхауз, пожалуйста, возьмите на себя роль моего рыцаря и доведите это дело до конца, — сказала принцесса и вышла.

— Трудноватая задача, — проговорил Даниель, когда дверь за нею затворилась.

— Не такая и трудная, — возразил Ньютон, — если только вы отдадите мне Соломоново золото.

— Еврей, состоящий на службе у царя… — (Даниель не хотел произносить имя «Соломон» из боязни вызвать у Исаака всплеск хилиастических чувств), — определил, что первая партия карт

была изготовлена из золота с более чем обычным удельным весом, и распорядился, чтобы *все* следующие карты делали из того же металла. Кара за ослушание будет неумолимой и по-русски жестокой. Если б не это, я охотно обменял бы золото на обычное, ибо не верю в его особые свойства.

— Тогда как вы объясняете своё воскрешение Енохом Роотом в тысяча шестьсот восемьдесят девятом?

— Что?! — изумился Лейбниц.

— Или, — продолжал Исаак, — из всего написанного Гуком за целую жизнь вы не поверили только этим словам?

— Гук пишет, что Енох дал мне какое-то лекарство и оно помогло.

— Помогло?! Ну и умеете же вы приуменьшить, Даниель!

— Это могло быть что-то… или ничего. Известны случаи, когда якобы умершие люди оживали через несколько минут.

— Я терпеть не мог Гука, — сказал Исаак, — но даже я признаю его самым внимательным наблюдателем из всех, когда-либо живших на земле. Неужто я поверю, что он не сумел отличить живого пациента от умершего?

— Я вижу, что вы тверды в своём убеждении,

так какой смысл спорить?

И Ньютон, и Лейбниц расхохотались.

— Что тут смешного? — спросил Даниель.

— Вы заставили нас спорить несколько часов кряду! — воскликнул Лейбниц. — А теперь, когда перед вами поставили трудный вопрос, вы говорите, что не видите в нём смысла.

— Мне нужен лишь маленький образчик, Даниель, — сказал Ньютон. — Не забывайте, что я много лет искал исчезающе малые следы этого вещества в образцах с огромной примесью других, в том числе низких, металлов. Мои методы близки к совершенству. Я не прошу брусок, только унцию или меньше — ошмёток…

— Я сказал вам, что пробирщик Петра взвесил всё до последней унции. Они все учтены. Я могу попросить у него разрешения взять маленький образец, но…

— Нет, — сказал Исаак. — Думаю, открывать свои карты ни мне, ни вам не с руки.

Тут Даниель внезапно вспомнил про кольцо у себя на пальце, подарок Соломона, выплавленный из кусочков того самого золота. Холодок пробежал вверх по руке к затылку, однако Даниель не шелохнулся и не сказал ни слова, надеясь только, что Исаак не заметит, как он весь покрыл-

ся мурашками.

— Исаак, — произнёс кто-то. Даниелю пришлось поднять глаза и убедиться, что говорит и впрямь Лейбниц: так невероятно было, что немец назвал Ньютона по имени, без «сэр».

— Готфрид, — отвечал Ньютон неоспоримо.

— Тридцать семь лет назад я приехал сюда инкогнито, чтобы предложить вам союз. Это было через два года после того, как я разработал исчисление бесконечно малых, только чтобы понять, что всего лишь шёл по вашим стопам. Мне подумалось, что у нас могут быть и другие общие интересы и что, объединившись, мы достигнем большего и быстрее. Даниель меня поддержал.

— Я отлично помню и случай, и случника, — сказал Исаак, — и его слабость к игре с лучинами.

Острота ранила тем больнее, что Исаак прибегал к ним исключительно редко. Даниель ощутил страшную тяжесть в правой руке — как будто кольцо тянуло её вниз или от пережитого за день волнения с ним случился удар. Он сунул отяжелевшую руку в карман штанов и опустил голову.

— Тогда вы не хуже меня помните, что лучина вспыхнула ненадолго, только чтобы вновь погаснуть, — сказал Готфрид. — И вот я вернулся, теперь уж точно в последний раз. Не пересмот-

рите ли вы своё решение, Исаак? Не хотите ли вы подчиниться своей принцессе и объединить усилия со мной — чтобы вместе заложить надёжное основание для новой Системы мира?

— Я и так над этим тружусь, — сказал Исаак. — Не должен ли я предложить вам, Готфрид, совместный *со мной* труд? Возможно, для этого вам придётся отбросить монады. А я вижу по вашему лицу, что разговор бесполезен.

— Значит, ответ отрицательный.

— Ответ положительный. Всё упирается в сроки, сударь. Ни вы, ни я, ни принцесса не властны их сократить. Она хотела бы разрешить всё нынче же — сегодня! Вы тоже торопитесь. Вы старик — как мы все — и боитесь не успеть. Но наши желания тут ни при чём. Природе нет дела до наших удобств — она откроет свои тайны, когда сочтёт нужным. «Математические начала» могли бы не появиться, не отправь нам Природа в восьмидесятых пригоршню комет и не расположи их траектории так, чтобы мы смогли сделать знаменательные наблюдения. Может пройти десять лет, сто или двести, прежде чем она даст нам подсказку для тех задач, о которых мы говорили сегодня. Не исключено, что золото Соломона — та самая подсказка, однако я не берусь это утвер-

ждать, пока не получу образец.

Даниель улыбнулся:

— Во всём, что не касается Соломонова золота, ваше терпение воистину безгранично. Забавное дело. Из нас троих только я считаю, что скоро умру совсем; вы оба, Исаак и Готфрид, верите в вечную жизнь. Почему бы вам не почерпнуть мужество в своих убеждениях и не сговориться о встрече веков так через несколько или когда там у вас будут нужные данные, чтобы разрешить все вопросы философски?

Это был, в общем-то, дешёвый трюк: нажать на обоих, поставив под сомнение твёрдость их религиозных убеждений. Однако Даниель бесконечно устал; он видел, что затея обречена, и хотел скорее положить ей конец.

— Я согласен! — воскликнул Лейбниц. — Это будет своего рода дуэль — философическая дуэль, которая разрешится не оружием, но идеями — в неведомый пока час на поле ещё не избранном. Я согласен.

И он протянул руку.

— Тогда я буду ждать вас на этом поле, сударь, — сказал Ньютон. — Хотя философии наши столь различны, что вряд ли мы окажемся там вместе; ибо один из нас непременно ошибается.

Он пожал руку Лейбницу.

— Каждому дуэлянту нужен секундант, — напомнил Лейбниц. — Может быть, Даниель согласится быть секундантом у нас обоих.

Даниель фыркнул.

— Исаак может верить, что меня воскресили, но я не думаю, что в такое верите вы, Готфрид. Нет, если вам нужны секунданты, тут, как выяснилось, полно бессмертных персонажей, которые охотно явятся в назначенное время подержать ваши плащи. Для вас, Готфрид, есть Енох Роот, а для вас, Исаак, ветхий годами еврей, состоящий на царской службе и называющий себя Соломоном.

Таким образом, он не вынул руку из кармана и не обменялся с ними рукопожатиями, ибо кольцо казалось страшно тяжёлым и заметным. В мозгу Даниеля на миг возникла безобразная картина: Исаак с Готфридом угадывают, из чего оно сделано, и бросаются за него в драку.

— БРР, МОЙ ТЕСТЬ УЖАСНО на меня зол, — объявила Каролина. — Во всяком случае, если я правильно понимаю его письмо.

Перед этим она трижды перечла послание. Иоганн и Элиза смотрели. Весь Лестер-хауз гудел: вещи принцессы укладывали и тащили к выходу.

— Столько времени прошло, столько событий приключилось с тех пор, как я будто бы уехала в тот замок оправляться после июньского потрясения… немудрено было позабыть, что его величество ждёт меня назад. А теперь он, кажется, понял, где я.

— Возможно, какие-то известия достигли его после нашего маленького приключения на Темзе, — предположил Иоганн.

Он говорил отрывисто и поддерживал голову рукой — а может, массировал себе лоб. Для Каролины нагоняй со стороны короля Англии и курфюрста Ганноверского мог быть банальной семейной стычкой, но Иоганн воспринимал дело совершенно иначе.

— Отлично, — сказала Каролина. — Значит, я возвращаюсь в Ганновер.

— Хорошо! — Иоганн вскочил и вышел.

Если бы кто-нибудь отважился остановить его и спросить, зачем, он бы ответил, что намерен сделать нечто очень важное и практическое. Однако и Каролина, и Элиза прекрасно понимали, что причина в его взвинченности: если бы он остался сидеть и разговаривать, то сошёл бы с ума.

— В Ганновер, — продолжала Каролина, — только чтобы через несколько недель снова ехать

сюда! В письме говорится, что его величество рассчитывает быть в Англии к концу сентября. Если мы с принцем Уэльским будем его сопровождать, то мне, едва достигнув Ганновера, придётся поворачивать в обратный путь.

— Географически, да, вы вернётесь на ту же широту и долготу, — согласилась Элиза после недолгого раздумья. — Но вы уже не будете здесь инкогнито. Так что в общественном смысле вам предстанет незнакомый город и совершенно иная жизнь.

— Наверное, да, пока мы будем жить в Сент-Джеймсском дворце, окружённые придворными и послами, через забор от герцога Мальборо, — сказала Каролина. — Но если я что и узнала от Софии, так это следующее: принцессе полезно иметь не одну резиденцию. Лейнский дворец был для неё тем же, чем станет для меня и Георга-Августа Сент-Джеймсский. При первой возможности она переезжала в Герренхаузен, чтобы жить, как ей нравится, и гулять по саду. Вот почему я так хотела получить этот дом. Он будет моим Герренхаузеном, а вы — моей дуаенной.

— Слава Богу! — воскликнула Элиза. — Я боялась, что вы скажете «дуэньей».

— Камер-фрау, обергофмейстериной или

кем-нибудь ещё, — рассеянно произнесла Каролина. — Надо будет подыскать вам английский титул. Как бы вы ни звались, суть в том, что вы будете жить здесь, по крайней мере часть времени, гулять со мною по саду и беседовать.

— Обязанности представляются не слишком обременительными, — улыбнулась Элиза. — Однако знайте, что через любое место, где я живу, проходят толпы странных людей, связанных с моими усилиями добиться отмены рабства и тому подобным.

— Замечательно! Тем больше он будет напоминать мне Шарлоттенбург той поры, когда была жива София-Шарлотта.

— Меня могут посещать ещё более странные и грубые люди…

— У вас такой мечтательный вид… Вы вспомнили своего давно пропавшего возлюбленного?

Элиза вздохнула и нехорошо посмотрела на Каролину.

— Я не забыла нашу увлекательную беседу в Ганновере, — сказала та.

— Давайте поговорим о другой увлекательной беседе! — воскликнула Элиза. — Какие вести из библиотеки?

— Когда я уходила, они всё ещё ругались. Оба

очень гордые люди. Ньютон особенно не склонен уступать. Двор переедет сюда, бедный Лейбниц останется в Ганновере. Преимущество на стороне Ньютона. Он выиграл спор о приоритете, по крайней мере, так считают члены Королевского общества. Неприятности вокруг Монетного двора, судя по всему, разрешились.

— Это он вам сказал? Коли так, вот уж и впрямь чудо! — заметила Элиза.

— Почему?

— А разве ковчег не под надзором Чарльза Уайта? И разве Ньютону не предстоит испытание ковчега?

— Всё это он мне сказал, — ответила Каролина, — но Ньютон считает, что преодолел трудности, арестовав архипреступника по прозвищу Джек-Монетчик. Этот мерзавец теперь в руках сэра Исаака; скоро его повесят не до полного удушения, выпотрошат и четвертуют на Тайберн-Кросс… Иоганн? Иоганн!!! Принеси нюхательную соль, герцогине дурно!

Иоганн вбежал в комнату всего несколько секунд спустя, однако к этому времени его мать уже овладела собой: она по-прежнему крепко держалась побелевшими пальцами за подлокотники, чтобы не сползти на пол, но краска уже

вернулась к её щекам.

— Пустяки, — сказала Элиза, поднимая взгляд на своего первенца. — Можешь заниматься своими делами.

Иоганн ушёл, взволнованный и обескураженный.

— У меня бывают такого рода каталептические припадки от перенапряжения, когда приходится думать о слишком многих вещах сразу. Всё уже в порядке. Спасибо за участие, ваше высочество. Перейдём к…

— Ни к чему мы не перейдём! — объявила принцесса Уэльская. — Мы продолжим обсуждать эту увлекательнейшую тему в мире! Вы любите самого знаменитого преступника за всю историю человечества!

— Ничего подобного! — возмутилась Элиза. — Он меня любит, вот и всё.

— Ах, это совершенно меняет дело.

— Ваша ирония излишня.

— Как вы познакомились? Я обожаю истории про то, как встретились истинные влюблённые.

— Мы не истинные влюблённые, — отрезала Элиза. — А как мы познакомились… ну, это не ваше дело.

Распахнулась другая дверь, и вошёл Лейбниц.

Он с мрачной торжественностью поклонился дамам.

— Как я понял, намечается отъезд в Ганновер, и весьма скоро, — начал учёный. — Если ваше королевское высочество позволит, я бы поехал с вами. — Он повернулся к Элизе. — Сударыня! Наша дружба, начавшаяся в Лейпциге тридцать лет назад, когда наши пути пересеклись на ярмарке, и мне довелось пережить небольшое приключение вместе с вами и вашим другом-бродягой…

— Ага! — воскликнула Каролина.

— …близится к завершению. Благородная попытка принцессы достичь философского примирения, в которой ей с таким терпением и тактом помогал доктор Уотерхауз, должен с прискорбием сообщить…

— Провалилась? — спросила Каролина.

— Перенесена на другой срок, — сказал Лейбниц.

— Какой?

— Сотни, может быть, тысячи лет.

— Хм-м, — сказала Каролина. — Не много практической пользы будет от этого Дому Ганноверов, когда придёт время выбирать новый Тайный совет.

— Очень сожалею, — пожал плечами Лейб-

ниц, — но некоторые вещи нельзя ускорить. Другие, как мой отъезд из Лондона, напротив, происходят чересчур быстро.

— Где сэр Исаак и доктор Уотерхауз? — спросила принцесса.

— Сэр Исаак уехал и передаёт извинения, что не попрощался лично, — отвечал Лейбниц. — Как я понял, у него очень спешные дела. Доктор Уотерхауз сказал, что подождёт в саду на случай, если вы захотите отрубить ему голову за провал миссии.

— Отнюдь нет! Я пойду поблагодарю его за услугу — а вас жду завтра на корабле!

И Каролина стремительно вышла из комнаты.

— Элиза, — сказал учёный.

— Готфрид, — отозвалась герцогиня.

Лондонский мост

на следующий день
Лейбниц и Даниель прощаются

— ОНО БЫЛО СОВСЕМ НЕ ТАКИМ слёзным, как могло бы, учитывая, сколько мы с герцогиней знакомы, как много вместе пережили и всё такое, — сказал Лейбниц. — Разумеется, мы будем держать связь через переписку.

Он говорил о вчерашнем расставании с Элизой в Лестер-хаузе, но с тем же успехом его слова могли относиться к их с Даниелем теперешнему прощанию на Лондонском мосту.

— Сорок один год, — проговорил Даниель.

— Я думал о том же! — выпалил Лейбниц чуть ли не до того, как Даниель успел открыть рот. — Сорок один год назад мы с вами встретились на этом самом месте!

Они стояли на островке у опоры моста под Площадью, почти на середине реки, неподалёку от «Грот-салинга», из которого клуб вёл слежку. Однако события эти, всего месячной давности, были в Даниелевой памяти совсем не такими чёткими и выпуклыми, как день в 1673 году, когда прибывший морем из Франции молодой Лейбниц (тогда ещё не барон), с арифметической машиной под мышкой, выпрыгнул из шлюпки на этот самый островок — на *это самое место* — и познакомился с молодым Даниелем Уотерхаузом из Королевского общества.

Воспоминания Лейбница были не менее отчётливы.

— Кажется, это было… здесь! — (трогая носком башмака плоский камень на краю острова). — Здесь я впервые ступил на английскую землю.

— Мне тоже так помнится.

— Конечно, если верна концепция абсолютного пространства, то мы оба неправы, — продолжал Лейбниц. — За сорок один год Земля много раз обернулась вокруг своей оси и вокруг Солнца, а Солнце, как все мы знаем, пролетело огромное расстояние. Посему я ступил на берег не здесь, а в каком-то другом месте, оставшемся далеко в межзвёздном вакууме.

Даниель не поддержал разговор. Он боялся, что Лейбниц разразится гневной филиппикой против Ньютона и Ньютоновой философии. Однако Лейбниц отступил и от опасной темы, и от края островка. К ним приближалась шлюпка, которой предстояло доставить учёного на ганноверский шлюп «София». Принцесса Каролина была уже на корабле.

— Что я помню из того дня? Нас заметил и недовольно разглядывал Гук, проводивший землемерные работы на той набережной, — сказал Лейбниц, указывая на берег. — Мы навестили бедного старого Уилкинса, и он возложил на вас огромную ответственность…

— Он велел мне «всё это осуществить».

— Как вы думаете, что старый шельмец подразумевал под «всем этим»?

— Я миллион раз ломал голову, — отвечал Даниель. — Веротерпимость? Королевское общество? Пансофизм? Арифметическую машину? Для Уилкинса всё перечисленное было связано.

— Он провидел то, что Каролина называет Системой мира.

— Возможно. Так или иначе, с тех пор я старался сохранить в голове эту связь: представление, что они должны идти вместе, как скованные цепью узники…

— Жизнерадостный образ! — заметил Лейбниц.

— Сорок лет я занимался одним: смотрел, что из этого отстаёт, и пытался подтягивать. Два десятилетия сильнее всего отставали арифметические и логические машины…

— И потому вы трудились над ними, — подхватил Лейбниц, — за что я вам навеки признателен. Но кто знает? Быть может, поддержка царя и движущая сила машины по подъёму воды посредством огня помогут вывести их вперёд.

— Возможно, — отвечал Даниель. — А теперь — особенно после вчерашнего дня — мне горько, что я от всего отгородился и не уследил за метафизическим расколом, когда ещё можно было чем-то помочь.

— А если бы вы занялись метафизикой, то сейчас, как честный пуританин, корили бы себя за то, что упустили какие-то другие важные вещи.

Даниель хмыкнул.

— Вспомните, в Ньютоне тогда видели главным образом изобретателя нового телескопа, — продолжал Лейбниц. — Уилкинс не мог предвидеть раскола, о котором вы говорите, и не мог поручить вам роль примирителя. Здесь вам не в чем себя винить.

— Однако великую идею пансофизма он видел очень ясно и наверняка хотел, чтобы я поддерживал её, как могу, — сказал Даниель. — И теперь я пытаюсь понять, действовал ли я наилучшим возможным образом.

— Я бы сказал, что да, — ответил Лейбниц, — ибо мы живём в лучшем из возможных миров.

— Надеюсь, что это не так, поскольку, как представляется, моё путешествие из Бостона — в которое, сознаюсь, я пустился не без неких радостных надежд, — завершилось трагедией. И даже не великой трагедией, а чем-то куда более постыдным и жалким.

— От Уилкинса, если помните, мы пошли в кофейню, — сказал Лейбниц. — Мы говорили о наблюдениях мистера Гука над снежинками:

как удивительно, что все шесть лучей растут из общего центра независимо, каждый по своим внутренним законам. Один луч не может влиять на другие, и тем не менее они очень схожи. Для меня это воплощение предустановленной гармонии. Так вот, Даниель, подобным же образом из общего натурфилософского центра растёт не одна система понимания Вселенной. Каждая развивается по своим внутренним правилам, и друг на друга они не влияют, как показали вчера мы с Ньютоном, не согласившись решительно ни в чём! Однако если они и впрямь растут из одного семени — а я верю, что это так! — то когда-нибудь они сделаются сходны и соразмерны, как лучики снежинки.

— Надеюсь, бедная снежинка не растает прежде в пламени, которое привиделось Каролине, — проговорил Даниель.

— Этого нам не дано ни предвидеть, ни предотвратить. Мы можем лишь продолжать работу, сколь в наших силах, — отвечал Лейбниц.

— Кстати, — заметил Даниель, — вот кое-что для вас.

По ходу разговора он время от времени поглядывал на телеги, едущие из Лондона по мосту, а сейчас рукой подавал знак кому-то на площади.

Лейбниц проследил его взгляд и увидел Уильяма Хама, банкира. Тот сидел на телеге, только что остановившейся у лестницы, и махал в ответ. Помимо него, в телеге наблюдалось необычное скопление грузчиков, ещё более дюжих, чем средний представитель этой профессии. Некоторые остались сидеть, пристально глядя на прохожих. Другие спрыгнули на мостовую и потащили вниз по ступеням небольшие ящики, которые составляли к ногам Лейбница. Тем временем шлюпка с «Софии» подошла так близко, что матросы смогли бросить концы. Свободные лодочники на пристани поймали их и закрепили на швартовых тумбах. Слуга-ганноверец шагнул через борт и нагнулся, чтобы погрузить первый ящик в шлюпку, но Лейбниц по-немецки попросил его чуточку обождать.

— Если в этих ящиках то, что я предполагаю… — обратился он к Даниелю.

— Оно самое.

— …то принимать их будут люди, весьма дотошные во всём, что касается мер и весов. Лучше, чтобы цифры сошлись!

Поэтому ящики продолжали носить, пока телега не опустела. Каждый был запечатан восковой печатью Английского банка, где они хранились

до самого недавнего времени; от древесины ещё тянуло затхлостью банковских подвалов. Уильям Хам спустился, неся пухлый бювар отсырелых документов, в которых прослеживался путь груза, начиная с отчёта Соломона Когана о принятом с «Минервы» золоте, через все промежуточные стадии обработки во Дворе технологических искусств и в Брайдуэлле. Лейбниц изучил бумаги, затем сосчитал ящики (7), сосчитал их вторично (7) и попросил Даниеля проверить количество (7). Лишь после этого он поставил на требуемых местах в документах своё имя: GOTTFRIED FREIHERR VON LEIBNIZ, а Даниель подписался как свидетель. Затем Лейбниц разрешил ставить ящики в шлюпку, но ещё раз сосчитал их по мере погрузки (7).

— Это начало, — сказал Даниель. — Как вам известно, ящиков будет ещё много. Но раз уж вы всё равно едете в Ганновер, я решил отдать вам то, что мы сделали на сегодня.

— Весьма приятная кода к тому, что иначе могло бы стать меланхолическим прощанием. — Лейбниц решительно расправил плечи, одновременно изобразив на лице подобие улыбки. — И окончательный ответ на ваши ложные сомнения по поводу того, всё ли вы сделали для

Уилкинса. Он, сударь, вправе вами гордиться.

У Даниеля не было слов, чтобы на это ответить, поэтому он просто шагнул вперёд и обнял Лейбница изо всех сил. Лейбниц тоже крепко его обнял. Затем повернулся спиной, чтобы Даниель не видел его лица, и шагнул в шлюпку. Пока отцепляли швартовы, он ещё раз пересчитал ящики (или сделал вид, будто пересчитывает). Лодка отошла от пристани и устремилась в бурный поток под мостом.

— Семь? — крикнул Даниель.

— Семь ровно! — донёсся ответ. — Увидимся на Парнасе, Даниель, или где там оканчивают свой путь философы!

— Я думаю, они оканчивают свой путь в старых книгах! — отвечал Даниель. — Так что я буду искать вас, сударь, в библиотеке!

— Её-то я и строю, — отозвался Лейбниц, — и в ней вы меня найдёте. Прощайте, Даниель!

— Прощайте, Готфрид! — крикнул Даниель.

Он стоял и смотрел, пока шлюпка не затерялась средь кораблей в гавани, под чёрной стеной Тауэра. Это было почти зеркальное отражение того, как Лейбниц появился, из ниоткуда сорок один год назад, только зеркало помутнело и затуманилось. Ибо многое изменилось за эти годы,

и Даниель уже не мог смотреть ясными глазами юноши.

Гринвич

месяц спустя (18 сентября 1714)
Новый король принимает своих подданных

Пусть иные монархи, окружённые простёртыми ниц рабами, кичатся безусловным повиновением несчастных, не ведающих свободы и могущих похвалиться лишь тем, что они, подобно брёвнам или камням, безропотно дают себя попирать; в то время как король Великобритании почти единственный во Вселенной может с гордостью именовать себя правителем разумных созданий.

«Беды, которых можно справедливо ожидать от правительства вигов», приписывается Бернарду Мандевиллю, 1714

— ВОТ ТАКОЕ И ВПРЯМЬ увидишь не каждый день! — воскликнул Роджер Комсток, маркиз Равенскар.

Его первые слова за четверть часа — долгий для Роджера промежуток молчания — вывели Даниеля из сонного забытья, в которое тот впал на третьем часу их с Роджером стояния в очереди.

Даниель вздрогнул и огляделся.

Философы постоянно приезжали в Гринвич, некоторые даже жили здесь, потому что выше на холме стояла обсерватория. Короли и королевы заглядывали сюда редко, хоть это и было их владение. Архитекторы наведывались часто и почти всегда себе на беду. Строительным проектам в Гринвиче вечно не хватало денег, а здания разрушались быстрее, чем их удавалось возводить. Иниго Джонс исхитрился преодолеть эту Трясину Уныния: настелил крышу до того, как постройку засосала топь. То был загородный дом королевы, и секрет успеха заключался в малых размерах. От реки дом отстоял на целую милю; по крайней мере, так казалось Даниелю и другим в очереди, голова которой находилась в творении мистера Джонса, а хвост вился до самой набережной. Здесь у пристани стояла богато украшенная барка. Дальше в более глубокой части реки покачивался на якорях корабль британского флота, доставивший короля Георга с Евразийского континента. Всё это Даниель видел лишь потому, что они с Роджером наконец достигли основания, а затем (получасом позже) и верхних ступеней одной из двух полукруглых лестниц, ведущих на террасу дворца. Ещё за несколько минут они мелкими

шажками приблизились к двери и теперь стояли на пороге. Даниель спиной к входу любовался видом на реку — каким уж есть. Роджер, которого, как хорька, тянуло ко всему гнилому и тёмному, смотрел вперёд. Из раскрытой двери вместе с запахом подмышек, розовой воды и свежей краски долетала беовульфовская смесь английской и немецкой речи. У Даниеля не хватало духа повернуться к тому, что привлекло внимание Роджера; так они и вошли в янусоподобной конфигурации.

Даниель был убеждён, что приметил сэра Кристофера Рена где-то на час позади в очереди, и хотел украдкой показать, что можно пройти с ними. Напрасные усилия; в другом месте такое могло бы удаться, но только не здесь. Двадцать с чем-то лет назад Рену поручили хоть немного привести Гринвич в порядок, как умел только Рен, и с тех пор он вкладывал сюда всю душу. Работал он бесплатно: здесь предполагалось выстроить госпиталь для старых моряков. Затеяла проект королева Мария после сражения при Ла-Уг в 92-м, но в 94-м её не стало. Средства поступали крайне нерегулярно и непредсказуемо. Всякий раз, как из королевских сундуков вытекала тоненькая струйка денег, Рен обращал

её в массивные каменные плиты и втыкал их по углам, а позже по периметру намеченных зданий. Он ясно видел, что не доживёт до конца строительства; более поздние, менее великие архитекторы смогут напортачить в деталях, но им уже не удастся изменить основной план. Ник Хоксмур, помощник Рена, оценив гениальность стратегии и проникшись её духом, недавно прикупил по скандально низкой цене огромную глыбу мрамора и поставил на берегу, с тем чтобы, как только появятся деньги на резчиков, превратить в статую правящего монарха (уж кто им тогда будет). Таким образом, картина, которую Даниель наблюдал с террасы (и которая безраздельно владела вниманием Рена), являла собой один колоссальный фундамент, воздвигнутый исполинами: ступенчатый эшелон прямоугольников, мечта пифагорейцев. То, что это были одни фундаменты, а не здания, как будто подтверждало слова принцессы Каролины, сказанные месяц назад, о системе и необходимости возводить её на прочном философском основании. Однако то, что Ньютон и Лейбниц выстроили (или не сумели выстроить), казалось шатким в сравнении с трудами Рена: лишнее доказательство, что тот поступил мудро, отказавшись от чистой филосо-

фии и посвятив себя архитектуре.

Даниель отчаялся поймать взгляд Рена и повернулся к тому, что занимало Роджера.

— Ладно, — признал он несколько секунд спустя. — Действительно, такое увидишь не каждый день.

Две массивные щеки, соединённые кислой миной и увенчанные пронзительными глазками: лицо Георга. Много одежды, ничем особым, кроме своей роскоши, не примечательной в сравнении с платьем стоящих вокруг придворных. Большинство из них Даниель помнил по визиту в Ганновер и указал некоторых Роджеру. Тот, как выяснилось, слышал обо всех и знал о них больше Даниеля, но нуждался в подсказке, чтобы привязать слухи, сплетни и пикантные анекдоты к лицам. Вскоре придворные уже бросали на Даниеля злобные взгляды, хотя он был примерно десятым в очереди. Возможно, они приметили его жесты и перешёптывания с Роджером, однако главная причина была иная: в Ганновере, накануне смерти Софии и во время её похорон, Даниель притворялся безмозглым старикашкой. Теперь его назначили регентом. Отнюдь не доказательство здравого рассудка, скорее свидетельство, что Даниелю кто-то покровительствует.

Не Георг, очевидно. Значит, методом исключения, — Каролина.

Её даже не было в зале. Нет, со второго взгляда Даниель отыскал принцессу и её супруга в углу. Вокруг них собрался собственный теневой двор из по большей части молодых остроумных лондонцев; они слишком много говорили и смеялись, привлекая косые взгляды старых и не столь остроумных особ, старавшихся по возможности смотреть только на нового короля. Всё крайне дерзко и недвусмысленно: если ты рассчитываешь дожить до похорон Георга I, то, естественно, тянешься к будущему Георгу II. Большинству хватало такта держаться этого общего принципа, но Даниель Уотерхауз грубо нарушил приличия: старик, а примкнул к лагерю молодых! И вдобавок заявился под руку с маркизом Равенскаром!

— Мне не стоит больше тыкать пальцем и уставляться, а то на нас и так смотрят, — сказал он Роджеру с видом как можно более небрежным, словно говорил о вчерашней погоде, — но напоследок добавлю, что вы можете ясно видеть толстую и тощую.

Как знал *tout le mond* [28], то были любовницы

---

[28] Примечания: 28
Все, весь свет (*фр.*).

Георга; его законная жена по-прежнему томилась в сыром замке где-то за Везером.

— Я уже приметил их, сэр, — сухо отвечал Роджер. — А они меня. И явно намерены растерзать.

— Думаю, вы совершенно неверно толкуете их внимание, — сказал Даниель, удостоверившись, что толстая и тощая действительно пытаются сжечь брови Роджера жаром своих взглядов. — Волчица в Тюрингском лесу и впрямь смотрит так на свою жертву перед прыжком, но не из ненависти, а из холодной уверенности, что беспомощный заяц, овца или кто там ещё послужит её пропитанию.

— Так вот что им нужно? Деньги?

— Если коротко, то да.

— По их взглядам я думал, они хотят, чтобы я вытащил шпагу и проткнул себя насквозь.

— Нет, им нужны ваши деньги, — подтвердил Даниель.

— Спасибо, что сказали.

— Что? Вы сейчас поделитесь с ними своими деньгами?

— Это было бы неприлично, — возразил Роджер, краснея от одной мысли. — Но я не вижу причин не дать им чужих денег.

Наконец они подошли на такое расстояние, на

котором этикет не позволял замечать кого-либо, кроме их (ещё некоронованного) короля. В кои-то веки Даниель как регент оказался важнее Роджера и должен был первым подойти к монарху; Георг даже его узнал.

— Доктор Ватерхаус из Королевский обществ, — проскрипел он, протягивая Даниелю руку.

Тот приложился, мысленно давая себе слово, что последний раз заставляет своих предков-пуритан ворочаться в гробу. Он был в таком ужасе от собственного поступка и так поглощён мыслями, не заразится ли чем-нибудь от королевской руки, которую сегодня перецеловала половина английских сифилитиков, что не уловил монарших слов. Дело в том, что его величество перешёл на какой-то другой язык — более для себя привычный, — а Даниель не успел перестроиться. Левой — не предлагаемой для поцелуев — рукой Георг указывал на окно в дальней, южной стене зала, откуда открывался вид на приятный зелёный луг, разрезанный дорожками и украшенный там и сям ухоженными купами деревьев. Над самой большой и высокой, справа, торчало здание королевской обсерватории: книжка между двумя подставками. Другие строения почти отсутствовали, что не удивляло, поскольку на то и парк.

Даниель, запоздало сообразивший, что к нему обращается на неопознанном пока языке король Англии, поймал одно слово: *«Reuben»*. Кто рюбен? Какой рюбен? Он уже начал на всякий случай кивать, когда король любезно уточнил: *«navet»*. Даниель с ужасом осознал, что король ради него перешёл на французский — а он по-прежнему не понимает! Из похожих французских слов вспомнилось только *«navire»* — корабль, что имело определённый смысл: королевская обсерватория так или иначе служила целям навигации. Даниель продолжал кивать. Наконец вмешался Ботмар — барон фон Ботмар, посол, представлявший Ганновер в Сент-Джеймсском дворце, когда Ганновер и Англия ещё были разными государствами.

— Его величеству больно видеть, как пропадает хорошая земля, — перевёл Ботмар. — Он всё утро смотрит на это открытое пространство, думая, как бы употребить его к пользе. Беда в том, что склон северный, а следовательно, плохо освещается солнцем. Зная глубину ваших, доктор Уотерхауз, натурфилософских познаний, его величество спрашивает, согласны ли вы с ним, что по весне здесь можно было бы на пробу посадить *Reuben*… *navets*… репу.

— Скажите его величеству, что, будь у меня при себе лопата, я немедленно отправился бы копать грядки, — обречённо проговорил Даниель.

Король, выслушав перевод, заморгал и кивнул. Взгляд его стал отрешённым: ему уже виделись ровные, засаженные репой гряды. Даниель почти видел, как королевские щёки раздуваются от слюны в предвкушении осеннего пира.

Равенскар хохотнул.

— Воображаю, как огорчат ваши грядки офранцузившихся тори, — заметил он, — которые не нашли этому превосходному участку иного применения, кроме как гарцевать тут верхом!

— Маркиз Равенскар, — объяснил фон Ботмар, после чего Даниелю пришлось отвести взгляд, чтобы не видеть, как Роджер приникает губами к руке Георга — уж больно неаппетитное было зрелище.

К тому времени, как Даниель счёл безопасным вновь посмотреть на короля, тот, видимо, о чём-то вспомнил и теперь пытался поймать взгляд герцога Мальборо. Вскорости ему это удалось: Мальборо был одним из немногих англичан, допущенных к английскому королю. Как железные опилки выстраиваются в присутствии магнита, так различные факты и воспоминания,

рассеянные под париком короля Георга, сошлись воедино, едва только образ Мальборо простимулировал его зрительную кору. Его величество прочистил горло и принялся отрыгивать фразы, в которых было что-то про «суаре» и «вулькан». Ботмар переводил их в прозу и на английский:

— Его величество слышал от милорда Мальборо, что герцогу очень понравился недавний приём, на котором извергался прославленный вулкан. Его величество хотел бы увидеть эту забаву. Не сейчас. Позже. Однако милорд Мальборо хорошо отзывался об управлении Монетным двором и качестве денег. Его величеству нужны толковые люди, чтобы руководить казначейством. Не один толковый человек, а несколько. Ибо задача столь важна, что его величество решил изменить традицию и поставить во главе казначейства комиссию. Его величеству угодно назначить милорда Равенскара первым лордом казначейства. Его величеству также угодно назначить доктора Уотерхауза членом указанной комиссии.

Всё это явилось для Даниеля новостью, хотя он мог бы догадаться и раньше — уж больно часто в последние дни Роджер ему подмигивал и тыкал его локтем в бок.

Последовали поклоны и расшаркивания — выражения безграничной благодарности и прочая. Даниель случайно взглянул на Мальборо и заметил, что тот смотрит на Роджера. Роджер, у которого периферическое зрение охватывало все триста шестьдесят градусов, отлично это видел: они о чём-то заранее условились, сейчас от него ждут некой заготовленной реплики.

— Каков будет первый шаг милорда в новой должности? — спросил Ботмар, принимавший участие в напряжённом обмене взглядами.

— Пусть чеканку денег его величества не обременяет прошлое! — отвечал Роджер. — Не то чтобы по поводу денег королевы Анны были какие-то нарекания — здесь всё превосходно. Вопрос, скорее, процедурный; можете называть это излишней помпой, но у нас, англичан, слабость к такого рода вещам. Есть некий ящик, называемый ковчегом, который мы держим в Тауэре и опускаем в него образцы монет по мере чеканки. Время от времени король говорит: «А заглянем-ка мы в добрый старый ковчег!» В качестве рутинной предосторожности, как артиллеристы проверяют порох перед сражением. Торжественная процессия несёт ковчег в Звёздную палату Вестминстера, где для такого случая ставится

особая печь; его вскрывают в присутствии лордов Тайного совета, гинеи вынимают, златокузнецы из Сити пробируют их и сравнивают с образцом, который хранится в крипте Вестминстерского собора вместе с мощами святых и всем таким прочим.

К концу монолога внимание нового короля начало рассеиваться очень явно, и Роджер понял, что с тем же успехом мог выплясывать перед ним шаманский танец в шкуре и резной маске.

— Не важно, главное, это просто ритуал, и дельцы из Сити его любят. А когда они довольны, коммерция вашего величества процветает.

Ботмар уже не первый раз так сильно поднимал брови, что казалось, они отлетят и прилипнут к потолку.

— Так или иначе, пора очистить ковчег, — продолжал Роджер. — Он наполовину заполнен превосходнейшими монетами с профилем покойной королевы Анны, мир её праху. Сейчас за ковчегом присматривает мистер Чарльз Уайт — вы можете навести о нём справки у своих приближённых. Да вам его, наверное, сегодня представили!

— Представят минут через десять, — Ботмар покосился на дверь, — если вы закончите.

Даниель невольно проследил взгляд Ботмара и увидел Чарльза Уайта: тот стоял на пороге, с любопытством на них поглядывая.

Роджер быстренько закруглился:

— Дабы устранить возможные недоразумения, я предлагаю не мешать новые монеты Георга со старыми монетами Анны, а провести испытание ковчега, успокоить слухи и начать правление вашего величества с новеньких блестящих гиней!

— Расписание пока крайне напряжённое…

— Не тревожьтесь, — сказал Роджер. — Монетный двор начнёт чеканить новые деньги только после коронации, которая, как я понял, назначена на двадцатое октября. Положим недельку на продолжение торжеств…

— Сэр Исаак предлагает пятницу двадцать девятого.

— Хуже не придумать. Висельный день. Невозможно проехать по улицам.

— Сэру Исааку это известно, — сказал Ботмар, — но он говорит, так надо, потому что в пятницу двадцать девятого числа будет казнён Монетчик.

— Ясно. Да. Да. В один день, практически в одно время, ковчег пройдёт испытание, сэр Исаак будет оправдан, а гнуснопрославленного преступника казнят на глазах у полумиллионной толпы.

Если оставить в стороне практическую сторону, предложение сэра Исаака очень неглупо.

— Естественно, — заметил Ботмар, — ведь он гений.

— Несомненно!

— А его величество очень высокого мнения о философских познаниях сэра Исаака, — добавил Ботмар.

— Сэр Исаак высказался о репе? — спросил Даниель, но Роджер наступил ему на ногу, а Ботмар деликатно не стал переводить вопрос.

— Итак, — сказал посол, — если вы не возражаете…

— Ни в коем разе! Пятница, двадцать девятое октября! Пусть Тайный совет подмахнёт распоряжение, и мы начнём готовиться к испытанию ковчега!

РОДЖЕРУ И ДАНИЕЛЮ ДОЗВОЛИЛИ остаться и принять участие в светском общении, которое Даниель ненавидел больше всего на свете. Ему удалось совершить первую часть побега — выбраться на заднюю террасу. Теперь он не знал, как перейти на сторону, обращённую к Темзе, и остановить проходящий корабль, не привлекая к себе чрезмерного внимания. Поэтому Даниель смотрел на парк и делал вид, будто

философствует о репе. Когда ему показалось, что притворяться и дальше будет совсем уж неправдоподобно, он перевёл взгляд на обсерваторию и стал думать, проснулся ли уже Флемстид и не обидится ли тот, если Даниель заявится в гости и станет трогать его телескопы. К тому времени, как и этот предлог себя исчерпал, Даниелю удачно подвернулось под руку безотказное средство самозащиты интроверта на людном сборище: документ, позволяющий изобразить, будто ты с головой погрузился в чтение. То была листовка, втоптанная башмаками в плиты террасы. Даниель подцепил её тростью, поднял и развернул отпечатанной стороной к себе.

Сверху бок о бок располагались два портрета. Первый походил на чернильное пятно: примитивное изображение черноволосого и чернокожего мужчины с выкаченными белками. Надпись внизу гласила: «Даппа, апрель 1714, работа прославленного портретиста Чарльза Уайта». Соседняя, отличного качества гравюра представляла африканского джентльмена с копною взбитых в жгуты седых волос; кожа у него была, разумеется, тёмная, но гравёр сумел хитростями своего ремесла передать её оттенки. Снизу значилось: «Даппа, сентябрь 1714», а дальше шла

фамилия модного художника. Приглядевшись, Даниель различил на заднем плане решётку, за которой угадывался вид на Лондон из Клинкской тюрьмы.

Листок был озаглавлен: «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СЛАВЕ». Ниже стояло имя автора: ДАППА. Даниель начал читать. Текст представлял собой приторно-восторженный и, как подозревал Даниель, саркастический панегирик герцогу Мальборо.

— Это было ненамеренно, — произнёс господин, куривший рядом трубку.

Даниель ещё раньше приметил его уголком глаза и по мундиру определил военного. Полагая, что имеет дело с таким же нелюбителем общества, Даниель вежливо не обращал на него внимания. А теперь этот полковник, или генерал, или кто он там, бестактно обращается к Даниелю, когда тот для вида углубился в чтение, чтобы ни с кем не разговаривать!.. Даниель поднял глаза и увидел, сначала, что обшлага, отвороты, кант и прочее у мундира — цветов Собственного его величества Блекторрентского гвардейского полка. Потом — что перед ним Мальборо.

— Что было ненамеренно, милорд?

— Когда полтора месяца назад вы пришли на

моё левэ, я читал другое сочинение этого малого. Видимо, обронил какие-то замечания, — сказал Мальборо. — А те, другие, разнесли слух, будто я поклонник мистера Даппы. И с тех пор его популярность только растёт. Ему шлют деньги; он живёт в лучших апартаментах, какие может предложить Клинк, гуляет на собственном балконе, принимает у себя знать. В листке, который вы держите, он пишет, что в итоге стал почти белым, и приводит для доказательства два портрета. Он по-прежнему в цепях, но они не так тяжелы, как те цепи рассудка, которыми иные прикованы к устарелым идеям вроде рабства. Посему он теперь считает себя джентльменом и копит средства в банке, чтобы купить мистера Чарльза Уайта, когда тот достаточно упадёт в цене.

— Поразительно! Вы практически выучили листок наизусть! — воскликнул Даниель.

— Последнее время мне по много часов приходится ждать, когда его величеству придёт охота поговорить. Даппа хорошо пишет.

— Как я понимаю, вы снова командуете своим старым полком?

— Да. Мелких хлопот не счесть, но ими занимаются другие. Полковника Барнса нашли и

поручили ему собрать тех, кто рассеялся во время летних забав. Я рад, что меня здесь не было. Воображаю свои чувства! Если не ошибаюсь, вас следует поздравить.

— Спасибо, — сказал Даниель. — Я решительно не представляю, чем должен заниматься член казначейской комиссии…

— Приглядывать за милордом Равенскаром. Проследить, чтобы испытание ковчега прошло гладко.

— Это, милорд, зависит от того, что в ковчеге.

— Да. Я как раз собирался вас спросить. Кто-нибудь, чёрт побери, знает, что там?

— Возможно, он. — Даниель кивнул на окно, за которым господин в рыжем парике светски общался с немцами, но частенько поглядывал на герцога с Даниелем.

— Верно, — заметил Мальборо, — Чарльз Уайт по-прежнему стоит во главе королевских курьеров, которые якобы охраняют ковчег. Рад сообщить, что теперь за ними тщательно приглядывают Собственные его величества Блекторрентские гвардейцы. Мистер Уайт не сможет выкидывать фортели с ковчегом. Полковник Барнс сообщил мне, что мистер Уайт был с вами и Ньютоном на корабле во время нападения на

ковчег.

Даниель понял, что Мальборо сам во всём разобрался и объяснения излишни. Он сказал:

— По-настоящему о том, что в ковчеге, знает только Джек Шафто.

Герцог хмыкнул.

— Тогда я удивлён, что перед Ньюгейтской тюрьмой не выстроилась такая же очередь, как здесь.

— Может быть, и выстроилась, — сказал Даниель.

Уайт вышел на террасу и поклонился.

— Милорд, — обратился он к Мальборо. — Доктор Уотерхауз.

— Мистер Уайт, — отвечали те. Затем каждый в свой черёд добавил: «Боже, храни короля».

— Полагаю, у вас станет ещё больше хлопот, — сказал Уайт Даниелю, — теперь, когда на вашем попечении два Монетных двора.

— Два Монетных двора? Я не понимаю вас, мистер Уайт. Мне известен только один.

— А может, меня ввели в заблуждение, — притворно смутился Уайт. — Говорят, что есть и другой.

— Вы о том, что держал Джек Шафто в Суррее? Монетном дворе тори? — Даниель позволил вет-

ру всколыхнуть листовку. Он надеялся, что Уайт её заметит. Уайт заметил.

— Вам следует завести более надёжные источники информации. Не читайте этот вздор. Слушайте, что говорят приличные люди.

Мальборо повернулся спиной, что было грубо, однако по тому, как развивался разговор, дело скоро закончилось бы дуэлью, не притворись герцог, будто не слышит.

— И что говорят приличные люди, мистер Уайт?

— Что Равенскар тоже чеканит деньги.

— Милорда Равенскара обвиняют в государственной измене? Довольно смело!

— Все знают, что он собрал частную армию. Отсюда недалеко до частного Монетного двора.

— Скучающие франты в гостиных могут воображать что угодно! Такое обвинение следует хоть чем-нибудь подкрепить.

— Говорят, что свидетельств более чем достаточно, — сказал Уайт. — В Клеркенуэлл-корте, в Брайдуэлле, в подвалах Английского банка. Желаю здравствовать!

И он вышел, к большому облегчению Даниеля. Секунду назад тот дивился глупости наговора, будто Роджер чеканит деньги, теперь от расте-

рянности утратил дар речи.

— О чём он говорил? — потребовал объяснений Мальборо.

— Это философский проект, который предприняли мы с Лейбницем, — сказал Даниель. — Если вкратце…

И он схематично обрисовал герцогу картину, объяснив, как золото движется по маршруту Клеркенуэлл — Брайдуэлл — банк — Ганновер.

— Кто-то собрал об этом подробные сведения, — заключил Даниель, — и теперь распространяет ложь, будто мы чеканим деньги!

— Мы знаем, кто распространяет — мы только что с ним разговаривали, — сказал Мальборо. — Не важно, откуда пошёл слух.

На это Даниель ничего не ответил из-за внезапного мучительного осознания, что слух мог пустить Исаак.

— Важно — очень важно, — что в этой истории замешаны два члена казначейской комиссии, — продолжал Мальборо.

— В чём замешаны?! В научном эксперименте?

— В чём-то сомнительном.

— Если *невежды* считают его сомнительным, я бессилен что-либо тут исправить!

— Вы в силах исправить то, что вы в нём за-

мешаны.

— О чём вы, милорд?

— О том, сударь, что ваш эксперимент окончен. Его надо прекратить. А как только он прекратится, официальные лица, облечённые доверием и короля, и Сити, придут в Клеркенуэлл-корт, в Брайдуэлл, в подвалы банка, осмотрят их и не найдут *ничего* упомянутого мистером Чарльзом Уайтом.

— Остановить эксперимент можно в любую минуту, — сказал Даниель, — но свернуть всё и спрятать следы невозможно ни за день, ни за неделю.

— Так сколько времени это займёт?

— На двадцать девятое октября, — начал Даниель, — назначено испытание ковчега, казнь Джека-Монетчика и устранение всех сомнений в надёжности королевской монеты. Не позднее этого числа, милорд, вы сможете посетить указанные места с любым количеством инспекторов, какое вам будет угодно привести, включая даже самого сэра Исаака. Обещаю, что вы не найдёте ничего, кроме тамплиерских гробов в Клеркенуэлле, пакли в Брайдуэлле и английских гиней в банке.

— Хорошо, — сказал герцог Мальборо и зашагал

прочь. По пути он остановился, чтобы отвесить поклон молодой даме, идущей через террасу: принцессе Уэльской.

— Доктор Уотерхауз, — сказала Каролина, — мне кое-что от вас надо.

Дом Роджера Комстока

3:30 ночи, четыре дня спустя (22 сентября 1714)
Кончина Равенскара

НЕ УСПЕЛ ДАНИЕЛЬ ВОЙТИ в парадную дверь, как к нему крепко прижалось самое обворожительное тело в Англии. Он не в первый раз задумался, каким был бы мир, соединись в одном человеке красота Катерины Бартон и ум её дядюшки. Немногое отделяло её тело от его: поднятый с постели срочным известием, Даниель приехал в ночной рубашке. Мисс Бартон была в каком-то тончайшем одеянии, которое он увидел на миг, прежде чем она к нему приникла. От неё хорошо пахло, чего в 1714 году добиться было нелегко. Даниель почувствовал, что у него встаёт впервые с… ну с тех пор, как он последний раз видел Катерину Бартон. Исключительно некстати, потому что она была вне себя от горя. Такая женщина не может этого не заметить, как, впрочем,

и не должна превратно истолковать.

Она взяла его за руку и повела через двор, мимо фонтана, в бальную залу, пахнущую маслами и освещённую призрачным зеленоватым светом *kalte feuer:* фосфора. С последнего Даниелева посещения здесь появился новый предмет обстановки. Он выглядел как нос корабля, почему-то сделанный из серебра и увитый золотыми гирляндами. По краю шёл классический барельеф. Вперёд выдавался какой-то таран, недвусмысленно приапический, с которого свешивались ремни и металлические кольца; Даниель шарахнулся в сторону, потому что чуть не налетел на него лицом. Зайдя сбоку, Даниель увидел, что предмет стоит на двух позолоченных деревянных колёсах. Стало понятно, как такую тяжёлую вещь втащили в залу. Это была повозка, большая, восьми футов шириной, и даже не просто повозка, а колесница богов. Заглянув в неё сзади, то есть со стороны вулкана, Даниель понял, что всё дно колесницы представляет собой ложе: шириною от борта до борта и десять футов длиной, обитое алым шёлком, устланное мехами, а также бархатными и атласными подушками различных анатомических форм. Посреди всего этого великолепия лежал Роджер Комсток, мар-

киз Равенскар. Лавровый венок съехал с лысой головы. Тело, по счастью, прикрывала тога, но посередине она вздымалась наподобие турецкого шатра, повторяя форму вулкана. Однако вулкан, будучи механизмом, продолжал исправно работать, выбрасывая посредством скрытого винта всё новые и новые порции фосфорного масла, из тела же Роджера ушло то, что Ньютон назвал бы вегетативным духом. Его боевая готовность была на самом деле проявлением *rigor mortis.* Роджера придётся хоронить в специальном гробу.

— Сегодня он принёс присягу в качестве первого лорда казначейства, — сказала Катерина Бартон, которой, спасибо, хватило присутствия духа понять, что нужны какие-то объяснения. — И мы справляли обряд Вулкана.

— Естественно, — отвечал Даниель. Он на четвереньках взбирался по опасному (поскольку шёлковому и к тому же промасленному) склону ложа, время от времени поднимая голову, чтобы не потерять из виду Ориентир.

— Роджер любил так отмечать свои большие победы. Последний раз это было после того, как он уничтожил Болингброка. Обряд длинный и сложный…

— Я уже понял. — Даниель наконец добрался до

такого места, откуда мог различить лицо Роджера в мерцающем свете фосфора.

— Как раз во время… извержения… с ним случился приступ.

— Удар, наверное.

— Он сказал: «Позовите Даниеля! Никаких кровопусканий, я не хочу умирать, как король Чарли». Я побежала, чтобы послать за вами, а когда вернулась, он был… уже такой.

— То есть мёртвый? — Даниель как раз завершил обряд прощупывания пульса — совершенно излишний, ибо Роджер выглядел мертвее некуда. Однако его набухшее мужское достоинство внушало сомнения.

ПОКУДА СЛУГИ СТАСКИВАЛИ тело с колесницы на носилки и выносили из зала, Даниель оставался на удивление спокоен, как будто присутствие Роджера, даже мёртвого, каким-то химическим способом внушало ему уверенность, что всё обойдётся. Однако что-то в том, как тяжело падали руки и ноги покойника, пока его перекладывали, жестоко поразило Даниеля: он наконец почувствовал, что ума, изобретательности, силы Роджера больше нет. К тому времени, как дверь за носилками захлопнулась, Даниель начал растекаться, как студень.

У колесницы, как выяснилось, был балдахин — парчовый полог, которым её, видимо, закрывали от пыли и птичьего помёта в конюшне, где она стояла в промежутках между триумфами Роджера. Сейчас этот полог был собран в складки и подвязан золотыми шнурами с кисточками. Жрица Вулкана развязывала их одну за другой и задёргивала занавес.

Даниель сидел посреди ложа, уперев локти в колени и закрыв руками лицо. Слёзы текли у него между пальцев.

— Я не хочу жить в мире, в котором нет Роджера! — услышал он свой голос и тут же возблагодарил Бога, что Роджер не узнает об этих словах. — Он был для меня второй половиной, защитником, товарищем, покровителем. В каком-то смысле почти женой.

— А вы — для него, — отвечала мисс Бартон.

Окончательно задёрнув полог, так что Даниель оказался полностью скрыт в тёмном чреве колесницы, она подоткнула подол, на коленях подобралась к Даниелю и положила ему руку на плечо.

— О, Боже! Я как будто на чужой планете! — воскликнул Даниель. — Что мне теперь делать?

— Роджер оставил подробнейшее завещание.

Он мне его показывал. Там есть деньги для Королевского общества. Для музея, который он задумал основать здесь. Для клуба «Кит-Кэт», Итальянской оперы и для Института технологических искусств колонии Массачусетского залива.

Даниель не мог сказать вслух то, что подумал: на каждый шиллинг наследства приходятся полтора шиллинга долгов. Роджер сдерживал натиск кредиторов, изумляя их, запугивая, отвлекая, упаивая до положения риз. Теперь они набегут всем скопом, как муравьи на падаль.

Даниель оторвал руки от лица и заставил себя говорить, не всхлипывая:

— Нет. Я думаю о другом. Мне многое надо успеть до двадцать девятого октября. Очень многое! Это казалось невозможным даже при Роджере, который сделал бы за меня почти всё. Остальные члены казначейской комиссии — пустозвоны и временщики. Так что готовить испытание ковчега придётся мне. Что я об этом знаю? Ничего. Институт технологических искусств практически мёртв — я написал Еноху, чтобы он продал дом. Что ещё? Ах да, принцесса Уэльская хочет, чтобы я помог её любезной подруге в сердечных делах — более опасных и

запутанных, чем, скажем, иностранная политика Венецианской республики.

— Мне не хочется смеяться в такое скорбное время, — сказала жрица Вулкана, — но на мой вкус это крайне нелепо!

Даниель мог бы обидеться, если бы, говоря, она не начала разминать ему напряжённые мышцы у основания шеи и между лопатками.

— Во многом вы очень умны, по крайней мере, так говорил Роджер. Но что вы смыслите в сердечных делах? Ну вот, при одном упоминании о них у вас сводит мышцы! Лягте на живот, сэр, не то масло будет стекать у вас по спине.

— Масло? Какое масло?!

— Вот это масло…

— Ой, никогда бы…

— Так лучше. Теперь я могу на вас сесть… ваши ягодицы вполне выдержат мой вес… вот так… и мне легче будет дотянуться до тех ваших мышц, которые особенно нужно смазать и промассировать.

— Вот так и Роджер, да?..

— Роджеру больше нравилось на четвереньках, по…

— Нет, нет, мисс Бартон, я совершенно о другом. Вот так Роджеру удавалось жонглировать столь-

кими делами сразу и не сойти с ума?

— Теперь вы просите меня рассуждать о материях, мне недоступных, доктор Уотерхауз! Перевернитесь на спину!

— Я просто думал о том, что заботы, одолевавшие меня минуты назад, совершенно улетучились… о, Боже, мисс Бартон!

— Мне показалось, что заботы вновь стали к вам подступать, и пора принять самые решительные меры.

— Ка… ка… какие заботы, мисс… мисс… мисс Бартон?

— Вот и я про то же. Приподнимите копчик, пожалуйста, сэр… так гораздо лучше, вы сами согласитесь. Остальное предоставьте мне, сэр, повозка… довольно… шаткая… езда… довольно… тряская.

И впрямь, буксы колесницы Вулкана заскрипели, потому что сама она заходила ходуном. Даниель был стар, и поездка оказалась соответственно долгой. Однако *primum mobile* [29] — тело мисс Бартон — было молодо, в прекрасном состоянии (как согласился бы любой в Лондоне) и отлично приспособлено для работы. Даниель чувствовал,

---

[29] Примечания: 29
Первичный движитель (*лат*).

что уплывает в абсолютное пространство; ему чудилось, что колесница выкатилась из дверей зала, на улицу… едет по Тотнем-корт-роуд… дальше и дальше, в мокрые от росы поля… и вдруг рухнула в колодец. Он открыл глаза. Всё кончилось. Мисс Бартон соскользнула с него, встала, приподняв головой навес, и ловко заткнула себе между ног подол римской жреческой туники.

— Может, ваш дядя в чём-то прав, — сказал Даниель. — Когда сравниваешь живого Даниеля и мёртвого Роджера, так очевидно, что в одном есть то, чего нет в другом.

— Теперь в вас этого чуть меньше, — игриво ответила мисс Бартон и повернула голову на какой-то слабый звук снаружи, которого Даниель не услышал. — Кто там? — крикнула она, взявшись за балдахин, чтобы его отдёрнуть.

— Не надо! — воскликнул Даниель, лежавший в самом неподобающем виде.

— Слуги видели много худшее! — объявила мисс Бартон и дёрнула.

Завеса отодвинулась и повисла складками над Даниелевой головой. Прямо перед ним, спиной к вулкану, направив в колесницу луч фонаря, стоял сэр Исаак Ньютон.

— Я приехал, как только получил горестное

известие, — твёрдо объявил он в одну из тех примерно тридцати минут, на которые Даниель утратил дар речи. Исаак не выказал никаких чувств, увидев Даниеля здесь в такой позе. Отсюда следовал интересный вопрос: то ли Исаак с самого начала стоял за балдахином и заранее пересилил возмущение, то ли Даниель давно так низко пал в его глазах, что этот инцидент уже ничего не мог изменить?

— Впрочем, как я вижу, — продолжал Исаак, — здесь есть кому со всем разобраться.

— Да, дядюшка. — Мисс Бартон спрыгнула с колесницы, чтобы запечатлеть на щеке родича целомудренный поцелуй.

— Могу ли я чем-нибудь быть полезен? — осведомился Исаак.

Даниель не нашёлся с ответом. Он понимал: впереди ещё много времени, чтобы заново пережить и вдвойне прочувствовать свой стыд. Сейчас, сидя в сбитой набок ночной рубашке и глядя на одетого Исаака, он думал об одном: о смерти Роджера наверняка уже стало известно; по всей столице люди не спят и готовятся перехитрить Даниеля способами, о которых он, возможно, никогда даже не узнает.

«Замок» Ньюгейтской тюрьмы

29 сентября 1714

Джек и Чарльз Уайт ведут переговоры в «замке»

ХОЛБОРН ПЕРЕГОРАЖИВАЛО ДРЕВНЕЕ здание с большой аркой внизу и башенками наверху. Со стороны, где визитёр угощался сейчас чаем, въезжающих в Лондон путников встречал великолепный фасад. Механизм для спуска и подъёма огромной решётки, занимающий почти весь второй этаж, загораживали ниши, в которых укрылись от дождей Свобода, Справедливость и другие достойные жёны. Правда, это не помешало им почернеть от угольного дыма, так что теперь они смотрели на прохожих подобно фуриям. Тройное готическое окно следующего этажа располагалось над аркой, как дверца в немецких часах, откуда выскакивает кукушка. За ним и обитал сейчас Джек Шафто. Впрочем, высунуться, как кукушка, он не мог, поскольку окно было зарешёчено. Судя по всему, первым сюда вселился кузнец, который провёл в помещении не меньше месяца, выковывая тяжёлые прутья и вмуровывая их в каменные стены. Тем не менее

окна были превосходные: выше Джека ростом и шире, чем размах его рук; несмотря на толстую решётку, они щедро впускали свет.

«З*а*мок» (как называлась эта часть Ньюгейтской тюрьмы) служил приютом для знатных арестантов. Соответственно, здесь недоставало кое-каких приспособлений, которыми изобиловали казематы попроще, например железных колец в стенах, чтобы приковывать опасных узников. Тюремщикам пришлось проявить изобретательность. Сотни фунтов цепи пропустили через оконные прутья, протащили по полу и закрепили на Джековых кандалах. Цепь была такая длинная, что он мог подойти к любому месту в камере, кроме двери. Сейчас он сидел за столом, пил чай.

Его гость, стоя у окна, смотрел через решётку на дорогу, которая поднималась на Сноу-Хилл и четвертью мили дальше пересекала Флитскую канаву. На другом берегу она расширялась вдвое-втрое и продолжалась между шикарными площадями, разбитыми там, где в детстве Джека были коровьи пастбища. Гораздо ближе, меньше чем на расстоянии полёта стрелы, справа, стояла церковь Гроба Господня — древнее сооружение архитектурного типа, известного у специалистов

как «большая груда камней». Там Джеку и его попутчикам в поездке на Тайберн предстоял через месяц долгий и утомительный ритуал. Поэтому Джек старался не задерживать взгляд на церкви и особенно на её дворе, который поглотил больше мертвецов, чем мог бесследно переварить.

— Как я погляжу, все лучшие лондонские апартаменты — в тюрьмах, — заметил гость, — и во всех живут люди, так или иначе доставляющие мне неприятности.

На фоне окна он смотрелся идеальным силуэтом щёголя, вроде тех, что вырезают из чёрной бумаги искусники на парижском Новом мосту. Джек обвёл его взглядом от взбитых локонов парика до бантов на башмаках, от мускулистых икр до безупречно выкроенных пол камзола. Гость был при шпаге. Джек подумал, что мог бы оглушить его цепью и отнять оружие. Впрочем, толку от этого всё равно бы не было, поэтому Джек отбросил кровожадные мечтания и сделал попытку поддержать разговор.

— Вы о том малом в Клинке? Прославленном Даппе?

— Ты знаешь, кто я. — Чарльз Уайт повернулся спиной к окну, затем рассеянно отвёл руку назад и погладил Джекову цепь, пропущенную сквозь

прутья. — Пока в этой стране был порядок, *всех,* кто доставлял неприятности порядочным людям, держали в таких местах. Я рад, что мы сохраняем хоть какие-то остатки цивилизации.

— Мне казалось, от того, что Даппа в тюрьме, вам неприятностей только больше.

— У меня есть планы насчёт Даппы, — сказал Уайт. — И насчёт тебя тоже. Вот чем полезны учреждения вроде Ньюгейта и Клинка: покуда такие, как ты, сидят под замком, такие, как я, успевают составить планы.

— Ладно, — вздохнул Джек. — Я знал, к чему идёт дело. Вы скучный тип, мистер Уайт, и очень банально себя ведёте. Мне оставалось только спросить себя: какой самый скучный и банальный план можно изобрести? Конечно, убить меня. Не очень-то страшная угроза, потому что через месяц у меня свидание с Джеком Кетчем на Тайберн-Кросс. Убить меня более жестоко здесь, чем он — там, вы точно не сможете. Так что пугать меня вам нечем, значит, вы должны что-то мне посулить.

— Полегче! — воскликнул Уайт. — Прежде обсудим, что должен сделать ты.

— А я ничего не должен, — отвечал Джек. — В этом смысле я самый свободный человек мира.

Так чего вы хотите от меня добиться?

— Тебя обвиняют в чеканке фальшивых денег. Это государственная измена. У сэра Исаака Ньютона достаточно доказательств; отпираться бесполезно. Ты должен будешь объявить перед судом, считаешь ли ты себя виновным. Такова формальность. Если ты не признаешь свою вину, тебя будут пытать, придавливая свинцовым грузом, пока ты не умрёшь или не одумаешься.

— Я с детства бываю в Ньюгейте, так что хорошо знаю здешние порядки, — отвечал Джек. — К чему вы клоните?

— Если ты согласишься сделать признание, я устрою так, чтобы его услышали несколько свидетелей — не только сэр Исаак. В присутствии этих людей ты скажешь, что сэр Исаак портил монету. Что он взял золото из королевской казны и…

— Прикарманил?

— Нет.

— Потратил на девок?

— Нет.

— Пропил?

— Нет. Использовал для алхимических опытов в Тауэре.

— Конечно! Ну и болван же я! — Джек так резко ударил себя по лбу, что зазвенели ножные

кандалы. — Это куда более правдоподобное обвинение.

— Милорд Болингброк об этом проведал, — продолжал Уайт нараспев, словно напоминая Джеку, что тот должен запомнить сказочку наизусть, — и начал готовить испытание ковчега, прослышав о котором бесчестный Ньютон в панике бросился к тебе, Джек. По его наущению ты и твоя шайка…

— Шайка. Шайка. Почему всегда «шайка»? Не зовите их так, словно каких-то преступников. Это мои друзья и близкие.

— По его наущению ты и твои *сообщники* ворвались в Тауэр, вскрыли ковчег, вытащили гинеи, уличающие Ньютона, и заменили полновесными. Чтобы оставить Тауэр без охраны, Ньютон увлёк меня и других в бессмысленную экспедицию к устью Темзы. Ты выполнил поручение, но где-то допустил промашку (придумаешь сам что-нибудь правдоподобное), история получила огласку, и теперь Ньютон пытается руками закона убрать тебя и твоих… сообщников, чтоб замести следы.

— А что, можно неплохо позабавиться, рассказывая такую байку перед моим обвинителем и сборищем обалделых чинуш, — признал Джек. — Считайте, что вы поставили посреди

моих апартаментов статую — ваше предложение. В ближайшие недели я буду ходить вокруг, изучать его в разном свете и под разными углами, выискивать изъяны…

— Ты сказал: «недели»? — переспросил Уайт тоном насмешливо-озадаченным. — Поскольку…

— У меня вдоволь времени на раздумья, — веско заявил Джек. — И я буду рассматривать ваше предложение куда серьёзнее, если вы скажете, что мне за это светит, помимо нескольких минут развлечения.

— Побег, — отвечал Чарльз Уайт. — Побег в Америку для тебя и для твоих… сообщников во Флитской тюрьме.

Тут Джек проявил, наконец, хоть какую-то заинтересованность. Во всяком случае, он поднялся из-за стола, прошаркал к окну, волоча за собой цепь, и встал рядом с Уайтом. Тот поглядывал вправо, недвусмысленно стараясь привлечь внимание Джека к церкви Гроба Господня и другим мрачным ориентирам на пути процессии смертников. Однако Джек посмотрел влево. В той стороне почти на одной прямой стояло несколько примечательных зданий. Ближе всего, на расстоянии ружейного выстрела, то есть почти на таком же удалении от Олд-Бейли, как Ньюгейт,

располагалась Флитская тюрьма: утыканная мириадами печных труб массивная стена вдоль одноименной клоаки. Дальше и чуть ниже, на противоположном берегу упомянутой клоаки, высился Брайдуэлл, пристанище непутёвых женщин. Совсем далеко, за Темзой, Джек различал шпиль Вестминстерского аббатства. Всё это было плотно упаковано в однообразный субстрат послепожарных кирпичных зданий, почернелых от копоти и стоящих вплотную без единого проблеска зелени, если не считать клочков мха, которые птицы несли на строительство гнёзд, да обронили, спасаясь от воронов — разбойников пернатого царства. Флитская тюрьма выделялась лишь тем, что стояла посреди открытого участка: у неё были своя территория и границы.

— Вы хотите меня уверить, — сказал Джек, — что можете вытащить троих оттуда и меня отсюда в одну ночь? Потому что делать это придётся одновременно. На мой взгляд, задача была бы неимоверно трудной, даже если бы виги не отмутузили ваших так, что половина дала дёру во Францию.

— Мне странно слышать столь малодушные сомнения от человека, захватившего Тауэр, — заметил Уайт.

— У меня были возможности. У вас…

— Ты недооцениваешь мощь и богатство моей партии. Пусть тебя не вводит в заблуждение временный отъезд Болингброка. Назревает восстание, Джек. Могут пройти год или два, но попомни мои слова: скоро армия якобитов сметёт узурпатора и его семя.

— Это вы об английском короле?

— Как некоторые его называют. Устроить побег, даже два побега в одну ночь — сущие пустяки, Джек. Особенно из Ньюгейта, откуда прославленные узники бежали почти так же часто, как из Тауэра.

— Мне придётся поверить вам на слово, — сказал Джек, — поскольку из тех, кого я навещал тут в детстве, никто не вышел иначе как на виселицу.

— Тогда думай об одном: как важно для моей партии одним махом дискредитировать сэра Исаака Ньютона, государственную монету и вигов. Два побега — смехотворная плата за такой успех.

— Что ж, считайте, что ваше предложение принято к рассмотрению, — сказал Джек. — Я дождусь предложений от других сторон, взвешу их все и дам обоснованный ответ, если только мой старый дружок, бес противоречия, меня не

попутает.

«Чёрный пёс» в Ньюгейте

4 октября 1714

Исаак и Джек ведут переговоры в «Чёрном псе»

НЬЮГЕЙТ, БЕСКОНЕЧНО МНОГОЛИКИЙ, служил и долговой, и уголовной тюрьмой. В последнем своём качестве он сейчас принимал у себя Джека Шафто и сотни тех, для кого Джек Шафто оставался недостижимым идеалом. Однако даже внутри этой категории существовали разряды и подклассы. Не все лондонские преступники были щипачи, торбохваты, скокари, голубятники, сшибщики и закоульщики; наличествовали также несчастные джентльмены, за которыми числились убийства, измена, грабёж на большой дороге, насилие над женщинами, нарушение общественного спокойствия, долги, дуэли, несостоятельность и чеканка фальшивых денег. Всё перечисленное, исключая насилие над женщинами и долги, справедливо вменялось Джеку.

С задачей расселить их сообразно роду справился бы только Ной, но запихнуть всех в одно помещение тоже было бы неестественно, во

всяком случае, не по-английски. Соответственно Ньюгейт делился на три большие части. Ниже аристократического «з*а*мка», где непутёвые щёголи расплачивались за грехи, играя в карты и наслаждаясь свежим воздухом, но выше переполненных каменных мешков «общей стороны» котировалась «господская сторона». Часть её предназначалась для уголовных преступников, часть — для должников, но на самом деле они обретались вперемешку, особенно в тюремной таверне, называемой «Чёрный пёс».

Обитатели «замка» с виду не отличались от других знатных особ ничем, кроме кандалов. Узники «общей стороны» поражали своим вопиющим, можно сказать, образцовым убожеством; даже без цепей в них за милю угадывались бы арестанты. Заключённые «господской стороны» соотносились с вольными лондонцами так же, как вяленая треска на верёвке с живой в море: сощурившись, наклонив голову и добавив толику воображения, можно было мысленно нарисовать их прежний облик. Друзья и родственники время от времени приносили им одежду, еду, свечи и мыло, что позволяло большинству сохранять некое подобие себя прежних.

Посетитель выглядел одним из таких. Заплаты,

которые на Ньюгейт-стрит воспринимались бы как стигматы бедности, здесь, в «Чёрном псе», служили, скорее, знаками отличия, доказательством, что кто-то ещё его помнит. Облезлый чёрный парик на Чаринг-Кросс стал бы предметом насмешек, а в «Чёрном псе» свидетельствовал… ну что у этого человека всё ещё есть парик. Нечто подобное можно было сказать о башмаках, чулках и низко надвинутой треуголке. Даже его постоянный хриплый кашель был очень типичен для Ньюгейта, как и приглушённая речь. В целом, частые посетители Ньюгейта с первого взгляда признали бы в нём несостоятельного должника из числа старожилов «господской стороны». Однако, чуть приглядевшись, они приметили бы некоторые странности. Во-первых, человек этот не носил кандалов: он был не узником, а гостем. Во-вторых, удивлял его закованный в кандалы собеседник, чистый и хорошо одетый обитатель «замка», лишь ненадолго удостоивший «Чёрный пёс» своим посещением. Несколько надзирателей и приставов с дубинками наблюдали за этим заключённым, покуда тот слушал гостя. Вскоре стало ясно, что кашляющий, одышливый, драный, затрёпанный, поеденный молью старый сыч не намерен с оружием в руках отбивать

Джека Шафто у правосудия, а если и намерен, его достаточно будет ткнуть локтем. Так что стражи успокоились, согнали каких-то узников со скамей, заняли их места, потребовали выпивку и стали ждать, приглядывая за сидящим поодаль Джеком.

— Спасибо, что пришли, — сказал Джек. — Я бы сам к вам заглянул, если б меня не держали тут на цепи.

Гость затрясся и закашлял.

— Впрочем, полагаю, вам интересно будет узнать, — продолжал Джек, — что мне поступают весьма заманчивые предложения. Куда более заманчивые, чем то, что я услышал от вас.

Гость прошептал что-то гневное, затем, исчерпав слова, несколько раз чиркнул ладонью по воздуху.

— О, насчёт этого я не обольщаюсь, — заверил его Джек. — С нашей встречи двадцать восьмого июля всё переменилось. У вас довольно свидетельств — по крайней мере, так мне все твердят, — чтобы отправить меня и мальчишек на Тайберн. Я не буду просить у вас прежнюю цену: ферму в Каролине. С ней я уже распрощался. Но Бога ради! Человек вашего ума должен понимать, что в нынешнем вашем предложении нет

ничего заманчивого! Милосердное повешение и достойное погребение для меня и для мальчиков… Неужто вы всерьёз думаете, что я стану вам помогать за такие пустяки? Тысяча чертей, если я захочу умереть быстро, я всегда смогу это сделать, не выходя из комнаты!

На сей раз гость говорил довольно долго, хотя вынужден был прерваться из-за нового приступа кашля, видимо, очень мучительного. Старик заёрзал на стуле, ища положение, в котором боль была бы не такой сильной.

— Рёбра, — поставил диагноз доктор Джек Шафто. — Знакомое дело, сэр, я сам их ломал раз или два. Зверская боль, да? Руки и ноги заживают быстро, а вот рёбра — целую вечность.

Таким манером он болтал, дожидаясь, когда гость прокашляется, а как только тот наконец подавил приступ и замер, прижав ко рту платок, продолжил:

— Мне не трудно встать перед кем скажете, положить руку на Библию и присягнуть, что монеты, которые я забрал из ковчега — *ваши* монеты, — были полновесные, а те, что я положил на их место — *мои,* — порченые. Но вы вполне справедливо спрашиваете, кто мне, на хрен, поверит? Да ни один здравомыслящий человек. Верно.

Согласен. Итак, вы, сэр, требуете вещественных доказательств в виде похищенных мною монет. Где они, вы хотите знать? Что ж, я уже говорил вам раньше, что отдал всё покойному милорду Равенскару. Я думал, вы уймётесь. Но поскольку вы не перестали меня одолевать, я навёл справки через тех моих знакомых, которые ещё не убиты, не в тюрьме и не бежали из страны. И они сказали мне, что синфии из дома Равенскара забрал приятель покойного, Даниель Уотерхауз, и что этот Уотерхауз спрятал их в склепе или где-то там ещё в Клеркенуэлле… по вашему лицу я вижу, что вы знаете, о каком месте речь!

(В продолжение последних Джековых слов драный парик запрыгал, поскольку его обладатель закивал.)

Гость что-то сказал, и Джек в свою очередь кивнул.

— Вы в жисть не скажете этого напрямик, но я понимаю и так: вы больше не можете гонять королевских курьеров куда вздумается, поэтому ищете каналы. Чтобы накрыть Клеркенуэлл-корт, вам нужно заручиться полномочиями. Надо присягнуть перед магистратом, что монеты из ковчега там? Я готов. Но за это я хочу свободу для Джимми, Дэнни и Томбы. Для себя — только

жизнь. Держите меня под замком до конца дней, ежели вам угодно, главное, без этих гадских штучек на Тайберне и без того, чтобы меня по кускам выварили в смоле и выставили на всеобщее обозрение.

Его собеседник, что-то пробормотав, вцепился в стол и с трудом оторвал себя от стула.

— Увидимся через неделю! — сказал Джек.

Гость ничего не ответил, только повернулся и, стараясь держаться лицом к стене, зашаркал к выходу.

ОДНИ НАДЗИРАТЕЛИ ГОТОВЫ были сразу вскочить и вести Джека назад в «з***а***мок», но другие ещё не прикончили свою выпивку. Джек только что заказал всем присутствующим по порции и не успел даже притронуться к новой кружке. Уволакивать его прямо сейчас было бы невежливо. Поэтому Джек по-прежнему сидел, обмениваясь рукопожатиями и любезностями с теми заключёнными, которым хватило духа подойти к его столу; он даже чмокнул в щёчку какую-то девицу с «общей стороны», судя по виду — воровку. Однако через несколько минут за соседним столом произошло какое-то движение. Во всё время беседы Джека с гостем там сидели двое вольных: один помоложе, здоровенный, дру-

гой — неопределённого возраста (из-за парика и поднятого ворота), но того сухощавого телосложения, которым обычно обладают счастливцы, сумевшие обмануть старость. Рослый остался сидеть, только повернулся так, чтобы видеть Джека уголком глаза. Худой встал и пересел в угол. Он держал кружку — заказанную Джеком! — но не пил, а сжимал её обеими руками, чтобы они не так сильно дрожали. Его трясло от ярости. Нет, от желания задушить Джека Шафто.

Джек изрядное время забавлялся, разглядывая нового гостя, прежде чем тот сумел пересилить гнев и заговорить.

— Как долго вы нашёптываете эти… эти гнусные измышления в уши сэра Исаака Ньютона? — спросил он наконец.

— Столько, сколько у меня есть доступ к его ушам, — отвечал Джек. — То есть примерно два месяца. Вот уж чего не ждал! Важные люди из кожи вон лезут, чтобы подкатиться к Айку хоть с полсловечком. Кто бы мог подумать, что он станет жадно слушать какого-то бродягу? Однако с тех пор, как он заковал меня в кандалы, мне легче залучить его к себе, чем королю Англии. Щёлкну пальцами — и вот он здесь, готов слушать часами.

— После скончавшегося маркиза Равенскара, — сказал Даниель, — Исаак Ньютон — мой самый старинный друг. Вернее, он был моим другом, пока вы своей ложью не сделали его моим ярым и опасным врагом.

Джек фыркнул.

— Видел я, какие вы друзья, когда вы приходили сюда на переговоры со мной двадцать восьмого июля. Айк весь трясся от подозрений. О нет, он подозревал не вас, а всех вообще. Я знал, что довольно нескольких моих слов, и можно брать его тёпленьким. А теперь вы враги. Мне до этого — как до мух, вьющихся сейчас над верблюжьими задами в Каире. Ваш старый друг, враг, или кто уж он вам, хочет меня четвертовать. Человек, который рвётся со мной это проделать, черно-книжник или алхимик прямиком из старых побасёнок! Чёрт побери! Как эльфы и тролли, эта публика хиреет и скоро повыведется совсем. Им это так же ясно, как вам и мне! Но если мы видим, что они вымирают, и говорим про себя: «туда им дорога», Айк и его компашка воображают, будто их конец станет своего рода Апокалипсисом, последним и окончательным торжеством. Такие, как он, приходили болтать языком в наши бродяжьи становища, и мы от нечего делать в

шутку им поддакивали. Как трактирщик пользуется тем, что пьяниц тянет к спиртному, так и я пользуюсь жаждой Айка заполучить Соломоново золото. Трактирщику надо кормить семью, мне — выручить себя и мальчишек. И мне глубоко плевать, если в итоге Клеркенуэллский монетный двор вигов накроют, а вас и ваших учёных собратьев притащат сюда в цепях.

— Отлично. Всё ясно. Каковы ваши условия?

— Джимми, Дэнни, Томба и я свободными людьми отправляемся на корабле в Америку.

— Принято к сведению, — отвечал его собеседник. — Впрочем, есть сложность, на которую я должен вам указать.

— Моя кружка лишь наполовину пуста, доктор Уотерхауз, а вы ещё не притронулись к своей, так что времени предостаточно. От вас требуется одно: отбросить намёки и выложить всё начистоту.

— Предположим, что побег осуществим, и вы окажетесь на корабле, идущем в Новый Свет. Однако *она* туда не отправится.

Джек открыл было рот для очередной колкости, но внезапно лицо его посерьёзнело.

Он довольно долго хранил молчание, потом сказал:

— Не может быть, чтобы вы говорили о том, о чём, *мне кажется,* вы говорите.

— Знаю, что в это трудно поверить, — отвечал Даниель.

— Допустим… допустим всё то, чего я не готов допустить. Остаётся вопрос: почему она выбрала в посредники вас?

— Вопрос исключительно разумный, — сказал Даниель. — Ответ: выбрала не она. Я действую по поручению другого лица: подруги указанной дамы.

— Тогда не очень-то хорошая эта подруга, — заметил Джек. — Настоящая подруга не полезла бы латать то, что давным-давно порвано. Подруга! Ха!

— И всё же, — не уступал Даниель, — упомянутая подруга попросила меня навести справки. Она молода, верит в силу истинной любви, и прочая, и прочая.

— Да, как в пьесах! — воскликнул Джек. — Я не про циничные комедии времён Реставрации, но про старые пьесы, которые смотрел в детстве.

— Тогда была более простая эпоха.

— Конечно. Хотя сам я не так глуп, чтобы верить в подобные слащавые выдумки, я знаю, что юные дамы, чрезмерно любящие Итальянскую

оперу и театр, могут на время поддаться опасному влиянию, пока годы и опыт не вправят им мозги. Я готов считать, что приславшая вас юная дама просто глупа и нисколько не злонамеренна.

— Ей будет крайне лестно узнать, что Король бродяг так думает.

— Не надо поддевать меня, доктор. Разговор очень непростой даже и без ваших шпилек. Я готовлюсь сообщить нечто весьма важное для передачи любительнице лезть не в свои дела: женщина, о которой идёт речь, когда-то давно пообещала мне, что я не увижу её и не услышу её голоса, пока не умру. А она от своих слов не отступается.

— Отсюда следует, что, если вы не умрёте, а сядете на корабль, идущий в Новый Свет, вы не сможете её увидеть и поговорить с ней, — заметил Даниель.

— Да, воистину горькая участь, — сказал Джек, — но так было двенадцать лет, и ещё несколько годиков без неё меня не убьют, в отличие от дальнейшего пребывания в Лондоне.

Флитская тюрьма

ранний вечер 5 октября 1714
Флитская тюрьма

ЕСТЕСТВЕННО ПРЕДПОЛОЖИТЬ, что любая тюрьма, если в неё углубиться, с каждым кругом становится страшнее и страшнее, подобно Дантову аду. Мимо Флитской тюрьмы (автономного города с населением почти в тысячу душ) Даниель ходил, сколько себя помнит. Собственно тюремное здание (сгоревшее в 1666 году, заново отстроенное в 1670-м) насчитывало почти двести пятьдесят футов в длину от «бедной стороны» на юге до часовни на севере. В ширину оно имело сорок футов и столько же в высоту (достаточно для пяти этажей с низкими потолками, если считать за первый полуподвал). Однако это здание, при всей огромности, так же нельзя было спутать со всей тюрьмой, как, например, принять Белую башню за весь Тауэр. Флитская тюрьма, какой с детства знал её Даниель, представляла собой город площадью шесть акров, четырёхугольный, если смотреть на него в плане. Вблизи она выглядела как те причудливые чудовища, которых наблюдал под микроскопом Гук, то есть казалась в тысячу раз больше из-за своей сложности и постоянного копошения. Её западная граница проходила прямо по берегу Флитской канавы. С севера территория тюрьмы охватывала всю Флит-лейн, а здания на северной стороне улицы

— уже нет; арестант мог идти по мостовой, касаясь рукой стен, но, если он входил в дверь, это считалось побегом и влекло за собой финансовые последствия для смотрителя. То же относилось к улицам Грейт-Олд-Бейли и Ладгейт-Хилл (совпадавшими с восточной и южной границами), хотя в последнем случае всё осложнялось тем, что тут тюрьма выпускала из себя три длинных тонких щупальца в такое же количество дворов на южной стороне Ладгейт. Такова была территория площадью в шесть акров, почему-то называемая «правилами», по которой некоторые арестанты могли прогуливаться без цепей и без охраны при условии, что у них есть «Ордер на взыскание суммы долга, вменяемой данному арестанту, с оговоркой на обратной стороне, аннулирующей настоящий документ в случае, если не будет предпринят побег». Эта и другие меры безопасности по древней традиции хотя бы теоретически позволяли всем, кого посадили за долги (то есть большей части обитателей Флит), перемещаться, а иногда и селиться вне здания тюрьмы, но внутри «правил», почти неотличимых от других лондонских трущоб. Понять, что вы в тюрьме, можно было лишь по странной особенности некоторых субъектов: в пределах шести акров

они ходили, как все, а на пограничных улицах — бочком, опасливо, чтобы неверный шаг или дорожное происшествие не выбросили их за невидимую черту и не сделали беглыми.

Система эта, как и все другие в Англии, постепенно сформировалась за шесть столетий, прошедших с норманнского завоевания. Когда норманны сюда пришли, они обнаружили участок земли площадью около акра, по форме напоминающий отпечаток конской подковы. Подкова упиралась в реку Флит (тогда, надо думать, чистую и журчащую), а выгнутой стороной была обращена на восток. Каким-то образом она получила привилегированный юридический статус: епископ Лондонский повелевал всеми окрестными землями, кроме этого акра. Объяснение названной странности, вероятно, уходило корнями в те времена, когда косматые англы рубили друг друга боевыми топорами, но давно никого не интересовало. Важно было одно: каким-то образом эта странность вылилась в нынешний статус подковообразного участка как тюрьмы Суда общих тяжб, Канцлерского суда, Казначейского суда и Суда королевской скамьи. До упразднения Звёздной палаты Флит служила в таком качестве и ей, так что какое-то время здесь

держали Дрейка (ещё до Даниелева рождения). Тогда это было куда более интересное место и куда более выгодное для смотрителя. Теперь Флит стала почти исключительно долговой тюрьмой. Имелись некоторые исключения из правил, которые в последнее время сильно интересовали Даниеля. Однако, прежде чем заниматься отклонениями, ему надо было изучить норму.

Предварительные исследования дали ничтожно мало, а главное, Даниель никак не мог поверить в их результаты. Как полководец перед сражением, он намеревался составить список вражеских сил, перечень батальонов. Однако, сколько бы Даниель ни штудировал документы, сколько бы ни поил должников в третьеразрядных кабаках, спорящих за место в «правилах» с дешёвыми живодёрнями и борделями, он сумел найти упоминания лишь следующих официальных лиц:

Смотритель, который покупает эту должность в качестве долгосрочного вложения средств (быть может, самого причудливого в мире) и никогда в тюрьме не появляется.

Помощник смотрителя, который заключает с последним своего рода договор, освобождающий того от ответственности в случае бегства арестан-

тов. Подробности вогнали Даниеля в ступор, но были не важны; довольно сказать, что система имела смысл, только если помощник смотрителя будет немногим богаче заключённого-должника. Тогда, если кто-нибудь убежит, помощник смотрителя может подать в отставку, объявить себя несостоятельным и раствориться в общем населении Флит.

Несколько приставов, то есть лиц, сопровождающих арестантов в суд и обратно; в тюрьме они не жили и не носили оружия (если не считать ярко раскрашенных жезлов), потому не могли ни помешать, ни помочь Даниелю.

Дворник.

Судебный глашатай.

Капеллан.

Три надзирателя.

Сколько Даниель ни перечитывал список, он не мог вообразить, как порядок в тюрьме, где проводят ночи более тысячи мужчин, женщин и детей, поддерживают три надзирателя. Он должен был увидеть это сам. Во Флит пускали всех и даже, в отличие от Бедлама, не брали денег за вход. Даниель вполне мог сойти за своего, если надеть старую одежду и не сообщать каждому встречному-поперечному, что он — лорд-регент.

К Флитской канаве тюрьма была обращена сплошной стеной с несколькими зарешёченными окнами. Бедные арестанты целыми днями сидели перед ними, тряся просунутыми сквозь прутья жестяными кружками. Мимоидущие могли бросить туда монетку, но поскольку люди старались не ходить мимо Большой клоаки Туманного Альбиона, сборы оказывались не слишком обильными. Гук хотел замостить всю Флитскую канаву, то есть спрятать её под землю. На доходах от бряканья кружками это сказалось бы в высшей степени благотворно, однако проект так и не осуществился.

Рядом с решёткой, за которой просили милостыню неимущие должники, начинался сводчатый туннель, уходящий в стену тюрьмы на пугающую глубину в сорок футов. По обеим его сторонам тянулись каменные скамьи, на которых сидели люди крайне неприятного вида. Войдя в этот туннель, человек переступал древнюю границу и оказывался за пределами Лондонской епархии. Опустившиеся пасторы караулили здесь целыми днями в надежде заработать быстрым венчанием без лишних вопросов. Несколькими футами дальше тот же обряд был бы противоправным и не имел законной силы, но сюда власть епископа

не распространялась. Место на скамьях было ограниченно, и не все служители алтаря там помещались; самые предприимчивые расхаживали по берегу Флитской канавы в надежде перехватить брачующихся на подходе.

Кроме пасторов, на скамьях сидели проститутки обоего пола и те, кто намеревался воспользоваться их услугами; о сделке уславливались здесь, осуществлялась она в тюрьме.

На некотором удалении от входа туннель перегораживала каменная стена чуть выше человеческого роста, приветливо усаженная сверху железными шипами. В ней имелась зарешёченная дверь. Впускали в неё любого, а вот выпускали не всех. Даниель, подойдя к двери, замедлил шаг, и Питер Хокстон, выполнявший роль арьергарда, чуть на него не налетел.

— Можно идти дальше, — заметил Сатурн, оглядывая людей, сидящих на скамьях справа и слева, поскольку те уже заметили Даниеля и принялись делать ему различные деловые предложения.

Даниель не слушал ни их, ни Сатурна. Некоторое время он смотрел себе под ноги, затем перевернул трость и постучал набалдашником по плитам мостовой, сделал шаг в сторону и повторил ту же процедуру. Наконец он решился войти,

но тут его пренеприятно толкнули. Пренеприятно не в том смысле, что грубо или умышленно; напротив, молодой человек сделал всё, чтобы не налететь на Даниеля, а налетев, рассыпался в извинениях. Он шёл чуть сзади, а когда Даниель с Сатурном задержались, попытался их обогнуть. Неприятность состояла в том, что это был помощник мясника, скорее всего — из какой-нибудь жалкой лавчонки на Флит-лейн, с ног до головы облепленный кровью, дерьмом, мозгами, перьями и щетиной. Часть перечисленного оказалась на Даниеле. Парнишка пришёл в ужас, особенно когда вообразил, что сейчас Сатурн его покарает. Однако Даниель с кроткой улыбкой проговорил: «После вас, молодой человек» и сделал приглашающий жест. Парнишка протиснулся вперёд, ещё сильнее вымазав дверь (до него здесь явно проходили его коллеги), и вежливо придержал её перед Даниелем. Они с Сатурном вошли, миновали проститутку (третичный период сифилиса) и её клиента (первичный период), ждущих очереди выйти, затем — надзирателя, смерившего их пристальным взглядом, и выступили из арки.

Тюремное здание было прямо перед ними, сразу через двор: высоченная стена, протянувшаяся более чем на сто футов влево и вправо. Если бы они

сделали несколько шагов вперёд и преодолели несколько ступеней, то попали бы внутрь. Однако Даниель снова остановился. На сей раз его внимание привлёк странный триптих: три человека, которые стояли сразу за аркой и не намеревались уступать дорогу ни ему, ни кому-либо другому. Один — пришибленного вида оборванец — поворачивался вправо и влево, словно насаженный на вертикальный вертел. Второй был одет чуть лучше и опирался на ярко раскрашенный жезл. Третий — хмурый здоровяк — разглядывал первого с пристальностью, которая в других местах могла бы спровоцировать драку. Разглядывание длилось неестественно долго; Даниель сообразил, что это какой-то ритуал. Он вспомнил, что надзиратель у ворот тоже пялился на входящих (когда не задерживал взгляд на выходящих), и нашёл разгадку тогда же, когда Сатурн (не без удовольствия наблюдавший за тем, как Даниель ломает голову) соблаговолил объяснить: «Новый арестант. У надзирателей есть одно общее с поимщиками умение: внимательно изучив лицо, они его уже не забудут».

Даниелю вовсе не хотелось, чтобы его внимательно изучали или хотя бы мельком оглядывали люди, обладающие такой способностью, посему

он перешёл на другое место, ближе к тюрьме, дальше от надзирателей с их цепкими глазами, вновь постучал тростью по мостовой и осмотрелся. Здесь двор был уже всего; с южной стороны он расширялся почти вдвое, с северной — ещё больше, поскольку там от Флитской канавы его отделяли не дома, а лишь каменная куртина двадцатипятифутовой высоты, усаженная сверху металлическими шипами. Для благообразия её расписали морскими и прочими пейзажами, из которых Даниель видел только отдельные вертикальные фрагменты, поскольку во дворе собралось множество курильщиков, гуляющих и любителей побеседовать. День выдался прохладный, но стены и здание тюрьмы защищали от ветра, так что арестанты и посетители воспользовались случаем размять ноги и подышать. Даниеля внезапно осенило: слыша, как арестанты, просящие милостыню через решётку, называют себя «нищими должниками», он мысленно упрекал их за тавтологию. Только теперь, увидев *зажиточных должников,* он понял, что бедолагам с кружками надо было как-то отделить себя от этих.

Даниель повернулся спиной к Расписному двору, как называлась северная часть пространства

перед тюремным зданием, и на безопасном расстоянии последовал за помощником мясника, с которым столкнулся раньше. Паренёк двигался явно целенаправленно, следуя изгибам двора, зажатого между главным зданием тюрьмы справа и домами, выходящими на Флитскую канаву, слева. Он направлялся к ряду домиков шагах в пятидесяти впереди, то есть у южной стены. Даже с такого места Даниель мог уверенно определить, что это уборная, она же отхожее или нужное место. Парень вошёл туда, и Даниель мысленно вознёс молитву о том, кто следующим вынужден будет воспользоваться данным заведением. Некоторое время спустя парнишка появился вновь, прошёл назад через двор, мимо надзирателя (который оглядел его пристально, но ничего не сказал), через скопление шлюх и тому подобной публики у выхода и пропал в арке.

Даниель Уотерхауз и Питер Хокстон остановились на полпути между воротами и уборной. На то были две причины:

(1) Тюремное здание состояло по большей части из каморок, не лучше и не хуже, чем в любом лондонском клоповнике. Ключи от них были у самих арестантов. Однако наличествовали и несколько темниц, обитателям которых ключей

не полагалось! Они-то особенно интересовали Даниеля. Целый ряд таких казематов располагался в зданиях, стоящих вдоль Флитской канавы; когда Даниель смотрел на юг в сторону уборной, их задние двери и окна были от него справа. Но разглядывать замки и решётки пристально было бы неосторожностью.

Впрочем, по счастью

(2) Слева от оси ворота — сортир совершался ещё один странный ритуал. Даниель и Сатурн были сейчас рядом с «бедной стороной» — двумя очень большими помещениями в самой южной части главного здания, где ютились те арестанты, которым не по средствам было снять отдельную комнату. У внешней стены одного из этих помещений стояла цистерна. Вода в неё подавалась помпой; Даниель старался не думать, какую воду можно качать из-под земли менее чем в ста футах от Флитской канавы. К цистерне приближалась толпа человек в десять-пятнадцать; ядро её составляла плотная кучка из четырёх мужчин. Толпа встала вокруг цистерны, и Даниель увидел, что у одного из четверых руки связаны за спиной обрывком верёвки. Он был с непокрытой головой; его конвоиры выглядели такими же обтрёпанными, но сумели где-то раздобыть пред-

меты одежды, узнаваемые как шляпы и парики. К старшему из этих троих и обратились сейчас все взгляды, и тот начал речь, звучавшую, ни дать ни взять как судебный приговор, во всяком случае, такую же длинную и неудобопонятную. Она была так же вопиюще помпезна, как вопиюще убоги были оратор и слушатели, но если соскоблить лепрозные словеса и обнажить грамматический костяк, сводилась к тому, что все присутствующие (за исключением связанного) составляют некий орган, именуемый Коллегией инспекторов, а говорящий — его председатель, и что в ходе завершившихся слушаний субъект с непокрытой головой признан виновным по следующим пунктам: проникновение в комнату такого-то и кража глиняной бутыли с джином из тайника в стене, куда законный владелец (как все знали) прятал её на то время, когда отрывал от губ; и что приговор по указанному делу будет сейчас приведён в исполнение. Вора поставили спиной к цистерне, доходившей ему до колен, и опрокинули назад, так что его ноги взметнулись вверх, а затылок пробил мутную пену на поверхности воды. Крепко держа осужденного за плечи, два представителя Коллегии инспекторов подвели его лицом под трубу, а третий принялся

что есть силы качать помпу. Оценить результат было нелегко, поскольку зрители, стремясь не упустить душеполезное зрелище, плотно обступили цистерну. Даниель лишь урывками видел за их спинами, как ноги наказуемого отплясывают в воздухе тарантеллу. Из всех окон тюрьмы смотрели должники, чтобы поучиться на ошибках джинокрада. Сатурн благодаря своему росту отлично видел экзекуцию. Даниель, зайдя ему за спину, стал глядеть в другую сторону, на здание, в котором, по его догадкам, располагались темницы.

Судя по тяжёлым дверям, обилию замков и решёток, а также почти полному отсутствию окон, он не ошибся. Кто-то говорил ему, что некоторые темницы расположены рядом с Флитской канавой, сортиром и тюремной помойкой; впрочем, из-за холодного ветреного дня вонь была не такая, как подразумевало описание. Однако Даниель не видел дополнительных мер предосторожности, которых следовало ожидать, если внутри помещались члены банды Шафто. К тому же дом выходил фасадом на Флитскую канаву, и с той стороны, возможно, имелись окна и решётки, что делало его неподходящей тюрьмой для опасных преступников.

Нравственное перевоспитание закончилось, воду качать перестали, бенефициара, полумёртвого, вытащили из цистерны и бросили на мостовую. Зрители разошлись. Некоторые предпочли обогнуть большое здание с юго-восточного угла, по узкой и грязной дорожке между сортирами и помойкой. Здесь внешняя стена достигала сорока футов: она располагалась так близко к окнам верхнего этажа, что при меньшей высоте могла бы наводить на мысль о побеге с использованием верёвок. Даниель с Сатурном свернули за угол и двинулись на север вдоль восточной стороны главного здания; здесь тюремная стена вновь отступала футов на сто. По описанию Даниель узнал двор для игры в мяч, примыкающий к «господской стороне» Флит. Здесь состоятельные должники обитали в комнатах, которые делили с б***о***льшим или меньшим числом товарищей по несчастью в зависимости от того, сколько могли платить. Эти-то комнаты и приносили смотрителю основной доход. Несмотря на холод, множество людей перебрасывались мячом при помощи ракеток, играли в шары, кегли и другие игры, создавая общее впечатление неразберихи. У внешней стены стояло несколько обшарпанных столов, за которыми летом, вероятно, собирались

картёжники. Даниель сел за один, чтобы дать роздых ногам. Он устроился спиной к стене, так что мог обозревать весь двор и «господскую сторону» за ним. Чуть правее стена плавно поворачивала, огибая северо-восточный угол большого здания. В выемке притулились несколько отдельных строений, в частности поварня с собственными цистерной и помпой. С одного её бока очередная помойная куча грозила поглотить очередную уборную; всё это находилось в пугающей близости от тюремной церкви. С другого бока в том же изгибе стены торчала постройка, назначение которой Даниель затруднился бы угадать, если бы перед ней не стояли два вооружённых солдата. По соседству часть территории двора узурпировали две армейские палатки и полевая кухня.

У Даниеля был при себе тубус с картой, который он сейчас снял с плеча, открыл и перевернул. Сперва наружу высыпалась небольшая лавина пыли и сухой штукатурки вперемешку с конским волосом. Ещё немного потряся тубус, Даниель сумел извлечь на свет Божий свёрнутые в рулон документы.

Последний раз Сатурн видел их, когда вынимал из дыры в стене под куполом Бедлама.

— Когда вы стучали по плитам тростью, некото-

рые арестанты приняли вас за сумасшедшего, — сказал он. — Теперь такие подозрения закрались и у меня.

— К тому-то я и стремлюсь! — обрадованно воскликнул Даниель. — Можете объяснять всем, что я безумный старик, возомнивший, будто некий фальшивомонетчик в давние времена спрятал здесь клад.

— Фальшивомонетчик?! Здесь?!

— Да. Фальшивомонетчиков и контрабандистов иногда помещали сюда по решению Казначейского суда и Суда королевской скамьи. Так что исходное здравое зерно в истории есть, как во всех выдумках сумасшедших. Я вбил себе в голову, что сумею отыскать клад. Вы — слуга, которому несчастные родственники поручили оберегать меня от неприятностей и вообще всячески обо мне заботиться.

— Могу ли я в таком качестве заглянуть в трактир, взять себе шоколада и?..

— А мне кофе, — добавил Даниель и принялся расправлять на выщербленном столе непослушные чертежи, придавливая их по углам кеглями.

Сатурн двинулся через двор, уворачиваясь от летящих или катящихся мячей и демонстративно не замечая знакомого, который его узнал.

Путь Сатурна лежал на север, между церковью и поварней, к трактиру и кофейне в северном торце здания.

Тем временем Даниель в который раз за последние пятьдесят лет прикоснулся к гению Роберта Гука через его, Гука, странные записи и филигранные чертежи.

«*В лето Господне 1335-е смотритель Флитской тюрьмы нанял землекопов, чтобы вырыть ров вокруг здания и прилегающего двора. Ширина рва составляла 10 ф. Поскольку он был заполнен водой, мы делаем вывод, что он соединялся с Флит в двух местах, образуя излучину к востоку от указанной реки, и проходил на месте теперешней стены… в более поздних документах приводится жалоба, что стоки не менее десяти нужников, а также кожевенных мастерских ведут в упомянутый ров, превращая его в открытую клоаку, каковая, следует полагать, в те дни внушала не меньшее отвращение, чем нынешняя Флитская канава… Ров больше не существует, но нет документов о том, что его засыпали. В рассуждении вышесказанного я смею утверждать, что его не засыпали, а перекрыли сверху, дабы защитить окружающую территорию от смрадных испарений, но что он по-прежнему соединяется с Флит,*

вероятнее всего в точках A и B, чем отчасти и объясняется её дурной запах…» Дальше Гук приводил доводы в пользу того, что так же надо поступить с Флитской канавой.

Точки A и B располагались на восточном берегу Флитской канавы, рядом с северо-западным и юго-западным углами тюрьмы. Они были отмечены на плане, который Гук составил после Пожара. Сравнивая приведённые сведения с тем, что видел перед собой, Даниель испытал то приятное чувство, какое бывает, когда в голове складывается логичная картина. Редкие творения человеческих рук так долговечны и привязаны к своему месту, как каменные нужники, особенно те, куда по традиции ходит вся округа. Если в 1714 году мясники с Флит-лейн облегчаются на южном краю тюремной территории, очень вероятно, что они поступали так же в 1614, 1514, 1414-м и так далее. Уборная близ южной стены, вероятно, была в числе тех десяти с лишним, о которых говорил документ. Но и та, что рядом с поварней, скорее всего, находилась надо рвом, там, где он поворачивал на восток. Она стояла у самой стены; с другой стороны к той же стене примыкали здания, выходящие на Флит-лейн. Были среди них и скотобойни, которые в старые

времена, словно мухи, облепили ров, чтобы вода уносила их отбросы. По той же причине здесь разместили и поварню.

Третьим в ряду было здание, охраняемое солдатами.

Даниель читал жалобы на условия в некой темнице Флит, составленные арестантами, сумевшими нанять себе адвокатов, чтобы выбраться оттуда любой ценой. Эти арестанты были не должники, а богатые и опасные люди, брошенные в тюрьму Звёздной палатой или Судом королевской скамьи. В документах сообщалось, что темница находится на южном берегу канавы, что могло означать только исчезнувший ров. Темница, согласно описаниям, «кишела жабами и прочей мерзостью», была «наполнена гнусными испарениями» и в неё «не проникало ни лучика света». Узников приковывали к скобам в полу и оставляли лежать в нечистотах — собственных (в камеру не ставили даже ведра) и тех, что сочились из стен.

Эти приятные раздумья прервал Сатурн. Он привёл служанку, которая несла поднос с чашками. Сатурн захватил из трактира газеты (по слухам, периодические издания поступали туда так же исправно, как в любой лондонский клуб)

и сел читать, прихлёбывая шоколад.

Даниель оглядел женщину внимательно (хоть и не так грубо, как надзиратель) и решил, что она не шлюха, а, скорее, жена должника, оказавшаяся здесь надолго (если не навсегда) и подрабатывающая прислугой в трактире (ещё одном источнике прибыли для смотрителя тюрьмы). Женщина в свою очередь с любопытством разглядывала его, из чего Даниель заключил, что Сатурн рассказал ей про чокнутого кладоискателя.

— Любезная, — сказал Даниель, вынимая из кармана кошелёк, чтобы она не ушла, — вы связаны с начальством?

— Вы про Коллегию инспекторов и всё такое?

Даниель улыбнулся.

— Я имел в виду смотрителя…

Женщина опешила: такой глупости она не ожидала даже от выжившего из ума старикашки. С тем же успехом Даниель мог спросить, не пьёт ли она чай с папой римским.

— С Коллегией инспекторов, если они тут задают тон.

— Пирушки они задают, если вы понимаете, о чём я!

Женщина подмигнула Сатурну. Чего бы не позабавиться над старым чудаком?

— Люди с ружьями не позволяют мне осмотреть вон ту темницу! — посетовал Даниель, указывая на солдат. — Меня уверяли, что Флитская тюрьма открыта для всех, а тут…

— Вам повезло, — объявила женщина.

— Как так, мэм?

— Если б вы хотели куда ещё, председатель ни в жисть бы вас не пустил, пока ему не заплатите. Но насчёт солдат он обеспокоен, произносит длиннющие речи в винном и пивном клубах и пишет жалобы на законные власти! Обращайтесь к председателю, и он не останется глух к вашей просьбе. А ещё лучше отблагодарите его заранее, ежели вы меня понимаете.

Пока она говорила, Даниель вытащил из кошелька деньги и разложил их на столе. Он указательным пальцем придвинул к женщине мелкую монетку, которую та взяла и теперь внимательно следила за Даниелевым пальцем — на какой монете он остановится.

— Правильно ли я заключаю, что размещение вооружённых солдат во Флитской тюрьме — процедура необычная?

Женщине потребовалось несколько секунд, чтобы расшифровать эту фразу.

— Вооружённые солдаты здесь не в обычае,

верно! Ещё как!

— Так они тут недавно?

— С августа, кажись. Охраняют новых арестантов — во всяком случае, так говорят. Председатель не верит — мол, это уловка… пренци… как его там.

— Прецедент.

— Точно!

— Которому нельзя потворствовать, ибо в противном случае Флит мало-помалу лишится своих древних привилегий, — сказал Даниель и переглянулся с Питером Хокстоном. Слова звучали нестерпимо пафосно, но Сатурн уверял, что должники во Флит треть времени спят, треть — пьют, курят, играют в азартные игры и прочая, а треть — ведут бессмысленные тяжбы со смотрителем.

— Председатель возглавляет Коллегию инспекторов? — спросил Даниель.

— Да, сэр.

— Его выбирают?

— Тут так просто не расскажешь, но обычно это старший из должников.

— Старшие должники управляют тюрьмой по законам, которые сами выдумали…

У женщины расширились глаза.

— Ну конечно! — Тут глаза её снова сузились. —

А разве не все законы выдуманные?

Даниель пришёл от ответа в такой восторг, что заплатил за него больше, чем стоило бы.

— Вы говорите, здесь есть винный клуб?

— Да, сэр. Он собирается по понедельникам. А пивной — по четвергам. Люди пьют и называют это клубом.

— Заключённые, гости или…

— И те и другие.

— Так что к десяти все расходятся?

Женщина не поняла, о чём Даниель говорит, и ему пришлось объяснить:

— Вроде бы в это время надзиратели просят посторонних удалиться?

— Ну и что? Клуб гуляет до часу или до двух ночи, сэр, а потом все расходятся по комнатам и пьют до рассвета.

Даниель придвинул ей ещё монетку, мысленно коря себя за тупость. Флит называют самым большим лондонским борделем, а как бы такое могло быть, если бы всех действительно выгоняли в десять?

— Какой клуб более шумный — винный или пивной?

— Шумный? Винный сперва шумный, потом тихий. Пивной — наоборот, ежели вы меня по-

нимаете…

— А солдаты выпивают вместе со всеми? — Даниель кивнул на палатки.

— Бывает, заглянут тишком, пропустить по кружечке, — отвечала женщина, — но у нас с ними когда как, ежели вы меня понимаете…

— Из-за тяжбы, которую ведёт председатель.

— Да. Да. Верно говорите.

— Как же они спят у себя в палатках, когда в трактире шумят?

— Так и не спят. Во Флитской тюрьме вообще спать трудно, для тех, кто любит поспать, ежели вы меня понимаете.

— Отлично понимаю, мэм. — Даниель придвинул ей последнюю монетку. — Вот, купите себе ваты, чтобы затыкать уши.

— Спасибо за доброту, сэр, — сказала она, пятясь. — Надеюсь увидеть вас вечером в понедельник или в четверг, как вам будет угодно.

— ЕСЛИ ЭТО ОКАЖЕТСЯ ЕЩЁ ЛЕГЧЕ, — сказал Даниель Сатурну, — я почувствую себя немного обманутым.

— Не вижу ничего лёгкого! Вы видели замки на темницах?

— Это будет не сложнее, чем закатить пирушку, — отвечал Даниель. — А теперь идёмте — если,

конечно, надзиратели нас выпустят! — и поищем жильё на Флит-лейн.

Сатурн помрачнел больше обычного.

— Вам не нравится моя мысль?

— Она не хуже всего остального, что вы удумали за последнее время, — сказал Питер Хокстон, эсквайр.

— Надо ли понимать, что вы пытаетесь выражаться дипломатично?

— Уж как умею. Если вы искали дипломата, вам не следовало идти за ним в Хокли.

— Кстати, раз уж мы говорим без обиняков, — сказал Даниель. — Мне известно, что адские машины для Джека делали вы.

— У меня были мысли, — выговорил Питер Хокстон, каменея и багровея.

— Я подозревал, но в июле, когда вы мастерски изготовили ловушку для Жекса, всё стало более чем очевидно.

Теперь Питер Хокстон начал вдыхать и на протяжении следующих примерно сорока пяти секунд вобрал в лёгкие несколько бочонков воздуха; его грудная клетка расширялась и расширялась — ещё немного, и она упёрлась бы в дома с одной стороны улицы и стену с другой, круша кладку. Однако наконец он достиг сво-

его предела и свистящим ураганом выпустил воздух.

— У меня были мысли, — повторил Питер Хокстон, как будто первый раз только примерялся к фразе. — Я чувствовал себя чуток в подвешенном состоянии.

— Знаю.

— Спасибо, — проговорил Сатурн, лаская губами слово. — Спасибо, что не отправили меня в тюрягу без разговоров.

— Никто не погиб, — заметил Даниель. — Взрывы не повторялись.

— Я отчасти потому и стал вас разыскивать, тогда, в самом начале, что…

— Хотели проследить за мной и моим расследованием?

— Не без этого, конечно, но и…

— Вы сожалели, что чуть меня не убили.

— Да, точно! Вы читаете мои мысли!

— Я читаю ваше лицо и поведение, как и положено духовнику. Что вы знаете касательно ковчега?

— Я его открыл. Джек вынул оттуда одно, положил другое.

— Что Джек туда положил? Были они из чистого золота? Или с примесью низких металлов?

Сатурн пожал плечами:

— Я иногда покупаю золото для часов, однако больше ничего о нём не знаю.

После этого Даниель молчал так долго, что Сатурн прошёл все последовательные стадии досады, тревоги и меланхолии. Он поднял голову и посмотрел на Флитскую тюрьму.

— Так мне пойти подыскать себе камеру или…

— Изготовителям адских машин здесь не место. Вы заскучаете в обществе должников и сопьётесь.

Даниель поднялся на ноги и вылил в рот остатки холодного кофе (его и принесли-то чуть тёплым, а за время разговоров он остыл окончательно).

— Так вот, насчёт жилья. Сложности в моей жизни начались после того, как король Англии взорвал мой дом и убил моего отца. Чтобы всё снова стало просто, мне, возможно, тоже придётся взорвать дом. В таком случае будет нужен человек с вашими умениями.

Сатурн наконец встал.

— По крайней мере, это интереснее, чем наши прежние занятия. Так что я с вами.

ИЗВЕЩЕНИЕ

о публичном аукционе,

имеющем состояться в Клинкской слободе
через неделю после сего дня
(*сиречь лета Господня 1714 октября 20-го дня*).
На торги выставляется: МИСТЕР ЧАРЛЬЗ УАЙТ, ЭСКВАЙР.

И знати, и простонародью равно ведомо, что, когда граф О**** (известный в некоторых кругах под прозвищем Последний Из Тори) приполз в Гринвич, дабы облобызать монаршую руку, его величество лишь глянул на униженного просителя и, не произнеся ни слова, оборотил к нему августейший зад. Пристыженный граф бежал почти с таким же позором, как его собрат по партии, милорд Б****; сей был замечен на следующем в Кале судне, где упражнялся в преклонении колен перед каждым увиденным французом.

Такого рода благоприятные знамения убеждают нас, что тори прогорели. По древней традиции, когда последний отпрыск знатного дома отходит в лучший мир, душеприказчик (уважаемый джентльмен) продаёт имущество покойного (лошадей, вино, мебель, кареты и прочая) с публичных торгов. Это обычай весьма полезный и *облагораживающий,* ибо как иначе новоиспечённые виконты и графы, внуки контрабандистов и башмачников, обставили бы свои особняки фа-

мильным достоянием времён короля Вильгельма Завоевателя?

Падение тори было столь сокрушительным, что пустить с молотка почти нечего, и, насколько мне известно, никто из победителей-вигов ещё не предложил себя на роль исполнителя их предсмертной воли (хотя многие вызвались бы на роль исполнителя смертной казни, но должность сия уже занята неким Джеком Кетчем, который, по слухам, ни с кем её делить не желает, а навлекать на себя гнев человека, стольких отправившего на тот свет, более чем неразумно).

В избытке располагая свободным временем (не весь же день мне пересчитывать щедрые даяния моих читателей!) и пользуясь покровительством милорда М****, а также прочих светлейших лиц (иначе с чего бы виги печатали мои писания в своей газете?), я недавно назначил себя распорядителем тех жалких крох, что зовутся наследием тори. Я приступил к делу с изрядным страхом, полагая, что вынужден буду годами искать покупателей на брошенное ими достояние: груды обесцененных банкнотов, акры приусадебных газонов, полные амбары ненависти, а равно всякую мелочь вроде франко-английских разговорников и папистских регалий. К моему великому облег-

чению выяснилось, что и это немногое рассеялось и утекло, а задача моя много проще, нежели я думал. Из всего, чем владели тори, осталось одно: мистер Чарльз Уайт, объявивший себя моим хозяином. Мистер Уайт многократно и громко высказывался в поддержку рабства (примитивного дикарского обычая, согласно которому один человек вправе владеть другим); сие позволило разрешить потенциально весьма щекотливую ситуацию. Благодаря щедрости моих читателей я теперь располагаю средствами, чтобы приобрести мистера Чарльза на аукционе, каковой будет иметь место сразу по завершении коронации нового короля 20-го числа сего месяца. Купив мистера Уайта, претендующего на владение мной, я автоматически верну себе право собственности на свою особу, чего единственно и добиваюсь. Таким образом, я устраню посредника, конфисковав всё имущество мистера Уайта, включая себя. Мистера Уайта я отпущу на волю, нагого, как из материнского лона, после чего тот может отправляться во Францию и там под покровом ночи отобрать платье у какого-нибудь щёголя, но прежде я велю ему начистить мои башмаки, что для человека, чья душа чернее ваксы, должно быть совсем несложно.

Подписано:

ДАППА из Клинкской слободы
Октября 13-го дня лета Господня 1714-го

Трактир Флитской тюрьмы

Вечеринка пивного клуба (четверг, 14 октября 1714)
Пивной клуб во Флитской тюрьме

ДАППА НАМАРАЛ СВОЙ ОПУС только вчера, а весь трактир уже был обклеен его объявлениями, как и остальные клубы и кофейни столицы. По крайней мере, так предполагал Даниель, который читал заметку, сидя в углу и притворяясь, будто пьёт пиво. Он не переступал порога «Кит-Кэт» и других подобных заведений с памятной встречи в «Чёрном псе» десять дней назад. Трактир Флитской тюрьмы стал его новым колледжем, а должники — главным образом Коллегия инспекторов — новыми товарищами по занятьям. Они были не скучнее большинства членов клуба «Кит-Кэт» и даже куда сговорчивей, поскольку хотели одного: и дальше получать от жизни все возможные радости. Даниель мог прибавить им веселья, просто заказав на всех выпивку.

А ещё — ведя разговоры о спрятанных со-

кровищах. Сказочка, выдуманная им на ходу, распространилась по Флитской тюрьме быстрее конъюнктивита. Почти никто в неё не поверил, и всё равно нашлись десятки охотников тыкать лопатами и ломами в любой участок земли, пола или стены, на котором Даниель хоть ненадолго задержал взгляд. Даниель не думал привлекать к себе такое внимание и теперь боялся, что, если он всё-таки вызволит Шафто из тюрьмы, его опознают и арестуют. Впрочем, поздно было что-либо исправлять, оставалось только по возможности сбить будущих дознавателей со следа. Даниель ходил в большом каштановом парике и на вопросы об имени отвечал: «Зовите меня старик Партри».

Теперь он понимал, как люди вроде Болингброка влипают в крупные неприятности: не потому, что делают одну явную глупость, а потому что шаг за шагом сужают выбор и в итоге должны идти ва-банк.

Из простаков, поверивших в спрятанный клад, ни один не принадлежал к Коллегии инспекторов, что порождало определённые трения всякий раз, как Даниель заглядывал в тюремный трактир. Все хотели сидеть рядом с Даниелем: председатель и коллегия, чтобы пить за его счёт,

кладоискатели — чтобы слушать о последних изысканиях. Даниель бессовестно их стравливал, что в долго- или даже среднесрочной перспективе было бы неразумно, но в качестве стратегии на десять дней сработало успешно. Он начал ронять намёки, что сокровище зарыто в северо-восточном углу тюрьмы — там, где сидели братья Шафто и Томба. Менее чем через час кладоискатели пришли к гневному умозаключению, что высшее начальство (не иначе как тори под руководством гнусного Чарльза Уайта!) намерено само провести раскопки (разумеется, незаконно!), а солдаты поставлены для прикрытия. Коллегия инспекторов не поверила ни единому слову, но ухватилась за легенду, дающую предлог для очередного иска к смотрителю, посему принялась лицемерно её распространять и даже расцвечивать подробностями. Даниелю, с его дисциплинированным умом, и в голову бы не пришло, что события могут принять такой нелепый оборот, и уж тем более он не стал бы строить на чём-то подобном свои планы. Однако сказанного было не вернуть.

За два дня Даниель узнал всё, что стоило знать об устройстве тюрьмы и её порядках. Ещё неделю он убил на выяснение того, о чём мог догадаться сразу: недвижимость, даже самая завалящая, в

Лондоне дорога и ревниво оберегается. Лачуги на Флит-лейн ужасали своим убожеством и вонью, но для тех, кто работал в их задних комнатах или держал бордели на верхних этажах, это были маленькие королевства, и за каждым квадратным футом здесь приглядывали не хуже, чем в Версале за статуей или клумбой. Даниель знал (так же непреложно, как то, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками), что в погребах этих домов есть неописуемо мерзкие сливные отверстия, ведущие в давно спрятанный под землю ров Флитской тюрьмы — тот самый ров, чьё содержимое сочится через стены подземного каземата на братьев Шафто. Однако, сколько бы Даниель ни ходил от двери к двери, какую бы фантастическую ложь ни выдумывал, его не пустили даже на порог, не то что в подвал. Сточные отверстия представляли *ценность:* позволяли сливать неприятные отходы некоторых выгодных производств, например разделки туш и мыловарения. Благодаря этим чудесным отверстиям люди кормились сами и кормили семьи; они не видели причины показывать их любопытствующему незнакомцу. Даниель мог бы предложить деньги за погляд, но это значило привлечь к себе лишнее внимание.

Точки А и В на чертеже Гука — места, где ров сообщался с отвесными берегами Флитской канавы, — найти было несложно, однако их закрывали железные решётки и кирпичная кладка с отверстиями для стока. Сатурну, чтобы убрать преграду, хватило бы лодки и бочонка с порохом, но взрыв посреди города в четверти мили от собора Святого Павла вряд ли прошёл бы незамеченным.

Оставалось одно: проникнуть в спрятанный ров через саму Флитскую тюрьму, пользуясь её особенностями и нежданным успехом истории про спрятанные сокровища. На собрании пивного клуба седьмого октября, в четверг, «старик Партри», изрядно перебрав, сболтнул, что к сокровищу можно подобраться в обход солдат, если сделать подкоп из рва. На следующее утро обнаружили, что уборная, прилегающая к поварне у северной стены, подверглась нападению вандалов. Нужник был на две дыры; обе (как стало ясно после того, как одну разворотили) вели в колодец, за которым лежал непроглядный гибельный мрак. Левое очко не тронули, правое значительно расширили топором, сделав непригодным к использованию.

Вот это уже серьёзно затрагивало всё населе-

ние Флит: тюрьма была печально известна своей ветхостью, а смотритель — нежеланием раскошеливаться на ремонт. Коллегии инспекторов предстояло судиться с ним за починку нужника лет сто. Председатель провёл беседу со «стариком Партри». Эксцентричный гость и его здоровяк-слуга могут сколько угодно посещать трактир и двор для игры в мяч, но с разговорами о кладе пора завязывать. Сортирного вандала, если его найдут, ждёт наказание под помпой.

К тому времени Даниель сделал ещё одно важное открытие: пусть недвижимость дорога, зато люди дёшевы. Собственно, он мог бы значительно раньше вывести это из того, что за крохотные кусочки серебра они чистят дымовые трубы, ложатся в постель с сифилитиками и подставляют себя под пули в Бельгии, но, как многие, счастливо избавленные от такой необходимости, всячески старался не думать о подобных вещах, пока Питер Хокстон принудительно не раскрыл ему глаза. Даниель платил за работу относительно щедро; как и предупреждал Сатурн, им пришлось отбиваться от наплыва желающих, готовых делать то же самое за меньшие деньги.

От работника требовалось следующее: войти во Флитскую тюрьму якобы с целью облегчить-

ся; юркнуть в поломанный сортир, когда никто особенно не смотрит, и прыгнуть в дыру. Первый мальчишка, который это осуществил, был вознаграждён щедрее последующих, поскольку никто не знал, что его там ждёт. Выбравшись назад по верёвке (которую ему заранее выдали), он сообщил сенсационную новость: под сортиром идёт длинный, плавно изгибающийся туннель с твёрдым дном, покрытым на несколько дюймов склизким илом; нечистоты в туннеле доходят примерно до середины бедра.

Нанятые Даниелем молодые люди спускались в дыру с сумками за спиной (маленькими, чтобы не привлекать внимание надзирателей), а вылезали с пустыми руками. Они соорудили лестницу, чтобы подниматься из туннеля не по канату (как первопроходец). Они уходили под землю с мерными верёвками и возвращались с цифрами в голове, которые Сатурн наносил на план: в восьми футах восточнее нужника, на северной стороне туннеля имелось отверстие в два размаха рук шириной, откуда время от времени извергались скотские внутренности. Одиннадцатью футами далее находился сток туалета, принадлежащего, вероятно, какому-то зданию по другую сторону стены. Ещё через две сажени, справа

— сток тюремной поварни. Ещё через тридцать шагов по вонючей жиже, за поворотом, в туннель втекала тоненькая чистая струйка: избыток воды из цистерны, стоящей между поварней и темницей. Бесстрашные исследователи проникали всё дальше в глубины рва; из их возбуждённых рассказов постепенно складывалась общая картина. Через день они обнаружили хлипкую каменную кладку в девяноста или ста футах к востоку от нужника. Это могла быть только стена темницы. Прижимаясь к ней ухом, мальчишки убедили себя, что слышат по другую сторону лязг цепей: тяжёлых кандалов, которые смотрителю Флитской тюрьмы пришлось одолжить в Ньюгейте, чтобы заковать членов банды Шафто. Теперь юные герои, спускаясь в сортир, проносили с собою железные ломики, долота и обмотанные тряпками молотки, чтобы выковыривать из кладки потрескавшийся раствор. Через два дня работы кто-то с противоположной стороны (негр, так что, надо полагать, Томба) вытащил кирпич и в образовавшуюся дыру размером с кулак посоветовал больше не разбирать стену, чтобы не заметили тюремщики. После этого начались иного рода приготовления. Мальчишки, рекрутированные из числа лондонских трубочистов, то

есть привыкшие к узким и грязным вертикальным лазам, обследовали выходящие в ров сливы уборных и нашли самый подходящий. Он вёл в публичный дом, занимающий часть трактира «Прекрасная дикарка», одного из множества подобных заведений в дымных трущобах между восточной стеной тюрьмы и Грейт-Олд-Бейли.

Первые дни второй недели октября Даниелю казалось, что вечер четверга с очередным заседанием пивного клуба никогда не настанет. Частые визиты в пострадавшую уборную начали привлекать внимание: не сами мальчишки (они выставляли дозорных, чтобы влезать в туннель и выбираться из него не на глазах у тех, кто зашёл просто справить нужду), но оставляемый ими зловонный след. В тёмном и сыром тюремном сортире лишние грязь и вонь были, конечно, не так заметны, как где-либо ещё, тем не менее начались пересуды, вселявшие в Даниеля тревогу. И ведь не то чтобы у него было мало других оснований тревожиться! Чем больше времени он проводил в трактире, тем беспокойнее становился, и всё же в последние дни сидел там почти безвылазно. Вечером четырнадцатого он изучил Даппино объявление об аукционе раз пять в промежутках между перечитыванием

сегодняшних и вчерашних газет. Но вот наконец стемнело, трактир начал наполняться любителями пива. Неспешной походкой вошёл Сатурн и подмигнул Даниелю — разумеется, слишком рано! Всё случилось чересчур быстро! Даниель был не готов! Нечто похожее произошло год назад, когда встречные ветра на много недель задержали «Минерву» в Массачусетском заливе, и Даниель, при всём своём неверии, молился о смене погоды, а едва его желание исполнилось, их атаковал пиратский флот Чёрной Бороды. Сейчас назревала ещё одна перемена в воздухе, ещё одно приключение было на подходе. Даниелю сделалось страшно. Однако он убеждал себя так: люди вроде Джека Шафто ведут жизнь, полную приключений. Даже Даниелев преподаватель математики в Кембридже, Исаак Барроу, как-то сражался с корсарами в Средиземном море! С тех пор как год и два дня назад Енох вошёл к нему в дом, всё было сплошным приключением, хоть и с небольшими затишьями. Так почему бы не продолжить?

Даниель подозвал одного из трактирных служителей и, протянув ему золотую монету, велел откупорить бочку пива. Должники восприняли это как библейское чудо и ответили своим чудом:

превратили полную бочку в пустую. Даниель заказал вторую, потому что по «правилам» и даже дальше раскатился слух, что «старик Партри» угощает весь Лондон. Народ вливался в ворота сплошным потоком, таким плотным (как сообщили Даниелю), что никто не мог выйти. Собрание казалось ему обычным, хоть и более многолюдным (и куда более благодарным), пока должники под возгласы: «Виват!» не подняли его на плечи. Тогда-то, с высоты, он увидел в открытые окна и дверь туман над двором для игры в мяч. Не обычный лондонский туман, а сгустившееся дыхание сотен людей, толпящихся снаружи, поскольку в трактире места уже не осталось. Будь они индейцами или турками, следовало бы встревожиться. Однако то были англичане, движимые общим английским свойством: желанием пить и веселиться вместе, особенно в тёмную промозглую ночь. Даниель решил, что пришло время сыграть на ещё одной черте английского характера: готовности включиться в любую сумасбродную затею.

— Я издержал всё своё золото, — объявил он, когда от него потребовали произнести речь, и клуб затих, насколько вообще может затихнуть такое многолюдное сборище, — и мои родные, которым не по душе предпринятые мною изыс-

кания, сказали бы, что теперь я присоединюсь к вам в стенах Флит. В их глазах это позор, в моих — честь не меньшая, чем получить орден Подвязки. — (Пауза для новых тостов и криков: «Виват!») — Однако этому не бывать. Ибо недавно я обнаружил новые документы, которые позволят мне точно установить местонахождение клада, зарытого здесь сто сорок лет назад фальшивомонетчиками, брошенными в тюрьму по приказу сэра Томаса Грешема!

Вступление прозвучало многообещающе, но дальше оратор пустился в многословный и совершенно лишний (по мнению большинства) исторический экскурс, посему речь вознаградили не такими бурными аплодисментами, как если бы он заказал ещё бочку пива. Впрочем, цели своей Даниель достиг. Те, кто искренне верил в спрятанный клад, ещё раньше заподозрили, что в голове «старика Партри» зреет новый план; теперь они ринулись к нему, размахивая острыми палками и лопатами. Коллегия инспекторов испытывала сильнейшее недовольство и охотно сунула бы Даниеля головой под помпу, но ничего не могла поделать, пока «старика Партри» окружает толпа гостей, в чьих животах плещется выставленное им пиво.

— Теперь, если вы любезно отнесёте меня на «бедную сторону», — крикнул Даниель, — я найду клад! Мы выкопаем его и разделим на всех! Об одном прошу: не подходите близко к солдатам и не испытывайте их терпение! Они вооружены и, если мы дадим им хоть малейший предлог, могут захватить то, что по праву наше!

Он надеялся, что его слышали даже на дальнем конце толпы. Кроме того, теперь Коллегия инспекторов могла проявить власть. Председатель и три его ближайших советника направились к темнице, вероятно, с тем чтобы объяснить солдатам происходящее.

— К цистерне «бедной стороны»! — провозгласил Даниель.

Через несколько мгновений он был уже на месте, окружённый толпой ретивых кладоискателей. Здесь Даниель в свой первый визит наблюдал наказание под помпой. Он вытащил документ, написанный истинным алфавитом и непонятный даже для грамотных должников, — к счастью, поскольку на самом деле это было составленное Гуком описание часового механизма.

— Здесь сказано: «Отсчитайте пятьдесят шагов параллельно Флитской канаве, до дерева», — объявил Даниель и дал понять, что хочет спуститься

на землю. Как только его желание выполнили, он приблизился к цистерне, повернулся на север и начал считать шаги: — Раз, два, три…

К тому времени, как он добрался до десяти, толпа подхватила счёт. Число «пятьдесят» все хором произнесли уже в Расписном дворе.

— Дерева нет, — заметил Даниель в наступившей тишине. — Разумеется! Оно сгорело во время Пожара. Тем не менее мы должны продолжать, помня о возможной погрешности.

Он так долго изучал документ, что самые нетерпеливые принялись копать прямо здесь.

— Тут написано: «Повернитесь вправо и отсчитайте ещё сто шагов», что сперва меня смутило, — сказал Даниель, глядя на стену главного здания, преграждавшую им путь. — Потом я вспомнил, что тогда тюрьма была меньше. Нам надо отсчитать сто шагов в ту сторону. — И он указал на тюрьму.

У каждого из кладоискателей была своя теория, как это следует осуществить. В следующие минуты могло показаться, что Флит поменялась обитателями с Бедламом: люди лезли в окна, протягивали верёвки через комнаты, вышагивали вдоль внешних стен и чертили палками на земле. Через некоторое время примерно две тре-

ти из них сошлись на ближнем краю Двора для игры в мяч. Небольшие группки инакомыслящих отметили места чуть ближе или чуть дальше и яростно отстаивали свою правоту.

— Здесь должно быть ещё одно дерево, но его нет, — сказал Даниель. Некоторое время он изучал документ, периодически щурясь на купол Святого Павла. — Разумеется, шпиль старого собора располагался немного в другом месте, но, по счастью, я ещё помню где.

Он двинулся на сбережённый в памяти ориентир через весь двор. Группки инакомыслящих следовали параллельными курсами, ревниво считая его шаги. Даниель остановился, чуть не доходя до стены, сделал пять шагов влево и оказался на краю неглубокой каменной канавки, идущей у её основания. Он огляделся, якобы сверяя приметы, но на самом деле его интересовали солдаты. Сержант поднял всех десятерых и выстроил перед зданием темницы. Они стояли лицом к толпе, с примкнутыми штыками, сержант — впереди всех. Несколько членов Коллегии инспекторов сгрудились перед ним, видимо, пытаясь создать буферную зону между солдатами и кладоискателями. Все настороженно смотрели на «старика Партри», который остановился в полудюжине

ярдов от солдат. Однако дальше он не двинулся.

— Копать надо здесь, — объявил Даниель и топнул ногой, после чего вынужден был отпрыгнуть, чтобы её не перерубили лопатой.

Он оглянулся через плечо. Солдаты, судя по всему, несколько успокоились. В темноте за их спинами рослый человек опрометью вбежал в уборную, как будто у него прихватило живот. «Старика Партри» совершенно забыли и выталкивали к краю толпы. По ходу дела с него сбили парик (на самом деле он сам этому поспособствовал, тряхнув головой в нужный момент). В тени тюрьмы Даниель сбросил плащ и остался с непокрытой головой, в убогом платье, таком же, как у большинства здешних обитателей. Неприметный старик двинулся на юг, в обход «бедной стороны», потом вдоль западного края тюрьмы мимо цистерны и ворот (в которых сейчас образовался затор, потому что гости пивного клуба отправились по домам; все три надзирателя внимательно разглядывали их лица), через Расписной двор и вкруг северного торца главного здания. Пострадавшая уборная была прямо перед ним. Он почти полностью обошёл тюрьму, зато попал сюда, не проходя перед солдатами. Даниель вступил в уборную, сел, глубоко вдохнул, поднял

колени и повернулся на заду, так что его ноги оказались над дырой. Как только он их опустил, сильные руки ухватили его за щиколотки и потащили вниз. Всё произошло куда быстрее, чем ему хотелось! Только голова и плечи ещё торчали из дыры, когда его ослепил свет. Кто-то вошёл в уборную с фонарём! Даниеля рывком втянули вниз, ударив подбородком о край отверстия. Из внешнего мира донёсся визг и стук падающего фонаря. Неровный овал света над головой сменился мраком.

— Думаете, она успела рассмотреть ваше лицо? — просипел в ухо Сатурн.

Даниель ничего не сумел ответить. Его охватила парализующая тревога — предшественница ужаса и, вероятно, дурноты. Он только сейчас понял, каково это — находиться в лондонской канализации, хотя даже не ступил в неё по-настоящему: Сатурн нёс его, перекинув через плечо, к источнику света, скрытому за перегибом тоннеля.

Даниель ринулся бы обратно, если бы не стыд за то, что нанятые им люди спускались сюда раз за разом на протяжении недели.

Он страдал. Время шло. Они находились в другой части туннеля, где было больше людей и

света. В стене пробили дыру. За ней открывалось низкое сводчатое помещение, в котором сейчас работали несколько человек. Дверь в дальнем его конце предусмотрительно заклинили; если бы солдаты услышали что-нибудь за шумом толпы и спустились узнать, в чём дело, они бы всё равно не сумели её открыть. На полу лежали три человека в немыслимо жалком состоянии. Казалось, они отдыхают, но Даниель видел, что на самом деле они больны, измучены и закованы в стофунтовые ньюгейтские цепи. Человек с молотком и зубилом сбивал с них ручные и ножные кандалы. К тому времени, когда появились Сатурн с Даниелем, один уже был свободен и теперь сидел, растирая запястья.

— Мы неделями жаловались, что тут нет гальюна, — заметил он, — а теперь нам предстоит туда лезть.

— Скорее оттуда, — возразил Сатурн. — Надеюсь, ты в силах взобраться по лестнице, Дэнни.

— Лучше спроси сыча, который болтается у тебя на плече, в силах ли он, — парировал Дэнни.

— У него есть скрытые возможности, — отвечал Сатурн.

— Тогда уж хватит их прятать, — сказал чёрный. Впрочем, при таком освещении трудно было

различать оттенки кожи.

Пристыженный этой и другими подобными шуточками, Даниель заёрзал и попросил Сатурна его спустить. Нечистоты доходили до колен. Оставалось убеждать себя, что и это в конечном счёте можно пережить.

— Если кто-нибудь готов, то давайте тронемся, — предложил он.

— Спасибо, но мы будем держаться вместе, — отвечал Дэнни. Томбу уже освободили, однако за Джимми человек с молотком только-только принялся. — Впрочем, вы можете показывать путь к выходу, если он, конечно, есть.

— Есть, — заверил Сатурн. — Осталось расчистить последний дюйм.

И он показал толстый железный ломик.

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ СОСТОЯЛ из досок. Это был пол, настеленный на относительно широкий колодец, ведущий в ров. Только он и отделял мир клоаки от уборной борделя в таверне «Прекрасная дикарка».

Сатурн, как правило, не злоупотреблял своим телосложением; он был, скорее, из тихих здоровяков. Тем более впечатляюще выглядело, когда он решил-таки приложить силу. При виде великана, возникающего из пола их туалета в

вулканическом извержении щепок и сломанных досок, жрицы любви не стали искать разгадки увиденному, а просто кинулись к выходу, бросив клиентов на разных стадиях раздетости и возбуждения. В борделе было двое вышибал, которые, естественно, стояли у входной двери; прошло несколько минут, пока они поверили, что их услуги требуются в отхожем месте. Когда они появились, размахивая дубинками, то увидели противника, превосходящего их числом, силой и вооружением: к тому времени из отверстия, проделанного Сатурном, вылезли уже семеро.

— Если вы пришли, чтобы нас вышвырнуть, — сказал Даниель, — то спешу обрадовать: мы сами хотим поскорей убраться. Где здесь выход?

РЯДОМ С ТРАКТИРОМ «Прекрасная дикарка» ждала телега, запряжённая четвёркой лошадей. На телеге помещались бочонок с водой и паренёк, который весело окатывал из ведра всех, кто в неё залезал. Чистыми они, разумеется, не стали, но вода хотя бы смыла твёрдое и разбавила жидкое, так что всем несколько полегчало. А главное, всё произошло довольно быстро. Пустой бочонок сбросили на землю. Половина участников похищения выбралась через уборную Флитской тюрьмы с тем, чтобы выйти через ворота, двое

сразу за порогом борделя отправились своим путём. Джимми, Дэнни, Томба, Сатурн и Даниель лежали в телеге; паренёк накрыл их рогожей. Выпачканные башмаки и штаны они сбросили, пока телега петляла в лабиринте «правил». Те, кого вышлют в погоню за беглецами, доберутся по этому очевидному следу до Грейт-Олд-Бейли, но не будут знать, куда повернуть дальше: после того, как телега свернула на широкую и оживлённую улицу, из неё не выбросили ни единой улики.

На юг Грейт-Олд-Бейли шла до Ладгейта и дальше уже под именем Уотер-стрит вела к пристани Блекфрайарз.

К северу на бросок камня стояло здание Уголовного суда и чуть дальше — Ньюгейтская тюрьма. Преследователи вполне законно предположили бы, что беглецы свернули на юг к реке и свободе, а не на север к суду и самой страшной тюрьме в городе. Однако они свернули на север и довольно скоро остановились. Сатурн встал, сбросив рогожу, и взял у кучера фонарь. Джимми, Дэнни и Томба сели, ошарашенно глядя по сторонам. Телега стояла на пересечении Грейт-Олд-Бейли с другой, ещё более широкой улицей, которую перегораживал готический замок с аркой. Въезд

в арку закрывала массивная решётка.

— Ньюгейтская тюрьма, — сказал Джимми.

— Не задерживайте взгляд на низком и тёмном, — посоветовал Сатурн, приоткрывая створку фонаря. — Устремите его ввысь, на тройное окно над статуями.

Окно, о котором он говорил, находилось футах в тридцати от мостовой. Между железными прутьями горела одинокая свеча. Пламя взметнулось вверх, озарив лицо лишь на то время, которое нужно, чтобы задуть огонёк. Однако и этого мгновения им хватило, чтобы узнать человека за решёткой.

— Оте… — выкрикнул Джимми, но финальный звук заглушила ладонь Томбы, зажавшая ему рот.

Уже по этому одному Джек Шафто мог бы понять, кто в телеге; впрочем, Сатурн разрешил последние сомнения, направив свет фонаря поочерёдно на Джимми, Дэнни и Томбу. Последним он осветил Даниеля: важно было показать Джеку не только, что они сбежали, но и кто устроил побег.

— Летите, как птицы, — сказал Джек. Он не кричал, а каким-то образом проецировал свой голос прямо на них. — И не останавливайтесь,

пока не достигнете Америки!

— А ты, отец? Мы должны бежать вместе! — крикнул Джимми.

— Если бы желание, само по себе, могло рушить тюрьмы, все люди были бы свободны, — отвечал Джек. — Нет. Я здесь. Вы там. Завтра я по-прежнему буду здесь, а вот вам лучше не задерживаться.

— Отец, мы не можем тебя бросить, — сказал Дэнни.

— Довольно! Трогайте немедленно! Слушайте. Тридцать лет я твердил, что должен позаботиться о своих сыновьях. До сей минуты я просто болтал языком. И вот наконец я сделал, что обещал. Забудьте всю пакость, помните только это. Вперёд! Отправляйтесь в Америку, найдите себе жён, заведите детей и расскажите им, что *их* дед сделал для своих сыновей. Пусть знают, что от них ждут никак не меньшего. Прощайте!

Голос сорвался. Джек обессиленно приник к решётке, и людям внизу вновь смутно предстало его лицо.

Сатурн махнул кучеру, тот щёлкнул кнутом, и телега повернула на запад. Прощальные крики трёх беглецов потонули в грохоте колёс. Рогожа опустилась, скрыв здание с едва различимым

лицом Джека в окне. Телега укатила прочь. Площадь опустела. Над ней угадывались пять человеческих фигур: припавший к решётке Джек, а под ним, в нишах, Свобода, Правосудие, Милость, Истина. Все они как будто повернулись к Джеку спиной и демонстративно не слушали приглушённых рыданий, долетавших из окна ещё несколько минут.

ПО ХАЙ-ХОЛБОРН ДОЕХАЛИ только до Чансери-лейн, там повернули на юг, к реке, и через Темпл добрались до пристани, где ждала лодка с несколькими гребцами, которые за приличные деньги согласились на одну ночь стать слепоглухонемыми. Все пятеро участников побега сели в лодку. Она отвалила от пристани Темпла и двинулась наискось вверх по течению к ряду деревянных причалов на ламбетском берегу.

— Неизвестно, как скоро ваше исчезновение заметят, — сказал Даниель, когда спутники, по его мнению, достаточно оправились от жестокого прощания, чтобы слышать и понимать.

Беглецы жадно поглощали хлеб, сыр и варёные яйца, ждавшие их в лодке. При первых словах Даниеля все трое повернулись к нему, из чего он заключил, что они привыкли внимательно слушать и выполнять указания.

— Первым делом людей с вашими приметами будут искать в нижнем течении Темзы. Поэтому туда вам не надо. На том берегу ждут быстрые лошади, чистая одежда и человек, который проводит вас до некоего места в Суррее, где вы смените коней — и так до самого Портсмута. Если повезёт, вы завтра же отплываете в Каролину вместе с работниками, завербованными на плантацию мистера Икхема; на вас выправлены такие же документы. Однако если весть о вашем побеге достигнет Портсмута раньше, чем корабль отплывёт, возможно, придётся заплатить какому-нибудь контрабандисту, чтобы тот отвёз вас во Францию.

— Отец сказал в Каролину, — подал голос Дэнни. — Значит, поедем в Каролину.

— Не сомневаюсь, — отвечал Даниель. — Думаю, вам в Америке понравится.

— Знаем, были, — отозвался Джимми.

ЧЛЕНЫ БАНДЫ ШАФТО настолько привыкли к отчаянным ночным эскападам, что умчались в ламбетскую тьму раньше, чем Даниель успел вылезти из лодки, чтобы с ними проститься. Теперь ему оставалось только сидеть и ждать, когда гребцы доставят их с Сатурном обратно на лондонский берег.

— Я и не подозревал, как чертовски трудно возглавлять преступную организацию, — посетовал Даниель. Возбуждение последних часов схлынуло, осталась только непомерная усталость.

— Как правило, люди приходят к этому постепенно, начиная с более простых занятий, вроде кражи часов, — заметил Сатурн. — Неслыханное дело, чтобы кто-то сразу оказался наверху. Такое мог совершить только выдающийся член Королевского общества. Будь на мне шляпа, я бы снял её перед вами, сэр.

— Интересно, зачтётся ли моя неопытность за смягчающее обстоятельство, когда меня будут судить.

— Не «когда», а «если». Хотя вам стоит подумать о возвращении в Америку.

— Хорошо, подумаю, — отвечал Даниель. — Но прежде нам предстоит спуститься в ещё одну клоаку.

— О, после сегодняшнего я никогда больше не буду смотреть на Уолбрук как на клоаку! — отвечал Сатурн. — Скорее как на ручеёк, который замуровали под землю для удобства немногих избранных.

ДО КРЕЙН-КОРТА БЫЛО меньше четверти мили. Даниель взял портшез, и носильщики доставили

его туда в несколько минут. Исаак Ньютон, как оказалось, работал тут допоздна; кто-то его нашёл и вызвал. Узкий двор перегораживала стоящая перед крыльцом карета. Даниель велел носильщикам посторониться, чтобы её пропустить.

Исаак вышел, белый в свете уличных фонарей, кашляющий, осунувшийся. Он сел в карету и тут же открыл окно, чтобы впустить воздух.

— В Ньюгейт, — приказал он. — Если потребуется, я буду всю ночь сидеть рядом с Джеком Шафто, а завтра представлю его перед магистратом. Посмотрим, как Джек будет упорствовать, когда на него навалят тонну камней.

Карета как раз проезжала мимо портшеза, на расстоянии не больше вытянутой руки. Исаак, по всей видимости, обращался к своему спутнику, какому-то значительному лицу, но, говоря эти слова, он посмотрел в окно, прямо в лицо Даниелю. Тот знал, что надёжно скрыт за плотной чёрной занавеской, и всё равно задержал дыхание. Несколько мгновений он чувствовал нехватку воздуха, как узник, которого придавили тяжёлым грузом.

Под свинцовым гнётом во дворе Ньюгейтской тюрьмы

20 октября 1714
Джек в давильне

> Тогда Аполлион говорит: «Теперь ты мой», – и с этим словами чуть не задавил его насмерть, так что Христианин уже почти отчаялся.
>
> ***Джон Беньян, «Путь паломника»***

МЕРКУРИЙ НЕ ЗНАЕТ ПУТИ в Ньюгейт. Странно, что вестник богов обходит стороной ворота на пути в то, что Джек Шафто назвал величайшей столицей мира. Однако Меркурия здесь ни разу не видели, как и (справедливости ради надо заметить) в прочих местах, где Джек провёл большую часть жизни. Порхающий бог, избалованный мраморными полами Олимпа, брезгует марать в дерьме белоснежные крылышки на щиколотках. Учитывая, по каким дырам обычно мотало Джека, он мог бы прожить жизнь в полном информационном вакууме (и куда счастливей), не будь у привередливого Меркурия трёх виночерпиев, проще говоря, малолетних педерастов-прислуж-

ников: Света, Шума и Смрада, сопровождающих своего господина, как, по слухам, Страх и Ужас сопровождают Марса. Они-то и доставляют вести в те уголки, куда Меркурий не отваживается ступить.

Свет в Ньюгейте — редкий гость, как и вообще в Лондоне. В дальнем конце тюрьмы есть двор, такой узкий, что молодой мужчина, упираясь спиной в стену, может помочиться на противоположную. В те дни, когда в Лондоне случается солнце, оно на несколько минут заглядывает во двор — потому-то апартаменты, выходящие туда окнами (хоть и зарешёченными), всегда предоставлялись лишь самым состоятельным узникам.

У Джека было много денег (б***о***льшую часть которых он изготовил сам), но в тот день он находился не в этих апартаментах по причинам, связанным с некими священными канонами английского судопроизводства. Он был в той части тюрьмы, куда Свет почти не заглядывает, разве что частичку его схватят и приговорят к короткому заточению в фонаре.

Разбитной бродяга Шум гуляет по Ньюгейту куда свободнее своего эфирного братца Света. Обитатели Ньюгейта его любят и всё время про-

изводят. Отчасти потому, что в отсутствие Света только звуки и дают какую-то пищу для ума (или, за неимением оного, для глупости). Отчасти потому, что все здесь — богатые, бедные, уголовники, должники, мужчины, женщины, дети, взрослые — с первой до последней минуты в тюрьме таскают на себе железные кандалы. Богачам по карману цепи полегче, беднякам приходится носить тяжёлые, но те и другие ходят в цепях и стараются звенеть ими как можно громче, будто звук в силах изгнать из воздуха смрад или распугать вшей.

Джек лежал в давильне посреди тюрьмы, на втором этаже. Рядом располагалась женская уголовная камера, в которой около сотни женщин были упакованы валетом, как шоколадные солдатики в коробке. У них была одна-единственная забава: выкрикивать через решётку на улицу самые гнусные ругательства. Немало свободных лондонцев не могли придумать себе занятия лучше, чем стоять под стеной и слушать брань уголовниц. За примерно тысячу лет (с перерывами на пожары, эпидемии чумы и тюремной лихорадки, а также полный снос тюремного здания с последующим возведением нового) практика эта развилась в высокое искусство. В

сквернословии ньюгейтские уголовницы задавали тот же недостижимый идеал, что Мальборо — в полководческом деле. К счастью для Джека, который предпочитал тишину, чтобы время от времени впадать в забытьё, давильню от женской камеры отделяла толстая стена, заглушавшая похабщину до неразличимого гула.

Однако если Джек слышал больше, чем видел, то обонял он в тысячи раз больше, чем слышал. Ибо из трёх подручных Меркурия ушлый проныра Смрад чувствует себя в Ньюгейте увереннее всего. По большей части Джек обонял себя и то, что в последнее время из него выдавилось. Впрочем, иногда в давильню проникал запах разводимого огня, затем — горячего масла, смолы и дёгтя. Ибо совсем близко располагалась «поварня Джека Кетча», где означенное должностное лицо вываривало в указанной смеси головы и руки своих клиентов, дабы они дольше сохранялись на кольях вокруг городских ворот.

Джека поместили сюда восемнадцатого октября. Много времени спустя открылась дверь, вошёл тюремщик и затолкал кусок хлеба ему в рот. Прошло ещё много времени. Дверь снова открылась. Появился другой тюремщик с черпаком, которым за минуту до того провёл по луже

на полу. Он влил грязную жижу в глотку Джека: хочешь глотай, хочешь плюй. Джек, отчаянный малый, проглотил. Он знал, что заключённых, сидящих на хлебе и воде, обходят раз в сутки: в один день приносят хлеб, в следующий — воду. К нему заходили дважды, значит, сегодня, почитай, уж двадцатое октября. В этот день новому королю предстояло короноваться в Вестминстерском аббатстве, всего в полутора милях отсюда.

Как Джек жалел, что пропустит коронацию! Да, конечно, его не пригласили. Однако он столько раз попадал без спроса в самые разные места, что уж как-нибудь проник бы и туда.

В различных парадах, процессиях и других коронационных торжествах участвовали почтенные люди — епископы, врачи, йомены и графы. Все они надеялись и верили, что значительная часть Джека Шафто скоро окажется в поварне Джека Кетча. Впрочем, чтобы это произошло, его следовало признать виновным, и не абы в чём, а в государственной измене. Обычных грабителей, убийц и тому подобный сброд просто вешали. Мёртвого висельника, целиком, слишком тяжело тащить по лестнице в указанную поварню. Государственных же изменников вешали не до полного удушения, снимали с виселицы, по-

трошили, холостили и разрывали четвёркой скачущих в разные стороны лошадей по меньшей мере на четыре куска, как раз подходящих по размеру для вываривания в масле, смоле и дёгте. Сейчас Шафто отделяли от поварни Джека Кетча всего несколько шагов, но почтенные люди ждали, что он отправится туда мучительным кружным путём через Тайберн. И мешала этому одна формальность: послать Шафто на казнь имел право лишь суд, который не мог начаться, пока тот не заявит о своей виновности либо невиновности.

Соответственно приставы два дня назад вытащили его из чистых, светлых апартаментов в «з***а***мке» и прогнали по длинному узкому проулку, наподобие овечьей поилки, во двор Олд-Бейли. Здесь магистрат (во всяком случае, Джек заключил, что это магистрат, по важной осанке и парику) строго посмотрел на него с балкона (поскольку давно выяснилось, что магистраты, которые дышат одним воздухом с узниками Ньюгейта, скоро умирают от тюремной лихорадки). Джек отказался признать свою вину, поэтому тюремщики приступили к обычной процедуре. Его тем же проулком отвели в Ньюгейт, но не в уютные апартаменты, а в давильню, где раздели

до исподнего и настоятельно попросили лечь спиной на каменные плиты. В пол давильни по всем четырём углам были вделаны железные скобы. Руки и ноги Джека соединили с ними цепями. Затем цепи, предвосхищая грядущую казнь, сильно натянули, распластав Джека на полу.

Посреди камеры был подвешен при помощи блока прочный деревянный ящик, открытый сверху и потому немного напоминающий ясли. Его опустили, так что он оказался в нескольких дюймах от Джековой груди. У стены на удивление аккуратно стояли свинцовые цилиндры; тюремщики принялись их таскать и с нервирующим глухим стуком бросать в ящик. Таскали они долго и всю дорогу, как судейские, перечисляли прецеденты: вот уже сто фунтов, это для пожилых дам и чахоточных детей… теперь уже двести… вес, под которым лорд Такой-то признался всего через три часа… но ты, Джек, покрепче будешь, мы в тебе нимало не сомневаемся… ещё чуть-чуть и будет триста фунтов… под ними Боб-Жало испустил дух, а Большой Иеффай выдержал три дня.

Ну вот, Джек, мы готовы. И ты, как мы видим, тоже готов.

Ящик с гирями опустили. Блок наверху производил все визги и крики, которые издавал бы

Джек, если б мог. Тяжесть придавила не сразу, но росла и росла, как вода в прилив. Сейчас Джек понял, почему многие из тех, кого упоминали тюремщики, раскалывались или просто умирали: не от тяжести и не от боли, хотя и та другая были нестерпимы, а от полной ужасающей беспросветности. Её Джек перебарывал, хоть и с трудом, напоминая себе, что пережил много худшее. Даже сравнивать смешно. Этой мыслью он успокаивал себя, пока не разорвалась нить, связывающая его с настоящим, и рассудок, отделившись от тела, не уплыл в прошлое.

Сквозь множество ярких сцен проходил он, подобно бестелесному духу; в Порт-Ройяле на Ямайке и при осаде Вены, на Берберийском побережье, в Бонанце, Каире, Малабаре, Маниле и других местах, видел лица, по большей части любимые, реже — ненавистные. К некоторым людям Джек взывал — так громко, что ньюгейтские тюремщики услышали его и сбежались в давильню, решив, что он не выдержал и готов сделать признание. Однако они обнаружили, что он блуждает в собственных воспоминаниях и не осознает, что происходит на самом деле. А Джек злился — не на тяжесть, которую давно перестал чувствовать, а на то, что не может докричаться до

людей, которых видит. С тем же успехом он мог бы взывать к росписям на церковном потолке: великолепным, но мёртвым и глухим. Раз он увидел мистера Фута в цветастой хламиде, на квина-куттском берегу — тот держал в руке бокал с чем-то ярким и как будто собирался выпить за Джеково здоровье. Лишь это хоть смутно напоминало какой-то отклик.

Удивительным образом из всех гостей разговаривать с ним мог только самый ему ненавистный: отец Эдуард де Жекс.

— Ты! Вот уж чистое издевательство! — ярился Джек.

— Да, но признай, что именно я должен был явиться тебе здесь и сейчас! — Де Жекс говорил без обычного мерзкого французского акцента.

— Ну… сдаюсь, — слабо проговорил Джек.

У де Жекса, разумеется, было наготове иезуитское объяснение:

— Все, кто тебя посетил, Джек, либо ещё живы, либо уже отправились куда следует и слишком далеко от этого мира, чтобы тебя слышать. Только мой дух по-прежнему витает здесь.

— Ты не попал в ад? Я-то думал, что тебе прямая дорога туда.

— Как я однажды признался тебе в минуту

слабости, мой статус был и остаётся двусмысленным.

— Ах, да… твоя коварная кузина чего-то намутила. Я позабыл.

— Сам святой Пётр не смог разобраться в этих хитросплетениях, — сказал призрак де Жекса, — и потому я обречён скитаться по земле до Страшного суда.

— И как же ты коротаешь время, отец Эд?

Отец Эд пожал плечами:

— Стараюсь искупить свою вину, давая добрые советы и направляя тех, у кого есть ещё шансы достичь Небес, на путь праведный.

— Ха! Ты?!

Де Жекс снова пожал плечами:

— Поскольку ты прикован к полу цепями, тебе остаётся только выслушать мой совет, даже если ты не намерен ему внять.

— И что же ты советуешь? Говори быстрее, ты блекнешь.

— Я не блекну, — объяснил де Жекс. — Тюремщики услышали, как ты кричишь на меня, и открыли дверь. Смотри, уже утро, окна Ньюгейтской тюрьмы распахнуты, в них струится свежий воздух, всё заливает свет. Я тут с тобой. Не обращай внимания на тюремщиков: они в расте-

рянности, потому что не видят меня и полагают, что ты не в себе.

— Ха! Вот дурачьё! Я не в себе! Надо же такое удумать!

— Ты согласился на предложение Даниеля Уотерхауза. Почему?

— Я рассудил, что он самый надёжный из троих. Чарльз Уайт человек влиятельный, но положение его шатко; того и глядишь, ему придётся бежать из Англии. Опасно на него ставить. Ньютона я просто не понимаю. А вот Уотерхауз… он связан с Сатурном, у него есть все основания довести дело до конца. Он уже вытащил мальчишек из Флитской тюрьмы — из-за того-то сэр Исаак вчера вечером так злился…

— Это было три вечера назад, Джек, — сказал де Жекс. — А под гнёт тебя положили два дня назад, восемнадцатого.

— Надо же, как чертовски давно. Я и не уследил за временем.

— Ты продержался дольше, чем кто-либо прежде. Весть просочилась через окна Ньюгейта на улицы, и толпа распевает о тебе песенку:

«Нагружайте до кучи хоть тонну, — Молвил Джек Куцый Хер непреклонно, — Ночь ещё впереди, Хватит духу в груди, Расколоться не вижу

резона я».

— А, так вот *что* они орут дурными голосами? А я-то гадал. Вполне сносно для народной песенки. И очень трогательно. Надеюсь, толпа её ещё подшлифует. Народ скинется и наймёт настоящего поэта, человека со вкусом. Я бы предпочёл героические куплеты, ямбическим гекзаметром например, и чтоб их можно было положить на музыку…

— Джек! А не пришло ли тебе в голову задуматься, почему ты слышишь меня, бесплотного призрака, в то время как никто из тюремщиков не знает, что я здесь?

— Нет, зато мне пришло в голову задуматься, почему ты не приставал ко мне целых два дня, а теперь вдруг вздумал нарушить мой покой дурацкими советами.

— Ответ в обоих случаях один. Ты стоишь на пороге врат из одного мира в другой.

— Это такой поэтический способ сказать, что я скоро окочурюсь?

— Да.

— Что ж, увидимся через минуту-другую. Я чувствую, что испускаю дух… Я слышу звон райских колоколов…

— Вообще-то звонят в Вестминстерском аббат-

стве, а ветер доносит сюда звук.

— Что? Кто-то умер?

— Нет. По традиции в большой колокол аббатства бьют, когда перед западным входом останавливается карета государя. Звон сзывает всю Англию в церковь, Джек, чтобы отпраздновать коронацию Георга.

— Мне местечко оставили?

— Постарайся сосредоточиться, Джек, не то колокольный звон будет последним, что ты услышишь в жизни.

— Позволь напомнить, что в противном случае я должен будут объявить себя виновным или невиновным. Что бы я ни сказал, мне дорога на Тайберн, и там я умру куда худшей смертью. Чёрт, мне почти не больно!

— Ты не забыл про важную часть плана?

— Какого? Того, что предложил доктор Уотерхауз?

— Да.

— О нет. Я вижу, куда ты меня тянешь, и я туда не хочу. Один раз ты уже провернул этот фокус: подделал письмо от неё, чтобы заманить меня в ловушку!

— Ты лежишь на полу Ньюгейтской тюрьмы, на груди у тебя триста фунтов свинца, и тебе оста-

лось жить шестьдесят секунд. Мне смешно, что в такую минуту ты думаешь, как бы не угодить в западню!

— Я просто не хочу, чтобы меня снова одурачили. Я многого не прошу: лишь сохранить чуточку гордости.

— Гордости у тебя всегда было с избытком. Принесла она тебе то, о чём ты мечтал? Нет. Тебе не гордость нужна, а вера.

— О, в бога душу!

— Ладно. А если так: хочешь ты прожить ещё девять дней и узнать, чем всё кончится?

— Если умереть значит оказаться в одной сфере бытия с тобой и терпеть твоё занудство, то повременить с этим девять дней вполне заманчиво.

— Итак?..

— Хорошо. Не один ли чёрт? Призна***ю***сь.

— Говори громче! — попросил де Жекс. — Тебя не слышат! Всё заглушают далёкие фанфары!

— Забавно. Я-то думал, что умер, и ангелы приветствуют меня гласом золотых труб!

— Это королевский трубач возвещает вступление Георга-Людвига в Вестминстерское аббатство! А барабанный бой, который ты слышишь, сопровождает его торжественную процессию!

— Я призна***ю***сь, чёрт побери! — заорал Джек. —

А теперь уже снимите с меня эту дрянь и прогоните вон того духа!

Вестминстерское аббатство

20 октября 1714
Уайта берут под стражу во время коронации

ПОЗЖЕ ЗНАТНЫЕ ГОСПОДА, ставшие свидетелями этой сцены (а также многие, желавшие уверить окружающих, будто там присутствовали), станут уверять, что лицо негодяя исказил волчий оскал. Ибо Чарльз Уайт был человеком могущественным; чтобы низвергнуть, его надо было представить в общественном сознании своего рода диким зверем.

Дело происходило перед западным фасадом Вестминстерского аббатства. Все великие люди Британии, а также послы и другие гости из чужих стран, стояли вокруг, слегка ошалелые после нескольких часов в церкви. Ибо коронация Георга была, по сути, исключительно нудной церковной службой, которую слегка оживляла демонстрация самых помпезных регалий по эту сторону Шахджаханабада. Собравшиеся высидели и выстояли множество длинных молитвословий, и всякий раз, как король отгонял

муху, за этим следовали пятнадцатиминутные фанфары и торжественный речитатив. Архиепископ, лорд-канцлер, управляющий королевским двором и так далее вплоть до герольдмейстера ордена Подвязки осведомились друг у друга, действительно ли Георг-Людвиг Ганноверский — тот самый человек, которого надо короновать, затем принялись задавать тот же вопрос хреновой туче епископов, пэров, дворян и прочая, причём те не могли ограничиться простым кивком, а пускались в пышные словесные излишества, повторяемые троекратно с перерывами на получасовые музыкальные дивертисменты в исполнении трубачей, органиста или хора. Библии, аналои, потиры, дискосы, сосуды для мира, ложки, балдахины, шпоры, мечи, порфиры, скипетры, державы, венцы, кольца, медали, короны и жезлы плыли по центральному проходу между скамьями, как будто толпа церковнослужителей и пэров разграбила самый шикарный в мире ломбард, и ни одну фитюльку нельзя переместить из точки А в точку Б без нескольких молитв и гимнов, долженствующих подчеркнуть, какое это радостное и в то же время жутко торжественное событие. Песнопения лились рекой. Молитвы сыпались, как из мешка. Имя Господне трепали

почём зря. У Христа горели уши. Гул стоял на всю округу. Под ногами у трубачей скопились лужицы слюны. Помощников органиста одного за другим уносили с грыжей. У мальчишек-хористов успели отрасти бороды.

Когда наконец новый король в пурпурной мантии тяжело проковылял по центральному проходу на улицу, все некоторое время не могли поверить своим глазам, как будто самый надоедливый в мире гость под утро наконец-то соблаговолил отбыть восвояси. Ещё полчаса прошли в заключительных молебствиях, покуда различные важные особы шествовали к дверям, за которыми могли наконец остановиться, моргая от света, и обменяться впечатлениями. По всему Лондону трезвонили колокола. Король, а также принц и принцесса Уэльская давно разъехались по своим дворцам.

Тогда-то мистера Чарльза Уайта и оскорбил действием некто, положивший ему руку на плечо. Капитан курьеров явился на торжество в великолепном церемониальном наряде, приличествующем его званию. Однако даже через эполет он почувствовал руку у себя на плече и понял, чт***о*** это значит. Вот тут-то (как утверждают) лицо его исказил волчий оскал.

Уайт повернулся к наглецу и замер в растерянности. Он искал ухо, чтобы откусить. Но у человека, стоящего перед ним — немолодого, плотного, хорошо одетого, в жёлтом парике, — с правой стороны не было уха, только корявый вырост с дыркой посередине. Чарльз Уайт совершенно опешил. Он огляделся и увидел, что его незаметно обступили несколько дворян — всё сплошь рьяные виги, — и каждый из них держит руку на эфесе.

— Чарльз Уайт, именем короля я арестую вас! — сказал человек в жёлтом парике.

Тут Чарльз Уайт его узнал: это был Эндрю Эллис. Двадцать лет назад, в кофейне, на глазах у Роджера Комстока, Даниеля Уотерхауза и целой комнаты вигов Чарльз Уайт откусил ему ухо. За прошедшие годы Эллис успел побывать членом парламента; теперь он был виконт или что-то вроде того.

— Я не признаю узурпатора, — объявил Уайт (что в данных обстоятельствах было не вполне учтиво). — Однако я вижу ваше оружие и покоряюсь грубой силе, как если бы меня похитили преступники.

— Зовите это похищением, коли вам угодно, — сказал Эллис, — но знайте, что вы арестованы по

закону согласно распоряжению лорд-канцлера.

— Могу ли я узнать, в чём меня обвиняют?

— В том, что по наущению короля Франции вы вступили в сговор с Джеком Шафто и Эдуардом де Жексом, дабы те проникли в Тауэр и нарушили неприкосновенность ковчега.

— Значит, Джек Шафто сломался под пыткой, — пробормотал Уайт, пока вооружённые виги вели его через Старый двор к пристани, где ждала лодка, чтобы доставить их в Тауэр.

— Он показал на вас, — сказал Эллис. — Никто не знает, сломался он под пыткой или преследует какую-то свою цель.

— Свою, — заметил Уайт, — или чью-то ещё.

Люди, которые его арестовали или похитили, только рассмеялись. Случайный наблюдатель, видящий, как они грузят свою добычу в лодку, принял бы их за весёлую компанию англичан, довольных, что они получили нового короля и благополучно пережили его коронацию.

Двор Олд-Бейли

20 октября 1714
Джеку выносят приговор

— ВИНОВЕН! — ОБЪЯВИЛ МАГИСТРАТ.

— Что я и сказал, — заметил Джек Шафто.

Он боялся, что магистрат не услышал, как он признаёт себя виновным. Голос у Джека ослабел, дыхательная мускулатура пошаливала после того, как несколько дней преодолевала давление трёхсот фунтов свинца. А другие люди, стоящие с ним на одном клочке земли, говорили куда громче, чем было сейчас в Джековых силах.

— Суд нашёл тебя, Джек Шафто, виновным в государственной измене! — повторил магистрат на случай, если первый раз его не услышали за гулом.

— Суду ничего не надо находить! Я сам признался! — протестовал Джек, без всякого, впрочем, толку.

Он чувствовал себя немного пьяным от непривычной лёгкости, света, еды и воды — всех тех благ, которыми его осыпали после того, как он запросил пощады, признался в нападении на Тауэр, указал на Чарльза Уайта как на инициатора преступления и согласился подтвердить свою вину перед магистратом. Из-за этого-то странного ощущения всё представлялось ему немного чудн***ы***м, словно китайскому путешественнику. Совершались какие-то непонятные судебные действия с его участием, однако Джек в них не

вникал. Он просто не мог заставить себя слушать человека в парике, стоящего на балконе. Гораздо интереснее было происходящее внизу.

В силу семейных связей с ирландцами Джек знал, что на их языке Дублин зовётся Байле-Аха-Клиах. «Байле» звучит похоже на «Бейли»; вероятно, оба слова означают «двор». Бейлиф приводит тебя в казённый двор. На Собачьем острове в Джековом детстве тоже были дворы, обнесённые плетнём, со свиньями и свиным навозом внутри. Бывают дворы, окружённые каменной стеной с бойницами; жизнь там обычно лучше, чем на скотных дворах. У королевы есть двор. Тьфу! Королева умерла. Да здравствует король! У короля есть двор. Там полно придворных и дворян. Бывают монетные дворы, постоялые дворы, дворы для игры в мяч, задние дворы, где справляют нужду. А в некоторых дворах, например во дворе Олд-Бейли, вершат суд над дурными людьми, которые хуже дворняг и не ко двору в приличных местах.

Покуда Джек бесцельно размышлял о дворах, магистрат продолжал изливать с балкона реки судейской тарабарщины, после чего перешёл к длинной проповеди, обличавшей порочность Джека, его матери, отца, дедов и бабок и так до са-

мого их прародителя, которым магистрат считал какого-то Каина. Мало что из сказанного долетало до Джековых ушей, поскольку все вокруг орали, и ничто не входило в его голову, потому что он не слушал. И без того было понятно, что говорит магистрат: Джек очень дурной человек, хуже худшего, настолько сверхъестественно и запредельно дурной, что его необходимо предать смерти самым жестоким и, следовательно, самым зрелищным образом, какой смог измыслить английский ум.

В Олд-Бейли держали человека, называемого глашатаем. Главным его достоинством был голос столь зычный, что он мог выгравировать свои слова на стекле, просто встав рядом и заорав. Время от времени его пускали в ход, чтобы унять шум. Ибо публика в этом дворе плевать хотела на магистрата, а вот глашатая уважали за громкий голос. Сейчас он вышел и завопил во всю глотку: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Милорды королевские судьи строго повелевают и приказывают всем, под страхом тюремного заключения, соблюдать тишину во время оглашения смертного приговора». К последним словам толпа и впрямь умолкла. Разговаривали только совсем уж глухие или безмозглые пентюхи, да и тех быстро уняли

соседи. Тишина в Ньюгейте — большая редкость, но то была совершенно особая тишина, заразная, как оспа.

Магистрат встал и тяжело подошёл к перилам балкона. Он явно пребывал в скверном расположении духа. Ему куда больше хотелось участвовать в коронационных торжествах, пить за здоровье короля. У всей страны праздник; удивительно, что в такой день назначили заседание суда. Как такое случилось? Некие могущественные силы запустили в гущу пирующих длинную пастушью клюку и вытащили этого магистрата за шиворот.

— Закон повелевает тебе, — проревел он, — идти туда, откуда ты пришёл, и оттуда на Тайберн-Кросс, где тебя повесят за шею, но не до смерти, а засим выпотрошат и четвертуют насмерть! Насмерть! Насмерть! И да помилует Господь твою душу!

Под балконом магистрата мельтешили какие-то тени, вероятно, те самые могущественные силы; они буквально прыгали от нетерпения, не в силах дождаться, когда можно будет лететь в Вестминстер с известием: Джек Шафто сломался под пыткой, признал свою вину и сейчас лежит, скованный, в подвале смертников! Такова была

предписанная мораль нравоучительной пьесы, разыгрываемой во дворе, который походил на театр тем больше, чем дольше Джек здесь стоял. Были даже актёры без речей, изображающие войско — последние слова магистрата «И да помилует Господь твою душу» почти утонули в грохоте башмаков на лестнице внутри здания, и, прежде чем публика успела даже подумать о том, чтобы учинить беспорядки, её окружила рота гвардейцев с алебардами.

Кто-то рассчитывал улестить нового короля заздравными тостами, медалями, статуями или наложницами. Однако были в Лондоне люди, считавшие, что лучший подарок в честь коронации — голова Джека Шафто на блюде. Будь Джек помоложе, он бы напрягал зрение, силясь разглядеть тех, кто прячется в тени под балконом, может быть, крикнул бы им что-нибудь дерзкое. Однако сейчас они его нисколько не занимали. По правде говоря, за последние четверть часа он не слышал из речи магистрата ни единого слова (кроме страшного приговора). А всё из-за шума, который производил народ, стоящий с Джеком на одном клочке земли, во дворе Олд-Бейли — его люди.

Что-то с размаху опустилось Джеку на макушку.

Колени подкосились, но нет, на него не напали сзади. Кто-то нахлобучил ему на голову шляпу. К тому времени, как Джек обернулся, этот кто-то уже улепётывал в скандирующую толпу от разъярённого гвардейца. Толпа ликовала, и скандировала она вот что: «Да здравствует король! Да здравствует король! Да здравствует король!»

Магистрат снова вскочил, лицо его было багровым. Он орал так, что подпрыгивал парик, но до двора не долетало ни звука. Бейлиф сорвал с Джека головной убор, бросил на землю и принялся топтать ногами, однако Джек успел разглядеть, что это было: самодельная корона с буквою V посередине. Не то чтобы Джек разбирался в буквах, но эту узнал сразу — её выжгли ему в основании большого пальца правой руки ещё в ранней юности. Так метили бродяг.

Клеймо бродяги — не бог весть какое отличие. А вот «король бродяг» — высокий титул, который и впрямь надо было заслужить; к нему Джек шёл долго и ценою неимоверных усилий.

Тауэр

вечер 20 октября 1714
Уайт перед Исааком Ньютоном

— ТАК БЛИЗКО И ВСЁ ЖЕ ТАК ДАЛЕКО — вы ведь об этом всё время думали? — Для человека, чьи локти связаны за спиной, Чарльз Уайт говорил с необыкновенным апломбом. Он демонстрировал путы всей комнате, словно новейший парижский фасон, ибо повернулся спиной к сэру Исааку Ньютону и тауэрским стражникам, чтобы поглядеть в окно, выходящее на Минт-стрит.

Как директор Монетного двора Ньютон мог бы затребовать себе для работы любое помещение, какое ему приглянулось, но, будучи весьма практичным директором, расположился так, чтобы не мешать монетчикам. Помещение имело примерно сорок футов в длину и делилось перегородками на две части: крохотную комнатку, сообщавшуюся через Кирпичную башню с Внутренним двором, и большую лабораторию — она же кабинет, — из которой открывался вид на Минт-стрит. Вечернее солнце било в прорехи облаков, озаряя левую щёку и плечо Уайта; ниже, на Минт-стрит, в тени казематов вдоль внешней стены, уже воцарились сумерки. Каземат, расположенный напротив Ньютоновой лаборатории, чуть вправо, был одновременно лучшим и худшим из всех. Служил он одной-единственной цели: в нём хранился ковчег. По этой причине

его круглые сутки стерегли люди, называющие себя курьерами королевы, а в последнее время — курьерами короля. Основанием для этого были эмблемы с серебристой борзой и бумажки за подписью и печатью Чарльза Уайта.

Под таким — то есть под Ньютоновым — углом зрения Чарльз Уайт не видел Минт-стрит, пока несколько минут назад стражники не втащили его в лабораторию. Теперь он явственно показывал, что доволен тем, как выглядят его отборные, прекрасно обмундированные и тяжеловооружённые курьеры, стоящие между Ньютоном и волшебным ларцом. Увидев в окне озарённого солнцем Уайта, курьеры разразились приветственными криками, возможно, не зная, что он арестован, причём по очень серьёзному обвинению.

— Государственная измена, — говорил Ньютон. Он сидел за большим, почерневшим от долгой службы столом, в той же алой мантии, в которой присутствовал сегодня на коронации. — Я не могу найти другого слова для того, в чём вас обвиняют.

– *Обвиняют*?! — весело переспросил Уайт и, наконец-то оторвав взгляд от окна, повернулся к Ньютону.

Закатный свет наполнял лабораторию, как лучезарный газ. Блёклые предметы, такие как стол и балки низкого потолка, стали ещё тусклее, но всё, в чем присутствовала хоть капля цвета или блеска, горело в темноте, как яркие звёзды: Ньютонова мантия, ленты-закладки в его пухлых старинных книгах, бронзовые весы, разложенные повсюду образцы золота и серебра.

— И кто же меня обвиняет?

— Джек Шафто.

— Уж не потому ли, что ему положили на грудь триста фунтов свинца?

— Я так не думаю, — отвечал Ньютон, — ибо уверен в вашей виновности. Однако ловкий адвокат действительно может заявить, что Джек Шафто с самого начала-то был ненадёжным свидетелем, а уж его признаниям, сделанным под пыткой, и вовсе верить нельзя.

Уайт впервые с начала разговора опешил. Уж от кого, а от Ньютона он не ждал подсказки, на чём строить свою защиту.

— Вам безразлично, что будет с Джеком, поверят ему или нет… — начал он.

— Мне безразлично, был он вашей марионеткой, или вы — его, или вами обоими управлял де Жекс.

— Но вам нужно доказать, что неприкосновенность ковчега была нарушена, дабы не отвечать за его содержимое. И Джековы свидетельства, возможно, сочтут недостаточно убедительными. Вам надо, чтобы я их подтвердил.

— На новой квартире у вас будет вдоволь времени развивать эту и другие теории.

Ньютон резко встал и кивнул стражникам. Он услышал какой-то шум за окном и хотел взглянуть, что там происходит. Того же хотел и Уайт, но стражники схватили его и потащили прочь, не дав ему подойти к окну или к Ньютону. Уайт, до сей минуты хранивший надменное спокойствие, разошёлся не на шутку; он бранился, выдвигал неосуществимые требования и сыпал неисполнимыми угрозами, пока его волокли назад во внутреннюю комнату и дальше через Кирпичную башню на плац. Отсюда было уже рукой подать до домиков, где жили стражники, невольным гостем одного из которых Уайту предстояло стать.

Письмо

20 октября 1714
Уайт бросает вызов Даппе

Чарльз Уайт, эсквайр

Тауэр
Даппе
в Клинкскую тюрьму
Мистер Даппа!

Мне сообщили, что в печати появляются бесчестящие моё имя листки, афиши, памфлеты и прочая якобы за Вашим авторством. Я требую удовлетворения того рода, которое может быть получено, только если мы с Вами на короткое время сойдёмся вместе, предпочтительно в чистом поле, вдали от людей и жилья. Вы, я уверен, поняли, что сие означает.

Я не могу без ущерба для джентльменской чести покинуть Тауэр, посему вынужден просить Вас оказать мне небольшую услугу, а именно, посетить меня здесь, дабы мы смогли уладить наше дело в его границах.

Осуществить нашу встречу невозможно, пока Вы находитесь в тюрьме по обвинению в краже. Как Вы вспомните, я выдвинул против Вас это обвинение несколько месяцев назад, но разбирательство затянули адвокаты, нанятые Вашей пресловутой благодетельницей. Знайте же, что завтра (21 октября) я извещу магистрата, что прекращаю судебное преследование и Вас следует немедля освободить. Соответственно я жду Вас в

Тауэре точно на рассвете 22-го.

По традиции, когда один джентльмен посылает другому вызов, право выбора оружия предоставляется вызванному. Вы не джентльмен и, возможно, не знаете дуэльного кодекса; в любом случае Вы вряд ли владеете искусством фехтования настолько, чтобы противостоять мне в поединке. Посему я ожидаю, что вы изберёте огнестрельное оружие с такого-то числа шагов. Если в силу статуса только что освобождённого арестанта, бедности либо цвета кожи Вам окажется невозможно раздобыть два подходящих ствола, сообщите мне, и я возьму это на себя.

Засим остаюсь, до рассвета 22-го, Ваш преданный и покорный слуга

Чарльз Уайт, эсквайр

Минт-стрит в Тауэре

сумерки 20 октября 1714
Смена караула на Минт-стрит

«ТАК БЛИЗКО И ВСЁ ЖЕ ТАК ДАЛЕКО», — сказал Чарльз Уайт. Когда Исаак Ньютон спустился по лестнице в лиловые сумерки Минт-стрит, ковчег был для него ещё ближе и ещё недостижимее, чем полминуты назад. Множество людей при-

были одновременно, причём двумя отдельными группами. Первую Исаак увидел ещё из окна: человек шесть молодых дворян, верхами, ещё в коронационных плюмажах. Судя по всему, это были кавалерийские офицеры. Они окружили королевских курьеров, охраняющих дом смотрителя. Те не могли сопротивляться конным, но все в какой-то мере разделяли кураж своего капитана, поэтому выпячивали грудь, хватались за эфесы и, звучно грассируя, грозили оскорбителям судом и расправой.

Однако этот гул утих ещё до того, как Ньютон окончательно спустился на улицу, где его, вопреки обыкновению, никто не заметил. Все взгляды были устремлены на одного из верховых дворян — хорошо, но неброско одетого юношу, молчавшего, пока курьеры Чарльза Уайта сыпали оскорблениями и хорохорились. Его первым словам предшествовала цезура; и в эту краткую минуту все услышали глухой стук башмаков. По Минт-стрит приближалась вторая группа людей.

Предводитель всадников откинул плащ и явил взорам огромный документ с красной печатью на шнурке.

— Немец покорпел над словарём! — хохотнул кто-то из курьеров.

Ближайший к нему всадник крикнул:

— Молчать! И проявляйте почтение, когда говорите о короле!

— Боже, храни короля! — начал предводитель, и все его спутники подхватили.

Курьеры отозвались бессвязным гулом. Юноша сломал печать, развернул документ и прочитал:

— «Да будет ведомо всем присутствующим, что я, Георг Первый, милостью Божьей король Соединённого Королевства Великобритания и прочая, сим увольняю мистера Чарльза Уайта, эсквайра, от должности капитана королевских курьеров и назначаю на его место Уильяма, графа Лоствителского».

Юноша поднял взгляд от бумаги и начал её сворачивать.

— Я граф Лоствителский, — сообщил он почти робко. — Я увольняю вас всех от должности, — (обводя взглядом пеших). — Люди, которых вы видите, — новые курьеры короля, и они примут ваши обязанности.

В продолжение его речи стук башмаков делался всё громче: он эхом отдавался от казематов на северном отрезке Минт-стрит, где жили монетчики. Сейчас те как раз обедали, но повскакали с мест и бросились к окнам смотреть, что про-

исходит. Первым показался белый конь, за ним, на полкорпуса, серый. На обоих ехали всадники в мундирах Собственного его величества Блекторрентского гвардейского полка. Следом маршировали пехотинцы. Даже если у старых курьеров был соблазн схватиться с новыми посреди Минт-стрит, теперь он пропал. Один за другим они затолкали шпаги обратно в ножны, сорвали значки с серыми борзыми, бросили их на мостовую и зашагали к Медной горке, обходя идущего навстречу сэра Исаака Ньютона.

— Милорд, — сказал Ньютон.

— Сэр Исаак. — Лоствител приподнял шляпу.

— Я рад, что его величество так быстро избавил Монетный двор от этих людей. Приветствую вас в Тауэре. Сегодня великий день.

— Премного благодарен. — Лоствител снова приподнял шляпу.

— Эти люди, как вам известно, не подпускали меня к ковчегу его величества с того самого дня, как мне стало известно, что он, возможно, был вскрыт.

Говоря, Ньютон под заинтересованными взглядами новых курьеров бочком подбирался к двери в дом смотрителя.

Колонна солдат остановилась на углу улицы

под Башней лучников. Второй офицер — полковник, как теперь стало видно, с деревяшкой вместо одной ноги — что-то приказал подчинённым, включив целую цепочку последствий, завершившуюся непонятными выкриками сержантов. В итоге солдаты отправились по казармам в разные части Тауэра.

Тем временем офицер на белом коне — генерал — рысью подъехал к королевским курьерам и остановился рядом с графом Лоствителским. Это был герцог Мальборо, поэтому некоторое время ушло на то, чтобы все присутствующие засвидетельствовали ему разные степени почтения. Одноногий полковник замыкал тыл; за спиной у него оставался взвод солдат, ещё не отправленных по казармам. Однако они стояли на почтительном отдалении, так что Ньютон был единственным пешим среди конных: белое облачко над алым мазком в тёмном провале улицы.

— Милорд, — объявил Мальборо Лоствителу, — в этом здании находится принадлежащий его величеству ящик с замками, называемый ковчегом. Ковчег этот имеет чрезвычайный статус. В нём хранится свидетельство. Время от времени его вскрывают, и коллегия, избранная государем,

подвергает свидетельство беспристрастному рассмотрению с целью узнать, исполнил ли директор Монетного двора его величества, — тут Мальборо позволил себе кивок в сторону Ньютона, — обязательства, взятые им при вступлении в должность. Вы видите, что испытание ковчега — дело исключительной важности, но оно имеет смысл лишь в том случае, если свидетельство, то есть его содержимое, соблюдается в неприкосновенности. Никто, заинтересованный в исходе испытания, которое состоится через девять дней, не должен приближаться к ковчегу. Такова воля короля.

— Я счастлив исполнить волю его величества, ваша светлость.

— Прекрасно, — отвечал Мальборо. — Полковник Барнс, вы ведь поможете лорду Лоствителу в его задаче?

— С удовольствием, ваша светлость.

Одноногий полковник поворотом головы привёл взвод Блекторрентских гвардейцев в движение. Солдаты встали по обе стороны двери. Минуту спустя к ним, спешившись, присоединились новые курьеры. Герцог Мальборо поворотил коня и ускакал прочь. Ньютон повернулся и ушёл назад в лабораторию.

Письмо

21 октября 1714
Даппа принимает Уайта

Даппа
Клинкская тюрьма
Уайту
в Тауэр
Мистер Уайт!

Ваше вчерашнее послание получил.

Джентльмены не дерутся на дуэлях с рабами и не отказываются по своей воле от законной собственности, посему я, как и весь Лондон, буду расценивать Ваш вызов как отречение от доктрины рабства. Чтобы избавить мир от этой гнусной практики, потребуется множество таких отречений, как и юридических прецедентов, которых ещё предстоит добиться, но Ваше письмо продвинуло дело настолько, что я из благодарности закрываю глаза на Вашу истинную цель: совершить убийство, самоубийство либо то и другое вместе, пока Джек Кетч не наложил на Вас лапу.

Буду рад покончить с Вами завтра на рассвете. Вы правильно угадали, что я предпочту огнестрельное оружие, но вновь недооценили меня,

предположив, будто я не сумею его добыть. Напротив, я только что написал другу, который доставит на место парный комплект стволов; в соответствии с дуэльным кодексом, я предоставлю Вам возможность выбрать один из двух.

Тюремщики идут, чтобы снять с меня цепи.

До завтра.

Данна

Подвал смертников Ньюгейтской тюрьмы

21 октября 1714
Джек в подвале смертников

> Ньюгейт – Троянский конь, в чьём чреве заперты все безумные греки, бывшие людьми действия.

Мемуары достонегоднейшего Джона Холла, 1708

ЕСТЬ СТАРАЯ ШУТКА, что Ньюгейт подобен Царству Небесному, ибо путь туда прям и узок. Её явно придумал какой-то остряк-арестант, а не свободный человек. Свободные люди приходят в Ньюгейт (с запада по Холборну, с востока — по Ньюгейт-стрит) путями извилистыми и пространными. Однако для приёма эксклюзивных

гостей в Ньюгейте есть жёлоб, прямой и тесный на протяжении примерно ста шагов от загонов Олд-Бейли до юго-восточного угла тюрьмы. Это одна из священных английских общественных троп, зажатая с обеих сторон высокими стенами, ибо владельцы прилегающих участков не хотят видеть вереницы скованных узников на своём заднем дворе.

В частности, особым чистоплюйством отличались соседи по правую (если идти от суда к тюрьме) руку. Здесь на добрых полутора акрах расположилась Коллегия врачей. Для обычного ньюгейтского уголовника она была таинственной и пугающей. Таинственной — потому что её полностью скрывала глухая стена. Пугающей, потому что предприимчивый Джек Кетч продавал трупы снятых с виселицы бедняков в Коллегию, где их, вместо того чтобы по-христиански предать земле, резали на части, обрекая бездомные души скитаться по земле до Судного дня.

Джека Шафто Коллегия врачей не страшила. Он знал: после того, что проделает над ним Джек Кетч, резать будет нечего. Не была она для него и загадкой. Он немного изучил это место. Сразу за стеной начинался сад, где врачи могли гулять, разминая ноги, или сидеть на скамьях,

отдыхая после того, как ночь напролёт кромсали мёртвых преступников. Остальную территорию занимало большое здание, выстроенное после Пожара неким Робертом Гуком. Оно славилось башенкой, которую украшала огромная золотая пилюля. Здание смотрело в другую сторону, на Уорик-лейн; к Ньюгейту была обращена его задняя стена. Мёртвых преступников вносили с чёрного хода, по тупику, идущему от тюрьмы и называемому Феникс-корт.

Вчера в Олд-Бейли Джек получил редкий документ, своего рода диплом. Заботливый бейлиф пронёс бумагу по узкому прямому пути, выступая впереди Джека и его свиты — надзирателей с дубинками, и вручил её тюремному начальству. В бумаге сообщалось, что Джек успешно окончил курс в давильне и может быть переведён в подвал смертников.

Согласно здешним обычаям, свинцовый гнёт давильни заменили на железные цепи. Сейчас они лежали рядом с Джеком на досках. В подвале смертников имелись дощатые нары, позволявшие хотя бы части арестантов сидеть и лежать не на полу, а сейчас Джек был тут один. Веса цепей он не чувствовал, пока не пытался двинуться.

Однако неудобства, причиняемые цепями те-

лу, терзали его куда меньше, чем явственный привкус насмешки во всём происходящем. Что чернила для литератора, то всегда были для Джека достойные металлы — ртуть, серебро, золото и булат.

В состав металлов входит вода, как явствует из того, что при нагревании они становятся жидкими. Но чтобы получился металл, к воде надо добавить некую иную субстанцию. Её привносят невидимые лучи планет, которые проникают сквозь землю и смешиваются с водой, текущей в её недрах. Лучи Сатурна, самой тусклой и самой медлительной планеты, создают самый презренный из металлов — свинец. Юпитер рождает олово. Марс — железо. Венера — медь. Меркурий — ртуть, которая поэтому зовётся ещё и меркурием. Луна — серебро. Солнце — золото. Вот почему алчные испанцы в своих завоеваниях никогда сильно не удалялись от экватора, где солнечные лучи, падая прямее всего, производят самые богатые залежи драгоценного металла.

Как знает даже самый невежественный рудокоп, низкие металлы постоянно преобразуются в благородные посредством тёмного вегетативного процесса, идущего в земных недрах. Свинцовая залежь за много столетий созреет в серебряную,

серебро со временем станет золотом.

Много лет Джек славился и гордился своим предполагаемым сходством с ртутью, этим мерцающим подвижным духом. Как объяснил ему учёный знакомец по имени Енох, Меркурий (планета) ближе всех к Солнцу и мчится с бешеной скоростью, не сгорая. Джеку нравилось видеть в этом описании себя и Короля-Солнце. Говоря словами алхимиков, «как наверху, так и внизу; как внизу, так и наверху». Пусть Джек рождён на дне общества, из самого презираемого вещества, со временем он стал тем, кого молва связывает с ртутью и золотом.

Тем обиднее было, что с первого дня в Ньюгейте его движения сковывали подлейшие из металлов, субстанции, начисто лишённые ртутного духа. Оставалось кое-как утешаться мыслью, что он перешёл от свинца (в давильне) к железу (в подвале смертников) — маленький, но неоспоримый шажок вверх по лестнице.

Алхимические раздумья Джека грубо прервал сдавленный хрип. Кто-то вошёл в подвал смертников и, судя по звукам, подавился собственным языком. Очень странно. Свободные люди довольно часто платили тюремщикам за удовольствие поглазеть на приговорённых, точно так же как в

Бедлам ходили смотреть на буйнопомешанных, но на время пребывания Джека эту забаву прекратили, потому что Айк Ньютон боялся побега. Значит, хрипун здесь по особому разрешению. Джек повернул голову — осторожно, потому что внутренняя поверхность железного ошейника была усажена острыми шипами — и не увидел ничего, кроме маленькой руки, держащей верёвку. Повернувшись ещё чуть-чуть и пожертвовав частью кожи на шее, он наконец узрел мальчугана, который, стоя на цыпочках, пытался себя удавить, продев голову в петлю и подняв свободный конец верёвки над головой — рука изображала перекладину. Поняв, что Джек на него смотрит, мальчишка принялся разыгрывать фантастическую пародию на висельника: он закатывал глаза, хватался свободной рукой за верёвку и выплясывал по подвалу смертников, как будто всё его тело содрогается в конвульсиях.

— Неплохо, — вынес вердикт Джек после серии особо впечатляющих судорог, — но я видел и лучше. Даже сам делал лучше. Когда-то я промышлял этим ремеслом, малыш.

— Каким ремеслом, Джек Шафто, Король бродяг? — спросил мальчишка, отпуская верёвку.

— Повисать на ногах у приговорённых, сбивая

цены Джеку Кетчу, который требовал за быструю смерть слишком много серебра.

— Тогда ты знаешь, зачем я здесь, — сказал мальчишка.

— Понял, как только увидел удавку. Какой нынче тариф?

— Гинея.

— Ну ты плут! Разве ты не знаешь, что у меня нет гиней?

— Все знают, да попытка не пытка.

— Молодец, хвалю. Но скажи: смеётся ли народ надо мной теперь, когда я столького добился и всё потерял?

— Нет, — отвечал мальчишка. — Тебя за это любят.

— Не может быть!

— Когда ты был Джеком-Монетчиком и летал над Лондоном в небесной колеснице вместе с папским прихвостнем, все только нос воротили, — сказал мальчишка. — А теперь, в темнице, без гроша за душой, ты снова Джек-Бродяга, и все говорят: он наш!

— Значит, когда меня короновали в суде заодно с королём в Вестминстере, это была не издёвка, — проговорил Джек.

— Люди чокаются кружками с пивом и говорят:

«Да здравствует король!» не про немца Георга.

— Знаешь, третьего дня в давильне дух папского прихвостня, как ты его называешь, сказал мне проповедь о гордости. И я вспомнил Амстердам, тысяча шестьсот восемьдесят пятый год, когда должен был выбирать из двух возможностей. Первая: отправиться в большой мир, стать дельцом и заработать кучу денег, всё — чтобы некая дама поверила, что я не хуже её. Вторая: похерить это дело, плюнуть на деньги, остаться в Амстердаме нищим бродягой, каким я был всегда, и пойти к упомянутой даме на содержание.

— И что же ты выбрал? — спросил мальчишка.

— Немудрено, что ты спрашиваешь. Как знает весь Лондон, я побывал воротилой, Джеком-Монетчиком, и бродягой, каким ты видишь меня сейчас. Ответ: я отправился на поиски счастья. Потерял всё. Добыл состояние, которого не искал. Потерял его. Вернул. Снова потерял. Добыл новое… история несколько однообразная.

— Да, я заметил.

— И вот я пришёл к тому, с чего начал, более того, понимаю, что стою перед тем же выбором. Однако как всё изменилось! Останься я в Амстердаме, долго б она меня любила? Или скоро заскучала бы со мной? Да и я сам любил бы её?

Или она надоела бы мне своей властностью и чопорностью?

Эти и другие риторические вопросы вкупе с раздумьями о неразрешимых загадках бытия лились с Джековых губ, пока он не понял, что спугнул или усыпил собеседника. Он снова был один в подвале смертников, и оставаться ему тут предстояло ещё долго. Тюремщики прибегли к уловке, вполне действенной при всей своей грубости и очевидности. Со временем они придут и предложат более лёгкие цепи в обмен на серебро, а то и апартаменты получше в обмен на золото. Очевидно, что тот, кто сперва основательно помучился, заплатит больше. В подвале смертников стояла не такая тьма, как в давильне — свет проникал сюда с Ньюгейт-стрит через окошко высоко в стене. Однако в положенный час солнце зашло и окошко потемнело; Джек, у которого не было даже медяка, чтобы купить свечу, мог тешить себя лишь образами, хранимыми в его памяти.

Он вспоминал узкий и прямой путь. В конце проулка располагался вход, который некоторые называли вратами Януса; здесь арестанты разделялись. Женщины шли налево, мужчины — направо. Таким образом, каждый пол попадал в свой загон. Делалось это исключительно

для проформы. В самом Ньюгейте мужчины и женщины могли встречаться свободно. Однако человек, пришедший в Олд-Бейли, видел строгое разделение полов и (думалось Джеку) с облегчением вздыхал, одобряя, как целомудренно тут всё устроено. По ходу судебного заседания арестантов одного за другим выводили из загонов и через несколько минут вталкивали обратно. Счастливцы буквально дымились от только что выжженных клейм; менее везучие возвращались целыми и невредимыми, но их ждали Тайберн или Америка. После заседания всех — мужчин и женщин, заклеймённых и приговорённых к смерти или каторге, — прогоняли через те же врата Януса и дальше жёлобом в Ньюгейтскую тюрьму. Здесь-то, в Олд-Бейли, у самых ворот, находилось место, с которого свободный человек мог посмотреть в лицо каждому проходящему арестанту.

По большей части тут собирались поимщики. Много их было и вчера, когда уводили Джека. Однако мысленно возвращаясь к той сцене, он вроде бы вспоминал, что там стояла и женщина — женщина под плотной чёрной вуалью; Джек не мог видеть её лица, но она явно хотела увидеть Джека. Он только-только начал погружаться в

приятные мечтания по этому поводу, как его потревожил внезапный свет фонаря. Чья-то рука схватила Джека за плечо и принялась трясти. Он приоткрыл глаза, застонал и зажмурился. Свет поблек — фонарь направили в другую сторону. Джек полностью открыл глаза. Над ним склонился сэр Исаак Ньютон.

Виселицы на Тауэрском холме

рассвет, 22 октября 1714
Дуэль

КОГДА РАССВЕЛО НАСТОЛЬКО, что стало возможным перемещаться, не держа перед собой горящие предметы, четверо сошлись у эшафота посреди Тауэрского холма. Двое пришли со стороны моря: один чернокожий, второй — рыжий коротышка с крюком вместо руки. Двое других показались из-за внешних укреплений Тауэра: оба были джентльмены, но прибыли пешком в сопровождении нескольких стражников. За ними на расстоянии ехали человек пять конных драгун.

Сегодня казни не намечалось, и виселицы для двух джентльменов и двух моряков служили всего лишь ориентиром. Тауэрский холм был

довольно обширен и по большей части представлял собой открытый плац, но кое-где его пересекали земляные укрепления, на которых гарнизон репетировал европейскую осадную войну. Чтобы дуэлянтам не блуждать, пока не рассветёт окончательно, условились встретиться у эшафота, где иногда предавали смерти знатных узников Тауэра. Как только впереди показался помост, стражники, сопровождавшие джентльменов от ворот, отстали и дальше следовали за ними на почтительном отдалении. Юридическая сторона дела была довольно забавна. Знатным узникам не возбранялось гулять по Тауэрскому холму, естественно, под надзором стражников, следивших, чтоб арестант не сбежал и не завёл крамольных бесед с кем-нибудь из свободных. А вот дуэли, хоть и происходили довольно часто, были запрещены законом. Очевидно, Уайт заранее договорился обо всём с комендантом Тауэра. Он рано утром выйдет погулять по Тауэрскому холму. Стражники на несколько минут потеряют его в тумане. Раздастся выстрел-другой. Уайта найдут живым или мёртвым. Если мёртвым, то похоронят. Если живым — отведут назад в Тауэр. В обоих случаях несложно будет представить объяснение. На гуляющих напали грабители,

произошла схватка, Уайт вырвал у противника пистолет и так далее. Шито белыми нитками, но не больше, чем аналогичные истории, на которые списывали другие дуэли. Соответственно стражники держались поодаль; драгуны тем временем оцепили весь участок, чтобы Уайт не рванул в Лондон, до которого отсюда было не больше сотни размашистых шагов.

— Где пистолеты? — осведомился Уайт.

Будь его противник и секундант противника джентльмены, он бы прежде с ними поздоровался, но морские бродяги не заслуживали лучшего приветствия.

— Пистолеты? Какие пистолеты? — спросил Даппа.

— Вы известили в письме, что сюда доставят пару дуэльных пистолетов, — отвечал Уайт, подозревая издёвку.

— Я обещал раздобыть огнестрельное оружие, — сказал Даппа, — и предоставить вам выбор из двух стволов. Если вы соблаговолите пойти со мною и капитаном ван Крюйком, я покажу вам первый.

Он шагнул в туман. Ван Крюйк посторонился, пропуская Уайта и его секунданта — молодого человека по фамилии Вудрафф. Те явно не хотели

подставлять ван Крюйку спину; несколько мгновений звучало: «Ну что вы, что вы» и «Только после вас», затем все трое двинулись шеренгой на расстоянии больше радиуса действия кинжала.

— Далеко это? — спросил Чарльз Уайт.

— Меньше чем в ста шагах отсюда, — отвечал Даппа.

Начался подъём: они подошли к основанию уступа, естественной трибуны, с которой лондонцы обычно взирали на повешение знатных узников. Даппа не полез в лоб, а взял правее и двинулся по свежим следам от колёс.

Следы вели к артиллерийскому орудию, установленному на лафете и развёрнутому вниз по склону. В утренних сумерках трудно было удержать в памяти направление, но вроде бы жерло указывало на берег. Рядом на земле располагались пороховой бочонок, пирамида ядер и весь необходимый инструмент: банник, прибойник и так далее.

Прежде чем Уайт успел как следует осознать увиденное, Даппа повернулся кругом и большими шагами двинулся к Темзе, считая: «Раз, два, три…»

Они приближались к следующему подъёму: части земляных укреплений под крепостной сте-

ной. Небо просветлело, туман рассеялся; теперь Уайт и его секундант видели, что Даппа ведёт их ко второму орудию, развёрнутому в сторону первого, мрачно смотрящего с уступа на середине Тауэрского холма.

За сто шагов Уайт успел свыкнуться с идеей и даже найти её забавной.

— Где вы раздобыли пушки? — осведомился он.

— История занятная, — отвечал Даппа, — но, если вы скоро умрёте, вам незачем её знать. А если умру я, то пусть это будет моя месть: оставить вас в неведении. Кстати, строго говоря, они не пушки, а единороги или гаубицы. У пушки ствол длиннее, а сама она более тяжёлая. Она стреляет тяжёлыми ядрами на большое расстояние, чтобы крушить стены. Гаубица — нечто вроде горизонтальной мортиры, в ней используется меньший заряд. Я решил, что для дуэли она удобнее. Пушечные ядра в случае промаха долетали бы до города. Гранаты легче и будут падать недалеко от орудия.

— Как они могут быть легче, если сделаны из того же материала? — спросил Вудрафф, очевидно, изучавший натурфилософию.

— Они, как видите, полые. — Даппа без осо-

бого усилия поднял шестидюймовый снаряд и развернул, показывая высверленное отверстие с пучком серых нитей, меридианами расходящихся на всё полушарие. — Полые, чтобы их можно было начинить порохом. Иначе мы бы провели тут целый день, дожидаясь удачного попадания. Гранаты взрываются и убивают всё на несколько ярдов вокруг.

— Ясно. Очень практично, — проговорил Вудрафф не вполне уверенным голосом; видимо, он обдумывал последствия для себя лично.

Ван Крюйк наблюдал за ним с нескрываемым ехидством.

— Не торопитесь, можете осмотреть гранаты, гаубицы и что ещё вам угодно. Уверяю вас, всё совершенно одинаковое.

— Нет надобности, — отвечал Уайт, — и времени у нас мало. Вполне очевидно, что более выгодная позиция — более высокая. — Он кивнул на первую гаубицу. — Поэтому вы ждёте, что я выберу её, и если одна гаубица с дефектом, вы поставили её туда. Я выбираю эту; получайте свою более высокую позицию.

— Хорошо, — сказал Даппа. — Идёмте на середину?

Они встали спина к спине на поле, каждый ли-

цом к той пушке, которую ему скоро предстояло зарядить. Секунданты, отойдя в сторону, следили за соблюдением всех правил и формальностей.

— Превосходно, — проговорил Уайт. — Там я победил Ньютона и вигов, ибо испытание ковчега он точно не выдержит. Здесь я одержу победу над вами или погибну — и то и другое меня устраивает.

— Раз, — сказал Даппа и шагнул прочь, главным образом для того, чтобы остановить словоизлияния.

— Отлично. Раз. — Уайт тоже сделал шаг.

Они принялись считать в унисон и примерно на числе «сорок» (поскольку шагали очень широко) оказались рядом с гаубицами. Тут оба отбросили деланую невозмутимость и принялись заряжать орудия.

Уайту в этом помогал секундант, Даппе — нет. Ван Крюйк стоял спиной к гаубице, как будто вышел на утренний променад и теперь любуется видом лондонской гавани с Тауэрского холма. Когда Даппа злобно свернул глазами, голландец облизнул крюк и поднял его, словно определяя направление ветра, за что немедля получил тычок в спину.

— Довольно!

— Глянь, как они суетятся, — отвечал ван Крюйк. — Они сами не понимают, что делают.

— Это меня и тревожит.

— В Каире ты был куда спокойнее, — напомнил ван Крюйк, — а я тебя понукал.

— В Каире мне нечего было терять! — воскликнул Даппа. Он откатил пороховой бочонок на безопасное расстояние от гаубицы и поддел кинжалом затычку. — Уайт с Вудраффом свой бочонок отодвинули?

— Ну вот. Теперь ты хочешь, чтобы я сообщил тебе результаты своих наблюдений.

— Ты мог бы наблюдать за противником и одновременно делать что-нибудь полезное.

— Отлично. — Ван Крюйк вразвалку обошёл гаубицу, посмотрел на ствол, затем перенёс взгляд на цель. — Да. Они отодвинули бочонок, но не так далеко, как следовало бы. — Он поднял камень и, словно молотком, забил им подъёмный клин под казённую часть орудия. — Как ты думаешь, надо внести поправку на вращение Земли?

Даппа демонстративно не поддался на провокацию. Он совком на длинной ручке набрал пороха и теперь закладывал его в гаубицу. Диаметр совка был заметно меньше, чем диаметр дульного отверстия.

— Вот на этом шаге они, скорее всего, ошибутся, — задумчиво проговорил Даппа, силясь затолкать совок в узкую зарядную камору. — Надеюсь, что они набьют пороха от души и взлетят на воздух!

— Это было бы неспортивно, — упрекнул его товарищ, крюком соскребая окалину с запального отверстия. Гранату он взять не мог — для этого нужны были обе руки.

Даппа заложил её в жерло и принялся вталкивать прибойником, не переставая внимательно поглядывать на второе орудие.

— Вот к чему привела твоя медлительность! — воскликнул он.

Они с ван Крюйком оба видели, как Уайт, ухмыляясь, подносит фитиль к запальному отверстию заряженной и нацеленной гаубицы.

Облако пламени размером с приходскую церковь заслонило противников, затем погасло и превратилось в дым.

— А вот к чему привела их торопливость, — заметил ван Крюйк.

Как понимали и он, и Даппа, Уайт с Вудраффом не рассчитали заряд. Сила огня раздавила снаряд в дуле, выбросив облако пороха, который (на везенье стрелявших) по большей части сгорел

уже в воздухе.

Теперь оставалось только ждать, когда дым рассеется. Как только взглядам вновь предстали Уайт и Вудрафф (оглушённые и сильно опалённые), ван Крюйк поднёс фитиль к запальному отверстию. Гаубица выстрелила, как положено; долю секунды они видели летящую гранату. Она разбилась о каменную крепостную стену и не взорвалась, а осыпала Уайта с Вудраффом осколками и порохом. Те едва ли заметили, поскольку наконец пришли в себя и занялись гаубицей.

— Вот сейчас они себя взорвут, — предположил Даппа, обмакивая банник в ведро.

— Ничего подобного. Они нашли воду, которую ты им заботливо оставил, и банят свою гаубицу в точности, как мы нашу. Однако у нас преимущество — мы уже начали пристреливаться, а они — нет.

Ван Крюйк забил клин чуть глубже и ногой толкнул одно из колёс лафета, поправляя азимут. Даппа перезаряжал. Покончив с этим, он захотел поскорее выстрелить, но ван Крюйк стоял перед жерлом и набивал туда палки, сухую траву, листья и прочий мусор, так что в конце концов гаубица стала похожа на бронзовую вазу с увядшим букетом. Даппа угрожающе помахи-

вал фитилём над запальным отверстием, делая вид, будто сейчас подожжёт; но ван Крюйк так увлёкся, что ничего не замечал. Он даже не поднял голову, когда вторая граната из Уайтовой гаубицы просвистела у него над плечом и зарылась в земляной склон. Однако он видел, куда она попала, и указал на неё Даппе. Тот поплевал на пальцы, сунул руку в пещеру, пробитую снарядом, вытащил тлеющий запал и, чертыхаясь, бросил его на землю. Ван Крюйк наконец отошёл от дула, крюком подцепил черпак воды из ведра и залил шипящий и пыхающий запал. Даппа тем временем произвёл второй выстрел: граната попала в основание вала за спинами Уайта и Вудраффа, ярдах в двух правее. Вместо того чтобы зарыться в землю, она подскочила вертикально вверх и пропала. Через несколько секунд, очевидно, достигнув апогея и начав падение, она взорвалась футах в десяти над землёй, не очень далеко от Уайта и Вудраффа. Однако те приметили её подъём и спуск (что было видно по их яростным жестам), поэтому успели отбежать и броситься на землю. Оба не пострадали.

Ван Крюйк был вне себя.

— Мне хочется подойти и продырявить Уайту черепушку, — сказал он.

— Почему? Это моя дуэль, а не твоя, — заметил Даппа, вновь принимаясь за гаубицу.

Ван Крюйк начал сгребать веточки и травинки, не собранные в первый раз.

— Как секундант я должен остановить твоего противника, если он попытается сбежать. Уайт бежал.

— Случай спорный, — возразил Даппа. — Капитан не должен бросаться ничком на палубу, когда по его кораблю дают бортовой залп, но когда рядом падает граната, он не обязан стоять и ждать, когда она взорвётся.

— Хм, — промычал ван Крюйк и вновь принялся набивать дуло мусором; на сей раз он для пущего эффекта сорвал с головы каштановый парик и затолкал его следом.

Третья граната пронеслась мимо. Теперь Уайт и Вудрафф положили ещё меньше пороха, так что она ударилась о землю, описала в воздухе мёртвую петлю и упала прямо перед Даппой: чёрный дымящий шар с тлеющим запалом. Снаряд покатился под уклон, но недостаточно быстро. Даппа попытался ускорить его пинком, промахнулся, снова занёс ногу и толкнул гранату изо всех сил. В следующий миг он развернулся и плашмя упал на землю. Ван Крюйк тем временем повернулся

спиной к гранате и обнял пороховой бочонок, плащом заслоняя его от искр. Граната, подпрыгивая, катилась по склону; через три секунды она взорвалась.

Мгновение спустя громыхнуло во второй раз: видимо, отлетевшая искра воспламенила порох в запальном отверстии гаубицы, произведя преждевременный выстрел. Даппа и ван Крюйк не сразу поднялись на ноги: обоих ранило осколками и отлетевшими камешками, оба были слегка оглушены. Они видели, как их граната взорвалась над Темзой.

Взрыв Уайтовой гранаты сбил прицел их гаубицы. Однако полоса горящих веточек и листьев огненной дорожкой протянулась вниз по склону, а Вудрафф яростно пинал нечто, исходящее густым дымом и упорно липшее к его ноге, — парик. Уайт тем временем готовился перезарядить орудие.

Вот тут-то они и перестали существовать. Крепостную стену скрыл от ван Крюйка и Даппы огненный шар, в котором кружились безобразные чёрные клочья. Оба вновь бросились на землю. Сверху пошёл раскалённый дождь. Они вскочили и принялись быстро увеличивать расстояние между собой и боеприпасами. Путь их

лежал мимо эшафота, который сейчас украшали простёртые тела стражников. Снизу донеслось дробное ба-ба-бах — взорвались гранаты Уайта. По этому сигналу Даппа и ван Крюйк в бодром темпе направились к реке. Если бы кто-нибудь из стражников поднял голову, то увидел бы, как они исчезли в штормовом фронте дыма, скрывшего всю нижнюю часть Тауэрского холма.

Впрочем, внутри этой дымовой завесы видеть было можно, пусть и на небольшое расстояние. Даппа и ван Крюйк остановились или, по крайней мере, замедлили шаг там, где ещё недавно стояли Уайт и Вудрафф. Ничего похожего на трупы не наблюдалось, хоть Даппа и уверял, что споткнулся о чей-то хребет.

— Невероятно, — задумчиво проговорил ван Крюйк. Он разглядывал что-то на выжженной земле, поочерёдно указывая крюком, как пальцем, на какие-то мелкие предметы. — Раз, два, три, четыре, *пять!* Раз, два, три, четыре, *пять!*

— Что такое?

— Слишком много ушей! — воскликнул ван Крюйк.

Даппа подошёл и тоже наклонился. Ушей и впрямь было пять: четыре сморщенных в одной стороне, а чуть поодаль — свежее, окровавлен-

ное.

— Это я объяснить могу, — Даппа башмаком подгрёб немного земли, чтобы присыпать сморщенные уши, — но чуть позже. Давай поскорее вернёмся на корабль. Сейчас сюда сбегутся стражники и драгуны.

— Они наверняка перепуганы до полусмерти.

— Согласен; и всё равно мне не терпится к себе на корабль.

Даппа и Ван Крюйк по-прежнему мало что видели за туманом, но они двинулись вниз с холма, а это, как известно, самый верный способ отыскать океан.

— Надеюсь, следует понимать, что ты наконец бросил своё глупое писательство, которым так всем надоел.

— Я выпустил своё ядро и не спешу перезаряжать. Впрочем, как литератор я остаюсь преданным рабом Музы и всегда готов исполнить её веления.

— Тогда лучше нам и впрямь побыстрее добраться до корабля, — сказал ван Крюйк, прибавляя шаг. — Надо поднять паруса и выйти в море, где этой ведьме до тебя не добраться.

«Замок» Ньюгейтской тюрьмы

23 октября 1714
Джек в своих ньюгейтских апартаментах

УДИВИТЕЛЬНО, КАК МНОГО могут изменить какие-то двадцать футов: ровно столько отделяло кровать с балдахином от середины давильни сразу за дальней стеной Джековых апартаментов. Несколько дней назад он лежал голый на каменном полу, прижатый ящиком со свинцом, теперь в чистой ночной рубашке отдыхал на перине из гусиного пуха.

Месяц или два назад Джек без труда получил бы всю эту роскошь в обмен на деньги. Однако теперь средств не осталось: то, что не издержал сам Джек, захватил или сделал недоступным его беспощадный преследователь, сэр Исаак Ньютон.

Не существовало фиксированной платы за апартаменты в «замке»; смотритель тюрьмы применял гибкую шкалу в зависимости от статуса узника. Герцог — скажем, мятежный шотландский лорд — при поступлении в тюрьму вносил пятьсот гиней, только чтобы не попасть на «бедную сторону». Дальше он должен был еженедельно платить тюремщикам марку, то есть

тридцать с чем-то шиллингов, за право оставаться в приличной комнате.

Джеку через неделю предстояло умереть, и плата за квартиру для него должна была составлять меньше фунта. Иное дело вступительный взнос. С незнатного, но состоятельного горожанина брали куда скромнее, чем с герцога — положим, двадцать фунтов. Сколько же в таком случае должен внести Джек? Одни сказали бы, что он ниже состоятельного горожанина и должен платить меньше двадцати фунтов стерлингов. Другие (в том числе, вероятно, ньюгейтские тюремщики) возразили бы, что в определённом смысле Джек выше герцога и требовать с него надо как с короля.

Как ни кинь, выходило, что Джек не мог выйти из подвала смертников меньше чем за несколько сотен фунтов. Такой суммой не располагал ни он, ни его оставшиеся на свободе друзья. Откуда же взялись деньги?

Ни о чём таком они вчера с сэром Айком не договаривались. Ньютон требовал, чтобы Джек продиктовал письменное показание под присягой, согласно которому в Клеркенуэллском владении покойного Роджера Комстока действует подпольный монетный двор вигов. Ньютон

чуть ли не до рассвета нудно репетировал с ним речь, а наутро Джек отбарабанил её перед писарем и шеренгой оторопелых чиновников. Однако Ньютон не предложил перевести Джека в «замок», а Джек не стал просить: он чувствовал, что Ньютон стеснён в средствах. За свои слова Джек рассчитывал получить другое: смягчение наказания — по меньшей мере до обычного (и быстрого) повешения, а то и до штрафа, который не сможет выплатить, так что проживёт остаток дней на «долговой стороне» Ньюгейта.

Нет, Джека перевёл сюда кто-то другой — кто-то при больших деньгах. Ещё один шажок к вере, о которой вещал де Жекс. У Джека ничего нет, но о нём пекутся. Это уязвляло его гордость, но куда меньше многого другого, что он мог бы перечислить.

Вряд ли благодетельница (Джек позволял себе думать, что о нём печётся особа женского пола) хочет всего лишь облегчить его последние дни на земле. Приятнее было воображать, что она таким образом что-то хочет ему сказать. Что именно — Джек, сколько ни бился, расшифровать не мог и решил оставить задачу до новых подсказок.

Теперь он половину времени думал об Элизе, половину — ругал себя за то, что о ней думает. С

другой стороны, Джек вынужден был признать, что большой беды в этом нет. Любовь уже не могла, как прежде, толкнуть его на ложный путь. Он зашёл по ложному пути дальше кого-либо из живущих. Он на полюсе. Ван Крюйк как-то объяснил ему, что, если дойти до Южного полюса, запад, восток и юг перестают существовать; везде, куда ни повернись, будет север. В таком же положении находился сейчас Джек.

Клеркенуэлл-корт

Утро 23 октября 1714
Налёт на Двор технологических искусств

РОДЖЕР УЖ КАК-НИБУДЬ да узнал бы о предстоящем обыске. Роджер выставил бы оборону — нет, не так, он бы встретил Исаака Ньютона, графа Лоствителского и королевских курьеров кофием с горячими булочками и превратил налёт на Двор технологических искусств в познавательный осмотр для узкого круга приглашённых.

Однако Даниель был не Роджер, поэтому к его появлению обыск шёл уже два часа. При лучшей организации всё бы закончилось раньше. Однако заинтересованность в деле проявили несколько ведомств, так что подготовка оказалась разом

чрезмерной и недостаточной. Очевидно, прошли заседания. Молодые светлые головы выступили, наметили основные пункты, их слова были занесены в протокол. Кто-то предположил, что двери склепа придётся ломать. Составили реестр необходимого снаряжения: петарды, лебёдки, воловьи упряжки. Накладки происходили одна за другой. Никто не пришёл в назначенное время. Важные люди, вместо того чтобы посмеяться над нелепостью происходящего, упрямились либо возмущались. Солдаты в ожидании приказов ловили мух и оторопело качали головой.

Примерно это Даниель и увидел, когда часов в девять утра подошёл ко Двору технологических искусств. Подошёл, потому что из-за обыска и его нечаянных последствий движение на Коппис-роу встало. Даниель вынужден был бросить портшез и последние четверть мили пройти пешком. В каком-то смысле так было даже лучше: выскочи он из портшеза в самой гуще событий, важные люди сразу захотели бы с ним побеседовать. Теперь же Даниель оказался на месте, не привлекая ничьего внимания.

За одним исключением: по пути он миновал стоящую в заторе карету герцогини Аркашон-Йглмской.

— Едете посмотреть на то, что сталось с вашими капиталовложениями? — спросил Даниель, проходя мимо. Сторонний наблюдатель решил бы, что он разговаривает сам с собой.

Изнутри донеслось шуршание бумаг — видимо, герцогиня читала почту.

— Доброе утро, доктор Уотерхауз. Можно заглянуть к вам через несколько минут?

— Я приглашаю вас подняться в пустую квартиру над часовой лавкой, — крикнул Даниель через плечо. — Считайте её персональной ложей, из которой вы будете наблюдать комедию ошибок.

Через минуту Даниель прошёл в боковую калитку и оказался посреди двора раньше, чем кто-либо его заметил. Теперь все желали знать, как давно он здесь находится.

— Доктор Уотерхауз! — воскликнул граф Лоствителский. — Как давно вы здесь?

— Изрядное время, — отвечал Даниель, стараясь, чтобы голос его прозвучал зловеще.

— Это немного не, — начал граф.

Даниель рассердился было, потом сообразил, что граф как человек благовоспитанный сглаживает всё почти до утраты смысла. На самом деле он хотел сказать, что очень сожалеет. Даниель попытался ответить в той же манере:

— Вероятно, вы почувствовали некоторую неловкость.

— Ничуть, — отвечал граф, имея в виду: «Мне хотелось сквозь землю провалиться».

— Дело в какой-то степени щепетильное, — продолжал Даниель. — Разумеется, ваш долг офицера превыше всего. Я вижу, что вы прекрасно его исполняете.

— Боже, храни короля, — откликнулся граф. По-видимому, это означало: «Вы всё правильно поняли, спасибо, что не держите на меня зла».

— …храни короля, — кивнул Даниель, подразумевая: «не стоит благодарности».

— Сэр Исаак… внизу, — сообщил граф, указывая взглядом на ворота крипты. Они были открыты и, насколько Даниель мог видеть, не взломаны.

— Как вы их открыли? — спросил он.

— Мы стояли и обсуждали, как их взломать, потом пришёл огромного роста человек и отпер замки.

Даниель откланялся и зашагал к воротам, не обращая внимания на двух высокопоставленных господ, которые его приметили и теперь хотели знать, как давно он здесь находится.

— КАК ДАВНО ВЫ ЗДЕСЬ? — спросил сэр Исаак Ньютон.

Гробница тамплиеров являла собой пузырь тёплого дыма, столько внесли сюда фонарей и свеч. Пар от них и от дыхания полудюжины рабочих, орудующих лопатами, конденсируясь на холодном камне и меди саркофагов, струйками сбегал на землю.

— Изрядное время, — буркнул Даниель. У него было много оснований для недовольства, но сильнее всего раздражало, что Исаак, умеющий быть таким интересным, ввязавшись в низкие житейские дрязги, сделался настолько банален.

Даниелю пришлось напомнить себе, что этот повод досадовать — самый эфемерный.

— Всё из-за дуэли на пушках, третьего дня на Тауэрском холме? — предположил он.

— Из-за неё и побега младших Шафто, — признал Исаак. — Мои свидетели имеют свойство исчезать, когда они больше всего нужны. Остался только Джек.

— Вы напрасно тревожите покой бедных храмовников, — сказал Даниель. — Вам должно быть очевидно, что тут уже ничего нет.

— Конечно, — ответил Исаак, — но в дело замешаны другие силы, и они не так быстро замечают очевидное, как вы и я.

Это прозвучало почти комплиментом: Исаак на

мгновение поднял Даниеля до себя. Тот в первое мгновение поддался на лесть, потом насторожился.

— Благодарить надо Уайта, — продолжал Исаак. — Думаю, он хотел умереть — уйти от правосудия. Однако Уайт не предвидел, как именно он погибнет, и это обернулось мне на пользу.

— Вы хотите сказать, потому что вызвало у нового правительства приступ паники?

Вместо ответа Исаак развёл руками и кивнул на распаренных землекопов.

— Когда им, как мне, надоест переворачивать вверх дном этот двор, они перейдут в Брайдуэлл, а если и там ничего не найдут, то дальше по следу в Английский банк.

Даниель знал, что у фразы есть продолжение, которое незачем было произносить вслух: «Если вы не уступите мне немного того, что я хочу». В тот миг он готов был ринуться в банк и взять немного Соломонова золота для старого друга. Почему бы и нет? Соломон Коган заметит недостачу, Пётр Великий разгневается, но всё наверняка как-нибудь удастся уладить.

И тут Исаак заговорил:

— Утверждают, что какой-то безумный старик напоил толпу допьяна и рассказывал ей сказки

про спрятанное золото, чтобы Шафто смогли незаметно выбраться из Флитской тюрьмы.

Это всё испортило. Даниель вспомнил, почему надо держать у себя всё Соломоново золото до последней крупицы: потому что люди к нему стремятся и оно даёт власть, которая ещё может Даниелю понадобиться. И ещё он вспомнил, как нелеп весь алхимический взгляд на мир. Посему Даниель ничего больше не сказал про Соломоново золото, но простился с Исааком и вышел наружу. Через минуту он был уже с герцогиней Аркашон-Йглмской в пустом помещении над бывшим Двором технологических искусств.

— ВАМ НЕ СЛЕДОВАЛО ОСТАВЛЯТЬ меня тут в одиночестве, — сказала она.

Почему-то у Даниеля не создалось впечатления, что его упрекают в нарушении светских условностей.

— Ваша светлость?

Она стояла у окна, выходящего во двор, и говорила с Даниелем через плечо. Он подошёл и встал рядом, но чуть в сторонке, чтобы суетящиеся внизу чиновники не увидели их вместе в одном окне.

— Что-то меня смущало в этих капиталовложениях с тех самых пор, как я на них согласилась, —

продолжала она.

Если бы те же слова были произнесены в сердцах, Даниель, наверное, повернулся бы и бежал до самого Массачусетса. Однако Элиза говорила озадаченно и немного рассеянно, с тенью улыбки на губах.

Она объяснила:

— Сейчас, глядя в окно, я всё поняла. Когда я последний раз видела ваш Двор технологических искусств, это был базар ума. Множество изобретателей, каждый в своём закутке, при своём деле, и все обмениваются мыслями по пути в нужник или за чашкой кофе. Вроде бы всё замечательно, да? И поскольку мне любопытны те же вопросы, я позволила себе обмануться… да, я признаю, что сама виновата! И всё же, несмотря на самообман, внутренний голос нашёптывал мне, что, по сути, это неразумное вложение. Сегодня я приезжаю сюда и вижу, что ничего нет. Изобретатели собрали вещи и ушли. Остались земля и здания. За них ваши инвесторы переплатили. Здесь будут обычные торговые ряды. Цена им — такая же, как зданиям справа и слева.

— Что до цены недвижимости, я согласен, — сказал Даниель. — Значит ли это, что вы и Роджер неудачно вложили деньги?

— Да. — Элиза снова улыбнулась. — Именно так.

— В приходных книгах, возможно, и так…

— О, поверьте мне, да.

— Но ведь Роджер не сводил всё к одной лишь финансовой выгоде, верно? Он преследовал и другие цели.

— Совершенно верно, — подтвердила Элиза. — Вы меня неправильно поняли. У меня тоже есть много целей, которые нельзя оценить в деньгах и записать в приходную книгу. Однако я всегда стараюсь мысленно отделять их от проектов, разумных с точки зрения *всякого* инвестора. В случае Двора технологических искусств я допустила ошибку: смешала одно с другим. Вот и всё. Думаю, собственность на ртутный дух, циркулирующий в умах изобретателей и философов, вообще невозможна. С тем же успехом можно собрать в ведро электрическую жидкость мистера Хоксби.

— Так это бесполезно?

— Что бесполезно, доктор Уотерхауз?

— Поддерживать такие проекты.

— О нет. Не бесполезно. Думаю, такое возможно. Первый раз я допустила ошибку, вот и всё.

— Будет ли второй?

Молчание. Даниель сделал новый заход:

— Итак, каков заключительный баланс? Мне надо знать, поскольку я занимаюсь наследством Роджера.

— А. Вы хотите знать, сколько это стоит?

— Да. Спасибо, ваша светлость.

— Ровно столько же, сколько соседнее здание. Вы можете, конечно, заявить претензии на денежную стоимость сделанных здесь изобретений. Например, если через полгода часовщик, работавший у вас, построит часы, которые выиграют премию за нахождение долготы, то наследники Роджера могут затребовать себе часть денег. Но это будет обречённая затея, и обогатит она только адвокатов.

— Хорошо. Это мы спишем. А что насчёт логической машины?..

— Я слышала, что картонабивочные орг***а***ны вывезли из Брайдуэлла и бросили в реку.

— Да, я проследил, чтобы в Брайдуэлле ничего не осталось.

— А сами карты?

— Скоро отправятся в Ганновер, а оттуда в Санкт-Петербург, в царскую Академию наук.

— Значит, они никак не влияют на итог. Про что вы меня в таком случае спрашиваете?

В каком-то смысле Даниеля отталкивала беспощадность финансового анализа. Отталкивала и в то же время зачаровывала. Чем-то их беседа походила на вивисекцию: жуткую, но интересную ровно настолько, чтобы не развернуться на каблуках и не сбежать в ближайший питейным дом.

— Наверное, я спрашиваю про всю структуру идей, придающих картам логической машины их ценность.

— Ценность?

— Ладно, скажу иначе. Не ценность. Способность производить вычисления.

— Вы спрашиваете, сколько стоят эти идеи?

— Да.

— Зависит от того, как скоро удастся создать настоящую логическую машину. Вы ведь её не сделали?

— Не сделали, — признал Даниель. — Мы многому научились, пока строили картонабивочные орг***а***ны…

— «Мы» означает… — Элиза кивнула на пустые мастерские за окном, где сейчас хозяйничали солдаты.

— Ладно, — проговорил Даниель, — «нас» больше нет. «Мы» рассеялись, и собрать «нас» снова

будет непросто.

— А ваши орг***а***ны на дне реки.

— Да.

— У вас есть чертежи? Схемы?

— По большей части у нас в голове.

— Тогда вот что бы я сказала, — начала Элиза, — если бы подводила баланс. Идеи очень хороши. Качество работы превосходно. Однако это идеи Лейбница, они устоят либо рухнут вместе с ним и его репутацией. Сейчас его репутация в глазах Ганноверов, правящего дома этой страны, очень низка. Каролина любит доктора и пыталась помирить его с сэром Исааком, но ничего не вышло. Даже став королевой, она мало что сможет изменить — настолько несовместимы идеи Лейбница с идеями Ньютона. Иное дело, будь идеи Лейбница полезны практически, но пока нет и этого, а идеи Ньютона полезны уже сейчас. Логическую машину, вероятно, построят не скоро — может, лет через сто или даже больше. И до тех пор *в деньгах* всё это не будет стоить ничего.

— Хм. Труд моей жизни не стоит ничего. Горько слышать.

— Я всего лишь говорю, что сейчас вам никто за него не заплатит. Однако великий монарх на Востоке охотно поддерживал ваши исследования.

Пошлите ему всё. Золотые карты, ваши записки и чертежи, то, что прислал Енох Роот из Бостона — пусть всё отправится на Восток, где хоть один человек это ценит.

— Хорошо. Я как раз этим занимаюсь.

Элиза отвернулась от окна и очень внимательно оглядела Даниеля Уотерхауза. Только что она загнала его в угол. Сейчас ей в голову пришла какая-то мысль: неожиданная и явно неприятная.

— Вам кажется, будто это всё? Когда вы, Даниель, говорите о труде своей жизни, вы включаете в него только работу над логической машиной.

Даниель показал пустые ладони.

— А что же ещё?

— По меньшей мере есть ваш сын Годфри, которого вы должны дальше воспитывать! Один ребёнок в Бостоне сегодня — миллионы потомков в будущем.

— Да, но каких, в какого рода государстве?

— А вот это уж зависит от вас. А если оставить в стороне Годфри — вспомните, чт***о*** вы совершили за последний год, с тех пор как получили письмо от принцессы Каролины!

— Я помню только бессмысленную суету.

— Вы многое сделали для своей страны. Для машины мистера Ньюкомена. Для отмены рабства.

Для Ньютона и Лейбница, хотя они оба, возможно, не ценят ваших усилий.

— Как я уже сказал, мне всё кажется бессмысленной суетой. Однако вы дали мне пищу для размышлений: мысли, которые я смогу пережёвывать до конца жизни.

— Не надо их пережёвывать! Извлеките суть! Поймите, как много вы сделали.

— Подбивая свои итоги, нашли ли вы хоть что-нибудь ценное? — спросил Даниель.

— О да, — отвечала Элиза. — Машина для подъёма воды посредством огня более чем покроет убытки, на которые я жаловалась.

— Мне не показалось, что вы жалуетесь. Скорее, констатируете факты, — сказал Даниель.

— Я постоянно теряю деньги, — заверила она. — Я довольно много издержала на борьбу с рабством — а этот проект только начался. Для того чтобы уничтожить рабство, потребуется, по крайней мере, столько же времени, сколько для создания настоящей логической машины. На сей счёт я не обольщаюсь.

— То есть моё положение не хуже вашего? Спасибо, вы меня утешили. И каков же ваш следующий проект, если позволено спросить?

— Касательно данных капиталовложений?

Списать убытки, продать всё бесполезное и удвоить инвестиции в то, что действительно работает: машину для подъёма воды.

— Ваше изложение дела внушает оптимизм, — сказал Даниель, почему-то чувствуя себя совершенно успокоенным. — А если машина заработает, она поможет вашей цели, уменьшив потребность в рабском труде…

— И вашей, — добавила Элиза, — предоставив движущую силу для логической машины. Теперь вы начинаете понимать.

— Как любил говаривать Роджер: «Хорошо быть обучаемым».

— Отлично! — Элиза хлопнула в ладоши. — Однако нам следует заняться некоторыми частностями, пока мы не ушли с головой в наши великие планы, верно?

— Надо уберечь карты от таких вот людей. — Даниель кивнул на представителей власти, хозяйничающих во дворе.

— Само собой. Но я думала о пятнице.

— В пятницу предстоят два события: испытание ковчега и казнь на Тайберне, — напомнил Даниель. — Какое из них вы имели в виду?

На лице Элизы вновь мелькнула горькая полуулыбка.

— Оба, ибо они теперь одно.

— Значит, мы с вами пришли к одинаковому заключению, — сказал Даниель. — Всё решается между Исааком и Джеком. Джек почти наверняка подбросил в ковчег порченые монеты. Если он даст показания, то Исаак оправдан, а денежная система — вне подозрений.

— Можно ли как-нибудь спасти Ньютона и денежную систему без показаний со стороны Джека?

— Не проще ли убедить Джека дать показания? Дополнительный выигрыш: если Джек согласится на сделку, его не казнят.

— Допущение весьма сомнительное, — заметила Элиза. — И в любом случае, я не хочу, чтобы он заключал сделку. Я хочу, чтобы в пятницу его казнили.

Даниель был настолько ошеломлён, что продолжал говорить: так человек, которому прострелили голову, делает шаг-другой, прежде чем упасть:

— Э… даже если таково ваше желание… почему бы не заключить сделку, чтоб его хотя бы повесили без мучений?

— Я хочу, — твёрдо произнесла Элиза, — чтобы в пятницу Джека Шафто казнили согласно изна-

чальному приговору.

— Так… — Даниель заморгал и затряс головой, не в силах вместить Элизину бестрепетную жестокость. — Так вы хотите знать, может ли Ньютон выдержать испытание ковчега без Джековых показаний?

— Об этом я и спрашиваю вас как натурфилософа.

— То есть вы спрашиваете, можно ли подтасовать испытание ковчега?!

— До свидания, доктор Уотерхауз. И мне, и вам многое предстоит сделать до пятницы, — сказала Элиза и вышла из комнаты.

Часовня Ньюгейтской тюрьмы

24 октября 1714
Проповедь осуждённым

> Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего.
>
> ***Рим. 12, 1***

АНГЛИЙСКИЕ СВЕТСКИЕ ВЛАСТИ ещё не совсем покончили с Джеком Шафто, но они сделали

всё, что было в их силах: нашли его виновным в худшем из преступлений, бросили в худшую из тюрем, приговорили к худшей из казней. На этом их возможности исчерпались. Карающий меч нуждался в заточке, смертоносный колчан опустел. Посему они передали его властям духовным, сиречь англиканской церкви. Первый и, очевидно, последний раз в жизни Джек привлёк к себе внимание этой организации. Он совершенно не знал, как вести себя под её непривычным взглядом.

В бродяжьих становищах его юности безумцев было хоть отбавляй. Из всех мест, где Джеку случилось бывать позже, только в Ньюгейте доля умалишённых оказалась выше.

Они с Бобом очень рано уяснили, что нация сумасшедших делится на многочисленные сословия, секты и партии, к которым нужен совершенно разный подход. Двое одинаковых с лица оборвышей в бродяжьем лагере посередь охотничьих угодий какого-нибудь герцога неудержимо влекли к себе маньяков всякого рода. Чтобы выжить, надо было научиться отличать, скажем, религиозных фанатиков от педофилов. Фанатик мог даже защитить от насильника. За это иногда приходилось платить — выслушивать пропове-

ди. В природе фанатика читать наставления, как и гонять извращенцев. Одно от другого неотделимо. Выслушанные поневоле обличительные речи дали юным Шафто исчерпывающее представление об англиканской церкви.

Позже Джек вспоминал нравоучения под открытым небом со скепсисом умудрённого жизнью взрослого человека. Проповедники были религиозные маньяки, готовые мыкаться с бродягами, лишь бы не покоряться официальной церкви. Где им судить о ней честно и беспристрастно? Наверняка половина их измышлений — плод галлюцинаций, и даже редкие крупицы правды искажены горячечным воображением. Не то чтобы Джек питал тёплые чувства к церкви и хотел её обелить — просто его тошнило от фанатиков. Если верить их бредням про англикан, надо было верить и назойливым уверениям, что он попадёт в ад. Джек предпочитал отмахнуться от всего сразу, не выискивая здравое зерно.

Сейчас, сидя в часовне Ньюгейтской тюрьмы, он убеждался, что фанатики говорили чистую правду.

Они утверждали, что англиканская церковь, в отличие от молельных домов нонконформистов, разгорожена на ряды, называемые скамьями. А

чтобы усталые бродяги, стоящие на земле или, в лучшем случае, сидящие на брёвнах, не позавидовали, фанатики сравнивали церковные скамьи с загонами для скота, где прихожане, как овцы, дожидаются, когда их остригут или забьют на мясо.

Теперь, впервые в жизни попав на англиканскую службу, Джек видел, что часовня (расположенная на верхнем этаже Ньюгейтской тюрьмы) и впрямь разделена на ряды, частью открытые, частью — с прочными навесами над головой, чтобы злодеи не могли выпрыгнуть, а диссентеры — вознестись прямиком на небо без посредничества уполномоченных представителей государственной церкви.

Фанатики утверждали, что в англиканской церкви лучшие места достаются знати; сословия не смешиваются, как у нонконформистов. Вот и в Ньюгейтской часовне соблюдалась строгая иерархия. Узники «общей стороны» сидели по одну сторону центрального прохода, слева от расположенной в углу кафедры тюремного священника — ординария. Узники «господской стороны» — справа. Должники — отдельно от уголовных, женщины — отдельно от мужчин. Однако лучшие места, прямо под кафедрой, были отведены аристократии — тем, кого недавно осудили на

казнь. Им полагалась привилегированная открытая скамья; правда, к ней приковывали цепями, как на галерах.

Фанатики утверждали, англиканская церковь — преддверие смерти, врата адовы. Казалось бы, бред сумасшедшего; однако часовня Ньюгейтской тюрьмы была сплошь завешана чёрными траурными полотнищами. Прямо перед скамьёй осуждённых располагался алтарь, но не с хлебом и вином, а с гробом. Для вящей доходчивости крышку сняли, чтобы смертники видели: гроб пуст и ждёт жильца. Отверстый гроб смотрел на них всю службу, и ординарий не упускал случая лишний раз на него указать.

Фанатики утверждали, что в англиканскую церковь ходят не внимать слову Божию, но других посмотреть и себя показать. Англиканская служба — лицедейство, не лучше театрального представления и даже, возможно, хуже; ведь театр не скрывает своего непотребства, а служба в церкви претендует на некую святость. Зарешёченные скамьи Ньюгейта с вонючими арестантами плохо подходили под это описание. Однако, когда Джеку надоело пялиться на открытый гроб, он перевёл взгляд на проход и обнаружил в дальней половине церкви открытые

скамьи, битком набитые посетителями. Не прихожанами (это были бы люди, живущие в Ньюгейте или его окрестностях), а именно посетителями: свободными лондонцами, которые с утра надели воскресное платье и по собственной воле отправились в Ньюгейт — место настолько смрадное, что прохожие, случалось, падали замертво от вони, доносящейся из-за решёток, — чтобы в чёрном помещении слушать, как тюремный проповедник два часа кряду вещает о смерти.

Никто не напускал на себя ложную, да и вообще какую бы то ни было скромность. Джек отлично знал, что все пришли глазеть на смертников, особенно — на него, поэтому без всякого стеснения пялился в ответ. Ординарий битый час толковал несколько жалких строк из послания апостола Павла к римлянам. Никто не слушал. Джек повернулся спиной к кафедре и по очереди смотрел в глаза каждому из сидящих, вызывая того на поединок — кто первый отведёт взгляд. Он выбивал их одного за другим, как мишени в тире. Осталась женщина, с которой Джек не мог встретиться глазами, потому что её лицо скрывала густая вуаль. Та самая женщина, что третьего дня приходила к вратам Януса. Тогда Джек не успел ни разглядеть её, ни тем более запечатлеть в памяти.

Сегодня, воскресным утром, у него был целый час. Лица её он не видел, но мог заключить, что она очень богата. Голову дамы венчал кружевной фонтанж, добавлявший ей шесть дюймов роста и служивший своего рода мачтой для крепления вуали. Платье было строгое, почти траурное, но Джек различал поблескивание шёлка: одна материя наверняка стоила не меньше, чем весь гардероб средней лондонской обывательницы. И ещё с дамой был бойцовского вида молодой человек, белокурый и голубоглазый. Не муж и не любовник. Телохранитель. С ним игру в гляделки Джек проиграл, но лишь потому, что задумался о другом. Что-то готовилось.

На середине Чипсайда

рассвет, 25 октября 1714
Утренние махинации под Сити

— ВАМ РОДЖЕР ЯВИЛСЯ во сне или вроде того?
— Простите?!

Сатурн открыл глаза впервые с тех пор, как четверть часа назад в Клеркенуэлле затолкал себя в карету. После этого он с каждым толчком на ухабе только оседал всё вольготнее. Теперь, поняв, что его спутник всю дорогу бодрствовал и

размышлял, Даниель ощутил лёгкую досаду.

Сатурн распрямился на полдюйма.

— Я подумал, может, вас удостоила загробным посещением тень покойного маркиза Равенскара.

— Мои сведения из другого источника.

— От графа Лоствителского?

— Молчите!

— Я так и подумал. Во всё время разграбления Клеркенуэлла лицо графа было красным от стыда.

— Ему придётся краснеть ещё сильнее, если пойдут слухи, будто он меня предупредил. Так что придержите язык!

— Хм. Я не помню, чтобы Равенскар затыкал другим рот угрозами. Скорее он был своего рода инженером и находил баланс интересов.

— Да, я не замена Роджеру. Или вы хотели сказать этим что-то ещё?

— Клеркенуэлл-корт был для меня тем же, чем церковь-община для единомышленников вашего отца. Теперь власти предержащие рассеяли собранную вами общину. Пуритане, попав в такой же переплёт, бежали в Массачусетс, дабы воздвигнуть город, стоящий наверху горы, или как уж они это называли. Вот и я намерен бежать

из этой треклятой столицы в место, которое для механика — всё равно что Плимутский камень для ваших единоверцев.

— Что за место, скажите на милость?

— Тоже Плимут, но более старый и не такой далёкий.

Кучер повернул вправо. Даниель не мог сообразить, где они едут, пока не увидел слева церковь Святого Стефана Уолбрукского. В одном-двух окнах уже горел свет; хорошо.

Сатурн, досадуя, что Даниель не клюнул на ловко заброшенный крючок, продолжил:

— Ведь мистер Ньюкомен строит свою машину в Плимуте, верно?

— Почти, — отвечал Даниель. — В качестве прощального подарка я куплю вам карту Западной Англии, и вы научитесь различать Плимут, Дартмут, Тинмут и прочая.

— Вот чёрт. Мутные какие-то края, — пробормотал Сатурн, внимательно и даже тревожно глядя на Даниеля.

Тот сказал:

— Я отрекомендую вас мистеру Ньюкомену самым благоприятным образом.

— Спасибо.

— Я не напишу ни слова про адские машины

и ночные вылезания из сортиров в публичных домах.

— Буду премного обязан.

— Не стоит благодарности… считайте, что я действую в собственных интересах, — отвечал Даниель. — Ньюкомену нужно меньше кузнецов, больше таких людей, как вы.

— Говорят, он строит чудовищную махину.

— Да. Однако ему потребуется помощь в изготовлении тонких деталей — клапанов и тому подобного. Самая работа для опустившегося часовщика.

— Отлично! Тогда давайте покончим со здешним делами! — Совершенно ободрённый Питер Хокстон, не дожидаясь, когда экипаж совсем остановится, распахнул дверцу.

На Даниеля повеяло запахом реки и сыростью. Карета стояла рядом с «Тремя кранами» — пристанью, расположенной неподалёку от того места, где в Темзу впадает затерянная речка Уолбрук. Параллельно берегу на бросок камня от воды тянулись склады; между двумя из них зиял узкий проход, который в темноте или в тумане легко было не заметить. Даниель увидел его только потому, что в конце улочки, справа, горел огонь. Примерно минуту огонь то появлялся, то исчезал:

Сатурн заслонял его головой и плечами. Потом заскрипела дверь, до слуха долетели огрызки слов, и дверь вновь скрипнула, теперь уже закрываясь.

Улочка вела в широкий двор перед зданием гильдии виноделов. Многие дома здесь, в частности тот, куда вошёл Сатурн, были бочарными мастерскими.

— Назад к церкви Святого Стефана Уолбрукского, — сказал Даниель кучеру.

УИЛЬЯМ ХАМ ЖДАЛ ИХ перед церковью, в которой его крестили. Он открыл дверцу и с сопением забрался на место, где прежде сидел Сатурн.

— Никогда ещё в церкви таким не занимались, — проговорил Уильям.

— Я уже объяснил викарию — и готов объяснить ещё раз, если понадобится, — что дело наше праведное и христианское. Будьте покойны.

— Умоляю, дядя, не надо о покойниках. По крайней мере, сегодня.

За разговором они проехали семьсот футов до входа в Английский банк.

— Я кое-что хотел тебе рассказать, — заметил Даниель, глядя, как племянник возится с ключами. У него было чувство, что пальцы Уильяма так медлительны и неповоротливы не только

от холода.

— Что именно, дядя?

— Я никогда с тобой прежде об этом не говорил, зная, что тема болезненная. Но когда после кончины твоего отца двери его подвала взломали по приказу лорд-канцлера, я был в числе тех, кто спустился внутрь и увидел, что там пусто.

— Странное вы избрали время, чтобы об этом вспомнить, — буркнул Уильям, рывком открывая дверь.

От досады кровь прихлынула к его пальцам и, возможно, к мозгам тоже — какой-никакой, а результат. Несколько минут Уильям успокаивал сторожа и убеждал того вернуться в постель, затем повёл Даниеля в подземный лабиринт банка. Даниель говорил на ходу:

— Ты кипишь возмущением, Уильям, и справедливо. Король Карл отнял у твоего отца золото и серебро, доверенное Дому Хамов вкладчиками. Дом разорился. Твой отец умер от стыда. Другие златокузнецы тоже пострадали, хоть и не так сильно. Они понимали, что у твоего отца не было выбора. Король прибрал к рукам золото, ссылаясь на божественное право монарха. Вот почему тебя всегда охотно брали на службу в банки — история вошла у златокузнецов в пословицу, и ты — жи-

вая ниточка, с нею связывающая.

— Так или иначе, — продолжал Даниель, — обнаружив, что подвалы твоего отца пусты, мы выбрались на крышу вашего дома…

— Мы?

— Твои дяди Релей, Стерлинг, я и сэр Ричард Апторп. И знаешь, что произошло тогда на крыше?

— Представления не имею.

— Сэр Ричард основал Английский банк.

— О чём вы? Банк основали двадцатью годами позже! Да и как может один человек основать банк на крыше златокузнечной лавки, которую подожгла толпа?

— Я хочу сказать, он понял, каким должен быть банк. Что банки не смогут работать, пока король вправе опустошать их подвалы всякий раз, как захочет пополнить свою казну. Мысль была революционная. Возможно, она не пришла бы ему в голову, не окажись он тогда рядом с сыновьями Дрейка — цареубийцы, врага божественных прав, поборника свободного предпринимательства. Когда сэр Ричард сложил одно и другое вместе, он создал то, что мы сейчас видим.

— Молодец, — отвечал Уильям. — Хотел бы я быть на его месте. Отомстить за семейную честь и всё такое.

Он остановился перед дверью в хранилище, где лежали привезённые из Брайдуэлла карты для логической машины, и теперь снова возился с ключами. Даниель забрал у племянника фонарь и, стоя, как Диоген, светил ему на руки.

— Ты был тогда слишком мал, чтобы основать банк, — напомнил Даниель. — А сейчас ты этим и занимаешься — мстишь за семейную честь.

— Как так? — спросил Уильям, аккуратно вставляя затейливый ключ в одну из замочных скважин.

— Король — или некий орган его правительства — намеревается захватить то, что я сюда положил. О, это не моя собственность. Но и не короля! У него нет на неё никаких прав! Если бы ты спасовал и позволил её забрать, семейное проклятие закрепилось бы — теперь уже навсегда.

Уильям Хам распахнул дверь в хранилище. Оттуда повеяло затхлостью и нечистотами — не так сильно, как из подземной канавы Флитской тюрьмы, но достаточно, чтобы пробудить воспоминания.

— После вас, дядя. — Голос Уильяма звучал гораздо спокойнее, чем минуту назад.

— Нет, Уильям, иди первым! Это твоя привилегия, твой подвиг, маленький, но великий. Сити

услышит о нём, и акции банка вырастут благодаря твоей стойкости. И что гораздо важнее: твой отец, если он тебя видит, говорит другим усопшим: «Се сын мой, в котором моё благоволение».

— Спасибо вам за ваши слова, ведь я знаю, что вы в такое не верите! — проговорил Уильям чуть хрипловато. Даниель отвёл взгляд, чтобы не видеть, как наполняются слезами складки под глазами племянника, поэтому вздрогнул и чуть не выронил фонарь, когда Уильям взял его за плечо. — Но я-то верю! И если мой отец смотрит сейчас с небес, то ваш родитель стоит рядом с ним и ликует, глядя, как вы тычете острой палкой в глаз нашему новоявленному королю!

ЧЕРЕЗ МИНУТУ ДАНИЕЛЬ остался один в храме Митры. Уильям Хам запер его снаружи.

В кармане Уильяма лежала только что подписанная бумага, согласно которой Даниель забирал бывшие на хранении ценности и освобождал банк от всякой за них ответственности. Бумага должна была задержать королевских людей хотя бы на то время, пока они будут её читать.

Ценности, разумеется, все, по описи, лежали на полу перед Даниелем. Золотые карты из Брайдуэлла привозили часто, маленькими партиями. После того как Даниель побывал в банке вместе с

Соломоном Коганом и узнал о существовании колодца, он изменил способ упаковки карт. Бочар, мистер Андертон (его мастерская располагалась неподалёку от здания гильдии виноделов) по заказу Даниеля изготовил специальные коробки. Выглядели они как барабаны или шляпные картонки, лёгкие, примерно фут диаметром и полфута высотой, и делались из мягких планок толщиной не больше восьмой части дюйма, согнутых в обручи, соединённых сыромятной кожей и запечатанных смолой. Каждая прибывала в Брайдуэлл, наполненная стружками (этот материал в избытке выходил из-под рубанков и скобелей мистера Андертона). Каждая была снабжена плотно пригнанной крышкой. Их составляли в углу картонабивочной мастерской возле стола, где мистер Хам взвешивал золото. После того, как готовую партию карт вносили в опись, из штабеля брали очередную шляпную коробку. Крышку снимали. В опилки укладывали стопку карт, завёрнутую в бумагу, а рядом — мешочек с выбитыми кружками. Сверху клали документы на эту партию. Крышку опускали на место, пришнуровывали сыромятной кожей и заливали по краям смолой. Теперь коробка была готова к отправке в банк.

Коробки не могли сравниться с настоящими бочками прочностью, водонепроницаемостью и ценой. Однако они проходили в колодец и могли некоторое время держаться на плаву. Большего Даниелю не требовалось. Как только Уильям Хам запер его, Даниель поднял дощатый люк колодца. Глаза застилал страх: вдруг что-нибудь разладилось и внизу никого нет. Целую минуту паника нарастала, потом внизу послышались голоса. Ещё через минуту Даниель увидел пляшущие отсветы, а затем и пламя свечи прямо внизу. «Готовы!» — донеслось из колодца.

Даниель бросил коробку в шахту. Он не услышал ни треска, ни грохота, только мягкий шлепок, с которым кто-то поймал коробку, затем короткий обмен репликами и смешок. «Готовы!» Даниель бросил вторую коробку. Сперва дело шло небыстро, с перерывами на лишние разговоры и извинения. Потом люди внизу, очевидно, выстроились в цепочку, и теперь всех тормозил Даниель, не успевавший достаточно быстро таскать коробки. В конце концов Питер Хокстон выбрался наверх и принялся ему помогать. Вдвоём они мигом перекидали оставшийся груз.

К тому времени, как всё Соломоново золото отправилось в колодец, за дверью уже разда-

вались сердитые голоса. Кто-то нетерпеливо дёргал замки и щеколды. Уильям Хам пообещал тянуть, сколько удастся, разыгрывая непонимание, споря и, наконец, делая вид, будто потерял ключ. Однако, по-видимому, все уловки уже себя исчерпали. Хуже того: Исаак, чей голос Даниель вроде бы различал за дверью, мог вскрыть любой замок, изготовленный человеческими руками. Оглядевшись в последний раз — не забыли ли они коробку, — Даниель свесил ноги в колодец и принялся нащупывать перекладины приставной лестницы. Сатурн полез за ним, но задержался в начале лестницы, чтобы опустить крышку люка — так сказать, закрыть за собой дверь. Сквозь небольшое отверстие, выпиленное на краю люка, была пропущена верёвка, привязанная к старинному сундуку рядом с колодцем. Сатурн убедился, что Даниель уже внизу и стоит в боковом туннеле, затем намотал верёвку на руки и спрыгнул. Он пролетел расстояние примерно в локоть и повис, ища ногами перекладину. Сундук сдвинулся и, хотелось верить, закрыл люк. Таким образом, они выгадывали или не выгадывали несколько лишних минут в зависимости от того, насколько тщательно будут обыскивать хранилище.

Сатурн убрал лестницу и, неся её под мышкой,

пошёл за Даниелем по берегу Уолбрука. Русло теперь отмечала редкая цепочка свечей. Впереди кто-то шлёпал по воде. Сатурн бросил лестницу и двинулся вслед за Даниелем, задувая по пути свечи. Оба внимательно смотрели, не осталось ли тут коробок.

Через считаные минуты они были уже перед водостоком церкви Святого Стефана Уолбрукского. Даниель пополз первым. Грубые руки ухватили его и выдернули наружу. На какое-то время он ослеп от резкого света. Однако нюх различал минеральный запах свежего раствора, а по мозолям на втащивших его руках Даниель угадал каменщика. С минуту слышались сопение и возня, пока тянули Сатурна, затем хохот, когда тот наконец пробкой вылетел из дыры. Сатурн вскочил на ноги и грозно велел всем уняться, сказав, что слышал отдающиеся вдоль Уолбрука голоса, один из которых почти наверняка принадлежит разгневанному сэру Исааку.

Даниель уже привык к свету и видел, что в крипте под церковью собралась небольшая толпа: каменщик с двумя помощниками, двое бочаров из мастерской мистера Андертона, Даниель, Сатурн и трое жохов из тех, что передавали коробки по цепочке. А также дряхлый сгорблен-

ный старик в отличном платье и прекрасном расположении духа, совершенно очарованный дырой в полу, откуда только что появилось столько нового и интересного.

— Я совершенно про неё забыл! — воскликнул сэр Кристофер Рен. — Я ваш должник, Даниель! С архитекторами такое случается сплошь и рядом, сами знаете — закончишь дело на девяносто девять процентов и отвлечёшься на другое. Вы совершенно правильно мне о ней напомнили!

К тому времени, как он закончил последнюю фразу, дыра уже исчезла. Каменщики вставили в неё заранее приготовленную свинцовую трубу и вывалили тачку замешанного на растворе щебня. Трубу вдавили так, чтобы она оказалась вровень с полом, и каменщик уложил поверх щебня несколько плит.

В другом конце помещения мастеровые мистера Андертона укладывали шляпные коробки в бочки. Те были пока недоделаны: сверху доски расходились, их держали временные обручи. С внутренней стороны досок были выпилены пазы для донца. В каждую бочку влезала дюжина коробок; чтобы они не гремели, свободное место забивали стружками. Сверху клали донце. В таком виде бочки перетаскивали во двор церкви,

который сообщался с другим двором, побольше, позади здания гильдии засольщиков, где ничто не могло быть более неприметным, чем несколько подготовленных к закупорке бочек.

К концу дня все бочки доставили в мастерскую мистера Андертона; его бондари загнули доски внутрь, зажав донца, и набили постоянные обручи.

Даниель устал, но не чувствовал сил подвести под делом черту, пока последнюю шляпную коробку не запечатали в последнюю бочку. Он устроился в углу мастерской и по мере надобности взбадривал себя кофе и табаком. Наконец работа была закончена. Бочки откатили к «Трём кранам», на каждой указали адрес получателя: LEIBNIZ-HAUS HANOVER. После всех забот и треволнений, доставленных золотом по пути с Соломоновых островов во дворец вице-короля Мексики, затем в Бонанцу, где оно было похищено, в Каир, Малабар и дальше по морям на обшивке, а потом в трюме «Минервы», очень странно было повернуться спиной и уйти, бросив его на открытой пристани. Однако теперь, замаскированное под солёную треску и доверенное надёжному экспедитору, оно было, пожалуй, в большей безопасности, чем когда-либо за свою

историю.

Ют «Минервы»

Полдень, вторник 26 октября 1714
Даниель и Даппа на «Минерве»

ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ ДАНИЕЛЬ побоялся возвращаться в Крейн-корт, зная, что Исаак, скорее всего, найдёт его там, будет костить, щучить, стращать и вообще всячески портить ему кровь. Поэтому он решил напроситься на «Минерву», благо та была куда ближе к «Трём кранам». Капитан и офицеры этого замечательного корабля уже давно настойчиво зазывали Даниеля в гости, а тот всякий раз находил предлог отказаться. Когда Даниель незадолго до полуночи заявился на лодке, его приняли с распростёртыми объятиями, напоили допьяна и уложили спать в прежней каюте.

Он проснулся с чувством, что проспал очень-очень долго, возможно, от непомерного облегчения, что наконец-то сбыл с рук треклятое золото.

Впрочем, Даниель знал, что проспал бы ещё дольше, если бы не грохот и чертыхания.

Он с неохотой влез во вчерашнюю заскорузлую одежду — она стояла колом и вполне могла слу-

жить подпоркой для тела. Незнакомый человек рывком открыл дверь каюты, не удосужившись даже постучать. Даниель как раз застёгивал пряжку на башмаке. Хозяин каюты и незваный гость уставились друг на друга, в равной степени шокированные. Незнакомец был молод, хорошо одет и благовоспитан — а потому в ужасе, что потревожил старика за церемонией утреннего туалета. Тогда почему же он здесь оказался? Ответ подсказывал значок с серебристой борзой.

— Сэр! Прошу прощения, но… э…

— По велению короля вы должны обыскать мою каюту? — предположил Даниель.

— Да, сэр. Именно так.

— И что же вы ищете, если мне позволено узнать? Сонного старика? Он перед вами.

— Нет, сэр, простите…

— Если вы скажете мне, что вам велено искать, я постараюсь помочь, чем смогу.

— Золото, сэр. Контрабандное золото.

— А… Боюсь, что всё золото здесь — у меня на пальце. — Даниель снял кольцо и протянул на ладони. — Вы его конфискуете?

Королевский курьер окончательно смутился.

— О нет, сэр, конечно, нет, это совсем не то, что мы ищем. Мне крайне неловко вас беспокоить,

но если бы вы соблаговолили… э…

— Выйти, чтобы вы могли тщательно обыскать каюту? Какой разговор, любезный, уже иду!

Даниель надел кольцо обратно на палец, встал и вышел на палубу.

Даппа, стоя на юте, смотрел в подзорную трубу на Тауэр. Вчера Даниель добрался до «Минервы», так толком и не поняв, в какой части лондонской гавани она находится. Сейчас, когда взошло солнце, он поразился, как близко они от Тауэра — почти на расстоянии окрика.

Даниель молчал, дожидаясь, пока Даппа его заметит; невежливо резко заговаривать с человеком, когда тот смотрит вдаль. Не стал он и спрашивать, где ван Крюйк. Местоположение капитана несложно было определить, поскольку тот безостановочно сыпал ругательствами на голландском, сабире и прочих известных ему языках, следуя по своему кораблю за курьерами короля.

— Могло быть хуже, — заметил Даппа после того, как из открытого люка вырвался особо мощный шквал ван-крюйковой брани. — Мы сейчас легко нагружены, и корабль не трудно тщательно обыскать. Две недели спустя мы будем набиты по шпигаты — тогда это была бы целая история.

Он опустил подзорную трубу и подмигнул Даниелю.

— Они царапают наши пушки.

— Что-что?!

— Какое-то высокопоставленное лицо вообразило, будто волшебное золото отлили в пушечные формы и выкрасили в чёрный цвет, чтобы вывезти под видом орудий. Солдаты скребут их шилом, убеждаясь, что они бронзовые.

— Невероятно.

— Некоторые члены команды теперь считают, что вы приносите нам несчастье.

— А, понятно. Первый раз, когда я поднялся на «Минерву», она подверглась нападению со стороны Чёрной Бороды. Теперь это.

— Да, док.

— Раз они такие суеверные, — сказал Даниель, — то наверняка слышали поговорку: «В третий раз повезёт».

— Что вы задумали? — спросил Даппа и тут же невольно улыбнулся.

— Из ваших слов я заключил, что «Минерва» скоро отплывает.

— Нам надо взять здесь кое-какой груз, потом мы идём в Плимут.

— Вот как?

— Прошлый раз, будучи там, мы ввязались в одно дельце, которое ещё тянется. Так или иначе, нам надо туда зайти. Потом на юг в Опорто. Затем через Атлантику в более тёплые широты.

— А весной снова в Лондон?

— Лондоном мы уже наелись, спасибо! Нет. — Даппа рассмеялся. — Наш путь лежит в противоположную сторону. Енох Роот изводит нас просьбами доставить его на Соломоновы острова…

— Но они на другой стороне земного шара от Бостона!

— Мы знаем, где они, — отвечал Даппа. — Однако нам как раз по пути.

— По пути куда?!

— На Квина-Кутту, где мы навестим старых друзей или их могилы, если так обернётся. Потом в Малабар, где у нас инвесторша, которая, можно смело предположить, уже рвёт и мечет. Она не принимает дивиденды в форме переводных векселей. Мы должны явиться к ней и сложить золото в слитках на берегу.

— Трудный случай.

— Трудный, пока мы зарабатываем деньги в Лондоне. Мы отправимся туда, сложим золото на её берегу, я с ней пересплю, и со временем она

нас простит.

— А дальше?

— Понятия не имею.

— Пассажир, которого вы повезёте на Соломоновы острова, сейчас занят моими делами в Бостоне — ликвидирует Институт технологических искусств, продаёт дом, уламывает кредиторов, расплачивается по счетам из трактиров, — сказал Даниель. — Пока он не отбыл к антиподам, мне надо бы посидеть с ним и подбить счета.

— Тогда вам следует отправиться к нему, и поскорее, ибо, уверяю вас, сюда он не поедет.

— Вы сказали, что собираетесь в Плимут?

— Да.

— У меня тоже есть дела в западных графствах, — сказал Даниель. — Может быть, встретимся там, и вы захватите меня в Америку.

— Может быть, — ответил Даппа, потом, изумившись собственной грубости, быстро добавил: — Нет, я-то не против. Но после сегодняшнего у ван Крюйка будет много вопросов. Он захочет узнать, где треклятое золото. Я позволю себе намекнуть вам, что лучший ответ: «Очень, очень далеко».

— У меня есть ещё более удачный: «Не знаю». — Даниель развёл руками, словно указывая на

тысячи кораблей в лондонской гавани, затем пожал плечами.

— Оно в пути, — догадался Даппа. — Вы его сплавили.

— Сплавил, как сплавляется металл в тигле, влил в общее движение судов на Темзе; оно отправится в Ганновер путями загадочными, но надёжными, подобно пиастрам, которые сходятся в Шахджаханабаде, как если бы обладали собственной волей.

Чем поэтичнее говорил Даниель, тем с меньшим вниманием слушал Даппа. Под конец он снова приставил к глазу подзорную трубу и навёл её на Тауэр.

— Что вы там высматриваете?

Ветер дул с севера, сильный и холодный, а Даниель вышел на ют без шляпы и парика. Поднявшись сюда, он отыскал глазами Тауэр, чтобы сориентироваться, но в продолжение всего разговора стоял к крепости спиной, подняв ворот, чтобы не задувало в затылок. Даппа подставил лицо ветру, решительно сдвинув брови. Он сказал:

— Легче вам повернуться и взглянуть самому, чем мне объяснять.

— Но у вас есть подзорная труба, а у меня нет!

— На таком близком расстоянии она не нужна.

— Тогда зачем вы в неё смотрите?

— Пытаюсь разобрать некоторые детали. На вершине Фонарной башни стоят люди, явно повинные в этом безобразии, — сказал Даппа.

— Вы про разгром на корабле?

— Как вы, возможно, заметили, курьеры постоянно поглядывают в ту сторону, ожидая указаний. Они общаются при помощи семафора. Сдаётся мне, один из людей на башне — сэр Исаак Ньютон.

Даниель не услышал ничего для себя удивительного, тем не менее повернулся лицом к ветру. Через мгновение он различил тех, о ком говорил Даппа.

— Где он?

— В середине, смотрит прямо на вас в подзорную трубу.

— О, чёрт! Наверняка он меня узнал! — вырвалось у Даниеля. Надо было сразу отвернуться, но его словно парализовало, как мышь под орлиным взглядом.

— Ничего-ничего, он опускает подзорную трубу… нет, я ошибся, он её уронил!

— Исаак уронил подзорную трубу?!

Даниель не мог поверить, что сэр Исаак Ньютон так обошёлся с оптическим прибором.

— Он стоит с открытым ртом. Смотрит в нашу сторону. Я не могу как следует разобрать выражение его лица… На ум приходят такие непочтительные выражения, как «ошарашен», «остолбенел»… О! О! О Боже!

— Что такое? Что там? — вопрошал Даниель, борясь с желанием выхватить у Даппы трубу. Невооружённым глазом он видел только, что люди на вершине башни бросились туда, где стоит Исаак — или стоял минуту назад.

— Он упал! Как подкошенный! Хорошо, что сосед справа его поймал.

— Поймал?!

— Он пошатнулся, — объяснил Даппа, — выронил подзорную трубу и чуть не рухнул следом за ней. Смотрите, послали за помощью… кричат солдатам внизу, машут шляпами… Господи, как же они мечутся! — Даппа наконец опустил подзорную трубу и взглянул на Даниеля. Чёрная кожа над переносицей пошла складками — он только сейчас сообразил, что увидел. В тот же миг понял это и Даниель — ему пришлось ухватиться рукой за фальшборт, чтобы устоять на ногах.

— Он жив, иначе бы они так не суетились, — проговорил Даппа. — У сэра Исаака Ньютона удар. Вот что я думаю.

— Возможно, просто обморок. Он последнее время недомогал.

— То, что я видел, больше похоже на удар. Онемела правая половина тела — вот почему он выронил трубу и у него подогнулась правая нога. В любом случае обморок или удар, полагаю, был вызван тем…

Тут Даппа прикусил язык и сморгнул.

— Тем, что он увидел моё лицо, когда я обернулся, невольно подтвердив худшие его страхи, — сказал Даниель. — Страхи, которыми он мучился с тех пор, как я приехал в Лондон и влез в мрачную историю с золотом Соломона. Дьявол! Я убил своего друга!

— Он не умер, и он вам не друг, — поправил Даппа.

— Не будете ли вы так добры подозвать лодку? — спросил Даниель. — Думаю, Исаака повезли к племяннице; я поспешу туда, чтобы защищать его от врачей.

Храм Вулкана

Среда, 27 октября 1714
Даниель навещает Исаака на одре болезни

ВЕЧЕРОМ ВТОРНИКА У ДАНИЕЛЯ разыгрался

несвойственный ему оптимизм. Каким-то образом он убедил себя, что у Исаака не обморок и не удар, а обычный приступ панического страха, вроде тех, какие случались раньше, и отправился на Сент-Мартин-стрит в спокойной уверенности, что Исаак дома. Однако слуга сообщил, что хозяин в особняке покойного Роджера Комстока на попечении Катерины Бартон.

Даниель поехал туда в среду и застал мисс Бартон в крайнем смятении. Только сейчас он задним числом понял, что Исаак чудом дотянул до сегодняшнего дня. Здоровье его пошатнулось ещё в августе, когда Лейбниц столкнул их за ограду. Исаак избежал смерти в фосфорном огне, но повредил рёбра и в следующие недели не мог глубоко дышать. Потом он подхватил простуду, которая из-за невозможности откашливать мокроту по причине боли в рёбрах перешла в воспаление лёгких.

Вчера с Исааком, вероятно, приключился удар, но не очень сильный. По словам мисс Бартон, её дядя какое-то время приволакивал правую ногу, но это прошло. Её больше пугал быстрорастущий жар.

— Жар?! — воскликнул Даниель и выразил желание немедленно увидеть больного.

Исаак настрого запретил пускать к нему врачей, и Катерина Бартон следовала дядиной воле; однако Даниель Уотерхауз был не врач.

Исаак в тонкой ночной рубашке лежал, разметавшись, на кровати под балдахином. Одеяла он сбросил на пол, и кто-то открыл окно, чтобы в комнату проникал холодный воздух. Даниелю пришлось сунуть руки в карманы, чтобы не озябли.

— Исаак? — позвал он.

Больной чуть повернул голову, длинные белые волосы на подушке легли по-новому. Глаза под полузакрытыми веками сфокусировались. Однако смотрели они не на Даниеля. Тот подошёл ближе. Исаак дышал часто и неглубоко. Даниель нагнулся и приложил ухо к его груди. От неё шёл жар, как от вынутого из печки хлеба. В основании Исааковых лёгких скворчало, как будто там жарят ветчину. Сердце билось слабо, но быстро, с пугающими перебоями и паузами.

Во время осмотра Даниель не мог не заметить, что грудь Исаака в разрезе ворота покрывает розовая сыпь. Он сел на край кровати и принялся расстёгивать на больном рубашку. Глаза Исаака, а затем и голова, шевельнулись. Он следил за руками Даниеля, пока тот возился с пуговицами на

его вздымающейся груди. Когда Даниель раздвигал полы рубашки, Исаак остановил взгляд на его правой руке. Даниель узнал натурфилософское любопытство.

Всё туловище Исаака покрывала сыпь. Особенно заметна она была слева под мышкой.

— Когда вы последний раз были в Ньюгейтской тюрьме? — спросил Даниель; он видел, что у больного временное просветление.

— А! — проговорил Исаак. В следующие несколько минут ему пришлось откашливать мокроту, чтобы прочистить горло для дальнейших слов. — Так мы с вами сошлись в диагнозе. Тюремная лихорадка. Очень утешительно. Мы так редко в чём-нибудь сходимся.

Фразы разделялись долгими паузами.

— Когда вы последний раз… — вновь терпеливо начал Даниель.

Исаак ответил, не дав ему договорить:

— Неделю назад. Я говорил с Джеком в подвале смертников.

— Обычно инкубационный период тюремной лихорадки…

— Чуть дольше. Да. Но я стар. И ослаблен другими болезнями. Не педантствуйте. У меня мало времени. Будем считать, что у меня тюремная

лихорадка. До улучшения предстоит ухудшение. Если улучшение вообще будет. Сейчас начинается озноб. Пожалуйста, застегните мою рубашку. Правая рука плохо меня слушается.

Даниель не мог отказать в такой просьбе, хоть и подозревал, что Исаак хитрит и на самом деле просто хочет ещё раз взглянуть на его руку с кольцом. Ругая себя, что не догадался заранее спрятать кольцо в карман, он принялся торопливо продевать пуговицы в петли.

— С виду тяжёлое, — заметил Исаак. — Вы знаете, о чём я. Палец не оттягивает?

— Бывает.

— Кто вам его подарил? Очевидно, не женщина.

Даниель застегнул последнюю пуговицу и спрятал руки в карманы.

— Я тоже хочу кое-что вам дать. — Исаак следил взглядом за кольцом, пока оно не исчезло в кармане. Теперь он смотрел Даниелю прямо в глаза.

— Что, Исаак?

— Не столько дать, сколько представить вашему вниманию, — поправил себя Исаак. — Гуковы бумаги. Найденные в Бедламе. Привезённые сюда. Не самое близкое… и не самое далёкое… для меня место. После смерти… Роджера… я стал

бывать здесь чаще. Я не мог работать… пока он стоял за спиной… и задавал вопросы. Так вот… я изучил документ… который был наживкой… на арабском аукционе… этим летом. Вы знаете, о чём я. Гуков отчёт о пациенте… который умер во время операции… и был воскрешён… другого слова не подберёшь… неким составом. Поразительный документ.

— Вы изготовили поддельную версию для де Жекса, — сказал Даниель, — но…

— Я вернулся к нему. В последние недели. Когда моё здоровье ухудшилось. Я добавил много примечаний. Расшифровал непонятное. Прояснил то, что Гук, не будучи алхимиком, понять не сумел. Знаю, на ваш взгляд это всё чушь. Но если бы вы позаботились о моих записках… проследили, чтобы они попали в нужные руки… мне было бы гораздо спокойнее.

— Хорошо, конечно. Где они?

— В библиотеке Роджера. Стол у окна. Верхний ящик справа.

— Я сейчас же за ними схожу, — пообещал Даниель, — и отвезу их к вам домой.

— Спасибо, — отвечал Исаак. — Положите их у меня в лаборатории. Вместе с остальным.

— С чем остальным? — спросил Даниель.

Однако он ясно видел, что ответа не получит. Исаак сжался в комок и трясся, как вылезший из воды пёс. Даниель позвал Катерину Бартон. Они вместе собрали с пола одеяла и укрыли Исаака.

— Он попросил меня позаботиться о некоторых своих делах, — сказал Даниель, чтобы оправдать поспешный уход. — Я напишу в Тайный совет, что Исаак болен и не сможет присутствовать послезавтра на испытании ковчега.

— Нет! Ни в коем случае! — Мисс Бартон положила руку ему на запястье. Она знала, что её слова проникают в мозг любого мужчины, как пули, если при этом его коснуться.

— Мисс Бартон! — воскликнул Даниель. — Посмотрите на несчастного! Он не может…

— Дядя Исаак сказал мне, что должен присутствовать на испытании ковчега во что бы то ни стало. Даже если умрёт.

— Простите, но вы же не думаете это исполнить?

— «Даже если я умру, — сказал он мне, — усадите моё тело в портшез и отнесите в Звёздную палату». Именно это, доктор Уотерхауз, я и намерена исполнить.

— Что ж, Бог даст, он будет ещё жив.

Даниель мягко высвободил руку из нежных

пальцев мисс Бартон и направился в библиотеку Роджера.

Ньюгейтская тюрьма

28 октября 1714
Канун казни

> Следом звонарь, служащий прелюдией к палачу, подобно тому, как тоскливой мелодии предшествует бойкая увертюра, приходит терзать их мерзопакостными куплетами, будто людям в таком состоянии только и забот, что слушать несвоевременные стихи; вставши под окном, он исполняет следующую серенаду под аккомпанемент колокола из «Чёрного пса».

«Мемуары достонегоднейшего Джона Холла», 1708

ПОСЛЕ ОГЛАШЕНИЯ СМЕРТНОГО приговора тюремщики заперли двери Джековых апартаментов на замок и поставили снаружи вооружённых людей. Ему ни разу не дали спуститься в «Чёрный пёс». Теперь единственной связью с весёлой компанией в добром старом кабачке служил звон колокола над барной стойкой, извещавший

посетителей, что им пора расходиться. Под его звуки Джек обыкновенно подносил к губам стакан портвейна из довольно большого запаса вин, присланных ему за последнюю неделю восторженными почитателями.

Сегодня, впрочем, его вечерний ритуал грубо нарушил звон колокольчика в сводчатом туннеле под «замком». В туннель выходила решётка подвала смертников. Завтра на Тайберне предстояло умереть не одному Джеку. С ним отправлялись шестеро узников «бедной стороны», у которых не нашлось средств или таинственных друзей, чтобы перебраться из подвала в более уютное место. Пользуясь тем, что слушателям некуда деться, полуночный звонарь исполнил перед решёткой такие вот тошнотворные стихи:

Все те, кто в этих стенах смерти ждёт, Приготовляйтесь, скоро ваш черёд. Грехи оплачьте, се последний час, Покайтесь, или ад поглотит вас. Молитесь, бдите, чтобы вам готовым Предстать заутра пред Судьёй суровым. Когда же с духом разлучится плоть, Вас грешных да помилует Господь!

Покончив со своими обязанностями здесь, звонарь покинул смрадный туннель и, пройдя в арку, встал посередине Холборна, точно под трой-

ным окном Джека Шафто, словно влюблённый, готовый пропеть серенаду даме сердца. В обычное время это было бы дело тёмное (поскольку солнце уже давно закатилось) и опасное (люди, вставшие перед воротами лондонского Сити, обычно долго не проживали). Однако сегодня маневры звонаря освещала толпа лондонцев с факелами, перегородившая улицу, так что, если какой-нибудь кучер по глупости и решил бы проехать этим путём, лошади шарахнулись бы от огненного заграждения. Ньюгейтские ворота заперли на ночь. Звонарь стоял в полукруге огня, изумлённо моргая — обычно он исполнял свои обязанности в менее многолюдной обстановке.

Джек с самого вынесения приговора вёл жизнь затворника. В первые дни на Холборне время от времени собиралась толпа, видимо, привлечённая слухами, что Джек Шафто покажется в окне, словно король на балконе Сент-Джеймсского дворца. Её неизменно разгоняли констебли; Джека никто так и не увидел. Однако сегодня был особый случай: часто ли в жизни Джека будут вешать не до полного удушения, холостить, потрошить и четвертовать? Минуту или две он зажигал свечи — ещё одна редкая для Ньюгейта роскошь; те обожатели, у которых не было

«желтяков» (то есть гиней), чтобы слать Джеку портвейн, кое-как находили «треньк» (трёхпенсовик) на сальную свечку, чтобы ему после стакана на сон грядущий не мочиться мимо ночной вазы. Свечей уходило мало, но беречь их теперь было незачем, и Джек зажёг все. Комната немедленно наполнилась едким дымом и запахом прогорклого сала, живо напомнив Джеку его детство на Собачьем острове. В одном из окон была окованная железом форточка. Джек открыл её, чтобы выпустить дым. Это немедленно приметила толпа на Холборне, возомнившая, будто у Джека Шафто в последнюю ночь нет других дел, кроме как с ней базарить. Треклятый колокол зазвенел снова, унимая ропот толпы, и звонарь прокричал свои куплеты.

Джек был готов. Он прижался лицом к решётке и заорал:

Ты, ничтожество, звеня, Хочешь в ад загнать меня. Завтра с неба в это время Плюну я тебе на темя. Ведь если правду нам попы вещают, В Раю всё нюх, и взор, и слух ласкает, А коли так, то значит, место это — Любое, где тебя, паскуды, нету.

Стишки очень понравились всем, кроме звонаря, который отступил в направлении церкви

Гроба Господня, слегка ускорив шаг, когда в спину ему полетели кал и недоброкачественные овощи.

После бегства звонаря под окном остались только добропорядочные члены толпы, разделённые склонностью убивать, насиловать и обворовывать друг друга, но сплочённые любовью к Джеку. Они определённо чего-то от него ждали. Несколько компаний затянули было песенки в его честь, на разные мотивы, но общего хора не получилось. Джек (для них — смутный силуэт на фоне дымной, озарённой свечами комнаты, наполовину скрытый массивными железными прутьями) замахал руками, а когда толпа немного притихла, снова прижался лицом к решётке и закричал:

— Ночной колокол пробил, джентльмен из церкви Гроба Господня пропел мне свои куплеты, я удаляюсь спать. И вам советую! Завтра у нас длинный и хлопотный день! Утром у меня встреча на Тайберне, куда я вас всех приглашаю! А вечером ещё одна, в Коллегии врачей. Ибо хотя тело моё четвертуют, предполагается, что голова в ходе церемонии останется более или менее целой, и натурфилософы за углом — по Ньюгейт-стрит, свернуть в Уорик-лейн, напротив

Грейфрайарз, первый проулок направо, большое здание с золотой пилюлей наверху — вскроют мой череп, чтобы поискать причину, отчего я такой злодей.

Гневный рёв, нарушивший тишину и покой его благородного обиталища, так возмутил Джека, что он немедля захлопнул форточку. И вовремя, потому что через мгновение пошёл град. Звон чего-то мелкого и металлического рос и рос, так что заглушил крики толпы. Джек из любопытства вновь подошёл к решётке и увидел на подоконнике сугробы пенсов и фартингов. Было здесь даже несколько шиллингов. Ему бросали деньги — деньги, чтобы оплатить христианское погребение, вырвать Джека из лап Коллегии врачей. А те, у кого не было даже фартинга, бежали, потрясая факелами, по Ньюгейт-стрит в поисках первого поворота направо, о котором говорил Джек. Коллегии врачей предстояла долгая, нескучная ночь, зато Джек Шафто остался в тишине и получил возможность хоть немного поспать.

Дом сэра Исаака Ньютона на Сент-Мартинс-стрит

Вечер четверга 28 октября 1714
Даниель и Тредер в лаборатории Ньютона

— МИСТЕР ТРЕДЕР, — объявил дворецкий.

Даниель поднял голову и обернулся.

Мистер Тредер стоял в дверях лаборатории, держа шляпу в руках. Он втянул голову в плечи и озирался, как будто ждал, что сэр Исаак Ньютон выскочит из-за горящей печи и превратит его в тритона.

— Его здесь нет, — мягко проговорил Даниель. — Он в доме своей племянницы.

— Выздоравливает, если верить слухам, после удара? — Мистер Тредер, осмелев, переступил порог.

Дворецкий закрыл за ним дверь и удалился.

— Мы поможем ему выздороветь, вы и я. Прошу, прошу, заходите! — Даниель замахал одной, потом обеими руками.

Мистер Тредер повиновался с крайней неохотой. Он впервые видел алхимическую лабораторию. Раскалённые печи, запахи, открытое пламя, колбы и реторты с загадочными наклейками — всё смутно его пугало. Даниель на мгновение почувствовал то, что должен испытывать заштатный алхимик, когда к тому заходит доверчивый профан и ошеломлённо застывает на пороге: гаденькое самодовольство и желание обобрать несчастного до нитки.

Но увы, у него были другие цели, ради которых мистера Тредера следовало успокоить.

— Вам, наверное, такая обстановка непривычна. Мне повезло: я делил кров с Исааком в те годы, когда он превратил нашу общую комнату в одну дымную лабораторию. То, что вы видите вокруг, появлялось у нас постепенно, и я мог спрашивать Исаака, как оно называется и для чего служит. — Даниель рассмеялся. — Стыдно признаться, но здесь я чувствую себя как дома!

Мистер Тредер позволил себе сухой смешок.

— Должен сказать, и выглядите вы как дома, что весьма удивительно после всех ваших нападок на алхимию.

Даниель задумался, как мистер Тредер воспринял бы известие, что завтра он, Даниель, возможно, станет величайшим алхимиком с той поры, как Соломон отправился на Восток. Впрочем, есть вещи, о которых заранее лучше не говорить.

— Ожидается ли, что сэр Исаак сможет присутствовать на испытании? — спросил мистер Тредер.

— Он будет там всенепременно.

— Рад слышать, что его здоровье улучшилось.

Даниель промолчал. Здоровье Исаака не улуч-

шилось. Складывалось впечатление, что тюремная лихорадка подточила его сердце. В детстве Исаак пытался выстроить вечный двигатель, видя в нём модель сердечной мышцы. Однако Даниель подозревал, что Исааково сердце скоро остановится. Люди не могут построить вечный двигатель, поскольку создают механизмы только из неживого вещества. Сердце работает дольше любой машины, ибо то, из чего оно сделано (по крайней мере, если верить алхимикам), пронизано вегетативным духом.

— Будем делать деньги! — воскликнул Даниель. — Формы принесли?

Его слова были настолько опасны, что мистер Тредер втянул голову в плечи.

— У вас есть золото? — проговорил он.

Даниель картинно взмахнул правой рукой, потом снял золотое кольцо и без всяких церемоний бросил его в тигель. Затем взял щипцы и приготовился убрать тигель в маленькую, гудящую, пышущую жаром печь.

— Золото полновесное? — осведомился мистер Тредер.

— Более чем. — Даниель поставил тигель в раскалённое нутро печи. — Оно тяжелее чистого.

Мистер Тредер заморгал.

— Боюсь, что так не бывает.

— Через минуту-две сможете убедиться сами.

— Как такое возможно?

— Его поры, в обычном золоте пустые, заполнены божественной квинтэссенцией.

Мистер Тредер пристально посмотрел на Даниеля, пытаясь понять, не шутит ли тот; однако Даниель и сам не знал. Наконец мистер Тредер ему поверил: не потому, что взвесил золото, и не потому, что нашёл алхимическое объяснение убедительным, а по житейской политической логике.

— Ага! Ага! Вы хотите, чтобы я… у вас что-то на уме! Ведь я угадал, да?

— У нас у всех что-нибудь на уме. — Даниель старательно изобразил ледяной взгляд.

Он боялся, что мистер Тредер пустится в фарисейские разглагольствования, но тот сдержался.

— Коллегия горожан избрала вас на роль взвешивателя в завтрашней церемонии, не так ли?

— Доктор Уотерхауз, вы на удивление хорошо осведомлены о том, что якобы хранится в строжайшей тайне, и я не буду выставлять себя дураком, отрицая ваши слова.

— Получается, что вы оппонент, противник директора Монетного двора.

— Таким образом с древности ставят заслон корысти служащих Монетного двора, — охотно согласился мистер Тредер. — Это долг и почётная обязанность златокузнецов.

— Возникает пикантная ситуация, — заметил Даниель, — если вспомнить, что несколько недель назад сэр Исаак мог отправить вас на Тайберн заодно с Джеком Шафто, но пощадил.

Мистер Тредер издал свистящий звук, который почти утонул в очень похожем гудении печей. В августе он был унижен, раболепен, даже вызывал некоторую гадливость. Теперь он свыкся с мыслью, что дело замяли, и нашёл напоминание крайне невежливым. Даниель на миг отвлёкся, глядя в печь. Кольцо по большей части осталось прежним, только края, соприкасающиеся со стенками тигля, начали оплавляться.

— Показать на меня могут лишь Джек и его сыновья, — напомнил мистер Тредер. — Джек меня не упомянул, и через несколько часов он умрёт. Сыновья бежали…

— Знаю, — сказал Даниель. — Я устроил им побег. Мне известно, где они. Перед тем, как они покинули страну, я взял с них письменные показания под присягой, с печатью и подписями свидетелей. Там говорится, что вы чеканили

фальшивую монету. Кстати. Думаю, что можно приступать. Давайте форму.

Мистер Тредер сунул руку в карман.

— Просто иметь её у себя — смертный приговор. Но коли уж мой смертный приговор всё равно у вас за пазухой, это ничего не меняет.

Он вытащил глиняный цилиндр, диаметром чуть побольше гинеи и длиной в палец. Посередине цилиндр был расколот или разрезан, потом замазан глиной и обожжён. Мистер Тредер положил его на стол, повернул вверх небольшим коническим отверстием вроде воронки и прижал с боков огнеупорными кирпичами.

— Прошу, — указал он, — но приличную гинею так не сделаешь!

— Нам не нужно, чтобы она была очень похожей, — сказал Даниель, — всё равно мы её порубим.

Мистер Тредер вздрогнул, потом озадаченно наморщил лоб, наконец понял и кивнул. Даниель снова взял щипцы, вытащил светящийся тигель, для устойчивости опёр щипцы на один из кирпичей и повернул запястья. Из тигля хлынуло жидкое пламя. Капля-две попали мимо, но б***о***льшая часть золота влилась в отверстие.

— Ну вот, теперь мы в одной лодке, — заметил

мистер Тредер. — Вы только что совершили государственную измену.

— У нас это семейное, — признал Даниель.

Он вытряс из тигля последние капли золота; они упали на стол и тут же застыли. Даниель отставил тигель и закрыл дверцу печи, затем пинцетом собрал всё пролитое золото в чашку. После этого он взял тёплую форму и разломил пополам. Гинея выпала и покатилась по столу. Как предупреждал мистер Тредер, она получилась не очень хорошей: золото неравномерно заполнило форму, и рисунок читался не везде. Гурт не выдерживал никакой критики, а с одного края остался воздушный пузырёк. Там, где у формы было отверстие, у монеты получился отросток. Даниель бросил её в миску с водой, чтобы остудить, потом вытащил пальцами и попытался разрезать большими ножницами. Ему не хватило сил; он уже подумал, что придётся посылать за Сатурном. Однако мистер Тредер, почувствовав азарт, зажал его руки в своих. Сопя, как два борова, они давили, пока гинея — чпок! — не разлетелась пополам. Даниель сделал так, чтобы отросток и прочие серьёзные дефекты остались на одной половине — её он положил в чашку вместе с другими излишками. Вторая

половина выглядела куда презентабельней. Даниель поднял её с пола и снова разрезал пополам, а потом ещё раз, примерно как пиастр делят на реалы, только здесь кусочки получались мельче, неправильной формы. Когда мистера Тредера удовлетворил выбор форм и размеров, кусочки сложили на весы и взвесили. Затем он и Даниель записали результат, каждый на своём листке.

На этом оба, не сговариваясь, решили, что дело завершено. Даниель повёл гостя к выходу. Мистер Тредер приехал в портшезе. Никто не должен был знать, что взвешиватель заглядывал к директору Монетного двора, — это сразу вызвало бы самые серьёзные подозрения.

— Вы как-то подстроили, чтобы выбрали именно меня? — поинтересовался мистер Тредер.

— Я употребил всё своё влияние.

— Потому что за мной грешок.

— Нет. Вероятно, на любого члена коллегии можно было так или иначе надавить, — сказал Даниель. — Я вспомнил, что вы умеете показывать фокусы. Надеюсь, вам удастся проделать с кусочками монет то же, что и с монетами.

— На самом деле ловкости требуется меньше, чем все думают. Главное — отвлечь внимание зрителей. Но я тем не менее сегодня поупраж-

няюсь.

— А я поупражняюсь в том, чтобы отвлекать на себя внимание, — пообещал Даниель.

— Естественно у вас не выйдет, разве что будете практиковаться всю ночь.

— Мне так и так не спать, — сказал Даниель, — занимаясь противоестественными делами самого различного свойства.

Пятница
29 октября 1714

Вестминстерское аббатство
утро
Даниель в Вестминстерском аббатстве

ОН ВСТАЁТ ЧЕРЕСЧУР РАНО, поскольку думает, что улицы запружены народом из-за предстоящей казни. Это не так. Столько людей хотят увидеть, как Джека Шафто потрошат, холостят и четвертуют, что все встали рано, чтобы занять места в первых рядах. Даниелю надо всего лишь выйти из особняка сэра Исаака Ньютона, повернуться спиной к глухому рокоту, отдающемуся от небесного свода на севере, своего рода полярному сиянию народного гласа, пройти немного по тихим улицам, и вот он уже на площади к северо-западу от аббатства.

Воистину, надо быть очень старым и чудным человеком, чтобы заглянуть сюда по официальному делу. И впрямь, цель Даниеля настолько необычна, что он замирает, не зная, к какому входу направиться, к какому пресвитеру обратиться за помощью. Впрочем, здесь и без того содом. Рабочие ещё разбирают скамьи и галереи, воздвигнутые для коронации. Ирландцы и кокни выносят огромные доски. Духовных лиц не видать. Западный вход меньше северного запружен рослыми молодцами с тесинами на плечах. Даниель останавливает выбор на нём и через несколько мгновений обнаруживает, что вступил на плиту, под которой без малого год покоится Томпион. Ещё одна удивительная черта нынешнего века: часовщика схоронили там, где поколение-другое назад мог лежать лишь рыцарь или военачальник.

Оставив прах Томпиона позади, Даниель ныряет под движущуюся доску и выходит в клуатр — квадратный двор, обрамлённый крытыми каменными галереями, но сам пребывающий во власти стихий. Сегодня эти стихии — яркое осеннее солнце и холодный порывистый ветер. Даниель прячет руки в карманы, нахохливается, шаркает до угла, поворачивает вправо и идёт до

конца восточной галереи. Здесь в стене имеется средневековая дверь, сплошь окованная железом. На засовах, как медали на груди военачальника троллей, висят кустарные замки. У Даниеля ключ только от одного, а больше никто не пришёл. Он мёрзнет. «На этих равнинах от нестерпимого холода гибли люди вдвое вас моложе и вдвое упитанней». Галерея защищает от солнца на востоке, но не от северо-западного ветра, который дует прямо через двор и едва не швыряет Даниеля на дверь. Поэтому тот возвращается на несколько шагов и ныряет в первую же арку. За ней коридор: здесь не дует, но холодно и темно. Дальний конец манит светом и теплом. Даниель идёт туда и, к своему изумлению и восторгу, оказывается один в красивейшей комнате Великобритании.

Всякий другой британец знал бы заранее, что это зал капитула. Однако из-за своего революционного воспитания Даниель здесь сегодня впервые. Помещение восьмиугольное; стены почти целиком состоят из витражей — структурный нонсенс, учитывая, что свод наверху — несметные тонны камня. Даниель приходит к выводу, что всю тяжесть держат восемь колонн по углам и одна в центре, такие тонкие, что, кажется, неизбежно должны подломиться. Однако

залу лет четыреста, и только самый недоверчивый эмпирик станет оглядывать его с такими мыслями. Свод не рухнет ему на голову. Благодаря витражным окнам зал прогрет солнцем. Даниель выходит на орбиту вокруг центральной колонны. В памяти всплывают кое-какие уроки; вроде бы здесь собирался Тайный совет, а затем и палата общин, пока монахи, устав от гвалта, не выселили парламентариев на другую сторону улицы, в Вестминстерский дворец. Дыхание и шаги одинокого старика разносятся гулким эхом; можно вообразить, какой шум производили здесь политики.

Первые несколько витков по орбите его внимание занимают яркие витражи, затем он переносит взгляд на деревянные панели под окнами. Они расписаны сценами, в которых Даниель, почти не глядя, узнает Откровение этого опасного безумца, Иоанна Богослова. Четыре всадника на маркированных цветом конях, Зверь убивает перепуганных святых, заблудшие люди толпятся в очереди, чтобы получить начертание на лоб и руку. Блудница пьёт кровь загубленных святых, потом её сжигают. Христос на белом коне возглавляет небесное воинство. Многое настолько поблекло от времени, что отдельные эпизоды

может разобрать лишь Даниель, которому их вбили в детстве, чтобы он, как актёр, ожидающий выхода, узнавал текст пьесы и был готов к своей реплике, когда всё описанное будет происходить на земле. В некоторых сценах с участием толпы среди выцветшей и облупившейся краски остались только глаза: то сонно потупленные, то возведённые горе, одни высматривают земную выгоду, другие следят за деяниями ангелов, третьи погружены в раздумья о смысле происходящего. Даниель невольно видит в росписях последний знак Дрейка: напоминание, что даже Исаак по-прежнему не знает день и час седьмого трубного гласа, и, невзирая на все методичные приготовления отца, Даниелю ещё только предстоит выйти из-за кулис и сыграть назначенную роль.

Звук шагов и весёлые голоса в коридоре пугают больше, чем топот Четырёх всадников; они означают, что сейчас Даниелю придётся вежливо общаться с малознакомыми людьми. Он поворачивается к двери. Входит секретарь первого лорда казначейства, писарь при сборе податей и аудитор счётной палаты (в одном лице), богато разряженный. Под руку с ним выступает почти столь же пышно одетый заместитель

управляющего королевским двором по делам счётной палаты. У обоих, разумеется, есть имена и жизненные обстоятельства, но первые Даниель забыл, а вторыми не интересуется. Это тот редкий случай, когда важны только должности.

— Доброе утро, доктор Уотерхауз! — восклицает секретарь (и прочая). — При вас ли ключ?

Вопрос риторический (не будь у Даниеля треклятого ключа, он бы тут не стоял), но сопровождается подмигиванием. Цель — завязать дружеский разговор и, возможно, прощупать собеседника.

— При вас ли ваш, сэр? — спрашивает Даниель.

Сокрушительно-бодрый писарь при сборе податей (и прочая) выхватывает ключ из кармана. Чтобы не отставать, заместитель (и так далее) похлопывает себя по груди. Ключ висит у него на ленте.

Даниелев ключ в левом кармане камзола, крепко зажат в кулаке. В правом кармане другая рука стискивает деревянную коробочку, вроде шкатулки для драгоценностей — она позаимствована у Исаака из кладовки часа два назад. На Даниеля накатывает головокружение; он расставляет ноги, чтобы не грохнуться и не разбить голову

о древние каменные плиты. Ключ и ларец, обряд шести замк***о***в — он как будто провалился в тайную, неопубликованную главу Откровения, может быть, даже в целую книгу, апокрифическое продолжение Библии.

Из двора доносятся ещё голоса; кворум собрался или вот-вот соберётся. Приметив интерес Даниеля, писарь при сборе податей отступает вбок и отвешивает полупоклон, словно говоря: «Пожалуйте вперёд» — из почтения к летам, должности или по общей угодливости, Даниелю, который представляет здесь казначейский совет, неизвестно. Он выходит в продуваемый ветром двор, писарь при сборе податей и заместитель управляющего королевским двором — за ним. У двери в хранилище ковчега собрались люди. Некоторые расположились на каменных скамьях, другие стоят на могильных плитах второразрядных знаменитостей. При виде Даниеля и его спутников все встают и поворачивают головы — как будто он здесь главный! Впрочем, учитывая, чт***о*** у него в кармане, так и есть.

— Доброе утро, господа, — произносит Даниель и ждёт, когда уляжется ответный гул. — Все в сборе?

Он замечает духовное лицо в пышном обла-

чении, но не епископа (потому что без митры). Видимо, это и есть настоятель Вестминстера. Вперёд выходят ещё два джентльмена с ключами. Молодые причетники стоят с фонарями наготове. Чуть в сторонке дожидаются знатные ганноверские господа, ничего не понимающие и насупленные. С ними представительного вида английский герцог, в чьи обязанности входит давать пояснения, и, в роли переводчика, Иоганн фон Хакльгебер.

— Тайный совет его величества потребовал провести испытание ковчега, — говорит Даниель, — и, если никто не возражает, я предложил бы без лишних проволочек забрать всё необходимое и отнести в Звёздную палату.

Возражений не слышно. Даниель выразительно поворачивается к закрытой двери. Секретарь первого лорда казначейства, писарь при сборе податей и аудитор счётной палаты встаёт по правую руку от него, другой ключарь — по левую. Они образуют второй эшелон после трёх официальных лиц с ключами сразу у двери: настоятеля Вестминстерского аббатства, заместителя управляющего королевским двором по делам счётной палаты и представителя гильдии златокузнецов. Настоятель вставляет свой ключ (висящий у него

на шее на золотом шнуре) в один из трёх замков на первой, видимой двери, и поворачивает. Следом то же выполняют другие два ключаря. Замки торжественно уносят и оставляют на скамье под надзором важных персон. Дюжий причетник снимает засов, дверь отворяют.

В двух шагах за нею вторая дверь, такая же основательная. Даниель подходит, вынимает ключ и методом проб и ошибок узнаёт, от какого он замка, затем, отперев замок, отступает во двор: в тесном закутке помещаются только двое, один с фонарём и другой с ключом. Наконец замки открыты и вынесены на свет, запор снят. Все взгляды вновь обращаются к Даниелю. Он входит в закуток, упирается в дверь плечом и толкает. Она открывается наполовину и дальше ни в какую. Даниелю известно, что так и должно быть. Сводчатое помещение за дверью в два раза старше, чем зал капитула. Здесь хранятся сокровища аббатства. В тринадцатом веке их растащили во время беспорядков, после чего в пол вмуровали камень, не позволяющий открыть дверь до конца, чтобы будущие грабители выносили ценности по одной, а не целыми сундуками.

Даниелю отведена честь вступить сюда первым. Он берёт фонарь и бочком втискивается в

дверь. На него накатывает мизантропическое желание захлопнуть её, запереться изнутри и жить тут тысячу лет, подкрепляя себя философским камнем. Помещение больше, нежели он ждал: тридцать на тридцать футов. Единственная толстая колонна в середине подпирает низкие каменные своды, наводящие на мысль о пещере гномов. После всей кутерьмы с торжественным отпиранием странно видеть себя в обычном пыльном подвале, среди расставленных как попало чёрных сундуков.

Остальные тоже заходят. Некоторым помещение привычно. Они уверенно направляются к нужным сундукам. Снова звенят ключи. Последними здесь бесчинствовали солдаты Кромвеля: они выстрелами сбили замки и прибрали к рукам коронационные регалии. Однако Кромвель не меньше древних монархов нуждался в крепкой денежной системе; он велел починить сундуки и снабдить их новыми замками. При виде того, как потомственная знать возится с пуританскими засовами, велик соблазн об этом напомнить, но Даниель сдерживается.

Из трёх сундуков извлекают три важных предмета:

1. Кожаный футляр с грозными идентурами,

которые Исаак и другие чиновники Монетного двора подписали при вступлении в должность. Документы берёт секретарь первого лорда казначейства.

2. Деревянный ящичек со стандартными разновесками.

3. Ящичек поплоще и пошире с эталонными образцами: пластинами драгоценных металлов известной пробы, предоставленными гильдией златокузнецов. С ними будут сравнивать Исааковы монеты.

Три сокровища выносят во двор, словно августейших тройняшек на прогулку. За спиной долго и громко звенят ключи, лязгают засовы. Даниель думает, что пока парламент и Тайный совет заседали рядом, в палате капитула, нынешний обряд имел куда больше смысла. Когда монахи выгнали политиков, наверняка кто-нибудь приговаривал: «Да, надо бы забрать из аббатства всё, нужное для испытания ковчега, и перенести куда-нибудь поближе». Однако такие вещи, если не заняться ими в первые двенадцать часов, остаются несделанными века спустя. Со временем процедура выноса трёх предметов закоснела и превратилась в ритуал.

Процессия выстраивается и течёт по двору в

аббатство, через место для хора. Рабочие, ломающие галереи в северном трансепте, чувствуют, что происходит нечто торжественное, шикают друг на друга и уступают дорогу. Некоторые снимают шляпу, другие застывают, как на параде, с ломами на караул. Как только процессия выходит в северную дверь, стук и весёлый гомон в трансепте возобновляются.

Процессия сворачивает направо, в улочку между аббатством и церковью Святой Маргариты. Путь к реке преграждает мрачная громада Вестминстерского дворца. Слева, то есть к северу от него, — здания казначейства, в том числе Звёздная палата. Здесь в июне начались мытарства сэра Исаака Ньютона. Здесь же будет подведён окончательный итог, как только Даниель и остальные пересекут улицу.

Часовня Ньюгейтской тюрьмы

Последнее причастие осуждённых

ЧАСОВНЯ СОВЕРШЕННО преобразилась. Чёрные занавеси сняли и приговорили к заточению в ящике с молью на срок, не превышающий одну восьмую часть года. Свету дозволено проникать в зарешёченные окна. Праздных зевак в задних

рядах нет. На алтаре перед скамьёй смертников — не гроб, а блюдо с хлебом и вином. Вино разлито в какие-то напёрстки. Джек возмущён. Если церковь считает вино для причастия пользительным, почему бы не выставить ведро?

Впрочем, возможность надраться по пути на Тайберн ещё будет, так что Джек не сильно досадует. Ему предстоит воцерковление — следующая ступень в нарастающей череде пыток, которая началась вчера ночью визитом звонаря и закончится несколько часов спустя четвертованием.

Джека Шафто приводят отдельно, после того, как несчастных, просидевших ночь в подвале смертников, уже втащили по центральному проходу и приковали к жуткой скамье. Он чувствует себя невестой, которая входит в церковь последней и на которую все смотрят. Ещё бы не смотреть! Джек встал два часа назад, не желая упускать и минуты самого главного в жизни дня, и все два часа облачался в висельный костюм.

Он не знает, откуда взялся костюм. По словам тюремщиков, его доставил на рассвете белокурый молодой человек, прикативший в огромном чёрном экипаже и не сказавший ни слова.

Костюм занимает несколько коробок. К тому времени, как Джек его увидел, их уже перерыли

тюремщики, проверяя, не спрятаны ли в одежде ножи, пилы, пистолеты и адские машины. Поэтому всё комом, всё захватано грязными руками. Тем не менее висельный костюм нимало не утратил своего исходного великолепия.

Нижний слой — тот, что соприкасается с Джеком — включает подштанники из тонкого египетского хлопка, белые чулки турецкого шёлка и рубаху; на неё ушло столько белого ирландского полотна, что хватило бы на перевязочный материал для пехотной роты в непродолжительной европейской войне. И «белый» в данном случае означает именно кипенно-белый, а не тот грязно-бежевый, который сходит за белый в плохо освещённых торговых рядах.

Второй слой состоит из панталон, долгополого жилета и верхнего камзола, всё — металлических оттенков. Джек уверен, что они и впрямь из металла. Жилет — золотой, парчовый. Панталоны и камзол — серебряные. Все пуговицы золотые. Джек думает, что они, как поддельные гинеи, из свинцово-оловянного сплава, покрытого тончайшей золотой плёнкой. Однако, когда он надкусывает пуговицу зубами (фальшивыми), во вмятине не видно серого. Пуговицы литые, на всех один и тот же рисунок, такой мелкий и

сложный, что Джек в полутёмной комнате не может его разобрать.

Третий слой, тот, которому предстоит касаться земной грязи, включает чёрные башмаки с серебряными пряжками, багряный плащ, отороченный мехом, обшитый золотым и серебряным галуном, с пуговицами из тех же металлов, и белый парик.

У висельного костюма множество карманов, и некоторые заранее набиты монетами. Теперь Джек может раздавать чаевые тюремщиками, кузнецам, кучерам и палачам, с которыми ему предстоит иметь дело в течение дня. Удивительно, что надзиратели, проверявшие коробки, не забрали монет и не срезали пуговиц. Надо думать, загадочный персонаж, привезший костюм, помимо взяток пустил в ход угрозы суда и физической расправы.

Поднимаясь по лестнице в часовню, Джек дал надзирателю шиллинг за следующую услугу.

Всякий обитатель Ньюгейта, входя в часовню, на мгновение замирает, оглоушенный ярким светом, своего рода оптическими фанфарами. На самом деле света едва хватает, чтобы ординарий мог читать по стофунтовой Библии. Но по сравнению с остальным Ньюгейтом часовня залита

сиянием.

Дом Господень занимает лучшую часть тюрьмы, то есть юго-восточный угол верхнего этажа. Несколько окон обращены к утреннему солнцу, в остальные оно светит днём (когда вообще светит). Сегодня небо безоблачное. Джек попросил у надзирателя разрешения по пути к унылой скамье чуточку понежиться в лучах из восточного окна.

Сделка заключена. Джек идёт в угол и несколько мгновений стоит в призме света. Его слепит блеск собственного одеяния. Он поворачивается к окну, чтобы старые неподатливые зрачки сузились до размера блох. Потом смотрит на восток. Прямо под ним Феникс-корт пересекается с прямым и узким путём в Олд-Бейли. Дальше он ограничивает с севера сад за Коллегией врачей.

Глядя отсюда, с командной высоты, Джек немного разочарован: здание Коллегии врачей по-прежнему стоит. Да, с прилегающей территории поднимаются дымки, но не потому, что его ночью спалила толпа. Дым идёт от походных костров. Сад превращён в бивуак для (Джек пересчитывает палатки) роты солдат. Нет, не просто солдат. (Джек всматривается в мундиры.) Гренадеров. В армии они самые рослые (потому что должны таскать на себе много тяжеленных

гранат), самые тупые (объяснения излишни) и самые опасные для толпы (учитывая, какой эффект производит граната в скоплении народа). Самый подходящий род войск, чтобы разместить у себя в саду, если вы знатны и ждёте ночного визита черни.

Пользуясь случаем, Джек берётся за пуговицу на камзоле и поворачивает её к свету. Прежде всего он видит, что она пришита не очень крепко, всего несколькими стежками. Но это он заметил ещё раньше, когда застёгивался в темноте. Сейчас Джек хочет рассмотреть эмблему на пуговицах. На свету он сразу её узнает: это символ, которым алхимики обозначают ртуть.

Всё предстаёт ему в новом свете, и не только буквально. Он кивает тюремщику, и тот ведёт его по центральному проходу, как сияющую невесту, к восхищению товарищей по скамье и досаде ординария.

Недостаёт только жениха, мистера Джека Кетча, который сейчас у себя в поварне надевает чёрный парадный костюм для церемонии: она состоится позже, на открытом воздухе, перед всем населением юго-восточной Англии, плюс-минус многое множество.

Служба идёт своим чередом, включая прили-

чествующие случаю чтения из Ветхого и Нового Завета. Ординарий заранее отметил нужные места закладками. В Ветхом Завете это грубая чёрная лента; сам отрывок в христианской службе имеет одну-единственную цель — показать, как худо бы нам пришлось, останься мы иудеями. Дочитав его, ординарий берёт пальцами три дюйма, то есть примерно пятьдесят фунтов страниц и переворачивает их, пропуская кучу полоумных пророков и занудных псалмов и оказываясь точняком в Новом Завете. Ещё чуть-чуть, и он на странице, отмеченной самой непристойно-яркой закладкой, какую Джек когда-либо видел: широкой полосой жёлтого шёлка с золотым медальоном на конце. Ординарий зажимает медальон в руке, вынимает ленту из Библии, аккуратно складывает и *убирает к себе в карман.* В продолжение всего процесса его взгляд устремлён на Джека.

Джек понимает, что получил знак.

Ординарий читает. Это не один длинный отрывок, а череда выхваченных кусков — для тех, кому трудно сосредоточиться и мало осталось жить.

— «После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошёл Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился,

и одежда Его сделалась белою, блистающею». Лука, глава девятая, стихи двадцать восемь — двадцать девять.

«Случилось, что, когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошёл. Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову». Лука, глава девятая, стихи пятьдесят семь — пятьдесят восемь.

«На это сказал Иисус: некоторый человек шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шёл тою дорогою и, увидев его, прошёл мимо. Также и левит, быв на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашёл на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привёз его в гостиницу и позаботился о нём». Лука, глава десятая, стихи тридцать — тридцать четыре.

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в стру-

пьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесён был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его». Лука, глава шестнадцатая, стихи девятнадцать — двадцать три.

— Чёрт побери, ну и писучий был этот ваш Лука! — говорит Джек.

Ординарий перестаёт читать и смотрит на Джека поверх очков.

Подкупить ординария — ритуал, освящённый временем, почти как Евхаристия; тут нет решительно ничего странного. Однако жёлтый шёлк, золото — своего рода подпись того, кто совершил подкуп.

— Ваше преподобие, не могли бы вы прочесть из Ветхого Завета ещё раз?

— Простите?

— Прочитайте отрывок ещё раз. Считайте это частью тех обязанностей, за которые вам заплачено.

Ординарий шумно листает страницы, возвращаясь в самое начало фолианта. Другие смертники ёрзают, переговариваются, некото-

рые даже гремят цепями. Вздёрнуть человека на виселицу ещё куда ни шло; но заставить его дважды выслушивать ветхозаветное чтение не просто необычно, а *жестоко*.

«И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха, — бубнит ординарий. — И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох».

Дальше ещё на четверть часа о том, как мужи познают жён, становятся отцами и живут сотни и сотни лет. Где-то здесь Джек потерял нить при первом чтении отрывка. Сказать по правде, он снова отвлекается примерно на словах «Каинан родил Малелеила», но опять начинает слушать, когда имя Еноха звучит во второй раз: «Енох жил шестьдесят пять лет и родил Мафусаила. И ходил Енох пред Богом, по рождении Мафусаила, триста лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его. Бытие, глава пятая». Ординарий тяжело вздыхает; он жаждет вина Господня, ибо читал долго и глотка его пересохла, яко земля безводная, аминь.

— Как, чёрт возьми, это понимать? «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог

взял его».

— Еноха перевели, — говорил ординарий.

— Ваше преподобие! Даже неграмотный бродяга вроде меня знает, что Библию перевели с другого языка, но…

— Нет, нет. Перевели с земли на небо, если говорить просто. Если богословским языком, то вознесли. Он не умер.

— Простите?

— Когда пришло время умирать, он телесно перенёсся в вечную жизнь.

— Телесно?

— Его тело не умерло, но перенеслось, — поясняет ординарий. — Можно мне продолжать службу?

— Можно, — говорит Джек. — Продолжайте.

Новый двор, Вестминстер

Собрание в Новом дворе

ПОКУДА ДАНИЕЛЕВА ПРОЦЕССИЯ собиралась в клуатре Вестминстерского аббатства, в другие более или менее древние и величественные лондонские здания стекались другие люди. Они прибыли в Вестминстерский дворец на лодках, пешком или в золочёных экипажах и теперь сто-

ят перед Звёздной палатой, словно батальоны в ожидании битвы. Сравнение вполне оправданно. Испытание ковчега проводится с такой помпой именно потому, что это — жестокая схватка. По сути — поножовщина между четырьмя участниками: монархом (его представляют лорды Тайного совета и королевский письмоводитель), казначейством (в стенах которого проводится испытание), Монетным двором (что в данном случае равнозначно имени «сэр Исаак Ньютон») и средневековой гильдией златокузнецов. Цель — добыть неоспоримые улики против сэра Исаака Ньютона, найти его безусловно виновным в государственной измене, то есть в хищении с Монетного двора, и тотчас наказать, не оставив ему ни малейшей лазейки для обжалования. Кара может варьировать от вечного позора и поношения до отсечения правой руки (обычная мера в отношении бесчестных монетчиков) и даже до того, что вскорости предстоит Джеку Шафто на Тайберне. Истцы, обвинители и дознаватели — златокузнецы, представленные здесь коллегией из двенадцати присяжных в подходящих случаю средневековых нарядах, сверкающих золотой парчой. Выбор неслучаен: золотых дел мастера издревле недолюбливают Монетный двор и с

подозрением относятся к его продукции. Временами недоверие перерастает в открытую вражду. За те годы, что сэр Исаак руководит Монетным двором, вражда сделалась нормой жизни. Исаак нашёл способ урезать прибыль златокузнецов от поставок металлов Монетному двору. Те в отместку изготовили образцовые пластины такой высокой пробы, что Исааку очень трудно им соответствовать. Ибо златокузнецы и люди вроде мистера Тредера много выиграют, если Исаака удастся поймать на недобросовестности.

Пристав канцелярии выходит во двор и приглашает Даниеля со товарищи. Они вступают под своды дворца и оказываются в Звёздной палате. Когда Даниель был здесь последний раз, он сидел, привязанный, и Джеффрис мучил его забавы ради. Сегодня обстановка несколько иная. Мебель вынесли или сдвинули к стенам. Посредине настелили доски, а на них сложили платформу из кирпичей. На ней стоит печь вроде той, в которой Даниель плавил вчера кольцо. Кто-то топил её с раннего утра; сейчас она раскалена докрасна и готова к использованию.

Они проходят в боковую комнату. Здесь Мальборо, сидит во главе стола рядом с лордом-канцлером, канцлером счётной палаты, новым первым

лордом казначейства — преемником Роджера — и другими членами Тайного совета. Центральное место за столом отведено человеку в белом судейском парике, баронской треуголке и чёрной мантии; по обе стороны от него писари и помощники. Это, как догадывается Даниель, королевский письмоводитель; его должность — одна из древнейших в королевстве. Он хранит печать, без который недействительны решения главы казначейства, и от имени короля заправляет финансовым ведомством, в частности председательствует на испытании ковчега.

Испытание не может пройти без того, что Даниель торжественно доставил из аббатства. Дальнейшая процедура обставлена различными церемониями, но по сути проста: Даниеля и пятерых ключарей вызывают к столу. Королевский письмоводитель требует идентуры, разновески и образцы, каковые ему и вручают, но прежде Даниель и остальные ключари клянутся на стопке Библий, что идентуры, разновески и образцы — те самые. Один из секретарей королевского письмоводителя открывает шкатулку с пластинами. Их две, одна золотая, другая серебряная, на обеих убористым курсивом написано, до чего они чистые и подлинные; то же подтверждают мно-

гочисленные клейма златокузнецов. Секретарь зачитывает текст вслух. Приглашают и приводят к присяге следующую партию участников: она явилась из королевского казначейства в Вестминстере и доставила шкатулку, запечатанную восковой печатью лорд-мэра. Вводят лорд-мэра. С ним коллегия из двенадцати представителей Сити; в их числе мистер Тредер. Лорд-мэр говорит, что печать на шкатулке и впрямь его собственная. Шкатулку открывают. Внутри на зелёном бархате лежит штемпель. Мэр и представители Сити сравнивают штемпель с оттисками на образцах металла, все соглашаются, что совпадение полное. Это и впрямь пластины, изготовленные золотых дел мастерами, чтобы проверить сэра Исаака Ньютона; испытание может продолжаться.

Тот же обряд совершают над разновесками. Они лежат на зелёном бархате, каждый в своём углублении. На самом большом — из пинты с лишним меди — оттиснуто «500 шиллингов», на тех, что поменьше — «1 шиллинг», «4 пенса», «1 пенс» и так далее до самых маленьких, которые можно брать только пинцетами. Пинцеты с ручками из слоновой кости лежат в той же шкатулке.

— Пригласите златокузнецов, — возглашает

королевский письмоводитель. Даниелю и его свите он говорит: — Можете встать здесь, — и указывает на свободное место в углу.

Даниель ведёт своих спутников туда и, повернувшись, ловит на себе взгляд герцога Мальборо — напоминание (если Даниелю ещё нужны напоминания), что час настал. Новую Систему ждёт первая проверка в худших мыслимых обстоятельствах: Монетным двором заведует больной, возможно, выживший из ума алхимик, содержимое ковчега подменил бродяга, который скоро отправится на встречу с Творцом, так и не дав нужных показаний. И нет рядом Роджера, который бы всё уладил.

Каменная наковальня, Ньюгейт

Шафто и Кетч у Каменной наковальни

— НА МЕНЯ СНИЗОШЛА Божья благодать! — объявляет Джек Шафто.

— Где, здесь?! — изумляется его собеседник, плечистый малый в чёрном кожаном капюшоне.

Они стоят в очереди в главном зале. Вернее, Джек Шафто стоит, а малый подошёл, чтобы получше разглядеть висельный костюм.

Главный зал — название чересчур торжествен-

ное. Это просто самое большое помещение в тюрьме, если не считать часовни; узники, озабоченные поддержанием фигуры, ходят здесь бесконечными кругами. В центре их орбиты — большой каменный блок, снабжённый простейшими орудиями кузнечного ремесла. Арестанты — народ шумный; обычно здесь бушует ураган проклятий, шторм площадной брани. Однако сейчас каждому зажало рот изумление. Все смотрят, как два самых знаменитых лондонских Джека, Шафто и Кетч, мило беседуют, словно Аддисон и Стил. Слышно только, как скребут по полу цепи и горланит за стенами толпа.

Со стороны наковальни доносится душераздирающий лязг. С очередного узника сняли кандалы. Теперь свободу его движений ограничивает только верёвка, которой Кетч связал его локти за спиной.

— Гостия имеет форму монеты, — замечает Джек.

Он тут же жалеет о своих словах. Кетч нашёл их смешными и, забывшись, показывает дёсны с дырками от выпавших зубов, а также с несколькими, которые скоро выпадут. Капюшон, увы, закрывает лицо только до носа. Наверняка у Кетча дома целый сундук вставных челюстей, благо

возможностей их заполучить у него больше, чем у любого лондонца; но почему-то сегодня он их не надел.

— Но сколь же хлебные монеты драгоценнее золотых! — восклицает Шафто. — Золото и серебро открывают двери клуба или другого разгульного места. Хлебные монеты откроют мне двери рая. Если в следующие часа два я справлюсь с некой задачей.

Кетч совершенно теряет интерес. Сколько раз другие клиенты говорили ему подобное? Он вежливо просит его извинить, проходит в начало очереди, связывает руки следующему узнику.

Когда Кетч возвращается, видно, что всё это время он размышлял о Джековом костюме.

— У вас уже не будет случая переодеться, — произносит он.

— Ну и мастер же вы говорить обиняками, Джек Кетч! — восклицает Шафто.

— Да просто некоторые всезнайки утверждают, будто вы без средств.

— Вы думаете, что я взял костюм напрокат?! Не верьте сплетникам, мистер Кетч, они того не стоят. Костюм в такой же степени мой, как этот превосходный плащ с капюшоном — ваш.

Вновь раздаётся лязг. Кетч опять просит его

извинить и связывает руки арестанту, стоящему прямо перед Джеком. При этом он раз или два хлюпает носом, как будто воздух главного зала ему вреден. Однако из всех лондонцев Кетч должен быть самым невосприимчивым к миазмам и сырости.

Когда он снова оборачивается, Шафто удивлён и немного встревожен: из-под капюшона по щеке катится слеза. Кетч подходит близко, настолько, что Шафто, вытянув шею (Кетч на голову выше), различает каждую отдельную дырку в его последнем невыпавшем переднем зубе.

— Вы и представить не можете, как много это для меня значит, мистер Шафто.

— Не могу, мистер Кетч. Так что же?

— Я в долгах, мистер Шафто, по уши в долгах.

— Не могу поверить!

— Бетти, хозяйка моя, рожает каждый год. Вот уже восемь лет.

— У вас восемь маленьких Кетчей? Поразительно, что вы, при своём роде занятий, так щедро производите новую жизнь!

— После предыдущей казни меня пытались арестовать на улице! Я не помню такого позора!

— Ещё бы! Человека столь почтенной профессии останавливают в публичном месте и

объявляют несостоятельным должником. Немыслимое унижение!

— Что подумали бы обо мне мои мальчики, попади я в Ньюгейт!

— Вы и так в Ньюгейте, мистер Кетч. Впрочем, не обращайте внимания, я вас понял.

— Им пришлось бы переселиться ко мне. Сюда.

— Не лучшее место для воспитания маленьких детей, — соглашается Шафто.

— Вот почему… простите. — Кетч заходит Шафто за спину, достаёт очередной кусок верёвки и продевает ему под локти. Кетч делает петлю и начинает её затягивать, сводя локти Шафто вместе — но только самую малость.

— Жалко было бы помять костюм, — замечает Шафто.

— О да, мистер Шафто, хотя для меня всего важнее ваше удобство.

Джек невольно улыбается этой отговорке. Так, с улыбкой на губах, он делает шаг вперёд и ставит безупречно начищенный башмак на каменную наковальню.

— Поосторожнее маши молотком, любезнейший, — обращается он к кузнецу — рябому арестанту, который, судя по виду, сидит в Ньюгейте с Великого пожара. — Для меня эта одежда

ничто, но скоро она отойдёт моему доброму другу мистеру Кетчу. Ибо мистер Кетч не только мой добрый друг, но и, по давней традиции нашего королевства, единственный наследник. Всё, что на мне надето и лежит у меня в карманах, становится его собственностью в тот же миг, как я испущу дух. В карманах у меня несколько монет различного достоинства. Если вы будете работать усердно и не поцарапаете башмаки, мистер Кетч, возможно, сунет руку мне в карман и достанет в качестве вознаграждения довольно крупную монету; но если вы их испортите, мистер Кетч, сокращая свои убытки, не даст вам ничего.

В итоге кузнец снимает с Джека цепи дольше, чем со всех остальных смертников, вместе взятых. Наконец кандалы сняты, и кузнецу вручается шиллинг из Джекова кармана рукой Кетча.

Испытание ковчега

Исаак прибывает на испытание

КАЖДОЕ ИСПЫТАНИЕ КОВЧЕГА проходит по-своему. Частности меняются в зависимости от того, кто нынче сильный волк и кто — бессильный ягнёнок. В древности лорд-мэр и всё население Сити следили за церемонией от начала

до конца, что было вполне оправданно: обитатели Сити сильнее других зависят от надёжности монетной системы. Испытания были шумными и многолюдными. Со временем представительство Сити свелось к двенадцати выборным. Они принимали участие в тех стадиях испытания, которые не требовали специальных златокузнечных навыков, и следили за златокузнецами на остальных этапах, а когда пробирщики оглашали вердикт, выходили на улицы Лондона и делились с согражданами дурной или хорошей новостью.

За последние столетия число наблюдателей от Сити уменьшилось настолько, что сэр Исаак Ньютон счёл должным заявить протест: испытание ковчега превратилось в тайный ритуал, который вершат златокузнецы, без надзора, никем не проверяемые. Можно смело сказать, что гильдии это заявление понравилось не больше, чем все прежние действия Исаака на посту директора Монетного двора. Однако их цель — уличить его в мошенничестве и добиться, чтобы ему (по меньшей мере) отрубили руку перед Вестминстерском дворцом, — не будет достигнута, если Исаак обжалует испытание под тем предлогом, что оно якобы подтасовано гильдией. Посему маятник традиции качнулся назад, хоть и не настолько,

чтобы приглашать Сити в полном составе. Всё по полной форме, с двумя коллегиями присяжных. Город представлен не только лорд-мэром, но и двенадцатью заседателями, независимыми от златокузнецов. И они будут не просто смотреть, но и — в лице своего избранного делегата, мистера Тредера — участвовать. Только после того, как всю дюжину приводят к присяге и отправляют в свой угол, можно вызывать главных действующих лиц и начинать собственно испытание.

Королевский письмоводитель требует внести ковчег. Пристав выходит и через минуту возвращается с графом Лоствителским. Следом четыре королевских курьера тащат на носилках ковчег. Его ставят на стол. Лоствител подтверждает, что это действительно ковчег, доставлен прямиком из Тауэра без всяких фокусов-покусов.

Теперь королевский письмоводитель обращается к приставу с просьбой ввести вторую коллегию присяжных. Через минуту входят двенадцать пышно разодетых златокузнецов и выстраиваются в ряд. Они не в силах отвести глаз от ковчега, по крайней мере, пока королевский письмоводитель произносит следующее:

— Клянётесь ли вы честно и добросовестно, согласно своим знаниям и усмотрению, проверить

золотые и серебряные монеты, помещённые в сей ковчег, и правдиво сообщить, соответствуют ли сказанные монеты весом и пробой стандартам королевского казначейства, а также отвечают ли монеты составом и прочая идентуре, заключённой между его величеством и директором Монетного двора его величества, да поможет вам Бог?

— Клянёмся, — говорят златокузнецы.

Покончив с ними, королевский письмоводитель приглашает директора Монетного двора. Этого человека и этой минуты ждали все. Глаза и головы поворачиваются к приставу, следят за ним, пока он идёт из комнаты, и замирают. В Звёздной палате, затем в галерее слышна его удаляющаяся поступь.

Они ждут, ждут и ждут, и вот уже всем ясно: произошла непредвиденная заминка. Кто-то из представителей Сити вполголоса отпускает остроту. Кто-то из златокузнецов довольно громко произносит: «Может, он смотрит повешение!», его сосед подхватывает: «Может, он сбежал во Францию!», пока на них не шикает грозно сам герцог Мальборо.

Когда шум затихает, слышно, что к Звёздной палате приближаются люди — куда больше, чем

вызывал королевский письмоводитель. Свита, или кто там они, остаётся за дверью. Пристав входит, ведя под руку молодую даму. Они идут через палату. Дама с любопытством поворачивает голову к пробирной печи; алое пламя озаряет лицо. Даниель узнаёт Катерину Бартон.

Она входит в боковую комнату, и пристав объявляет её имя. Слава мисс Бартон огромна: все таращатся, начисто позабыв про приличия. Лучше бы уж она явилась в чём мать родила.

— Милорды, — начинает Катерина Бартон; в помещении столько сановных мужей, что она не пытается угадать, кто из них главный. — Сэр Исаак Ньютон болен. Я сидела с ним последнюю неделю и уговаривала его не являться на ваш зов. Он не внял моим убеждениям и велел, чтобы его всенепременно сюда доставили. Он очень слаб, и я распорядилась, чтобы его принесли в портшезе. Если милорды позволят, я скажу, чтобы портшез внесли сюда.

— Как его сиделка, мисс Бартон, считаете ли вы, что он в состоянии понимать происходящее и отвечать перед судом? — спрашивает королевский письмоводитель.

— О да, он в сознании, — говорит мисс Бартон. — Однако, поскольку сэр Исаак очень слаб,

он попросил доктора Даниеля Уотерхауза действовать от его имени.

Разобравшись, что главный тут королевский письмоводитель, она делает шаг вперёд и вручает письмо, видимо, написанное Исааком и содержащее ту же просьбу.

Даниель с несвойственной ему прытью выходит на середину комнаты, пока многие ещё выискивают его глазами в толпе.

— Если милорды согласны с предложением сэра Исаака, я почту за честь служить его рукою и голосом.

Собравшиеся переглядываются, но поскольку это не меняет содержимое ковчега и текст иденутуры, то, по сути, не имеет значения. Важные сановники кивают. Королевский письмоводитель дважды перечитывает письмо и наконец объявляет:

— Принято! Доктор Уотерхауз, совет выражает вам признательность. Э… так внести сюда портшез сэра Исаака?

— Поскольку прецедентов нет, позвольте мне высказать предложение, — говорит Даниель. — Мы ведь вскоре переместимся в Звёздную палату, где пройдёт анализ? Чем переносить сэра Исаака дважды, мы могли бы сразу удобно устроить его в

Звёздной палате. Оттуда он услышит, как читают идентуру.

— Принято!

Мисс Бартон делает реверанс и, глазами позвав Даниеля за собой, стремительно идёт через палату. Тот просит его извинить и выходит из комнаты. Все лица обращены к двери. Перед Даниелем чёрный обелиск Исаакова портшеза; его держат два оторопелых носильщика. Мисс Бартон шёпотом распоряжается: «В угол! В угол! Нет, в этот!» Носильщики почти комически крутятся на месте, но, наконец, понимают, чего она хочет: развернуть портшез дверцей к углу, чтобы, когда его откроют, палата не видела жалкого состояния сэра Исаака. Носильщики ставят портшез, как она просит. Даниель бочком протискивается между шестом и стеной, пятится в угол. Взгляды всех в соседней комнате устремлены на него. Он поворачивает задвижку, тянет дверцу. Первой ему предстаёт рука, белая и неподвижная, сжимающая богато изукрашенный ключ. Даниель открывает дверцу шире, впуская свет. Исаак привалился к стене своего чёрного ящика, глаза и рот открыты. Он совершенно недвижим. Даниелю не надобно щупать пульс, чтобы убедиться: перед ним усопшее тело сэра Исаака Ньютона,

скончавшегося на семьдесят втором году жизни от Ньюгейтской тюремной лихорадки.

Двор Ньюгейтской тюрьмы

Джек всходит на волокушу

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ они во дворе, сразу за Феникс-кортом. На самом деле это даже не двор, а укреплённый проулок. Здесь ждёт небольшой караван, который доставит их на Тайберн: фургон с различными орудиями, потребными в ремесле мистера Кетча, подвода, заранее нагруженная пустыми гробами, а в самом хвосте — волокуша. Подвода для остальных смертников, Кетча и ординария. Волокуша — для Шафто. По традиции изменника тащат к месту казни лицом назад. Такого негодяя просто повесить мало, везти его на телеге с колёсами — больно жирно.

По мере того, как осуждённые проходят различные стадии процесса, их свита растёт. Сейчас во дворе человек сорок: всё больше тюремщики с дубинками, но есть и несколько констеблей. Джек видит мушкетоны. Надзиратели и констебли, образовав коридор, направляют узников к подводе. Те забираются в неё, садятся на гробы, как на скамейки. Джека ведут к его бесколёсной

наземной лодке. Там есть доска для сиденья, но нет гроба: к концу дня в гроб, да и в любую другую ёмкость для бренных останков, практически нечего будет класть.

Мистер Кетч, известный аккуратист, открывает один из сундуков в своём фургоне и вытаскивает несколько верёвок. На каждой завязана петля. Кетч бросает в подводу все, кроме одной, заходит в хвост каравана и обращается к Джеку.

— Хороша, а? — восклицает он, демонстрируя удавку.

— Если бы не чёрный капюшон, вы бы светились от гордости, мистер Кетч. Однако я не понимаю причины.

— Эту верёвку я получил от пиратского капитана, которого вешал в прошлом году.

— Он захватил собственную верёвку?

— Да. Сказал, называется «перлинь». Гляньте, какая толщина!

— Он хотел, чтобы верёвка точно не оборвалась? Очень странный человек.

— Нет, нет, сейчас я вам покажу.

Кетч обходит Джека слева и через голову надевает петлю ему на шею. Верёвка такая толстая и неупругая, что затягивается с трудом. Узел под левым ухом у Джека — размером со здоровенный

кулак.

— Оцените силищу, и вы поймёте, сэр! — Кетч дёргает за верёвку. Каждый раз узел давит Джеку на голову, заставляя её наклоняться вперёд и вбок. — А гляньте, какая длинная!

Шафто поворачивается: Кетч отошёл на две морских сажени, но так и не размотал всю верёвку.

— На такой верёвке вы у меня пролетите, сколько мало кто пролетает. Уж поверьте мне, мистер Шафто, мало кто. К тому времени, как она натянется, у вас скорость будет, как у пушечного ядра. Вы успеете выкурить трубочку в раю задолго до того, как я отрежу вам яйца и выну внутренности, а до четвертования вам будет, как мёртвому епископу до могильных червей.

— Вы невероятно добры, мистер Кетч, и Бетти повезло, что у неё такой муж.

— Мистер Шафто. — Джек Кетч подошёл ближе и говорит очень тихо, рассеянно сматывая верёвку. — У меня больше не будет случаев с вами потолковать, пока мы не окажемся под Древом. На моём попечении есть и другие узники, а путь на Тайберн обещает быть… э…

— Весёлым?

— Я хотел сказать: «полным событий», чтобы не

выразить непочтения. Я поеду на телеге. Мы не сможем переговариваться. Поскольку вы будете смотреть назад, вы не сможете меня видеть. Даже под Древом, когда мы с вами встанем лицом к лицу, мы ничего не услышим за шумом, разве что будем орать друг другу в ухо. Поэтому я говорю сейчас: спасибо вам, сэр! Спасибо! И знайте, что вам будет не больнее, чем человеку, который в темноте ударился головой о косяк.

— В том, что касается боли, я прошу лишь то, чего заслужил, — отвечает Шафто, — и полностью доверяю вашему усмотрению, мистер Кетч.

— А я оправдаю ваше доверие, сэр! Прощайте! — говорит Джек Кетч.

Он поворачивается спиной к Шафто, словно боится снова не сдержать слёз, распрямляет плечи, приосанивается, поправляет капюшон и залезает в телегу, где ждут другие его клиенты.

Звёздная палата

Алхимик и взвешиватель

КОГДА ДАНИЕЛЬ НАКОНЕЦ приходит в себя, королевский письмоводитель зачитывает вслух какой-то документ. По его хриплой скороговорке ясно, что чтение длится уже немало. Даниель

заглядывает в дверь и видит, что королевский письмоводитель смотрит через очки на щедрых размеров пергамент с зубчатым краем. Это одна из двух одинаковых половин идентуры, которую Исаак подписал, вступая на пост директора Монетного двора; она входит в число сокровищ, доставленных Даниелем из Вестминстерского аббатства. Там говорится, что Исаак принимает на себя полную личную ответственность за то, что обнаружат в ковчеге. Когда он подписывал эту бумагу, текст наверняка казался ему канцелярской галиматьёй; но слова, гулко звучащие в Звёздной палате перед всеми самыми значительными людьми королевства, поражают грозным величием. Даниель почти рад за Исаака, что тот умер. Он замечает, что некоторые из этих самых важных людей смотрят в его сторону, поэтому устремляет взгляд на мёртвое лицо Исаака, улыбается, кивает и что-то произносит вполголоса, как будто разговаривает с больным.

Идентура громогласно заканчивается упоминанием Бога и государя. Королевский письмоводитель поднимает глаза и требует три ключа от ковчега.

Забирая из Исааковой руки ключ, Даниель отмечает, что трупное окоченение ещё не насту-

пило. Исаак умер недавно.

К тому времени, как Даниель подходит к столу, другие хранители ключей уже открыли свои замки. Остался один: удивительной красоты, изготовленный в виде фасада Соломонова храма. Даниель отпирает его и откидывает засов. Два златокузнеца подходят и снимают с ковчега крышку. Слышно, как хрустят позвонки государственных мужей — все тянутся поглядеть, что внутри. В ковчеге грудой лежат кожаные мешочки, называемые синфиями. Каждая синфия помечена месяцем и годом.

— Присяжные могут удалиться в Звёздную палату для проведения анализа, — объявляет королевский письмоводитель.

Покуда присяжные ещё мнутся и шушукаются, Даниель с ключом в руке быстро направляется к портшезу. Мисс Бартон встала перед чёрным ящиком, лицом к комнате, словно желая уберечь дядюшку от доброжелательного — а заодно недоброжелательного — внимания. Глаза её немного красны, но, когда Даниель подходит и ободряюще кладёт ей руку на плечо, он чувствует под рукавом платья упругую силу. Через мгновение мисс Бартон стряхивает его ладонь и движением глаз отсылает Даниеля в угол. Многие

лондонские повесы мечтали бы прочесть в этих прелестных глазках «иди сюда», но Даниелю приходится довольствоваться взглядом, говорящим: «ступайте туда».

— Он сказал, — шепчет мисс Бартон, — вы знаете, что делать.

Поэтому Даниель идёт в угол, снова открывает дверцу портшеза, удостоверивается, что Исаак мёртв (вообще-то проверка излишня, но от Исаака никогда не знаешь, чего ждать). Он просовывает голову и плечи в портшез, трогает у Исаака под мышкой — тело ещё не совсем остыло. Даниель поднимает глаза. Перед ним корсаж Катерины Бартон (вид со спины) и, дальше, вся Звёздная палата. Сквозь чёрную материю портшеза всё кажется темнее обычного, но зрение быстро привыкает. Разумеется, его и Исаака никто не видит.

Представители Сити опрокидывают ковчег на большой стол рядом с печью. Синфии валятся грудой. Некоторые соскальзывают на пол, их ловят и водворяют на место. Ковчег — пустой, открытый и перевёрнутый — ставят на пол. Двадцать четыре присяжных — златокузнецы и выборные от Сити — какое-то время работают вместе: читают надписи на каждой синфии и делят их на две кучи. В одной серебро — шиллинги, шестипенсо-

вики и мельче, в другой золото — гинеи и редкие монеты достоинством пять гиней. Мистер Тредер занял господствующую позицию во главе стола, куда отправляются золотые монеты. Перед ним весы. Он перочинным ножом быстро вскрывает синфии, освобождает желтяки из смирительных рубашек и складывает на стол. Время от времени он берёт монетку в руку и подбрасывает. Даниель не знает, что это: нервный тик или попытка оценить вес.

Здесь обойдутся без него, поэтому Даниель переносит внимание на то, что в портшезе.

Он сказал, вы знаете, что делать. И да и нет.

Даниель прочёл документ, написанный Гуком, где утверждалось, что пациент (некий Даниель Уотерхауз, но это к делу не относится) умер и был воскрешён составом, который приготовил алхимик. Гук, как мог, записал рецепт по памяти. Позже Исаак изучил документ с дотошностью, на какую способен только Исаак, и подробно откомментировал на метафорическом языке, в чудн***о***й символике эзотерического братства. Даниель знает жаргон и значки куда лучше, чем хотел бы, по юным дням, проведённым среди подобных людей. У него было несколько дней, чтобы проштудировать рецепт и Ньютоновы комментарии,

разобрать их смысл. В предыдущие недели Исаак неоднократно пытался осуществить все шаги, кроме заключительного. Когда Даниель два дня назад приступил к работе в его лаборатории, нужные тигли, реторты и прочая стояли на столе. Здесь же были и все ингредиенты. Все, за исключением последнего и самого главного.

Даниель вынимает из кармана деревянную коробочку, ставит её Исааку на колени и открывает. Внутри закупоренный стеклянный пузырёк с алой жидкостью и бумажный пакетик, вроде синфии, не больше Даниелева ногтя. Даниель очень осторожно его разворачивает. В пакетике золотая пыль — остатки кольца, которое Даниель вчера расплавил, чтобы сделать поддельную гинею. Половину гинеи разрезали на кусочки; они сейчас у мистера Тредера в рукаве. Вторую половину Даниель долго и нудно тёр напильником, пока не источил всю, а пыль сложил в бумажный пакет. Частички такие маленькие, что их без микроскопа не различить. Это значит также, что у них огромная площадь поверхности, и в вещество легко проникнуть любой внешней субстанции. Сейчас эта субстанция воздух, и ничего вроде бы не происходит. Но пришло время осуществить последний шаг, то есть высыпать

золотую пыль в совершенно другую субстанцию, куда более химически активную.

Даниель берёт пузырёк, вытаскивает пробку и, не останавливаясь, высыпает внутрь порошок Соломонова золота. Он большими пальцами вдавливает пробку на место и встряхивает пузырёк.

Всю внутренность портшеза пронизывает оранжево-алое сияние. Даниель видит, что свет пробивается сквозь его ладони. Однако тепла нет; это подобно *kaltes feuer,* холодному свечению фосфора.

Даниель прячет пузырёк под полу Исаакова камзола, чтобы свет не бил в окно портшеза, потом с опаской вытаскивает пробку. Вещество в пузырьке клубится и вспыхивает, словно грозовые облака. Ноздрей касается запах, которого Даниель не может определить, но знает, что обонял его раньше. Запах рождает сильнейшее желание поднести жидкость к губам и выпить. Даниель перебарывает себя и задумывается, как дать её Исааку. Вводить надо через рот, так написано в рецепте. Но как заставить мёртвого пить? В записках Гука упоминалась лопаточка. Встряхивая пузырёк, Даниель видит, что магма стала густой, как овсянка, — она застывает. Ещё

немного, и она затвердеет, тогда всё пропало. Даниель хватает единственный предмет, сколько-нибудь похожий на лопаточку, — ключ от Исаакова замка. Как ложкой, он достаёт ключом комок вещества размером с фалангу своего мизинца и заносит Исааку в рот. Переворачивает ключ и вытирает его об Исааков язык.

Даниель смотрит в окно: не заметил ли кто свет. Однако все заняты ритуалом, происходящим на столе. Мистер Тредер положил на одну чашу огромных барочных весов гинеи, на другую — доставленную из аббатства гирьку.

Даниель зачерпывает ещё. Пузырёк уже наполовину пуст. Вещество продолжает густеть, но пока отделяется. По счастью, к себе оно липнет сильнее, чем ко всему остальному, примерно как ртуть: не оставляет мокрых следов, не пристаёт к ключу и стенкам пузырька. В последний приём Даниель выбирает его из пузырька всё, ключ выходит изо рта у Исаака чистым. Сияние погасло. Даниель решается дрожащей рукой взять Исаака за подбородок и оттянуть челюсть, чтобы заглянуть в рот. Он потрясён: вещества нет, словно никогда и не было. Оно впиталось в Исаакову плоть: вегетативный дух, или что уж там содержалось в составе, пронизал инертную

материю трупа.

— Я нашёл, что эти монеты имеют удовлетворительный вес, — объявляет мистер Тредер, — посему предлагаю обратиться к нашим добрым друзьям, гильдии златокузнецов, с просьбой осуществить пробирный анализ.

Говоря, он смотрит в сторону Даниеля.

— Гильдия златокузнецов готова провести анализ, — объявляет старшина присяжных. — Плавщиком будет мистер Уильям Хам.

Уильям выходит вперёд и обращается к мистеру Тредеру:

— Мне потребуется честный образец металла весом двенадцать гран, с вашего позволения, сэр.

— Коллегия представителей Сити оказала мне честь избрать меня взвешивателем, — с готовностью отзывается мистер Тредер. — Я предлагаю согласно обычаю отрезать от нескольких монет по кусочку общим весом двенадцать гран.

— Гильдия златокузнецов согласна, — говорит плавщик.

— Тогда давайте смешаем гинеи из синфий, чтобы получить честный образец, — говорит взвешиватель.

Все гинеи со стола золотой лавиной смахивают в ковчег. Под внимательными взглядами

двадцати трёх других присяжных (и Даниеля, который отошёл от портшеза и приблизился к столу, чтобы посмотреть), один из представителей Сити тщательно перемешивает гинеи рукой. Он занимается этим довольно долго, потом отводит взгляд, демонстрирует собравшимся пустую ладонь, запускает её в ковчег, вытаскивает одну гинею и кладёт на стол перед взвешивателем.

Одиннадцать представителей Сити делают то же самое. Теперь перед мистером Тредером выложены в ряд двенадцать случайно выбранных гиней.

Церковь Гроба Господня

Церковь Гроба Господня

Люди добрые, усердно молитесь за грешников, идущих на казнь, по ним же звонит колокол. А вы, осуждённые на смерть, покайтесь слёзно; просите Господа спасти и помиловать души ваши ради крестных страданий и смерти Иисуса Христа, сидящего ныне одесную Отца и ходатайствующего о всех, с раскаянием к нему прибегающих. Господь да помилует вас! Христос да помилует вас!

Звонарь Церкви Гроба Господня

КОГДА ЕГО ВЫВОЛАКИВАЮТ из двора, он с изумлением видит, что решётку опустили, отрезав Ньюгейт-стрит от Холборна. Слышно, как по ту сторону бушует толпа, но от Джека её загораживает кавалерийский эскадрон, выстроившийся перед решёткой, как будто для атаки.

Джекова личная церемониальная волокуша вползает на улицу; он смотрит назад, то есть в сердце старого Лондона. По идее он должен видеть всю Ньюгейт-стрит и Чипсайд до Биржи на мили, но видит только ещё солдат. Эскадроны выезжают из Феникс-корта справа и с территории больницы Христа слева, строятся в широкой части улицы. Очень странно.

Воздух непривычно давит на голову. Из-за шума толпы трудно угадать почему, потом Джек вспоминает: каждый колокол в Лондоне приглушённо гудит, возвещая о процессии висельников.

Первый отрезок трёхмильного пути короткий: меньше сотни ярдов от решётки Ньюгейта до церкви Гроба Господня. Караван преодолевает их минут за двадцать. Джек уже готов поверить, что путь будет не таким трудным, как гласит популярная легенда. Ему помнится, что раньше толпы были многолюдней и необузданней. Но он последний раз смотрел на процессию висельников ещё до Великой чумы, а детским глазам всё видится больше.

Тем не менее у него вдоволь времени, чтобы избавиться от верёвки, которой связал ему локти Джек Кетч. Узел с самого начала свободный, и его несложно стянуть, упирая в грубые доски. Джек уже собирается бросить верёвку в толпу, потом решает, что она ещё пригодится. Он много плавал по морям и умеет вязать узлы. Быстрее, чем толпа успевает выкрикнуть «Джек Шафто!», он завязывает булинь и продевает в него ступню. Узел цепляет за каблук, получается стремя. Запустив руку в панталоны, Джек в несколько малопочтенных движений пропускает верёвку

вдоль ноги под штаниной. Затем протаскивает её под рубашкой. Снова в ход идут моряцкие навыки: Джек несколько раз обматывает верёвку вокруг петли и закрепляет.

Он не может посмотреть вперёд, но знает, что они у церкви Гроба Господня, потому что колокол гудит очень громко, и к гулу присоединился знакомый, но неприятный звук. Звонарь вновь завёл свою монотонную мелодию. С ним подкрепление: викарий и различные церковные прислужники и прихлебатели. Джек сварливо думает, что большинство из них согласилось участвовать в церемонии с единственной целью — посмотреть на процессию висельников из первых рядов.

На ступенях церкви разыгрывается некий ритуал, совершенно неслышный для Джека, который и в обычной-то жизни туговат на ухо. Он готов вылить на звонаря новую порцию оскорблений, однако воздерживается. Конечно, эти люди невероятно скучны, но они стараются для его блага. А кое-кто из преступников рангом пониже, в подводе, возможно, даже получает какое-то утешение.

Смысл затеи состоит в том, что когда-то церковь Гроба Господня стояла за чертой города — последний храм Божий по пути на Тайберн; здесь узнику представлялся самый распоследний

случай покаяться. В сегодняшнем Лондоне они минуют ещё кучу выстроенных Реном церквей, но традиция есть традиция. Англиканскую церковь можно только похвалить за такое упорство.

Обряд, в чём уж он там состоял, недолог, затем служки бегут к арестантам с букетиками и кубками вина. Джек с благодарностью принимает то и другое, лезет в карман за деньгами. Толпа это видит и поднимает одобрительный рёв — как будто прибой накатывает на галечный берег в миле отсюда. Поэтому Джек подзывает звонаря и даёт ему за труды целую гинею, предварительно её надкусив. Шутка вызывает смех даже у солдат. Джек, видя, как удачно получилось, дожидается, когда викарий спустится по ступеням, вручает ему гинею — свою последнюю — с просьбой положить в кружку для бедных и жмёт руку. В итоге викарий чуть не зарабатывает вывих, потому что волокуша резко трогается с места. За это надо благодарить Кетча: тот увидел, что гинеи Шафто — то есть его, Кетча, гинеи — переходят в недостойные руки церковнослужителей! Он гонит караван с такой скоростью, словно их преследуют орды монголов. Только когда опасность далеко позади, а караван набрал приличную скорость, Кетч вновь оборачивается. Его рот полуоткрыт,

челюсть с гнилыми зубами отвисла, на лице явственно написано: «Да ты соображаешь, что делаешь? Я мог бы год кормить семью на то, что ты сейчас роздал!»

Таким образом, Джека уволакивают от церкви Гроба Господня, не дав ему времени даже задуматься о покаянии, ради которого и делалась остановка. Либо он покаялся сегодня утром в тюремной часовне, либо уже не покается никогда.

Однако, кроме шуток, он думает, что, наверное, покаялся. Что-то и впрямь произошло. Какая-то решётка с грохотом опустилась, отрезав долгую дурную часть его жизни от короткой лучшей. Это как-то связано с тем, что он съел хлебную монету. Есть тут некая сила. Джек думает, что причина в единении со всеми, кто когда-либо принимал эту монету, Божье законное платёжное средство. В итоге сегодня утром Джек чувствует странную общность со всем христианским миром — ощущение для него довольно диковинное. А христианский мир явно отвечает Джеку взаимностью, потому что в полном составе пришёл на него смотреть.

Только сейчас он осознаёт огромность и мощь толпы. До сих пор он смотрел на неё, словно зритель из зала. Теперь всё переменилось. Джек

— актёришка, получивший свой час на сцене, публика — весь Лондон. Или, поскольку многие пришли издалека, скажем для простоты: «вся Вселенная». Народ отзывается на малейший его жест, даже на то, чего он вовсе не делал. Смех пробегает по толпе в ответ на шутки, которые Джек якобы отпустил. Меньше чем один человек из ста доподлинно знает, что Джек здесь, поскольку большинство видит только спины (это он помнит, потому как сам когда-то стоял в таких толпах). Людей привела сюда легенда, что Джека Шафто потащат к Тайберну на волокуше; придя и не увидев его, они поддерживают себя надеждой, что он здесь. Джек Кетч, по-прежнему уязвлённый и раздавленный утратой двух гиней, без сомнения, главный зритель; он смотрит на Джеков бенефис из приватной ложи на колёсах.

Такое впечатление, что в свиту Джека включили всех лондонских констеблей, бидлей, бейлифов, дозорных и тюремщиков. Даже в обычный Висельный день им толпу не сдержать, и процессию всегда сопровождают солдаты с алебардами. Сегодня к ним добавились верховые. Джек поначалу думал, что это кавалерия, потом разглядел мундиры Собственного его величества Блекторрентского гвардейского полка — тех са-

мых страшных драгун, которые охраняют Тауэр. Очень мило с их стороны явиться на его казнь, учитывая, сколько неприятностей он им в последние месяцы доставил. Жест широкий и, вероятно, просчитанный. Из всех королевских полков блекторрентцы больше других желают Джеку смерти и менее кого бы то ни было склонны допустить его побег. Так что, сидя на волокуше близко к земле, Джек смотрит на толпу в просветы меж движущимися ногами драгунских коней. И всё равно видит очень много.

* Так карают женщин, признанных виновными в государственной измене; казнить их тем же способом, что и Джека, было бы неблагопристойно.

Собственный его величества Блекторрентский гвардейский полк попал в клещи и дал себя окружить. К северу от церкви Гроба Господня лежит Смитфилд, большое открытое пространство, где торгуют скотом и время от времени проводят сожжения на кострах*. Его огибают две большие улицы: Гилтспер, которую процессия уже миновала, и Коу-лейн впереди. Смитфилд, как теперь ясно, стал местом сбора и загоном для охотников посмотреть казнь. Со вчерашнего, а может, и с позавчерашнего дня гуляки стекались сюда, чтобы швырять бутылки из-под выпитого джи-

на в ревущие костры. Заслышав колокольный звон, они ринулись по Гилтспер и Коу-лейн. Это увеличивает процессию на миллион спереди и миллион сзади.

Коу-лейн выходит на Холборн перед мостом через Флитскую канаву, который Гук построил какое-то время назад. Соответственно, здесь стратегический перекрёсток. Если толпа преградит каравану путь, то ему не перебраться через клоаку, а значит, и не попасть на Тайберн. Джек не видит моста, но знает, что они к нему приближаются, потому что дорога идёт под уклон: волокуша кренится, заставляя его податься вперёд. Они едут со Сноу-Хилл. В любую минуту процессия может остановиться. Однако, к удивлению Джека, у основания холма они без заминки сворачивают на мост. Только на полпути через Флитскую канаву Джек понимает причину: артиллерийская рота закрепилась в начале моста и поставила здесь несколько пушек, нацеленных в сторону Смитфилда и, надо думать, заряженных цепями и картечью. Несколькими ярдами дальше такая же батарея сдерживает примерно сто тысяч людей, собравшихся на набережной Флитской канавы. Толпа вынуждена наблюдать за процессией со стороны. Джек встаёт на волокуше и машет ру-

кой. Десять тысяч зевак бросаются вперёд, чтобы увидеть великое событие. Скольких задавили, сказать трудно, но по крайней мере сотня летит через парапет во Флитскую канаву. Джек садится, не желая вызвать новые бедствия. Ещё два десятка зрителей падают в канаву.

Звёздная палата

Пробирный анализ

ДВЕНАДЦАТЬ ГРАН СОСТАВЛЯЮТ четверть унции; поскольку золото — самое тяжёлое вещество в мире, четверть унции меньше горошины. Однако златокузнецы столь искусны, что могут надёжно определить пробу даже такого маленького образца. Взять двенадцать гран от одной гинеи — значит испортить всю затею: поставить результат в зависимость от случайных колебаний пробы, которая в конкретной монете может быть чуть меньше или чуть больше. Потому-то гинеи перемешивают и выбирают двенадцать — те самые, что лежат сейчас на куске бархата перед мистером Тредером. Тот явился, вооружённый кусачками с длинными рукоятками. Теперь он встаёт, чтобы удобней было орудовать, и в мгновение ока разрезает гинеи

на половинки, затем методично откусывает у каждой из двадцати четырёх полугиней уголки. Их должно получиться сорок восемь. Они такие маленькие, что кажутся Даниелю огоньками, как будто звёзды, нарисованные на потолке палаты, отражаются в чёрном бархате. Словно безумный демиург, мистер Тредер создаёт маленький космос из полумесяцев и рассыпанных звёзд. Теперь он начинает наводить порядок в хаосе, откладывая располовиненные гинеи в сторону и собирая звёзды в округлое созвездие посерёдке. Старческим пальцам трудно подцепить такую мелочь; во всяком случае, мистер Тредер раз или два облизывает их, словно книгочей, переворачивающий страницы. Все внимательно за ним следят, кроме Даниеля, чьи мысли больше заняты Исааком. Он поворачивается к портшезу и видит следующую сцену. Лорд-хранитель королевской печати вышел из боковой комнаты, где ему, как и прочим большим шишкам, положено ждать вердикта присяжных, и шаркающей стариковской походкой направляется к портшезу. Его милости втемяшилось поздороваться с Исааком. Катерина Бартон угадала намерение лорда-хранителя и глядит предостерегающе. Тот либо подслеповат, либо не считает нужным её замечать. Она пре-

граждает ему путь. Даниель отводит взгляд, не желая видеть чудовищное нарушение этикета.

— Умоляю, милорд, не надо! — кричит Катерина Бартон.

Все смотрят на неё, кроме Даниеля, который только что отвернулся.

Мистер Тредер, глянув поверх очков, прижимает пальцем звезду. Когда он поднимает руку, звезды нет — она потушена. Однако на её место падает другая. Мистер Тредер берёт новую звезду и кладёт в кучку посередине. Он вновь облизывает пальцы. Золотинка вспыхивает на его языке и исчезает, надо думать, за надгортанником. Мистер Тредер трёт руки, как будто они озябли — так, наверное, и есть. Подмигивает Даниелю.

Коллизия в углу каким-то образом разрешилась. Все вновь смотрят на взвешивателя. Тот стоит неподвижно, руки по швам, словно за время непредвиденного осложнения не шевельнул и мускулом.

— Сэр Исаак в последнее время сделался столь нелюдим, что поневоле думаешь: он от нас прячется! — говорит мистер Тредер одному из златокузнецов, но так, что слышат все в комнате. — Что ж, через несколько минут его тайны выплывут наружу; можно схорониться от лорда-

хранителя королевской печати, но не от этого!

Он кивает на печь.

Даниель, вообще-то, большой мастер подавлять порывы и сдерживать чувства, знает, что ему подали реплику.

— Мерзавец! — восклицает он и делает полшага вперёд, охлопывая себя в поисках нелепой шпаги, которую нацепил для сегодняшнего торжественного случая. Нащупав эфес, Даниель наполовину выдёргивает клинок из ножен.

Все смотрят на него. Мистер Тредер гасит очередную звёздочку, подбрасывает на её место другую и вновь облизывает пальцы.

— Доктор Уотерхауз! — говорит он чуть невнятно, возможно, потому что проглатывает кусочек золота. — Мой старый друг! Вполне ли вы здоровы?

— Я вам не друг, сэр! — вопит Даниель и хочет вытащить шпагу до конца, но более молодые руки уже схватили его за локоть, кто-то встал между ним и мистером Тредером. — Я верный друг сэра Исаака Ньютона, человека, столь преданного королю и своему делу, что он прибыл сюда, несмотря на тяжкий недуг!

Даниель засовывает шпагу обратно в ножны и выходит на открытое место между присяжными

и мисс Бартон. Все смотрят на него, кроме мистера Тредера, занятого очередным фокусом.

— Извольте запомнить, сэр, что ваш долг — провести анализ честно и беспристрастно, невзирая на вражду, которую люди вашей профессии питают к сэру Исааку. Лорды совета… — Тут Даниель поворачивается, чтобы указать на боковую комнату. Непривычные ножны бьют его по щиколотке, подсказывая новую мысль. Он цепляется за них ногой, вскидывает руки и падает.

Присяжные с трудом давят смех. В следующий миг их лишают дара речи два очень разных, но равно гипнотизирующих события. Во-первых, Катерина Бартон подбегает к Даниелю и наклоняется ему помочь, так что все собравшиеся могут заглянуть ей за корсаж. Во-вторых, из соседней комнаты стремительно выходит взбешённый Мальборо.

— Что, во имя… — начинает герцог и не договаривает, засмотревшись в декольте мисс Бартон.

— Пустяки, милорд, просто вспышка сильных чувств, как когда полено в камине пыхнет и летят искры, — говорит мистер Тредер. — Для нас важны только эти искры. — Он двумя руками указывает на кучку золотой крошки. — Если, как я надеюсь, доктор Уотерхауз не пострадал от

своих телодвижений, я отвешу двенадцать гран для анализа.

— Со мной… всё в порядке, — объявляет Даниель. — Спасибо, мисс Бартон, — добавляет он, поскольку она только что поставила его на ноги и теперь отряхивает от пыли. — Прошу меня извинить. Продолжайте, мистер Тредер, будьте любезны.

Орудуя пинцетом, мистер Тредер одну за другой отправляет золотинки из кучи на чашку весов. На другую чашку он поставил гирьку в двенадцать гран, доставленную из аббатства. Через минуту весы приходят в движение. Взвешиватель долго и нудно меняет большие кусочки на маленькие, иногда режет их пополам.

Наконец мистер Тредер отходит от стола и воздевает руки, как священник.

— Я утверждаю, — нараспев произносит он, — что в чаше этих весов находится образец, честно отобранный из монет ковчега и весящий ровно двенадцать гран; я приглашаю плавщика определить его пробу.

Выходит Уильям Хам.

Уильям не работал златокузнецом с детства, но, как и прежде его отец, он — уважаемый член гильдии. Даниель думает, что плавщиком его вы-

брали неслучайно: несколько дней назад Уильям смело преградил путь сэру Исааку и королевским курьерам, утверждая, что они не имеют права войти в хранилище и арестовать вклад. Его заслугу оценили. Непреклонный золотых дел мастер постоял за святость английской коммерции в банке, теперь с той же решимостью будет судить продукцию Монетного двора.

Уильям некоторое время совершал приготовления у печи. Теперь он подходит к весам, держа деревянный поднос. На подносе кусок свинца, расплющенный в тонкий неправильный диск, вроде корки от пирожка; форма для пуль, клещи и кубик из белёсого вещества со стороной меньше дюйма. Сверху у кубика округлое углубление. Уильям Хам ставит поднос рядом с весами и наклоняет чашку. Двенадцать гран золота водопадом сыплются в центр свинцового диска. Уильям Хам загибает его края и сминает свинец в ком размером с грецкий орех, кладёт на нижнюю половинку формы, накрывает верхней и стискивает клещами. Получается крохотный шарик, похожий не столько на Землю, сколько на серую щербатую Луну. Уильям кладёт его в выемку купели — так называется кубик из костяной золы. Образец входит плотно, напоминая

Даниелю чертёж сферы, вписанной в куб. Уильям забирает поднос и ставит его у печи. Другими клещами убирает купель в печь. Чашечка в первые мгновения серая, затем начинает вбирать жар и отдавать его в виде света. Свинец размягчается и оседает. Уильям Хам смотрит на часы. В купели образуется выпуклая линза жидкого свинца. Зола темнеет, впитывая расплавленные металлы.

На золотой пробной пластине выгравировано: «*Этот образец, состоящий из 22 каратов чистого золота и 2 каратов лигатуры в тройском фунте Великобритании, изготовлен апреля 13-го дня 1709 г.*». Покойный сэр Исаак Ньютон позволил себе выразить несогласие: он подозревал, что истинная пропорция, скорее, двадцать три к одному, и златокузнецы нарочно сделали пластину такой, чтобы он с большей вероятностью не прошёл испытание. Так или иначе, суть в том, что гинеи сэра Исаака должны быть почти целиком из золота, с небольшой допустимой примесью низких металлов. Другими словами, из двенадцати гран образца одиннадцать (если верить надписи на пластине) или даже больше (если златокузнецы смухлевали) должны быть чистым золотом. Чтобы проверить это химически, надо отделить золото от не-золота и взвесить. Гильдия

златокузнецов давным-давно установила, что, когда анализ проводится по этому методу, низкие металлы растворяются в свинце и вместе с ним впитываются в костяную золу, как в губку. Чистое золото остаётся, образуя в выемке купели так называемый королёк, что и происходит сейчас на глазах у Даниеля и присяжных. Хотя процедура вполне обыденная, Даниелю она кажется почти такой же волшебной, как то, что произошло недавно в портшезе. Высвобождение чистого лучезарного золота из тающего свинцового шара напоминает видение, о котором говорила принцесса Каролина.

Если передержать образец в печи, золото начнёт испаряться и потеряет в весе, что нечестно по отношению к директору Монетного двора. Если недодержать, в золоте останется примесь низких металлов, что нечестно по отношению к королю. Сколько продержать купель в печи — тайное знание златокузнецов. Даниель чувствует, что Уильям безмолвно просит совета у остальных одиннадцати присяжных. Когда общее согласие достигнуто, он снова берёт клещи, вынимает купель и ставит на кирпич студиться. Свинцовая обёртка исчезла, купель стала угольно-серой. В выемке королёк — круглое озерцо золота. Звёзды

и полумесяцы, украшавшие чёрный небосвод мистера Тредера, алхимически преобразились в солнце. Для взвешивания надо лишь дождаться, когда оно остынет.

Холборн

Джека вешают

ХОЛБОРН ДОЛЖЕН БЫТЬ для Джека долиною смертной тени. Возможно, и был бы, сиди Джек лицом к надвигающемуся Тайберну. Однако его везут спиной вперёд, так что смотрит он на оставляемый Лондон. Здесь предполагается символизм: он горестно созерцает свои прошлые дурные дела. Но в данном случае замысел не сработал. Джек — искра, которую тащат через наполненную порохом траншею. Холборн — не долина смертной тени, а бурление неистребимой жизни, выставленное Джеку напоказ, явная помеха в том, чтобы оплакивать былые грехи.

Джек не узнает никого в отдельности, но Лондон как целое знаком ему не хуже, чем престарелому викарию, — лица прихожан на воскресной службе. Узнаваемы и группы. Вот полк рыботорговок, обошедший с фланга батареи на мосту и пробившийся по Чик-лейн на запад-

ный берег Флит. Здесь полк разделился на роты и взводы и занял огневые позиции на Саффрон-Хилл, Дайерс-корт, Плоу-Ярд и Блидинг-Харт-корт — притоках, впадающих в Холборн на подъёме от моста, где процессия вынужденно замедляется. Привлечённые рёвом толпы, рыботорговки совершают вылазку на Холборн, расталкивают алебардщиков и драгун и, зачерпывая из фартуков пригоршни чёрных монет, швыряют их Джеку в лицо. Монеты бьют по волокуше, как картечь, рикошетят и звенят в воздухе, словно колокольчики фей. Джек отрывает от камзола пуговицу и бросает рыботорговке, пробившейся к самому каравану. Женщина от неожиданности ловит летящий в неё золотой снаряд. Ком рыбьих кишок ударяет Джека в переносицу. Тот отвечает на обстрел второй золотой пуговицей.

Почти без потерь отбив атаку рыботорговок, они въезжают на холм и оказываются в самой широкой части Холборна. Она тянется на милю до Сент-Джайлс, мимо роскошных площадей, на Джековой памяти сменивших коровьи пастбища. На Холборн-бар пуританин в чёрном держит над головой Библию, открытую на отрывке, с которым, по его мнению, Джеку следует ознакомиться. Другой пробивается через кордон и запрыгивает

на волокушу с ведром воды, чтобы окрестить Джека. Однако не на таковских напал: ординарий Ньюгейтской тюрьмы мигом спрыгивает с подводы, подбегает к волокуше и хватает крещальное ведро за ручку. Перетягивание ведра настолько отвлекает внимание, что небольшая процессия католиков — по крайней мере Джек думает, что они католики, потому что на всех чёрные рясы, — ухитряется проскользнуть через ряды солдат и присоединиться к шествию. Один из католиков — священник, остальные — плечистые монахи, что вполне разумно: одинокому паписту не прожить в этой толпе и десяти секунд. Священник догоняет волокушу, заглядывает Джеку в глаза и начинает что-то быстро декламировать, видимо, на латыни. Джека соборуют! Надо же, как кто-то о нём позаботился. Не иначе Людовик XIV выслал ударный отряд бестрепетных папистов из тайной штаб-часовни под Версалем.

Караван останавливается. Джек не знает почему. Проникшись христианским духом, он пользуется случаем сорвать пурпурный плащ и бросить священнику, жестами показывая, чтобы тот отдал его бедной старухе, непонятно как прорвавшейся в первые ряды.

Теперь слово за сильными мира сего. Караван

миновал Чансери-лейн. С севера дома знати: Ред-Лайон-сквер, Уотерхауз-сквер, Блумсбери. С юга Друри-лейн, идущая от Ковент-Гардена и Длинной мили. Соответственно одну сторону дороги контролируют герцоги и генералы от коммерции, а другую — актрисы и шлюхи. Миллионщики чуть не падают с балконов и крыш, так им хочется погрозить Джеку кулаком. Дамы напротив куда терпимее. Джек, повинуясь порыву, встаёт, сбрасывает камзол и швыряет его компании проституток. Камзол мигом разрывают в клочья. Джек — в одном парчовом жилете — оборачивается посмотреть, видел ли Кетч. Ещё бы тот не видел! Палача ввергли в отчаяние щедрые пожертвования у церкви Гроба Господня, но потом он успокоился, списав их на минутную слабость. Тем больнее ему наблюдать, как Джек раздевается и кидает своё бесценное облачение в толпу.

У церкви Святого Эгидия очередной ритуал: шествие останавливается, чтобы узникам поднесли чаши с элем. Джек выпивает несколько, за каждую платит золотой пуговицей. К тому времени, как процессия трогается и сворачивает на Оксфорд-род, жилет болтается у него на плечах, и ни одной пуговицы не осталось.

На перекрёстке, словно лодка, севшая на мель посреди бурного потока, стоит карета. На её крыше толстый герцог, специально занявший эту позицию, чтобы подольше покрасоваться перед Джеком, когда того будут везти на казнь. Он выкрикивает нечто, надо думать, очень обидное, затем, поняв, что Джек всё равно ничего не слышит в общем гвалте, багровеет и принимается орать, жестикулируя с такой силой, что парик съезжает набекрень. Однако люди попроще, если забыть склочных рыботорговок, не держат на Джека зла. На перекрёстке с Мэрилебон-лейн, где по северную сторону дороги наконец начинаются поля, бедного вида человек подбегает к волокуше с пинтой вина. Джек в благодарность отдаёт ему парчовый жилет.

Они на Тайберн-Кросс. Это пустырь размером с Тихий океан, вымощенный человеческими лицами. Над половодьем там и сям торчат высокие предметы; застрявший в толчее экипаж, дерево, которое вот-вот рухнет под обсевшими его людьми, редкие всадники и само Тройственное древо. Джек его не видит, пока не оказывается непосредственно под ним. Это каркас из шести мощных брусьев: трёх столбов и трёх перекладин, образующих треугольник высоко над головой, по-

своему прекрасный. Чувствуешь, что вступил в дом без крыши, в жилище, чей потолок — Небо.

У основания Нерасцветающего дуба на бросок камня в каждую сторону расчищено место. Толпу сдерживают алебардщики, на помощь которым теперь пришли Блекторрентские гвардейцы. Некоторые драгуны сидят верхом, обнажив сабли и взведя курки; другие спешились и примкнули штыки.

Предварительные повешения длятся целую вечность. Джек вносит в процедуру нотку веселья: снимает штаны, раскручивает над головой и швыряет в толпу. Парик где-то свалился сам. Теперь на Джеке только нижнее бельё, башмаки и удавка. Он встретит свою участь нищим, как Лазарь, о котором ординарий читал сегодня в часовне.

Остальные узники мертвы, висят на двух перекладинах Трёхногой кобылы. Третья предназначена исключительно для Джека. Он залезает на телегу, кучер заводит её под свободную перекладину. Джековы глаза устали от обилия впечатлений. Он на миг запрокидывает голову, чтобы видеть только небо, которое делит пополам отшлифованный верёвками брус.

Неподалёку раздаются выстрелы. Джек опуска-

ет голову. Он впервые смотрит на толпу с такой высоты. Ей нет ни конца, ни края. Пороховой дым поднимается от чёрной когорты квакеров, или гавкеров, или кого-то в таком роде. Никто не знает почему.

Внизу идут приготовления.

Мухи облаком взлетают с исполинской плахи, когда Джек Кетч плюхает на неё свёрток. Оттуда извлекается полный набор орудий для потрошения. Плаха — дощатый настил размером с кровать. Кетч раскладывает инструменты, иногда пробуя лезвие пальцем. Особое внимание он уделяет ржавым кандалам. Это способ показать Шафто, что на последних стадиях процедуры тот будет живой и в сознании.

Несколько часов назад, когда они выезжали из тюремного двора, у Кетча были все основания рассчитывать на безбедную старость. Золотые пуговицы, роскошная одежда, монеты в карманах — всё предназначалось ему. Он предвкушал, как расплатится с кредиторами и купит детям башмаки.

Теперь Кетч не получит ничего. До сей минуты Шафто избегал встречаться с ним глазами и не знал, как Кетч воспринял крушение своих надежд: бранится тот, плачет или никак не

может поверить в происходящее. Теперь они обмениваются взглядами. Шафто на телеге, Кетч — в разделочном цеху. Шафто видит, что Кетч совершенно спокоен. От чувств, выказанных в тюремном дворе, не осталось и тени. Даже откинь Кетч капюшон, его лицо было бы не выразительней чёрной кожаной маски. Он исполнен холодного профессионализма. Что-что, а уж отомстить Кетч может. Надо только исполнить приговор буквально и придать Джека смерти во устрашение.

Джек задумывается, правильную ли стратегию выбрал. Человек помоложе на его месте испугался бы. Впрочем, сомнения на этом этапе — признак хорошего плана. В них нет ничего дурного.

Ожидается, что он произнесёт несколько слов.

— Я, Джек Шафто, также называемый *L'Emmerdeur*, Король бродяг, Али Зайбак, Ртуть, Повелитель Божественного Огня и Джек-Монетчик, каюсь во всех своих грехах и предаю свою душу Господу, — говорит он. — Об одном прошу: чтобы меня похоронили по-христиански, собрав все мои части, какие удастся сыскать. Включая голову. Ибо всем известно, что в эту самую минуту Коллегия врачей собирается в анатомическом театре на Уорик-лейн и точит скальпели, гото-

вясь вскрыть мою голову и покопаться в моих мозгах, дабы узнать, где все эти годы жил бес противоречия. Я бы этого не хотел. Засим, мистер Кетч, я поручаю себя вашим заботам. Умоляю только лишний раз проверить узлы. Прошлой ночью, когда Бетти приходила ублажить меня и других смертников в подвале, она жаловалась, что вы совершенно утратили вкус к работе и хотите наняться куда-нибудь горничной на все руки. Приступайте, врачи ждут…

Больше он ничего сказать не успевает, потому что Кетч закинул свободный конец верёвки на перекладину и натянул туго. Очень туго. Раньше он обещал оставить щедрый запас, чтобы Шафто пролетел большое расстояние и всё закончилось быстро, но это было до того, как Шафто нарушил некое устное соглашение. Кетч так натягивает верёвку, что Джек только по виду стоит на телеге, а на самом деле едва касается её пальцами ног.

— Погоди, сейчас я тобой займусь, Джек, — шепчет он в ухо Шафто.

Узел за ухом клонит Джекову голову вниз; он невольно видит, что телеги под ним больше нет. Тут Джек вспоминает про верёвку, которая пропущена под исподним и привязана к петле. Он упирается ногой в «стремя». Ему становится

чуть легче. Позади него в телеге ординарий и католический священник молятся наперегонки.

Четыре конные упряжки, развёрнутые в разные стороны, как главные румбы розы ветров, готовы к последней и самой зрелищной части спектакля. Неподалёку стоят несколько человек, видимо, так или иначе связанные с потрошением и четвертованием. Все смотрят на Джека.

Один из них одет в рясу. Наверное, монах, сопровождавший католического священника по Холборну. Он встал поодаль от остальных, рядом с исполинской мясницкой плахой. Капюшон низко надвинут, так что человек смотрит на мир через туннель чёрной дерюги. Он поворачивается к Джеку, аккуратно сдвигает капюшон, чтобы столб солнечного света бил ему в лицо. Джек ожидает увидеть Еноха Роота или, на худой конец, какого-нибудь чокнутого подвижника.

Вместо этого он узнаёт своего брата Боба.

Теперь понятно, как одинокий монах смог вообще оказаться здесь, поскольку, несомненно, Бобу легко договориться с блекторрентцами.

Какой-то ослепительно блаженный миг Джек, как последний дурак, верит, что его спасут.

Следом накатывает страх: что, если Боб сейчас подбежит и повиснет у него на ногах, чтобы

ускорить смерть. Или вытащит пистолет и разом покончит с Джековыми страданиями.

Верёвка, на которой он стоит, лопается! Джек пролетает дюйма два, петля бьёт его по затылку, затягивается.

Он продолжает смотреть на брата. Сейчас, как в детстве, никого больше в мире нет.

До сих пор Боб держал руки сложенными, спрятав их в широкие рукава рясы. Теперь, видя Джеково мучение, он разводит их и воздевает к небу, как святой. Из правого рукава вылетают два жаворонка, из левого — чёрный дрозд. Они несколько мгновений бесцельно порхают над виселицей, затем, поняв, что это не настоящее дерево, взмывают в солнечный свет.

Джек чувствует, что мир на него больше не давит.

Понять, что означают птицы, несложно: *они сбежали*. Все трое. Они на пути в Америку.

Слышится рёв. Джек не знает, кровь это шумит в ушах, толпа, или легион демонов и ангельский хор сошлись в битве за его душу. Он, насколько может, закатывает глаза, чтобы не потерять птиц из виду. Небо, голубое минуту назад, становится тускло-серым. Горизонт сжимается до свинцовой монеты с оттиснутыми на ней птицами: двумя

белыми и одной чёрной.

Звёздная палата

Вердикт

ВЫЖДАВ ПОЛОЖЕННОЕ ВРЕМЯ, мистер Тредер берёт купель клещами и опрокидывает на свежепротёртую чашку весов. Королёк — сплющенная золотая бусина — шипит. Вместе с ним выпали несколько крошек жжёной кости. Мистер Тредер сдувает их, раз или два трогает королёк пинцетом, проверяя, что больше ничего лишнего не прилипло. Убедившись, что в чашке нет ничего, кроме чистого золота, он кладёт на другую чашку стандартный разновесок в десять гран. Весы остаются неподвижными — уже хорошо. Мистер Тредер, вооружившись пинцетом с ручками из слоновой кости, добавляет разновесок в один гран. Потом в полграна. Чашка идёт вниз, но она по-прежнему выше той, в которой золото. Мистер Тредер добавляет разновески настолько маленькие, что Даниель едва их различает: квадратики золотой фольги с оттиснутыми на них дробями. Мистер Тредер наваливает целую груду, потом резко останавливается. Убирает маленькие разновески, кладёт побольше, приговаривая «хм»

и «м-да». Наконец он снимает все разновески до последнего, опускает каждый в свою выемку и ставит на их место одну гирьку в двенадцать гран, которой прежде взвешивал частички гиней.

Коромысло весов некоторое время качается, стрелка отклоняется в обе стороны равномерно. Наконец трение берёт верх, и она замирает. Она так близка к центру, что мистеру Тредеру приходится закрыть рукой нос и рот, чтобы не сбить её дыханием. Он чуть не задевает стрелку ресницами, читая отсчёт.

Наконец он отступает на полшага — единственный человек в палате, посмевший двинуть хоть мускулом. Ибо все заметили и промедление, и гирьку в двенадцать гран на весах. Очень странно.

— Королёк весит двенадцать гран, — объявляет мистер Тредер.

— Здесь какая-то ошибка, — растерянно произносит старший златокузнец. — Такое возможно, только если во всех гинеях вообще нет примеси низких металлов!

— Или, — вполголоса говорит мистер Тредер Даниелю, — если низкие металлы в купели превратились в золото.

— В анализе где-то допущена ошибка. — Стар-

ший златокузнец оглядывает товарищей по гильдии, прося его поддержать.

Однако Уильям Хам категорически не согласен.

— Такое обвинение нельзя доказать, — замечает он.

— Доказательство у вас перед глазами! — Старшина златокузнецов указывает на весы.

— Это доказывает лишь, что сэр Исаак чеканит хорошие гинеи и что английская денежная система — самая надёжная в мире, — упорствует Хам. — Все члены коллегии присяжных были свидетелями анализа. Более того, участвовали в нём. Разве нет? Никто из нас не увидел нарушений. Своим молчанием мы уже признали результат. Объявить теперь, что анализ неверен, значит встать вот перед ним и сказать: «Милорд, мы не умеем пробировать золото!»

Уильям делает жест в сторону герцога Мальборо, который в дальнем конце помещения увлечён беседой с другим государственным мужем.

Уильям — банкир, а не практикующий золотых дел мастер. В совете гильдии он практически никто. Однако за пределами своего цеха, в Сити, он завоевал определённый вес; к его мнению прислушиваются. Отсюда его назначение плав-

щиком. Может быть, старшина златокузнецов потому и оспаривает результаты анализа, что недоволен растущим влиянием Уильяма? Даниелю сложно уследить за такими мелкими подводными течениями; ему довольно знать, что присяжные — и от Сити, и от гильдии — на стороне Уильяма. Если они и смотрят на старшину, то через плечо, словно оглядываются на отстающего.

К чести старшины тот сразу понимает, к чему идёт дело. Он морщится, но ненадолго.

— Хорошо, — объявляет старшина. — Тогда давайте отдадим сэру Исааку должное. Он притесняет нас, как не притеснял ещё ни один директор Монетного двора, но никто никогда не говорил, будто он не умеет плавить золото.

Старшина, а за ним и другие златокузнецы, кланяются Мальборо. Мальборо видит это и кивает своему собеседнику. Тот оборачивается. Даниель узнаёт в нём Исаака Ньютона. Он горд, что его друга так чествуют и что тот вроде бы завоевал наконец доверие герцога Мальборо. Только миг спустя Даниель вспоминает, что Исаак умер.

Чинную сцену прерывает шум в галерее, ведущей из Нового двора: какой-то буян хочет прорваться на торжество, пристав его не пускает.

Звуки шагов и спор приближаются.

— По какому праву?..

— Именем короля, сэр!

— К кому вы…

— К моему командиру! Герцогу Мальборо! Возможно, вы о нём слышали!

Говорящий стремительно входит в Звёздную палату. На нём полковничий мундир, вместо одной ноги — чёрная деревяшка. Он замирает, поняв, что нарушил некий торжественный ритуал, а подходящих слов наготове нет. Ситуация быстро ухудшается: лорды, ждущие в соседней комнате, заслышав суматоху, вообразили, будто упускают нечто важное. Теперь все они направляются сюда, у каждого на лице написано: «Извольте немедленно объяснить, в чём дело, или вас повесят!»

Даниель узнаёт одноногого полковника: это Барнс из Блекторрентского гвардейского полка. Барнс уже готов сам выкопать себе могилу и запрыгнуть в неё, прежде чем из боковой комнаты выйдут королевский письмоводитель, канцлер счётной палаты, первый лорд казначейства, лорд-хранитель королевской печати и лорд-канцлер, а также ганноверские герцоги и князья в количестве, достаточном для завоевания Саксонии.

Теперь у него деревянная не только нога — язык и мозги тоже одеревенели. Лишь одному человеку хватает духа заговорить.

— Милорды, — произносит Мальборо, — у нас есть новости от присяжных. И, если я не сильно ошибаюсь, с Тайберна тоже.

Даниель смотрит на Барнса: тот трясёт головой, прочищает горло, выкатывает глаза и машет руками. Однако Мальборо непреклонен: он смотрит только на лордов Тайного совета и ганноверцев.

— Готовы ли присяжные огласить предварительный отчёт?

Взвешиватель и плавщик жестами уступают друг другу честь говорить. Наконец Уильям Хам выходит вперёд и кланяется.

— Мы, разумеется, скоро составим официальное заключение и вручим его королевскому письмоводителю, а пока я имею удовольствие сообщить милордам, что испытание завершено и неопровержимо доказало: монета его величества надёжнее, чем когда-либо в истории королевства, а директор Монетного двора его величества сэр Исаак Ньютон достоин величайшей хвалы!

Исаак ещё не вполне поверил услышанному, но уже раздаются крики: «Виват!», они становятся громче, когда он делает шаг вперёд и кланяется.

Движения Исаака легки и красивы; он как будто помолодел. Даниель ищет глазами мисс Бартон, но она уже сама подошла, схватила его за руку и целует в щёку.

— Для меня высочайшая честь, — говорит Исаак, — служить моей стране. Иные отмечены славой на поле брани (кивок в сторону Мальборо), другие — мудростью (кивок, совершенно неожиданный, в сторону Даниеля), третьи — красотой (мисс Бартон). Я чеканю монеты и стремлюсь сделать их надёжным основанием, на котором предприимчивые и рачительные граждане будут строить английскую коммерцию.

Кивок в сторону присяжных.

— Вы ведь изрядно преуспели не только в чеканке монет, не правда ли, сэр Исаак?

Эти слова Мальборо произносит очень отчётливо, чтобы слышали ганноверцы, и дожидается, пока Иоганн фон Хакльгебер переведёт, прежде чем продолжить:

— Я, разумеется, говорю о вашем долге преследовать тех, кто пускает в обращение *дурные* монеты.

— Да, это тоже входит в обязанности директора Монетного двора, — соглашается Исаак.

Барнс возобновил лихорадочную пантомиму,

но не может поймать взгляд Мальборо — тот поглощён немцами.

— Сэр Исаак только что одержал две победы, — говорит Мальборо. — Одну здесь, на испытании ковчега, другую, не менее, а некоторые сказали бы, что и более славную, на Тайберне! Полковник Барнс?

Все поворачиваются к Барнсу. Тот перестал жестикулировать и теперь являет собой образец воинского достоинства.

— О да, милорд, — объявляет он. — Джек Шафто, Эммердёр, Король бродяг, он же Джек-Монетчик, повешен.

— Повешен, выпотрошен и четвертован согласно приговору? — яростно произносит Мальборо. Это не столько вопрос, сколько утверждение.

— Повешен, милорд, — говорит Барнс. Слова висят в воздухе ужасающе долго, словно осуждённый на виселице. Полковник чувствует, что надо продолжить. — Повешен до смерти.

— До полусмерти, снят с виселицы, выпотрошен и четвертован?

— Мистер Кетч не смог произвести вспарывание и расчленение *мёртвого тела покойного* негодяя Шафто.

— Что ему помешало, скажите на милость?

Брезгливость? Или мистер Кетч забыл прихватить свои ножи?

— Помешала толпа. Ярость самой необузданной и многолюдной толпы, какая когда-либо собиралась на этом острове.

На ганноверской стороне развивается побочная ветвь разговора: Иоганн фон Хакльгебер пытается перевести слово «толпа» на верхненемецкий.

— Я потому и отправил Собственный его величества Блекторрентский гвардейский полк охранять виселицы, что ожидал большего, чем обычно, стечения народа, — рассеянно произносит герцог.

Барнс, угадав в его спокойствии вступление к растущему гневу, говорит:

— Что мы и выполнили, милорд. Повешение прошло благополучно. Джек Кетч, приставы и тюремщики выведены с места казни живыми и невредимыми. Виселицу, как ни прискорбно, придётся возводить заново, но это уже работа для плотников, а не для солдат.

— Ясно. Однако вы сочли разумным отступить прежде, чем совершилось потрошение и четвертование.

— Да, милорд. Как раз на этом этапе толпа пришла в неистовство и ринулась к виселице, чтобы

снять Джека Шафто…

– *Джека* или *его тело?* — спрашивает Исаак Ньютон.

— Полковник Барнс, — говорит Мальборо. — Толпа *сняла Джека Шафто с виселицы* или только *ринулась к виселице, чтобы его снять?* Как вы понимаете, есть некоторая разница.

— Если вы желаете знать, чья рука держала нож, разрезавший верёвку, я не могу назвать вам его имя, — отвечает Барнс. — Я был занят более важной задачей: вёл своих солдат.

— Куда вы их вели? Какой приказ отдали?

— Я велел примкнуть штыки и образовать кордон вокруг Джека Кетча и тех участников казни, которые были ещё живы.

— Вы дали приказ стрелять?

— Нет, — говорит Барнс, — поскольку счёл это самоубийственным и, хотя всегда готов отдать жизнь в бою, рассудил, что самоубийство помешает нам исполнить миссию до конца.

— Мне часто думалось, что в вас борются викарий и воин, полковник Барнс. Теперь я вижу, что воин наконец победил. Викарий приказал бы открыть огонь и предал себя воле Божьей. Только воин мог выбрать трудный путь упорядоченного отступления.

Барнс, ждавший чего угодно, только не похвалы, отдаёт честь и краснеет.

— Они желают знать, почему вы не стреляли в толпу, чтобы навести порядок! — спрашивает Иоганн фон Хакльгебер от имени возмущённых ганноверцев.

— Потому что это Англия, а мы в Англии не убиваем своих соотечественников! — отвечает Мальборо. — Вернее, убиваем, но намерены положить этому конец. Пожалуйста, переведите мои слова самым дипломатичным образом, фрайгерр фон Хакльгебер, чтобы новому королю хорошенько их разъяснили и нам не пришлось натравливать на него гавкеров.

Мальборо подмигивает Даниелю.

Исааку этот разговор неинтересен.

— По правде сказать, меня вполне устраивает, что тело Джека Шафто осталось неповреждённым. Я с нетерпением жду, когда смогу произвести его вскрытие в Коллегии врачей, дабы выяснить причины аномальности.

— Знаю, — говорит Барнс. — Весь Лондон знает, потому что Джек объявил об этом с эшафота, только более цветисто. После его слов и произошло народное возмущение.

Исаак пожимает плечами:

— Прикажите своим людям отвезти тело в здание Коллегии врачей.

— Мы не знаем, где оно, — отвечает полковник Барнс.

— На Уорик-лейн, недалеко от Ньюгейта.

— Нет. Я хочу сказать, мы не знаем, где тело.

— Простите? — Исаак смотрит на Мальборо.

Однако герцог занят прямым и откровенным культурным обменом с ганноверцами, и ему не до Исаака. Немцам потребовалось некоторое время, чтобы понять всю дерзость шутки про гавкеров и поверить, что герцог действительно это сказал; теперь они постепенно распаляются. Иоганн фон Хакльгебер, видя, что попал под перекрёстный огонь, ищет случай вклиниться в менее опасный и более интересный разговор о трупе Джека Шафто.

— После того, как мёртвое тело срезали с виселицы, — продолжает Барнс, — кучка смутьянов подняла его на руки. Я послал солдат отнять тело. Смутьяны рассеялись, предварительно бросив его…

— На землю?

— Нет, своим товарищам. Те, увидев приближающихся солдат, перекинули тело дальше в толпу. Это происходило на удивление слаженно.

Мне пришлось взобраться на эшафот, чтобы посмотреть, где тело. Оно словно плыло, как лист в бурном потоке, подпрыгивая и крутясь, но всё время в одну сторону: прочь от меня.

Исаак вздыхает. Теперь он выглядит на все свои семьдесят один.

— Прошу, избавьте меня от дальнейших поэтических описаний и скажите прямо: где вы последний раз видели тело Джека Шафто?

— Примерно на восточном краю горизонта.

Исаак смотрит непонимающе.

— Толпа была настолько огромна, — поясняет Барнс.

— Вы совершенно уверены, что с виселицы его сняли уже мёртвым?

— Если позволите, сэр, на ваш вопрос ответить несложно! — вмешивается Иоганн фон Хакльгебер. — Всякий, кто был сегодня утром в Ньюгейте, скажет, что Джек вышел в немыслимо дорогом парчовом костюме, а карманы его топорщились от монет. Все это, разумеется, предназначалось Джеку Кетчу в уплату…

— За быстрое повешение, чтобы петля сразу сломала шею, — говорит Исаак. — И прекрасно! Пусть толпа зароет его где-нибудь на кладбище для бездомных!

— Да, — подхватывает Даниель, — самое место для такого негодяя. А у нас новый король, сильный банк, надёжная государственная монета, все труды натурфилософов и изобретателей — прекрасное начало новой Системы мира.

Иоганн фон Хакльгебер с сомнением глядит на Мальборо, который близок к тому, чтобы схватиться на шпагах с каким-то немецким герцогом.

— Ничего, ничего, — успокаивает Даниель. — Это тоже входит в Систему.

Эпилоги

Ведь Время, приложась К движенью, даже в Вечности самой Все вещи измеряет настоящим, Прошедшим и грядущим.

Мильтон, «Потерянный Рай»

Дом Лейбница в Ганновере
ноябрь 1714
Ганновер

БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ, стоя по колено в золоте, говорили бы о нём, но только не эти два эксцентричных барона.

— И он вылез из портшеза, с виду совершенно здоровый, — заканчивает Иоганн фон Хакльгебер.

Он садится на пустую бочку. Лейбниц сел чуть раньше, кряхтя и морщась от подагры. Они под домом Лейбница, в погребе для съестных припасов. Бутылки с вином, бочки с пивом, репу, картошку и корзины с рыгающей кислой капустой вынесли и раздали бедным, освобождая место для бочек совершенно иного рода. Лейбниц, не доверявший теперь никому в Ганновере, держал их закрытыми до приезда Иоганна. Последний час Иоганн

откупоривал бочки, вытаскивал золотые пластины и складывал их аккуратными стопками.

— По вашему рассказу выходит, что его оживили эликсиром жизни, — говорит Лейбниц.

— Я думал, вы в такое не верите. — Иоганн указывает на золотые пластины.

— Я мыслю об этом иначе, чем он, — говорит Лейбниц, — но допускаю, что монады, определённым образом организованные, способны творить то, что нам представляется чудесами.

— Теперь у вас волшебного золота — сколько душе угодно. Если вы хотите вылечить подагру или…

— Жить вечно?

Иоганн теряется. Вместо ответа он берёт лом и начинает вскрывать следующую бочку.

— Подозреваю, что некоторые из нас и впрямь живут вечно, — говорит Лейбниц. — Например, ваш якобы двоюродный дед и мой благодетель, Эгон фон Хакльгебер. Или, как его ещё называют, Енох Роот. Допустим, Енох может посредством манипуляций с тончайшим духом лечить болезни и продлевать жизнь. Чего он добился? Изменило ли это что-нибудь?

— Едва ли, — говорит Иоганн.

— Едва ли, — повторяет Лейбниц. — Кроме

того, что он время от времени дарит несколько незаслуженных лет тем, кто иначе бы умер. Наверное, в последние тысячелетие-два Енох не раз себя спрашивал, какой в этом толк. Очевидно, он принимает живое участие в судьбах натурфилософии, старается всячески ей способствовать. Зачем?

— Потому что алхимия его не удовлетворяет.

— Надо думать, да. Теперь смотрите, Иоганн: сэр Исаак алхимическими средствами получил несколько лет земного существования, но не приобрёл ни нового счастья, ни новых знаний. И это ещё одна подсказка, почему алхимия не удовлетворяет Еноха. Вы говорите, что я мог бы при помощи Соломонова золота продлить себе жизнь. Но это, очевидно, не та цель, к которой толкают меня Енох Роот и Соломон Коган. Напротив! Они оба стремятся прибрать всё Соломоново золото к рукам, чтобы оно не досталось тому единственному, кто знает, что с ним делать: Исааку Ньютону! Мне в мои лета браться за алхимию, плавить эти пластины, варить эликсир… чтобы повторить историю доктора Фауста? И с тем же плачевным результатом в последнем акте.

— Мне больно видеть, что Ньютон торжествует, а вы угасаете здесь, в Ганновере.

— Соломоново золото у меня, а не у него. Вот оно, торжество. И я ему не рад. Нет, подражать Ньютону было бы не победой, а капитуляцией. Если я его переживу, то не за счёт противоестественных эликсиров долголетия. Мы должны приложить все усилия, чтобы логическая машина была построена.

— В Санкт-Петербурге?

— Тогда и там, где могущественному правителю угодно будет её построить.

— Я закажу прочные деревянные ящики, — говорит Иоганн, — и велю доставить их сюда. Я сам спущусь в этот подвал, собственными руками уложу пластины и заколочу ящики так, чтобы и мысли не возникло, будто в них что-нибудь ценнее старых заплесневелых писем. После этого вы сможете отправить их в Санкт-Петербург или куда захотите одним росчерком пера. Однако если то, что мне сообщают из России, верно, царь сейчас занят другим и вряд ли доведёт дело до конца.

Лейбниц улыбается.

— Вот почему я сказал: «Тогда и там, где могущественному правителю угодно будет её построить». Если не царь, значит, это сделает кто-то другой после моей смерти.

— Или после моей, или после смерти моего сына, или после смерти моего внука, — говорит Иоганн. — Человеческая натура такова, что, боюсь, это случится не раньше, чем способности логической машины потребуются для войны. А такое трудно вообразить.

— Тогда растите вашего сына и вашего внука, если они у вас будут, людьми с богатым воображением. Внушите им, как важно заботиться о пыльных старых ящиках в Лейбниц-архиве. Кстати…

— Принцесса Уэльская, — говорит Иоганн, поднимая руку, — получив новые земли и титулы, стала необычайно властной особой. Она строго приказала мне жениться. Моя дражайшая матушка её поддержала. Умоляю хоть вас не начинать.

— Хорошо, — говорит Лейбниц, выдержав уважительную паузу. — Наверное, это был очень тягостный разговор.

— Куда более тягостный, чем я ожидал, — говорит Иоганн. — И я рад, что он позади, а не впереди. Я буду время от времени приезжать в Лондон, танцевать с нею на балу, пить чай с матушкой и помнить. А потом возвращаться в Ганновер и жить своей жизнью.

— А что они поделывают? Какие вести от двух

великих дам?

— Они в Европе, — говорит Иоганн. — Восстанавливают отношения с кузенами после войны.

Сады Трианона в королевском дворце Версаль

Версаль

НАД ВОДОЙ РАЗНОСИТСЯ резкий звук. Дикие гуси с криком взлетают в воздух. Звук повторяется, и одна птица падает на берег. Пудель плывёт к ней. Гладь пруда идёт V-образными волнами, почти точным отражением гусиного клина наверху. Слышен звон разбитого стекла, женский вскрик. Двое мужчин смеются.

Щит из срубленных и связанных веток рывком отодвигается в сторону. За ним барка: плавучая засада. В ней еле-еле помещаются два охотника, но роскоши — на двух королей. Как только заграждение из палок и мёртвых листьев убрано, становятся видны позолоченные барельефы с изображением Дианы и Ориона. На золочёных походных стульях сидят двое, у каждого в руках непомерно длинное ружьё. Оба помирают от хохота — так им смешно, что пуля разбила окно.

Один из них очень старый, розовый, оплывший, наполовину погребён в мехах, которые

соскальзывают, когда он заходится от смеха. Старик ловит горностаевую муфту, чтобы не свалилась за борт.

– *Мон кузен!* — восклицает он. — Вы одним выстрелом уложили двух птиц: гуся и камеристку!

Второму лет шестьдесят с гаком, он энергичен, но не проворен. Видно, что от множества пережитых на веку приключений у него всё болит, ломит, тянет, хрустит, ноет и щёлкает. Он шаркает на другую сторону палубы и отодвигает второй маскировочный щит, впуская утреннее солнце и выпуская застоялый воздух. За это время он успевает составить фразу на ломаном французском:

— Будь она ранена, она бы ещё кричала. Она просто напугана.

— Думаю, вы поразили цель в Трианон-су-Буа, где обитает моя невестка Лизелотта.

— Небось вся из себя важная особа? — говорит тот, что помоложе. — К такой и подойти страшно. Может, скажете ей, как мне стыдно?

— И как же вам стыдно?

— Ну и ехидный же вы, Луй! Скажите, Лизелотта знакома с герцогиней Аркашон-Йглмской?

— Ещё бы! Сколько интриг они вдвоём провернули! Вероятно, завтракают вместе, пока мы тут разговариваем.

— Тогда, может, Элиза и передаст мои извинения. В любом случае она говорит по-французски лучше вас.

— Хо-хо-хо! — заходится король. — Вам так кажется, потому что вы от неё без ума. Я вижу.

Кто-то ломится через кусты у пруда.

– *Мерд!* — восклицает король. — Нас обнаружили! Закрывайте щиты! Скорее!

Его собеседник поворачивается и тянется к щиту, но замирает и, кривясь, запрокидывает голову.

— Дьявол!

— Что, снова шея? — участливо спрашивает король.

— Такой адский прострел — никогда прежде не было. — Он трогает больное место, снова морщится и начинает поправлять шёлковый платок.

— Вам следовало беречься виселицы.

— Я берёгся, пока мог, но там было дело сложное.

Она появляется на берегу. Одна её рука поднята, большой и указательный палец сведены колечком.

— Доброе утро, Джек.

— Бонжур, мадам герцогиня. — Тот, кого назвали Джеком, отвешивает преувеличенный поклон,

граничащий с открытой издёвкой. Каждый из его позвонков выражает громкий протест.

— Ты тут кое-что потерял, а я нашла!

— Моё сердце?

Она бросает в него дробину. Та ударяет в подлокотник и отлетает рикошетом. Мужчины прячут глаза.

— Палатина просила сказать вам обоим, что в её годы трудновато шарахаться от пуль.

— По счастью, Пепе уже несёт искупительный дар. — Король указывает на курчавого пса. Тот вылез из воды, машет Элизе хвостом, затем подбегает и кладёт мёртвую птицу к её ногам.

— Я не люблю дичь, — отвечает Элиза, — но Лизелотта в своё время была великой охотницей. Возможно, подарок её умиротворит.

Она наклоняется, берёт птицу за шею и несёт прочь на вытянутой руке. Мужчины смотрят в благоговейном восторге. Луй тычет Джека в бок.

– *Magnifique* [30], а?

— Жеребец старый.

— Ах, она великая женщина, — говорит король, — а вы, *мон кузен,* счастливец.

— Встретить её было несказанной удачей, тут

---

[30] Примечания: 30
Великолепна (*фр.*).

я с вами согласен, потерять — глупостью. Я не знаю, какое слово отнести к себе сейчас, разве что «усталость».

— У вас будет вдоволь времени отдохнуть в прелестнейших местах, — говорит Луй.

Джек, внезапно насторожившись, хватает щит и прячется за ним. По берегу идут трое французских придворных — они услышали выстрелы и теперь ищут короля.

— Места прелестные, — соглашается Джек. — Лишь бы обо мне не узнали и не пошли слухи.

— Ах, но ведь на Ля-Зёр и в Сен-Мало несложно укрыться от людей?

— Там я и буду жить на покое, — кивает Джек. — Пока она меня терпит.

Король в притворном изумлении выгибает бровь.

— А если она вас прогонит?

— Тогда в Англию и вновь за работу, — говорит Джек.

— Монетчиком?

— Садовником.

— Поверить не могу!

— Это известная слабость старых англичан, которые уже ни на что не годятся. Мой брат устроился садовником в поместье к богатому человеку.

Если Элизе надоест кормить старого никчёмного бродягу, я отправлюсь туда — буду полоть герцогские сорняки и браконьерствовать в его угодьях.

Бленхеймский дворец

Бленхеймский дворец

— ОТЛИЧНО! РАЗ ТАК, дальше я пойду босым! — восклицает малый тех же лет и телосложения, что Джек Шафто. Он двумя руками берётся за колено и дёргает. Из сапога, почти целиком ушедшего в грязь, появляется босая ступня. То же происходит со второй ногой. Боб Шафто свободен. Он стоит почти по колено в грязи. Сапоги быстро наполняются дождевой водой. Он салютует им: — Счастливо оставаться!

— Золотые слова! — доносится голос из палатки, стоящей поблизости на более высоком и сухом месте.

Из-за стола встаёт человек и поворачивается к Бобу. На столе горят свечи, хотя сейчас всего два часа дня.

В широкополой шляпе Боба скопились несколько озёр дождевой воды общим объёмом свыше галлона. Он медленно, рассчитанным движением запрокидывает голову. Озёра приходят в

движение, сливаются, текут в обход тульи и с плеском рушатся в грязь у Боба за спиной. Теперь он может видеть палатку.

Тот, кто сейчас заговорил, стоит у входа. За столом человек с деревянной ногой учтиво принимает чашку шоколада у женщины, которая перед тем возилась у походной печки.

— Боб! — кричит стоящий джентльмен. — Босой, под дождём, ты в точности как пятьдесят лет назад, когда мы впервые встретились. Клянусь, так тебе лучше! Брось сапоги гнить, где оставил, и никогда больше не надевай такое кошмарище! А теперь давай в палатку, пока не простыл насмерть. Абигайль сварила шоколад.

Боб вытаскивает ногу из грязи, встаёт на камень, вытаскивает вторую, с осторожностью оборачивается на брошенные сапоги.

— А треклятым планом тут пара сапог предусмотрена?

— Кусты тут предусмотрены! — объявляет одноногий, глядя на Боба в нивелир и сверяясь с расстеленным на столе планом. — Но не тревожься, вредители съедят твои сапоги задолго до того, как наступят сроки посадки.

— Сколько викарий Бленхейма смыслит в сроках посадки?

— Столько же, сколько я смыслю в обязанностях викария.

— А я — в жизни сельского джентльмена. — Герцог Мальборо обеспокоенно смотрит на полмили грязи и недостроенный дворец. — Но мы все должны учиться. Кроме Абигайль. Она и без того само совершенство.

Абигайль вознаграждает его скептическим взглядом и чашкой шоколада. Боб делает следующий осторожный шаг. Его бывший полковник, а ныне викарий Бленхейма, возвращается к карте, причудливо контрастирующей с унылой реальностью вокруг, скользит глазами по геометрической правильности будущего сада и останавливается на крохотной церковке и доме викария по соседству.

Мальборо говорит:

— Из этой палатки мы поведём нашу последнюю кампанию. Мы уничтожим вредителей, которых привлечёт ядовитое амбре Бобовых сапог. Боб научится заботиться о растениях, Барнс научится заботиться о наших душах, я научусь бездельничать, Абигайль будет заботиться о нас всех.

— Должно выйти, — говорит Боб, — если сюда не явится мой братец.

— Он умер, — объявляет Мальборо. — А если он сюда явится, мы его застрелим. А если он всё равно выживет, мы отправим его в Каролину. Ибо, как мне сообщают, ты, Боб, не единственный из Шафто начал новую жизнь и подался в земледельцы.

Боб наконец подходит к палатке.

— Странный поворот судьбы, — бормочет он, — но справедливый.

— Это как?

— Правильно Джеку, Джимми и Дэнни пахать землю после того, сколько они напахали в политике.

— Если ты собираешься так шутить, — говорит Барнс, — оставайся-ка лучше под дождём.

Каролина

— Я СНОВА ИХ ВИДЕЛ, Томба! Сразу как солнце взошло над морем, распогодилось, я поглядел на запад и увидел их, красные в рассветных лучах. Горы. Ждут нас, как печёные яблоки на противне.

Томба лежит ничком на мешке сухого лапника, который заменяет ему постель, как и другим батракам на плантации мистера Икхема. Спина его (не первый раз) исполосована бичом. Джим-

ми Шафто вытаскивает из ведра мокрое тряпьё, выжимает и кладёт Томбе на раны. Томба открывает рот, чтобы закричать, но не издаёт ни звука. Дэнни продолжает говорить, чтобы его отвлечь.

— Неделя быстрым шагом. Меньше, если украсть лошадей. Столько мы продержимся. А в горах полно дичи.

— Индейцев тоже полно, — говорит Томба.

— Томба! Глянь, как тебя разукрасили, и скажи, неужто индейцы хуже надсмотрщика.

— Хуже никого нет, — признаёт Томба. — Но я не смогу идти быстрым шагом семь дней.

— Ладно, дождёмся, пока рубцы заживут. Тогда и сбежим.

— Ребята, вы ничего не поняли. Тогда будет что-то ещё. Надсмотрщик знает, как сломить человека. Особенно чёрного. Сперва я не понимал, теперь вижу. Он со мною не так, как с другими. Гляньте на мою спину и скажите, что это не так.

Солнце бьёт в щели между брёвнами, стена напротив — в параллельных огненных полосах. Снаружи роется свинья, подкапывает их жилище, но её нельзя прогнать или съесть: свинья — гордость и отрада надсмотрщика. Издалека доносятся его крики:

— Джимми? Дэнни! Джимми? Дэнни! Куда вы

запропастились, черти!

— Ухаживаем за товарищем, которого ты засёк до полусмерти, скотина, — бормочет Джимми.

— Вы у меня все станете красношеими, — повторяет Томба любимую присказку надсмотрщика. — Поработаете на солнышке и станете. Все, кроме негра — у него шея не покраснеет, пока хорошенько не отлупцуешь.

Все трое знают, что реднеками — красношеими — называют в этих краях белых батраков, потому что в поле шея загорает сильнее всего.

Он упирается руками и встаёт на четвереньки. Потом опускает голову, так что сбитые в жгуты чёрные волосы метут пол — у него плывёт перед глазами.

— Джимми? Дэнни! Джимми? Дэнни! Вы что, кормите своего ручного негра? — Надсмотрщик методом исключения вычислил, где они, и теперь идёт к хижине.

— Ты прав, — говорит Томба. — Он решил меня сегодня доконать. Пора распаковывать узлы.

— Значит, распаковываем, — говорит Дэнни.

Он разрывает мешок, на котором перед тем лежал. Оттуда вываливается длинный свёрток. Джимми быстро сдёргивает верёвки, и они с Дэнни вдвоём принимаются за работу: Дэнни

держит свёрток на руках, Джимми разматывает холстину. Томба хлопает рукой по стене хижины, ища, за что уцепиться, и встаёт.

— Их здесь нет, маса! — кричит он. — Здесь нет никого, кроме бедного Томбы!

— Врёшь, скотина!

Надсмотрщик рукояткой бича распахивает дверь. Он застывает в дверном проёме, ничего не видя после яркого света. Однако он слышит неожиданный звук извлекаемых из ножен слабоизогнутых клинков: длинного и короткого. Возможно, даже различает непривычные для Каролины отблески солнца на узорчатой стали.

— Только не говори, что сделаешь из нас красношеих, — говорит Дэнни. — Ты ведь с этим пришёл?

— Что?! За работу, дармоеды! Не то разукрашу вас почище Томбы!

Надсмотрщик входит в хижину и заносит бич для удара, но опустить не успевает: булатный клинок рассекает воздух рядом с его ухом, ампутированная плеть падает на земляной пол. Томба, пошатываясь, выходит наружу и закрывает дверь. Он щурится на несколько акров земли; Томба знает, что она красная, но видит её серой, потому что мир перед его глазами сделался

чёрно-белым. За полем — большой белый дом. Батраки долбят землю мотыгами. Надсмотрщик за спиною Томбы непривычно тих. Может, его глаза привыкли к темноте, и он понял, что заперт в тесном пространстве с двумя разъярёнными самураями.

— Шея краснеет не только от солнца, — замечает Дэнни. — И вот как это делают в Нагасаки!

Следует быстрая череда звуков, которых Томба не слышал давно, но прекрасно помнит. Кровь течёт из-под стены в ямку, вырытую свиньёй надсмотрщика. Привлечённая запахом, свинья подходит, нюхает и начинает лакать.

Джимми и Дэнни выбегают из хижины. Дэнни вытирает клинок о штанину и прячет в ножны. Джимми кричит другим батракам:

— Сегодня у вас выходной! А когда мистер Икхем вернётся из Чарльстона и спросит, как так вышло, скажите, что это сделали красношеие ронины! И что мы ушли туда!

Он остриём вакидзаси указывает на Дикий Запад. Потом убирает меч в ножны и поворачивается к товарищам.

— В горы, ребята.

Корнуолл

УИЛЛ КОМСТОК, граф Лоствительский, опасался, что их застигнет туман. Туманы гуляют по вересковым пустошам, как привидения по нехорошему дому. И впрямь, раз или два путников накрывает сплошной пеленой. Тогда Уилл требует остановиться и ждать, когда просветлеет, чтобы не сбиться с дороги. Даниель нервничает, что ван Крюйк потеряет терпение и отплывёт без него. Однако к полудню свежий северный ветер уносит туман и гонит путешественников вниз по долине к морю. Оно уже различимо вдали, серо-зелёное, испещрённое пятнами солнца и тенью облаков.

Местность разрезана каменными оградами на куски такой неправильной формы, как будто её собрали из осколков других планет. На склонах вересковой пустоши стены извилистые и зияют дырами. Позже, в долине, путники проезжают через рощицы чахлых дубов. Деревья ростом не выше Даниеля; они цепляются за каменистую почву, как шерсть на овце, и, несмотря на позднюю осень, упрямо не расстаются с листьями. Стены здесь прямые и прочные, мох на них кишит жизнью.

Из такого леска путники выезжают на мглистую низину, где косматые, смоляно-чёрные коровы безуспешно пихаются боками. Дорога идёт вдоль реки, бегущей с вересковой пустоши. Чуть дальше она замедляет течение и расширяется, образуя губу. Там ждёт шлюпка, чтобы доставить Даниеля на «Минерву», которая стоит где-то неподалёку, готовая отплыть в Порту и оттуда в Бостон.

Однако путешественники из Лондона ехали с графом Лоствителским и Томасом Ньюкоменом не для того, чтобы пялиться на шлюпки и на коров. На выезде из последней мокрой рощицы Даниель Уотерхауз, Норман Орни и Питер Хокстон примечают в долине кое-какие новшества. Сразу за прибрежной полосой склон полого идёт вверх примерно на расстояние полёта стрелы, дальше начинается скальный обрыв. Всякий, даже не поклонник технологических искусств, сразу догадался бы, что из основания обрыва много поколений добывают уголь. По всему берегу до самой воды видны следы угольных тележек. В целом всё довольно типично для небольшой шахты, которую разрабатывают, пока не дойдут до уровня грунтовых вод, а потом бросают.

Недалеко от обрыва на плоском скальном

выступе торчит нечто, как будто собранное из останков разводных мостов и осадных машин. Две отдельно стоящих кирпичных стены разделены промежутком ярда в четыре шириной, заполненным конструкцией из чёрных брусьев, напомнившей Даниелю виселицу. На брусьях держатся платформы, доски и механизмы, назначение которых сложно понять, даже когда подъезжаешь ближе. От сооружения идут шипение и глухие удары — так могло бы биться сердце умирающего великана. Однако великан не умирает, сердце его бьётся мерно. С каждым ударом слышится звук бегущей воды. Слух может различить, как она течёт по зигзагообразному деревянному жёлобу и выплёскивается на берег, где уже пробила небольшое русло до самой прибойной полосы.

— Грунтовая вода, поднятая из шахты машиной мистера Ньюкомена, — объявляет Лоствител.

Пояснение совершенно излишнее: трое гостей для того и прибыли из Лондона, чтобы увидеть машину. Однако Лоствителю важно произнести эти слова, как пастору на церемонии, провозглашающему: «Я объявляю вас мужем и женой».

Сатурну и Орни не терпится залезть в недра машины и подробно разобраться в её устройстве.

Даниель вместе с ними поднимается на дощатую платформу, с которой видна почти вся долина. Здесь он останавливается и смотрит по сторонам. Это последний случай побыть в одиночестве до самого Массачусетса. Теперь Даниель видит «Минерву» — она стоит на якоре в нескольких милях от берега, там, где речная губа открывается в море. Команда шлюпки уже разглядела Даниеля в подзорную трубу и теперь гребёт прямо к нему, набирая скорость, чтобы зарыться килем в мягкий песок, куда машина выплёскивает грунтовую воду.

Над головой Даниеля потрясает кулаком великанья рука: коромысло из грубых досок, соединённых железными скобами, которые наверняка выкованы где-то по соседству. От него отходит исполинская цепь: звенья размером с человеческую берцовую кость соединены шплинтами чуть побольше медвежьего когтя. В представлении мистера Ньюкомена они должны быть одинаковыми, но на самом деле одни звенья чуть больше, другие чуть меньше. Впрочем, отклонения усредняются, когда цепь исчезает за горизонтом деревянной дуги, завершающей коромысло. Цепь прикреплена к поршню, ходящему в вертикальном цилиндре диаметром с шахт-

ный колодец. Поршень сверху обмотан паклей, на ней уплотнительное кольцо, удерживаемое муфтами. Довольно много пара вырывается наружу, но основная часть остаётся, где положено. Противоположный конец коромысла соединён со стержнем из деревянных брусьев, схваченных железными обручами. Стержень ныряет под землю и приводит в действие чавкающий механизм, который Даниелю не виден. В сравнении со всем этим мозг машины мал и едва заметен: человек, стоящий на платформе этажом ниже Даниеля в окружении различного рода рычагов. Он по мере надобности снабжает машину информацией. Сейчас такой надобности нет, и он снабжает информацией Сатурна и Орни.

Платформа насквозь мокрая, но тёплая: на ней оседает выпущенный пар. Даниель позволяет машине дышать себе в затылок, а сам принимается обозревать другие творения её создателей. Он собирается черкнуть письмо Элизе, рассказать, на что пошёл капитал, который она и остальные инвесторы доверили Лоствителу и Ньюкомену. Мистер Орни доставит письмо по адресу. Разумеется, Орни расскажет гораздо больше. Он человек деловой и приметит многое из того, чего Даниелю не увидеть. Орни без размышлений

будет понятно, что интересно и что неинтересно Элизе. Он и сам вложил немного денег в проект; если ему понравится увиденное, он посоветует лондонским собратьям сделать то же самое.

Так что Даниелю нет нужды притворяться, будто он смотрит на затею острым взглядом дельца. Он пытается увидеть её своими глазами: глазами натурфилософа. Поэтому его внимание привлекает экспериментальный аспект, то есть неудачи. На земле вокруг валяются обломки Ньюкоменовых паровых котлов. Естественная форма для котла — шар. Зная это, Ньюкомен учился делать большие сферические ёмкости из железа. Как черновая ученическая тетрадь пестрит, страница за страницей, перечёркнутыми выкладками, так здешний берег хранит несмываемую летопись всех прошлых идей Ньюкомена и зримые свидетельства того, в чём именно и насколько безнадёжно они оказались несостоятельны. Ньюкомен не может выковать из железной заготовки огромную бесшовную сферу, поэтому должен склёпывать её из отдельных гнутых листов.

Пятьдесят лет назад Гук собрал искры, выбитые из стали, положил под микроскоп и показал Даниелю, что на самом деле это шарики блестящего металла, вроде железных планет. Даниель думал,

что они сплошные, пока не увидел, что некоторые разорваны внутренним давлением. Искры — не капли, а полые пузырьки расплавленной стали, которые разлетелись и застыли. Лопнувшие немного походили на скрюченные пальцы, немного — на выброшенные морем коряги. Одни неудачные котлы мистера Ньюкомена выглядят, как развороченные искры, что не так с другими — менее очевидно. Они лежат, наполовину уйдя в грунт, словно упавшие с неба метеориты.

Из-под земли появляются рудокопы, говорящие на языке, которого Даниель никогда прежде не слышал: полдюжины корнуолльцев в мокрой чёрной одежде. По спотыкающейся походке видно, что ноги у них промёрзли насквозь и что люди эти работали долго и тяжело. Они берут корзины и усаживаются перед единственным котлом в долине, который и впрямь работает: тем, что приводит в движение машину. Он окружён кирпичной кладкой с отверстием в основании, чтобы подкладывать уголь. Рудокопы стаскивают башмаки и мокрые носки, протягивают ноги к огню, достают из корзин огромные пироги и начинают жадно жевать. Лица у рудокопов чёрные от угольной пыли, гораздо чернее, чем у Даппы. Глаза белые, как звёзды. Одна пара глаз

примечает Даниеля; остальные рудокопы тоже поднимают голову. В какой-то миг Даниель смотрит на них, а они — на него, силясь угадать, кто этот странный гость. Каким он им представляется? На нём длинный шерстяной плащ и вязаная матросская шапочка. Он начал отпускать бороду. Даниель высится над рудокопами в клубах пара. Интересно, понимают ли корнуоллцы, что сидят вокруг адской машины? Он приходит к выводу, что они, вероятно, не глупее других, и отлично знают, что котёл может взорваться, но смирились с этой мыслью и готовы принять её в свою повседневную жизнь в обмен на относительный достаток. Точно так же матрос поднимается на корабль, зная, что тот может утонуть. Даниель подозревает, что в грядущие годы служители технологических искусств ещё не раз поставят перед людьми такой выбор.

Всё началось с того, что к нему вошёл волшебник, и теперь заканчивается тем, что на машине стоит волшебник нового типа. Глядя вниз на паровой котёл, волшебник чувствует себя ангелом или демоном, смотрящим на Землю с Полярной звезды. Наученный прошлыми ошибками, мистер Ньюкомен нашёл определённый метод. В его шедевре швы и ряды клёпок, соединяющие

гнутые листы между собой, расходятся от макушки, как линии долгот. Под котлом бушует огонь, внутри пар под таким давлением, что, не выдержи одна клёпка, Даниеля (как когда-то Дрейка) взорвёт к Богу в рай. Однако этого не происходит. Пар исправно качает воду, а излишки тепла согревают рудокопов. Пока всё работает, как задумано. Когда-нибудь Система даст сбой из-за погрешностей, которые вкрались в неё, несмотря на все усилия Каролины и Даниеля. Может быть, тогда потребуются волшебники нового рода. Но — может быть, потому, что он стар, и потому, что его ждёт шлюпка, — остаётся признать, что какая-никакая система, пусть ущербная и обречённая, лучше, чем вечное барахтанье в ядовитом приливе ртути, из которого всё родилось.

Даниель завершил своё дело.

— Я отправляюсь домой, — говорит он.

Здесь заканчивается «Барочный цикл»

Всё сие я теперь опубликовал не ради общественного блага (ибо не в моих слабых силах ему способствовать), но дабы потрафить брату-книгопродавцу. Прибыль в его ремесле зависит главным образом от числа отпечатанных экземпляров, а век наш стремится более к удовлетворению любопытства, нежели к пользе. Такого рода памфлеты могут расходиться, в то время как творения более глубокие и основательные останутся нераспроданными.

Джон Уилкинс

Благодарности

«БАРОЧНЫЙ ЦИКЛ» был бы немыслим — в самом буквальном смысле слова, — если бы не усилия учёных, путешественников, рассказчиков, поэтов, художников, проповедников, памфлетистов, картографов и переводчиков от эры Уилкинса и Яна Коменского до нынешнего дня. Малая часть их перечислена ниже. Некоторые жили триста лет назад, другие живут сейчас. Мне немного страшно оглашать имена последних, поскольку теперь найти человека куда легче, чем раньше, и я опасаюсь, как бы им не стали докучать. Почти все, способные прочесть трёхтысячестраничный роман, *включая страницы благодарностей,* понимают, что не надо приставать к людям, на них упомянутым, но всегда есть редкие исключения: если вы из их числа, пожалуйста, оставьте этих людей в покое!

Ничто бы не началось, если бы не счастливая случайность: разговор с Джорджем Дайсоном и Стивеном Хорстом. Кардинальные изменения, столь же непредвиденные, были внесены Пирсом Берсил-Холлом, высидевшим безобразно длин-

ную лекцию вашего покорного в Кембридже в 2002 году.

Следующие учёные (в алфавитном порядке) проделали работу, существенную для написания этой книги. Я хочу отдать им должное, хоть и осознаю, что тех из них, кто живёт сейчас и решит прочесть роман, может огорчить моя склонность постоянно злоупотреблять правом автора на художественную вольность. Это Фрэнк Доусон Адамс, Дэвид Андердаун, Джулиан Барбур, Брайан Беван, Питер Л. Бернстейн, Оливье Бернье, Дж. М. Битти, Роджер Ли Браун, сэр Арчибальд Гейки, Давид М. Гитлиц, Генри и Барбара ван дер Зее, Флориан Кайори, Дэвид Кан, Генри Кармен, Джон Мейнард Кейнс, Марк Кишлански, Меир Кон, Гейл Э. Кристиансон, Мария Кролл, Эндрю Лосски, Роберт К. Масси, Николас Мейхью, Бертран Рассел, Х. Стенли Редгроув, Джон Рид, Г. Симмс, Ли Смолин, Уильям Спенсер, Хью Томас, Ричард Уэстфолл, Д. Т. Уайтсайд, Морин Уолтер, А. Руперт Холл, Джон Э. Н. Херси, Барбара Дж. Шапиро, Ганс Георг Шульте-Альберт, Э. Дж. Эйтон, Морис Эшли. Хотя биография Гука, написанная Лайзой Джардин, вышла слишком поздно, чтобы повлиять на проект, её тоже следует упомянуть просто в надежде, что желающие больше узнать об этом

периоде прочтут книгу. А также Карла Циммера с его недавней биографией Томаса Уиллиса и Владимира Арнольда с его работой «Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук».

Здесь нет места, чтобы упомянуть отдельные книги, но для нескольких я сделаю исключение; это «Цивилизация и капитализм» Фернана Броделя, шеститомная биография Мальборо сэра Уинстона Черчилля, невероятное «Путешествие вокруг света» Джованни Франческо Джемелли Карери и все до единого скабрезные, циничные, злобные пасквили, когда-либо написанные Недом Уордом. Я рад, что Нед жил на свете и описал барочную Англию, а ещё больше, что он умер, не успев описать меня.

Очень много дали литераторы — современники описываемых событий: Джон Беньян, Ричард Ф. Бёртон (который хоть и жил позже, но тоже написал много полезного), Даниель Дефо, Джон Ивлин, Джордж Фаркер, Генри Фильдинг, (Достонегоднейший) Джон Холл, Лизелотта, Джон Мильтон, Самюэль Пепис, герцог де Сен-Симон, Жан-Батист Тавернье, Жан де Тевено, Жозеф де ла Вега, Джон Уилкинс, комендант Тауэра Адам Уильямсон и переводчики Женевской Библии. И разумеется, Гук, Ньютон и Лейбниц. Однако

человек с моими слабыми способностями ни бельмеса не понял бы в трудах Лейбница без помощи исследователей, переводчиков, редакторов и составителей, таких как Роберт Меррихью Адамс, Х. Г. Александер, Роджер Эрью, Ричард Франкс, Дэниел Гарбер и Р. С. Вулхауз [31]. То же относится к «Началам Ньютона для простого читателя» Субрахманьяна Чандрасехара.

Некоторый долг в смысле, понятном только романисту, следует отдать покойным Дороти Даннет и Александру Дюма.

Отдельная благодарность спонсорам и сотрудникам музеев, особенно маленьких и необычных. Никого из них я не знаю по фамилиям, но вот некоторые музеи из числа самых интересных: комната Ньютона в Бэбсон-колледже Уэлсли, в Массачусетсе, дом Ньютона в Вулсторпе, музей Карнавале в Париже, музей Английского банка, Гаагский исторический музей, горный музей Верхнего Гарца и горная аптека в Клаусталь-Целлерфельде, музей-шахта в Веттельроде.

Бела и Габриэлла Боллобаши, Дуг Карлстон и

---

[31] Примечания: 31

Здесь переводчик в свою очередь должен упомянуть В. В. Соколова, редактора и составителя русского издания сочинений Лейбница, а также переводчиков Я. М. Боровского, В. Г. Крёбера, В. И. Преображенского, В. И. Свидерского, Г. М. Файбусовича и др.

Томи Пирс, а также Барри Кемп из «Коннел Карз» помогли мне получить доступ в такие места, которых я иначе не увидел бы (Боллобаши), не нашёл бы (Кемп), или в которые не сумел бы попасть (Карлстон и Пирс). Джордж Джусбери, а также Кэтрин и Хьюго Дюранден в трудную минуту приходили на помощь. У Чарльза Макалиса нашлось что сказать по ирландской истории, у остальных членов Клуба исторической книги — по всем прочим темам. Грег Бир одолжил мне две книжки и терпел, когда время их невозврата растянулось на срок, который человек менее благородный расценил бы как воровство (теперь обе возвращены в присутствии многочисленных свидетелей).

Многие другие люди, сознательно или нет, внесли свой вклад в ту среду, в которой оказалось возможно затеять такой проект и не выглядеть при этом окончательно спятившим. Здесь я чувствую искушение перечислить имена многих физиков и математиков. Однако, оберегая их покой и не желая создавать впечатление, будто я хвастаюсь знакомством, я не стану этого делать. Довольно сказать, что у людей из Королевского общества, выведенных на этих страницах, есть много потомков и наследников, способных без

подготовки беседовать на такие темы, как монады, клеточные автоматы, спор о приоритете, абсолютное пространство и время, и что мне выпала честь некоторых из них знать. Они выказывали приятное удивление, узнав, что кто-то и впрямь хочет написать про такое роман, а я, в свою очередь, бывал приятно удивлён, обнаружив, что они готовы тратить своё время на подобные разговоры; итогом стало немало замечательных бесед.

С издательской стороны мне всячески помогали, проявляя нечеловеческое терпение на протяжении семи лет, Дженнифер Херши, Лиз Дархансофф, Дженнифер Брель и Рави Мирчандани.

Джереми Борнстейн, Алви Рей Смит и Лиза Голд прочли почти окончательный вариант книги и сделали ценные замечания. Двое последних вместе с картографом Ником Спрингером участвовали в создании карт, схем и генеалогических деревьев.

Речь лорда Жи в третьей части — честная попытка автора передать шотландский диалект начала восемнадцатого века. Если я напортачил, а вы настолько знаете шотландский, что заметили ошибки и хотели бы ткнуть меня в них носом,

то учтите, что я на четверть Макфейл. Странные вибрации, которые вы ощущали подошвами в последние года два, — это сейсмические возмущения, вызванные тем, что мои предки переворачивались в могилах под Престонпансом и в других местах. Хуже того, последний предводитель клана — очевидно, не сторонник Ганноверов — был в 1715 году выслан в Виргинию, но умер по дороге. Дух его, вероятно, доныне скитается по морям и, скорее всего, не прочь вправить мне мозги. Таким окольным способом я хочу сказать, что прежде, чем высохнут чернила на странице, семья писателя (как нуклеарная, так и расширенная) немало от него натерпится. Им, близким, как всегда, главная моя благодарность.

Нил Стивенсон
Май 2004

Спасибо за выбор нашего издательства!

Поделитесь мнением о только что прочитанной книге.

